GIFT OF
DR. WALTER KOWAL

The Institute of Mediaeval Studies
LIBRARY
Toronto, Ontario

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/chteniiavimperat10impe

XXVII

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

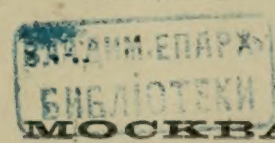
ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Бодянскаго.

1870

Іюль — Сентябрь.

КНИГА ТРЕТЬЯ.


ВЛАДИМ. ЕПАРХ. БИБЛІОТЕКИ

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи на Страстномъ бульварѣ.
1870.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

КНЯЖЕСКАЯ И ДОКНЯЖЕСКАЯ РУСЬ.

Дружина и Князь, Князь и дружина—два понятія, нераздѣльныя въ древней нашей исторіи. Нѣтъ Князя безъ дружины, нѣтъ дружины безъ Князя.

Дружина ищетъ себѣ чести, а Князю славы: такъ говоритъ Слово о полку Игоревѣ, такъ говорятъ сами дружины, и такъ же говорятъ самыя событія. Дружинѣ ласковое слово, дружинѣ пиры, подарки и почетныя мѣста; дружинѣ открыта душа Князя, и дружина кладетъ за Князя свою голову. Тѣснимый врагомъ, Князь переходитъ изъ города въ городъ, изъ одного владѣнія въ другое, дружина не оставляетъ его; теряетъ ли онъ, по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ, одинъ удѣлъ и перебирается въ другой, дружина сопутствуетъ ему. Дружиною крѣпокъ былъ Князь, и Княземъ дружина. «Съ дружиною добуду золото и серебро,» говорилъ Владиміръ Великій, «а дружины не купить за золото.» Для дружины у него еженедѣльно пиръ; дружина—око и дума его: «бѣ бо Володимеръ любя дружину,» говоритъ лѣтопись, и съ нею думая объ устроѣ земнемъ, и о ратѣхъ и о уставѣ земнемъ.» Ѣхалъ Князь къ другому Князю въ гости, съ нимъ была его дружина, или избранные изъ оной, и любовь между Князьями высказывалась ласковымъ, дружескимъ, пріемомъ этимъ неразлучнымъ Княжескимъ думцамъ и стражѣ, и подарками имъ. Самыя существенныя выгоды, ихъ были связаны между собою. Князь пріобрѣталъ удѣлъ—дружинѣ ввѣрялось управленіе имъ. Изъ добычи войны на ея долю доставалась большая, или меньшая, часть. По этому-то мы видимъ слѣды, что дружины сами же возбуждаютъ Князя на войну, счастливый исходъ которой искупался ихъ же кровію, и это онѣ дѣлаютъ въ полной увѣренности, что, при расширеніи собственныхъ вліяній и власти Князя, не забудутъ и ихъ.

Это были собственно дружины Княжескія. До развитія въ Государствѣ, или между нашими Славянскими племенами мысли, о Князѣ, жизнь наша должна была перейти обыкновенный путь всѣхъ

младенчествующихъ народовъ, путь патріархальный, гдѣ весь народъ, разлагаясь на племена, на общины, управлялся въ каждомъ племени, съ особыми каждой общинѣ старѣйшинами, или Боярами. Эти-то старѣйшины должны были имѣть вокругъ себя особую дружину, съ которою они защищали свое племя, или отчину, отъ внѣшнихъ непріятелей. Не вдругъ могъ измѣниться древній порядокъ управленія и жизнь перемѣнить на степень высшую древній, патріархально-правительственный, элементъ, съ своими дружинами перейти во времена историческія. Мысль о правителѣ Князѣ, которая скрывалась началомъ своимъ въ глубинѣ внутренней жизни народа, обнимала ее со всѣхъ сторонъ, не вдругъ могла осуществиться: она должна была бороться съ тѣми началами древней Руси, кои вездѣ болѣе, или менѣе, виднѣлись еще долго послѣ основанія Государства и кои должны были подчиниться ей и мало по малу преображаться въ ней для новой жизни. Не всѣ общины, замѣтимъ при этомъ, въ одно время и въ равномъ объемѣ сознавали мысль о Князѣ, и по этому не во всѣхъ общинахъ съ равной готовностью отдѣляются необходимыя основы для осуществленія сей мысли, хотя всѣ безъ исключенія Князья древнѣйшей исторической Руси являются всюду окруженными болѣе, или менѣе, сильными собственными своими дружинами въ каждой общинѣ, говоримъ мы, замѣтно развитіе двухъ противоположныхъ началъ, изъ коихъ то, или другое, должно было уступить въ борьбѣ: въ однихъ общинахъ брало явный, даже полный, перевѣсъ новое начало, въ другихъ — начало старое. Такъ и въ общинѣ происходитъ борьба между собственными внутренними основами.

Между тѣмъ, разводя дружины по всему Государству, Князья приводили ихъ въ соприкосновеніе съ дружинами мѣстными. Тогда чувство семейной или общинной, племенной самобытности пробуждалось въ послѣднихъ, и завязывалась всюду еще другая, тайная, или явная, борьба, въ особенности по двумъ весьма важнымъ причинамъ. Племена или общины не жили еще общею жизнію; одинъ уже обнималъ бытъ ихъ, но каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ собственныхъ Бояръ — своихъ древнихъ правителей и судей. Общины этѣ хотя были одна за другой покорены, но старые Бояре каждой отдѣльной общины живо помнили то обширное значеніе, которое они имѣли до развитія мысли Княжеской. Со временемъ и послѣ еще основанія Государства они не могли хладнокровно усту-

пить права свои покорствомъ, боролись за нихъ, и самыя общины, которыя должны были поддерживаться, не вдругъ могли довѣриться новой, чуждой имъ по племенному происхожденію, Княжеской дружинѣ. Сверхъ того, Княжеская дружина, добывши страну свою кровію и усиліями, смотрѣла на нее, какъ на свою добычу и, получая отъ Князя надъ нею власть, употребляла эту власть во вредъ новыхъ подданныхъ. Кіевляне жаловались на Тіуновъ дружины Всеволода Черниговскаго: «Ратшаны погуби Кіевъ, а Тудоръ Вышгородъ.» Южныя дружины, приведенныя Ростиславичами въ землю Ростовскую, поставляются въ тѣ же самыя отношенія къ тамошнимъ жителямъ: «Сидящема Ростиславичема въ княженіи земли Ростовской, раздавая посадничество Русскимъ дѣтцкимъ; они же многу тяготу людемъ симъ створиша продажами и вирами.» Самая новая основа каждой общины, изъ которой должна была образоваться Княжеская дружина, не могла не ревновать при Князѣ дружинниковъ пришельцевъ, не могла безъ всякой борьбы, тяжбы, уступить имъ надъ собою верхъ въ общинѣ, тѣмъ болѣе не противодѣйствовать, когда эти дружинники рѣшались во зло пользоваться своимъ верхомъ.

Слѣды этой борьбы между старой родовой и новыми Княжескими дружинами, между старой и новой жизнію, замѣтны по всему періоду Удѣловъ. Картина ея и самый исходъ до чрезвычайности важны и занимательны во всѣхъ отношеніяхъ, и ею же объясняются нѣкоторыя самыя темныя явленія въ нашей исторіи, явленія, которыя, по видимому, противорѣчатъ основнымъ народнымъ понятіямъ, и между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности непосредственно рождаются въ нихъ и знаменуютъ будущій порядокъ дѣлъ.

Княжескія дружины принадлежатъ Князю и, вмѣстѣ съ Княземъ, могутъ составлять опору цѣлаго Государства, всѣхъ нашихъ племенъ; они подвижны до чрезвычайности. Мѣстныя дружины, говоря вообще, составляютъ только опору своему Князю, своей общинѣ, и отдѣльность ихъ полагаетъ преграды къ тому, чтобъ Государство представляло изъ себя цѣлое единое: они ревнуютъ всѣхъ, борются со всѣми, кто хочетъ лишить ихъ стяжаннаго ими значенія въ извѣстной странѣ, или потемнить это значеніе; въ слѣдствіе сего Государство распадается само собою на части, на отдѣльныя общины, въ главѣ которыхъ, когда борьба между Княжескими и мѣстными дружинами уже прекращается, когда мѣст-

ныя дружины сами преобразуются въ дружины Княжескія, не смѣняя, однако жь, ихъ еще вполнѣ, являются Князья.

Укажемъ на главныя точки этой двойной борьбы.

При всемъ желаніи повѣрить и лѣтописцу и нашему великому исторіографу, мы остаемся не удовлетворенными ихъ объясненіями касательно причины смерти Великаго Князя Андрея Боголюбскаго; слишкомъ важно событіе, причины слишкомъ недостаточны и не народны. При томъ было ли это общее неудовольствіе на Андрея, какъ полагаетъ Карамзинъ? Мы утверждаемъ рѣшительно, что нѣтъ.

Обстоятельства, сопровождавшія преступленіе, были, между прочимъ, слѣдующія: убійцы, заграбивши на Княжескомъ дворѣ золото, и каменья дорогіе, и жемчугъ, и всякое узорочье, и до всего любимаго имѣнья, составили совѣтъ, на которомъ обнаружили опасеніе, чтобъ на нихъ не нагрянула дружина Володимерская: «Ци жь да на насъ пріѣдутъ дружина Володимерская;» а по тому, приготовившись къ отпору, вооружились, и собравши дружину свою, послали къ Владимірцамъ сами посла съ словами: «Ти что помышляете на насъ? А хочемъ ся съ вами кончати; не о насъ бо одинѣхъ дума, но и о васъ суть же въ той же думѣ.» На это Володимерцы отвѣчали: «Да кто съ вами въ думѣ, тъй буди вамъ, а намъ не надобѣ.» [1] Изъ этого ясно видно, что Володимерцы не только не участвовали въ преступленіи Боголюбцевъ, но были даже противъ него. Слѣдующія слова лѣтописца, въ коихъ высказывается полная любовь Владимірцевъ къ Андрею и ихъ глубокая скорбь о смерти его, убѣждаютъ насъ въ этомъ вполнѣ :«И створи тако Ѳеодулъ Игуменъ: Святоѣ Богородицѣ Володимерской съ крилошаны и съ Володимерцѣ ѣхаша по Князь во Боголюбое, и вземше тѣло его, привезоша Володимерю со честью, съ плачемъ великимъ. И бысть по малѣ времени, и поча выступати стягъ отъ Боголюбого: и людье не могоша ся ни мало удержати, но вси вопьяхуть; отъ слезъ же не можаху прозрѣти, и вопль далече бѣ слышати. И поча весь народъ, плача, молвити: «Уже ли Кіеву поеха господине, въ ту церковь, тѣми Золотыми вороты, ихъ же дѣлать послалъ бяше той церкви на велицѣмъ дворѣ на Ярославлѣ, а река: Хочю создати церковь таку же, ака же вороти си Золота, да будеть память всему отечьству

[1] Ипатьев. 114.

моему. И тако плакася по нимъ весь градъ.» [2] Изъ этого ясно видно, что Владимірцы не только не участвовали въ убіеніи Андрея, но даже горько сожалѣли о гибели Князя и составляли собой какъ бы грозу для убійцъ.

И такъ причины смерти Андрея, принятыя Карамзинымъ и выставляемыя лѣтописцемъ, сами собой уничтожаются: любовь къ нему Владимірцевъ это доказываетъ. Что Андрей, всегда пылкій и рѣшительный, могъ быть строгъ и внушать тѣмъ противъ себя нерасположаніе нѣкоторыхъ; что это нерасположеніе могло еще между этими нѣкоторыми поддерживаться злоупотребленіями чиновниковъ, противъ этого трудно возражать; но чтобы это было причиною его гибели, этого, послѣ изложеннаго, нельзя допустить. Очевидно, что причина заговора касалась какой-то одной части, а не цѣлаго Княжества, не цѣлой общины. Андрея погубили Ростовцы и Суздальцы, какъ Князя враждебной имъ Владимірской общины, съ которой онъ хотѣлъ стѣснить окончательно самыхъ Ростовцевъ и Суздальцевъ, прежнихъ господъ земли Володимерской. По этому-то Ростовцы, послѣ убіенія Андрея, боятся и не хотятъ брата его, Михаила Георгіевича, а принимаютъ къ себѣ Ярополка Ростиславича, между тѣмъ Владимірцы принимаютъ, съ полнымъ нарушеніемъ правъ Ростовцевъ, Михаила, и борются до послѣднихъ силъ за него противъ Ростовцевъ, которые ни подъ какимъ видомъ не хотятъ, чтобъ Владимірцы имѣли собственнаго своего Князя: «Негодоваша о томъ.» (Ростовцы), говоритъ лѣтописецъ, когда дошли до нихъ вѣсти, что Михаилъ Ростиславичъ, котораго они призывали къ себѣ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, къ Владимірцамъ, бывшимъ дотолѣ подъ ихъ рукою, ѣхалъ къ нимъ на княженіе съ Михаиломъ Георгіевичемъ, братомъ Андрея, предоставивъ сему послѣднему старѣйшинство надъ собою въ управленіи; «и принудили паки Михаила Георгіевича,» не смотря на всю усердность къ нему Владимірцевъ, отказаться отъ старѣйшинства и отъ Владиміра. [3] Такимъ образомъ и въ этотъ разъ побѣда была на ихъ сторонѣ; но они не остановились на ней. Владиміръ, украшенный Боголюбскимъ постройкою великолѣпныхъ храмовъ и избранный симъ Княземъ въ стольный градъ землѣ Ростовской, казался для нихъ невыносимъ, и уничиженіе его было имъ отрада. «Сами Князя

---

[2] Тамъ же 115.

[3] Кенигсберг. 256 и 257.

млада суща, слушаста Бояръ (Ростовскихъ и Суздальскихъ), а Бояре учахутъ на многое иманіе: Святоѣ Богородицѣ Володимерскоѣ золото и серебро взяста, первый день, ключи палатни и церковныи отъяста, и городъ ея и дани, что бяше церкви той далъ Князь Андрей.» [4] Ростовцы говорили, что Владимірцы не достойны имѣть своего Князя, т. е., не могутъ быть самобытными, имѣть собственнаго своего защитника, вождя и покровителя, а что должны управляться чрезъ Посадника. [5]

Призвавъ, однако жь, снова Михаила, Владимірцы успѣли стѣснить враговъ своихъ до того, что Ростиславичи должны были оставить спхъ послѣднихъ и удалиться изъ земли Ростовской: одинъ въ Новгородъ, а другой въ Рязань. Но борьба все таки не прекратилась этимъ; напротивъ, послѣ смерти Михаила она вновь загорается еще съ большей силой. Ростовцы не хотятъ признать своимъ Княземъ Всеволода, другого брата Андрея, призваннаго Владимірцами, а Владимірцы Ростиславича, призваннаго Ростовцами вновь. Итогъ этой борьбы—совершенное пораженіе Владимірцами Ростовцевъ на рѣкѣ Козѣ, близъ Суздаля, и полное торжество первыхъ, такъ что Ростовъ подчиняется съ тѣхъ поръ Владиміру и принимаетъ Князей отъ его рукъ. Чтобъ еще яснѣе представить, что эта борьба между Михаиломъ и Всеволодомъ противъ Ростиславичей была борьбою двухъ основъ,—старой и новой,—я ссылаюсь на слѣдующее сказаніе лѣтописца: «Не противу же Ростиславичема бьяхуся Володимерцы, но не хотяще покоритися Ростовцемъ, зане молвяхутъ: «Пожжемъ и (Володимеръ), и Посадника въ немъ посадимъ: то суть наши холопи каменьницы.» [6] Ожесточеніе Владимірцевъ противъ Ростовцевъ и Суздальцевъ было не менѣе, какъ сихъ послѣднихъ противъ Владимірцевъ: «Бысть мятежь великъ въ городѣ Володимерѣ: всташа Бояре и купцы, рекуще: «Княже! Мы тобѣ добра хочемъ, и за тя головы своя складываемъ, а ты держишь вороги свои просты (Суздальскіе и Ростовскіе Бояре и представители ихъ Князья); а се ворози твои и наши: любо и казни, любо слѣпи, или дай намъ.... и емше Князя Мстислава и Ярополка (Ростиславичей), ослѣпиша.» [7]

---

[4] Тамъ же 258.

[5] Тамъ же.

[6] Тамъ же.

[7] Тамъ же 267 и 268.

Всѣ эти обстоятельства были второю жертвою борьбы, между Ростовцами, Суздальцами и Владимірцами, тогда какъ Андрей Боголюбскій жертвою перваго: оба явленія—плодъ одной и той же причины, породившей вражду между самими Князьями. Какъ Владимірцы, по собственному сознанію, боролись не противъ Ростиславичей, а противъ Ростовскаго и Суздальскаго Боярства, или противъ злоупотребленій со стороны сего послѣдняго, и ослѣпили Ростиславичей такъ прежде того дѣйствовали Ростовцы въ отношеніи Андрея, покровительствовавшаго, очевидно Владимірцамъ, [8] и, губя его, они враждовали не противъ него самаго, а противъ Владимірцевъ, которыхъ онъ былъ представителемъ. Нельзя не обратить при этомъ вниманія на то, что Ростиславцы призвали къ себѣ на престолъ именно тѣхъ Князей (Ростиславичей), которыхъ Андрей выслалъ изъ своего Княжества вмѣстѣ съ старѣйшими Боярами своего отца. Такимъ образомъ будетъ совершенно понятно, что когда древніе Ростовскіе и Суздальскіе старѣйшины, или нѣкоторые изъ нихъ, покусились на страшное злодѣяніе, лишить тайно жизни представителя Владимірцевъ, въ то же время сіи послѣдніе могли горько оплакивать потерю Князя своего и угрожать убійцамъ местію, которой и опасались убійцы и которой съ своими представителями они отчасти въ послѣдствіи и подверглись.

Ростовская и Владимірская система была покорена не ранѣе временъ Владиміра Великаго; но долго и послѣ покоренія она не входила въ непосредственный составъ Государства. Жизнь наша сосредоточивалась долгое время только въ Кіевской и Черниговской системѣ: всѣ остальныя части, не принимая участія въ этой жизни, могли нести однѣ только повинности и платить дань Князьямъ Черниговской, или Кіевской, системы, слѣды чего мы и находимъ въ лѣтописяхъ; однимъ словомъ, были въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Князьямъ сихъ системъ, въ какихъ находились Древляне, Сѣверяне, Радимичи, Вятичи, къ Олегу и Игорю, которые, какъ положительно извѣстно, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи Древлянъ, ограничивали господство свое единственно собираніемъ даней, и до такой степени оставляли безъ вниманія внутреннее управленіе побѣжденной общины,

[8] Андрей первый изъ Князей въ Земляхъ Ростовскихъ и Владимирскихъ избралъ Княжескимъ столомъ Владиміръ; отецъ его жилъ въ Суздалѣ, а дѣдъ посѣщалъ только одинъ Ростовъ.

что не лишили ее даже собственнаго ея Князя. Когда въ общинахъ Черниговской, Полоцкой и Галицкой давно утвердились уже прочно Княжескія вѣтви изъ Кіева, въ Ростовско-Владимірской области не было ни чего подобнаго. Первый самобытный Князь въ этой области является только въ XII столѣтіи, въ лицѣ сына Мономахова, Георгія Долгорукаго, который сосредоточилъ къ себѣ бразды правленія этой, дотолѣ оставленной безъ особаго вниманія, общины; до Георгія же Долгорукаго Ростовско-Владимірскія земли не имѣли самобытныхъ Князей, и Кіевскіе Князья ввѣряли ихъ распоряженію Князей младшихъ, своихъ подручниковъ, не имѣвшихъ самобытнаго характера и жившихъ только временно на Сѣверѣ, или лучше по временамъ только пріѣзжавшихъ туда, слѣдовательно, тѣхъ, которые не могли имѣть самобытнаго вліянія надъ страною. По этому власть Княжеская въ первый разъ начала внутреннее покореніе сей страны только съ Долгорукаго, подчинивъ ее мысли Княжеской, смѣняя мысль Боярскую, которая до того здѣсь господствовала, согласно старинному управленію общинъ Славянскихъ. Но земли Ростовско-Владимірскія представили для этого покоренія и трудную и легкую задачу: они распадались видомъ на двѣ общины: на Ростовско-Суздальскую и на Владимірскую, изъ коихъ первая, уже полуотжившая для старой жизни, полуготовая къ воспріятію новой мысли, еще въ лицѣ старшинъ своихъ, не хотѣвшихъ уступить обширнаго патріархальнаго значенія, напрягала силы свои для поддержанія, сего значенія не согласнаго уже съ новой мыслей жизни; другая, т. е., Владимірская, напротивъ, всѣми элементами своими, подобно системѣ Кіевской, отдавалась всей душой новой жизни. Два совершенно противоположныя начала, при этой сильной мощи общины Владимірской, вели этѣ двѣ общины къ усиленной борьбѣ. Андрей былъ Княземъ общины Владимірской, и, слѣдовательно, врагъ общины Ростовской; сія послѣдняя, уже покоренная Князьми Кіевскими и подчиненная Князю Владимірскому, подобно Древлянамъ, Вятичамъ и другимъ племенамъ, возстала для поддержанія прежнихъ своихъ властителей, старшинъ, и Андрей погибъ въ этомъ возстаніи, какъ погибъ Ярополкъ, Игорь, и другой Игорь; какъ Древляне, Кіевляне и Галичане защищали своихъ властителей, и вызывали противъ властителей новыхъ, такъ дѣйствовали въ настоящемъ случаѣ и Ростовцы.

По этому причины смерти Андрея, такъ же какъ смерти Игоря

вытекали изъ того же основнаго начала, изъ котораго возникла наша удѣльная система, и заключались именно въ стремленіи частей Государства, имѣть собственнаго своего Князя, который бы царилъ надъ ними и въ то же время отталкивалъ бы отъ нихъ, или даже покорялъ, всѣ постороннія стихіи, могущія враждебно соприкасаться къ нимъ. Это основа Удѣла, скажемъ вопреки мнѣнію Г. Соловьева, который, не умѣя помирить этого стремленія частей Государства къ самобытности съ быстрымъ и могучимъ токомъ жизни народной къ единодержавію (объясненіе котораго составляло, какъ это очевидно, главную задачу Князей дома Рюрика), пожертвовалъ историческими истинами, обозначающими періодъ Удѣловъ, обезцвѣтилъ нашу Исторію, заплелъ вымыслами истинную высокую думу ея, и идею единодержавія, которую лелѣялъ народъ въ продолженіи тысячелѣтія, взростилъ и гордился ею, насильственно вырывалъ отъ родной великой семьи Русской, сдѣлая ее плодомъ воли частной а не плодомъ любви народной къ властителю, какъ къ отцу.

По этому-то самому Г. Соловьевъ заплелъ вымыслами и самое убіеніе Андрея, какъ явленіе будто бы противорѣчащее дальнѣйшей исторіи народной, и тотъ быстрый и полный силы потокъ, посреди котораго погибъ Андрей, погибли и другія достойные Князья наши, и которымъ стремились мы прорваться къ единодержавію, этотъ потокъ превращается у него въ поприще разбоя, а иногда даже вольности народной

Но возвращаемся къ нашему предмету. Во всей борьбѣ между Ростовцами и Володимерцами мы замѣчаемъ одно явленіе, которымъ сопутствуются всѣ остальныя: это, какъ мы уже сказали, стремленіе частей имѣть собственнаго Князя. Потеря для части Князя—потеря самобытности: безъ Князя ни Ростовцы, ни Владимірцы не рѣшаются ни на какое рѣшительное предпріятіе. По этому-то Ростовцы настаивали объ удаленіи Михаила изъ Владиміра, а съ торжествомъ Владимірцевъ Ростовцы лишаются своихъ Князей. Владимірцы не возставали противъ Ростовцевъ до тѣхъ поръ, пока не являлись между ними Всеволодъ и Михаилъ, призванные ими съ Юга, а Ростовцы, съ потерею Ростиславичей, противъ Владимірцевъ, и, готовые къ возстанію, они оставались мирными до тѣхъ поръ, пока не успѣли вновь вызвать къ себѣ Ростиславича изъ Новгорода. Сами Ростовцы, желая выразить, что Владимірцы

должны состоять въ полной ихъ зависимости, говорили, что Владимірцы не достойны имѣть своего Князя. Такимъ образомъ та и другая сторона, старая и новая, чувствуютъ полную необходимость въ Князѣ, прислоняются къ нему и защищаютъ имъ права свои собственныя. Важно будетъ также для насъ показаніе лѣтописца, что представителями Ростовцевъ и Суздальцевъ были въ этой борьбѣ Бояре, а другія сословія не питали чувства вражды ни къ Владимірцамъ, ни къ Владимірскимъ Князьямъ; по крайней мѣрѣ, это мы можемъ сказать о Суздальцахъ, которые Михаилу Георгіевичу, послѣ одержанной имъ побѣды надъ Ростиславичами, говорили: «Мы, Княже, на полку томъ съ Мстиславомъ (Ростиславичемъ) не были, были съ нимъ Бояре, а на насъ лиха не держи!» [9] а изъ сего нельзя не заключать, что между горожанами Суздальскими и Суздальскими Боярами прочныхъ связей уже не было. Важно будетъ также здѣсь замѣтить, что Бояре Ростовскіе, или правильнѣе Ростовскіе и Суздальскіе, были вмѣстѣ съ тѣмъ Боярами Владимірскими, т. е., главными правителями Владимірцевъ, такъ что голосъ ихъ рѣшалъ судьбу сихъ послѣднихъ. По этому борьба Владимірцевъ противъ Ростовцевъ была борьбою новой и старой формы жизни Государственной, или лучше, была борьбою переходной изъ формы старойвъ форму новую, обусловленную идеей Князя. Вотъ и самое показаніе по этому предмету лѣтописца; оно говоритъ ясно и отчетливо. «Новгородцы изначала и Смоляне, и вся власти егда на вече сходятся, что старѣйшины сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ; а здѣ городы старые Ростовъ и Суздаль, и всѣ Бояре хотяху свою правду поставити, а не хотяху правды Божіея творити, но како намъ любо, рекоша, тако же створимъ: Володимеръ есть пригородъ нашъ. Противящесь Богу и Пречистой Его Матери, и правдѣ Божіей, слушаху злыхъ человѣкъ развратниковъ, не хотящихъ намъ добра завистію, ни граду сему и живущимъ въ немъ; постави бо прежде градъ сей великій Володимеръ (т. е., Князь), и потомъ Князь Андрей. Сего жъ Михалка избраша Богъ и Святая Богородица; но Ростовцы и Суздальцы, старшіе творящесь, не разумѣша правды Божіея исправити, а новіе людіе Володимерскіе уразумѣвше, яшась по правду крѣпко, и рекоша вси: «Любо Михалка Князя налеземъ (добудемъ) собѣ и брата его, Всеволода, а любо главы своя за Святую

[9] Кенигсберг. 262.

Богородицу и за тые Князи сложемъ.» И утѣши ихъ Богъ и Святая Богородица чудотворная Володимерская; его же бо человѣкъ воспроситъ у Бога всѣмъ сердцемъ, того Богъ его не лишитъ. Отселѣ Володимерцы прославлены Богомъ по всей земли, за ихъ правду Богу, имъ помогающу.» [10]

Такъ кончилась борьба между Владиміромъ и Ростовомъ, и Владиміръ восторжествовалъ, сдѣлавшись мѣстопребываніемъ не только Князей, но Князей Великихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ главою Ростова. Но міръ между двумя враждующими частями, хотя, по видимому, и возстановился, но это только по видимому, а не на самомъ дѣлѣ. Уже ли Бояре Ростовскіе, которые съ такимъ пренебреженіемъ смотрѣли на Владимірцевъ, что называли ихъ своими каменьщиками, не достойными имѣть своего особаго Князя, уже ли эти Бояре, столь гордые, столь надменные, легко могли перенести торжество Владимірцевъ и видѣть ихъ своими господами? Это не въ порядкѣ вещей. И что жь въ дѣйствительности мы замѣчаемъ? Не открывается ли тотчасъ же послѣ смерти Всеволода Георгіевича между Ростовцами и Владимірцами новая вражда? Зная святость отношеній дѣтей къ отцу въ періодъ Удѣловъ, мы никогда не можетъ также объяснить ослушанія, которое оказалъ Константинъ отцу своему, Всеволоду, если только не увидимъ въ этомъ продолженія той же вражды между Ростовцами и Владимірцами. Дѣйствительно, по чему Константинъ не хочетъ уступить Ростова меньшому своему брату, Георгію, а самъ сѣсть на Владимірскій престолъ? По чувству ли властолюбія? Но лѣтописецъ рисуетъ его скорѣе монахомъ, нежели Княземъ властолюбивымъ. По стремленію ли къ единодержавію? Но не онъ ли отдаетъ Суздаль, разбитому имъ и Мстиславомъ, Георгію? Да и не видно слѣдовъ подобной мысли до тѣхъ поръ, пока Москва, сознавъ, не внесла ее въ жизнь Русскаго народа. Кромѣ того, Константинъ, послѣ смерти отца своего и не предпринималъ ни чего важнаго противъ Георгія до тѣхъ поръ, пока не поднялся противъ сего послѣдняго и брата его, Ярослава, Великій Новгородъ, подъ предводительствомъ Мстислава Удалаго; но и тутъ опять въ Константинѣ, или Боярахъ, Ростовцахъ, мы не видимъ слѣдовъ мощи, а, напротивъ, замѣчаемъ какую-то слабость духа, которая вырываетъ у нихъ изъ рукъ мечъ и которая совершенно

[10] Кенигсберг. 261 и 262.

противоположна мощи, съ которою Константинъ отказался исполнить волю отца своего. Поднявшись и соединившись съ Новгородцами противъ Георгія, они готовы были всѣ разбѣжаться предъ страшными полчищами Князя Владимірскаго. [11] Сверхъ того, въ продолженіе всей войны, мы не видимъ, чтобъ одною изъ цѣлей Новгородцевъ было изгнаніе Георгія изъ Владиміра а единственно лишь возстановленіе правъ собственныхъ; слѣдовательно, виды Константина на Владиміръ играли и въ этой войнѣ второстепенную роль; по этому-то посолъ отъ лица всѣхъ Князей, соединенныхъ противъ Георгія, и говорилъ Князю Владимірскому, склоняя его къ миру: «Кланяемъ ти ся: нѣту ны съ тобою обиды, съ Ярославомъ ны обида; пусти мужи мои, Новгородцы и Новоторжци, и что есмь зашьлъ волости нашей Новгородской, Волокъ, въспяти, миръ съ нами възми, а къръстъ съ нами цѣлуй, а крови не проливаима.» Мы не сомнѣваемся, что всѣ эти слова, эти требованія, принадлежатъ Мстиславу, или лучше Новгороду, а не Константину; но изъ нихъ видно, однако жь, что Новгородцы сами вызвали Константина, для своихъ собственныхъ цѣлей, а Константинъ соединился съ ними, желая только воспользоваться этимъ благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, для того, чтобъ стѣснить младшаго брата, Георгія, и что это то намѣреніе Константина было въ причинахъ настоящей войны столь ничтожно, что если бъ Георгій не настаивалъ на своемъ въ отношеніи Новгорода, Новгородцы оставили бы его спокойно княжить во Владимірѣ, а Константинъ, по его собственному сознанію, долженъ былъ возвратиться въ Ростовъ безъ битвы. Слѣдовательно, здѣсь Константинъ не имѣлъ думы о единодержавіи: Константинъ предпочелъ только старый Ростовскій Боярскій строй новому Владимірскому, привязался къ нему душою, напитался Боярскимъ духомъ вражды противъ новыхъ людей, противъ младшей дружины, т. е., противъ Владимірцевъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и противъ отца и брата, къ которымъ присоединились Владимірцы и подъ властію которыхъ они угрожали Ростовскимъ Боярамъ окончательнымъ стѣсненіемъ. По этому здѣсь видна та же вражда Ростовцевъ къ Владимірцамъ, обусловленная желаніемъ уже не господствовать надъ Владимірцами, а единственно лишь имѣть Князя отдѣльнаго, независимаго отъ Владимірцевъ, а по тому Князя старшаго, кото-

[11] Ист. Госуд Россійск., т. III, стр. 157.

раго они и нашли въ Константинополѣ, и котораго легкою думой Ростовскіе Бояре до того завладѣли, что онъ рѣшился ослушаться отца и не хотѣлъ оставлять Ростова. Но этотъ вражда еще не кончится, а снова и страшно разовьется, какъ это мы покажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Теперь ясно для насъ становится, по чему Георгій Долгорукій пріобидѣлъ сына своего, Ростислава, и не далъ ему волости въ своемъ обширномъ Княженіи. Ростовцы хотѣли господствовать надъ всѣмъ и стремились, какъ мы уже видѣли, лишить подчиненныя себѣ части самобытности, которую они болѣе, или менѣе, могли бы пріобрѣсть съ учрежденіемъ особаго Княжества. Эта настойчивость слѣдствіемъ которой было образованіе Владимірскаго Великаго Княженія, господствовавшаго при Михаилѣ и Всеволодѣ надъ Ростовомъ и всеми составными частями его, и гдѣ особенно сосредоточивалась стихія новой жизни; потомъ образованіе Ростовскаго Княженія, подъ сѣнію котораго укрывалась старая стихія Бояре Ростовскіе, и наконецъ при ослабленіи противодѣйствія Ростовцевъ, явленіе другихъ Княжествъ, входившихъ прежде въ составъ области Ростовской, и соединенныхъ между собою въ лицѣ Ростовскихъ Бояръ, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ земель, состоящихъ подъ властію Новгородцевъ и въ послѣдствіи времени у нихъ отнятыхъ частію еще самимъ Всеволодомъ, частію его потомками.

Такимъ образомъ мы не впдимъ слѣдовъ той думы о единодержаніи, которую Г. Соловьевъ; въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «Объ отношеніи Князей Рюрикова дома,» извращая данныя и самый ходъ событій и противорѣча на каждомъ шагу самому себѣ, хочетъ приписать Князьямъ Владимірскимъ XII столѣтія, сбившись преимущественно жалобой Ростислава, что отецъ его, Георгій, не даетъ ему удѣла въ земляхъ своихъ, и еще тѣмъ, что по смерти Георгія одинъ только изъ сыновей его, Андрей, господствовалъ въ ихъ земляхъ, а другія при жизни Андрея были совершенно исключены отъ всякаго участія въ дѣлахъ этой части Руси и не получили себѣ даже ни клочка земли, сбившись, однимъ словомъ, событіями, которыя указываютъ только на исключительный духъ Боярства, противодѣйствовавшаго новой жизни, и на параллельное тому времени стремленіе Владимірцевъ сдѣлать своихъ Князей господами всѣхъ земель Владиміро-Ростовскихъ. Ростовцы съ своими Князьями изгнали въ 1175 году, какъ мы видѣли, Михаила

Георгіевича изъ Владиміра, руководствуясь мыслію, что Владимірцы недостойны имѣть Князя, а должны управляться чрезъ Бояръ Княжескихъ; точно такъ же, въ паралель самой этой мысли, хотѣли и Владимірцы, въ свою очередь, лишить Ростовцевъ имѣть собственнаго Князя, и подчинить ихъ совершенно своему собственному Князю, какъ этого они вполнѣ и достигли при Всеволодѣ III. Правда, въ послѣдствіи Ростовцы и получили себѣ отъ Владимірцевъ Князя особаго, но Князя, который болѣе, или менѣе, долженъ былъ состоять въ зависимости отъ Князя Владимірскаго; однако эта уступка, сдѣлана была уже послѣ усилившагося напряженія, въ которое ставило себя общее стремленіе Бояръ Ростовскихъ и Суздальскихъ подчинить Владиміръ на Клязьмѣ ихъ старому Боярству, послѣ торжества Владимірцевъ, послѣ того, какъ Князь Владимірскій сдѣлался Великимъ Княземъ.

Значеніе Кіева для древней Руси.

Переходимъ на Югъ. Здѣсь на первомъ планѣ является предъ нами Кіевъ. Имя этого города пробуждаетъ какой-то невольный радостный трепетъ, подобный благоговѣйному трепету, который объемлетъ насъ при имени Москвы. Отъ чего это? Рѣдкій можетъ дать въ семъ положительный отчетъ, но, между тѣмъ, каждый убѣжденъ въ справедливости своихъ чувствъ, своихъ внутреннихъ отношеній къ тому, или другому, изъ сихъ городовъ, и, конечно, эти отношенія вылились изъ глубины самой жизни народной.

Долгое время Кіевъ занималъ въ древней исторіи нашей мѣсто, подобное Москвѣ. Какъ въ Москвѣ родилась новая Россія, такъ древняя Русь началомъ своимъ и дальнѣйшимъ развитіемъ, до самаго образованія Владимірскаго Княжества, кроется въ Кіевѣ. Черниговъ, Владиміръ Волынскій, Галичъ, Смоленскъ, самый Полоцкъ, играютъ передъ Кіевомъ второстепенную и третьестепенную роль, хотя всѣ они имѣли собственныхъ Князей своихъ. Когда же и какъ успѣлъ занять подобное положеніе нашъ Кіевъ? Всякое гаданіе въ столь важномъ дѣлѣ будетъ не къ стати. Намъ нужны историческія, положительныя, данныя, и къ нимъ-то мы должны обратиться. Скажутъ, быть можетъ, что столь значительная роль Кіева опредѣляется уже тѣмъ, что онъ былъ столицею древней Руси. Но по чему же опять онъ былъ столицею, когда тогдашняя Русь раз-

бита была на области, системы, и каждая область, система, стремилась замкнуться въ самой себѣ, подробныя доказательства чего мы представимъ ниже? По чему каждый изъ Князей, владѣя отдѣльнымъ Княжествомъ, завистливо смотрѣлъ на Княжество Кіевское? При томъ нужно замѣтить, что столицею Кіевъ въ древности никогда не назывался, да и не былъ, хотя Князь Кіевскій долгое время былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Княземъ Великимъ. По чему же Кіевъ былъ срединнымъ, главнымъ, городомъ древней Руси, при распаденіи ея на удѣлы, при этѣхъ безконечныхъ войнахъ между владѣтельными Князьями? По чему Князь его между всѣми Князьями, которые управляли своими удѣлами самобытно, и даже враждовали противъ Кіева, при этѣхъ безконечныхъ войнахъ между ними и Кіевомъ, по чему Князь Кіевскій долгое время одинъ только носилъ наименованіе Великаго, не смотря на то, былъ ли онъ старшій, или младшій, по тогдашнему понятію о старшинствѣ?

Одной изъ главнѣйшихъ причинъ значенія Кіева въ древней исторіи, это было особенное свойство его родовыхъ или мѣстныхъ дружинъ. Тогда какъ въ Ростовѣ мѣстное дружинное начало, какъ мы видѣли, развертывается для новой жизни медленно и стремится болѣе, или менѣе, подчинить старому порядку вещей самую мысль о Князѣ, въ Кіевѣ, напротивъ, Боярское начало составляетъ основу силы Князя, и является само чрезвычайно подвижнымъ на дѣла многотрудныя и высокія. Самыя отношенія его къ толпѣ народной были совсѣмъ не тѣ, какъ въ Ростовѣ. Толпа народная была совершенно подчинена ему. Правда, и здѣсь нельзя не замѣтить, что эти отношенія были не совершенно прочны, но никогда не порождали, однако жь, они тѣхъ странныхъ кровавыхъ дѣлъ, какія породили они въ землѣ Ростовской. Говоря о жизни области Кіевской, лѣтописецъ передалъ намъ весьма важное въ семъ отношеніи замѣчаніе: «Боярина не всѣ слушаютъ.» Мы знаемъ также, что послѣ разбитія союзныхъ дружинъ Русскихъ Половцами, обнаружилось въ Кіевѣ волненіе, гдѣ Бояре являются въ противодѣйствіи этой тревогѣ, и ихъ нравственная сила надъ возставшими была столь ничтожна, что Изяславъ Ярославичъ не могъ опереться на нихъ и принужденъ былъ оставить Кіевъ. Подобное же безпокойство, и именно съ той же стороны, обнаружилось въ Кіевѣ послѣ смерти сына его, Святополка Изяславича, когда разграблены были дома Тысяцкаго Путяты, Соцкихъ, Жидовъ, и возмущеніе готово было развиться еще бо-

лѣе; но явленіе Владиміра Мономаха предупредило это и успокоило тревогу. Слѣдовательно, и здѣсь былъ какой-то разладъ между Боярами и остальнымъ, собственно городскимъ, народонаселеніемъ Кіевскимъ: но этихъ явленій было немного, и отношенія, какъ мы замѣтили, не были такъ напряженны, какъ во Владимірѣ. Вообще, здѣсь Бояре и народъ въ имени Князя сливались во едино, и первые, при своей чрезвычайной подвижности, составляли сильную опору своимъ Князьямъ. Дружина собственно Княжеская еще существовала въ Кіевѣ долго послѣ основанія Государства, но, при преданности Князьямъ дружины мѣстной, Боярской, несравненно сильнѣйшей, она показывается рѣдко и играетъ роль незамѣтную въ исторіи Кіева; главнѣйшія же силы Кіевскихъ Князей скрываются, какъ мы сказали, въ дружинѣ мѣстной.

Идея Князя даже въ самомъ началѣ зарожденія Государства нераздѣльна съ исторіею Кіева, тогда какъ она въ другихъ частяхъ Государства развилась гораздо позднѣе. Въ самомъ баснословномъ періодѣ, въ періодѣ Варяжскомъ, идея Князя существуетъ, хотя представители ея съ своими дружинами являются еще отдѣльно отъ мѣстной дружины и народа; но жизнь, уже готовая къ преобразованію, быстро уничтожаетъ эту отдѣльность и лелѣетъ сама новую мысль, такъ что можно сказать, что Кіевъ, а съ Кіевомъ всѣ остальныя наши области или системы, имѣли въ Князьяхъ Кіевскихъ Князей родовыхъ, Славянскихъ, а не Варяжскихъ. Если мы не будемъ видѣть въ Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ своихъ родовыхъ Славянскихъ Князей, то мы должны, по крайней мѣрѣ, согласиться, что Владиміръ Великій былъ уже Князь Кіевскій, Славянскій, въ полномъ значеніи этого слова. Стихія Варяжская, если она первоначально и была одною изъ главныхъ основъ дружинъ Княжескихъ, при Владимірѣ исчезаетъ изъ нашей исторіи, какъ стихія основная, и всѣ покоренія, сдѣланныя Владиміромъ и его племянниками, сдѣланы Князьями не Варяжскими, [12] а Князьями Кіевскими, и Кіевскими дружинами, а не Варяжскими. Но какія же это были покоренія!—Всей древней Руси, за исключеніемъ Новгорода и темной

[12] Если Владиміръ избралъ изъ Варяжской дружины, приведенной имъ противъ Ярополка, лучшихъ и смышленыхъ, однако жь эти лучшіе и смышленые входили у него въ составъ дружины младшей; по крайней мѣрѣ, полководцы Владиміра, о коихъ упоминается въ лѣтописи, были Славяне, какъ это показываютъ ихъ имена (Добрыня, Волчій Хвостъ).

земли Древлянской. Мало того, не были ли подчинены Князьямъ Кіевскимъ и самые Новгородцы съ Древлянами, также южными дружинами, при содѣйствіи лишь Варяговъ-Славянъ, какъ при содѣйствіи ихъ, или при содѣйствіи Половцевъ, Князья наши прокладывали себѣ путь, уже въ послѣдствіи, къ родовымъ своимъ престоламъ?....

Сказанія лѣтописца о пространствѣ владѣній Рюрика, объ отношеніяхъ его къ различнымъ частямъ Государства, такъ кратки, такъ темны, что изъ нихъ по настоящему предмету ни чего положительнаго нельзя вывести. Новгородцы, съ сосѣдними племенами призываютъ Рюрика, и въ Новгородѣ менѣе, чѣмъ гдѣ ни будь, замѣтно развитіе идеи Княжеской. Уже Олегъ оставляетъ Новгородъ, хотя на условіи, чтобъ, «мира дѣля,» Новгородцы платили ему по 400-ка гривенъ, и идетъ въ Кіевъ, какъ будто бы въ свой родовой городъ, по тому что достаточно было ему убить Аскольда и Дира, завладѣвшихъ Кіевомъ, чтобъ покойно, безъ всякой борьбы со стороны Кіевлянъ, сѣсть, съ малолѣтнимъ Игоремъ, на престолѣ Кіевскомъ.

Лѣтописецъ говоритъ, что Рюрикъ разослалъ правителей своихъ въ Ростовъ, Полоцкъ и другіе города; но онъ не передаетъ намъ ни какихъ свѣдѣній о томъ, въ какой зависимости этѣ главныя общины города состояли отъ Рюрика, и не дѣлаетъ ни какого прямаго указанія на то, что эти два города принадлежали преемнику Рюрика, Олегу; между тѣмъ мы видимъ Полоцкъ съ его землями даже по смерти Святослава городомъ, независимымъ отъ Кіева, имѣвшимъ во главѣ своей какихъ-то двухъ Князей, пришедшихъ изъ за-моря. [13] Такъ же невѣрно, или, по крайней мѣрѣ, совершенно темно, показаніе лѣтописца и относительно управленія Ростовскихъ земель чрезъ мужей, присланныхъ Рюрикомъ, или касательно зависимости ихъ отъ преемниковъ перваго Князя. При раздѣлѣ между сыновьями Святослава земель Русскихъ не упоминается также о Ростовѣ, или вообще о нашихъ Сѣверо-восточныхъ областяхъ. При томъ, если Ростовская система была въ зависимости отъ Рюрика, то движеніе Олега со всѣми силами на Югъ для того, чтобъ сѣсть въ Кіевѣ и бросить совершенно Ростовъ, будетъ для насъ загадкой, тѣмъ болѣе, что, пользуясь удаленіемъ Олега на Югъ,

[13] Кенигсб.

область эта могла бы легко сбросить съ себя Варяжскую зависимость, и, при своей невосприимчивости къ идеи Князя, замѣтной, какъ мы выше объяснили, даже въ позднѣйшее время, непремѣнно сбросила бы ее; но объ этой борьбѣ и о причинахъ удаленія Олега съ Сѣвера нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ, равно какъ нѣтъ и малѣйшихъ слѣдовъ и о зависимости Ростова, зависимости, даже подобной той, въ которой находился къ Олегу Новгородъ. Правда, въ договорѣ Олега съ Греками упоминается объ Ростовѣ, какъ городѣ, принадлежащемъ будто бы Кіевскому Князю; но, во первыхъ, договоръ сей составляетъ предметъ весьма темный въ нашей исторіи; во вторыхъ, въ этомъ же договорѣ упоминается и о Полоцкѣ, который, какъ выше замѣчено, оставался независимымъ и при Святославѣ; слѣдовательно, мы имѣемъ полное право не довѣрять сдѣланному въ семъ договорѣ указанію и относительно Ростова, особливо если другія данныя не только не подтверждаютъ этого указанія, а, напротивъ, ведутъ насъ къ совершенно другому заключенію. Въ первый разъ Ростовская земля является, какъ земля, подвластная Кіевскимъ Князьямъ, уже при Ярославѣ Великомъ; обращая же вниманіе на переданное намъ лѣтописцемъ сказаніе, что Владиміръ на Клязьмѣ, городъ, который сосредоточивалъ въ себѣ новое начало всей Сѣверной Руси, былъ основанъ отцомъ Ярослава, мы должны, кажется, признать, что Владиміръ Великій былъ первый обладатель земли Ростовской, и что подчиненіе имъ этой страны сдѣлано было во время похода его противъ Волжскихъ Болгаръ. Полоцкъ, правда, взятъ былъ первоначально не Кіевскою дружиною, но первое занятіе не упрочило его, однако жь, ни сколько за Кіевомъ, да и Кіевскіе Князья не разъ должны были подымать оружіе, чтобъ удержать систему въ большей, или меньшей, отъ себя зависимости. Нельзя, сверхъ того, не замѣтить еще здѣсь, что разсказъ лѣтописца о занятіи Новгородцами Полоцка носитъ на себѣ печать сказки. Новгородцы, если они и покорили Рогволода, дѣйствовали въ семъ случаѣ, конечно, не подъ вліяніемъ чувства Владиміра, оскорбленнаго будто бы словами дочери Рогвольда: «Не хочу разути рабычича,» какъ утверждаетъ это лѣтописецъ, а подъ вліяніемъ какихъ ни будь ихъ личныхъ побужденій, о которыхъ лѣтописецъ, однако жь, не говоритъ ни слова. Странно опять, отъ чего Новгородцы не сохранили надъ Полоцкомъ ни какого вліянія, если они покорили его, тогда какъ, напротивъ, положительно видно,

что Полоцкъ былъ въ зависимости отъ Кіева, а Туровъ даже собственностію Кіева? Самыя завоеванія Олега, Игоря и Ольги заключались собственно въ удачныхъ походахъ, и только Древлянъ, раздражившихъ ихъ своимъ сопротивленіемъ и убіеніемъ Игоря, можно къ этому времени считать окончательно покореннымп Кіеву. Предѣлы Государства даже и въ княженіе Святослава не были такъ обширны, какъ мы, подъ вліяніемъ Карамзина, обыкновенно это себѣ представляемъ: дѣти Святослава княжили только въ Кіевѣ и въ землѣ Древлянской, которые мы и должны, по этому, считать за основное владѣніе самаго Святослава. О принадлежности ему Полоцкой и Ростовской земель или системъ мы не находимъ въ лѣтописцѣ даже ни полъ слова. Новгородъ, и по собственной своей жизни, и по взгляду на него Князей нашихъ, составлялъ и тогда что-то отдѣльное, какъ это ясно видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописца, подтвержденіемъ которыхъ служитъ вся дальнѣйшая исторія этой общины: «Святославъ посади Ярополка въ Кіевѣ, а Олега въ Деревѣхъ Въ се же время придоша людье Ноугородстіи, просяще Князя собѣ: «Аще не поидете къ намъ, то налѣземъ Князя собѣ.» И рече къ нимъ Святославъ: «Абы пошелъ кто къ вамъ.» И отрекся Ярополкъ и Олегъ. И рече Добрыня: «Просите Володимера!» (Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины, сестра же бѣ Добрыня, отецъ же бѣ има Малкъ Любечанинъ; бѣ Добрыня уй Володимеру). И рѣша Ноугородьци Святославу: «Въдай ны Володимера!» Онъ же рече имъ: «Вото вы есть!» Сѣверяне, Радимичи и Вятичи, даже къ концу княженія Святослава сохраняютъ самобытность свою, и борьба съ ними, какъ мы видѣли выше, продолжается еще и при Владимірѣ; о Галичѣ, или Перемышлѣ и Червенѣ, еще и помину нѣтъ при Святославѣ. Такъ обширность владѣній Святослава была только мнимая: онъ управлялъ только Кіевомъ, гдѣ сосредоточиваются всѣ силы Святослава, и землею Древлянскою, порабощенною имъ и его матерью, Ольгой; остальныя же части, если и завпсѣли отъ него, то зависимость эта была спорная и опредѣлялась одними данями. Слѣдовательно, подчиненіе Кіеву всѣхъ Славянскихъ племенъ, входившихъ въ составъ древней Руси, за исключеніемъ одной лишь Новгородской системы, совершилось не ранѣе Владиміра, и какъ Владиміра и его преемниковъ окружаетъ уже не Варяжская, а Кіевская, дружина, что мы доказали уже, то по этому подчиненіе нашихъ Славянскихъ племенъ власти Кіевскихъ Князей совершено было сею послѣднею.

Вотъ одно изъ тѣхъ обширныхъ значеній, которое имѣла дружина Кіевская въ отношеніи другихъ частей древней Руси. Послѣ сего первенство Кіева въ земляхъ Русскихъ дѣлается яснымъ.

Мысль объ этомъ первенствѣ жила долгое время между самими Кіевлянами и въ жизни всего народа Русскаго. Не даромъ лѣтописецъ передаетъ намъ два преданія о величіи Кіева. «Видите горы сія (говорилъ, по его разсказу, Апостолъ Андрей, указывая на горы Кіевскія) яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ въздвигнути,» [14] и, въ ознаменованіе будущаго величія Кіева, водрузилъ на мѣстѣ его крестъ. Даже самъ Олегъ, по сказанію лѣтописца, смотрѣлъ на Кіевъ, какъ на мать градовъ Русскихъ: «Се буди мати градомъ Русскимъ.» [15] Владиміръ Мономахъ шелъ уже съ союзными дружинами къ Кіеву, противъ Святополка, но мечъ выпалъ изъ рукъ его, когда Кіевляне, умоляя, напомнили ему, что, воюя противъ Кіева, онъ воюетъ противъ предковъ своихъ, которые не губили земель Кіевскихъ, а хранили и подвизались за нихъ: «Молимся, Княже, тобѣ и братома твоима: не мозите погубити Руськыѣ земли: аще бо възмете рать межю собою, поганіи имуть радоватися, и возмуть землю нашу, юже бѣша стяжали отци и дѣди ваши трудомъ великимъ и храбрьствомъ, поборяюще по Руськѣй земли, ины земли пріискываху; а вы хочете погубити землю Руьскую.» [16] Кіевская дружина, по выраженію Святополка и Владиміра Мономаха, была дружиною трехъ сыновей Ярослава, [17] княжившихъ почти надъ всѣми нашими Славянскими племенами. Андрей Боголюбскій, княжа во Владимірѣ, не оставлялъ его для Кіева; не разъ, однако жь, я думаю, леталъ душой надъ родными землями Кіевскими: онъ смотрѣлъ на Кіевъ, какъ на мѣсто родины своей, какъ на свое отечество, и, возвеличивая его, онъ думалъ возвеличить свое отечество: «И поча весь народъ, плача, молвити (увидѣвши погребальное шествіе съ прахомъ Андрея): «Уже ли Кіеву поѣха, Господине, въ ту церковь, тѣми Золотыми вороты, ихъ же дѣлать послалъ бяше той церкви на велицѣмъ дворѣ на Ярославлѣ,

---

[14] Лаврентьев. 4.
[15] Тамъ же 10.
[16] Тамъ же 112.
[17] Кенигсберг. 142.

а река: «Хочю создати церковь такъ же, ака же ворота си Золота, да будеть память всему отечьству моему.» [18] Весь этотъ разсказъ лѣтописца дышетъ любовію Андрея къ Кіеву и живымъ воспоминаніемъ о родныхъ земляхъ Кіевскихъ. Такъ же смотрѣли на Кіевъ и другіе Князья наши, никогда не княжившіе въ немъ, и строили въ немъ храмы, дѣлали вклады, и желали, чтобъ прахъ ихъ былъ похороненъ въ Кіевѣ.

Не одному ли Кіеву, съ его областію, опять принадлежало первоначально наименованіе Руси? Да, подъ этимъ наименованіемъ, даже во времена чисто историческія, какъ отдѣльная область, разумѣются лѣтописцами единственно земли Кіевскія, а другія части носятъ у нихъ свои особыя названія, преимущественно по городамъ, какъ, на примѣръ, Ростовъ, Галичъ, Новгородъ и т. п. Кто только читалъ наши лѣтописи, для того показаніе наше имѣетъ всю историческую истину; для тѣхъ же, кому онѣ не совершенно знакомы, мы приведемъ, въ подтвержденіе, нѣсколько данныхъ. Георгій княжилъ во Владиміро-Ростовскихъ земляхъ, а одинъ изъ сыновей его имѣлъ небольшой удѣлъ въ Кіевской области, изъ котораго потомъ былъ изгнанъ. Это изгнаніе своего сына изъ земель Кіевскихъ Георгій назвалъ изгнаніемъ изъ Руси. Георгій, пожалѣвъ о позоръ сына своего, сказалъ: «Тако ли мнѣ части нѣту въ Руской земли, и моимъ дѣтемъ?» и пр. Самъ сынъ Георгія (1149 г.), объясняя отцу своему, что къ нему расположена Кіевская земля, говорилъ ему: «Слышалъ есмь, оже хощеть тебе вся Руская земля и Черныи Клобуки.» [19] Подъ 1152-мъ годомъ, объясняя возвращеніе Изяслава съ своими дружинами изъ земель Галицкихъ, лѣтописецъ говоритъ: «Король у свою землю иде, въ Угры, а Изяславъ у Рускую землю въ область Кіевскую.» [20] При описаніи спора, возникшаго въ 1183 между однимъ изъ Князей Кіевскихъ земель и другимъ изъ земель Черниговскихъ, лѣтописецъ отличаетъ перваго именемъ Рускаго Князя: «Володимеръ же Глѣбовичь (Кіевской области) посла ко Игореви, прося у него ѣздити напередп полкомъ своимъ; Князѣ бо Русціи удалѣ бяхуть напереди ѣздити въ Рускоі земли; Игорь же (Новгородсѣверскій) не да ему того.» [21] Новгородскій лѣтописецъ подъ 1177 годомъ отли-

[18] Ипатьев. 115.
[19] Ипатьев. 41.
[20] Тамъ же 69.
[21] Ипат. 127.

чаетъ также земли Владиміро-Ростовскія отъ Руси: «Въ то же время слѣпленъ бысть Мьстиславъ Князь съ братомъ Ярополкомъ отъ стрыя своего, Всеволода (Владиміро-Ростовскаго Князя), и пусти я въ Русь;» [22] а подъ 1180 и 1181 годами онъ объясняетъ, что подъ словомъ Русь имъ разумѣются земли Кіевскія: «Послаша Новгородьци къ Святославу (Кіевскому) въ Русь по сынъ.... показаша путь Володимеру Святославицю, и иде къ отцю въ Русь,» [23] т. е., въ Кіевъ, гдѣ княжилъ въ то время отецъ его, Святославъ. Подъ 1178 годомъ, описывая отъѣздъ Мстислава Ростиславича изъ Кіевскихъ земель въ Новгородъ, лѣтописецъ замѣчаетъ, что онъ: «се положи на умѣ своемъ: «Аще Богъ приведеть мя сдорового дни сія, то не могу ни како же Руской землѣ забыти.» [24]

Число мѣстныхъ дружинъ простиралось до нѣсколькихъ тысячъ. Въ княженіе Андрея Боголюбскаго, на прим., системы: Новгородская, Владиміро-Ростовская и Рязанско-Муромская, для одного похода противъ Кіева (1174 г.), могли выставить 50 тысячъ войска, [25] но это было, конечно, далеко еще не всѣ силы ихъ; между тѣмъ, имѣя въ виду, что Тысяцкіе находились только въ главнѣйшихъ городахъ, или въ собственно, такъ называемыхъ, городахъ, слѣдовательно, въ главѣ этой огромной арміи могло быть не болѣе 6-и, или 7-ми, Тысяцкихъ, т. е., Новгородскій, Псковскій, Торжковскій, Ростовскій, Суздальскій, Муромскій, Рязанскій и, быть можетъ, Владимірскій, такъ что на каждаго Тысяцкаго круглымъ счетомъ приходилось болѣе 7 тысячъ человѣкъ. Правда, мы не принимаемъ въ семъ случаѣ въ расчетъ дружинъ собственно Княжескихъ, входившихъ также въ составъ помянутыхъ 50 тысячъ; но предположа даже (чего, послѣ сдѣланныхъ нами замѣчаній о Княжескихъ дружинахъ, нельзя допустить), что половина этого войска состояла изъ Княжескихъ дружинъ, то и въ такомъ случаѣ подъ начальствомъ каждаго Тысяцкаго было болѣе 3 тысячъ. О мѣстныхъ и Княжескихъ дружинахъ Черниговской, Полоцкой и Галицкой системъ, мы хотя не имѣемъ подобнаго рода свѣдѣній, но, обращая вниманіе на сопротивленія, которыя они оказывали въ разныя

---

[22] Нов. 16.
[23] Тамъ же 17 и 18.
[24] Ипат. 120.
[25] Тамъ же 109.

поры Кіеву, должно предполагать, что ихъ дружины были тоже, по тогдашнему времени, весьма значительны. Въ числѣ 9000 Полоцкой дружины, погибшей въ 1106 году въ битвѣ съ Змѣголою, [26] послѣ замѣчаній, сдѣланныхъ уже нами, а также изложенныхъ ниже, было, безъ всякаго сомнѣнія, немного собственно Княжескихъ дружинъ. То же, кажется, мы должны сказать и о трехтысячной дружинѣ, которую Святославъ Черниговскій наскоро, въ 1067 году, собралъ противъ Половцевъ. [27] При семъ нужно замѣтить, что, кромѣ постоянной дружины, готовой во всякое время стать подъ оружіе и двигаться, по требованію чрезвычайныхъ обстоятельствъ, изъ одного мѣста въ другое, системы имѣли своихъ защитниковъ въ городскихъ обывателяхъ. Объ этѣхъ особаго рода дружинахъ, рѣдко выступавшихъ за извѣстные предѣлы, упоминается неоднократно въ лѣтописяхъ, и хотя цифрою нигдѣ не опредѣляется ихъ сила, но отъ нихъ, однако жь, много зависѣлъ ходъ оборонительной а иногда даже и наступательной, войны. Во время княженія Всеволода Ольговича мы видимъ, на прим., что этѣ особаго рода дружины бились отчаянно, и отстояли Звенигородъ противъ соединенныхъ силъ Князя Кіевскаго; [28] въ борьбѣ Изяслава Мстиславича, противъ Князей Черниговскихъ и Долгорукаго, этѣ особаго рода дружины играли также важную роль и содѣйствовали, какъ нельзя болѣе, къ успѣшнѣйшему окончанію этой борьбы. [29] Во Владимірѣ

---

[26] Лаврент. 120.

[27] Кенигсб. 119.

[28] Ипат. 21—22. Всеволодъ (1146 г.) съвкупи братью свою.... а со Игоремъ иде... и съ Давидовычема, и съ Володимеромъ, съ Вячеславомъ Володимеричемъ, Изяславъ и Ростиславъ Мьстиславлича, сыновчя его, и Святослава поя, сына своего, и Болеслава, Лядьскаго Князя, зятя своего, и Половцѣ дикѣи вси, и бысть многое множество вой, идоша... на Володимирка... идяху на коняхъ и на санехъ къ городу, и пожгоша около его острѣгъ первый день, а въторый день створиша вѣче Звенигородьци, хотячеся передати. И бѣ у нихъ Воевода, Володимирь мужь, Иванъ Халдѣевичъ, и загрози имъ. И начаша ся Звенигородьци оттолѣ бити безъ льсти. Видѣвъ же то Всеволодъ, нача доспѣвати, яко взяти городъ; въ третій же день приступиша вси вои ко граду, по зорямъ бишася до поздноѣ вечернѣ, и зажгоша городъ въ трехъ мѣстехъ; гражане же, Божіею помощію, угасиша. Богъ же и Святая Богородица избави городъ отъ лютыя рати.

[29] Самое убіеніе Игоря, о чемъ говорится ниже, совершено было толпою, къ которой сія дружина непосредственно примыкала. Эту-то дружину Изяславъ вызывалъ къ наступательной войнѣ противъ Георгія, и она, отказавшись, подъ

на Клязьмѣ, послѣ смерти Андрея Боголюбскаго, онѣ однѣ, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, могли биться за Михаила Георгіевича, противъ соединенныхъ силъ земель Ростовской, Суздальской, Муромской и Рязанской. [30]

Такимъ образомъ мѣстныя дружины были несравненно многочисленнѣе и сильнѣе, нежели собственныя дружины Княжескія. Этотъ выводъ, основанный на положительныхъ данныхъ, подтверждается и другими данными. Вездѣ, гдѣ собственныя Княжескія дружины ставились во враждебныя отношенія къ дружинамъ мѣстнымъ, тамъ послѣднія почти безъ всякой борьбы одерживали верхъ надъ первыми, въ особенности же если ихъ сторону принималъ Князь, даже младшій, и присоединялъ къ нимъ свою дружину. Новгородская исторія представляетъ много подобныхъ примѣровъ; здѣсь Княжеская дружина даже была, какъ мы уже сказали, почти незамѣтна посреди дружины мѣстной. То же почти можно сказать и о собственныхъ дружинахъ Полоцкой и другихъ системъ Пользуясь, на прим., расположеніемъ къ себѣ Дрючанъ и Полочанъ, Князь Рогволодъ явился посреди земель Полоцкихъ съ отрядомъ дружины Черниговской, и заставилъ Глѣба Ростиславича, опиравшагося единственно на свои собственныя дружины, уступить ему безъ всякаго сопротивленія Дрюцкъ, а потомъ и главный престолъ Полоцкой системы, т. е., самый Полоцкъ. [31] Точно такимъ же образомъ собственная дружина не могла поддерживать Ярополка Мстиславича противъ Василька, котораго искали и поддерживали Полочане (1132 г.), и онъ долженъ былъ безъ боя оставить Полоцкъ, въ пользу сего послѣдняго. [32] Игорь Ольговичъ и братъ его, Святославъ

предлогомъ весьма уважительнымъ, бороться съ сыномъ Мономаха, образовала огромныя войска поголовнымъ ополченіемъ въ Кіевѣ, когда оружіе должно было обратиться противъ Черниговской системы.

[30] Дружина вся, видѣвше Князя Ярополка, цѣлованіе, и утвердився крестнымъ цѣлованіемъ, ѣхаша съ нимъ къ Володимеру на Михаила. Михалко же затворися во градѣ, не сущимъ Володимерцомъ Володимерѣ: ѣхаше бяху по повелѣнію Ростовцевъ противу Князема съ полторы тысячи.... и пріѣхаша со всею силою Ростовскія земли на Михалка къ Володимеру. Много же Ростовцы зла сотвориша; приведоша бо Муромцы и Рязанцы, и пожгоша все около города, и стояша около города седмь недѣль. Володимерцы же бояхуся изъ города. Кенигсб. 257.

[31] Ипат. 82 и 83.

[32] Лавр 132. Полочане же рекше: «Липается насъ,» и выгнаша Святополка, а Василька посадиша Святославича.

должны были (1146 г.) спасаться бѣгствомъ съ своими дружинами изъ Кіева, когда мѣстныя дружины Кіевской системы, желая видѣть Изяслава наслѣдникомъ отцовскаго престола, поднялись за него, какъ за своего родоваго Князя, при чемъ перваго собственныя дружины не могли даже спасти отъ позорнаго плѣна.[33] Эти и подобные имъ примѣры ясно говорятъ, что собственныя дружины Князей были малочисленны, и по тому, не смотря на свою привязанность къ Князю, не смотря на храбрость свою, не могли выдержать сами по себѣ сколько ни будь дѣльной битвы: вся сила Князей заключалась въ дружинахъ мѣстныхъ и въ преданности ихъ къ нимъ. Отсюда мы выводимъ положеніе участія душевнаго; тамъ сраженіе для Князя потеряно, гдѣ нѣтъ этого участія, какъ на прим., оно потеряно было для Изяслава подъ Переяславомъ,[34] или для его брата, Ростислава, противъ Черниговскихъ Князей,[35] или же для Святополка, Михаила и Владиміра Мономаха, противъ Половцевъ.[36] Мало того, мѣстныя дружины даже не дерутся за Князя пришельца, котораго они, по необходимости, было приняли, или еще болѣе, обращаютъ противъ него оружіе, ежели только является къ нимъ желанный Князь, или имѣющій большее право надъ ними господствовать, какъ это сдѣлали Кіевляне съ Игоремъ и Святославомъ Игоревичами,[37] и потомъ съ Изяславомъ Давыдовичемъ, или Владимірцы съ Ростиславичами, при приближеніи къ первымъ Изяслава и Георгія, а ко вторымъ Михаила Георгіевича. Важныя въ семъ отношеніи данныя представляетъ исторія Владиміра Волынскаго. Изъ всего видно, что Княжество это находилось

---

[33] Ипат. 24. Это событіе изложено ниже со всею подробностію.

[34] Видно изъ всего, что часть дружинъ Кіевскихъ неохотно поддерживала первоначально войну противъ Георгія. Извѣстно, что городская Кіевская дружина отказывалась поднять оружіе противъ сына Мономаха. Переясловцы еще болѣе того не чужды были мысли имѣть Георгія Княземъ своимъ. Въ самомъ духовенствѣ, имѣвшемъ въ то время немалое вліяніе на направленіе мыслей, замѣтно желаніе не допустить Изяслава до битвы съ дядей.

[35] Ростиславъ далъ Черниговскимъ Князьямъ битву противъ желанія нѣкоторыхъ Кіевлянъ и въ то время, когда онъ самъ, какъ выражается лѣтописецъ, не утвердился въ имѣніи другихъ.

[36] Между дружинами, выступившими противъ Половцевъ, былъ разладъ: одни полагали ударить на непріятеля, другія остаться за рѣкой и только угрожать нападеніемъ: Великій Князь принялъ совѣтъ первыхъ.

[37] Эти отношенія объяснены ниже.

къ Кіеву почти въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ находились пригороды къ городу, и дѣйствовало долгое время согласно съ волею Кіева, такъ что назначаемые въ него Князья въ своихъ противодѣйствіяхъ Кіеву или вовсе не находили отвѣта между Волынцами, или отвѣтъ весьма слабый, и по этому Князья Кіевскіе располагали долго этимъ престоломъ по своей волѣ. Такъ, на прим., Ярополкъ Изяславичъ рѣшился дѣйствовать противъ Кіева, но Волинцы не оказали ни малѣйшаго сопротивленія Мономаху, посланному предупредить Ярополка, въ его непріязненномъ движеніи, и Ярополкъ, конечно, предугадавъ подобную развязку, долженъ былъ бѣжать, а собственная его дружина сдаться Мономаху безъ боя. [38] Въ тѣ же отношенія ставили себя Волинцы къ Давиду Игоревичу и Ярославу, во время вражды ихъ противъ Кіева. Такимъ образомъ все убѣждаетъ насъ, что Мстиславъ одержалъ побѣду надъ Ярославомъ совершенно при подобныхъ же условіяхъ, при какихъ Михаилъ и Всеволодъ Георгіевичи одержали надъ Ростиславичами: послѣднихъ, т. е., Всеволода и Михаила поддерживала вражда Владимірцевъ противъ Ростовцевъ, а Мстислава—стремленіе Черниговцевъ сбросить съ себя владычество Кіевлянъ. Развязка борьбы Ярослава съ Мстиславомъ служитъ новымъ тому доказательствомъ: Мстиславъ побѣдитель не ищетъ Кіева, а довольствуется самобытностію Черниговскаго Княжества. Но вотъ и еще одно новое доказательство: Изъ сказаній лѣтописца нигдѣ не видать, чтобъ Тьмутаракань, это маленькое Княжество, или при Ярославѣ, или послѣ него, принадлежало Кіеву, какъ законное его владѣніе, а, напротивъ, видно, что Черниговъ имѣлъ постоянно на него свои притязанія. Святославъ Черниговскій притязалъ, и силой посадилъ тамъ сына своего, Глѣба, хотя другой Князь, обдѣленный соперникъ Глѣба, по удаленіи Святослава, успѣлъ, съ своею дружиною, изгнать его оттуда. Другіе дѣти Святослава, послѣ его смерти, долгое время княжили также въ Тьмутаракани, и при томъ одинъ изъ нихъ явно противъ желанія Кіева. Въ самомъ Словѣ о полку Игоревѣ проглядываетъ также притязаніе Князей Черниговской системы на Тьмутараканское Княжество: это, по сознанію пѣвца XII столѣтія, было одною изъ побудительныхъ причинъ Иго-

[38] Лаврент. 88.

рева похода на Половцевъ. [39] Если Тьмутаракань составляла собственно достояніе Черниговской системы, то Славянская дружина, окружавшая Мстислава, Князя Тьмутараканскаго, могла быть собрана въ ней же, и эта-то дружина могла указать ему на Черниговъ, какъ на срединный городъ, который, съ подвластными ему, желаетъ видѣть его своимъ Княземъ, для того чтобъ сбросить съ себя опеку Кіева. По этому, самыя слова Мстислава, коими онъ выразилъ радость, что дружина его цѣла, а пали, съ его стороны, одни только Сѣверяне, имѣютъ совершенно другой смыслъ, нежели какой можно было придать имъ съ перваго раза: они указываютъ только на отдѣльность Княжеской дружины, на особую любовь его къ ней, и ни мало не указываютъ на ненависть его къ Сѣверянамъ. Да и могъ ли онъ ненавидѣть ихъ, когда они искупили ему своею кровію престолъ Черниговскій?

Со смертію Мстислава Черниговская система подпала снова подъ власть Ярослава, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, и подъ власть Кіева; внутренняя жизнь ея, въ продолженіи всего княженія Ярослава, остается не извѣстною; но съ смертію его Черниговъ, подобно Кіеву, получаетъ, въ лицѣ Святостава, новаго Князя, и снова высказываются непріязненныя отношенія между нимъ и Кіевомъ. Не подлежитъ сомнѣнію въ исторіи Изяслава Ярославича, что Бояре держали его сторону; но въ нижнемъ слоѣ городскаго народонаселенія была сторона, противная ему, которая показалась послѣ разбитія его и союзныхъ силъ другихъ Князей Половцами, и которая думала найти покровъ въ, заключенномъ въ то время въ Кіевѣ, Полоцкомъ Князѣ, Всеславѣ, освобожденіе котораго изъ темницы понудило Изяслава бѣжать къ Королю Польскому, Болеславу, для того, чтобъ съ его силами снова водвориться въ Кіевѣ и казнить виновниковъ мятежа. Эта сторона, при приближеніи съ Польскими дружинами Изяслава, съ бѣгствомъ Всеслава, обращалась къ Свя-

---

[39] «Дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати землѣ незнаемѣ, Вльзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутараканьскій бльванъ... Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутараканя, а любо испити шеломомъ Дону.» Эти два мѣста изъ Слова о полку Игоревѣ обратили на себя вниманіе и Г. Погодина, но онъ сдѣлалъ изъ нихъ совершенно другое приложеніе, именно: воспользовался ими для того, чтобъ опредѣлить географическое положеніе Тьмутаракани. См. «Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи М. Погодина,» томъ III, стр. 150 и слѣд.

тославу и Всеволоду, двумъ другимъ сыновьямъ Ярослава, призывая ихъ въ Кіевъ; но ея просьба была безуспѣшна, и многіе изъ нея были казнены еще сыномъ Изяслава, вступившимъ, съ передовымъ полкомъ отца, въ Кіевъ. Пользуясь этимъ нерасположеніемъ къ старшему брату, и подущаемый, безъ сомнѣнія, дружиною Черниговскою, которая, конечно, немедленно же примкнула къ его собственной младшей Кіевской дружинѣ, какъ немедленно примкнули Володимерцы къ Михаилу и Всеволоду, желая освободиться изъ опеки Ростовской, Святославъ склонилъ на свою сторону Всеволода, двинулся на Кіевъ, заставилъ Изяслава бѣжать вторично, и завладѣлъ Кіевскимъ престоломъ. Самъ лѣтописецъ говоритъ [40] объ этой враждѣ весьма кратко, выставляя причиною ея просто желаніе Святослава имѣть большую власть или волость (владѣніе), и боязнь, что Изяславъ замышляетъ изгнать его изъ Черниговскихъ земель, чтобъ самому завладѣть ими, но сущность дѣла ведетъ насъ непосредственно къ сдѣланному нами выводу, по крайней мѣрѣ, относительно дружины Черниговской. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что занятію Кіевскаго престола благопріятствовало Святославу одно важное, постороннее въ семъ случаѣ, обстоятельство; это то, что собственная его дружина, съ которою онъ отправился на княженіе въ Черниговъ, была составлена посреди земель Кіевскихъ, и, слѣдовательно, онъ чрезъ нее не отчуждался отъ Кіева, а, напротивъ, былъ близокъ къ нему, былъ родной ему Князь; но, за всѣмъ тѣмъ, и содѣйствіе къ тому Черниговской дружины неоспоримо: оно было самое живое; ибо, въ противномъ случаѣ, Святославъ, даже при помощи со стороны Всеволода, встрѣтилъ бы сильный отпоръ въ своихъ замыслахъ со стороны Изяслава, какъ это должно заключать изъ изложеннаго нами на счетъ силъ Княжескихъ и мѣстныхъ дружинъ; но объ этомъ отпорѣ лѣтописецъ не упоминаетъ: Изяславъ Ярославичъ бѣжитъ предъ Святославомъ, подобно тому, какъ бѣжитъ Изяславъ Мстиславичъ, любимецъ Кіевлянъ, предъ Георгіемъ Всеволодовичемъ, послѣ Переяславской битвы. Конечно, это бѣгство Изяслава и свободное занятіе Святославомъ Кіевскаго престола, можно

---

[40] Святославъ же бѣ начало выгнанью братню, желая болшее власти; Всеволода бо прелсти, глаголя: «Яко Изяславъ сватится со Всеславомъ (Полоцкимъ), мысля на наю; да аще не варивѣ, имать насъ прогнати.» Лавр. 78.

бы было объяснить отчасти, за нѣсколько только лѣтъ предшествовавшимъ описываемому нами событію, жестокимъ пораженіемъ дружинъ Кіевскихъ Половцами, но, во всякомъ случаѣ, сидя на Кіевскомъ престолѣ, Святославъ оставался представителемъ Черниговской системы и былъ не любимымъ Княземъ для высшаго сословія въ Кіевѣ. Если къ нему расположена была низшая часть Кіевскаго народонаселенія, какъ это можно предполагать, то нерасположеніе къ нему Кіевской Боярской дружины темно уже высказывается въ слѣдующихъ словахъ лѣтописца, гдѣ сей послѣдній, съ видимымъ недоброжелательствомъ, говоритъ о судьбѣ Князя Черниговскаго: «Придоша сли (1075 г.) изъ Нѣмецъ къ Святославу; Святославъ же, величаяся, показа имъ богатство свое; они же, видѣвше безчисленное множество, злато, и сребро, и паволоки, и рѣша: «Се ни во что же есть; се бо лежитъ мертво; сего суть кметье луче: мужи бо ся доищють и болше сего.» Сице ся похвали Iезекій, Царь Iюдейскъ, къ посламъ Царя Асурійска, его же вся взята въ Вавилонъ.» Тако и по его смерти все имѣнье разсыпася разно. [41] Сверхъ того, если бъ Святославъ былъ желанный Князь подвижной или Боярской Кіевской дружины, тогда бы прахъ его остался между Кіевлянами; но этого мы не видимъ, а, напротивъ, лѣтописецъ положительно говоритъ, что онъ похороненъ былъ не въ Кіевѣ, а въ Черниговѣ; [42] слѣдовательно, онъ былъ представителемъ Черниговцевъ, сидя даже на Кіевскомъ престолѣ. Это послѣднее доказательство весьма важно; ибо Святославъ, воспитанный въ Кіевѣ, при общей любви Князей къ сему городу, даже взросшихъ внѣ его, не могъ любить Черниговъ болѣе, нежели Кіевъ, и желать, чтобъ прахъ его лежалъ въ первомъ изъ сихъ городовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что его перенесла туда, окружавшая его въ Кіевѣ, дружина Черниговская, подобно какъ былъ перенесенъ въ родной свой городъ сынъ Святослава, Глѣбъ, убитый въ Заволочьи, [43] или какъ перенесенъ былъ изъ Владиміра въ Городецъ (1304 г.) прахъ Андрея Александровича, Великаго Князя Владимірскаго, изъ Владиміра, который, изъ своего

---

[41] Лавр. 85.

[42] Тамъ же. «Сего же лѣта (1076) преставися Святославъ, сынъ Ярославль, мѣсяца Декабря 27, отъ рѣзанья желве, и положенъ Черниговѣ, у Святаго Спаса.

[43] Тамъ же. Въ се же лѣто (1178) убьенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, въ Заволочьи... его же тѣло положено бысть Черниговѣ, за Спасомъ.

Городца, опираясь на помощь Монгольскую, можно сказать, завоевалъ для себя Владимірское Княжество и съ своими Боярами господствовалъ тамъ. [44] Самая боязнь Святослава, чтобъ Изяславъ не изгналъ его изъ земель Черниговскихъ, о чемъ мы уже упомянули выше, говоритъ, хотя темно, о стремленіи Кіева господствовать надъ этѣми землями по прежнему.

Идемъ далѣе. Послѣ смерти Святослава замѣтно ли какое ни будь нерасположеніе Кіевлянъ къ Изяславу, возвратившемуся вновь въ Кіевъ? Въ низшемъ слоѣ оно продолжалось, это правда, хотя объ этомъ лѣтописецъ и не говоритъ прямо; но все остальное, въ особенности Бояре, принадлежали ему душой, и ихъ дружина бьется за Князя бодро и увлекаетъ за собой въ битву противъ Черниговцевъ даже недовольную толпу народонаселенія, заставляетъ ее уже совершенно забыть свое неудовольствіе, послѣ того какъ Изяславъ сложилъ свою голову въ борьбѣ съ Черниговцами, и горько оплакали смерть его. [45] Черниговцы поддерживаютъ дѣтей Святослава, и не хотятъ признать своимъ Княземъ Кіевскаго же Великаго Князя. Всеволодъ было занялъ Черниговъ, но Черниговцы не поддержали его, а, напротивъ, поддались Святославичамъ. Когда Изяславъ двинулся, въ слѣдъ за тѣмъ, войною противъ Чернигова, желая подчинить его вновь Всеволоду, дѣтей Святослава не было въ это время въ Черниговѣ, но Черниговцы сами не думаютъ, однако жь, слушать воли Кіевскаго Князя и принять отъ него вновь Всеволода, а, напротивъ, защищаютъ права дѣтей Святослава: «Черниговци затворишася въ градѣ, Олегъ же и Борисъ не бяста. Черниговцемъ же не отворившимся, приступиша ко граду; Володимеръ же (сынъ Всеволода или Мономахъ) приступи ко вратомъ восточнымъ отъ Стреженья, отя врата, и отвориша градъ околній, и пожгоша и, людемъ же вбѣгшимъ въ дънѣшній градъ.» [46] Относительно силъ Изяслава, двинувшихся противъ Бориса и Олега, лѣтописецъ гово-

---

[44] Ист. Госуд. Россійск. томъ III, стр. 165. Новгор. лѣт. 68.

[45] Лавр. 86. И вземше тѣло его, повезоша и въ лодьи, и поставиша противу Городьцю: изыде противу ему весь городъ Кыевъ, и, възложивше тѣло его на сани, повезоша и съ пѣсньми попове и черноризци понесоша и въ градъ, и не бѣ лзѣ слышати пѣнья во плачи, велицѣ вопли; плака бо ся по немъ весь градъ Кіевъ.

[46] Лавр. 68.

ритъ, между прочимъ: «И повелѣ сбирати вои отъ мала до велика;[47] слѣдовательно, участіе въ этой войнѣ принимала не одна собственная дружина Изяслава Ярославича, а вся безъ исключенія дружина мѣстная, что указываетъ на полную готовность Кіевлянъ къ этой войнѣ, на ихъ враждебныя отношенія къ Черниговцамъ, и на упорное сопротивленіе, которое Князь Кіевскій надѣялся встрѣтить въ сихъ послѣднихъ, и которое онъ на самомъ дѣлѣ[48] встрѣтилъ.

Надежда на этотъ разъ, однако жь, обманула Черниговцевъ. Соединившись съ Половцами, Олегъ и Борисъ дали кровавую битву, рѣшившуюся въ пользу Кіева: Борисъ былъ убитъ; Олегъ съ остатками бѣжалъ въ Тьмутаракань; сами Кіевляне потеряли въ этой битвѣ своего Князя; но Черниговская система, лишившись своихъ представителей, въ лицѣ дѣтей Святослава, не рѣшилась продолжать борьбы, и снова подчинилась Кіеву. Это было въ 1078 году. Послѣ того Всеволодъ Кіевскій, заступившій мѣсто Изяслава Ярославича, назначилъ надъ Черниговской системой главою сына своего, Владиміра. Что происходило въ это время до 1094 года въ Черниговѣ, лѣтописецъ не говоритъ ни слова; но пѣвецъ о полку Игоря Святославича говоритъ, что крамола преслѣдовала Олега; что Олегъ мечемъ ковалъ эту крамолу, подобно Мстиславу Тьмутараканскому, и какъ въ лицѣ Мстислава сосредоточилась тревога и гроза противъ Ярослава Великаго, та же собиралась тревога и гроза вновь въ лицѣ Олега: и Владиміръ Мономахъ по вся дни закладывалъ уши, чтобъ не слышать того, что раздавалось вокругъ него и готовилось грянуть изъ Тьмутаракани. Въ 1094 году, пользуясь совершеннымъ пораженіемъ Всеволода Половцами, является снова Олегъ съ наемными Половцами, пустошитъ земли Черниговскія, а Владиміръ Мономахъ уступаетъ ему Черниговъ. По чему же? По чему безъ битвы? По чему Черниговцы, если только желали видѣть у себя Князя отъ Кіева, по чему они ни сколько не поддерживаютъ его? Самъ Владиміръ Мономахъ, въ своемъ Завѣщаніи, говоритъ, что онъ не хотѣлъ дальнѣйшею борьбою съ Олегомъ губить Христіянъ, и мы не можемъ не вѣрить въ его высокую любовь къ народу Русскому, къ землѣ Русской; но

---

[47] Тамъ же.

[48] Тамъ же.

это, однако жь, ни сколько не противорѣчитъ сдѣланному нами указанію на тревожное состояніе Чернигова и на желаніе его видѣть на своемъ престолѣ сына собственнаго своего Князя, а не Князя отъ Кіева. Владиміръ замѣчалъ ковы Черниговцевъ: «Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ;» видѣлъ стремленіе Черниговцевъ сбросить опеку Кіева, полную невозможность, при тогдашнемъ пораженіи ихъ Половцами, задержать это стремленіе, и, спасая подданныхъ отъ безполезнаго кровопролитія, уступилъ Черниговцамъ—далъ имъ желаннаго ими Князя. Борьба, однако жь, не кончилась: дѣти Святослава снова были стѣснены и бѣжали на Сѣверъ, удерживаясь, впрочемъ, одинъ на предѣлахъ Черниговской системы, а другой даже въ отдаленныхъ границахъ самой Черниговской системы; однако жь, тотъ и другой возвращаются все таки въ земли Черниговскія, продолжаютъ быть представителями этой системы, и утверждаются въ ней прочно, безъ всякаго уже содѣйствія со стороны Половцевъ. Это, скажутъ, быть можетъ, нѣкоторые, устроено было самимъ же Вдадиміромъ Мономахомъ, и я не спорю противъ этого. Но не уже ли этотъ мудрый Князь, этотъ геній древней Руси, дѣйствовалъ на обумъ? Уже ли онъ, возвращая Черниговской системѣ ея собственныхъ Князей, возвращалъ чрезъ это Князьямъ симъ только ихъ отцовское состояніе? Если бъ Черниговская система сливалась совершенно съ Кіевомъ, я не полагаю, чтобъ подобное могло случиться; не полагаю, чтобъ Черниговцы лили охотно кровь свою, въ борьбѣ съ Кіевомъ, какъ они лили до того и послѣ того, если бъ они желали видѣть въ Кіевскомъ Князѣ своего собственнаго Князя. Кіевъ уже два раза обнаруживалъ рѣшительное стремленіе исключить дѣтей Святослава изъ Черниговской системы; слѣдовательно, права ихъ на отцовскій удѣлъ не были признаваемы въ Кіевѣ, а по этому не права ихъ, или, по крайней мѣрѣ, не одни права ихъ, возвратили имъ Черниговскую систему. Гдѣ же скрывалась истинная сила дѣтей Святослава противъ Кіева? Самый Черниговъ, когда бы онъ, принимая къ себѣ на княженіе дѣтей Святослава, не былъ привязанъ къ нимъ, не боролся бы за нихъ, какъ не боролся за Всеволода, а потомъ за Владиміра Мономаха; но мы уже сказали, что онъ, не имѣя дѣтей Святослава въ стѣнахъ своихъ, боролся за нихъ. Слѣдовательно, силы Давида и Олега Святославичей скрывались въ томъ же источникѣ, гдѣ скрывались силы Мстислава

Тьмутараканскаго, т. е., въ самой же Черниговской системѣ. Дальнѣйшая исторія предлагаетъ намъ, для полнаго убѣжденія въ этомъ, болѣе положительныя данныя.

Напрасно же, повторимъ мы еще разъ, предполагать, что Мстислава поддерживали полчища Козаръ, а Святославичей—полчища Половцевъ, и что на нихъ-то главнымъ образомъ опирались надежды этихъ Князей, завладѣть Черниговскими землями: нѣтъ, если бъ они не были желанными Князьями для Черниговцевъ, Черниговцы не поддерживали бы ихъ, а, по удаленіи Половцевъ, они имѣли бы въ земляхъ Черниговскихъ однихъ только враговъ, которые, признавъ Кіевскихъ Князей своими властителями, двинулись бы, подъ предводительствомъ ихъ, вмѣстѣ съ Кіевлянами и другими дружинами Князей Кіевскихъ, и они рано, или поздно, должны бы были отказаться отъ земель Черниговскихъ и отъ притязаній на нихъ, подобно тому, какъ потомки Святослава, въ томъ числѣ помянутые нами предъ симъ, должны были отказываться отъ притязаній на Кіевскую систему, которая, въ свою очередь, отталкивала отъ себя Князей постороннихъ системъ; но ни чего подобнаго мы не замѣчаемъ, а, напротивъ, Черниговцы дружно стоятъ за Князей своихъ, борются за нихъ, подвергаются всѣмъ невзгодамъ самой страшной, опустошительной, войны, и отстаиваютъ права своихъ властителей. Слѣдовательно, не полчища Козаръ и Половцевъ могли поставить Черниговцевъ въ то затруднительное положеніе, чтобы они, приведенные въ страхъ, приняли, противъ желанія своего, и Мстислава Удалаго, и Святославичей, а они приняли и отстаивали ихъ по собственному своему желанію. Это такъ ясно, что нельзя даже ожидать противъ сего какихъ либо возраженій. Правда, мы встрѣчаемъ въ лѣтописи одно показаніе, которое даетъ настоящему предмету другой видъ, другое значеніе, но только въ такомъ случаѣ, если разсматривать его въ отдѣльности. Извѣстно, что Олегъ Святославичъ, при вторичномъ своемъ движеніи къ Чернигову, отдалъ окрестности Чернигова на расхищеніе Половцамъ, а по тому можно бы было полагать, что онъ имѣлъ самъ нерасположеніе къ Черниговцамъ; да и дѣйствительно, онъ имѣлъ его, но, безъ сомнѣнія, не за то, что Черниговцы не хотѣли имѣть его своимъ Княземъ, считая Князей Кіевскихъ своими законными властителями, а за то, что они потерпѣвъ пораженіе, страшились Кіевскихъ Князей и вторично

крѣпко не возстали за него, ихъ родоваго Князя. Такъ мы должны понимать настоящее событіе, при соображеніи всего выше изложеннаго; а для подтвержденія нашего взгляда, мы можемъ представить другое подобное же событіе. Въ 1167 году Стародубцы желали имѣть своимъ Княземъ Олега, внука Олега Святославича, и звали его къ себѣ, но Ярославъ предупредилъ Олега и занялъ Стародубъ своими дружинами, такъ что Олегъ, выступивши къ сему городу, долженъ былъ вернуться безъ успѣха; но, на возвратномъ пути, конечно, недовольный за бездѣйствіе Стародубцевъ, удовлетворяя гнѣву своему, полонилъ ихъ землю; а не за ихъ измѣну, по тому что лѣтописецъ прямо говоритъ, что Стародубцамъ, окруженнымъ дружинами Ярослава, не возможно было привести въ исполненіе своего желанія и принять къ себѣ Олега: «Олегъ же поѣха къ Стародубу: Стародубци бо прислалися бяху ко Олгови; упереди помочь Ярославля въ городъ, и горожаномъ нельзѣ бо мысли своея створити, Олегъ же, воротяся опять, гнѣва (ради), много взя въ полонъ.» [49]

Разсматривая борьбу Черниговскихъ Князей съ Кіевскими, конечно, нельзя не замѣтить, что она вытекала не изъ одного источника; по крайней мѣрѣ, такъ мы можемъ сказать въ отношеніи Чернигова; но гдѣ она принимаетъ оттѣнокъ упорной войны, тамъ вездѣ сталкиваются двѣ племенныя, или областныя, личности, взаимно отталкивающіяся другъ отъ друга. Не Черниговцы стремились, въ послѣдствіи, насильно подчинить себѣ Кіевлянъ, а Князья Черниговскіе: въ этомъ нельзя сомнѣваться; и по тому борьба ихъ за Кіевъ не имѣетъ свойства дѣльнаго, рѣшительнаго. Всеволодъ Ольговичъ, по стеченію особыхъ обстоятельствъ, безъ битвы, отнялъ Кіевъ у добраго, но слабаго, не воинственнаго, Вячеслава; за то почти безъ битвы и братья Всеволода, Игорь и Святославъ, потеряли Кіевъ. Изяславу Давыдовичу, подобно какъ Всеволоду, такъ же не полчища, собранныя посреди земель Черниговской системы, а случайныя обстоятельства, пролагали три раза путь къ Кіевскому престолу, и, въ слѣдствіе того, онъ такъ легко каждый разъ терялъ этотъ престолъ. Подобное можно сказать и о Святославѣ Всеволодовичѣ. Не тотъ видъ имѣла война, гдѣ дѣло касалось до областной самобытности земель Черниговской

[49] Ипат. 93.

системы. Мы видѣли уже, какъ упорно дрались Сѣверяне за Мстислава Удалого; видѣли, какое сопротивленіе ожидали встрѣтить Князья Кіевскіе въ войнѣ съ Святославичами.

Но нигдѣ, въ продолженіи всей исторіи, не высказалась съ такою ясностію развиваемая нами мысль объ отношеніи Чернигова и другихъ частей Государства къ Кіеву, какъ послѣ смерти Всеволода Ольговича.

Здѣсь опять мы приходимъ къ событію, на которое Гг. Погодинъ и Соловьевъ смотрятъ совершенно иначе: мы будемъ говорить о значеніи Изяслава Мстиславича, въ отношеніи современныхъ ему Князей.

Отдѣльность и областная самобытность Кіевской системы, въ борьбѣ Изяслава противъ Георгія.

Г. Погодинъ и, въ слѣдъ за нимъ, Г. Соловьевъ (котораго труды суть не что иное, какъ развитіе же мыслей Погодина, хотя болѣе подробное и съ явнымъ отступленіемъ отъ историческихъ событій, что первый рѣдко себѣ позволялъ) утверждаютъ, что главная опорная точка притязаній Изяслава Мстиславича на Кіевъ и самого владѣнія имъ Кіевомъ скрывалась въ одномъ изъ коренныхъ законовъ системы удѣловъ, въ мысли, по коей старѣйшій, по тогдашнимъ понятіямъ, Князь дѣлался Великимъ Княземъ, главою другихъ Князей. Откуда могла зародиться подобная мысль, даже представить себѣ трудно: всѣ событія говорятъ положительно и ясно противъ нея. Основная ошибка изслѣдованій того и другого, въ особенности Г. Соловьева, заключается въ одномъ страшномъ противорѣчіи: они видятъ семейное начало въ отношеніи удѣльныхъ Князей къ Князю Великому, и не признаютъ, не хотятъ видѣть, того же семейнаго начала въ общественной или государственной жизни всего народа, какъ будто одно безъ другого могло существовать. Отъ этого-то Г. Соловьевъ, предавшись всей душой понятіямъ Г. Погодина, вообще весьма вѣрнымъ въ основаніяхъ, и идя тѣмъ же путемъ, какъ его наставникъ, дошелъ, наконецъ, до самаго уродливаго вывода, о существованіи удѣльной системы только въ понятіи Князей, а не въ дѣйствительной жизни самаго народа, такъ что распаденіе Государства на части, по его мнѣнію, исходитъ единственно или главнѣйшимъ образомъ, изъ тѣхъ семейныхъ отношеній Князей, по коимъ каждый потомокъ Княжескаго рода долженъ имѣть своюдолю

въ Государствѣ, на правахъ самобытнаго властителя въ своей части и болѣе, или менѣе, зависимаго отъ Князя Великаго въ дѣлахъ внѣшнихъ.

Исторія Изяслава Мстиславича послужитъ для насъ новымъ и рѣзкимъ доказательствомъ нашей мысли, что распаденіе Государства на части крылось какъ въ семейныхъ отношеніяхъ самыхъ Князей, такъ преимущественно въ семейномъ или племенно-областномъ началѣ, которое было главнѣйшимъ двигателемъ всѣхъ тогдашнихъ общественныхъ отношеній.

По праву старѣйшинства, которымъ опредѣлялись отношенія Князей между собою, Изяславъ не имѣлъ ни малѣйшаго права на Кіевскій престолъ, по тому что онъ имѣлъ въ живыхъ дядей своихъ, Вячеслава и Георгія. Доводы Г. Погодина о томъ, что племянникъ, въ иныхъ случаяхъ, могъ считаться старше дядей, въ настоящемъ случаѣ не имѣютъ ни малѣйшаго примѣненія: ни самъ Изяславъ, ни кто изъ современниковъ, не признавалъ его старшимъ въ родѣ. Кіевляне говорили (1147 г.) Изяславу: «Княже! Не ходи на стрыя своего (Георгія), лѣплѣ ся съ нимъ улади!» [50] и Изяславъ не возражаетъ имъ ни слова на счетъ старѣйшинства Георгія. Ростиславъ Мстиславичъ, родной братъ Изяслава, убѣждалъ не разъ сего послѣдняго, чтобъ онъ оставилъ вражду противъ старѣйшаго Князя и положилъ честь на Вячеслава, т. е., какъ старѣйшаго, возвелъ бы его на Кіевскій престолъ, и самъ Изяславъ раздѣлялъ мнѣніе брата своего о старѣйшинствѣ предъ нимъ Вячеслава, какъ это видно изъ собственныхъ его словъ, сказанныхъ имъ (1158 г.) чрезъ посла Ростиславу: «Ты ми еси, брате, много понуживалъ, яко же положити честь на стрыѣ своемъ и на отци своемъ» (Вячеславѣ). [51] Свидѣтельства Вячеслава и Георгія по настоящему предмету служатъ къ подтвержденію того же самаго. Ихъ можно бы было привести много, но вотъ одно изъ нихъ, которое положительно говоритъ, что Георгій и Вячеславъ считали Изяслава младшимъ: «Поѣди къ брату. Гюргеви, брата отъ мене цѣлуй, и тако молви брату моему,» говорилъ Вячеславъ, отряжая посла къ Георгію для мирныхъ переговоровъ: «Изяславъ, ѣда биться съ Игоремъ (чтобъ лишить его Кіевскаго престола), тако молвитъ: «Азъ Кіева не собѣ

[50] Ипатьев. 31.

[51] Ипатьев. 58.

ищу, но оно отецъ мой, Вячьславъ, братъ старѣй, а тому его ищу.» А ты пакы, брате, поѣда съ Изеславомъ баться, тако же молвиши: «Азъ Кіева не собѣ ищю; оно у меня братъ старѣй, Вячьславъ, яко и отець мнѣ, и тому его ищю.» И то мы еси (Георгій) молвилъ: «Противу моложьшему не могу ся поклонити» (т. е., Изяславу). Се же нынѣ, добывъ Кіева, и поклонилъ ми ся, и честь на мнѣ положилъ, и въ Кіевѣ мя посадилъ, и отцемъ мя назвалъ, а язъ его сыномъ, дажь еси реклъ: «Моложьшему ся не поклоню!» Да се язъ тебе старѣй есмь не маломъ, но многомъ: азъ уже бородатъ, а ты ся еси родилъ.» [52] Слѣдовательно, мнѣніе Г. Погодина о старѣйшинствѣ Изяслава исторически ошибочно, и Изяславъ стремился завладѣть Кіевскимъ престоломъ, и завладѣть имъ не по праву старѣйшинства. Г. Соловьевъ, чтобъ объяснить болѣе событіе, впадаетъ, сверхъ того, еще въ другое ложное показаніе, что будто бы Кіевляне ненавидѣли Георгія. Подобное предположеніе не имѣетъ ни одного прямаго свидѣтельства, а, напротивъ, вездѣ изъ лѣтописей видно расположеніе къ Георгію Кіевлянъ, ненависти же къ нему нѣтъ слѣдовъ. Переяславцы, которые съ своимъ Княжествомъ составляли часть Кіевской системы, постоянно почти желали видѣть его своимъ Княземъ. [53] Кіевляне, предъ задуманнымъ походомъ на Георгія (1147 г.), уговаривали Изяслава, чтобъ онъ не велъ ихъ противъ Георгія, по тому что ихъ руки не подымутся на него; [54] они же, послѣ битвы Переяславской, гдѣ Изяславъ былъ разбитъ, не безъ радости, какъ говоритъ лѣтопись, приняли на престоль свой Георгія. [55] Гдѣ же эта ненависть, о которой говоритъ Г. Соловьевъ? Ея нѣтъ. Но что Кіевляне предпочитали, однако жь, Изяслава, это дѣло другого рода; и Кіевляне имѣли

---

[52] Ипатьев. 61.

[53] Въ 1149 году они говорили: «Гюрги намъ Князь свой, того было намъ искати и далече.» Ипат. 44. Въ 1151 г., разбитый Изяславомъ на голову, Георгій сосредоточилъ остатки силъ своихъ въ Переяславлѣ, и тамъ еще три дня бился противъ Кіевскаго Князя; принужденный наконецъ удалиться оттуда въ Городокъ, онъ, по условію съ своими соперниками, оставилъ на Переяславскомъ престолѣ сына своего, Глѣба. Ипат. 65.

[54] Ипат. 31. Кіяне же рекоша: «Княже! Ты ся на насъ не гнѣвай: не можемъ на Володимире племя руки възняти, одня же Ольговичь хотя и съ дѣтьми.»

[55] Тамъ же 45. Гюрги же поѣха въ Кіевъ, и много народа выйде противу ему съ радостію великою, и сѣде на столѣ отца и дѣда, хваля и славя Бога

къ тому, какъ мы объяснимъ это ниже, полныя основанія, которыя покоились въ томъ же самомъ началѣ, изъ котораго возникала мысль о правахъ старѣйшаго въ родѣ Княжескомъ и изъ котораго разовьется въ послѣдствіи мысль о самодержавіи.

Обращаемся къ отношеніямъ Изяслава къ Ольговичамъ. Для опредѣленія этихъ отношеній, мы имѣемъ полныя историческія данныя. На счетъ старѣйшинства Ольговичей лѣтописецъ нигдѣ не упоминаетъ, рѣзко обозначая, однако жь, что потомки Святослава Ярославича ни въ какомъ случаѣ не хотятъ отказаться отъ правъ своихъ на Кіевъ, между прочимъ подъ предлогомъ, что они не Ляхи, а происходятъ отъ одного Княжескаго рода съ Мономаховичами; слѣдовательно, не на мысли старѣйшинства въ дѣйствительности и основывались притязанія Ольговичей на Кіевъ, а на желаніи господствовать надъ Кіевомъ наравнѣ съ Мономаховичами. По этому, столкнувши Игоря и Святослава съ престола Кіевскаго, Изяславъ не нарушалъ этимъ кореннаго закона удѣльной системы относительно Ольговичей; напротивъ, онъ какъ будто принялъ на себя права Георгія, или Вячеслава, которые одни могли притяжать на Кіевъ, наказалъ властолюбивыхъ, утвердилъ вновь права своего рода, и въ этомъ предположеніи, какъ мы увидимъ ниже, много исторической истины, хотя сущность дѣла заключалась все таки совершенно въ другомъ. Взглянемъ на самыя происшествія, сопровождавшія восшествіе Изяслава на Кіевскій престолъ, и борьбу его за оный.

Послѣ смерти Всеволода Ольговича, умершаго покойно на Кіевскомъ престолѣ, по присягѣ, данной Князьями Всеволоду, долженъ былъ сдѣлаться Великимъ Княземъ Игорь Ольговичъ. Послѣдній, во время кончины Всеволода, находился въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ своимъ, Святославомъ, и немедленно же вступилъ въ права Великокняжескія, но Кіевъ представилъ тогда изъ себя картину общаго волненія и недовольства. Все говорило о явномъ нерасположеніи Кіевлянъ къ роду Ольговичей, зашельцевъ изъ Черниговскихъ областей и, съ своими Черниговскими дружинами какъ бы покорившихъ Кіевлянъ и лишившихъ ихъ родовыхъ Князей. Кіевляне, остановленные въ первомъ возмущеніи, давали присягу Игорю, и въ то же время (1146 г.) сносились съ Изяславомъ Мстиславичемъ, признавая его своимъ Княземъ: «И не угоденъ бысть Кіяномъ Игорь, и послашася къ Переяславлю къ Изяславу, рекуче: «Пойди, Княже, къ намъ! Хощемъ тебе.» Изяславъ предвидѣлъ подобный оборотъ дѣлъ,

и, собравъ дружину, немедленно же выступилъ къ Кіеву; но прежде нежели онъ подступилъ къ стольному городу, его встрѣтили на пути четыре новыхъ посольства съ тѣмъ же самымъ изъявленіемъ любви своей къ нему, съ зовомъ на Великокняжескій престолъ и съ изъявленіемъ полной нелюбви къ Ольговичамъ: первое посольство было отъ Черныхъ Клобуковъ и жителей Поросья; второе отъ двухъ значительныхъ городовъ Кіевскаго княженія, Василева (Василькова) и Бѣлгорода; третье снова отъ Кіевлянъ; четвертое въ частности отъ Кіевскаго Тысяцкаго Улѣба, и отъ Ивана Войтишича. [56] Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали явленія Изяслава, для того, чтобъ сдѣлать открытое возстаніе противъ Ольговичей; и вотъ только что явился Изяславъ подъ стѣнами Кіева, Кіевская дружина, стоявшая подъ оружіемъ въ рядахъ Игоря и Святослава, немедленно же приняла отъ Изяслава Тысяцкаго, и стала подъ его Княжеское знамя, а дружина Берендѣевъ, прежде соединенія своего съ Изяславомъ, ударила на обозъ дружинъ Игоря и Святослава, и разграбила его; въ слѣдъ за тѣмъ оставляютъ Ольговичей Тысяцкій и другій главный военачальникъ, и соединяются съ Изяславомъ. Оставленные мѣстными дружинами, Игорь и Святославъ, остаются единственно лишь съ дружинами, приведенными ими изъ Черниговскихъ областей, и, видя невозможность борьбы, начинаютъ отступать отъ Кіева, но мѣстныя дружины не удовлетворяются уже однимъ изгнаніемъ Ольговичей; нѣтъ, они, вмѣстѣ съ Изяславомъ, преслѣдуютъ ихъ, губятъ ихъ дружины, и плѣнятъ самаго Игоря; хотятъ стереть всѣ слѣды владычества Черниговской дружины въ земляхъ Кіевскихъ; плѣняютъ Бояръ Черниговскихъ Князей; расхищаютъ дома, села и все имѣніе дружинъ Ольговичей: «Бояры многы изоимаша въ городѣ Кіевѣ, и тако тѣхъ на искупѣ пустиша, и розъграбиша Кіяне съ Изяславомъ домы дружины Игоревы и Всеволожѣ, и села, и скоты, взяша имѣнья много въ домѣхъ и въ манастырѣхъ.» [57]

Вотъ событія, сопровождавшія восшествіе Изяслава на Кіевскій престолъ. Изъ нихъ открывается, что не старѣйшинство возводитъ Изяслава на Кіевскій престолъ, не собственная его дружина, а любовь Кіевлянъ къ родовымъ своимъ Князьямъ, окруженнымъ мѣстными дружинами, и ненависть ихъ къ Ольговичамъ, какъ пред-

---

[56] Ипат. 22 и 23.

[57] Ипат. 24 и 25.

ставителямъ совершенно чуждаго имъ общиннаго начала Черниговскаго. Эта же любовь Кіевлянъ къ Изяславу, какъ къ родному Князю, и ненависть ихъ къ началамъ чуждымъ, поддерживаютъ Изяслава въ продолженіи всей борьбы противъ Святослава Ольговича, потомъ противъ двоюродныхъ его братьевъ, Давыдовичей, и наконецъ противъ самаго Георгія.

Георгія любили Кіевляне, но страшились его, какъ представителя начала Владиміро-Ростовскаго. Мы не сомнѣваемся, что поѣздка Изяслава къ Георгію, совершенная имъ во время еще княженія Всеволода Ольговича, имѣла цѣлію возбудить Георгія противъ Ольговичей, и склонить его къ принятію Кіевскаго престола; но Георгій какъ будто оставался довольнымъ своимъ Сѣвернымъ Княженіемъ, и не хотѣлъ мѣнять его на Княженіе Кіевское; по крайней мѣрѣ, онъ не обнаруживалъ рѣшительнаго притязанія на сіе послѣднее до тѣхъ поръ, пока Изяславъ, защищая Новгородъ и свои Новгородскія дани, своимъ нападеніемъ на земли Ростовскія не оскорбилъ старѣйшинства въ Георгіи и не возбудилъ нерасположеніе къ себѣ въ дружинахъ Князя Владимірскаго или Суздальскаго, т. е., не прежде, какъ по прошествіи 2-хъ лѣтъ со времени восшествія Изяслава на Кіевскій престолъ. [58] Этотъ, какъ бы безмолвный отказъ Георгія отъ престола Кіевскаго, ясно обнаруживалъ Кіевлянамъ, что онъ держится дружинъ Владиміро-Ростовскихъ болѣе, нежели дружинъ Кіевскихъ, или иначе, что онъ сдѣлался представителемъ чуждаго имъ начала, которое, по тогдашнему порядку вещей, стало бы господствовать надъ дружинами Кіевскими съ господствомъ въ Кіевѣ Георгія. Подобное заключеніе было естественно и вѣрно, по тому что Георгій, взойдя, послѣ смерти Изяслава, на Кіевскій престолъ, дѣйствительно привелъ съ собою дружины Суздальскія, которыя и возбудили въ Кіевлянахъ и нерасположеніе къ Георгію (1158 г.) и ненависть къ себѣ, жертвою которой они и сдѣлались на третій же день послѣ смерти Георгія: «И много зла створися въ тъ день: разграбиша дворъ его (Георгія) Красный, и другый дворъ его за Днѣпромъ разъграбиша, его же звашеть самъ раемъ, и Васильковъ дворъ, сына его, разграбиша въ городѣ; избивахуть Суждалци по городомъ и по селомъ, а товаръ ихъ грабяче.» [59] По этому-то Геор

[58] Изяславъ вступилъ на Кіевскій престолъ въ 1146 году; рѣшительный же походъ Георгія противъ него относится къ 1148 году.

[59] Ипат. 81.

гію, не смотря на то, что онъ было успѣлъ разбить Изяслава и завладѣть Великокняжескимъ престоломъ въ 1149 году, чрезвычайно какъ трудно было продолжать борьбу свою противъ Изяслава. Кіевляне принимаютъ Георгія, принимаютъ, какъ сказано въ лѣтописи, съ радостію, и между тѣмъ явно предпочитаютъ ему Изяслава, какъ настоящаго природнаго, племеннаго, ихъ Князя. Когда Изяславъ, разбитый Георгіемъ подъ Переяславлемъ, прибѣжалъ, съ братомъ своимъ, Ростиславомъ, въ Кіевъ, и спросилъ Кіевлянъ: вѣрны ли они ему и Ростиславу, и могутъ ли продолжать борьбу за нихъ противъ Георгія, Кіевляне отвѣчали: «Господина наю (наши Князья!)! Поѣдита въ свои волости: вы вѣдаета, оже намъ съ Гюргемъ не ужити; аже по сихъ днѣхъ, кдѣ узримъ стягы ваю (гдѣ увидимъ знамена ваши), ту мы готовы ваю есмы.» [60] И не всуе были сказаны слова эти Кіевлянами. Бояре Кіевскіе остались вѣрными Изяславу и, вмѣстѣ съ нимъ, удалились на Волынь; [61] Волынь, которая принадлежала также системѣ земель Кіевскихъ, была предана Изяславу всей душой. При первомъ и второмъ наступательномъ движеніи изъ Волыни на Кіевъ, дружины Кіевскихъ земель изъявили Изяславу полную любовь и соединялись съ нимъ, а обыватели города выходили къ нему на встрѣчу съ поклономъ. Увѣренность Изяслава въ совершенной преданности ему Кіевлянъ была полная, и приближеніе его къ Кіеву до такой степени обрадовало ихъ, что они всѣ вышли къ нему на встрѣчу. Самое бѣгство Георгія изъ Кіева безъ битвы доказываетъ, что онъ не много надѣялся на ревность Кіевлянъ къ защитѣ его. [62] Это бѣгство замѣчательно и въ другомъ отношеніи, именно въ томъ, что Георгій не могъ получить вѣсти о движеніи на него Изяслава до тѣхъ поръ, пока тотъ не явился почти подъ стѣнами самаго Кіева, что все до крайности удивило самаго Владиміра Галицкаго, союзника Георгія, и заставило произнести замѣчательныя въ семъ отношеніи слова: «Како есть княженіе свата моего (Георгія), аже рать на нь изъ Володиміра идетъ, а како того не увѣдати; а ты, сынъ его, сѣдиши въ Пересопници, а другый въ Бѣлгородѣ (городѣ, лежащемъ на пути изъ Владиміра къ Кіеву), како того не устеречи! [63]

---

[60] Ипат. 44.

[61] Тамъ же 54.

[62] Ипат. 54, 55 и 56.

[63] Ипат. 56.

Но Георгій не увѣдалъ о движеніи на него Изяслава, и сыновья не устерегли его, по тому что дружины мѣстныя скрыли отъ нихъ это движеніе.

Такимъ образомъ опорная точка Изяслава въ борьбѣ съ Георгіемъ за Кіевъ была та же любовь къ нему Кіевлянъ и ненависть ихъ не къ Георгію, а къ господству въ земляхъ ихъ Суздальскаго начала, представителемъ котораго былъ Георгій. Вячеслава Кіевляне, конечно, приняли съ радостію, подобно Изяславу; но они ясно видѣли и говорили, что Вячеславу, при притязаніи потомковъ Святослава Ярославича на Кіевъ, не удержать Великокняжескаго престола, который онъ уже разъ, безъ всякой битвы, оставлялъ въ пользу Святославичей, ненавистныхъ Кіевлянамъ единственно по тому, что они были представителями Черниговскаго начала: близкое сосѣдство ихъ владѣній и постоянныя притязанія на Кіевъ внушали Кіевлянамъ постоянное опасеніе на счетъ господства ихъ надъ Кіевомъ, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, господства ихъ дружинъ, и приводило ихъ подъ часъ даже въ отчаяніе.

Когда Изяславъ въ первый разъ замыслилъ походъ противъ дяди своего, Георгія Суздальскаго, какъ союзника Святослава Ольговича, съ которомъ должны были принять участіе Давыдовичи и Святославъ Всеволодовичъ, Князья Черниговской системы, и объявилъ объ этомъ Кіевлянамъ, сіи послѣдніе отвѣтствовали ему: «Княже! Не ходи на стрыя своего; лѣплѣ ся съ нимъ улади, Ольговичемъ вѣры не ими; ни съ ними ходи въ путь!» а когда онъ не хотѣлъ оставить своего намѣренія, Кіевляне говорили ему, что они не могутъ поднять рукъ противъ племени Владиміра Мономаха, т. е., противъ Георгія; но что если онъ откроетъ войну противъ Ольговичей, то они всѣ готовы съ своими дѣтьми ити съ нимъ противъ нихъ. [64] Предчувствіе не обмануло Кіевлянъ. Изяславъ, не внимая ихъ предостереженіямъ и совѣту, уже выступилъ изъ Кіева, какъ вдругъ, на дорогѣ къ Чернигову, получилъ извѣстіе, что всѣ Князья Черниговскіе составили противъ него союзъ съ Георгіемъ. Вѣсть эта передана была немедленно же въ Кіевъ. Ненависть Кіевлянъ горожанъ вспыхнула: они представили изъ себя картину общаго смятенія. Отъ мала до велика всѣ готовы были къ оружію, чтобъ двинуться противъ ненавистныхъ имъ Князей Черниговскихъ; но пред-

[64] См. выше.

мотъ мести и опасеній былъ еще ближе: это несчастный Игорь Ольговичъ, плѣненный Изяславомъ, заключенный потомъ въ монастырь и наконецъ постригшійся въ монахи. Кіевляне страшатся, чтобъ, во время отсутствія ихъ, кто ни будь изъ недоброжелателей не вздумалъ возвести Игоря на Кіевскій престолъ. Они мятутся и ищутъ гибели Игоря, ни кто не въ состояніи остановить ихъ въ этомъ преступномъ намѣреніи, и Игорь погибъ подъ ихъ ударами, какъ врагъ ихъ Князя, какъ врагъ ихъ собственный: «Кіяне же рекоша: «Не мы его убили, но Ольговичъ, Давыдовича и Всеволодичь, яже мыслили на нашего Князя зло, хотяче погубити его льстію; но Богъ за нашимъ Княземъ и Св. Софія.»[65] То же говорила и дружина Изяслава, выступившая съ нимъ прежде изъ Кіева: «Княже! Богъ вѣдаетъ и вси людье, яко не ты его убилъ, но убили его суть братія его, оже хрестъ къ тебѣ цѣловавше, и паки съступиша, и льстью надъ тобою хотѣли учинити и убити хотяче.» [66] Подобное же раздавалось посреди шумнаго вѣча, съ котораго Кіевляне бросились на свершеніе убійства: «Се Игорь, ворогъ нашего Князя и нашь не въ порубѣ (не въ темницѣ), но въ святѣмъ Ѳедорѣ, а убивше того, къ Чернигову пойдемъ по своемъ Князи: кончаемы же ся съ ними!»

Всѣ эти явленія: призваніе Кіевлянами Изяслава, изгнаніе Святослава Ольговича, плѣненіе и смерть Игоря, расхищеніе имущества дружинъ Ольговичей, полная готовность Кіевлянъ биться за Изяслава, уже изгнаннаго Георгіемъ изъ Кіева, расхищеніе потомъ, послѣ смерти Изяслава и самаго Георгія, трехъ дворцовъ, принадлежащихъ сему послѣднему и его сыну, наконецъ избіеніе Суздальцевъ, приведенныхъ Георгіемъ въ земли Кіевскія, и расхищеніе ихъ имуществъ, всѣ эти явленія, въ совокупности съ объясненными выше, кажется, достаточно доказываютъ, что Кіевская система была совершенно отдѣльная система, подобно какъ отдѣльныя системы составляли собой области Черниговскія и Ростовскія; что Кіевъ, сдѣлавшись мѣтою Князей различныхъ системъ, и страшась господства надъ собою этѣхъ системъ, стремился оттолкнуть ихъ отъ себя, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, оттолкуть отъ себя самыхъ Князей, представителей этихъ началъ, и, подобно Черниговской си-

---

[65] Ипат. 34.

[66] Тамъ же стр. 35.

стемѣ, искалъ и поддерживалъ своихъ родовыхъ, племенныхъ, Князей. Въ этомъ-то стремленіи Кіевской системы и заключалась опорная точка Изяслава Мстиславича.

Мы бы могли прослѣдить до конца положеніе наше въ отношеніи полной раздѣльности началъ Кіевскаго, Черниговскаго и Суздальскаго, но планъ изслѣдованія нашего заставляетъ насъ остановиться на настоящихъ указаніяхъ, и обратить вниманіе на двѣ другія системы, входившія въ составъ древней Руси.

Отдѣльность и областная самобытность Полоцкой системы.

Почти нельзя сомнѣваться, что Полоцкая система имѣла своихъ собственныхъ лѣтописцевъ, но лѣтописей Полоцкихъ до насъ не дошло; сказанія же другихъ лѣтописцевъ объ этой системѣ кратки, отрывочны и всѣ могутъ помѣститься на нѣсколькихъ страницахъ. За всѣмъ тѣмъ мы имѣемъ достаточныя данныя къ подтвержденію того, что система эта отчуждалась болѣе, или менѣе, отъ другихъ частей древней Руси не чрезъ Князей своихъ, какъ думаетъ Г. Соловьевъ, а чрезъ духъ областной, который отчуждалъ и Князей отъ ихъ семейнаго или родоваго союза.

Выше было замѣчено, что собственныя дружины Князей были несравненно малочисленнѣе дружинъ мѣстныхъ, что онѣ не могли выдержать ни малѣйшей борьбы противъ послѣднихъ, и что подобныя отношенія были между дружинами мѣстными и Княжескими и въ Полоцкой системѣ, по крайней мѣрѣ, въ XII столѣтіи; слѣдовательно, по этому уже Князья Полоцкіе не могли бы съ своими дружинами покойно владѣть землями Полоцкими, и этѣ земли перешли бы непремѣнно во владѣніе Князей дома Ярослава, если бъ Полочане, или дружины Полоцкой системы, не слились съ ними, не поддерживали, не отстаивали ихъ. Это замѣчаніе невольнымъ образомъ пробуждается въ историкѣ при внимательномъ разсмотрѣніи отношеній Князей Полоцкихъ къ Князьямъ другихъ системъ, и въ особенности къ Кіеву. Явное нарушеніе со стороны Полоцкихъ Князей одного изъ основныхъ закона удѣловъ, о подчиненности ихъ, какъ Князей Удѣльныхъ, Князю Великому, явное стремленіе ихъ къ какой-то самобытности, независимости, не разъ ставило ихъ подъ удары союзныхъ дружинъ, бывшихъ подъ рукою

Князей Кіевскихъ, дѣлало судьбу ихъ романически несчастною, подвергало опустошеніямъ ихъ владѣнія; но они упорствуютъ въ своемъ стремленіи къ областной самобытности, и Полочане поддерживаютъ ихъ, принимаютъ на себя всѣ удары опустошительной войны, и не хотятъ разстаться съ своими Князьями, разбитыми, поруганными. Мы знаемъ, что дѣти Ярослава Великаго, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, должны были соединить силы свои, чтобъ подчинить Всеслава Полоцкаго, врага Великаго Князя по Новгороду. [67] Это одно обстоятельство показываетъ, что Всеслава поддерживали не одни его собственныя дружины, а дружины мѣстныя, Полоцкія. Защита Минска, видно, что была до чрезвычайности упорна, и до такой степени раздражила дружины союзныхъ Князей, что, по взятіи города, не было ни кому пощады: всѣ носившіе оружіе погибли подъ мечами, а жены и дѣти сдѣлались военноплѣнными. [68] Битва съ самимъ Всеславомъ была также упорна и кровопролитна, хотя рѣшилась и не въ пользу Князя Полоцкаго: «И бысть сѣча зла, говоритъ лѣтопись, и мнози падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ.» [69] Послѣ плѣненія Всеслава, которое послѣдовало почти немедленно же за сказанной битвой, и заключенія его въ темницу въ Кіевѣ, казалось, подчиненіе Полоцкаго Княженія Кіеву было вполнѣ упрочено, особливо, если принять въ соображеніе, что сами Полочане, подобно Владимірцамъ, не ищутъ себѣ отдѣльнаго Князя, не стремятся къ болѣе, или менѣе, самобытной жизни; но исторія показываетъ совершенно противное: освобожденный, по случайнымъ обстоятельствамъ, изъ темницы, Всеславъ бѣжитъ, и одного его явленія достаточно, чтобъ онъ снова сдѣлался Полоцкимъ Княземъ. Въ 1068-мъ году, изгнавъ силою оружія Всеслава, Изяславъ успѣваетъ вторично завладѣть Полоцкимъ Княжествомъ, и даетъ Полочанамъ въ Князья собственныхъ своихъ дѣтей, сперва Мстислава, а по смерти его, Святополка; [70] но въ 1071-мъ году Всеславъ безъ бит-

---

[67] Лаврент. 72. Заратися (1066 г.) Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочьскѣ, и зая Новъгородъ; Ярославичи же тріе, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, совокупивше вои, идоша на Всеслава.

[68] Тамъ же. И Мѣняне затворишася въ градѣ; си же братья взяша Мѣнескъ, и сѣкоша мужи, а жены и дѣти вдаша на щиты.

[69] Тамъ же.

[70] Лаврент. 75. Изяславъ же.... прогна Всеслава изъ Полотьска, посади сына

вы снова овладѣваетъ Полоцкомъ и заставляетъ Святополка бѣжать; [71] въ томъ же году, третій сынъ Изяслава, Ярополкъ, хотя успѣ ваетъ одержать третью побѣду надъ Всеславомъ, [72] но этимъ, однако жь, ни сколько не упрочивается господство Кіева надъ Полоцкимъ Княженіемъ, и Всеславъ по прежнему господствуетъ тамъ, мстя за опустошеніе земель своихъ вторженіями въ земли Великокняжескія, и продолжая войну съ дѣтьми Ярослава. Кто же поддерживаетъ Всеслава въ этой борьбѣ? Онъ нигдѣ не могъ найти средствъ для нея, какъ въ стремленіи Полочанъ управляться родовымъ своимъ Княземъ и не быть въ непосредственной зависимости отъ Кіева; а бороться съ Кіевомъ было въ то время не шутка; слѣдовательно, желаніе Полоцкой мѣстной дружины имѣть своимъ Княземъ Всеслава, мѣстной дружины, которая, своею же кровію и достояніемъ, должна была отстаивать своего Князя, составляло желаніе живое, горячее. Тотъ же духъ неповиновенія и вражды въ дѣтяхъ и внукахъ Всеслава. Глѣбъ Всеславичъ не хочетъ слушать воли Владиміра Мономаха, когда сей послѣдній сидѣлъ уже на Великокняжескомъ престолѣ; мало того, воюетъ противъ него и жжетъ два города: Дреговичи и Слуцкъ, и Владиміръ, чтобъ его смирить, долженъ былъ ити на него походомъ со всѣми другими Князьями. [73] Сопротивленіе мѣстныхъ дружинъ не могло задержать этихъ страшныхъ въ то время силъ. Рша (Орша) и Копысъ были взяты приступомъ. Друцкъ, защищавшійся, вѣроятно, съ большою упорностію, сдѣлался военною добычею, т. е., тѣ, которые спаслись отъ меча, лишены были права свободы, и все имѣніе ихъ расхищено. Минскъ, еще послѣ того думалъ защищать права своего родоваго Князя, но самъ Глѣбъ рѣшается признать Мономаха старшимъ Княземъ, отцемъ, главою своей. [74] Однако жь, вліяніе мѣстныхъ дружинъ, превозмогло; нѣтъ сомнѣнія, что, съ удаленіемъ дружинъ, приведенныхъ Владиміромъ, Глѣбъ измѣнилъ своему обѣщанію; по тому что описанное нами

своего, Мстислава, Полотьскѣ; онъ же вскорѣ умре ту; и посади въ него мѣсто брата его, Святополка, Всеславу же бѣжавшю.

[71] Тамъ же. Въ се же лѣто (1077 г.) выгна Всеславъ Святополка изъ Кіева.

[72] Тамъ же.

[73] Ипат. 7. Володимеръ же.... пойде.... съ сынъми своими и съ Давыдомъ Святославичемъ и Ольговичи.

[74] Ипатьев. 7.

событіе относится къ 1116 году, а подъ 1117 годомъ мы читаемъ въ лѣтописи: «Выведе Глѣба изъ Меньска Володимеръ.» [75] Въ 1119 году Глѣбъ снова является въ Минскѣ, но опять, какъ Князь, не хотѣвшій ходить въ волѣ Великаго Князя, по тому что Владиміръ въ томъ же году идетъ на него войною, беретъ Минскъ и самаго приводитъ въ Кіевъ плѣнникомъ, гдѣ онъ и умираетъ. [76] Въ 1128 году, по волѣ Великаго Князя, Мстислава, сына Мономахова, отвсюду опять двинулись полчища противъ Полоцкой земли, изъ Турова, Владиміра Волынскаго, Городни, изъ Клецска, изъ Кіева, Чернигова, Новгородсѣверска, и, слѣдовательно, Полоцкое Княжество или система Полоцкихъ Княжествъ, продолжала такимъ образомъ оказывать сопротивленіе воли Великаго Князя; но сила сдавила собственную волю Полочанъ: Полоцкъ, мѣстный стольный городъ, не въ состояніи былъ отстоять своего Князя, Давыда, однако жь въ то же время, хотя и съ соизволенія Мстислава, скрывается подъ кровомъ не Князя дому Мономаха, или вообще другой какой ни будь системы, а подъ кровомъ своего родоваго Князя, Рогволода [77] (который, кажется, вскорѣ послѣ того умеръ). Въ слѣдъ за тѣмъ Полоцкая система стремится опять стать въ прежнія отношенія къ Кіевскому или Великому Князю. Тогда Мстиславъ рѣшается нанести ей уже окончательный ударъ, лишая ея Князей собственныхъ, которыхъ онъ заточилъ въ Константинополь, назначивъ туда Князьями своихъ дѣтей, Изяслава и Святополка, и разославъ по всѣмъ городамъ своихъ собственныхъ намѣстниковъ. [78] Такъ Полоцкая система утратила совершенно свою независимость и подпала подъ непосредственную власть Кіева; но на долго ли? Чрезъ 10, или 11, лѣтъ послѣ заточенія являются Полоцкіе Князья изъ своей ссылки посреди своихъ Полочанъ, и тѣ радостно принимаютъ ихъ, и снова бьются за нихъ, изгнавши въ

---

[75] Тамъ же 8.

[76] Тамъ же. Володимеръ взя Менескъ у Глѣба у Всеславича, самого приведе Кіеву. Томъ же лѣтѣ преставися Глѣбъ въ Кіевѣ Всеславичь Сентября въ 13 д.

[77] Тамъ же стр. 11. И тако Полочане сътънувшеси, выгнаша Давыда съ сынъми, поемше Рогъволода, идоша ко Мьстиславу, просяче его собѣ Княземъ, и створи волю ихъ Мьстиславъ: поемше Роговолода, ведоша къ Полотьску.

[78] Итатьев. 12. У се же лѣто (1130 г.) поточи Мьстиславъ Полотьскіи Князѣ съ женами и дѣтьми въ Грекы.

то же время сына Мстиславова, Святополка, изъ Полоцка. [79] Правда, часть земель Полоцкихъ осталась за Кіевомъ; правда и то, что Полоцкая система, послѣ всѣхъ войнъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, не имѣетъ уже въ послѣдствіи времени того значенія, какое она имѣла при Ярославѣ Великомъ, и становится въ большей, или меньшей, зависимости отъ другихъ Князей, но не теряетъ своей областной самобытности совершенно, такъ что до самаго покоренія Литвой сохраняетъ своихъ родовыхъ Князей, потомковъ Изяслава Владиміровича, сына Владиміра Великаго и Рогнѣды, дочери Полоцкаго Князя, Рогволода.

Разсматривая всѣ эти событія, мы видимъ и здѣсь, что Полоцкая община или система не хочетъ имѣть другихъ Князей, какъ только своихъ Князей родовыхъ: она не обращаетъ вниманія на личныя качества, достоинства ихъ, не думаетъ предпочитать имъ Князей другихъ системъ, даже высокодоблестныхъ, каковъ, на прим., былъ Владиміръ Мономахъ; что, по областному началу, она и въ семъ отношеніи стремится обособиться отъ другихъ областей, стремится заключиться въ самой себѣ; что по этому не Князья Полоцкой системы отдѣляли Полочанъ отъ другихъ системъ, а, напротивъ, Полочане отдѣляли Князей отъ ихъ родственнаго союза и готовы были всегда проливать за нихъ кровь свою, чтобъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ можно менѣе подчиняться чуждымъ своей области началамъ, которыя могли бы принести къ нимъ Князья другихъ системъ.

Галицкое Княжество.

Послѣ всего выше изложеннаго, относительно стремленія разныхъ частей Государства замкнуться отъ вліянія другъ на друга, отъ зависимости одной части отъ другой, мы бы могли, кажется, безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, признать подобное стремленіе и въ Княжествѣ Галицкомъ. Конечно, не Княжеская дружина, а дружина мѣстная, могла только отстоять права дома Ростислава на земли Галицкія, посреди неоднократнаго покушенія Кіева завладѣть этими правами и подчинить Галицкія земли собственнымъ своимъ Князьямъ; не Княжеская дружина могла поразить Кіевскія

[79] Лаврент. 132.

дружины, двинутыя Великимъ Княземъ, Святополкомъ-Михаиломъ, противъ Володаря и Василька; [80] не она могла принять и выдержать тотъ ударъ, который несъ противъ Ярослава, сына Владимірова, Изяславъ Мстиславичъ, внукъ Мономаха, ударъ могучій, предъ которымъ невольнымъ образомъ склонялись и Князья Черниговско-системы. [81] Слѣдовательно, большая, или меньшая, независимость Князей Галицкихъ покоилась на стремленіи къ отдѣльности, къ независимости, мѣстныхъ дружинъ Галицкихъ. Но мы имѣемъ возможность здѣсь повѣрить мысль нашу болѣе подробными данными.

Постоянныя непріязненныя отношенія Галицкой земли къ Володиміру Волынскому, этому пригороду Кіева, доказываютъ уже общинную ея отдѣльность. Князь Владиміра Волынскаго, по этому, не могъ быть Княземъ Галицкимъ, какъ только при особыхъ условіяхъ.

Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ то же самое явленіе, какое замѣтили уже въ системахъ Кіевской, Черниговской и Полоцкой, именно: съ одной стороны, стремленіе къ господству надъ другими частями, съ другой движеніе этѣхъ частей оттолкнуть такое господство и поддержать родовыхъ своихъ Князей всѣми силами, дабы, подъ ихъ покровомъ, спастись отъ притязаній Кіева, подобно тому, какъ земли Владимірскія стремятся со всею мощью скрыться отъ вліянія начала Ростовскаго и Суздальскаго, въ чемъ, наконецъ, и успѣваютъ, получивъ себѣ отдѣльныхъ, ни сколько не зависимыхъ отъ Ростова и Суздаля, Князей, за которыхъ они и готовы положить свои головы до послѣдняго.

О собственной дружинѣ Князей Галицкихъ, до тѣхъ поръ, пока княжилъ тамъ домъ Ростислава, нѣтъ даже намековъ, и, безъ сомнѣнія, они не имѣли ея, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Здѣсь Боярство было полно крѣпости, силы и, господствуя подъ покровомъ своихъ Князей, надъ прочими составными частями, страшилось потерять это господство чрезъ вмѣшательство посторонняго на-

---

[80] Лавр. 114. Брани же велицѣ бывши и многѣмъ падающимъ отъ обою полку, и видѣвъ Святополкъ, яко люта брань есть, и побѣже, и прибѣже Володимірю,

[81] Ипат. 73. «И ступишася полцы, и бысть сѣча зла, и бишася отъ полудне до вечера. И бѣ межи ими смятеніе, и не видяхуть, которыи суть побѣдише, Изяславъ женяшеть Галичаны, а братья его бѣжаша; и тако побѣже Святополкъ. Володимерьскіи Князь, и по немъ и Володимеръ Мьстиславичь и Мьстиславъ Изяславичь.» Самъ Изяславъ переночевалъ съ остатками своей дружины, но на другой же день отступилъ обратно къ Кіеву.

чала, а по тому съ мечемъ въ рукахъ всегда готово было оттолкнуть это вмѣшательство. Боярское начало, можно сказать, порабощало въ Галичѣ всѣ остальныя начала, и скопляло себѣ, на счетъ сихъ послѣднихъ, несмѣтныя сокровища. На это-то Боярское начало опирались Князья Галицкіе, потомки Ростислава. Двукратное покушеніе освободиться отъ произвола Боярскаго, и найти себѣ защитника въ Князьяхъ дома же Ростислава, это покушеніе со стороны горожанъ, кончилось во вредъ же имъ самимъ. Бояре со всею мощью поддерживали своихъ родовыхъ Князей, и чрезъ нихъ господствовали по прежнему надъ землями Галицкими. Все это долгое время скрывалося нашими лѣтописцами подъ завѣсою тайны, но съ пресѣченіемъ Княжескаго дома Ростислава, мы, наконецъ, вводимся лѣтописцемъ во внутренній бытъ Княжества Галицкаго.

Галицкое Княжество, по своему внутреннему развитію, составляетъ съ Новгородомъ два крайніе предѣла, въ которыхъ развивалась жизнь другихъ частей Руси, и по этому его исторія, обозначая рѣзче начала нашей жизни, ихъ взаимныя отношенія, можетъ служить объясненіемъ внутренняго развитія другихъ Княжествъ, которое лѣтописцы слѣдятъ только въ частныхъ, болѣе замѣчательныхъ, явленіяхъ, скрывая первоначальную ткань ихъ, подобно тому, какъ, на прим., они скрываютъ ткань въ разсказѣ о смерти Андрея Боголюбскаго.

Пресѣченіе дома Ростислава въ лицѣ Владимірка, и смерть Романа Мстиславича Волынскаго, завладѣвшаго Галицкимъ Княжествомъ посредствомъ силы и страха, сдѣлало Галицкій престолъ праздным. Если бъ слѣдовать основной мысли Г. Соловьева, что распаденіе Государства на удѣлы завпсѣло не отъ распаденія самаго Государства на извѣстныя общины оли области, изъ коихъ каждое стремилось имѣть своего родоваго Князя, и быть чрезъ него болѣе, или менѣе, независимымъ отъ другихъ Княжествъ, а единственно только отъ семейнаго взгляда самаго княжившаго у насъ Дома, взгляда, по коему каждый Князь имѣетъ право на удѣлъ, на управленіе болѣе, или менѣе, независимое какою ни будь извѣстною частію Государства, въ такомъ случаѣ споръ о наслѣдованіи Галицкаго Княженія ко смерти Романа Волынскаго сдѣлался бы споромъ Князей между собою, безъ всякаго движенія составныхъ частей самого Галицкаго Княжества. Между тѣмъ здѣсь

мы видимъ совершенно противное: споръ между Князьями играетъ второстепенную роль, а главную—мѣстныя дружины.

Галицкое Княжество по своему внутреннему составу, какъ мы замѣтили, было по преимуществу Княжество аристократическое, Боярское. Бояре, съ своей дружиной, потерявъ родовыхъ Князей, страшились всѣхъ измѣненій въ своей судьбѣ, которыхъ такъ естественно должно было ожидать съ водвореніемъ на Галицкомъ престолѣ новой Княжеской вѣтви, особливо при тогдашнемъ ходѣ дѣлъ, гдѣ каждый Князь, опираясь на свои родовыя мѣстныя дружины, вводилъ часть ихъ съ собою въ новое наслѣдіе, какъ людей, ближайшихъ и болѣе надежныхъ для него. Во всякомъ же случаѣ, заслуги, оказанныя прежде княжившему Дому, при новомъ Князѣ могли быть не оцѣнены, даже вовсе забыты, и люди заслуженные, люди, игравшіе первую роль, пользовавшіеся милостями, явиться позади людей новыхъ, изъ коихъ многіе были не болѣе, какъ ихъ же прежніе клевреты, ихъ подручники. Мысль эта видно, страшно пугала Боярство Галицкое, и смерть Романа повергаетъ Княжество въ продолжительное общее смятеніе, подобное нѣсколько, по своей внѣшности, тому, которое открылось у насъ во время междуцарствія. Дружины, которыя такъ горячо бились за домъ Ростислава, становятся теперь въ то же самое положеніе, въ какомъ стояли дружины Полоцкія въ отношеніи Князей, которыхъ Кіевъ хотѣлъ насильно посадить на престолъ ихъ, въ замѣнъ родовыхъ Князей въ землѣ Полоцкой. Они холодны къ нимъ; они не довѣряютъ имъ и не хотятъ соединить съ ними собственныхъ силъ своихъ, или соединяютъ боязливо, нерѣшительно, или же, напротивъ, стремятся оттолкнуть ихъ отъ престола Галицкаго. Рюрикъ Ростиславичъ, Великій Князь древнихъ Русскихъ земель, предупреждаетъ другихъ Князей и двигается съ силами на Галичъ, въ намѣреніи располагать судьбою Галича; но Галичане не оказываютъ Рюрику ни содѣйствія къ завладѣнію Галицкимъ престоломъ, ни сопротивленія, которое они могли бы, по видимому, сдѣлать за малолѣтныхъ дѣтей Романа, поработившаго ихъ своими Волынскими силами, т. е., за Даніила и Василька, которые были тогда съ своею матерью въ Галичѣ и которыхъ права поддерживалъ открытою силою Король Угорскій, другъ Романа: въ той и другой Княжеской вѣтви, къ потомкамъ Мстислава Володиміровича, они остаются, по видимому, въ отношеніяхъ чуж-

дыхъ, а между тѣмъ въ средѣ многихъ Князей, безмолвныхъ, или открытыхъ притязателяхъ и соперникахъ на ихъ Княжество, они изыскиваютъ для себя Князя, который могъ бы быть болѣе согласенъ съ ихъ видами. Рюрикъ, страшась Угровъ, бывшихъ уже въ Галичѣ для защиты правъ Даніила и Василька, видя полное хладнокровіе къ нему Галичанъ, вступивши уже въ земли Галицкія, не рѣшился двинуться на самый Галичъ и возвратился безуспѣшно въ Кіевъ. [82] Въ это время пріѣхалъ изъ Черниговскихъ земель одинъ изъ Галицкихъ вельможъ и, какъ говоритъ лѣтописецъ, славилъ дѣтей храбраго Игоря Святославича, погубившаго свои дружины, мстя врагамъ нашимъ, Половцамъ. Всѣ выгоды заставляли Галичанъ обратиться, съ призваніемъ на праздный престолъ къ Князьямъ Сѣверскимъ. Они принадлежали къ оной изъ младшихъ линій Князей Черниговской системы, и, слѣдовательно, въ своихъ видахъ, въ своемъ распространеніи власти, они, по тогдашнему ходу дѣлъ, могли имѣть соперниками своими за Галичъ въ Князьяхъ самой же Черниговской системы; сверхъ того, постоянный споръ межеу домомъ Мономаха и потомками Святослава Ярославича, къ числу коихъ принадлежали и Князья Сѣверскіе, за господство въ земляхъ Русскихъ, не могъ не вызвать чувства враждебнаго между Мономаховичами, въ случаѣ восшествія на престолъ Галицкій Князя чуждаго, и даже враждебнаго имъ Дома. Самое удаленіе земель Сѣверскихъ отъ Галицкаго Княжества должно было лишить Князей Сѣверскихъ, при водвореніи ихъ въ Галичѣ, быстрой помощи со стороны собственныхъ родовыхъ мѣстныхъ дружинъ. Всѣ эти три обстоятельства вмѣстѣ могли поручиться за дѣтей Игоря Святославича, что они будутъ стараться опереться въ своемъ господствѣ надъ Галичемъ, въ спорѣ за него съ другими Князьями, почти неизбѣжномъ, на расположеніе, на любовь, са-

---

[82] Ипат. 156. Лѣтописецъ хотя и прибавляетъ, что Галичане боялись Угровъ, и по тому не оказали содѣйствія Рюрику на Галицкій престолъ, но дальнѣйшія событія и безмолвный отказъ Рюрика отъ новаго открытаго покушенія завладѣть Галицкими землями, доказываютъ, что если Галичане и готовы были всегда предпочесть господство Князя Кіевскаго господству Угровъ, но не хотѣли, однако жь, также и Рюрика видѣть на своемъ престолѣ. Это предположеніе совершенно оправдывается призваніемъ, въ слѣдъ же за тѣмъ, Князей Сѣверскихъ, и покойнымъ водвореніемъ ихъ въ Галицкихъ земляхъ.

михъ Галицкихъ мѣстныхъ дружинъ, столь всегда славно подвизавшихся за прежній свой Княжескій Домъ. Къ нимъ-то Галичане обратились съ призваніемъ, минуя всѣхъ другихъ старшихъ Князей. Общее желаніе, общее движеніе, дружинъ Галицкихъ въ этомъ случаѣ заставило Угровъ безъ боя отказаться отъ стремленія поддерживать права дѣтей Романа, и Игоревичи покойно утверждаются въ земляхъ Галицкихъ. Немедленно же за тѣмъ обнаруживается вліяніе мѣстнаго начала на самыхъ дѣтей Игоря Святославича: не имѣя ни малѣйшаго права на Волынь, они притязаютъ на Владимірское Княженіе, [83] котораго силъ и близкаго сосѣдства опасаются Галичане, какъ общины постоянно враждебной имъ, и которое дѣлалось имъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ еще опаснѣе, по тому что споръ за ихъ престолъ еще былъ не рѣшенъ, а между тѣмъ дѣти Романа, Даніилъ и Василько, имѣли на оный большее противъ другихъ Князей право, такъ какъ ихъ отецъ владѣлъ Галицкими землями.

Въ слѣдующій за тѣмъ годъ (1203), почти можно сказать навѣрное, то же вліяніе Галицкихъ Бояръ успѣло поссорить братьевъ Князей между собою, въ слѣдствіе чего Романъ, не находя ни какого содѣйствія, къ защитѣ правъ своихъ, между Звенигородцами, кои достались на его долю, долженъ былъ бѣжать къ Уграмъ, гдѣ и получилъ помощь противъ своего брата. Галичане на этотъ разъ вооружились за Владиміра, но ихъ содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ было безъ той мощи, съ которой они защищали своихъ прежнихъ родовыхъ Князей, потомковъ Ростислава: послѣ битвы они рѣшаются принять не желаннаго ими Романа, и Володиміръ, въ свою очередь, бѣжитъ изъ земель Галицкихъ.

Въ 1205 году Галичане вторично обнаружили, что ихъ надежды на Романа Игоревича ошибочны, и были до того равнодушны къ его судьбѣ, что Угры, подстрекаемые, безъ сомнѣнія, нѣкоторыми изъ Галицкихъ же Бояръ, безъ борьбы овладѣваютъ Галичемъ, самимъ Романомъ, котораго они отсылаютъ въ Угрію, и при томъ успѣваютъ подойти къ самому Галичу такъ тайно, что Романъ Игоревичъ вовсе не ожидалъ ихъ и преспокойно себѣ мылся въ банѣ, гдѣ Угорцы и плѣнили его, чего, замѣтимъ мимоходомъ, никогда не могло случиться, если бы не было общаго нерасположенія

[83] Ипат. 156.

противъ Романа, и если бъ движеніе Угровъ не было движеніемъ, желаннымъ для самихъ Галичанъ, [84] которые, вѣроятно, въ это время явно и открыто въ самыхъ дѣлахъ высказывали свое недовольство на Романа, по тому что лѣтописецъ говоритъ, что Король Угорскій двинулъ свои силы, узнавъ о безаконьи Галицкомъ и мятежѣ. [85] Такимъ образомъ Галицкая дружина явно недоброжелательствуетъ Роману и, противодѣйствуя ему, выставляетъ Угровъ, какъ въ первомъ стремленіи избавиться отъ него, его роднаго брата, Владиміра.

Угорскаго господства Галицкая дружина явно что не боится. Судиславъ, одинъ изъ первыхъ Галицкихъ вельможъ, въ продолженіе этого колебанія мыслей, о томъ, которой изъ Княжескихъ вѣтвей суждено будетъ утвердиться на Галицкомъ престолѣ, говорилъ, что если престолъ этотъ достанется одному изъ сыновей Короля Угорскаго, то легко можно будетъ вырвать его опять изъ рукъ Угровъ; [86] и мысль его была основана на сущности дѣла: чувство ненависти къ господству иноплеменниковъ было общее для всѣхъ общинъ (областей), на которыя распадалась тогда Русь. По плѣненіи Романа Угры, или Угорскій вельможа, Бенедиктъ, располагаютъ Галичемъ; но не долго; его господство тяготитъ страну, мѣстная дружина становится снова подъ покровъ Романа и, его брата, Владиміра. Склонивъ Мстислава Пересопницкаго къ наступательному движенію, обманомъ суля ему Галицкій престолъ, она заставляетъ Угровъ немедленно же бѣжать изъ Галича, который, какъ и прежде, по желанію, или расчетамъ, Галичанъ, достается въ руки Владиміра, а Романъ получаетъ Звенигородъ. Послѣдній изъ нихъ, испытавши два раза недовольство Галичанъ, казалось, могъ бы выразумѣть дѣло, но онъ былъ далекъ отъ этого, какъ и его братъ, Владиміръ, котораго Бояре, кажется, любили и готовы были отдаться ему, какъ Князю родовому, хотя все таки не вдругъ могли ему довѣриться. Тотъ и другой, замѣчая въ мѣстной Боярской дружинѣ какое-то колебаніе, считая оное коварствомъ, не хотѣли понять, что дружина эта, имѣвшая въ продолженіе долгаго времени своихъ родовыхъ Князей, не могла опять имъ отдаться съ полною довѣрен-

---

[84] Ипат. 157. Андрей же Король, посла Бенедикта со вои своими, и я́ Романа въ бани мыющася, и посла и́ во Угры.

[85] Тамъ же.

[86] Смотри далѣе самый текстъ.

ностію, такъ какъ они были Князья-представители совершенно другой Русской области. Въ этомъ заключалась та ошибка Игоревичей, которая влекла за собою слѣдствія кровавыя и для нихъ и для земли Галицкой. Но прежде, нежели мы скажемъ о дѣйствительной развязкѣ обстоятельствъ, въ которыя поставили себя Игоревичи чрезъ ни полное сознаніе дѣла, мы должны сказать нѣсколько словъ о другомъ составномъ началѣ Княжества Галицкаго. Это начало было то же самое, которое мы замѣтили уже послѣ разбитія союзныхъ нашихъ дружинъ, при Изяславѣ Ярославичѣ, въ Кіевѣ и во Владимірѣ на Клязьмѣ, во время борьбы между Михаиломъ и Всеволодомъ Георгіевичами противъ племянниковъ своихъ, Ростиславичей, и которое въ скоромъ времени увидимъ въ Великомъ Новгородѣ съ развитіемъ своеобразнымъ. Начало это въ Княжествѣ Галицкомъ показывается исторически въ первой половинѣ XII столѣтія, именно, во время княженія Владиміра, хотя разсказъ объ немъ лѣтописца такъ не ясенъ, что безъ дальнѣйшей исторіи остался бы для насъ совершенно непонятнымъ.

Подъ 1144 годомъ обнаружилось движеніе въ Галичѣ противъ помянутаго Князя, Владиміра, въ пользу его племянника, Ивана Ростиславича. Это движеніе лѣтописецъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «На ту же зиму, вышедшю Володимиру въ Тисьмяничю на ловы, въ то же время послашася Галичане по Ивана по Ростиславича въ Звенигородъ (Галицкій), и въведоша къ собѣ въ Галичь. Володимеръ же, слышавъ, съвкупи дружину, и пріиде на нь къ Галичю, и ста около города, и, выѣздяче изъ города, бьяхуся крѣпко, и мнози падаху отъ обопхъ, и бишася оль 3 недѣли; въ недѣлю же мясопустную на ночь выступи на не Иванъ съ Галичаны, и много бишася, и побиша у Ивана дружины много, и заступи и отъ града, и нельзѣ бяше възъвратитися ему у градъ, и пробѣже сквозѣ полкъ къ Дунаю, и оттуда полемъ прибѣже ко Всеволоду Кіеву. Галичане же всю недѣлю бишася по Иванѣ съ Володимеромъ, и нужею отворишася въ недѣлю мясопустную. Володимеръ же, вшедъ въ Галичь, многи люде изсѣче, а иныя показни казнію злою». [87] Кто совершилъ это движеніе? Какая была цѣль его? лѣтописецъ умалчиваетъ. Мы можемъ замѣтить только, что движеніе это не распространилось сколько ни будь по землѣ Галицкой; слѣдовательно, должно полагать, что Галичъ въ

[87] Ипат. 20.

настоящемъ случаѣ былъ очагомъ его и мѣстомъ развитія. Подъ 1159 годомъ сынъ Владиміра, Ярославъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ вырвать изъ рукъ Князя Кіевскаго, Изяслава Давыдовича, своего двоюроднаго брата, помянутаго Ивана Ростиславича, и завлядѣть его лицомъ, [88] и опасенія его на счетъ сего послѣдняго были не безъосновательны; но при этомъ становится уже яснымъ, что это была за сторона, которая желала выставить Ивана противъ Ярослава. Она принадлежала ко второму государственному началу: «Иванъ же тогда уполѳшився, ѣха въ поле къ Половцемъ, и шедъ съ Половци, и ста въ городѣхъ Подунайскыхъ, и изби двѣ кубарѣ, и взя товара много въ нею, и пакостяше рыболовомъ Галичьскымъ. И придоша къ нему Половци мнози, и Берладника у него скупися 6000, и пойде къ Кучелмину, и ради быша ему, и оттуда къ Ушицѣ пойде. И вошла бяше засада Ярославля въ городъ, и начашася бити крѣпко засадници изъ города, а смерди скачють черезъ заборола къ Иванови, и перебѣже ихъ 300». [89] Такимъ образомъ жители Кучелмина были на сторонѣ Ивана; жители Ушицы тоже, по тому что лѣтописецъ говоритъ, что отпоръ Ивану дѣлала дружина, введенная въ Ушицу, а что смерды, т. е., обыватели Ушицы, названные такъ въ противоположность Боярству Галицкому, которое поддерживало Ярослава, [90] были до такой степени расположены къ Ивану, что до 300 человѣкъ перебѣжало къ нему чрезъ городскія стѣны. То же начало является съ тѣмъ же самымъ направленіемъ подъ 1146 въ одномъ изъ болѣе замѣчатель-

---

[88] Тамъ же ст. 83. Томъ же лѣтѣ нача Ярославъ Галичьскый искати Ивана Ростиславича, стрыичича своего; Ярославъ бо бяше подмолвилъ Князѣ Рускіѣ, и Короля, и Лядьскія Князя, да быша ему были помощници на Ивана, и обѣщашася ему вси. И послаша послы Кіеву къ Изяславу Давыдовичю: Ярославъ Галичьскій, Святославъ Ольговичь, Ростиславъ Мьстиславичь, Мьстиславъ Изяславичь Владимирь Андреевичь, Святославъ Всеволодовичь, Король, и отъ Ляховъ мужъ свой.» Иванъ Ростиславичь находился до того времени въ Кіевѣ и былъ подъ покровительствомъ Изяслава Давидовича.

[89] Тамъ же 83 и 84.

[90] Давидъ Игоревичь назвалъ въ отношеніи Князей смердами не только городскихъ обывателей, но даже старшихъ Бояръ: «Святополкъ и Володимеръ посласта къ Ольгови, глаголюща сице: «Пойди Кіеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли предъ Епископы, и предъ Игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людьми градскими!» Олегъ же, воспріимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: «Нѣсть мене лѣпо судити Епископу, ли Игуменомъ, ли смердомъ.» Лаврент. 98.

ныхъ городовъ Княжества Галицкаго, именно въ Звенигородѣ: Звенигородцы не хотятъ биться противъ Всеволода Ольговича, заступившагося за изгнаннаго Ивана Ростиславича и осадившаго Звенигородъ; Воевода Володимера Галицкаго долженъ былъ употребить самыя строгія мѣры для того, чтобъ застращать Звенигородцевъ и заставить ихъ дѣйствовать противъ осаждающихъ безъ лести: «Всеволодъ съвкупи братью свою.... и бысть многое множество вой, идоша къ Галичю на Володимирка.... и пожгоша около его (Звенигорода) остругъ первый день, а вторый день створиша вѣче Звенигородьчи, хотяче ся передати. И бѣ у нихъ воевода, Володимирь (Володимира Галицкаго) мужь, Иванъ Халдѣевичь, изоима у нихъ мужи 3, и уби я, и когождо ихъ перетенъ на полъ, поверже я изъ града; тѣмъ и загрози имъ. И начаша ся Звенигородьци оттолѣ бити безъ лести.» [91] Соображая эти послѣднія два явленія съ первымъ, нельзя не согласиться, что движеніе, обнаружившееся въ самомъ Галичѣ, совершено было тою же стороною, которая показывала явное расположеніе къ Ивану Ростиславичу въ другихъ городахъ, подобно тому, какъ обыватели Галича обнаружатъ не разъ открытое движеніе въ пользу другого Князя, что будетъ объяснено нами ниже.

Такимъ образомъ, если не по всѣмъ, по крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ городамъ, въ томъ числѣ по двумъ значительнѣйшимъ, Звенигороду и Галичу, уже въ XII столѣтіи скопилось начало, которое стремилось прикрыться подъ покровомъ особаго Князя, принадлежащаго также къ дому Ростислава; но попытки его остались тогда тщетными.

Обращая теперь вниманіе на дальнѣйшую Исторію Галицкаго Княжества, на исторію послѣ пресѣченія дома Ростислава, мы открываемъ, что сказанныя явленія знаменуютъ почти то же самое, что знаменуетъ борьба между Володимирцами и Ростовцами, уже нами объясненная. Вся сила, все управленіе, послѣ смерти Владимирка, послѣдняго потомка Ростислава, обнаруживается, какъ мы подробнѣе это изложимъ ниже, въ рукахъ Галицкихъ Бояръ, и въ противодѣйствіи имъ является новая сторона, сосредоточившая въ себѣ среднее начало (элементъ); но эта сторона составляетъ единое только въ цѣли своей, а въ дѣйствительности является разрозненною по

[91] Ипат. 21—22.

городамъ и вступающею въ противодѣйствіе робко, безъ мощи, между тѣмъ какъ Бояре Галицкіе образуютъ собою одно цѣлое, и, какъ отдѣльное какое ни будь общество, господствуютъ въ земляхъ Галицкихъ. Слѣдовательно, домъ Ростислава господствовалъ надъ Галицкими землями, какъ мы выше замѣтили, чрезъ общество Боярское; и какъ общество Боярское составляло собою цѣлое, недѣлимое, по этому и Князь, котораго оно окружило, долженъ былъ исключать отъ участія въ господствѣ надъ землями Галицкими всѣхъ остальныхъ Князей, хотя бы они принадлежали къ тому же самому дому, къ которому онъ самъ принадлежалъ; по этому и распаденіе Галицкаго Княжества на удѣлы, съ правомъ каждаго Князя на болѣе, или менѣе, независимое управленіе, было не возможно, пока самое общество Боярское не явилось въ распадающемъ видѣ. Такъ въ дѣйствительности въ Галичѣ и было, и это явленіе имѣетъ опять большое сходство съ тѣмъ, какое мы замѣтили уже въ землѣ Ростовской, гдѣ Боярство стремится, чтобъ Князь, котораго окружали они, былъ единственнымъ Княземъ въ земляхъ, подчиненныхъ старому Ростовскому Боярству, хотя Боярство является въ Ростовѣ слабымъ, некрѣпкимъ и составляетъ собою совершенную противоположность съ Боярствомъ Галицкимъ, точно также какъ Галицкое среднее начало (элементъ) въ семъ отношеніи образуетъ собою полную потивоположность съ подобнымъ же новымъ началомъ, которое развивается во Владимірѣ на Клязьмѣ.

Изъ всѣхъ сихъ явленій мы заключаемъ, что когда Князья Галицкіе, всегда, если можно такъ выразиться, единодержавные, покровительствуя Боярамъ, налегали, вмѣстѣ съ ними, на всю землю, народная сторана, въ лицѣ второго или городскаго начала, желала найти себѣ защитника, котораго и искала въ Князьяхъ, исключенныхъ изъ господства. Переходимъ теперь къ судьбѣ Игоревичей.

По пришествіи своемъ въ земли Галицкія, одинъ изъ нихъ, Владиміръ, сѣлъ въ Галичѣ, другой, Романъ, въ Звенигородѣ. Боярство, нѣтъ сомнѣнія, окружало того и другого Князя, но нѣтъ, въ то же время, сомнѣнія, что главнѣйшіе изъ Бояръ состояли при Владимірѣ Игоревичѣ, а съ Романомъ были Бояре младшіе; по тому что Галичъ былъ столичнымъ, господствующимъ, городомъ Галицкаго Княжества, и, слѣдовательно, средоточіемъ Галицкаго Боярства. Идемъ далѣе. По своему положенію, какъ Князь Галицкій, какъ Князь, опиравшійся на старѣйшее Боярство, Владиміръ своимъ княженіемъ

долженъ былъ составлять продолженіе Боярской исторіи, какою была исторія Галича при Домѣ Ростислава; и сторона, которая стремилась прикрыться подъ особымъ покровомъ того, или другого, Князя, не могла видѣть въ немъ своей опоры, а по этому должна была быть доступнѣе къ его брату, Роману, и положить на него всѣ свои надежды. Такимъ образомъ мы видимъ въ Романѣ Игоревичѣ представителя народной, не Боярской стороны, тогда какъ во Владимірѣ по его положенію, представителя стороны Боярской. Разсказанныя нами событія доказываютъ, что сторона Боярская видѣла свою ошибку въ призваніи Романа Игоревича, и по тому выставила въ противодѣйствіе ему брата его, Владиміра, но не-рѣшительно поддерживала и сего послѣдняго, когда Романъ явился съ Уграми. Самъ Владиміръ понималъ, кажется, нетвердость расположенія къ нему Галицкихъ Бояръ, и по тому не продолжалъ спора своего противъ Романа за Галичъ; но когда сами обстоятельства посадили его на престолѣ Галицкомъ, [92] онъ уже дѣйствуетъ согласно съ братомъ, и рѣшается, вмѣстѣ съ нимъ, нанести рѣшительный ударъ Галицкому Боярству; но сторона народная, на которую они могли бы въ семъ предпріятіи опереться, и которая, быть можетъ, сама была имъ руководителемъ, не имѣла еще сколько ни будь достаточныхъ силъ для исполненія подобнаго предпріятія,—и Игоревичи дѣлаются жертвою борьбы между двумя жизнями, новою и старою. Умерщвленіе Игоревичами 500 человѣкъ Бояръ, [93] не только не заставило смириться другихъ, а, напротивъ, какъ мы увидимъ ниже, возбудило въ остальныхъ Боярахъ еще большее недовѣріе и къ нимъ и къ другимъ нашимъ Князьямъ, соискателямъ Галича; мало того, это страшно вооружило ихъ противъ Игоревичей, рѣшило искать гибели Князей-пришельцевъ, разрушившихъ порядокъ, устройство, которое земля Галицкая имѣла съ давнихъ поръ и сохранила ненарушимо въ продолженіи всего княженія у нихъ Дома Ростислава. Они ведутъ противъ Игоревичей Угровъ. [94] Владиміръ, не поддерживаемый откры-

---

[92] Галичане вызвали его и его братьевъ вторично на княженіе, послѣ несноснаго для нихъ господства Угорскаго полководца, Бенедикта.

[93] Ипат. 158. Съвѣтъ (совѣтъ) же створиша Игоревичи на Бояре Галичкыи, да изьбьють и, по прилучаю избьени быша; и убьенъ же бысть Юрьи Витановичь, Илія Щепановичь, инїи величїи Бояре, убьено же бысть ихъ числомъ 500.

[94] При общемъ движеніи Боярскаго начала противъ Игоревичей, Романа, конечно, поддерживала сторона народная.

ни кѣмъ, бѣжитъ; Романа защищаютъ еще Звенигородцы, и защищаютъ упорно, [95] но прежде, нежели борьба кончилась, Романъ самъ оставляетъ Звенигородцевъ, въ надеждѣ привести противъ Галицкихъ Бояръ новыя силы изъ другихъ системъ Русскихъ, и попадается, между тѣмъ, въ плѣнъ. Звенигородцы узнаютъ объ этомъ, и сдаются; вмѣстѣ съ тѣмъ сынъ Романа, Ростиславъ, дѣлается плѣннымъ. Святославъ, братъ Романа, еще прежде того былъ выданъ Боярами Перемышльскими Уграмъ. Такъ борьба кончилась; но чувство мести, за то, что Игоревичи избили отцовъ и братій ихъ, разграбили ихъ имѣніе, роздали ихъ земли собственнымъ своимъ Сѣверскимъ дружинамъ, [95] далеко не успокоилось. Сонмъ старшихъ Галицкихъ Бояръ умоляетъ Угровъ не отсылать Игоревичей къ ихъ Королю, а выдать имъ; Князья Сѣверскіе, доставшись въ руки Галицкихъ Бояръ, погибли, подобно тому, какъ погибъ Андрей Боголюбскій, или Игорь Ольговичъ, представители чуждыхъ началъ.

Все это совершено было Боярами во имя сына Романова, Даніила, [96] покровительствуя которому Король Угорскій вывелъ свои полчища противъ Игоревичей, въ полной надеждѣ, что призваніе Галицкими Боярами Даніила въ Галичъ, на мѣсто Игоревичей, было искренно; но послѣ несчастнаго жребія сихъ послѣднихъ, обнаружилась вновь политика Боярскаго начала. Даніилъ, окруженный своими родовыми Волынскими Боярами, преданными ему всей душой, имѣя мать, любящую и проницательную, сынъ отца, который

---

[95] См. далѣе.

[96] Одинъ изъ вельможъ Галицкихъ, Володиславъ, при приближеніи Угровъ къ Перемышлю (1208 г.), говорилъ своимъ братьямъ, Боярамъ, которые засѣли было въ городѣ, думая биться съ Уграми: «Братье! По что смущаетеся? Не сіи ли (т. е., Игоревичи) избиша отци ваши и братью вашу, а инѣи имѣніе ваше разграбиша, и дщери ваша даша за рабы ваша, а отьчьствіи вашими владѣша иніи пришелци... Они же, сжалившиси о бывшихъ, предаша градъ.» Ипат. 158.

[97] Ипат. 158. Описавъ избіеніе 500 Бояръ, лѣтописецъ продолжаетъ: «а иніи разбѣгошася, Володиславъ же кормиличичь бѣжа во Угры, и Судиславъ и Филипъ (два первые, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа лѣтописца, были одни изъ самыхъ первыхъ вельможъ Галицкой земли). Наидоша Данила во Угорьской землѣ дѣтъска суща, и просиша у Короля Угорьскаго: «Дай намъ отцича Галичю Данила, ать съ нимъ примемъ и отъ Игоревичевъ!» Король же съ великою любовью посла воя, и въ силѣ тяжцѣ.... И совокупившеся вси, первое придоша на градъ Перемышль.»

былъ грозою для всѣхъ, наслѣдовавшій, сверхъ того, самъ характеръ отцовскій, не могъ удовлетворять ожиданіямъ Галицкихъ Бояръ, а, напротивъ, какъ представитель начала, всегда враждебнаго Галицкому Княжеству, казался имъ страшенъ, и они готовы были употребить всѣ усилія, чтобъ оттолкнуть Даніила отъ Галицкаго престола. Это непріязненное движеніе обнаружилось немедленно же, когда Угры, завладѣвъ Галицкимъ Княжествомъ во имя Даніила, снова удалились, хотя мысль Боярская объ оттолкновеніи Даніила была не вполнѣ еще созрѣвшею. Они тогда думали только силой раздѣлить сына съ матерью, чтобъ тѣмъ уклонить вліяніе сей послѣдней на юнаго, еще не совершеннолѣтняго, Князя, и управлять страной во имя его, [97] при чемъ обнаружился пылкій характеръ Даніила, не обѣщавшій Галицкимъ Боярамъ много хорошаго въ ихъ видахъ: онъ обнажилъ мечь противъ дерзкаго, который первый рѣшился открыто привести подобное намѣреніе въ исполненіе, сдѣлалъ ударъ, и только судьба спасла несчастнаго и просьбы матери успокоили живую душу юнаго Князя. Вмѣстѣ съ матерью удалена была отъ Даніила и родовая его дружина, такъ что главнѣйшія препятствія къ утвержденію Даніила на Галицкомъ престолѣ для Галичанъ исчезли, и они удерживаютъ сына Романа еще у себя, какъ будто желая его имѣть своимъ Княземъ, но и мать и дружина отцовская страшатся оставить юнаго Князя въ рукахъ Галичанъ, въ особенности имѣя уже предъ собою страшный примѣръ въ гибели Князей Сѣверскихъ; они дали знать о положеніи дѣлъ Королю Угорскому, и Андрей выступилъ самъ, занялъ Галичь, вызвалъ туда мать Даніила и Владиміро-Волынскую дружину: начинается борьба, подобная той, которою погубили себя Игоревичи. Трое изъ первыхъ вельможъ Галицкихъ были захвачены, хотя не на долго, по тому что, оставаясь въ рукахъ Угорской дружины, хладнокровной къ правамъ Даніила, они, за исключеніемъ какого-то Филипа, чрезъ золото и коварство получаютъ вновь свободу, одинъ даже немедленно же послѣ взятія. Такимъ образомъ Даніилъ поставленъ былъ любовію матери, любовію и усердіемъ отцовской дружины и доброжелательствомъ Короля Угорскаго, въ открытыя враждебныя отношенія къ Галицкому Боярству, и, пользуясь, безъ сомнѣнія, совѣтами послѣдней, предупредилъ дальнѣйшее развитіе

[97] Ипат. 159. Хотяща бо княжити сама.

этихъ отношеній: немедленно же удалился, при первомъ движеніи на Галичъ Мстислава Пересопницкаго. Сего послѣдняго Бояре вторично вызвали въ сопротивленіе нежеланныхъ имъ Князей, обѣщая ему престолъ Галицкій, [98] а потомъ, по удаленіи Даніила, не оказывали ему ни какой поддержки, и хладнокровно оставили его возвратиться въ свою область, съ приближеніемъ въ слѣдующемъ году Угровъ, [99] такъ что, послѣ удаленія Даніила, престолъ Галицкій можно было по прежнему считать празднымъ.

Теперь политика Галицкаго Боярства дѣлается уже болѣе зрѣлою и положительною; они знаютъ, что тотъ, или другой, изъ Князей другихъ Русскихъ системъ займетъ престолъ Галицкій, что они не останутся безъ Князя, и потому стремятся всѣми силами уже поставить этого будущаго своего владыку въ такое положеніе, чтобъ онъ сохранилъ прежній порядокъ вещей въ Княжествѣ, и положился всѣми своими надеждами на самое же Галицкое Боярство; а для этого они выставляютъ въ противодѣйствіе Князьямъ притязателямъ Угровъ, и какъ бы угрожаютъ тѣмъ, что Князья Русскіе, въ случаѣ стремленія завладѣть Галицкимъ престоломъ насильно, должны будутъ выдержать тяжелую борьбу и, быть можетъ, даже потерять Галичъ навсегда; Угорскаго же владычества, какъ мы замѣтили выше, Галичане въ дѣйствительности не хотѣли, и очень хорошо знали, что, при первомъ недовольствѣ, соединившись съ тѣмъ, или другимъ изъ Князей, они безъ всякаго затрудненія могутъ его сбросить, какъ въ дѣйствительности они и сбрасывали его. Но прежде, нежели Бояре приняли рѣшительно подобную политику, они, руководимые однимъ изъ первыхъ вельможъ, думали, что и безъ признанія Угорскаго властительства, сами собой, при одной только матеріяльной помощи со стороны Угровъ, могутъ достигнуть предположенной цѣли. Между тѣмъ, подстрекаемый Польшей Андрей, идетъ къ Галичу, чтобъ утвердить силою на престолѣ Галицкомъ сына своего, Коломана, женатаго на дочери Короля Польскаго;

---

[98] Ипат. 159. Володиславу (одному изъ первыхъ вельможъ) же ведену бывшу во Угры, Яволоду и Ярополку, брату его (слѣдовательно, принадлежавшимъ также къ сословію Бояръ), бѣжавшю въ Пересопьницю ко Мьстиславу, возведшимъ Мьстислава.

[99] Тамъ же. Мстиславъ, убо, увѣдавъ Королеву рать великую, избѣжа изъ Галича, Володиславъ же (вельможа) воѣха въ Галичь, и вокняжися, и сѣде на столѣ.

тогда подобное покушеніе дѣлается очевидно не удобоисполнимымъ, и они принимаютъ выше сказанную политику. Возведенію на престолъ Коломана Бояре не оказываютъ ни малѣйшаго сопротивленія, какъ будто бы онъ былъ для нихъ желаннымъ Княземъ; но въ слѣдующій же годъ, именно въ 1212, при движеніи на Галичъ Мстислава Удалого, ни Бояре, ни народная сторона, не думаютъ поддерживать Угорское владычество, и Коломанъ бѣжитъ, сопутствуемый Уграми и только однимъ изъ вельможъ Галицкихъ, Судиславомъ: они только противоставляютъ однихъ притязателей другимъ. Господство Мстислава утверждается опять, вопреки желанію самихъ Галичанъ, и когда попытка ихъ противодѣйствовать Мстиславу, при самомъ движеніи его на Галичь, [100] была безуспѣшна, они, въ лицѣ Судислава, представителя Галицкаго Боярства, вызываютъ противъ Мстилава снова Угровъ, искавшихъ уже личныхъ Королевскихъ видовъ, и, при движеніи сихъ послѣднихъ, начинаютъ отпадать отъ Мстислава и заставляютъ его удалиться изъ Галича. Это было на другой же годъ вступленія Мстислава на Галицкій престолъ, т. е., въ 1213 году. [101] По прошествіи 6-ти лѣтъ Мстиславъ ведетъ новыя полчища противъ Галича, и вторично силою завладѣваетъ имъ.

Княженіе его продолжалось съ 1219 по 1226-й годъ. Онъ, какъ видно изъ всего, старался въ послѣдній разъ успокоить недовѣренность Бояръ и ихъ стремленіе къ господству, [102] но, за всѣмъ тѣмъ, сами Бояре не вполнѣ довѣряли ему и боялись найти въ немъ врага, подобнаго Игоревичамъ, такъ что въ 1226-мъ году они приняли за истину клевету какого-то Ярослава о намѣреніи будто Мстислава предать ихъ въ руки Половецкаго Хана на избіеніе, и бѣжали въ горы, хотя, послѣ клятвеннаго увѣренія, что Мстиславъ никогда не питалъ къ нимъ подобнаго нерасположенія, они немедленно же возвращаются въ Галичь. [103] Близкія родственныя от-

---

[100] Ипатьев. 160. Мстиславъ же пойде на Галичь... Галичане же всѣ и Судиславъ послашася по Данила; Данилъ же не утяже ѣхати, а Бенедиктъ лысый бѣжа во Угры со Судиславомъ, а Мьстиславъ сѣде въ Галичѣ.

[101] Ипатьев. 60 и 61.

[102] Судиславу, на прим. онъ далъ въ управленіе одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Галицкаго Княжества, именно Звенигородъ.

[103] Ипат. 165. Льстивому Ярославу рекшю къ Бояромъ Галичькимъ: «яко идеть

ношенія Мстислава къ Даніилу [104] не менѣе также страшили ихъ за будущность, Даніила, по выше изложеннымъ причинамъ, по его личному твердому характеру, по чрезвычайной преданности къ нему родовыхъ Бояръ и по близости Волынскихъ земель, надъ которыми Даніилъ съ своимъ братомъ господствовалъ и откуда онъ немедленно же могъ получить значительныя силы, чтобъ подчинить себѣ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, Владиміро-Волынскому началу, Галицкое Боярство, или иначе: чтобъ господствовать въ Галичѣ, не какъ Князь родовой а какъ Князь-покоритель. По этому, еще при жизни Мстислава, Галицкіе Бояре, въ противодѣйство Даніилу, снова выставляютъ Угровъ: въ 1226-мъ же году они уговорили Мстислава выдать другую дочь свою за Андрея, сына Угорскаго Короля, и дать ему въ надѣлъ Перемышль; и когда Андрей, занявши Перемышль еще прежде брака, подъущаемый какимъ-то Семеномъ Чермнымъ, бѣжалъ оттуда снова къ отцу, и привелъ отъ него въ Галицкое Княжество полчища Угровъ, Галицкіе Бояре, отстоявъ Мстислава, склоняли, однако жь, его сами, чтобъ онъ уступилъ Королевичу Андрею уже самый Галичъ: «Потомъ же Судиславу, льстящу подо Мьстиславомъ, рече ему: «Княже! Дай дщерь свою обрученную за Королевича, и дай ему Галичъ!» [105] и когда Мстиславъ обнаружилъ при этомъ твердое намѣреніе отдать Галичъ Даніилу, двое изъ Бояръ, Глѣбъ Зеремѣевичъ и Судиславъ, стараются отклонить его отъ этого, говоря ему, что Даніилъ, получивъ Галицкій престолъ, будетъ тамъ господствовать не по волѣ Мстислава, а какъ Князь самобытный, тогда какъ Королевичь будетъ всегда въ полной отъ него зависимости, и, не довольный имъ, онъ можетъ лишить его немедленно же Галицкаго престола: «Аже даси Королевичю, когда восхощеши, можеши взяти подъ нимъ; даси ли Данилови, въ вѣки не твой будеть Галичь;» и Мстиславъ уступилъ ихъ убѣжде-

---

Мьстиславъ въ поле, и хощеть вы предати тестеви своему, Котяну, на избитье»... они же, емше вѣры, отъидоша въ землю Перемышлескую, въ горы Кавокаськія, рекше во Угорьскыя, на рѣку Днѣпръ (Днѣстръ?), послаша послы своя, рекуше: «яко Ярославъ повѣдалъ ны есть.» Мьстиславу же пославшу отца своего, Тимовея: «яко всуе оклеветалъ мя есть къ вамъ Ярославъ,» Тимовею же кленшуся имъ о семъ: «яко не свѣдущу Мьстиславу ни что же о семъ,» и приведе Бояре вси къ нему.

[104] Даніилъ былъ женатъ на дочери Мстислава.

[105] Ипатьев. 166.

нію, [106] хотя потомъ раскаялся и хотѣлъ поправить ошибку, но вскорѣ послѣ того умеръ. Даже предъ самой кончиной Мстислава, они чрезъ Глѣба Зеремѣевича строютъ ковы противъ Даніила и не хотятъ допустить Мстислава видѣться съ Даніиломъ: «Мстиславъ Великій Удатный Князь умре: жадящю бо ему видѣти сына своего, Данила, Глѣбъ же Зеремѣевичь, убѣженъ бысть завистью, не пустяше его, оному же хотящю поручити домъ свой и дѣти въ руцѣ его (Даніила); бѣ бо имѣя до него любовь велику во сердцѣ своемъ.» [107] За всѣмъ тѣмъ Даніилъ имѣетъ сильную опору себѣ въ самыхъ земляхъ Галицкихъ, во первыхъ, по нерасположенію самихъ Галичанъ къ господству иноплеменному, а во вторыхъ, преимущественно по расположенію къ нему народной стороны, къ которой, въ продолженіи княженія Андрея, начали уже присоединяться многіе изъ Бояръ, хотя большая часть, какъ мы увидимъ ниже, въ видахъ только избавиться отъ произвола собственныхъ же своихъ собратій, окружавшихъ Угорскаго Королевича. Уже въ 1226 году, когда Мстиславъ отдавалъ Галичъ Угорскому Королевичу, лѣтописецъ глухо сказываетъ, что это распоряженіе Мстислава, согласное съ видами Боярскими, было несогласно съ желаніемъ народнымъ: «Галичаномъ бъ хотящимъ Данила.» [108] Въ 1229 году это народное расположеніе къ Даніилу обнаружилось открыто, и Судиславъ былъ не въ состояніи удержаться въ своихъ видахъ, и уступилъ: «Князю же Данилови будущу во Угровьсцѣ, прислаша Галичане, рекуще: «яко Судиславъ шелъ есть во Понизье, а Королевичь въ Галичи осталъ; а пойди боржe!»... Данилови же собравшю вои воборзѣ, посла Дьмьяна на Судислава, а самъ иде въ малѣ дружинѣ къ Галичю.... Судиславу же тое ночи вобѣгшю во городъ (въ Галичь)... и приде Дьмьянъ со всими Бояры Галичкыми, со Мирославомъ и со Володиславомъ, и со многими Бояры Галичкыми (къ Даніилу). Данилови же о семъ веселу будущю.... наутрѣ же уставше, и объѣха Даниль городъ Галичь, и собравъ землю Галичкую, ста на четыре части окрестъ его, и собра отъ Боброкы даже и до рѣки Ушицѣ и Прута, обсѣде въ силѣ тяжьцѣ; онѣмъ

[106] Ипатьев. 166.
[107] Тамъ же 167.
[108] Тамъ же 166.

же изнемогъшимъ, передаша градъ. [109] Слѣдующія слова лѣтописца показываютъ, до какой степени было ненавистно Галичанамъ владычество Угорскаго Королевича, и съ тѣмъ вмѣстѣ Судислава, вельможи-богача, поддерживавшаго Андрея изъ личныхъ видовъ всѣми силами: «Данилови же пріемшу градъ, помянувшю любовь Короля Андрея, и пусти сына его, и проводи и до рѣкы Днѣстра; изыде же съ нимъ единъ Судиславъ, на ньмъ же метаху каменіе, рекуще: «Изыде же изъ града, мятежниче земли!» Эта народная ненависть не отняла, однако жь, у Судислава вліянія на землю Галицкую. Онъ имѣлъ еще сильныхъ приверженцевъ. Сами Бояре, которые дѣйствовали за Даніила, при изгнаніи Угорскаго Королевича, успѣли чрезъ годъ отдохнуть, и предаются вновь прежнимъ своимъ замысламъ: господство Владиміро-Волынское по прежнему страшить ихъ, и они по прежнему начинаютъ строить ковы противъ Даніила. Разсказъ Волынскаго лѣтописца, что будто бы они въ 1230 году хотѣли извести Даніила, подобно тому, какъ они извели уже Игоревичей, хотя, быть можетъ, не что иное, какъ плодъ постоянной вражды между Волынскимъ и Галицкимъ началами, не что иное, какъ вымыслъ Волынскаго лѣтописца, или плодъ отраженія дѣйствительныхъ опасеній Волынцевъ за своего Князя, со всѣмъ тѣмъ мы ни сколько не можемъ сомнѣваться въ прежнемъ нерасположеніи многихъ Бояръ Галицкихъ къ Даніилу. [110] Въ 1230 же году они хотѣли выставить ему въ сопротивленіе его двоюроднаго брата, постояннаго его врага, Александра, и отступили отъ Даніила; но Даніилъ успѣлъ стѣснить Александра и удержался въ Галичѣ. Въ слѣдующемъ за тѣмъ годѣ, при наступательномъ движеніи Короля Угорскаго, котораго не оставлялъ Судиславъ, хотя замѣтно небольшое борѣніе въ мысляхъ Бояръ, кому отдать предпочтеніе, Даніилу, или Уграмъ, однако жь, подъ вліяніемъ Судислава, Бояре, наконецъ, становятся подъ знамена Белы, дерутся противъ Даніила и возводятъ снова на престолъ Галицкій Андрея. Въ 1234 Бояре опять раздѣлились въ мнѣніяхъ своихъ: одни изъ нихъ держались стороны Судислава или Угорской, дру-

---

[109] Тамъ же 169.

[110] Тамъ же 170. Крамолѣ же бывши въ безбожныхъ Боярѣхъ Галичкыхъ, свѣтъ створише съ братучадьемъ его, Александромъ, на убіенье и преданы землѣ его.

гіе явно соединялись снова съ стороной народной и хотѣли Даніила, когда увидали, что Даніилъ, во чтобы то ни стало, хочетъ завладѣть Галичемъ: «Иступи Глѣбъ Зеремѣевичъ отъ Королевича къ Даниловi. Даніилъ же и Василько и одна поидоста къ Галичю, стрѣтоша и́ болшаа половина Галича: Доброславъ и Глѣбъ, иніи Бояре мнози, и пришедъ, ста на березѣ Днѣстра, и прія землю Галичьскую, и розда городы Бояромъ и Воеводамъ.... Королевичь же и Дьянишь, и Судиславъ, изнемогаху гладомъ въ градѣ» (въ Галичѣ). [111] Народная сторона въ самомъ Галичѣ готова уже была рѣшить споръ: выѣхала изъ города и соединилась съ Даніиломъ, [111] когда Королевичъ вскорѣ за тѣмъ умираетъ, и споръ кончается безъ дальнѣйшей борьбы. Даніилъ вновь сидитъ на Галицкомъ престолѣ, хотя, по прежнему, опираясь преимущественно на собственную силу, а не на Боярскую Галицкую, которая, потерявъ надежду достигнуть вполнѣ своихъ цѣлей, если и поддерживала Даніила, однако жь, какъ и прежде, не любила его и радостно бы приняла на Галицкій престолъ кого ни будь изъ другихъ Князей, который бы только могъ обезоружить неутомимаго и непреклоннаго Князя въ стремленіи завладѣть Галичемъ, какъ это ясно и обнаружилось въ томъ же 1234 году. Даніилъ, поддерживая Владиміра Кіевскаго противъ Изяслава Черниговскаго, разбитый симъ послѣднимъ, пріѣзжаетъ въ Галичъ: Бояре обманываютъ его, утверждая, что будто Изяславъ двигается съ Половцами на его родовыя земли, и обманываютъ для того, чтобъ удалить только изъ Галича дружину Владиміро-Волынскую и, измѣнивъ Даніилу, безъ всякой борьбы принять на престолъ Князя Черниговской системы, Михаила, съ сыномъ его, Ростиславомъ. [112] Мало того, въ 1235 году, подъ предводительствомъ сего новаго Князя, они идутъ противъ Даніила и, вмѣстѣ съ Половцами, Ляхами, Уграми и дружинами Кіевскими, водимые Изяславомъ, думаютъ совершенно стѣснить Да-

---

[111] Тамъ же 173.

[112] Ипат. 174. Борисъ же Межибожьскый съвѣтомь Доброславьимъ и Сбыславимь, посла къ Даниловi, рекый: «Изяславъ и Половци идуть къ Володимерю (Волынскому);» лесть бо бѣ се. Даніилъ же посла ко брату си: «Стереши Володимеря!» Уарѣвше же Бояре Галичьстіи Василка отшедша съ полономъ, воздвигоша крамолу. Судиславу же Ильичю рекшу: «Княже! Льстивъ глаголъ имѣють Галичане; не погуби се; поди прочь!» Даниловi увѣдавшу крамолу ихъ, изыде во Угры.

ніила даже въ его родовыхъ земляхъ; но Даніила окружаетъ дружина храбрая, дружина вполнѣ ему преданная, которая выноситъ бодро всѣ удары непріятеля, готовая, при первомъ удобномъ случаѣ, вновь проложить ему путь къ Галичу. Такимъ образомъ новая попытка Галицкихъ Бояръ не допустить до господства надъ собою начала Волынскаго, необходимо слѣдовавшаго за утвержденіемъ Даніила на Галицкомъ престолѣ, не имѣла полнаго успѣха: Даніилъ сидѣлъ на своемъ родовомъ престолѣ твердо, не думалъ отказываться отъ Галича, и продолжалъ за него споръ. [113] Княженіе Михаила продолжалось недолго. Бояре видѣли, что онъ не въ состояніи будетъ защитить ихъ отъ притязаній Даніила и, какъ къ Князю чуждому, не могли быть ему преданы. Между тѣмъ народная сторона росла, и наконецъ восторжествовала. Михаилъ спѣшилъ занять Кіевскій престолъ, и оставилъ въ Галичѣ сына своего, Ростислава. Походъ на Литву отвлекъ съ Ростиславомъ Бояръ за предѣлы Галицкаго Княжества. Даніилъ воспользовался случаемъ и, зная къ нему народную любовь, явился подъ стѣнами Галича съ словами: «О мужи градьстіи! Доколѣ хощете терпѣти иноплеменьныхъ Князій державу?» Они же (говоритъ лѣтописецъ), воскликнувше рѣша: «Яко се есть держатель нашь, Богомъ даный, и пустишася яко дѣти ко отчю, яко пчелы къ матцѣ, яко жажющи воды ко источнику.» [114] Бояре, узнавъ о занятіи Галича, оставили Ростислава и явились къ Князю Волынскому, прося у него помилованія. Даніилъ помиловалъ ихъ, сдѣлался ихъ Княземъ, [115] но они не могли любить его, стремясь къ отдѣленію Галицкаго Княжества отъ начала постороннихъ системъ, чего, послѣ смерти Даніила, отчасти и достигли, получивъ себѣ въ одномъ изъ его сыновей особаго Князя.

Такъ сильно было начало общинной (областной) жизни въ Галичѣ. Около сорока лѣтъ Боярство Галицкое ведетъ борьбу противъ всѣхъ притязателей на ихъ общинный престолъ, и открыто и политикою, пока, наконецъ, утомленное неопредѣлительностію, не рѣшилось подчиниться Даніилу; ведетъ эту борьбу, когда само же оно, въ продолженіи двухъ столѣтій, своею преданностію къ дому Ростислава, къ своимъ роднымъ Князьямъ, умѣло возвеличить славу ихъ и ихъ

---

[113] Тамъ же 171 и 172.

[114] Тамъ же 175.

[115] Тамъ же.

значеніе въ земляхъ Русскихъ, проливая за нихъ кровь противъ враговъ ихъ. Всѣ удары Кіева, Польши и Угровъ, падали на Боярскую дружину, и она торжественно выносила ихъ. Она страшилась потерять Князей своихъ и предана была имъ совершенно. Она-то, когда Изяславъ Кіевскій, внукъ Мономаха, двинулъ (1153 г.) страшныя полчища противъ Князя Галицкаго, Ярослава, говорила сему послѣднему, готовому уже вступить въ бой съ непріятелемъ: «Ты еси молодъ, а поѣди прочь и насъ позоруй, како ны будеть отець твой кормилъ и любилъ, а хочемъ за отца твоего честь и за твою головы своя сложити!.. Ты еси у насъ Князь одинъ: оже ся тобѣ што учинить, то што намъ дѣяти? А поѣди, Княже, къ городу, ать мы ся бьемъ сами съ Изяславомъ! а кто насъ будеть живъ, а прибѣгнеть къ тобѣ, а тогда ся затворимъ въ городѣ съ тобою;» и слова эти были сказаны не праздно: говорившіе готовы были всѣ лечь за Ярослава, бились отчаянно, заставили Изяслава отказаться отъ своей мести и вернуться съ остатками своихъ силъ въ Кіевъ: «Иступишася полцы, и бысть сѣча зла, и бишася отъ полудне до вечера. И бѣ межи ими смятеніе, и не видяхуть, которыи суть побѣдили: Изяславъ женяшеть Галичаны, а братья его бѣжаша... Изяславъ же изопма Галичьскыя мужи, а Галичане изоимаша Изяславли на розгонѣ; и остася Изяславъ съ маломъ дружины на полчищи, и поставп стяги Галичьскія, и поидоша Галичане подъ своя стягы, изоимаша множество колодникъ. На ту же ночь убояся Изяславъ.... и видп многое множество колодникъ Галичанъ вязячи (т. е., что слишкомъ много нужно было вязать Галицкихъ плѣнныхъ), и тако повелѣ сѣчи, а лутшіи мужи со собою поя. Утрій же день Изяславъ же Мьстиславичъ пойде въ Кіевъ, у домъ свой, зане братья его и дружина его разбѣглися бяхуть». [116]

Дальнѣйшее развитіе той же мысли объ общинной самобытности удѣловъ изъ значенія нашего города и объ утвержденіи между общинами власти Княжеской.

Предъ нами разсыпаны по земному шару тысячи поселеній, которыя носятъ общее наименованіе города; о многихъ изъ нихъ дошли одни только историческія сказанія; но всѣ ли эти города одинаковы въ своемъ значеніи, въ своей сущности? Возмите Москву

[116] Ипат. 73 и 74.

и Парижъ, древній Римъ и Персеполь, Аѳины и Спарту: всѣ они города, но между ими столь же мало сходства, какъ между Русскимъ и Французомъ, какъ между Римляниномъ и Персомъ, Аѳинянином и Спартанцемъ. Римское слово urbs, Греческое πόλις, Нѣмецкое Burg (Дн. Purk), Stadt, Французское la ville, заключаютъ въ себѣ понятія неравносильныя и, въ строгомъ смыслѣ, не могутъ замѣнить другъ друга. Точно также Русское слово городъ не заключаетъ въ себѣ тѣхъ понятій, какія заключаютъ въ себѣ слова urbs, πόλις, Burg, Stadt, la ville. Всѣ эти названія—названія городовъ, но городовъ, принадлежащихъ различнымъ народамъ, имѣющихъ особый характеръ происхожденія, развитія, чрезвычайную разницу въ значеніи своемъ, а, слѣдовательно, во внѣшнемъ и въ внутреннемъ устройствѣ, въ отношеніяхъ къ другимъ частямъ Государства.

Что же такое Русскій городъ?

Въ смыслѣ новомъ, обыкновенномъ, городомъ вообще называется всякое поселеніе, гдѣ есть Земскій Судъ, Уѣздный Судъ, или Палаты и т. п. Но названіе города старѣе всѣхъ этихъ Судовъ, Палатъ, и ихъ пребываніе въ городѣ чрезвычайно мало объясняетъ намъ значеніе города, его жизнь, устройство, отношеніе къ другимъ частямъ Государства. Общими признаками нашихъ новыхъ городовъ служитъ также пребываніе въ нихъ: учебныхъ, или ученыхъ, заведеній, купечества, мѣщанства; но и это не даетъ намъ полнаго, живаго, понятія о значеніи Русскаго города, тѣмъ болѣе, что и въ поселеніяхъ, не городахъ, бываютъ учебныя заведенія, живутъ купцы и мѣщане. Что жь такое городъ нашъ? Пусть разрѣшитъ вопросъ этотъ сама исторія: какъ ни будемъ мы стараться отвлекать отличительные признаки отъ современныхъ городовъ, мы не составимъ объ нихъ столь яснаго и отчетливаго понятія, какое раскроетъ намъ объ нихъ исторія, свидѣтельница всей жизни народной.

Многіе изъ древнихъ городовъ, по сказаніямъ лѣтописцевъ, имѣли деревянную, или каменную, или наконецъ земляную ограду вокругъ себя; о другихъ, хотя и умалчивается, что они имѣли ограду, но ихъ осаждали, ихъ брали приступомъ; по этому они также имѣли ее. [117] Основаніе города, на языкѣ предковъ нашихъ, озна-

[117] Лѣтопись Нестора (по Кенигсберг. списку стр. 46, 50, 57, 66, 68, 79, 117, 125, 135, 137, 171, 143, 150, 160, 161, 164 и др.

чало вообще основаніе стѣны городской или городскаго вала, отъ чего города возникали какъ бы мгновенно, [118] и отъ чего въ городѣ, уже существовавшемъ, могъ всегда появиться новый городъ, какъ они появляются, на пр., въ Кіевѣ, въ Москвѣ, Новгородѣ. [119] По числу оградъ или стѣнъ одинъ и тотъ же городъ заключалъ въ себѣ нѣсколько городовъ. Въ Москвѣ до сихъ поръ существуетъ Кремль городъ, Китай городъ, Бѣлъ городъ, Земляной городъ. Мѣста, на которыхъ они появлялись преимущественно, между прочимъ, были мѣста пограничныя, гдѣ безпрерывно угрожала опасность отъ набѣговъ непріятелей, и гдѣ, слѣдовательно, городское начало въ тѣсномъ смыслѣ не могло развиваться: одни противопоставлены были опустошительнымъ вторженіямъ Печенѣговъ и Половцевъ, другіе, въ послѣдствіи, являются противъ свободнаго вторженія Крымцевъ во внутренность Государства, а на Сѣверо-Западѣ противъ Ливонцевъ, Литовцевъ и Шведовъ.

По сему первое и общее значеніе городовъ нашихъ было значеніе крѣпости. Это быть историческая, не подлежащая ни какому сомнѣнію. Самое происхожденіе слова городъ (городить, ограждать) указываетъ на ихъ назначеніе къ защитѣ, оборонѣ. Даже въ нашемъ живомъ языкѣ, языкѣ современномъ, гражданскомъ, хранится еще до сихъ поръ, какъ тѣнь, прежнее понятіе народа Русскаго о городѣ. Еще до сихъ поръ говорятъ у насъ: «Ѣдемъ въ городъ, идемъ въ городъ,» желая выразить этимъ, что они ѣдутъ, идутъ, изъ новой части города въ часть старую, которую составляла крѣпость и гдѣ въ настоящее время одни только слѣды ея;

---

[118] Тамъ же стр. 85. «Се не добро, оже мало городовъ около Кіева, и почаша ставити городы по Деснѣ, и по Встри, и по Трубежови, и по Сулѣ, и по Стугнѣ; и нача нарубати (собирати) мужи лучшіе..... и насели грады.... бѣ бо рать отъ Печенѣгъ».... Тамъ же стр. 104. «Ярославъ нача ставити городы по Рси»... Тамъ же стр. 16: «и сруби городокъ надъ Волховымъ, и прозва Новгородъ.» Тамъ же стр. 85: «Заложи Бѣлгородъ, и наруби в онь отъ инѣхъ городовъ, и многи люди введе в онь»... Тамъ же стр. 141. «Святославъ велѣ рубити градъ на Витичевѣ холмѣ.»

[119] Тамъ же стр. 105: «Заложи Ярославъ градъ великій» (въ Кіевѣ). Ист. Гос. Рос. т. IV, прим. 322: «на ту же зиму, Ноября 25 (1339 г.), заложенъ градъ Москва дубовый, а кончаша на весну, въ великое говѣнье.» Новгородск. 1-я лѣт. стр. 73. «Того же лѣта заложи Владыко Василій городъ каменъ (въ Новгородѣ) отъ Св. Владиміра до Св. Богородицы, до Борисоглѣба. Ставиша въ Новгородѣ городъ» (Нов. 2, стр. 140).

или даже нѣтъ и самыхъ слѣдовъ, а помѣщается соборъ и гостинный дворъ. [120]

Нѣтъ сомнѣнія, что понятіе города нисходило у насъ въ древности до самаго грубаго, вещественнаго, понятія, и слѣды этого мы находимъ такъ же въ языкѣ народномъ, но мертвомъ. На пр., въ Новгородской лѣтописи говорится, подъ 1224 годомъ: «Мьстиславъ же Кыевьскый Князь, видя се зло, не движеся съ мѣста никамо же; сталъ бо бѣ на горѣ, надъ рѣкою надъ Калкомъ: бѣ бо мѣсто то камянисто, и ту угоши городъ около себе въ колѣхъ, и бися съ ними изъ города того по три дни.» [121] Въ степи, предводительствуя войскомъ и въ виду непріятеля, который грозилъ ему уничтоженіемъ, тѣмъ болѣе изъ кольевъ, или еще лучше (по объясненію Карамзина) изъ телѣгъ (кола—телѣга), изъ обоза, Мстиславъ не могъ себѣ сдѣлать ни какой крѣпости: это была только временная ограда, какъ бы щитъ противъ непріятельскихъ стрѣлъ. Въ Волынской лѣтописи (1219 г.), встрѣчается еще другое свидѣтельство подобному значенію города: «бившимъ же ся имъ о врата градная, и возбѣгоша же на комары церковныя, и ини же ужи (на веревкахъ) возвлачишась, а фарѣ ихъ поимаша: бѣ бо градъ створенъ на церкви; онѣмъ же стрѣляющимъ и каменіе мещющимъ на гражаны, изнемогаху жажею водною; не бѣ бо воды въ нихъ; и пріѣхавшю же Мьстиславу, и вдашася ему, и сведени быша со церкви.» [122] Городъ на церкви, при томъ понятіи, которое мы придаемъ въ настоящее время слову городъ, выраженіе совершенно не понятное. Въ путешествіи Игумена Даніила монастырскія стѣны называются также городомъ. [123] Даже въ языкѣ XVII столѣтія сохранялось еще это грубое, вещественное, понятіе о городѣ. Укрѣпленіе Тихвинскаго монастыря, во время осады его Шведами, носитъ названіе города. [124] Въ Указахъ Царя Алексѣя Михайловича встрѣчается слово городъ такъ же еще въ значеніи крѣпостной стѣны или вала. [125] Въ послѣдствіи же, при дальнѣйшемъ развитіи народа, самая даже крѣпость лишается права на подобное наименованіе.

---

[120] Выраженія эти можно слышать въ Москвѣ, Новгородѣ, Владимирѣ и другихъ нашихъ городахъ.

[121] Полн. Собр. Руск. лѣт. Нов. 1-я, стр. 40.

[122] Лѣтоп. Ипатьев. стр. 162. См. тамъ же стр. 90.

[123] Путеш. Игумена Даніила, изд. Г. Сахарова, ч. 1-я, стр. 53, 64, 74, 76 и др.

[124] Сказаніе объ осадѣ Тихвинскаго монастыря. См. Новг. третью лѣтопись.

[125] Полн. Собр. Зак. Указъ 1650 г. Мая 12.

Однако жь, не одно значеніе ограды придавалось у насъ городу и въ прежнее время. Въ Кіевской лѣтописи мы встрѣчаемъ, на примѣръ, это слово въ значеніи главной силы, на которую передовые отряды могутъ надѣяться, въ случаѣ неудачныхъ своихъ дѣйствій. Въ этомъ смыслѣ, идя съ Михаиломъ Георгіевичемъ (1172 г.) противъ Половцевъ, Берендѣи говорятъ ему и его дружинѣ: «Вы есте нашь городъ, ать мы поидемъ напередъ!» [126] Подъ этимъ словомъ разумѣлся у насъ также весь составъ городской, [127] и это значеніе города сохранилось еще до настоящихъ временъ. Въ самомъ Сводѣ Законовъ городъ, какъ лицо нратственно отвлеченное, часто сливается совершенно съ понятіемъ о городскомъ обществѣ. Нерѣдко также подъ словомъ городъ въ лѣтописяхъ нашихъ разумѣется цѣлая страна, область, со всѣми ея деревнями, селами и городами, бывшими подъ защитою главнаго или стольнаго города, [128] который собственно и назывался городомъ, а всѣ другіе, находившіеся въ той же области или удѣлѣ, въ отношеніи его, считались пригородами; [129] Въ указахъ Царя Алексѣя Михайловича, гдѣ дѣло касается живой воинской силы, тамъ слово городъ сохраняетъ еще значеніе области. [130]

---

[126] Ипатьев. лѣтоп. стр. 104.

[127] Пришедше ко Всеволожю полкы своими, и взяша Всеволожь градъ на щитъ (въ плѣнъ), и ина въ немъ быста два города вошла. Ипат. 36. И взя городъ Княгининъ на щитъ Святославль. Тамъ же стр. 81. Людіе же боящеся, не смѣаху въ городѣ жити, но по полю, инін по рли живаху, а инін по берегу въ учанѣхъ; и бѣ видѣти весь градъ движащься, и бѣгаша по недѣлю и болѣ. Нов. 1-я стр. 81. Здѣсь не излишнимъ считаемъ замѣтить, что взять городъ на щитъ значило полонить жителей и разграбить ихъ имущество.

[128] Преставись Великой Князь Русьскый Ярославъ. И еще живущу ему наряди сыны своя, рекъ имъ: «Се же поручаю въ собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему, Изяславу, Кіевъ... а Святославу Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, Игорю Володимеръ, а Вячеславу Смолнескъ.» Лаврент. 69—70. Но что губить Руську землю, сами на ся котору имуще, а Половцы нашу землю несуть розно, и ради суть между нами рати; да нынѣ имѣмся въ едино сердце, и соблюдемъ Руськую землю; кождо да держить отчину свою: Святославъ Изяславичь Кіевъ, Володимеръ Всеволодовичь, Давидъ и Олегъ и Ярославъ Святославичь, имъ же разда Всеволодъ городы, Давидовичи Володимеръ, Ростиславичемъ Володимерь, Перемышль, Василькy Теребовль?... Пол. Собр. Русск. лѣт. т. II.

[129] См. далѣе.

[130] Пол. Собр. Зак. ст. 516 (1672 г., Мая 17). Которые украйные полевые городы Сѣвскаго и Бѣлогородскаго полку землями вѣдомы въ разрядѣ, и въ тѣхъ

Слѣдя такимъ образомъ за развитіемъ у насъ понятія города, мы приходимъ къ выводу, что въ немъ скрывались два понятія: понятіе объ городѣ и о силѣ ограждающей, а по этому мы должны смотрѣть на древніе города наши, какъ на укрѣпленные среды, въ коихъ сосредоточивались силы для защиты той, или другой, страны.

Выводъ этотъ совершенно вѣренъ и оправдывается всею древнею исторіею.

Въ слѣдствіе этого-то пониманія идеи города, древніе лѣтописцы, вмѣсто выраженій: «подчинить страну, поручить страну управленію,» почти вездѣ употребляютъ выраженія: «взять, поручить, управленію такой-то городъ;» въ противномъ случаѣ, т. е., если мы будемъ понимать подобныя выраженія лѣтописца буквально, то Аскольдъ и Диръ заняли, подчинили себѣ, не область Полянъ, а только Кіевъ; Рюрикъ тоже посылалъ мужей не въ области Полоцкую, Ростовскую и Муромскую, а только въ города этѣхъ областей, въ Полоцкъ, Ростовъ и Муромъ; Ярославъ, на примѣръ, также надѣлялъ своихъ сыновей не областями, а городами: «Се поручаю въ себе мѣсто сыну моему и брату вашему Кіевъ.... Святославу Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игореви Володимеръ, а Вячеславу Смолинескъ;» но подобное пониманіе, очевидно, не согласно съ исторіей, со всѣми другими сказаніями лѣтописцевъ, относящимися до той, или другой, области, до той, или другой, системы. Понятіе города, видимо, поглощало въ себѣ понятіе цѣлой страны. Городъ есть мысль, сердце, духъ, страны; онъ господинъ, онъ владыка. Свидѣтельство о такомъ значеніи города въ древности мы находимъ въ самомъ же лѣтописцѣ. Онъ говоритъ положительно, что городъ есть средоточіе старѣйшихъ въ странѣ, и что старѣйшины на городскомъ вѣчѣ положатъ, вся остальная земля слѣдуетъ тому же. Мы уже знакомы съ этимъ показаніемъ лѣтописца, но, для ясности, приведемъ его вновь: «Новгородци же изначала, и Смоляне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти, егда на вѣче сходятся, что старѣйшіи здумаютъ, на томъ и пригороды ста-

---

городахъ... помѣщикамъ и вотченникамъ пустовыхъ порожнихъ земель и изъ дикихъ полъ въ помѣстье ни кому не давать. Тамъ же стр. 552 Великій Государь пожаловалъ велѣлъ имъ давать дикія поля... на Разани, на Тулѣ, на Каширѣ, въ Райску, Зарайску... въ Одоевѣ, въ Мценску, въ Пропску, въ Болховѣ и пр. См. также Указъ 1651 г., Апрѣля 25 и др.

нуть, а здѣ городы старыи, Ростовъ и Суздаль.» Это же самое показаніе лѣтописца свидѣтельствуетъ намъ, что Русь въ древнее время, къ пришествію Рюрика, когда власть Княжеская не утвердилась еще у насъ повсемѣстно, распадалась на области, изъ коихъ каждая имѣла своихъ старѣйшихъ и свой срединный городъ, который, съ своими старѣйшинами, господствовалъ надъ всею областію; что въ землѣ Ростовской были два подобные города, дѣйствовавшіе совокупно, именно Ростовъ и Суздаль, въ земляхъ Новгородскихъ Славянъ Новгородъ, у Полянъ Кіевъ, у Кривичей, составлявшихъ собою двѣ общины, Полоцкъ и Смоленскъ. [131] Не всѣ ли же эти города, если мы прибавимъ къ нимъ Черниговъ и Галичъ, [132] являются въ послѣдствіи господствующими и при утвержденіи Рюрикова Дома въ земляхъ Русскихъ? Въ нихъ сосредоточивается вся правительственная и военная сила. [133] При всѣхъ, однако жь, перемѣнахъ, послѣдовавшихъ въ раздѣленіи нашихъ Славянскихъ земель къ приходу и послѣ прихода Рюрика, первоначальное племенное раздѣленіе далеко еще не было изглажено, а, напротивъ, всюду видѣлось, съ тѣмъ только различіемъ, что одни изъ племенъ подчинились другимъ, а нѣкоторыя распались на области. Еще въ продолженіе IX, X, XI, XII и даже частію XIII столѣтій, до самаго нашествія Татаръ, существуютъ области: Полоцкая, Смоленская, Новгородская, Сѣверская Черниговская, Полянская, Кіевская, кои имѣли первоначально типъ тѣхъ началъ племенныхъ округовъ, о коихъ Несторъ говоритъ, что каждое изъ нихъ составляло родъ, управлявшійся самъ собою, или чрезъ своихъ родовыхъ Князей: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженіе въ Поляхъ (Кіевлянъ)..... а Словѣни свое въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане, отъ нихъ же Кривичи,.... ихъ

---

[131] Въ слѣдствіе этого-то господства города племенныя имена странъ или общинъ замѣняются у насъ быстро именами господствующаго города: Кривичи, на пр., получаютъ у лѣтописцевъ названіе Полочанъ, или Смолянъ, Поляне Кіевлянъ, и т. д., такъ что наконецъ имена производныя отъ городовъ, совершенно вытѣсняютъ племенныя наименованія.

[132] Выраженіе лѣтописца: «И вся власти егда на вѣче сходятся,» употребленное имъ послѣ вычисленія областей, которыя имѣли свои срединныя по управленію города, ясно говоритъ, что, кромѣ означенныхъ имъ областей, были извѣстны ему и другія.

[133] Тамъ же.

же градъ есть Смоленьскъ; туда бо сѣдять Кривичи, таже Сѣверъ (Черниговцы и Новгородъ-Сѣверцы) отъ нихъ.

Общій выводъ.

Все выше изложенное убѣждаетъ насъ, что распаденіе Руси на удѣлы имѣло источникомъ своимъ не одинъ семейный взглядъ Князей на Государство, какъ на отчину, въ которой каждый изъ потомковъ Княжескаго рода долженъ получить надѣлъ, какъ въ отцовскомъ достояніи,[134] но столько же скрывалось началомъ своимъ въ жизни самаго народа, въ мысли каждой области: «Это наши, то чужіе, хоть и единоплеменники.» Сначала области борятся противъ Княжескаго дома, господствовавшаго собственно въ Кіевѣ, борятся противъ ихъ дружинъ, а потомъ, мало по малу усвоивая себѣ идею Князя, стремятся сами получить отъ Кіева Князя, и подъ его покровомъ скрыться отъ дальнѣйшаго развитія господства Кіевской дружины, смѣняютъ своими дружинами собственно Княжескія, какъ уже безполезныя, для борьбы, по крайней мѣрѣ, съ управляемою ими областію, окружаютъ Князей какъ лучшая стража: отстаиваютъ ихъ, борятся за нихъ, и продолжаютъ съ тѣмъ вмѣстѣ борьбу противъ чуждыхъ началъ, противъ самыхъ Князей, представителей этихъ началъ, считаютъ даже ихъ своими и своего Княжескаго дома, врагами. За своего Князя область, въ лицѣ своихъ дружинъ, готова положить свою голову, и въ то же время въ затруднительныхъ обстоятельствахъ погубить Князя, представителя чуждаго начала. Такимъ образомъ дальнѣйшее развитіе семейнаго начала въ жизни самихъ Князей, съ одной стороны, совершенно согласуется съ областнымъ началомъ жизни самаго народа, съ другой, по видимому, совершенно противоположно ему. По семейному началу, надѣлъ отца переходитъ къ дѣтямъ, и область, имѣвшая въ отцѣ особаго Князя, властителя, поддерживаетъ его со всѣмъ родомъ, борется за него и отталкиваетъ отъ своего областнаго престола всѣхъ другихъ притязателей; но увеличеніе Княжескаго дома въ каждой области, и надѣлъ членовъ его особыми удѣлами, болѣе, или менѣе, лишаетъ область единства и тревожитъ ее. Части черезъ своихъ Князей на-

---

[134] Мысль, которую усиливается доказать Г. Соловьевъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «Исторія отношеній между Русскими Князьями Рюрикова Дома.»

чинаютъ болѣе, или менѣе, уклоняться отъ областныхъ выгодъ и связываются по временамъ съ выгодами посторонними, за всѣмъ тѣмъ, область не теряетъ вполнѣ своего единства, такъ что каждая изъ нихъ представляетъ собою какую-то систему, гдѣ, посреди многихъ Князей, есть Князь старѣйшій, отъ котораго болѣе, или менѣе, зависятъ другіе Князья той же области. Главными системами этѣми были: Кіевская, Черниговская, Полоцкая, Ростово-Владимірская, Галицкая и Новгородская, которая, по своему внутреннему развитію, составляетъ какое-то, по видимому, исключеніе изъ общей жизни Государства. Каждая система имѣетъ свою дружину, своихъ Бояръ, единство которыхъ и поддерживаетъ единство общины. Господствующею системой была сначала Кіевская, и по этому Князь ея считался главнымъ и имѣлъ въ зависимости другихъ Князей всѣхъ остальныхъ системъ. По семейному началу старшій въ семьѣ есть глава въ семьѣ; въ слѣдствіе сего Кіевская система должна дѣлаться достояніемъ старѣйшаго изъ Князей, какъ это мы въ дѣйствительности и замѣчаемъ; но это не согласуется съ областнымъ началомъ Кіевской системы, которая, въ свою очередь, стремится опять, какъ и другія области, имѣть своихъ родовыхъ Князей, дабы сокрыться отъ вліянія чуждыхъ началъ, которыя приносили съ собою старѣйшіе Князья въ Кіевъ; отсюда возникаетъ упорная борьба, кончившаяся паденіемъ Кіева, вліянія его на другія системы, и возвышеніемъ Ростовской или Владимірской системы.

По этому внутренняя жизнь каждой системы въ отдѣльности носитъ на себѣ ясную печать единодержавія, такъ что каждая изъ нихъ, если бъ не было семейнаго начала, въ отношеніяхъ самыхъ Князей, готова была представить изъ себя вновь цѣлое, хотя и не повсемѣстно, по случаю разъединенія самаго Боярскаго начала и борьбы его съ началомъ новымъ. Неоспоримымъ доказательствомъ этому служитъ прочное утвержденіе въ каждой системѣ, особаго Княжескаго дома, на основаніи преданности къ нему цѣлой системы, или лучше, мѣстной дружины, мѣстныхъ Бояръ. Измѣны въ семъ отношеніи обнаруживаются единственно со стороны городскихъ общинъ, или вообще низшаго слоя, какъ они обнаруживались въ Галичѣ, съ призваніемъ Ивана Ростиславича, въ Кіевѣ, въ княженіе Изяслава Ростиславича; такъ что Боярство составляло основу силы Князей повсемѣстно и, вступая въ борьбу

за своихъ родовыхъ Князей, являлось упорнымъ, иногда безпощаднымъ, врагомъ Князей другихъ системъ; когда же оно сливалось съ городскимъ началомъ, тогда силы Князя значительно увеличивались, и борьба противъ этого Князя дѣлалась опасною, какъ это мы видѣли въ Кіевской системѣ, при защитѣ Князя Изяслава противъ Князей Черниговскихъ и Суздальскаго. Общины, которыя показываются съ характеромъ самобытнымъ уже въ послѣдствіи, Владиміро-Волынская и Владимірская, были первоначально порабощены, первая Древлянами, которыхъ корень укрылся, кажется, въ Галицкомъ Княжествѣ, и спасена отъ этого рабства Кіевомъ, съ которымъ она надолго и тѣсно потомъ соединяется, сохраняетъ постоянно враждебныя отношенія къ Галицкой общинѣ, куда скрылся и убійца Ярополка, Князя Волынскаго; [135] вторая, спасенная, быть можетъ, съ одной стороны, отъ властолюбивыхъ покушеній Черниговской системы, была порабощена системою Ростовскою, и вновь спасена младшими сыновьями Георгія Долгорукаго, Михаиломъ и Всеволодомъ. Къ числу подобныхъ же общинъ должна быть отнесена община Смоленская, единородная Полоцкой, но явно отдѣлявшаяся отъ сей послѣдней еще во времена доисторическія.

Такъ, прежде нежели семейныя отношенія Княжескаго рода потребовали раздѣленія Государства на части болѣе, или менѣе, самобытныя, все говорило уже, что Государство само въ себѣ было раздѣленнымъ на области обширныя, имѣвшія свою отдѣльную силу, свое сосредоточіе; что удѣлы существовали уже готовыми, для того, чтобъ воспринять отъ Кіева Князей, и продолжать подъ ихъ покровомъ свой областной бытъ.

Это распаденіе древней Руси на области было совершенно естественно. Занимая обширнѣйшее пространство, части ея, при разныхъ условіяхъ жизни, при недостаточномъ сообщеніи между собою, при этомъ семейномъ бытѣ, гдѣ кругъ довѣренности долженъ быть всегда ограниченъ, кругъ моего, кругъ чужаго, соприкасаться между собою въ близкомъ разстояніи, не могли имѣть общей исторіи, слиться въ этой исторіи въ одно цѣлое. Мы были тогда со всѣхъ сторонъ окружены

---

[135] Это бѣгство убійцы Ярополка къ Рюрику Ростиславичу ясно показываетъ, что если не Галицкая община рѣшилась чрезъ убійцу совершить подобное преступленіе, по крайней мѣрѣ, явно покровительствовала ему.

народами иноплеменными, изъ коихъ одни были врагами одной части, другіе другой, третьи третьей и т. д. Каждая часть, каждое племя, искали средствъ въ самыхъ себѣ защитить свои собственныя выгоды: семья со всѣмъ завѣтнымъ своимъ радостно становилась подъ покровъ своихъ старѣйшинъ, своихъ дружинъ, и чѣмъ глубже развивалось семейное чувство любви къ своему, чѣмъ болѣе налегали на него обстоятельства, тѣмъ благоговѣйнѣе былъ каждый предъ этимъ общественнымъ покровомъ, готовый пожертвовать многимъ для того, чтобъ сохранить то, что составляло для него жизнь, прелесть жизни. Сущность этого покрова до развитія идеи Князя составлялъ сонмъ старѣйшинъ, сонмъ Бояръ. Не даромъ проливали они кровь свою за общину не даромъ они стояли впереди всѣхъ опасностей: святый союзъ соединялъ ихъ съ народомъ. Чувство любви къ своему облекало ихъ въ броню, бросало ихъ въ опасности: чувство благодарности, любви и уваженія, высказывала къ нимъ остальная масса нашего древняго народонаселенія. Все держалось тогда дружинами: погибла бъ дружина—погибла бъ и община, сдѣлавшись, со всѣмъ завѣтнымъ своимъ, добычей чуждаго. Съ другой стороны, любовь и уваженіе народа, поддерживая и возвышая самихъ Бояръ, дѣлали ихъ всегда готовыми биться уже и за собственныя свои права, за собственное свое значеніе. Когда этотъ священный союзъ былъ болѣе, или менѣе, нарушенъ, когда стала всюду у насъ развиваться идея Князя, Бояре, или вообще мѣстныя дружины, сохраняя первоначальное свое назначеніе, составили собой Княжескую стражу, военную и гражданскую силу ихъ. Все совершается послѣ того отъ имени Князя; но самъ Князь былъ тогда не что иное, какъ глава области, поддерживалъ виды своихъ подданныхъ, своей области. Не было ему ни цѣли, ни выгодъ, тѣснить, уничтожать, древнія дружины, по тому что въ этѣхъ дружинахъ была вся сила его, и остальная масса отдѣляла отъ себя медленно необходимыя начала для образованія новыхъ дружинъ, и при томъ, эти новыя начала требовали много времени, чтобъ образоваться во что ни будь лучшее, въ сравненіи съ самымъ началомъ дружинъ. Онъ, напротивъ, долженъ былъ, ограничивая крайнія злоупотребленія, поддерживать старое дружинное начало. Связываясь, такимъ образомъ, симъ святымъ союзомъ съ общинными видами, со всѣмъ завѣтнымъ для области, пользуясь глубокою любовію, довѣренностію

и уваженіемъ области, онъ становился, съ тѣмъ вмѣстѣ, во главѣ ея противъ всѣхъ общинныхъ враговъ, противъ всѣхъ покушеній чуждой области прикоснуться къ ея выгодамъ, къ ея завѣтному. По этому духъ областнаго начала носится надъ всею нашею древнію исторіею, скрываясь только подъ именемъ Князя и рѣдко проглядывая прямо. Область всегда готова защищать своего роднаго Князя всѣми своими силами, напрягаться въ этой защитѣ, но въ то же время готова была, при этой защитѣ своихъ областныхъ видовъ, губить всѣхъ и все, что она только считала враждебнымъ или себѣ, или Князю, и многіе, премногіе, сдѣлались жертвами этого общиннаго чувства: оно было сильно, могуче тогда. Въ немъ часто забывались выгоды Государственныя, выгоды частныя, даже иногда приносилось ему на жертву самое святое, по тогдашнимъ уже понятіямъ, семейное чувство. Новогородцы два раза успѣвали убаюкать сіе послѣднее чувство въ мнимой своей преданности и любви, въ мнимыхъ своихъ несчастіяхъ и притѣсненіяхъ, и заставили, сперва Ярослава Великаго, а потомъ сына Невскаго, забыть волю отцовскую и дѣйствовать въ своихъ общинныхъ понятіяхъ. То же успѣли сдѣлать Ростовцы съ мягкою душою Константина, и, такимъ образомъ, открытымъ упорнымъ ослушаніемъ сына отравили послѣднія минуты его отца, Всеволода; и для чего же? Чтобъ сохранить свои, областныя Боярскія, выгоды въ отношеніи Владимірцевъ. Страшно кровавой сценой разразилось областное чувство въ системѣ, когда братья покусились на жизнь своихъ братьевъ и совершили неслыханное злодѣяніе, ужаснувшее предковъ нашихъ, даже самихъ холодныхъ Новгородцевъ, когда область Рязанская видимо распадалась на двѣ стороны, изъ коихъ одна стремилась всѣми силами поддержать независимость своихъ Князей, свою собственную, а другая готова была подчиниться, и отчасти даже, по необходимости, подчинилась, чуждому Владимірскому Князю. Не пали ли также жертвой этого же общиннаго стремленія, избавиться изъ подъ вліянія чуждаго начала, Андрей Боголюбскій, Игорь Ольговичъ, Ярополкъ Изяславичь? Не въ слѣдствіе ли этого областнаго стремленія былъ ослѣпленъ опять храбрый Василько Ростиславичъ, противъ котораго козничали Бояре Волынскіе, какъ противъ Князя враждебнаго имъ начала? Не оно ли же поддерживало всѣ ссоры, всѣ распри, войны, между Князьями, поставляло въ враждебныя

отношенія дядей съ племянниками и племянниковъ съ дядями, родныхъ братьевъ съ двоюродными, какъ представителей различныхъ областныхъ личностей? Не оно ли вводило къ намъ полчища иноплеменниковъ, и родными жертвами устилало земли Русскія? Въ такомъ страшномъ противорѣчіи жизнь была тогда сама съ собою. Семья вызывала на защиту, созидала себѣ покровъ общественный, преображалась въ область, а область же въ критическихъ минутахъ поругалась надъ семейнымъ чувствомъ, поругалась надъ всѣми выгодами другихъ областей. Но уже къ приходу Татаръ всѣ наши Славянскія племена въ отношеніи внѣшнихъ враговъ сливались между собой въ имени Руссовъ: Вѣра, обычаи, языкъ скрѣпляли связь. Не рѣдко даже въ общемъ союзѣ Князей противъ враговъ мы, хотя временно, представляли собой цѣлое, недѣлимое, представляли Государство. Если областной характеръ все таки не совершенно уничтожался и въ подобныхъ явленіяхъ, то духъ единства все таки носился надъ нами, живилъ насъ болѣе, нежели мы предполагаемъ, и уже въ періодъ удѣловъ можно было провидѣть то могучее Государство, какимъ явится въ послѣдствіи Россія.

Теперь да позволено намъ будетъ здѣсь уклониться, чтобъ сказать вновь нѣсколько словъ объ основаніи Государства.

Когда всѣ данныя убѣждаютъ насъ, что Русь до прихода Рюрика распадалась на полуплеменныя, полувоинскія области, что каждая изъ этѣхъ областей имѣла свои дружины и не могла выносить господства чуждыхъ, даже Славянскихъ, началъ, намъ кажется не возможнымъ допустить, чтобъ Варяги спокойно, безъ особенной борьбы, могли утвердиться надъ этѣми областями, и утвердиться прочно. Какъ въ послѣдствіи каждый Князь, представитель начала, хотя даже Славянскаго, но чуждаго, могъ только временно завладѣть областью, такъ временно могли завладѣть той, или другой, изъ нашихъ областей Варяги, если они когда ни будь завладѣли ими, или если не было къ утвержденію ихъ власти надъ нѣкоторыми областями какихъ ни будь особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, вполнѣ связанныхъ съ выгодами самыхъ областей. Замѣтимъ еще при этомъ, что по общепринятому мнѣнію, по всѣмъ даннымъ, хотя крайне скуднымъ, краеугольнымъ камнемъ для утвержденія власти Варяжской былъ Кіевъ; но Кіевская же дружина является между тѣмъ во времена чисто историческія дружиною сильнѣйшею, храбрѣйшею: какимъ же образомъ эта дружина могла допустить

Аскольда и Дира, потомъ Олега, къ спокойному завладѣнію земель Кіевскихъ? Если предположить завоеваніе, то, при соображеніи всего выше означеннаго, должна была быть открытая борьба; но этой борьбы въ самомъ Кіевѣ мы не замѣчаемъ даже слѣдовъ; слѣдовательно, не отвергая присутствія въ Кіевѣ Варяжскихъ дружинъ, мы должны согласиться, что Варяги не господствовали въ Кіевѣ, а были вспомогательною дружиною, подобно тому, какъ они были вспомогательною дружиною въ Восточной Римской Имперіи, или служили у насъ, какъ служили Кіеву въ послѣдствіи дружины Торковъ и Берендѣевъ, какъ служили сами же Варяги Владиміру и Ярославу, такъ что власть Княжеская была какъ бы самородною для Кіева, и распространеніе ея на другія Славянскія племена совершено собственно Кіевскою же дружиною при посредствѣ, и то лишь первоначально, дружинъ Варяжскихъ.

Идея Князя и дружины.

Теперь переходимъ мы къ предмету во всѣхъ отношеніяхъ важному, глубоко знаменательному и очерчивающему, какъ нельзя рѣзче, наше оригинально-самобытное развитіе. Предметъ этотъ— идея власти Княжеской и нашихъ древнихъ дружинъ.

Какъ утвердилась у насъ Княжеская власть? Вопросъ этотъ разсматривался нашими учеными съ двухъ сторонъ. Одни полагали, что власть Рюрика надъ Новгородскими Славянами была основана на завоеваніи, другіе—на добровольномъ призваніи. Но этотъ моментъ Княжеской власти намъ кажется въ настоящемъ случаѣ не такъ важенъ, по тому что власть Княжеская нигдѣ такого противодѣйствія не встрѣтила, какъ въ Новгородѣ, и середой развитія ея въ Дотатарскій періодъ являются земли Кіевскія. Г. Погодинъ обратилъ вниманіе на это обстоятельство, и, отстаивая свою любимую мысль, весьма основательную, что Княжеская власть утвердилась у насъ совершенно на противоположныхъ началахъ, нежели на Западѣ, онъ, при объясненіи утвержденія ея въ Кіевѣ, а потомъ и между другими нашими Славянскими племенами, принимаетъ въ основаніе два положенія. Во первыхъ, онъ старается доказать, что Славянскія племена были до такой степени мирныя, что къ пришествію Рюрика, и даже при сынѣ и внукѣ его, вовсе не имѣли военнаго начала, и что одно явленіе Олега подъ стѣнами

Кіева и убіеніе имъ Аскольда и Дира было достаточно, чтобъ Кіевляне-Славяне, повинуясь сначала Аскольду и Диру, поклонились и предъ Олегомъ, какъ предъ Княземъ своимъ, признали въ немъ своего владыку, а потомъ точно такимъ же образомъ признали власть Олега и первыхъ потомковъ Рюрика другія Славянскія племена. Это первое положеніе Г. Погодина. Во вторыхъ, разсматривая настоящій вопросъ со стороны географической, онъ доказываетъ, что первые Князья наши, при чрезвычайной обширности занимаемыхъ нашими Славянами земель, не смотря даже на значительность своей дружины, на значительность Варяжскаго начала, не могли бы подчинить этихъ Славянъ и удержать ихъ въ повиновеніи, и если бъ сіи послѣдніе вздумали оказать имъ сопротивленіе; и отсюда онъ предоставляетъ намъ сдѣлать выводъ, что какъ власть дома Рюрика утвердилась у насъ, то она могла утвердиться, по самому географическому положенію нашихъ земель, не въ слѣдствіе завоеваній, а въ слѣдствіе слабости, невоинственности самаго народа. [176]

При всемъ уваженіи къ неоспоримому историко-критическому таланту Г. Погодина, мы не можемъ надивиться, какъ нашъ ученый рѣшился печатно высказать подобное предположеніе, не согласное ни съ исторіей, ни съ здравымъ смысломъ, и глубоко унизительное для каждаго Русскаго. Власть Княжеская утвердилась на томъ, что наши Славяне были безсмысленны, безразличны, къ власти, что они готовы были покориться всякому пришельцу, былъ ли бы то Рюрикъ, былъ ли бы Аскольдъ и Диръ, былъ ли бы Олегъ, или не Князь, не рода Княжескаго, а какой ни будь бродяга, это для нихъ было все равно.... Я не знаю, существовалъ ли когда ни будь какой ни есть народъ, который бы не имѣлъ чувства самосохраненія и безъ всякой борьбы былъ бы готовъ подчиниться всякому пришельцу, да и врядъ ли Г. Погодинъ можетъ намъ представить примѣръ въ существованіи подобнаго народа. Начало Княжеской власти скрывается въ безразличіи народа Русскаго къ власти! Кажется, самый закоренѣлый врагъ Россіи не сказалъ бы объ насъ ни чего подобнаго. Власть Княжеская утверждается на безразличіи народа Русскаго къ власти!... На безразличіи народа

---

[176] Изслѣд., замѣч. и лекціи Г. Погодина, т. III, стр. 116—127, 500—502, 511—515.

Русскаго къ власти, когда ни одинъ народъ не любилъ такъ властителей своихъ, не былъ всегда такъ готовъ пролить за нихъ кровь свою, какъ народъ Русскій; когда эта-то безыскуственная преданность нашихъ предковъ къ престолу запечатлѣла каждую страницу нашей исторіи, возвеличила нашу родину!... Но къ чему возраженія? Каждый истинно Русскій пусть заглянетъ въ собственную свою душу, и онъ найдетъ въ ней болѣе глубокое возраженіе противъ Г. Погодина, и съ справедливымъ гнѣвомъ пошлетъ слово къ сказанной мысли нашего ученаго. Я уже прохожу молчаніемъ то, какъ Г. Погодинъ, отстаивая эту свою мысль, извратилъ всѣ данныя, уничтожилъ наши древнія дружины, уничтожилъ наше Боярство, это зерно современнаго высшаго сословія и т. д., и перехожу прямо къ развитію нашего предмета, какъ предмета, до сихъ поръ не обращавшаго на себя сколько ни будь дѣльнаго вниманія нашихъ ученыхъ.

Мы видѣли, что каждая система стремится получить себѣ отъ Кіева особаго Князя, который бы управлялъ областію независимо, по своей волѣ, внѣ вліянія на внутреннюю ея жизнь другихъ областей; видѣли также, что каждая область борется за своихъ Князей, льетъ за нихъ кровь, бьется мощно и, наконецъ, не смотря на всѣ препятствія, которыя противоставляли къ тому, съ одной стороны, желаніе Кіева, а потомъ Владиміра на Клязьмѣ, господствовать надъ прочими системами и располагать судьбою самихъ Князей этѣхъ системъ, а съ другой, стремленіе второстепеныхъ системъ распространить свою власть на счетъ другихъ, успѣваетъ отстоять свой Княжескій родъ, и въ слѣдствіи этого-то стремленія имѣть своего Князя, въ слѣдствіе этой любви къ своему Княжескому роду, каждая система и сохраняетъ свой Княжескій родъ. Въ Полоцкѣ утверждается домъ Изяслава, въ Черниговѣ Святослава, въ Галичѣ Ростислава Владиміровича, а, по пресѣченіи его, домъ Даніила, въ Смоленскѣ Ростислава Мстиславича, во Владимірѣ домъ Георгія Долгорукаго, и т. д. Мы видѣли, сверхъ того, что Боярство составляло лучшую, надежнѣйшую, дружину въ каждой системѣ, за исключеніемъ Ростовской, [177] и что всѣ удары, которые обращаемы были противъ Князя, при-

[177] Въ отношеніи, однако жь, Сѣвернаго Владимірскаго Княженія, а не въ отношеніи самыхъ Ростовскихъ земель.

нимались преимущественно Боярскою дружиною, а иногда, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, и дружиною горожанъ. Прямой выводъ изъ этихъ замѣчаній будетъ тотъ, что идея Княжеской власти жила въ самомъ народѣ, была любимою, живою, народной идеей; что любовь народа Русскаго къ своимъ Князьямъ, къ своимъ отцамъ, властителямъ, даже въ самый періодъ удѣловъ, двигала всѣми дѣлами и торжествовала надъ всѣми препятствіями; однимъ словомъ, мы въ этотъ періодъ были тѣ же самые, какъ и въ періодѣ самодержавія, т. е., полны преданности къ Престолу и готовы во всякое время положить свои головы за свой Правящій Домъ.

Глубоко и многознаменательно, скажемъ мы снова, должна же была быть эта идея для самаго народа, если милліоны предковъ нашихъ улеглись, отстаивая представителей ея; всѣ выгоды, вся жизнь, какъ будто сливались для него съ нею. И дѣйствительно, она, это дитя самобытнаго развитія нашихъ Славянскихъ племенъ, полна дивнаго величія и глубины въ своихъ основаніяхъ.

Наши разсужденія будутъ здѣсь неумѣстны: пусть явится предъ нами самъ народъ Русскій съ своею исторіею, во свидѣтельство величія своей думы.

Любя вообще родовыхъ Князей своихъ, народъ Русскій имѣлъ изъ Князей особыхъ любимцевъ, которые болѣе очаровали его, и слѣдовательно, сіи-то Князья осуществляли своею жизнію, своими дѣлами, идею народную болѣе, нежели другіе: ихъ образъ, по этому, можетъ замѣнить намъ, въ семъ случаѣ, думу народную о Князѣ.

Въ періодъ, на который мы обращаемъ особенное вниманіе, въ періодъ удѣловъ, чаровалъ собою народъ Русскій всѣхъ болѣе Владиміръ Мономахъ. Вотъ двѣ великія, и въ то же время простыя, эпитафіи, которыя сказали предки наши въ память Великому: «Преставися Благовѣрный, Христолюбивый и Великій Князь всея Руси, Володимеръ Мономахъ, иже просвѣти Рускую землю, акы солнце луча пущая, его же слухъ произыде по всимъ странамъ, найпаче же бѣ страшенъ поганымъ, братолюбець, и нищелюбець, и добрый страдалецъ за Рускую землю.» [178] «Преставися Благовѣрный и Великій Князь Русскый Володимеръ, сынъ благовѣрна отца, Всеволода, украшенный добрыми нравы, прослувый въ побѣдахъ; его

[178] Ипатьев. 10.

имени трепетаху вся страны, и по всѣмъ землямъ изиде слухъ его, понеже убо онъ всею душею взлюби Бога. Но и мы мнимся Бога любяще, но аще потщимся заповѣди его схранити, тогда явимся Бога любяще: «Любяй бо мя, рече, заповѣди моя хранить.» Сей же чюдный Князь Володимеръ потщася Божья хранити заповѣди, и Божьи страхъ присно имѣя въ сердци, поминая слово Господне, еже рече: «О семъ познають вы вси человѣци, яко мои ученици есте, аще любите другъ друга», и: «Любите врагы ваша, и добро творите ненавидящимъ васъ.» «Вся бо зломыслы его вда Богъ подъ руцѣ его, поне не взношашеся, ни величашеся, но на Бога възлагаше все, и Богъ покоряше подъ нозѣ его вся врагы; онъ же, заповѣдь Божью храня, добро творяше врагомъ своимъ, отпущаше я одарены. Милостивъ же бяше паче мѣры, поминая слово Господне, глаголющее: «Блажени милостивыи, яко тіи помиловани будуть,» и: «Блаженъ разумѣваяй на нища и убога, яко въ день лютый избавить и Господь.» Тѣмъ и не щадяще имѣнья своего, раздавая требующимъ, и церкви зижа и украшая; чтяшеть же излиха чернечьскый чинъ и поповскый, подавая имъ, еже на потребу, и принимая отъ нихъ молитвы. Жалостивъ же бяше отинудь, и даръ си отъ Бога прія, да егда въ церковь внидяшеть и слыша пѣнье, и абье слезы испущашеть, и тако молбы ко Владыцѣ Христу со слезами воспущаше, тѣмъ и Богъ вся прошенья его свершаше, и исполни лѣта его въ добродѣтствѣ.» [179]

Но не лесть ли говорила, быть можетъ, замѣтятъ нѣкоторые, въ этихъ словахъ предковъ нашихъ? Нѣтъ, въ этихъ словахъ выразилась только тѣнь тѣхъ чувствъ, которыя они питали къ Владиміру Мономаху. Глубоко отпечатлѣлся образъ Великаго въ душахъ предковъ нашихъ, и чувство глубокаго благоговѣнія къ Великому перешло и на потомство его: благовѣрнаго Князя корень и благовѣрная отрасль былъ домъ Мономаха въ глазахъ Русскихъ, по выраженіямъ лѣтописца. [180] Мы уже видѣли, что Кіевляне, не смотря на всю любовь свою къ внуку Мономаха, Изяславу, на рѣшительныя дѣйствія поддержать его во что бы то ни стало на Кіевскомъ престолѣ, отказывались ити съ нимъ противъ сына Мономахова, Георгія, по тому что, какъ они выра-

[179] Лаврент. 129.

[180] Ипат. 10. Тогда же благовѣрнаго Князя корень и благовѣрная отрасль Ярополкъ (сынъ Мономаха) и пр.

жались, не могутъ поднять руки на племя Мономаха: они желали пресѣчь всѣ распри между внукомъ и сыномъ Великаго. Они дѣйствовали противъ Георгія нерѣшительно даже тогда, когда тотъ соединился съ отъявленными врагами земель Кіевскихъ, съ Князьями Черниговскими и, вмѣстѣ съ ними и наемными Половцами, шелъ на судъ Божій противъ племянника, любимца Кіевлянъ. Еще передъ самой Переяславской битвой, проигранной Изяславомъ, Епископъ Евѳимъ умолялъ сего послѣдняго примириться съ Георгіемъ: «Княже! умирися съ стрыемъ своимъ: много спасеніе примеши отъ Бога и землю свою избавиши отъ великія бѣды.» Переяславцы, составлявшіе часть дружинъ земель Кіевскихъ, во время самой битвы явно предпочли старѣйшаго Князя, сына Мономаха, его племяннику, Изяславу: «И бысть лесть въ Переяславцехъ, рекуче: «Гюрги намъ Князь свой, того было намъ искати и далече,» то рекуче, и поскочиша» (оставили поле битвы). И не противъ Георгія боролись въ семъ случаѣ Кіевляне, какъ и въ продолженіи всего княженія Изяслава, а, какъ мы выше объяснили, боролись противъ Ростовцевъ и Суздальцевъ, которыхъ господство было неизбѣжно съ господствомъ Георгія надъ землями Кіевскими, точно также какъ Владимірцы, по ихъ собственному сознанію, боролись не противъ Ростиславичей, а противъ тѣхъ же Ростовцевъ и Суздальцевъ, которыхъ представителями были Ростиславичи. Такая любовь высказывалась не въ однѣхъ земляхъ Кіевскихъ къ потомству Мономаха; нѣтъ, она прокралась и въ другія системы и не смотря на враждебныя отношенія, въ которыхъ находилась тогда одна система противъ другой, имя Мономаха влекло сердца и системъ враждебныхъ къ его потомству: дружина Курская, расположенная къ Изяславу Мстиславичу, высказывая ему явную нелюбовь къ Князьямъ Черниговскимъ, отказывалась также отъ борьбы противъ сына Мономаха, того же Георгія, и подъ тѣмъ же предлогомъ: «Оже се Ольговичь, ради ся за тя бьемъ и съ дѣтьми, а на Володимере племя на Гюргевича [181] не можемъ руки подъяти.» Даже кичливые Новгородцы отдавали дому Мономаха предпочтеніе предъ всѣми другими. Въ 1102 году Владиміръ Мономахъ сдѣлалъ условіе съ двоюроднымъ сво-

[181] Противъ Глѣба, сына Георгія, посланнаго отцемъ на помощь Святославу Ольговичу противъ Давидовичей и, съ тѣмъ вмѣстѣ, противъ Изяслава Мстиславича, ихъ союзника. Ипат. 35.

имъ братомъ, Великимъ Княземъ Кіевскимъ, Святополкомъ, условіе, чтобъ вывести изъ Новгорода сына своего, Мстислава, и дать ему въ замѣнъ Владиміръ Волынскій, а Новгородъ предоставить управленію сыну Святополка. На основаніи сего условія, Мстиславъ выѣхалъ изъ Новгорода и былъ уже въ Кіевѣ, чтобъ оттуда перебраться на свое новое княженіе; но съ нимъ прибыли въ Кіевъ и послы Новгородскіе съ словами: «Се мы, Княже, присланы къ тобѣ, и рекли ны тако: «Не хочемъ Святополка, ни сына его; аще ли двѣ главѣ имѣеть сынъ твой, то пошли и, сего ны далъ Всеволодъ (отецъ Мономаха), а въскормили есми собѣ Князь, а ты еси шелъ отъ насъ;» такъ что, не смотря на все желаніе завладѣть богатымъ Новгородомъ, Святополкъ долженъ былъ уступить этой любви народной къ Мономахову потомству: «И Святополкъ многу прю имѣвъ съ ними, онѣмъ же не хотѣвшимъ, поимаше Мстислава, придоша Новгороду.» [182] Въ 1140 году Новгородцы, изгнавъ Святослава Ольговича, брата Великаго Князя, послали сказать самому Великому Князю: «Не хочемъ сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хочемъ племени Володимера.» Всеволодъ цѣлую зиму и лѣто держалъ у себя пословъ Новгородскихъ, вмѣстѣ съ Новгородскимъ Епископомъ, полагая, что онъ заставитъ наконецъ Новгородцевъ принять кого либо изъ своего рода къ себѣ на княженіе; но всѣ усилія его были тщетны; любовь къ роду Мономаха торжествовала. Новгородцы, послѣ долгаго сиротства престола, сначала призвали къ себѣ сына Георгія, внука Мономахова, а потомъ приняли къ себѣ Князя отъ самаго Всеволода Ольговича, желаннаго ими другого внука Мономахова, Святополка Мстиславича. [183] Что заставляло такимъ образомъ дѣйствовать Новгородъ: истинное ли желаніе видѣть на престолѣ своемъ кого либо изъ дому Мономаха, или прямой расчетъ, который служилъ основаніемъ всѣхъ ихъ дѣйствій, мы не беремся рѣшать, по тому что нѣтъ для этого достаточныхъ данныхъ, хотя готовы скорѣе принять послѣднее мнѣніе. Но предположивъ даже, что они на самомъ дѣлѣ дѣйствовали здѣсь въ видахъ чистаго расчета, замѣчая господство племени Мономаха въ большей части системъ, на которыя распадалась тогда Русь, замѣчая даже полную зависимость

[182] Лавр. 117.

[183] Лавр. 134. Ипат. 17.

самаго Великаго Кіевскаго Князя, Всеволода Ольговича, отъ дѣтей и внуковъ Мономоха, замѣчая глубокую преданность къ нимъ на Югѣ и на Сѣверѣ, желали избраніемъ одного изъ нихъ расположить болѣе сильнѣйшихъ изъ Мономаховичей, и тѣмъ пріобрѣсти ихъ покровительство въ собственныхъ своихъ дѣлахъ, во всякомъ случаѣ мы не можемъ не видѣть въ сказанныхъ явленіяхъ торжества любви народной къ дому Мономаха: если не любовь Новгородцевъ говорила въ этихъ явленіяхъ, то, по крайней мѣрѣ, говорила любовь дружинъ другихъ системъ, любовь преимущественно дружинъ Кіевскихъ, дѣлавшая Мономаховичей страшными и для самыхъ Новгородцевъ.

Чѣмъ пріобрѣлъ эту живую любовь къ себѣ, къ своему потомству, Мономахъ, мы уже видѣли изъ словъ предковъ нашихъ: онъ, какъ говорили они, пріобрѣлъ ее любовію своей къ народу, любовію, высказанною дѣломъ; любовію къ Богу и исполненіемъ заповѣдей его. Обратимся же къ самой жизни Мономаха и посмотримъ, чѣмъ же именно запечатлѣлась эта любовь Мономаха къ Богу и къ своему народу?

Двойное зло губило въ періодъ удѣловъ землю Русскую. Съ одной стороны Половцы на всемъ протяженіи Кіевскихъ и Черниговскихъ земель вторгались безпрерывно въ предѣлы нашего отечества, пустошили его огнемъ и мечемъ, и сотнями, тысячами, отводили предковъ нашихъ въ плѣнъ, для того чтобъ или взять за нихъ богатый выкупъ, или обратить ихъ въ рабовъ своихъ, или, наконецъ, какъ рабовъ, продать въ земляхъ чуждыхъ. Эти набѣги Половцевъ были безумолкны. Они, какъ саранча, являлись губительными толпами то тамъ, то сямъ. Слезы и скорбь разливались въ землѣ Русской отъ ихъ вторженій. [184] Другимъ не менѣе, если не болѣе, страшнымъ зломъ были для насъ въ періодъ удѣловъ междоусобныя войны Князей различныхъ системъ, войны,

---

[184] Вотъ, на пр., какъ лѣтописецъ, подъ 1093 годомъ, очерчиваетъ тогдашнее положеніе, въ которомъ поставлены были Русскія земли набѣгами Половцевъ: «Городи вси опустѣша, селы опустѣша; преидемъ поля, идѣже пасома бѣша стада конь, овця и волове, все тоще нонѣ видимъ, нивы поростъше звѣремъ жилища бѣша..... Гдѣ бо бѣ у насъ умиленье? Нонѣ же вся полна суть слезъ; гдѣ бѣ въ насъ въздыханье? Нонѣ же плачь по всѣмъ улицамъ упространися, набьенныхъ ради, иже избиша безаконьнии. Лаврент. 95—96.

которыя стихали, можно сказать, на минуту, для того, чтобъ снова вспыхнуть и нерѣдко обнять всѣ системы. Кровь лилась въ этихъ междоусобіяхъ: пустошились города и села, дружины гибли, плачъ и стонъ, вмѣсто веселій, раздавались въ земляхъ Русскихъ. Рѣдкій изъ Князей готовъ былъ великодушно жертвовать для блага общаго какими либо своими правами, или выгодами, а, напротивъ, стремленіе къ утвержденію, или расширенію, своихъ правъ и выгодъ заставляло большую часть Князей забывать иногда всѣ страшныя слѣдствія взаимной вражды, уничтожавшей внутреннія силы, благосостояніе и открывавшей, иногда съ намѣреніемъ, иногда безъ намѣренія, свободный путь въ земли Русскія врагамъ нашимъ, Половцамъ. «Тогда», говоритъ пѣвецъ XII ст., «при Олзѣ Гориславличи (Святославичѣ, Князѣ Черниговскомъ, современникѣ Мономаха) сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дождьбожа внука въ Княжьихъ крамолахъ, вѣци человѣкомъ скратишась. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупія себѣ дѣляче, а галици (галки) свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе.» [185]

Вотъ главнѣйшія обстоятельства, вотъ два гибельнѣйшихъ изъ золъ того времени, посреди которыхъ является Мономахъ. Не такъ дѣйствовалъ самъ Великій. Живая, могучая, душа его глубоко сочувствовала бѣдствію народному: она стонала, плакала вмѣстѣ съ самимъ народомъ. Мономахъ сознавалъ, что не въ его власти спасти землю Русскую отъ страшныхъ золъ, въ которыхъ гибла она, и возложилъ всю надежду на Господа; его душа на крыліяхъ горячихъ слезъ, на крыліяхъ искренней глубокой молитвы, возносилась къ Творцу, какъ къ безконечно благому отцу Царей и народовъ, и, полная вѣры въ благость его, полная упованія на его всемогущество, знаменовалась въ дѣлахъ величіемъ и безпримѣрною любовію къ народу Русскому. Онъ забывалъ себя совершенно въ личныхъ своихъ выгодахъ, и стремился всей душой на благо родины. Въ сей любви его къ родинѣ одинъ Петръ Великій, этотъ другой дивный любимецъ народа, можетъ быть ему только соперникомъ.

Мы знаемъ, что въ 1093 году онъ отказался отъ Кіев-

---

[185] Пѣсни народа Русскаго, изд. Г. Сахарова, часть V. Слово о полку Игоревѣ, стр. 286.

скаго престола, въ пользу своего двоюроднаго брата, устраняя этимъ единственно лишь поводъ къ междоусобію: «Володимеръ, нача размышляти, река: «Аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отъ отца его былъ.» [186] И, «размысливъ, посла по Святополку Турову, а самъ иде Чернигову»..... Въ 1097 году сошлись въ Любечѣ всѣ Князья, чтобъ братски обняться и дружелюбно прекратить всѣ взаимныя распри между собою. Они говорили: «По что губимъ Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? А Половци землю нашу несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати; да нонѣ отселѣ имемся въ едино сердце и блюдемъ Русьскыѣ земли, кождо да держить отчину свою».... И потомъ цѣловали между собою крестъ на томъ, что если кто ни будь изъ Князей разрушитъ святой союзъ и начнетъ открыто враждовать противъ одного изъ нихъ, то онъ будетъ врагомъ всѣхъ остальныхъ Князей и врагомъ честнаго креста: «Да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будемъ вси.» И рекоша вси: «Да будеть на нь крестъ честный и вся земля Русьская!» Кто же былъ душею этого сейма?... Лѣтописецъ молчитъ, но всѣ событія говорятъ, что этою душею былъ Владиміръ Мономахъ. Всѣ Князья, можно сказать, мгновенно же нарушили данную ими другъ другу клятву: одинъ Мономахъ не измѣнилъ ей, и горько соболѣзновалъ о подобномъ состояніи дѣлъ. Въ слѣдъ же за окончаніемъ сейма, духъ вражды, между образовавшимися Волынскимъ и Галикимъ Княжествами, пробудилъ духъ вражды и подозрѣнія между представителями этихъ Княжествъ, между Василькомъ и Давыдомъ Игоревичемъ. Послѣдній, руководимый самъ какими-то тремя приближенными къ нему думцами, искалъ средствъ погубить Василька, но въ открытую борьбу онъ, видно, что не хотѣлъ вступать, а искалъ средствъ коварныхъ, чтобы избыть его, опасаясь имѣть вблизи своего Княжества столь храбраго Князя, представителя враждебной области. Онъ напомнилъ Святополку, тогда Великому Князю Кіевскому, что убійца его брата, бывшаго Княземъ Волынскимъ, сокрылся у брата Василька, Рюрика Ростиславича, и что онъ палъ жертвою вражды Ростиславичей или Галицкой области къ областй Волынской. Одного намека на подобную мысль было достаточно, чтобъ Святополкъ исполнился гнѣвомъ противъ Ва-

[186] Лаврент. 93.

силька; но къ этому присоединилась еще клевета, что будто бы Василько заключилъ тайный союзъ съ Мономахомъ противъ Святополка и другихъ Князей, ища господства себѣ въ земляхъ Русскихъ. По совѣтѣ съ Кіевлянами, Святополкъ въ рѣшеніи участи Василька, призваннаго въ Кіевъ на братскую бесѣду, отдается на волю Давыда Игоревича, и Василько, готовясь на предпріятія великія, для пользы родины, безчеловѣчнымъ образомъ ослѣпленъ. Встрепенулась душа Великаго Мономаха при вѣсти объ этомъ преступномъ дѣлѣ. Предъ нимъ раскрывается вновь страшная картина междоусобій, посреди которыхъ гибнетъ земля Русская. Онъ зоветъ Давыда и Олега Святославичей соединить дружины свои съ нимъ и остановить зло въ самомъ зародышѣ: «Да поправимъ сего зла, еже ся створи се въ Русьскѣй земьли и въ насъ, въ братіи, оже вверже въ ны ножь; да аще сего не правимъ, то болшее зло встанеть въ насъ, и начнеть братъ брата закалати, и погыбнеть вся земля Русьская, и врази паши, Половци, пришедше, возмуть земьлю Русьскую»... [187] Такъ не крови, не мести, хотѣлъ Мономахъ, выступая съ Святославичами противъ Святополка, а хотѣлъ только блага земли Русской, хотѣлъ только предупредить дальнѣйшій раздоръ между Князьями. Самый исходъ похода показываетъ, что въ этой думѣ сосредоточены были всѣ думы Мономаха. Святополкъ, узнавъ о наступательномъ на него движеніи трехъ Князей, хотѣлъ было бѣжать изъ Кіева, но Кіевляне остановили его, зная, что не крови и не Великокняжескаго престола ищетъ Мономахъ: они понимали высокую душу его, и слова, сказанныя ими чрезъ посольство: «Молимся, Княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, поганіи имуть радоватися и возмуть землю нашу, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши, трудомъ великимъ и храбрьствомъ побарающе по Русьскѣй земли, ины земли пріискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую?» [188] Эти слова тронули Владимірà Мономаха до слезъ; онъ заплакалъ и сказалъ: «По истинѣ отци и дѣди наши соблюли землю Русьскую, а мы хочемъ погубити,» и сконился на миръ, но съ тѣмъ, однако жь, чтобъ Святополкъ наказалъ Давыда Игоревича, виновника зла, либо взявъ его въ плѣнъ,

[187] Лавр. 112.

[188] Тамъ же

либо изгнавъ его изъ его владѣній. Давыдъ между тѣмъ рѣшился защищать себя силою и собственныхъ дружинъ и наемныхъ дружинъ Половецкихъ. Война противъ него длится безъ положительнаго вывода. Къ ней присоединятся еще другая. Святополкъ, кажется, не забылъ смерти брата своего, и двинулъ силы свои изъ Владиміро-Волынскихъ земель противъ Галицкой области или представителей ея, Василька и Володаря Ростиславичей, но Ростиславичи на этотъ разъ предупредили и въ упорной борьбѣ разбила его на голову. Такъ пламя раздора мало по малу распространялось. Святополкъ не хотѣлъ и, какъ Великій Князь, не могъ оставить въ покоѣ Ростиславичей, а Давыдъ Игоревичь не былъ смиренъ и стремился вновь утвердить власть свою въ земляхъ Владимірскихъ, гдѣ было его Святополкъ успѣлъ уже стѣснить. Новый сеймъ, котораго душею, безъ всякаго уже сомнѣнія, былъ снова Владиміръ Мономахъ,[189] смирилъ Давыда, заставивъ его отказаться отъ Владиміра Волынскаго, и принять, вмѣсто него, три незначительныхъ города отъ Святополка и 400 гривенъ отъ Святославичей и Мономаха [190] Не такъ легко можно было помирить Святополка съ Ростиславичами, которые, опираясь на сильныя дружины Галицкія, не хотѣли исполнять воли Великаго Князя, стремившагося непосредственно подчинить себѣ часть Галицкихъ земель: «и тогда послаша слы своя», кажется всѣ Князья, бывшіе на сеймѣ и въ томъ числѣ, быть можетъ, Мономахъ, къ Володареви и Василькови: «Поими брата своего, Василька, къ себѣ, и буди ваю едина власть, Перемышль; да аще любо, да сѣдита; аще ли ни, да пусти Василька сѣмо, да его кормимъ здѣ; а холопы наша (вѣроятно, захваченные въ упомянутой битвѣ) выдайта и смерды!» и не послуша сего Володарь, ни Василько.» Война противъ нихъ должна была вспыхнуть, и Святополкъ, кажется, успѣлъ склонить къ ней всѣхъ Князей; но Владиміръ и здѣсь опять остается вполнѣ вѣрнымъ любимой думѣ своей: онъ отказался рѣшительно отъ участія въ этой войнѣ, говоря, что не можетъ нарушить данной имъ клятвы и сдѣ-

---

[189] Нельзя не приписать сзыва Князей на этотъ сеймъ Владиміру Мономаху: только при жизни его были подобные сеймы, и потомъ исчезаютъ на долго; при томъ самый исходъ втораго сейма былъ не что иное, какъ снисходительное исполненіе требованій Мономаха, при заключеніи имъ мира съ Святополкомъ, относительно преслѣдованія Давыда.

[190] Лавр. 116.

латься врагомъ Ростиславичей: «Усрѣтоша бо мя слы (послы) говоритъ самъ Мономахъ, отъ братьи моеи на Волгѣ, рѣша «Потъснися къ намъ, да выжинемъ Ростиславича, и волость ихъ отъимемъ; оже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ;» и рекъ: «Аще вы ся и гнѣваета, не могу вы я ити, ни креста переступити.» [191] Но загляните въ глубину души Мономаха, что совершается въ ней при этомъ вызовѣ Князей и его отказѣ: самъ Мономахъ раскрываетъ ее предъ вами. Она смущена въ своемъ одиночествѣ, въ своемъ безсиліи исполнить міръ благомъ и задержать страсти людскія, и въ этомъ смущеніи предъ ней міръ безконечной благости и всемогущества: она созерцаетъ бытіе Божіе; она видитъ, чувствуетъ, что нѣтъ двухъ боговъ, а одинъ Богъ безконечный любви, истины и величія, правитъ міромъ; она видитъ, чувствуетъ это, и исполняется вѣрою, любовію къ Богу, къ міру и къ истинѣ; она не страшится уже зла, по тому что съ нею Богъ правды и всемогущества: у Него нѣтъ пріюта злу: зло бѣжитъ предъ Его безконечною любовію и величіемъ, какъ тьма передъ свѣтомъ. Напрасны, тщетны, всѣ лукавые и коварные помыслы человѣческіе: царитъ въ мірѣ Богъ правды и всемогущества. Неугодны пути зла и коварства Господу, и всѣ плоды ихъ, всѣ стяжанія ихъ размечутся, какъ прахъ правдою божественной, и сами виновники зла покараются своимъ же зломъ, своими стрѣлами и оружіемъ. Въ этѣ минуты Мономахъ будто бы провидитъ, какъ предъ безконечною благостію, которою Творецъ исполняетъ міръ, самыя царства, когда-то сильныя, отдавшись злу, разврату, рушатся сами въ себѣ и дѣлаются добычею народовъ иноплеменныхъ, безъ всякой почти борьбы, какъ прахъ отжившій уже, подобно царству Іудейскому, Риму и Греціи, погибшихъ въ нравственномъ разслабленіи въ безвѣріи, злѣ, развратѣ своемъ. Но душа Мономаха выходитъ изъ религіознаго созерцанія каръ Божіихъ, и вотъ Богъ правды является предъ ней Богомъ любви и величія. Созерцая природу, онъ поражается премудростію Божественной. «Господи! восклицаетъ Мономахъ, кто не похвалитъ и не прославитъ силы твоея и твоихъ великихъ чудесъ и добротъ, устроенныхъ на семъ свѣтѣ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма, и свѣтъ, украшено твоимъ промысломъ, Господи!

---

[191] Лавр. лѣт.

И сему чюду дивуемся, како отъ персти создавъ человѣка, како образи разноличніи въ человѣческыхъ лицихъ, аще и весь міръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кыи же своимъ лиць образомъ, по Божіи мудрости. И сему се подивуемы, како птица небесныя изъ рья идуть, и первѣе наши руцѣ, и не ставяться на одиной землѣ, но и сильныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, Божіимъ повелѣньемъ, да наполнятся лѣса и поля. Все же то далъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье Велика, Господи, милость твоя на насъ, еже та угодья створилъ еси человѣка для грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, Господи: егда повелиши, то вспоють, и человѣкы веселять тебе. И егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще, онѣмѣють, и благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло. Всяка чюдеса и ты доброты створивъ и сдѣлавъ, да иже не хвалить тебе, Господи, и невѣруеть всѣмъ сердцемъ и всею душею во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, да будеть проклятъ!» [192] И Мономахъ отказывается отъ союза съ братьею своею, чтобъ не нарушать правды противъ Ростиславичей, и тѣмъ не отрекаться душой отъ своего Господа.

Сливаясь съ величіемъ природы, глубоко сочувствуя любви Божіей къ человѣку, онъ исполненъ былъ жизнію, стремился всей душой къ Господу, хотѣлъ быть достойнымъ храмомъ Бога живаго; былъ имъ, и это сознаніе великаго значенія человѣка, сознаніе Святыхъ истинъ, которыя онъ носилъ въ самомъ себѣ, сознаніе высокой, живой любви, которою исполненъ былъ предъ нимъ міръ, дало ему твердую вѣру въ жизнь высокую, духовную, жизнь безграничную, а вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣмъ его дѣйствіямъ, характеръ непреклонности и въ то же время полнаго смиренія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ чудный первообразъ Петра Великаго. Высокая, живая, любовь сближала его со всѣми слоями. «Болнаго присѣтите, надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы, и человѣка не минѣте не привѣчавше, добро слово ему дадите, и болѣе же чтите гость, откуду же вамъ придеть, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ.» [193] Слова, которыя прибавилъ къ этому Мономахъ, говорятъ, что онъ желалъ, стремился, пріобрѣсти себѣ общую любовь: «Ти бо мимоходячи, про-

---

[192] Завѣщаніе Мономаха.

[193] Тамъ же.

славять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ.» [194] Видно, что сознаніе общей любви къ нему исполняло душу его самымъ высокимъ наслажденіемъ, какъ, съ другой стороны, сознаніе ничтожности здѣшней земной жизни, уничтожало въ немъ слѣды всякой гордости: «Паче всего гордости не имѣйте въ сердци и въ умѣ: смертни есмы, днесь живи, а заутра въ гробъ.» [195] Сіи же послѣднія слова показываютъ, сверхъ того, какъ безстрашно смотрѣлъ онъ на переходъ изъ здѣшней жизни въ жизнь будущую. Что жь могло послѣ этого удержать его отъ исполненія Святыхъ заповѣдей, когда онъ стремился сдѣлаться только достойнымъ любви Господа: пріобрѣтенія ли, желанія ли во что бы то ни стало притяжать себя вѣнокъ славы? Нѣтъ, онъ искалъ славы не ложной; пріобрѣтенія, были прахъ предъ нимъ. Его вѣнцомъ жизни было любовь къ нему Господа и благословеніе народа. Онъ исполненъ былъ той высокой думы, которую высказалъ современный нашъ поэтъ, незабвенный Пушкинъ:

Къ нему домчится гимнъ временъ,
Благословеніе племенъ.

Такъ мы видѣли, что онъ готовъ былъ поссориться за Ростиславичей съ братьями, чтобъ только не нарушить клятвы, данной имъ, вмѣстѣ съ ними, не обижать другъ друга и въ взаимныхъ распряхъ не губить земли Русской, еще прежде того видѣли, какъ послѣ Любецкаго сейма, онъ воспрянулъ, чтобъ задержать междоусобіе, раздоръ, въ самомъ началѣ; какъ потомъ плакалъ онъ о томъ, что его братья Князья забываютъ землю Русскую и въ своихъ крамолахъ готовы погубить благосостояніе ея; онъ плакалъ, опустилъ мечъ, но не прежде, однако жь, пока заставилъ Святополка дать обѣщаніе наказать главнаго виновника нарушенія общаго согласія. Однимъ словомъ, вездѣ мы видимъ Мономаха бодрымъ, неуклоннымъ, стражемъ благосостоянія народнаго. Тѣмъ же самымъ свойствомъ запечатлѣлъ себя Мономахъ въ отношеніи враговъ нашихъ, Половцевъ.

Зная невоинственный духъ Святополка, его неподвижность, его забвеніе къ дѣламъ общественнымъ, подъ вліяніемъ иногда част-

[194] Тамъ же.
[195] Тамъ же.

ныхъ выгодъ мы не сомнѣваемся ни сколько, что главнымъ двигателемъ дѣлъ противъ Половцевъ былъ при самомъ Святополкѣ Владиміръ Мономахъ; что любовь его къ землѣ Русской единила въ семъ случаѣ Князей различныхъ системъ между собою. Въ этомъ убѣждаютъ и положительныя данныя. Всѣ современные ему Князья не могли удержать себя отъ взаимныхъ раздоровъ и междоусобій. Владиміръ вездѣ является мирителемъ ихъ; страшится за бѣдствія, которыя влекутъ эти междоусобія для народа, и указываютъ при этомъ на гибель, которая ждетъ землю Русскую со стороны Половцевъ, если Князья не прекратятъ своихъ междоусобій. [196] Въ 1103 году, по одному списку, и въ 1111, по другому, лѣтописецъ представляетъ его главнымъ дѣятелемъ, душею, одного изъ болѣе замѣчательныхъ походовъ на Половцевъ, и при этомъ рѣзко обозначаетъ душу его, его отчетливое сознаніе бѣдствій народныхъ, коимъ сопровождались вторженія Половцевъ въ земли Русскія. Онъ вызывалъ Святополка соединить къ веснѣ всѣ силы наши и двинуть ихъ на земли Половецкія. Святополкъ и дружина его не соглашались на это, и были, казалось, правы: они говорили, что для похода необходимо взять лошадей отъ земледѣльцевъ, а взявши лошадей весной, они лишатъ земледѣльца возможности обработать свое поле. Тогда, по желанію же самаго Святополка, открытъ былъ совѣтъ, посреди котораго является и Владиміръ Мономахъ, окруженный своими дружинами. На этомъ совѣтѣ, все патріархальное величіе коего описано нами выше, Мономахъ высказался болѣе глубокимъ сочувствіемъ къ бѣдствіямъ народнымъ, нежели какое высказывалъ въ частномъ совѣтѣ Святополка съ дружиной своей: «Дивно ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не помышляюще, оже на весну начнетъ смердъ тотъ орати лошадью тою и, пріѣхавъ Половчинъ, ударитъ смерда стрѣлою, и попметъ лошадь ту, и жену его, и гумно его зажжетъ: то о семъ чему не мыслите?» Эта живая рѣчь, это живое представленіе тѣхъ бѣдствій, которыя были непзбѣжнымъ слѣдствіемъ близкаго сосѣдства Половцевъ и ихъ духа хищничества, увлекло дружину Святополка: «Право, во истину тако есть»! отвѣчала она. Тогда только Свя-

[196] Какъ, напримѣръ, вызывая Святославичей къ преслѣдованію Святополка и Давыда, какъ мы видѣли выше, напоминаетъ Князьямъ Черниговскимъ объ этой гибели: «Да аще сего зла не правимъ.....погибнетъ земля Русьская, и враги наши, Половци, пришедше, возмутъ землю Русьскую.»

тополкъ воспрянулъ, какъ бы отъ сна, братски обнялся съ Мономахомъ, послалъ ко всѣмъ Князьямъ сказать, чтобъ они совокупили силы свои съ нимъ и двинулись на Половцевъ. [197] Въ этомъ походѣ, какъ во всѣхъ другихъ союзныхъ походахъ Святополка на земли Половецкія, Владиміръ участвовалъ лично съ своими дружинами. Еще одно важное доказательство, что въ значительныхъ походахъ противъ Половцевъ, во внутренность ихъ земель, Владиміръ Мономахъ принималъ самое дѣятельное участіе, былъ въ главѣ современныхъ ему Князей, и на немъ-то лежала тягость борьбы съ полудикими сосѣдями, мы находимъ подъ 1140-мъ годомъ: «Се бо Мьстиславъ Великый наслѣди отца своего потъ Володимера Великаго: Володимеръ самъ собою постоя на Дону, и многа пота утеръ за землю Русьскую, а Мьстиславъ мужи своя посла, загна Половци за Донъ, и за Волгу, и за Яикъ.» [198] Еще прежде союзныхъ походовъ на Половцевъ, онъ сдѣлалъ противъ нихъ четырнадцать походовъ съ собственными своими дружинами, или отражая ихъ впаденія въ различныхъ мѣстахъ Черниговскихъ и Кіевскихъ земель, или преслѣдуя, поражая ихъ и отбирая плѣнныхъ и полоненное. [199]

Какая поразительная противоположность смиренія съ твердостію, неустрашимостью! Подобно тому, какъ дитя, которое, баюкаясь долго въ любви родительской, въ любви теплой и въ то же время строгой, исполняется наконецъ само ею, и съ этой любовью обращается ко всему міру, всему сочувствуетъ, все его трогаетъ; которое, опираясь на любовь родительскую, въ присутствіи своего отца, матери, нянюшки, не боится ни кого и ни чего; для котора го самое величайшее несчастіе, это недовольство, гнѣвъ, его отца, или матери, подобно этому дитяти, Владиміръ Мономахъ былъ дитятей предъ Богомъ, отцемъ. Онъ любилъ народъ свой любовью теплою, живою, которою исполняло его созерцаніе любви божественной къ цѣлому міру, въ особенности къ человѣку; онъ не страшился ни кого и ни чего, по тому что съ нимъ всегда былъ Богъ, отецъ его. Вѣра его въ любовь и всемогущество Творца была безпредѣльна: онъ страшился только гнѣва Божія, а не смерти.

---

[197] Лаврент. 118. Ипат. 1.

[198] Ипат. 15.

[199] Завѣщаніе или Духовная Мономаха.

«Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни отъ эвѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть. Оже бо язъ отъ рати, и отъ звѣри, и отъ воды, отъ коня спадохся, то ни кто же вамъ можеть вредитися и убити, понеже не будеть отъ Бога повелѣно; а отъ Бога будеть смерть, то ни отець, ни мати, ни братья, не могуть отъяти, но отче добро есть блюсти: Божіе блюденье лѣплѣ есть человѣческаго.» [200]

И эту противоположность смиренія съ непоколебимой твердостью мы видимъ во всей жизни Мономаха. Онъ смиренъ, гдѣ дѣло касается только его личности; но что только коснется завѣтныхъ думъ его, его любви къ народу, тамъ онъ—непреклонная воля. Чего, кажется, ближе былъ Мономаху, какъ не родной сынъ? И онъ въ дѣйствительности любилъ дѣтей своихъ, какъ мы увидимъ ниже, самою нѣжною, теплою, любовью; но думалъ ли онъ мстить Олегу за убіеніе имъ въ битвѣ сына его, Изяслава? Нѣтъ; хотя, конечно, не безъ борьбы, любовь къ народу, къ благоденствію народа, стремленіе сохранить заповѣди Божіи, обезоружили его, помирили его съ Олегомъ и возвратили какъ Олегу, такъ и его брату, Давыду, ихъ отцовскій удѣлъ, за который такъ много уже проливалось крови. Тотчасъ же, какъ дошло до него извѣстіе о смерти сына, онъ писалъ къ Олегу: «О многострастный и печальный азъ! Много борешися сердцемъ, одолѣвши и душѣ сердцю моему, зане тлѣньнѣ сущи, помышляю, како стати предъ страшнымъ Судьею, каинья и смѣренья не пріимшимъ межю собою! Молвить бо, иже: «Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть;» й пакы: «Аще не отпустите прегрѣшеній брату, ни вамъ отпустить Отець вашь Небесный»... Да се ти написахъ, зане принуди мя сынъ твой, его же еси хрстилъ, иже то сѣдить блисъ тобе, прислалъ ко мнѣ мужь свой и грамоту, река: «Ладимся и смѣримся! а братцю моему судъ пришелъ; а вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на Бога, а стануть си предъ Богомъ; а Русьскы земли не погубимъ!» И азъ, видѣхъ смѣренье сына своего, сжалихси и Бога устрашихся, рекохъ: «Онъ въ уности своей и въ безумьи сице смѣряеться, на Бога укладаеть; азъ человѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣхъ человѣкъ. Послушахъ сына своего, написахъ ти грамоту: аще ю пріимеши съ добромъ, ли съ поруганьемь, свое же узрю на твоемъ писаньи. Сими бо словесы

---

[200] Завѣщаніе Мономаха.

варихъ тя передн, его же почаяхъ отъ тебе смѣреньемъ и покаяньемъ, хотя отъ Бога ветхыхъ своихъ грѣховъ. Господь бо нашь не человѣкъ есть, но Богъ всей вселенѣ, иже хощеть, въ мгновеньи ока вся створити хощеть, той самъ претерпѣ хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть вдася, животомъ владѣя и смертью, а мы что есмы, человѣци грѣшніи? Ли сн день живи, а утро мертви, день въ славѣ и въ чести, а за утра въ гробѣ и безъ памяти, ини собранье наше раздѣлять... Егда же убиша дѣтя мое и твое предъ тобою, и бяше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процвѣтшю, яко же агнцю заколену, и рещи бяше, стояще надъ нимъ, вникнущи помыслы души своей: «Увы мнѣ! Что створихъ? И пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзохъ грѣхъ собѣ, отцю и матери слезы.» И рещи бяше Давыдскы: Азъ знаю грѣхъ мой предо мною есть воину (выну)»... А къ Богу бяше покаятися, а ко мнѣ бяше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть въ ней ни зла, ни добра, да быхъ, обуимъ, оплакалъ мужа ея и сны сватбы ею, въ пѣсній мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя; а Бога дѣля, пусти ю ко мнѣ вборзѣ съ первымъ словомъ, да не, съ нею кончавъ, слезы посажю на мѣстѣ, и сядеть акы горлица ни сусѣ древѣ, желѣючи, а язъ утѣшюся о Бозѣ. Тѣмъ бо путемъ шли дѣти отци нашихъ: судъ отъ Бога ему пришелъ а отъ тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не занималъ, а послалъ ко мнѣ, отсюда ся быхомъ уладили. Но самъ разумѣй, мнѣ ли бы послати къ тебѣ достойно, цили тобѣ ко мнѣ? Даже еси велѣлъ дѣтяти: «Слися къ отцю!» десятью есмъ послалъ. Дивно ли, оже мужь умерлъ въ полку ти? Лѣпше суть измерли и роди наши; да не выпскывати было чюжего, ни мене въ соромъ, ни въ печаль, ввести; научиша бо и паронци, да быша собѣ налѣзли, но оному налѣзоша зло. Даже начнеши каятися Богу, и мнѣ добро сердце створиши: пославъ солъ свой, или Попа, и грамоту напиши съ правдою, то и волость възмешь съ добромъ, и наю сердце обратиши къ собѣ, и лѣпше будемъ, яко и прежь: нѣсмь ти ворожбитъ, ни местьникъ. Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба; но не дай ми, Богъ, крови отъ руку твоею видѣти, ни отъ повелѣнья своего, ни котораго же брата. Аще ли лжю, а Богъ мя вѣдаеть и крестъ честный. Оли то буду грѣхъ створилъ, оже на тя шелъ къ Чернигову, поганыхъ дѣля, ли того ся

каю, да то языкомъ братьи пожаловахъ, и паки е повѣдахъ, зане человѣкъ есмь. Аще ти добро, да съ тѣмъ; али ти лихо е, да то ти сѣдить сынъ твой хрестьный съ малымъ братомъ своимъ, хлѣбъ ядучи дѣдинь, а ты сѣдиши въ своемъ, а о се ся ряди! Али хочеши тою убити? то ти еста: понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Руськѣи земли. А его же то и хощеши насильемъ, тако вѣдаяла у Стародуба и милкуючася по тебѣ отчину твою; али Богъ послухъ тому, съ братомъ твоимъ рядился есвѣ, а не поможеть рядитися безъ тебе, и не створила есвѣ лиха ни что же, ни рекла есвѣ: «Сли къ брату, дондеже уладимся!» Оже ли кто васъ не хочеть добра, ни мира Хрестьяномъ, а не буди ему отъ Бога мира узрити на ономъ свѣтѣ души его. Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая, но Бозѣ самъ услышишь; но душа ми лутше всего свѣта сего; на страшнѣи при безъ суперникъ обличаюся.»[201]

Такъ чувство высокой любви къ народу, чувство глубокаго смиренія, еще живѣй заговорили въ Мономахѣ, при неутѣшной скорби семейной: окровавленный, бездыханный, прахъ юноши Князя заставляетъ его проливать источники слезъ, и, сознавая горе въ собственныхъ утратахъ, страшится сдѣлаться виновникомъ подобной скорби кого либо изъ своихъ братьевъ Князей, или изъ подданныхъ, страшится поднять новое междоусобіе, на которое вызывало его глубоко огорченное сердце. Онъ не местникъ теперь Олега; нѣтъ, онъ хочетъ быть теперь его другомъ, братомъ; но опять на условіи, чтобъ самъ Олегъ забылъ всю прежнюю вражду, покаялся и, ради блага и мира Христіянъ, отказался отъ новыхъ кровопролитій. Высказавшись такимъ образомъ предъ врагомъ, убійцей своего сына, онъ, въ дальнѣйшихъ своихъ отношеніяхъ къ Олегу, покойно и торжественно отдается на волю Божію.

Сколько горя, горя глубокаго, высказалось въ этомъ посланіи! И какъ оно высказалось тревожно! Сколько любви! Какая глубина и твердость Вѣры! Какое нравственное убѣжденіе, что Властители народа, Князья, должны любить свой народъ, заботиться объ немъ, и приносить для него въ жертву личныя свои отношенія!

Взгляните опять, какъ онъ дѣйствуетъ, когда дѣло коснулось благосостоянія народнаго: здѣсь онъ является не смиреннымъ, а непреклоннымъ судьею. Въ 1103 году, во время похода на земли

---

[201] Лаврент. 105—106.

Половецкія, былъ взять въ плѣнъ одинъ изъ Половецкихъ Князей, именемъ Бѣльдюзъ. Святополкъ, Великій Князь, не принялъ отъ него богатаго выкупа, который онъ предлагалъ за себя серебромъ, золотомъ, конями и скотомъ, а отослалъ его къ Владиміру. Рѣчь Мономаха была совсѣмъ не о выкупѣ: «И пришедшю ему, нача спрашивати его Володимеръ: «То вѣдѣ яла вы рота? Многажды бо ходивше ротѣ, воеваste Русьскую землю; то ему ты не казаше сыновъ своихъ и роду своего не преступати роты, но проливашеть кровь Хрестьянску? Да се буди кровь твоя на главѣ твоей!» И повелѣ убити и.» [202]

Вездѣ и во всемъ Мономахъ одинъ и тотъ же. Онъ не забывалъ, не оставлялъ безъ покрова, ни кого изъ своихъ подданныхъ, кто только нуждался въ его покровѣ. Онъ стремился внушить туже любовь и дѣтямъ своимъ, говоря имъ въ своемъ Завѣщаніи: «Всего же паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще, по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка.»

Любовь придавала ему свойство необыкновенной дѣятельности и мощи: онъ хотѣлъ быть вездѣ, и дома [203] и въ храмѣ, [204] и въ жизни мирной, [205] и на войнѣ, [206] окомъ порядка, стройности, вѣчно живой думой объ этомъ порядкѣ, стройности; глубокая же вѣра въ Промыслъ божественный не позволяла ему нарушать, при самыхъ благороднѣйшихъ его стремленіяхъ, тѣхъ святыхъ отношеній, коими связываются члены семьи, или общества, между собою, или забывать при этомъ уваженіе къ кому бы то ни было, и въ свою очередь придавала его дѣятельности свойство простоты, покоя и величія.

---

[202] Лавр. 119.

[203] «Въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящіи къ вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему.» Завѣщаніе.

[204] Тамъ же. «И церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ.»

[205] Тамъ же. «Самъ творилъ, что было надоба, весь нарядъ и въ дому своемъ, то я самъ творилъ есмь, и въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ есмъ держалъ, въ конюсѣхъ и о соколѣхъ и о ястребахъ, и худаго старца и убогія вдовицы не далъ есмь сильнымъ обидѣти.»

[206] Тамъ же. «На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы, ни питью, ни ядѣнью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь отъсюду нарядивше, около вой тоже лязите, а рано встаньте; а оружья не снимайте съ себе, борзѣ не розглядавше; лѣнощами бо внезапу человѣкъ погибаеть.»

Вотъ образъ Князя истинно Русскаго, Князя любимца народнаго! Въ подобныхъ чертахъ представляютъ лѣтописцы и другихъ Князей, любимцевъ предковъ нашихъ.

Не входя въ подробное объясненіе, какъ въ различныхъ системахъ, на которыя распадалась тогдашняя Русь, этотъ основный образъ разнообразится, мы можемъ положительно уже сказать, что идея Князя, идея власти, у насъ имѣли неразрывную связь съ чувствомъ, которое первоначальнымъ и достойнѣйшимъ храмомъ своимъ избрало семью съ чувствомъ семейной любви, и съ высокимъ развитіемъ этого чувства въ религіозномъ стремленіи. Нашъ образъ власти—образъ отца. Отецъ посвящаетъ жизнь на благо своей семьи, составляетъ ея душу, покровъ, надежду; такъ, по понятію народному, Князь посвящаетъ жизнь свою на благо народа, составляетъ его душу, покровъ жизни народной, надежду народа.

При всей необыкновенной подвижности дружинъ Южныхъ, и въ особенности Кіевскихъ, на дѣла великія, эти дѣла не ослѣпляли насъ, не могли потемнить собою живаго семейнаго чувства, въ которомъ сосредоточивалась для насъ вся прелесть жизни. Полны были силы и колосальности предпріятія Святослава, но, посреди блестящихъ надеждъ на обширныя завоеванія, посреди стука оружій, чувство семейное, какъ ангелъ хранитель вьется надъ Святославомъ, и вызываетъ на родину, сосредоточиваетъ его думою надъ этимъ младенцемъ, изъ котораго должно было развиться будущее великое Государство: «Ты, Княже, чюжия земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ: малы бо насъ не взяша Печенѣзи, матерь твою и дѣти твои. Аще не поидеши, ни обраниши насъ, да пакы ны возмуть, аще ти не жаль отчины своея, ни матере стары сущи и дѣтій своихъ.» [207] Эти слова, сказанныя Кіевлянами чрезъ пословъ, какъ бы пробуждаютъ Князя-героя отъ магическаго сна, и онъ съ дружинами снова посреди народа Русскаго. То же семейное чувство, чувство любви къ подданнымъ, обезоружило Всеволода Ольговича, когда онъ, для поддержанія борьбы своей противъ Ярополка, готовъ былъ бѣжать къ Половцамъ, и вызвать ихъ изъ степей на разореніе земель Русскихъ: «Ты надѣешися бѣжати въ Половцѣ, а волость свою погубиши, то къ чему ся

[207] Лаврент. 28.

опять воротишь? Луче того останися высокоумья своего и проси си мира: мы бо вѣдаемъ милосердіе Ярополче, яко не радуется кровипролитью, но Бога ради въсхощеть мира. то бо съблюдаеть землю Русьскую,» говорили (въ 1139 г.) Всеволоду Черниговцы, удерживая его отъ бѣгства къ Половцамъ. [208] Нѣкоторые изъ Князей и самыя дружины желали добыть себѣ славы въ битвахъ съ иноплеменниками; но въ основаніи этихъ движеній вездѣ лежитъ чувство любви къ родинѣ, неумолкаемое стремленіе сокрушить эту тысячеглавую гидру, которая губила нашу родину. «Слава безъ блага не слава», думали предки наши. Князья, подвизавшіеся въ борьбѣ противъ тѣхъ, или другихъ, враговъ нашихъ, были поборниками не одной славы, но были, какъ говоритъ лѣтопись, поборниками земли Русской, т. е., благосостоянія ея. [209] Въ основаніи самаго похода Игоря Святославича противъ Половцевъ, почти утвердительно можно сказать, лежала та же мысль, то же чувство, хотя желаніе славы играло въ этомъ походѣ также одну изъ первыхъ ролей: онъ хотѣлъ возвратить Тьмутараканское Княжество, завоеванное уже къ этому времени Половцами. Жертва, принесенная Игоремъ для исполненія своего предпріятія, была гораздо значительнѣе этого Тьмутараканскаго Болвана. По этому пѣвецъ XII столѣтія, выхваляя неустрашимость, твердость, силу духа Князя Новгородсѣверскаго и его дружинъ, не могъ не высказать хотя всколзь упрека Игорю, [210] не представить горя, тѣхъ гибельныхъ слѣдствій, которыя сей походъ влекъ за собой для земель Русскихъ, и не обратиться съ мольбой ко всѣмъ Князьямъ нашимъ о защитѣ родины, вызывая ихъ къ тому и напоминаніемъ славы предковъ и картинами разрушенія внутренняго мира и довольства. Однимъ словомъ, читая древнія сказанія наши, невольно чувствуешь, что

---

[208] Ипат. 15.

[209] На прим., подъ 1140 годомъ мы читаемъ: «Се бо Мьстиславъ Великій наслѣди отца своего потъ Володимера Мономаха. Володимеръ самъ собою постоя на Дону и много пота утеръ за землю Русьскую, а Мьстиславъ мужи своя посла, загна Половци за Донъ, и за Волгу, и за Яикъ, и тако избавп Богъ Русьскую землю отъ поганыхъ.» Ипат. 15.

[210] «Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ (упрекаютъ) Князя Игоря, иже погрузи жиръ (т. е., лучшую дружину) во днѣ Каялы, рѣкы Половецкія. Русскаго злата насыпаша. Ту Игорь Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, и въ сѣдло Кощеево.» Слово о полку Игоревѣ.

надъ всей тогдашней жизней нашей, посреди мира и тревогъ, носится духъ любви, который, давая имъ силу на предпріятія многотрудныя, возвращаетъ насъ отъ нихъ къ благамъ внутреннимъ къ очагу семейной жизни, и въ Князьяхъ то олицетворялась эта дума народная о Князѣ, отцѣ, хранителѣ благосостоянія внутренняго, семейнаго счастья, а не идея о Князѣ завоевателѣ, о Князѣ, покрытомъ славою и принесшемъ въ жертву, для этой славы, для своихъ личныхъ желаній, благосостояніе своихъ подданныхъ. По этому порицался предками нашими вспыльчивый и заносчивый характеръ Андрея Боголюбскаго, который, при всей добротѣ души, при всемъ благородствѣ, забывалъ въ оскорбленіяхъ благо своей родины и грозою разливался на виновныхъ; [211] по этому же порицалась гордость и самонадѣянность Ярослава Святополковича; [212] по этому же развратная жизнь Ярослава и Владиміра Галицкихъ, посреди которыхъ забывались ими семейный покой и счастіе ихъ подданныхъ, пробуждало въ сихъ послѣднихъ общее и явное недовольство, высказывавшееся даже возстаніями.

Разсматривая такимъ образомъ власть Князя во всѣхъ ея проявленіяхъ, мы видимъ, что она есть не что иное, какъ то же дивное развитіе власти отеческой, и по этому-то въ преуспѣяніи семейнаго чувства мы должны искать и развитія у насъ самодержавія: оно составляетъ основу, душу, нашей власти, такъ что, погасивши это чувство, отнявъ у него силу, мощь, мы погубимъ основу

---

[211] Андрей же то слышавъ отъ Мнхна (своего посла), и бысть образъ лица его потускнѣлъ, и възострися на рать, и бысть готовъ (походъ противъ Ростиславичей, приведшій въ военное движеніе всѣ наши области и предпринятый въ слѣдствіе личнаго оскорбленія). И пославъ, собра воѣ своѣ: Ростовцѣ, Суздальци, Володимерци, Переяславьци, Бѣлозерцѣ, Муромцѣ, Новгородцѣ и Рязанцѣ, и сочтавъ ѣ и обрѣте ихъ 50 т.; и посла съ ними сына своего, Юрья, и Бориса Жидиславича воеводою, казавъ имъ: «Рюрика и Давыда веля имъ изгнати изъ отчины своей, а Мьстислава емше, не створите ему ни что же, приведите и ко мнѣ!» ..Андрей же Князь, толикъ умникъ сы, во всихъ дѣлѣхъ добль сы, и погуби смыслъ свой невоздержаніемъ, располѣвься гнѣвомъ; такова бо слова похвальна испусти, яже Богови студна и мерьзка хвала и гордость; си бо вся быша отъ дьявола на ны, иже въсѣваеть въ сердце наше хвалу и гордость. Ипат. 109.

[212] И тако умре Ярославъ, одинъ у толицѣ силѣ вой, за велику гордость его; понеже не имѣяше на Бога надежде, но надѣешется на множествъ вой.

жизни народной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, основу власти, а, слѣдовательно, и всякаго порядка.

Опредѣлимъ же подробнѣе развитіе и самыя проявленія Княжеской власти, въ соотношенія съ властію отеческой, какъ это позволятъ намъ исполнить самыя событія.

Мы замѣтили выше, говоря о дружинахъ, что во всей... * свое господство долгоев ремя въ Владимірской, вмѣстѣ съ Суздальскими Боярами, подпавшими подъ непосредственное вліяніе Ростовской системы, они теряютъ его; но, обращая опять вниманіе на то, что Владимірцы, даже послѣ перваго призванія Михаила, надѣялись, что Бояре Ростовскіе будутъ поступать съ ними снисходительно, добросовѣстно, признали Князя Ростовскаго своимъ Княземъ [213] мы видимъ, что связь между Боярами и Владимірцами не была еще тогда вполнѣ разорвана. Въ другихъ же системахъ, за исключеніемъ Полоцкой, внутреннюю исторію которой можно считать для насъ потерянною, господство Боярскаго начала доказываетъ, что связь эта была еще прочнѣе.

Выше мы доказали со всею возможною отчетливостью, что въ Владимірской системѣ при Михаилѣ и Всеволодѣ и въ Галицкой при Даніилѣ власть Княжеская утвердилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ борьбы начала стараго, Боярскаго, съ началомъ новымъ.

Въ отношеніи первой изъ нихъ, мы здѣсь замѣтимъ, что она продолженіемъ господства своего на Сѣверѣ, вмѣстѣ съ блестящимъ развитіемъ мысли единодержавія, обязана этому страшному напряженію, въ которое поставлены были въ ней два начала между собою, напряженію, подобнаго которому мы не замѣчаемъ ни въ одной изъ другихъ системъ. «Градъ Володиміръ пожжемъ и по-

---

[213] Кенигсб. 258. Сѣдящимъ Ростиславичемъ въ княженіи земли Ростовскія, раздаваста грады посадникомъ и боярамъ своимъ; они же многу тяготу людемъ створиша продажами и варами, а сами Князи, млады суще, слушаста Бояръ, а Бояре учаху на многое иманіе... И почаша Володимерцы молвити: «Мы есмо вольніи, а Князей приняли къ собѣ, и крестъ цѣловали къ намъ на всемъ; а се они, не свою волость творяще, грабятъ, не токмо волость, но и церкви, а промышляйте, братья!» И послаша къ Ростовцамъ и Суздальцамъ, являюще имъ свою обиду; они же словомъ суще по нихъ, а дѣломъ быша далече; а Бояре Князей тѣхъ держахуся крѣпко.

* Въ подлинникѣ недостаетъ тутъ нѣсколькихъ страницъ. О. Б.

палимъ», говорили Бояре, «а Посадника въ немъ посадимъ: то суть наши холопи и каменици;» и за это-то, по сказанію лѣтописца, Владимірцы хотѣли бороться съ Ростовскими и Суздальскими Боярами: отъ Боярскаго-то насилія они хотѣли защитить себя подъ покровомъ Князя. Для ясности приведемъ еще другія подлинныя слова лѣтописца, переданныя нами уже прежде, которыя еще болѣе подтверждаютъ нашу послѣднюю мысль: «Новгородцы же изначала, и Смоляне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти, егда на вѣчѣ сходятся, что старѣйшіе здумаютъ, на томъ и пригороды станутъ; а здѣ городы старыи: Ростовъ и Суздаль, и вси Бояри хотяху правду свою поставить, а не хотяху правды Божіея творити, но како намъ любо, рекоша, тако же створимъ: Володиміръ есть пригородъ нашъ.» Противлящесь Богу и Пречистой его Матери и правдѣ Божіей, слушаху злыхъ человѣкъ развратниковъ, не хотящихъ намъ добра завистію, ни граду сему и живущимъ въ немъ.... Сего жъ Михалка и брата его Всеволода избра Богъ и Святая Богородица; но Ростовцы и Суздальцы старшіи творящесь, не разумѣша правды Божіея исправити, а новіе людіе Володимерскіе уразумѣвше, яшась по правду крѣпко и рекоша вси: «Любо Михалка Князя налѣземъ собѣ и брата его, Всеволода, а любо главы своя за Святую Богородицу и за тые Князи сложимъ.» Слѣдующее сказаніе лѣтописца еще болѣе объяснитъ причины призванія Михаила Кіевскаго въ Владиміръ: «Бысть мятежъ въ градѣ (Владимірѣ), восташа Бояре и купцы, рекуще: «Княже! Мы тобѣ добра хочемъ, за тя головы своя складаемъ, нынѣ держишь ворози свои прости (т. е., плѣненныхъ Бояръ Ростовскихъ и Суздальскихъ содержишь не подъ крѣпкой стражей, не въ темницѣ), а се ворози твои и наши, Суздальцы и Ростовцы; убо казни ихъ, а любо слѣпи, а любо дай намъ!» Всѣ эти сказанія лѣтописца доказываютъ, что въ основаніи движеній Владимірской системы, послѣ смерти Андрея Боголюбскаго, лежала мысль, что одинъ только Князь можетъ спасти страну отъ насилія Боярскаго, что на Князя Владимірцы полагали всѣ свои надежды, въ немъ видѣли покровъ свой, и, за эту-то надежду свою, они готовы были биться до послѣдняго: «Любо Михалка Князя налѣземъ собѣ и его брата, Всеволода, а любо главы своя за Святую Богородицу и за тые Князи сложимъ.»

Исходъ этой борьбы, кромѣ образованія особаго Владимірскаго Княжества, замѣчателенъ въ другихъ отношеніяхъ. Мы видѣли, что

Бояре Ростовскіе, послѣ неудачной тяжбы, стремясь уже сами защищаться отъ вліянія Владимірцевъ, еще при жизни же Всеволода получили себѣ отъ него особаго Князя, въ лицѣ его сына, Константина, и что это стремленіе ихъ, сокрыться подъ покровомъ собственнаго Князя, было столь сильно, что они даже рѣшились, и успѣли, поссорить отца съ сыномъ, съ сыномъ добрымъ и благочестивымъ, по сказанію самаго лѣтописца. Нѣкоторые изъ Бояръ, сверхъ того, во время еще самой борьбы Владиміра противъ Ростова, приняли уже сторону Владимірцевъ и были въ рядахъ Всеволода. Такимъ образомъ, при всей напряженности борьбы между двумя жизнями, новою и старою, надежда на миръ между двумя враждующими сторонами не гаснетъ, такъ что, скрываясь подъ покровъ идеи Княжеской, во время даже самой борьбы, Ростовская община распалась со своими Боярами на двое, и одни изъ Бояръ, со всѣми своими надеждами, немедленно же присоединились къ Князю Владимірскому, т. е., раздѣляли стремленіе Владимірцевъ, и тѣмъ самымъ сохранили свое старшинство въ странѣ и любовь страны, [214] другіе же, смирившись, отказавшись отъ вліянія на Владимірцевъ, усиливаются лишь только въ томъ, чтобъ спастись отъ господства, отъ вліянія на нихъ самаго начала Владимірскаго, хотя, какъ мы увидимъ ниже, и не оставляютъ надежды, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, вновь восторжествовать надъ симъ послѣднимъ. Все это доказываетъ намъ, что вражда была не противъ Боярства, а *противъ злоупотребленій Боярства*; что, напротивъ, Боярство, отказываясь отъ своихъ злоупотребленій, сохраняло прежнее свое значеніе и вѣсъ въ странѣ. Эта мысль дѣлается еще болѣе историческою при соображеніи слѣдующаго обстоятельства. собственно Ростовская система сохраняетъ свое Боярство, не смотря на то, что, прислонившись къ Владимірскому Князю, она могла легко уничтожить его, но мы не замѣчаемъ въ исторіи ея даже слѣдовъ къ чему ни будь подобному. Это замѣчаніе весьма важно во всѣхъ отношеніяхъ. Вотъ еще другое: идея Боярства осуществлена

---

[214] Кенигсб. 263. Всеволодъ же поѣха противу ему (т. е., противъ Ростиславича, поддерживавшаго сторону Ростовскихъ и Суздальскихъ Бояръ и шедшаго на Всеволода войною, чтобъ вновь подчинить Владимірцевъ Боярскому Ростовскому началу) съ Владимірцы и съ своею дружиною, и что бяше осталось у него Бояръ.

была въ самой Владимірской системѣ, въ лицѣ дружины ея, но стоявшіе въ главѣ этѣхъ дружинъ были только Бояре младшіе, Бояре мѣстные, которые, однако жь, владѣли душею всей страны, отъ которой они и получали всѣ средства для борьбы противъ Ростова, во время Михаила и Всеволода, а потомъ въ княженіе Георгія, когда ополчилась не одна дружина, а, можно сказать, было поголовное ополченіе. Въ возстаніи Владимірцевъ противъ плѣненныхъ Бояръ Ростовскихъ и Суздальскихъ были, какъ мы выше видѣли, кромѣ горожанъ, по сказанію самаго лѣтописца, Бояре; [215] а явная ненависть, которую они при этомъ случаѣ обнаружили къ Ростовцамъ и Суздальцамъ, доказываетъ, кажется, положительно, что они были сами не изъ Ростовскихъ, или Суздальскихъ, Бояръ, державшихъ сторону Владимірцевъ. Въ послѣдствіи же существованіе Владимірскихъ Бояръ дѣлается бытью очевидною, не подлежащею ни малѣйшему сомнѣнію.

Разсматривая это все во всей возможной подробности, соображая его съ другими однородными явленіями, мы входимъ какъ бы въ храмъ таинства нашей древней исторіи.

Бояре, какъ мы уже сказали, составляли собой, съ своими дружинами, среду жизни каждой системы ея правителей, ея военную силу, составляли покровъ страны во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ называемые, старые Бояре сохраняютъ въ нѣкоторыхъ системахъ или областяхъ, какъ то Кіевской, Черниговской, Галицкой и Смоленской, первоначальное значеніе свое, или подобное ему, и при утвержденіи Княжеской власти, но пользуются онымъ не непосредственно, а получаютъ его чрезъ Князя. Каждая изъ сихъ областей безъ Князя несостоятельна. Нѣтъ тогда согласія и единства въ нихъ, какъ будто бы нѣтъ у нихъ души, властительницы тѣла. Послѣ смерти Святополка Изяславича открылся въ Кіевѣ бунтъ: «Кіяне же разграбиша дворъ Путятинъ Тысячьского, идоша на Жиды, и разграбиша я.» Въ этомъ бунтѣ, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа событій, участвовало одно только среднее начало; Бояре не только не могли задержать этого возстанія, но и имъ самимъ угрожала опасность, или же они не рѣшались на междоусобіе; люди же порядка знали, что одинъ только Князь можетъ утишить все, а по этому они убѣдительно вторично звали Мономаха на

[215] Кенигсб. 267.

Кіевскій престолъ, и одно явленіе Князя, безъ всякихъ какихъ либо насильственныхъ мѣръ, возстановило прежнюю тишину: «Володимеръ Мономахъ сѣде въ Кіевѣ, въ Недѣлю (въ Воскресенье), усрѣтоша же и Митрополитъ Никифоръ съ Епископы и со всими Кіяне, съ честью великою, сѣде на столѣ отца своего и дѣдъ своихъ, и всѣ людье ради быша, и мятежъ влеже.» [216] Въ 1154 году Вячеславъ, чтобъ удержать престолъ Кіевскій за Ростиславомъ, самъ, по своему необыкновенно доброму, но слабому, свойству, не могъ стать во главѣ Кіевлянъ и вмѣстѣ съ ними отражать покушенія Изяслава Давыдовича на тотъ же престолъ, равно какъ и Бояре Кіевскіе отсутствіемъ Ростислава были поставлены въ такое положеніе, чтобъ престолъ ихъ не достался въ руки какого ни будь другого Князя; а по тому, дабы соединить всѣхъ въ единой волѣ и дать добрый отпоръ Изяславу, въ случаѣ, если бъ онъ силою рѣшился искать себѣ престолъ Кіевскій, Вячеславъ долженъ былъ, для достиженія этой цѣли, призвать въ Кіевъ на время, именно только до прибытія Ростислава, племянника его, Святослава Всеволодовича. [217] Что именно для этой цѣли былъ призванъ Святославъ Всеволодовичь это положительно подтверждаютъ слова самаго Ростислава по прибытіи его въ Кіевъ: «Се ти (тебѣ, Всеволоду) даю Туровъ и Пинескъ про то, оже еси пріѣхалъ къ отцу моему, Вячеславу, и волости ми еси сблюлъ, то про то надѣляю тя волостію.» [218] Самый отказъ Вячеслава впустить Изяслава въ Кіевъ, который пріѣхалъ, какъ онъ самъ объяснялъ, для того только, чтобъ оплакать прахъ умершаго тогда Изяслава Мстиславича, самый этотъ отказъ показываетъ боязнь Вячеслава, что одно имя Князя, одно явленіе Изяслава Давыдовича, котораго Кіевляне даже сами не желали, могло, хотя временно, дать другой оборотъ дѣламъ въ Кіевѣ. Оба эти событія многознаменательны, хотя, по первому взгляду, они кажутся странными. Для чего въ самомъ дѣлѣ, казалось, нужно было призвать въ Кіевъ Святослава Всеволодовича? Могъ ли онъ привести туда какія ни будь значительныя силы? Ни мало; потому что онъ ихъ самъ не имѣлъ; а между тѣмъ Кіевская дружина была весьма значительна для борьбы съ Изяславомъ Давыдовичемъ. Нѣтъ, по видимому, ни

---

[216] Ипатьев. 4.
[217] Ипатьев. 74.
[218] Тамъ же 75.

какого основанія къ подобному распоряженію; но между тѣмъ было глубокое основаніе: этой дружинѣ недоставало главы, не доставало Князя, чтобы слиться во едино и развернуть тѣ силы, которыя она дѣйствительно имѣла. Съ другой стороны опасенія Вячеслава были также не безъосновательны, по тому что, не имѣя Князя правителя, которымъ Вячеславъ самъ себя не считалъ, Кіевляне [219] могли и противъ воли своей принять Изяслава Давыдовича, какъ они его потомъ два раза принимали, какъ они и въ 1150 году приняли Георгія, по тому лишь, что идея Князя уже до такой степени сдѣлалась народною, что престолъ не могъ оставаться празднымъ, а долженъ былъ достаться во владѣніе того, или другого, Князя изъ дома Рюрика, и сама область по этому же не вступаетъ въ борьбу противъ притязателей на престолъ иначе, какъ выждавши притязателя желаннаго, Князя родоваго, и ставилась подъ его собственное знамя. По этому же область Кіевская, явно не желая видѣть на своемъ престолѣ Князей, пришельцевъ изъ Черниговской системы, безмолствуетъ передъ ними до тѣхъ поръ, пока не явился подъ стѣнами Кіева желанный, родовый ея, Князь, Изяславъ Мстиславичь: тогда только переходятъ они открыто изъ подъ знаменъ Князей Черниговской системы подъ знамена Изяслава; мало того, дѣйствуютъ уже послѣ того съ полной мощью противъ первыхъ. [220] Тѣ же самыя явленія на Сѣверо-Востокѣ. Для явности мы можемъ повторить ихъ здѣсь снова. Владимірцы, уже готовые къ мощной борьбѣ противъ Ростовскихъ и Суздальскихъ Бояръ, не обнаруживаютъ ни малѣйшаго движенія до тѣхъ поръ, пока не явились между ними Михаилъ и Всеволодъ. Ростовцы тоже, затѣявши возобновить борьбу противъ Владимірцевъ, не обнаруживаютъ этого, пока не пріѣхалъ къ нимъ Мьстиславъ Ростиславичъ изъ Новгорода. [221] Еще до раздѣленія Ростовской системы на собственно Ростовскую и Владимірскую, на общемъ, послѣ смерти Боголюбскаго, совѣтѣ, бывшемъ во Владимірѣ, гдѣ собралась вся мѣстная дружина, какъ сказано въ лѣтописи, отъ мала до велика, слѣдовательно, всѣ Бояре, явно была высказана мысль, что безъ Князя область не

---

[219] Ипат. 52. Кіяне же, убоявъшеся Володимера Галицкаго, уведоша Князя Дюргя въ Кіевъ.

[220] См. выше.

[221] См. выше.

можетъ не только предпринять рѣшительнаго, но даже защитить себя противъ врага, котораго она могла стѣснять: «Увѣдавше же смерть Княжю, Ростовци, Суздальци и Переяславци, и вся дружина отъ мала до велика, и съѣхашася ко Володимеру и рѣша: «Се ся уже тако створилось: Князь нашь убьенъ, а дѣтей у него нѣтуть; сынокъ его малъ въ Новѣгородѣ, а братья его въ Руси; по кого хочемъ послати въ своихъ Князехъ? Намъ Князи Муромскіе и Рязанскіе и въ сусѣдѣхъ, а боимся мести ихъ, егда пойдутъ внезапу ратью на насъ; а послемъ къ Глѣбу, рекуще: «Князя нашего Богъ поялъ, а хочемъ Ростиславича Мьстислава и Ярополка, твоего шурина». .. [222] Въ Галичѣ, гдѣ Боярское начало было въ большемъ развитіи, нежели въ другихъ нашихъ системахъ, повторялися тѣже самыя явленія, такъ что область сокрылась первоначально отъ всѣхъ притязаній на завладѣніе Галицкой землею подъ покровомъ дома Ростислава, а, съ пресѣченіемъ этого дома, колеблется только въ томъ, кого посадить на упраздненный престолъ, и скрывается сама со своими намѣреніями подъ покровомъ то того, то другого изъ притязателей Князей, противоставляя ихъ другъ другу. Угорскаго владычества они не желали, они не могли желать, а признавали его временно, подобно тому, какъ призывалъ Вячеславъ Святослава Всеволодовича въ Кіевъ, т. е., для того же опять, чтобъ удалить отъ своего престола притязателей, которыхъ они боялись признать своими Князьями, какъ опасныхъ для областной самобытности. Мы ни слова не говоримъ, что посреди этого колебанія, и даже въ послѣдующей исторіи Галича, были мгновенія, когда знатнѣйшіе изъ вельможъ полагали, что они могутъ занять упраздненный престолъ Галицкій; но попытки ихъ только подтвердили, и подтвердили какъ нельзя яснѣе, даже поразительно, что Боярское начало въ семъ отношеніи вполнѣ несостоятельно, и что ни одинъ изъ Бояръ, ни цѣлое Боярское общество, не можетъ замѣнить для страны Князя. Первая подобная попытка сдѣлана была въ 1211 году вельможею Володиславомъ, и кончились въ томъ же году гибелью его собственной и всей его семьи: Галичане выдали его безъ всякаго бою Угрскому Королю, Андрею: «И пославъ и, я Володислава въ Галичьи, заточи и, и въ томъ заточеніи умре, нашедъ зло племени своему и дѣтемъ своимъ, Княженія дѣля: вси бо Князи не

[222] Кенигсб. 254.

призряху дѣтей его того ради.» [223] Вторая попытка была со стороны другого, еще, кажется, болѣе сильнаго вельможи Галицкаго, Судислава. Сей послѣдній, хотя замаскировалъ себя и владѣлъ Галицкой землею, или управлялъ всѣми ея дѣлами, во имя Угорскаго Королевича, занявшаго Галицкій престолъ, по примѣру мужа дочери Князя Мстислава, за всѣмъ тѣмъ страна сняла съ Судислава маску, и Галичане поругались надъ нимъ за его дерзновенную попытку: «Данилови же пріемшу градъ (Галичъ), помянувшю любовь Короля Андрея, и пусти сына его, и проводи и до рѣкы Днѣстра; изыде же съ нимъ единъ Судиславъ, на ньмъ же метаху каменіе, рекуще: «Изыди изъ града, мятежниче земли!» [224] Восшествіе же на престолъ Галицкій Даніила, совершенно вопреки всѣхъ видовъ и расчетовъ Боярства Галицкаго, распаденіе этого Боярства до того на стороны, и гибель потомъ вельможи Доброслава, [225] доказываютъ уже окончательно, что Бояре не могли для страны замѣнить собою Князя, особливо если мы припомнимъ, съ какимъ восторгомъ обыватели г. Галича, обыватели столицы встрѣтили Даніила, призваннаго ими же самими: «И пустишася яко дѣти къ отцю, яко пчелы къ матцѣ, яко жажжущи воды ко источнику.»

Что же мы видимъ во всемъ этомъ? Къ какому заключенію приводитъ насъ все это? Не ясно ли, что покровъ, который находили системы въ своихъ Боярахъ, обветшалъ, не въ состояніи былъ сокрыть жизни отъ всѣхъ невзгодъ внутреннихъ и внѣшнихъ, и что тогда развивается у насъ новая идея, идея о новомъ покровѣ, идея о властителѣ, который бы господствовалъ надъ цѣлой страной и надъ самыми Боярами, сосредоточивая въ себѣ всю ту власть, которою пользовались у насъ Бояре и которую всюду они начали употреблять болѣе, или менѣе, во зло? что идея Князя ни сколько не противоположна той идеѣ, которая скрывалась въ Боярствѣ, а есть только дальнѣйшее блестящее развитіе ея? что въ нѣкоторыхъ системахъ она есть чистый плодъ напряженія между Боярскимъ началомъ и другими началами общинъ, а преимущественно городскимъ, между ихъ взаимными выгодами и стремленіемъ. При развитіи этой идеи въ жизни нашихъ предковъ,

---

[223] См. выше.
[224] Ипат. 169.
[225] Ипат. 179.

при томъ живомъ сочувствіи къ ней всего народа, какое мы замѣтили выше, должны же были отдѣляться изъ среды его лица особенно проникнутыя ею лица, которыя бы готовы были пасть за нее. Иначе быть не могло, иначе идея была бы мертва въ жизни народной, а мы видимъ ее, напротивъ, до чрезвычайности въ блестящемъ, живомъ свѣтѣ. Гдѣ же являются эти лица? Гдѣ жь мы можемъ искать ихъ? Конечно около Князя; и эти-то лица были собственно Княжеская дружина. По этому-то она до чрезвычайности подвижна, и по этому же полна мощи, какъ возникшая въ живомъ источникѣ и развивающаяся въ немъ. Она зерно, зародышъ, всѣхъ надеждъ и упованій, которыя должны были осуществиться въ идеѣ Князя; она, какъ бы благотворные лучи идеи Княжеской, вмѣстѣ съ властію Князя, должна расти и ширится и замѣнить собою прежній покровъ.

Самый живой отвѣтъ въ старыхъ Боярахъ идея Княжеская нашла себѣ въ земляхъ Кіевскихъ, самый меньшій въ Ростовскихъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи Владиміра. [226] Въ слѣдствіе этого-то различія въ сочувствіи Бояръ къ идеѣ Князя, было различіе и въ развитіи самыхъ дружинъ Княжескихъ, по тому что въ иныхъ системахъ, какъ, на прим., въ Кіевѣ, Боярское начало приклонялось само немедленно къ Князю и готово было жертвовать всѣмъ для развитія идеи Княжеской; въ другихъ же, какъ въ Владимірѣ, Боярства стараго сосредоточивается немного вокругъ Князя, а, напротивъ, дружину Кнажескую образуетъ новая толпа людей, исшедшихъ изъ среды же Владимірцевъ, людей полныхъ мощи и силы, которые, по своему значенію, должны были составить новое Боярство и почти совершенно замѣнить собою Боярство старое. Въ Галичѣ до пресѣченія дома Ростислава вся сила должна была сосредоточиваться въ старыхъ Боярахъ, но не въ слѣдствіе развитія въ Боярскомъ началѣ идеи Князя въ самой жизни Галицкой системы и Галицкаго Княжества, такъ что на Княженіе дома Ростислава мы должны смотрѣть, какъ на продолженіе собственно Боярской исторіи, и только, по пресѣченіи этого дома, въ слѣдствіе тревогъ внѣшнихъ и внутреннихъ, развивается ясно и рѣзко напряженіе между Боярскимъ и городскимъ на-

[226] О Новгородѣ мы будемъ говорить въ семъ отношеніи со всею подробностію въ особомъ трудѣ. См. статью: «Новгородъ самъ въ себѣ.»

чаломъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ развивается и идея о Князѣ, которая и осуществляется восшествіемъ на Галицкій престолъ Даніила. Идея Князя видимо такимъ образомъ должна была въ развитіи своемъ преобразить Боярство, обновить его новыми, свѣжими, началами, но не уничтожать, по тому что сама она была плодомъ взаимнаго тяготѣнія между двумя началами, противоположными въ своихъ выгодахъ и направленіи, и сливавшихся между собою только въ чувствѣ семейномъ и реліозномъ, которыя были душею идеи Князя: уничтоженіе Боярства обнажило самый бы престолъ и уничтожило бы преграду, которая полагалась Боярами, или вообще нашимъ Дворянствомъ, противъ невѣжества и неправильнаго односторонняго направленія низшихъ слоевъ, и лишило бы Князей сознательнаго орудія, для приведенія думъ своихъ о благѣ народномъ въ исполненіе.

Связи святыя соединяли народъ и дружинъ съ своимъ Княземъ и Князя съ дружинами, народомъ: связи, истекающія изъ взаимной любви и полной довѣренности. Кіевляне, когда на ихъ престолѣ хотѣлъ утвердиться не желанный ими Князь, Князь чуждой системы, облекли эту народную думу въ форму болѣе, или менѣе, юридическую, такъ что Игорь Ольговичъ долженъ былъ поклясться имъ, что будетъ имѣть ихъ «правду» (т. е., будетъ защотникомъ правды), и что будетъ любить ихъ: «И Святославъ поима лучшѣи мужи Кіяне, и ѣха съ ними брату своему, Игореви, и рече: «Брате! На томъ азъ цѣловалъ къ нимъ хрестъ, оже ты (тобѣ) я (ихъ) имѣти въ правду и любити. Игорь же, съсѣдъ съ коня, и цѣлова къ нимъ крестъ на всей ихъ воли и на братьни.» [227] Но, не смотря на эту клятву, Игорь не могъ утвердиться на Кіевскомъ престолѣ, по тому что Кіевская система, вынудивъ его къ присягѣ, ясно этимъ доказывала свою нелюбовь къ нему и недовѣренность, какъ къ Князю чуждому имъ; ибо любовь и довѣренность соединяли родовыхъ Князей съ ихъ общинами, безъ всякихъ присягъ и формальностей, какъ святыя связи соединяютъ отца съ членами его семьи. Не было ни какого напряженія, да и не могло его быть въ отношеніи Князя къ своимъ подданнымъ: вся сила Князя скрывалась въ силахъ его народа; вся сила народа въ благоговѣйномъ чувствѣ къ своему Князю; какъ близки отношенія

[227] Ипат. 22.

отца къ дѣтямъ, и какъ полна почтительности семья къ отцу, такъ благоговѣла каждая система предъ родовыми своими Князьями, хотя, посреди напряженій обстоятельствъ, посреди упорныхъ препятствій къ осуществленію думы своей о Князѣ и соперничества между Князьями, мы видимъ, что образъ Князя не сохраняетъ иногда вполнѣ этого блестящаго свойства, которое ему стремится придать сама народная жизнь, такъ что это чувство благоговѣнія высказывается положительно только въ отношеніи цѣлаго Княжескаго дома, княжившаго въ той, или другой, системѣ или общинѣ. Всякое колебаніе противъ Князя, или его фамиліи, было преступно, и скопляло грозу надъ главой виновнаго. Каждый могъ это хорошо чувствовать и сознавать. Когда въ 968 году, во время похода Святослава на Болгарію, Печенѣги осадили Кіевъ и угрожали Княгинѣ Ольгѣ съ ея внуками смертію, или плѣномъ, Воевода Претичь, разсуждая объ этомъ съ своею дружиною, говорилъ ей: «Подъступимъ заутра въ лодьяхъ (къ Кіеву) и, попадше Княгиню и Княжичи, умчимъ на сю страну; аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ.» [228] Въ такой страхъ поставлялся Претичь съ своею дружиною при мысли о малѣйшей кичливости въ отношеніи Княжескаго дома. Тотъ же страхъ заставилъ обывателей Владиміра Волынскаго удержаться отъ сдачи Давыду Игоревичу, послѣ какъ на стѣнахъ ихъ города былъ убитъ посланный къ нимъ Князь отъ Святополка Михаила: «И рѣша людье: «Се Князь убьенъ; да еще ся вдамы (сдадимся), Святополкъ погубить ны вся (насъ всѣхъ).» [229] Съ этимъ же сознаніемъ о силѣ и важности власти Княжеской дѣйствовалъ воевода Галицкій Князя Владиміра во время осады Звенигорода полчищами, приведенными Всеволодомъ Ольговичемъ Кіевскимъ, и тотъ же страхъ, произведенный страшною казнію трехъ Звенигородскихъ обывателей, заставилъ остальныхъ забыть мысль о сдачѣ и биться со всею твердостію противъ Князя Кіевскаго: «И бѣ у нихъ Воевода, Володимерь мужь, Иванъ Халдѣевичь, изоима у нихъ мужи три, и уби я, и когождо ихъ перегень на полъ, поверже я изъ града; тѣмъ же и загрози. И начаша Звенигородьци оттолѣ битись безъ льсти.» [230] Относительно ви-

---

[228] Лавр. 28.

[229] Лаврент. 115.

[230] Ипат. 22.

новныхъ въ смерти Андрея Боголюбскаго, мы читаемъ также въ Карамзинѣ, что Всеволодъ «довершилъ месть, начатую Михаиломъ: казнилъ всѣхъ убійцъ Андреевыхъ, которые еще были живы, а главныхъ злодѣевъ, Кучковичей, велѣлъ зашить въ коробъ и бросить въ воду.» До какой степени это сказаніе новыхъ лѣтописцевъ справедливо, трудно рѣшить; но во всякомъ случаѣ, въ основаніи его лежитъ дума народная о важности злодѣянія и объ участи, которая, по понятію народному, могла ожидать убійцъ Андреевыхъ. Замѣчательно въ семъ отношеніи прибавленіе, сдѣланное Карамзинымъ къ настоящему разсказу: «Сіе извѣстіе, говоритъ онъ, согласно отчасти съ древнимъ преданіемъ: близъ города Владиміра есть озеро, называемое Плову́чимъ; разсказываютъ, что въ немъ утоплены Кучковичи, и суевѣріе прибавляетъ, что тѣла ихъ донынѣ плаваютъ тамъ въ коробѣ.....» [231] И могло ли быть все это иначе? При тогдашнемъ невѣжествѣ, при недостаточномъ развитіи въ понятіи простаго народа идеи Князя, на которой, можно сказать, покоился и развивался весь тогдашній нашъ бытъ, страхъ долженъ былъ играть великую роль: иначе, посреди невѣжества, образовались бы толпы негодяевъ, которые потревожили бы весь общественный порядокъ. Съ другой стороны область, которая напрягала всѣ силы, для защиты собственныхъ своихъ Князей, противъ враговъ внѣшнихъ, которая въ семъ отношеніи была готова на всѣ пожертвованія и которая не щадила ни себя, ни враждебныхъ дружинъ, расхищала ихъ имущество и какъ бы старалась уничтожать все, что бы могло напомнить о близкомъ присутствіи враждебнаго начала, область, которая нерѣдко приходила за своихъ родовыхъ Князей въ такое ожесточеніе, что избивала, или ослѣпляла, даже Князей враждебныхъ системъ, такая область при подобномъ направленіи, конечно, не могла переносить покойно дѣйствія враговъ внутреннихъ противъ своего Князя. Да, тѣмъ же чувствомъ благоговѣнія, которымъ окруженъ былъ отецъ въ семьѣ своей, тѣмъ же чувствомъ благоговѣнія окружался и Князь среди своихъ подданныхъ. Это чувство благоговѣнія, взлелѣянное въ предкахъ нашихъ чувствомъ семейности, освѣщено было, сверхъ того, мыслію религіозною: «Нѣсть власти, аще не отъ Бога.» Сила того и другого направленія, т. е., семейнаго

[231] Истор. Госуд. Рос. т. III, стр. 135 и 136.

и религіознаго, опредѣляла степень этого благовѣнія. Отрадно пробѣгаешь страницы лѣтописи, слѣдя за духовнымъ развитіемъ нашимъ въ семъ отношеніи: вѣра полная, вѣра самая живая, въ тотъ дивный образъ властителя отца прорывается видимо. Поразительно умильна Москва въ своихъ встрѣчахъ и пріемахъ Царствующему Дому, и этѣ встрѣчи и пріемы ея есть только наслѣдіе, доставшееся Москвѣ отъ предковъ нашихъ: они были у насъ обыкновенны и повсемѣстны. Даже, быть можетъ, въ встрѣчѣ, сдѣланной Кіевскому Князю въ Смоленскѣ, это чувство благоговѣнія къ Князю высказывалось предками нашими еще съ большею патріархальною простотою, нежели какъ оно высказывается въ самой Москвѣ. Мы передаемъ сказанія объ ней, какъ рѣзко характеризующія тогдашній бытъ, какъ служащія объясненіемъ думы народной о Князѣ. По разсказу лѣтописца, вельможи Смоленскіе встрѣтили Ростислава еще за 300 верстъ до Смоленска, потомъ выѣхали къ нему на встрѣчу его внуки, ближе къ городу самъ сынъ его и Епископъ: «И малѣ не весь градъ изыде противу ему, и тако вельми обрадовашася приходу его, и множество даровъ подаша ему.» [232] Что можетъ быть проще, умилительнѣе и въ то же время торжественнѣе подобной встрѣчи!

Какъ народъ былъ близокъ для своего Князя, мы видѣли уже довольно отчетливо и ясно; за всѣмъ тѣмъ можно развить эти отношенія еще подробнѣе, чтобъ легче представить себѣ всю патріархальность тогдашняго быта, который постепенно освѣщается высокими истинами истинной Христіанской Религіи.

Въ 996-мъ году, въ ознаменованіи душевной радости, душевной благодарности къ Провидѣнію, которое спасло его отъ гибели, или плѣна, угрожавшаго ему со стороны Печенѣговъ, Владиміръ Великій.... «створи праздникъ великъ, варя 300 проваръ меду, и съзываше Бояры своя, и Посадники, старѣйшины по всѣмъ градомъ, и люди многы, и раздая убогимъ 300 гривенъ. Празновавъ Князь дній 8 (въ Василевѣ), и возвращашеся Кіеву на Успенье Святыя Богородицы, и ту паки створяше праздникъ великъ, сзывая безчисленное множество народа. Видя же люди Хрестьяны суща, радовашеся душою и тѣломъ, и тако по вся лѣта творяше.» [233]

---

[232] Ипат. 94.

[233] Лаврент. 54.

Сверхъ того у Владиміра же былъ еженедѣльно столъ или пиръ для Бояръ, гридней, сотскихъ, десятскихъ, и нарочитыхъ мужей, гдѣ было всего изобильно, отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины. [234] При описаніи этихъ пировъ лѣтописецъ разсказываетъ одинъ забавный случай, довольно хорошо очерчивающій увѣренность дружины въ любви своего Князя: «Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на Князь, глаголюще: «Зло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревянными лжицами а не серебряными.» [235] Услыхавъ этотъ ропотъ, «Володимеръ повелѣ искovати лжицы серебряны ясти дружинѣ, рекъ сице: «Яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣсти (получить, достать, пріобрѣсть) дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, яко же и дѣдъ мой, и отець мой доискася дружиною злата и сребра.» Поясненіе, сдѣланное къ этому лѣтописцемъ, говоритъ намъ, что эта внимательность Владиміра, его любовь, высказывались не только къ Боярамъ, къ дружинѣ, но и ко всѣмъ безъ исключенія подданнымъ: «Повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ Княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ скотьницъ кунами (изъ казны деньгами). Устрои же и се, рекъ: «Яко немощніи и болніи не могуть долѣзти двора моего,» повелѣ пристроити кола (тѣлеги); въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квасъ, возити по городу, въпрашающимъ: «Гдѣ болніи и нищь, не могы ходити?» Тѣмъ раздаваху на потребу.» [236] Самое духовенство не исключалось отъ пировъ Князя Володимера: для него раскрывался особый столъ, и черное и бѣлое духовенство принимало участіе въ Княжескихъ угощеніяхъ. [237]

Въ этихъ пирахъ, въ этой любви и сближеніи съ подданными, Владиміръ Великій до такой степени народенъ, что преданія объ его пирахъ сохраняются до сихъ поръ въ простонародныхъ разсказахъ. Напрасно же думаетъ видѣть Г. Погодинъ въ этихъ пирахъ Владиміра Норманскій обычай, а въ самомъ Владимірѣ еще живой типъ Норманца. Подобнаго сближенія Властителя со всѣми слоями общества не представляетъ намъ Западная ис-

---

[234] Тамъ же.
[235] Тамъ же.
[236] Тамъ же.
[237] Описаніе Кіева, изд. Фундуклеемъ.

торія, и пиры Владиміра были не пиры Норманскіе, а пиры народные, Русскіе, какъ тѣ богатыри, которые, по народному же сказанію, составляло утѣху Владиміра, носятъ на себѣ свойство народное, Русское, а не Варяжское. Владиміръ Великій былъ первоначальный, еще грубый, народный первообразъ Князя Русскаго, гдѣ физическая жизнь достигаетъ высшаго своего развитія и господствуетъ еще надъ жизнію духа, подобно тому, какъ Владиміръ Мономахъ представляетъ собою первообразъ высшаго нравственнаго развитія народной идеи о Князѣ. Между этими крайними предѣлами вращается жизнь другихъ Князей нашихъ, жизнь всего народа Русскаго.

Подъ 1146-мъ годомъ, разсказывая о расхищеніи, которому предалъ Изяславъ Мстиславичъ Кіевскій движимое состояніе Святослава Ольговича, Князя Новгородъ-Сѣверскаго, лѣтописецъ случайно передаетъ намъ свѣдѣнія объ огромномъ запасѣ вина и меду, сдѣланномъ симъ послѣднимъ въ Путивлѣ, одномъ изъ городовъ Новгородъ-Сѣверскаго Княженія: «И въ погребѣхъ было 500 берковьсковъ меду, а вина 80 корчагъ.» [238] Для кого же былъ сдѣланъ Княземъ этотъ запасъ? Конечно, не для себя, не для своей семьи, а для подобныхъ же пировъ, которыя давалъ своей дружинѣ и народу Владиміръ Великій. Въ 1115-мъ году, по случаю перенесенія мощей Св. Бориса и Глѣба, было учрежденіе великое, былъ столъ у Ольга Святославича, за которымъ пировали Князья, конечно, съ своими дружинами, и духовенство, а для убогихъ и странныхъ столъ Княжескій продолжался три дни. «Съвкупишася братья Русціи Князи, Володимеръ, зовемый Мономахъ, сынъ Всеволожь, и Давыдъ Святославичь, и Олегъ, братъ его, и сдумли перенести мощи Бориса и Глѣба..... И бысть сборъ великъ, сшедшюся народу съ всихъ странъ, Митрополитъ Никифоръ съ всими Епископы, съ Ѳектистомъ Черниговьскымъ, съ Лазаремъ Переяславьскымъ, Епископомъ Никитою Бѣлогородьскымъ и съ Даніломъ Гурьговскымъ, и съ Игумены, и съ Прохоромъ Печерьскымъ, и съ Селивестромъ Св. Михаила, и Сава Св. Спаса, и Григорій Св. Андрея, Петръ Хловъскый, и прочіи Игумени,

---

[238] Ипат. 238.

[239] Тамъ же 6.

и освятиша церковь каменую; и отпѣвшимъ имъ обѣдьнюю, обѣдаша у Ольга и пиша, и бысть учреженіе велико, и накормиша убогыя и странныя по три дни.» [240] Любовь Георгія Владиміровича къ Святославу не ограничивалась дружественными отношеніями къ сему послѣднему, а высказалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не разъ, полнымъ вниманіемъ къ дружинѣ, сопутствовавшей всюду своего Князя, во время преслѣдованія его Княземъ Кіевскимъ и двоюродными его братьями, Давыдовичами: «Присла къ нему (Святославу) Гюрги, утѣшивая, рче: «Не тужи о сыну моемъ (умершемъ въ продолженіи похода съ Святославомъ): аще того Богъ отъялъ, а другій ти сынъ пришлю;» и присла Гюрги дары многы, паволокою и скорою, и женѣ его, и дружину его одари поведику...» [241] Въ слѣдующій за тѣмъ годъ лѣтописецъ разсказываетъ о подобномъ же вниманіи Георгія къ Святославу и, съ тѣмъ вмѣстѣ, къ дружинѣ его: «На утріи же день повелѣ Гюрги устроити обѣдъ силенъ, и створи честь велику имъ, и да Святославу дары многы, съ любовію, и сынови его, Ольгови, и Володимеру Святославичю, и мужѣ Святославлѣ учреди, и тако отпусти... [242] Въ 1154 году Ростиславъ роздалъ, по сказанію лѣтописца, все движимое достояніе Вячеслава, и частъ этого достоянія досталась людямъ неимущимъ... Андрей Боголюбскій, какъ говоритъ лѣтописецъ, былъ «кормитель, черньцемъ, и черницамъ, и убогымъ, и всякому чину, яко въ злюбленый отець бяшеть; паче же милостынею бяше милостивъ»..... Онъ же велѣлъ, «и по вся дни возити по городу брашно и питье разноличное, болнымъ и нищимъ на потребу, и видя всякаго нища, приходящего къ себѣ просить, подавая имъ прошенія ихъ.»... [243] Подъ 1150-мъ годомъ случайнымъ образомъ лѣтописецъ передаетъ намъ о препровожденіи времени братомъ Андрея Боголюбскаго, Борисомъ, гдѣ мы видимъ этого младшаго Князя пирующаго съ дружиною и духовенствомъ: «Въ то же время Борисъ пьяшеть въ Бѣлѣгородѣ, на сѣньницы, съ дружиною своею и съ Попы Бѣлогородьскыми.» [244] Не щадилъ своего достоянія Мсти-

[240] Ипат. 6.
[241] Тамъ же 29.
[242] Тамъ же.
[243] Ипат. 112.
[244] Тамъ же.

славъ Ростиславичъ, но все роздавалъ или дружинѣ, или малоимущимъ своимъ подданнымъ, которыхъ сердца приковалъ онъ къ себѣ любовію и отеческою внимательностію: «И тако молвяху, плачущеся (по смерти Мономаха)... и сильніи, и худіи, и нищіи, и убозѣи, и черноризьцѣ; бѣ бо милостивъ на вся нищая..... бѣ бо любезнивъ на дружину, и имѣнія не щадяшеть и не сбирашеть злата, ни сребра, но даяше дружинѣ своей, ово же правяше души своей».. . [245] Подобными же чертами описываетъ лѣтописецъ Володимера Глѣбовича Переяславскаго: «бо бѣ любя дружину, и злата не сбирашеть, но даяшеть дружинѣ.....[246] Любовь и вниманіе Ярослава Галицкаго приближало къ нему всѣхъ его подданныхъ малоимущихъ и даже странниковъ, для которыхъ онъ былъ какъ бы отцемъ: «Страныя любя и нищая кормя, черноризьскый чинъ любя и честь подавая отъ силы своея.».... [247] О подобномъ вниманіи и любви Рюрика Ростиславича разсказываетъ лѣтописецъ по двумъ особеннымъ случаямъ: подъ 1197-мъ годомъ: «Тогда же Князь съ единомысленною Княгинею и со богонабдивыми дѣтми, созва духовный тый пиръ, Епископа Андреяна Юрьевского и Архимандрита Василья Печерьского Игумена,... и прочіе Игумени, и черноризьцы, и Презвутеры, и весь священицкый чинъ, и учредивъ я немало, дары великыми почтия отъ великихъ даже и до малыхъ, яко ни единому же облишену быти отъ требующихъ... [248] Подъ 1200-мъ годомъ: «И створи пиръ не малъ и тряпезу со приготовленіемъ, и накорми Игумены и со калугеры всими, и всякого чина церковьнаго, и подари вся, яже отъ первыхъ даже и до послѣднихъ, не токто ту сущая, но и прилучившаяся тогда..... [249] Торжественны были послѣдніе дни Владиміра Васильковича Волынскаго въ этой любви, въ этомъ вниманіи, въ этомъ сближеніи со всѣми своими подданными: «И еще ему не вельми больну, но ходяшеть и ѣздяшеть на конѣ, и розда убогимъ имѣніе свое все: золото и серебро, и каменіе дорогое, и поясы золотые отца своего и серебряные, самъ передъ своима очами поби и полья въ гривны, и мониста великая золотая бабы своей и матери

---

[245] Ипат. 121.
[246] Тамъ же 134.
[247] Тамъ же 135.
[248] Ипат. 152.
[249] Тамъ же 153.

своей все полья, и розъсла милостыню [250] по всей земли; и стада роздая убогымъ людемъ, у кого то коній нѣтуть, тѣмъ и иже кто погибли въ Телебузину рать. [251]

Но въ этомъ ли вещественномъ покроѣ, который разскидывали Князья, надъ жизнію народа, въ этомъ ли стремленіи поддѣржать правду, въ защитѣ людей маломощныхъ и сирыхъ, въ этомъ ли отеческомъ вниманіи ко всѣмъ безъ исключенія подданнымъ, заключался дивный образъ о Князѣ и его дружинѣ? О, далеко еще нѣтъ.... Князь съ своею дружиною былъ покровъ самыхъ высокихъ, невещественныхъ, благъ народныхъ, былъ съ своею дружиною высокій нравственный образецъ для остальныхъ своихъ подданныхъ. Чтобъ яснѣе видѣть, это, необходимо всйти въ бытъ тогдашняго времени, видѣть, въ какомъ невѣжествѣ утопала жизнь народная, посреди которой, подъ благотворнымъ, святымъ, вліяніемъ религіи и живаго семейнаго чувства, возникло это дивное понятіе о Князѣ-отцѣ; но подробное описаніе тогдашняго быта, которое само составляетъ предметъ обширнѣйшій не можетъ войти въ настоящій нашъ трудъ, и мы по этому должны здѣсь ограничиться главнѣйшими чертами, очерчивающими этотъ предметъ, излагая ихъ въ соотношеніи жизни Князей съ ихъ дружинами. Однако жь, прежде мы сдѣлаемъ одно замѣчаніе Жизнь дружинъ описывается рѣдко лѣтописцами, и то по какимъ ни будь особеннымъ, чрезвычайнымъ, случаямъ: этотъ недостатотъ въ прямыхъ данныхъ, при выше изложенномъ, объясняется весьма легко, и столько же легко вознаграждается данными непрямыми. Мы показали уже, что Князь и дружины, составляли всюлу одно недѣлимое; что въ войнѣ и въ мірѣ Князь совѣтуется съ своими дружинами, принимая, или отвергая, ихъ мнѣнія: что почти всегда было полное согласіе въ мнѣніи Князя съ его дружиною; другими словами, что дружина была живой сознательный органъ воли Княжеской, той идеи, которую народная дума составила себѣ о Княжеской власти.

---

[250] Слово милостыня, равно какъ нищія, встрѣчающіяся въ приведенныхъ здѣсь мѣстахъ изъ лѣтописи, имѣютъ значеніе: первое, добровольно не заслуженнаго дара; второе, какъ мы вездѣ переводили не нищихъ въ новѣйшемъ значеніи этого слова, а людей, имѣющихъ свое состояніе, но не богатыхъ, и людей мало имущихъ: это ясно видно изъ соображенія разныхъ мѣстъ лѣтописей нашихъ.

[251] Ипат. 219.

Отсюда самымъ естественнымъ образомъ истекаетъ, что самая жизнь Князей сосредоточивала въ себѣ жизнь самыхъ дружинъ, была самымъ блестящимъ выраженіемъ ея. По этому все, что лѣтописцы ни приводятъ къ описанію этого великаго народнаго образа Княжеской власти, мы должны представлять себѣ, что все это отражалось, хотя въ меньшемъ размѣрѣ, не столь блестяще, въ жизни самыхъ Княжескихъ дружинъ, сообразно кругу ихъ дѣятельности и средствъ.

Глубокое религіозное чувство облекало собою всю жизнь народа. Во всѣхъ особенныхъ явленіяхъ природы, или лучше сказать, во всей жизни природы и въ жизни человѣческой, предки наши созерцали силу Всевышняго. Но это религіозное чувство, при всей своей силѣ, не только не освящало жизни, не только не вознаграждало лучшихъ отношеній между людьми, а, напротивъ, уродливымъ понятіемъ о божествѣ, объ отношеніяхъ человѣка къ человѣку и къ Творцу, мрачило жизнь, придавало ей свойство угрюмое, дѣлало изъ человѣка какого-то раба, лишеннаго воли, стремленія къ благу, а иногда даже какого-то дикаго звѣря.

Владиміръ Великій безспорно былъ Князь чисто Русскаго начала, какъ это должно заключать изъ того, что онъ оттолкнулъ отъ себя Варяжское начало, и уже до сихъ поръ составляетъ собою одно изъ любимыхъ лицъ разсказовъ нашего простаго народа: какимъ же свойствомъ запечатлѣна его языческая жизнь? Чувство религіозное въ немъ могуче: онъ трепещетъ предъ божествомъ. Воздвигаетъ кумиры, предъ которыми льется, въ умилостивленіе божества, кровь человѣческая, а между тѣмъ подобно хаосу, исполненному силы, но гдѣ нѣтъ искры свѣта, ходитъ покорять народы, собирать съ нихъ дань и, въ то же время, посреди безчисленнаго множества своихъ наложницъ, утопаетъ въ сладострастіи. Не забудемъ при этомъ, что онъ же говорилъ, что не можетъ принять той Вѣры, которая воспрещаетъ вино, по тому, что Руси есть веселіе пити. Вотъ истинный образъ языческой Руси! Свѣтъ озарилъ эту могучую душу; предъ ней раскрылся образъ другого Бога, Бога Христіанскаго, Бога духа, для котораго уготована вѣчная жизнь, Бога безконечной любви, правды, милосердія, и въ то же время непреклоннаго всемогущаго судіи порока. Владиміръ палъ ницъ предъ этимъ образомъ, мечь выпалъ изъ рукъ его, и онъ страшится проливать кровь враговъ нашей родины,

даже кровь злодѣевъ: «Живяше же Володимеръ въ страсѣ Божьи, и умножишася разбоеве, и рѣша Епископи Володимеру: «Се умножишася разбойници: по что не казниши ихъ?» Онъ же рече: «Боюся грѣха.» Они же рѣша ему: «Ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоить ти казнити разбойника, но со испытомъ.» Володимеръ же отвергъ виры (денежный штрафъ), нача казнити разбойникы;» и рѣша Епископы и старци: «Рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди.» И рече Володимеръ: «Тако буди!» И живяше Володимеръ по устроенью отьню и дѣдню.» [252] Такой страшной переломъ сдѣлала вдругъ Христіанская религія въ этой дикой хаотической жизни Владиміра Великаго. Видно, что духовенство сдѣлало глубокое впечатлѣніе на душу его; религія обуздала ее въ дикихъ страстяхъ, смягчила ее до чувства невинно дѣтскаго; оторвала ее отъ земнаго, обратила къ самой себѣ, къ созерцанію блаженствъ и мукъ жизни вѣчной. Можно представить себѣ, съ какимъ благоговѣніемъ эта могучая душа, которая страстно было прильнула къ благамъ міра физическаго, и, въ трепетномъ восторгѣ отъ этихъ благъ, искала умилостивить божество кровавыми человѣческими жертвами, съ какимъ восторженнымъ благоговѣніемъ эта могучая душа пала теперь, не предъ этимъ языческимъ божествомъ, ищущимъ жертвъ, а предъ Божествомъ, которое съ безконечной отеческой любовію бдитъ надъ людьми, призываетъ ихъ вкусить вѣчныхъ благъ, коихъ міръ есть только дивный отблескъ, кои, какъ безконечное море, жиждутся и возсозидаются въ безконечной премудрости и всемогуществѣ Всевышняго. Примите при этомъ въ соображеніе силу семейнаго чувства, семейной любви, которая двигала въ то время всѣми дѣлами частными и общественными, которая животворила тогда все, которою только мы и жили, и вы поймете еще яснѣе высокую радость, которою объялась душа Владиміра, когда Всемогущій Творецъ явился чаянію души его въ образѣ отеческомъ же, въ образѣ высочайшей любви. Благовѣйно преклонялись мы тогда предъ образомъ земнаго отца, предъ маститыми старцами; съ какимъ же чувствомъ, какъ не съ чувствомъ, полнымъ смиренія, преданности, религіозной радости, религіознаго восторга должны мы были пасть тогда предъ

[252] Лаврент. 54.

Творцемъ Всемогущимъ Отцемъ, предъ образомъ безконечной любви?

Народъ, руководимый семейнымъ чувствомъ, чувствомъ любви, стремился возсоздать въ жизни гражданской или общественной этотъ дивный, этотъ строгій и любящій, образъ отческой власти въ образѣ Князей, отдавался имъ всею душей. Князья, подъ благотворнымъ вліяніемъ того же семейнаго чувства, сочувствовали народу, и, отдаваясь сами всей душой Богу Отцу искали только угодить Господу, чтобъ снискать вѣчныхъ благъ. Князья, по этому, являлись какъ бы посредниками между своими подданными и Богомъ, между небомъ и землею. Это не пустое слововыраженіе, а историческая истина. Жизнь Князей періода Дотатарскаго, который насъ преимущественно занимаетъ, носитъ на себѣ печать религіознаго чувства, исполнена стремленія угодить Господу, снискать любовь его, съ любовію блага вѣчныя. Данныхъ для подподтвержденія этого множество: мы укажемъ на главнѣйшія изъ нихъ, чтобъ не путаться въ подробныхъ частностяхъ.

Какъ призракъ безъ плоти и духа, является предъ нами въ сказаніяхъ лѣтописца религіозный образъ Ярослава, сына Владиміра Великаго, если мы будемъ останавливаться вниманіемъ единственно на этихъ сказаніяхъ, не слѣдя за блестящимъ развитіемъ религіознаго чувства въ продолженіи всего изслѣдуемаго нами періода. Лѣтописецъ представляетъ намъ только данныя безъ мысли, безъ объясненія тѣхъ душевныхъ движеній, которыя возсоздавали эти данныя. То же почти можно сказать о религіозномъ образѣ Изяслава, сына Ярослава I-го. Образъ Всеволода, одного изъ младшихъ сыновей Ярослава же, рисуется уже предъ нами нѣсколько живѣе; дальнѣйшій же разсказъ лѣтописцевъ дѣлается глубже и нисходитъ иногда до основаній, изъ коихъ возникали явленія, подобныя тѣмъ, которыя сообщаютъ они намъ о религіозной жизни Ярослава и другихъ Князей предшествовавшихъ, или тѣхъ изъ нихъ, коихъ удѣлы либо вовсе не имѣли собственныхъ своихъ лѣтописцевъ, либо получили ихъ уже въ болѣе позднѣйшія времена, и сообщаютъ такъ кратко, безжизненно.

Всѣ данныя, которыя мы имѣемъ, начиная отъ временъ Всеволода, говорятъ намъ положительно о высоко благотворномъ вліяніи Христіанской религіи на тогдашнюю жизнь нашей родины. Мы видѣли уже, какъ религіозное чувство, чувство любви къ народу,

давало дѣятельности Владиміра Мономаха свойство мощи, неустрашимости, смиренія и простоты, соединенной съ важностію и какою-то торжественностію во всѣхъ обстоятельствахъ, гдѣ дѣло касалось не славы, не честолюбивыхъ какихъ либо цѣлей, а, напротивъ, благосостоянія его родины. Онъ полонъ сознанія о величіи природы, о любви и могуществѣ Творца; образъ Спасителя, принесшаго себя въ жертву за грѣхи человѣческіе, живъ вѣчно предъ нимъ и трогаетъ его до глубины души; псалмы Давыда и Евангеліе разрѣшаютъ ему самыя затруднительнѣйшія обстоятельства въ жизни. Онъ безпрерывно обращается къ нимъ, ищетъ въ нихъ свѣта, чтобъ быть угоднымъ Господу и проложить себѣ путь къ видимому блаженству. Изнесши изъ нѣдръ семейной жизни глубокое чувство любви, онъ, съ полнымъ сознаніемъ, съ душевной теплотою, радостію, восторженно пріемлетъ истины Ветхаго и Новаго Завѣта, проникнутыя живою безконечною любовію Творца къ своему созданію, стремится исполниться ими, борется съ самимъ собою, съ своими страстями, возносится надъ ними, дѣлается смѣлымъ, безстрашнымъ, поборникомъ Русской земли, готовый всегда отдать себя на жертву, для спасенія благосостоянія ея; идетъ по слѣдамъ, Спасителя, но чувствуетъ, однако жь, по временамъ, всю силу страстей, и плачетъ и кается, и рядомъ новыхъ добрыхъ дѣлъ стремится вырваться изъ путъ земнаго. Мы видѣли уже, какъ, страшась междоусобій, въ которыхъ гибло благосостояніе нашей родины, онъ торжественно возсталъ противъ Святополка, допустившаго Давыда Игоревича ослѣпить Василька, какъ потомъ любовь къ родинѣ обезоружила его; видѣли, какъ застигнутый въ дорогѣ приглашеніемъ Святополка и другихъ Князей, изгнать изъ Галицкихъ земель Ростиславичей, онъ, отказавшись отъ участія въ этомъ новомъ междоусобіи, впадаетъ въ внутреннюю борьбу, между двумя совершенно, по видимому, противоположными думами, между думою о любви и братскомъ согласіи, въ которой онъ желалъ видѣть всѣхъ Князей земли Русской, и думою о своемъ отпаденіи отъ ихъ союза, о своемъ совершенномъ одиночествѣ въ настоящемъ случаѣ. Колесница его бѣжала, и онъ, чтобъ успокоить внутреннюю тревогу, укрѣпить себя въ рѣшеніи своемъ, перебираетъ всѣ мѣста изъ псалмовъ Давыда, гдѣ любовь къ истинѣ, къ правдѣ, торжествуетъ надъ всѣми искушеніями, гдѣ высказывается твердая неколебимая вѣра, что только

одно доброе, правдивое, дѣло найдетъ благословеніе и покровъ въ божественномъ всемогуществѣ, что порокъ и злоба страстей преслѣдуются вѣчною благостію, и самый корень ихъ сотрется съ лица земли, а живыя орудія ихъ погибнутъ и не будетъ слѣда ихъ; по тому что надъ міромъ, надъ всѣми дѣйствіями человѣческими, царитъ Всемогущій Царь вѣчной правды. Исполненный этою высокою, религіозною, живою истиною, Мономахъ не думаетъ о видимыхъ земныхъ выгодахъ, забываетъ себя, какъ временнаго жильца этого мира, возносится надъ всѣми земными отношеніями, и душа его, торжествуя надъ прахомъ, раскинула крылья свои и воспарила въ горняя, проникнулась вѣрою, любовію и необыкновеннымъ смиреніемъ. Онъ поетъ тогда гимнъ Творцу, благоговѣйно падаетъ предъ Его безконечною благостію и любовію, чувствуетъ ничтожество свое въ безконечныхъ силахъ Творца, и хочетъ быть только слугою, Его орудіемъ вѣчныхъ его истинъ, Его любви орудіемъ сознательнымъ. Дума быть орудіемъ, достойнымъ святости самыхъ истинъ, занимаетъ тогда всю его душу. Не однимъ постомъ, не однимъ монашескимъ отреченіемъ отъ міра, говоритъ онъ тогда, человѣкъ можетъ угодить Господу, а дѣлами добрыми, любовію къ людямъ; и, какъ любовь, продолжалъ онъ, можетъ меркнуть въ насъ, а страсти возобладать надъ нами, то мы необходимо должны постоянно чувствовать ничтожность и грѣховность свою, съ тѣмъ вмѣстѣ очищать душу свою покаяніемъ и слезами, чтобъ быть, по возможности, всегда достойнымъ храмомъ Божіимъ, орудіемъ Его святой воли, быть вѣчно съ Богомъ любви и правды. [253] Какой торжественный, величавый, союзъ видимъ мы въ этихъ сужденіяхъ Мономаха, между чувствомъ религіознымъ, освѣщеннымъ истинами, переданными людямъ свыше, и между чувствомъ семейнымъ, чувствомъ, которое, подъ благотворнымъ вліяніемъ перваго, высказалось рядомъ великихъ дѣлъ въ жизни самаго же Мономаха!

Тѣмъ же путемъ идутъ къ вѣчной жизни другіе изъ болѣе замѣчательныхъ Князей нашихъ; та же вѣра одушевляетъ ихъ, хотя, безъ сомнѣнія, не всѣхъ съ одинакимъ сознаніемъ. Въ этомъ отношеніи въ особенности замѣчательна семья Всеволода. О самомъ Всеволодѣ дошло до насъ сказаніе, что ежедневно,

---

[253] См: выше.

съ разсвѣтомъ дня, онъ ходилъ на молитву въ храмъ Божій, и что онъ былъ жизни строгой и правдивъ. [254] Въ сынѣ его, Владимирѣ Мономахѣ, мы видѣли высокій образецъ религіознаго чувства. Дочь его, Янка, отказалась отъ свѣта и обрекла себя на жизнь монастырскую. [255] Объ одномъ изъ правнуковъ его, Изяславѣ, предки наши говорили, что онъ былъ не Князь, а отецъ своимъ подданнымъ, [256] другой готовъ былъ отказаться отъ всѣхъ прелестей міра, отъ самаго Княжескаго престола, для того, чтобъ быть истиннымъ Христіаниномъ и приблизиться къ Творцу достойнымъ тѣхъ благъ, которыя уготованы въ безконечной премудрости Божіей, которыхъ подобіе мы только можемъ видѣть въ нашихъ земныхъ благахъ. [257] Правнукъ Всеволода, Мстиславъ (1179 г.), одинъ изъ любимцевъ народныхъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ поборниковъ за Русскую землю, всегда былъ готовъ положить за нее свою голову, одушевляемый къ тому полною вѣрою, что кто положитъ душу свою изъ любви къ ближнимъ, тотъ свершитъ угодное Господу и наслѣдуетъ жизнь вѣчную: «бѣ бо крѣпокъ на рати; всегда бо тосняшеться умрети за Рускую землю и за Хрестьяны; егда бо видяше Хрестьяны полонены отъ поганыхъ, и тако молвяше дружинѣ своей: «Братья, ни что же имете во умѣ своемъ: аще нынѣ умремъ за Хрестьяны, то очистимся грѣховъ своихъ и Богъ вмѣнить кровь нашю съ мученикы. Аже ли Богъ дасть милость свою, а слава Богу; мы бо аще нынѣ умремъ, умремъ же всяко.» [258] Святославъ, сынъ Давыда Черниговскаго, внукъ Святослава, (1106 г.), даже промѣнялъ княжескую ман-

---

[254] Всеволодъ бѣ издѣтьска боголюбивъ, любя правду.... въздержася отъ пьянства и отъ похоти.... Лавр. 92. Первое въ церкви: да не застанетъ васъ солнце на постели: тако бо отецъ мой дѣяшеть блаженный и всѣ добрыи мужи свершенін: заутреню отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю всходящу, и узрѣвши солнце, и прославиша Бога съ радостію. Завѣщаніе сына Всеволода, Владиміра Мономаха.

[255] Ипат. 3.

[256] Тамъ же 74. Томъ желѣтѣ (1154) разболѣся Великый Князь Кіевскій, Изяславъ, честный, благовѣрный и Христолюбивый, славный Изяславъ Мьстиславичь, внукъ Володимерь, и плакася по немъ вся Руская земля и вси Чернін Клобуци, яко по Цари и Господинѣ своемъ, наипаче же яко по отци.

[257] Тамъ же 93.

[258] Ипат. 121.

тію на мантію простаго монаха. [259] Одушевляемый религіознымъ чувствомъ, Ярославъ Галицкій (1187 г.) какъ какой ни будь отецъ, патріархъ, призываетъ къ смертному ложу своихъ подданныхъ, разныхъ слоевъ и возрастовъ, торжественно проситъ ихъ любви, проситъ прощенія, напутствія благословеніемъ въ жизнь вѣчную: «И ко преставленію своему въ болѣзни тяжьцѣ познася худъ, и созва мужи своя и всю Галичькую землю, позва же и сборы вся и манастырѣ, и нищая, и сильныя, и худыя; и тако глаголаше, плачася ко всѣмъ: «Отци, и братья, и сынове! Се уже отхожю свѣта сего суетьнаго и иду ко Творцу своему, а сгрѣшихъ паче всихъ, яко же инъ ни кто же сгрѣши; а отци и братья! простите и отдайте!» И тако плакашеться по три дни передо всими сборы и передо всими людми, и повелѣ раздавати имѣніе свое по манастыремъ и нищимъ; и тако даваша по всему Галичю по три дни... [260] Обращаясь опять къ Ярославу, мы поймемъ теперь, какое чувство живило Князя, при постройкѣ двухъ храмовъ въ Кіевѣ, Софійскаго и Десятиннаго, которыхъ остатки говорятъ намъ, что они могли бы составлять собою даже въ настоящее время великолѣпнѣйшіе и богатѣйшіе храмы, какъ по своей архитектурѣ, такъ и по внутреннѣй отдѣлкѣ; [261] теперь будутъ понятны для насъ и другія сказанія лѣтописца о дѣлахъ религіозныхъ Ярослава: «И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы. Попы любяше по велику, излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и дне, и собра письцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо, и списаша книгы многы, и сниска... Ярославъ же, яко же рекохомъ, книгамъ любимъ бѣ, многы (книгы) написавъ, положи въ церкви Святой Софьи, юже созда самъ... и ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя Попы, и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди.... Радовашеся Ярославъ, видя множьство церквій и люди Хрестьяны зѣло.» [262] Не это ли же религіозное чувство, не эта ли живая вѣра въ благость и могущество Творца, стремили всѣхъ другихъ Князей нашихъ, съ ихъ богатствами къ престолу

---

[259] Лавр. 120.

[260] Ипат. 135.

[261] Описаніе Кіева, Фундуклея.

[262] Лавр. 66.

Господа, преображали это богатство въ великолѣпные храмы, какими были украшены всѣ безъ исключенія главнѣйшіе изъ стольныхъ городовъ нашихъ и которые былидивомъ для современниковъ? Самый Печерскій монастырь, откуда изошли великіе Святители земли Русской, великіе образцы жизни Христіанской, не подъ непосредственнымъ ли покровительствомъ Кіевскихъ Князей, развился со всѣми своими святынями, предъкоими поклонялися предки наши, предъ коими поклоняемся мы? [263]

Тѣмъ же путемъ шла дружина Княжеская, не смотря на земныя страсти, которыя тревожили ее, подобно тому, какъ они тревожили и самихъ Князей и вовлекали въ желанія и дѣла чисто житейскія, подъ часъ грубыя и даже кровавыя: человѣкъ не могъ сдѣлаться ангеломъ и жизнь не могла вдругъ преобразиться; но что же должны мы сказать объ остальной толпѣ народа въ семъ отношеніи? Христіанство даже по одной формѣ медленно распространялось въ ней, встрѣчая въ грубости народной сильное сопротивленіе, такъ что въ XI, XII, XIII и XIV столѣтіяхъ, не только по деревнямъ, но даже въ иныхъ городахъ, [264] видны еще ясные слѣды самаго темнаго язычества, хотя и не повсемѣстно.

Въ 1171-мъ году, т. е., почти въ то самое время, когда Владиміръ Мономахъ вступилъ на сцену историческую, появились, по разсказу лѣтописца, два волхва, которые увлекли за собою простыхъ жителей земли Ростовской, начиная отъ Ярослава до Бѣлаозера. Въ это время былъ голодъ: религіозное настроеніе души не могло не видѣть въ семъ явленіи какую-то таинственную силу, которая правитъ міромъ; но душа не освященная не возносилась къ живому истоку, изъ котораго пошелъ міръ, и въ вѣчной премудрости и всемогуществѣ котораго бываетъ онъ, со всѣми своими безчисленными явленіями; нѣтъ, она искала, и думала найти, причину настоящаго бѣдствія въ волхвованіи, чародѣйствѣ женщинъ, и, вмѣсто того, чтобъ обратиться душею къ Творцу, какъ отцу, Который призываетъ всѣхъ къ истинному блаженству, Котораго воля родитъ и измѣряетъ событія, они, по указанію волхвовъ, избиваютъ несчастныхъ женщинъ, которыя будто бы были

---

[263] Описаніе Кіева, Фундуклея.

[264] Очерки Россіи, Вадима Пассека. Часть I. Кіево-Печерская Лавра, и Очеркъ Исторіи Русской Церкви, Макарія, стр. 40.

виновны въ бѣдствіи: «Въстаста два волъхва отъ Ярославля, глаголюща, «яко вѣ свѣвѣ» кто обилье держитъ»; и поидоста по Вользѣ; кдѣ придуть въ погосте, ту же нарицаху лучьшіѣ жены, глаголющѣ, «яко си жито держитъ, а си медъ, а си рыбы, а си скору».... Повѣдаша ему (Яну) Бѣлозерци, «яко два кудесника избила уже многы жены по Вользѣ и по Шекснѣ, и пришла еста сѣмо» (къ Бѣлоозеру).... Прошедши нѣсколько сотъ верстъ, волхвы нигдѣ не встрѣчали противодѣйствія, напротивъ, увлекали всѣхъ своимъ ученіемъ, такъ что сами жители добровольно приводили къ нимъ своихъ матерей, женъ, сестеръ, и приносили на жертву грубѣйшему невѣжеству. Число приверженцевъ, слѣдовавшихъ за волхвами изъ мѣста въ мѣсто, когда они явились подъ Бѣлоозеромъ, простиралось уже до 300; они, если не всѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые, были даже вооружены. Бѣлоозерская дружина раздѣляла и сама отчасти это ученіе, или, не просвѣщенная еще свѣтомъ ученія истиннаго, бездѣйствовала, позволяла волхвамъ спокойно проповѣдывать свое ученіе и избивать людей. Тогда, въ противодѣйствіе, является дружина Князя Кіевскаго, подъ предводительствомъ отважнаго Яна, который посланъ былъ въ землю Ростовскую для собиранія даней. Встрѣтивъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ подчиненныхъ, открытое сопротивленіе, и потерявъ въ стычкѣ съ толпою, окружавшею волхвовъ, Священника, Янъ долженъ былъ безуспѣшно возвратиться въ Бѣлоозеро, и здѣсь объявилъ мѣстной дружинѣ, чтобъ она вооружилась и взяла волхвовъ, въ противномъ же случаѣ онъ останется у нихъ, конечно, не совсѣмъ пріятнымъ гостемъ, на цѣлое лѣто. Бѣлоозерцы взяли волхвовъ, и тѣ же, которые приводили къ волхвамъ своихъ матерей, женъ, сестеръ и, вмѣстѣ съ ними, губили ихъ, ободренные смѣлыми дѣйствіями Яна, видя всю ничтожность волхвованія противъ открытой силы послѣдняго, видя, какъ Янъ поругается надъ ними, сами же тиранскимъ образомъ изгубили кудесниковъ. [265]

Въ томъ же году и подобное же явленіе полнаго невѣжества обнаружилось въ Новгородѣ. Здѣсь волхвъ открыто порицалъ Христіанскую Вѣру. Всѣ Новгородцы приняли сторону волхва, такъ что, если бъ Князь Глѣбъ, съ своею дружиной, не случился въ Новгородѣ, тамошній Епископъ, безъ сомнѣнія, погибъ бы, зачатки

[265] Лавр. 75.

Христіанства были бы истреблены и жизнь погрузилась въ прежній языческій мракъ. Правда, Глѣбъ дѣйствовалъ въ семъ случаѣ не какъ проповѣдникъ, не словомъ, однако жь рѣшительнымъ сопротивленіемъ и убіеніемъ волхва успѣлъ разувѣрить Новгородцевъ, въ чудесныхъ высшихъ силахъ его. [266]

Къ тому же времени появился волхвъ въ Кіевѣ, гдѣ также нашелъ себѣ послѣдователей; но онъ погибъ внезапно, вѣроятно, въ предупрежденіе мятежа, убитый, или заточенный, по распоряженію Князя, тайнымъ образомъ; [267] мы говоримъ, по распоряженію Князя, имѣя въ виду, что и здѣсь, какъ въ земляхъ Ростовскихъ и въ Новгородѣ, Христіанская религія имѣла единственную опору въ Князьяхъ и ихъ Боярахъ, или дружинахъ, для подтвержденія чего мы имѣемъ достаточныя данныя. Народъ принялъ новое ученіе въ Кіевѣ безсознательно, единственно подъ вліяніемъ патріархальнаго чувства, чувства преданности къ Князю и любви къ старѣйшинамъ. Подобно Глѣбу и Яну, Владиміръ воспользовался духомъ своего народа, и дѣйствовалъ примѣромъ и мечомъ: языческіе кумиры въ Кіевѣ были, по повелѣнію его, низвержены, изсѣчены, или сожжены, а кумиръ Перуна преданъ общественному поруганію и брошенъ въ Днѣпръ; и народъ плакалъ о своихъ языческихъ божествахъ, какъ передаетъ, нашъ лѣтописецъ, но по строгому, однако жь, приказанію Владиміра, шелъ на Днѣпръ креститься, высказавшись при этомъ словами, рѣзко очерчивающими духъ народный, о чемъ въ своемъ мѣстѣ мы сказали уже подробно.

Такимъ образомъ, при всей недостаточности свѣдѣній, сообщенныхъ намъ лѣтописцами, мы видимъ, что въ распространеніи Христіанскихъ истинъ Князь и дружины являются у насъ вездѣ на первомъ мѣстѣ и поддерживаютъ святое крещеніе и мечомъ и примѣромъ; видимъ, что, когда многіе Князья уже явили жизнью своею высокіе образцы души просвѣщенной Евангельскими истинами, жизни Спасителя; когда они, легко отрываясь отъ земныхъ благъ, жертвовали ими, жертвовали своимъ покоемъ, готовы были пожертвовать своею жизнію, для того, чтобъ, любовію къ своему народу, дѣлами добрыми, исполнить заповѣдь Божію и приблизиться

---

[266] Лавр. 77.

[267] Тамъ же 75.

къ вѣчному источнику духовныхъ благъ, въ то же время толпа народная пребываетъ еще въ глубокомъ языческомъ невѣжествѣ, хотя, по формѣ, по внѣшности, ученіе Христово, если не всею, по крайней мѣрѣ, большею частію уже было ею принято. Князь здѣсь опять дѣйствуетъ по тѣмъ же законамъ, какъ дѣйствовалъ тогда отецъ въ семьѣ своей, т. е., совершенно свободно, руководствуясь только одною любовію къ своимъ подданнымъ. По этому, стоя, какъ мы видѣли уже изъ выше приведенныхъ примѣровъ, столь же близко къ духовенству, какъ къ другимъ своимъ подданнымъ, совѣщаясь съ нимъ о дѣлахъ часто важныхъ Государственныхъ, затрудняющихъ совѣсть, онъ былъ вполнѣ независимъ въ своихъ рѣшеніяхъ и по дѣламъ духовнымъ. По сему избраніе самихъ Митрополитовъ, Архіепископовъ, Епископовъ, и смѣна ихъ зависѣла отъ Князя. Мы знаемъ на прим., что, въ слѣдствіе спора между Ростиславомъ Мстиславичемъ и, племянникомъ его, Мстиславомъ Изяславичемъ, и по взаимному потомъ ихъ между собою согласію, два Митрополита лишены были своего сана, и на мѣсто ихъ избранъ новый: Мьстиславь же крѣпко пряшеся по Климѣ, река тако: «Не будеть Костянтинъ въ Митрополіи, зане клялъ ми отца.»... И ту, распри бывше межи има, Ростиславу Клима не хотящу Митрополитомъ, а Мьстиславу Костянтина не хотящу, иже бяше священъ Патріархомъ и великимъ сборомъ Костянтинаграда; рѣчи продолжившися и пребывши крѣпцѣ межи ими, и тако отложиста оба, яко не сѣсти има на столѣ Митрополитьстѣмъ, и на томъ цѣловаста хрестъ, яко инаго Митрополита привести имъ изъ Царягорода.» [268] Всеволодъ, Владиміро-Ростовскій Князь, какъ извѣстно, тоже не принялъ къ себѣ духовнаго главы, посвященнаго въ Кіевѣ безъ его согласія, а избралъ для сего лицо, ему извѣстное, и заставилъ Митрополита, чрезъ Великаго Кіевскаго Князя, Святослава, согласиться на его избраніе и на уничтоженіе прежняго своего назначенія. [269] Еще

---

[268] Ипат. 85 и 86. На мѣсто Климента и Константина назначенъ былъ Ѳеодоръ. Очеркъ Исторіи Русской Церкви въ періодъ Дотатарскій, Макарія, стр. 14.

[269] Ипат. 127. Представившюся Леону, Ростовьскому Епископу, и поставленъ бысть Никола Гречинъ Епископомъ. Всеволодъ же Гюргевичь, Князь Суждальскій, не прія его, но посла Кіеву, ко Святославу ко Всеволодовичю и къ Митрополиту Никифору, рекъ: «Не избраша сего людье землѣ нащеѣ, но еже еси поставилъ, ино камо тобѣ годно, тамо же и держи, а мнѣ постави Луку, смиренаго духомъ

прежде того Андрей Боголюбскій смѣнилъ по своей волѣ двухъ Епископовъ: одного за то, что онъ не разрѣшилъ ему ѣсть по Средамъ и Пятницамъ отъ Свѣтлаго Праздника до Недѣли всѣхъ Святыхъ мяса, [270] а другого, который, слѣдуя примѣру Западнаго Духовенства, было рѣшился прекратить службу въ церквахъ Владимірскихъ, и отличался, сверхъ того, страшными злоупотребленіями, и не хотѣлъ просить отъ Митрополита посвященія на свое Епископство. [271]

Быть можетъ, въ настоящемъ случаѣ нѣкоторые готовы сдѣлать замѣчаніе, что мы слишкомъ идеализируемъ одну сторону нашей древней исторіи, а другую, обратно, изображаемъ уже слишкомъ мрачными красками; и они правы, но не въ сущности дѣла: цѣль наша опредѣлить границы, посреди которыхъ совершалась жизнь, показать порядокъ и отношеніе вещей; подробности же не входятъ въ планъ настоящаго описанія. За всѣмъ тѣмъ, для исторической вѣрности и точности, мы не можемъ не сказать еще нѣсколькихъ словъ, въ поясненіе дѣйствительнаго тогдашняго быта и отношенія разсматриваемыхъ нами различныхъ началъ.

Дружина раздѣлялась на старшую и младшую: и та и другая, сверхъ того, подраздѣлялась на Бояръ, отроковъ и собственно Боярскую челядь или Боярскихъ Дѣтей. Между старшими и младшими Боярами были точно такія же отношенія, какъ между старымъ и новымъ Дворянствомъ: послѣдніе, т. е., младшіе Бояре, выслуживались въ Боярство при томъ, или другомъ, Князѣ, были новые Бояре. Они, безъ сомнѣнія, повышались въ Боярское достоинство изъ отроковъ Княжескихъ, т. е., собственной Княжеской дружины. Отроки, въ свою очередь, также какъ Боярскіе Дѣти древней исторіи, отдѣлялись отъ народа, какъ храбрѣйшіе и отважнѣйшіе, и восполнялись даже иноплеменниками. [272] Дружина, по этому, представляла собою цѣлую лѣстницу чиновъ, которой лучшая, высшая, часть прислонялась къ Княжескому престолу, а низшая къ народу;

и кроткого Игумена Св. Спаса на Берестовѣмъ:» Митрополитъ же Микифоръ не хотяше поставити его, по неволею великою Всеволода и Святославлею поставиша Луку Епископомъ въ Суждальскую землю.

[270] Ипат. 91.

[271] Тамъ же 102.

[272] Подробное изслѣдованіе по этому предмету сдѣлано мною въ одномъ изъ критическихъ сочиненій, приготовленномъ уже къ печати.

по этому не было, не могло быть рѣзкихъ граней между дружиною и народомъ въ самомъ нравственномъ развитіи, не говоря уже въ семъ случаѣ о нравственной глубокой связи между ею и народомъ, за который она проливала кровь свою, отстаивая его благо, отстаивая самобытность земли Русской. Кромѣ того, при видимомъ стремленіи, подъ вліяніемъ высокихъ Христіанскихъ мыслей, къ жизни просвѣтленной, къ жизни духа, къ стяжанію духовныхъ благъ, дружина, принимая на себя всѣ тягости жизни военной и гражданской, не могла сама не исполняться любовію и къ земнымъ благамъ, которыя отстаивались ею для народа: и это-то живое сочувствіе къ земнымъ благамъ придавало ей живую мощь, дѣятельность, силу, отважность, подобно какъ стремленіе завладѣть богатою землей Болгарской вдохновляло, по сказанію лѣтописца, и самаго Святослава. Отсюда естественнымъ образомъ должны были возникать отношенія несовершенно благопріятныя между дружиною и народомъ. Объ этихъ отношеніяхъ мы уже упомянули, говоря о различіи дружинъ мѣстныхъ и Княжескихъ; могли бы здѣсь привести изъ самаго же лѣтописца еще нѣсколько данныхъ, въ поясненіе подобнаго направленія въ дружинахъ; но сказанное направленіе такъ очевидно проявляется даже въ дальнѣйшей нашей исторіи, что мы считаемъ излишнимъ представлять здѣсь какія либо новыя доказательства, въ подтвержденіе существованія его. Въ древнее время, конечно, оно было еще сильнѣе и грубѣе. Каждый изъ дружинныхъ, жертвуя собою для общаго блага, не забывалъ при этомъ и себя, съ своей семьей, не опускалъ случаевъ, чтобъ повыситься, скопить богатства, воспользоваться жизнію. Ни какія утонченности не разслабляли, не успокоивали тогда, жизнь нашу; мы были полны мощи, силы, сознавали жизнь, хотя грубо, но во всей полнотѣ ея и, наслаждаясь ею, чувствовали всю благость Творца, и трепетно, съ своей семьей, повергались предъ нимъ ницъ, вдохновляемые вѣрой, полнымъ упованіемъ на новыя милости къ намъ Господа. Чувство любви каждаго къ себѣ, къ семьѣ, съ одной стороны, двигало всею тогдашнею общественною нашею жизнію, съ другой уединяя, въ слѣдствіе недостаточнаго развитія религіозныхъ истинъ, Государство до семьи, оно было сильно, но такъ не развито еще, что, говоря вообще, господствовало даже надъ выгодами Государственными и надъ самымъ даже чувствомъ религіознымъ.

Господство его надъ общественными выгодами очевидно уже

изъ нѣкоторыхъ явленій, нами выше сего переданныхъ. Уже распаденіе Россіи на удѣлы, всегда полувраждебные, а иногда открыто враждебные между собою, этѣ безконечныя войны между тѣми, или другими, удѣлами, войны, посреди которыхъ гибло благосостояніе частное и общественное, въ сущности опять не что иное, какъ торжество семейнаго чувства, достигшаго развитія начала областнаго. Но самое областное начало по удѣламъ развито было преимущественно только въ противодѣйствіе враговъ области, а въ жизни внутренней оно значительно теряло свою силу, возвращалось опять къ своему источнику, къ любви семейной.

Торжество общинно-семейнаго чувства надъ чувствомъ религіознымъ оставило по себѣ также рѣзкіе слѣды въ древней нашей исторіи.

При дѣятельности общественной, можно сказать, безпрерывно тревожной, возвращаясь изъ нея къ домашнему очагу, гдѣ каждый былъ полный владыка, окруженный людьми, которые его чтили, которымъ онъ самъ довѣрялся болѣе, нежели кому ни будь, человѣкъ, полный мощи и силъ, блаженствовалъ, и, въ сознаніи этого блаженства, чувствовалъ надъ собой, надъ этимъ небольшимъ его домашнимъ кругомъ, руку Всевышняго, которая возсозидала для него этотъ кругъ, поддерживала его, иногда возвеличивала, чувствовалъ любовь къ нему его Творца, и, посреди семейнаго домашняго очага воздвигался алтарь, храмъ Богу живому, дабы семья постоянно была съ Богомъ своимъ, чтобъ постоянно было съ семьей благословеніе Божіе во всей ея жизни, во всѣхъ ея начинаніяхъ: эти храмы были храмы домашніе, семейные. Слѣды существованія ихъ замѣтны по всему Дотатарскому періоду удѣловъ. Мы знаемъ также, что Владиміръ Великій, въ Св. крещеніи Василій, движимый, съ одной стороны, чувствомъ религіознымъ, съ другой чувствомъ благодарности за спасеніе свое отъ Печенѣговъ, угрожавшихъ ему плѣномъ, или гибелью, основалъ, во имя своего святаго покровителя, храмъ въ Кіевѣ, [273] а въ Василевѣ церковь Преображенія; [274] Ярославъ Великій, названный во Св. крещеніи Георгіемъ, устроилъ также два храма, одинъ во имя своего святаго покровителя, другой

[273] Лаврент. 53.

[274] Тамъ же 54.

во имя своей жены; [275] храмъ, въ которомъ былъ погребенъ Святополкъ Михаилъ, былъ также храмъ, основанный имъ во имя своего святаго покровителя: [276] Что же такое въ дѣйствительности были и эти храмы, какъ не храмы, воздвигнутые тѣмъ же семейно-религіознымъ чувствомъ, которое сознавало милости, любовь Творца только надъ тѣмъ, или другимъ, лицомъ, надъ той, или другой, семьей, и чрезъ того, или другого, Святаго, который считался покровителемъ лица? Къ числу же этихъ храмовъ, воздвигавшихся семейно-религіознымъ чувствомъ, принадлежатъ храмы, кои основались по случаю рожденія дѣтей, гдѣ принимались бренные останки Княжескихъ семей и возносилось, безъ сомнѣнія, объ нихъ постоянное поминовеніе, гдѣ усопшіе продолжали такимъ образомъ свое земное существованіе въ молитвахъ потомства и духовно соединялись съ своими семьями. Развившись въ чувство семейно-общинное, оно опять воздвигало повсюду въ періодъ удѣловъ храмы общинные, въ которыхъ какъ бы пребывало Божество, зиждущее и хранящее благо той, или другой, страны. По этому каждый изъ срединныхъ городовъ области имѣлъ свой особый храмъ, и этотъ храмъ былъ храмомъ цѣлой области, но не храмомъ другихъ общинъ. Божество чрезъ него благословляло только извѣстную страну. Не совершенно исключалась изъ сего и область Кіевская: она имѣла также свой областной храмъ, духовный покровъ котораго осѣнялъ только область Кіевскую, хотя болѣе, или менѣе, въ покровъ его вѣровали и другія части Руси, и передали эту вѣру даже и потомкамъ своимъ, ту вѣру, которая двигаетъ въ настоящее времъ со всѣхъ концевъ Россіи богомольцевъ на поклоненіе святынямъ Кіева. [277] Новгородъ, по сказанію лѣтописца, былъ градомъ Св. Софіи, во имя которой устроенъ былъ главный Новгородскій храмъ: «Умремъ за Святую Софію!» не разъ восклицали Новгородцы. «Нѣтъ двухъ

---

[275] Тамъ же. 65, и Описаніе Кіева, Фундуклея.

[276] Ипат. 4.

[277] Этотъ образъ пониманія высказывается, на примѣръ, довольно ясно подъ 1172 годомъ, при описаніи преслѣдованія Половцевъ, уходившихъ съ полономъ изъ земель Кіевскихъ. Сраженіе было жестокое, и Половцы, не смотря на несравненно значительнѣйшія силы, были разбиты: «И бысть помощь креста честнаго и Святѣи Матери Божіи Богородицы великоѣ Десятиньнѣй, ея же бяхуть волости заяли, да аще Богъ не дасть въ обиду человѣка проста, егда начнуть его обидити, аже онъ своеѣ Матери дому.» Ипатьев. 104.

Новгородовъ въ нашей общинѣ, и ихъ быть не можетъ,» говорили они, по тому что въ земляхъ Новгородскихъ одинъ только храмъ Св. Софіи. [278] Гдѣ опять благословлены были Владимірцы на подвигъ трудный и великій, когда они напрягли всѣ усилія, чтобъ дать блестящее осуществленіе идеи Князя на Сѣверѣ? Кто былъ тогда покровъ ихъ?—Святая Дѣва, во имя которой основанъ былъ главный храмъ земли Володимірской. И благословеніе Спасителя, именемъ котораго знаменовался главный храмъ области Черниговской, сопутствовало дружины Черниговскія всюду, и во имя Спасителя совершалась жизнь сей области. [279] Каждая городская община имѣла опять свой частный храмъ, чрезъ который вторично благословлялась эта часть цѣлой области. Тщетны были, по этому, всѣ усилія Андрея Боголюбскаго огромными полчищами своими стѣснить, задавить, Мстислава Ростиславича въ Вышгородѣ: полная, самая живая, надежда на заступничество Св. мучениковъ, Бориса и Глѣба, коихъ мощи хранились въ этой небольшой крѣпостцѣ, одушевляли воиновъ Мстислава: они бились безпримѣрно мужественно, отбивали приступы, дѣлали вылазки, и наконецъ, при

---

[278] Да не будетъ Новый Тьргъ (Торжокъ) Новгородомъ, ни Новгородъ Тьржкомъ, нь кьдѣ Святая Софія, ту Новгородъ!» Новогор. 1, стр. 33. Въ 1215 году Новгородцы чрезъ пословъ приглашая Ярослава въ Новгородъ на княженіе, говорили ему: «Поиди въ свою отцину, къ Святѣи Софіи!» Тамъ же. Мысль эта высказывается во многихъ мѣстахъ лѣтописи, или, лучше сказать, во всей исторіи Новгорода.

[279] Подъ 1176 годомъ лѣтописецъ, увлеченный самъ духомъ областнымъ, высказалъ его вполнѣ при описаніи побѣды, одержанной Михаиломъ Георгіевичемъ надъ Ростиславичами. Нужно замѣтить, что дружины двухъ различныхъ областей поддерживали Михаила противъ Ростиславичей, то есть, Черниговская, съ которою они пришли съ Юга, и Володимірская, которая соединилась уже съ ними на Сѣверѣ, и, побѣда, одержанная ими, совершилась, по сказанію лѣтописца, подъ благословеніемъ Спасителя и Божіей Матери, такъ какъ главные храмы двухъ областей сихъ были основаны, одинъ во имя Спаса, а другой во имя Пресвятой Дѣвы. Что именно такъ понималъ лѣтописецъ, это ясно видно изъ того, что, въ дальнѣйшемъ разсказѣ событія о борьбѣ между Михаиломъ и братомъ его, Всеволодомъ, послѣ того, какъ дружины Черниговскія удалялись въ родную страну, онъ вездѣ говоритъ, что Владимірцамъ и Князьямъ ихъ помогала Матерь Божія, предъ престоломъ которой падала ницъ земля Володимірская. Ипат. 118: «а правда бяшеть и Святый Спасъ съ Михалкомъ. Мьстиславичи же (Ростиславичи) не доѣхавша, повергоша стягъ и побѣгоша, гонимы гнѣвомъ Божіимь и Святѣй Богородици.»

приближеніи Ярослава Луцкаго, который несъ имъ и гибель и помощь, вдругъ разсыпалась болѣе, нежели пятидесятичная армія Князя Сѣвернаго и побѣжала во всѣ стороны, гонимая гнѣвомъ Божіимъ. [280] Еще прежде того теплыя молитвы во храмѣ Св. Богородицы спасли Звенигородъ отъ полчищъ Всеволода Ольговича, и заставили ихъ возвратиться въ земли свои безъ всякаго успѣха. [281] Такъ всѣ дружины, которыя составляли въ древнее время главное начало почти безъ исключенія всѣхъ городовъ нашихъ, находились подъ покровомъ Божіимъ, чрезъ общій покровъ Спасителя, Божіей Матери, или Святыхъ, во имя которыхъ основанъ былъ главный областной храмъ, и чрезъ покровъ частный, которымъ осѣнялась та, или другая, часть ихъ въ главныхъ храмахъ городовъ младшихъ или пригородовъ. По этому-то вражда частная и вражда областная разражалась иногда расхищеніемъ святыни и даже истребленіемъ храмовъ враждебныхъ лицъ, или областей. Дѣдъ Всеслава Полоцкаго, при взятіи Новгорода, не пощадилъ святынь Софійскаго храма. Въ 1146 году Изяславъ Кіевскій отдалъ на расхищеніе не только все движимое имущество Святослава, захваченное имъ въ Путивлѣ, но не пощадилъ въ семъ случаѣ и семейнаго храма своего врага: «И ту дворъ Святославль раздѣли на 4 части..... и церковь Святого Вознесенія всю обдуниша, сосуды серебреныя и индитьбѣ, и платы служебныя, а все шито золотомъ, и кадѣльничѣ двѣ, и кацьѣ, и Евангеліе кованно, и книги, и колоколы; и не оставиша ни что же Княжа (т. е., принадлежащаго самому Князю), но все раздѣлиша. [282] Точно также Изяславъ поступилъ въ 1152 г. съ семейнымъ храмомъ Георгія. [283] Первый ударъ Ростовцевъ, въ чувствѣ негодованія ихъ на Влади-

---

[280] Ипат. 110. Видивъ же Мьстиславъ стрѣльци свои смятьшеся....: и рече дружинѣ своей: «Братье! Узрѣвше на Божію милость и на Святую мученику, Бориса и Глѣба, помочь..... И возмятошася полци ихъ, и, не дождавше свѣта, и въ смятеньи велицѣ побѣгоша черезъ Днѣпръ, и много отъ вой ихъ потоне. И то видивъ Мьстиславъ, и похвали всемилостиваго Бога и Святою Бориса и Глѣба помочь, не видимо гоняще ѣ.

[281] Тамъ же 22. Богъ же и Святая Богородица избави городъ отъ лютыя рати: и възваша куріи епископъ, съ радостію великою хваляще Бога и Пречистую его Матерь.

[282] Ипат. 27.

[283] Тамъ же 66.

мірцевъ, устремленъ былъ также на главный областный Владимірскій храмъ, которымъ, какъ бы сказать, возвеличилъ Андрей Боголюбскій свою новую столицу и который былъ краеугольнымъ камнемъ для самихъ Володимерцевъ въ дальнѣйшей борьбѣ ихъ противъ Ростовцевъ: въ 1171 году съ Глѣбомъ Рязанскимъ, подъ руководствомъ Ростовскихъ Бояръ, Ростиславичи, можно сказать, ограбили храмъ Володимерскій, въ первые же дни своего княженія. [284] Чувство областной вражды не пощадило и чудныхъ храмовъ Кіева: они были расхищены, а многіе и совершенно уничтожены: «Взятъ же бысть Кіевъ мѣсяца Марта въ 8, въ второѣ недѣли поста, въ Середу, и грабиша за два дни (въ продолженіи двухъ дней) весь градъ, Подолье и Гору, и манастыри, и Софью (Софійскій храмъ), и Десятиньную Богородицю, и не бысть помилованія ни кому же, ни откуду же: церквамъ горящимъ, крестьяномъ убиваемымъ, другымъ вяжемымъ, жены ведоми быша въ плѣнъ, разлучаемы нужею отъ мужій своихъ, младенци рыдаху, зрящe матерій своихъ; и взяша имѣнья множьство, и церкви обнажиша иконами, и книгами, и ризами, и колоколы изнесоша всѣ, Смолняне и Суждальци, и Черниговци, и Олгова дружина, и вся святыня взята бысть; зажьженъ бысть и манастырь Печерьскый Святыя Богородица отъ поганыхъ, но Богъ, молитвами Святыя Богородица, съблюде и отъ таковыя нужа, и бысть въ Кіевѣ на всихъ человѣцѣхъ стенаніе и туга, и скорбь неутѣшимая, и слезы непрестаньныя.» [285]

Такъ то же чувство семейное, которое возсоздало изъ себя дивный образъ Князя-отца, которое возсоздало дружины, поддержпвало, оживляло, ихъ, которое воздвигало храмы, влекло насъ на защиту престола и Вѣры, то же чувство, при своемъ неправильномъ направленіи, при неосвѣщеніи истинами Евангельскаго ученія, порождало страшное зло и превращало жизнь въ хлосъ. Эта

---

[284] Кенигсб. 258 и 262. Въ первые дни ключи палаты церковныя отъяста, и городы ея и дани, что бяше даль церкви той блаженный Андрей Князь..... Иде Михалко съ братомъ Всеволодомъ на Глѣба къ Рязани; бывшимъ же имъ на Москвѣ, усрѣтоша его послы Глѣбовы, рекуще: «Глѣбъ ся кланяеть, река: Язъ во всемъ виновать, а нынѣ ворочу все, что есть поймалъ отъ Св. Богородицѣ Володимерскія у шурина своего, у Мстислава, и Ярополка (Ростиславичей) до золотника и до книгъ.»

[285] Ипат. 100.

любовь къ себѣ, къ своему, болѣе, или менѣе, отдѣляло насъ тогда въ гражданскія общины, въ общины частныя и наконецъ даже въ отдѣльныя семьи, такъ что въ выгодахъ общинныхъ и семейныхъ, личныхъ, забывались опять выгоды частныя той же общины, выгоды Государственныя, дѣлалось игралищемъ семейное и религіозное чувство другихъ общинъ, благосостояніе частное и общественное сихъ послѣднихъ. Дружины забывали свое истинное назначеніе, и ихъ личныя выгоды брали иногда верхъ надъ всѣмъ. Мы видѣли, какъ вельможа Галицкій, Судиславъ, для поддержанія собственнаго своего значенія, жертвовалъ благосостояніемъ Галицкой земли, господствуя надъ нею вмѣстѣ съ Уграми; такъ и трое изъ дружины Владиміро-Волынской вызвали Давыда Игоревича на дѣло преступное, и породили этимъ рядъ раздоровъ и кровопролитіе въ землѣ Русской. Изъ Завѣщанія Мономаха видно также, что Мстиславъ, сынъ его, былъ подущенъ нѣкоторыми изъ своей дружины къ войнѣ противъ Олега, войнѣ, которая кончилась гибелью его. Двое изъ дружины Мстислава Изяславича, недовольные тѣмъ, что Мстиславъ удалилъ ихъ отъ себя, кознодѣйствуютъ противъ него и возбужаютъ полное недовѣріе къ нему въ другихъ Князьяхъ. [286] Не семейное ли же чувство, чувство любви къ самимъ себѣ, заставило Кіевлянъ подчиниться, въ лицѣ Георгія, началу Ростовскому и Суздальскому въ то время, когда они сами же всей душой желали видѣть на преслолѣ Кіевскомъ Изяслава Мстиславича? Оно же опять, развившись въ чувство областное, въ любовь къ большей, или меньшей, областной самобытности, поругалось даже надъ чувствомъ семейнымъ, ссоря дѣтей съ родителями. Оно же, какъ мы вполнѣ убѣждены, вызвало одного изъ Рязанскихъ Князей на дѣло, которое могла породить только душа дико преступная, на убіеніе двоюродныхъ своихъ братьевъ, и не открыто, но самымъ коварнымъ образомъ. Безъ совѣщанія съ своей дружиной, или безъ особеннаго ея вліянія, Князь не рѣшился бы никогда на подобное дѣло: это выходило уже изъ всѣхъ предѣловъ условій даже тогдашняго быта. Въ правителяхъ, судіяхъ и вообще въ начальникахъ оно порождало неправосудіе, безмѣрное лихоимство, противъ которыхъ, между прочимъ, такъ отечески

---

[286] Ипатьев. 99.

возстаетъ одинъ изъ проповѣдниковъ даже второй половинѣ XIII столѣтія. [287]

Послѣ всего этого, замѣтимъ снова здѣсь, можно себѣ представить, въ сколь непросвѣщенномъ, полудикомъ, состояніи находилась сама толщь народная. Иначе и быть не могло. Тѣ, которые не въ состояніи были оторваться, для блага общаго, отъ своего домашняго круга, тѣ не могли вдохновляться великими дѣлами, которыя совершались дружинами, подъ руководствомъ Князей: они обращены были всею своей дѣятельностію на благосостояніе небольшаго своего круга, и для этого круга, чуждые почти совершенно жизни общей, они всегда готовы были, сознательно и безсознательно, приносить на жертву благо областное, Государственное. Еще въ царствованіе Петра Великаго, по свидѣтельству одного иностранца, до чрезвычайности подробнаго и вѣрнаго въ своихъ описаніяхъ, нашъ низшій слой былъ въ такомъ невѣжествѣ, что царство Небесное считалъ для себя недоступнымъ за свои дѣла, а только доступнымъ для высшаго слоя. [288] Еще и теперь отличный семьянинъ между простымъ народомъ, по неразвитію общественнаго чувства, чувства любви къ правдѣ, къ порядку, къ благосостоянію своихъ согражданъ, является въ дѣятельности общественной единственно съ своими личными, или семейными, выгодами, и по этому на каждомъ шагу готовъ нарушить общественный порядокъ, готовъ безпощадно тѣснить своихъ собратій, [289] удерживаясь лишь отъ того наблюденіемъ за нимъ слоя высшаго, или Правительства. Не недоставало у насъ силъ для того, чтобъ сокрушить полчища Монгольскія, при самомъ явленіи ихъ: матеріяльныя силы наши были страшны; но простой народъ не выступалъ тогда почти совершенно на сцену дѣйствій и, подобно стаду овецъ, бѣжалъ во всѣ стороны предъ страшнымъ врагомъ, сокрушавшимъ храбрыя дружины наши, разъединенныя также, въ свою очередь, чувствомъ областнымъ. Любовь къ семьѣ была въ простомъ

---

[287] Серапіонъ. Епископъ Владимірскій. См. Прибавленія къ Твореніямъ Св. Отцовъ. Москва, 1843 года.

[288] Mémoires pour servir à l'histoire russien sous le règne de Pierre le Grand. Par un ministre étranger, resident en cette Cour. A la Hage. MDCCXXV.

[289] Я имѣлъ случай говорить съ мужиками разныхъ Губерній и Уѣздовъ, собирающихся въ Петербургъ на заработки, и ихъ разсказъ о своемъ деревенскомъ начальствѣ вполнѣ подтверждаетъ высказанную здѣсь мысль.

народѣ безъ всякаго просвѣтлѣнія, и брала рѣшительный верхъ надъ всѣми высокими народными думами, которыя олицетворялись въ Князьяхъ и дружинахъ: каждый изъ этой среды только хлопоталъ о себѣ и о своей семьѣ. Даже въ среднемъ слоѣ, ознаменовавшемъ себя не разъ высоко образованнымъ чувствомъ любви къ благосостоянію родины, это чувство пробуждалось преимущественно въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, и при томъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ духовенства и дворянства; по миновании же этихъ обстоятельствъ человѣкъ возвращался снова къ своимъ собственнымъ выгодамъ, всегда готовый, однако жь, на дѣла богоугодныя. По этому-то, не смотря на необразованность, на злоупотребленія, которыми печатлѣется общественная дѣятельность и самихъ Княжескихъ дружинъ съ Боярами, не смотря на недостаточное развитіе въ нихъ чувства религіознаго и любви къ благосостоянію народному, этѣ дружины были всегда лучшею опорою престола, Вѣры и отечества.

Къ нашествію Татаръ идея Князя успѣла осуществиться въ жизни каждой области, каждой системы, однако жь совершенно неравномѣрно. Самое высшее проявленіе ея было въ двухъ областяхъ, Кіевской и Сѣверо-Владимірской, опередившихъ, въ своемъ развитіи, всѣ остальныя, а по тому господствовавшихъ надъ ними; самое низшее—въ Новгородѣ и Галичѣ, такъ что исторія сихъ послѣднихъ въ настоящемъ случаѣ служитъ только какъ бы дополненіемъ, хотя дополненіемъ иногда весьма важнымъ, къ исторіи двухъ первыхъ.

Въ Новгородѣ, по своеобразному ходу событій, идея Князя первоначально возродилась во второмъ гражданскомъ началѣ, которое запечатлѣло себя во всей древней исторіи, какъ и въ исторіи Западныхъ Государствъ, кичливостію и шаткостію, и которое, по этому самому, не могло служить само собою какимъ либо прочнымъ основаніемъ къ развитію занимающей насъ идеи. Въ княженіе Ярослава и Александра Невскаго Боярство Новгородское открывалось торжественно для воспріятія и осуществленія идеи Князя; но второе начало сильно ревновало Князей къ своему Боярству, и успѣвало снова склонить ихъ на свою сторону, или найти покровителей себѣ въ другихъ Князьяхъ. [290] При этомъ Яро-

[290] Мысль эта подробно развита мною въ особой статьѣ о «Новгородѣ въ самомъ себѣ.»

славъ, замѣтивъ эту кичливость втораго начала, и слившись съ первымъ, самъ же узаконилъ своею грамотою старшинство Бояръ въ землѣ Новгородской, и тѣмъ отказался, за себя и за свое потомство, отъ живаго посредничества во взаимной тяжбѣ двухъ началъ, желая только извлечь всѣ нужныя средства для приведенія въ исполненіе видовъ и правъ своихъ на Кіевъ. Этотъ полный раздоръ между двумя началами, эта кичливость втораго изъ нихъ и утвержденіе Бояръ въ старинныхъ правахъ Ярославомъ, поставили Новгородскую область въ вѣчно тревожное положеніе, гдѣ нельзя было ожидать ни какого мира, согласія,—перваго необходимѣйшаго условія къ осуществленію идеи Князя. Бояре не хотѣли уже уступать, возвращенныхъ имъ Ярославомъ, правъ; второе начало, въ свою очередь, хотѣло освободиться отъ вліянія Боярскаго, стремилось найти себѣ защиту, покровъ, отъ этого вліянія, по прежнему, въ Князьяхъ, и, по прежнему, оставаясь кичливымъ, не могло дать въ средѣ собственной основаній къ развитію идеи Князя. Въ Галичѣ, до восшествія на престолъ Даніила Романовича, мы видимъ, напротивъ, что идея Князя воспринимается и поддерживается Боярствомъ, поддерживается мощно, ревнуя Князей къ другому началу и стремясь скрыть подъ ихъ покровомъ выгоды свои собственныя; при Даніилѣ же второе начало дѣлаетъ огромный шагъ, и, не разрушая отношеній своихъ къ Боярству, является совершенно готовымъ уже само воспринять идею Князя, для того, чтобъ скрыться подъ оною, съ своими собственными выгодами, только лишь отъ злоупотребленія Боярскаго, и поддерживаетъ Даніила всѣми средствами.[291] Посреди этихъ двухъ противоположныхъ въ началѣ основаній, изъ которыхъ развивалась идея Князя въ Новгородѣ и въ Галичѣ, раскрываются предъ нами двѣ помянутыя области, готовыя дать полныя основанія къ развитію идеи Князя, хотя, пока болѣе, или менѣе, подъ вліяніемъ собственно областныхъ выгодъ. Въ Кіевской области нѣтъ этого напряженія между двумя началами, а, напротивъ, Боярство, развиваясь въ своемъ великомъ назначеніи, стремится быть покровомъ всей области, и, проникнутое этимъ благороднымъ направленіемъ, ищетъ этого покрова жизни, находитъ его въ неземномъ могуществѣ, и стремится видѣть хотя отблескъ этого покрова

[291] См. выше.

на землѣ, стремится къ утвержденію и развитію идеи Князя. Оно предано своимъ Князьямъ всей душой. Второе начало, не вполнѣ довѣряя Боярству, кичливое здѣсь, какъ и вездѣ, и еще подъ вліяніемъ безпрерывныхъ ударовъ извнѣ, желаетъ также этой неограниченности въ Князѣ, дабы, съ одной стороны, укрыться подъ его покровомъ отъ Боярскихъ злоупотребленій, мнимыхъ, или дѣйствительныхъ, съ другой отъ ударовъ извнѣ, отъ вліянія началъ совершенно чуждыхъ. Мощь, съ которою это начало поддерживало права Изяслава, въ борьбѣ его за Кіевскій престолъ, и которая проявлялась при защитѣ другихъ родовыхъ Князей, доказываетъ живое сочувствіе его къ власти Князя, хотя, какъ мы сказали, и какъ намъ это кажется, болѣе подъ вліяніемъ не тѣхъ высокихъ побужденій, коими проникнуто было Боярство, а подъ вліяніемъ собственныхъ личныхъ выгодъ. [292] Остальной народъ увлекался въ Кіевской области безмолвно за своими высшими началами, [293] и, конечно, преимущественно за Боярскимъ, которое, до осуществленія идеи Князя, сосредоточивало въ себѣ Кіевскую область. Князь такимъ образомъ является здѣсь покровомъ не неизвѣстнаго какого ни будь начала, а всѣхъ безъ исключенія началъ: всѣ они вмѣстѣ поддерживаютъ его, стремятся сами же дать ему возможность стать внѣ вліянія какихъ либо личныхъ отношеній и сосредоточиться на общемъ благѣ. Подобное же стремленіе мы замѣтили уже во Владимірской области, соткавшей себѣ первоначально новый подобный Боярскій покровъ, къ которому присоединилась, сверхъ того, часть стараго Боярскаго, и потомъ добро воспрянувшей къ осуществленію идеи Князя, къ осуществленію полнаго самодержавнаго покрова, хотя, однако жь, они сдѣлали это все таки подъ особеннымъ вліяніемъ областныхъ

---

[292] Не разъ прямо высказывалась эта заботливость дружины Кіевской о благѣ страны; въ 1111 году, на прим., она представляла Святополку о неблагопріятномъ вліяніи на земледѣльцевъ, если задуманный имъ походъ противъ Половцевъ будетъ предпринятъ весною, по тому что для похода нужно будетъ взять у земледѣльцевъ лошадей, и такимъ образомъ поля сихъ послѣднихъ останутся не запаханными; но вся исторія дружинъ Кіевскихъ, которыя выносили самыя тяжелыя войны при защитѣ Князей и области, служатъ безмолвнымъ доказательствомъ великости думы религіозно-семейной, которая одушевляла эту дружину.

[293] См. выше.

выгодъ. И здѣсь, какъ и въ Кіевской области, оба начала слились въ стремленіи своемъ: и здѣсь еще болѣе гармонически, нежели въ Кіевѣ, отдавались со всѣми своими выгодами, со всѣми выгодами области, на волю Князя, готовыя положить за него свою голову, отстаивая независимую, неограниченную, волю его и свои областныя выгоды. И тамъ и здѣсь идея Князя исходитъ изъ глубины всей жизни народной, соприкасается ко всѣмъ выгодамъ страны, объемлетъ, живитъ, сохраняетъ ихъ, миритъ ихъ между собою и устремляетъ на общее благо. Весь народъ, со всѣми своими 4 началами, является такимъ образомъ, съ одной стороны, неразрывно скованнымъ любовію съ живымъ образомъ этой высокой думы своей, раскинутъ живый покровъ надъ жизнію, съ другой вѣрною стражею Князя и исполнителемъ воли его. По самой думѣ народной Князь и въ той и въ другой области—отецъ народный, верховный, независимый, защитникъ, правитель и судія народа. Высокій первообразъ этой высокой думы народной мы видѣли уже во Владимірѣ Мономахѣ, любимцѣ народномъ. Душа Князя, какъ душа отца, открыта народу; душа народа открыта своему Князю: Князь совѣщается со всѣми своими подданными, выслушиваетъ мнѣніе ихъ, но рѣшаетъ одинъ, хотя самымъ естественнымъ образомъ рѣшеніе его могло или увлекать за собою всѣ выгоды народныя, или не находить въ этѣхъ выгодахъ ни какого сочувствія себѣ. Примѣры такихъ совѣщаній разсыпаны по всему Дотатарскому періоду. Мы знаемъ, что, по совѣту, по желанію, собственной дружины, Игорь предпринималъ походъ противъ Древлянъ. Святославъ до такой степени любилъ и уважалъ свою дружину, что, не смотря на всѣ убѣжденія своей матери, не смотря на свою любовь къ ней, отказался принять Христіянскую Вѣру, подъ предлогомъ, что дружина его имѣетъ другой законъ: «Како азъ хочю инъ законъ пріяти единъ, а дружина сему смѣятися начнетъ?» [294] Владиміръ, уже готовый самъ оставить Вѣру отцовъ своихъ, сзываетъ для этого на совѣтъ старѣйшинъ земли: «Созва Володимеръ Бояры своя и старьци градьскіѣ.... И рѣша Бояре и старьци: «Вѣси, Княже, яко своего никто же не хулитъ, но хвалитъ; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: пославъ, испытай когождо ихъ службу, и како кто служитъ Богу.» И бысть люба рѣчь Князю и всѣмъ людемъ. [295] Когда Владиміръ принялъ Христіянскую Вѣру, съ нимъ

[295] Лаврент. 46.

вмѣстѣ приняли ее и Бояре; слѣдовательно, и здѣсь опять полное согласіе между думой Князя и душою его дружины. [296] Подъ 986 годомъ лѣтописецъ говоритъ опять намъ, что Владиміръ совѣтовался съ своею дружиною на счетъ дѣлъ, касающихся какъ до управленія страны, такъ и до войны: «Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строѣ земленѣмъ, и о ратѣхъ, о уставѣ земленѣмъ.» Въ 1095 году Святополкъ Михаилъ и Владиміръ Мономахъ вызвали Олега въ Кіевъ, дабы въ общемъ совѣтѣ предъ Епископы и Игумены, и предъ мужи отецъ своихъ, и предъ людьми градскими, покончить дѣла относительно удѣловъ и опредѣлить способы оборонить Русскую землю отъ поганыхъ. [297] Въ 1100 году, на общемъ торжественномъ сеймѣ, каждый изъ Князей совѣтуется съ дружиной своей относительно судьбы Давыда Игоревича: «И пріиде къ нимъ Игоревичь Давыдъ, и рече къ нимъ: «На что есте привабили? О се есмь! Кому до мене обида?» И отвѣща ему Володимеръ: «Ты еси прислалъ къ намъ: «Хочю, братья, прити къ вамъ и пожаловатися своея обиды.» Да се еси пришелъ и сѣдишь съ братьею своею на одиномъ коврѣ: то чему не жалуешься, до кого ти насъ жалоба?» И не отвѣща Давыдъ ничто же. И сташа вси братья на конихъ, и Святополкъ съ своею дружиною, а Давыдъ и Олегъ съ своею, разно, кромѣ себе, а Давыдъ Игоревичь сѣдяше кромѣ, и не припустяху его къ собѣ, но особь думаху о Давыдѣ. [299] Въ 1103, или въ 1111, году, Святополкъ и Владиміръ на общемъ съѣздѣ совѣтуются также съ своими дружинами на счетъ наступательнаго похода противъ Половцевъ. [300] Можно бы было привести еще множество указаній на совѣщанія Князей съ дружинами, съ старѣйшими въ землѣ, но планъ статьи не позволяетъ намъ этого сдѣлать. Воля Князя, при этихъ совѣщаніяхъ, была, какъ мы сказали, свободна въ выборѣ, какъ воля отца. По

---

[296] Тамъ же 47: Се же видѣвше дружина его, мнози крестишася. Тамъ же 50. Се слышавше людье, съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: «Аще бы се не добро было (Христіанская Вѣра), не бы сего Князь и Боляре пріяли.»

[297] Лаврент. 54.

[298] Лаврент. 98. Да порядъ положатъ о Рустѣй земли предъ Епископы и предъ Игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людми градьскыми, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ.

[299] Тамъ же 116.

[300] Тамъ же 118 и Ипатьев. 1.

одному его мановенію дружина двигалась за, или на того, или другого, изъ его союзниковъ, или враговъ, обнажала мечь, или влагала его въ ножны, его волею совершенно ограничивалась ея воля, какъ этого необходимо требовала самая дума народная о Княжеской власти. По этому-то каждый Князь находитъ всегда живую силу для поддержанія борьбы за родовыя свои права, борьбы, которая обыкновенно влекла за собою разстройство въ частномъ и общемъ благосостояніи. По этому-то мы видимъ, что всѣ злоупотребленія Княжеской дружины относятся къ слабости самаго Князя и пробуждаютъ живѣе въ самомъ народѣ идею о Княжеской власти. Но вотъ нѣсколько примѣровъ, служащихъ болѣе рѣзкимъ объясненіемъ нашей мысли. Мстиславъ Изяславичъ, соединившій силы свои съ Ростиславомъ Кіевскимъ противъ Изяслава Давидовыча, и готовый уже вступить въ битву съ симъ послѣднимъ, вдругъ, въ слѣдствіе полученныхъ имъ извѣстій о дѣйствіяхъ въ отношеніи его самаго Ростислава, повернулъ своего коня, ускакалъ съ поля битвы, и его рѣшеніе было рѣшеніемъ для его дружины, которая понеслась въ слѣдъ за нимъ. [301] Въ 1149 году Святославъ Всеволодовичь, который, какъ младшій, зависимый Князь, входилъ также въ составъ дружинъ дяди своего, Святослава Ольговича, дѣйствовалъ съ собственной своей дружиной, согласно воли сего послѣдняго и вопреки собственнаго своего желанія, противъ Изяслава Мстиславича: «Святославъ же не хотяше отступить отъ уя своего, Изяслава, но неволею ѣха, стрыя своего дѣля, Святослава Ольговича.» [302] Въ томъ же году Кіевляне (горожане) совѣтовали Изяславу помириться съ Георгіемъ, страшились обнажить мечь противъ сына Мономахова, но Изяславъ рѣшилъ иначе, и Кіевляне, убѣжденные его представленіями, двинулись за нимъ: «и пойдоша Кіяне по Изяславѣ.» [303] Въ слѣдующемъ за тѣмъ году, тотъ же Изяславъ, выслушавъ мнѣніе дружины своей, существенную часть которой составляли Бояре Кіевскіе, о невозможности продолжать борьбу за Кіевскій престолъ, когда, съ одной стороны, готовы были ударить на него силы Князя

---

[301] Ипат. 16. Мстиславъ же то слышавъ, аже даетъ подъ нимъ Переяславль, рече: «Да не мнѣ будеть Переяславль, ни тебѣ Кіева!» И рекъ, повороти коня подъ собою Мьстиславъ, съ дружиною своею отъ стрыя своего.

[302] Ипатьев. 42.

[303] Тамъ же 43.

Галицкаго, а съ другой Георгія, рѣшилъ опять дѣло иначе, и дружина слѣдовала за нимъ безмолвно. Слова, сказанныя въ семъ случаѣ Изяславомъ дружинѣ, были проникнуты силою и мощью. «Изяславъ же рече дружинѣ своей: «Вы есте по мнѣ изъ Рускые земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизній лишився, а язъ паки своея дѣлины и отчины не могу перезрѣти, но любо голову свою сложю, паки ли отчину свою налѣзу и вашю всю жизнь: да же мя постигнеть Володимеръ съ сѣми, а съ тѣмъ судъ Божій вижю, а како Богъ розъсудить съ нимъ; паки ли мя усрящеть Гюрги, и съ тѣмъ судъ Божій вижю, како мя съ нимъ Богъ розсудить.» [304] Послѣдняя война Всеволода Ольговича противъ Ярополка, войны его родныхъ и двоюродныхъ братьевъ противъ него же, когда онъ сѣлъ на Кіевскій престолъ, союзныя войны Святослава Ольговича съ Георгіемъ противъ Изяслава Мстиславича, войны Изяслава Давыдовича за Кіевскій престолъ и другія, которыя, если не вполнѣ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшимъ образомъ, объясняются изъ личныхъ отношеній Князей между собою, изъ личныхъ ихъ выгодъ, поддерживались мѣстными дружинами, хотя личныя выгоды дружинъ и выгоды областныя не только не выигрывали отъ этйхъ войнъ, а, напротивъ, многое теряли. Общее стремленіе къ развитію мысли о Князѣ, въ особенности живое, мощное, стремленіе къ тому въ двухъ главныхъ средахъ Государства, уже одно это стремленіе къ подчиненію воли Княжеской, не только началъ средняго и низшаго, но даже Боярскаго докняжескаго, положительно опредѣляли отношенія Князей къ Боярамъ, къ дружинникамъ и ко вседу народу. Строгость, съ которою преслѣдовалась всякая открытая кичливость, если съ чьей стороны высказалась, противъ Княжеской власти, еще болѣе уясняетъ намъ эти отношенія. Даже въ системахъ, гдѣ идея о Князѣ высказалась не такъ живо, и въ этѣхъ системахъ, за исключеніемъ Новгородской, все совершалось единственно именемъ Князя.

Покорные предъ волей стоего Князя, подданные успѣвали иногда своими убѣжденіями, своими представленіями, произвести на него такое впечатлѣніе, что онъ отказывался отъ предпріятій, гибельныхъ для него и для области, имъ управляемой. Такъ въ 1135 году Черниговцы удержали Князя Всеволода отъ бѣгства

[304] Тамъ же 54.

къ Половцамъ и вызвали его на миръ съ Великимъ Княземъ Ярополкомъ, силы котораго двигались уже къ Чернигову. [305] Въ 1151 году дружина удержала Изяслава и Ростислава отъ битвы съ Георгіемъ, готовая всегда къ битвѣ за нихъ, и тѣмъ, быть можетъ, спасла ихъ отъ пораженія и дала возможность, въ слѣдъ же за тѣмъ, разбить на голову самого Георгія, на берегахъ Руты. [306]

Князь былъ дорогъ для народа и народъ для Князя. Отсюда истекала та чистосердечная откровенность съ одной стороны, и полная снисходительность и вниманіе съ другой. Въ началѣ борьбы съ Ростовцами, желая защитить себя отъ преслѣдованій Бояръ Ростовскихъ, подъ Княжескимъ покровомъ, Владимірцы рѣшились призвать на упраздненный престолъ свой Михаила Георгіевича. Это призваніе вооружило противъ нихъ всѣ силы земли Ростовской, а также силы Муромскія и Рязанскія, и сосредоточило ихъ вокругъ Владиміра. Владимірцы, какъ мы выше уже объяснили, семь недѣль отстаивали Михаила, лили за него свою кровь, но когда, наконецъ, обнаружившійся голодъ заставилъ ихъ пресѣчь борьбу, они явились предъ Михаиломъ съ словами: «Мирися, Князь, или спасайся!» и Михаилъ отвѣчалъ имъ: «Прави есте, да не погибните мене дѣля,» и бѣжалъ, съ тѣмъ, чтобъ въ слѣдующемъ же году, при пламенномъ желаніи Владимірцевъ, видѣть его на своемъ престолѣ, при мощномъ содѣйствіи ихъ къ тому, завладѣть окончательно этимъ престоломъ. Въ подобныхъ же обстоятельствахъ, и точно такимъ же образомъ, высказались отношенія Князя къ народу, и народа къ Князю, при Изяславѣ Мстиславичѣ. Мы видѣли уже всю любовь Кіевлянъ къ этому Князю; всю мощь, съ которой они вооруженною рукой отстаивали права его; но когда, потерпѣвъ пораженіе подъ Переяславомъ, Изяславъ явился, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, посреди Кіевлянъ, и, увѣдомивъ ихъ о побѣдѣ, одержанной надъ нимъ дядею его, Георгіемъ, спросилъ ихъ, могутъ ли они биться еще противъ Георгія, Кіевляне высказали полную любовь свою къ нему и его брату, но молили ихъ не погубить ихъ до конца, прибавляя, что дружина ихъ или пала въ битвѣ, или въ плѣну, но что, когда вновь развернутся

---

[305] См. выше.

[306] Тамъ же.

знамена ихъ, то они всѣ радостно готовы стать подъ эти знамена и драться съ врагами ихъ.

Любовь даетъ Князьямъ полную снисходительность къ правительственному положенію своего народа. Лѣтописецъ представляетъ даже два примѣра, гдѣ дружины, объятыя ли страхомъ, или чувствомъ самосохраненія, оставляли своего Князя и предавались бѣгству. Въ такое положеніе два раза поставленъ былъ помянутый нами Изяславъ Мстиславичь. Въ 1150 году, съ малочисленною дружиною, онъ готовъ былъ дать битву Владиміру Галицкому на берегахъ Ольшаницы, но мѣстная дружина убѣждала его уклониться отъ оной и первоначально сосредоточить свои силы: «Княже! Сила его велика, а у тебе мало дружины, даже не перейдеть на ны черезъ рѣку, не погуби насъ, ни самъ не погини; но ты нашъ Князь; коли силенъ будеши, а мы съ тобою; а нынѣ не твое веремя, поѣди прочь!» Мощный отвѣтъ Изяславь: «Луче, братье, измеремъ сдѣ, нежели сесь соромъ възмемъ на ся!» не ободрилъ дружины, и она бѣжала, оставя Изяслава съ собственною его дружиною и Уграми. [307] Въ 1153 году, послѣ упорной битвы противъ сына Владиміра Галицкаго: «Изяславъ остася съ маломъ дружины на полчищи,» по тому что, какъ сказано въ лѣтописи, «братья его бѣжали» съ своими дружинами, увлекши, безъ сомнѣнія, за собой часть и мѣстной дружины, приведенной самимъ Изяславомъ. [308]

И могъ ли въ дѣйствительности Изяславъ строго судить мѣстную дружину въ этомъ и другомъ случаѣ? По настоящимъ понятіямъ да, но по понятіямъ того времени, ни мало! Войска въ современномъ значеніи этого слова тогда не было, и мѣстную дружину составляли мѣстные же жители, которые умѣли любить своего Князя, которые вооружались и готовы были биться за него, но которые сами были еще дѣти и желали найти покровъ себѣ, своей жизни, въ самомъ Князѣ. Оба эти примѣра вкратцѣ приведены нами уже выше изъ Исторіи Владимірскаго Княжества и въ сущности выражаютъ мысль: «Любимъ тебя, Князь, готовы положить за тебя свои головы, не теперь не наше время: изъ нашей гибели ты ни чего не выиграешь, а потеряешь только вѣрную тебѣ дружину, дружину, необходимую для покрова

[307] Ипат. 51.
[308] Тамъ же 74.

страны; да мы и увѣрены, что ты самъ не желаешь нашей гибели, но любишь насъ, и простишь намъ, если на этотъ разъ мы страшимся гибельныхъ слѣдствій отъ битвы и уклоняемся отъ нея.» Выше приведенный отвѣтъ Кіевлянъ Изяславу и Ростиславу почти буквально выражалъ эту самую мысль: и не ту ли же самую мысль выразила мѣстная дружина Изяславу при Ольшаницѣ? Но въ крайнемъ случаѣ дружина готова была сама пасть, чтобъ только выручить своего Князя изъ предстоящей ему опасности, какъ она, на примѣръ, выручила Володиміра Глѣбовича, Князя Переяславскаго. Въ 1185 году Половцы поднялись всѣми своими силами и, раздѣлившись на два отряда, однимъ изъ нихъ осадили внезапно Переяславль. Цѣлый день Переяславцы отбивались отъ нихъ съ своимъ Княземъ. Наконецъ Владиміръ Глѣбовичъ, отважный и пылкій, замыслилъ было отчаянное, сдѣлать вылазку и ударить на непріятеля, не смотря на то, что немногіе имѣли силу духа сопутствовать ему въ этомъ гибельномъ дѣлѣ. Закипѣла битва; горсть воиновъ исчезла посреди Половецкихъ полчищъ, окруженная ими со всѣхъ сторонъ и, вмѣстѣ съ своимъ Княземъ, должна была или пасть въ неравной битвѣ, или достаться въ плѣнъ. Тогда остальная Переяславская дружина, увидѣвъ въ такомъ страшномъ положеніи своего Князя, исполнилась мужества, немедленно же бросилась на помощь Князю, и вырвала его изъ рукъ Половецкихъ: «Володимеръ же Глѣбовичъ бяше Князь въ Переяславлѣ, бяше дерзъ и крѣпокъ на рати, выѣха изъ города и потче къ нимъ, и по немъ мало дерьзнувъ дружинѣ, и бися съ ними крѣпко, и объступиша мнозіи Половцѣ; тогда прочіи, видѣвше Князя своего крѣпко бьющеся, выринушася изъ города, и тако отъяша Князя своего, язвена суща тремя копьи.» [309] Къ сему разсказу лѣтописецъ прибавляетъ слѣдующее понятіе народное о Князѣ: «Сій же добрый Володимеръ язвенъ труденъ въѣха въ городъ свой и утре мужественнаго пота своего за отчину свою.» Припомнимъ также, что предъ отчаянной битвой съ Изяславомъ Кіевскимъ мѣстная дружина, страшась потерять своего Князя, просила, требовала, чтобъ Ярославъ не участвовалъ самъ въ этой битвѣ, а удалился и смотрѣлъ бы издали на нее, гдѣ она вся готова была положить за него свою

[309] Ипат. 132.

голову, и дѣйствительно дралась съ безпремѣрнымъ мужествомъ. [310] Но къ чему всѣ эти объясненія, къ чему эти примѣры готовности дружинъ пасть за своего Князя, когда вся исторія перваго періода удѣловъ служитъ тому полнымъ доказательствомъ? Не мѣстныя ли дружины, какъ мы уже видѣли, приняли на себя всѣ удары, для того, чтобъ отстоять родовыхъ своихъ Князей, и отстояли ихъ?

Увѣренность въ любви Князя къ странѣ, къ системѣ, къ области, къ землѣ Русской, была полная и не тщетная. Высокій образъ этой любви мы уже видѣли въ Мономахѣ. Любовь къ народу, къ землѣ Русской, увѣренность въ этомъ Черниговцевъ, обезоружили Ярополка, когда онъ шелъ къ Чернигову наказать Всеволода Ольговича. Увѣренность въ этой любви давала дружинамъ Святополка и Мономаха смѣлость прямо высказать имъ думу свою, въ 1103, или 1111, году о вредныхъ слѣдствіяхъ для Государства, если они вздумаютъ предпринять весною походъ противъ Половцевъ, и любовь же Князей къ народу заставила этѣ дружины прозрѣть, увидать, что подобный походъ необходимъ для блага же народа, вдохновить и вооружить ихъ на дѣло великое, кровопролитное и опасное. [311] Какъ очаровательно два раза высказался этою любовію къ своей дружинѣ, къ народу, одинъ изъ витязей періода удѣловъ, Князь Игорь Святославичъ! Зашедши глубоко въ земли Половецкія, когда, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ дѣлъ, настала минута рѣшительная, когда надлежало пасть, или спасаться бѣгствомъ, по тому что не было ни какой надежды одержать побѣду надъ силами всей земли Половецкой, успѣвшими сосредоточиться противъ него на берегахъ Донца, Игорь, вмѣстѣ съ братомъ своимъ и съ старшими изъ своей дружины, видя положеніе отчаянное, не хотѣлъ спасаться, по тому что не хотѣлъ оставить простыхъ воиновъ, боясь грѣха, но хотѣлъ или пасть, или, вмѣстѣ съ ними, спастися: «И рече Игорь: «Си вѣдаюче собрахомъ на ся землю всю: Концака, и Козубурновича, и Токсобица, Колобича, Етебича и Терьтробича. И тако угадавше, вси сънидоша съ коній, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣки Донця; молвяхуть бо: «Оже побѣгнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставимъ, то отъ Бога ны будеть грѣхъ сихъ выдавше

---

[310] Тамъ же 73.

[311] Лавр. 118 и Ипат. 1.

пойдемъ; но или умремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ.» Такъ было рѣшено въ Княжескомъ совѣтѣ, такъ и сдѣлано. Двухдневная битва (1185 г.) уложила костьми дружину въ земляхъ Половецкихъ; немногіе спаслись, а самъ Игорь, съ братомъ своимъ, Всеволодомъ, одушевлявшіе своимъ примѣромъ воиновъ, пали въ руки Половцевъ. Грознымъ судіей воспрянула тогда любовь къ народу и дружинѣ въ душѣ Игоря. Онъ переносится думою во времена междоусобія; картина разоренія имъ Переяславля, гибель Переяславцевъ, живо представляется предъ нимъ мысль потомъ о гибели его собственной дружины, о судьбѣ брата, сына и племянника, исполняетъ его душу такимъ глубокимъ горемъ, что онъ считаетъ себя недостойнымъ жизни: «Яко́ много убійствъ, кровопролитье створихъ въ землѣ Крестьянстѣй, яко же бо азъ не пощадѣхъ Хрестьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиннїи Хрестьяни отлучаеми отець отъ роженій своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружій своихъ, и дщери отъ матерій своихъ, и подруга отъ подруги своея, и все смятено плѣномъ и скорбію тогда бывшею, живыи мертвымъ завидять, а мертвыи радовахуся.... и та вся створивъ азъ», рече Игорь, «нелостойно ми бяшеть жити; и се нынѣ вижу отместье отъ Господа Бога моего: гдѣ нынѣ възлюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ Бояре думающѣи? гдѣ мужи храборьствующѣи? гдѣ рядъ полчный?.... Се возда ми Господь, по беззаконію моему, и по злобѣ моей на мя снидоша нынѣ грѣси мои на главу мою..... по что азъ единъ повиньный не пріяхъ страсти за вся си?».. [312] Такъ любовь къ роднымъ, къ дружинѣ, народу, освященная религіознымъ чувствомъ, наполняетъ и повѣряетъ собой все настояще и прошедшее Игоря, и будитъ въ немъ чувство глубокаго раскаянія въ его юныхъ отважныхъ дѣлахъ.... И мы уже видѣли, какъ эта же любовь народа къ Князьямъ, къ погибшей вокругъ нихъ дружинѣ, какъ эта любовь объяла страшнымъ горемъ земли Новгородъ-Сѣверскія: «То бо слышавше, возмятошася городи Посемскіе, и бысть скорбь и туга люта, яко же николи же не бывала во всемъ Посемьи, и въ Новгородѣ Сѣверьскомъ, и по всей волости Черниговьской: «Князи изымани и дружина

[312] Ипат. 131.

изымана, избита; и мятяхуться акы въ мотви; городи востававхуть, и не мило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрекахуся душь своихъ, жалующе по Князихъ своихъ.» [313] Скажите, можно ли еще рѣзче очерчивать ту любовь, которая соединяла Князей съ дружинами, съ народомъ, а дружины и народъ съ своимъ Княземъ? Но не Князья ли же опять были главою всѣхъ думъ о благѣ народномъ? не они ли сами водили почти безпрерывно дружины свои противъ враговъ или области, или всего народа Русскаго? не они ли выносили всѣ тягости этихъ походовъ, этѣхъ безконечныхъ войнъ, всѣ опасности, на равнѣ съ своими дружинами? Какъ должны были глубоко исполниться души ихъ любовію къ своимъ подданнымъ, когда они, можно сказать, ежеминутно бодрствовали съ своими дружинами въ защитѣ покоя и блага народнаго! Не слаболюбіе, скажемъ послѣ того, не честолюбіе, которыя были тоже не безъизвѣстны предкамъ нашимъ, подвизали Князей нашихъ на дѣла великія и многотрудныя, а любовь къ подданнымъ. Святыя отношенія соединяли Князей съ народомъ.

Благословляли дружины, духовенство и городскіе обыватели достойныхъ Князей своихъ, за ихъ любовь ко всѣмъ, за широкій, дивный, покровъ, который они раскидывали и надъ семьей, и надъ цѣлымъ Государствомъ, когда духъ вражды, зависти, корыстолюбія, угрожалъ имъ ежеминутно изнутри и извнѣ; погасала жизнь Князя,—отлеталъ отъ насъ этотъ дивный жиждущій образъ любви, правды, думы о благѣ народномъ, обнажалась снова семья областей и Государства, со всѣмъ завѣтнымъ своимъ, для удара враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, и колебалась толпа народная, духовенство, дружины и городскіе обыватели, и слезы благословенія, и сожалѣнія, и стонъ глубокаго горя, и молитвы и благословенія напутствовали въ жизнь вѣчную любимаго Князя, добраго страдальца за Русскую землю, отца народнаго. «Святители же жаляще си, плакáхуся,» говоритъ лѣтописецъ, описывая погребеніе Владиміра Мономаха, «по святомъ и добромъ Князи, весь народъ и вси людіе по немъ плакахуся, яко же дѣти по отцю, или по матери, плакахуся по немъ вси людіе, и сынове его, и внуци его; и тако разидошася вси людіе съ жалостію великою, тако же и сынове его разидошася кождо въ свою волость съ плачемъ

[313] Тамъ же стр. 132.

великомъ, идѣже бяше комуждо ихъ раздаялъ волости.» [314] Горемъ и слезами высказалось чувство народное при потерѣ другого любимаго Князя, внука Мономахова, Изяслава Мстиславича: «и плакася по немъ вся Руская земля.... яко по Цари и Господинѣ своемъ, наипаче же яко по отци.» [315] Скончался Мстиславъ Ростиславичъ правнукъ Мономаха, который, по сознанію самихъ Новгородцевъ, готовъ былъ на всѣ труды, на всѣ опасности, чтобъ стѣснить враговъ Новгородской области и дать просторъ жизни, который «створилъ имъ толикую свободу отъ поганыхъ, яко же и дѣдъ его, Мьстиславъ, освободилъ ихъ бяше отъ всѣхъ обидъ;» Князь, о которомъ говоритъ лѣтописецъ, что онъ имѣлъ любовь ко всѣмъ, былъ привѣтливъ, внимателенъ ко всѣмъ, всегда ревновалъ къ великимъ дѣламъ, всегда былъ готовъ умереть за Русскую землю и за своихъ подданныхъ, спасая ихъ отъ гибели и плѣна; что не было той земли въ области Кіевской, которая бы его не желала видѣть своимъ Княземъ, которая бы не любила его; скончался этотъ добрый, пылкій, храбрый, Князь, «и плакашеся по немъ не только вся Кіевская земля, которая не може забыти доблести его», но и эта холодная земля Новгородская, возглашая: «Уже бо солнце наше зайде ны и во обидѣ всимъ остахомъ;» добро бы ны, Господине, съ тобою умрети и намъ».... [316] «О немъ же Украйна много постона,» говоритъ также лѣтописецъ, когда скончался одинъ изъ храбрѣйшихъ Князей (Володимеръ Глѣбовичъ) древней нашей исторіи, который «утеръ много мужественнаго пота за отчину свою.» [317]

Любовь отца къ дѣтямъ и дѣтей къ отцу, освѣщенная чувствомъ религіознымъ, соединяла Князя съ народомъ и народъ съ Княземъ: всѣ упованія народа были на Князя, котораго посылалъ ему самъ Богъ; всѣ упованія въ думѣ о благѣ народномъ Князь возлагалъ на Бога: то былъ святой союзъ неба съ землею. Разрушьте эту любовь, святымъ ковчегомъ которой была и есть у насъ всегда семья и храмъ, и все рушится какъ прахъ, оставленный духомъ. Эта любовь, утверждаемая и просвѣтляемая исти-

---

[314] Ипат. 10.
[315] Ипат. 74.
[316] Ипат. 121.
[317] Ипат. 134.

нами Святаго ученія, движетъ всей древней нашей исторіей; она движетъ и новой исторіей, и безъ нея нѣтъ у насъ жизни. Любовь къ семьѣ вооружала предковъ нашихъ, давала имъ силы на дѣла многотрудныя; она, перелившись въ чувство областной любви, любви къ народу, соединяла храбрыя дружины вокругъ Князей, отцовъ народныхъ; она пробуждала въ нихъ чувство благоговѣнія и къ Князьямъ и къ дружинамъ ихъ, не щадившимъ себя для блага отечества; она лежала въ основаніи похода Святослава на Грецію, въ битвахъ противъ Печенѣговъ, Половцевъ, Татаръ, Болгаръ, Чуди, Литвы, Ливонскихъ Рыцарей, Ляховъ и т. д.; безъ нея, безъ освѣтлѣнія ея свѣтомъ религіознымъ, погибла бы земля Русская въ личныхъ раздорахъ Князей, въ стремленіи страстей къ мести, любостяжанію, въ коварствахъ и ковахъ, которыхъ, какъ мы видѣли, вовсе не чужды были и предки наши. Слезами и стономъ своимъ семья будила чувства состраданія въ Князьяхъ и дружинѣ, обезоруживала ихъ во взаимныхъ раздорахъ, обезоруживала страсти, а чувство религіозное указывало на высшую духовную жизнь. «Не для кого и не для чего,» говорили предки наши, говоримъ и мы, «собирать богатства, когда смерть похищаетъ самыхъ близкихъ намъ: жену, дѣтей.» Мы знаемъ и въ позднѣйшемъ бытѣ примѣры, что Русскій отказывался отъ своихъ сокровищъ, которыя онъ стяжалъ трудами великими, и самъ всѣмъ бытіемъ отдавался чувству религіозному, когда онъ терялъ любимыхъ ему: только дума о счастьи семьи одушевляла его во всѣхъ его трудахъ, давала ему силу, крѣпость, посреди всѣхъ препятствій, которыми исполнялась его жизнь, а чувство одиночества пугало его, отнимало у него мощь въ заботахъ житейскихъ и, освѣтленное чувствомъ религіознымъ, возвращало его къ престолу Творца. Святой союзъ былъ между этими двумя чувствами, и эти два чувства были залогомъ будущаго величія Россіи; но союзъ былъ еще не полный: чувство семейное еще далеко не достигло духовнаго просвѣтленія своего даже въ періодъ Татарскаго владычества, и даже долго, долго послѣ того, пока, наконецъ, не посланъ былъ къ намъ Небомъ великій преобразователь, нашъ дивный Царь, Петръ Алексѣевичъ; но и тогда, при всей современности его явленія, при всемъ увлеченіи нашемъ его дѣлами, мы не были еще храмомъ этого міра, и мы не поняли Великаго.

Василій Пассекъ.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ЖУРНАЛЪ

ПРЕБЫВАНІЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА,

КОРОЛЯ ПОЛЬСКАГО,

СТАНИСЛАВА АВГУСТА ВЪ ГРОДНѢ

1795 — 1796 ГОДОВЪ,

ВЕДЕННЫЙ ПРИСТАВОМЪ ПРИ НЕМЪ

ГЕНЕРАЛЪ — ПОРУЧИКОМЪ

ИЛЬЕЙ АНДРЕЕВИЧЕМЪ БЕЗБОРОДКОМЪ.

ИЗВЛЕЧЕНЪ

ИЗЪ АРХИВА ВИЛЕНСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА

М. Ѳ. ДЕ ПУЛЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ бытность нашу въ Вильнѣ, благодаря просвѣщенной благосклонности Графа Э. Т. Баранова, тогдашняго Главнаго Начальника Сѣверо-Западнаго Края, мы имѣли доступъ къ Архиву Виленскаго Генералъ-Губернатора, которымъ, впрочемъ, не долго пользовались. Мы успѣли извлечь оттуда матеріялы для статьи о крестьянскомъ движеніи при Императорѣ Павлѣ во внутреннихъ Губерніяхъ (напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 г., № 3), и для особой монографіи, посвященной исторіи Литвы въ первые четыре года ея присоединенія къ Россіи. * Это время, не смотря на свою краткость, имѣетъ весьма важное историческое значеніе, какъ образцикъ того, что мы теперь называемъ (и къ чему стремимся) «обрусѣніемъ окраинъ,» образцикъ, данный такими людьми, какъ Князь Н. В. Репнинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей прошлаго вѣка: его дѣятельность на Литвѣ, въ качествѣ Генералъ-Губернатора, его успѣхи и неудачи, во всякомъ случаѣ, имѣютъ много поучительнаго для нашего времени, которое, къ несчастію, не знаетъ, или не хочетъ знать, уроковъ прошлаго. Въ эту пору, въ одномъ изъ городовъ Литвы, жилъ и послѣдній Король Польскій, Станиславъ-Августъ Понятовскій (1764 — 1794), съ цѣлымъ дворомъ, на иждивеніи Русскаго Правительства и подъ наблюденіемъ Князя Репнина, мѣстопребываніе котораго было въ томъ же самомъ городѣ, именно въ Гроднѣ. Польскій Король прибылъ въ Гродно $^{1}/_{12}$ Генваря, 1795, и пробылъ здѣсь до $^{1}/_{15}$ Февраля, 1797 года. Вызванный Императоромъ Павломъ, въ это послѣднее число, онъ выѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и скончался. Ожидая къ себѣ Короля, давнишняго стараго знакомца, и приготовивъ все нужное для его пріема, Князь Репнинъ на-

* Первая половина этого труда напечатана въ «Осмнадцатомъ вѣкѣ» (книга 4), историческомъ сборникѣ, изд. П. И. Бартеневымъ.

значилъ Приставомъ къ нему Генералъ-Маіора. Графа Илью Андреевича Безбородка, поручивъ ему, между прочимъ, вести «Поденныя записки,» объ образѣ жизни бывшаго Польскаго Короля. Таково происхожденіе издаваемаго теперь Журнала. Не смотря на свою офиціяльную сухость и однообразіе, онъ все же принадлежитъ къ числу важныхъ историческихъ памятниковъ, по важности самого событія, послѣдствіемъ котораго онъ явился,—паденія Польши и послѣдней судьбы послѣдняго ея Короля. Изъ этого Дневника видно, какъ жилъ и какимъ образомъ содержался Русскимъ Правительствомъ развѣнчанный Король, видна шумная, блестящая, жизнь дѣйствительнаго двора, куча родныхъ и самое разнообразное и знатное общество, Польское и Русское, окружавшее престарѣлаго Станислава-Августа. Что было нужно для нашей монографіи, въ которой говорится о пребываніи въ Гроднѣ Станислава Понятовскаго, мы извлекли изъ Дневника, веденнаго Безбородкомъ; но, независимо отъ этого, будущій историкъ Русскаго и Польскаго обществъ, въ знаменательную пору ихъ перваго столкновенія, не разъ обратится къ этому Дневнику. Записки объ образѣ жизни Станислава Понятовскаго въ Гроднѣ ежемѣсячно подавались Князю Н. В. Репнину и посылались всегда въ мѣсто его пребыванія, въ Вильну, Петербургъ, во внутреннія Губерніи, куда онъ ѣздилъ для усмиренія крестьянъ; за Ноябрь 1796 г. мы видѣли экземпляръ, посланный Графу П. А. Румянцеву-Задунайскому. Вѣроятно, этотъ полководецъ, Главнокомандующій арміями, уважаемый Репнинымъ и Суворовымъ, получалъ такія же свѣдѣнія о Польскомъ Королѣ и за всѣ мѣсяцы его Гродненской жизни; представленіе этихъ ежемѣсячныхъ отчетовъ о Станиславѣ-Августѣ Императрицѣ Екатеринѣ и ея пріемнику не подлежитъ, конечно, сомнѣнію. Кромѣ ежемѣсячныхъ, при Гродненскомъ дворцѣ велись, дежурными Штабъ-Офицерами, ежедневные списки посѣтителей, такъ называемыя, рапортички, представлявшіяся, по командѣ, Генералъ-Губернатору или, по выраженію Дневника, «Главнокомандующему.» Изъ этѣхъ рапортичекъ, несомнѣнно, и составил-

ся предлагаемый читателю Журналъ, котораго Графъ Безбородко былъ не болѣе, какъ редакторомъ: ибо, какъ читатель увидитъ, Журналъ этотъ почти ни чего сочинительскаго въ себѣ не имѣетъ.

По причинѣ краткости срока, которымъ мы пользовались при разсмотрѣніи Виленскаго Архива, въ Дневникѣ Графа Безбородка возможны неважныя ошибки въ собственныхъ именахъ, впрочемъ, въ 2 — 3 мѣстахъ, не болѣе.

М. Де-Пуле.

С.-Петербургъ.
16 Февраля, 1870 г.

ЖУРНАЛЪ

СО ДНЯ ПРИБЫТІЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, КОРОЛЯ ПОЛЬСКАГО,

ИЗЪ

ВАРШАВЫ ВЪ ГРОДНО 1795 ГОДУ, ГЕНВАРЯ ВЪ 1 ДЕНЬ.

Въ ожиданіи въ тотъ день прибытія Его Величества, по полученному извѣстію отъ препровождавшаго до Гродна Генералъ-Маіора Тормасова, что Его Величество имѣлъ ночлегъ въ мѣстечкѣ Соколкахъ, за 6 миль отъ Гродна, а выѣхать хотѣлъ Генваря 1, въ 7 часовъ по полуночи, въ тотъ же день во дворцѣ Гродненскомъ поставленъ караулъ, состоящій въ ротѣ съ бѣлымъ знаменемъ, музыкою и 24 человѣкахъ драгунъ съ литаврами. Въ 11 часовъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, прибылъ во дворецъ и ожидалъ прибытія Его Величества; получа жъ извѣстіе, что Король за нѣсколько только верстъ отъ Гродна, послалъ Генералъ-Маіора Князя Ціціанова, [1] который, при сближеніи Его Величества, въ двухъ верстахъ отъ Гродно, встрѣтилъ его и препровождалъ верхомъ до дворца, эскадронъ же драгунъ, при Штабъ-Офицерѣ, встрѣтивъ за двѣ мили, препровождалъ до города и дворца. Въ исходѣ 12 часовъ прибылъ Его Величество во дворецъ; [2] стоящій тамъ караулъ отдалъ честь съ музыкою, барабаннымъ боемъ и уклоненіемъ знамя. Главнокомандующій, съ Генералитетомъ и Штабъ-Оцицерами, встрѣтилъ его на крыльцѣ и препроводилъ въ

---

[1] Прославившагося своею храбростію во время послѣдней войны съ Польскими возмутителями, а теперь главнаго начальника войскъ, расположенныхъ въ Гроднѣ.

[2] Нынѣ, такъ называемый, Новый замокъ, двухъ-этажное зданіе, построенное Сигизмундомъ-Августомъ II собственно для сеймовъ. Домъ этотъ, стоящій на берегу Нѣмана, занятъ теперъ Военнымъ Госпиталемъ.

парадные покои. Съ Его Величествомъ сидѣли въ каретѣ: Польской Генералъ Горжинскій, Камергеръ его Дюгамель, и Докторъ Беклеръ. [3] Его Величество и Главнокомандующій, оставя всѣхъ въ аудіенцъ-залѣ, пошли во внутренніе Королевскіе покои, откуда черезъ часъ Главнокомандующій возвратился въ свою квартиру, и къ обѣденному столу къ Королю въ два часа паки пріѣхалъ. Въ сей день былъ у Его Величества Подскарбій и Кавалеръ Дзяконскій, и черезъ часъ уѣхалъ. Того же дня къ вечеру пріѣзжалъ отъ Главнокомандующаго Генералъ-Маіоръ Тормасовъ [4] спросить Его Величество о назначеніи времени, когда представить ему находящійся здѣсь нашъ Генералитетъ и Штабъ-Офицеровъ, и, получа отъ Его Величества отвѣтъ о назначеніи на то завтрашняго дни, по утру въ 12 часовъ, возвратился къ Главнокомандующему. Въ 9 часовъ того же вечера присланъ былъ отъ Короля съ письмами Главнокомандующему Польской Маіоръ Понятовскій.

Генваря 2. Въ 12 часовъ Главнокомандующій, съ Генералитетомъ и Штабъ-Офицерами, прибылъ во дворецъ; о немъ тотчасъ, какъ скоро было доложено Королю, вышелъ онъ въ аудіенцъ-залу. Главнокомандующій представилъ Его Величеству всѣхъ Генераловъ, Полковниковъ и Штабъ-Офицеровъ, такъ же опредѣленнаго имъ къ Его Величеству Генералъ-Маіора Графа Безбородка. [5] Его Величество разговаривалъ со многими Генералами, и потомъ съ Главнокомандующимъ пошли во внутренніе Королевскіе покои, гдѣ были съ часъ, и во 2 часу Главнокомандующій возвратился въ свою квартиру. По повелѣнію Его Сіятельства Главнокомандующаго, Генералъ-Маіоръ Графъ Безбородко вступилъ въ свою должность, а Генералъ-Маіоръ Тормасовъ

---

[3] Свита Станислава-Августа состояла болѣе чѣмъ изъ 150-ти лицъ. Вотъ главнѣйшія лица: а) Кицкій, Оберъ-Шталмейстеръ; б) Горжинскій, Генералъ; в) Трембицкій, Графъ; г) Киркоръ, Гордонъ, Бышевскій, Грабовскій, Адьютанты; д) Пузына, Баччьярели, Устрицкій, Саготинскій, Фризъ, Карась, Секретари; е) Аббатъ Воловичъ, Духовникъ; ж) четыре пажа; з) два камердинера; и) Беклеръ, Главный Докторъ; і) Московскій Смотритель дворца; к) Рыксъ, Экономъ; л) Стржембашъ (Strzembasz) и Дюгамель, Камергеры и проч.

[4] А. П. Тормасовъ препровождалъ, по Высочайшему повелѣнію, Станислава-Августа изъ Варшавы до Гродна (27 Декабря, 1794—1 Генваря, 1795) и былъ первымъ Виленскимъ Губернаторомъ (съ 14 Декабря, 1795 г., по 6 Февраля, 1797, г.).

[5] Илья Андреевичъ, братъ Канцлера, Александра Андреевича Безбородка.

смѣнился. Передъ обѣдомъ были у Короля господа: Воевода Минской Хоминскій и Генералъ Польской Шидловскій. Его Величество пригласилъ Графа Безбородка обѣдать, и въ 2 часа вышелъ къ столу, за коимъ было 12 человѣкъ. Послѣ обѣда Его Величество оставался болѣе получаса въ предспальней его комнатѣ. Въ сіе время пріѣзжали къ нему: Вице-Канцлеръ Польской, Графъ Платеръ, который оставался у него долго, Госпожа Бышевская, которая его просила о своихъ дѣлахъ, и Его Величество поручилъ Графу Безбородку просить Его Сіятельство о возможномъ ея просьбѣ удовлетвореніи, и что Его Величество въ состояніи и дѣлахъ ея принимаетъ участіе. Въ 6 и 7 часу были у Короля: Господинъ Крайчій Коронный Грабовскій и Генералъ Шидловскій, въ 8 часу былъ Приставъ Безбородко. Въ 11 часовъ Его Величество легъ опочивать.

Генваря 3. Его Величество посылалъ пажа просить Господина Генералъ-Порутчика Графа Румянцева обѣдать, а во 2 часу пріѣхалъ Главнокомандующій и кушалъ у Его Величества, такъ же помянутый Генералъ-Порутчикъ Графъ Румянцевъ [6] и Приставъ Графъ Безбородко. По утру того дня былъ у Короля Подскарбій Дзяконскій, [7] и черезъ часъ уѣхалъ; потомъ пріѣзжалъ къ Королю Каштелянъ Мерецкій, [8] Воловичъ. Конвоировавшіе Его Величество Штабъ-Офицеры, Плехановъ и Чаликовъ, приходили къ Генералу Горжинскому благодарить за подарки, полученные ими отъ Короля. Въ вечеру были у Короля: Польскій Подполковникъ Хоминскій, Князь Сапѣга, [9] и сынъ Подскарбія Дзяконскаго. Въ то же время Генералъ-Маіора Тормасова дежурной Капитанъ, Парчевскій, приходилъ къ Старостѣ Рыксу для щотовъ. Выѣзжали изъ замку въ городъ: Секретарь Пузына и Маіоръ Понятовскій. Отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, пріѣзжалъ къ Королю съ письмомъ Маіоръ Инзовъ; отъ Короля жъ былъ у Главнокомандующаго Шамбелянъ Дюгамель.

Генваря 4. Пріѣхали изъ Варшавы: Шамбелянъ Бадини и

---

[6] Сынъ Фельдмаршала, Сергѣй Петровичъ, состоящій при Князѣ Репнинѣ.

[7] Дзяконскій и Шидловскій были приверженцами Торговицкой Конфедераціи, т. е., Русской партіи.

[8] Мѣстечко Меречъ Виленской Губерніи Троцкаго Уѣзда, населенное Евреями.

[9] Маршалъ сеймовый Литовскій, Торговичанинъ.

Секретарь Понятовскій. Шамбелянъ Бадини въ 12 часу пришелъ къ Королю съ сверткомъ бумагъ въ рукѣ, и вышелъ безъ оныхъ чрезъ четверть часа. Въ томъ же часу былъ у Короля Приставъ, Графъ Безбородко. Генералъ Горжинскій ѣздилъ къ Главнокомандующему. Генералъ-Маіоры: Князь Цицiановъ и Тормасовъ обѣдали у Короля. Предъ обѣдомъ былъ у Его Величества, пріѣхавшій изъ Варшавы, Полковникъ Вицкій; пріѣзжалъ къ Королю Графъ Платеръ. [10] Въ вечеру пріѣзжали къ Королю въ разные часы: Воевода Минской, Господинъ Хоминскій, Князь Воронецкій и Господинъ Косаковскій. Сей послѣдній былъ болѣе часа.

Генваря 5. Прибыли изъ Варшавы: Маршалъ Коронный, Господинъ Мошинскій, и Аббатъ Господинъ Воловичъ.

Въ половинѣ 2 часа по полудни пріѣзжалъ Главнокомандующій къ Его Величеству и, пока время пришло къ обѣду, былъ съ нимъ въ его внутреннихъ покояхъ. Идучи къ столу, представилъ Главнокомандующій Генералъ-Порутчика Князя Голицына, [11] который приглашенъ былъ къ столу и обѣдалъ. Въ сей день Его Величество и Главнокомандующій долѣ обыкновеннаго просидѣли за столомъ, и послѣ обѣда много разговаривали о постороннихъ матеріяхъ.

Генваря 6. Какъ сіе число по старому стилю, а по новому 17-ое, день былъ рожденія Королевскаго, и Главнокомандующій о томъ зналъ, то Король предварилъ Его Сіятельство усильною просьбою, чтобъ ни какого ему, по случаю сего торжества, не дѣлать празденства, о чемъ Главнокомандующій и приказалъ Его Величество ни какъ не безпокоить, что и было со стороны нашей исполнено, кромѣ здѣшнихъ господъ Польскихъ, которые безвременнымъ своимъ пріѣздомъ, по утру 6 Генваря, принудили Его Величество выходить нѣсколько разъ для нихъ и принимать поздравленія. Того дня по утру хотя и пріѣзжалъ

---

[10] Платеръ—Каштелянъ Троцкій, Косаковскій—Воевода Витебскій, Хоминскій и Мошинскій, были люди, такъ называемой, Русской партіи, враги Конституціи 3-го Мая, 1791 г., и привержены Торговицкой Конфедераціи.

[11] Князь Сергѣй Ѳедоровичъ, пожелавшій служить волонтеромъ въ арміи Репнина, который высоко цѣнилъ его дарованія. Голицынъ начальствовалъ особымъ отрядомъ, сначала расположеннымъ по границамъ Курляндіи, потомъ на Жмуди, въ теперешней Ковенской Губерніи.

Приставъ, Графъ Безбородко, во дворецъ, но, не хотѣвъ безпокоить Его Величество, не былъ у него. Въ вечеру жъ позванъ онъ былъ къ Королю, и былъ у него съ полчаса. Отпущенъ въ Варшаву изъ Королевскихъ ливрейныхъ гайдукъ Іосифъ Мизовичъ съ билетомъ изъ главной квартиры.

Генваря 7. Его Величество имѣлъ выходъ въ придворной костёлъ, и въ 10 часовъ возвратился. Въ 12 часу представлены были Приставомъ Его Величеству, въ предспальней его комнатѣ, Генералъ-Маіоры: Ланской, Обрѣзковъ, Полковникъ Репнинъ и гвардіи Капитанъ-Порутчикъ Еропкинъ. Король съ ними, а паче съ первымъ, много разговаривалъ. И въ сей день, такъ же какъ и въ прочіе, не оставляли посѣщеніемъ многіе здѣшніе Господа пріѣздомъ во дворецъ, какъ Короля, такъ и нѣкоторыхъ изъ Его свиты; а кто именно и въ какое время былъ, о томъ ежедневная записка Его Сіятельству представлена.

Генваря 8. Приставъ былъ у Короля, Генералъ-Маіоръ Ланской, по приглашенію, обѣдалъ у Его Величества. По полудни были у Короля: Полковникъ Карно, Комиссаръ Ельскій, Шамбелянъ Травельскій и Томашевскій. Выѣзжалъ Маршалъ Тишкевичъ и въ 7 часу возвратился.

Генваря 9. Въ дежурство Маіора Палена. Его Величество проводилъ сей день по обыкновенному, не выходя изъ своей спальни никуда прежде стола. Въ 11 часу утра были у Его Величества Господа: Ляхницкій, Суходольскій и Каштелянъ Воловичъ. Генералъ-Маіоръ Тормасовъ прибылъ во 2 часу по полудни, обѣдалъ у Его Величества и возвратился къ 4. Въ сіе время пріѣзжалъ Священникъ Контра. Въ 5 часу по полудни былъ у Генерала Горжинскаго Полковникъ Ельтсинъ. Въ 6 часу былъ Графъ Платеръ у Его Величества. Въ сей день выѣзжали изъ дворца по утру: Маршалъ Тишкевичъ, Графъ Мошинскій и Докторъ Беклеръ.

Генваря 10. Въ дежурство Маіора Аничкова. Въ 8 часовъ утра Его Величество всталъ и, кромѣ обѣда, не выходилъ никуда изъ внутреннихъ покоевъ. Въ сей день былъ у Его Величества Господинъ Цимненскій. Почмейстеръ Ковенскій, Ессенъ, приносилъ два письма къ Шамбеляну Дюгамелю, на имя его сына. Шамбелянъ Стржемба шъ писалъ въ Варшаву сестрѣ своей чрезъ Капитана Трейдена, посланнаго туда. Подполковникъ Герсдорфъ

пріѣзжалъ къ Графу Мошинскому отъ Главнокомандующаго. Во 2 часу по полудни прибылъ Генералъ-Маіоръ Графъ Безбородко и вскорѣ послѣ Генералъ-Маіоръ Бенинксонъ, [12] обѣдали у Его Величества и уѣхали въ 4 часу.

Генваря 11. Въ держурство Маіора Князя Циціанова. Въ 8 часу утра Его Величество всталъ и, кромѣ обѣда, по обыкновенію своему, не выходилъ никуда изъ своихъ поковъ. Были у Его Величества: Генералъ-Маіоръ Князь Циціановъ, Каштелянъ Воловичъ и Господинъ Шидловскій, обѣдали у Его Величества и разъѣхались. Во 2 часу по полудни выѣзжалъ Графъ Мошинскій къ Подскарбію Дзяконскому и въ 3 возвратился. Въ 4 часу пріѣзжалъ Воевода Минской, Господинъ Хоминскій, и черезъ часъ уѣхалъ. Въ 5 былъ у Его Величества Ректоръ Виленской Академіи и уѣхалъ въ 8 часу вечера. Въ сіе время выѣзжалъ изъ дворца Господинъ Мошинскій къ Главнокомандующему, и въ 8 часу вечера возвратился.

Генваря 12 и 13. Его Величество препровождалъ оба сіи дни такъ обыкновенно, какъ и прочіе, имѣя выходъ только къ столу и все почти время во внутреннихъ своихъ покояхъ оставался, допущая къ себѣ только тѣхъ, кто имѣлъ къ нему самое дѣло, разумѣя его придворныхъ и приближенныхъ ему.

Генваря 14. Въ день воскресный Его Величество, въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, и Его придворныхъ, выѣзжалъ въ клясторъ бывшій Езуитскій, [13] гдѣ, отслушавъ читальную мшу, [14] возвратился во дворецъ и проводилъ, по обыкновенію своему, весь тотъ день съ обыкновенною своею компаніею. Былъ въ вечеру у Короля Приставъ, Графъ Безбородко. Пріѣзжалъ отъ Главнокомандующаго Маіоръ Инзовъ къ Графу Мошинскому.

Генваря 15. Его Величество, кромѣ что къ столу, весь день не выходилъ изъ внутреннихъ покоевъ. По утру былъ у Госпо-

---

[12] Командовавшій войсками, расположенными въ Бѣлостокѣ. Этотъ Генералъ встрѣчалъ и провожалъ послѣдняго Польскаго Короля, при переѣздѣ его въ Гродно, отъ Бѣльска до Бѣлостока. Отъ Варшавы до Бѣльска проводами Станислава-Августа распоряжался Фельдмаршалъ Суворовъ.

[13] Нынѣ Фара, Городской Римско-Католическій Соборъ.

[14] Мша, читаемая шепотомъ—Римско-Католическая Литургія.

дина Мошинскаго Полковникъ Фризель; [15] пріѣзжалъ Бригадиръ Косаковскій.

Генваря 16. Пріѣзжалъ въ 12 часу утра къ Его Величеству Коронной Секретарь Тышоборскій. Въ тотъ же день во 2 часу по полудни, прибылъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, обѣдалъ у Короля и въ 4 часу возвратился. Въ 6 часу вечера былъ у Его Величества Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Тормасовъ и откланялся при отъѣздѣ его въ Ковно.

Генваря 17. Его Величество, кромѣ къ столу, не выходилъ изъ внутреннихъ своихъ покоевъ. Во 2 часу по полудни пріѣзжали Господа: Шидловскій, Воевода Хоминскій, Князь Сапѣга, Каштелянъ Воловичъ, обѣдали у Его Величества и въ 5 часу разъѣхались. Въ 4 часу по полудни былъ Графъ Платеръ, которой черезъ часъ уѣхалъ.

Генваря 19 и 20. Въ оба сіи дни Его Величество не имѣлъ никуда выѣзду и, кромѣ обыкновеннаго къ столу обѣденному, выхода не было. Пріѣзжали такъ же нѣкоторые изъ здѣшнихъ Господъ Польскихъ, о коихъ суточными записками представлено было Его Сіятельству, Главнокомандующему.

Генваря 21. Въ 10 часовъ по полуночи Его Величество, въ препровожденіи Пристава, Генералъ-Маіора Графа Безбородка, придворныхъ Его и конвоя въ 24 человѣкахъ драгунъ при Офицерѣ, ѣздилъ въ бывшій Езуитскій монастырь. При выѣздѣ Его изъ дворца, караулъ отдалъ честь съ музыкою, барабаннымъ боемъ и уклоненіемъ знамя, что сдѣлано такъ же и на городской гауптвахтѣ, мимо которой ѣхалъ. По прибытіи въ церковь, слушалъ читальную мшу, по окончаніи которой вышелъ и, садясь въ карету, приказалъ ѣхать на Бродницу, [16] къ Главнокомандующещему, куда, когда прибылъ, то рота, стоящая на караулѣ, отдала честь. Главнокомандующій встрѣтилъ Его Величество въ передней комнатѣ и препроводилъ въ кабинетъ, гдѣ близко часа они

---

[15] Ив. Ив. Фризель членъ Верховнаго Литовскаго Правленія, начальникъ Казеннаго Отдѣленія, въ послѣдствіи, при Павлѣ, Вице-Губернаторъ и потомъ, съ 1798 г., Губернаторъ Виленскій.

[16] Такъ и теперь называется та часть за Гродномъ, въ которой находился Губернаторскій домъ. Въ этомъ послѣднемъ домѣ, построенномъ Подскарбіемъ Литовскимъ Тизенгаузомъ, жилъ Князь Н. В. Репнинъ.

были вмѣстѣ. Вышедши изъ кабинета, Король ходилъ по всѣмъ покоямъ дому Станислава Понятовскаго, гдѣ квартируетъ Главнокомандующій, смотрѣлъ галерею и манежъ и потомъ отправился Его Величество во дворецъ, куда, въ исходѣ 2 часа, прибылъ Главнокомандующій и обѣдалъ у Его Величества.

Генваря 22. Его Величество паки имѣлъ выѣздъ изъ дворца въ Доминиканской монастырь и, отслушавъ службу, возвратился. Въ сей день отправленъ въ Варшаву Королевской Подчашій Люцинскій, для покупки разныхъ напитковъ къ столу, съ которымъ Приставъ, Графъ Безбородко, писалъ въ Варшаву къ Генералъ-Маіору Буксгевдену. Обѣдали у Его Величества: Приставъ, Графъ Безбородко, и Полковникъ С.-Петербургскаго драгунскаго полку Чесминскій. Пріѣзжала послѣ обѣда въ 4 часа Княгиня Сапѣжина [17] къ Королю и была болѣе часа. Были въ разныхъ мѣстахъ во дворцѣ здѣшніе Господа Польскіе, о коихъ въ суточныхъ запискахъ было донесено. Приходили дважды во дворецъ, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, Доминиканскаго здѣшняго монастыря Пріоръ съ однимъ монахомъ, и были во дворцѣ у Шамбеляна Вольскаго.

Генваря 23. Возвратился изъ Варшавы, посыланный отъ Пристава, Капитанъ Трейденъ и привезъ для Короля биліардъ и другія игры, кои желалъ онъ, чтобъ были изъ дворца Варшавскаго доставлены. Въ 10 часовъ Его Величество выходилъ, былъ во всѣхъ покояхъ своихъ кавалеровъ и прогуливался пѣшкомъ въ Старый замокъ, [18] гдѣ смотрѣлъ лазаретныя комнаты, для его служителей учрежденныя, и возвратился во дворецъ. Обѣдали у Его Величества: Княгиня Сапѣжина, Бискупъ Луцкой и Секретарь Коронной Грановскій. Принесено было здѣшнимъ Евреемъ письмо отъ Бискупа Нарушевича [19] къ Маршалу Мошинскому. Пріѣзжалъ въ вечеру Графъ Платеръ. Былъ отъ Главнокомандующаго Ма-

---

[17] Польское словопроизводство, жена Сапѣги, бывшаго Маршала Сеймоваго Литовскаго.

[18] Нынѣ казармы, противъ Новаго замка (Госпиталя), на углу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Городничанки въ Нѣманъ. Старымъ назывался этотъ замокъ по времени своего построенія, при Баторіѣ; теперешнія казармы позднѣйшей, неуклюжей, архитектуры.

[19] Извѣстный Польскій историкъ.

іоръ Инзовъ съ письмами, отъ Короля жъ ѣздилъ къ нему Графъ Мошинскій и Шамбелянъ Дюгамель.

Генваря 24. Его Величество до обѣденнаго времени былъ въ своемъ кабинетѣ, допуская къ себѣ тѣхъ, кто хотѣлъ его видѣть. Въ 12 часу былъ у него Графъ Безбородко. Въ исходѣ 2 часа по полудни прибылъ во дворецъ Главнокомандующій и обѣдалъ у Его Величества. Сегодня были у Короля предъ обѣдомъ: Князь Друцкой-Любецкой, Крайчій Коронный Господинъ Грабовскій; послѣ обѣда Секретарь Коронной Тышоборскій, Господинъ Грановскій и Подскарбій Дзялоскій.

Генваря 25. Отпущены отъ Короля изъ служителей 8 человѣкъ конюховъ: Станиславъ Любертъ, Петръ Страдомокъ, Василій Мируньянъ, Масловскій, Данило Альбертъ, Петръ Повицкій, Михайло Зихинскій и Каминскій, которымъ, для свободнаго проѣзда, пашпортъ данъ, за подписомъ Генералъ-Маіора Князя Циціанова.

Генваря 26 число Его Величество препроводилъ обыкновенно. Въ сей день былъ у Его Величества Бискупъ Нарушевичъ, котораго свиданье съ Его Величествомъ тѣмъ началось, что оба неутѣшимо плакали: долгое время оставался онъ въ кабинетѣ и потомъ уѣхалъ. Пріѣзжали дѣти Князя Чарторижскаго и были у Короля. [20] Обѣдали у Короля Польскіе Господа: Брестовскій и Хребтовичъ. [21] Послѣ обѣда былъ Графъ Платеръ, Княгиня Сапѣжина и племянникъ ея, Сапѣга. Въ вечеру Его Величество выходилъ въ биліардную комнату и игралъ въ биліярдъ.

Генваря 27. Были у Его Величества предъ обѣдомъ Каштелянъ Мерецкой, Воловичъ, Господа Коронной Секретарь Тышоборскій, Бискупы Нарушевичъ и Ядровичъ, [22] и уѣхали прежде обѣда. Въ вечеру приходилъ Доминиканской Пріоръ къ Шамбеляну Вольскому и въ 10 часовъ возвратился.

Генваря 28. Его Величество въ 9 часовъ по полуночи имѣлъ выходъ чрезъ парадные покои въ придворную церковь и, отслушавъ обѣдню, возвратился во внутренніе свои покои. Въ 1 часу

---

[20] Изъ нихъ старшаго, извѣстнаго въ послѣдствіи Князя Адама, считаютъ побочнымъ сыномъ Князя Н. В. Репнина.

[21] Бывшій Литовскій Вице-Канцлеръ.

[22] Епископъ Жмудскій.

пріѣзжали: Бискупы Нарушевичъ и Ядровичъ, были у Его Величества въ кабинетѣ и откланялись. Главнокомандующій, Генералъ-Порутчикъ Графъ Румянцовъ и Приставъ Безбородко, кушали въ сей день у Его Величества. Пріѣзжали послѣ обѣда къ Его Величеству: бывшій долгое время въ Англіи Повѣреннымъ Польскимъ, Господинъ Букати, съ братомъ своимъ, Вице-Канцлеръ Графъ Платеръ и Господинъ Тишгоборскій. Въ вечеру того дня, въ 8 часовъ, Его Величество выходилъ въ кавалерскую комнату и игралъ въ биліардъ. Отпущенъ Королевскій гайдукъ Папинскій въ Несвижъ, для свиданія съ родными, коему пашпортъ данъ для проѣзду.

Генваря 29. Присланъ былъ отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, во дворецъ Капитанъ Штейнъ. Были у Короля: Подскарбій Дзяконскій и Шамбелянъ Нарбутъ.

Генваря 30. Уѣхалъ въ Варшаву Аббатъ Воловичъ. Въ сей день обѣдали у Короля: Князья Чарторижскіе и Господинъ Гурскій. Были послѣ обѣда: Графъ Платеръ и Господинъ Букати.

Генваря 31. [23] Его Величество посылалъ пажа звать обѣдать Полковника С.-Петербургскаго гренадерскаго полку, Ессена, и Графа (?) Сапѣгу, которые, и такъ же Генералъ-Маіоръ Графъ Безбородко, обѣдали. Передъ обѣдомъ и послѣ обѣда Его Величество долго съ многими игралъ въ биліардъ, и въ 4 часа ретировался во внутренніе свои покои.

Мѣсяцъ Февраль.

1-го числа. Его Величество, вставъ въ обыкновенной часъ, посылалъ своего пажа къ Господину Гурскому, и въ 1 часу по полудни выходилъ прогуливаться по своему двору, въ препровожденіи Шамбеляновъ Дюгамеля и Вольскаго и дежурнаго пажа. Къ обѣду прибылъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, кушалъ у Его Величества и уѣхалъ въ исходѣ 4 часа. Изъ Польскихъ Господъ обѣдали у Его Величества: молодые Князья Чарторижскіе, Крайчій

---

[23] Журналъ за Генварь 1795 г. помѣщенъ въ нашей статьѣ: «Послѣдній Король Польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII вѣка,» напечатанной въ 4-й книжкѣ «Осмнадцатаго вѣка,» издав. Г. Бартеневымъ.

Грабовскій, Господинъ Гурскій, и разъѣзжались около 5 часа вечера. Вечеромъ Его Величество выходилъ въ кавалерскую, игралъ въ биліардъ и разговаривалъ съ своими придворными. Выѣзжали изъ дворца утромъ въ 11 часу: Докторъ Беклеръ и Графъ Мошинскій, на балъ, къ Подскарбію Дзяконскому.

Февраля 2. Его Величество утромъ имѣлъ у себя Маіора Роде, Подкоморжаго Райскаго, Господина Богославскаго, Крайчаго Грабовскаго и Господина Глинскаго. По полудни въ 8 часу были у Его Величества молодые Князья Чарторижское и уѣхали въ 9.

Февраля 3. Утромъ въ 11 часу Графъ Букати былъ на малое время у Короля и, вышедъ оттуда, заходилъ къ Графу Мошинскому, уѣхалъ въ 12 и, возвратясь во 2 часу по полудни, обѣдалъ у Его Величества. По выходѣ изъ за стола Его Величество въ аудіенцъ-залѣ не останавливался, но, пришедъ въ кавалерскую, занимался биліардомъ; въ 9 часу вечера выходилъ къ ужину и чрезъ полчаса ретировался во внутренніе свои покои. Изъ Польскихъ Господъ вечеромъ не было никого у Короля, только что въ 5 часу пріѣзжалъ къ Шамбеляну Дюгамелю Господинъ Глинскій.

Февраля 4. Его Величество посылалъ по утру пажа своего къ Подскарбію Дзяконскому пригласить его къ себѣ на обѣдъ. Въ 10 часу Король имѣлъ свой выходъ въ придворную церковь и, возвращаясь оттуда во внутренніе свои покои, нашелъ въ своей кавалерской Доминиканскаго Пріора, и удостоилъ его своими разговорами. Въ 1 часу по полудни Его Величество прогуливался по галереямъ своего дворца, [24] въ препровожденіи дежурныхъ Шамбеляновъ и пажей. Во 2 по полудни прибылъ Главнокомандующій, кушалъ у Его Величества и уѣхалъ въ 5 часу. Сверхъ того обѣдали у Короля: Генералъ-Маіоръ Графъ Безбородко и Подскарбій Дзяконскій. Вечеромъ въ 5 часу ѣздилъ отъ Короля пажъ съ письмами на почту. Его Величество выходилъ по обыкновенному вечеромъ въ биліардную. Выѣзжали изъ дворца: по утру въ 11 часу Шамбелянъ Дюгамель къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, а въ 8 часовъ вечера на балъ къ Его же Сіятельству: Графъ Мошинскій, Докторъ Беклеръ и Секретарь Фризъ.

---

[24] Выходящимъ на берегъ р. Нѣмана, весьма живописный.

Февраля 5. Утромъ были у Его Величества: Шамбелянъ Бодини и Господинъ Бухавецкій. Обѣдали у Короля: Князья Чарторижскіе и Графъ Платеръ; послѣ обѣда Его Величество разговаривалъ съ своими придворными въ аудіенцъ-залѣ и потомъ въ кавалерской игралъ въ биліардъ. Вечеромъ былъ одинъ и только что выходилъ изъ своей спальни къ ужину.

Февраля 6. Въ 9 часу утра отправился въ свои деревни Полковникъ Политанскій.[25] Въ 11 ѣздилъ отъ Короля пажъ къ Господину Бригадиру Мерлину, пригласить его на обѣдъ. Во 2 по полудни прибылъ Главнокомандующій съ Господиномъ Бригадиромъ Мерлинымъ, кушалъ у Его Величества и уѣхалъ въ исходѣ 5 часа. Послѣ стола Его Величество съ часъ времени разговаривалъ въ аудіенцъ-залѣ съ Его Сіятельствомъ, Главнокомандующимъ, Господиномъ Бригадиромъ Мерлинымъ и Графомъ Мошинскимъ. Послѣ обѣда представлялся Его Величеству Господинъ Матусевичъ. Были въ разныя времена Господа Щевицкій и Грабовскій. Въ 8 часу вечера выѣхали изъ дворца на балъ къ Главнокомандующему: Графъ Мошинскій, Генералъ Горжинскій, Шамбелянъ Дюгамель, Подполковникъ Понятовскій, Докторъ Беклеръ, Фризъ и Шамбелянъ Вольскій.

Февраля 7. Его Величество въ сей день ѣздилъ въ клясторъ Езуитской и по обыкновенію, что въ сей день первой Великаго Поста, миромъ помазываютъ,[26] былъ онымъ помазанъ. Кушали у Его Величества: Подкоморжій Юндзилъ и Господинъ Матусевичъ. Послѣ обѣда пріѣзжали: Приставъ, Графъ Безбородко, Каштелянъ Воловичъ и Палатинъ Хоминскій. Въ 7 часовъ вечера прибылъ изъ Варшавы Маршалъ Тишкевичъ, и того жъ вечера былъ у Его Сіятельства, Главнокомандующаго. Въ 8 пріѣзжалъ къ Главнокомандующему откланиваться Графъ Мошинскій, при отъѣздѣ своемъ въ С.-Петербургъ.

Февраля 8. Уѣхалъ въ Бѣлой Стокъ свиты Королевской Шамбелянъ Вольской, коему для проѣзду дана подорожная. Сверхъ того, просилъ онъ дать ему Унтеръ-Офицера, для всякихъ въ проѣздѣ могущихъ послѣдовать надобностей. Того жъ дня выѣхалъ въ С.-Петербургъ Маршалъ Графъ Мошинской.

---

[25] Изъ Королевской свиты, Штальмейстеръ.

[26] Такъ называемое у Поляковъ бержмованье, помазаніе муромъ чрезъ Епископа.

Февраля 9. Его Величество по утру прогуливался по терасу, изъ коего видъ пріятной за рѣку Шменъ, и, походивъ съ полчаса, возвратился въ свои покои. Обѣдалъ сегодня у Короля Его Сіятельство, Главнокомандующій, и въ 4 часа уѣхалъ. Послѣ обѣда были Польскіе Господа: Генералъ Князь Воронецкій и Стрепинскій. Отпущенъ въ Варшаву лакей двора Королевскаго, коему пашпортъ отъ Пристава данъ.

Февраля 10. Былъ посланъ пажъ отъ Короля въ Бернадинской клиссторъ и чрезъ часъ возвратился; но за чѣмъ былъ посланъ, о семъ нельзя было ни какъ узнать. [27] Въ сей день были у Его Величества: Князья Чарторижскіе, Господинъ Воловичъ, Генералъ Стрепинскій, Подскарбій Дзяконскій, и приходили оные Господа въ разное время предъ обѣдомъ и послѣ обѣда. Нѣсколько разъ ѣздилъ отъ Короля къ Главнокомандующему Секретарь Фризъ.

Февраля 11. Его Величество былъ въ придворной церкви и въ 10 часовъ вышелъ изъ оной. Его Сіятельство, Главнокомандующій, обѣдалъ у Его Величества. Отправлены въ Бѣльскъ два Королевской свиты служители, Францъ Албертовичъ и Иванъ Киндарь, посланные туда съ нанятымъ фурманомъ взять тамъ Королевское вино, оставленное по причинѣ худой дороги, и сверхъ того посланъ еще третій конюхъ, Петръ Пивичинскій, взять тамъ же лошадь Королевскую и въ Гродно привести.

Февраля 12. Отправленъ отъ Короля въ Варшаву одинъ, при Секретарѣ Фризѣ живущій, Штяхтичъ, Господинъ Швендровскій, коему подорожная дана на почтовыя лошади, и по прошенію, для способствованія въ пути его, отъ Пристава Безбородка данъ ему Унтеръ-Офицеръ С. Петербургскаго гренадерскаго полку.

Февраля 13. Никто не пріѣзжалъ къ Его Величеству.

---

[27] Это мѣсто ни какъ не можетъ служить доказательствомъ особой строгости надзора надъ послѣднимъ Королемъ Польскимъ. Правда, еще до прибытія Короля въ Гродно Князь Репнинъ предписывалъ Безбородку принять весьма близкое наблюденіе за его перепискою и другими сношеніями, но это предписаніе буквально, и тѣмъ паче сурово, никогда не исполнялось. Отношеніе Репнина и людей, его окружающихъ, къ Станиславу-Августу было не только самое почтительное (что доказывается настоящимъ Журналомъ), но и симпатичное. Два общества, Русское и Польское, сошлись въ Гродно самымъ миролюбивымъ образомъ: два года совмѣстной жизни еще болѣе ихъ сблизило.

Февраля 14. Уѣхалъ изъ дворца въ С.-Петербургъ племянникъ Королевской, Маршалъ Коронной Тышкевичъ.

Февраля 15. Обѣдалъ у Его Величества Графъ Безбородко. Были въ вечеру Генералъ Стрепнскій, Графъ (?) Санѣга, такъ же Князья Чарторижскіе и Шамбелянъ Нарбутъ.

Февраля 16. Были у Его Величества Каштелянъ Корженецкій и Бригадиръ Польской Твардовской. Возвратился изъ Бѣлаго Стока свиты Королевской Шамбелянъ Вольскій, и бывшій при немъ Унтеръ-Офицеръ отправленъ въ полкъ. Были у Его Величества въ вечеру и ужинали Князья Чарторижскіе и Шамбелянъ Нарбутъ. Посланъ къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, отъ Короля Секретарь его, Фризъ. [28]

Февраля 17. Былъ у Его Величества въ 12 часу Виленской Академіи Ректоръ и Кавалеръ Бѣлаго Орла Г. Почебутъ. Въ вечеру прибылъ изъ Варшавы въ Гродно и остановился во дворцѣ Господинъ Кицкій, Королевскій Великій Конюшій, и того же вечера ѣздилъ къ Главнокомандующему, но не засталъ Его Сіятельства въ домѣ.

Февраля 18. Въ день воскресный Его Величество ѣздилъ въ бывшій Езуитскій монастырь къ обѣднѣ, и въ 10 часу возвратился во дворецъ. Сегодня кушалъ у Короля Его Сіятельство, Главнокомандующій. Данъ пашпортъ, по требованію, отъ Пристава, Графа Безбородка, Королевскому балетмейстеру Курцу, въ Варшаву возвращающемуся. Были у Его Величества въ тотъ же день послѣ обѣда Князья Чарторижскіе, Господа Лохницкій, Гурскій, Кочановскій, Каштелянъ Корженецкій, Бригадиръ Твардовскій. Былъ дважды посыланъ отъ Короля къ Главнокомандующему Секретарь Фризъ. Данъ пашпортъ посланному до мѣстечка (?) отъ Адъютанта Королевскаго, Гордона, служителю его, Нидвиновскому.

Февраля 19. Выѣзжали изъ дворца въ городъ: Господа

---

[28] Французъ, состоящій на Русскомъ жалованьѣ, которымъ, какъ извѣстно, не гнушались тогда многіе изъ Поляковъ. Въ Гродненской жизни Станислава-Августа этотъ Фризъ игралъ очень важную роль, какъ посредникъ между Королемъ и Генералъ-Губернаторомъ, на словахъ и на бумагѣ. Во время отлучекъ Князя Репнина изъ Гродна Фризъ точно и подробно извѣщалъ его о Королѣ, интересамъ котораго, впрочемъ, онъ не измѣнялъ. Въ слѣдующемъ году онъ награжденъ былъ чиномъ Коллежскаго Совѣтника и сопутствовалъ Королю при переѣздѣ его въ Петербургъ.

Главной Конюшій Кицкій, Генералъ Горжинскій, и къ обѣду возвратились. Были у Его Величества въ тотъ же день Господа: Лохницкій, Ректоръ Почебутъ, Бригадиръ Твардовскій, Князья Чарторижскіе.

Февраля 20. Былъ у Его Величества въ 12 часу Генералъ Австрійскій, Князь Сулковской. Его Величество передъ обѣдомъ прогуливался по терасу, что надъ рѣкою Нѣменомъ, и по дворцу. Отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, присланъ былъ ординарецъ съ письмами къ Его Величеству, кои чрезъ дежурнаго Маіора, Барона Палена, отданы Шамбеляну Дюгамелю. Во 2 часу ночи сдѣлался было пожаръ во дворцѣ, въ покояхъ Господина Кицкаго, но тотчасъ угашенъ.

Февраля 21. У Его Величества кушалъ Главнокомандующій, такъ же Приставъ Безбородко, Каштелянъ Корженецкій, Бригадиръ Твардовскій, и Виленской Академіи Ректоръ Почебутъ.

Февраля 22. Его Величество ходилъ по обоимъ коридорамъ верхняго этажа во дворецъ, и во время развода смотрѣлъ смѣну. Были у Короля предъ обѣдомъ: Генералъ-Порутчикъ Польскій Графъ Грабовскій, Генералъ-Маіоръ Польскій Глинскій. Обѣдалъ у Его Величества Австрійскій Генералъ-Порутчикъ, Князь Сулковскій.

Февраля 23. Его Величество препроводилъ сей день по обыкновенному и во дворецъ пріѣзду не было.

Февраля 24. Въ 11 часовъ утра Его Величество прогуливался около дворца. Обѣдали у Короля въ сей день Князья Чарторижскіе, Шамбелянъ Нарбутъ и Господинъ Гурскій. Въ вечеру былъ во дворцѣ Господинъ Лохницкій.

Февраля 25. Его Величество былъ въ придворной церкви. Въ сей день кушалъ у Короля Его Сіятельство, Главнокомандующій, такъ же Генералъ-Маіоръ Князь Цициановъ.

Февраля 26. Отъѣхалъ въ Варшаву Королевской свиты Капитанъ Аксамитовскій, коему и пашпортъ въ оба пути данъ.

Февраля 27. Обѣдали у Его Величества: Виленской Академіи Ректоръ Почебутъ, Князья Чарторижскіе, Господа Гурскій и Естманъ. Отправленъ экипажъ Графа Тышкевича въ деревню его на присланныхъ изъ оной лошадяхъ.

Февраля 28. Обѣдали у Короля: Генералъ-Маіоръ Графъ Безбородко и Польской Генералъ Стрепнскій.

Мѣсяцъ Мартъ.

1-го числа. Кушалъ у Его Величества Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ; послѣ стола въ аудіенцъ-залѣ Его Величество проводилъ съ нимъ въ разговорахъ около двухъ часовъ и въ 5 ретировался къ себѣ. Вечеръ Его Величество препроводилъ одинъ въ обыкновенныхъ упражненіяхъ.

Марта 2. Его Величество не имѣлъ ни кого во весь день, и оной препроводилъ одинъ въ чтеніи книгъ и игрѣ на биліардѣ. Пріѣзжали къ Господину Кицкому: Генералъ Стрепинскій и Князья Чарторижскіе. Выѣзжалъ изъ дворца по утру въ 12 часу Секретарь Фризъ къ Главнокомандующему.

Марта 3. Выѣзжалъ изъ дворца Секретарь Фризъ къ Главнокомандующему.

Марта 4. По утру былъ у Его Величества Виленской Академіи Ректоръ Почебутъ. Къ обѣду пріѣхали: Князья Чарторижскіе, Господа Гурскій и Залецкій, и кушали у Короля; такъ же кушалъ у Его Величества Главнокомандующій; послѣ стола Король проводилъ съ нимъ въ разговорахъ около 2 часовъ и въ 5 по полудни ретировался къ себѣ. Послѣ обѣда былъ у Его Величества Хорунжій Литовскій Нарбутъ. Сей день выѣхали въ Варшаву изъ свиты Королевской: Полковникъ Политанскій, Шамбелянъ Трембицкій и Староста Рыкъ.

Марта 5. Отправлено отъ Пристава, Графа Безбородка, при письмѣ къ Великому Конюшему Кицкому, управляющему всѣмъ дворцемъ Королевскимъ, мѣсячное всей свиты Королевской жалованье и для прочихъ расходовъ положенная сумма. Въ 12 часу утра пріѣзжалъ къ Генералу Горжинскому Господинъ Бышевскій и обѣдалъ у Его Величества. Въ 7 вечера выѣхалъ въ Варшаву свиты Королевской Генералъ Горжинскій, отпущенъ будучи отъ Короля на шесть мѣсяцовъ. Къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, посыланъ былъ отъ Короля Секретарь Пузына. Въ 8 часу вечера былъ въ третій разъ у Короля Господинъ Бышевскій.

Марта 6. Его Величество былъ до обѣда въ своемъ кабинетѣ и жаловался, что не очень хорошо почевалъ, за обѣдомъ былъ очень не веселъ и мало говорилъ. Обѣдалъ у него Графъ Безбородко, съ которымъ послѣ обѣда долго разговаривалъ, и по-

томъ въ свои внутреннія комнаты пошелъ. Въ вечеру выходилъ, игралъ въ биліардъ и до 10 часа препроводилъ время съ своими кавалерами.

Марта 7-го. Сей день Его Величество препроводилъ въ обыкновенныхъ своихъ упражненіяхъ.

Марта 8. Его Величество предъ обѣдомъ прогуливался въ тѣхъ залахъ во дворцѣ Гродненскомъ, гдѣ прежде бывали сеймы, и возвратился въ свои внутреннія покои.[29] Былъ у Его Величества въ сей день Польскій Генералъ Меинъ, Господа. Бышевскій и Воевода Хомпискій. Изъ придворныхъ Королевскихъ выѣзжали изъ дворца въ городъ. Докторъ Беклеръ, Шамбелянъ Дюгамель, и Секретарь Королевской Фризъ быть у Главнокомандующаго отъ Короля.

Марта 9. Его Величество въ 12 часу такъ же прогуливался по дворцу и въ залахъ сеймовыхъ. Были у Короля: Князь Четвертинскій, Каштелянъ Брусковскій и Князья Чарторижскіе Обѣдалъ у Его Величества Генералъ-Поручикъ Графъ Безбородко.

Марта 10. Выходъ Королевской изъ покоевъ внутреннихъ и препровожденіе его времени было такъ же какъ и въ прочіе дни, пріѣзду, кромѣ извѣстныхъ къ нему пріѣзжающихъ Господъ Польскихъ, не было.

Марта 11. Главнокомандующій кушалъ у Его Величества. Противъ 12 числа, ночью, въ 3 часу, сдѣлался было пожаръ во дворцѣ въ комнатахъ Великаго Конюшаго Кицкаго, но тотчасъ былъ угашенъ.

Марта 12. Обѣдали у Короля Генералъ-Поручикъ Польской Стрешскій и Генералъ-Маіоръ Глинскій. Изъ дворца въ городъ выѣзжали сегодня: Докторъ Беклеръ, Шамбеляны Стрекенбах и Вольскій, и къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, былъ дважды отъ Короля присылаемъ Секретарь Фризъ.

Марта 13. Происходило то же, что и въ прочіе дни.

Марта 14. Его Величество былъ въ придворной церкви. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Графъ Безбородко, два Князья Чарторижскіе и Старо-

[29] Новый замокъ, названный такъ въ отличіе отъ Стараго Баторіевскаго, былъ построенъ Сигизмундомъ-Августомъ собственно для сеймовъ. Не смотря на свое назначеніе, это двухъэтажное зданіе самыхъ скромныхъ размѣровъ. См. ниже примѣч. 19.

Гурскій. Сего жъ числа посланы отъ Графа Безбородка къ Великому Конюшему Королевскому Кицкому, чрезъ дежурнаго во дворцѣ Маіора Аничкова, три пашпорты: 1, Эксъ-Референдаря Волковицкаго повѣренному Савостьяну Барковскому до Варшавы и обратно до Гродно на 3 почтовыя лошади; 2, Варшавскому мѣщанину Іосифу (?) съ 9 при немъ служителями, на 12 собственныхъ лошадяхъ и трехъ повозкахъ, возвращающемуся въ Варшаву, и 3, Секретарю Королевскому Пузынѣ, отъѣхавшему въ кордонъ Пруской, въ мѣстечко Мотуно, для свиданія съ его родными, въ оба пути на 3 почтовыя лошади. О сихъ трехъ пашпортахъ, а паче о послѣднемъ, Приставъ, Графъ Безбородко, прежде выдачи оныхъ, докладывалъ Его Сіятельству, Главнокомандующему.

Марта 15. Въ 10 часовъ Его Величество, вмѣстѣ съ Великимъ Конюшимъ Кицкимъ, Графомъ Безбородкомъ и Шамбеляномъ дежурнымъ Стржембашемъ, въ четверомѣстной открытой каретѣ и въ препровожденіи нѣсколько человѣкъ верхами Королевскихъ придворныхъ и конвоя нашего, 34 драгунъ при Офицерѣ, проѣзжался за городъ съ полмили до деревни Гродинки и, возвращаясь, заѣхалъ къ Главнокомандующему, у котораго, пробывъ близко полчаса, прибылъ потомъ во дворецъ къ обѣду. Того жъ дня, съ 4 часовъ послѣ полудня до захода солнца, какъ время было весьма пріятное, Король ходилъ по терасу, что надъ рѣкою Нѣменомъ, и смотрѣлъ, какъ въ то время оный вскрывался. Присланъ былъ въ вечеру отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, къ Королю съ письмами Премiеръ-Маіоръ Дюгамель.

Марта 16. Его Величество былъ въ придворной церкви, жаловался, что чувствуетъ простуду и боль въ головѣ, но къ обѣду выходилъ; до вечера оставался въ своемъ кабинетѣ, занимаясь чтеніемъ и писаніемъ; въ вечеру въ 9 часовъ выходилъ въ биліардную, игралъ въ биліардъ и присутствовалъ во время ужина, за коимъ изъ сторонніхъ были только Князья Чарторижскіе и Господинъ Гурскій.

Марта 17. Все то же происходило.

Марта 18. Въ воскресенье Его Величество слушалъ обѣдню въ придворной церкви. Сегодня кушалъ у Короля Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Порутчики Графъ Румянцовъ и Графъ Безбородко, Князья Чарторижскіе, Господинъ Гурскій, и въ 4 часа послѣ полудня разъѣхались. Его Величество выходилъ

въ вечеру въ 8 часовъ въ биліардную комнату, игралъ въ биліардъ и присутствовалъ при ужинѣ, за коимъ, кромѣ его домашнихъ, не было изъ сторонніхъ ни кого. Въ 11 часовъ легъ опочивать.

Марта 19. Былъ у Короля по утру Генералъ Польскій Стрепинскій. Королевскій Секретарь Фризъ посыланъ былъ дважды къ Главнокомандующему. Въ городъ выѣзжали изъ дворца Шамбелланы: Вольскій, Стржембашъ и Маіоръ Понятовскій. Король обыкновенно время препроводилъ, какъ и въ прочіе дни.

Марта 20. Возвратились изъ Варшавы Королевской свиты Шамбелянъ Трембицкій, Полковникъ Политанскій и Господинъ Сынсъ. Въ сей день Его Величество занемогъ и во весь день чувствовалъ озноб, не выходилъ изъ своей спальни и, противъ обыкновенія своего, не одѣвался и къ столу не выходилъ, въ 10 часовъ принялъ лѣкарство и до вечера не переставала его безпокоить боль въ поясницѣ съ кашлемъ, при томъ сильнымъ и жаромъ внутреннимъ. Послѣ обѣда навѣщалъ Короля Его Сіятельство, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ. Пріѣзжала во дворецъ дважды и была у Старосты Рыкса Госпожа Гурская. Обѣдали Князья Чарторижскіе и Господинъ Гурскій. Дважды ѣздилъ изъ дворца пажъ Яблонскій къ Господину Потоцкому. Былъ въ вечеру у Короля Воевода Хомпнскій на короткое время. Секретарь Фризъ ѣздилъ ку Главномандующему.

Марта 21. Его Величество не имѣлъ въ сей день еще облегченья, и лихорадка, съ послѣдованіемъ другихъ припадковъ, продолжалась, и, какъ боль въ нутрѣ усиливалась, оставался въ спальнѣ, не одѣвался и къ столу не выходилъ. Были въ сей день во дворцѣ: Воевода Хомпнскій, Князья Чарторижскіе, Господинъ Гурскій и Шамбелянъ Нарбутъ. Секретарь Фризъ и Королевской Адъютантъ Гордонъ были у Главнокомандующаго. Отправленъ сегодня въ Варшаву экипажъ Князя Іосифа Понятовскаго съ паспортомъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, даннымъ находящемуся при обозѣ семъ Офицеру. [30] Королевской Адъютантъ Гордонъ выѣхалъ въ Варшаву на нѣкоторое время.

---

[30] Князь Іосифъ Понятовскій, любимецъ Короля Станислава-Августа, идолъ его души (по его выраженію), человѣкъ славолюбивый и войнолюбивый, былъ приверженцемъ Конституціи 3-го Мая и начальникомъ въ южной Польской ар-

Марта 22. Въ Четвертокъ. Какъ въ сей день на Страстной Недѣлѣ поста Его Величество, по обыкновенію своему, причащался Тайнъ Христовыхъ, и не могъ по болѣзни выходить въ церковь, то совершаема была читальная мша въ передней его комнатѣ, гдѣ, по окончаніи литургіи онъ причастился. Ѣздилъ къ Главнокомандующему Великій Конюшій Кицкій и Секретарь Фризъ. Сего числа изъ Варшавы прибыла часть экипажа Королевскаго.

Марта 23. Его Сіятельство, Главнокомандующій, навѣщалъ Его Величество, которому немного полегче утромъ было, но къ вечеру опять жаловался сильною болью.

Марта 24. Данъ паспортъ до Варшавы Польскому Шляхтичу, Господину Гурскому, съ находящимися при немъ 12 фурманщиками, его служителемъ и 20 лошадьми, на четырехъ повозкахъ привозившими экипажъ Королевскій. Взятъ дежурнымъ во дворцѣ Порутчикомъ Аргамаковымъ, во время обходу его постовъ, въ коридорѣ, что въ кухнѣ, шатающійся изъ Польской гвардіи капралъ, Павелъ Тихановскій, которой и представленъ былъ съ его бумагами къ Графу Безбородку, по разсмотрѣнію которыхъ не оказалось ни чего сумнительнаго. Онъ имѣлъ: просьбу на письмѣ къ Королю о вспомоществованіи его деньгами на дорогу въ его домъ; къ Главнокомандующему о предписаніи, дабы возвратить ему и отыскать отнятыя у него вещи, во время его пути изъ Варшавы, Казаками, и снабдить его деньгами; къ Королевской сестрѣ, Графинѣ Браницкой, чтобы она приняла его къ себѣ въ службу и въ Бѣломъ Стокѣ дать ему мѣсто: ибо дѣдъ и отецъ его служили ея дому; къ Фельдмаршалу, Графу Суворову, подаваемую и обратно ему съ помѣткою отданную, чтобы приказано было Капитану Польскому, Твардовскому, возвратить ему взятые имъ деньги 691 злот. Онъ же, Тихановскій, имѣлъ отъ дежурнаго Генерала Арсеньева паспортъ, ему данный въ 1795 году, въ Генварѣ, изъ Варшавы, по коему онъ, въ силу повелѣнія Фельдмаршала, Графа Суворова-Рымникскаго, уволенъ отъ службы Польской и отпущенъ въ домъ его, состоящій въ Воеводствѣ

мін, выступившей противъ Торговицкихъ Конфедератовъ. Въ это время онъ жилъ въ Вѣнѣ. Король, отправляя къ нему экипажъ, былъ увѣренъ, что Императрица дозволитъ ему пріѣхать въ Гродно; Князь Репнинъ поддерживалъ его ходатайство, но Императрица на пріѣздъ Іосифа не согласилась.

Подольскомъ, въ селѣ Сирчѣ, вмѣсто котораго онъ пришелъ въ Гродно. Помянутаго Капрала Тихановскаго Графъ Безбородко отправилъ тотчасъ къ Господину Генералъ-Маіору Князю Циціанову, увѣдомивъ его обо всемъ и что онъ сумнѣнія не находитъ, кромѣ паспорта, коего онъ въ Гродно не имѣлъ, и запретивъ ему во дворецъ впредь ходить безъ дозволенія ни къ кому.

Марта 25. Въ праздникъ Католической Воскресенія Христова, Его Величество; по болѣзни своей, не выходилъ и не одѣвался, слушалъ службу въ предспальной комнатѣ, а во второмъ часу по полудни вышелъ въ шлафоркѣ въ залу, гдѣ всѣхъ своихъ придворныхъ и нашихъ Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, при немъ находящихся, потчивалъ по обыкновенію пасхою, яйцами и прочимъ пріуготовленнымъ на сей праздникъ посвѣщоннымъ, разговаривалъ съ Штабъ-Офицерами и обѣдалъ въ своей спальнѣ одинъ. Генералъ-Порутчикъ, Графъ Безбородко, Князья Чарторижскіе и Господинъ Гурскій, обѣдали во дворцѣ, по приглашенію отъ Короля, и были угощаемы Королевскимъ Великимъ Конюшимъ Кицкимъ. Изъ Варшавы пріѣхалъ Королевской Секретарь Карась и привезъ письма, какъ Королю, такъ и къ прочимъ придворнымъ. Послѣ обѣда, въ 10 часу, пріѣзжала къ Королю поздравить съ праздникомъ Госпожа Подскарбина, [31] Дзяконская. Въ вечеру къ Главнокомандующему ѣздили на ассамблею Великій Конюшій Кицкій и Шамбелянъ Вольскій.

Марта 26. Дана подорожная до Житомира свиты Королевской Господину Мукинскому. Полковникъ Политанскій выѣхалъ въ свои деревни на нѣсколько дней. Его Величество выходилъ на берегъ Нѣмена. Секретарь Фризъ ѣздилъ къ Господину Потоцкому въ городъ.

Марта 27. Пріѣзжалъ отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, къ Королю Капитанъ Штейнъ съ письмомъ, которое принялъ отъ него дежурный во дворцѣ Маіоръ, Князь Циціановъ, и вручилъ дежурному Шамбеляну Королевскому, Дюгамелю, для доставленія Его Величеству. Дважды былъ посыланъ къ Главнокомандующему отъ Короля Секретарь его Фризъ. Архитекторъ Сакъ уѣхалъ въ Бѣлой Стокъ.

Марта 28. Его Величество выходилъ, одѣвшись, предъ обѣ-

[31] Жена Подскарбія.

домъ на берегъ Нѣмена и за большимъ столомъ кушалъ. Былъ у Короля Г. Грушевскій и чрезъ полчаса уѣхалъ.

Марта 29. Его Величество хотѣлъ было прогуливаться ѣхать верхомъ, но послѣ отдумалъ, выходилъ за большой столъ и къ вечеру жаловался, что глазъ болитъ; оставался до вечера въ кабинетѣ, а въ вечеру выходилъ въ кавалерскую.

Марта 30. Выѣхалъ изъ дворца въ Бѣлой Стокъ Королевской свиты Староста Соколовскій, коему и билетъ данъ.

Марта 31. Его Величество гулялъ по терасу, что надъ рѣкою Нѣменомъ, и обѣдалъ за большимъ столомъ. Кушали у него Князья Чарторижскіе.

Мѣсяцъ Апрѣль.

1-го числа. Въ день Святыя Пасхи Его Величество, вышедъ изъ придворной церкви, въ 11 часовъ, въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, и придворныхъ его чиновъ, тако жъ конвоя 24 драгунъ при Офицерѣ, ѣздилъ за городъ въ Понѣмунь, [32] гдѣ болѣе часа гулялъ по берегу Нѣмена, и потомъ, возвращаясь, заѣхалъ къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, котораго поздравивъ съ праздникомъ, потчиваемъ былъ отъ Его Сіятельства Пасхою и прочимъ въ сей день по обыкновенію, потомъ возвратился во дворецъ. Обѣдали у него Князья Чарторижскіе и Господинъ Збышевскій.* Выѣзжали сего дня изъ дворца къ Главнокомандующему, съ поздравленіемъ праздникомъ и въ вечеру на ассамблею, Господа: Великій Конюшій Кицкій, Шамбеляны Дюгамель, Стржембашъ и Вольскій, Полковникъ и Адъютантъ Киркоръ, Господинъ Вицкій и Секретарь Фризъ.

Апрѣля 2. Обѣдали у Его Величества Его Сіятельство, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Князья Чарторижскіе, Господинъ Гурскій, и въ 6 часу

---

[62] Деревня въ 7 верстахъ отъ Гродна, на правомъ берегу Нѣмана, прежде принадлежала монастырю Бригитокъ. Другая Понѣмунь, въ верстѣ отъ города, на томъ же берегу, прежде принадлежала Езуитамъ, нынѣ Г-жѣ Ляхницкой.

* Въ подлинникѣ пишется эта фамилія то Збышевскій, то Бышевскій, равно и нѣкоторыя другія разнообразно до нельзя: Хребтовичъ и Хрептовичъ, Стрембошъ и Стржембашъ, Моравскій и Муравскій, Тышгобурскій и Тышгоборскій, Стейнъ и Штейнъ, Брестовскій и Бржостовскій, Гурскій и Горскій, даже Русскія и т. п. фамиліи: Волконскій и Волхонскій, такъ какъ журналъ составлялся изъ рапортичекъ разныхъ лицъ. О. Б.

по полудни разъѣхались. Выѣхалъ въ свои деревни свиты Королевской Господинъ Староста и казначей Соколовскій. Сего числа отъ Пристава, Графа Безбородка, отправлена къ Конюшему Кицкому съ Казначеемъ, Порутчикомъ Розенбаумомъ, на жалованье и прочіе расходы мѣсячная за Мартъ сумма.

Апрѣля 3. Сей день Его Величество препроводилъ обыкновенно, какъ и прочіе дни, и пріѣзду во дворецъ изъ Господъ здѣшнихъ ни какого не было. Посланъ былъ пажъ отъ Короля въ Доминиканскій монастырь. Возвратился изъ Варшавы Королевскій Подконюшій, Маіоръ Аксамитовскій.

Апрѣля 4. Обѣдалъ у Короля Его Сіятельство, Главнокомандующій, и съ нимъ такъ же Прускій Генералъ-Порутчикъ, Принцъ Гольстенбекъ, Генералъ-Маіоръ Беннигсонъ и Прускій Маіоръ Бреверинъ. Сегодня въ вечеру слушалъ Его Величество во дворцѣ вечернюю зорю, гдѣ играла роговая музыка, которой весьма удивлялся и подарилъ музыкантамъ 10 червонцевъ. Секретарь Фризъ былъ посланъ дважды къ Главнокомандующему. Отпущены въ Варшаву Адъютанта Королевскаго, Киркора, служители, Злотницкій и Павловскій, коимъ отъ Пристава данъ пашпортъ.

Апрѣля 5. Отъѣхали въ Варшаву Шамбелянъ Дюгамель и Маіоръ Кивецкій. По приказанію Его Сіятельства, Главнокомандующаго, отправилъ Графъ Безбородко, съ казначеемъ своимъ при письмѣ къ Господину Кицкому, за Генварь и Февраль мѣсяцы ливрейную сумму, 1,500 червонныхъ. [33]

Апрѣля 6. Гулялъ Король по берегу Нѣмена, ходилъ въ верхній этажъ въ покои, что (приготовлены) для сестры его, Графини Браницкой, и заходилъ къ Шамбеляну Вольскому.

Апрѣля 7. Выѣзжалъ Его Величество въ Попѣмунь и къ обѣду возвратился. По болѣзни Пристава, Графа Безбородка, препровождалъ онаго верхомъ Преміеръ-Маіоръ, Баронъ Паленъ. Въ вечеру отъ Главнокомандующаго присланы были письма къ Королю и къ прочимъ, кои дежурнымъ Маіоромъ Аничковымъ доста-

---

[33] Въ ожиданіи Короля, Графъ Безбородко получилъ 3 тысячи червонцевъ отъ Князя Н. В. Репнина и приказаніе тотчасъ же составить смѣту его расходовъ. По этой смѣтѣ требовалось ежемѣсячно 6,204 червонца, къ коимъ Князь Репнинъ прибавилъ 1,501 (на ливрею и фуражъ), прося Императрицу увеличить ежемѣсячное содержаніе Польскаго Короля въ Гроднѣ до 11 тысячъ червонцевъ; ходатайство это было уважено.

влены. Посланъ былъ пажъ отъ Короля къ Главнокомандующему и Г. Румянцову.

Апрѣля 8. Его Сіятельство, Главнокомандующій, Приставъ Графъ Безбородко, Генералъ-Маіоръ Князь Циціановъ, обѣдали у Его Величества, такъ же Князья Чарторижскіе и Господинъ Гурскій; послѣ обѣда былъ концертъ.

Апрѣля 9. По утру выѣзжалъ Король верхомъ въ Понѣмунь, въ препровожденіи своихъ придворныхъ и Пристава, Графа Безбородка.

Апрѣля 10. По утру въ 10 часу проѣзжался верхомъ Его Величество, въ препровожденіи своихъ придворныхъ и Пристава по дорогѣ Вильнинской, [34] потомъ въ Понѣмунь и въ первомъ часу возвратился. Обѣдали во дворцѣ: Графъ Безбородко, Господа Збышевскій и Лохницкій. Послѣ обѣда Его Величество посылалъ Секретаря Фриза къ Ея Сіятельству, Княгинѣ Наталіи Александровнѣ Репниной, [35] поздравить ее съ пріѣздомъ.

Апрѣля 11. Главнокомандующій кушалъ у Его Величества, такъ же Графъ Безбородко, Князья Чарторижскіе, Господа Нарбутъ и Гурскій. Трижды былъ посыланъ Секретарь Фризъ къ Его Сіятельству, Главнокомандующему. По приказанію Главнокомандующаго, послано къ Господину Кицкому за Мартъ и Апрѣль мѣсяцы остальные 1500 червонныхъ для ливреи Королевской, кои подъ росписку Господину Кицкому вручены отъ Казначея Розенбаума.

Апрѣля 12. Его Величество по утру проѣзжался верхомъ по дорогѣ Щучинской [36] и возвратился чрезъ Городницу. Въ вечеру ужинали у Короля и откланялись Князья Чарторижскіе и Господинъ Гурскій, при отъѣздѣ своемъ въ С.-Петербургъ. Король съ ними простился весьма чувствительно.

Апрѣля 13. Король прогуливаться ѣздилъ по утру верхомъ съ своими придворными, въ препровожденіи нашего конвоя и Пристава, Графа Безбородка. Сей день, послѣ обѣда въ шесть

---

[34] Тогда эта дорога шла на мѣстечко Меречъ (Троцкаго Уѣзда), черезъ деревню Грандичи (въ 4-хъ верстахъ отъ Гродна).

[35] Урожденной Куракиной.

[36] Щучинъ, мѣстечко Лидскаго Уѣзда, принадлежитъ Князьямъ Любецкимъ. Щучинскій трактъ или дорога то же, что Скидельская и Виленская—обычный путь, до построенія желѣзной дороги, изъ Гродна въ Вильну.

часовъ, были у Короля ихъ Сіятельства, Князь Николай Васильевичъ, Княгиня Наталья Александровна и Княгиня Александра Николаевна, съ сыномъ, Прапорщикомъ гвардіи, Княземъ Волконскимъ, Николаемъ Григорьевичемъ; [37] встрѣчены они были придворными Королевскими въ залѣ, а въ биліардной самъ Король, вышедъ, препроводилъ ихъ въ свой кабинетъ, гдѣ пробывъ съ полчаса, уѣхали.

Апрѣля 14. По утру, въ 10 часовъ, прогуливался Его Величество верхомъ и, возвращаясь во второмъ часу, заѣхалъ къ Главнокомандующему, гдѣ пробылъ съ часъ и, прощаясь, просилъ кушать въ воскресенье Главнокомандующаго, супругу его и Княгиню Александру Николаевну Волконскую, которые

Апрѣля 15-го, съ Его Сіятельствомъ, Главнокомандующимъ, и прибыли, въ исходѣ втораго часа, обѣдали тутъ, сверхъ того, Безбородко, Бригадиръ Князь Лобановъ-Ростовскій. [38] Послѣ обѣда былъ концертъ и въ пять часовъ ихъ Сіятельства уѣхали домой.

Апрѣля 16. Въ 10 часовъ Его Величество проѣзжался за городъ верхомъ и возвратился въ началѣ 1 часа. Генералъ Польской Стрепнскій, обѣдалъ во дворцѣ. Госпожа Забѣлина послѣ обѣда была у Его Величества. Староста Рыксъ давалъ въ Понѣмуни угощеніе придворнымъ Королевскимъ и другимъ своимъ знакомымъ. Король въ 6 часу ѣздилъ въ коляскѣ въ Понѣмунь, ходилъ по рощѣ, слушалъ роговую музыку, очень удивлялся и былъ доволенъ; былъ на семъ трактаментѣ въ домѣ, принадлежащемъ Господину Стрепнскому, разговаривалъ съ многими, подходилъ къ дамамъ, Шамбеляна Бенкена и Маіора Родена женамъ, разговаривалъ съ ними и въ 7 часовъ возвратился въ Гродно.

Апрѣля 27. Уѣхалъ въ Бѣлой Стокъ Свиты Королевской Шамбелянъ Вольскій, которому отъ Пристава данъ егерскій Унтеръ-Офицеръ. Его Величество проѣзжался верхомъ по берегу Нѣмена, потомъ по дорогѣ Щучинской и возвратился въ половинѣ 12 часа.

---

[37] Въ послѣдствіи, послѣ смерти Князя Николая Васильевича (1801), съ которымъ угасала фамилія Репнинныхъ, принявшаго фамилію своего знаменитаго дѣда, съ соизволенія Императора Александра I-го. Онъ былъ долгое время Малороссійскимъ Военнымъ Губернаторомъ (1818 — 1835). О. Б.

[38] Яковъ Ивановичъ, близкій родственникъ Княгини Н. А. Репниной, въ послѣдствіи, между прочимъ, тоже Малороссійскій Генералъ-Губернаторъ (1808 — 1816). О. Б.

Апрѣля 18. Его Величество ѣздилъ верхомъ по утру въ 10 часовъ. Были послѣ обѣда: Госпожа Забѣлина, Полковникъ Фонъ и Капитанъ Бистромъ.

Апрѣля 19. Приставъ, Графъ Безбородко, по дозволенію Его Сіятельства, Главнокомандующаго, съ Великимъ Конюшимъ Кицкимъ, и Полковникомъ Политанскимъ, отъѣхали изъ Гродна, за три мили, въ село Езеры [39] на охоту. Наблюденіе во дворцѣ за всѣмъ, сверхъ дежурнаго Маіора, приказано отъ Пристава старшему изъ Штабъ-Офицеровъ дежурныхъ, Маіору Каховскому, которому и во время выѣзду Его Величества приказано слѣдовать при немъ. Главнокомандующій и Графъ Румянцовъ обѣдали у Его Величества. Приходилъ во дворецъ Бригадиръ Медеръ съ двумя Генеральнаго Штаба Офицерами, и обще съ Архитекторомъ Сакеномъ, осматривалъ тѣ покои, кои передѣлывать велѣно для проѣзду сестры Королевской, Воеводыни Подольской. Предъ вечеромъ выѣхалъ Король съ нѣкоторыми своими придворными, сперва къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, а оттоль съ Его Сіятельствомъ и обѣими Княгинями проѣзжался въ Понѣмунь, возвращаясь же и паки былъ у Главнокомандующаго и потомъ пріѣхалъ домой. Въ вечеру пріѣхали изъ Варшавы Королевскіе Адъютанты, Гордонъ и Збышевскій.

Апрѣля 20. Предъ вечеромъ проѣзжался Король по дорогѣ къ Понѣмунѣ и, не доѣзжая до онаго, поворотилъ къ берегу Нѣмена, гдѣ, вставъ съ лошади, пѣшкомъ ходилъ по берегу и въ сумеркахъ пріѣхалъ домой.

Апрѣля 21. Въ день рожденія Ея Императорскаго Величества, въ исходѣ 1 часа, Его Величество съ своими придворными, въ препровожденіи Пристава, поѣхалъ къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, которой встрѣтилъ его на крыльцѣ съ прочимъ Генералитетомъ и Штабъ-Офицерами, а Ея Сіятельство, Княгиня Репнина, въ галереѣ. Его Величество, поздравивъ Главнокомандующаго съ праздникомъ, сказалъ, что онъ пріѣхалъ къ нему обѣдать и, оставаясь, приказалъ экипажамъ отъѣхать и быть въ три

---

[39] Мѣстечко Езеры въ 30 верстахъ отъ Гродна. По Езерской дорогѣ находились двѣ деревни: Каплица, въ 4-хъ, и Путришки, въ 6-ти верстахъ, отъ города; до нихъ часто прогуливался Король Станиславъ-Августъ. Езерскій трактъ иначе назывался Несвижскимъ.

часа. Когда время было къ столу ити, то, взявъ онъ супругу Главнокомандующаго, пошелъ къ столу, за коимъ такъ же сидѣли званные свиты Королевской: Великой Конюшій Кицкій, Шамбелянъ Трембецкій и дежурный Стржембашъ, Адъютанты Киркоръ, Гордонъ и Збышевскій, Полковники: Политанскій, Вицкій, Совѣтникъ и Докторъ Беклеръ и Маіоръ Аксамитовскій. За столомъ Его Величество всталъ и пилъ здоровье Ея Императорскаго Величества, при чемъ изъ пушекъ тридцать одинъ выстрѣлъ выпалено. Спустя немного, Его Сіятельство, Главнокомандующій, и всѣ тутъ бывшіе за столомъ, какъ наши, такъ и изъ Польскихъ Господъ, пили за здоровье Его Величества при пушечной польбѣ, такъ же 21 выстрѣлѣ. Въ продолженіи стола играли духовая, роговая и на трубахъ музыки, раставленныя по площади и въ близкости столовой комнаты. Послѣ обѣда пробылъ еще Король часъ и въ 4 часа возвратился во дворецъ. Ѣздили къ Главнокомандующему на балъ Господинъ Кицкій, Адъютанты Киркоръ и Збышевскій. Въ вечеру были у Короля Господа Грановскій и Муравскій.

Апрѣля 22. Его Величество былъ въ придворной церкви. Былъ въ 1 часу у Короля Генералъ Польской Забѣла и чрезъ два часа уѣхалъ изъ дворца. Его Сіятельство, Главнокомандующій, кушалъ у Его Величества, такъ же Графъ Безбородко, Господа Бржостовскій и Муравскій обѣдали. Въ 7 часу въ вечеру Король ѣздилъ до деревни Грандичи верхомъ, а оттуда въ каретѣ возвратился.

Апрѣля 23. Его Величество обѣденной столъ имѣлъ не въ столовой комнатѣ, а на балконѣ, что надъ Нѣменомъ. Послѣ обѣда проѣзжался верхомъ внизъ по берегу Нѣмена и потомъ до деревни Пѣшокъ, а назадъ возвратился въ каретѣ. Возвратился изъ Гѣлого Стоку Шамбелянъ Вольской. Унтеръ-Офицеръ, при немъ находившійся въ дорогѣ, отъ дежурнаго во дворцѣ Маіора отправленъ къ командѣ.

Апрѣля 24. Выѣхалъ по утру печалнно Его Величество прогуливаться верхомъ такъ, что не всѣ съ нимъ ѣздившіе всегда Его свиты про то знали; кромѣ Графа Безбородка и Полковника Политанскаго, Адъютанта дежурнаго Киркора и Шамбеляна Стржембаша не было прочихъ. Конвой слѣдовалъ всегда за Его Величествомъ, экипажи жъ отъ Понѣмунской дороги поѣхали въ

городъ, а онъ по берегу Нѣмена и мимо наводимаго моста на ономъ въ замокъ проѣхалъ. Въ 1 часу Его Величество ходилъ съ придворными своими въ Старый замокъ къ Секретарю Фризу и, оттуда возвращаясь, былъ у Короннаго Конюшаго Кицкаго. Обѣдалъ въ обыкновенное время. Дважды былъ у Короля и у Господина Кицкаго Господинъ Бржостовскій. Усмотрѣно было караульнымъ Капитаномъ, во время переходу его черезъ сѣни, гдѣ стоялъ часовой отъ боковаго подъѣзду, что лакей Господина Брестовскаго долгое время разговаривалъ съ часовымъ, и тотчасъ смѣненъ былъ тотъ часовой другимъ. По распросу оказалось, что помянутый лакей разсказывалъ много лишняго и дерзкаго часовому; по донесеніи о семъ Главнокомандующему, препоручено было Господину Генералъ-Маіору Князю Циціанову сказать Господину Брестовскому, дабы наказанъ былъ выше реченный слуга за лишнюю дерзость. Выѣзжалъ изъ дворца Шамбелянъ Вольскій и былъ у Главнокомандующаго и въ домѣ Господина Косаковскаго. Король прогуливался въ вечеру по терасу.

Апрѣля 25. Данъ пашпортъ до Варшавы Секретарю Королевскому, Бачьярелію, съ двумя при немъ служителями, изъ коихъ одинъ двора Королевскаго конюхъ съ тремя лошадями, а другой его собственный человѣкъ. Посланъ былъ пажъ въ домъ Соболевскаго къ Господину Волковицкому, откуда черезъ часъ возвратился. Генералъ Стрепинскій и Господинъ Андрейковичъ были у Его Величества. Предъ вечеромъ Король проѣзжался за городъ. Во время выѣзду изъ дворца подала ему просьбу вдова Монтушъ, жалуясь на Шамбеляна Бадини.

Апрѣля 26. Выѣхалъ въ Варшаву Секретарь Бачьярели. Его Величество проѣзжался верхомъ за городъ и, проѣхавъ верстъ пять отъ онаго, возвратился. Его Сіятельство, Главнокомандующій, кушалъ у Короля. Послѣ обѣда пріѣзжали поздравить Его Величество, на канунѣ торжества его тезоименитства, Госпожи: Генеральша Грабовская, Княгиня Воронецкая и Подскарбина Дзяконская. Пріѣхали изъ Варшавы: Совѣтникъ Королевской, Робертъ Витсонъ, и Подконюшій Аксамитовскій. Секретарь Фризъ ѣздилъ въ Комиссію Провіантскую.

Апрѣля 27. Его Величество въ день тезоименитства своего былъ въ придворной церкви. На канунѣ того дня просилъ онъ Главнокомандующаго ни какого въ день сей для его не дѣлать

празднества и не принималъ по утру ни отъ кого поздравленія; Главнокомандующій, однако жь, пріѣхалъ къ нему къ обѣду, обѣдали такъ же Графъ Безбородко, Польской Генералъ Стрепнскій, пріѣхавшій изъ Варшавы къ Королю Каштелянъ Любецкій, Господинъ Ледуховскій, Господинъ Конюшій Кицкій и нѣсколько придворныхъ Королевскихъ. Его Сіятельство, Главнокомандующій, пилъ за здоровье Королевское во время стола, а Король пилъ за здоровье Великаго Князя, Константина Павловича, котораго въ сей день такъ же тезоименитство. Послѣ обѣда пріѣхала Ея Сіятельство, Княгиня Репнина, съ дочерью, Княгинею Волконскою, такъ же Генералъ-Порутчикъ Графъ Румянцовъ и Генералъ-Маіоръ Князь Циціановъ. Отъѣхалъ обратно въ Варшаву Совѣтникъ Королевской, Витсонъ, которому, такъ же фърманщику Матису Ратинскому пашпорты даны.

Апрѣля 28. По причинѣ холодной погоды, Его Величество не выѣзжалъ изъ города прогуливаться.

Апрѣля 29. Его Сіятельство, Главнокомандующій, кушалъ у Короля.

Апрѣля 30. Его Величество ѣздилъ прогуливаться.

Мѣсяцъ Май.

1-го числа. Утромъ выѣзжалъ Его Величество верхомъ за городъ съ нѣсколькими человѣками изъ придворныхъ его, въ препровожденіи конвоя нашего; по болѣзни Пристава, Графа Безбородка, ассистовалъ его Премьеръ-Маіоръ Баронъ Паленъ. Къ обѣду возвратился Король. Въ сей день были у Его Величества: Генералъ Польской Стрепнскій, Варшавской банкиръ Господинъ Мейснеръ, [40] и изъ Доминиканскаго монастыря два Доминиканы. Съ письмами отъ Главнокомандующаго присланъ былъ Офицеръ

[40] Онъ завѣдывалъ денежными дѣлами Короля, въ качествѣ коммисіонера по его долговымъ обязательствамъ. Станиславъ-Августъ прибылъ въ Гродно почти нищимъ, обремененный долгами, количество которыхъ простиралось до 40 милліоновъ Польскихъ гульденовъ. Уплату этихъ долговъ приняли на себя Правительства, участвовавшіяся въ 3-мъ раздѣлѣ Польши. Кромѣ долговъ, Король оставилъ въ Варшавѣ множество престарѣлыхъ слугъ и другихъ лицъ, жившихъ на его иждивеніи; почти половина содержанія, получаемаго имъ въ Гроднѣ, шла на ихъ пенсіоны.

къ Секретарю Фризу. Въ вечеру прибылъ изъ Варшавы Канцлеръ Графъ Хребтовичъ, пошелъ тотчасъ къ Королю и чрезъ полчаса вышелъ, остановился во дворцѣ, въ верхнемъ этажѣ. Его Величество посылалъ пажа къ Графу Безбородку навѣдаться о здоровьи. Шамбелянъ Вольскій ходилъ въ Доминиканскій клясторъ; Секретарь Фризъ ѣздилъ къ Его Сіятельству, Главнокомандующему. Въ сей день отъ Пристава, Графа Безбородка, отправлена съ Казначеемъ, Порутчикомъ Розенбаумомъ, къ Конюшему Кицкому денежная мѣсячная за Апрѣль сумма на жалованье и прочіе Королевскіе расходы.

Маія 2. Его Величество по утру ѣздилъ верхомъ въ Понѣмунь съ своими придворными, въ препровожденіи Премьера-Маіора Каховскаго и конвоя нашего при Офицерѣ, возвратиться изволилъ къ обѣду. Были во дворцѣ: Генералъ Стреинскій, Полковникъ Польской Война и Польской Капитанъ Церстеръ. Пріѣхалъ изъ Варшавы Балетмейстеръ Курцъ. Король ходилъ въ придворную церковь и въ вечеру прохаживался по терасу предъ ужиномъ, послѣ онаго занимался чтеніемъ газетъ, игрою въ биліардъ и въ 11 часовъ легъ опочивать.

Маія 3-го. Его Величество, по причинѣ худой погоды, не выѣзжалъ. Главнокомандующій и Генералъ-Маіоръ Бенингсонъ кушали у Короля. Послѣ обѣда пріѣхали во дворецъ: Бригадиръ и Елецкаго пѣхотнаго полку командиръ Феншъ и Санктпетербургскаго гренадерскаго полку Подполковникъ Стакельбергъ, которыхъ Главнокомандующій представилъ Королю.

Маія 4-го. Проѣзжался Его Величество верхомъ по утру Обѣдали у него: Генералъ Стреинскій и Г. Лохницкій. Шамбелянъ Вольскій и Секретарь Фризъ ѣздили къ Его Сіятельству, Главнокомандующему. Вечеромъ Его Величество ѣздилъ къ Главнокомандующему и чрезъ часъ возвратился. Данъ пашпортъ Шамбеляну Леснеру до Варшавы и обратно на три почтовыя лошади.

Маія 5-го. Выѣхали въ Варшаву: Королевской свиты Маіоръ и Подконюшій Аксамитовскій, и духовникъ Королевскій, Аббатъ Лабанской, которымъ подорожныя даны.

Маія 6-го. Въ 10 часовъ Его Величество ходилъ въ придворную церковь. Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Поручикъ Графъ Румянцевъ и Безбородко, Генералъ-Маіоръ Графъ

Панинъ, [41] котораго первый разъ представилъ Королю Главнокомандующій, и Бригадиръ Фешъ, [42] кушали у Его Величества и въ 5 часовъ уѣхали. Въ 6 часовъ по полудни Король, съ Приставомъ Графомъ Безбородкомъ, Коронным Конюшемъ Кицкимъ, и Шамбеляномъ Вольскимъ, въ каретѣ, а прочіе его свиты верхами, въ первой разъ выѣхалъ за рѣку Нѣменъ въ Лососну, гдѣ по берегу рѣки Лососны ходилъ пѣшкомъ и часу въ 10 возвратился въ городъ. По приказанію Главнокомандующаго, прибавленъ конвой для Его Величества для переѣздовъ его чрезъ рѣку Нѣменъ, [43] Казачею командою при старшинѣ.

Маія 7-го. Утромъ Его Величество, въ препровожденіи Графа Безбородка, придворныхъ своихъ и конвоя нашего, проѣзжался верхомъ по сей сторонѣ рѣки Нѣмена по дорогѣ къ Попѣмуни, и оттоль по Щучинской дорогѣ возвратился въ первомъ часу. Секретарь Фризъ ѣздилъ къ Его Сіятельству, Главнокомандующему.

Маія 8-го. По утру Его Величество ѣздилъ за Нѣменъ въ Лососну и къ обѣду возвратился. Посыланъ былъ пажъ отъ Короля къ Генералитету, здѣсь находящемуся, пригласить къ обѣду на 9 число Маія, по случаю имянинъ Его Сіятельства, Князя Николая Васильевича.

Маія 9-го. Король посылалъ Шамбеляна поздравить Главнокомандующаго съ тезоименитствомъ его. Выѣхали въ 12 часу изъ дворца къ Его Сіятельству, Главнокомандующему: Канцлеръ Хребтовичъ, Г. Кицкій и прочіе придворные Королевскіе, поздравить его и къ обѣду возвратились. Въ исходѣ 2-го часа пріѣхалъ во дворецъ Его Сіятельство, Князь Николай Васильевичъ, и съ нимъ Генералитетъ: Графы Румянцовъ и Безбородко, Генералъ

---

[41] Никита Петровичъ, также ближній родственникъ Княгини Н. А. Репниной. Панины находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ бывшимъ Королемъ Польскимъ.

[42] Жена его была красивѣйшей и образованнѣйшей изъ Русскихъ женщинъ, проживавшихъ въ то время въ Гроднѣ.

[43] За Нѣманомъ начиналась тогда Прусская граница (кордонъ), хотя разграниченіе двухъ Государствъ, послѣ 3-го раздѣла, еще не было покончено. На лѣвомъ берегу Нѣмана, куда часто ѣздилъ Станиславъ-Августъ, находились двѣ деревни: Лососна, на рѣчкѣ того же имени, въ 3-хъ верстахъ отъ Гродна, и Августово, подлѣ Лососны, и лѣсная дача Пышки, недалеко отъ этѣхъ деревень.

Маіоры Графъ Панинъ, Германъ, [44] Князь Ціціановъ, Бенингсонъ, Бригадиры: Князь Лобановъ и Фешъ, кушали у Короля, которой пилъ за столомъ здоровье имянинника. Послѣ обѣда ѣздилъ Король и Главнокомандующій прогуливаться въ Понѣмунь, гдѣ смотрѣли на свадьбу Жидовскую. Въ вечеру Его Величество пріѣхалъ къ Главнокомандующему, гдѣ нашелъ большую публику, по случаю бала, и, пробывъ съ часъ, уѣхалъ къ себѣ; не доѣзжая дворца, приказалъ заѣхать въ Старый замокъ, гдѣ навѣщалъ Шамбеляна Трембецкаго и пѣшкомъ пришелъ домой.

Маія 10-го. Проѣзжался Его Величество за рѣку Нѣменъ, въ препровожденіи Маіора Каховскаго, по болѣзни Пристава.

Маія 11-го. Обѣдали у Короля: Генералъ Стрепнскій, Г-да Бржостовскій и Крайчій Грабовскій. Вечеромъ проѣзжался Король въ деревню Грандичи. Г. Грановскій пріѣхалъ въ часу 8 во дворецъ, дождался Короля и ужиналъ у него. Посланъ былъ къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, Секретарь Фризъ.

Маія 12-го. По причинѣ холоднаго времени во весь день не выѣзжалъ Его Величество. Данъ пашпортъ для проѣзду въ Варшаву возвращающейся женѣ Подчашаго Королевскаго Люцинскаго.

Маія 13-го. Въ 10 часовъ ходилъ въ придворную церковь Его Величество. Главнокомандующій, прибывъ во второмъ часу, и съ нимъ Графъ Безбородко и Полковникъ Московскаго гренанерскаго полку Князь Волконскій, который былъ представленъ Королю, обѣдали у него, такъ же и Польскіе Г-да: Грановскій, Бржостовскій и Кицкій.

Маія 14. Прибыли изъ Варшавы: Шамбелянъ Дюгамель и Секретарь Бачьярели.

Маія 15. Два раза были у Короля: Г. Бржостовскій и Г. Соболевскій. Секретарь Фризъ посыланъ былъ къ Его Сіятельству, Князю Николаю Васильевичу.

---

[44] Одинъ изъ отрядныхъ начальниковъ, вмѣстѣ съ Княземъ Голицынымъ, Ціціановымъ, Бенингсономъ, Лассіемъ и Кнорингомъ, прославившійся при усмиреніи Литовскихъ мятежниковъ, сподвижниковъ Костюшки. Послѣ подавленія мятежа, онъ стоялъ у Вилкомира; теперь же, живя въ Гроднѣ, былъ ежедневнымъ гостемъ у Генералъ-Губернатора и, какъ пріятный собесѣдникъ, былъ очень любимъ всѣмъ его семействомъ.

Маія 16. Пріѣзжалъ предъ обѣдомъ Г. Брестовскій, былъ сперва у Графа Хребтовича, потомъ у Короля, были такъ же въ разные часы Гг.: Михалецкій у Доктора Беклера, Маршалекъ Ядве у Кицкаго. Польскій Генералъ-Порутчикъ Грабовскій обѣдалъ у Короля. Приходилъ, проѣзжавшій чрезъ Гродно изъ Вѣны въ Санктпетербургъ, возвращавшійся Италіянецъ Камаскини, къ Старостѣ Рыксу, обѣдалъ у него и въ 6 часовъ быть, съ вѣдома Пристава, у Его Величества.

Маія 17. Его Величество предъ обѣдомъ выѣзжалъ въ Лососну верхомъ, въ препровожденіи придворныхъ и Пристава съ обыкновеннымъ конвоемъ, и возвратился къ обѣду. Прибыли: Главнокомандующій, Графъ Безбородко и Генералъ-Маіоръ Графъ Паninъ, кушали у Короля и въ четыре часа разъѣхались.

Мая 18. Пріѣзжали во дворецъ Г-жи: Воловичева къ Докторшѣ Беклеровой, Бржостовская къ отцу своему, Графу Хребтовичу, Грабовская и Стреинская къ Королю. Его Величество проѣзжался верхомъ по сей сторонѣ Нѣмена.

Маія 19. Присланъ былъ Офицеръ отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, съ письмами къ Королю, кои дежурнымъ во дворцѣ Маіоромъ отданы Секретарю Фризу. Его Величество, переѣхавши рѣку Нѣменъ, ѣздилъ вверхъ по берегу онаго нѣсколько верстъ и возвратился къ обѣду.

Маія 20. Король былъ въ придворной церкви; посылалъ Шамбеляна Вольскаго поздравить съ праздникомъ гвардіи Измайловскаго полку Главнокомандующаго, который въ сей день у него кушалъ: Генералъ-Порутчикъ Графъ Румянцовъ и Графъ Безбородко обѣдали такъ же. Въ вечеру Его Величество прогуливаться изволилъ по дорогѣ Понѣмунской и, возвращаясь чрезъ городъ, пѣшкомъ домой пришелъ.

Маія 21. Шамбелянъ Дюгамель посланъ былъ отъ Его Величества къ Главнокомандующему поздравить съ тезоименитствомъ Великаго Князя, Константина Павловича, и Великой Княгини, Елены Павловны. Ѣздили за Нѣменъ въ Лососну Великій Конюшій Кицкій и Шамбелянъ Вольскій. Секретарь Фризъ посланъ былъ къ Князю Николаю Васильевичу. Польской Генералъ Грабовскій былъ у Короля. Г-га: Збышевскій, Нарбутъ, Бржостовскій и Андрейковичъ были во дворцѣ. Его Величество прохаживался пѣшкомъ около Стараго замка. Маіоръ Паленъ при-

везъ письмо отъ Главнокомандующаго къ Королю. Павѣщалъ Король больнаго Графа Хребтовича. Пріѣхалъ изъ Вѣны Шамбелянъ Бадини.

Маія 22. Его Величество проѣзжался верхомъ за Нѣменъ. Послѣ обѣда смотрѣлъ съ терэса проходящей въ лагерь за рѣку Нѣменъ егерской баталіонъ.

Маія 23. Преміеръ-Маіоръ Дюгамель отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, присланъ былъ съ письмами къ Королю и къ Графу Хребтовичу. Секретарь Фризъ ѣздилъ въ городъ къ Его Сіятельству, Князю Николаю Васильевичу Репнину. Его Величество проѣзжался за Нѣменъ въ Лососну и къ деревнѣ Каролинѣ, возвратился по Варшавской дорогѣ. Въ вечеру гулялъ по берегу и сидѣлъ на балконѣ, занимаясь чтеніемъ газетъ; тутъ же и ужинъ былъ.

Маія 24. Въ день праздника Католицкаго: «Господня Тѣла.» Его Величество въ 10 часу, въ препровожденіи своихъ придворныхъ, Пристава Графа Безбородка, въ свитѣ при немъ находящихся Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, и конвоя драгунъ, выѣхалъ въ Езуитскую церковь. Въ проѣздъ его мимо воинской команды, для церемоніи во время процессіи назначенной, подъ начальствомъ Секундъ-Маіора Гродненскаго, отдана ему честь. При входѣ его въ церковь, встрѣченъ духовенствомъ и препровожденъ до мѣста, для него уготовленнаго, гдѣ по обѣимъ сторонамъ наставлены были, для недопущенія тѣсниться народу, два драгунскіе Унтеръ-Офицера съ ружьями. По совершеніи литургіи началась процессія изъ Езуитской церкви и шествіе по городу было слѣдующимъ образомъ:

1. Плацъ-Маіоръ съ двумя Квартальными Офицерами и шестью Унтеръ-Офицерами верхами.

2. Цехи городовые, съ ихъ знаменами.

3. Взводъ изъ 24 драгунъ пѣшихъ, при Оберъ-Офицерѣ, Унтеръ-Офицерѣ, одномъ капралѣ, и одномъ барабанщикѣ.

4. Духовенство, со всѣмъ принадлежащимъ къ нему клиромъ всѣхъ орденовъ Католическаго Исповѣданія; Каноникъ Увальдъ, несущій святые дары подъ балдахиномъ, четырьмя Польскими Шляхтичами поддерживаемымъ; Его Величество, въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, Великаго Конюшаго Кицкаго, который велъ подъ руку Короля, всѣхъ своихъ придворныхъ и

въ свитѣ находящихся Штабъ и Оберъ-Офицеровъ; здѣшнія и наши обоего полу благородныя особы. Оные всѣ закрываемы были по обѣимъ сторонамъ шеренгою драгунъ, по 50 человѣкъ съ каждой, при четырехъ Офицерахъ. Вся сія процессія замыкаема была взводомъ драгунъ, 24 человѣкъ при Офицерѣ. Шествіе было изъ Езуитскаго костела въ Бернадинской мужской, въ Бернадинской женскій, въ Доминиканской и обратно въ Езуитской, гдѣ, по окончаніи всего, возвратился Его Величество въ такомъ же препровожденіи во дворецъ, команды къ воинскія, отдавъ ему честь, по приказанію Графа Безбородка, подъ коего начальствомъ оныя были на сей разъ, отпущены. Сего дня былъ у Короля Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко, Графъ Панинъ и Г. Брестовскій.

Маія 25. Его Величество проѣзжался за Нѣменъ верхомъ. Послѣ обѣда пріѣзжали къ Королю: Госпожа Подскарбина Дзяконская, Княгиня Четвертинская съ двумя дочерьми, и сыномъ, и чрезъ часъ выѣхали; [45] заходили къ Канцлеру Хребтовичу. Вечеромъ Король проѣзжался около замка.

Маія 26. Его Величество проѣзжался верхомъ до деревни Грандичи и далѣе, возвращаясь сѣлъ въ карету и, встрѣтившись съ Главнокомандующимъ, возвращавшимся изъ лагеря, остановился и, съ четверть часа поговоривъ, разъѣхались. Обѣдалъ у Его Величества Подполковникъ Стакельбергъ. Отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, присланы къ Королю письма съ Офицеромъ, кои принялъ Секретарь Фризъ.

Маія 27. Былъ въ придворной церкви Его Величество; посылалъ Секретаря Фриза къ Главнокомандующему, который съ Генералами, Графами Румянцевымъ и Безбородкомъ, кушалъ у него. Послѣ обѣда представилъ Его Сіятельство Королю Генералъ-Маіора Козлова. Въ 5 часу разъѣхались, и Король не ѣздилъ прогуливаться. Даны паспорты двумъ придворнымъ сторожамъ, Пробировскому въ Брянскъ и Зензоховичу въ Бѣльскъ. Въ вечеру пріѣхалъ изъ Варшавы Подконюшій Аксамитовскій.

---

[45] Особа двусмысленнаго поведенія; дочь ея, Марія, извѣстная красавица. Князь Четвертинскій, приверженецъ Россіи и Торговицкой Конфедераціи, погибъ въ Варшавѣ, во время послѣдней революціи.

Маія 28. Конюшій Кицкій и Шамбелянъ Вольскій уѣхали въ Бѣлой Стокъ. Даны пашпорты изъ Варшавы провозившимъ Королевскія вещи и возвращающимся фурманщикамъ, Костицкому и Колчубѣ. До обѣда Его Величество не выходилъ изъ своихъ внутреннихъ покоевъ, занимался чтеніемъ и письмомъ, и послѣ обѣда до 6 часовъ такъ же; вечеромъ же проѣзжался за Нѣменъ верхомъ. Былъ въ Лососнѣ, смотрѣлъ, какъ учился баталіонъ егерей, заѣзжалъ въ Августовскій дворецъ и въ 10 часу воротился домой.

Маія 29. Его Величество посылалъ пажа къ Генералу Герману. Секретарь Фризъ былъ у Главнокомандующаго. Во дворцѣ былъ Г. Бржостовскій и жена его у Графа Хребтовича. Изъ Бѣлаго Стоку воротились Гг. Кицкій и Шамбелянъ Вольскій.

Маія 30. Выѣхали въ Бѣлой Стокъ Шамбелянъ Бадини и Адъютантъ Королевской, Грабовскій. Его Величество ѣздилъ прогуливаться за Нѣменъ въ Лососну, Августовъ и въ часу 10 вечера возвратился.

Мая 31. Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Поручики Князь Голицынъ и Графъ Безбородко, обѣдали у Его Величества, которому послѣ обѣда представленъ былъ сынъ Князя Голицына, гвардіи Преображенскиго полку Капитанъ-Порутчикъ Князь Голицынъ. Вечеромъ Его Величество ѣздилъ прогуливаться чрезъ Гродницу къ деревнѣ Пышкамъ при Нѣменѣ.

Мѣсяцъ Іюнь.

1-го Іюня. Обѣдалъ у Его Величества Шамбелянъ Бадини. Утромъ были во дворцѣ: Г. Бржостовскій у Графа Хребтовича, Г. Збышевскій входилъ къ Его Величеству, Полковникъ Ельжинъ былъ у Короля. По полудни: Г. Бржостовскій съ женою были у Графа Хребтовича, Ректоръ Виленской Академіи, Г. Почебутъ, входилъ къ Его Величеству. Въ 7 часу по полудни Его Величество, въ препровожденіи обыкновеннаго конвоя и съ обыкновенными почестями, выѣзжалъ прогуливаться въ Лососну и возвратился чрезъ Августово. Въ 9 часу вечера прогуливался онъ пѣшкомъ около своего дворца, и ретировался къ себѣ въ 10 часовъ вечера. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Шамбелянъ Стржембашъ и Подполковникъ Понятовскій выходили прогуливаться, Шамбелянъ

Трембецкій выѣзжалъ въ городъ. По полудни выходилъ Секретарь Пузына, выѣзжали: Шамбелянъ Вольскій, пажъ Дубецкій, молодой Хребтовичъ и Графъ Канцлеръ Хребтовичъ. Отъѣхали изъ Гродна въ Варшаву Королевскіе камеръ-лакеи Корженевскій и Фишеръ.

Іюня 2. Въ 10 часовъ утра Его Величество прогуливался по Скидельской, дорогѣ [46] и возвратился во дворецъ чрезъ часъ. Посылалъ потомъ пажа своего къ Генералъ-Маіору и Кавалеру Козлову пригласить его на завтрашній день къ себѣ на обѣдъ. Былъ во дворцѣ: Ректоръ Виленской Академіи, Почебутъ, съ другимъ духовнымъ, заходили къ Шамбеляну Вольскому, а отъ него прошли къ Королю, обѣдали у него и потомъ, вмѣстѣ съ Шамбеляномъ Вольскимъ, возвратились къ себѣ. Г. Брестовскій былъ у Г. Кицкаго. Выѣзжалъ изъ дворца, утромъ Секретарь Фризъ къ Господину Главнокомандующему, возвратился чрезъ два часа.

3 Іюня. Въ 9 часу Ректоръ Езуитскаго монастыря исправлялъ обѣдню въ придворной церкви, при коей присутствовалъ Король со всѣми своими придворными. Обѣдалъ у Его Величества Господинъ Главнокомандующій съ Генералъ-Маіорами Графомъ Панинымъ и Козловымъ. Въ 6 часу по полудни Его Величество выѣзжалъ прогуливаться въ обыкновенномъ порядкѣ и возвратился черезъ часъ. По полудни въ 5 часу былъ у Короля Шамбелянъ Бадини. Выѣзжали утромъ изъ дворца: Секретарь Фризъ къ Главнокомандующему, по полудни Шамбелянъ Вольскій въ городъ, Секретарь Фризъ вторично къ Главнокомандующему, Шамбекянъ Дюгамель выходилъ прогуливаться. Отъѣхалъ въ Бѣлой Стокъ Графъ Канцлеръ Хребтовичъ.

4 Іюня. Былъ во дворцѣ утромъ Господинъ Брестовскій у Канцлера Графа Хребтовича. По полудни онъ же входилъ къ Его Величеству, въ 9 часу вечера Госпожа Мостовская была у Его Величества. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Секретарь Фризъ къ Главнокомандующему, Адъютантъ Грабовскій въ городъ, Шамбелянъ Стржембашъ прогуливаться, Секретарь Понятовскій также, Графъ Канцлеръ Хребтовичъ къ Господину Брестовскому. Отъѣхали изъ Гродна на встрѣчу сестрицѣ Его Величества: мадамъ де

[46] Такъ называлась новая Виленская дорога, по имени мѣстечка Скидель (34 версты отъ Гродна).

Кракови [47] Подкоморій Аксамитовскій и Порутчикъ Сагатинскій. Возвратился изъ Бѣлаго Стоку Канцлеръ Графъ Хребтовичъ.

5 Іюня. Во 2 часу по полудни прибылъ въ Гродно изъ Италіи племянникъ Королевской, Станиславъ Князь Понятовскій, явился тотчасъ къ Королю; побывавъ въ комнатахъ, ему назначенныхъ во дворцѣ, вышелъ на обѣдъ. Были во дворцѣ: утромъ Госпожа Брестовская къ Графу Хребтовичу, Господинъ Ельскій обѣдалъ у Короля. По полудни: Ректоръ Виленской Академіи, Господинъ Почебутъ, приходилъ къ Графу Хребтовичу, Господинъ Брестовскій къ нему же. Въ 7 часу по полудни выѣзжалъ Король на дорогу Бѣлостока и на третьей верстѣ встрѣтилъ ѣхавшую изъ Люблина сестрицу свою, мадамъ де Кракови. По обыкновенномъ привѣтствіи, посадилъ ее въ карету и самъ провожалъ верхомъ до самаго моста на Нѣменѣ, гдѣ, сошедъ съ лошади, принялъ свою сестрицу изъ кареты и, прошедъ съ нею мостъ пѣшкомъ, сѣлъ вмѣстѣ въ ея коляску и прибылъ такъ во дворецъ.

6 Іюня. Въ 9 прогуливался Король по берегу Нѣмена при дворцѣ. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Секретарь Фризъ къ Господину Главнокомандующему, Шамбелянъ Стржембашъ въ городъ, Шамбелянъ Дюгамель и Секретарь Пузына прогуливались пѣшкомъ; выѣзжалъ въ городъ Хребтовичъ. По полудни: Князь Станиславъ былъ у Господина Главнокомандующаго; выходили пѣшкомъ Секретарь Понятовскій, Пузына и Шамбелянъ Дюгамель. Прибыли обратно въ Гродно: Подкоморій Аксамитовскій и Порутчикъ Сагатинскій.

7 Іюня. Отъѣхалъ изъ Гродна въ Варшаву, въ 6 часу утра, Князь Станиславъ съ капельмейстеромъ Альберти и двумя служителями.

8 Іюня. Утромъ былъ у Его Величества Господинъ Михалевскій, по полудни пріѣзжалъ къ Королю Господинъ Мей, вторично Господинъ Михалевскій. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество выѣзжалъ въ обыкновенномъ порядкѣ прогуливаться съ своею сестрицею по Виленской дорогѣ; возвратился во дворецъ въ 9 вечера. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Канцлеръ Графъ Хреб-

---

[47] Графинѣ Браницкой, которую Князь Репнинъ называлъ «женщиной смирной и почтительной.»

товичъ, Шамбелянъ Стржембашъ и Секретарь Понятовскій, прогуливаться, Секретарь Фризъ къ Главнокомандующему.

9 Іюня. Утромъ была Госпожа Брестовская у Канцлера Графа Хребтовича и потомъ входила къ мадамъ де Кракови. Госпожа Дзякоиская была у мадамъ де Кракови, потомъ къ Его Величеству, обѣдала и выѣхала въ 5 часовъ по полудни. По полудни, Господа: Тайной Совѣтникъ и Кавалеръ Баронъ д' Ашъ [48] и Генералъ Маіоръ Графъ Панинъ, были у Его Величества. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество въ обыкновенномъ порядкѣ прогуливался по Несвижской дорогѣ, доѣзжалъ до деревни Каплицы и возвратился въ 8 часовъ вечера. Въ 7 мадамъ де Кракови, съ своими дамами и Госпожею Бржостовскою, выѣзжала въ Понѣмунь прогуливаться. Его Величество имѣлъ ужинъ въ 9 часовъ, и послѣ съ сестрицею своею сидѣлъ на терасу до 12 часовъ ночи. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Секретарь Фризъ къ Господину Главнокомандующему, по полудни Шамбелянъ Стржембашъ, прогуливаться. Отъѣхали изъ Гродна чрезъ Волковиски въ помѣстье Забѣлино: Адъютантъ Королевскій Грабовскій и Шамбелянъ Бадони; при нихъ два служителя.

10 Іюня. Въ 10 часовъ утра Его Величество, со всѣмъ своимъ дворомъ, былъ въ придворной церкви при отправленіи мши, производимой духовными изъ Бернандинскаго монастыря; по выходѣ оттуда Его Величество ходилъ къ своей сестрицѣ и чрезъ полчаса возвратился въ свой кабинетъ, откуда не выходилъ до самаго обѣда. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Главнокомандующій и Господинъ Баронъ д' Ашъ, изъ Польскихъ же Господъ Господинъ Соболевскій. Послѣ стола занимались слушаніемъ пѣнія Итальянца изъ свиты Князя Станислава. Господинъ Главнокомандующій уѣхалъ въ 7 часу. Вскорѣ послѣ сего Его Величество съ своею сестрицею выѣзжалъ въ обыкновенномъ порядкѣ прогуливаться за Нѣменъ въ Лососну и Августово; возвратился въ 8 часовъ. Утромъ было во дворцѣ: Госпожа Брестовская у Канцлера Графа Хребтовича. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Секретарь Фризъ къ Господину Главнокомандующему, по полудни Докторъ Беклеръ съ женою, прогуливаться за Нѣменъ, Секре-

[48] Русскій дипломатъ.

тарь Пузына въ городъ, Канцлеръ Графъ Хребтовичъ и Шамбелянъ Вольскій на вечеринку къ Главнокомандующему.

11 Іюня. Въ 11 часу утра мадамъ де Кракови была въ придворной церкви, а по выходѣ оттуда прошла къ Его Величеству въ кабинетъ. Была во дворцѣ Госпожа Брестовская у мадамъ де Кракови, уѣхала во 2 часу по полудни. Въ 7 часу вечера Его Величество съ своею сестрицею выѣзжалъ прогуливаться по Виленской дорогѣ, возвратился въ 9 часу вечера. Были во дворцѣ: шефъ Стреинскій у Господина Кицкаго, Господинъ Михалевскій у Канцлера Графа Хребтовича. Отъѣхали изъ Гродна въ Варшаву: Шамбелянъ Дюгамель, Секретарь Карась и пажъ Яблонской.

12 Іюня. Въ 10 часовъ утра мадамъ де Кракови изволила выходить въ придворную церковь и быть тамъ при отправленіи мши. Въ томъ же часу Его Величество въ обыкновенномъ порядкѣ выѣзжалъ прогуливаться на Несвижскую дорогу. Утромъ были во дворцѣ: Госпожа Вилжина у Секретаря Пузыны и Порутчица Оржекова у Господина Кицкаго. Господинъ Райскій входилъ къ мадамъ де Кракови, Госпожа Брестовская къ Графу Хребтовичу. По полудни вторично Господинъ Райскій былъ у Его Величества и обѣдалъ тутъ; Господинъ Почебутъ, Ректоръ Виленской Академіи, обѣдалъ у Короля. Прибыли въ Гродно изъ своихъ помѣстьевъ: Шамбелянъ Бадини и съ нимъ Господинъ Карпинскій.

13 Іюня. Въ 10 часовъ утра Его Величество, со всѣмъ своимъ дворомъ, въ обыкновенномъ порядкѣ ѣздилъ прогуливаться за Нѣменъ въ деревню Адамовичи; возвратясь оттуда въ 12 посѣтилъ мадамъ де Кракови, изъ ея покоевъ прошелъ въ свой кабинетъ, вышелъ къ столу во 2 часу, послѣ стола проводилъ время въ аудіенцъ-залѣ. Въ 5 часовъ по полудни прибыла изъ Люблина сестрица Его Величества, Людвига Замойска, Воеводыня Подольская, съ внуками своими, дѣтьми дочери ея, Графини Мнишекъ. Его Величество, встрѣтивъ ее на парадномъ крыльцѣ, препроводилъ въ назначенныя для нея покои. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество, съ сестрицею своею мадамъ де Кракови, былъ у Господина Главнокомандующаго, и оттуда, вмѣстѣ съ нимъ, прошелъ въ театръ и въ его ложѣ присутствовалъ при зрѣлищѣ, а возвратясь изъ театра, Король и сестра его были у мадамъ

де Подоли [49] и отъ нея пошли къ ужину. Его Величество регировался къ себѣ въ половинѣ 12. При Воеводынѣ Подольской прибыло: придворныхъ Константинъ Ленской съ женою и дочерью, Янъ (?) чтецъ, въ услугахъ: женска 6, мужеска полу 7 человѣкъ. По полудни въ 8 часу былъ у Его Величества, прежде бывшій его гвардіи Офицеръ, Орловскій. Выѣзжалъ изъ дворца утромъ Секретарь Фризъ къ Главнокомандующему. Отъѣхалъ изъ Гродна въ Варшаву Староста Соколовскій

14 Іюня. Утромъ былъ во дворцѣ Господинъ Брестовскій у Графа Хребтовича. По полудни въ 2 прибылъ во дворецъ Господинъ Главнокомандующій съ Господиномъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Барономъ д' Ашъ, были у сестрицы Его Величества и обѣдали у Короля. Штатсъ-Дама Княгиня Репнина съ Княгинею Волконскою были у мадамъ де Подоли, но не застали ея у себя. Въ 6 часу былъ Господинъ Бѣльскій у Шамбеляна Вольскаго и Маіоръ Брюнети у Графа Хребтовича. Въ 7 часу Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, съ сестрицею своею, мадамъ де Подоли, выѣзжалъ прогуливаться въ Лососну; возвратился въ 9. Въ томъ же часу мадамъ де Кракови съ Госпожею Забѣла прогуливались за Нѣменъ. По возвращеніи своемъ оттуда, Госпожа Забѣла тотчасъ же отъѣхала къ себѣ въ придворномъ экипажѣ. Выѣзжали изъ дворца: Господинъ Кицкій и Господинъ Збышевскій въ городъ, Графъ Хребтовичъ и Шамбелянъ Вольскій къ Главнокомандующему на вечеринку. Отъѣхалъ изъ Гродна въ свои помѣстья Конюшій Его Величества, Господинъ Политанскій.

13 Іюня. Въ 10 часовъ утра Его Величество выѣзжалъ въ обыкновенномъ порядкѣ прогуливаться въ Понѣмунь. Возвратясь оттуда черезъ часъ, посѣтилъ своихъ сестрицъ, потомъ вошелъ въ свой кабинетъ, оттуда не выходилъ до самаго обѣда. Были во дворцѣ: Крайчій Грабовскій у Господина Кицкаго, Господинъ Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Баронъ д' Ашъ у мадамъ де Кракови, Господинъ Бржостовскій съ женою своею у отца своего, Графа Хребтовича, и потомъ у мадамъ де Кракови, Ректоръ Виленской Академіи, Господинъ Почебутъ, и Господинъ Подполковникъ С.-Петербургскаго гренадерскаго полку Графъ Стакельбергъ, обѣ-

[49] Т. е., у пріѣхавшей Графини Замойской.

дали у Его Величества. По полудни въ 7 мадамъ де Подоли, въ препровожденіи Шамбеляна Вольскаго, была у Ея Сіятельства, Княгини Репниной. Въ томъ же часу Его Величество, съ своею сестрицею, мадамъ де Кракови, и всѣмъ дворомъ, прогуливался по берегу дворца своего. Отъѣхалъ изъ Гродна въ Прускій кордонъ въ свои помѣстья Архитекторъ Сакъ.

16 Іюня. Въ 10 часовъ утра духовенствомъ изъ Бернардинскаго монастыря отправляема была миша въ придворной церкви, при коей присутствовали обѣ Королевскія сестрицы. Его же Величество не выходилъ изъ своего кабинета до обѣда. Въ 11 часу прибылъ обратно изъ Варшавы Князь Станиславъ, и тотчасъ прошелъ къ Королю въ кабинетъ. Вскорѣ послѣ сего Секретарь Фризъ, побывавъ прежде у Короля, поѣхалъ къ Главнокомандующему. Послѣ стола Его Величество былъ въ аудіенцъ-залѣ до пяти часовъ; тогда, получивъ конверты отъ Секретаря Фриза, вошелъ съ нимъ въ свой кабинетъ. Чрезъ часъ послѣ Секретарь Фризъ вторично ѣздилъ къ Главнокомандующему. Въ 9 вечера Его Величество прогуливался около своего замка. Въ половинѣ 10 имѣлъ онъ ужинъ и въ 12 ретировался къ себѣ. Были во дворцѣ: Господинъ Бржостовскій у Графа Хребтовича, Госпожи Дзяконская и Забѣла у Господина Кицкаго. Выѣзжали изъ дворца: Князь Станиславъ къ Главнокомандующему, свиты мадамъ де Кракови дѣвица Дюшенъ и Докторъ Дункеръ въ театръ, Господа: Кицкій, Вицкій и Понятовскій верхами, Шамбеляны: Вольскій и Стржембашъ пѣшкомъ, прогуливаться.

17 Іюня. Въ 5 часовъ утра мадамъ де Подоли выѣзжала въ Доминиканской монастырь. Въ 10 Его Величество, съ мадамъ де Кракови и Княземъ Станиславомъ и всѣмъ своимъ дворомъ, былъ въ придворной своей церкви при отправленіи мши, и чрезъ полчаса возвратился къ себѣ. Въ $2^1/_2$ по полудни прибылъ во дворецъ Господинъ Главнокомандующій и Господинъ Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Тормасовъ, обѣдали у Короля и уѣхали въ 4 часа. Въ 6 часовъ Его Величество, съ своими сестрицами, въ препровожденіи своего двора и въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться, заѣзжалъ къ Господину Главнокомандующему, и возвратился къ себѣ въ 8 часовъ. Былъ во дворцѣ Господинъ Брестовскій у Графа Хребтовича. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Князь Станиславъ въ городъ, Секретарь Фризъ къ Глав-

нокомандующему, вечеромъ Князь Станиславъ и Шамбелянъ Вольскій и Лесёръ къ Главнокомадующему.

18 Іюня. Въ 10 часовъ утра Его Величество, со своими сестрицами и всѣмъ своимъ дворомъ, былъ на молитвѣ въ придворной церкви. Въ 11 Его Величество, въ препровожденіи двора своего и въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться на Несвижскую дорогу и, возвратясь чрезъ деревню Каплицу, въ 1, по полудни, входилъ къ своимъ сестрицамъ, и сошелъ отъ нихъ къ обѣду Были во дворцѣ въ 9 утра: Маршалокъ Графъ Платеръ у Короля, въ 10 Генералъ Тормасовъ у Князя Станислава, Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича, Господинъ Еллинскій у Князя Станислава. Господинъ Воловичъ обѣдалъ у Его Величества. По полудни Ректоръ Виленской Академіи, Господинъ Почебутъ, былъ у Короля. Въ 6 мадамъ де Кракови, въ препровожденіи своихъ придворныхъ, ходила прогуливаться къ Базиліянскому монастырю.[50] Выѣзжали изъ дворца: Господа Кицкій, Политанскій, Вицкій, верьхами.

19 Іюня. Секретарь Фризъ, побывавъ у Его Величества, сестрицъ его, и Князя Станислава, поѣхалъ къ Главнокомандующему въ 10 часовъ утра. Въ 12 Его Величество прогуливался около дворца своего, послѣ стола сидѣлъ до 5 часовъ въ аудіенцъ-залѣ, потомъ, получивъ отъ Секретаря Фриза конверты, пошелъ съ оными въ свой кабинетъ. Въ 7 Король, съ своими сестрицами, въ обыкновенномъ порядкѣ, ѣздилъ прогуливаться въ Понѣмунь. По возвращеніи оттуда, посылалъ онъ своего пажа къ Господину Воловичу и Госпожѣ Забѣловой. Были во дворцѣ: утромъ Каштелянъ Маковецкій у Князя Станислава, Господинъ Воловичъ у него же; въ полдень онъ же съ своей женою у мадамъ де Подоли. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Почебутъ, Ректоръ Виленской Академіи, и Господинъ Збышевскій. По полудни были: Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича, Госпожа Забѣла у Доктора Беклера, оттуда у мадамъ де Подоли, Земской Судья Господинъ Александровичъ и Крайчій Еллинскій у Господина Политанскаго, Подскарбина Дзяконская у мадамъ де Подоли.

---

[50] Т. е., Греко-Уніятскому, называвшемуся Коложею и находившемуся за городомъ, на одномъ изъ утесовъ, возвышающихся надъ Нѣманомъ. Нынѣ, на мѣстѣ его, стоятъ однѣ развалины.

Выѣзжали изъ дворца: утромъ Господа Вицкій и Аксамитовскій верхами, Господинъ Кицкій къ Господину Главнокомандующему; по полудни: Князь Станиславъ къ нему же, внучка мадамъ де Подоли, съ своею Гофмейстриною, ѣздили прогуливаться на ту сторону Нѣмена, дѣвица Дюшень съ Докторомъ Дункеромъ были у Доктора Виріона, Господинъ Кицкій и Господинъ Вольскій ходили прогуливаться.

20 Іюня. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Воловичъ съ своею супругою. Были во дворцѣ: утромъ Госпожа Ромерова у мадамъ де Подоли, Каштелянъ Маковецкій у Его Величества; по полудни: Госпожа Бржостовская у отца своего, Графа Хребтовича. Въ 7 мадамъ де Кракови, въ препровожденіи своихъ, выѣзжала прогуливаться. Въ 7 часовъ Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться; возвратился во дворецъ въ 9 вечера.

21 Іюня. Въ 10 часовъ утра Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться въ Лососну и чрезъ Августово возвратился въ 12, пошелъ къ своимъ сестрицамъ и отъ нихъ къ самому обѣду. Были во дворцѣ: Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича, Господинъ Воловичъ у Короля, и не засталъ Его, Госпожа Забѣла у сестрицъ Его Величества, по полудни Господинъ Еллинскій у Князя Станислава. Въ 7 Его Величество съ сестрицами, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ въ Базиліянской монастырь, и чрезъ два часа возвратился. Выѣзжали изъ дворца: Князь Станиславъ въ городъ и Шамбелянъ Вольскій.

22 Іюня. Въ 10 часовъ Его Величество выѣзжалъ верхомъ прогуливаться въ Лососну, возвратился въ 1 по полудни. Были во дворцѣ: Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича, Каштелянъ Маковецкій обѣдалъ у Его Величества, Шамбелянъ Ельскій былъ у Князя Станислава. Выѣзжали изъ дворца: внучка мадамъ де Подоли, съ своею Гофмейстриною, прогуливаться, Князь Станиславъ къ Господину Главнокомандующему, Господинъ Кицкій и Генералъ Понятовскій прогуливаться верхами. Мадамъ де Подоли изволила прогуливаться также.

23 Іюня. Въ 10 часовъ утра Его Величество выѣзжалъ, въ препровожденіи своего двора и обыкновеннаго конвоя, прогуливаться и возвратился въ 12, прошелъ въ покои мадамъ де Кракови и пробылъ тамъ до обѣда. Обѣдали у Его Величества: Рос-

сійской Полковникъ Стакельбергъ и Графъ Огинскій. Утромъ были во дворцѣ: Архитекторъ Сакъ у Князя Станислава, Госпожа Воловичева у мадамъ де Кракови, по полудни: Подкоморжина Графиня Юндзилъ, Подскарбина Дзяконская, Генеральша Муравская и Старостина Бржостовская были у Его Величества и сестрицъ его. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Секретать Фризъ къ Главнокомандующему, Шамбелянъ Вольскій прогуливаться. Въ 8 мадамъ де Кракови изволила выѣзжать прогуливаться въ городъ. Вечеромъ былъ отъ Главнокомандующаго ординарецъ съ письмомъ къ Секретарю Фризу.

24 Іюня. Въ 10 часовъ утра Его Величество, со всей своей фамиліей и со всѣмъ своимъ дворомъ, былъ на молитвѣ въ придворной церкви, и возвратился къ себѣ чрезъ полчаса. Въ 12 Его Величество вышелъ изъ своего кабинета и посѣщалъ своихъ сестрицъ, отъ которыхъ сошелъ прямо къ обѣду. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Главнокомандующій и Генералъ Шидловскій и уѣхали въ 5 часовъ. Въ 6 Королевскія сестрицы выѣзжали изъ дворца и возвратились чрезъ часъ. Въ 7 Его Величество съ мадамъ де Кракови, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться за Нѣменъ въ фольваркъ Каролина, [51] возвратился въ 10. Были во дворцѣ: утромъ Генералъ Шидловскій, прибывшій сими днями изъ С.-Петербурга, у Короля и Князя Станислава, Господинъ Маковецкій у Короля, Госпожа Бржостовская у Канцлера Графа Хребтовича. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Секретарь Фризъ къ Господину Главнокомандующему, по полудни Шамбелянъ Вольскій и Князь Станиславъ къ Главнокомандующему.

25 Іюня. Въ 10 утра Его Величество прогуливался верхомъ къ Понѣмуни, черезъ два часа возвратился, въ 6 вечера прогуливался онъ верхомъ около замка и заходилъ къ Конюшему Политанскому, который находится болѣнъ. Въ 9 посылалъ пажа своего къ Господину Нарбуту пригласить его на завтрѣе на обѣдъ. Были во дворцѣ: утромъ Госпожа Бржостовская, у отца своего, Графа Хребтовича, Генералъ Шидловскій у Господина Кицкаго. Обѣдали у Его Величества: Подскарбина Дзяконская, Генеральша Муравская и Староста Нарвовскій, которой цѣлой

[51] Въ 7 верстахъ отъ Гродна.

день проводилъ у мадамъ де Кракови. Выѣзжали изъ дворца: Господинъ Кицкій и Господинъ Збышевскій прогуливаться.

26 Іюня. Въ 10 часовъ утра Король, въ препровожденіи своего двора, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ; возвращался оттуда въ 1 часу, посѣщалъ своего Конюшаго, Полковника Политанскаго. Обѣдали у Его Величества: Госпожа Брестовская, которая прежде была у Канцлера Графа Хребтовича и у мадамъ де Подоли, и Госпожа Нарбутъ. Были во дворцѣ: утромъ Господинъ Савицкій у Графа Хребтовича, по полудни Шамбелянъ Бадини у Князя Станислава, Ректоръ Виленской Академіи, Господинъ Почебутъ, у Короля. Въ 6 часовъ вечера Его Величество, съ сестрицею своею, мадамъ де Подоли, въ обыкновенномъ порядкѣ выѣзжалъ прогуливаться въ Лососну, въ возвратился 9. Въ томъ же часу мадамъ де Кракови, съ своею фрейлиною, также выѣзжала прогуливаться въ городъ. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Секретарь Фризъ къ Главнокомандующему, Господинъ Кицкій и Шамбелянъ Вольскій, прогуливаться. Прибыла изъ Бѣлостока Шамбелянова Вольска.

27 Іюня. Въ 9 часовъ были у мадамъ де Подоли двое духовныхъ изъ Доминиканскаго монастыря. Въ 10 мадамъ де Кракови была на молитвѣ въ придворной церкви. Въ 1 по полудни Его Величество посѣщалъ своихъ сестрицъ и отъ нихъ сошелъ прямо къ обѣду. Обѣдалъ у Его Величества Господинъ Почебутъ, Ректоръ Виленской Академіи. Въ 7 по полудни Его Величество, въ препровожденіи своего двора, въ обыкновенномъ порядкѣ, прогуливался по Несвижской дорогѣ до деревни Каплицы, возвратился въ 9 и до самой коляціи проводилъ время на набережномъ терасѣ. Были во дворцѣ: утромъ Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича, по полудни Господинъ Шидловскій у Господина Кицкаго. Выѣзжалъ изъ дворца утромъ Секретарь Фризъ къ Главнокомандующему. Прибылъ изъ околичностей Бреста Графъ Грабовскій, Адъютантъ Его Величества. Отъѣхалъ изъ Гродна въ Бѣлостокъ Докторъ Беклеръ.

28 Іюня. Его Величество, съ сестрицами своими, въ 6 часовъ по полудни, былъ у Главнокомандующаго и поздравлялъ его со днемъ восшествія на престолъ Императрицы Всероссійской. По случаю сего и открытія Верховнаго Литовскаго Правленія, [52] былъ

[52] Состоящаго изъ 4-хъ отдѣленій: 1) Казеннаго, 2) Уголовнаго, 3) Гражданска-

балъ и иллюминація у Господина Главнокомандующаго; Его Величество пробылъ на оном̀ъ до 8 часовъ. Весь дворъ Его Величества былъ по утру съ поздравленіемъ у Главнокомандующаго; изъ онаго, по приглашенію его, обѣдали: Князь Станиславъ, Великій Коронный Конюшій Кицкій и Канцлеръ Графъ Хребтовичъ, Генералъ Понятовскій и Шамбелянъ Вольскій. Прочіе же приглашены на балъ и на оном̀ъ были. Обѣдалъ у Его Величества Господинъ Збышевскій. Въ 7 по полудни были у Секретаря Пузыны Господа Андрейковичъ и Суходольскій. Отъѣхала изъ Гродна въ Бѣлостокъ Шамбелянова Вольска.

29 Іюня. Въ 10 часовъ Его Величество, съ своими придворными, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться въ Лососну, былъ въ лагерѣ 4 Эстляндскаго баталіона, и удостоилъ своимъ посѣщеніемъ супругу Подполковника того баталіона, Господина Фона; возвратился въ 1 по полудни. Были во дворцѣ: утромъ Госпожа Лохницкая у Мадамъ де Кракови, Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича. Обѣдали у Его Величества: Генералъ-Маіоры Князь Цицiановъ и Господинъ Бенингсонъ; по полудни были во дворцѣ: Генералъ Шидловскій у Короля, Виленской Ректоръ, Господинъ Почебутъ, у него же. Въ 8 часовъ вечера выѣзжала сестрица Его Величества, мадамъ де Кракови. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Князь Станиславъ прогуливаться, Секретарь Фризъ къ Главнокомандующему, Господинъ Кицкій, Шамбелянъ Вольскій, Господинъ Стржембашъ, Генералъ Понятовскій, Господинъ Вицкій, Господинъ Аксамитовскій, къ нему же на балъ.

30 Іюня. Въ 1-мъ по полудни Его Величество выходилъ изъ своего кабинета и былъ у своихъ сестрицъ. Были во дворцѣ: утромъ Каштелянъ Ледуховскій у Короля, отъ него же у Господина Кицкаго, Маіоръ Роденъ, съ старшимъ своимъ сыномъ, у Князя Станислава, Госпожа Бѣлякова [53] у Короля, Госпожа Ге-

го и 4) Економическаго. Прежніе (Польскіе) Суды оставались, какъ равно и Литовскій Трибуналъ, но рѣшенія его могли быть кассированы Верховнымъ Правленіемъ, находившимся въ Гроднѣ.

[53] Жена Генерала Польскихъ войскъ (надъ Татарами) Бѣляка. Бѣлякова, Забѣлова, Вольска и проч.—Польское окончаніе женскихъ фамилій, постоянно принимающее прилагательную форму. Какъ бы въ противоположность фамиліи Бѣлякъ

неральша Муравская у мадамъ де Кракови. Обѣдали у Его Величества: Каштелянъ Ледуховскій, Ректоръ Виленской Академіи, Господинъ Почебутъ, Докторъ Лангемейеръ, Графиня Гильзенъ и Крайчина Грабовская. По полудни пріѣзжали во дворецъ: Маіоръ Роде съ сыновьями былъ у Короля, Графъ Огинскій и Генералъ Шидловскій у него же, вторично Господинъ Ледуховскій. Въ 7 выѣзжали: сначала мадамъ де Подоли, а потомъ мадамъ де Кракови, въ городъ. Его Величество, послѣ коляціи, проводилъ вечеръ съ своими сестрицами на набережномъ терасу до 12 часовъ.

Мѣсяцъ Іюль.

1-го числа, въ 6 часовъ по полудни, Его Величество, въ препровожденіи своихъ придворныхъ, съ обыкновеннымъ конвоемъ драгунъ, ѣздилъ прогуливаться къ деревни Кульбакамъ; [54] чрезъ два часа возвратился. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, и Графъ Безбородко; послѣ обѣда представленъ былъ Главнокомандующимъ къ Королю Полковникъ и Кавалеръ Сакенъ. Какъ по утру, такъ и послѣ обѣда, пріѣзжали къ Королю и къ другимъ, тамо живущимъ: Каштеляны Ледуховскій и Воловичъ, Господинъ Шидловскій, Княгиня Воронецкая была у мадамъ де Подоли. Канцлеръ Графъ Хребтовичъ, Шамбелянъ Вольскій и Адъютантъ Королевской, Грабовскій, были у Главнокомандующаго на ассамблеи и въ 12 часовъ ночи во дворецъ возвратилися.

Іюля 2. Его Величество, по причинѣ слабости здоровья своего, принималъ лѣкарство и къ столу не выходилъ, а имѣлъ оный въ своемъ кабинетѣ; передъ вечеромъ, одѣвшись, выходилъ на терасъ и нѣсколько времени прогуливался. Пріѣзжали во дворецъ: Господа Райскій, Забѣла, Каштелянъ Воловичъ, Зажерскій и Шамбелянъ Бадини, кои у Его Величества и у другихъ были.

былъ у Поляковъ въ то же время и Генералъ Черняковъ, также начальствовавшій надъ Татарами. Литовскіе Татары, за исключеніемъ Мусульманства, были чистыми Поляками. Послѣ паденія Польши, Польскія войска, находившіяся въ краѣ, присягнули на вѣрность Императрицѣ, за исключеніемъ, конечно, эмигрантовъ, число которыхъ было немало.

[54] Шляхетская околица, въ 2-хъ верстахъ отъ Гродна. Именемъ околицъ назывались (и теперь называются) поселенія, въ которыхъ живетъ Шляхта.

Вечеромъ обѣ Королевскія сестрицы проѣзжалися. Сего числа послань отъ Пристава пашпортъ къ Господину Кицкому, по требованію его, для дворцоваго Королевскаго служителя, Пережевскаго, до Варшавы и обратно до Гродна. Съ казначеемъ, Порутчикомъ Розенбаумомъ, Приставъ послалъ Господину Кицкому деньги, принадлежащія на содержаніе Королевское и двора его за прошедшій Іюнь мѣсяцъ.

Іюля 3. Его Величество по утру въ 10 часовъ посѣщалъ обѣихъ своихъ сестрицъ, обѣдалъ за большимъ столомъ съ ними и съ прочими своего двора. Приходилъ, бывшій Господина Огинскаго Комиссаръ, Малбергъ къ Королевскому Секретарю Пузынѣ. Умершаго Генерала Польской службы жена Бѣлякова, съ тремя своими сыновьями, была у Его Величества. Канцлеръ Графъ Хребтовичъ, Князь Станиславъ Понятовскій и Шамбелянъ Стржембашъ, выѣзжали въ городъ. Изъ купечества извѣстныхъ и сумнѣнія не имѣющихъ здѣшныхъ Жидовъ двое приходили во дворецъ съ товарами къ Госпожѣ Краковской. Съ пашпортомъ отъ Пристава, Графа Безбородка, отъѣхалъ въ Варшаву Королевской камердинеръ Руссо. Секретарь Фризъ былъ посыланъ къ Его Сіятельству, Князю Николаю Васильевичу.

Іюля 4. Его Величество предъ обѣдомъ прогуливался въ Старой замокъ и былъ у Шамбеляна Трембецкаго; послѣ обѣда проѣзжался, въ обыкновенномъ препровожденіи Пристава, своихъ придворныхъ и нашего конвоя при двухъ Офицерахъ, за рѣку Нѣменъ и предъ сумерками возвратился во дворецъ, сидѣлъ на балконѣ со своими сестрицами, Княземъ Станиславомъ и прочими своего двора и въ 9 часовъ съ половиною пошелъ къ ужину, за коимъ долго сидѣлъ. Въ 12 часу легъ опочивать. Въ сей день во дворецъ пріѣзжали въ разные часы: Господинъ Воловичъ, Госпожа Бржостовская, которая ужинала у Короля, Господинъ Пузына, Бригадиръ при Генеральномъ Штабѣ Господинъ Медеръ, Крайчій Грабовскій и Господинъ Збышевскій. Изъ дворца выѣхали въ С.-Петербургъ свиты Князя Станислава нѣсколько человѣкъ и его кухня.

Іюля 5. Сырость погоды и ненастье удержали Его Величество во весь день не выѣзжать, по обыкновенію его прогуливаться всякой день. Господинъ Подскарбій Дзяконскій съ сыномъ

обѣдалъ у Короля. Въ сей день отъѣхалъ въ С.-Петербургъ Князь Станиславъ Понятовскій. [55]

Іюля 6. По утру были во дворцѣ Ректоръ Виленскій, Почебутъ, и два Доминикана. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, и Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко. Послѣ обѣда выѣзжалъ Его Величество съ обѣими своими сестрицами и съ Госпожею Ржостовскою, въ обыкновенномъ препровожденіи свиты его придворныхъ и нашего конвоя, за рѣку Нѣменъ, и, будучи въ Лососнѣ, заходилъ въ лагерь егерскаго баталіона Подполковника Фона, у котораго въ станціи были. Прибылъ изъ Прускаго кордону Архитекторъ Сакъ и Скульпторъ Ле-Брюнъ.

Іюля 7. Былъ у Короля Подскарбій Дзяконскій. Королевскія обѣ сестрицѣ проѣзжалися за городъ. Послѣ обѣда Его Величество ѣздилъ верхомъ. Секретарь Фризъ дважды былъ посыланъ отъ Короля къ Главнокомандующему.

Іюля 8. Его Величество и весь дворъ его были въ придворной церкви. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко, Шефъ Стрепнскій и Господинъ Збышевскій. Въ 6 часу послѣ обѣда Его Величество проѣзжался. Въ вечеру ѣздили изъ дворца: Графъ Хребтовичъ, Шамбелянъ Вольскій, Адъютантъ Грабовскій и Докторъ Беклеръ, на ассамблею къ Главнокомандующему.

Іюля 9. Госпожа Брестовская пріѣзжала во дворецъ къ отцу своему, Канцлеру Хребтовичу, и обѣдала у Его Величества. Обѣдали такъ же тамъ Подскарбій Дзяконскій съ женою. Госпожа Замойская проѣзжалась съ внукомъ въ Попѣмунь; Конюшій же Кицкій и Полковникъ Киркоръ проѣзжалися верхомъ за Нѣменъ; Шамбелянъ Вольскій ходилъ въ городъ.

Іюля 10. Его Величество, прежде времени обыкновеннаго къ обѣду, не выходилъ изъ своего кабинета, гдѣ занимался чтеніемъ и писаніемъ. Въ обѣдъ сторонннхъ никого не было изъ гостей.

---

[55] Въ Гродно онъ болѣе не возвращался. При Императорѣ Павлѣ, ласкавшемъ Поляковъ, онъ игралъ въ Петербургѣ значительную роль, бомбардировалъ дядю письмами о Петербургскихъ новостяхъ, и встрѣтилъ его потомъ, въ нашей сѣверной столицѣ.

Послѣ обѣда Его Величество долго оставался въ залѣ, занимаясь разговорами, и потомъ ретировался во внутренніе свои покои. Въ 7 часу проѣзжался верхомъ и, возвратясь ужиналъ на балконѣ. Въ 12 часу легъ опочивать.

Іюля 11. Утромъ проѣзжался Его Величество въ Понѣмунь. Мадамъ де Кракови ѣздила въ Базиліянскій костёлъ. Каштелянъ Воловичъ съ женою былъ у Короля и сестрицъ его. Подкоморжина Бумаранова обѣдала у Короля Отъѣхалъ въ Варшаву Подконюшій Аксамитовскій.

Іюля 12. Утромъ проѣзжался за Нѣменъ Его Величество, Главнокомандующій кушалъ у него. Въ вечеру пріѣхалъ изъ Люблина Великій Маршалъ Коронный Графъ Мнишекъ и супруга его. [56] Его Величество, встрѣтивъ ихъ въ большой залѣ, пошелъ съ ними въ покои, для нихъ назначенные, гдѣ до ужина оставался.

Іюля 13. Графъ Мнишекъ ѣздилъ въ 12 часу къ Главнокомандующему, возвратился во дворецъ къ обѣду. Обѣдали у Короля: Каштелянъ Воловичъ съ женою и дочерьми ея, Матусевичевыми, Шамбелянъ Гусаржевскій; Ректоръ Почебутъ былъ предъ обѣдомъ. Пріѣхалъ изъ Варшавы Королевской Библіотекарь Лапинскій. Его Величество и сестра его, мадамъ де Кракови, съ нѣсколькими придворными, въ обыкновенномъ препровожденіи нашего конвоя, проѣзжались, по дорогѣ къ Понѣмуни. Графиня Мнишекъ ѣздила къ Ея Сіятельству, Княгинѣ Наталіи Александровнѣ Репниной.

Іюля 14. Его Величество ходилъ въ придворную церковь Ректоръ Почебутъ и Польской Генералъ Стрепинскій во дворцѣ обѣдали. Ихъ Сіятельства, Княгини Наталія Александровна Репнина и Александра Николаевна Волконская, пріѣзжали во дворецъ къ Графинѣ Мнишекъ, во взаимство сдѣланнаго имъ отъ нея визита. Пріѣхалъ такъ же къ Графу и Графинѣ Мнишекъ Главнокомандующій, и съ нимъ Князь Лобановъ-Ростовскій. Вечеромъ Король прохаживался по терасу и въ Старой замокъ. Прибылъ изъ Варшавы Королевской почты Комьсаръ Серторіусъ и тотчасъ пошелъ къ Королю.

Іюля 15. Въ 10 часовъ Его Величество, съ своими родными

---

[56] Племянница Короля, дочь Графини Замойской.

и нѣкоторыми его придворными, былъ въ придворной церкви. Въ исходѣ втораго часа прибылъ Главнокомандующій и кушалъ у Короля. Обѣдали такъ же Генералы Графъ Безбородко и Бенингсонъ. Госпожа Бржостовская пріѣзжала къ отцу своему, Графу Хребтовичу. Мадамъ де Подоли и дочь ея, Графиня Мнишекъ, выѣзжали предъ вечеромъ и были у Главнокомандующаго. Графъ Мнишекъ, Канцлеръ Хребтовичъ съ сыномъ своимъ и Шамбелянъ Вольскій, были тамъ на ассамблеи.

Іюля 16. Утромъ Его Величество и до обѣда не выходилъ изъ своихъ внутреннихъ покоевъ; желающіе его видѣть допускаемы были по докладу дежурныхъ, или Шамбеляна, или Адъютанта. Шамбелянъ Гусаржевскій былъ у Его Величества и чрезъ два часа отъ него вышелъ. Каштелянъ Маковецкій и Господинъ Мокинскій были у Графа Мнишека. Конторщикъ банкира Мейснера приходилъ къ Господину Кицкому и къ Рыксу. Генералъ Стреинскій и Господинъ Быковскій были по утру у Короля, и первый потомъ пріѣхалъ къ обѣду. Флигель-Адъютантъ Князь Гагаринъ [57] отъ Главнокомандующаго привозилъ письмо во дворецъ къ Графу Мнишекъ. Господинъ Суходольскій былъ у Секретаря Пузыны. Король проѣзжался послѣ обѣда по Скидельской дорогѣ; посылалъ пажа къ Кепёдзу Юревичу во время гулянья, при возвращеніи же домой, принялъ просьбу отъ Госпожи Калиновской. Госпожа Кіянская нѣсколько разъ сегодня пріѣзжала къ мадамъ до Кракови. Отъѣхалъ въ Митаву Господинъ Серторіусъ.

Іюля 17. По причинѣ отсутствія дежурившаго во дворцѣ, въ мѣсто Штабъ-Офицера Капитана Трейдена, принялъ его дежурство суточное, по приказанію Пристава, Флигель-Адъютантъ Главнокомандующаго, Князь Гагаринъ. Его Величество въ 10 часовъ утра проѣзжался за Нѣменъ. Обѣдали у него: Господа Подскарбій Дзяконскій и Збышевскій. Графиня Мнишекъ и мадамъ де Кракови проѣзжалися за городъ.

Іюля 18. По утру пріѣзжали во дворецъ: Господа Стреинскій и Ректоръ Виленской, Почебутъ, къ Королю, а Госпожа Дзяконская къ мадамъ де Кракови. Обѣдала у Его Величества Гос-

---

[57] Состоявшій при Князѣ Репнинѣ и пользовавшійся его расположеніемъ, какъ ясно видно изъ переписки Князя съ Гр. Н. И. Салтыковымъ, Предсѣдателемъ Военной Коммиссіи.

ножа Хоронжина Нарбутова съ дочерью. [58] Король вечеромъ проѣзжался къ деревни Грандичамъ. Отъѣхалъ изъ Гродна въ свои помѣстья Канцлеръ Хребтовичъ съ сыномъ своимъ.

Іюля 19. По утру Его Величество проѣзжаться изволилъ за Нѣменъ и въ 12 часовъ возвратился. Господа: Ректоръ Почебутъ и Ожаровскій были у Короля. Прибылъ изъ Варшавы Королевской камердинеръ Руссо. Въ сей день кушалъ у Короля Главнокомандующій и Приставъ Графъ Безбородко. Отъѣхалъ въ С.-Петербургъ Скульпторъ Лебрюнъ.

Іюля 20. Утромъ въ разные часы были у Короля: Господа Дзяконскій, Маковецкій, Савицкій и Ейсмундъ. Графиня Мнишекъ отъѣзжала изъ дворца. Обѣдалъ Его Величество въ обыкновенное время, и послѣ обѣда ретировался въ свой кабинетъ. Въ 6 часовъ ѣздилъ верхомъ по дорогѣ Виленской и къ деревнѣ Грандичамъ. Возвращаясь въ вечеру въ городъ, повстрѣчался съ Главнокомандующимъ, изъ лагеря ѣхавшимъ. Въ 11 часу послѣ ужина съ своими нѣкоторыми придворными занимался разсматриваніемъ лунаго затмѣнія. Легъ опочивать въ 12 часовъ.

Іюля 21. Въ 12 часу прогуливался Его Величество около замка. Отъѣхали въ Варшаву свиты Королевской Порутчикъ Сагатинскій и Подчашій Луцинскій, съ пашпортами, данными имъ отъ Пристава.

Іюля 22. Въ воскресной день Его Величество въ 10 часовъ ходилъ къ обѣдни. Посылалъ Шамбеляна Вольскаго къ Главнокомандующему поздравить съ днемъ торжественнымъ тезоимитства Ея Высочества, Великой Княгини Маріи Ѳедоровны. Выѣзжали изъ дворца къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, съ поздравленіемъ праздника: Графъ Мнишекъ, Адъютантъ Грабовскій и Полковникъ Вицкій, кои и были приглашены къ обѣденому столу у Его Сіятельства. Оные были такъ же въ вечеру на ассамблеи. Сей вечеръ была у Ихъ Сіятельствъ Графиня Мнишекъ.

Іюля 23. Его Величество, по причинѣ слабости своего здоровья, не выходилъ къ столу, принималъ лѣкарство и кушалъ въ своемъ кабинетѣ. Во дворцѣ и у Короля былъ Рейферендарій

---

[58] По мнѣнію тогдашнихъ Русскихъ современниковъ, жившихъ въ Гроднѣ, семейство это отличалось не совсѣмъ чистыми нравами: мать подозрѣвали въ связи съ Графомъ Безбородкомъ, дочь же, будто бы, имѣла вліяніе на самаго Главнокомандующаго.

Господинъ Тышкевичъ и обѣдалъ. Приходилъ Полковникъ Фризель къ мадамъ де Кракови. Вечеромъ Его Величество прохаживался по набережной своего дворца. Привезена изъ Варшавы остальная часть ливреи для Королевскихъ служителей.

Іюля 24. Обѣдали у Его Величества: Референдарій Тышкевичъ и Бискупъ Жмудскій, Ядровичъ. Предъ вечеромъ проѣзжался Его Величество къ Понѣмуни. Мадамъ де Подоли и Графиня Мнишекъ тоже проѣзжались. Господа: Кицкій, Докторъ Дункеръ, Пузына и Вицкій, ѣздили верхомъ за Нѣменъ. Выѣхалъ изъ свиты мадамъ де Кракови Господинъ Ленскій съ паспортомъ, ему даннымъ отъ Пристава.

Іюля 25. Мадамъ де Подоли выѣзжала въ 10 часу въ Базиліянскій монастырь. Бискупъ Ядровичъ былъ у Его Величества. Пріѣхалъ изъ Варшавы Польской Генералъ Пломбекъ, былъ у Его Величества и помѣщенъ въ Старомъ замкѣ; того жъ дня былъ у Главнокомандующаго.

Іюля 26. Его Величество былъ въ придворной церкви на молитвѣ, и послѣ ходилъ по набережной своего дворца. Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко и Господинъ Пломбекъ обѣдали у Его Величества. Къ вечеру Король прогуливаться изволилъ верхомъ. Пріѣзжали во дворецъ: Господинъ Суходольскій и сынъ Дзяконскаго.

Іюля 27. По приглашенію Графинею Мнишекъ въ сей день на кофій Ихъ Сіятельствъ, Главнокомандующаго и супругу его, съ фамиліею, пріѣхали они во дворецъ въ 6 часовъ, гдѣ на площади, украшенной оранжерейными деревьями, взятыми для случая изъ Гродницкой оранжереи, представляющими садовую алею, которую располагала сама Ея Сіятельство, Графиня Мнишекъ, угощаемы были Ихъ Сіятельства разными фруктами и кофіемъ; тутъ находился и самъ Его Величество. Потомъ прошены были Ихъ Сіятельства въ залу, гдѣ пріѣхавшій изъ Италіи славной музыкантъ, Джордини, давалъ концертъ. Къ сему празднику приглашены были отъ Графини Мнишекъ сверхъ того: Госпожа Подскарбина Дзяконская и Флигель-Адъютантъ Князь Гагаринъ, такъ же прошенъ былъ Графъ Безбородко и Генералъ Польской Пломбекъ.

Іюля 28. Во дворцѣ былъ у Короля Графъ Роткирхъ съ сыномъ и обѣдалъ. Господинъ Джордини былъ такъ же тамо. Его Величество проѣзжался верхомъ съ обыкновенными свиты его и

нашимъ конвоемъ. Шамбелянъ Вольской и Адъютантъ Грабовской ѣздили въ деревни Подкоморжаго Юндзила и возвратились въ вечеру.

Іюля 29. Его Величество ходилъ въ церковь. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко и Генералъ Польской Плюмбекъ. Послѣ обѣда пріѣхала Ея Сіятельство, супруга Главнокомандующаго, и съ нею Графиня Панина, [59] которую въ первой разъ Ея Сіятельство представила Его Величеству. Отъѣхалъ въ Варшаву Шамбелянъ Лесперъ и балетмейстеръ Курцъ.

Іюля 30. Его Величество проѣзжался верхомъ по дорогѣ Скидельской и возвратился въ 1 часу по полудни. До обѣденнаго стола препровождалъ время у мадамъ де Кракови. Послѣ обѣда былъ долгое время на набережномъ терасѣ. Во дворецъ пріѣзжали: Господинъ Залѣскій къ Господину Кицкому, Подскарбина Дзяконская къ мадамъ де Кракови, Господинъ Мнишекъ и Суходольскій были у Короля. Послѣ обѣда пріѣзжали во дворецъ къ сестрамъ Его Величества и къ Графинѣ Мнишекъ Ихъ Сіятельства, Княгиня Александра Николавна Волконская и Графиня Панина, и уѣхали черезъ часъ. Сестрицы Его Величества выѣзжали въ Лососну, а Графъ Мнишекъ съ женою въ городъ. Пріѣхала изъ Варшавы жена Доктора Беклера.

Іюля 31. Выѣзжали въ городъ: Шамбелянъ Трембецкій къ Подскарбію Дзяконскому, Господинъ Вольскій и Графъ Мнишекъ въ городъ.

Мѣсяцъ Августъ.

1-го числа. Отъ Пристава Графа Безбородка съ Казначеемъ Порутчикомъ Розенбаумомъ посланы на содержаніе стола жалованье, фуражъ и прочіе расходы по двору Королевскому, вся полная сумма съ тѣмъ, что всѣ расходы и пріуготовленіе по двору зависѣть будутъ отъ ихъ распоряженія, на которую сумму въ пріемѣ отъ Великого Конюшаго Кицкаго расписка взята. День сей весь Его Величество упражнялся въ своемъ кабинетѣ и выѣзда его не было изъ замка.

Августа 2. Его Сіятельство, Главнокомандующій, съ супру-

---

[59] Софья Владимировна, урожденная Орлова.

гою и дочерью, Княгинею Волконскою, съ Графомъ Ланинымъ и его супругою, званы были обѣдать къ Королю и въ исходѣ 2 часа прибыли, а въ 4 часа выѣхали изъ дворца. Его Величество проѣзжался въ Лососну послѣ обѣда въ 6 часовъ. Съ нимъ ѣздили Графъ и Графиня Мнишекъ.

Августа 3. Офицеръ отъ улановъ бывшихъ Польскихъ войскъ, Иваницкій, приходилъ къ Королю. Его Величество проѣзжался за Нѣменъ. Возвратился изъ Варшавы Подконюшій Аксамитовскій. Господинъ Жардини пріѣзжалъ къ Рыксу.

Августа 4. Мадамъ де Кракови ѣздила въ Доминиканской клясторъ. Его Величество проѣзжался верхомъ по утру, а въ вечеру въ 7 часовъ ѣздилъ къ Главнокомандующему, и въ 9 часу возвратился съ обѣими своими сестрами и Графинею Мнишекъ.

Августа 5. Отъѣхали въ Зельву на ярманку Великій Конюшій Кицкій, Адъютантъ Збышевскій, Полковникъ Политанскій и Подконюшій Аксамитавскій. Его Сіятельство, Главнокомандующій, обѣдалъ у Его Величества. Вечеромъ Король проѣзжался по дорогѣ въ Понѣмунь. Въ вечеру Графъ и Графиня Мнишекъ, Шамбелянъ Вольскій и Адъютантъ Грабовскій ѣздили къ Главнокомандующему на ассамблею.

Августа 6. По утру Его Величество проѣзжался верхомъ за Нѣменъ въ деревню близко Августова, принадлежащую Каштеляну Воловичу. Подполковникъ Гессъ подалъ письмо и посылку Королю отъ брата его изъ Варшавы. Шамбелянъ Вольскій ѣздилъ отъ Короля къ Главнокомандующему. Его Величество послѣ обѣда, по обыкновенію своему, до 6 часовъ упражнялся въ чтеніи и письмѣ, потомъ проѣзжался верхомъ по дорогѣ Скидельской, и въ 9 часу вечера возвратился.

Августа 7. Его Величество по утру проѣзжался верхомъ по дорогѣ къ деревни Грандичи, мимоѣздомъ посылалъ пажа освѣдомиться о здоровьѣ Пристава, Графа Безбородка, къ обѣду въ 1 часъ съ половиною возвратился въ каретѣ. Отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, съ Офицеромъ присланы письма къ Королю и прочимъ его придворнымъ. За паспортомъ, даннымъ отъ Пристава, Графа Безбородка, выѣхалъ въ Бѣлой Стокъ Королевской лакей, Василій Енцевичъ.

Августа 8. Въ 10 часовъ предъ обѣдомъ Его Величество, съ обыкновеннымъ препровожденіемъ его придворныхъ, нашего

конвоя и дежурнаго Штабъ-Офицера, прогуливаться изволилъ за Нѣмень по дорогѣ Скидельской, и возвратился по берегу Нѣмена. Послѣ обѣда проѣзжался съ обѣими своими сестрицами и Графинею Мнишекъ за Нѣмень. Главнокомандующій кушалъ у Его Величества. Офицеръ отъ бывшихъ улановъ, Иванцкій, приходилъ къ Королю. Къ Секретарю Пузынѣ приходилъ Господинъ Суходольскій. Полковникъ Вицкій, Адъютантъ Грабовскій и Понятовскій ѣздили на смотръ полку Псковскаго пѣхотнаго.

Августа 10. Возвратились изъ Зельвы свиты Королевской Великій Конюшій Кицкій, Адъютантъ Киркоръ и Збышевскій, Полковникъ Политанскій и Подконюшій Аксамитовскій.

Августа 11. Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, проѣзжался въ Лососну, а возвратясь, заходилъ къ Господину Кицкому и до обѣда сидѣлъ у мадамъ де Кракови. Посылань былъ нажъ къ Графу Пашину и возвратился отъ него съ конвертомъ. Прибылъ изъ Митавы Господинъ Серторіусъ.

Августа 12. Въ Воскресенье ходилъ Его Величество въ придворную церковь. Его Сіятельство, Главнокомандующій, кушалъ у Короля и въ 6 часовъ уѣхалъ, предваривъ Его Величество о своемъ отъѣздѣ на нѣсколько времени изъ Гродна. Послѣ обѣда проѣзжался Его Величество по дорогѣ въ Скидель. Въ вечеру изъ дворца ѣздили къ Главнокомандующему на ассамблею Графъ и Графиня Мнишекъ: Былъ у Его Величества Итальянецъ Пинети.

Августа 13. Съ отъѣзда Его Сіятельства, Главнокомандующаго, изъ Гродна въ Ковно, послѣ обѣда ѣздили обѣ сестрицы Королевскія и Графиня Мнишекъ къ Ея Сіятельству, супругѣ Главнокомандующаго. Его Величество вечеромъ проѣзжался за Нѣмень. Привезены въ вечеру Приставомъ письма къ Королю и прочимъ его придворнымъ.

Августа 14. Его Величество до обѣда не выѣзжалъ никуда; предъ обѣдомъ ходилъ по терасу. Обѣдали у него: Графъ Стакельбергъ; послѣ обѣда занимался Король чтеніемъ газетъ. Въ 5 часовъ по полудни пріѣзжали Ихъ Сіятельства, Княгини, супруга Главнокомандующаго и Волконская, къ мадамъ де Подоли. Въ 7 часу вечеромъ Король проѣзжался верхомъ въ Попѣмунь. Отъ Пристава посланы два письма къ Его Величеству, присланныя изъ деревни отъ Главнокомандующаго. По требованію Его Величества, приказалъ пропустить Приставъ во дворецъ Шляхтича

Занкевича, въ коемъ ни какого не находилось подозрѣнія. Отъѣхалъ въ Варшаву Господинъ Сергіусъ съ пашпортомъ Графа Безбородка.

Августа 15. Отъѣхали въ Варшаву: Графъ Мнишекъ и Генералъ Плонкетъ. Его Величество посылалъ Секретаря Фриза къ Ея Сіятельству, Княгинѣ Наталіи Александровнѣ Репниной, съ портретомъ покойнаго Графа Никиты Ивановича Панина, и просить на Воскресенье, т. е., 19 числа, кушать. Проѣзжаться изволилъ верхомъ въ деревню Кохановo, за полторы мили, и возвратился въ исходѣ 2 часа. Обѣдали во дворцѣ: Збышевскій и Итальянецъ Пинети, который послѣ обѣда показывалъ нѣкоторыя штуки своего искуства. Отъ Пристава посланы полученныя на имя Короля и его нѣкоторыхъ придворныхъ письма къ Секретарю Фризу.

Августа 16. Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ за Нѣмень въ Лососну; возвратясь оттуда, навѣщалъ больнаго Адъютанта своего, Грабовскаго, потомъ прошелъ въ Старой замокъ, гдѣ осматривалъ назначенную залу для показанія разныхъ искусныхъ штукъ Итальянцемъ Пинетіемъ, которому и дозволено было отъ Короля переѣхать въ оной замокъ. Генералъ-Маіоръ Графъ Панинъ обѣдалъ у Его Величества. Въ вечеру вторично ѣздилъ Его Величество въ Лососну въ каретѣ, и возвратился въ 9 часу.

Августа 17. Полковникъ Политанскій ѣздилъ въ свою деревню, и возвратился того жъ дня въ ночи. Его Величество проѣзжался верхомъ, и чрезъ два часа возвратился. Обѣдалъ во дворцѣ Господинъ Збышевскій. Посыланъ былъ отъ Короля пажъ просить обѣдать Графовъ Румянцова и Панина на Воскресенье. Прибылъ изъ Варшавы Шамбелянъ и смотритель Экономіи Козелицкой Запольской, съ которымъ получено много писемъ, какъ Его Величествомъ, такъ и другими придворными. Подчашій Люцинскій и каретникъ Варшавскій Дангель пріѣхали такъ же отоль.

Августа 18. Былъ во дворцѣ Господинъ Суходольскій у Секретаря Пузыны, а Залѣскій и Зѣпковичъ у Короля. Его Величество проѣзжался, въ обыкновенномъ препровожденіи, въ деревню Гродичи и далѣе.

Августа 19. Въ 10 часовъ Его Величество былъ въ церкви, посылалъ Шамбеляна Вольскаго просить Ея Сіятельство, Княгиню Наталію Александровну Репнину, и другихъ на Понедѣльникъ

въ спектакель. Въ исходѣ 2 часа прибыли во дворецъ Ихъ Сіятельства, обѣ Княгини, супруга Главнокомандующаго и Волконская Графы Румянцовъ, Безбородко и Панинъ съ супругою, и послѣ обѣда въ 8 часу выѣхали. Пріѣзжали во дворецъ послѣ обѣда къ Королю: Князь Лобановъ-Ростовскій и Подскарбій Дзяконскій. Посланы отъ Короля и Графини Мнишекъ въ Варшаву два письма, кои чрезъ Графа Безбородка препровождены къ Господину Полковнику Фризелю, для доставленія туда оныхъ. Вечеромъ проѣзжался Его Величество съ сестрицами своими и Графинею Мнишекъ въ Лососну и, возвратясь, ходилъ въ Старой замокъ осматривать Господиномъ Пинетіемъ устроеннаго театра, ужиналъ въ 10 часовъ и въ 12 легъ опочивать. Графиня Мнишекъ и Шамбелянъ Вольскій были въ вечеру у Ея Сіятельства, Княгини Репниной, на ассамблеи.

Августа 20. Его Величество по утру ѣздилъ верхомъ по дорогѣ въ мѣстечко Скидель, и потомъ, мимо деревни Каплинцы, проѣхалъ домой въ часу 1-мъ. Были во дворцѣ: Суходольскій и Збышевскій. Данъ пашпортъ Королевскому конюху, Вишневскому, до Варшавы и обратно. Пріѣзжалъ изъ Варшавы Фротеръ. Въ 8 часовъ вечера Его Величество ходилъ въ Старой замокъ, гдѣ до 9 часовъ въ театрѣ былъ, занимаясь зрѣніемъ разныхъ искусныхъ штукъ, кои Италіянецъ Пинети показывалъ. Тутъ были всѣ званные, какъ военные наши, такъ и здѣшніе Господа и обоего пола, коимъ на канунѣ присланы были билеты. Его Величество съ обѣими Княгинями, Репниною и Волконскою, Графинею Паниною, обѣими своими сестрицами и Графинею Мнишекъ, былъ въ театрѣ, а прочіе всѣ сидѣли въ партерѣ. Въ 10 часу ужиналъ, гдѣ и Господинъ Пинети былъ приглашенъ; въ 12 часовъ легъ опочивать.

Августа 21. Его Величество утромъ проѣзжался за Нѣменъ; возвратясь въ 11 часу, прохаживался около замка. Послѣ обѣда до 4 часа сидѣлъ въ залѣ, занимаясь чтеніемъ газетъ и потомъ пошелъ во внутреннее покои. Отъ Пристава посланы два пакета на имя Секретарей Фриза и Пузыны, кои дежурнымъ Маіоромъ Каховскимъ поручены имъ обѣимъ. Выѣхалъ Полковникъ Политанскій въ свою деревню. Выходили изъ замка въ городъ: Господа Кицкій, Вицкій, Пузына, Рыксъ и Пинети съ женою. Въ 7 часу Его Величество ходилъ къ Адъютанту Грабовскому, а оттуда

по замковой улицѣ въ домъ Мучинскаго. Пріѣзжали во дворецъ: Княгиня Волконская и Графиня Панина, были у мадамъ де Кракови, у которой была такъ же и Госпожа Воловичева. Господа: Збышевскій, Суходольскій и Максимовичъ, были у Секретаря Шузыны, а Староста Коршъ у Кицкаго.

Августа 22. По утру выѣхали изъ дворца Господа: Кицкій, Адъютантъ Киркоръ и Сагатинскій, и возвратились. Его Величество въ 10 часовъ проѣзжался верхомъ чрезъ Гродницу мимо лагеря гранадерскаго, въ рощу надъ Нѣменомъ; обратно проѣхалъ верхомъ съ конвоемъ прямо по берегу Нѣмена, а экипажъ отпустилъ чрезъ городъ. Пристава прислалъ къ Господину Полковнику Фризелю два письма отъ Короля въ Варшаву, одно къ Господину Вальстрому, другое къ Грановскому. Обѣдалъ Его Величество въ обыкновенное время, послѣ обѣда занимался чтеніемъ газетъ въ залѣ, въ 5 часовъ съ половиною пошелъ во внутренніе свои покои. Посыланы отъ Пристава во дворецъ отъ Полковника Фризеля принесенныя письма къ Королю, на имя Секретаря Фриза, которыя дежурнымъ Капитаномъ Трейденомъ доставлены къ Господину Фризу. Данъ пашпортъ до Варшавы и обратно служителю Королевскому при Мундшенской, Андрею Снарскому, по запискѣ, присланной отъ Секретаря Фриза. Въ 7 часовъ ходилъ Его Величество въ Старый замокъ, гдѣ до половины 10 часа былъ въ театрѣ, занимаясь представленіемъ разныхъ механическихъ штукъ, Господиномъ Пинетіемъ дѣлаемыхъ. Въ театрѣ было превеликое собраніе, какъ нашихъ Россійскихъ, такъ и Польскихъ, всякаго сорта людей, и оной былъ весь наполненъ. По окончаніи всего Его Величество, возвращаясь въ обыкновенномъ препровожденіи домой, прошелъ чрезъ камердинерскую комнату, и въ половинѣ 11-го часа ужиналъ въ большой столовой. Прочіе жъ всѣ, бывшіе въ спектаклѣ, разъѣхались и разошлись изъ Стараго замка по домамъ.

Августа 23. До обѣда не выѣзжалъ Его Величество никуда; выходилъ только на терасъ и потомъ въ биліардъ игралъ. Обѣдали во дворцѣ: Графы Безбородко и Панинъ, и въ 5 часовъ уѣхали. Въ 7 часу Его Величество проѣзжался верхомъ, съ обыкновеннымъ препровожденіемъ, за Нѣменъ, и съ нимъ такъ же обѣ сестрицы его и Графиня Мнишекъ. Объѣзжая Лососну, остановился у большаго камня, который приказывалъ онъ прежде

выкопать и узнать его величину, что поручено было отъ него Полковнику Политанскому, который придворными конюхами и наемными нѣсколькими человѣками сіе сдѣлалъ. Возвратился Его Величество въ 9 часу во дворецъ. Графиня Мнишекъ была у Ея Сіятельства, супруги Главнокомандующаго, и въ 11 часу уѣхала. Во дворцѣ ужинали: Збышевскій и Залѣскій. Съ 11 часовъ Его Величество ретировался во внутренніе свои покои. Въ 1 часу, во время хожденія рундомъ, ни кого не было замѣчено во дворцѣ изъ сторонніхъ: вездѣ было тихо и ни какихъ экипажей ни внутри дворца, ни около онаго, не было, ниже изъ ходящихъ никто не повтсрѣчался.

Августа 24. Его Величество проѣзжался верхомъ къ деревни Грандичамъ; возвращаясь, заѣзжалъ въ домъ Подскарбія Дзяконскаго, коего не было дома, встрѣченъ былъ женою онаго. Въ 12 часовъ прибылъ во дворецъ. Послѣ обѣда подалъ Его Величеству письмо отъ Бискупа Нарушевича присланный Польской Шляхтой Пашковскій. Пріѣзжала Госпожа Дзяконская къ мадамъ де Кракови. Графъ Панинъ прислалъ Адъютанта своего съ газетами къ Шамбеляну Вольскому. Выѣхалъ въ свою деревню Полковникъ Политанскій.

Августа 25. Его Величество въ 10 часу проѣзжался верхомъ; на площади предъ дворцомъ подано ему вторично меморіалъ отъ Госпожи Букевичевой, который онъ принялъ отъ нея. По возвращеніи его въ 12 часу изъ Лососны, подалъ ему служитель его при Лазенкахъ [60] прошеніе. Выѣзжали въ часу первомъ обѣ сестрицы Королевскія и Графиня Мнишекъ къ Ея Сіятельству, Княгинѣ Репниной. Посланы во дворецъ два пакета къ Секретарямъ Фризу и Пузынѣ отъ Графа Безбородка. Были во дворцѣ у мадамъ де Кракови Госпожа Лохницкая, а у Вольскаго мужъ ея, Господинъ Лохницкій и Залѣскій. Сей оставался во дворцѣ до вечера, былъ у Короля на вечернемъ собраніи и ужиналъ.

Августа 26. Въ 10 часовъ утра ходилъ въ церковь Его Величество. Обѣ его сестрицы, Графиня Мнишекъ и нѣсколько изъ придворныхъ. Выѣзжали изъ дворца на Городницу къ Ея Сіятельству, Княгинѣ Репниной, поздравить ее съ имянинами. Вели-

[60] Знаменитое Варшавское гульбище, составлявшее личную собственность Короля Станислава-Августа.

кій Конюшій Кицкій, Шамбелянъ Сольской, Полковникъ Вицкій, Адъютанты Грабовскій и Киркоръ, кои и въ вечеру, кромѣ Господина Кицкаго, были на ассамблеи у Ея Сіятельства. Были во дворцѣ: Залѣскій, Збышевскій и Скаробольскій. Обѣдали у Его Величества: Ихъ Сіятельства, супруга Главнокомандующаго, Княгиня Волконская, Графиня Панина, Графъ Панинъ, Князья Цицiановъ и Лобановъ-Ростовскій, и въ 4 часа разъѣхались. Госпожа Лохницкая была у Госпожи Пашковской. Мадамъ де Кракови и Графиня Мнишекъ проѣзжались за Нѣменъ въ Лососну. Секретарь Фризъ приходилъ отъ Короля къ Графу Безбородку и вручилъ письмо въ Варшаву къ Господину Вальстрому, для пересылки. Въ 6 часовъ Его Величество, въ препровожденіи Пристава, двухъ Офицеровъ дежурныхъ и придворныхъ своихъ кавалеровъ, пошелъ въ Старой замокъ, [61] гдѣ до 8 часовъ былъ въ театрѣ, занимаясь представленіемъ отъ Господина Пинети разныхъ, весьма искусныхъ, штукъ механическихъ и химическихъ. Въ половинѣ 9-го часа Его Величество возвратился во дворецъ.

Августа 27. Его Величество хотя и не былъ доволенъ въ сей день пріѣздомъ нѣкоторыхъ Польскихъ господъ съ поздравленіемъ его торжественнымъ днемъ восшествія на престолъ, однако жъ принужденъ былъ утромъ оныхъ принимать. Вскорѣ потомъ выѣхалъ прогуливаться и въ часу 2-мъ возвратился. Обѣдали у него: Господинъ Збышевскій, Воевода Вильганъ и Каштелянъ Храповицкій. Мадамъ де Подоли и Графиня Мнишекъ ѣздили въ Доминиканскій монастырь. Генералъ-Маіоръ Бенингсонъ и Господинъ Воловичъ послѣ обѣда были у Его Величества. Отъ Графа Безбородка посланы съ Адъютантомъ его два пакеты, кои доставлены Господамъ Фризу и Пузынѣ. Господа: Кицкій, Збышевскій и Грабовскій ходили за городъ прогуливаться. Вечеромъ приходилъ Полякъ Голуховскій къ Ленскому, конюшему при Графинѣ Замойской. Вечеръ до ужина проводилъ Его Величество, прогуливаясь около дворца. Послѣ ужина ретировался во внутренніе свои покои.

Августа 28. Въ исходѣ десятаго часа пріѣхалъ Каштелянъ Пузкамеръ и былъ у Великаго Конюшаго Кицкаго. Въ 11 часу Его Величество и его фамилія были въ придворной церкви. Обѣ-

[61] Растояніе между обоими замками составляетъ только нѣсколько шаговъ.

дала у Короля Госпожа Шимановская, послѣ обѣда была у сестры Королевской, мадамъ де Подоли. Объ сестрицы Королевскія и Графиня Мнишекъ проѣзжалися за городъ. Посланъ пакетъ къ Секретарю Фризу отъ Графа Безбородка съ дежурнымъ Капитаномъ, Трейденомъ. Въ 7 часу проѣзжался Его Величество за городъ; возвращаясь домой, заѣзжалъ въ садъ купца Гроденскаго, Госмана. Графиня Мнишекъ въ вечеру была у Ея Сіятельства, Княгини Репниной. Посыланъ былъ пажъ отъ Короля звать обѣдать на завтрешній день Генералъ-Маіора Бенингсона.

Августа 29. Отъ 10-го часа до обѣда были во дворцѣ: Господинъ Каштелянъ Путкамеръ у Короля, Господинъ Суходольскій у Секретаря Пузыны, Подстолій Скаробольскій у мадамъ де Кракови; обѣдалъ у Его Величества Генералъ-Маіоръ Бенингсонъ. Предъ вечеромъ проѣзжался Король съ мадамъ де Кракови и нѣкоторыми своими придворными, въ препровожденіи обыкновенномъ, за Нѣменъ, по дорогѣ, лежащей къ Бресту Литовскому; возвратился въ 9 часу. Прислано къ Графу Безбородку письмо отъ Короля къ Господину Вальстрому, для доставленія его въ Варшаву.

Августа 30. Предъ обѣдомъ проѣзжался Его Величество по Скидельской дорогѣ. Обѣдали у него: Госпожа Муравская, Каштелянъ Путкамеръ и Збышевскій. Послѣ обѣда объ сестрицы Королевскія и Графиня Мнишекъ проѣзжалися и заѣзжали къ Ея Сіятельству, Княгинѣ Наталіи Александровнѣ. Господа: Кицкій, Грабовскій, Збышевскій и Аксамитовскій, ѣздили на охоту. Пріѣхала изъ Прускаго кордону жена Архитектора Сака. Докторъ Беклеръ былъ на ассамблеи у Главнокомандующаго.

Августа 31. Въ 8 часу приходилъ Капитанъ Польской службы, Бистромъ, къ Господамъ Кицкому и Фризу. Въ 10 часу Его Величество, въ препровожденіи обыкновенномъ, выѣхалъ въ Лососну, возвратился въ 1-мъ часу. Въ исходѣ 2 Его Сіятельство, Главнокомандующій, прибылъ во дворецъ, обѣдалъ и въ 5 часу отъѣхалъ. Данъ пашпортъ до Варшавы Шамбеляну Запольскому.

Мѣсяцъ Сентябрь.

1-го числа. Въ 10 часовъ утра Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться верхомъ въ Лососну, возвратился чрезъ полтора часа. Были во дворцѣ: утромъ Госпо-

динъ Путкамеръ у Господина Кицкаго, Господинъ Брентани, пріѣхавшій изъ Вѣны, у мадамъ де Кракови съ письмомъ къ ней. По полудни Господинъ Брентани былъ у Его Величества. Предъ вечеромъ выѣзжали прогуливаться сестрицы Его Величества и Графиня Мнишекъ. Послана вся сполна мѣсячная сумма 11,000 червонныхъ, для содержанія и расходовъ Королевскихъ.

Сентября 2. Утромъ Его Величество, со своею фамиліею и дворомъ, былъ на молитвѣ въ придворной своей церкви. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Главнокомандующій, Приставъ Генералъ Графъ Безбородко и Генералъ-Маіоръ Графъ Панинъ, Господа: Ржевуцкой, Запольскій, Брентани, Збышевскій и Каноникъ Юндзилъ. Предъ вечеромъ Его Величество, съ своею фамиліею и придворными, въ препровожденіи Пристава, Генерала Графа Безбородка, вошелъ въ театръ Господина Пинетія, гдѣ находился уже Его Сіятельство, Главнокомандующій, съ своею фамиліею, Генералитетъ, Господа Штабъ и Оберъ-Офицеры и знатное Польское Шляхетство. Зрѣлище кончилось въ 10 часу вечера. Выѣзжали предъ театромъ сестрицы Его Величества прогуливаться. Были Господинъ Залѣской у Господина Вольскаго, Голуховскій у Ленскаго, Максимовичъ у Рыкса. Пріѣхалъ изъ Варшавы обратно въ Гродно Графъ Мнишекъ.

Сентября 3. Предъ вечеромъ выѣзжали сестрицы Его Величества прогуливаться. Выѣзжалъ въ городъ Графъ Мнишекъ съ супругою. Былъ Господинъ Ржевуцкій у Господина Кицкаго.

Сентября 4. Симъ днемъ былъ у Его Величества Воевода Витебскій. Утромъ выѣзжала Графиня Мнишекъ въ городъ. Предъ вечеромъ выѣзжали прогуливаться сестрицы Его Величества и Графиня Мнишекъ. Графъ Мнишекъ прогуливался верхомъ. Прибыли обратно въ Гродно изъ Варшавы Конюшій Кавецкій, Канцлеръ Графъ Хребтовичъ.

Сентября 5. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться верхомъ въ Лососну, чрезъ полтора часа возвратился. Предъ вечеромъ мадамъ де Кракови выѣзжала прогуливаться. Изъ постороннихъ не былъ никто у Его Величества и его фамиліи, такъ же и у придворныхъ.

Сентября 6. Изъ сторонніхъ не былъ никто у Его Величества; была Госпожа Лохницкая у мадамъ де Кракови, Господинъ Стреинскій у Господина Кицкаго. Выѣзжалъ въ городъ

Графъ Мнишекъ съ женою. Отъѣхали изъ Гродна: въ Бѣлый Стокъ Шамбелянъ Вольскій, въ Варшаву Господинъ Дангель, Рыксъ, Королевскій камердинеръ и Рихтеръ кондитеръ.

Сентября 7. Утромъ Его Величество выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ въ деревню Каплицу, возвратился чрезъ полтора часа. Обѣдали у Его Величества: Приставъ Генералъ Графъ Безбородко, Господинъ Бржостовскій съ супругою и Господинъ Стрепинскій. Выѣзжали: Графъ Мнишекъ и сестрицы Его Величества прогуливаться. Прибылъ изъ Варшавы Подполковникъ Курпатскій.

Сентября 8. Въ 12 часу утра Его Величество съ своими придворными прохаживался около получаса по терасу своего дворца. Обѣдали у Его Величества: Подполковникъ Графъ Стакельбергъ и Господинъ Збышевскій. Были во дворцѣ: Господинъ Писаревскій у Графа Мнишка и Господинъ Суходольскій у Секретаря Пузыны. Выѣзжали изъ дворца: Графъ Хребтовичъ къ Ея Сіятельству, Княгинѣ Репниной, и Секретарь Фризъ туда же.

Сентября 9. Въ 11 часу утра Его Величество выходилъ на молитву въ придворную свою церковь, съ своею фамиліею и въ препровожденіи своего двора, вышелъ черезъ часъ. Предъ вечеромъ Король, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ къ Господину Главнокомандующему, прибывшему не за долго до сего изъ Бѣлостока. Его Величество, побывши тамъ съ полчаса, возвратился во дворецъ. Обѣдали у Его Величества: Россійской Контръ-Адмиралъ Графъ де Литта, Графъ Ржевуцкій и Госпожа Бржостовская: Были во дворцѣ: Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича, Ихъ Сіятельства, Княгиня Репнина и Княгиня Волконская, у мадамъ де Кракови. Предъ вечеромъ были у Главнокомандующаго сестрицы Его Величества, и съ ними Графъ Хребтовичъ; у него же вечеромъ Графиня Мнишекъ и Докторъ Беклеръ съ супругою.

Сентября 10. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился чрезъ полтора часа. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Главнокоманлующій и Приставъ, Генералъ Графъ Безбородко. Послѣ стола входили къ Его Величеству сыновья Господина Хребтовича, Великаго Канцлера Литовскаго, и Господинъ Райскій. Утромъ выѣзжалъ въ городъ Графъ Мнишекъ съ супругою. Прибылъ изъ Варшавы служитель Его Величества, Андрей Шлявскій.

Сентября 11. Предъ вечеромъ выѣзжали прогуливаться сестрицы Его Величества. Отпущенъ въ Варшаву отъ Главнокомандующаго Графъ Безбородко. Были во дворцѣ: Господинъ Суходольскій у Секретаря Пузыны, Господинъ Збышевскій у Профессора Пинетія.

Сентября 12. Предъ вечеромъ сестрицы Его Величества выѣзжали прогуливаться. Предъ симъ выѣзжалъ въ городъ Графъ Мнишекъ съ супругою. Были у Его Величества Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Бенингсонъ и Господинъ Янкукевичъ, Каноникъ изъ Черешева. Отъѣхалъ въ Варшаву пажъ Его Величества, Господинъ Дубецкій.

Сентября 13. Утромъ Его Величество, въ препровожденіи своего двора и въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться по Виленской дорогѣ въ деревню Грандичи, возвратился чрезъ два часа. Во 2 съ половиною по полудни прибылъ во дворецъ Господинъ Главнокомандующій и обѣдалъ у Его Величества, изъ Польскихъ же Господъ обѣдалъ Господинъ Збышевскій. Предъ вечеромъ выѣзжали прогуливаться: мадамъ де Кракови, Графиня Мнишекъ и Канцлеръ Графъ Хребтовичъ. Были во дворцѣ: Виленской Академіи Ректоръ Почебутъ и Каноникъ Юндзилъ, входили къ Его Величеству; былъ у Короля Графъ Ржевуцкій. Выѣзжали на вечеринку къ Главнокомандующему Графъ и Графиня Мнишекъ. Отъѣхали въ Варшаву: Графъ Безбородко, Коронный Конюшій Кицкій и Господинъ Понятовскій. По приказанію Главнокомандующаго, отъ Пристава Графа Безбородка, поручено, въ отсутствіи его, пока онъ возвратится, во всемъ имѣть смотрѣніе во дворцѣ и охранять особу Его Величества старшему Премиеръ-Маіору Каховскому изъ находящихся въ свитѣ при немъ.

Сентября 14. Утромъ Его Величество выѣзжалъ прогуливаться въ обыкновенномъ порядкѣ на ту сторону рѣки Нѣмена, возвратился во 2 по полудни. Утромъ выѣзжала прогуливаться мадамъ де Кракови съ дѣвицею Дешенъ въ Понѣмунь, туда же и Графъ Мнишекъ съ супругою. Обѣдалъ у Его Величества Ректоръ Почебутъ. Были во дворцѣ: Графъ (?) Любомірскій у Канцлера Хребтовича, потомъ входилъ къ Королю, вторично онъ же вечеромъ пріѣзжалъ къ Его Величеству, Господинъ Пашковскій и Каноникъ Юндзилъ были у Графа Хребтовича. Предъ вечеромъ

мадамъ де Подоли съ Графинею Мнишекъ выѣзжали въ Станиславово. [62] Маіоръ Каховскій, имѣвъ повелѣніе отъ Пристава, Графа Безбородка, всякую недѣлю свидѣтельствовать находящуюся у него казну съ Порутчикомъ и Казначеемъ Розенбаумомъ, для лучшей безопасности, внесъ сундукъ въ покой Графа Безбородка, гдѣ въ ночи приставляемъ былъ еще другой часовой, а Казначею приказано было отъ Пристава перейти въ квартиру.

Сентября 15. Симъ днемъ были у Его Величества Ректоръ Виленской Академіи, Почебутъ, и Господинъ Пашковскій, Госпожа Бржостовская пріѣзжала къ Графу Хребтовичу. Отъѣхалъ въ свои помѣстья Господинъ Вольмеръ.

Сентября 16. Присланы письма къ Королю отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго. Въ 10 часовъ утра Его Величество, съ своею фамиліею и придворными, входилъ на молитву въ свою придворную церковь, вышелъ оттуда чрезъ полчаса. Въ $2^1/_2$ по полудни прибылъ во дворецъ Господинъ Главнокомандующій, и обѣдалъ у Его Величества, уѣхалъ въ 5. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Бржостовскій, Староста Минскій съ супругою, и Господинъ Залѣскій. Предъ вечеромъ Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться въ Лососну, возвратился чрезъ часъ. Выѣзжали такъ же прогуливаться сестрицы Его Величества и съ ними Графъ Хребтовичъ съ дочерью своею, Госпожею Бржостовскою. Тогда же Графиня Панина пріѣзжала къ Графинѣ Мнишекъ. Выѣзжали изъ дворца Графъ и Графиня Мнишекъ на вечеринку къ Главнокомандующему. По приказанію Главнокомандующаго, спущено изъ конвоя 6 драгунъ, а велѣно только при Его Величествѣ ѣздить 18 человѣкамъ.

Сентября 17. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться на Скидельскую дорогу. возвратился чрезъ полтора часа. Мадамъ де Кракови выѣзжала въ городъ. Были во дворцѣ: утромъ, Господинъ Почебутъ у Короля, Господинъ Воловичъ съ своею супругою у Графа Мнишека, Господинъ Суходольскій у Секретаря Пузыны. По полудни Госпо-

---

[62] Деревня, въ полверстѣ отъ Гродна, принадлежащая Князю Любецкому, близъ вокзала Варшавско-Виленской желѣзной дороги; за нею слѣдуютъ Кузьбаки, въ $1^1/_2$ верстѣ, о которыхъ упоминалось выше.

динъ Бржостовскій съ супругою у Графа Хребтовича. Выѣзжали изъ дворца Графъ и Графиня Мнишекъ прогуливаться за Нѣманъ.

Сентября 18. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться на ту сторону Нѣмана, чрезъ часъ возвратился. Былъ утромъ у Его Величества Господинъ Почебутъ, обѣдалъ Графъ Ржевуцкій. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Графъ и Графиня Мнишекъ въ Доминиканской монастырь, Шамбелянъ Стржембашъ въ городъ. По просьбѣ мадамъ де Кракови, данъ пашпортъ ея Стряпчему, Якову Когильскому, до Ляды, подъ № 3141. Отъ Главнокомандующаго присланы письма Его Величеству. По просьбѣ Его Величества, Короля Польскаго, и по приказанію Главнокомандующаго, посланъ Сержантъ Абросимовъ курьеромъ къ Графинѣ (?) Тингобурской.

Сентября 19. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ; чрезъ часъ возвратился. Мадамъ де Кракови выѣзжала въ городъ. Посыланный Сержантъ Абросимовъ къ Графинѣ Тингобурской возвратился. Были во дворцѣ: Господинъ Залѣскій у Короля; онъ же вторично предъ вечеромъ у него же. Господинъ Хребтовичъ съ супругою у отца своего, Графа Хребтовича. Выѣзжала изъ дворца Графиня Мнишекъ въ городъ.

Сентября 20. Маіоромъ Каховскимъ свидѣтельствована казна и поданъ рапортъ Главнокомандующему. Рота Псковскаго полку вступила во дворецъ въ караулъ. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться; возвратился чрезъ часъ. Были во дворцѣ: Господинъ Воловичъ у Его Величества, Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича, Господинъ Грановскій у него же, Господинъ Хребтовичъ у отца своего, Графа Хребтовича, и съ нимъ выѣхалъ къ Главнокомандующему. Выѣзжали изъ дворца: Графиня Мнишекъ въ городъ, Шамбелянъ Стржембашъ въ городъ.

Сентября 21. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ порядкѣ, выѣзжалъ прогуливаться въ Понѣмуни. При выѣздѣ своемъ принялъ онъ просьбу отъ Господина Вербицкаго изъ мѣстечка Лосцы, возвратился чрезъ полтора часа. Сестрицы Его Величества такъ же выѣзжали прогуливаться. Во 2 по полудни прибылъ во дворецъ Господинъ Главнокомандующій, обѣдалъ и уѣхалъ въ 5. Обѣдали Господинъ Грановскій, Господинъ Хребто-

вичъ съ супругою. Послѣ стола былъ у Его Величества Господинъ Тингобургскій. Выѣзжали изъ дворца: мадамъ де Кракови къ Госпожѣ Бржостовской, Графъ и Графиня Мнишекъ на вечеринку къ Главнокомандующему.

Сентября 22. По полудни были у Его Величества: Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Бенингсонъ и Ректоръ Виленской Академіи, Почебутъ, Пріѣзжали къ Главнокомандующему нѣкоторые изъ Господъ придворныхъ Королевскихъ поздравить Его Сіятельство съ торжествомъ. А въ вечеру въ 8 часу самъ Его Величество, съ обѣими своими сестрицами, былъ у Главнокомандующаго и возвратиться изволилъ черезъ часъ, чувствовавъ сильную боль въ боку. Его Величеству, по совѣту Доктора Беклера, поставлена шпанская муха, отъ чего нѣсколько боль утишилась. Прибылъ изъ Варшавы Шамбелянъ Дюгамель и Секретарь Карамовичъ.

Сентября 23. Въ 10 часовъ утра Его Величество съ своею фамиліею и придворными былъ на молитвѣ въ своей придворной церкви, чрезъ полчаса вышелъ оттуда. Во 2 по полудни прибылъ Господинъ Главнокомандующій и Генералъ-Маіоръ Бенингсонъ, обѣдали у Короля и уѣхали въ 3. Предъ вечеромъ выѣзжали прогуливаться сестрицы Его Величества и Графъ Мнишекъ.

Сентября 24. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Грановскій и Графъ Поцей. Были во дворцѣ: утромъ Графъ Левницкій у Его Величества, по полудни Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича. Предъ вечеромъ Графъ и Графиня Мнишекъ съ дочерью выѣзжали прогуливаться. Отъѣхалъ изъ Гродна въ свои помѣстья Адъютантъ Грабовскій. Его Величество все еще чувствовалъ слабость и боль.

Сентября 25. Утромъ мадамъ де Кракови выѣзжала въ Доминиканской монастырь, чрезъ полчаса возвратилась. Были утромъ: Графъ Ржевуцкій и Господинъ Воловичъ у Короля. Послѣ стола Его Величество около часа занимался слушаніемъ гармоники, на которой игралъ Господинъ Беня. По полудни былъ у Короля Генералъ-Маіоръ Бенингсонъ. Предъ вечеромъ Графъ Мнишекъ выѣзжалъ верхомъ прогуливаться.

Сентября 26. Утромъ мадамъ де Кракови съ своею фрейлиною прогуливалась пѣшкомъ. Пріѣзжала къ ней Госпожа Полковница Мтинская. Прибыла изъ Варшавы Княгиня Радзивилова съ дочерью и остановилась во дворцѣ. Были у нея: Княгиня Вол-

конская, Бригадиръ Бауръ, Графъ Панинъ и Графъ Ржевуцкій. Господинъ Бржостовскій пріѣзжалъ къ Графу Хребтовичу.

Сентября 27. Утромъ были во дворцѣ: Господинъ Завацкій и Господинъ Ляхницкій съ женою у мадамъ де Кракови, Господинъ Бржостовскій у Графа Хребтовича, Графиня де Меллени у Его Величества. Выѣзжали изъ дворца: Графъ Мнишекъ прогуливаться, Княгиня Радзивилова къ Главнокомандующему. Его Величество почувствовалъ гораздо лучше себѣ облегченіе. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Главнокомандующій, и съ нимъ Графъ Панинъ и Госпожа Бржостовская. По полудни былъ Господинъ Почебутъ у Графа Хребтовича. Выѣзжали изъ дворца: Шамбелянъ Вольскій, Графъ Мнишекъ съ супругою, Княгиня Радзивилова съ дочерью и Графъ Хребтовичъ, къ Главнокомандующему на вечеринку. Прибылъ обратно изъ Варшавы въ Гродно Староста Рыксъ и кондитеръ Рихтеръ.

Сентября 28. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Графъ Мнишекъ къ Главнокомандующему, мадамъ де Кракови въ Езуитскій монастырь. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Почебутъ и Графиня де Меллени. По полудни были во дворцѣ: Графъ Потоцкій [63] у Его Величества. Выѣзжала изъ дворца Княгиня Радзивилова къ Главнокомандующему.

Сентября 29. Рота гренадерскаго С.-Петербургскаго полку вступила въ караулъ. Били во дворцѣ: Господинъ Дзяконскій у Княгини Радзивиловой, Главнокомандующій и Бригадиръ Князь-Лобановъ у нея же, Графъ Ржевуцкій у Его Величества, Госпожа Бржовстовская у Графа Хребтовича, Госпожа Ляхницкая у Секретарши Пузыны, Графиня де Меллени у мадамъ де Кракови. Обѣдали у Его Величества Графъ Потоцкій съ супругою. Выѣзжали изъ дворца: Княгиня Радзивилова съ дочерью къ Графу Панину, Графъ и Графиня Мнишекъ къ Графу Потоцкому. Прибыла изъ Варшавы Госпожа Грабовская.

Сентября 30. Утромъ Его Величество съ своею фамиліею

---

[63] Конечно, Щенсной (Феликсъ), Генералъ Коронной артиллеріи и главный заводчикъ Торговицкой Конфедераціи. Игнатій Потоцкій, Великій Маршалъ Литовскій, сторонникъ преобразованія и конституціи 3-го Мая, 1791 года, выѣхалъ за границу (вмѣстѣ съ Сеймовымъ Маршаломъ Малаховскимъ, Солтыкомъ и Колонтаемъ), послѣ того какъ Король Станиславъ-Августъ присоединился къ Торговицкой Конфедераціи.

и придворными былъ на молитвѣ въ придворной своей церкви, чрезъ полчаса вышелъ. Были во дворцѣ: утромъ Господинъ Дульскій, Генералъ Пузына у Его Величества, Господинъ Бржостовскій съ супругою у Графа Мнишекъ, Графиня де Меллени у мадамъ де Кракови. Обѣдали у Его Величества: Господинъ Главнокомандующій, Графиня Потоцкая и Графъ Мантейфель. По полудни былъ у Его Величества Графъ Паниъ. Вечеромъ выѣзжали къ Главнокомандующему на ассамблею Графъ и Графиня Мнишекъ. Отъѣхала изъ Гродна въ С.-Петербургъ Княгиня Радзивилова. Госпожа Сѣраковская, въ бытность Главнокомандующаго во дворцѣ, подала ему просьбу.

Мѣсяцъ Октябрь.

1-го числа. Обѣдалъ у Его Величества Графъ Потоцкій съ супругою. Выѣзжали изъ дворца: мадамъ де Подоли къ Главнокомандующему, Шамбелянъ Вольскій и Графъ Хребтовичъ въ городъ.

Октября 2. Утромъ Его Величество посѣщалъ въ Старомъ замкѣ Шамбеляна Дюгамеля. Были во дворцѣ: утромъ Господинъ Пузына у Секретаря Пузыны, Генералъ Грабовскій у Его Величества, Госпожа Дзяконская у мадамъ де Кракови; по полудни вторично Господинъ Пузына у Короля Ихъ Сіятельства, Княгиня Репнина и Княгиня Волконская, у мадамъ де Подоли, Графъ Потоцкій у Его Величества, Господинъ Дульскій у Старосты Рыкса. Выѣзжали изъ дворца: Госпожа Грабовская въ городъ, а Графъ Мнишекъ прогуливаться. Возвратился изъ Варшавы Генералъ-Порутчикъ и Кавалеръ Графъ Безбородко.

Октября 3. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться, черезъ два часа возвратился. Выѣзжали изъ дворца: Графъ Мнишекъ съ супругою прогуливаться, мадамъ де Кракови въ городъ, Графъ Хребтовичъ къ Господину Бржостовскому. Были во дворцѣ: Генералъ Грабовскій у Госпожи Грабовской, [64] Господа: Пузына и Суходольскій у Секретаря Пузыны, Залѣскій у Господина Вольскаго.

---

[64] Жившей также во дворѣ, т. е., въ Новомъ замкѣ. Грабовская прежде была любовницей Короля, а теперь находилась съ нимъ въ тайномъ бракѣ. Она была женщиной некрасивой, но очень умной и съ большимъ вліяніемъ на слабаго Станислава.

Октября 4. Утромъ приходила къ Его Величеству Пановская съ просьбою, пріѣзжалъ къ нему же Господинъ Дульскій. Его Величество посылалъ пажа своего къ Генералъ-Порутчику Князю Голицыну, а въ 11 часу съ своими сестрицами, въ обыкновенномъ въ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться въ мѣстечко Кохановo на берегу Нѣмена; [65] возвратился чрезъ два часа. Графиня Мнишекъ выѣзжала въ городъ. Обѣдали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандущщій, Генералъ-Порутчикъ Князь Голицынъ и Приставъ Графъ Безбородко, выѣхали въ 5 по полудни. Были во дворцѣ: Госпожа Бржостовская у Графа Хребтовича, Графиня Панина у Графини Мнишекъ, Господа: Грабовскій и Ректоръ Почебутъ у Его Величества. Выѣзжали предъ обѣдомъ: сестрицы Его Величества въ городъ, Госпожа Грабовская, Графиня Мнишекъ и Графъ Хребтовичъ къ Главнокомандующему на вечеринку. Прибыли изъ Варшавы: Господа Кицкій, Гордонъ и Аксамитовскій.

Октября 5. Утромъ были во дворцѣ: Господинъ Дульскій у Господина Кицкаго, Госпожа Воловичева у Графини Мнишекъ. Отъѣзжали изъ дворца: Графъ Мнишекъ и мадамъ де Подоли въ городъ. Сегодня обѣдали у Его Величества: Генералъ-Маіоръ Германъ и Бржостовскій съ супругою. Предъ вечеромъ мадамъ де Подоли выѣзжала вторично въ городъ.

Октября 6. Обѣдали у Его Величества: Ихъ Сіятельства, Княгиня Волконская, Графиня Панина и Бискупъ Букати. Были во дворцѣ: утромъ Господинъ Пузына у Секретаря Пузыны, Генералъ Грабовскій у Госпожи Грабовской; по полудни: вторично Господинъ Пузына у Его Величества, Премiеръ-Маіоръ Дюгамель и Генералъ Грабовскій у Госпожи Грабовской.

Октября 7. Утромъ Его Величество съ своею фамиліею и придворными выходилъ на молитву въ придворную свою церковь; вышелъ чрезъ полчаса. Во 2 часу по полудни прибылъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, былъ у Госпожи Грабовской, а оттуда прошелъ къ Королю и обѣдалъ у него, такъ же и Приставъ Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко и Господинъ Збышевскій обѣдали у него. Были во дворцѣ: утромъ Господа Пу-

---

[65] Именно на правомъ, въ 7-ми верстахъ отъ Гродна, прежде принадлежащаго монастырю Бригитокъ.

зына, Ржевуцкій, Ксёндзъ Юревичъ, Дульскій и Графъ Хребтовичъ у Его Величества, по полудни вторично Господинъ Пузына у Графа Мнишекъ, Госпожа Ляхницкая у Секретарши Пузыны, Господинъ Залѣскій у Его Величества, Господинъ Подполковникъ Графъ Стакельбергъ у Графа Мнишка, Господинъ Ржевуцкій у Его Величества. Выѣзжали изъ дворца: Графъ Мнишекъ съ супругою, Госпожа Грабовская, Графъ Хребтовичъ и Шамбелянъ Вольскій на вечеринку къ Главнокомандующему.

Октября 8. Были во дворцѣ: утромъ Господа Дульскій, Пузына, Бискупъ Ядровичъ у Его Величества, по полудни: Генералъ Грабовскій у Госпожи Грабовской, Господинъ Залѣскій у Господина Вольскаго, Господинъ Суходольскій у Секратаря Пузыны, Графиня Панина у Графини Мнишекъ. Выѣзжали изъ дворца: утромъ Графъ Мнишекъ и Графъ Хребтовичъ въ городъ.

Октября 9. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться за Нѣменъ въ Августово; возвратился чрезъ часъ. Обѣдали у Его Величества: Господа Подполковникъ Стакельбергъ, Бржостовскій и Пузына. Послѣ обѣда были у Его Величества: Господа Ляхницкій и Маіоръ Парчевскій съ женою. Выѣзжалъ Графъ Хребтовичъ къ Его Сіятельству Главнокомандующему.

Октября 10. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться въ Понѣмунь; возвратился чрезъ полтора часа. Такъ же мадамъ де Кракови выѣзжала прогуливаться, а Графиня Мнишекъ въ городъ. Обѣдалъ у Его Величества сынъ Канцлера Хребтовича. Предъ вечеромъ выѣзжалъ въ городъ Графъ Мнишекъ.

Октября 11. Утромъ Его Величество выѣзжалъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, прогуливаться въ Лососну и вмѣстѣ съ нимъ Госпожи Бжорстовская и Грабовская. Сестрицы Его Величества выѣзжали особо въ городъ. Были во дворцѣ: Господа Ржевуцкій у Графа Мнишка, Бржостовскій у Графа Хребтовича, Ректоръ Почебутъ у Короля. Обѣдали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Порутчики Графы Румянцовъ и Безбородко, Каштелянова [66] Лосовская и Господинъ Дуль-

[66] Польское словопроизводство, жена Каштеляна.

скій. Выѣзжали: Графъ Мнишекъ съ супругою, Госпожа Грабовская и Шамбелянъ Вольскій къ Главнокомандующему.

Октября 12. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, прогуливался въ Грандичи, возвратился черезъ два часа. Обѣдалъ у Его Величества Ректоръ Почебутъ. Были во дворцѣ: Графъ Ржевуцкій, Господинъ Пузына у Его Величества, Графиня Панина у Графини Мнишекъ, Господинъ Бржостовскій съ супругою у Графа Хребтовича. Выѣзжали изъ дворца: Госпожа Грабовская и Графъ Хребтовичъ. Прибылъ изъ С.-Петербурга въ Гродно Графъ Мошинскій, [67] и въ Старомъ замкѣ отведена ему квартира.

Октября 13. Обѣдалъ у Его Величества Господинъ Бржостовскій съ супругою. Были во дворцѣ: Господа Суходольскій и Пузына у Секретаря Пузыны, Ректоръ Почебутъ у Его Величества. Графъ Панинъ присылалъ къ Секретарю Фризу ординарца съ бумагами. Выѣзжали утромъ на охоту: Господа Кицкій, Политанскій и Кавецкій.

Октября 14. Во 2 часу по полудни прибылъ во дворецъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, и Графъ Безбородко, и кушали у Его Величества; обѣдали такъ же два вояжира Англичане. Послѣ обѣда были во дворцѣ: Господа Дульскій, Ректоръ Почебутъ и Пузына. Выѣзжали изъ дворца: Графиня Мнишекъ, Господинъ Кавецкій и Шамбелянъ Вольскій, къ Главнокомандующему. Отъѣхалъ въ Варшаву Шамбелянъ Бадини.

Октября 15. Обѣдалъ у Его Величества Генералъ Грабовскій; послѣ стола Его Величество изволилъ ходить въ Старой замокъ къ Графу Мошинскому. Приходилъ къ мадамъ де Кракови Господинъ Стержинскій. Генералъ Пузына былъ у Секретаря Пузыны. Прибылъ изъ Варшавы Генералъ Горжинскій и остановился во дворцѣ.

Октября 16. Обыкновенный конвой при Его Величествѣ, состоявшій всегда изъ драгунъ С.-Петербургскаго полку, смѣненъ легкоконнымъ Изюмскаго полку. Того жъ дня рота Муромскаго пѣхотнаго полку вступила во дворецъ въ караулъ. Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться въ Понѣмуни, возвратился чрезъ полтора часа до обѣда. Обѣ-

---

[67] Великій Маршалъ Литовскій, приверженецъ Торговицкой Конфедераціи.

дали у Его Величества: Графъ Ржевуцкій и Каштелянова Лосовская. Былъ Господинъ Пузына у Секретаря Пузыны.

Октября 17. Въ 1 часу по полудни Его Величество выходить изволилъ изъ своего дворца и былъ на своей конюшнѣ. Обѣдалъ у Его Величества Графъ Дугласъ [68] съ своимъ товарищемъ. Были во дворцѣ: у сестрицъ Его Величества и у Графини Мнишекъ Госпожа Межіевская, Господинъ Грабовскій у Его Величества, потомъ у Графа Мошинскаго Выѣзжали на охоту: Господа Кицкій, Политанскій и Аксамитовскій.

Октября 18. Утромъ Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться въ Грандичи, возвратился чрезъ часъ. Кушалъ у Его Величества Главнокомандующій. Были у Его Величества: Господа Дульскій и Ректоръ Почебутъ. Выѣзжали изъ дворца: Графъ Мнишекъ съ супругою, Графъ Хребтовичъ и Генералъ Горжинскій, на вечеринку къ Его Сіятельству, Главнокомандующему. Возвратились съ охоты: Господа Кицкій, Политанскій и Аксамитовскій.

Октября 19. Его Величество не имѣлъ выѣзду во весь день.

Октября 20. Въ 5 часовъ по полудни пріѣзжалъ во дворецъ къ Графинѣ Замойской и Графинѣ Мнишекъ Тайный Совѣтникъ и Министръ во Франкфуртѣ, Графъ Румянцовъ, [69] былъ у нихъ съ часъ, куда и Его Величество пришелъ, коему онъ тутъ представился. Король проѣзжался въ Лососну. Отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, Флигель-Адъютантъ Князь Гагаринъ привезъ письма къ Его Величеству и Графинѣ Мнишекъ. Былъ у Его Величества Господинъ Тизенгаузенъ, а Ихъ Сіятельства, Княгиня Волконская и Графиня Панина, у Графини Мнишекъ.

Октября 21. Его Величество со всѣми своими придворными слушалъ мшу въ замковой каплицѣ. [70] Выѣхалъ въ мѣстечко Скидель Господинъ Мошинскій. Въ исходѣ 2 часа Его Сіятельство, Главнокомандующій, супруга его, и Тайный Совѣтникъ Графъ Румянцовъ, пріѣзжали кушать къ Его Величеству. Такъ же Графъ Безбородко, Бискупъ Смоленскій Горжинскій, Господинъ Дульскій и Госпожа Каштелянова Лосовская, обѣдали во дворцѣ. По-

---

[68] Прибывшій 14-го числа Англичанинъ.

[69] Графъ Николай Петровичъ, впослѣдствіи Государственный Канцлеръ. О. Б.

[70] Часовнѣ. О. Б.

слѣ обѣда въ придворной каплицѣ совершено крещеніе двумъ сыновьямъ Господина Дульскаго: Его Величество съ супругою Главнокомандующаго, а Его Сіятельство, Главнокомандующій, съ мадамъ де Кракови, были воспреемниками. Госпожа Подскарбина Дзяконская пріѣзжала къ Графинѣ Грабовской. Въ вечеру ѣздили на вечеринку къ Главнокомандующему: Графъ Мнишекъ съ супругою своею, Генералъ Горжинскій, Шамбелянъ Вольскій, Докторъ Королевской Беклеръ съ женою. Возвратился ночью изъ Скиделя Господинъ Мошинскій.

Октября 22. Данъ пашпортъ, по повелѣнію Главнокомандующаго, Бискупу Смоленскому Горжинскому, отъ Гродна чрезъ Варшаву до Кракова. Его Величество прохаживался въ Старой замокъ и по площади предъ дворцомъ, заходилъ въ конюшню свою. Послано отъ Пристава письмо къ Госпожѣ Грабовской. Ректоръ Почебутъ, Каштелянъ Воловичъ, Генералъ Пузына, Господа Андрейковичъ и Дульскій, были у Короля. Въ 8 часовъ вечера пріѣзжалъ Тайный Совѣтникъ Графъ Румянцовъ, ужиналъ у Его Величества и, откланявшись, въ 11 часу уѣхалъ.

Октября 23. Его Величество выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ. Были во дворцѣ: Господа Грабовскій и Тизенгаузенъ и обѣдали тамо.

Октября 24. Его Величество былъ въ придворной церкви. Господа: Ректоръ Почебутъ, Дульской, Пузына, приходили къ Королю и въ разные часы допускаемы были. Обѣдали у Его Величества: Госпожа Гетманова Ожаровская, Каштелянова и Подскарбина Дзяконская.

Октября 25. Его Величество прохаживался въ Старой замокъ и по площади предъ дворцомъ, возвратился въ 10 часовъ, и въ кабинетѣ своемъ упражнялся чтеніемъ и писаніемъ. Обѣдалъ у онаго Главнокомандующій.

Октября 26. Его Величество выѣзжалъ прогуливаться за Нѣменъ верхомъ, обратно жъ въ каретѣ возвратился. Господа: Почебутъ, Староста Пинской Бржостовскій и Дульскій обѣдали, у Короля. Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, была у Графини Мнишекъ.

Октября 27. Его Величество проѣзжалъ въ Понѣмунь. Изъ дворца ѣздили въ разные часы до обѣда и послѣ обѣда: Госпожа

Краковская, Графиня Браницкая, [71] Графъ Мнишекъ и Графъ Мошинскій. Во дворецъ пріѣзжали: Ректоръ Почебутъ и Господинъ Суходольскій. Въ вечеру были у Графини Мнишекъ: Ихъ Сіятельства, Княгиня Волконская и Графиня Панина, Господа: Шидловскій, Ржевуцкій, Князь Лобановъ-Ростовскій, и послѣ пріѣхалъ Графъ Панинъ.

Октября 28. Былъ Его Величество, его фамилія и придворные, въ церкви придворной. По выходѣ изъ оной, позвать приказалъ Господина Ржевуцкаго въ кабинетъ и съ нимъ съ часъ былъ наединѣ. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко, Госпожа Лосовская и Господинъ Бржостовскій: Выѣзжали въ вечеру къ Главнокомандующему на ассамблею: Графъ Мнишекъ, Мошинскій, Вольскій и Беклеръ.

Октября 29. Подчашій Луцинскій возвратился изъ Варшавы. Отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, посыланъ былъ къ Графинѣ Мнишекъ Капитанъ Бонвиллеръ.

Октября 30. Шамбелянъ Дюгамель пріѣхалъ изъ Варшавы, и съ нимъ Каноникъ Ольшанскій. Въ вечеру были у Графини Грабовской: Ихъ Сіятельства, Княгини, супруга Главнокомандующаго и Волконская, Графиня Панина, Графъ Румянцовъ, Безбородко и Панинъ, Князь Лобановъ, Господа: Ржевуцкій, Шидловскій, Крайчина Госпожа Грабовская, обѣ Госпожи Ожаровскія, Лосоцкая, Дзяконская, Вольская съ мужемъ, Беклерова, Кицкій и Горжинскій, а въ 8 часовъ и Его Величество пришелъ туда.

Октября 31. Данъ пашпортъ до Варшавы чрезъ Бѣлой Стокъ и Венгровъ Подконюшему Аксамитовскому, и того жъ дня въ ночи онъ съ Каноникомъ Ольшанскимъ выѣхалъ.

Мѣсяцъ Ноябрь.

1-го числа доставлена отъ Пристава съ Казначеемъ Поруччикомъ Розенбаумомъ, для содержанія Его Величества, мѣсячная за Октябрь мѣсяцъ сумма, въ принятіи которой Господинъ Коронной Конюшій Кицкій въ расходной книгѣ подписался.

Ноября 2. Его Величество изволилъ выѣзжать прогуливаться въ Понѣмунь, возвратился въ 2 часу. Обѣдалъ у онаго Князь

[71] Мадамъ де Кракови.

Воронецкій. Пріѣзжалъ во дворецъ по утру отъ Графа Панина Офицеръ къ мадамъ де Кракови. Княгиня Воронецкая была у Графини Мнишекъ, Госпожа Мазаровская пріѣзжала къ Секретаршѣ Пузыновой. Выѣзжалъ въ городъ Графъ Мнишекъ, и возвратился черезъ часъ.

Ноября 3. Его Величество проѣзжаться изволилъ по Скидельской дорогѣ, въ препровожденіи Пристава, нѣкоторыхъ придворныхъ и конвоя нашего.

Ноября 4. Въ 11 часовъ Его Величество ѣздилъ съ Графомъ Мошинскимъ навѣстить Главнокомандующаго, и возвратился въ 12 часу. Обѣдали у него: Графиня Ожаровская, Графъ Безбородко и Господинъ Збышевскій. Были во дворцѣ предъ обѣдомъ: Подкоморій Липинскій и Ректоръ Почебутъ у Короля; послѣ обѣда: Господинъ Воронецкій у Графини Мнишекъ, Госпожа Воронецкая у Графини Грабовской. Выѣзжали изъ дворца въ вечеру къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на ассамблею: Графъ Мошинскій, Генералъ Горжинскій и Шамбелянова Вольская.

Ноября 5. По утру выѣзжали въ городъ: Графъ Мнишекъ съ женою, Госпожа Грабовская, Шамбелянъ Вольскій и его супруга. Обѣдали у Его Величества: Господа Воловичъ и Староста Пузына. По полудни пріѣзжали во дворецъ: Госпожа Лосоцкая къ Королю, Воловичева къ Госпожѣ Грабовской. Отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, присыланъ былъ его Флигель-Адъютантъ, Князь Гагаринъ, съ письмами къ Госпожѣ Грабовской. Въ 6 часовъ вечера Графиня Мнишекъ пригласила, въ покои Его Величества, на вечеринку, Ихъ Сіятельства, Главнокомандующаго, съ супругою, Княгиню Волконскую, Графиню Панину, Генералъ-Порутчиковъ Графовъ Румянцова и Безбородка, Генералъ-Маіоровъ Германа и Графа Панина, Бригадира Князя Лобанова-Ростовскаго, изъ Польскихъ Господъ: Госпожу Гетманову Ожаровскую, Графовъ Ржевуцкаго и Тизенгаузена, кои, прибывъ въ 7 часовъ, были до 9 часовъ, гдѣ и Его Величество находился.

Ноября 6. Отъѣхала въ Бѣлой Стокъ Шамбелянова Вольская. Были во дворцѣ по утру: Маршалокъ Ягменъ у Господина Кицкаго, Госпожа Ляхницкая у Графини Мнишекъ, по полудни Староста Пузына у Секретаря Пузыны, Господинъ Ржевуцкій у Графини Грабовской. Выѣзжали изъ дворца въ городъ: Королев-

скія сестрицы, Графъ Мнишекъ съ супругою и Генеральша Грабовская.

Ноября 7. Во 2 часу по полудни Господинъ Кицкій отъѣхалъ съ Господиномъ Дульскимъ въ Варшаву, чтобы оттуда отправиться въ Галицію, котораго проводили до кузницы: Господа Понятовскій, Сагатинскій и Залѣскій. Были во дворцѣ предъ обѣдомъ: Господинъ Воронецкій, Подскарбій Дзяконскій и Староста Пузына; послѣ обѣда: Ихъ Сіятельства, Княгиня Репнина и Графиня Панина, пріѣзжали къ Мадамъ де Кракови, Ректоръ Почебутъ, Графиня Дзялинская, [72] Графъ Ржевуцкій, Госпожа Пузына, Каштелянъ Воронецкій и Господинъ Залѣскій, были во дворцѣ. Его Величество въ 1 часу выходилъ къ Адъютанту своему, Киркору, и того жъ часа возвратился. Выѣзжалъ въ городъ Графъ Мнишекъ.

Ноября 8. Пріѣзжали во дворецъ: Госпожи Ожаровская, Дзяконская и Ляхницкая къ мадамъ де Кракови, Госпожа Рачинская [73] къ Госпожѣ Грабовской. Во 2 часу по полудни прибылъ во дворецъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, былъ у мадамъ де Кракови и обѣдалъ у Короля, выѣхалъ въ 4 часа. Обѣдали у онаго такъ же Госпожа Ожаровская, Графъ Безбородко и Господинъ Ржевуцкій. Выѣзжали изъ дворца: Графъ Мошинскій, Графъ Мнишекъ съ женою, Генералъ Горжинскій, Шамбеляны Дюгамель и Вольскій, къ Главнокомандующему на ассамблею.

Ноября 9. Въ 11 часовъ Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣздить прогуливаться по Скидельской дорогѣ, и возвратился въ 12 часовъ. Выѣзжали въ городъ: Госпожа Грабовская, Графъ Мнишекъ и Шамбелянъ Вольскій.

Ноября 10. Въ 11 часовъ Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ верхомъ прогуливаться, возвратился въ 1 часу. Госпожа Браницкая ѣздила прогуливаться. Пріѣзжали во дворецъ: по утру Подскарбій Дзяконскій съ супругою и Госпожа Лосоцкая, къ Генеральшѣ Грабовской; по полудни были во дворцѣ: Староста Пузына и Господинъ Залѣскій.

---

[72] Генералъ графъ Дзялынскій, пламенный поборникъ Конституціи 3-го Мая, произведшій Варшавскую революцію 1794-го года.

[73] Рачинскій, вмѣстѣ съ Мошинскимъ и Епископомъ Косаковскимъ, были горячими поборниками Торговицкой Конфедераціи, слѣдовательно, Русской партіи.

Ноября 11. Были утромъ во дворцѣ: Ректоръ Почебугъ и Господинъ Полковникъ Куринскій у Его Величества, по полудни Господинъ Равнаровичъ у Графа Мнишка. Въ 1 часу прибылъ во дворецъ Главнокомандующій, въ три часа съ половиною выѣхалъ. Выѣзжали въ Доминиканскій монастырь: Графиня Мнишекъ и Генеральша Грабовская. Шамбелянъ Вольскій отъѣхалъ въ Варшаву.

Ноября 12. Были во дворцѣ: Господинъ Дашкевичъ и Госпожа Воловичева у Госпожи Грабовской, Докторъ Віріонъ у Секретаря Пузыны. Выѣзжали изъ дворца въ городъ: Графъ Мошинскій, Генералъ Горжинскій и Шамбелянъ Стржембашъ.

Ноября 13. Пріѣзжали во дворецъ: Господинъ Грабовскій и Госпожа Ляхницкая. Обѣдалъ у Его Величества Господинъ Дзяконскій.

Ноября 14. [74] Въ 11 часовъ Его Величество выходилъ въ замковую каплицу слушать мшу. Его Сіятельство, Главнокомандующій, присылалъ своего Генералъ-Адъютанта Инзова за Секретаремъ Фризомъ. Обѣдали у Короля: Подскарбій Дзяконскій и Господинъ Почебутъ. Выѣжали изъ дворца: Графъ Мнишекъ, Генералъ Горжинскій, Шамбелянъ Дюгамель, въ городъ, а Графъ Мошинскій къ Главнокомандующему. Господинъ Аксамитовскій пріѣхалъ изъ Варшавы, а Адъютантъ Грабовскій съ братомъ изъ своей деревни.

Ноября 15. Предъ обѣдомъ былъ во дворцѣ: Господинъ Равнаровичъ, послѣ обѣда пріѣзжала Графиня Панина къ Госпожѣ Грабовской. Полковникъ Куринскій былъ во дворцѣ. Выѣзжали: Графъ Мошинскій, Графъ Мнишекъ и Госпожа Грабовская въ городъ, къ Королю Ксёнзъ Доминикъ и Госпожа Лосоцкая, которая обѣдала у Его Величества и была потомъ у мадамъ де Кракови. Подконюшій Аксамитовскій выѣхалъ въ Варшаву.

Ноября 17. По утру были во дворцѣ: Подскарбина Дзяконская, Господинъ Верещинскій, по полудни Господинъ Пузына.

---

[74] Въ этотъ день Король Станиславъ-Августъ Понятовскій подписалъ актъ своего отреченія отъ Польскаго престола, въ присутствіи Князя Н. В. Репнина и Графовъ: Мнишка, Мошинскаго, Панина и Секретаря своего Фриза. Этотъ актъ въ Русскомъ переводѣ напечатанъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, т. XXIV, № 17,773, стр. 284—285.

Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, съ Госпожею Ожаровской, къ Госпожѣ Грабовской, которая съ оною выѣзжала изъ дворца. Выѣзжалъ въ городъ Графъ Мнишекъ.

Ноября 18. Утромъ въ 11 часовъ Его Величество выходилъ въ замковую каплицу слушать мшу. Его Сіятельство, Главнокомандующій, прибылъ во дворецъ во 2 часу по полудни, обѣдалъ у Короля и въ 6 часовъ уѣхалъ. Пріѣзжали во дворецъ: Гетманова Ожаровская и Господинъ Голевскій. Выѣзжали на ассамблею къ Главнокомандующему: Графъ Мнишекъ съ женою, Графъ Мошинскій, Генеральша Грабовская и Докторъ Беклеръ.

Ноября 19. Его Величество въ 11 часовъ утра, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться въ Станиславовъ, и возвратился въ 1 часу. Были во дворцѣ: Княгиня Ожаровская, Графиня Панина, Ректоръ Почебугъ, Воевода Суходольскій и Ксёндъ Пробоцъ. Выѣзжали изъ дворца: Графъ Мошинскій и Секретарь Пузына.

Ноября 20. Были во дворцѣ: Господинъ Никуличъ у Короля, Госпожа Дзяконская у мадамъ де Кракови, Господинъ Залѣскій у Генерала Горжинскаго, Госпожа Хотькевичева у Госпожи Грабовской, Госпожи Суходольскія у Секретаря Пузыны. Выѣзжали въ городъ: Графъ Мошинскій, Графъ Мнишекъ и Шамбелянъ Стржембашъ.

Ноября 21. Его Величество, съ нѣкоторыми своими придворными въ 1 часу ходилъ навѣстить своего Адъютанта, Киркора, гдѣ пробывъ полчаса, возвратился въ свои покои. Обѣдалъ у Короля Подполковникъ Графъ Стакельбергъ. Послѣ обѣда были у Его Величества: Генералъ-Маіоръ Бенингсонъ и Графиня Хотькевичева. Пріѣзжали во дворецъ: Господа Воловичъ и Минской Воевода Хоминскій. Графъ Мнишекъ выходилъ прогуливаться.

Ноября 22. Его Сіятельство, Главнокомандующій, прибылъ во 2 часу во дворецъ, кушалъ у Его Величества и въ 4 часа уѣхалъ. Предъ обѣдомъ Ректоръ Почебутъ былъ у мадамъ де Кракови, послѣ обѣда пріѣзжалъ Аглицкой купецъ, Кетли, къ мадамъ де Подоли.

Ноября 23. Пріѣзжали во дворецъ: Князь Радзивилъ и Воевода Минскій Хоминскій къ Королю, Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, Графиня Ожаровская, Графиня Панина, Графъ Стакельбергъ и Генералъ Грабовскій, къ Госпожѣ Грабовской, Гос-

подинъ Суходольскій къ Секретарю Пузынѣ. Мадамъ де Кракови выѣзжала прогуливаться, Госпожа Грабовская вечеромъ ѣздила къ Графинѣ Паниной.

Ноября 24. Въ день тезоименитства Ея Императорскаго Величества Король, съ обѣими своими сестрицами, въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, своихъ придворныхъ и нашего конвоя, ѣздилъ къ Главнокомандующему поздравить онаго съ симъ торжественнымъ днемъ. Главнокомандующій, съ Генералитетомъ, Штабъ и Оберъ-Офицерами, встрѣтивъ онаго въ передней комнатѣ, препроводилъ его такимъ образомъ въ парадные свои покои, гдѣ Его Величество, пробывъ часъ, возвратился съ сестрицами во дворецъ. Ѣздили такъ же къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, съ поздравленіемъ онаго съ Высочайшимъ симъ праздникомъ: Графъ Мошинскій, Графъ Мнишекъ, Генералъ Горжинскій, Шамбелянъ Дюгамель, Господа: Грабовскіе, Збышевскій, Понятовскій, и первые два кушали тамо. Были во дворцѣ въ разные часы: Господинъ Грабовскій, Шефъ Стреинскій и Князь Воронецкій, у Госпожи Грабовской и потомъ у Короля. Вечеромъ ѣздили къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на балъ: Графъ Мнишекъ съ женою, Госпожа Грабовская съ сыновьями, Графъ Мошинскій, Генералъ Горжинскій, Шамбелянъ Дюгамель и Полковникъ Вицкій.

Ноября 25. Въ 11 часу утра Его Величество ходилъ, съ нѣкоторыми своими придворными, въ замковую каплицу слушать мшу, по окончаніи коей пошелъ въ свой кабинетъ. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Князь Радзивилъ, Минской Воевода Хоминскій, Графъ Безбородко и Господинъ Бригадиръ Князь Лобановъ-Ростовскій. Въ городъ выѣзжалъ Генералъ Горжинскій.

Ноября 26. Были во дворцѣ: Князь Радзивилъ, Генералъ Грабовскій, Шефъ Стреинскій, Графиня Хотькевичева, Госпожа Ляхницкая, Господинъ Карицкій. Мадамъ де Кракови и Графъ Мнишекъ выѣзжали прогуливаться, и потомъ послѣдній былъ съ супругою на ассамблеи у Главнокомандующаго.

Ноября 27. Въ 11 часу Его Величество выходилъ въ придворную церковь, возвратился въ свои покои чрезъ полчаса. Утромъ Графиня Мнишкова ѣздила въ костёлъ. Во 2 часу по полудни Его Величество изволилъ ходить къ мадамъ де Кракови,

Графинѣ Мнишковой и Генеральшѣ Грабовской, возвратился чрезъ полчаса. Предъ обѣдомъ и послѣ обѣда пріѣзжали въ разные часы: къ Королю Господинъ Залѣскій и Госпожа Сапѣжина, которая у Его Величества и обѣдала, къ Секретарю Шузынѣ Господинъ Суходольскій. Ректоръ Почебутъ былъ во дворцѣ. Графъ Мошинскій въ вечеру выѣзжалъ изъ дворца.

Ноября 28. Въ 9 часовъ по полуночи пріѣхалъ изъ Варшавы отецъ Секретаря Бачьярелія, и остановился у онаго.

Ноября 29. Выѣхалъ въ Варшаву Великій Коронный Маршалъ Графъ Мошинскій. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графиня Сапѣжина и Лосоцкая.

Ноября 30. Въ день торжества Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, надѣвъ на себя знаки сего ордена, Его Величество былъ въ придворной каплицѣ. Въ 12 часовъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, пріѣзжалъ поздравить Его Величество, и чрезъ полчаса вышелъ, заходить изволилъ къ Графу Мнишекъ, яко кавалеру сего ордена. Въ сей день былъ у Его Величества по утру Генералъ-Маіоръ Князь Цицiановъ, потомъ обѣдалъ у онаго и откланялся, предъ отъѣздомъ своимъ въ С.-Петербургъ.

Мѣсяцъ Декабрь.

1-го числа. По взнесеніи ассигнованной за Декабрь мѣсяцъ на содержаніе Его Величеству суммы, одиннадцати тысячъ червонныхъ, взята росписка отъ Господина Генерала Горжинскаго, принявшаго оные. Его Величество въ 1 часу выходилъ навѣстить Доктора Беклера, возвратиться изволилъ чрезъ четверть часа. Обѣдали у него: Княгиня Сапѣжина и Генералъ Грабовскій. Передъ обѣдомъ пріѣзжала во дворецъ Госпожа Ляхницкая. Послѣ обѣда разновременно навѣщали Госпожу Грабовскую Ихъ Сіятельства, Княгиня Репнина, Княгиня Волконская, Графиня Панина и Госпожа Ожаровская; Графиня Мнишкова выѣзжала изъ дворца въ городъ.

Декабря 2. Пріѣзжали къ Королю: Ректоръ Почебутъ и Польскій Полковникъ Кіянскій, къ Госпожѣ Грабовской Графиня Панина. Кушали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Княгиня Сапѣжина и Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко. Выѣзжали къ Главнокомандующему на ассамблею: Графъ Мни-

шекъ съ женою, Госпожа Грабовская съ сыновьями и Генералъ Горжинскій.

Декабря 3. Его Величество провелъ весь день въ чтеніи и писаніи. Утромъ и послѣ обѣда были во дворцѣ многіе здѣшніе Польскіе Господа, о коихъ въ суточныхъ запискахъ отъ дежурныхъ тамо Штабъ-Офицеровъ было донесено.

Декабря 4. Графъ Мнишекъ выѣзжалъ въ городъ. Графиня Хребтовичева и Генералъ Грабовскій пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской, Господинъ Суходольскій къ Секретарю Пузынѣ. Выѣзжали къ Графу Панину: Графъ Мнишекъ съ женою, Генеральша Грабовская, Докторъ Беклеръ и Шамбелянъ Вольскій. Прибылъ Виленской Комисаръ Андрей Дзербицкій и остановился въ Старомъ замкѣ.

Декабря 5. Кушали у Короля: Княгиня Сапѣжина и Графъ (?) Хоминскій. Выѣхалъ въ деревню Стайбеки на охоту Королевской охотникъ Шейбе за билетомъ.

Декабря 6. Пріѣзжали во дворецъ: повѣренной Графини Хотькевичевой къ мадамъ де Кракови, Минскій Воевода Хоминскій, Польскій Полковникъ Кіянскій къ Королю, Генералъ Грабовскій къ Госпожѣ Грабовской. Кушали у Его Величества: Нхъ Сіятельства, Главнокомандующій съ супругою, Княгиня Волконская, Графиня Сапѣжина, Графиня Панина, Графъ Безбородко, Графъ Панинъ, Князь Лобановъ-Ростовскій, и въ 5 часовъ разъѣхались. Выѣзжали къ Главнокомандующему на ассамблею: Генералъ Горжинскій, Госпожа Грабовская и Шамбелянъ Вольскій. Отъ Пристава Графа Безбородка данъ Королевскому служителю, Козельскому, пашпортъ для проѣзда до Янова.

Декабря 7. Его Величество въ 10 часовъ изволилъ ходить, въ препровожденіи дежурнаго во дворцѣ Маіора и нѣкоторыхъ своихъ придворныхъ, къ Гетмановой Ожаровской и къ Доктору Беклеру; возвратился чрезъ полчаса. Пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской предъ обѣдомъ: Подскарбина Дзяконская, послѣ обѣда Госпожа Муравская. Обѣдали у Его Величества: Госпожа Ожаровская и Генералъ Грабовскій. Княгиня Сапѣжина, прибывъ вечеромъ къ мадамъ де Подоли, ужинала у Короля. Выѣзжала въ городъ Генеральша Грабовская. Пріѣхали изъ Варшавы: Коронной Конюшій Кицкій, Шамбелянъ Запольскій, Подконюшій Аксамитовскій и Капитанъ Комнацкій съ женою. Данъ пашпортъ Се-

кретарю Фризу для Старосты Соколовскаго. Отъѣхалъ въ Варшаву Графъ Мнишекъ, котораго провожала за нѣсколько верстъ супруга его.

Декабря 8. Обѣдали у Его Величества: Подскарбина Дзяконская и Госпожа Сапѣжина, послѣ обѣда пріѣзжали къ Королю Ректоръ Почебутъ и Господинъ Ляхницкій, выѣзжали въ городъ: Господа Кицкій и Шамбелянъ Вольскій. Пріѣхалъ изъ Варшавы Господинъ Дмуховскій.

Декабря 10. Кушалъ у Его Величества Бискупъ Косаковскій. Пріѣзжали во дворецъ: Господинъ Завацкій и Пруской купецъ Ульрихъ къ Королю: Ихъ Сіятельства, Княгиня Волконская, Графиня Панина, Госпожа Хотькевичева, Генералъ Грабовскій и Графъ Стакельбергъ, къ Госпожѣ Грабовской. Пріѣхалъ изъ Ковна Шляхтичъ Соколовичъ.

Декабря 11. Въ 10 часовъ по утру приходилъ къ Королю и подалъ прозбу Шляхтичъ Рожановскій изъ мѣстечка Кузницъ. Пріѣзжали во дворецъ Господа: Польской Полковникъ Стеновскій и Эйсмундъ. Господинъ Сѣряковскій былъ у Госпожи Грабовской. Его Величество въ 11 часу выѣзжалъ съ мадамъ де Кракови, въ препровожденіи своихъ придворныхъ и нашего конвоя, прогуливаться въ Грандичи, возвратился въ половинѣ перваго часа. Обѣдалъ у него Графъ Стакельбергъ.

Декабря 12. Въ 1 часу Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ, съ мадамъ де Кракови и Госпожею Грабовскою, прогуливаться по Скидельской дорогѣ; возвратился черезъ два часа. Обѣдали у него: Гетманъ Огинскій, Графиня Хотькевичева и Господинъ Ляхницкій. Были во дворцѣ: Господинъ Ягменъ у Короннаго Конюшаго Кицкаго, Господинъ Збышевскій у Секретаря Пузыны, Господинъ Залѣскій у Шамбеляна Вольскаго. Его Сіятельство, Главнокомандующій, присылалъ ординарца за Секретаремъ Фризомъ.

Декабря 13. Въ 11 часу Его Величество выходилъ въ придворную церковь слушать мшу. Пріѣзжали во дворецъ: Господинъ Залѣскій и Ректоръ Почебутъ. Были у мадамъ де Подоли Госпожа Ляхницкая и Полковница Канштетова, у Секретаря Пузыны Господа: Губолянскій и Букати. Выѣзжали въ городъ: Госпожа Грабовская и Шамбелянъ Стржембашъ.

Декабря 14. По утру выѣзжалъ изъ дворца Секретарь

Фризъ къ Главнокомандующему. Пріѣзжали во дворецъ: Господа Воловичъ и Завацкій къ Королю, Генералъ-Порутчикъ Графъ Румянцовъ и Князь Лобановъ къ Госпожѣ Грабовской, Господинъ Залѣскій къ Шамбеляну Вольскому. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, и Гетманъ Огинскій. Отъѣхалъ въ Курляндію Господинъ Соколовичъ.

Декабря 15. Его Величество въ 10 часовъ по утру, съ фамиліею и придворными своими, изволилъ ходить въ придворную каплицу слушать мшу. Пріѣзжали къ Королю: Госпожа Киништетова съ просьбою и Полковникъ Константиновъ. Даны пашпорты Секретарю Фризу для Господъ Подконюшаго Кавецкаго и Писаря Дмуховскаго. Вечеромъ выѣзжала Госпожа Грабовская изъ дворца.

Декабря 16. Въ Варшаву отъѣхали по утру: Писарь Дмуховскій, въ вечеру Господинъ Кавецкій. Пріѣзжалъ во дворецъ Польской Полковникъ Барановскій. Въ 11 часу Его Величество, со всѣми своими придворными, слушалъ въ придворной каплицѣ мшу. Обѣдали у него: Главнокомандующій, Графъ Безбородко и Подполковникъ Графъ Стакельбергъ, которой и откланялся Его Величеству.

Декабря 17. Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ къ деревнѣ Каплицы; возвратился въ исходѣ 12 часа. Предъ обѣдомъ пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской: Гетманова Ожаровская и Княгиня Волконская. Обѣдали у Короля: Ректоръ Почебутъ и повѣренный Генералъ-Аншефа Игельстрома, Баронъ Гансъ. Выѣзжали изъ дворца: утромъ мадамъ де Подоли и Графиня Мнишекъ по полудни Госпожа Грабовская.

Декабря 18. Пріѣзжали во дворецъ: Виленской Академіи Ректоръ Почебутъ и Господинъ Завацкій къ Королю, Графиня Хотькевичева къ Госпожѣ Грабовской. Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Кракови и Графиня Мнишкова.

Декабря 19. Предъ обѣдомъ были во дворцѣ: Господинъ Завацкій у Короля, Каштелянова Воловичева у мадамъ де Кракови, послѣ обѣда: Гетманова Ожаровская и Госпожа Муравская у Госпожи Грабовской, откуда прошли они въ большой залъ, гдѣ

находился Его Величество съ сестрицами своими. Выѣзжалъ въ городъ Шамбелянъ Вольскій.

Декабря 20. Въ 6 часовъ по полуночи выѣхалъ на охоту Коронный Конюшій Кицкій, и возвратился въ вечеру.

Декабря 21. Въ день Новаго Году, по Римско-Католическому обряду, Его Величество, въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, и всего своего двора, въ 10 часовъ изволилъ ходить въ придворную каплицу слушать мшу Въ исходѣ 11 часа Его Сіятельство, Главнокомандующій, съ Генералъ-Порутчиками Графомъ Румянцовымъ и Денисовымъ, Генералъ-Маіоромъ Графомъ Панинымъ и Бригадиромъ Княземъ Лобановымъ, пріѣхалъ поздравить Его Величество съ Новымъ Годомъ, и чрезъ полчаса возвратился въ свою квартиру. Пріѣзжали такъ же къ Его Величеству съ поздравленіемъ съ Новымъ Годомъ здѣсь въ Гроднѣ находившіеся Польскіе Господа чиновные и Духовенство. Послѣ обѣда въ 4 часа была у Его Величества и у обѣихъ его сестрицъ: Ея Сіятельство, Княгиня Александра Чколаевна Волконская, а въ 6 часовъ, по приглашенію Его Величества, прибыли: Главнокомандующій съ Генералитетомъ, Графиня Панина, нѣкоторыя здѣшнія дамы, и проводили вечеръ до девяти часовъ, занимаясь различными играми и музыкою.

Декабря 22. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ къ деревнѣ Каплицы, и возвратился въ 12 часу. Пріѣзжали во дворецъ: Господа Завацкій и Шидловскій къ Королю, Госпожа Лосоцкая къ мадамъ де Кракови, Госпожа Ляхницкая къ Госпожѣ Пашковской. Выѣзжали изъ дворца: мадамъ де Кракови и Госпожа Грабовская

Декабря 23. Въ 11 часу по утру Его Величество изволилъ ходить съ фамиліею и нѣкоторыми придворными своими въ придворную церковь слушать мшу и чрезъ полчаса вышелъ. Былъ у него дважды Господинъ Завацкій. Обѣдали у Его Величества: Его Сіятельство Главнокомандующій, Гетманъ Огинскій, Господинъ Шидловскій и его супруга. Графиня Мнишкова выѣзжала въ городъ.

Декабря 24. Доставлена Его Величеству за Генварь мѣсяцъ 1796 года ассигнованная на содержаніе его сумма, одиннадцать тысячъ червонныхъ, въ пріемѣ коихъ получена Приставомъ, Гра-

фомъ Безбородкомъ, квитанція, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ. Предъ обѣдомъ Господинъ Ягменъ былъ у Короля. Обѣдали у него: Господа Почебутъ и Стрепинскій. Въ 7 часовъ вечера пріѣзжали отъ Главнокомандующаго къ Его Величеству Приставъ, Графъ Безбородко, и Господинъ дежурный Бригадиръ, Мерлинъ. Мадамъ де Кракови выѣзжала въ городъ. Прибыли: изъ Варшавы Шамбелянъ Леснеръ, изъ Жижмора [75] Староста Соколовскій, и остановились на Замковой улицѣ, первой у Еврея Рубиновича, другой у Еврея Лейбки.

Декабря 25. Въ 11 часу Его Величество изволилъ ходить въ Старый замокъ къ Секретарю Фризу, и того жъ часа возвратился. Обѣдалъ у него Староста Бржостовскій. Графиня Панина и Гетманова Ожаровская пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской, Господинъ Шидловскій къ Господину Кицкому. Были во дворцѣ у разныхъ особъ: Господа Ректоръ Почебутъ и Подскарбій Дзяконскій. Предъ обѣдомъ Его Величество посылалъ Шамбеляна Стржембаша къ Главнокомандующему поздравить онаго съ праздникомъ Рождества Христова.

Декабря 26. Были во дворцѣ: у Короля Господа Кочановскій, Каноникъ Юревичъ и Графиня Хотькевичева, которая и обѣдала у него; у Госпожи Грабовской Гетманова Ожеровская и Господинъ Шидловскій; у Шамбеляна Вольскаго Господинъ Залѣскій. Выѣзжали къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на ассамблею: Госпожа Грабовская, Генералъ Горжинскій и Шамбелянъ Вольскій. Выѣхали въ Варшаву, за данною отъ Пристава Графа Безбородка подорожнею: Господа Кицкій, Запольскій и Рыксъ.

Декабря 27. По утру въ 11 часу Его Величество, въ препровожденіи нѣкоторыхъ своихъ придворныхъ, изволилъ ходить къ Доктору Беклеру и къ Секретарю Фризу, и чрезъ полчаса воротился. Были у него предъ обѣдомъ: Господа Залѣскій и Липинскій. Обѣдали у Его Величества: Главнокомандующій и Гетманъ Огинскій. Пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской: Гетманова Ожаровская и Госпожа Шидловская. Данъ пашпортъ служите-

---

[75] Имѣнія Князя Іосифа Понятовскаго, конфискованнаго, но возвращеннаго потомъ владѣльцу, при Императорѣ Павлѣ.

лямъ Господина Кицкаго, для проѣзда Люблинскаго Воеводства въ деревню Риски.

Декабря 28. Пріѣзжали во дворецъ: Графиня Хотькевичева, Госпожа Ожаровская, Староста Бржостовскій и Господинъ Шидловскій, къ Госпожѣ Грабовской; Господа Збышевскій и Максимовичъ къ Секретарю Пузынѣ. Его Величество въ полдень изволилъ ходить къ мадамъ де Кракови, и въ 3 часу возвратился. Шамбелянъ Вольскій выѣзжалъ въ городъ.

Декабря 29. Въ 10 часу по утру Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться къ Станиславову, и въ 12 часу возвратился. Мадамъ де Кракови ѣздила прогуливаться. Обѣдали у Его Величества: Гетманъ Огинскій, Староста Бржостовскій и Госпожа Лосоцкая. Княгиня Волконская и Гетманова Ожаровская пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской. Были во дворцѣ: Госпожа Меерова и Господинъ Ляхницкій.

Декабря 30. Въ 10 часовъ по утру Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Предъ обѣдомъ были у него: Каноникъ Юревичъ и Господинъ Глинскій. Обѣдали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Панинъ, Господинъ Шидловскій и его супруга. Данъ Королевскому служителю, Ивану Пендзику, до Щучина пашпортъ.

Декабря 31. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился черезъ часъ. Передъ обѣдомъ были у него: Польской Полковникъ Кіянскій и Господинъ Бржостовскій. Обѣдали у Его Величества: Гетманъ Огинскій, Гетманова Ожаровская, Каноникъ Юревичъ. Графиня Панина и Госпожа Шидловская пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской.

1796 ГОДЪ.

Генваръ.

1-го числа. Въ 11 часовъ по утру Генералъ Горжинскій съ Королевскими придворными ѣздилъ поздравить Его Сіятельство, Главнокомандующаго, съ Новымъ Годомъ, а въ 12 часовъ и Его Величество, съ обѣими своими сестрицами, въ сопровожденіи Пристава, Генералъ-Порутчика Графа Безбородка, своихъ придворныхъ и Россійскаго конвоя, ѣздилъ къ Главнокомандующему съ привѣтствіемъ. Его Сіятельство, съ Генералитетомъ, Штабъ и Оберъ-Офицерами, встрѣтивъ Короля на крыльцѣ, препроводилъ онаго въ свои покои, гдѣ Его Величество, пробывъ часъ времени и, при выходѣ своемъ, бывъ провожденъ отъ Главнокомандующаго, такимъ же порядкомъ возвратился во дворецъ. Послѣ обѣда пріѣзжалъ къ Его Величеству Генералъ Бенингсонъ. Въ 7 часовъ вечера выѣзжали къ Главнокомандующему на ассамблею: Генеральша Грабовская, Генералъ Горжинскій, Шамбелянъ Вольскій и Докторъ Беклеръ.

Генваря 2. Обѣдалъ у Его Величества Генералъ Бенингсонъ. Были во дворцѣ предъ обѣдомъ: Гетманъ Огинскій и Господинъ Воловичъ, послѣ обѣда Господа Сѣраковскій и Маршалокъ Ягменъ. Пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской: Гетманова Ожаровская, Госпожа Муравская, Господа Шидловскій и Прусскій Маіоръ Гревенъ.

Генваря 3. По утру и по полудни пріѣзжали во дворецъ къ Королю и его придворнымъ нѣкоторые здѣшніе Польскіе Господа.

Генваря 4. Отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, присланъ былъ къ Госпожѣ Грабовской Ротмистръ Мезенцовъ съ письмами. Обѣдалъ у его Величества Гетманъ Огинскій. Пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской Гетманова Ожаровская, Графиня Панина и Госпожа Забѣлова, которыя, вышедъ отъ оной, были у Короля. Выѣзжалъ въ городъ Шамбелянъ Вольскій.

Генваря 5. Отъ Пристава, Графа Безбородка, дана Генералу Горжинскому, для Графини Дзяконской, подорожная до Варшавы. Былъ во дворцѣ Каноникъ Юревичъ. Шамбелянъ Вольскій выѣзжалъ въ городъ.

Генваря 6. Въ день рожденія Его Величества, въ 11 часовъ утра, были у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Порутчикъ Графъ Румянцовъ, Генералъ-Маіоръ Графъ Панинъ, Господа Бригадиры Мерлинъ и Князь Лобановъ-Ростовскій. Потомъ Главнокомандующій, пріѣхавъ во 2 часу къ Королю съ Приставомъ, Графомъ Безбородкомъ и Графомъ Панинымъ, обѣдалъ у него. Обѣдали такъ же у Его Величества: Принцъ Нассау-Зигенъ, Гетманъ Огинскій, Подскарбина Дзяконская, Госпожа Лосоцкая и Господинъ Шидловскій. Послѣ обѣда пріѣзжали во дворецъ: Ихъ Сіятельства, Княгини Репнина и Волконская, Графиня Панина, Гетманова Ожаровская.

Генваря 7. Были во дворцѣ: по утру Господинъ Эйсмундъ у Короля, Графиня Панина у Госпожи Грабовской; по полудни Его Сіятельство, Главнокомандующій, съ фамиліею, Принцъ Нассау-Зигенъ, Генералъ-Порутчикъ Графъ Румянцовъ, Графиня Панина, Гетманова Ожаровская, Госпожа Забѣлова, Муравская и Лосоцкая у Его Величества.

Генваря 8. Въ 11 часовъ Его Свѣтлость Принцъ Нассау-Зигенъ, пріѣхавъ во дворецъ, былъ у обѣихъ сестрицъ Его Величества и у Графини Мнишекъ, и потомъ обѣдалъ у Короля. Вечеромъ, вторично пріѣхавъ къ Его Величеству, оставался у него ужинать. Выѣзжали въ городъ: Госпожа Грабовская и Шамбелянъ Вольскій. Пріѣхалъ изъ Варшавы Господинъ Кавецкій.

Генваря 9. По утру Его Величество, занемогши, принималъ лѣкарство и до 9 часовъ вечера не выходилъ изъ своего кабинету; передъ ужиномъ чувствовалъ облегченіе и ужиналъ по обыкновенному. Отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, пришло письмо къ Шамбеляну Вольскому, для доставленія Самогицкому Бискупу Ядровичу. Пріѣзжалъ къ мадамъ де Кракови Ксёндзъ изъ Бѣлаго Стоку. Госпожа Грабовская выѣзжала въ городъ. Въ 9 часовъ вечера былъ у Секретаря Пузыны маленькой концертъ, на коемъ, кромѣ придворныхъ были: мадамъ Эйсмундъ съ фамиліею, Господа Збышевскій и два брата Суходольскихъ.

Генваря 10. Пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской передъ обѣдомъ: Гетманова Ожаровская, Графиня Панина, Госпожа Лосоцкая и Господинъ Бржостовскій. Были во дворцѣ: Госпожа Муравская и Рудницкая. Кушали у Его Величества: Главнокомандующій, Приставъ Графъ Безбородко и Господинъ Шидловскій.

Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Кракови, Шамбелянъ Вольскій и Секретарь Пузына.

Генваря 11. Въ 11 часовъ утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился въ 12 часовъ. Обѣдали у него: Господинъ Казановскій и Госпожа Можевская. Пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской: Графиня Панина и Гетманова Ожаровская. Мадамъ де Подоли и Графиня Мнишкова выѣзжали прогуливаться. Прибыла изъ Варшавы Графиня Тышкевичева.

Генваря 12. Въ 11 часовъ по утру Его Величество изволилъ выѣзжать прогуливаться въ Понѣмунь, и возвратился чрезъ часъ. Обѣдалъ у него Господинъ Радишевскій. Были во дворцѣ: Господа Завацкій, Бржостовскій и Польской Полковникъ Новоминскій. Пріѣзжала къ мадамъ де Подоли Госпожа Муравская; Графиня Мнишкова и Госпожа Грабовская выѣзжали въ городъ. Прибылъ изъ Варшавы Великой Литовской Подкоморій Будаковскій.

Генваря 13. Въ 11 часовъ утра Его Величество съ придворными своими изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Подкоморій Будаковскій выѣзжалъ на малое время въ городъ. Были во дворцѣ: Графиня Панина у Госпожи Грабовской, Пруской Маіоръ Гревенъ у мадамъ де Кракови. Обѣдали у Его Величества: Главнокомандующій, Приставъ, Графъ Безбородко, Гетманъ Огинскій и Господинъ Збышевскій. Выѣзжали къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на ассамблею: Госпожи Мнишкова, Тышкевича, Грабовская, Господа Будаковскій, Вольскій и Дюгамель.

Генваря 14. Въ 11 часу утра отъѣхали въ Варшаву: Господа: Камелли и Секретарь Понятовскій. Обѣдалъ у Его Величества Пруской Маіоръ Гревенъ. Пріѣзжали во дворецъ: Графиня Панина, Князь Лобановъ-Ростовскій, Госпожи Муравская и Рудницкая и Господинъ Бржостовскій. Выѣзжала въ городъ Графиня Мнишкова.

Генваря 15. Госпожа Грабовская выѣзжала въ городъ. Господа: Бржостовскій и Ректоръ Почебутъ были у Его Величества. Присланы отъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, адресованныя на имя Королевскихъ Секретарей, Фриза и Пузыны, письма къ Королю и нѣкоторымъ его придворнымъ. Вечеромъ выѣзжали на данный Генералитетомъ маскарадъ: Графини Мнишкова и Тыш-

кевичева, Госпожа Грабовская, Генералъ Горжинскій, Шамбелянъ Вольскій, Полковники Политанскій и Вицкій.

Генваря 16. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться къ деревни Каплицы, возвратиться изволилъ въ 12 часу. Обѣдали у него: Гетманъ Огинскій, Господа Будаковскій, Збышевскій и Андрейковичъ съ женою и дочерью. Полковница Кіянская была у мадамъ де Кракови. Вечеромъ пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской: Госпожи Ожаровская, Лосоцкая, Муравская, Крайчина Грабовская и Господинъ Грабовскій, потомъ были у Короля и его фамиліи.

Генваря 17. Въ 11 часу по утру Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ прогуливаться къ деревни Грандичи, и во 2 часу возвратился. Выѣзжали прогуливаться и его сестрицы, мадамъ де Подоли и мадамъ де Кракови. Ея Сіятельство, Княгиня Волконская и Графиня Панина, пріѣзжали къ Графинѣ Мнишковой, Госпожи Ожаровская и Забѣлова къ Генеральшѣ Грабовской. Король посылалъ пажа своего къ Генералъ-Маіору Герману спросить его о здоровьи. Обѣдали у Его Величества: Главнокомандующій и Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко. Вечеромъ выѣзжали на ассамблею къ Его Сіятельству, Главнокомандующему: Госпожи Мнишкова и Грабовская, Господа Будаковскій, Вольскій и Лесеръ.

Генваря 18. Въ 10 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться; возвратился черезъ часъ. Обѣдала у него Подскарбина Дзяконская. Пріѣзжали во дворецъ разновременно: Гетманова Ожаровская, Графиня Панина, Графъ Панинъ, Господинъ Ляхницкій и Госпожа Ляхницкая. Графиня Мнишкова выѣзжала дважды въ городъ.

Генваря 19. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи своихъ придворныхъ, дежурнаго Маіора и нашего конвоя, изволилъ ѣздить прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился въ 1 часу. Обѣдали у него: Гетманъ Огинскій, Генералъ Польской Мей и Ректоръ Почебутъ. Графиня Мнишкова выѣзжала въ городъ. Пріѣзжала во дворецъ Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, къ Госпожѣ Грабовской, Госпожа Муравская и Лосоцкая къ Графинѣ Мнишковой. Прибылъ изъ Варшавы Староста Рыкскъ.

Генваря 20. Въ 10 часовъ по утру Его Величество съ нѣкоторыми изъ своей свиты изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Пріѣзжали во дворецъ: Генералъ-Маіоръ Буксгевденъ къ Его Величеству, Стражникова Верещинская къ мадамъ де Кракови, Госпожа Ляхницкая къ Секретарю Пузынѣ. Ѣздили къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на ассамблею: Подкоморій Будаковскій, Генералъ Горжинскій, Полковники Политанскій и Киркоръ, Шамбеляны Дюгамель и Вольскій, Секретари Фризъ, Бачьярели и Карась.

Генваря 21. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился въ полдень. Кушали у него: Ихъ Сіятельства, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, супруга его, Княгиня Наталья Александровна, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Генералъ-Маіоръ Буксгевденъ съ супругою. Въ 7 часовъ вечера Его Величество изволилъ ходить къ Шамбеляну Вольскому, гдѣ, пробывъ полчаса, прошелъ въ свои покои. Прусской Маіоръ Гревенъ пріѣзжалъ къ мадамъ де Кракови, Ректоръ Почебутъ къ Королю.

Генваря 22 дня. Были во дворцѣ: Ректоръ Почебутъ, Каноникъ Юревичъ, Крайчина Грабовская, Господа Эйсмундъ и Залѣскій. Обѣдали у Его Величества: Господа Гетманъ Огинскій, Стреинскій и Шидловскій, Графиня Мнишкова выѣзжала въ городъ.

Генваря 23. Были во дворцѣ предъ обѣдомъ: Господинъ Завацкій у Генерала Горжинскаго, Коллежскій Совѣтникъ Дивовъ у Госпожи Грабовской; послѣ обѣда разновременно: Ихъ Сіятельства, Княгини Репнина и Волконская, Графиня Панина, Госпожи Ожаровская, Забѣлова, Муравская, Князь Лобановъ-Ростовскій и Господинъ Шидловскій, у Короля. Пріѣзжали во дворецъ: Графъ Румянцовъ и Графъ Панинъ. Обѣдала у Его Величества Госпожа Лосоцкая. Отъѣхалъ въ Варшаву Королевскаго гардероба служитель, Валеріянъ Праздзицкій.

Генваря 24. По утру Господинъ Шидловскій былъ у Госпожи Грабовской. Его Сіятельство, Главнокомандующій, Тайный Совѣтникъ Баронъ Ашъ и Графъ Безбородко, кушали у Короля. Госпожа Грабовская выѣзжала въ городъ. Отъѣхалъ въ Варшаву Королевской Подконюшій, Сагатинскій.

Генваря 25. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ хо-

дить къ мадамъ де Кракови, и черезъ часъ возвратился въ свой кабинетъ. Графиня Панина и Гетманова Ожаровская пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской. Были во дворцѣ: Госпожи Нарбутова, Ляхницкая и Польской Полковникъ Кишгентовъ. Выходилъ изъ дворца Генералъ Горжинскій.

Генваря 26. Пріѣзжали во дворецъ: Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, къ Госпожѣ Грабовской, Генералъ-Маіоръ Бенингсонъ, Госпожи Муравская и Лосоцкая къ Его Величеству.

Генваря 27. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Обѣдали у него: Главнокомандующій и Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко. Пріѣзжали во дворецъ: Графиня Панина, Гетманова Ожеровская и Господинъ Эйсмундъ. Выѣзжали изъ дворца: Королевской Докторъ, Беклеръ, и Госпожа Грабовская.

Генваря 29. Въ 1 часу по полудни пріѣзжалъ къ Его Величеству Его Сіятельство, Главнокомандующій, и того жъ часа выѣхалъ. Гетманова Ожаровская и Госпожа Забѣлова были у Госпожи Грабовской. Пріѣзжали къ оной: Госпожи Муравская и Лосоцкая, и были потомъ у Королевскихъ сестрицъ. Госпожа Грабовская дважды выѣзжала въ городъ.

Генваря 29. Тайный Совѣтникъ Баронъ Ашъ пріѣзжалъ къ мадамъ де Подоли и потомъ къ Госпожѣ Грабовской. Обѣдалъ у Его Величества Ректоръ Почебутъ. Вечеромъ пріѣзжали: къ Госпожѣ Грабовской Госпожа Муравская, къ Королю Коронной Подстольникъ Валицкій, который, пробывъ съ нимъ въ кабинетѣ два часа, уѣхалъ.

Генваря 30. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Были у него: Госпожа Лосоцкая и Господинъ Валицкій.

Генваря 31. Пріѣжали во дворецъ: по утру Господа Дзяконскій и Эйсмундъ къ Королю, по полудни: Графиня Панина и Гетманова Ожаровская къ Госпожѣ Грабовской. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Генералъ-Маіоръ Бенингсонъ и Господинъ Шидловскій.

Мѣсяцъ Февраль.

1-го числа. Въ 11 часу утра Его Величество съ мадамъ де Кракови изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, прогуливаться по Скидельской дорогѣ; возвратился въ 12 часовъ. Обѣдалъ у него Гетманъ Огинскій. Послѣ обѣда пріѣзжали къ Его Величеству: Генералъ-Маіоръ Тормасовъ и Господинъ Шидловскій. Выѣзжали изъ дворца разновременно: мадамъ де Подоли, Графиня Мнишкова и Госпожа Грабовская.

Февраля 2. Поутру пріѣзжалъ Господинъ Обуховичъ съ фамиліею къ Госпожѣ Грабовской и былъ у Короля, по полудни Госпожа Лящинская была у Его Величества; Коллежскій Совѣтникъ Дивовъ и Графиня Панина у Госпожи Грабовской. Отправленъ Госпожею Грабовскою въ Бѣлой Стокъ Шляхтычъ, Янъ Шейба, за билетомъ Пристава, Генералъ-Порутчика, Графа Безбородка.

Февраля 3. Въ 11 часовъ утра Его Величество изволилъ выходить въ придворную церковь слушать мшу. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Тайной Совѣтникъ Баронъ Ашъ и Генералъ-Маіоръ Тормасовъ. Пріѣзжали во дворецъ: Генералъ-Маіоръ Бенингсонъ и Господинъ Эйсмундъ. Выѣзжали въ городъ: Графиня Мнишкова и Шамбелянъ Вольскій.

Февраля 4. Въ 11 часу утра Его Величество выѣзжалъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, прогуливаться по Ковенской дорогѣ до деревни Грандичи, и возвратился въ 12 часу. Обѣдали у него: Господа Воловичъ и Обуховичъ съ женами своими. По обѣдѣ пріѣзжалъ къ Его Величеству Гетманъ Огинскій. Порутчица Семишина [76] была у мадамъ де Кракови. Госпожа Грабовская выѣзжала дважды въ городъ.

Февраля 5. Утромъ пріѣзжалъ Шефъ Стреинскій къ Генералу Горжинскому. Обѣдала у Короля Госпожа Лосоцкая. Вы-

---

[76] Героиня романа, дочь Пана Крушецкаго, ненавистника Русскихъ, влюбившаяся въ артиллеріи Подпоручика Семишина, который увезъ ее отъ отца и женился на ней. Отецъ лишилъ ее наслѣдства и отступился отъ нея, вмѣстѣ со всею своею родней; вмѣшательство Князя Н. В. Репнина, кажется, спасло молодую чету отъ бѣдности и отъ родительскаго гнѣва.

ѣзжали въ городъ: Графиня Мнишкова, Шамбелянъ Вольскій и Адъютантъ Грабовскій. Прибыли: Господинъ Бересневичъ изъ Варшавы, Господинъ Будаковскій изъ деревни, и остановились: первый въ домѣ, что при конюшнѣ, другой въ Старомъ замкѣ.

Февраля 6. Были во дворцѣ: Гетманъ Огинскій, Ректоръ Почебутъ у Короля, Тайный Совѣтникъ Баронъ Ашъ и Господинъ Будаковскій у Госпожи Грабовской и потомъ у Его Величества. Отъѣхали въ Варшаву: Господа Полковникъ Политанскій Секретарь Бачьярели и староста Рыксъ.

Февраля 7. Пріѣзжали во дворецъ: Стреинской, Крайчій Грабовской, Збышевскій, Хлевинскій и Господинъ Валицкій. Кушали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Приставъ Графъ Безбородко и Тайной Совѣтникъ Баронъ Ашъ. Вечеромъ Графиня Панина и Гетманова Ожаровская были у Госпожи Грабовской.

Февраля 8. Утромъ Шефъ Стреинскій былъ у Госпожи Грабовскій. Въ 1-мъ часу Его Величество изволилъ прогуливаться по терасу около дворца и ходилъ по флигелямъ дворцовымъ. Обѣдалъ у него Гетманъ Огинскій. Послѣ обѣда былъ у Его Величества Пруской Генералъ-Маіоръ Тиль съ своими Офицерами. Вечеромъ пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской: Графиня Панина, Графъ Панинъ, Гетманова Ожаровская, Госпожи Забѣлова и Шидловская. Отъѣхали въ Варшаву: Госпожа Пузына и Лѣкарь Петровскій.

Февраля 9. Обѣдали у Короля: Господа Валицкій, Веселовскій, Прускіе Генералъ-Маіоръ Тиль, Маіоры Гревенъ и Штейнъ. Послѣ обѣда Генералъ Маіоръ Бенингсонъ пріѣзжалъ къ Его Величеству откланяться, по поводу отъѣзда своего въ Петербургъ. Вечеромъ, пріѣхавъ къ Королю Польской службы Маіоръ Дитрихъ съ женою, оставался у него ужинать.

Февраля 10. Въ 9 часовъ по полуночи Господинъ Будаковскій выѣхалъ изъ Стараго замка.

Февраля 11. Обѣдалъ у Короля Хоронжій Нарбутъ съ женою и старшею дочерью. Пріѣзжали во дворецъ: Гетманъ Огинскій и Камергеръ Велегурскій. [77] Выѣзжали изъ дворца: Госпожа Грабовская и Секретарь Фризъ.

---

[77] Вѣроятно, Юрій; ибо другой Велегурскій, товарищъ Костюшки и Іосифа По-

Февраля 12. Въ 11 часовъ утра Его Величество съ мадамъ де Кракови изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, ѣздить прогуливаться до деревни Грандичи, возвратился въ 12 часу. Графиня Панина, Гетманова Ожаровская и Госпожа Забѣлова были у Госпожи Грабовской, которая вечеромъ выѣзжала въ городъ. Пріѣхалъ изъ Варшавы Секретарь Понятовскій (?).

Февраля 13. Въ 12 часу утра Его Величество изволилъ ходить къ мадамъ де Кракови, и чрезъ часъ возвратился въ свои покои. Пріѣзжали во дворецъ: Графиня Панина къ Госпожѣ Грабовской, Господа Обуховичъ и Ректоръ Почебутъ къ Королю. Госпожа Грабовская выѣзжала въ городъ.

Февраля 14. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, ѣздилъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ за пять верстъ; возвратился въ 12 часу. Были во дворцѣ: Графиня Панина и Прускій Маіоръ Гревенъ у Госпожи Грабовской, Бискупъ Косаковскій у Короля. Обѣдали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Приставъ Графъ Безбородко, Тайной Совѣтникъ Ашъ и Господа Шидловскій и Велегурскій, которые, отъѣзжая, заходили къ Госпожѣ Грабовской.

Февраля 15. Пріѣзжали во дворецъ: Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, ШефъСтреинскій, Господинъ Шидловскій. Выѣзжали въ городъ: Графиня Мнишкова и Госпожа Грабовская.

Февраля 16. Были во дворцѣ: Шефъ Стреинскій, Господинъ Райскій и Господинъ Воловичъ съ женою и двумя дочерьми у Короля, Графиня Панина и Гетманова Ожаровская у Госпожи Грабовской.

Февраля 17. Въ 11 часу утра Его Величество со всѣми придворными своими ходилъ въ церковь слушать мшу. Въ полдень изволилъ ходить къ мадамъ де Кракови, и чрезъ часъ возвратился въ свои покои. Обѣдали у него: Главнокомандующій Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Тайной Совѣтникъ Баронъ Ашъ и Господа Шефъ Стреинскій и Шидловскій. Послѣ обѣда пріѣзжалъ къ Королю Господинъ Велегурскій. Вѣѣзжали на ассамблею къ Его Сіятельству, Главнокомандующему: Госпожа Грабовская, Генералъ Горжинскій и Адъютантъ Грабовскій.

нятовскаго, начальствовалъ Литовскимъ отрядомъ во время послѣдняго переворота и дѣйствовалъ противъ Русскихъ.

Февраля 18. Во 2 часу по полудни пріѣзжалъ къ Королю Господинъ Велегурскій. Выѣзжала въ городъ Госпожа Грабовская. По требованію мадамъ де Кракови, чрезъ Секретаря Фриза, данъ пашпортъ отъ Пристава, Графа Безбородка, посланному отъ нея до Бѣлого Стоку кондитору, Леменсу Шейбѣ.

Февраля 19. Въ 11 часу по утру Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ ѣздить прогуливаться, возвратился въ половинѣ 1 часа. Кушали у него: Подскарбій Дзяконскій и Госпожа Лосоцкая. Выѣзжали изъ дворца: Графиня Мнишкова и Шамбелянъ Стржембашъ.

Февраля 20. Въ 12 часу утра Его Величество съ Госпожею Грабовскою, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ ѣздить прогуливаться до Понѣмуня, возвратился въ 1 часу. Былъ у него Ректоръ Почебутъ. Госпожа Муравская пріѣзжала къ Госпожѣ Грабовской. Пріѣхала изъ Бѣлаго Стоку Госпожа Вольская. Отъѣхалъ въ Бѣлой Стокъ экономъ мадамъ де Кракови, Якубъ Поплавскій.

Февраля 21. Въ полдень препровождены отъ Пристава, Графа Безбородка, чрезъ Капитана Трейдена, къ Королевскому, Секретарю Фризу пашпорты для Госпожи Вольской и Господина Фіазели. Были во дворцѣ передъ обѣдомъ и послѣ обѣда: Подпорутчица Сенишина дважды у мадамъ де Каркови, Камергеръ Велегурскій у Короля, Графъ Панинъ, Князь Лобановъ-Ростовскій, Госпожа Муравская и Прускій Маіоръ Гревенъ, у Госпожи Грабовской. Обѣдали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Тайной Совѣтникъ Баронъ Ашъ и Господинъ Шидловскій. Его Величество получилъ письма чрезъ нарочно присланнаго изъ Житомира отъ Каштеляна Коржинецкаго Шляхтича. Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Кракови и Госпожа Вольская. Вечеромъ прислана отъ Главнокомандующаго къ Графинѣ Мнишковой, чрезъ Ротмистра Мезенцова, посылка.

Февраля 22. Выѣхали въ Бѣлой Стокъ: Госпожа Вольская и конюшій мадамъ де Кракови, Господинъ Фіазели. Пріѣзжала къ Королю съ просьбою Госпожа Рарова. Въ 11 часу Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Пріѣзжали во дворецъ: Господинъ Велегурскій и Госпожа Воловичева съ дочерью къ Королю, Госпожа Шидловская къ Госпожѣ

Грабовской. Дана Приставомъ, Графомъ Безбородкомъ, Секретарю Фризу подорожная до Варшавы, для Секретаря Карася.

Февраля 23. Пріѣзжалъ во дворецъ Ректоръ Почебутъ. Выѣзжали въ городъ: Госпожа Грабовская и Шамбелянъ Вольскій. Приставъ, Графъ Безбородко, отъѣхалъ въ Прускій кордонъ.

Февраля 24. Поутру былъ у Короля Каноникъ Юревичъ. Въ 11 часу Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Возвратился съ Прускаго кордону Приставъ, Графъ Безбородко. Обѣдали у Короля: Главнокомандующій и Господинъ Шидловскій. Были во дворцѣ: Графиня Панина у Госпожи Грабовской, Староста Букати у Шамбеляна Вольскаго. Выѣзжали изъ дворца: Генералъ Горжинскій и Госпожа Грабовская съ сыномъ. Отъѣхали въ Варшаву: Королевской камердинеръ Руссо и лейбъ-кохъ Шицъ.

Февраля 25. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣзжать прогуливаться, возвратился въ полдень. Обѣдалъ у него Каштелянъ Воловичъ съ женою и дочерьми. Графиня Панина, Графъ Панинъ, Князь Лобановъ-Ростовскій и Господинъ Шидловскій, были у Госпожи Грабовской. Пріѣхали изъ Варшавы люди Старосты Рыкса.

Февраля 26. Пріѣзжали и приходили во дворецъ нѣкоторые здѣшніе Польскіе господа къ придворнымъ Королевскимъ, о коихъ въ суточной запискѣ отъ дежурнаго было упомянуто.

Февраля 27. Въ 12 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться, возвратился во 2 часу. Обѣдали у него: Ректоръ Почебутъ и Госпожа Лосоцкая. Госпожа Муравская пріѣзжала къ Госпожѣ Грабовской. Графиня Мнишкова выѣзжала въ городъ. Пріѣхали: Староста Рыксъ изъ Варшавы, Господинъ конюшій мадамъ де Кракови Фіазели изъ Бѣлаго Стоку.

Февраля 28. Предъ обѣдомъ прибылъ изъ Люблина Графъ Мнишекъ. Графиня Панина у была Госпожи Грабовской. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Пиколай Васильевичъ Репнинъ, Графъ Безбородко и Господинъ Шидловскій.

Февраля 29. Въ вечеру прибылъ изъ Варшавы Канцлеръ Графъ Хребтовичъ.

Мѣсяцъ Мартъ.

1-го числа. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣзжать прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился во 2 часу. Были во дворцѣ: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Графъ Румянцовъ, Князь Лобановъ-Ростовскій и Господинъ Шидловскій у Графа Мнишка; Ихъ Сіятельства, Княгиня Репнина и Волконская у мадамъ де Кракови, Каштелянъ Воловичъ съ женою у Короля. Взнесена Приставомъ, по приказанію Главнокомандующаго, положенная за Мартъ мѣсяцъ, для содержанія Его Величества и прочихъ его расходовъ, сумма 11000 червонныхъ, на которую получена квитанція за собственноручнымъ подписомъ Короля.

Марта 2. Пріѣхалъ изъ Варшавы Секретарь Бачьярели. Въ 11 часовъ по утру Его Величество съ фамиліею и придворными своими изволилъ ходить въ дворцовую церковь слушать мшу. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Тайной Совѣтникъ Баронъ Ашъ и Господинъ Шидловскій. Пріѣзжали во дворецъ: Бискупъ Косаковскій, Староста Букати, Каштелянъ Воловичъ съ женою и дочерьми и Господинъ Нарбутъ къ Королю; Графъ Панинъ съ супругою къ Госпожѣ Грабовской. По утру выѣзжали дѣти Графа Мнишка прогуливаться. Въ вечеру Графъ Мнишекъ съ женою и Генералъ Горжинскій ѣздили къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на ассамблею.

Марта 3. Въ 12 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣзжать прогуливаться по Езерской дорогѣ, за пять верстъ, возвратился въ 1 часу. Были у него: Канцлеръ Хребтовичъ съ сыномъ и Крайчій Грабовскій. Пріѣхала изъ Бѣлого Стоку къ мадамъ де Кракови Госпожа Руткова.

Марта 4. Мадамъ де Подоли выѣзжала въ городъ. Графъ Панинъ, Графиня Панина и Госпожа Муравская, пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской.

Марта 5 дня. Въ 12 часу Его Величество съ мадамъ де Кракови изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжать прогуливаться до деревни Грандичи, возвратился во 2 часу. Обѣдали у него: Госпожа Лосоцкая и Ректоръ Почебутъ. Выѣзжали въ го-

родъ: Госпожа Грабовская и Шамбелянъ Вольскій. Отъѣхали въ Варшаву: Староста Рыксъ и Писарь Швендровскій.

Марта 6. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ верхомъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, воротился черезъ два часа. Выѣзжали изъ дворца: мадамъ де Подоли и Графиня Мнишекъ въ Понѣмунь, Графъ Мнишекъ въ городъ. Господинъ Залѣскій приходилъ къ Шамбеляну Вольскому. Пріѣхалъ изъ деревни Господинъ Соколовскій и остановился въ Мейзеровскомъ домѣ.

Марта 7. Были у Короля: Ректоръ Почебутъ и Староста Букати.

Марта 8. Пріѣзжали во дворецъ: Ректоръ Почебутъ къ Королю, Господинъ Шидловскій и Госпожа Муравская къ Госпожѣ Грабовской. Сія вечеромъ выѣзжала въ городъ.

Марта 9. Въ 12 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу, по окончаніи коей прошелъ въ свои покои. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Тайный Совѣтникъ Баронъ Ашъ, Графъ Панинъ и Господинъ Шидловскій. Графъ Панинъ, Крайчій Грабовскій и Госпожа Воловичева были у Госпожи Грабовской. Сія выѣзжала вечеромъ къ Главнокомандующему на ассамблею.

Марта 10. Были по утру во дворцѣ: Генералъ Грабовскій у Госпожи Грабовской, по полудни Господинъ Сильверстовскій у Господина Горжинскаго. Обѣдалъ у Короля Тайный Совѣтникъ Баронъ Ашъ. Пріѣхали изъ Бѣлого Стоку Ксёндъ Лапинкевичъ и Маршалекъ мадамъ де Кракови, Дегаузъ.

Марта 11. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Въ полдень Господинъ Капитанъ Шмитъ, пріѣхавшій изъ С.-Петербурга, привезъ отъ Принца Станислава письма къ мадамъ де Кракови, къ послѣдней и посылку. Графъ Мнишекъ выѣзжалъ въ городъ. Графиня Панина и Господинъ Шидловскій были у Госпожи Грабовской.

Марта 12. Въ 11 часу утра Его Величество съ фамиліею и придворными своими изволилъ ходить въ дворцовую церковь слушать мшу. Обѣдалъ у него Ректоръ Почебутъ. Госпожа Лосоцкая пріѣзжала къ Госпожѣ Грабовской. Возвратились изъ Вар-

шавы: Подконюшій Аксамитовскій и Его Величества камердинеръ Руссо.

Марта 13. Въ Четвертокъ Великаго Поста, по Римско-Католическому обряду, въ 11 часу утра, Его Величество, въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, своихъ придворныхъ и обыкновеннаго конвоя, ѣздилъ слушать мшу въ Езуитскій костёлъ, гдѣ, по совершеніи литургіи, причастился Святыхъ Таинъ, и въ 12 часу возвратился во дворецъ.

Марта 14. Въ 11 часу утра Его Величество, въ такомъ же препровожденіи, ѣздилъ въ Езуитскій костёлъ слушать мшу, и чрезъ полчаса возвратился во дворецъ. Выѣзжали утромъ изъ дворца: мадамъ де Кракови и Госпожа Грабовская въ Доминиканской костёлъ, а Графъ Мнишекъ съ фамиліею въ Езуитской. По полудни пріѣзжали: къ Госпожѣ Грабовской Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, Графиня Панина и Госпожа Воловичева и съ нею ѣздили по костёламъ.

Марта 15. Его Величество прошедшую ночь опочивалъ весьма безпокойно. Въ 5 часовъ по полуночи жестокой ему сдѣлался было припадокъ удушья, такъ что нѣсколько минутъ былъ въ опасности жизни, но помощію сильнаго тренія оный поуменьшился, и Король черезъ полчаса отошелъ и заснулъ. Спустя немного времени Его Величество, почувствовавъ отъ помянутаго припадка жестокое разслабленіе и тягость, ибо оный былъ сильнѣе и опаснѣе другихъ, призвалъ въ 8 часовъ утра къ себѣ племянника своего, Графа Мнишка, и Генерала Горжинскаго, и сказалъ имъ, что «поелику онъ часъ отъ часу сильнѣе и опаснѣе ощущаетъ припадокъ свой, и послѣдній былъ таковъ, что должно опасаться о его жизни, то бы они вѣдали про то и, на случай нечаянной его смерти, приняли надлежащія мѣры для приведенія въ сохранность его въ кабинетѣ вещей, бумагъ и прочаго.» Въ 10 часовъ, однако жъ, пришелъ нѣсколько въ крѣпость силъ, выѣзжалъ въ Езуитской костёлъ на моленіе и слушалъ мшу. Возвратясь, паки страдалъ повторительнымъ припадкомъ удушья, но не такъ сильно. Почувствовавъ облегченіе, обѣдать изволилъ въ своемъ кабинетѣ съ Докторомъ Беклеромъ. Въ 10 часовъ ночи ходилъ въ придворную церковь слушать заутреню и въ 12 часовъ опочивать.

Марта 16. Въ день Свѣтлаго Воскресенія, Его Величество

съ фамиліею и всѣми придворными своими въ 11 часовъ утра изволилъ ходить въ дворцовую церковь слушать мшу. Во 2 часу, прибывъ къ нему Главнокомандующій съ своею фамиліею, Генералъ-Порутчики Графъ Румянцовъ и Безбородко, Генералъ-Маіоръ Графъ Панинъ съ супругою и Князь Лобановъ-Ростовскій, разговлялися у Его Величества Пасхою и обѣдали.

Марта 17. Въ исходѣ 11 часа по утру, Его Величество съ фамиліею и придворными своими, изволилъ слушать въ дворцовой церкви мшу. Обѣдали у него: Ректоръ Почебутъ, Каноникъ Юревичъ и Господинъ Косаковскій съ женою. Графиня Панина была у Госпожи Грабовской. Сія и Графиня Мнишкова разновременно выѣзжали въ городъ.

Марта 18. Въ 7 часовъ утра Шамбелянова Вольская выѣхала въ Бѣлой Стокъ. Въ 11 часу Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, ѣздилъ прогуливаться по Езерской дорогѣ, за пять верстъ, возвратился же по Скидельской въ 1 часу. Пріѣзжали во дворецъ: Бискупъ Косаковскій съ Госпожею Косаковскою къ Королю, Графиня Панина и Коллежскій Совѣтникъ Яковлевъ къ Госпожѣ Грабовской. Его Величество вечеромъ изволилъ ходить къ мадамъ де Кракови.

Марта 19. Въ 12 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣзжать прогуливаться по Скидельской дорогѣ; возвращаясь во 2 часу, проѣхалъ мимо деревни Каплицы. Графиня Панина была у Госпожи Грабовской, Господинъ Залѣскій у Шамбеляна Вольскаго. Выѣзжалъ въ городъ Графъ Мнишекъ съ женою. Пріѣхали изъ Варшавы: Его Величества Кассиръ Устринскій и кухмистръ Шицъ.

Марта 20. Его Величество по утру и въ вечеру навѣщалъ въ болѣзни мадамъ де Кракови и Госпожу Грабовскую. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, и Приставъ, Графъ Безбородко. Пріѣзжалъ къ Генералу Горжинскому Господинъ Юндзилъ. Выѣзжали на ассамблею къ Главнокомандующему: Графъ Мнишекъ съ женою и Графиня Тышкевичева. Прибылъ изъ Прускаго Кордону, изъ Соколки, Шамбелянъ Стржембашъ.

Марта 21. Въ исходѣ 12 часа, прибывъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, во дворецъ, былъ у Его Величества, Графа Мнишка, у мадамъ де Кракови, и во 2 часу уѣхалъ. Обѣдала у Его Величества Госпожа Лосоцкая. Вечеромъ пріѣзжалъ къ нему

Господинъ Воловичъ съ женою. Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, Графиня Панина и Князь Лобановъ-Ростовскій, навѣщали мадамъ де Кракови и Госпожу Грабовскую. Отъ Пристава, Графа Безбородка, доставлены Генералу Горжинскому пашпорты, для проѣзду въ Варшаву Королевскаго гайдука, Бѣлевскаго, и лакея Тарновскаго. Пріѣхалъ изъ Варшавы Англичанинъ Брюксъ съ разными птицами и остановился въ Мейзеровскомъ домѣ, что занимаетъ Бургграбій замковой.

Марта 22. Въ 12 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣзжать прогуливаться до Кохановой, [78] возвратился во 2 часу. Обѣдали у него: Господа Юндзилъ и Воловичъ, оба съ женами. Графиня Панина посѣщала Госпожу Грабовскую.

Марта 23. Утромъ пріѣзжалъ къ Королю Каноникъ Юревичъ. Въ полдень Его Величество изволилъ ходить пѣшкомъ по городу, заходилъ къ Доктору Беклеру, потомъ, пришедъ по мостовой улицѣ, за квартиру Графа Румянцова, заходилъ навѣщать больнаго своего скорохода. Главнокомандующій и Приставъ, Графъ Безбородко, кушали сей день у Его Величества. Господа Пузына былъ у Секретаря Пузыны, Залѣскій у Шамбеляна Вольскаго. Выѣзжали въ городъ: Госпожа Грабовская, Генералъ Горжинскій и Шамбелянъ Вольскій.

Марта 24. Въ 11 часу по утру Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ ѣздить прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился черезъ полчаса. Обѣдали у него: пріѣхавшій изъ Минской Губерніи братъ Секретаря Пузыны, Духовникъ Его Величества, Каноникъ Юревичъ. Ректоръ Почебутъ и Господинъ Стрицкій. Госпожа Юндзилова пріѣзжала къ мадамъ де Кракови. Прибылъ изъ Варшавы Староста Рыксъ.

Марта 25. Пріѣзжали во дворецъ: Госпожа Лосоцкая къ Госпожѣ Грабовской, Госпожа Пузынова къ Секретарю Пузынѣ, Господинъ Косаковскій съ женою къ мадамъ де Подоли и Графу Мнишку.

Марта 26. Въ 12 часу утра Его Величество Король, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ ѣздить прогуливаться до деревни Грандичи, возвратился во 2 часу. Обѣдалъ у него

---

[78] На правомъ берегу Нѣмана, въ 7 верстахъ отъ Гродна.

Господинъ Косаковскій съ женою, Пруской Маіоръ Гревенъ пріѣзжалъ къ мадамъ де Кракови.

Марта 27. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко и Пруской Генералъ-Маіоръ Тиль, которому Король вручилъ письмо для доставленія Его Величеству, Королю Прускому. Графиня Панина была у Госпожи Грабовской. Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Подоли, Графъ Мнишекъ съ женою и Шамбелянъ Вольскій.

Марта 28 Въ 10 часовъ утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ верхомъ прогуливаться въ Понѣмунь, возвратился черезъ два часа. Обѣдала у него Госпожа Лосоцкая. Выходили изъ дворца въ городъ: Графъ Мнишекъ и Шамбелянъ Вольскій. Прибыла изъ Вѣны съ дочерью Графиня Тышкевичева, дочь старшаго брата Королевскаго. [79]

Марта 29. Въ исходѣ 11 часа Его Величество съ мадамъ де Кракови изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, ѣздить прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился въ 1 часу и обѣдалъ въ одинакое время. Послѣ обѣда Графиня Браницкая и Графиня Тышкевичева ѣздили съ визитомъ къ супругѣ Главнокомандующаго.

Марта 30. Въ 3 часу по полуночи прибылъ изъ Варшавы Оберъ-Шталмейстеръ Господинъ Кицкій. Въ 10 часовъ утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, и Приставъ. Графъ Безбородко. Отъѣхалъ въ Бѣлой Стокъ Англичанинъ Брюксъ.

Марта 31. Были предъ обѣдомъ у Госпожи Грабовской: Ея Сіятельство, Графиня Волконская, Графиня Панина, Госпожа Лосоцкая и Ляхницкая. Обѣдали у Его Величества: Ректоръ Почебутъ и Ксёнзъ Стрицкій.

Мѣсяцъ Апрѣль.

1-го числа Взнесена Приставомъ, Графомъ Безбородкомъ, чрезъ находящагося при немъ Казначея, Порутчика Розенбаума, назначенная за Апрѣль мѣсяцъ на содержаніе Его Величества и прочіе его расходы, сумма 11000 червонныхъ, въ пріемѣ которой

[79] И сестра Князя Іосифа Понятовскаго.

получена за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ квитанція. Обѣдали у Короля: Господинъ Хребтовичъ и Госпожа Лосоцкая Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, пріѣзжалъ къ Графу Мнишку, и заходилъ потомъ къ Его Величеству. Графиня Панина и Госпожа Косаковская навѣщали Госпожу Грабовскую. Пріѣхалъ изъ деревни Адъютантъ Грабовскій.

Апрѣля 2. Были во дворцѣ: Графиня Панина у Госпожи Грабовской, Господинъ Залѣскій у Шамбеляна Вольскаго. Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Подоли и мадамъ де Кракови.

Апрѣля 3. Главнокомандующій, прибывъ во дворецъ, былъ у Графа Мнишка, куда приходилъ и Его Величество. Потомъ Его Сіятельство, прошедъ къ Королю, обѣдалъ у него. Пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской: Графиня Панина, Господинъ Бригадиръ Боуръ и Госпожа Миницкая. Отъѣхала въ Варшаву Графиня Тышкевичева, которая, по приказанію Его Величества, препровождена до Кузницы Польскимъ Капитаномъ Аксамитовскимъ. Дана отъ Пристава, Графа Безбородка, Секретарю Фризу, для служителя Графини Тышкевичевой. Андрея Гейде, подорожная до Варшавы, подъ № 878.

Апрѣля 4. Пріѣзжали во дворецъ: Господинъ Бригадиръ Боуръ и Прускій Маіоръ Гревенъ къ Госпожѣ Грабовской, Госпожа Римарова къ Секретарю Фризу. Графъ Мнишекъ выѣзжалъ въ городъ. По дѣлу Госпожи Тышкевичевой отъѣхалъ въ Бѣлой Стокъ Станиславъ Яскульскій, коему подорожная дана.

Апрѣля 5. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ прогуливаться по терасу. Обѣдала у него Госпожа Лосоцкая. Пріѣзжали: къ Господину Горжинскому Госпожа Римарова и Господинъ Пузына. Отъѣхали въ Варшаву: Генералъ Горжинскій и Староста Рыксъ съ Писаремъ Шумскимъ, которымъ для проѣзду даны подорожнія двѣ, подъ № 879 и 880.

Апрѣля 6. Въ 12 часу утра Его Величество изволилъ ходить съ фамиліею и придворными своими въ придворную церковь слушать мшу. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Приставъ, Графъ Безбородко, и Господинъ Пузына. Послѣ обѣда приходили къ Королю: Польскіе Шляхтичи Голевскій и Магдалинскій. Графиня Панина вечеромъ навѣщала Госпожу Гра-

бовскую. Данъ отъ Пристава, Графа Безбородка, Королевскому служителю, Зашпухову, пашпортъ до Варшавы, подъ № 1216.

Апрѣля 7. Былъ у Короля Ректоръ Почебутъ. Выѣзжали въ городъ: Госпожа Грабовская и Шамбеляинъ Вольскій.

Апрѣля 8. Пріѣзжали во дворецъ: Его Сіятельство, Главнокомандующій, съ фамиліею, Генералъ-Порутчики Графы Румянцовъ и Безбородко, Генералъ-Маіоръ Графъ Панинъ, супруга его, Графиня Панина, Господинъ Бригадиръ Князь Лобановъ-Ростовскій, Господа Косаковскій, Пузына, Госпожи Косаковская и Нарбутова съ дочерью.

Апрѣля 9. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣзжать прогуливаться по Скидельской дорогѣ; по возвращеніи своемъ, черезъ часъ, заходилъ къ мадамъ де Кракови. Главнокомандующій присылалъ къ мадамъ де Подоли Офицера съ письмомъ. Графъ Мнишекъ выѣзжалъ съ супругою къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на ассамблею

Апрѣля 10. По утру отъѣхалъ въ Бѣлой Стокъ Шамбелянъ Вольскій, которому и подорожная дана. Въ 12 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться къ деревни Каплицы, возвратился въ 1 часу. Его Сіятельство, Главнокомандующій, прибывъ во дворецъ, былъ у Графа Мнишка, оттуда, прошедъ къ Королю, обѣдалъ у него. Пріѣзжали во дворецъ: Каштелянъ Воловичъ съ женою къ Королю, Графиня Панина къ Госпожѣ Грабовской. Выѣзжали въ городъ: Графиня Тышкевичева, Канцлеръ Хребтовичъ и Госпожа Грабовская.

Апрѣля 11. Въ 9 часовъ утра Графъ Мнишекъ отъѣхалъ съ фамиліею въ Бѣлой Стокъ. Въ 11 часу Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ ѣздить прогуливаться верхомъ за городъ, возвратился во 2 часу.

Апрѣля 12. Его Величество, выѣхавъ въ 11 часу прогуливаться къ деревни Грандичамъ, возвратился въ половинѣ 2 часа, вечеромъ занимался чтеніемъ книгъ и въ 11 часовъ легъ опочивать. Пріѣзжали во дворецъ: Ректоръ Почебутъ и Господинъ Воловичъ.

Апрѣля 13. Въ 11 часу Его Величество со всѣми придворными своими изволилъ ходить въ дворцовую церковь слушать мшу. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Приставъ,

Графъ Безбородко, и Каштелянъ Воловичъ съ женою. Выѣзжали на ассамблею къ Главнокомандующему: мадамъ де Кракови, Графиня Тышкевичева съ дочерью, Госпожа Грабовская, Докторъ Беклеръ съ женою и Адъютантъ Грабовскій.

Апрѣля 14. Въ 12 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился въ половинѣ втораго часа.

Апрѣля 15. Въ 11 часовъ утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣхавъ прогуливаться въ Понѣмунь, возвратился въ половинѣ 2 часа. Обѣдалъ у него Ректоръ Почебутъ.

Апрѣля 16. Въ 11 часу по утру Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться къ Гранди-чамъ, возвратился во второмъ часу. Были во дворцѣ: Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, Графиня Панина и Госпожа Воронецкая. Выѣзжали: мадамъ де Кракови прогуливаться, Госпожа Грабовская въ городъ. Прибыла изъ Варшавы Госпожа Александровичева и остановилась въ новомъ замкѣ.

Апрѣля 17. Пріѣзжали къ Его Величеству: Графъ Панинъ и пріѣхавшій изъ Кіева бывшей Польской конной гвардіи Полковникъ Посвятовскій. Возвратился изъ Варшавы Королевской служитель.

Апрѣля 18. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣзжать прогуливаться; возвратясь въ 1 часу, былъ у Доктора Беклера. Обѣдала у него Госпожа Лосоцкая. Въ четыре часа Его Величество прогуливался по терасу. Госпожа Муравская пріѣзжала къ Госпожѣ Грабовской, которая вечеромъ, вышедъ прогуливаться, заходила къ Графинѣ Паниной. Во второмъ часу по полуночи прибыли изъ Варшавы: супруга Великаго Короннаго Конюшаго Кицкаго, Варшавской Староста Соболевской съ женою и сестрою, и съ ними три горничныхъ дѣвушекъ и четыре лакея, и остановились въ Старомъ замкѣ.

Апрѣля 19. Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, Графъ Панинъ, Графиня Панина и Госпожа Лосоцкая, пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской. Выѣзжали въ городъ: Госпожи Кицкая, Грабовская и Соболевская съ мужемъ.

Апрѣля 20. Въ день Свѣтлаго Воскресенія, Его Величество,

въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, своихъ придворныхъ и обыкновеннаго конвоя, изволилъ ѣздить къ Главнокомандующему, которой съ Генералитетомъ, Штабъ и Оберъ-Офицерами, встрѣтивъ Его Величество, препроводилъ въ парадные покои. По пробытіи тамо съ полчаса, Король возвратился къ себѣ. Пріѣзжали во дворецъ: Господа Воловичъ, Шидловскій, Ляхницкій, Госпожи: Графиня Панина, Ходькевичева и Муравская. Въ городъ выѣзжали къ Главнокомандующему: Госпожа Грабовская и Соболевская съ мужемъ.

Апрѣля 21. Предъ обѣдомъ Каноникъ Юндзилъ былъ у Короля, Князь Воронецкій у Господина Кицкаго. Во 2 часу по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ ѣздить къ Главнокомандующему, по случаю празднуемаго въ сей день торжества рожденія Ея Величества, Императрицы Всероссійской, и кушалъ тамо. Когда пришло время къ столу, Король, взявъ подъ руку Ея Сіятельство. супругу Главнокомандующаго, пошелъ къ оному, за коимъ былъ нашъ Генералитетъ и множество знатныхъ Польскихъ Господъ. Во время стола Его Величество изволилъ пить за здоровье Ея Величества, Императрицы Всероссійской, а Главнокомандующій и всѣ прочіе пили здоровье Его Величества, при пушечной пальбѣ, Король, пробывъ у Его Сіятельства до пяти часовъ, возвратился во дворецъ съ сестрицами своими, прибывшими послѣ обѣда къ Его Сіятельству съ поздравленіемъ. Графиня Панина навѣщала Госпожу Грабовскую. Вечеромъ ѣздили къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на балъ: Господа Кицкій, Соболевскій, Госпожа Кицкая, Графиня Тышкевичева съ дочерью и Госпожа Грабовская съ племянницами.

Апрѣля 22. Утромъ дана Госпожѣ Полковницѣ Кіянской, съ будущими при ней, до Бѣлого Стоку подорожная, за подписаніемъ Главнокомандующаго. Пріѣзжали во дворецъ: Генералъ-Маіоръ Тормасовъ, Каштелянъ Ледуховскій и Ректоръ Почебутъ къ Его Величеству; Прускіе Генералъ-Маіоръ Тиль и Маіоръ Гревенъ къ мадамъ де Кракови. Господинъ Конюшій Грабовскій, пріѣхавъ въ Гродно, остановился у Адъютанта Грабовскаго.

Апрѣля 23. Его Величество во весь день ощущалъ припадокъ лихорадки и нѣкоторую слабость и обѣдалъ съ Докторомъ Беклеромъ въ спальнѣ, въ вечеру, почувствовавъ нѣкоторое облегченіе, ужиналъ за большимъ столомъ. Пріѣзжали къ нему: Ка-

штелянъ Ледуховскій и Каштелянъ Воловичъ съ женою. Пруской Маіоръ Гревенъ былъ у мадамъ де Кракови и у Госпожи Грабовской. Выѣзжали прогуливаться: мадамъ де Кракови, Графиня Тышкевичева, Канцлеръ Хребтовичъ, Госпожа Кицкая, Грабовская и Александровичева. Въ 9 часовъ вечера Госпожа Грабовская, съ сыномъ и Госпожею Соболевскою, вторично выѣхавъ изъ дворца, возвратилась въ 12 часу. Даны пашпорты слѣдовавшимъ до Варшавы фурману Овмановскому съ дѣвкою Сусанною Мазуркевичевою по записи Политанскаго, а Королевскимъ гайдуку Бончковскому и повару Гулянскому по записки Господина Кицкаго.

Апрѣля 24. Въ 9 часовъ утра Госпожи Кицкая, Грабовская и Соболевская навѣщали Госпожу Шидловскую. Въ 10 часовъ отъѣхалъ въ Бѣлой Стокъ Конюшій Грабовской. Въ 11 часу Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь на молитву. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Приставъ, Графъ Безбородко, и Полковникъ Графъ Броль. Графиня Панина и Крайчина Грабовская пріѣзжали къ Госпожѣ Соболевской. Отъ Пристава, Графа Безбородка, данъ Полковнику Политанскому билетъ, для проѣзду посланныхъ въ Яново Королевскихъ Писаря Августина Чаплинскаго и конюха Яна Сикорскаго. Вечеромъ ѣздили къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на балъ: Господа Тышкевичъ съ фамиліею, Кицкій съ супругою и Госпожа Грабовская.

Апрѣля 25. Передъ обѣдомъ выѣзжали въ городъ: мадамъ де Кракови съ Графинею Тышкевичевою и Госпожею Александровичевою, Госпожа Грабовская съ Кицкою. Послѣ обѣда были у Его Величества: Ихъ Сіятельства, Княгиня Репнина и Волконская, Господа Стрепнскій, Неселовскій, Бржостовскій и Госпожа Лосоцкая. Данъ посланному отъ Графини Браницкой до Бѣлаго Стоку кондитору ея Шейбѣ пашпортъ, за подписаніемъ Главнокомандующаго.

Апрѣля 26. Обѣдала у Его Величества Каштелянова Костицкая. Господинъ Суходольскій былъ у Секретаря Пузыны. Выѣжали въ городъ: мадамъ де Кракови, Госпожи Грабовская и Соболевская.

Апрѣля 27. Въ день тезоименитства своего, Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. По обѣднѣ, почувствовавъ слабость въ здоровьи своемъ, не выходилъ къ обѣденному столу. Пріѣзжали къ Его Величеству съ поздравлені-

емъ предъ обѣдомъ: Шефъ Стреинскій, Господинъ Неселовскій, Князь Воронецкій, Господа Ляхницкій, Воловичъ, Ректоръ Почебуть; послѣ обѣда Ихъ Сіятельства, Главнокомандующій, супруга его, Княгиня Репнина, Княгиня Волконская, Генералъ-Поручики Графы Румянцовъ и Безбородко, Генералъ-Маіоръ Графъ Панинъ, супруга его, Прускій Генералъ-Маіоръ Тиль, Бригадиръ Князь Лобановъ-Ростовскій и Госпожа Ходькевичева. Вечеромъ, почувствовавъ Его Величество облегченіе, былъ на фамильномъ у себя балѣ довольно веселъ. Послѣ ужина слушалъ съ полчаса чтеніе, и потомъ легъ опочивать. Выѣзжали къ Главнокомандующему на балъ: Госпожи Тышкевичева и Александровичева.

Апрѣля 28. Обѣдали у Короля: Ректоръ Почебутъ и Каноникъ Юревичъ. Графиня Панина была у Графини Тышкевичевой. Выѣзжали въ городъ: Госпожи Кицкая, Грабовская и Господинъ Соболевскій съ женою и сестрою своею.

Апрѣля 29. Въ 1 часу Его Величество изволилъ ходить къ мадамъ де Кракови, гдѣ пробывъ часъ, возвратился. Графиня Панина пріѣзжала къ Госпожѣ Грабовской. Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Кракови, Графъ Тышкевичъ, Графиня Тышкевичева, Госпожи Грабовская, Александровичева и Соболевская.

Апрѣля 30. Въ 10 часовъ утра выѣзжали прогуливаться до Лососны: Господа Кицкій съ женою, Госпожа Александровичева, Адъютанты Королевскіе Гордонъ, Вицкій, Збышевскій и два брата Грабовскіе. Въ 1 часу Его Величество изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, ѣздить прогуливаться по Езёрской дорогѣ; возвращаясь, заходилъ къ Господину Хребтовичу и Госпожѣ Беклеровой. Графиня Панина навѣщала Госпожу Грабовскую. Вечеромъ выѣзжали въ городъ: мадамъ де Кракови, Графиня Тышкевичева, Госпожи Грабовская и Соболевская.

Мѣсяцъ Май.

1-го числа. Взнесена за Май мѣсяцъ на содержаніе Его Величества, Короля Польскаго, и прочіе его расходы сумма 11000 червонныхъ, въ пріемѣ которой получена, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, квитанція. Ректоръ Почебутъ пріѣзжалъ по утру къ мадамъ де Кракови. Обѣдали у Его Величества: Его Сіятельство, Глазнокомандующій, Князь Николай Ва-

сильевичъ Репнинъ, Генералъ Порутчикъ Графъ Безбородко и Господинъ Шидловскій. Выѣзжали на ассамблею къ Главнокомандующему: мадамъ де Подоли, мадамъ де Кракови, Графиня Тышкевичева, Госпожи Грабовская, Александровичева и Соболевская. Прибыла изъ Варшавы съ однимъ служителемъ дѣвица Каполетто.

Маія 2. Въ 12 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи конвоя, изволилъ съ мадамъ де Кракови выѣзжать прогуливаться по Скидельской дорогѣ; по возвращеніи своемъ заходилъ къ Канцлеру Хребтовичу и пробылъ тамо съ полчаса. Обѣдали у него: бывшій Коронной Секретарь Грабовскій и Новогрудскій Каштелянъ Неселовскій. [80] Послѣ обѣда пріѣзжалъ къ Его Величеству Бискупъ Косаковскій. Ужиналъ Король въ обыкновенное время; въ почи обезпокоенъ былъ нѣсколько кашлемъ. Шефъ Стреинскій былъ у Господинъ Кицкаго. Выѣзжали изъ дворца въ городъ: Госпожи Грабовская и Александровичева.

Маія 3. Были во дворцѣ: Ихъ Сіятельства, Княгиня Наталія Александровна Репнина и Александра Николаевна Волконская у мадамъ де Кракови и у Графини Тышкевичевой; Каштелянъ Неселовскій, Графиня Ходькевичева и Господинъ Грановскій у Госпожи Грабовской, а потомъ послѣдній у Господина Кицкаго; Графъ Панинъ, Графиня Панина, Госпожа Муравская и Прускій Маіоръ Гревенъ, у Госпожи Грабовской же. Выѣзжали изъ дворца: Госпожи Кицкая и Грабовская. Возвратился изъ Бѣлаго Стоку мадамъ де Кракови кондиторъ Шейбе. Отъѣзжалъ въ оный тамошній житель Прейсъ. Доставлены Секретарю Фризу, за подписаніемъ Главнокомандующаго, пашпорты для слѣдовавшихъ въ Варшаву: Господина Ленскаго, дѣвицы Францишки Каполетты со слугою Ганною, и слуги Секретаря Фриза, Игнатія Топольскаго.

Маія 4. Въ 11 часовъ утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Въ 12 пріѣхалъ къ нему Господинъ Букати. Его Величество съ онымъ, Госпожею Грабовскою, Графомъ Тышкевичемъ и Господинъ Кицкимъ, выѣхавъ того жъ времени прогуливаться, возвратился во 2 часу.

---

[80] Неселовскій—Воевода Новогрудскій, 70-лѣтній старикъ, былъ изъ главныхъ заводчиковъ Литовскаго повстанья. По ходатайству Репнина, онъ принесъ присягу на вѣрность и получилъ прощеніе.

Обѣдали у него: Главнокомандующій, Графъ Безбородко, Графиня Ходькевичева и Господинъ Шидловскій. Пріѣзжали во дворецъ: Воеводыня Остицкая къ мадамъ де Кракови, Господинъ Грановскій къ Господину Кицкому, Княгиня Волконская и Князь Лобановъ-Ростовскій къ Госпожѣ Грабовской. Ѣздили на ассамблею къ Его Сіятельству, Главнокомандующему: мадамъ де Кракови, Графъ Тышкевичъ съ супругою и сестрою. Отъѣхала въ Варшаву Воеводыня Александровичева по подорожней Главнокомандующаго.

Маія 5. Пріѣзжали во дворецъ: Ректоръ Почебутъ, Графиня Панина и Господинъ Грановскій; Грабовская и Соболевская ѣздили прогуливаться.

Маія 6. Были во дворцѣ: Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, Графиня Панина, Госпожи Муравская и Лосоцкая, у Госпожи Грабовской; Господа Завацкій и Грановскій у Господина Кицкого, отъ коего Грановскій, пошедъ къ Королю, обѣдалъ у него. Выѣзжали прогуливаться: мадамъ де Кракови, Госпожи Кицкая, Грабовская и Соболевская. Отъѣхали: Королевскій Секретарь Понятовскій въ Олькеники, Староста Рыксъ и Графа Мнишка Маршалекъ Ленскій въ Варшаву, по подорожнымъ, за подписаніемъ Главнокомандующаго.

Маія 7. Въ 11 часу утра отъѣхалъ въ Варшаву, съ Господиномъ Грановскимъ Господинъ Кицкій по подорожней, за подписаніемъ Главнокомандующаго. Госпожа Лосоцкая пріѣзжала къ Госпожѣ Грабовской, Господинъ Суходольскій къ Секретарю Пузынѣ. Выѣзжалъ въ городъ Шамбелянъ Стржембашъ.

Маія 8. Въ 11 часовъ утра приходилъ Господинъ Малчевскій къ Королю, который въ 12 изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, ѣздить съ мадамъ де Кракови прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился чрезъ часъ. Пріѣзжалъ къ нему бывшій Польской Генералъ Забѣла. Ихъ Сіятельства, Княгиня Волконская и Графиня Панина, навѣщали Госпожу Грабовскую. Ѣздили къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на ассамблею: мадамъ де Кракови, Госпожа Грабовская и Господинъ Соболевскій съ женою и сестрою. Выѣхалъ въ Варшаву Королевскій кондиторъ Рихтеръ, коему дана подорожная, за подписаніемъ Главнокомандующаго.

Маія 9. Въ день именинъ Его Сіятельства, Главнокомандую-

щаго, Князя Николая Васильевича Репнина, Его Величество просилъ къ себѣ кушать Его Сіятельство съ супругою и фамиліею. Такъ же приглашены были: Графиня Панина, Генералъ-Поруччики Графы Гумянцовъ и Безбородко, Генералъ-Маіоръ Графъ Панинъ, Прускій Генералъ-Маіоръ Тиль, Бригадиръ Князь Лобановъ-Ростовскій, Госпожа Ходькевичева Польской Генералъ Забѣла, и въ 4 часа разъѣхались. Въ 6 часовъ вечера Его Величество выѣзжалъ съ мадамъ де Подоли и съ Господиномъ Хребтовичемъ прогуливаться за городъ. Возвратился черезъ два часа. Въ вечеру были на балѣ у Главнокомандующаго: Графъ Тышкевичъ, Госпожи Грабовская, Кицкая и Господинъ Соболевскій съ женою и сестрою.

Маія 10. Въ 12 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, ѣздилъ прогуливаться по Езёрской дорогѣ, заѣзжалъ къ Главнокомандующему и во 2 часу возвратился. Обѣдалъ у него Господинъ Букати. Пріѣзжали во дворецъ разновременно и къ разнымъ особамъ: Графиня Панина, Генеральша Муравская, Госпожа Дарновичева, Господинъ Бржостовскій. Ѣздила въ городъ Госпожа Соболевская. Возвратился изъ мѣстечка Ольке-никъ Королевскій Секретарь Понятовскій.

Маія 11. Были предъ обѣдомъ во дворцѣ: Шефъ Стреинскій и Князь Воронецкій у Короля, Графиня Панина у Госпожи Грабовской. Обѣдали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко и Господинъ Шидловскій. Послѣ обѣда пріѣзжалъ къ Королю Графъ Панинъ. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ съ обѣими сестрами ѣздить прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился въ 9 часу. Выѣзжали къ Главнокомандующему на ассамблею: Госпожи Грабовская, Кицкая, обѣ Соболевскія и Господинъ Соболевскій.

Маія 12. Обѣдали у Короля: Госпожа Лосоцкая и Ректоръ Почебутъ. Крайчина Грабовская навѣщала Генеральшу Грабовскую. Шамбелянъ Дюгамель отъѣхалъ въ Варшаву по подорожней, за подписаніемъ Главнокомандующаго. Возвратился изъ Бѣлаго Стоку Шамбелянъ Вольскій.

Маія 13. Въ 11 часовъ утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволивъ выѣхать прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился черезъ часъ. Былъ у него по по-

лудни Господинъ Букати Госпожа Ляхницкая обѣдала у Госпожи Кицкой. Пріѣзжали во дворецъ: Польской Генералъ Забѣла къ Господину Соболевскому, Графиня Панина и Госпожа Муравская къ Госпожѣ Грабовской. Ѣздили прогуливаться: мадамъ де Кракови, Графиня Тышкевичева съ дочерью, Графъ Хребтовичъ, Госпожи Грабовская и Кицкая и Господинъ Соболевскій съ женою и сестрою. Дана Королевскому Подчашему Луцинскому, за подписаніемъ Главнокомандующаго, подорожная до Варшавы.

Маія 14. Въ 12 часу поутру Его Величество, обыкновенномъ препровожденіи, выѣхавъ прогуливаться за городъ, возвратился въ 1 часу. Обѣдала у него Госпожа Лосоцкая. Послѣ обѣда пріѣзжалъ къ Его Величеству Господинъ Букати. Ѣздили къ Его Сіятельству Главнокомандующему на ассамблею: Графиня Тышкевичева съ дочерью, Госпожи Грабовская, Кицкая и Господинъ Соболевскій съ женою и сестрою.

Маія 15. Въ день праздника Католицкаго Тѣла Господня и процессіи по костеламъ, Его Величество, въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, своихъ придворныхъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, находящихся при немъ, и обыкновеннаго конвоя, выѣхалъ въ 11 часу слушать мшу въ Езуитскій костёлъ, предъ которымъ построенная воинская команда, для процессіи сей назначенная, подъ начальствомъ Плацъ-Маіора, отдала ему, въ проѣздѣ его къ церкви, честь. Во время отправленія мши, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Король сидѣлъ, поставлены были, какъ и въ прочихъ, гдѣ Король былъ, костёлахъ, два Унтеръ-Офицера. По окончаніи литургіи, когда началась процессія, Король со всею свитою провождалъ пѣшкомъ оную по всѣмъ церквамъ. Его Сіятельство, Главнокомандующій, приходилъ въ Езуитскую церковь и при началѣ процессіи, пока прошла оная мимо Радзивиловскаго дому, смотрѣть изволилъ. Шествіе процессіи, начавшееся изъ Езуитскаго костёла, слѣдуя по костёламъ, Бернардинскому, Бернардинокъ, Доминиканскому, возвратилось въ Езуитскій и происходило слѣющимъ порядкомъ:

1. Плацъ-Маіоръ съ двумя Квартальными Офицерами и шестью Унтеръ-Офицерами верхами.

2 Городовые цехи съ ихъ знаками.

3. Взводъ 24 мушкатеръ Псковскаго пѣхотнаго полку, при Офицерѣ, Унтеръ-Офицерѣ, капралѣ и барабанщикѣ.

4. Духовенство, со всѣмъ принадлежащимъ къ нему клиромъ, всѣхъ орденовъ Католическаго Исповѣданія; его Преосвященство, Бискупъ Косаковскій, несшій Святые Дары подъ балдахиномъ, которой поддерживали четыре почтеннѣйшихъ Польскихъ чиновниковъ. Его Величество, въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, свиты своей Королевской, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, находяся при немъ; знатнѣйшіе изъ господъ Польскихъ обоего пола и прочіе. Вся сія процессія, и паче, гдѣ духовенство, Архибискупъ съ Дарами, за нимъ Король и прочія знатныя особы; для недопущенія тѣснящейся черни, окружаема была съ обѣихъ сторонъ мушкетерами, съ ружьями съ каждой по 50 человѣкъ при Офицерѣ. Позади всей процессіи и народа, коего числомъ болѣе трехъ тысячъ полагать можно, замыкалъ взводъ мушкатеръ при Офицерѣ, состоявшей въ 30 человѣкъ. По возвращеніи процессіи въ Езуитской костёлъ, Его Величество, въ выше писанномъ препровожденіи, возвратился во дворецъ. Команда жъ воинская была отпущена Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, и Графъ Безбородко. Дана Комисару Любовецкому до Бѣлого Стоку подорожная, за подписані емъ Главнокомандующаго.

Маія 16. Былъ у Короля Господинъ Хоминскій. Выѣзжали къ Главнокомандующему на балъ: мадамъ де Кракови, мадамъ де Подоли, Госпожа Грабовская и Соболевская.

Маія 17. Въ 11 часовъ утра, Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволивъ выѣхать прогуливаться къ деревнѣ Гродичи, возвратился черезъ часъ. Графиня Панина навѣщала Госпожу Грабовскую, Господинъ Залѣскій Шамбеляна Вольскаго.

Маія 18. Въ 11 часу по утру Его Величество изволилъ ходить съ фамиліею и придворными своими въ дворцовую церковь слушать мшу. Кушали у Его Величества: Главнокомандующій, и Графъ Безбородко. Пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской: Графиня Панина и Бригадиръ Князь Лобановъ-Ростовскій. Ѣздили на ассамблею къ Главнокомандующему: Госпожа Грабовская, Господинъ Соболевскій и оба Грабовскіе. Дана Секретарю Швендровскому до Трокъ подорожная за подписаніемъ Главнокомандующаго.

Маія. 19. Графиня Ходькевичева была у Госпожи Кицкой.

Обѣдали у Короля: Ректоръ Почебутъ и Каноникъ Юревичъ. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество, въ препровожденіи своихъ придворныхъ, Графа Безбородка и дежурнаго Маіора, изволилъ ходить въ Доминиканской монастырь, гдѣ тамошніе монахи показывали физическія испытанія. Былъ тамо такъ же и Его Сіятельство, Главнокомандующій, съ Генералитетомъ. Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Кракови, Госпожа Кицкая, Грабовская и Соболевская. Доставлены, за подписаніемъ Главнокомандующаго, подорожныя Графинѣ Грабовской и Господамъ Грабовскимъ до Бѣлого Стоку, Господину Соболевскому съ фамиліею до Варшавы, Генералу Понятовскому до Рожанъ.

Маія 20. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться въ 1 часу. Обѣдалъ у него Господинъ Букати. Были у Госпожи Грабовской: Графиня Панина и Крайчій Грабовскій съ супругою. Отъѣхалъ въ деревню Господина Суходольскаго Генералъ Понятовскій. Въ 8 часу вечера прибылъ изъ Бѣлого Стоку Графъ Мнишекъ съ фамиліею. Данъ Графини Браницкой человѣку пашпортъ до мѣстечка Городла.

Маія 21. Утромъ отъѣхали: Господинъ Соболевскій съ фамиліею и Госпожа Кицкая въ Варшаву, Госпожа Грабовская въ Бѣлой Стокъ. Прибылъ изъ Варшавы, при Королѣ находящійся въ услуженіи Шляхтичъ, Господинъ Вилчевскій и остановился у Господина Аксамитовскаго. Пріѣзжали во дворецъ: Его Сіятельство, Главнокомандующій, къ Графу Мнишку, Господинъ Хоминскій къ Королю. Мадамъ де Кракови и Графиня Мнишкова ѣздили въ городъ. Доставлены отъ Пристава, Графа Безбородка, билеты Секретарю Фризу для Королевскихъ конюховъ, Выйбина и Николая, до Янова, а Господину Вицкому для Королевскаго лакея, Яна Божинскаго, до мѣстечка Бѣлова. Всѣ оные за подписаніемъ Главнокомандующаго.

Маія 22. Въ 11 часу утра Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ верхомъ прогуливаться за городъ, возвратился черезъ полчаса. Кушали у него: Ихъ Сіятельства, Главнокомандующій, Генералъ-Порутчики Графы Ферзенъ, Безбородко и Господинъ Букати. Въ 8 часу вечера прохаживался Его Величество по терасу и ужиналъ въ обыкновенное время. Ѣздили на ассамблею къ Главнокомандующему: Графъ Мнишекъ

съ женою, Докторъ Беклеръ съ женою, и Шамбелянъ Вольскій. Данъ Королевскому служителю, Славскому, до мѣстечка Рожаный Стокъ, пашпортъ. Пріѣхалъ изъ Варшавы Староста Рыксъ, у коего передъ обѣдомъ былъ Хоронжій Завацкій. Выѣзжали прогуливаться: мадамъ де Кракови и Графъ Мнишекъ съ женою.

Маія 24. Госпожа Дяконская была предъ обѣдомъ у Графини Мнишковой и мадамъ де Кракови. Обѣдалъ у Короля Господинъ Букати. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣхавъ прогуливаться за городъ, возвратился въ 2. Ѣздили такъ же прогуливаться обѣ Королевскія сестры и Графъ Мнишекъ съ супругою. Пріѣхала Графиня Тышкевичева съ дочерью изъ Гродна.

Маія 25. По утру пріѣзжали къ Королю: Каноникъ Ксёндзъ Ядровичъ и Господинъ Эйсмундъ. Во 2 часу прибылъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, и Графъ Безбородко, къ Его Величеству, Королю, и обѣдали у него. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться въ Кохановo, возвратился въ 10 часу.

Маія 26. Обѣдалъ у Короля Господинъ Завацкій. Послѣ обѣда былъ у него Графъ Панинъ. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, ѣздилъ прогуливаться за городъ, возвратился черезъ часъ. Пріѣхала изъ Бѣлаго Стока Госпожа Грабовская съ двумя сынами. Отъѣхалъ въ Варшаву Королевской Докторъ Беклеръ съ женою по подорожной, за подписаніемъ Главнокомандующаго.

Маія 27. Обѣдали у Короля: Ректоръ Почебутъ и Каноникъ Юревичъ. Пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской: Ихъ Сіятельства, Княгиня Волконская, Графиня Панина и Госпожа Муравская. Ѣздили вечеромъ къ Главнокомандующему: Графиня Тышкевичева съ дочерью и Госпожа Грабовская съ своимъ сыномъ. Пріѣхалъ изъ Варшавы Господинъ Кавецкій.

Маія 28. По утру выѣхалъ въ деревню Господинъ Казимиръ Грабовскій. Предъ обѣдомъ Докторъ Дункеръ выѣзжалъ къ Господину Воловичу, Бискупъ Косаковскій былъ у Графа Мнишка. Въ 12 часовъ Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣхалъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился черезъ часъ. Ѣздили въ городъ: мадамъ де Кракови, мадамъ де Подоли, Графъ Мнишекъ съ женою и Графиня Тышкевичева съ дочерью.

Маія 29. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Приставъ, Графъ Безбородко, и Графъ Панинъ. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ, съ мадамъ де Кракови и Госпожею Грабовскою, ѣздить прогуливаться. При возвращеніи Госпожа Грабовская осталась у Главнокомандующаго, а Король проѣхалъ прямо во дворецъ. Ѣздили къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, на ассамблею: мадамъ де Подоли, Графъ Мнишекъ съ фамилією и Графиня Тышкевичева съ дочерью. Доставлены, за подписаніемъ Главнокомандующаго, подорожныя и пашпорты Секретарю Фризу, для Конюшаго Аксамитовскаго, до Варшавы, и для Конюшеннаго служителя, Мелецкаго, до селенія Попурницы, а мадамъ де Кракови для посланнаго отъ нея въ мѣстечко Рожаный Стокъ кондитора ея, Шейбе, и четырехъ съ нимъ человѣкъ.

Маія 30. Обѣдалъ у Короля Господинъ Хоминскій. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣхавъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился въ 9 часу.

Маія 31. Графиня Панина навѣщала Госпожу Грабовскую, Господинъ Залѣскій Шамбеляна Вольскаго. Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Подоли и мадамъ де Кракови. Принята, по повелѣнію Главнокомандующаго, подлежащая сумма для Его Величества, 11000 червонныхъ.

Мѣсяцъ Іюнь.

1-го числа. Въ 11 часу утра Его Величество, съ фамилією и придворными своими, изволилъ ходить въ дворцовую церковь слушать мшу. Обѣдалъ у него Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, съ мадамъ де Кракови, изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжать прогуливаться къ деревни Грандичи, и возвратился черезъ два часа. Были у Госпожи Грабовской: Ихъ Сіятельства, Княгиня Волконская, Графиня Панина и Господинъ Бригадиръ, Князь Лобановъ-Ростовскій. Выѣзжала мадамъ де Подоли съ Графинею Мнишковою прогуливаться. Графъ Мнишекъ и Графиня Тышкевичева съ дочерью ѣздили къ Главнокомандующему на ассамблею. Пріѣхалъ Ксендзъ Ярушевичъ, Плебанъ Черешовскій, и остановился у Господина Кавецкаго. Взне-

сена за Іюнь мѣсяцъ назначенная на содержаніе Его Величества, и прочіе его расходы сумма въ 11000 червонныхъ, въ пріемѣ которой получена, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, квитанція.

Іюня 2. Въ 1 часу по полудни мадамъ де Кракови и Графиня Тышкевичева съ дочерью, выѣхавъ въ деревню Путришки, обѣдали тамо и дожидались Его Величества. Обѣдали у Короля: Господинъ Дзяконскій съ женою и сыномъ и Господинъ Воловичъ. Госпожа Ходькевичева была у Госпожи Грабовской. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣхать въ деревню Путришки, куда ѣздили такъ же и Ихъ Сіятельства, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, супруга его, Княгиня Наталья Александровна, Княгиня Александра Николаевна Волконская, Графъ Панинъ съ женою, Графъ Мнишекъ съ женою, мадамъ де Подоли, Госпожа Ходькевичева, и, поужинавъ тамо, возвратился въ 11 часу въ городъ. Дана подорожная человѣку Графини Тышкевичевой до Староства Велишекъ.

Іюня 3. Обѣдалъ у Короля Ректоръ Почебутъ. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣхавъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился въ 9 часу чрезъ деревню Каплицы. Отъѣхали по даннымъ пашпортамъ, по 1 три Королевскіе служители въ Тикочинъ, по 2 пять человѣкъ Графини Браницкой въ Бѣлой Стокъ.

Іюня 4. Его Величество весь день занимался отправленіемъ въ Варшаву Старосты Рыкса. Обѣдалъ у него Господинъ Стрепинскій. Въ 9 часовъ прохаживался съ всею фамиліею своею по терасу и ужиналъ въ галереи, что надъ Нѣменомъ. Князь Лобановъ-Ростовскій былъ у Госпожи Грабовской. Мадамъ де Подоли и Графиня Мнишкова выѣзжали въ городъ, мадамъ де Кракови и Графиня Тышкевичева съ дочерью въ Городницкой садъ прогуливаться. Въ 10 часовъ по полудни Староста Рыксъ отъѣхалъ въ Варшаву за подорожнею Главнокомандующаго.

Іюня 5. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко и Графиня Ходькевичева. Послѣ обѣда пріѣзжалъ къ Королю Ректоръ Почебутъ. Были у Госпожи Грабовской: Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, и Генеральша Муравская. Выѣзжали: мадамъ де Подоли въ городъ,

Графиня Мнишекъ и Генеральша Грабовская на ассамблею, къ Главнокомандующему. Отъѣхалъ въ Бѣлой Стокъ Шамбелянъ Вольскій по подорожней Главнокомандующаго. Данъ отъ Пристава Секретарю Фризу, для Королевскаго служителя, Зудковскаго, пашпортъ до Варшавы.

Іюня 6. Были у Короля: Маршалекъ Ягменъ, Ректоръ Почебутъ и Господинъ Симоновскій. Въ 6 часу по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ съ мадамъ де Кракови выѣзжать прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился черезъ три четверти часа. Ѣздили изъ дворца: Госпожа Грабовская къ Графинѣ Паниной, Графъ Мнишекъ съ фамиліею, прогуливаться.

Іюня 7. Происходило то же.

Іюня 8. Его Величество сегодня до обѣда не имѣлъ выѣзда; въ 7 же часовъ по полудни, въ препровожденіи своихъ придворныхъ и обыкновеннаго конвоя, изволилъ ѣздить въ Понѣмунь и оставаться до 12 часовъ, гдѣ и Главнокомандующій находиться изволилъ; послѣ ужина возвратился въ городъ. Отъѣхали: Королевской служитель, Манушевскій, въ Варшаву, Маршалекъ Тышкевича Антонъ Зудковскій въ Городло, по подорожнимъ Главнокомандующаго, даннымъ отъ Пристава.

Іюня 9. Въ 12 часу по утру Его Величество вышедъ изъ внутреннихъ покоевъ, изволилъ быть у мадамъ де Кракови, Графини Тышкевичевой, Графини Мнишковой и Генеральши Грабовской. Послѣ обѣда приходилъ къ нему пріѣхавшій изъ Варшавы купецъ Дидрихъ, которой привезъ къ нему письмо и посылку. Въ 7 часовъ по полудни выѣзжалъ, съ мадамъ де Кракови, прогуливаться къ деревни Грандичи. Пріѣзжала къ мадамъ де Подоли Госпожа Муравская. Отъѣхалъ въ Варшаву Подконюшій Грабовскій, по данной отъ Пристава подорожной, за подписаніемъ Главнокомандующаго.

Іюня 10. Обѣдали у Короля: Господинъ Залускій и Госпожа Выковская. Въ 7 часовъ Его Величество, выѣхавъ съ фамиліею и придворными своими, въ обыкновенномъ препровожденіи, въ Понѣмунь, ужиналъ тамо у Главнокомандующаго и возвратился въ 12 часу.

Іюня 11. Были во дворцѣ: Господинъ Симоновскій и Госпожа Ходькевичева у Короля; Шефъ Стреинскій, Князь Воронец-

кій, Госпожа Муравская и Господинъ Ляхницкій съ женою у Госпожи Грабовской. Пріѣхали изъ Варшавы три жены Королевскихъ служителей, лакеевъ: Крушевскаго и Антонскаго и Гайдука Гечковскаго.

Іюня 12 и 13. Въ оба сіи дни Его Величество передъ обѣдомъ изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжать прогуливаться за Нѣменъ и переѣзжать изъ кордона нашего въ Пруской черезъ рѣку Лососну; по пріятности положенія по обоимъ берегамъ рѣки долго гулять изволилъ. Были во дворцѣ: Каштелянъ Воловичъ и Господинъ Залѣскій.

Іюня 14. Обѣдала у Короля Госпожа Тарновская. Послѣ обѣда былъ у него Господинъ Залускій. Въ 8 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться за Нѣменъ до рѣки Лососны и за оную въ Пруской кордонъ, возвратился черезъ часъ. Выѣзжали въ городъ: Графъ Мнишекъ и Госпожа Грабовская.

Іюня 15. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Поруччикъ Графъ Безбородко, Генералъ-Маіоръ Графъ Панинъ и Госпожа Тарновская. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество выѣхалъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, съ мадамъ де Подоли, Графомъ Мнишкомъ и его супругою, прогуливаться за Нѣменъ къ рѣкѣ Лососнѣ, возвратился черезъ три часа. Ѣздили на ассамблею къ Главнокомандующему: Графъ Мнишекъ съ супругою и Госпожа Грабовская. Отъѣхали въ лежащее въ Прускомъ кордонѣ мѣстечко Вѣлони, по подорожной Главнокомандующаго, двора Королевскаго служители: Матіасъ Каунисъ и Матвѣй Милшевскій.

Іюня 16. Его Величество, при обыкновенномъ конвоѣ и препровожденіи придворныхъ своихъ, выѣзжалъ въ 7 часовъ по полудни прогуливаться въ Лососну, возвратился въ 9 часовъ вечера. Послѣ обѣда былъ у него Господинъ Петровскій и при отъѣздѣ его въ Варшаву откланялся.

Іюня 17. Въ 8 часу по утру Его Величество выходилъ на терасъ и изволилъ смотрѣть суда, приготовленныя для Господъ Комисаровъ разграниченія. Предъ обѣдомъ былъ у него Господинъ Еленскій. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество выѣхалъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, съ мадамъ де Подоли, въ Понѣмунь, гдѣ Госпожа Грабовская давала балъ и гдѣ были при-

глашены: вся Королевская фамилія, Его Сіятельство, Главнокомандующій, съ фамиліею Генералитетомъ, и Штабъ-Офицерами и прочіе здѣшніе Господа обоего пола. Послѣ ужина Король возвратился съ своею свитою въ городъ.

Іюня 18. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Приходилъ къ нему Ректоръ Почебутъ. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣзжать прогуливаться по Скидельской дорогѣ, и черезъ часъ возвратился. Проѣзжалися также Графъ Мнишекъ съ фамиліею и Госпожа Грабовская.

Іюня 19. Дзяконскій и Симоновскій были предъ обѣдомъ у Короля. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Графиня Панина, Полковники Ливенъ, Графъ Бролій и Господинъ Еленскій. Въ 7 часовъ вечера Его Величество изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣхать прогуливатися по Скидельской дорогѣ, возвратился черезъ два часа. Отъѣхалъ въ Люблинъ, по подорожной Главнокомандующаго, конюшій Графа Мнишка, Лукашевичъ.

Іюня 20. Обѣдалъ у Король Графъ Грабовскій. Отъѣхали въ Бѣлой Стокъ: сестра Королевская, мадамъ де Кракови, и племянница, Графиня Тышкевичева. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ верхомъ прогуливаться въ Каштеляна Вульмера [81] лѣсокъ; возвратился въ половинѣ 9 часа. Доставлены отъ Графа Безбородка Секретарю Фризу, за подписаніемъ Главнокомандующаго, подорожныя для отъѣзжающихъ въ Люблинъ: Господъ Полковника Политанскаго и Адъютанта Грабовскаго.

Іюня 21. Пріѣзжали во дворецъ разновременно: Подскарбій Дзяконскій, Каштелянъ Воловичъ, Госпожа Муравская и Господинъ Залѣскій.

Іюня 22. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣзжалъ прогуливаться въ деревню Грандичи; возвратиться изволилъ въ 10 часу. Проѣзжалися такъ же: мадамъ де Подоли и Грифиня Мнишкова. Отъѣхали въ Люблинъ: Адъютантъ Грабовскій и конюшій Политанскій.

Іюня 23. Въ 8 часу по полудни Его Величество, изволивъ,

---

[81] Или Вольмера, вѣроятно, теперешнее загородное гульбище Секретъ.

съ мадамъ де Подоли и Госпожею Грабовскою, выѣхать прогуливаться за Нѣменъ къ рѣкѣ Лососнѣ и за оную, возвратился къ вечеру. Въ 9 часовъ вечера, прибывъ къ Госпожѣ Грабовской Ихъ Сіятельства, Княгиня Волконская, Графиня Панина, Князь Лобановъ-Ростовскій и Госпожа Муравская, ужинали у нея.

Іюня 24. Выѣзду Королевскаго не было. Были во дворцѣ: Господа Дзяконскій и Залѣскій.

Іюня 25. Его Величество до обѣда не имѣлъ выѣзду; навѣщалъ утромъ Графиню Мнишкову и Госпожу Грабовскую. Были во дворцѣ: Госпожа Дзяконская у Госпожи Грабовской, сыновья Князя Радзивила съ ихъ гувернёромъ у Короля. Посланъ отъ Пристава къ Секретарю Фризу пашпортъ для Королевскаго служителя, Альбертовскаго, отправляёмаго съ лошадьми въ мѣстечко Яново. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество изволилъ ѣздить въ Понѣмунь, въ препровожденіи Пристава, своихъ предворныхъ и конвоя нашего, гдѣ онъ и его сестра, мадамъ де Подоли, Госпожа Графиня Мнишкова и Госпожа Грабовская, ужинали у Главнокомандующаго и въ 1 часу по полуночи въ городъ возвратились.

Іюня 26. Предъ обѣдомъ былъ у Его Величества Князь Радзивилъ. Обѣдали у Короля: Главнокомандующій, Генералъ-Порутчики Михельсонъ и Графъ Безбородко, Князь Радзивилъ, и въ 5 часу разъѣхались.

Іюня 27. Его Сіятельство, Главнокомандующій, былъ предъ обѣдомъ во дворцѣ и въ исходѣ 2 часа выѣхалъ. Цесарской Подполковникъ Маркизъ де Шателеръ предъ обѣдомъ выѣзжалъ къ Госпожѣ Грабовской. Въ 4 часа по полудни представлялъ Графъ Безбородко Его Величеству Цесарскаго Подполковника Маркиза де Шателера и, съ нимъ бывшаго, Капитана Биртона. Король болѣе получаса разговаривалъ съ нимъ. Ихъ Сіятельства, супруга Главнокомандующаго, и дочь ея, были у Госпожи Грабовской. Король проѣзжалъ за Нѣменъ въ деревню Каролину.

Іюня 28. Въ день вешествія на престолъ Ея Императорскаго Величества, въ исходѣ 1-го часа послѣ обѣда и молебна, Его Величество, имѣя на себѣ Россійской орденъ Святаго Апостола Андрея, съ сестрицею своею, мадамъ де Подоли, и племянницею, Графинею Мнишковою, въ препровожденіи Пристава, Графа Безбородка, дежурнаго Штабъ-Офицера, обыкновенной эскорты

карабинеръ и своихъ придворныхъ, ѣздить изволилъ привѣтствовать Главнокомандующаго съ симъ торжествомъ, который, съ Генералитетомъ и прочими господами, встрѣтилъ его на крыльцѣ и препровождалъ въ парадные покои. Король, пробывши сь часъ, возвратился во дворецъ къ обѣду. Королевскіе придворные ѣздили къ Главнокомандующему на балъ.

Іюня 29. Его Величество посылалъ Секретаря Фриза поздравить Главнокомандующаго со днемъ тезоименитства Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя, Павла Петровича. Былъ въ придворной церкви и къ вечеру изволилъ проѣзжаться верхомъ до деревни Каплицы. Ночь провелъ безпокойно, кашлялъ и нѣсколько страдалъ подагрою. Графиня Мнишкова и прочіе придворные Королевскіе были на ассамблеи у Главнокомандующаго.

Іюня 30. Его Сіятельство, Главнокомандующій, кушалъ у Короля, который послѣ обѣда проѣзжался. По повелѣнію Главнокомандующаго, принята изъ Литовскаго Казеннаго Правленія сумма въ 11000 червонныхъ на слѣдующій Іюль мѣсяцъ для Его Польскаго Величества.

Мѣсяцъ Іюль.

1-го числа. Его Величество изволилъ ходить въ Старый замокъ къ Шамбелянамъ Трембецкому и Стржембашу, гдѣ пробывъ съ полчаса, прошелъ въ свои покои. Обѣдалъ у него Виленской Академіи Ректоръ Почебутъ, съ коимъ во время стола много разговаривалъ о физическихъ испытаніяхъ. Его Сіятельство, Княгиня Волконская, навѣщала Графиню Грабовскую. Взнесена Его Величеству слѣдующая за Іюль мѣсяцъ сумма 11,000 червонныхъ, въ пріемѣ коей получена, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, квитанція.

Іюля 2. Его Величество, прогуливаясь съ придворными своими, переѣзжалъ Пруской кордонъ и ѣздилъ до деревни Головачи,[28] откуда возвратился въ 9 часу вечера. Отъѣхалъ въ Варшаву Королевскій Подкоюшій Сагатинскій по подорожной, за подписаніемъ Главнокомандующаго. Прибыла изъ Варшавы Г-жа Беклерова.

---

[28] Головачи—имѣніе около Скидля, принадлежащее помѣщику Чечоту.

Іюля 3. Секретарю Фризу доставлены четыре пашпорты; три для отъѣзжающихъ въ Варшаву: Старосты Рыкса, Феликса Плодовскаго и служителя Савицкаго, а четвертый для служителей, Михея и Николая, отправлявшихся въ Тикочинъ. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Поручикъ Графъ Безбородко и Господинъ Воловичъ. Вечеромъ Его Величество выѣзжалъ верхомъ въ лѣсокъ Каштеляна Вульмера, ходилъ тамо пѣшкомъ и занимался царствомъ растенія. Ѣздили къ Главнокомандующему на ассамблею: Госпожа Грабовская и Д-ръ Беклеръ съ женою.

Іюля 4. Госпожа Муравская навѣщала Г-жу Грабовскую. Прибылъ изъ мѣстечка Жижмора Секретарь Понятовскій.

Іюля 5. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, прогуливаясь съ мадамъ де Подоли и Г-жею Грабовскою, переѣзжалъ въ Прусскій кордонъ и проѣзжался до деревни Каролины, возвратился въ десятомъ часу.

Іюля 6. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко и Полковникъ Графъ Бролій. Послѣ обѣда пріѣзжали къ нему: Полковникъ Дискорсъ и Маркизъ Салини. Отъѣзжали: Староста Рыксъ и дантистъ Коняръ въ Варшаву; Королевскіе служители: Янъ Селигеръ въ Бѣлой Стокъ, Іосифъ Глуховскій въ мѣстечко Липекъ. Сего числа ушли изъ дворца два человѣка, изъ коихъ одинъ лакей Госпожи Грабовской, а другой сторожъ Королевской.

Іюля 7. Сего дня Его Величество началъ пить Фрейденталь-скую воду. Обѣдали у него: Референдарь Тышкевичъ, Маркизъ Салини, Ректоръ Почебутъ и Каноникъ Стрицкій. Доставленъ Секретарю Фризу пашпортъ для ѣхавшаго въ Варшаву служителя Славскаго.

Іюля 8. Прибыли изъ Варшавы: Капитанъ Аксамитовскій и жена Королевскаго Секретаря Пузыны. Пріѣзжали во дворецъ: Бискупъ Косаковскій къ Графинѣ Мишиковой, Ея Сіятельство, Княгиня Волконская и Генерала-Маіора Фенша жена, къ Г жѣ Грабовской. Вечеромъ Его Величество изволилъ ходить къ Доктору Беклеру.

Іюля 9. Кушалъ у Короля Бискупъ Косаковскій. Послѣ обѣда были у него: Господа Тышкевичъ и Дискорсъ. По полудни

Его Величество изволилъ быть съ мадамъ де Подоли и придворными своими въ Понѣмуни, гдѣ прохаживался по лѣсу, и въ 11 часу возвратился во дворецъ. Отъѣхалъ въ Варшаву: камердинеръ Порембскій и Кофишенка жена Умохова.

Іюля 10. Въ 11 часу прибыла изъ Варшавы въ Гродно Госпожа Люлли [83] и остановилась во дворцѣ; тотчасъ пошла прямо въ кабинетъ Его Величества и подала отъ всѣхъ его родныхъ письма, гдѣ пробывъ съ часъ, пошла въ отведенные ей покои. Его Величество весь день занимался привезенными письмами. Обѣдалъ у него Его Сіятельство, Главнокомандующій. Въ 7 часовъ Король изволилъ играть въ кегли и между тѣмъ читалъ книгу. Пріѣхавшій изъ Казани, бывшій Польскій плѣнникъ, Кохановскій, съ дозволенія Его Величества, перешелъ въ Мейзеровской каменный домъ, принадлежащій къ замку. Доставлены Секретарю Фризу два пашпорта: 1-й Господина Гордона служителю Михелю Винарчику до Варшавы, 2-й служителю Яну Боржецкому до Кракова. Выѣзжали на ассамблею къ Главнокомандующему: Графиня Мнишкова, мадамъ Люлли, Госпожа Грабовская и Д-ръ Беклеръ съ женою.

Іюля 11. Въ 9 часу изъ Бернардинскаго монастыря Священникъ пріобщалъ въ придворной церкви Его Величество Святыхъ Таинъ. Послѣ полудня Его Величество прогуливаясь, съ мадамъ де Подоли и Госпожею Люлліею, проѣзжалъ въ Пруской кордонъ до деревни Гнойницъ [84] и чрезъ часъ возвратился.

Іюля 12. Обѣдали у Короля: Крайчина Грабовская и Господинъ Потоцкій. По причинѣ пріятной погоды, Его Величество и сегодня изволилъ прогуливаться съ мадамъ де Подоли и Графинею Мнишковою.

Іюля 13. Кушали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко и Полковникъ Бролій. Прибылъ изъ Варшавы Князь Русполи, и остановился на Замковой улицѣ въ Мучинскомъ домѣ.

Іюля 14. Его Величество все утро занимался въ кабинетѣ съ проѣзжавшимъ изъ Египта въ Санктпетербургъ Итальянскимъ

---

[83] Извѣстная красавица, еще юная Француженка, послѣдній предметъ обожанія женолюбиваго Станислава-Августа.

[84] Эта деревня находится на лѣвомъ берегу Нѣмана.

Княземъ Русполи. Сей оставался у него обѣдать. Обѣдали также: Ректоръ Почебутъ, Каноники Стрицкій и Юревичъ, Господа Бѣлявскій и Трембецкій. Во время стола Его Величество изволилъ разговаривать о древностяхъ Египта. Послѣ обѣда слушалъ Госпожу Пузыну, играющую на клависинѣ. Въ 7 часу съ Княземъ Русполи и Госпожею Грабовскою ѣздилъ въ Попѣмунь. Возвращаясь оттуда, оставилъ помянутаго Князя и Госпожу Грабовскую у Ея Сіятельства, Княгини Наталіи Александровны Репниной, а самъ проѣхалъ прямо во дворецъ. Его Величество позволилъ Господину Бѣлявскому стать въ Старомъ замкѣ.

Іюля 15. Обѣдали у Короля: Князь Русполи, Госпожа Володковичева и Господинъ Кочановскій. Его Величество, находя подкрѣпленіемъ здоровья частую прогулку, проѣзжался и сегодня за рѣку Лососну съ мадамъ де Подоли, Графинею Мнишковою и Княземъ Русполіемъ, и послѣднему показывалъ пріятныя положенія оной рѣки.

Іюля 16. Князь Воронецкій и Крайчій Грабовскій пріѣзжали къ Королю, Генеральша Чилищева къ Госпожѣ Грабовской. Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Подоли и Графиня Мнишкова. Отъѣхалъ въ Люблинъ фурманъ Михелъ Гружежинскій, по данному ему пашпорту.

Іюля 17. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко, Полковникъ Бролій, Князь Русполи, Генералъ Грабовскій. Отъѣхали въ Варшаву: Королевскій пажъ Дембецкій и Казиміръ Грабовскій по подорожнымъ, за подписаніемъ Главнокомандующаго.

Іюля 18. Въ 11 часу утра Его Величество, выѣхавъ верхомъ прогуливаться на ту сторону рѣки Нѣмена, возвратился во 2 часу. Во время стола посылалъ пажа къ Генералъ-Маіору Фершу просить онаго кушать на 19 число. Въ 7 часу по полудни ѣздилъ въ каретѣ до рѣки Лососны и, черезъ часъ возвратясь, игралъ въ кегли. Во время зори изволилъ выходить на крыльцо слушать музыку. Секретаря Фриза Писарь Швендровскій пріѣхалъ изъ Кенигсберга съ разными запасами.

Іюля 19. Въ 11 часу по полуночи Князь Русполи, откланявшись Его Величеству, выѣхалъ въ Санктпетербургъ. Его Сіятельство, Главнокомандующій, изволилъ пріѣзжать предъ обѣдомъ къ Графинѣ Мнишкой, и черезъ часъ у ѣхать. Генералъ-Маіоръ

Феншъ, бывъ на канунѣ приглашенъ отъ Короля, былъ у него и обѣдалъ съ супругою. Графиня Мнишкова, Госпожа Грабовская и мадамъ Люлли, ѣздили прогуливаться.

Іюля 20. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко и Генералъ-Маіоръ Тормасовъ. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество, пользуясь пріятною погодою, изволилъ ѣздить съ мадамъ де Подоли и Графинею Грабовскою въ Понѣмунь, гдѣ былъ данъ ужинъ Главнокомандующимъ. Король прохаживался съ придворными своими по лѣсу и, отъужинавъ, въ 11 часу возвратился домой.

Іюля 21. Въ 10 часовъ утра Графиня Мнишкова отъѣхала въ Люблинъ по подорожной, за подписаніемъ Главнокомандующаго. Того жъ времени прибылъ изъ Варшавы Королевскій Подконюшій Сагатинскій. Обѣдалъ у Короля Бискупъ Косаковскій.

Іюля 22. Мадамъ Феншъ пріѣзжала къ мадамъ де Подоли. Въ 7 часовъ по полудни Его Величество съ мадамъ Люлли и Госпожею Грибовскою изволилъ ѣздить въ Базиліанскую церковь, оттуда, заѣхавъ къ Ея Сіятельству, супругѣ Главнокомандующаго, и пробывъ тамо съ полчаса, возвратился во дворецъ.

Іюля 23. Въ 12 часовъ утра Его Величество изволилъ ходить къ Подконюшему Кавецкому. Въ 7 часовъ по полудни ѣздилъ верхомъ до недостроенной у рѣки Лососны фабрики, разсматривалъ оную и, походивъ нѣсколько по пріятно расположенному берегу сей рѣки, возвратился.

Іюля 24. Его Величество весь день провелъ въ чтеніи книгъ; подъ вечеръ играть изволилъ въ кегли, ужиналъ съ апетитомъ и опочивалъ хорошо.

Іюля 25. Въ 1 часу по полудни Его Величество ходить изволилъ къ Секретарю Понятовскому, навѣщалъ Грабовскую и черезъ четверть часа возвратился въ свои покои. Въ 5 часу Его Сіятельство, Главнокомандующій, прибывъ во дворецъ, былъ у Его Величества, потомъ заходилъ къ мадамъ де Подоли, къ мадамъ Люлли, Госпожѣ Грабовской, и въ 7 часовъ выѣхалъ. Вечеромъ Его Величество нѣсколько занемогъ.

Іюля 26. Въ 11 часу по полудни Главнокомандующій прислалъ своего Генеральсъ-Адъютанта Инзова къ Его Величеству спросить о здоровьи, который и входилъ въ кабинетъ. Его Ве-

личество хотя до вечера не выходилъ изъ кабинета, однако въ вечеру чувствовалъ облегченіе, въ 8 часу игралъ въ билліардъ и предъ ужиномъ кашлялъ съ очищеніемъ флегмы. Ужиналъ въ 10 часу за большимъ столомъ и сидѣлъ до половины 12 часа, ночь препроводилъ, однако жъ, безпокойно, кашлялъ и имѣлъ малое удушье. Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, навѣщала мадамъ де Подоли.

Іюля 27. Обѣдали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко, Полковникъ Бролій и Госпожа Муравская. Послѣ обѣда былъ у него Князь Воронецкій. Даны подорожныя: Господину Вицкому для Королевскихъ служителей, конюшихъ Дульскаго и Сикорскаго, до мѣстечка Янова и обратно; Господину Сагатинскому для его самаго до Зелвы и обратно, съ коимъ поѣхалъ и будовничій [85] Маковскій.

Іюля 28. Сегодня Его Величество никуда не выѣзжалъ, препроводилъ время въ кабинетѣ въ чтеніи книгъ и газетъ, въ вечеру игралъ въ кегли и прогуливался по терасу.

Іюля 29. Его Величество изволилъ ѣздить на смотръ перваго егерскаго баталіона.

Іюля 30. Его Величество изволилъ по полудни съ Госпожею Грабовскою, въ препровожденіи своихъ придворныхъ и обыкновеннаго конвоя, выѣзжать прогуливаться мимо Городницы по Скидельской дорогѣ, и возвратиться чрезъ часъ. Прибыли изъ Варшавы: Староста Рыксъ и дантистъ Коньяръ.

Іюля 31. Кушали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Поруччикъ Михельсонъ и Графъ Безбородко. Послѣ обѣда пріѣзжалъ къ Королю Графъ Панинъ. Въ 6 часу Его Величество изволилъ съ мадамъ Люллiею и Госпожею Грабовскою выѣзжать на смотръ Псковскаго полку. Пріѣхалъ изъ Бѣлаго Стоку Шамбелянъ Вольскій.

Мѣсяцъ Августъ.

1-го числа. Въ 6 часовъ по полудни Его Величество изволилъ выѣзжать на смотръ егерскаго баталіона, командуемаго Гос-

[85] Архитекторъ.

подиномъ Подполковникомъ Барклаемъ, [86] весьма былъ доволенъ и удивлялся всѣмъ сего баталіона маневрамъ. По окончаніи ученья былъ приглашенъ Главнокомандующимъ въ ставку помянутаго Подполковника, въ коей много был о дамъ и сестра Королевская, [87] угощаемъ былъ фруктами и прохладительными напитками и возвратился домой въ вечеру. Взнесена Его Величеству слѣдующая за сей мѣсяцъ сумма 11000 червонныхъ, въ пріемѣ которой получена, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, квитанція.

Августа 2. Его Величество вечеромъ чувствовалъ нѣкоторую слабость въ здоровьи.

Августа 3. Въ 11 часу по полудни Его Сіятельство, Главнокомандующій, присылалъ къ Его Величеству дежурнаго Маіора Оленина спросить о здоровьи. Въ 12 часу Его Величество изволилъ въ придворной церкви слушать мшу. Кушали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Графъ Панинъ, Полковникъ Бролій; послѣдніе два откланялись, по поводу отъѣзда ихъ отсюда въ Петербургъ. Пріѣхалъ изъ Варшавы Казиміръ Грабовскій.

Августа 4. Его Величество хотя ночью нѣсколько кашлялъ, однако опочивалъ хорошо. Въ 10 же часовъ утра пріобщался въ придворной церкви Святыхъ Таинъ. Предъ обѣдомъ былъ у него Прускій Маіоръ Гревенъ. Обѣдали у Короля: Шамбелянъ Гусаревскій и Ректоръ Почебутъ. Въ 6 часу Его Величество изволилъ ѣздить смотрѣть корпусной маневръ расположенныхъ при Гроднѣ войскъ. Пріѣхавъ въ городъ въ каретѣ и подъѣзжая къ лагерю, въ разстояніи довольномъ, сѣлъ на лошадь и ѣхалъ верхомъ, въ обыкновенномъ препровожденіи при немъ находящихся нашихъ чиновъ, его придворныхъ и конвоя. По приближенію къ мѣсту, гдѣ часть войска стояла, идущаго къ начатію примѣрной атаки, командующій всѣми помянутыми войсками, Господинъ дежурной Генералъ-Маіоръ Мерлинъ, встрѣтилъ Его Величество и препровождалъ мимо войскъ, слѣдовавшихъ до того мѣста, гдѣ

---

[86] Въ послѣдствіи знаменитымъ Фельдмаршаломъ. Въ чинѣ Премiеръ-Маіора Барклай де Толли прославился храбростію въ войнѣ съ Польскими Конституціонистами на Литвѣ и пользовался особымъ довѣріемъ Князя Н. В. Репнина.

[87] Т. е., Замойская.

Король настигъ Главнокомандующаго съ Генералитетомъ и прочими, находившимися при немъ, чинами. Главнокомандующій вручилъ Его Величеству планъ того маневра, которой имѣлъ быть, и купно съ Королемъ слѣдовалъ. Во время начавшагося маневра, Его Величество ѣздить изволилъ и любопытствовалъ узнавать о всемъ, происходившемъ, разсматривая планъ. По окончаніи всего, купно же съ Главнокомандующимъ и всѣми, поѣхалъ по берегу Нѣмена лѣсомъ къ мѣсту, гдѣ поставлены были палатки для угощенія. Сіе мѣсто было близко къ берегу Нѣмена, при пріятномъ положеніи отъ натуры, и противу находящейся чрезъ рѣку Пруской границы, начинающейся отъ устья рѣки Лососны, въ Нѣменъ впадающей. По прибытіи туда, Его Величество и Главнокомандующій нашли тамъ всѣхъ дамъ здѣшнихъ, въ числѣ коихъ были: сестрица Его Величества, мадамъ де Подоли, Княгиня Александра Николаевна Волконская, Госпожа Грабовская и прочія дамы и другія особы. Между тѣмъ какъ надлежало всѣмъ войскамъ, въ маневрѣ бывшимъ, проходить сіе мѣсто, въ лагерь возвращаясь, то оставались въ ожиданіи прохода оныхъ. Угощаемы были тутъ прохладительными напитками и фруктами, и Его Величество занимался разговорами со многими дамами, съ Генералитетомъ нашимъ и съ Пруским Генералъ-Маіоромъ Тилемъ. Во время проходу въ лагерь мимо онаго мѣста церемоніально войскъ, состоявшихъ въ семи баталіонахъ пѣхоты и 12 орудіяхъ полевой артиллеріи, веденныхъ Генералъ-Маіоромъ Мерлинымъ, Его Величество смотрѣть изволилъ оныя. По окончаніи всего, благодарилъ за приглашеніе Его Сіятельство Главнокомандующаго, и въ вечеру возвратился чрезъ городъ въ замокъ; чувствовалъ усталость нѣсколько, бывъ обезпокоенъ въ тотъ вечеръ.

Августа 5. Въ 10 часовъ утра выѣхала изъ дворца въ Варшаву Госпожа Люлли. Пруской Генералъ-Маіоръ Тиль былъ у Его Величества и откланялся, при отъѣздѣ своемъ въ Варшаву. Въ 6 часовъ Его Величество съ мадамъ де Подоли и придворными своими ѣздилъ въ Коханово, и въ 8 часовъ возвратился.

Августа 6. Его Величество, съ вѣдома Главнокомандующаго, послалъ съ Адъютантомъ своимъ, Киркоромъ, къ Генералъ-Маіору Мерлину на войска, бывшія въ маневрѣ, сто червонныхъ, пригласивъ его и бывшихъ подъ его командою полевыхъ и баталіонныхъ командировъ на 7 число обѣдать. Прускій Маіоръ Гре-

венъ пріѣзжалъ къ Госпожѣ Грабовской. Его Величество, пользуясь пріятной погодой, проѣзжался за городъ.

Августа 7. Во 2 часу по полудни прибылъ изъ Варшавы старшій братъ Его Величества, бывшій Оберъ-Канцлеръ, Князь Казимиръ Понятовскій, которому пріуготовлены были къ пріѣзду его покои, по близости внутреннихъ покоевъ Королевскихъ. Обѣдали у Его Величества: Главнокомандующій, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Полковники: Коновницынъ, Ливенъ, Подполковники: Барклай де Толли, Герсдорфъ и Господинъ Губернаторъ Слонимскій, Генералъ-Маіоръ Новицкой. Его Величество, сдѣлавъ пристойной и ласковый комплиментъ Генералъ-Маіору Мерлину и потомъ Господамъ Полковникамъ и баталіонымъ командирамъ, разговаривалъ съ первымъ и другими. Возвратился изъ Зельвы Господинъ Сагатинскій и будовничій Маковскій.

Августа 8. Въ 9 часовъ утра Его Величество посылалъ Адъютанта Гордона къ Полковнику Ливену сказать о сдѣланіи, на образецъ того полку, каски, мундира и прочаго одѣянія солдатскаго, о чемъ прежде просилъ онъ дозволенія у Главнокомандующаго; въ 11 выѣхавъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, возвратился мимо Городницы. Въ 10 часовъ братъ Королевскій выѣзжалъ къ Главнокомандующему, куда ѣздилъ и по обѣдѣ. Въ 9 часу вечера Его Сіятельство, Главнокомандующій, пріѣхавъ къ Королю, пробылъ у него до 10 часовъ и простился при самомъ отъѣздѣ съ братомъ Королевскимъ, которой уѣхалъ въ Бѣлой Стокъ и Варшаву. Его Величество чувствительно разстался съ престарѣлымъ и слабымъ своимъ братомъ и не могъ удержаться отъ слезъ.

Августа 9. Мадамъ де Подоли выѣзжала прогуливаться.

Августа 10. Въ 11 часу утра Его Величество въ придворной церкви изволилъ слушать обѣдню; въ полдень игралъ въ кегли. По сіе время нетерпѣливо ожидалъ почты; получивъ же послѣ обѣда письма, отвѣчалъ на оныя съ Господиномъ Рыксомъ, котораго въ 7 часу отправилъ въ Варшаву и съ которымъ послалъ своимъ придворнымъ жалованье на сей Августъ мѣсяцъ. Потомъ выѣхалъ прогуливаться въ лѣсокъ Каштеляна Вульмера, и въ 9 часовъ возвратился. Съ Рыксомъ отъѣхали Краевскій и его человѣкъ. Кромѣ оныхъ поѣхали предъ обѣдомъ въ Варшаву: Шамбелянъ Трембецкій съ своимъ человѣкомъ и однимъ Ко-

ролевскимъ конюхомъ, и Королевской камердинеръ Руссо, всѣ по подорожнымъ, за подписаніемъ Главнокомандующаго. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Поруччики Графы Румянцовъ и Безбородко, Генералъ-Маіоръ Чалищевъ, Вице-Губернаторы Фризель и Волковъ, Полковникъ Багневскій и Господинъ Збышевскій. Госпожа Грабовская ѣздила къ Ея Сіятельству, супругѣ Главнокомандующаго.

Августа 12. По полудни пріѣзжалъ Господинъ Дзяконскій къ Королю съ женою, старшимъ сыномъ и невѣсткою. Въ 7 часу Его Величество, изволилъ, съ мадамъ де Подоли, ѣздить къ Главнокомандующему, и оттоль по Понѣмунской дорогѣ прогуливаться.

Августа 12. Въ 12 часу утра Его Величество проѣзжался за Нѣменъ до рѣки Лососны, гдѣ, походивъ нѣсколько пѣшкомъ, возвратился. Обѣдали у него: Господинъ Дзяконскій съ женою и сыномъ и Госпожа Шидловская.

Августа 13. Его Величество, возвратясь предъ обѣдомъ съ прогулки, во весь день занимался Англійскими газетами. По дозволенію Его Величества, въ 4 часа по полудни, Графъ Безбородко представилъ Его Величеству, Статскаго Совѣтника и Малороссійскаго Почтамта Директора, Господина Милорадовича, [88] съ которымъ Его Величество изволилъ разговаривать и пригласить онаго на завтрешній день къ обѣденному столу.

Августа 14. Въ 12 часу утра Его Величество, съ нѣкоторыми придворными своими, проѣзжался по Скидельской дорогѣ: возвратился мимо Городницы. Обѣдали у него: Генералъ-Поруччики Графы Румянцовъ и Безбородко и Господинъ Статскій Совѣт-

---

[88] Григорій Петровичъ, который былъ бывъ Малороссійскимъ Почтъ-Директоромъ съ 1789 года по 1797. Во время своего начальствованія онъ учредилъ, по порученію Князя Безбородка (на родной племянницѣ коего былъ женатъ, а сестрѣ В. П. Кочубея, въ послѣдствіи Канцлера и Князя, Александрѣ Павловнѣ), въ возвращенныхъ отъ Польши 4-хъ Губерніяхъ письменныя почты въ 1793 г., а въ 1795 и въ Литвѣ, также и ближайшую дорогу черезъ Брестъ Литовскій изъ Петербурга въ Вѣну, и пр. Въ послѣдствіи былъ онъ Малороссійскимъ Генеральнымъ Судьей (1797 - 1799), и напослѣдокъ Таврическимъ Гражданскимъ Губернаторомъ (1802 — 1803) въ чинѣ Тайнаго Совѣтника, остальное же время (съ 1803 по 1828 г.) жилъ въ отставкѣ въ Черниговѣ и своихъ имѣніяхъ. О. Б.

никъ Милорадовичъ. Послѣ обѣда пріѣзжали къ Королю: Госпожи Дзяконская съ невѣсткою и Володковичева.

Августа 15. Его Величество, пользуясь пріятностью времени, проѣзжался верхомъ въ Понѣмунь. Въ 7 часовъ по полудни съ мадамъ де Подоли навѣщалъ супругу Главнокомандующаго.

Августа 16. Король изволилъ выходить вечеромъ на терасъ, что подъ Нѣменомъ, и по оному прохаживаться.

Августа 17. Обѣдали у Его Величества: Генералъ-Порутчики Графы Румянцевъ и Безбородко, Секундъ-Маіоръ Князь Гагаринъ и Господинъ Дзяконскій съ фамиліею. По полудни Его Величество проѣзжался въ лѣсъ Каштеляна Вульмера, прохаживался тамо пѣшкомъ и черезъ часъ возвратился. Госпожа Грабовская ѣздила къ Ея Сіятельству, супругѣ Главнокомандующаго. Данъ Секретарю Фризу, за подписаніемъ Главнокомандующаго, пашпортъ для ѣхавшаго въ Прускій кордонъ до деревни Бѣлянъ пивничаго Спѣваки.

Августа 18. Обѣдалъ у Короля Бискупъ Косаковскій. Мадамъ де Подоли ѣздила прогуливаться. Отъѣхалъ въ Прускій кордонъ до мѣстечка Свяцкъ, принадлежащаго Господину Воловичу, Замковой Бургграбій Гибнеръ, за вѣдомомъ и билетомъ Графа Безбородка.

Августа 19. Предъ обѣдомъ пріѣзжалъ къ Королю Бискупъ Косаковскій. Обѣдала у онаго Госпожа Муравѣская. Выѣзжали въ городъ: мадамъ де Подоли и Госпожа Муравская.

Августа 20. Его Величество, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда изволилъ, съ мадамъ де Подоли и Госпожею Грабовскою, ѣздить первѣе до рѣки Лососны, гдѣ довольно гулялъ по берегу оныя, а въ другой разъ къ деревнѣ Каплицы. Генералъ-Маіоръ Неплюевъ былъ у Госпожи Грабовской. Пріѣхали изъ Свяцка: Господинъ Бачьярели и Замковой Бургграбій Гибнеръ.

Августа 21. Обѣдали у Короля: Графы Румянцовъ и Безбородко и Генералъ-Маіоръ Неплюевъ. Подскарбина Дзяконская пріѣзжала къ Госпожѣ Грабовской, Госпожа Муравская къ мадамъ де Подоли.

Августа 22. Его Величество выѣзжалъ въ 12 часу утра на ту сторону Нѣмена и, возвращаясь, смотрѣлъ Радзивиловской домъ. Послѣ обѣда занимался отправленіемъ писемъ въ Варшаву. Пріѣз-

жали къ Госпожѣ Грабовской: Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, и Госпожа Шидловская.

Августа 23. Его Величество, любопытствуя видѣть обрядъ обрѣзанія, имѣвшагося въ сей день совершиться въ Жидовской школѣ, изволилъ ходить въ оную и смотрѣть таковую церемонію, по окончаніи коей, черезъ часъ возвратился во дворецъ. Пришелъ изъ Варшавы съ разными припасами и вещами обозъ, отправленный оттуда Старостою Рыксомъ.

Августа 24. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню и заходить потомъ къ Госпожѣ Грабовской. Обѣдали у него: Графы Румянцевъ и Безбородко и Госпожа Дзякоиская съ старшимъ сыномъ и его женою. Нетерпѣливо ждалъ почты Варшавской, а еще больше видно было нетерпѣніе его, когда оная пріѣхала въ часу 12 чрезъ мостъ, что видно было ему и его придворнымъ изъ его покоевъ; за обѣдомъ и послѣ обѣда посылалъ освѣдомляться къ Секретарю Фризу, не принесены ли письма? Въ 4 часа съ половиною, откланявшись, ретировался во внутренніе свои покои.

Августа 25. Король пріѣзжалъ въ лѣсъ Вульмера, въ обыкновенномъ препровожденіи своихъ нѣсколько человѣкъ придворныхъ, дежурнаго Маіора Косаковскаго, конвойнаго Офицера кирасирскаго и кираспръ. Господа Стрепискій и Юревичъ обѣдали у Короля. Мадамъ де Подоли пріѣзжала къ супругѣ Главнокомандующаго поздравить ее на капунѣ съ именинами и просить отъ Короля Ея Сіятельство съ фамиліею на завтра кушать. Послѣ обѣда пріѣзжали во дворецъ: жена Господина Стрепискаго, Княгиня Воронецкая съ мужемъ и Крайчій Грабовскій. Госпожа Володекова была у мадамъ де Подоли. Госпожа Грабовская въ вечеру ѣздила на Городницу къ Ея Сіятельству, супругѣ Главнокомандующаго. Присылапъ былъ пажъ отъ Короля пригласить обѣдать Генералъ-Маіора Неплюева.

Августа 26. По времени, весьма сырому и холодноватому, съ утра продолжавшемуся, выѣзда Его Величество не имѣлъ. Оставался до двухъ часовъ съ четвертью по полудни въ своемъ кабинетѣ и занимался чтеніемъ и писаніемъ. Въ исходѣ 2 час-прибыла Ея Сіятельство, Княгиня Наталья Александровна, съ дочерью своею, Княгинею Волконскою, которыхъ встрѣтилъ на крыльцѣ Графъ Безбородко съ дежурными Штабь и Оберъ-Офи-

церамн. Потомъ Генералъ-Порутчикъ Графъ Румянцовъ, Генералъ-Маіоръ Неплюевъ и гвардіи Подпорутчики оба Князья Волконскіе прибыли. Пока Его Величество выйти изволилъ, занимали Ихъ Сіятельство мадамъ де Подоли и Госпожа Грабовская. По выходѣ жъ Его Величество со всѣми своими придворными въ третьемъ часу, поздравлялъ имянинницу, въ половинѣ 3 къ столу пошли. За обѣдомъ Король пилъ за здоровье Ея Сіятельства. Послѣ обѣда, въ половинѣ пятаго, Ея Сіятельство уѣхала, препровождаема будучи съ крыльца Приставомъ, Графомъ Безбородкомъ, и дежурными во дворцѣ. Ѣздили на балъ къ Ея Сіятельству: Госпожа Грабовская и ,Докторъ Беклеръ съ женою. Данъ пашпортъ отъ Графа Безбородка отправленному въ Варшаву Конюшему Королевскому, Писарю Сагатинскому, съ будущимъ при немъ однимъ человѣкомъ.

Августа 27. Данъ пашпортъ въ Прускій кордонъ до мѣстечка Янова отправленному съ 13 лошадьми для Шамбеляна Трембецкаго и Старосты Рыкса. Обѣдали у Короля: Господинъ Воловичъ съ женою и Бѣлявскій.

Августа 28. Въ 12 часу Его Величество изволилъ слушать въ придворной церкви мшу; въ полдень игралъ въ биліардъ.

Августа 29. Обѣдали у Короля: Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко и Генералъ-Маіоръ Неплюевъ. Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, была у Госпожи Грабовской. Пріѣхали изъ Варшавы: Шамбелянъ Трембецкій и Староста Рыксъ.

Августа 30. Навѣщали Госпожу Грабовскую: Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, Госпожа Шидловская и Муравская. Пріѣхалъ изъ Варшавы Господинъ Политанскій.

Августа 31. Въ 12 часу по утру Его Величество изволилъ въ придворной церкви слушать мшу. По обѣдѣ занимался газетами. Обѣдала у него Госпожа Муравская.

Мѣсяцъ Сентябрь.

1-го числа. Въ 11 часу утра Его Величество, въ препровожденіи своихъ придворныхъ и обыкновеннаго конвоя, изволилъ, съ Госпожею Грабовскою, выѣзжать прогуливаться по Скидельской дорогѣ. Въ 12 часовъ возвратился во дворецъ. Занимался до обѣда чтеніемъ книгъ. Отъѣхалъ въ Варшаву, находившійся при кухнѣ

Писарь Бояновичъ. Доставлена Его Величеству слѣдующая за сей мѣсяцъ Сентябрь на содержаніе и прочіе расходы сумма 11000 червонныхъ, въ пріемѣ которой получена, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, квитанція.

Сентября 2. Его Величество препроводилъ время до полудня въ кабинетѣ; въ 1 часу изволилъ играть въ биліардъ. Обѣдалъ у него Каштелянъ Воловичъ. Въ 6 часовъ по полудни занимался нѣсколько времени игрою въ кегли.

Сентября 3. Въ 12 часу утра Его Величество, пользуясь пріятной погодой, изволилъ, въ обыкновенномъ препровожденіи, прогуливаться верхомъ на границѣ Пруской, что у рѣки Лососны, и возвратился черезъ часъ. Обѣдалъ у него Шефъ Стреинскій съ женою. Мадамъ де Подоли ѣздила навѣщать въ болѣзни Ея Сіятельство, супругу Главнокомандующаго.

Сентября 4. Его Величество изволилъ, съ мадамъ де Подоли, проѣзжаться по Скидельской дорогѣ. Отъѣхали въ Бѣлый Стокъ: Шамбеляны Вольскій и Стржембашъ.

Сентября 5. Въ полдень Его Величество изволилъ играть въ кегли. Послѣ обѣда занимался отправленіемъ писемъ въ Варшаву со Старостою Рыксомъ, которой сего жъ дня отправился туда съ тремя при немъ человѣками, по подорожной, за подписаніемъ Главнокомандующаго. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, и Графъ Безбородко. Послѣ обѣда пріѣзжали къ Королю: Шефъ Стреинскій и Шамбелянъ Огинскій.

Сентября 6. Въ 12 часу утра Его Величество, выѣхавъ съ придворными своими и въ препровожденіи конвоя, въ Попѣмунь, прохаживался по лѣсу тамо пѣшкомъ, разговаривалъ о производимомъ осеннею порою въ царствѣ растеніи дѣйствіи и чрезъ полтора часа возвратился. Обѣдали у него: молодой Дзяконскій съ женою, Господа Грабовской и Збышевской. Въ 4 часу Псковскаго мушкетерскаго полку Полковникъ, Господинъ Ливенъ, представилъ Его Величеству того полку мушкетера, одѣтаго въ полной аммуниціи, какъ о томъ просилъ Король Главнокомандующаго, чтобы сдѣлать ему образецъ мундира. Мадамъ де Подоли навѣщала Ея Сіятельство, супругу Главнокомандующаго.

Сентября 7. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Гене-

ралъ-Порутчики Графы Михельсонъ и Безбородко, Князь Радзивилъ, Гетманъ Огинскій и Господинъ Бригадиръ Князь Лобановъ-Ростовскій. Отъѣхалъ въ Полоцкъ Подконюшій Кавецкій.

Сентября 8. Его Величество до полудня занимался отправленіемъ въ Варшаву писемъ, въ полдень изволилъ играть въ биліардъ. Послѣ обѣда препроводилъ время въ чтеніи книгъ.

Сентября 9. Въ 11 часу Его Величество изволилъ выѣзжать верхомъ прогуливаться въ деревню Грандичи, возвратился во 2-мъ Обѣдали у него: Гетманъ Огинскій, Генералъ Грабовскій, Шефъ Стреинскій съ женою и Волковыскаго Старосты Грабовскаго жена. Въ 5 часу по полудни Принца Виртембергскаго Шталмейстеръ Дауръ показывалъ Его Величеству лошадей, которыхъ велъ въ Санктпетербургъ къ Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Павлу Петровичу, посланныхъ отъ Принца въ подарокъ. Госпожа Грабовская ѣздила навѣщать Ея Сіятельство, супругу Главнокомандующаго.

Сентября 10. Его Величество съ Госпожею Грабовскою изволилъ выѣзжать прогуливаться за Нѣменъ къ Попѣмуни и къ деревнѣ Гнойницы, и чрезъ часъ возвратился. Обѣдалъ у него Господинъ Райскій. Въ 7 часовъ вечера, прибывъ въ замокъ Господина Волковыскаго Старосты Грабовскаго жена, оставалась тамо ужинать. Прибыли изъ Варшавы: Секретарь Карась и Королевскій камердинеръ Руссо.

Сентября 11. Его Величество до обѣда проводилъ время въ кабинетѣ. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, и Приставъ, Графъ Безбородко. Послѣ обѣда выходилъ на берегъ Нѣмена и потомъ изволилъ играть въ кегли.

Сентября 12. Его Величество, съ мадамъ де Подоли, изволилъ проѣзжаться за городъ, и во 2 часу возвратился во дворецъ. Обѣдалъ у него Гетманъ Огинскій.

Сентября 13. Въ 5 часу по полудни Его Величество изволилъ ѣздить на ту сторону рѣки Нѣмена въ бывшій загородчый домъ Князя Радзивила, гдѣ угощала Графиня Грабовская приглашенныхъ туда: Его Сіятельство, Главнокомандующаго, нашъ Генералитетъ и прочихъ здѣшнихъ и нашихъ обоего пола особъ; возвратился черезъ полчаса; жаловался головною болью и ознобомъ.

Сентября 14. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главноко-

мандующій, Генералъ-Поручникъ Графъ Безбородко, Гетманъ Огинскій, Каштелянъ Воловичъ съ женою и Господинъ Шидловскій. Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, и Князь Лобановъ-Ростовскій, навѣщали Госпожу Грабовскую послѣ обѣда. Прибылъ изъ своихъ деревень Казимиръ Грабовскій. Загорѣлось было въ трубѣ во флигелѣ, гдѣ живутъ Господа Вицкій, Киркоръ и Збышевскій, но тотчасъ было потушено.

Сентября 15. Его Величество въ 11 часу утра изволилъ выѣхать прогуливаться въ Каштеляна Вульмера лѣсокъ, прохаживался тамо пѣшкомъ и въ 1 часу возвратился; послѣ обѣда занимался отправленіемъ въ Варшаву писемъ. Обѣдали у него: Ректоръ Почебутъ и Господинъ Устрицкій. Ихъ Сіятельства Княгиня Репнина и Волконская, пріѣзжали къ Госпожѣ Грабовской. Отъѣхалъ въ Варшаву Господинъ Сагатинскій по подорожной, за подписаніемъ Главнокомандующаго.

Сентября 16. Въ 7 часовъ по полуночи отъѣхала въ Варшаву Генеральша Грабовская съ сыномъ и находящимися при ней горничной дѣвушкой, четырьмя лакеями и двумя фурманами о девяти лошадяхъ. Въ 11 часу Его Величество съ мадамъ де Подоли изволилъ выѣзжать за Нѣменъ до рѣки Лососны прогуливаться, нѣсколько времени занимался тамо зрѣніемъ пріятнаго положенія мѣста у оной рѣки, въ 1 часу возвратился. Обѣдали у него: Крайчій Грабовской съ женою, Господа Потоцкій и Райковскій.

Сентября 17. Въ разсужденіи пріятной погоды, Его Величество выѣзжалъ и сегодня прогуливаться къ рѣкѣ Лососнѣ. Обѣдали у него: Господа Шидловскій, Мержевской, Шимановскій съ сыномъ и Каневскій Староста Потоцкій. [89]

Сентября 18. Въ 1 часу по полудни Его Величество съ мадамъ де Подоли изволилъ навѣщать Ея Сіятельство, супругу Главнокомандующаго, Наталью Александровну, Княгиню Репнину. Обѣдали у него: Генералъ-Порутчики Графы Румянцовъ и Безбородко и Госпожа Мостовская.

Сентября 19. Его Величество проводилъ время до обѣда въ кабинетѣ, занимаясь отправленіемъ писемъ въ Варшаву. Послѣ

---

[89] Знаменитый Польскій самодуръ, о подвигахъ котораго существуютъ цѣлыя сказанія.

обѣда выходилъ на галерею, что надъ Нѣменъ, и потомъ изволилъ играть въ кегли.

Сентября 20. Обѣдали у Короля: Господа Крайчій Грабовскій и Шимановскій съ женами. Пріѣхали изъ Варшавы съ разными припасами для дворца Королевскаго двора два фурмана.

Сентября 21. Въ 11 часу по утру Его Величество ходилъ въ комнаты Старосты Рыкса смотрѣть привезенныя изъ Варшавы его вещи. Въ 12 выѣзжалъ съ мадамъ де Подоли за городъ прогуливаться,

Сентября 22. Его Величество утромъ намѣревался быть у Главнокомандующаго, по случаю торжества коронованія Ея Императорскаго Величества, и возложилъ на себя орденъ Святаго Андрея Первозваннаго, но, освѣдомившись о болѣзни Главнокомандующаго, случившейся ночью, почелъ за благо не безпокоить Его Сіятельство; посылалъ не рѣдко освѣдомляться къ Доктору Беклеру о состояніи жестокой болѣзни Главнокомандующаго, и былъ успокоенъ, узнавши, что сдѣлалось лучше. Послѣ обѣда былъ у него Графъ Безбородко.

Сентября 23. Его Величество съ мадамъ де Подоли изволилъ выѣзжать прогуливаться по Скидельской дорогѣ; возвращаясь, ѣздилъ къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, но не хотѣлъ его безпокоить и зашелъ къ Ея Сіятельству, Княгинѣ Наталіи Александровнѣ и, освѣдомясь о его здоровьѣ, пробылъ тамъ съ полчаса.

Сентября 24. Его Величество изволилъ предъ обѣдомъ проѣзжаться верхомъ за Нѣменъ до рѣки Лососны, гдѣ прохаживался, и во 2 часу по полудни возвратился. Послѣ обѣда были у него: Господа Шефъ Стрепинскій и Жиневъ.

Сентября 25. Кушали у Короля: Ихъ Сіятельства, Генералъ-Порутчики Графы Румянцовъ и Безбородко. Послѣ обѣда Его Величество долго изволилъ оставаться въ большой залѣ.

Сентября 26. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ съ мадамъ де Подоли прогуливаться за городъ, и возвратился черезъ часъ. Обѣдали у него: Господа Шидловскій и Шимановскій съ женами. Въ 4 часа по полудни приходилъ къ Его Величеству Генералъ-Маіоръ Сухтеленъ съ Капитаномъ Килемъ, и пробылъ у него съ полчаса.

Сентября 27. Обѣдалъ у Короля Господинъ Потоцкій. Въ

7 часу по полудни Его Величество изволилъ навѣщать Его Сіятельство, Главнокомандующаго, гдѣ пробывъ часъ, возвратился во дворецъ.

Сентября 28. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Передъ обѣдомъ выѣзжалъ прогуливаться за Шѣменъ къ Радзивиловскому дому. Обѣдали у него: Генералъ-Поручикъ Графы Румянцовъ и Безбородко и Генералъ-Маіоръ Сухтеленъ.

Сентября 29. Его Величество занимался послѣ обѣда полученными изъ Варшавы, чрезъ прибывшаго оттуда Старосту Рыкса, письмами. Съ Господиномъ Рыксомъ пріѣхали изъ Варшавы: Королевской скороходъ и два человѣка Казимира Грабовскаго, да изъ Бѣлаго Стока Пани Бѣлецкая, которая остановилась въ покояхъ мадамъ де Кракови. По полудни пріѣзжали къ Королю: Господа Тишевскій и Шимановскій.

Сентября 30. Его Величество до 12 часа занимался въ кабинетѣ чтеніемъ книгъ, предъ обѣдомъ изволилъ играть въ биліардъ. Обѣдалъ у него Господинъ Потоцкій. Отъѣхалъ изъ дворца въ кордонъ Прускій въ Зимовское Королевскаго гардеробу Писарь, по подорожной Пристава Графа Безбородка. Ночью бѣжалъ изъ дворцоваго караула Муромскаго полку гренадеръ изъ рекрутъ.

Мѣсяцъ Октябрь.

1-го числа. Его Величество изволилъ выѣзжать по утру прогуливаться по Скидельской дорогѣ, а по полудни къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, Князю Николаю Васильевичу Репнину, гдѣ пробылъ съ часъ времени. Пріѣхалъ изъ своей деревни Шамбелянъ Вольскій и остановился въ замкѣ на своей прежней квартирѣ.

Октября 2. Обѣдали у Короля: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Графъ Безбородко и Господинъ Шидловскій. Доставлена Его Величеству, слѣдующая за сей мѣсяцъ на содержаніе его двора и прочіе расходы, сумма 11000 червонныхъ, въ пріемѣ коей получена, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, квитанція. Пріѣхалъ изъ Варшавы Ксёндзъ Яшевскій, и остановился у Королевскаго Адъютанта, Полковника Гордона.

Октября 3. Въ 12 часу утра Его Величество съ мадамъ де

Подоли, выѣхавъ прогуливаться на мѣсто, гдѣ было корпусное ученье, возвратиться изволилъ чрезъ часъ. Обѣдалъ у него Господинъ Шимановскій съ сыномъ. Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, пріѣзжала къ Доктору Беклеру.

Октября 4. Въ 11 часу по полуночи Его Величество съ мадамъ де Подоли изволилъ ѣздить прогуливаться до рѣки Лососны, гдѣ прохаживался пѣшкомъ и переходилъ Прускую границу; возвратился черезъ часъ. Обѣдалъ у него Господинъ Шимановскій. Въ 10 часовъ вечера прибылъ изъ Галиціи Графъ Мнишекъ съ супругою.

Октября 5. Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко и Господинъ Шидловскій. Возвратился изъ Полоцка Подкоюшій Кавецкій.

Октября 6. Утромъ Его Величество съ мадамъ, де Подоли и Докторомъ Беклеромъ, выѣзжалъ въ Каштеляна Вульмера лѣсокъ, прохаживался тамо пѣшкомъ и въ полдень возвратился. Обѣдали у него: Господа Ректоръ Почебутъ и Стрицкій. Ихъ Сіятельства, Княгини Репнина и Волконская, навѣщали мадамъ де Подоли.

Октября 7. Пользуясь пріятной погодой, Его Величество проѣзжалъ и сегодня за Нѣменъ. Обѣдалъ у него Господинъ Шидловскій. Пріѣзжалъ къ Графинѣ Мнишковой Генералъ-Маіоръ Мерлинъ. Графъ Мнишекъ съ фамиліею выѣзжалъ къ Главнокомандующему.

Октября 8. До обѣда Его Величество занимался отправленіемъ въ Варшаву писемъ. Послѣ обѣда изволилъ играть въ биліардъ.

Октября 9. Сего утра Староста Рыксъ отъѣхалъ въ Варшаву по подорожной, за подписаніемъ Главнокомандующаго. Въ 11 часу Его Величество, въ обыкновенномъ препровожденіи, изволилъ выѣзжать въ Каштеляна Вульмера лѣсокъ прогуливаться, прохаживался тамо и въ 1 часу возвратился. Во 2 часу по полудни, прибывъ во дворецъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, съ Графомъ Безбородкомъ и Господиномъ Шидловскимъ, обѣдалъ у Его Величества, съ оными.

Октября 10. Кушали у Короля: Его Сіятельство, Главно-

командующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, и Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко. Ихъ Сіятельства, Княгиня Репнина и Волконская, навѣщали мадамъ де Подоли.

Октября 11. Его Величество, предъ обѣдомъ изволилъ, съ мадамъ де Подоли, ѣздить прогуливаться за городъ; возвратясь, игралъ въ биліардъ, пока время пришло къ столу. Выѣзжалъ изъ дворца Графъ Мнишекъ съ супругою. Дана Королевскому лакею, Зембровскому, подорожная до Варшавы.

Октября 12. Въ 10 часовъ утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Обѣдали у него: Главнокомандующій, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Крайчій Грабовскій, Господа Райскій и Шидловскій. Ѣздили къ Главнокомандующему на ассамблею: Шамбеляны Вольскій и Стржембашъ съ женою.

Октября 13. Его Величество изволилъ прогуливаться къ деревни Путдышкамъ. Обѣдалъ у него: Каштелянъ Завацкій. Въ 7 часовъ вечера, прибывъ къ Королю Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, съ фамиліею, Генералъ-Порутчики Графы Румянцовъ и Безбородко, Генералъ-Маіоръ Сухтеленъ и Бригадиръ Князь Лобановъ-Ростовскій, провели тамо время до 11 часовъ.

Октября 14. Предъ обѣдомъ Его Величество изволилъ выѣзжать прогуливаться за городъ и возвратился черезъ часъ. Послѣ обѣда занимался нѣсколько времени игрою въ кегли. Въ вечеру Его Величество занемогъ и чувствовалъ себя нѣсколько слабымъ.

Октября 15. Его Величеству сдѣлалось легче и кушалъ за большимъ столомъ, къ коему былъ приглашенъ, проѣзжавшій чрезъ Гродно въ Кенигсбергъ, Англійской службы Подполковникъ Кормишель. По полудни присыланъ былъ отъ Главнокомандующаго къ Королю Секундъ-Маіоръ Князь Гагаринъ освѣдомиться о его здоровьѣ.

Октября 16. Его Величество чувствовалъ себя совершенно зоровымъ. Обѣдали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко и Господинъ Шидловскій. Мадамъ де Подоли выѣзжала въ городъ.

Октября 17. До обѣда Его Величество занимался отпра-

вленіемъ по почтѣ въ Варшаву писемъ. Послѣ обѣда изволилъ играть въ биліардъ.

Октября 18. Его Величество все утро провелъ въ чтеніи книгъ. Послѣ стола изволилъ нѣсколько времени оставаться въ большой залѣ и разговаривать со своими придворными. Данъ Королевскаго пажа служителю Кучинскому пашпортъ до Варшавы.

Октября 19. Его Сіятельство, Главнокомандующій, прибывъ во 2 часу по полудни во дворецъ съ Генералъ-Порутчикомъ Графомъ Безбородкомъ, кушалъ у Короля съ онымъ. Графъ Мнишекъ ѣздилъ къ Главнокомандующему на ассамблею.

Октября 20. Его Величество, проѣзжаясь съ мадамъ де Подоли и Графинею Мнишковою до рѣки Лососны, переѣзжалъ въ Прускій кордонъ, и чрезъ часъ возвратился.

Октября 21. Въ 10 часовъ по полуночи Его Величество изволилъ съ придворными своими ходить въ придворную церковь слушать мшу. По полудни мадамъ де Подоли выѣзжала въ Доминиканской кляшторъ. Данъ Подкопюшему Кавецкому пашпортъ до Соколки.

Октября 22. Его Величество изволилъ въ придворной церкви пріобщаться Святыхъ Таинъ, и потомъ удалиться въ свои покои. Въ 10 часовъ вечера Его Сіятельство, Главнокомандующій, прибывъ во дворецъ, былъ у Графа Мнишка, потомъ ужиналъ у Короля, гдѣ пробылъ до 12 часу.

Октября 23. Его Величество выѣзжалъ предъ обѣдомъ съ мадамъ де Подоли за городъ прогуливаться; возвратился черезъ часъ. Кушали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, и Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко.

Октября 24. Въ 11 часу по утру Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать мшу. Передъ обѣдомъ было у него: Ректоръ Почебутъ, Каноники Юревичъ и Стрицкій и Крайчій Грабовскій. Въ 8 часовъ вечера, прибывъ во дворецъ Его Сіятельство, Главнокомандующій, ужиналъ у Его Величества и оставался тамо до 12 часовъ.

Октября 25. Его Величество предъ обѣдомъ изволилъ играть въ биліаръ; послѣ обѣда занимался въ кабинетѣ чтеніемъ и писаніемъ. Графъ Мнишекъ выѣзжалъ съ фамиліею въ городъ. Данъ Королевскому служителю, Краевскому, пашпортъ до Варшавы.

Октября 26. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Кушалъ у него Его Сіятельство, Главнокомандующій. Графъ Мишшекъ выѣзжалъ къ Главнокомандующему на ассамблею.

Октября 27. Его Величество все утро занимался въ кабинетѣ отправленіемъ въ Варшаву чрезъ почту писемъ. Обѣдали у него: Ректоръ Почебутъ, Каноники Юревичъ и Стрицкій. Предъ обѣдомъ пріѣхалъ изъ Варшавы Подкоморій Сагатинскій. По полудни въ 8 часу прибыла изъ Бѣлаго Стоку Королевская сестра, мадамъ де Кракови, въ свитѣ которой пріѣхали: Докторъ Дункеръ, двѣ дѣвицы, Пашковская и Дюшень, двѣ гардеробянки, Голенская и Вишневская, два Француза Священники, которые остановились въ Старомъ замкѣ у Бѣляковскаго, двѣ горничныя служанки, одна прачка, конюшій Фіазели, пять лакеевъ, одинъ кучеръ и два форейтора.

Октября 28. Ихъ Сіятельства, Княгиня Репнина и Волконская, пріѣзжали къ Королевской сестрѣ, мадамъ де Кракови. Въ 9 часовъ вечера Его Сіятельство, Главнокомандующій, прибывъ къ Королю, оставался у него ужинать и пробылъ до 12 часовъ.

Октября 29. Прибылъ по утру изъ Варшавы Староста Рыкскъ. Пріѣхавшій изъ Прускаго кордона, Русской службы Генералъ-Маіоръ Барановичъ, бывшій при Татарскомъ войскѣ, былъ съ 5 Офицерами Татаръ у Короля. Ихъ Сіятельства, Княгини Репнина и Волконская, были у мадамъ де Подоли. Дана, находящемуся при дворѣ Его Величества, дантисту Коняру подорожная до Вильны.

Октября 30. Г. Шимановскій пріѣзжалъ по утру къ мадамъ де Кракови, и былъ потомъ у Короля. Кушали у Его Величества: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, и Генералъ-Поручикъ Графъ Безбородко.

Октября 31. Графиня Мишшкова отъѣзжала предъ обѣдомъ къ Его Сіятельству, Главнокомандующему, гдѣ пробыла съ часъ времени. Обѣдалъ у Короля Ректоръ Почебутъ, съ которымъ Его Величество во время стола много изволилъ разговаривать.

Мѣсяцъ Ноябрь.

1-го числа. Въ 9 часовъ по полудни Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, прибывъ

во дворецъ, заходилъ къ Графу Мнишку, и потомъ ужиналъ у Его Величества, и въ 12 часу уѣхалъ. Доставлена Генералъ-Порутчикомъ Графомъ Безбородкомъ Его Величеству, слѣдующая за сей Ноябрь мѣсяцъ, на содержаніе его всей свиты и прочіе расходы, сумма 11000 червонныхъ, въ пріемѣ которой получена, за собственнымъ Его Величества подписаніемъ, квитанція.

Ноября 2. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Кушали у него: Его Сіятельство, Главнокомандующій, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, и Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко. Графъ Мнишекъ съ супругою выѣзжалъ на ассамблею къ Главнокомандующему.

Ноября 3. Его Величество изволилъ выѣзжать предъ обѣдомъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ, и возвратился чрезъ часъ. Доставлены во дворецъ отъ Графа Безбородка пашпорты: одинъ Старостѣ Рыксу да Варшавы, а другой, присланный чрезъ Офицера отъ Главнокомандующаго, для пропуску въ Гродно изъ Бѣлаго Стоку изъ эмигрантовъ Французскихъ, живущему у мадамъ де Кракови Священнику Дари. Ужинали у Его Величесчва: Главнокомандующій съ фамиліею своею, Графы Румянцовъ и Безбородко, Генералъ-Маіоръ Мерлинъ и Господинъ Бригадиръ Князь Лобановъ-Ростовскій.

Ноября 4. Въ 7 часовъ по полудни Графъ Мнишекъ выѣзжалъ къ Главнокомандующему, которой съ нимъ прибылъ во дворецъ, въ 9 ужиналъ у Короля и оставался тамо до полупочи.

Ноября 5. Его Величество все утро занимался отправленіемъ въ Варшаву Старосты Рыкса, которой во 2 часу выѣхалъ туда по подорожной Графа Безбородка. Въ 7 часовъ Король изволилъ ѣздить къ Его Сіятельству, Князю Репнину, и чрезъ часъ возвратился.

Ноября 6. Въ 10 часу утра Его Величество былъ увѣдомленъ Приставомъ, Графомъ Безбородкомъ, объ отъѣздѣ въ Вильну Главнокомандующаго. Предъ обѣдомъ Король выѣзжалъ прогуливаться. Отъѣхалъ въ Бѣлой Стокъ Шамбелянъ Вольскій, по подорожной Графа Безбородка.

Ноября 7. Его Величество до обѣда занимался чтеніемъ книгъ въ кабинетѣ. Обѣдали у него въ сей день: Ихъ Сіятель-

ства, обѣ Княгини и Графъ Безбородко. Въ вечеру Графиня Мнишекъ ѣздила къ Ея Сіятельству, Княгинѣ Репниной.

Ноября 8. Его Величество въ 11 часу утра изволилъ ходить въ придворную церковь, а вышедши, съ мадамъ де Кракови изволилъ прогуливаться за городъ, и черезъ часъ возвратился. Ея Сіятельство, Княгиня Волконская, навѣщала Графиню Мнишекъ. Доставлена отъ Графа Безбородка Секретарю Фризу, для Королевскаго хлѣбника, Гильмана, подорожная до Варшавы. Пріѣхали изъ Бѣлаго Стока: кондиторъ и поваръ Госпожи Браницкой.

Ноября 9. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Обѣдали у него, по приглашенію, при отъѣздѣ въ Вильну: Генералъ-Маіоръ Мерлинъ, Вице-Губернаторы: Виленскій Полковникъ Фризель, Слонимскій Коллежскій Совѣтникъ Волковъ.

Ноября 10. Его Величество въ 12 часу утра изволилъ навѣщать мадамъ де Кракови и пробыть у оной до втораго часа. Обѣдали у него: Господа Ректоръ Почебутъ и Каноникъ Стрицкій. Данъ пашпортъ отъ Графа Безбородка, служителю Подполковника Понятовскаго, Козелиновскому, въ Пруской кордонъ.

Ноября 11. Его Величество предъ обѣдомъ проѣзжался за городъ; возвратясь, прямо прошелъ въ Старой замокъ къ Шамбеляну Трембецкому, гдѣ изволилъ пробыть до 2 часу. Обѣдалъ у него Господинъ Шидловскій. По полудни Генералъ-Маіоръ Мерлинъ пріѣзжалъ къ Графинѣ Мнишекъ, и былъ у Его Величества.

Ноября 12. Въ 12 часу утра Его Величество изволилъ выѣзжать прогуливаться въ лѣсокъ Каштеляна Вульмера, прохаживался тамо и возвратился чрезъ часъ. Послѣ обѣда игралъ въ биліардъ.

Ноября 13. По утру выѣзжалъ прогуливаться въ Понѣмунь Графъ Мнишекъ съ женою. Обѣдалъ у Короля, по приглашенію отъ него, чрезъ Графа Безбородка, проѣзжавшій изъ Петербурга Римско-Императорскій Полковникъ и Полномочной Комисаръ разграниченія, Маркизъ Шателеръ. Король изволилъ во время стола много разговаривать съ нимъ.

Ноября 14. Пріѣзжалъ предъ обѣдомъ къ Королю бывшій Польскій надъ Татарами Генералъ Черняковъ. Прибылъ изъ Варшавы Канцлеръ Графъ Хребтовичъ и остановился въ замкѣ. Въ

вечеру, съ нарочно присланнымъ изъ Вильны къ Генералъ-Поручику Графу Безбородку получены письма отъ Главнокомандующаго къ Его Величеству, такъ же къ Графинѣ Мнишекъ и къ Господину Фризу, кои самымъ Графомъ Безбородкомъ и вручены.

Ноября 15. Его Величество изволилъ предъ обѣдомъ проѣзжаться за городъ и возвратиться чрезъ часъ. Въ полдень прибыла изъ Варшавы Госпожа Грабовская съ сыновьями, Михайломъ и Станиславомъ, при ней одна горничная дѣвушка и 4 лакея. Сегодня Его Величествомъ отправленъ въ С.-Петербургъ эстафетъ къ Его Сіятельству, Князю Николаю Васильевичу.

Ноября 16. Его Величество былъ въ придворной церкви; по выходѣ, заходилъ къ обѣимъ сестрицамъ, и потомъ до обѣда былъ въ своемъ кабинетѣ. Пошелъ къ столу въ обыкновенное время. Обѣдалъ у него Графъ Безбородко. Во время стола вызванъ былъ Графъ Безбородко, по поводу пріѣхавшаго изъ Вильны отъ Графа Румянцова курьера, съ извѣстіемъ о смерти Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы, Екатерины Алексѣевны, и о возшествіи на престолъ Его Императорскаго Величества, Государя Императора, Павла Петровича. Не знавъ причины пріѣхавшаго курьера, былъ Король и прочіе приведены въ удивленіе, и, по возвращеніи къ столу Графа Безбородка, весьма хотѣли узнать тому причину, но онъ за нужное почелъ во время стола о семъ умолчать, а сказалъ, что курьеръ къ нему пріѣхалъ отъ Графа Румянцова, извѣщающій, яко бы отъѣздъ Его Сіятельства, Главнокомандующаго, въ С.-Петербургъ послѣдовалъ не 12, но 13 числа, чѣмъ и были успокоены. Послѣ обѣда Графъ Безбородко, чрезъ Господина Фриза, просилъ тихонько Короля, чтобъ Его Величество въ кабинетъ свой пожаловать изволилъ, гдѣ онъ имѣетъ ему нѣчто сказать, и когда Король вошелъ въ кабинетъ, то онъ ему тамо объявилъ о всемъ томъ, чего за столомъ не хотѣлъ сказать. Его Величество весьма былъ потревоженъ таковымъ печальнымъ извѣстіемъ. Въ 10 часовъ вечера Приставъ, Графъ Безбородко, былъ у Его Величества и, предваривъ его, что завтрешній день въ городѣ будетъ возвѣщено о смерти Императрицы и учинена присяга на вѣрность Государю, съ пушечною пальбою, просилъ при томъ, чтобъ Его Величество, пока вся оная церемонія будетъ продолжаться въ городѣ, гдѣ многочисленное собраніе народа будетъ и войско, то въ отвращеніе

всякихъ непредвидимыхъ случаевъ, съ нимъ послѣдовать могущихъ, не выѣзжалъ по обыкновенію за городъ проѣзжаться, и съ отправленіемъ писемъ въ Варшаву и эстафетъ въ С.-Петербургъ поудержался, представивъ на то резоны, коіи требовали отъ него на этотъ разъ осторожности, дабы запереть на сутки всѣ выѣзды изъ города. Король за благо все то принялъ и охотно на оное согласиться изволилъ.

Ноября 17. Его Величество все утро провелъ въ кабинетѣ. Мадамъ де Подоли по утру выѣзжала въ Доминиканскій костёлъ. Во 2 часу по полудни, по учиненіи присяги и по окончаніи всего, при томъ происходившаго, Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко пріѣзжалъ въ замокъ, былъ у Короля и извѣстилъ онаго о всемъ совершившемся.

Ноября 18. Въ 12 часу утра Его Величество, въ препровожденіи своихъ придворныхъ и обыкновеннаго конвоя, изволилъ выѣзжать прогуливаться къ деревни Путрышки, и чрезъ два часа возвратиться. Доставлены отъ Графа Безбородка Секретарю Фризу два билета, одинъ до Бѣлаго Стоку, для Графини Браницкой служителей, Матеуша и Юзефа, а другой Господамъ Панабеллію и Брюнету до Вильны.

Ноября 19. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Послѣ обѣда занимался чтеніемъ газетъ. Былъ у него Каноникъ Стрицкій. Въ 5 часовъ по полудни, пришедъ изъ Доминиканскаго монастыря Ксёндзъ къ мадамъ де Подоли, читалъ у ней книгу до 7 часовъ. Ночью привезены изъ Варшавы шубы и прочія вещи для Королевскихъ лакеевъ и гайдуковъ, такъ и провизія для Королевскаго стола.

Ноября 20. Обѣдали у Короля: Генералъ-Порутчики Безбородко и Михельсонъ и Господинъ Шидловскій. Его Величество, откушавъ, пошелъ въ кабинетъ и занимался чтеніемъ.

Ноября 21. Его Величество въ 12 часу выѣзжалъ прогуливаться къ деревни Путрышки; возвратясь въ половинѣ втораго, изволилъ заходить въ Старый замокъ къ Секретарю Фризу. По полудни Генералъ-Порутчикъ Михельсонъ былъ у мадамъ де Кракови, Графа Мнишка и Госпожи Грабовской.

Ноября 22. Предъ обѣдомъ Его Величество, съ мадамъ де Кракови и Канцлеромъ Хребтовичемъ, изволилъ прогуливаться въ

Каштеляна Вульмера лѣсокъ, и возвратился въ первомъ часу. Графъ Мнишекъ выходилъ въ городъ пѣшкомъ.

Ноября 23. Его Величество въ 12 часу утра изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Обѣдали у него: Генералъ-Порутчики Графъ Безбородко и Михельсонъ. Дана отъ Графа Безбородка Секретарю Фризу, для Полковника Понятовскаго, до Слонима и обратно, подорожная. Пріѣхалъ изъ Варшавы Полковникъ Политанскій.

Ноября 24. Въ 12 часу утра Его Величество изволилъ прогуливаться по Скидельской дорогѣ; чрезъ часъ возвратясь, заходилъ, съ Господиномъ Грабовскимъ, въ домъ Мучинскаго, гдѣ пробывъ съ полчаса, пошелъ въ свой кабинетъ. Пріѣхалъ изъ Бѣлаго Стока Шамбелянъ Вольскій.

Ноября 25. Графъ Мнишекъ выходилъ пѣшкомъ въ городъ. Отъѣхалъ въ Прускій кордонъ, въ деревню Понурницы, Королевскій пажъ Буховецкій, по подорожной Графа Безбородка. Данъ отъ Графа Безбородка Королевскому служителю, Тимошевскому, пашпортъ до Янова и обратно.

Ноября 26. Въ 10 часовъ по утру отъѣхали въ Вильну: Генеральша Грабовская съ сыновьями, имѣя при себѣ одну горничную дѣвушку и двухъ лакеевъ. Предъ обѣдомъ Его Величество выѣзжалъ прогуливаться за городъ, и чрезъ часъ возвратился.

Ноября 27. По утру въ 12 часу Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Обѣдали у него: Генералъ-Порутчики Графъ Безбородко и Михельсонъ, такъ же и Господинъ Шидловскій, и въ 5 часовъ разъѣхались.

Ноября 28. Предъ обѣдомъ Его Величество, съ мадамъ де Подоли и мадамъ де Кракови, выѣзжалъ прогуливаться въ деревню Грандичи, возвратился чрезъ часъ. Обѣдалъ у него Каноникъ Стрицкій. По полудни выѣзжали въ городъ: Графиня Мнишекъ и Канцлеръ Хребтовичъ.

Ноября 29. Его Величество занимался почти весь день полученными изъ Варшавы и прочихъ заграничныхъ мѣстъ письмами и чтеніемъ чужестранныхъ газетъ.

Ноября 30. Въ 12 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Обѣдали у него: Генералъ-Порутчики Графъ Безбородко и Михельсонъ.

Мѣсяцъ Декабрь.

1 числа. Въ 12 часу утра Его Величество изволилъ, съ сестрами своими, выѣзжать прогуливаться въ Каштеляна Вульмера лѣсокъ. Возвратясь чрезъ часъ, заходилъ въ Старый замокъ къ Шамбеляну Трембецкому. По полудни были у него: Польскій Генералъ-Маіоръ Осиповскій, Господинъ Шидловскій и Шамбеляниха Сернинская. Внесена Его Величеству слѣдующая за сей мѣсяцъ на содержаніе его и прочіе расходы сумма 11 тысячъ червонныхъ, въ пріемѣ которой Его Величество далъ, за собственноручнымъ подписомъ, квитанцію.

Декабря 2. Его Величество до обѣда препроводилъ время въ чтеніи книгъ. Послѣ обѣда занимался полученными отъ родныхъ своихъ и прочихъ особъ письмами и заграничными газетами.

Декабря 3. Предъ обѣдомъ Графъ Мнишекъ, вышедъ изъ дворца, прохаживался по двору. По полудни пріѣзжалъ къ Секретарю Фризу Генералъ-Поручикъ Михельсонъ.

Декабря 4. Предъ обѣдомъ Его Величество изволилъ выѣзжать прогуливаться. Обѣдали у него: Генералъ-Порутчики Графы Безбородко и Михельсонъ.

Декабря 5. Его Величество весь день занимался отправленіемъ писемъ въ Варшаву, черезъ Старосту Рыкса, который того же дня въ вечеру и отправился туда, по подорожной Графа Безбородка. Обѣдали у Короля: Староста Скарбскій и Ксёндзъ Стрицкій.

Декабря 6. Предъ обѣдомъ Его Величество занимался чтеніемъ полученныхъ на почтѣ заграничныхъ писемъ и газетъ; послѣ обѣда изволилъ играть въ биліардъ и потомъ удалиться въ свой кабинетъ.

Декабря 7. Кушали у Короля: Генералъ-Порутчики Графы Безбородко и Михельсонъ. Данъ отъ Графа Безбородка человѣку Госпожи Грабовской, Петру Корзацкому, паспортъ въ Прускій кордонъ, до Бѣлаго Стока.

Декабря 8. Въ 12 часу утра Его Величество изволилъ выѣзжать прогуливаться до деревни Грандичи, и во 2 возвратился. По полудни занимался отправленіемъ писемъ въ Варшаву и прочія заграничныя мѣста. Выѣзжали изъ дворца въ разное время: Графъ Мнишекъ и Госпожа Грабовская.

Декабря 9. Его Величество весь день провелъ въ чтеніи газетъ и писемъ, полученныхъ отъ родныхъ его и прочихъ особъ. Обѣдалъ у него Г. Шидловскій. Выѣзжали въ городъ: Графъ Мнишекъ и Графиня Мнишекъ.

Декабря 10. Прибыли изъ Вильны: Господа Грабовскіе и остановились въ домѣ Мучинскаго, на Замковой улицѣ; по полудни пріѣзжалъ изъ Варшавы Генералъ Горжинскій, и занялъ квартиру въ Старомъ замкѣ.

Декабря 11. Въ 12 часу утра Его Величество изволилъ ходить къ Госпожѣ Грабовской, гдѣ пробылъ часъ времени, удостоилъ приходомъ своимъ Госпожу Беклерову, и въ половинѣ 2 го возвратился въ замокъ. Обѣдали у него: Генералъ-Порутчики Графы Безбородко и Михельсонъ, также и Г. Шидловскій.

Декабря 12. Предъ обѣдомъ Его Величество изволилъ, съ мадамъ де Подоли, въ обыкновенномъ препровожденіи, выѣхать прогуливаться за городъ, и черезъ часъ возвратиться. Проѣзжали также: мадамъ де Кракови, Графъ Мнишекъ съ супругою и Г-жа Грабовская.

Декабря 13. До обѣда Его Величество занимался чтеніемъ писемъ и газетъ, а послѣ обѣда разсматриваніемъ, присланныхъ изъ Варшавы, отъ Бачьяреллія, плановъ съ разныхъ Римскихъ зданій. [89] Пріѣхалъ изъ Бѣлаго Стока Староста Соколовскій и остановился въ Мейзеровскомъ домѣ, у Бургграбія.

Декабря 14. Въ 9 часу по утру пріѣхалъ къ Его Величеству Г. Лебіеркесъ и пробылъ полчаса. Въ 12 часу Король изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Обѣдали у него: Генералъ-Порутчики Графы Безбородко и Михельсонъ.

Декабря 15. По утру Его Величество занимался изготовленіемъ писемъ въ Варшаву; послѣ обѣда изволилъ играть въ билліардъ и препроводить послѣднее время дня въ чтеніи книгъ.

Декабря 16. Въ 11 часу утра Его Высочество, съ мадамъ де Кракови и Полковникомъ Гордономъ, изволилъ выѣзжать прогуливаться по Езерской дорогѣ, къ деревни, именуемой Путрыш-

---

[89] Собираясь въ Петербургъ, по вызову Императора Павла, Станиславъ-Августъ, кажется, намѣревался перевезти туда изъ Варшавы свою библіотеку и другія вещи; по крайней мѣрѣ, передъ отъѣздомъ, ему высылались изъ Варшавы книги, каталоги и кабинетныя вещи.

ки, и чрезъ часъ возвратиться. Обѣдалъ у него сынъ Подскарбія Дзяконскаго; послѣ обѣда пріѣзжалъ къ Королю Г. Бржостовскій.

Декабря 17. Его Величество препроводилъ все утро въ чтеніи и писаніи; послѣ обѣда изволилъ играть въ биліардъ и потомъ выходить на терасъ, гдѣ, походивъ мало времени, удалился въ свои покои.

Декабря 18. Обѣдали у Короля: Генералъ-Порутчики Графы Безбородко и Михельсонъ, а также Г. Бржостовскій.

Декабря 19. Пріѣзжали въ разное время къ Королю: Господа Война и Бржостовскій. Послѣ обѣда Его Величество препроводилъ время въ отправленіи писемъ въ Варшаву.

Декабря 20. Въ 3 часу по полуночи отъѣхалъ въ Жижморы Староста Соколовскій, по подорожной Графа Безбородка. Его Величество по полудни занимался чтеніемъ газетъ и писемъ, полученныхъ изъ Варшавы и прочихъ заграничныхъ мѣстъ, а въ вечеру отправленіемъ въ Вѣну къ Князю Іосифу Понятовскому, [90] Адъютанта своего, Полковника Гордона, который того жъ времени и отъѣхалъ туда, по подорожной Графа Безбородка.

Декабря 21. Въ 12 часу утра изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Обѣдали у него: Графъ Безбородко, Господинъ молодой Хребтовичъ и Бржостовскій съ женою.

Декабря 22. Въ 12 часу утра Его Величество выѣзжалъ прогуливаться, и чрезъ часъ возвратился. Пріѣхала изъ Бѣлаго Стока Г-жа Вольская и остановилась у мужа своего, Шамбеляна, въ Новомъ замкѣ.

Декабря 23. Предъ обѣдомъ и послѣ Его Величество занимался чтеніемъ полученныхъ писемъ и газетъ. Обѣдалъ у него Польскій Генералъ-Маіоръ Ельскій, послѣ обѣда у Короля былъ

---

[90] Котораго Императоръ Павелъ осыпалъ милостями: возвратилъ ему конфискованныя имѣнія, сдѣлалъ Полковникомъ кирасирскаго полка и вызывалъ въ Петербургъ. Станиславъ-Августъ пламенно желалъ, чтобы племянникъ пріѣхалъ, посылалъ къ нему одного курьера за другимъ и оттягивалъ свой выѣздъ изъ Гродна, воспослѣдовавшій $^{4}/_{15}$ Февраля, 1797 г., въ напрасномъ ожиданіи Іосифа: но этотъ послѣдній, проживая въ Вѣнѣ, не смотря на просьбы дяди и совѣты нѣкоторыхъ друзей, въ Петербургъ не поѣхалъ, отговариваясь ранами и написавъ къ Императору Павлу почтительное, вѣрноподданическое, письмо, содержащее въ себѣ и причину отказа.

Г. Бржостовскій. Прибыла изъ Варшавы брика съ провизіею для Королевскаго двора.

Декабря 24. Его Величество все утро препроводилъ въ чтеніи книгъ. Обѣдалъ у него Генералъ-Порутчикъ Михельсонъ, и отклагался предъ отъѣздомъ своимъ въ Херсонъ.

Декабря 25. Въ 11 часу по полуночи прибылъ изъ Варшавы Великій Коронный Конюшій Кицкій. Обѣдали у Короля: Генералъ-Порутчикъ Графъ Безбородко, Господа Бржостовскій съ женою и Шидловскій.

Декабря 26. Въ 11 часу утра Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню, по окончаніи коей воротился въ свои покои. Кушалъ у него Господинъ Орловскій. Пріѣхали во дворецъ: Бржостовскій къ Королю, Шидловскій и старшій сынъ Княгини Волконской къ Г-жѣ Грабовской.

Декабря 27. Обѣдали у Короля: Генералъ-Маіоръ Князь Лобановъ-Ростовскій, гвардіи Порутчикъ Князь Волконскій, Господа Орловскій, Шидловскій и Бржостовскій. Послѣ обѣда Его Величество занимался чтеніемъ писемъ и газетъ.

Декабря 28. Въ 12 часу по утру Его Величество изволилъ ходить въ придворную церковь слушать обѣдню. Пріѣзжали къ нему передъ обѣдомъ: Господа Янсенъ и Дзяконскій.

Декабря 29. Пріѣзжалъ по утру къ Королю, прибывшій изъ Курляндіи, Шамбелянъ Голштейнъ. Въ 12 часу Его Величество, съ мадамъ де Подоли, Госпожею Грабовскою и Канцлеромъ Хребтовичемъ, изволилъ выѣзжать прогуливаться за городъ, возвратился чрезъ часъ. Былъ у него вторично Шамбелянъ Голштейнъ и оставался обѣдать. Прибыли изъ Варшавы: Секретарь Антонъ Понятовскій, Староста Рыксъ, Господа Кавенскій и сынъ Брюннета.

Декабря 30. Въ 12 часу Его Величество изволилъ ходить къ Госпожѣ Грабовской, гдѣ, пробывъ съ ¼ часа, возвратился въ свои покои. Обѣдала у него Госпожа Ляхницкая. Дана отъ Графа Безбородка сыну Литовскаго Канцлера, Графа Хребтовича, подорожная въ Пруской кордонъ до Краснаго Бору и обратно до Гродна.

Декабря 31. Его Величество все утро препроводилъ въ чтеніи книгъ; послѣ обѣда долго изволилъ оставаться въ боль-

шой залѣ и разговаривалъ съ своими придворными; вышедъ оттуда, занимался нѣсколько времени игрою въ биліардъ, и потомъ удалился въ свой кабинетъ. [91]

---

[91] Весь этотъ и слѣдующій мѣсяцъ прошли въ сборахъ Короля и его двора для путешествія въ Петербургъ, куда призывалъ Станислава-Августа Императоръ Павелъ, и куда Польскому Королю не хотѣлось ѣхать. Князь Репнинъ съ 6-го Ноября въ Гроднѣ уже не показывался. Онъ въ это время жилъ въ Петербургѣ, откуда въ Генварѣ былъ посланъ во внутреннія Губерніи, для усмиренія возставшихъ крестьянъ. Безбородко и Фризъ, въ отсутствіи Генералъ-Губернатора, безпрестанно извѣщали его письмами о послѣднемъ Королѣ Польскомъ; этѣ переписки, конечно, упразднили необходимость въ журналѣ за Генварь 1797 г. Станиславъ-Августъ умеръ въ нашей сѣверной столицѣ.

ОПЕЧАТКИ.

Коегдѣ напечатано: Брестовскій, Бышевскій, Лохницкій, Симоновскій, вмѣсто: Бржостовскій, Збышевскій, Ляхницкій и Шимановскій.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

ГАЛИЦКОЙ И УГОРСКОЙ РУСИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

РАЗНОЧТЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

ГАЛИЦКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

I

ДУМЫ.

А. БЫЛЕВЫЯ.

а) Воспѣвающія дѣянія народныя Козацкія.

1.

Перебійнôсь.

(Ср. Метлинскаго 399, Кулиша Записки I, 271.)

Не дивуйтеся, добры люде,
Що на Вкраинѣ повстало,
Ой за Дешевомъ, пôдъ Сорокою,
Множество Ляхôвъ пропало!

Перебійнôсь водитъ не много,
Сѣмь сотъ Козакôвъ съ собою,
Рубае мечемъ головы съ плечей,
А решту топитъ водою.

Ой пійте, Ляхи, воды калужй,
Воды калужй болотняныи,
А що пивали по той Украинѣ
Меды та вина сытныи.

Зависли Ляшки, зависли,
Якъ чорна хмара на Вислѣ;
Ляцкую славу загнавъ подъ лаву,
Самъ бравый Козакъ гуляс.

Нуте, Козаки, у скоки,
Заберѣмося подъ боки,
Заженѣмъ Ляшка, вражого сына,
Ажъ за той Дунай глубокій.

Дивуютъ Ляхи, вражіи сыны,
Що ти Козаки вживаютъ,
Вживаютъ они щуку рыбаху.
Ще й соломаху зъ водою.

Ой чи бачъ, Ляше, якъ Козакъ пляше,
На сивомъ коню горою:
Мушкетомъ бере, ажъ серце вяне,
А Ляхъ водъ страху вмирае.

Ой чи бачъ, Ляше, що по Случъ паше,
По Костяную могилу:
Якъ не схотѣли, забунтовали,
Та й утеряли Вкраину.

Ой чи бачъ, Ляше, якъ панъ Хмельницкій
На Жовтомъ пѣску подбився:
Водъ насъ, Козаки, водъ насъ, юнаки,
Ни одинъ Ляшокъ не скрывся.

Нуте жь, Козаки, у скоки,
Заберѣмося въ боки:
Загнали Ляховъ за рѣчку Вислу,
Що не вернутся и въ три роки!

(Записана въ Тернопольскомъ Уѣздѣ.)

2.

Нечай.

(Срав. I, 6.)

Ой у Красномъ на ставочку
Туманъ осѣдас,
Чатовали Козаченьки
У зеленомъ гаю.

Ой поставивъ Козакъ Нечай
Та сторожи въ мѣстѣ,
А самъ пошовъ до кумоньки
Звонокъ рыбы зъѣсти.

Та вонъ засѣвъ коло стола,
Зъ дробна промовляє,
А съ кумою изъ любою
Медъ, вино кружає.

Ой заржали кониченьки
Та посередъ гаю,
Кличе Козакъ молоденькій:
«Утекай, Нечаю!» —

«Якъ я маю, Козакъ Нечай,
Зводси утекати,
Славу свою Козацькую
Марне потеряти.» —

«Стережися, мой Нечаю,
Студеной воды,
Ѣде Ляховъ хоть сто тысячъ,
Хорошои вроды.»—

«А я Козакъ Запорожець,
Ляховъ не боюся,
Ой маю я Козаченьковъ,
Та й оборонюся.» —

«А я тебе, мôй Нечаю,
Не убезпечаю,
Держи собѣ шабелёчку
Та пôдъ опанчею.» —

«Кульбачъ, хлопче, коня собѣ,
Мѣнѣ вороного,
Ѣде Ляхôвъ хоть сто тысячъ,
Еще то не много.» —

Гей не встигъ же Нечаенко
На коника всѣсти,
Оглянется назадъ себе,
А вже Ляхи въ мѣстѣ.

Ударився Нечаенко
По полахъ руками,
Сюда гляне, туда гляне —
Тече кровъ рѣками.

Ой кинувся Козакъ Нечай
Вôдъ башты до башты,
Ой зачавъ же вôнъ тыхъ Ляхôвъ,
Якъ снопами класти.

Ой кинувся Козакъ Нечай
Вôдъ брамы до брамы,
Оглянувся позадъ себе —
Тече кровъ рѣками.

Ой спôткнувся Козакъ Нечай
На хмѣль, на тычину,
Злапавъ ёго панъ Борейко
Съ заду за чуприну:

«На день добрый, Козакъ Нечай!
Якъ ся намъ тутъ маешъ?
Що жъ ты собѣ лишь погадавъ,
Вже въ рукахъ зôстаешъ?

А где жъ твоя, Козакъ Нечай,
Хорошая жёнка?» —

«Ой у пана у Гетьмана
Сидить якъ Жидовка.» —

«А где жъ твои, Козакъ Нечай,
Хорошіи дѣти?» —
«Ой у пана у Гетьмана,
Якъ ружовы квѣты.» —

«А где жъ твои, Козакъ Нечай,
Вороныи конй?» —
«Ой за гаемъ, за лунаемъ,
Стоятъ на припонѣ.» —

«А где жъ твои, Козакъ Нечай,
Малёваны скрини?» —
«Ой забрали тотй Ляшки,
Що пасали свини.» —

«А вы, хлопцй, та й молодцй,
Поклонѣться жёнцѣ:
Поклонѣться, перекажѣть,
Нещасной невѣстѣ:

Має она сукни, має,
Має и блаваты,
Нехай пріѣзжае, та Нечая
Изъ неволи выкупляти.» —

«Не хочемъ мы, Козакъ Нечай,
Твоихъ суконъ, ни блаватовъ,
Тôлько хочемо мы тебе
На макъ порубати.» —

Чи не той то хмѣль хмелевый,
Що въ меду купався,
Чи не той то Козакъ Нечай,
Що зъ Ляхами грався?

Чи не той то хмѣль хмелевый,
Що по тыкахъ вьется,
Чи не той то Козакъ Нечай,
Що зъ Ляшками бьется?

Не вважали вражи Ляхи
На хорошу вроду:
Драли тѣло по кусочку,
Пускали на воду.

(Записано отъ слѣпца лирника, Ѳомы Зеленчука, въ Золочевскомъ Уѣздѣ.)

3.

О томъ же.

(Въ другихъ мѣстахъ таковъ конецъ:)

Гей изнѣсся Нечаснко
А въ бо̀ръ на тичину,
Щобы ёго панъ Зборовскій
Не взявъ за чупруну.

Гей изнѣсся Нечаєнко
По̀дъ млынъ на тичину,
Щобы ёго панъ Потоцькій
Не взявъ за чуприну.

Але и тамъ Нечаєнка
Та на стовпъ убито,
Чорненькою китайкою
Оченькы прикрыто.

4.

О томъ же.

(Ср. I, 97; II, 592; Жег. Науки I, 145.)

Уже три дни й три недѣли,
Якъ Нечая въ во̀йнѣ вбили,
Надъ нимъ коникъ зажурився,
Копытами въ землю вбився:

«Не стой надо мною,
Бо я вижу вѣрность твою;
Бѣжи, коню, дорогою,
Зеленою дубровою;
Якъ прибѣжишь до домочку,
Склони свою головочку,
Та ударь ты копытами
Передъ нашими воротами:
Выйде отець—утѣшится,
Выйде мати—засмутится:
«Где жь ты подѣвъ, коню, Йвана,
Мого сына, свого пана?»—
«Насъ Поляки сдогонили,
Твого сынка съ собой взяли.
А ты, мамко, не журися,
Уже твой сынъ оженився:
Взявъ вонъ собѣ дружиночку,
Высокую могилочку,
Высокую могилочку, —
Зеленую муравочку.

(Записана въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

5.

Михай.

(Отрывокъ; ср. I, 22, 98; II, 600; Метл. 447.)

Доломъ, доломъ, долинами,
Идутъ Турки съ Татарами,
А за ними возъ укрытый,
А въ томъ возѣ панъ убитый,
Передъ ними Турчинъ ѣде,
Въ правой руцѣ палашъ держитъ,
Держитъ палашъ въ правой руцѣ,
Въ правой руцѣ, на китайцѣ;
А зъ палаша кровця кане,

Зъ тои кровцѝ рѣчка тече,
Надъ рѣчкою воронъ краче,
Михалева мати плаче:
«Не плачь, мати, не фрасуйся,
Не дуже мя порубано,
Не дуже мя пострѣляно:
Мои ручки на три штучки,
А головка на чотыре,
Бѣле тѣло, якъ макъ мѣло.
Не плачь, мати, не фрасуйся:
Сынка твого поховано,
Вже му хатку збудовано,
И безъ дверей, безъ вôконець,
Михалеви вѣчный конець.»

6.

(Отрывокъ записан. въ с. Лучкахъ около Мукачева, въ Берегскомъ Уѣздѣ.)

Ой на горѣ кôнь Турецкій,
На тôмъ конѣ хлопець Царскій,
Въ правôй руцѣ саблю несе,
Зъ тои саблѝ кровця тече,
Зъ тои кровцѝ рѣчка плыне,
На товъ рѣчковъ верба росте,
Надъ товъ вербовъ воронъ краче,
Тото моя мамка плаче:
«Не плачь, мамко, не журися,
Не дуже я порубався:
Лемъ ручечкы на стучечкы,
Головицю на четверо.
Глядай, мамко, лѣкарочку,
Зеленую муравочку;
Глядай, мамко, довгый столець,
Бо вже мѣнѣ вѣчный конець.»

7.

Сава.

Изъ Золочевскаго Уѣзда. Ср. I, 18: II, 600—723.)

Ой бувъ собѣ та панъ Сава
Въ Миру на обѣдѣ,
Ой не знавъ конъ та не вѣдавъ
О своєй тяжкой бѣдѣ.

А пріѣхавъ та панъ Сава
До нового двору,
Пытаєся челядоньки:
«Чи с гараздъ въ дому?»—

«Гараздъ, гараздъ, пане Саво,
Счаслива година:
Породила наша панї
Хорошого сына.» —

Сѣвъ панъ Сава конець стола,
Дробнї листы пише,
А Савиха молодая
Дитину колыше.

«Поди, хлопче, до пивницї,
Вточи ми горѣлки,
Най ся напью за здоровьє
До своєи жёнки!

Поди, хлопче, до пивницї,
Вточи мёнѣ вина,
Най ся напью за здоровьє
До своєго сына!

Поди, хлопче, до пивницї,
Вточи мёнѣ меду:
Чогось мёнѣ тяжко, нудно,
Головки не зведу.» —

Пòшовъ хлопецъ до пивницѝ.
На порòгъ ступає,
А вже Козакъ молоденькій
У двòръ уѣзжає.

«На день добрый, пане Саво!
Якъ ся намъ ту масшь?
Далекіи гостѝ масшь,
Чимъ же ихъ пріймаешь.» —

«Пріймавъ бымь васъ медомъ, виномъ,
Не схочете пити,
Либòнь бо вы пріѣхали
Мене загубити.» —

А кинувся та панъ Сава
До ясного меча, —
Взяли Саву на три списы
Та зъ правого плеча.

А кинувся та панъ Сава
До яснои зброи, —
Взяли Саву на три списы,
Вынесли зъ покою.

«А ну, хлопцѝ молодцѝ,
Въ гору пòдносѣте,
А изъ Савы, изъ собаки,
Кости принесѣте!

А де жъ твои, пане Саво,
Сукнѝ, адамашки» и проч.

Не боится Козаченько
Нѝ грому, нѝ тучи,
Хорошенько въ кобзу грає,
До Савихи йдучи.

(Записана отъ слѣпца лирника Ѳомы Зеленчука въ Золочевск. Уѣздѣ.)

8.

О томъ же.

(Изъ Гуцуловъ. Ср. I, 18; II, 600.)

Бувъ панъ Сава на панскòмъ обѣдѣ,
Вòнъ несчювавъ, шо вòнъ буде у великòй бѣдѣ.

«Сѣдлай, хлопче, собѣ коня, мѐнѣ вороного,
Пòдемъ, пòдемъ, до Гуманю, до покою свого.»—

Пòшли они до Гуманѝ до покою свого,
Пытаетсе челядочки, ци не чюти чёго,

«Ой все миромъ, пане Саво, неслава се стала,
Ваша жона, наша панѝ, кежкѝ муки мала.»—

«Наточѝ ми, хлопче, горѣвки та меду,
Екій кежѐнь ми на души, головки не зведу.»—

Не наточѝвъ горѣлочки съ першеи пивницѝ,
Ой налегло гайдамашкòвъ повно у свѣтлицѣ.

Сидитъ Сава коло стола, дрòбне листьє пише,
А Козачёкъ неборачёкъ дитинку колыше.

«Ай та люлю, ай та люлю, ай та люлю, враже,
Черезъ тебе, сатаночку, вся Вкраина ляже.»—

А кинувсе та панъ Сава до єснои речи,—
Уфатили пана Саву по пòдъ бѣлѝ плечи.

А кинувсе та панъ Сава до єснои зброи—
Уфатили пана Саву та на списъ идъ горѣ.

«Ой хотѣвъ ты, пане Саво, на свѣтѣ тревати,
Було не йти до Мерѣвки церквы розбивати.

А де твои, пане Саво, бѣлѝ сорокòвцѝ?»—
«Ой забрали тоты хлопцѝ, шо пасали вòвцѝ.»—

«А де твои, пане Саво, жòвтѝ та червонѝ?»—
«Ой забрали тоты хлопцѝ, шо пасали кони.—

А де твои, пане Саво, вороніи коній?»—
А въ мѣстечку Берѣздечку стоє на припонѣ.»—

«А де твои, пане Саве, малёваній возы?»—
«А въ мѣстечку Берѣздечку заточенї въ лозы.»

«А де твои, пане Саво, дрѣбненькіи дѣти?» —
«А въ мѣстечку Берѣздечку якъ ружанї цвѣты.»

(Зап. мною въ Криворовнѣ Коломыйскаго Уѣзда.)

9.

(Ср. I, 24.)

Ой була, була, вдова молода,
Сидѣла она по конець стола,
Ой мала, мала, сына Василя,
Якого мала, выгодовала,
Коня купила, до войны дала.
Найстарша сестра коня вывела,
А середуща зброю вынесла,
А наймолодша лѣску втворила:
«Ой брате, брате, ой ты, брате нашъ,
Коли ся вернешь въ гостину до насъ?»—
«Ой выйди, сестро, на круту гору,
Та подивися на быстру воду,
Та якъ тамъ буде камѣнь плавати
Тогды будемо зъ войны вертати.»
Ой выйшла сестра на круту гору,
Та подивила на быстру воду,
«Всѣ новобранцї вже зъ войны йдутъ,
Нашого брата лишь коня ведутъ.
Ой новобранцї, вы всѣ въ разъ пошли,
Где жь вы нашого брата лишили?»—
«Турки, Татаре, голову стяли,
Мы грѣшне тѣло въ землю сховали,
А срѣбну зброю за погрѣбъ дали,
Коня вороного въ знакъ привели.»

(Запис. въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

10.

Ревуга.

(Ср. Макс. 1834, 82; Метл. 374.)

Ой нашъ батько Ревуга красны кони мае,
Якъ си сяде на одного, якъ море гуляе.

Грай, море, Бѣле море, Чорне море,
Гала, гиды, га!
Гала, гала, гала, гала!
Гала, гиды, га!

Жадна птиця на воздухахъ не докаже того,
Що нашъ батько Ревуга доказуеть много.

Грай, море, Бѣле море и пр.

О выѣхавъ Ревуга на конѣ гуляти,
Перевѣсивъ черезъ себе свой сердакъ багатый. *

Грай, море, Бѣле море, и проч.

То съ карого на гнѣдого къ земли припадае,
Для своеи любезнои цвѣточки збирае.

Грай, море, Бѣле море, и пр.

Не знавъ батько Ревуга, якъ имя кобылѣ,
Ахъ-Тамйра-Бахтырахъ на цѣле Подо́лье.

Грай море, Бѣле море, и проч.

Ой ты, гулька, моя мила, якъ на тебе сяду,
Носи жь мене по всѣмъ свѣтѣ, я съ тебе не спаду.

Грай, море, Бѣле море, Чорне море,
Гала, гиды, га!
Гала, гала, гала, гала!
Гала, гиды, га!

(Зап. въ Тернопольскомъ и Золочев. Уѣздахъ.)

---

* Другіе поютъ: «Перевѣсивъ черезъ плечи сагайдакъ багатый.»

ДУМЫ

б) О событіяхъ обыкновенныхъ лицъ.

1.

(Ср. т. I, 62.)

Цы чули вы, люде добрѝ, о такой новинѣ,
Що убито Петруся у мѣстѣ Жулинѣ,
А за тоту паню, що вна пана мала,
Зъ великого панства хлопа си кохала?
Кохала вна го три четверти року,
Доки ся не дознали панскѝ слуги зъ боку.
Якъ они ся дознали, взяли засѣдати:
«Чо тобѣ, Петрусю, такъ съ часта бувати?» —
«Не хотѣвъ я ту бути, сама паня слала,
На одно̀й годинѣ сѣмь слугòвъ прислала,
А за осьмымъ разомъ сама пріѣхала.» —
Догоняютъ пана на яловòмъ мостѣ:
«Вертай, пане, до домоньку, є въ ѐй мостѝ гостѝ!» —
«Не доказуй, не доказуй, ты мòй слуго того,
Моя паня вельможная, шляхетного роду.» —
«Якъ менѣ, вѣрному слузѣ, мòй пане, не вѣришь,
То ми своєвъ шабелькою въ голову вòдмѣришь.» —
Ой вернувся та панонько зъ великой дороги,
Та застає свою паню съ Петрусёмъ въ коморѣ.
А вдарився бѣдный Петрусь по полахъ руками:
«Ой, пани моя ласкавая, пропавъ же я зъ вами!
Ой дати бы, дати, до матѐньки знати,
Щобы прійшла матѐночка сына поховати.» —
Нѝ отецъ, нѝ мати, Петруся ховала,
Ай Жулинска паня грòшьми посыпала.

2.

(Ср. т. I, 45.

Ходитъ Турчинъ по рыночку, гей, мори, мре!
Та торгуе дѣвку Руску, серце мое!
Дае за нію сто червоныхъ, гей, мори, мре!
Та взявъ вонъ ю за рученьку, серце мое!
Привевъ вонъ ю до комнаты, г., м., м.
А самъ си сѣвъ въ карты грати, с. м.
Казавъ ей йти по горѣлку, г., м., м.
«Дай горѣвки не мѣривши,» — с. м.
«Давай гроши не лѣчивши!» — г., м., м
Сама сѣла та й думае, с. м.
«Що ты, мила, що думаешь? г., м., м.
Що ты, мила, що думаешь?» — с. м.
«Ой мала я чтыри братей, г., м., м.
Ой мала я чтыри братей, г. м.
Еденъ пошовъ Туреччиновъ, г., м., м.
Другій пошовъ Московщиновъ, с. м.
Третій пошовъ въ свѣтъ за очи, г., м., м.
А четвертый не выдума, с. м.
Отець, мати не видѣли, г., м., м.
Отець, мати не прощали, с. м.
Якій теперь свѣтъ наставъ, г., м., м.
Що братъ сестру не познавъ, с. м.

3.

Немирóвна.

(Ср. Метл. 284: Вацл. изъ Олеська 315.)

Ой роспилася Немирóва на меду,
Та й пропила свою доньку молоду.
У недѣлю пораненько зъ всходъ сонця,
Сидитъ, плаче, Немирóва въ вóконьци:
«Що я таке, старенькая, зробила,

Що я свою рôдну доньку пропила?»
Утѣкала Немирôва по при млынъ, млынъ,
За невъ, за невъ, панъ Шенкевичъ самъ одинъ
Чо вôдъ мене, Немирôвна утѣкаѣшь?
Чи ты мене, Шенкевича, не знаешь?» —
«Не втѣкаю, Шенкевичу, али йду,
Бо я тебе, Шенкевича, не люблю.» —
Утѣкала Немирôва по при плôть,
За невъ, за невъ, панъ Шенкевичъ самотрѣть.
«Чо вôдъ мене, Немирôвна, боса йдешь,
Чи ты въ мене черевичкôвъ не маешь?—
«Є у мене черевичкôвъ все двое
Но ты молодъ не до красы до моєй.» —
«Чо вôдъ мене, Немирôвна, нага йдешь?
Чи у мене дорогихъ суконъ не маешь?—
«Ой є у мене дорогихъ суконь все двое,
А ты молодъ не до красы до моєй »—
«Чо водъ мене Немирôвна пѣшки йдешь,
Чи ты въ мене вороныхъ коней не маешь?» —
Є у мене вороныхъ коней все двое,
А ты молодъ не до красы до моєй.»—
Ой присливъ Немирôвну до коня:
Теперь ты мôй, Шенкевичу, я твоя.—
«Суда, суда, сивый коню, лугами,
Та й рознеси Немирôвну тернами!»—
«Ой дай же ми, Шенкевичу, ясный мечъ,
Най выберу чорне терньe зъ бѣлыхъ плечъ!»—
Якъ она той ясный мечъ дôстала,
Заразъ си го у серденько загнала.
«Вези мене, Шенкевичу, до вôтця,
Отворить ти стара мати ворôтця.»—
Отворила стара мати, не чула:
«Ой вѣдей ты, моя дочко, заснула;
Ой вѣдей ты, моя донько, дрêмала,
Що ты собѣ у серденько той мечь загнала.»—

(Записана въ с. Раковцѣ надъ Днѣстромъ, въ Коломыйскомъ Уѣздѣ.)

4.

(Ср. I, 77.)

Ой ходила Маруненька по валу,
Та кликала Ивасенька по малу:
«Ой по малу, Ивасеньку, говори,
Щобъ не вчула стара мати зъ коморы.» —
Ой учула стара мати зъ коморы:
«А съ кѣмъ же ты, Маруненько, говоришь?»—
«Съ кухарками, моя мати, говорю:
Выправляю до кириницѝ по воду.»—
«Ой є въ мене медъ, вино, напійся,
Ой є въ мене пшеничный хлѣбъ, живися,
Ой є въ мене бѣла постѣль, проспися,
Ой є въ мене садъ вишневый, пройдися!» —
Ой а въ той часъ матуненька заснула,
Мариненька съ Ивасемъ дуйнула.
Ой устала стара мати раненько,
Побудила челядоньку борзенько:
«Ой вся моя челядонька освила,
А не всвила Маруненька дитина.
Запрягайте, сыны мои, воронѝ конѝ,
Та бѣгайте за Марусевъ въ погонѝ.»—
Догоняютъ Маруненьку въ пôвъ моря:
«Вертай, наша Марунѐнько, до дому!»
«Не на тонь ся, мои братья, выбрала,
Та щобы я до домоньку вертала.
Ой лишила я слѣдоньки по двору,
Ой лишила я слѐзонки по столу,
Ой лишила я ключики въ пивницѝ,
Ой лишила я вѣночокъ зъ главыцѝ.
Що ся моя мати на вѣнокъ погляне,
То все она свою долю спомяне:
«Ой десь моя Маруненька, дитина,
Що она го въ тôмъ вѣночку ходила.»

(Записана въ Золочевскомъ Уѣздѣ.)

5.

(Ср. I, стр. 77.)

Ой надъѣхавъ Ивасенько съ Подо́ля,
Задро́жала сыра земля отъ коня,
Задро́жала сыра земля во́тъ него,
Ажь во́дпала по́дко́вочка съ по́дъ него;
Ой во́дпала по́дко́вочка съ по́дъ коня,
Ой сталася съ Ганусеньковъ розмова;
Чула тое матусенька зъ коморы:
«А съ кѣмъ же, донусенько, говоришь?»—
«Съ кухарками, матусенько, говорю,
Выправляю по водицю до морю.»—
«На що жь тобѣ, моя доню, водицю́?
Ой маєшь ты солодкій медъ, напійся,
Ой маєшь ты пшеничный хлѣбъ, живися,
Ой маєшь ты бѣле ложе, проспися,
Ой маєшь ты садъ вишневый, пройдися!»—
«А все тото, матусенько, ни́ за що,
Бо я маю мешканьечко ледащо.» —
Ой якъ уся челядонька заснула,
Ганусенька съ Ивасенькомъ дуйнула.
Ой устала матусенька раненько,
Побудила челядоньку пилненько.
«А вся моя челядонька освила,
Лишь не всвила Ганусенька дитина.
Упрягайте, сыны мои, коні́ воронї́,
Та ѣдьте вы за Ганусевъ въ погонѣ!»—
Догонили Ганусеньку въ по́въ бору:
«Вертай съ нами, сестро наша, до дому.»—
«Не на то я ся, два братчики, выбрала,
Та що бы я до домоньку вертала.
Поклонѣтся матѣнонцѣ одъ мене,
Най не сушитъ головоньки за мене;
Поклонѣтся, два братчики, сестрицѣ,
Лишила 'мь єй два вѣночки въ пивницѣ.

Що сестриця на вѣночки погляне,
А все мене молоденьку спомяне:
А где сь моя сестриченька якъ ружä,
Якъ у чужôй сторонцѣ калужä,
А где сь моя сестриченька золота,
Якъ у чужôй сторононцѣ сирота.

(Записана въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

6.

(Ср. I, стр. 77.)

Высунулася чорна хмара зъ за горы,
Ѣде, ѣде, Козаченко на конѣ;
Ой пôдъѣхавъ Козаченько пôдъ хату,
Дала му Марысенька бѣлу ручку витати:
«Но тихенько, Марысенько, говори,
Щобъ не чула стара мати зъ коморы.»—
Ой учула стара мати зъ коморы:
«А съ кимъ ты тамъ Марысенько, говоришь?»—
«Съ кухарками, съ челядкою, говорю,
Посылаю съ коновками по воду.»—
«На що жь тобѣ, Марысенько, та вода?»—
«Напитися и вмытися и на все треба.»—
«Ой маешь ты, Марысенько, медъ солодкій, напійся,
Ой масшь ты, Марысенько, вино чисте, умыйся,
Ой масшь ты постêль бѣлу, проспися,
Ой маешь ты садъ вишневый, пройдися!»

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

7.

(Ср. I, 59; II, 602.)

Ой летѣла зазуленька зъ гаю до села:
«Чому жь наша шинкарочка смутна, невесела?
Чому жь она не весела, на серденьку чуе?
Ой бо ей молодъ шинкарь дома не ночуе.

«Ой втѣкаймо, пане брате, та изъ тои хаты,
Най лягає молодъ шинкарь съ шинкарочковъ спати!»
Она лягла на запѣчокъ, а вонъ на припѣчку,
А якъ же вонъ твердо заснувъ, засвѣтила свѣчку:
А якъ свѣчку засвѣтила, та стала гадати:
Чи го маю порубати, чи ще зачекати.
Якъ го взяла межи очи, ажь кровъ вся блюзнула:
«Теперь я ся, молоденька, вороженька сбула!»
Ой втѣкала до матоньки, та на заднй дверцй:
«Ой отвори, матуненько, не ма въ мене серця!»
Мати дверй отворяла, та й ся догадала:
«Чи не ты то, суко доню, сама зарубала?
Якъ же ты го зарубала, не будешь ты жити,
Лише подешь, суко доню, въ сыру землю гнити!»

8.

(Т. I, стр. 56.)

Сеи ночи о повночи, ще куры не пѣли,
Ишовъ Ивась до Марисй, люди не видѣли:
«Помагай Богъ, Марысуню, помагай Богъ, серце!» —
Она ему отповѣла: «Забѣй жѣнку першу!»—
«Якъ же мѣнѣ, Марысуню, слюбну жѣнку бити?
Слюбна жѣнка, якъ ластовка, буде ся просити.»—
«Забѣй каглу, забѣй пару, скажешь загорѣла,
«Заведи ѣ въ лѣсы темнй, скажешь, що вздурѣла.»—
Завѣвъ еѣ въ лѣсы темнй, зачавъ ей лишати,
Слюбна жѣнка, якъ ластовка, зачала плакати:
«Та не жаль ми, Ивасуню, себе молодои,
Але жаль ми, Ивасуню, дитинки малои.
Та не жаль ми, Ивасуню, що я буду гнити,
Але жаль ми, Ивасуню, съ кимъ ты будешь жити.»
Сеи ночи о повночи вже куры запѣли,
Ишовъ Ивась до Марысй, люди вже видѣли:
«Ой дамъ я ти, Марысуню, коня вороного,
Поди, поди, та приведи пріятеля мого!»—

«Шкода́, шкода, Ивасуню, коня вороного,
Якъ не було, такъ не буде, пріятеля твого.»—
«То я дамъ ти, Марисуню, набитую скриню,
Лише по́ди, приведи ми пріятельку мою!»—
«Шкода, шкода, Ивасуню, набитои скрині,
Ой не було, та й не буде, вже въ тебе газдині.»

9.

(Ср. I, стр. 84.)

А у мѣстѣ, въ крайно́мъ домѣ,
Пили, пили, Козакове,
Пили, пили, не платили,
Шенкарочку по́двовили:
«Сядай, сядай, Касю, зъ нами,
На той возокъ малёваный!»—
«Я бы зъ вами поѣхала,
Бымъ ся мамы не бояла.»—
Кася на маму не вважала,
Съ Козаками поѣхала:
«Вставай, мамо, до кудели!
Шукай Касю по постели!»
А сусѣда повѣдала,
Що вже Каська поѣхала:
«А вставайте, сыны мои,
Доганяйте сестры своєй!»
Гнали, гнали, не догнали,
Ажъ въ Варшавю спо́знали:
Ходитъ Кася по рыночку,
Носитъ дитя въ подолечку:
«На добрый день, сестро наша!
Где 'сь подѣла швагра Ася?»—
«Сидитъ Ясе́ въ покоику,
Піе вино съ пахоликомъ.»—

«Пôди, Касю, до пивницѝ,
Вточи вина три скляницѝ!»
Закимъ Кася съ виномъ прійшла,
За той часъ зъ Яся душа выйшла.

10.

(Ср. I, 73, 187 и II, 57.)

А у полю тернина
Бѣлымъ цвѣтомъ зацвѣла,
А съ пôдъ тои тернины
Выйшла вдова молода;
Выйшла вдова молода,
Породила хлопцѣвъ два;
Якъ она ихъ вродила,
Въ чорный китай завила;
Въ чорный китай завила,
Та й на воду пустила.
А на семôмъ та року,
Выйшла вдова по воду,
А два хлопцѝ надплываєˊ,
И до неи промовляє:
«Ой ты, вдово молода,
Та прійми насъ хлопцѣвъ два!»—
«Ой я вдова молода,
Прійму я васъ хлопцѣвъ два:
За одного сама йду,
За другого дочку шлю.
А въ суботу звѣнчали,
А въ недѣлю слюбъ дали.
«Ой ты мила, миленька,
Та личенькомъ бѣленька!
Скажи жь менѣ правдочку,
Якого ты родочку?»—
«А я зъ мѣста мѣщанка,

На прозвище Вôрмянка.»—
«А я зъ мѣста мѣщанинъ,
На прозвище Вôрмянинъ.»—
Бодай ненька не жила,
Сестру съ братомъ звѣнчала!

(Записана въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

11.

(Къ т. I, стр. 187.)

Ой у поли тамъ теренъ,
Тамъ вôнъ выросъ самъ оденъ,
А тамъ вдова молода
Породила дупца два;
Якъ она ихъ вродила,
Въ чорный китай повила.
Въ коробочку вложила,
Въ коробочку вложила,
Въ тихій Дунай пустила.
«Вы, высоки береги,
Не стискайте ми сыны!
Вы, жовтые пѣсочки,
Кормѣть мои дѣточки!
А ты тихій, ты, Дунай,
Мои сыны не займай!»—
У дванадцятôмъ року
Выйшла вдова по воду,
Взяла вдова воду брати,
Зачавъ Дунай пôдбувати;
Зачавъ Дунай пôдбувати,
Взявъ коробецъ приплывати:
Оденъ сидитъ съ переду,
Та мругае на вдову;
Другій сидитъ изъ заду,
Та чеше си голову:

«Ой ты, вдово молода,
Чи любишь ты дунцй два?» —
«Ой я дунцй два люблю,
Та за Дунця я пôду.
За одного сама йду,
За другого дочку шлю.»
Яка теперь година,
Шла бы мати за сына!
Якій теперь свѣтъ наставъ,
Що братъ сестры не пôзнавъ!
Иди, вдово, горою,
Зостанешься росою.
Ой на горѣ бѣлый цвѣтъ,
Буде слава на весь свѣтъ!

12.

(Ср т. I, стр. 87.)

Стара панй Кинска въ дома не бувала,
Молодая Августина въ вôкнѣ розмовляла,
Розмовляла явно въ день, розмовляла въ ночи,
Все то наробили её чорнй очи.
Въ четверъ вечеръ пріѣзжае Капитанъ Московскій,
Самъ наперъ, за нимъ войско жовнярôвъ, якъ троскôвъ.
Самъ приходитъ до покою: «Добры вечёръ, пане!» —
Вôнъ до нёго зъ виномъ, зъ хлѣбомъ: «Здоровъ, Капитане!» —
«Не буду я вина пити, ни хлѣба кушати,
Ино 'мь пріѣхавъ тобѣ, пане, всю правду сказати.
Чи та панна въ тебе служитъ, чи то твоя дочка,
Та що по ню заѣхала моя повозочка?» —
«Колись хотѣвъ, Капитане, мою дочку взяти,
Було у день пріѣжджати, въ ночи не бувати.» —
Бере панну Августину и каже: «Прощайте!»
Вы, жовнѣры-солдаты, на передъ ступайте!»
Привёзъ панну Августину до нового дворку,

Самъ покинувъ Августину, самъ пôшовъ до полку.
«Ото жь тобѣ, Капитане, молодая жёнка,
Єдна въ груди, друга въ плечи, огневая стрѣлка!
Теперь тобѣ, Августино, новая кватыра:
Не слухала 'сь отца, матѣрь, слухай Официра!»

13.

(Ср. I, 87; Паул. 26.)

Ой у мѣстѣ Гусятинѣ панна Романôвна,
Розмавляла зъ Офîциромъ покôль розумѣла;
Розмавляла, розмавляла годиноньку въ ночи,
Не вôнъ сю намавляє, его чорнî очи.
А у четверъ по вечерѣ Капитанъ Московскій
Ой поставивъ коло двора Москалêвъ ажь тросты;
Самъ увôйшовъ до покою: «Прощай мене, пане!»
Вôнъ до нёго зъ виномъ, зъ медомъ: «Прощай, Капитане!»—
«На що жь ты ми дасшь пити, чи вина кушати,
Я пріѣхавъ такъ до тебе всю правду сказати.
Чи то, пане, служащая, чи то цурка твоя?
Заѣхала какъ по нею колясочка моя.»
Бере панну за рученьку: «Люде, мня прощайте!
Вы, молодî Москалики, на конî всѣдайте!»
Поѣхала Романôвна въ счастливу годину,
Зоставляє вôтця, матêрь и всюю родину.

14.

(Ср. I, 81.)

«Пахолику на конику, поѣдемо въ поле!
Здыбали мы три паненки, въ зеленôй дубровѣ:
Перша була панна Анна, друга Маріанна,
А за трéтю не повѣмъ вамъ, бо то моя сама.
А пославъ я посланчика, що она тамъ чинитъ?

В'на вьс вѣнки зъ материнки на зеленôй скринѣ.
А пôславъ я посланчика, абы слово дала,
Она на то ничъ не рекла, лишь ся засмѣяла.
А пославъ я посланчика, абы ложе слала,
В'на на тое ничъ не рекла, тôлько заплакала.
А взявъ я ёй за рученьку, взявъ я и за обѣ,
Запровадивъ чрезъ дѣдинецъ до покою къ собѣ.
Штыри свѣчки изгорѣли, нîмъ ся намовили,
Вже спалилось до пôвъ пятой, нîмъ ся положили.
А вже въ ночи о пôвночи, о третёй годинѣ:
«Оберпися, серце мое, бѣлымъ личкомъ къ мёнѣ!»—
«Не обернусь, не обернусь, бо головка болитъ,
А стратила я вѣночокъ безъ васпана воли.»

15.

(Паул. II, 8.)

Ой въ мѣстечку Берестечку стала ся новина:
Молодая Марусенька сыпочка повила,
Повила го, повила го, у бѣлî пелюшки,
Ой покинула, закинула, у Дунай глубокій:
«Плыни, плыни, дитятко, плыни вразъ зъ водою,
Чей же я си погуляю ще зъ рôкъ дѣвонькою!»
Наѣхали рыболовы та й рыбы ловити,
Не зловили щуки рыбы, но зловили дите;
Взяли тое дитятенько до пана на раду:
«Сбирай, пане Отамане, всѣхъ дѣвокъ громаду!»
Всѣ дѣвоньки, паняноньки, напередъ идутъ,
И на своихъ головонькахъ вѣночки несутъ;
Молодая Марусенька по задью иде,
На своеи головонцѣ вѣнка не несе.
«Ой матусю, матусенько, чого ты змарнѣла?»—
«Ой Марусю, Марусенько, головка болѣла.»
Всѣ дѣвоньки, паняноньки, медъ, горѣлку пьютъ:
Молодую Марусеньку передъ дворомъ бьютъ;
Ой узяли Марусеньку за бѣлыи руки,

Закинули, закинули, у Дунай глубокій:
«Плыни, плыни, Марусенько, вразъ зъ водою,
Чей же собѣ погуляешь изъ рôкъ рыбонькою!»
Молодая Марусенька уже потопае,
А на свою матусеньку еще выкрикае:
«Ой маєшь ты, матусенько, масшь дома двѣ,
Не дай же имъ розпустоньки, якъ дала 'сь мѣнѣ.
Ой маєшь ты, матусенько, маєшь дома пять,
Не пускай ихъ на досвѣтки, нехай дома спять:
На досвѣткахъ чужа хата, та на землѣ спати,
Можетъ ся имъ пригодонька, якая и стати.»

16.

(I, 73; II, 577; Наул. II, 24.)

Вандровало пахоля,
Зъ Кіева до Львова,
Вандруючи, пытаючи:
«А де корчма нова?»
Тамъ шенкарка молода:
«Шенкарочко молода,
Дай ми вина и пива!»—
«Якъ я тобѣ вина дамъ,
Коль на тобѣ злый жупанъ?»—
«Хоть у мене злый жупанъ,
Але въ мене грошій збанъ.»—
«Коли въ тебе грошій збанъ,
Я за тебе дочку дамъ.»
У избѣ ся звѣнчали,
У костёлѣ слюбъ брали,
А по тому спать клали.
«Ой ты милый, миленькій,
Якъ голубокъ сивенькій!
Уповѣжь ми правдочку,
Котрого жь ты родочку?»—
«Я нѝ зъ мѣста мѣщанинъ,

А нѝ зъ села селянинъ.
Я на прозвище Карпôвъ сынъ.»—
«Ой ты мила, миленька!
Уповѣжь ми правдочку,
Котрого жь ты родочку?»—
«Я нѝ зъ мѣста мѣщанка,
Я нѝ зъ села селянка,
Я на прозвище Карпова дочка.»—
«Бодай мати пропала!
Сестру съ братомъ звѣнчала!
Ой ты, сестро, здорова будь,
Я иду въ Божу путь,
Черчикôвъ шукати,
Грѣхôвъ сповѣдати.

17.

(I, 88; Паул. II, 10.)

Не любивъ Романъ жоны,
Изъ людскои намовины,
Казавъ еи цѣну мыти,
О пôвночи ложе слати,
О пôвночи ити спати,
О росвѣтѣ стадо гнати:
«Не жени го гостинцями,
Ано жени манôвцями!»
Романиха не слухала,
Гостинцями стадо гнала,
Здыбало ю два братчики,
Два братчики молоденьки:
«Знать ты, сестро, слугъ не маешь,
Сама стадо выгоняешь?»—
«Ой маю жь я два служенки,
Два братчики молоденьки.»—
«Сестро наша, Романова,
Скажи, чи е Романъ дома?»—
«Ой е же мôй Романъ дома,

Сидитъ собѣ конецъ стола:
Пôдѣть, ёго привитайте,
Но, васъ прошу, не вбивайте!»
Скоро до свѣтлоньки внали,
Заразъ Романа звязали,
Вывели го въ чисте поле,
Тамъ Романа порубали:
Головоньку на четверо,
Бѣле тѣло, якъ макъ зерно.
Тамъ Романôвъ коникъ грае,
Романова омлѣвае:
«На що жь вы го порубáли?
Мене 'сьте въ неславу дали?
Хоть мôй Романъ бувъ лихенькій,
Але бо вôнъ бувъ славненькій.»

18.

(Ср. I, 82.)

Ой е въ полѣ два дубы,
Схилилися до купы,
Межи тыми дубами
Тамъ вербонька стояла,
Пôдъ вербою свѣтлонька,
Въ тôй свѣтлонцѣ дѣвонька,
По свѣтлонцѣ ходила,
Косу русу чесала,
Косу русу чесала,
На молодцй моргала.
При березѣ, при морѣ,
Гулявъ Козакъ до волй;
Ой пье Козакъ, гуляе,
На молодцевъ гукае:
«А вы, хлопцй молодцй!
Скажѣть моёй дѣвонцѣ,

Най она мя не любитъ,
Най собѣ лѣтъ не губитъ:
Бо я хлопець убогій,
Сѣмь сотъ волôвъ въ оборѣ,
Сотня коней на стайнѣ,
А самъ въ синêмъ жупанѣ,
Ялôвнику безъ лйку,
А дѣвчина въ лѣтнику.»
Якъ дѣвчина то вчула,
До городця скочила,
Накопала корêнья
Зъ пôлъ бѣлого камêнья,
Мочила го въ молоцѣ,
Чаровала молодцй;
Стала корêнь варити,
Взявъ ся милый журити;
Єще корêнь не вкипѣвъ,
А вже милый прилетѣвъ:
«Ой по що жь ты прилетѣвъ,
Коли мене не схотѣвъ?»—
«Якъ же мêнѣ не лêтать,
Коли вмѣешь чаровать!»—
«Ой суть въ мене чароньки:
Бѣле личко, бровоньки.»

19.

(T. I, 65, 66.)

Ой стояла компанія Канёвского пана,
Молодая боднарôвна цѣлу нôчь гуляла;
Пріѣхавъ панъ Канёвскій, всѣмъ добранôчь отдавъ,
Молодую боднарôвну обôймивъ и поцѣловавъ.
Ой шепнули стары люде боднарôвцѣ стиха:
«Втêкай, втêкай, боднарôвно, безъ бѣды, безъ лиха!»
Ой втêкала боднарôвна до горы межами,
А за нею панъ Канёвскій съ трёма Козаками;

Догонивъ ю еденъ Козакъ, притуливъ до себе:
«Молодая боднарôвно, та жаль мѣнѣ тебе!»
Здогонивъ ю другій жовнѣръ, взявъ жаловати:
«Масшь отца, масшь матку, шкода тя рубати!»
Здогонивъ ю третій жовнѣръ, притуливъ до себе:
«Молодая боднарôвно, любитъ нашь панъ тебе.
Чи ты хочешь, боднарôвно, въ сырôй землѣ гнити,
Чи ты хочешь, боднарôвно, съ нашимъ паномъ жити?—
«Волѣю я, волѣю я, въ сырôй землѣ гнити,
Нѣжь я маю, нѣжь я маю, зъ вашимъ паномъ жити.
Въ сырôй землѣ жити буду, грѣха ся посбуду,
Съ вашимъ паномъ жити буду, грѣха ся набуду.»
Ой втѣкала боднарôвна безъ вишневы сады,
Якъ выстрѣливъ панъ Канёвскій, та одъ разу забивъ:
«Ой мала ты, боднарôвна, запаску съ мерешковъ,
Куда ею проводили, все крововъ стежковъ.
Ой мала ты, боднарôвна, жовты черевички,
Куда ею провадили, плакали сестрички.
Ой привезли боднарôвну до новои хаты,
Ой а взявъ же старый боднарь за нёвъ жаловати.
Ой вдарився старый боднарь у полы руками:
«Казавъ я ти, моя доню, не пій съ двораками!»
Ой вдарився старый боднарь у стôлъ головою:
«Наложилась, доню моя, за всѣхъ головою!»
Ой пôшли они до лѣса, нарвали барвёнку,
Такъ убрали боднарôвну, якъ до слюбу дѣвку.
Ой пріѣхавъ панъ Канёвскій, взявъ ся слугъ пытати:
«Чи тутка с боднарôвна? Я буду ховати.»
Якъ насыпавъ панъ Канёвскій та на скрыню грошій,
Казавъ си исправити похоронъ хорошій.
А въ нашеи боднарôвны малёваны лавы,
Где сидѣли въ боднарôвны вельможныи паны.
А въ нашой боднарôвны новыи одвёрки,
Ой вже не ма, и не буде, боднарôвны дѣвки!

(Изъ Золочевскаго Уѣзда.)

20.

(I, стр. 65 и 66.)

Ой у мѣстѣ у Бучачѣ
Круглый танецъ ходитъ,
Молоденька боднарôвна
Всѣмъ переди водитъ.
Але прійшовъ панъ Канёвскій,
Всѣмъ добрый день дае,
Молоденьку боднарôвну
За ручку витае.
Молодая боднарôвна
Та жарту не знала,
Ударила въ праве личко
Канёвского пана.
Изрекли êй молоденькôй
Та старенькî люде:
«Тêкай-ко ты, боднаречко!
Лихо тобѣ буде!»
Ой втêкала боднарôвна
Лугами, лугами.
Выхопився панъ Канёвскій
Зъ своими слугами.
«Хоть най кличе, хоть не кличе,
Я не его рôвня,
Ой вôнъ панъ, бо вôнъ Гетманъ,
А я боднарôвна!»
Та втêкала боднарôвна
Помеже крамницî,
А застрѣливъ панъ Канёвскій
Зъ новои рушницî.
Але несли́ боднарôвну
Та по пôдъ обопы,
Та вдарили боднарôвнѣ
Красненько у дзвоны.

Але сказавъ панъ Канёвскій
Шѣсть червоныхъ дати,
Лишень щобы боднарôвну
Красно поховати.

21.

(I, стр. 65 и 66.)

А у мѣстѣ, въ крайнôмъ дому, круглый данчикъ иде,
Молодая боднарочка на самъ передъ веде.
Прійшовъ, прійшовъ, панъ Канёвскій: «Добры день!» до хаты,
Свъ молоду боднарочку тъ собѣ пригортати:
А молода боднарочка тыхъ жертôвъ не знала,
Праву ручку выкрутила, та й поличку втяла.
Ой казали боднаречцѣ усе добры люде:
«А утѣкай, боднаречко, лихо жь тобѣ буде!»
Ой имили боднаречку, привели до хаты,
А сфативсе панъ Канёвскій свôй штуцъ набивати;
Ой ударивъ боднаречку право противъ уха —
Боднаречка се вчинила ни пьена, ни глуха.
А вдаривсе старый боднарь по столу собою:
«Наложила боднаречка за всѣ головою!»
Не стôй, коню, коло плота, не дамъ тобѣ сѣна:
А молоду боднаречку срёбна куля зъѣла.
Не стôй, коню, коло плота, не дамъ ти оброку:
Выпадали боднаречцѣ срёбни кулй зъ боку.
Взели, взели, боднаречку по пôдъ бѣлй боки,
А дунули жь боднаречку на Дунай глубокій.
Єла жь вôтти боднаречка слегка выплывати,
Та до своєй мамунечки стиха промавляти:
«А маешь ты, моя мамко, та донечокъ двѣ, двѣ,
Не дай-ко имъ таку волю, якъ есь дала менѣ!
А маешь ты, моя мамко, та донечокъ три, три,
Не пусти ихъ самыхъ въ корчму, най же дома сиде!»

А у тои боднаречки кривая мережка:
А куда єй та понесли, все кровава стежка.
А ковала зазулечка та по пôдъ Менчила:
Теперь ся се спѣваночка єи се скôнчила.

(Пѣла Озеница Рѣбенчучка, въ с. Криворовнѣ Козом. Окр.)

22.

Чи вы чули, люде добрî, таку новиночку,
Шо истєли Кулимнюки тоту Ириночку?
А єкъ они истинали, она се просила:
«Не стинай мя, Олексочку, маюмь съ тобовъ жила.»—
«Буду тебе бити, бити, бити, та рубати,
Буду твои чорни очи на нôжъ выбирати.»—
«Ой братчику Михайлочку, дай-ко въ село знати,
А най выйде старый Попикъ мене споведати!»
Ой а выйшовъ старый Попикъ, та й выйшла ненечка:
«Обертайте Иринечку на противъ сонечка!
Обертайте Иринечку на противъ сонечка,
Та пôзнавай, боднарючко, чи твоя донечка!» —
«А я же вамъ, братя мои, лише разокъ гляну,
Чому бы я не пôзнала вже свою детину!»
А ковала зазулечка межи потоками:
Єкъ заплаче боднарючка зъ усѣма доньками!
Заплакала боднарючка та й заголосила:
«Ой донечко Иринечко, шо жь ты завинила?
Ой донечко Иринечко, шо жь ты завинила,
Шо ты свою головочку на порôгъ склонила?
Шо ты свою головучку на порôгъ склонила,
Шо ты своєвъ сыровъ кровьевъ землю сповенила?
Ой донечко Иринечко, де бы те сховати? —
«На цвинтари у хôтари, де бы рôдна мати.»—
«Ой донечко Иринечко, кôлько бы дзвѣнити?» —
«Въ штыре звоны на Николи Богу се молити.»
У пасѣцѣ мѣнѣ бджолы, за пасѣковъ осы:

А вже жь гота боднарючка плаче та голоси.
«Ой не плачь-ко, боднарючко, не плачь, не смуткуйсе!
Не прійде донечка въ гостй, сама помѣркуйсе!
Озьми-ко ты, боднарючко, жовтого пѣсочьку,
Опынь же нимь ще донечцѣ та коло гробочку!
А єкъ же той та пѣсочокъ на гробочку зôйде,
Тогди твоя та донечка у гостину прійде.
Ой чули то Кутскй паны, взели пôдслухати.
«Де Кулимнюковъ найдете, на макъ порубати!»
А вчула жь то Кулимниха, та на волу стала,
Усѣ панскіи гайдучки до себе зôзвала;
Усѣ панскіи гайдучки до себе зôзвала,
А каждому та гайдучку по таляру дала:
«А вы се сй талярики на меду пропійте,
Де мои сынки найдете, лишь на смерть не вбійте!
Дала 'сме вамъ по таляру, дамъ вамъ по другому,
Де мои сынки найдете, приведѣть до дому!»
Утêкали Кулимнючки по пôдъ густы бучки,
А шобы ихъ не спôймали та гайдуки въ ручки;
Утêкали Кулимнючки помежи городы,
А шобы ихъ не спôймали Иринчины роды.
Ой кобы ми не пѣсочокъ, не пѣскова багна:
Спѣваночку се су склала Крамарева Анна.
Та ковала зазулечка та по пôдъ Менчила:
Теперь се ся спѣваночка уся се скôнчила.

23.

(I, 79.)

Пôшовъ Ивась, пôшовъ Ивась, у поле орати,
Лишивъ свою Ганусеньку обѣдъ готовати;
Оре Ивась, оре Ивась, и зъ старенькимъ дѣдомъ:
«Не ма жь моей Ганусеньки зъ раненькимъ обѣдомъ!»
Пріорався Ивасенько до сухого лому,
Пустивъ волы на отаву, самъ пôшовъ до дому;

Ой приходитъ Ивасенько по̀дъ крайне вòконце:
Обернеся назадъ себе, вже заходитъ сонце;
Ой приходитъ Ивасенько до новои хаты:
«Дѣти мои дро̀бненькіи, а где жь ваша мати?» —
«Ой по̀шла жь бо наша мати у гай по коровы,
Та казала наша мати: «Бувайте здоровы!»
Подивися Ивасеньку до новои скринѝ:
Не ма грошій, не ма сукнѣвъ, не ма господинѝ!
Ударився Ивасенько по поламъ руками:
«Дѣти мои дро̀бненькіи, пропавъ же я съ вами!» —
«Ой тату нашъ, татуненьку, тату, не журися!
Иде весна, иде красна, ты тату вженишься.» —
«Дѣти мои дро̀бненькіи, найду я си жѐнки,
Лише я вамъ вже не найду ро̀дноп матѐнки!»

(Записана въ Стрыйскомъ Уѣздѣ.)

24.

(I, 79; Науд. 25.)

Ой у мѣстѣ Гусятинѣ сталася новина,
По̀дмовила Катерина богацького сына:
«Покинь же ты свою жѐнку, я покину дѣти,
Та по̀демо на Вкраину мешканья глядѣти!»
Ой по̀шовъ же Ивасенько у поле орати,
Взялась его Катерина зъ дому выбирати.
Ой оре Ивась, оре, та й на сонце поглядае:
«Чогось жѐнки Катерины съ обѣдомъ не маѐ!»
Ой оре жь нашъ Ивасенько, самъ си поганяѐ:
«Не ма жь моѐй Катерины, бо въ корчмѣ гуляѐ.»
Ой оре жь нашъ Ивасенько, дооравъ до лану,
Пустивъ волы до дубровы, самъ по̀шовъ до дому.
Ой приходитъ Ивасенько на свою обору,
Кличе собѣ Катерину на любу розмову.
Ой уходитъ Ивасенько изъ сѣней до хаты,
Пытается своихъ дѣтѐй: «А дежь ваша мати?» —

«Ой пòшла жь наша мати та въ гай по коровы,
А намъ тòлко по вповѣла: «Будьте, дѣти, здоровы!»
Ой пòшла жь наша мати та въ гай по телята,
А намъ уже та сказала: «Дѣти сиротята!»
Ой кипется Івасенько до новои скрыпки:
Не ма добра, не ма скрыпки, а ни Катерынки!
Ой ударився Івасенько по полахъ руками:
«Дѣтки мои, квѣтки мои, пропавъ же я зъ вами!
Ой бодай тыи лозы спалили морозы,
Бодай тебе, Катрыно, побили мои слёзы!»
А Івасевы слёзы марне не пропали,
На камѣнь бѣлый спадали, камѣнь розбивали.

25.

(I, стр. 79.)

Ковала ми зазуленька зъ за хаты, зъ за хаты:
Ой пòшовъ же нашъ Андрѣйко у поле орати.
Ой пòшовъ же нашъ Андрѣйко у поле орати,
Лишивъ одну Одокійку дома домовати.
Ой оре тотъ Андрѣй, оре, и съ старенькимъ дѣдомъ,
Надѣется Одовійку съ-ранѣшнимъ обѣдомъ.
Пріоравсе тотъ Андрѣйко до сырого лому,
Разпрегъ вòнъ свои кони, самъ пòшовъ до дому,
Ой до дому, до домочку, до новои скринѝ:
«Нема хлѣба, нема грошей, нема господинѝ!»
Ой ставъ же той Андрѣйко та на середъ хаты:
«Дѣти мои дрòбненькіи, де є ваша мати?
Дѣти мои дрòбненькіи, де є ваша мати?» —
«Пòшла, пòшла, нашъ дедику, пòдъ гай погуляти;
Пòшла наша мати пòдъ гай по телєта,
Лишень до насъ и сказала, шо мы сиротєта.»
А усѣдлавъ Андрѣенько коня вороного,
Пòшовъ, пòшовъ, новымъ мостомъ та й до тестя свого;
Ой прійшовъ же вòнъ до тестя, зачевъ се пытати:

«Чи де суда Одокіи мои не видати?» —
«Мы видѣли Одокійку тыми потоками,
Розмавела, розмавела у Круя съ сынами.»
Ой и пôшовъ тотъ Андрêйко тыми потоками,
Найшовъ, найшовъ, Одокійку у Круя съ сынами;
Найшовъ, найшовъ, Одокійку у Круя съ сынами,
А присиливъ Одокійку до коня кôсками;
А присиливъ Одокійку да коня кôсками,
Поволочивъ горѣ, долôвъ, тыми потоками.
Зострѣчестсе Андрêйко съ чотырема Жиды:
«А дай-ко ты, Андрêечку, Одокіи жити!» —
«А вы, Жиды, не Руснаки, та не наша Вѣра!» —
«Богато вже Одокія въ тебе хлѣба зъѣла.»
Ой ковала ми зазулька, на калинку сѣла:
Доки еê та донесли, она се розсѣла;
Донесли êй до домочку, поклали на лавку,
Издоймили зъ Одокійки сорочку крôвавку;
Издоймили крôвавочку, вволокли бѣленьку,
Та пôслали по єй дєдя, та по єи неньку,
Пôслали по еê дєдя, ще по єê брата,
Поховали Одокію та долôвъ лиць хреста:
Ой ковала ми зазулька на нивѣ, на нивѣ,
Андрêеви все́ се злає, шо в'на въ полонинѣ.
Заковала ми зазулька та по пôдъ Менчила:
Одокійцѣ спѣваночка уся се скôнчила.

(Зап. въ с. Криворовнѣ, Колом. У. отъ Гуцулки Марîки Грицючки)

26.

Ой ходила Гафієчка, а все вышивала,
А єкъ пôшла на Выгоду, пила та гуляла,
А єкъ пôшла на Выгоду, пила та гуляла,
А сонечко по надъ вечêръ, домôвъ се зôбрала.
Ой ковала ми зазулька въ новôмъ оборозѣ:
А догонивъ Семеночокъ еи на дорозѣ:
«А не йди-ко, Гафійко, прижієшь ты бѣдки,

Вернѣмосе на Выгоду, купью ти горѣвки!» —
«А я въ саду траву маю, траву не толочу:
На Выгоду се не верну, горѣвки не хочу.
А въ новенькôмъ побоику мутъ ми куры пѣти:
Йду, Семенику, до дому, лишила 'сми дѣти.»
Ой пôду я воды брати въ маленьку царинку:
Истявъ Семенъ Гафічку на малу годинку.
Ой иму я калиночку за самый вершечёкъ:
Истявъ Семенъ Гафічку, вергъ у бережечёкъ;
Ише здоймивъ кресаночку, та й перекрестивсе:
«Поможи жь ми, милый Боже, чей бымь не барившсе!»
Ишовъ Семенъ зъ Єсенова до бѣлои днины,
Шобы єму на Скуповѣ зори зазорили.
А въ мѣстечку, въ крайнôмъ дому, пили два Вôрмене;
Пытаютсе люде въ него: «Где идешь, Семене?» —
«А у моємъ та садочку є покетокъ много:
А я иду по за васъ ажь до брата свого.»
А ковала ми зазулька все при потокови:
Спѣваночка Семенкови сесе Тресюкови.
А ковала зазуленька все по пôдъ Менчила
Теперь се ся спѣваночочка уся се скôнчила.

(Записана тамъ же и отъ той же.)

27.

Коли сонёчко сходило рано у суботу,
Тогдй Лесё Футюкъ сбиравъ зъ за Магуры ровту.
Никто тото не вѣщовавъ, вѣщовало тѣло:
«Чого тебе, брате Лесю, въ Рябинецъ скортѣло?»
Ой а Лесё молоденькій на то не туралый,
Пôшли хлопцй пôдъ Попадю три стери вкрали,
А вôдты се завернули ажь до того луга,
Пытаютсе у бирешa: «Чи є тутка слуга?» —
«Ой мы, Леськy, та не знасмъ, чи є тутки слуга,
Але, Лесю, сночи выйшовъ Баранючокъ Юра.»

Ой а Лесё молоденькій на Юрêчка гляне,
А Юричокъ правымъ стуцомъ въ лѣве плече гряне.
Али его товариши не забановали,
Молодого Юрчука линками звялали.
На тôмъ боцѣ при потоцѣ трепêтка се трепле:
«Йди, бирешу, у село, та й Мурджуку Петре!»
Ай бирeша покоштуютъ три сирыи волы,
А ты, Юрêчку, зажіешь тежкои неволи.»
А они се порадили, колыску вробили:
«Лѣпше, братя, рада впала, на коника взели.
Ой а его ба й принесли въ Шикманôвске поле:
«Заговори, брате Лесю, най вороговъ вколе!»
Ой куетъ ми зазуленька, сѣдая на бука:
А на шо ты, дурню, убивъ панского гайдука?
На шо ты, дурню, убивъ? Чи бувъ ты въ коморѣ?
А ты за него пожіешь, тяжкои неволи!» —
«У коморѣ, пане, не бувъ, присегати мушу,
За то 'сме го, пане, убивъ, сегавъ ми по душу.»
Ой куетъ ми зазуленька вся сива и блѣда:
Боле шо 'сме се сбули того головоѣда.
Ой зарыкла у чередѣ коровочка бура:
Ото Леся розсадила Гищиного вурда!
Ой кує ми зазуленька, шо по пôдъ Меньчила:
Теперь сеся спѣваночка Леся се скôнчила.

(Тамъ же отъ Гуцула Данила Чупирчука или Карабелика.)

28.

(II, 460.)

Чи чуете, люди добры, шо хочу казати?
А я хочу на громаду файно поспѣвати;
А я хочу поспѣвати, лишь слухайте, люде,
Шо на всей свѣтъ на громаду не було й не буде!
Шо мы будемо робити, сараки Руснаки,

Шо на насъ се нагнѣвали Венгры та Поляки.
Ой на насъ се нагнѣвала Польша та й Аршава,
Але бо намъ на помочи сила Москалева.
Ой а Кошутъ не знавъ того, не знавъ тои дôймы,
А вôнъ не знавъ, шо йде Москаль вороными кôньми;
А вôнъ собѣ змысливъ зраду, вчинивсе екъ курка,
Узевъ собѣ шкадронъ войска, та утêкъ пôдъ Турка.
А мы люде Праославны, просѣмъ щире Бога,
Ой шобы сме вôдогнали бѣду вôдъ порога.
Ой куетъ ми зазулиця въ саду на еблôнцѣ:
Никто бѣду не вôдженетъ, коровы та вôвцй.
А молѣмсе, люде, Богу, шо чесъ, шо година,
А Царь паньчину здаровавъ, абыхъ не робили.
А я файно росказую, люде Праославны,
Ой а где се намъ задѣли всѣ гаразды давны?
Ой а екій свѣтъ великій та й велика Цара,
Нема никде кавалъ земли, абы дармовала.
Ой упало, добры люде, до рукъ писмо зночи,
Доки не мутъ є читати, не знать въ котрôмъ боцѣ.
Мы урбарію подаймо, оплату худобну,
Грунтъ и хату оплатѣмъ, та сидѣмъ при дому.
Отъ тôлько намъ вôдъ Тѣсаря Царского побору,
А екъ злодѣй укравъ ерча вôдъ шестдесятъ дробу.
Єкъ у газды злодѣй укравъ, не велика шкода,
А вже итъ намъ пôдступаетъ тысяча Петрова;
Єкъ бы мы се уступили въ тысечу Петрову,
Отъ такъ бы мы всѣ выгибли, екъ листъ вôдъ морозу;
Листокъ вôдъ морозу, а попелъ вôдъ вѣтру,
Єка въ сêмъ чесѣ настала ненависть по свѣту!
Ой цы се такъ настало, цы було изъ роду,
Отъ такъ жёнки пьютъ горѣвку, єкъ коровы воду.
Сама собѣ челядь, люде, Бога допросила:
Пало письмо вôдъ Тѣсаря, а ще съ папы Рима:
Євъ тото Тѣсарь читати, а я взевъ на саму,
Але, добре люде, выйшло на нашу громаду.
Ой а, добре люде, выйшло, горѣвку не пити,
Челядь Бога допросила, шо бы ей не бити,
Абы челеди не бити, та й не сбытковати,

Хлѣба зъ поля доносити, красно годовати.
Єкъ иде у коршму, на волю, свавôльна,
Не бійте, люде, жёнки, кожда жёнка вгôдна!
А у тôмъ селѣ на садочку зазулька ковала:
Не бійте, люде, жёнки, вôдъ жандарôвъ кара!
Не стелися по дорозѣ, зеленый жолуде,
А екъ мете жёнки бити, й за то штрофъ буде.
Ой ковала зазулечка ще попôдъ Меньчила:
Теперь се са спѣваночка газдочки скôнчила.

(Тамъ же и отъ того же.)

ДУМЫ

Б. БЫТОВЫЯ.

а) Козацкія.

1.

(Ср. т. I, 112; II, 594.)

Надъѣхали Козаки зъ обозу,
Стали собѣ близко перевозу:
Єдинъ каже: «Быстра рѣчка, быстра!»
Другій каже: «Ѣдьмо, невеличка!»
Третій каже: «Хоть бы утонути,
Кобы въ своєй Марисеньки бути.»
Вчула тое Марусина мати,
Зачала ся съ Козакомъ витати:
«Не гудѣте, голубы, на хатѣ,
Не збудѣте Марисю въ комнатѣ!
Бо Марися тяженько лежала,
Чорнымъ шовкомъ головку звязала.
Который изъ васъ трозѣля достане,
Той съ Марисевъ до слюбоньку стане.»
Водозвався Козакъ молоденькій:
«Ой є въ мене три коні на стайнѣ:
Єдинъ чорный, якъ воронъ чорненькій,
Другій сивый, якъ соколъ сивенькій,
Третій бѣлый, якъ голубъ бѣленькій:
А тымъ чорнымъ до моря доѣду,
А тымъ сивымъ море переѣду,
А тымъ бѣлымъ трозѣлья достану,
Та й съ Марисей до слюбоньку стану.»
А взявъ Козакъ трозѣлье копати,
Взяла надъ нимъ зазуля кувати:

«Не копай же, Козаче, трозѣлья,
Бо въ Марисѣ изъ иншимъ весе́лья.»
Ѣде Козакъ сумненько съ трозѣльёмъ,
Издыбае Марисю съ весѣльёмъ:
Лѣвовъ руковъ Марисю витае,
Правовъ руковъ шаблю́ добуває;
Якъ у полѝ маковка бринѣла,
Еще борше головка злетѣла.
«Ой на жь тобѣ, Марисю, трозѣлье,
Не починай изъ иншимъ весѣлье!»

2.

(Иначе.)

Ой ѣхали Козаки зъ обозу,
Стали собѣ въ конець перевозу,
Та й зачали думоньку думати,
Где бы тую но́чку ночувати.
Одинъ каже: «Но́чка невидная!»
Другій каже: «Рѣченька быстрая!»
Третій каже: «Шобъ ся коня збути!
Шобъ въ Марисѣ на вечерѣ бути,»
А Марися хорая лежала,
Марисенька трозѣль забажала.
«Ой маю жь я три коню́ на стайнѣ,
Я Марисѣ трозѣля до́стану:
А тымъ чорнымъ море переѣду,
Тымъ червонымъ до го́ръ ся до́стану,
А тымъ сивымъ трозѣля до́стану.»
Гей тамъ Козакъ трозѣлье копае,
Надъ Козакомъ зазуля ковае:
«Не копай ты, Козаче, трозѣлья,
Бо въ Марисѣ вже нынѣ весѣлья!»
Въ одно́й руцѣ трозѣля тримае,
Въ другой руцѣ голый мечь держае.

А Марися якъ макъ проквѣтала,
Марисенцѣ головка злѣтала.
По тихонько маковка збренѣла,
А ще гихше головка злетѣла.

3.

(Т. I, стр. 5.)

Идутъ волы зъ Московщины, а все чабанистй,
А за ними Морозъ Козакъ, еще не женився.
Ой Морозе Морозоньку, ты славный Козаче,
За тобою, Морозоньку, вся Вкраина плаче;
Плаче отець, плаче мати, плаче все Подгорье,
Ой вернися, Морозоньку, на мое подворье!
Въ мене хата тесовая, стайня на помостѣ,
Пріѣдь, пріѣдь, Морозоньку, хоть разъ до мня въ гостй!»
Стоитъ дѣвча на камени, на жовтомъ пѣсочку,
Та жмякае Морозови отъ бруду сорочку:
Ци я твоя, ци не твоя, Козаченьку, буду,
Выперу я сорочку вотъ чорного бруду.» —
«Ой дѣвчино, дѣвчинонько, чо 'сь на личку блѣда?» —
«Ци не знаешь, Морозоньку, яка въ службѣ бѣда?
Ой и ѣсти—не доѣсти, спати, не доспати,
А все тото, Морозоньку, на личеньку знати.»

4.

(Т. I, стр. 97 — 99.)

Ой конь летить, трава шумить,
Ажь тамъ Козакъ забытъ лежить,
Надъ нимъ коникъ зажурився,
По колѣна въ землю вбився:
«Не стой, коню, надо мною,
Бо я вижу щирость твою!
Лети просто дорогою,
Тою, тою широкою!

Станешь, коню, въ воротенькахъ,
Заржешь, коню, съ жалобненька,
Водъ тамъ выйде, водъ тамъ выйде
Мати моя старенькая:
«Ой ты, коню вороненькій,
«Где с сынъ мой молоденькій?» —
«Возьми, мати, пѣску въ жменю,
Посѣй его на каменю:
Якъ той, мати, пѣсокъ зойде,
Тогди сынъ твой зъ войны прійде;
Бо вже сынъ твой оженився:
Взявъ вонъ собѣ въ Крыма дочку,
Зеленую муравочку;
Шукай, мати, лѣкаройки,
Зеленои муравойки;
Шукай, мати, халупойки,
И безъ дверій, безъ воконки,
Щобъ дверцями не ходити,
А воконкомъ не дивити;
Бо дверцями вѣтеръ вѣе,
А воконцемъ сонце грѣе,
Шукай, мати, менѣ хаты,
И безъ дверій, безъ воконець,
Бо вже мому свѣту конець.»

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

5.

(Т. I, 105.

Дома лежитъ дѣвчинонька,
Въ маминыхъ перинахъ,
А Козачокъ молоденькій
На глыбокихъ долинахъ:
Дѣвчинонька молоденька,
Зимнои воды проситъ,
А надъ бѣднымъ Козаченькомъ,
Ворона голоситъ.

Надъ дѣвчиновъ молоденьковъ
Отецъ, мати, плаче,
Надъ Козакомъ израненымъ
Чорный воронъ краче:
«Не крачь, не крачь, такъ сумненько,
Чорный вороночку,
По надъ мою кервавую,
Молодъ головочку!
А по лети до домоньку,
Скажи дѣвчинонцѣ,
Що я марне тутъ загибнувъ,
Въ зеленъ муравонцѣ.» —
«Якъ ся наѣмъ твого мяса,
Выпью очи твои,
Ажь тогды-то я полечу
Къ дѣвѣ молодои.

(Изъ Буковины.)

6.

(T. I. 102.)

Ой въ лѣсѣ нива, на тòй нивѣ жито,
Ой у лѣсѣ край дороги Козака забито:
Забито, забито, затягнено въ жито,
Червоною китайкою оченька прикрыто.
Ой прійшла дѣвчина съ чорными очима,
Пòдòйняла китаечку, та й розголосила;
Ой прійшла другая, та й вже не такая,
Пòдòйняла китаечку, ревно заплакала:
«Встань, Козаче, встань, бо ’сь ще молодейкій,
Ходить, бродить по дубровѣ твòй кòнь воронейкій.» —
«Нехай ходить, нехай бродить, нехай напасеся,
Нехай моя стара мати жалю набереся!
Нехай ходить, нехай бродить, нехай и почує,
Вòнъ до мен дѣвчиноньки дороженьку чує!» —

(Изъ Жозковскаго Уѣзда.)

7.

(T. I, 82, 83.)

Ой зъѣхало три Козаки зъ горы высокои,
На самъ передъ Андрусенько на воронôмъ конѝ,
На Андрусю сороченька кровьёвъ обкипѣла,
Якъ уздрѣла Ганусенька, на ноженькахъ вмлѣла:
«А хто жь тебе такъ порубавъ, соколе Андрусю?» —
«Твои братья рòднесеньки, серденько Ганнусю.» —
«Чимъ же в'ни тя порубали, соколе Андрусю?» —
«Ясненькими шабельками, серденько Ганнусю.» —
«Чимъ же в'ни тя обвивали, соколе Андрусю?» —
«Ядвабными хусточками, серденько Ганнусю.» —
«Чимъ же в'ни тя наповали, соколе Андрусю?» —
«Медомъ, виномъ и горѣвковъ, серденько Ганнусю.» —
«Де они тя порубали, соколе Андрусю?» —
«У Тернавцѣ на забавцѣ, серденько Ганнусю. —
«Де жь си скажешь постелити, соколе Андрусю?»—
«У свѣтлонцѣ при вôконцѣ, серденько Ганнусю.»—
«Якъ си кажешь зазвонити, соколе Андрусю?» —
«У всѣ звоны на розгоны, серденько Ганнусю.» —
«Я си скажешь заплакати, соколе Андрусю?» —
«Дрôбненькими слёзоньками, серденько Ганнусю?»—
«Де ся скажешь поховати, соколе Андрусю?» —
«У костёлѣ при престолѣ, серденько Ганнусю.» —
«Ой треба бы, Андрусеньку, чтыри волы дати,
Абы тебе исхотѣли въ костёлѣ ховати.» —
«Ой маю я чтыри волы, чтыри половыи,
Ней си берутъ, ней ся дѣлятъ, Попы молодыи!
Ой ней мене не ховаютъ нѝ Попы, нѝ Дяки,
Лише ней мня поховаютъ молоди Козаки!
Бо Попоньки та Дяченьки на заплатѣ бьются,
Молодыи Козаченьки горѣвки напьются.»

8.

Ой у полю, полю, въ полю, на роздолю,
Тамъ Козакъ убитъ лежитъ,
Ни отець, ни мати, ни отець, ни мати,
Ни о чёмъ не знае,
Що дѣвчина Козаченька, що дѣвчина Козаченька,
Сама доглядае.
Ой везутъ Козака, везутъ Козаченька,
Та й сѣрыми волоньками,
Ой иде дѣвчина, иде чорнявая,
Вмывасся слёзоньками.
«Ой не плачь, дѣвчино, не плачь, чорнявая,
Головоньки не збавляйся,
Якъ я здоровъ буду, тебе не забуду,
А въ осени поберемся.» —
«Ой не тяжко бы тя, молодый Козаче,
До осени зачекати,
Ой а мене хотятъ, молоду дѣвчину,
За инчого ба й давати!» —
«А ты пиши, а ты пиши, на бѣломъ паперѣ,
Та давай до мене знати!» —
«Ой не тяжко бы то, молодый Козаче,
На паперѣ написати,
Ой погадай собѣ, въ своёй головонцѣ,
Кымъ я маю вòдослати? —
«Ой ты пиши, пиши, ой ты пиши,
Та й дробными слёзоньками,
Вòтсылай до мене, вòтсылай до мене,
Та й буйными вѣтроньками!»

9.

(Метл. 72.)

По садочку походжаю,
И самъ собѣ розважаю,
И самъ собѣ розважаю,
Що далеко милу маю,

Цы до неи листъ писати,
Цы самому вандровати?
Якъ я буду листъ писати,
Будутъ о томъ люде знати,
Не такъ люде, якъ сосѣди,
Та нароблю всѣмъ бесѣды,
Не такъ близкй, якъ далеки.
«Ой вы, хлопцй молодыи!
Сѣдлайте конй вороныи,
Сѣдлайте коня вороного,
Та подъ мене молодого!
Я поѣду на Вкраину,
Бо тамъ маю мою милу!
Ой ты, мѣсяцъ, свѣти, свѣти,
А ты, коню, бѣжи, бѣжи,
Ой ты, мѣсяцъ, свѣти ясно,
А ты, коню, бѣжи красно!»
Пріѣхавъ бо предъ ворота,
Выйшла мила крашша злота,
Пріѣжджаю подъ оконце,
Выйшла мила красша сонця,
Взяла коня за удила,
Изъ миленькимъ говорила,
Взяла коня за вуздечку,
А милого за ручечку,
Взяла коня до стаенки,
А милого до свѣтлоньки,
Дала коню вôвса, сѣна,
А милому меду, вина,
Сама сѣла та й думала,
Та й ревненько заплакала:
«Чого сидишь, чого тужишь,
Чого плачешь, свѣтомъ нудишь
Та ты, моя милесенька,
Мое сердце, любесенька?
Цы тобѣ жаль вôвса, сѣна,
Цы тобѣ жаль меду, вина?» —
«Не жаль мѣнѣ того всёго,

Ой лише ми жаль вѣка мого,
Що кôлька лѣтъ покохався,
А съ инчою повѣнчався.» —
«Ой цыть, мила, не журися,
Я еще молодъ, не женився:
Якъ я буду женитися,
Прошу, мила, дивитися,
Дамъ ти вина напитися;
Якъ я буду ба й слюбъ брати,
Прошу, мила, ручку дати!»

10.

(Метл. 73.)

Тамъ по пôдъ гай зелененькій
Ходитъ Ивась молоденькій,
И такъ собѣ розважає,
Що далеко милу має.
Чи я маю листъ писати,
Чи самому поѣхати?
Нй до неи листъ писати,
Нй самому одвѣдати.
Якъ я буду листъ писати,
Будутъ то всѣ люде знати;
Не такъ люде якъ сусѣди,
Та нароблю всѣмъ бесѣды.
«Ой вы, хлопцй молодыи!
Сѣдлайте конй вороныи,
А пôдъ мене молодого
Сѣдлай коня буланого:
Поѣду я на Вкраину,
Тамъ я маю мою милу.
Ой ты, мѣсяць, свѣти ясно,
А ты, коню, бѣжи красно!»
Пріѣхали предъ ворота,
Выйшла мила крашша злота,

Взяла коня за удила,
По пôдвôрю поводила,
Взяла коня за трензельку,
А милого за рученьку,
Дала коню вôвса, сѣна,
А милому мéду, вина,
И сутую вечереньку,
И бѣлую постеленьку,
Сама сѣла та й думає,
Чорны очи протирає:
«Чого сидишь, та думаєшь,
Чорны очи протираєшь?
Чи тобѣ жаль вôвса, сѣна,
Чи тобѣ жаль меда, вина,
Чи сутои вечêроньки,
Чи бѣлои постêлоньки?» —
«Не жаль мéнѣ вôвса, сѣна,
А нй жаль ми меду, вина,
Нй сутои вечêроньки,
Нй бѣлои постêлоньки,
Но жаль мéнѣ того свѣта,
Що йдутъ марне нашй лѣта,
Идутъ, идутъ нашй лѣта,
Якъ то сонце вколо свѣта!»

(Запис. въ Золочевскомъ и Жолковскомъ Уѣздахъ.)

11.

(Паул. II, 20.)

Ой пôду жь бо я по пôдъ гай зелененькій,
Ой чей мя здыбле Козачокъ молоденькій;
Ой здыбавъ мене Козачокъ молоденькій,
Ставъ ся вôнъ въ мене пытати дороженьки,
Ставъ ся вôнъ дороженьки пытати,
Я, молодая, не вмѣла'мъ вôдказати,
Давъ же вôнъ ми кониченька тримати,

А самъ пôшовъ дороженьки шукати.
Тримаю коня до темной ночи,
Вышлакала я свои чорнѝ очи;
Ой що коникъ тупне, то ми серце пукне,
Ой я ся не бою коня вороного,
Але я ся бою Козака молодого:
Коникъ най тупне, найдутся на то лѣки,
Козакъ здрадитъ, неслава на вѣки.
Ой пущу я коня въ пустое поле,
Сама я скочу въ глубоке море:
Я молода въ морю потопаю,
И все на Козака окомъ ся сгледаю;
Ой прійшовъ Козакъ коника пôймити:
«Дай же ми, Боже, дѣвчину зловити!
Ой же бымь тя зловивъ, мôгъ бымь тя стискати,
Донѣро бымь навчивъ до моря скакати.
Що жь ти, дѣвчино, що жь ти за пригода,
Же 'сь до моря скочила, дѣвчина молода?» —
«Я молодая тебе ся бояла,
И черезъ тебе до моря скакала.»

12.

(Пауза II, стр. 20.)

Ой ходила я по пôдъ гай зеленейкій,
Здыбавъ мене Козакъ молодейкій,
Ставъ вôнъ ся дорожейки питати,
Я, молода, не вмѣла сказати.
Мовила я му: Не зъ тутейшого 'мь краю.
Я въ тыхъ сторонахъ дороги не знаю.»
Ой взявъ мене Козакъ за бѣлейкіи боки,
И кинувъ мене на дунай глубокій:
«Плыни жь, дѣвчино, вôдъ краю до краю,
Коли не знаешь Козака звычаю!»

13.

(I, 72, 116, 117; Паул. 29.)

Край дороги широкои,
Кирниченьки глубокои,
Козакъ коня наповае,
Дѣвча воду наливае:
«Вандруй, вандруй, дѣвча, зъ нами,
Молодыми Козаками!
А въ насъ вербы грушки родятъ,
Въ насъ дѣвчата въ злотѣ ходятъ,
А въ насъ горы золотыи,
А въ насъ рѣки мѣдяныи.»—
«Я бымь зъ вами вандровала,
Же бымь ся зрады не бояла.» —
«Ой ты, дѣвчино, не будешь зраджена,
Тôлько на Вкраинѣ посагомъ посажена.»
Ще не дошла битои стеженьки:
«Скидай, скидай, зъ головы стуженьки!»
Ой ще не дошла битого гостинця:
«Ой скидай, скидай, изъ ручки перстенця!»
Ой ще не дошла до вишнёвого саду,
А вже зложили на дѣвчину зраду.
«Вы 'сте мовили, не буду зраджена,
Теперь 'сьте мя вже зрадили
Якъ ту мушку изловили!»—
«Ой знала 'сь, дѣвчино, де отецъ и мати,
Було зъ собою два рубочки брати:
Єденъ рубочокъ головеньку звязати,
Другій рубочокъ дитятко накрывати.»
Вандруютъ поле, вандруютъ другое,
А на третѣмъ стали спочивати,
А на четвертôмъ нôчку ночовати,
А на пятôмъ казавъ ей лужко слати.
«Не по то же я, Козаче, вандровала,
Жебы я, Козаче, тобѣ луженько слала;

Но по томъ я съ тобою вандровала,
Жебы 'мь твоєю миловъ ся называла.»
Ой выйду жь я на горочку,
Тамъ погляну въ долиночку:
На долинѣ ходятъ паняночки,
Та й сбираютъ фіялочки,
Та й сбираютъ фіялочки,
На недѣлю на вѣночки,
Ино я свой утратила,
Ино я свой изгубила,
Пôдъ яворомъ зелененькимъ,
Изъ Козакомъ молоденькимъ.

14.

(Паул. II, 28.)

Вôдъ Бендеру до Дунаю
Два Козаки мандровали,
Два Козаки мандровали,
Одно дѣвча пôдмовляли:
«Мандруй, мандруй, дѣвча, зъ нами,
Зъ молодыми Козаками,
Зъ молодыми Козаками,
Справимъ тобѣ два жупаны,
Два жупаны голубыи,
Два перстенй золотыи!»
Дурне дѣвча послухало,
Зъ Козаками мандрувало,
Зъ Козаками мандрувало,
Три дни хлѣба не видало.

15.

«Ты Козаче чорноусый,
Чому въ тебе жупанъ кусый?» —
«Дѣвки мене пôдпили,
Жупанъ менѣ пôдкроили.

* *
*

Ой маю я купу грошій,
Справлю собѣ жупанъ довшій,
Нехай дѣвки тое знаютъ,
Най не поятъ и не краютъ.

* *
*

У Козака все любити,
До десяти вразъ ходити,
Тота скаче, тото плаче,
А въ тамтой серце колаче.

* *
*

Одна плаче, що ю здрадивъ,
Друга плаче, що ся звадивъ,
Въ третёй серце колаче,
Вздритъ Козака, ажь заплаче

* *
*

Коли Козакъ пôдскакує,
Всѣ дѣвчата урадує,
А якъ пôде на присюды,
Розвеселитъ усѣ люде,

* *
*

Козакъ свище, пôдскакує,
Що пôдскочитъ, выспѣвує:
«Ой я Козакъ зъ Украины,
Козакъ зъ роду, Козакъ зъ мѝны!»

* *
*

Козакъ грає на торбанѣ.
За нимъ дѣвки кобы ланѝ,
Всѣ хороши, всѣ моторнѝ,
Бѣлѝ личка, очи чорнѝ.

* * *

Коли Козакъ скрипки вчує,
Ноги крутитъ и простує,
Зразъ иде сюды, туды,
Якъ чортъ скаче у присюды

* * *

У Козака все однако,
Зле, чи добре, яко, тако,
Нынѣ сто нагаёвъ взяти,
Завтра буде танцёвати.

* * *

Коли Козакъ усомъ скрутитъ,
Три одъ разу збаламутитъ,
Та думає, тамъ та лає,
Що ся стало, и не знає.

* * *

Коли Козакъ пôдскакує,
Пôдковками выбренькує,
А якъ вдаритъ обцасами,
Вôкна задзвонятъ шибами.

* * *

Нема танцю надъ Козака,
Бо то великій гуляка,
Туды, сюды, выскакує,
А ногами выкидує.

* * *

У Козака такъ по жити,
День за днемъ на тôмъ травити.
Щобъ спѣвати, танцёвати.
Дѣвчатонька цѣловати.

16.

(Т. I, 120, стр. 121.)

«Ой ты, Козаче, ой ты, пане мôй!
Та якій буде съ тобовъ нôчлягъ твôй?»—
«Не журися ты, Кулино,
Ты, дѣвчино, ты, небого!
Постелимо вôйлочище,
Пôдъ голову кульбачище,
Ой а зверха опанчище,
Кулино та й небого!»

* *
*

«Ой ты, Козаче, ой ты, пане мôй,
Та чимъ мы ся повмываемо,»
Та чимъ мы ся повтираемо?» —
«Не журися ты, Кулино,
Ты, дѣвчино, ты, небого!
Я росою, ты слёзою,
Я утруся китайкою,
Тебе удру нагайкою,
Кулино, та й небого!»

* *
* *

«Ой ты, Козаче, ой ты, пане мôй!
Та якій то буде съ тобовъ розъѣздъ мôй!» —
«Не журися ты, Кулино,
Ты, дѣвчино, ты, небого!
Выѣдемо въ чисте поле;
Въ чистôмъ полю двѣ дороги,
Двѣ дороги, двѣ могилы,
А третья моя!
Одна иде до лѣса, а другая до бѣса,
На котру хочь, на тоту скочь,
А третья моя!»

ДУМЫ

в) Гайдамацкія.

1.

Штолюкъ.

Чу чуєте, люде добры, шо хочу казати,
Бо я хочу Штолюкови співанку співати.
Єкусъ чути новиночку, не можна казати,
Пôшовъ Штолюкъ изъ Мирономъ села воёвати;
А топôрцй наробили изъ самои стали,
Пôшовъ Штолюкъ изъ Мирономъ, та воює паны;
А топôрцй наробили изъ самои бляхи,
Пôшовъ Штолюкъ изъ Мирономъ, та воює Ляхи.
Учувъ тото панъ Каштана, та взєвъ пôдслухати:
«Не такъ треба для Штолюка намъ се постарати.»
А нашъ Штолюкъ молоденькій имивъ шосъ гадати,
«Ити бы ми въ Довге Поле Каштана єднати.»
А в'ни пôшли въ Довге Поле Каштана єднати,
Єкъ зачели его бити, битй та рубати,
Єкъ зачели его бити, бити та рубати,
А вже жь брати по бокатѣ, котюгамъ метати.
Єкъ убили, обôбрали, та й вышли на Рѣчку,
Миронъ каже: «Вернѣмь ко се, зажжѣмъ псови свѣчку!» —
«Богдай тобѣ, Миронеку, таки твою мати,
Чи ты не чувь, єкъ той казавъ для насъ се старати?
Чи ты не чувъ, єкъ той казавъ для насъ се старати,
Та ще бы съ се вертавъ псови свѣчку зажегати.
Пôшовъ бы я та косити зелєну отаву,
А сонечко по надъ вечеръ, не выйдемъ на пустаю,
Ой выйшли в'ни на пустаю та й заговорили:
«Чи вы, домарй, не чули єкои новины?» —

«Не чули мы, годны хлопцй, нйкои повины,
Мы лишь чули, въ Довгôмъ Поли що Каштана вбили.»
А в'ни пôшли въ полонины та въ полониночки,
Та тамъ собѣ набивали острôжнй стрѣвбочки;
Доки в'ни ихъ набивали, в'ни се не боѥли,
Єкъ узрѣли тверду ровту, в'ни жъ тамъ подрôжели.
Ходивъ Фронюкъ, ходивъ Скалюкъ, ходивъ и Борсучокъ,
Ше бувъ зъ боку Волоского Єкôвъ Крамарючокъ.
А вдарили въ монастырѣ у четыре звоны,
Вже Штолюка блѥховали на воронôмъ кони;
Вже Штолюка блѥховали, дали въ село знати,
Впровадили вже Штолюка въ бѣленькіи хаты.
А уреды молоденькй пьютъ, пôдъохотуютъ,
Та Штолюка молодого въ кайданы блехуютъ.
Ой а выйшовъ панъ Горлйчка, зачавсе пытати:
«Дежь ты гадавъ, Штолюченьку, зимку зимовати?» —
«А у тои цариночцѣ зелененькій полôгъ,
Тамъ 'сме гадавъ зимовати, де бы ми Богъ помôгъ.»
Ой утѣкавъ Штолюкъ годный, та й зашумѣвъ листомъ,
Та не самъ вонъ туда тѣкавъ, втѣкавъ съ товариствомъ.
«Кôлько въ тебе у Штолюка того товариства?» —
«Кôлько въ лѣсѣ у дуборѣ букового листа.»
Ой ковала ми зазулька все по пôдъ Менчила:
Теперь се ся спѣваночка уся се скôнчила.

(Записана мною отъ Гуцулки с. Криворовни Марики Гризючки.)

Кармелюкъ.

Породила мене мати
Въ несчастну годину,
Не дала ми счастья знати,
Вôдъ журбы загину.

* *
*

«Кармелюку! На панщину!»
Кличутъ пôдъ вôконце;

«Бо нагаёмъ якъ не выйдешь,
Скоро зо́йде сонце.»

* *
*

Наступила лиха доля,
Тра йти въ свѣтъ гуляти,
А що Кармелюкъ не дурень,
Дастъ Ляхамъ по́знати.

* *
*

Не довго я такъ гулявъ,
У собѣ понався,
И не гадавъ, та не думавъ
У Сибі́ръ достався.

* *
*

Повернувши изъ Сибі́ру,
Таки я въ недолі́,
Хоть я вже не въ кайданахъ,
Таки я въ неволі́.

* *
8

Засѣдаю при дорозѣ.
Чому? хочешь знати?
Бо не маю пристанища,
Бо не маю хаты.

* *
*

Маю жёнку, маю дѣти,
Коли ихъ не бачу;
Якъ сгадаю на ихъ пужду,
Горенько заплачу.

* *
*

Нема счастья нѝ для мене,
А нѝ для родины,
Переходятъ въ смутку, жалю,
Всѣ мои годины.

* *
*

Зовутъ мене розбо̂йникомъ,
Кажутъ, розбиваю:
Я не вбивъ еще никого,
Бо самъ душу маю,

* *
*

Ой я во̂зьму багатому,
Убогому даю,
А такъ грошй подѣливши,
И грѣху не маю.

* *
*

По̂шовъ бы я въ мѣста, села,
Всюда мене знаютъ,
Деде Ляхи мене зо̂здрятъ,
Заразъ мя по̂ймаютъ.

* *
*

А такъ мушу стеречися,
Мушу въ лѣсѣ жити,
Хотя свѣтъ е такъ широкій,
Нйгде ся подѣти!

(Записана въ Тернопольскомъ Уѣздѣ.)

3.

Оре багачъ, оре,
На широко̂мъ полй,
На широко̂мъ полй,
На глубоко̂мъ долй.
Прійшло тамъ до него
Два разбо̂йниченьки:
«Дай ти, Боже, счастье,
Великій багаче!
Нарай намъ якую,
Абы не самую.»—

«Не маю якую,
Хиба жѐнку свою.»
«Нехай буде тая,
Абы не самая!»
Прійшовъ вòнъ до дому,
Пріѣхавъ до дому:
«Сбирай же ся, мила,
Поѣдемъ до млына!»
«Я съ тобою, милый,
Свòй вѣкъ скалатыла,
А еще съ тобою
Въ млынѣ не бувала.»
Ѣдутъ они, ѣдутъ,
На широкòмъ полѝ,
На широкòмъ полѝ,
На глубокòмъ долѝ.
Ѣхала, вступила
До рòдного брата:
«Ой брате жь мой, брате,
Надо мною здрада!»
«Сестро, моя сестро,
Господь надъ тобою,
Господь надъ тобою,
Я ѣду съ тобою!»—
Привѐзъ ю до лѣса,
Самъ пòшовъ до бѣса:
Вяже ю до бука,
Братови роспука.
Фузію намѣривъ,
Обохъ вразъ застрѣливъ:
«Мало бути еѐ,
То най буде й тобѣ,
Будешь съ нею въ гробѣ!»

(Записана въ Золочевскомъ Уѣздѣ.)

4.

(I, 138: Наул. 34.)

По пôдъ синій туманъ
Розболѣвся бѣлый Романъ,
Сбираючи новый товаръ,
Та на тата закликае:
«Не ходивъ я розбивати,
Сивый товаръ избирати:
Пôди, тату до кирницѝ,
Принеси мêнѣ водицѝ.»
«Ой не маю, сынку, коли,
Лишивъ я косарѝ въ поли.»

* *
*

По пôдъ сѝній туманъ
Розболѣвся бѣлый Романъ,
Сбираючи сивый товаръ,
Та на маму закликае:
«Не ходивъ я розбивати,
Сивый товаръ избирати:
Иди, мамо, до кирницѝ
Принеси мêнѣ водицѝ!»—
«Ой не маю, сынку, коли,
Лишила я женцѝ въ полѝ.»

* *
*

По пôдъ сѝній туманъ
Розболѣвся бѣлый Романъ,
Сбираючи сивый товаръ,
Та на брата закликае:
«Не ходивъ я розбивати,
Сивый товаръ избирати:
Иди, брате, до кирницѝ,
Принеси мêнѣ водицѝ!»—
«Ой не маю, брате, коли,
Лишивъ я вôвцѝ въ полѝ.»

* *
*

По пôдъ синій туманъ
Розболѣвся бѣлый Романъ,
Сбираючи сивый товаръ,
Та на милу закликає:
«Не ходивъ я розбивати,
Сивый товаръ избирати:
Иди, мила, до кирницѝ,
Принеси мѣнѣ водицѝ.»—
А миленька поспѣшила,
Меду, винця, наточила.

5.

(I, 167; Паул. II, 42.)

Въ Станиславѣ двѣ крамницѝ,
А у Львовѣ три темницѝ,
Тамъ сидятъ три невôльницѝ:
Одинъ сидитъ за дѣвочку,
Другій сидитъ за вдовочку,
Третій сидитъ за волы половыи
И за коники вороныи.
Той, що сидитъ за дѣвочку,
Той си грає въ сопѣлочку;
Другій каже: «Не журюся,
Бо я съ вдововъ поберуся.»
Третій сидитъ, та й думає,
Матѐрь свою проклинає:
«Бодай, мати, не сконала,
Що мене такъ научала!
Ой я принêсъ чепелинку:
«Добре чинишь, мôй ты сынку!»
Я принêсъ примѐточку:
«Буде, сынку, на сорочку!»
Пригнавъ я волы половыи:
«Кобы, сынку, ще другіи!»

6.

(I, стр. 163.)

По горѣ, горѣ зацвѣла шельвія,
По подъ ту гору ходила Марія:
Марія ходила, шельвію ломила,
Ревными слозами за мужёмъ плакала.
На очка чорнёва, на личко якъ ружа:
«Онъ той Ляхъ ѣде, що вбивъ мого мужа!»
Заходитъ й гадка, гадае втѣкати,
«Не втѣкай, Маріё, скажу тя лапати,
Бо я тебе хочу за жену си взяти!»
Ой Марія стала, за Бога сгадала:
«Отверни мнѣ, Боже! я тому не рада!»
Заходитъ ю голосъ зъ высокого неба:
Най иде Марія, жены ти не треба!»
Узяли Марію за русявѣ косы,
Приняли Марію у сады до сосны,
Выкресали огню у суху порохню,
Запалили сосну зъ верха и зо споду:
«Гори, сосно, гори, а ты, смоло, капай,
На Марійно тѣло, на Марійну главу!
Ней Марія терпитъ великіи муки,
Коли не хотѣла за жену ми бути!»—
«А кто сидитъ дома, а хто робитъ въ полю,
Най ся йде дивити на мою неволю!»
А панъ каже, що то смола, а то чиста вода,
На Марійно тѣло есть то охолода.

(Изъ Саноцкаго Уѣзда.)

7.

Яничокъ.

(I, 171.)

Ой тамъ дале пудъ яворомъ
Оре дѣвча еднымъ воломъ,
Ще и бразды не зорала,
Вже ё мати заволала:
«Дѣвко, дѣвко, пой до дому!
Продала 'мь тя, не знамъ кому,
Продала 'мь тя Яничкови,
Великому збуйничкови:
Въ ночи прійде, въ ночи пòде,
Никда ми ничь не принесе,
Лемъ кошульку поторгану,
И сабличку скрывавлену.
«Чугай белай, бѣлый хлопецъ,
Кыбы 'сь такый, якъ ти отецъ,
Дала быхъ тя искупати,
Кавкамъ, вранамъ, роздзёбати.»—
«Спѣвай, жоно, чи 'съ спѣвала,
Коли 'сь хлопця колысала?»—
«Я хлопцеви не спѣвала,
Лемъ ємь пестуночцѣ лала.»—
«Ставай, жоно, на колѣна,
Най испаде твоя глава!»—
«Пестуночко вѣрна моя,
Подай децько сюди мое!»—
Єдно личко побочкала,
А въ другое укусила:
«Дамъ ти, сыне, на памятку,
Коли стинавъ отецъ матку!»

(Изъ Бережскаго Уѣзда села Лучки, возлѣ Мукачева.)

8.

Эй на горѣ, на горѣ,
На Кошицкой долинѣ,
Пасе Янчи двы волы;
Пришли дъ нёму гайтове:
«Ой ты, Янчи, дай волки!
Бо ти главку здоймеме.»—
«Я вамъ волки та й не дамъ,
Радше ся съ вами поровнамъ.»
Коли в'ни ся рôвнали,
Тамъ му главку стинали:
Де зъ той главки кровь текла,
Червена ружа уцвѣла!
Дѣвички ê рвали,
Хлопцôмъ перка давали:
Боже, Боже, што же то,
Червена ружа зъ чего то?

(Зап. Русск. Геогр. Общ. Спб. 1867, т. I, 674.)

ДУМЫ

БЫТОВЫЯ.

г) Чумацкія и Бурлацкія.

1.

(Макс. 1834, 175.)

Було лѣто, було лѣто,
А теперь зима,
Гостивъ джумакъ по дорогахъ,
Гостивъ по долахъ,
Та не мавъ вôнъ пригодоньки
На своихъ волахъ.
А изъѣхавъ джумаченько
Зъ горы на базаръ,
Волы му ся поболѣли
Самъ бѣдный заслабъ.
Ой заслабъ вôнъ, ой заслабъ вôнъ,
Та й тамо й лежи́тъ,
Нйхто го ся не спытае,
Що его болитъ;
А приходятъ та й идъ нёму
Товаршой его,
Взяли его за рученьку
Та держа́тъ его:
«Ой братчику, джумачику,
Що тебе болитъ?»—
«Болитъ мене та серденько,
Болитъ голова.»—
«Ой братчику, джумачику,
Чужа сторона.»—
«Ой давъ бы я, товаришу,

А зъ возомъ волы,
Ой абы ся такі̂ найшли,
Та раду дали.»—
«Ой не штука, товаришу,
Волы зъ возомъ взяти,
Але я ся не бі̂зую
Тобѣ раду дати.»
Прійшла, прійшла, дъ нему
Найстарша сестра:
«Ой братчику, джумачику,
Где тя смерть знайшла?»—
«Знайшла мене ой смертенька
Въ чужо̂й сторонѣ,
Май же, сестро, обачѣньє
На дѣти мои!»—
Загорнувся джумаченько
У новый жупанъ:
«Волы мои зъ сѣмохъ возо̀въ,
Хто жь вамъ буде панъ!»
Скинувъ джумакъ новый жупанъ,
Загорнувъ кожухъ,
Припадає дъ сыро̂й землѣ,
Испускає духъ.
А вдарили джумакови
У великій дзво̂нъ,
А сходится, а зъѣздится,
Весь джумако̂въ ро̂дъ.
А спускаютъ джумаченька
Въ глубоки̂ долы,
Ой сходится ро̂дъ до купы,
Впрягає волы.
Идутъ волы, йдутъ по воли̂,
Жӓло̂бно рычутъ,
Свого пана господаря
Изъ гробу кличутъ.
Прі̂ѣзжаютъ сѣрі̂ волы
Передъ ворота:
«Выйди, выйди, газдиненько,

Бо 'сь вже сирота!»
Выйшли, выйшла, газдиненька,
Зачäла плакати,
Свои волы, якъ соколы,
Стала проклинати.
«Не плачь, не плачь, газдиненько,
Не проклинай насъ:
Нема твого господаря,
Не буде и насъ!»

(Изъ Стрыйскаго Уѣзда.)

2.

(Иначе.)

Ой ѣздивъ джумакъ, ѣздивъ,
Семь лѣтъ по долахъ,
Та не мавъ вôнъ придоньки
На своихъ вôлахъ.
Ой ѣхавъ вôнъ, ѣхавъ, ѣхавъ,
На долинѣ ставъ,
Волы му ся поболѣли,
Самъ джумакъ заслабъ.
Ой заслабъ вôнъ, заслабъ,
Тяженько лежитъ,
Нихто го ся не спытае,
Що его болитъ.
Ой болитъ его, болитъ,
Серце, голова:
«О Господи милосердный,
Чужа сторона!
Чужа, чужа, сторона,
Та чужіи люде,
Хто джумака поховае,
Якъ ему смерть буде?»
Ой приходитъ дъ нёму
Атаманъ его,

Та взявъ го ся та пытати,
Що болитъ его:
«Ой ты пане мôй!
Ты атаманъ мôй?
Забери си всѣ волоньки,
Дай рады менѣ!»—
«Ой радъ бы я, радъ,
Та волоньки взяти,
Лише ти ся не пôдойму
Радоньки дати.»
Ой уставъ джумакъ, уставъ,
Вгорнувся въ жупанъ:
«Волы жъ сѣромасты
Хто жъ вамъ буде панъ?»
Ой уставъ джумакъ уставъ,
Вгорнувся въ кожухъ,
Подивився долôвъ собовъ,
Спустивъ джумакъ духъ.
А въ недѣлю рано, рано,
Ударили въ звôнъ,
Позъѣздився, посходився
Всей джумака рôдъ.
Найстарша сестра,
Навпередъ прійшла:
«Джумачику, мôй братчику,
Де жъ тя смерть знайшла?»
Приходитъ и дъ нёму
Та найстаршій братъ:
«Джумачику, мôй братчику,
Яжъ тому не радъ!»
Идутъ волоньки, идутъ,
Идутъ рычучи:
«Хто насъ буде дозирати,
Въ дорозѣ йдучи?»
Идутъ волоньки, идутъ,
Въ золотôмъ ярмѣ;
«Лишилисьмо свого газду
Въ чужôй сторонѣ.»

Идутъ волоньки, идутъ
Стали въ ворота:
«Выйди выйди, господине,
Вже газды нема!»—
«Волѣла я, волы мои,
Васъ всѣхъ полупити,
Нѣжъ сете вы мали тамки
Та газду лишити.»—
«Ой ты газдине наша
Не проклинай насъ:
Нема твого господаря
Не буде и насъ!»

— —

3.

(То же, но иначе.)

Ой поѣхавъ джумаченько
У дорогу самъ,
Стала му ся пригодонька,
Въ дорозѣ заслабъ.
Заслабъ же вонъ, заслабъ,
Тяженько лежитъ,
Нихто ся го не спытає,
Що его болитъ.
А прійшовъ же до нёго
Товаришъ его,
Та взявъ его за рученьку,
Жалує его:
«Товарише, товарише,
Не жалуй мене!
Забери си усѣ грошй,
Но ратуй мене!
Якъ тыхъ грошей ти не стане,
Возьми сй волы,
Но не дай ми загинути
Въ чужой сторонѣ!»

Ударили во всѣ звôны,
Ударили въ звôнъ,
Чи не тому джумакови,
Що до дому хтѣвъ?
А сбѣглися джумаченьки
Та пôдъ могилочку,
Выкопали грôбъ глыбокій
За годиночку.
Зарычали сѣры волы
Въ золотôмъ ярмѣ:
Поховали джумаченька
Въ чужôй сторонѣ.

4.

(I, 177; ср. Макс. 1834, стр. 177.)

Гей чумаче, чумаче!
Чомъ не рано зъ Крыму йдешь?
Чомъ не рано зъ Крыму йдешь?
Всѣхъ чумакôвъ не ведешь?
«Ой я рано зъ Крыму йду,
Всѣхъ чумаченькôвъ веду,
Нема лише одного,
Брата мого рôдного.
Шукавъ, шукавъ, не знайшовъ,
Взявъ заплату, та й пôшовъ;
Шукавъ, шукавъ, не знайшовъ,
Запрêгъ волы, та й пôшовъ.»—
«Атамане, батьку нашъ,
Порадь теперь хоть ты насъ,
Що матимемъ робити,
Ой чимъ волôвъ кормити?»—
«Ой ще, хлопцй, не бѣда,
Бо є въ полю лобода:
Косѣть, ломѣть, лободу,
Забувайте на бѣду!»

(Изъ Буковины.)

5.

(Паул. II, 72.)

Пôшовъ чумакъ а въ дорогу,
За нимъ жёнка у погоню,
Возы завертає,
Волы выпрягає,
И серденькомъ называє:

* *
*

«Вернися, чумаче, до дому,
Вернися, серце, до дому,
Отецъ, мати, лає,
И проклинає,
Таки тобѣ хвортуна не служитъ.»—

* *
*

«Ой коли бъ ты добра була,
То бъ ты дома сидѣла,
Недѣлоньку чтила,
Пятницу постила,
Тобъ мёнѣ хвортуна послужила!»

* *
*

«Ой пôду я на гороньку,
А гляну я въ долиноньку:
Ажь тамъ двѣ калинй,
Стоятъ у долинѣ,
Ажъ до землй гôльє гнется.

*
* *

Ой пôду я по надъ море,
Жовтый пѣсокъ ноги коле:
Єдна ледащина,
Єдна ледащина,
И та зъ мене кпится!»

6.

(T. I, 178.)

Ой я чумакъ несчасливый,
Ходжу съ журбы ледво живый,
Самъ не знаю, що чинити,
Якъ бы ту на свѣтѣ жити.
Гопцй, хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Волы мѣнѣ поздыхали,
Вôзъ и ярма поломали,
Я съ батогомъ ся зôстаю
Пôду съ бѣды погуляю:
Гопцй, хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

И сокиру и мазило
Що ся вôдъ воза лишило,
За горѣвку тобѣ даю,
Бо копѣйки вже не маю.
Гопцй, хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Або пôду утоплюся,
Або въ камѣнь розôбьюся,
Нехай люде о томъ знаютъ,
Якъ чумаки умираютъ.
Гопцй, хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Пôшовъ чумакъ топитися
Чумачиха дивитися:
«Стôй, чумаче, не топися,
Хочъ на дѣти подивися!

Гопцй! хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Пôшла Гандзя въ поле жати,
Та й забула серпы взяти;
Серпы взяла, хлѣбъ забула,
Такый Гандзя дома була.
Гопцй, хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Наша Гандзя добре жне,
Въ руки серпа не вôзме;
А за Гандзёвъ густый снôпъ,
Чтыре Дяки, пятый Пôпъ.
Гопцй, хлопцô, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Пôшла Гандзя по бураки,
А за нею всѣ двораки,
А Поповичъ изъ переду:
«Чекай, Гандзю, куплю меду!»
Гопцй, хлопцй, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

* *
*

Пôшла Гандзя по петрушку,
Надыбала щебетюшку,
Щебетюшка щебетала,
Гандзѣ спати не давала.
Гопцй, хлопцй, и я зъ вами
Зъ молодыми чумаками!

7.

(I, 180; Метл. 463—464.)

Нема въ сѣтѣ такъ никому
Якъ бурлаку молодому.
Гей, гей, якъ бурлаку молодому!

* *
*

Бурлакъ ходитъ, работає,
А спочинку ничь не має.
Гей, гей, а спочинку ничь не має!

* *
*

Идетъ бурлакъ изъ панщины,
«Дай вечеряти, газдине.»
Гей, гей, дай вечеряти, газдине!»—

* *
*

«Лягай, бурлакъ, тако й спати,
Бо нема що вечеряти.
Гей, гей, бо нема що вечеряти.

* *
*

До порога головами,
Вставай рано за волами,
Гей, гей, вставай рано за волами!»

* *
*

Аще бурлакъ не здрѣмався,
А вже газда переспався:
Гей, гей, а вже газда переспався.

* *
*

«Вставай, бурлакъ, волы гнати,
А въ часъ зъ поля повертати.
Гей, гей, а въ часъ зъ поля повертати!»

* *
*

Ой вставъ бурлакъ, не вмывався,
За волами поквапляався,
Гей, гей, за волами поквапляався.

* *
*

Яромъ, яромъ, за товаромъ,
Оманцями за вôвцями,
Гей, гей, оманцями за вôвцями.

* *
*

Чорна хмара наступае,
Буйный вѣтрецъ повѣвае,
Гей, гей, буйный вѣтрецъ повѣвае;

* *
*

Дрôбный снѣжокъ притрясае,
Бурлакъ нôжки пôднимае,
Гей, гей, бурлакъ нôжки пôднимае;

* *
*

Бурлакъ нôжки пôднимае,
Свою неньку споминае:
Гей, гей, свою неньку споминае:

* *
*

«Ненько жь моя рôдненькая,
На що 'сь мене породила?
Гей, гей, на щось мене породила?

* *
*

По свѣтѣ 'сь мя износила,
Счастья, долѝ не впросила,
Гей, гей, счастья, долѝ не впрôсила!»

8.

(Иначе.)

Устань, дочко, устань, мати,
Дай бурлаку вечеряти,
Гей, гей, дай бурлаку вечеряти!

* *
8

Дай бурлаку вечеряти,
По вечери лягай спати,
Гей, гей, по вечери лягай спати!

* *
*

До порога головами,
А до стола та й ногами,
Гей, гей, а до стола та й ногами!»

* *
*

Еще бурлакъ не вложився,
Вже господарь пробудився,
Гей, гей, вже господарь пробудився.

* *
*

«Часъ бурлаку уставати,
На долину волы гнати,
Гей, гей, на долину волы гнати!»

* *
6

Не чесався, не вмывався,
Не мавъ паса, не впасався,
Гей, гей, не мавъ паса не впасався;

* *
*

Не мавъ паса, не впасався,
Не мавъ ходакъ, не взувся,
Гей, гей, не мавъ ходакъ, не взувався

Єще до дня три годинѣ.
Бурлакъ съ волы на долинѣ,
Гей, гей, бурлакъ съ волы на долинѣ;

* *
*

Дробенъ дождикъ покрапляє,
Бѣлый снѣжокъ потрясає,
Гей гей, бѣлый снѣжокъ потрясає.

* *
*

Бѣлый снѣжокъ потрясає,
Бурлакъ нôжки пôдношає.
Гей, гей, бурлакъ нôжки пôдношає.

* *
*

Бурлакъ ножки пôдношає,
Свою мати споминає,
Гей, гей, свою мати споманає:

* *
*

Мати жь моя чорнобрôва,
На що жь мене породила?
Гей, гей, на що жь мене породила?

* *
*

Єдного 'сь мня сына мала,
Бурлакомъ есь мня назвала,
Гей, гей, бурлакомъ есь мня назвала.

* *
*

По надъ рѣчку 'сь мня носила,
Чому 'сь мене не втопила?
Гей, гей, чому 'сь мене не втопила?» —

* *
*

«Де жь ты, бурлакъ, забавився,
По колѣна заросився?
Гей, гей, по колѣна заросився?»—

«Облогами за волами,
А шуваромъ за товаромъ,
Гей, гей, а шуваромъ за товаромъ:

* *
*

Манôвцями за вôвцями,
Манôвцями за вôвцями,
Гей, гей, манôвцями за вôвцями.»—

* *
*

«Не ходивъ ты за волами,
Але 'сь ходивъ за гульками,
Гей, гей, але 'сь ходивъ за гульками;

* *
*

Не ходивъ єсь за вôвцями,
Але за молодицями,
Гей, гей, але за молóдицями.»—

9.

(Еще иначе.)

Бурлакъ робитъ и працує,
Кажутъ люде, що марнує.
Идеть бурлакъ изъ панщины:
«Давай, жéнко, вечеряти,
Бо вже бурлакъ иде спати,
Треба спати, не дремати.
А ще наймитъ не вбернувся,
Газда уставъ и обувся;
Уставъ бурлакъ, не вмывався,
Не було въ що, не вдѣвався,
Иди, Бурлакъ волы гнати. и т. д.

10.

(Въ другихъ мѣстахъ такой конецъ:)

Подивився на долину,
На долину, на коршмину,
Гей, гей, на долину, на коршмину.

* *
*

Тамъ чумаки пьютъ, гуляютъ,
Волы, возы, пропиваютъ,
Гей, гей, волы, возы, пропиваютъ.

* *
*

На остатку ярма, снозы,
Обо̀льяли его слёзы,
Гей, гей, обо̀льяли его слёзы.

11.

(Паул. II, 73.)

Пора приходитъ по счастью тужити:
Же свѣтъ великій, а мнѣ нѝгде жити;
Куда то̀лько я по̀йду,
Нѝгде счастья не знайду,
Все бѣда кругомъ!

* *
*

Ба, чи є въ свѣтѣ тако̀й человѣкъ,
Якъ я мѝзерный черезъ весь мо̀й вѣкъ?
Єдну мину, десять бѣдъ,
Всѣ за мною идутъ въ слѣдъ,
И бѣда кругомъ!

Тамъ тòлько добре, тамъ счасливый свѣтъ,
Тамъ люди добрй, де мене нѣтъ;
Куды тòлько повернуся,
Нйгде съ лихомъ не минуся,
Бѣдный человѣкъ!

* *
*

Рѣкою иншому то счастьє плыне,
Вродившися въ счастью, такъ и сгине;
А я счастья не зыскавъ,
Якъ на свѣтѣ жити ставъ,
Тòлько одинъ вѣкъ!

* *
*

Отъ теперь зачну я, мйзерный, казати:
Все утѣкає вòдь моєи хаты;
Съ счастьёмъ по грибки ходити,
Съ счастьёмъ по рыбки бродити,
Безъ счастья нйщо!

ДУМЫ

д) Воинскія и рекрутскія

1.

(Т. I. 134.)

А въ лузѣ калина
Всей лугъ прикрасила:
Выряджала бѣдна вдова
Сына жомнярина.
А якъ его выряджала,
То и его научала:
«Будешь, сыну, въ дорозѣ,
Не забувай о Бозѣ!»
Поки жомнѣрь не пивъ,
Господь ему счастивъ,
А въ замыслахъ, а въ походахъ,
Все войско побѣдивъ.
Узявъ жомнѣръ пити,
Узявъ гейновати,
А жь ся взяла жомнѣрская
Фортуна зменьшати.
Ходитъ жомнѣръ, ходитъ,
Въ рукахъ чако носитъ,
Своєй пеньки старенькои,
Прощенія проситъ:
«Прощай мене, мати,
Въ той походъ ступати,
Абы мѣнѣ Богъ допомогъ,
Пруса звоювати!»
Плаче жомнѣръ, плаче,
Кровавыми слёзами,
Свою матку называє
Розными словами:

«Матко моя мила,
Доглянь, доглянь, худобоньки,
Доки будешь жила!»
Плаче жомнѣръ, плаче,
Чорными очима,
Же вечеря конецъ стола,
А смерть за плечима:
«Не дай, Боже, смерти,
Въ чужо́мъ краю вмерти,
А хто буде доглядати,
Жомнѣрскои смерти?
Ни отца, ни матки,
Никому жаловати,
А ни кому жомнѣрови,
Рано́въ завивати.
Воронъ прилѣтає,
Смерти доглядає,
Бѣле тѣло обдзёбуе,
Кости розношає.
Кобъ то наша матка знала,
Тобъ намъ раны завивала,
Тобъ намъ раны завивала,
Красненько бъ насъ поховала;
И дзвоны бъ намъ понаймала,
Жало́бненько заплакала,
Якъ зазулька закувала,
Якъ зазулька у садочку,
Такъ матёнка по сыночку,
Якъ зозуля у лѣщинѣ,
Такъ матёнка по дитинѣ,
Такъ матёнка по дитинѣ!»

(Отъ слѣпаго лирника Ѳомы Зеленюка въ Золочевскомъ Уѣздѣ.)

2.

(Т. I, стр. 135.)

А въ лузѣ калина
Весь лугъ прикрасила:
Породила бѣдна вдова
На жовняра сына.
Якъ го породжала,
То го научала:
«Будешь, сыну, въ дорозѣ,
Не забувай о Бозѣ!»
Доки жовняръ не пивъ,
То му Богъ годивъ,
А въ походахъ, а въ замыслахъ,
Все войско побѣдивъ.
Зачавъ жовняръ пити,
Зачавъ гайновати,
Зачалася жовнярева
Мошонка вменшати.
Плаче жовняръ, плаче,
Каскетъ въ рукахъ носитъ,
Своєй неньки старенькои,
Прощенія проситъ:
«Простить мене, мати,
У твôй слѣдъ вступати:
Поки буду не забуду
О Бозѣ забувати!»
Плаче жовняръ, плаче,
Чорными очима,
Вже вечера бай готова,
А смерть за плечима:
«Не дай, Боже, смерти,
Въ чужôмъ краю вмерти,
Та нй кому доглянути,
Воянцкои смерти.
Воронъ залѣтае,
Въ очко заглядае,

Бѣле тѣло обозёбує,
Кости розношає,
Кобы мати знала,
Ладно бъ поховала;
Та ладно бы поховала,
Звоны понаймала.
Кобы мати знала,
То бъ службы наймала,
Добрыхъ людій, та сусѣдôвъ,
На обѣдъ спрошала.»

3.

(Иначе.)

Ой у лузѣ, лузѣ, зацвила калина:
Породила мати сына, сына жовнярина:
Якъ го породила, та й вôдгодовала.
Якъ выховала, на вôйну го дала.
Якъ го выправляла, та й наказувала:
«Ой якъ будешь у дорозѣ, не забувай въ Бозѣ!»
Доки жовняръ не пивъ, та Бога хваливъ,
У походахъ, у замыслахъ, все вôйсько побѣдивъ:
А взявъ жовняръ пити, въ Бозѣ забувати,
Узявъ ёму Панъ Небесный счастья уимати.
Плаче жовняръ, плаче, шапку въ рукахъ носитъ,
Своёй неньки старенькои жалôбненько просйтъ:
«Казала 'мь ти, сыну, моє любе дитя,
Хто не слуха матёнонки, таке ёго житя!»

4.

(Еще иначе.)

Ой у лузѣ калина
Весь лугъ прикрасила:
Породила мати сына,
Сына жовнярина:
Якъ го породила,
Та го научала:
«Ой якъ будешь, сыну,
Въ далекой дорозѣ,
Не забувай, сыну,
Николи о Бозѣ!»
Поки жовнеръ не пивъ,
Пана Бога хваливъ,
А якъ пошовъ до побою,
Все вôйско побѣдивъ.
Якъ взявъ жовнеръ пити,
Взявъ ся напивати,
Не хотѣвъ му самъ Господь Богъ
До помоги стати.
Ходитъ жовнеръ, ходитъ,
Шапку въ рукахъ носитъ,
Своей неньки старенькои
Прощенія проситъ.
Плаче жовнеръ, плаче,
Съ чорными бровами:
«Будь здорова, родиноньку,
Вже не буду съ вами!»
Плаче жовнеръ, плаче
Чорными очима,
Вже вечера готовая,
А смерть за плечима:
«Не дай, Боже, смерти,
Въ воянщинѣ вмерти,
А хто дôздритъ, хто побачитъ,
Воянскои смерти?

Воронъ залѣтає,
Въ очи заглядає,
Бѣле тѣло роздзёбує,
Кости розношає!»

5.

Стоитъ жовняръ на могилѣ.
Креше огню до шабелй,
Сухй лозы пôдпаляє
Свои раны розгрѣває:
«Мои раны сѣканыи,
Стрѣляныи, рубаныи!
Сѣканыи—то ся зôйдутъ,
Стрѣляныи—къ серцю дôйдутъ!
Ты вороный, рôдный, брате,
Дай до моей неньки знати:
Не кажи ёй, що вбитъ лежу,
Ино кажи, въ Крôля служу,
Въ Крôля служитъ, самъ крулює,
На могилѣ нôчь почує.
Та могила труповая,
Тече рѣчка кирвавая,
Надъ рѣчкою воронъ краче,
Ой за сыномъ мати плаче:
«Не плачь, мати, и не тужи,
Не порубанный я дуже:
Головонька на четверо,
А нôженьки на шестеро,
Бѣлй пальцй на кавалцй,
А рученьки на штученьки!»

6.

Червона калино, чого въ лузѣ стоишь? гей, гей!
Чи ягóдъ жалуешь, чи ся вѣтру боишь?»—
«Ягóдъ не жалую, вѣтру ся не бою,
Я стою, думаю, що чинити маю:
Три ночцй не спала 'мь, листоньки писала,
До мого милого, що 'мь вѣрно кохала.
Милый листъ доставши, и перечитавши,
Тяженько вздохнувши, коханья згаднувши.»
Гей, тамъ жовнѣрочокъ по рыночку ходитъ,
Пана Капитана усердно ся проситъ:
«Пусти мене, пане, изъ гóръ на Подóлья,
Моя мила хора, завезу ей зѣлья!»—
«Ой ты жовнѣрочку, що ты си гадаешь,
Ту дѣвчата красий, ты ся тамъ вертаешь.»—
«Якъ ся не вертати, она сиротина,
Ой мóй милый Боже, за мновъ затужила!»

7.

(T. I, 104.)

Калино, малино, голова болѣла,
Голова болѣла, свѣту не видѣла,
Листъ написала, и на почту слала,
До того жовнѣра, що вѣрне кохала.
А жовнѣръ взявши, листъ перечитавши,
Коханье сгадавши, сердечне заплакавши:
«Пане, ты мóй пане, пане Капитане,
Пусти мене до домъ, хоть есмь заволаный!
Пусти мене, пане, пане Капитане,
До тои дѣвчины, котра сына мае».—
«Хлопче, ты мóй хлопче, який 'сь ми вѣрненький?
Де жь ты сына маешь, такий молоденький?»
Прійшовъ вóнъ до дому, дѣвчина хоруе,
Припавъ до лóжечка, ноженьки цѣлуе:

«Цѣловала бы тя лихая година,
Вôдреклася мене вся моя родина'
Вôдрêкся и отець, вôдреклася мати,
Черезъ тебе, жовнѣру, треба умирати.» —
«Стôй, дѣвчинонько! Госпôдь Богъ съ тобою,
Якъ ся выхорусшь, возьму слюбъ съ тобою.» —
А дѣвчина встала, якъ не хоровала,
Своєго жовнѣра та й поцѣловала:
«Ой знаю я, знаю, якъ жовнѣръ бѣдує,
Хоть лиха година, жовнѣръ машерує.»

8.

(T. I, 105.)

«Червона калино,
Чомъ ты въ лузѣ стоишь?
Цы ся сушу боишь,
Цы ягôдъ жалуєшь!» —
«Сушу ся не бою,
Ягôдъ не жалую,
Но стою, думаю,
Якъ зацвѣсти маю.
Зацвѣту бѣленько,
Люде мене знаютъ;
Зацвѣту червоно,
Гôльс обломляютъ.» —

* * *

«Молода дѣвчино,
Що ты смутна ходишь?
Цы головка больна,
Цы нôчка невольна?» —
«Нôчка ми невольна,
И головка больна,
Три ночи не спала,
Дрôбный листъ писала;
Писала, писала,
И на почту слала,

До того жовняра,
Що 'мь вѣрне кохала.
Жовнеръ взявъ листокъ,
Та й перечитавши,
До Бога вздохнувши,
И не отписавши.»—
Въ вишневомъ садочку
Жовнѣръ траву коситъ,
Пана Капитана
На урлопъ ся проситъ:
Пане Капитане,
Пусти мня до дому!
Пише дѣвча листы,
Причина зо мною.»—
«Молодой жовняре!
Глупый розумъ масшь,
Же ся до чужои
Причины пріймасшь.»—
«Пане Капитане,
Я клякну, присягну,
Же моя причина
И моя дѣвчина.
Пише дѣвча листы:
Давъ ми панъ Богъ сына.»
Прійшовъ я до дому,
Не казавши ни кому,
Дѣвчина лежитъ,
Свѣченька горитъ,
Припавъ до личенька.
Припавъ до бѣленька,
Въ личенько цѣлую,
Горне, обоймас.»
«Щобъ тя цѣловала
Лихая година,
Отрѣкъ ми ся панъ Богъ
И вся родина!»—
«Дѣвчино, дѣвчино,

Господь Богъ съ тобою!
Якъ выслужу въ войску
Возьму слюбъ съ тобою!»

9.

(Отрывокъ.)

Упавъ снѣжовъ межи горы,
Та й рѣчки прибули:
Уже мого миленького
Въ черевички взулы;
Взули, взули, въ черевички,
Сиву барву дали,
Кучерики порóвнали,
На войну погнали.
Ишовъ милый коло мене,
Та й не рѣкъ ми слова,
Тяжко вздохнувъ, хустоковъ махнувъ:
«Будь, мила, здорова!»

10

(Отрывокъ. Т. I, 101.)

Въ чистóмъ поли береза стояла,
На березѣ зазуля ковала:
«Чомъ, береза, бѣла, не зелена?»—
«Якъ я маю зелена бути,
Пóдо мною стояли рекруты,
Шабельками гóлье обтинали,
До Маіора дрóбный листъ писали:
«Ты, Маіоре пане, ты нашъ Капитане,
Пусти насъ въ лѣсъ за Ляшками!
Бо то Ляшки здрадливыи люди:
Здрадили Цѣсаря, шибениця буде.»

11.

(Отрывокъ. Паул. II, 46).

Ой на горѣ вѣтеръ вѣе,
Подолянка рутку сѣе,
Сѣе, сѣе, высѣвае.
Братъ сестру обо̂ймае,
Обіймае не чужую:
«Дай ми личко, поцѣлую,
Поцѣлую, помилую,
И до во̂йська повандрую!»

12.

(Т. I: ср. Метл. 449.)

Чорна хмара наступае,
Дро̂бный дощикъ йде:
Ой а бѣдный жовнярина
Ту зброю несе.
«Позволь, позволь, пане капраль,
На медъ, вино по̂йти!»
Ой позволивъ та панъ капраль
На медъ, вино йти.
Котры маютъ отця, матку,
Тоти въ корчмѣ пьютъ,
А бѣдныи сиротоньки
На дощи стоютъ.
Якъ заглянувъ панъ капраль,
Та стало му жаль,
Скинувъ съ себе курманину,
Надъ ними розпнявъ.
Якъ же взяли жовнѣроньки
Изъ тои нудности:
«Берѣтъ кварту, берѣтъ другу,
Изъ тои радости!»
Сидитъ багачъ конецъ стола,

Тай поглядаєся:
«За що тая голотонька
Та напиваєся!»
Якъ же крикнувъ самъ панъ капраль
На жовнѣра вразъ:
«Берѣть, берѣть, багатчика
Зъ за стола заразъ!»
Єденъ тягне за чуприну,
А другій въ каркъ бьє:
«Най ся багачъ не дивує,
Що голота пьє!»
Выйшовъ багачъ по за село,
Та й не оглядався,
Десятому наказовавъ,
Щобъ не смѣявся.

(Изъ Золочевскаго Уѣзда.)

13.

Выправила мати сына горовъ, гребельками,
Не видѣла дороженьки передъ слёзоньками;
Выправила мати сына на вôйну раненько,
Сѣла собѣ пôдъ вôконце, плаче жалôбненько:
«Обернися, воронъ коню, три разы по сонцѣ,
Най не плаче стара ненька раненько въ вôконцѣ!»

14.

Ой у лѣсѣ на дубочку зазуля ковала,
Тамъ у саду у вишневôмъ мати заплакала:
Не такъ она заплакала, якъ заговорила,
Выправляла на вôйноньку рôдненького сына:
«Иди, сыну, на вôйноньку, та й не забавляйся,
За пôвъ року, за три чверти, до дому вертайся!» —
«Цы ся верну, цы не верну, або тамъ загину,
Скажу я си посадити въ головахъ калину;

Будутъ пташки прилѣтати, та калину ѣсти,
Будутъ мѣнѣ приносити отъ матѣнки вѣсти.
Будутъ вѣсти приносити о першой годинѣ,
Поклонюся всему свѣту и своей родинѣ!»

15.

Ой закукала сива зазулейка
Въ зеленомъ садочку,
Выпровожала стара матѣнейка
Свого сынка на войночку.—

* *
*

«Ой иди, сынойку, на тую войнойку:
Та не забавляйся,
За рочокъ, за два, за недѣль чотыре,
До дому повертайся!»—

* *
*

«Ой Богъ то знае, Богъ то вѣдае,
Ой чи я вже повернусь;
Ой чогось мой коникъ, коникъ вороненькій,
Въ воротейкахъ спотыкнувсь!»—

* *
*

«Ой не бій, сыну, коня въ головойку,
Не буде ся спотыкавъ;
Ой не здрадь, не здрадь, людськой дитины,
Не буде тя Богъ каравъ.»—

* *
*

«Ой не бивъ же я коня въ головойку
Таки ся вонъ спотыкавъ,
Ой не здрадивъ я людской дитины,
Чого жь мене Богъ скаравъ!»

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

16.

(Т. I., 134, 135.)

Ой у лузѣ при дубровѣ зацвѣла калина:
Породила бѣдна вдова хорошого сына;
Якъ же ёго породила темненькои ночи,
Дала ёму бѣле тѣло а черненьки очи.
Волѣла 'сь ми, моя мати, чорне тѣло дати,
«Нѣжь есь мала на жовняра мене записати!» —
«Розвивайся, сухій дубе, завтра морозъ буде:
Выбирайся, вдовинъ сыну, завтра походъ прійде!» —
«Я морозу не боюся, Марта розо̂вьюся,
Я похода не боюся, въ сво̂й часъ выберуся.»
Гаёмъ, коню, гаёмъ, коню, гаёмъ зелененькимъ!»
Выѣжджае во̂дъ родины жовняръ молоденькій;
На коника выхопився, съ коня похилився:
«Прощайте ми, ро̂дны братья, можемъ съ кѣмъ сварився!
Покропляйте дороженьку, бы ся не курила,
Перекажѣть до матоньки, бы ся не журила!
Розвѣвайся, сухій дубе, та въ четыре листы:
Любивъ же я двѣ дѣвчины, не мавъ зъ нихъ корысти;
Єдну 'мь любивъ на Волынѣ, другу на Вкраинѣ,
Роскраяли серце моє на двѣ половинѣ!»

17.

(I, 134, 135; Паул. II, 4°.)

Ходитъ Михась по садочку, на сопѣлцѣ грає,
Ходитъ за нимъ дѣвчинонька, тяженько вздыхае:
«Розвивайся, сухій дубе, завтра морозъ буде!
Выбирайся, Михасеньку, завтра походъ буде!» —
«Я морозу не боюся, листьемъ покрыюся,
Я походу не боюся, въ сей часъ выберуся!
Гаёмъ, коню, гаёмъ, коню, гаёмъ зелененькимъ!
Выѣзджае зъ того села хлопець молоденькій
Выѣзджае за ворота, зъ коня похилився:

«Выбачай ми, громадонько, може 'мь съ кѣмъ сварився!
Покропѣть ми дороженьку, щобъ ся не курила,
Розбивайте тугу милой, щобъ ся не журила!
Ой не жаль ми дороженьки, що ся за миовъ курить,
Ой якъ ми жаль дѣвчинонькы, що сь за миовъ журить.
Розвивайся, сухій дубе, та на чтыри листы:
Уродився я въ томъ селѣ, а не мавъ корысти;
У томъ селѣ уродився, теперь на Вкраинѣ,
Роздвоене моє серце на двѣ половинѣ!»

18.

(Паул. II, 47.)

Въ славномъ мѣстѣ Залѣщикахъ высока могила:
Ой не една выглядає мати свого сына:
«Ой нема жь мого сына, не мажь мого пана,
А вже жь его постѣлонька порохомъ припала!»
Чорненькій воронята, поднесѣться въ гору!
Вы, молодій новобранцій, верпѣться до дому!» —
«Рады бы 'сьмы ся въ гору взнесли, туманъ полегає,
Рады бы 'сьмы ся вернути, Цѣсарь не пускає;
Не пускає, не пускає, добру здобычь має,
Сидитъ собѣ на креселку, на скрипочкахъ грає;
А скрипочки зъ василечка, а струны изъ руты,
Якъ заграє въ Тернополѣ, на всю Польщу чути.»

19.

(Отрывокъ.)

Въ Залѣщикахъ на рыночку малёваный ганокъ:
«Выйди, ненько, подивися, зъ твого сына панокъ!»
Выйшла ненька, выйшла ненька, та й стала, та й тужить:
«Нема мого сынка Иванка, южь въ Цѣсяря служитъ!»

20.

(Паул. II, 40.)

За горовъ высоковъ сивый кòнь розигрався,
Тамъ Ивасенько, молодый Козакъ, на вòйну выбирався,
А ёго ненька, а ёго ненька, та ёго обыймає:
Обыймає, припадає, та й ёго пытає:
«Коли ся, мòй сыноньку, зъ вòйны надѣяти,
И съ которои стороны тебе вызирати?» —
«Якъ задзвонятъ, моя мати, на свято Николы,
Не сподѣйся, моя мати, новобранця нѝколи!
Або ся верну, або ся не верну, може тамо й сгину,
Прійми, мати моя, Ганусю за рòдну дитину!» —
«А що тобѣ, мòй сыну, за година настала,
Що тобѣ чужа чужина до серця пристала!»
Ой Цѣсарскіи три жòвняры дали до Турчина знати,
Щобы Ивасеви молодому зъ плечъ голову зняти.
Повели Ивася въ чистеє поле съ голыми мечами,
Зняли Ивасеви зъ плечій голову пòдъ трёма яворами.

21.

(Т. I, 173—174.)

Мати сына лелѣяла,
Утѣхи ся надѣяла:
«Хочь мя лелѣй, хочь не лелѣй,
Утѣхи ся ничь не надѣй!
Сли я взросту, въ вôйну пôду,
А сли умру, гнити буду!»
Ой не умеръ, ино изросъ,
Ой не умеръ, ино изросъ,
Взявся въ вôйну выбирати,
Взяла мати проклинати:
«Бодай 'сь, сыну, нè доѣхавъ,

Жебы 'сь, сыну, счастья не мавъ,
А ни̂ счастья, а ни̂ доли,
Ни годины веселои!»
Ой выѣхавъ въ чисте поле,
Ставъ му коникъ горонькою,
Сѣдланенько купиною,
А нагайка гадиною,
А самъ молодъ яворонькомъ;
Выйшла мати жито жати,
Взявъ ёй дощикъ накропляти,
Стала она по̀дъ яворомъ,
А взявъ яворъ промовляти:
«Не стои̂, мати, по̀дъ яворомъ,
Бо жь то яворъ твои̂ сыноньку!»—
«Ой коли жь мо̀и̂ сыноньку,
То иди ты до домоньку;
Йди, сыноньку, до домоньку,
Вшіютъ сестры кошуленьку!» —
«Ой є въ мене кошуленька,
На яворѣ є листонько!» —
«Иди, сыну, до домоньку,
Змыю я ти головоньку!»—
«Иде въ полю дробенъ дощикъ,
Змыє мѐнѣ головоньку.»—
«Иди, сыну, до домоньку,
Вшіютъ кравцй сукманоньку!» —
«Ой є въ мене сукманонька,
На яворѣ коринонька!»

22.

Заковала сива зазуленька
Въ лѣсѣ надъ водою:
Плаче, тужитъ, жовняръ молоденькій
На коніку вороному.

А въ недѣлю рано, раненько,
Якъ стало свѣтати,
Позъѣжджалася вся родина
Жовняренька выправляти.

* *
*

Выправляла ёго въ далеку дорогу,
Межи чужій люди:
«Якъ же вôнъ пôде, до насъ не прійде,
То жаль за нимъ буде!»

* *
*

Сѣла мати, сѣла старенькая,
Въ сѣнёхъ на порозѣ,
Якъ си погадала, що сына отдала,
Обольяли ю дрôбны слёзы:

* *
*

«Волѣла бы 'сь мя, моя стара мати,
Маленькимъ втопити,
Нêжь я маю, такій молоденькій,
Цѣсареви служити!

* *
*

Волѣла бы 'сь мя, моя стара мати,
Малымъ поховати,
Нêжь я маю, такій молоденькій,
По сто кіêвъ на день брати!»

23.

(T. I, 96.)

«Ты, Ивасю зъ надъ Дунаю,
Що тамъ чути въ вашôмъ краю?»—
«Ничь не чути, войну чути:

Идутъ Ляхи на три шляхи,
А жовнѣры на чотыри,
Гранатыри горнутъ крылы;
На тôй горѣ кôнь Турецькій,
На нêмъ сидитъ сынъ Крôлевскій,
Въ правôй руцѣ лукъ тримае,
А зъ лѣвой ся кровь зливае;
На тôй крови воронъ краче,
А по сыну мати плаче:
«Не плачь, мати, та й не дуже,
Не бувъ я ще въ вôйнѣ дуже!»

24.

Ой у Львовѣ на рыночку
Пьють жовнѣры горѣлочку,
Ой пьють они, попивають,
Съ собовъ дѣвче намавляють:
«Всѣдай, всѣдай, дѣвче съ нами,
Съ молодыми жовнярами!» —
«Не буду я съ вами всѣдати,
Не позволить отець, мати.»
Дурне дѣвче послухало,
Всѣло на вôзъ, поѣхало,
Ѣде нôчку и другую,
А на третью треба спати,
Кониченькôвъ попасати,
До батенька листъ писати,
Най ся батько не журбуе,
И посагу не готуе,
Ой бо я вже посагъ брала,
Пôдъ яворомъ зеленькимъ,
Изъ жовнѣромъ молоденькимъ.

25.

(I, 145; Паул. II, 51.)

Вандрували вуланчики, счастлива имъ дорога!
«Бувай же ми, моя мила дѣвчинонько, здорова!»
«Чомъ ты мене, моя мати, раньше не будила,
Коли тая компанія зъ села выходила?» —
«Чи ты мѣнѣ, моя доню, нынѣ одурѣла,
Що ты того вуланчика теперь полюбила?»
Спускалися вуланчики зъ горы на долину:
«Подивися, дѣвчинонько, въ новую кватыру!»
Ой летѣла зазуленька, та й казала: куку!
Подай, подай, дѣвчинонько, безъ вôконце руку!
Ой летѣла канюка пострѣлена зъ лука:
А вже жь мѣнѣ, дѣвчинонько, съ тобою розлука!»

26.

(Паул. II, 62.)

Ой не шуми, дубровонько,
Ой не шуми, зеленая,
Во три ряды садженая,
Не шуми ты надо мною,
Якъ я буду йти тобою,
Но зашуми тои хвилѝ,
Якъ я буду за три милѝ!
Стоятъ въ полѣ двѣ тополѣ,
На тополѣхъ два соколы:
«Ой ты, сивенькій соколе,
Не клопочь мѣнѣ головы;
Бо я и такъ клопôтъ маю,
Вôдъ роду ся вôдôймаю!»
Дубъ на дуба похилився,
Сынъ матерѣ поклонився:

«Бувай, менѣ, мамо, здорова!» —
«Счаслива ти, сыну, дорога!»
Зъ Золочева ажь до Львова,
А зъ Львова ажь до Вѣдня,
Головонько жь моя бѣдна!
Въ Львовѣ будете присягати,
Головы вамъ будутъ обстригати;
Цѣсарови будете служити,
А за родомъ не тужити!

27.

(I, 142; Паул. II, 61.)

Зойшовъ мѣсяць и зоря,
Кличутъ Войта до двора:
Иде Сотникъ, иде Войтъ,
Та й съ громады чоловѣкъ;
Взяли раду радити,
Якъ рекрутовъ ловити.
Я ночувавъ въ дубинѣ,
Не чувъ емь въ той новинѣ;
Дала сестра брату знати:
«Будутъ до рекрутовъ брати!»
А я на то не зважавъ,
По малу ся обувавъ,
Отворивъ я кватыру—
Обступили хатину;
А я зъ хаты до коморы,
А зъ коморы до стодолы,
Подхопивъ емь жита снопъ,
Сховавъ емь ся на самъ-споду.
Ой приходитъ самъ панъ Войтъ,
Узявъ зъ мене жита снопъ:
«Вставай водти, коханку!
Потребуютъ до замку;
Атаманы, берѣте!

Назадъ руки вяжѣте!»
Атаманы пôрвали,
Назадъ руки звязали;
Ведутъ мене чрезъ село,
Спѣваю си весело;
Завели мя пôдъ браму:
«Чекай, Вôйте, най стану,
Най си руки поправлю,
Отцю, матцѣ поклонюсь!»
Вôйтъ ся того догадавъ,
Чтыри людей варты давъ.
Выходятъ старѝ жовнѣры,
Берутъ мене до мѣры;
Ще 'мь до мѣры не дôставъ,
Уже 'мь ся тамъ та й зôставъ.
Даютъ менѣ камашѝ,—
Заплакали всѣ нашѝ;
Даютъ менѣ катанки—
Заплакали коханки;
Даютъ менѣ капелюхъ,—
Тото я си жовнѣръ зухъ!
А карабѝнъ нэ плаче,
Теперь жовнѣръ не втече!

28.

(T. I, 142, 144.)

Ой сталася новина,
Кличутъ Вôйта до двора;
Взяли раду радити,
Где бы бранця узяти.
Ой є въ вдовы одинъ сынъ,
Буде жовнѣръ вдовинъ сынъ.
Дала мѣнѣ сестра знать:
«Тѣкай, тѣкай, рòдный братъ!»

Я на тое не вважавъ,
По малу 'мь ся убиравъ;
Подивлюся въ кватырку—
Повно Ляхôвъ на рынку.
Єдинъ чобôтъ на нозѣ,
Ой а другôй у руцѣ,
Ой скочивъ я въ комору,
А съ коморы въ студолу,
Пôдоймивъ я житній снôпъ,
Сховавъ я ся на самъ спôдъ,
А Вôйтъ мене за плече:
«Вже вдовій сынъ не втече!»
Ведутъ мене до двора,
Уже фŷра готова.
Гдесь взяли ся й жовнѣры,
Кладутъ мене до мѣры,
Даютъ мѣнѣ черевикъ,
Я до того не навыкъ;
Даютъ мѣнѣ камашŷ,
Плачутъ, плачутъ, всѣ нашŷ;
Даютъ мѣнѣ катанки—
Плачутъ мои коханки;
Даютъ мѣнѣ гребенець—
Плаче мати и отець;
Дали шаблю та й коня:
«Рушай, жовнѣръ, до огня!»

29.

(Отрывокъ.)

Черезъ гору Михайлову
Идутъ комŷсары:
«Женѣтеся, ледѣники!
Берутъ у гусары.

* *

Хоть ся женѣтъ, хоть не женѣтъ,
Не поможе жёнка;
Однако метъ выбивати,
Теляча тобôвка».

30.

(I, 148; Паул. II, 156.)

Въ Тернополѣ, славнôмъ мѣстѣ,
Звербовали хлопцёвъ двѣстѣ;
А чѣмъ же ихъ звербовали?
Злотыхъ грошей даровали.

* *
*

Въ Тернополѣ, славнôмъ мѣстѣ,
Звербовали хлопцёвъ двѣстѣ,
И конюхи, и писарй,
У вуланы приставали.
Пристань, Юрку, до вербунку,
Будешь ѣсти зъ масломъ курку,
Будешь ѣсти, будешь пити,
Будешь якъ панокъ ходити.

* *
*

Забудь тата, забудь маму,
А самъ пристань у вуланы!
Теперь маешь горевати,
Лѣпше въ вôйску пановати.

* *
*

А въ уланахъ даютъ гроши,
Будешь багатый, хорошій,
Будешь ѣсти, будешь пити,
И хороше въ чѣмъ ходити.

Утни паса на рамена,
Служитъ жовнѣръ за улана:
Кита бѣла, киверъ чорный,
Хлопець гожій и моторный!

31.

(Паул. II, 56.)

Въ тòмъ мѣстечку Калучу
Сидятъ паны рядами:
Стали раду радити,
Якъ бы бранця зловити:
«Не берѣмъ того багача,
Буде панамъ докучавъ;
Возмѣмь того сироту,
Позбудемся клопоту!
А ни̂ батька, а ни̂ мати,
Нема кому плакати,
А ни̂ брата, а ни̂ сестры,
Нема кому провести!»

32.

(Паул. II, 59.)

Ой весна, юже красна, юже красна, юже зò стрѣхъ капле,
Ой юже тобѣ, Козаченьку, вандровочка пахне!
Вандровавъ нòчку, другу, вандровавъ цѣлыхъ три дни̂.
Завандровавъ ажь до Рѣшнева, та на гòрши̂ злыдни̂
А въ Суботоньку въ вечереньку до рекрутòвъ забрали,
А въ Недѣлоньку, по службѣ Божòй, до Бережань погнали.
Ой котри̂ були Огынѐвскіи, тыи ся выкупляли,
А котри̂ були бѣдни сироты, тыми ся заступляли.
Ой летитъ воронъ вже по надъ Дунай, та й жалòбненько краче:

Ой не єденъ отець, не єдна мати, за своимъ сыномъ плаче
Ой ступай, коню, ты пôдо мною на крôвавыи рѣки,
Бувай здорова, родино моя, пропавъ же я на вѣки!
Ой ступай, коню, ты пôдо мною на розбитую груду,
Бувай здорова, родино моя, вже я у тебе не буду!

33.

(T. I, 146.)

Ой у поли густый теренъ росте,
А тѣмъ терномъ вбита стежка иде;
Не такъ стежка, якъ вбитый шлячокъ,
Ѣхавъ нею Осударскій Ляшокъ;
За тимъ панкомъ сѣмь Маіорôвъ идутъ,
А за ними сивй конй женутъ,
А за кôньми новобранчики идутъ,
А зъ бокôвъ имъ тарабанчики бьютъ;
Оченька имъ позаплакованй,
Бѣлй лицй позамургованй,
Рученьки имъ позавязуванй,
Нôженьки имъ позаковуванй.
А за ними отцй, матери, идутъ,
Тонкй бѣлй сорочки несутъ:
«Ой ты, сыну, та й детино моя,
А где жь ты свôй злотый перстêнь подѣвъ?»—
«Злотый перстêнь тарабанчикамъ давъ,
Щобы вôнъ насъ ранесенько побуджавъ,
Та щобы намъ ладно маршъ выгрававъ.»—
«Ой ты, сыну, та й детино моя,
А где жь твоя люба, мила, дружина.»—
«Ой у поли тамъ высока могила,
Ой тамъ моя люба, мила, дружина!»

34.

(T. I, 137.)

Ой я несчасливый на свѣтѣ народився,
Кôнь вороный, я молодый, и ще не женився!
Продай, матусенько, коня вороного,
Та ожени мене, нене, хлопця молодого!»—
«Не треба, сыноньку, коня продавати,
Пишутъ чорнымъ по бѣлому, хтятъ до вôйська взяти!»—
«Ой я, матусенько, вôйська не боюся,
Кôнь вороный, я молодый, зъ вôйська выслужуся.»
Ой на горѣ жито, жито, на долинѣ жито:
Подъ бѣлою березою тамъ жовняра вбито;
Ой убито, вбито, затягнено въ жито,
Чорненькою китаёчковъ личенько накрыто.
Ой выйшла дѣвчина изъ новои хати,
Пôдôймила китаёчку, взяла жаловати.
Ой выйшла другая, уже не такая,
Пôдôймила китаёчку, ревне заплакала:
«Ой встань, жовнярику, устань, молоденькій!
Ходитъ, блудитъ, по дубровѣ твôй кôнъ вороненькій!»—
«Ой най же вôнъ блудити, най ся выблуджае,
Вôнъ до моёй матусеньки дороженьку знае!»

34.

Кровавая дороженька до самаго Вѣдня,
А ктожь её покровавивъ?—Рекрутоньки бѣдни.
Не такъ Цѣсарь, не такъ Цѣсарь, якъ Цѣсарска мати,
Хтѣла нами, сиротами, Польщу звоёвати.
Ой скрипочки изъ липочки, а кôлочки зъ руты,
Якъ заграютъ а во Львовѣ, на всю Польщу чути.
А скрипочки изъ липочки, а струны зъ барвёнку,
Якъ заграютъ а во Львовѣ, чути на Вкраинку.

35.

Ой служивъ я у Цѣсаря,
Заслуживъ на ласку:
Бѣлый ремѣнь черезъ плечѝ,
А на челѣ бляшку.

* *
*

Ой Цѣсарю, Цѣсареньку,
На що насъ вербуешь?
Ты не сѣешь, а нѝ жнешь,
Чимъ насъ выгодуешь?

* *
*

«Не бо̀йтеся, поро̀бочки,
Вы богатѝ сыны,
Ой маю я за кордономъ
Чтыри магазины:

* *
*

Єдинъ сѣна, единъ сѣна,
А друго̀й половы,
Третій во̀вса, третій во̀вса,
Четвыртый соломы.

* *
*

Буду я васъ годовати
Сѣномъ та ололововъ,
А буду васъ высылати
Цѣсарсковъ дороговъ.»

(Изъ Жолковскаго Уѣзда.)

36.

Ой ковала ми зазулька въ Раховомъ повѣтѣ:
Въ Коломыѣ одбираютъ якъ зимѣ, такъ лѣтѣ:
Въ Коломыѣ одбираютъ, до Вѣдня сгоняютъ,
А у Вѣднѣ на толоцѣ рейментъ сбиваютъ.
Та бо я тамъ бувъ два разы, ще й третій разъ буду,
За третій разъ якъ ся не здамъ, воякомъ не буду.
Кобы я Бога допросивъ, абы я здоровый,
Давъ бы Цѣсарь безъ крайцара ввесь мундуръ готовый;
А давъ бы бѣлый сердачокъ, та й голубй гачй,
Та й на пять день сороковца, ать статокъ, сараче!
Котрый тамъ бѣды не видѣвъ, гаразду не знає,
Сидитъ собѣ подъ касарнёвъ, гвером обертає:
А я ходивъ того року, дививъ я ся зъ боку,
Такъ жовнярамъ крутя уха, якъ потакъ волоковъ;
А не за то имъ крутили, що добре ходили,
Але за то имъ крутили, що горѣвку пили.
Бо паны тимъ не требуютъ, що охочне ходитъ,
Бо вонъ пускає гверъ зъ руки та спйсы поломитъ:
А водъ пановъ до воякувъ розказъ господарскій,
Абы спйсы не ломити, бо то даръ Цѣсарскій.
Ой бо Цѣсарь гверъ не дававъ, шобы то псовати,
Але шобы на кождый день квачемъ пуцовати;
А не на то пуцовати, шобъ они не гнили,
Але на то пуцовати, шобы ся блищали.

37.

Овва! що ми за страхъ буде, що воякомъ стану.
Дасть ми Цѣсарь безъ крайцара скоряну крисаню.
А я сесе правду кажу, цы ты чуешь, уйку?
Дасть ми бѣлу камйзельку, орѣхову люльку.
Буду въ Цѣсаря служити, въ Цѣсаря дуфати,
Таке ми дасть лудинячко, що ме сй лискати,
На водслузѣ мй вырядитъ, отъ якъ козу хрому,

Добре сдере, драптаве дасть, тогды йди до дому!
А я въ свое село прійду шось погаздовати,
Прійдутъ, возмутъ десятники сердачину зъ хаты,
А нѝмъ шухи вòдрубаю, шäрварокъ вòдроблю,
Доти сердачокъ пропаде, другій не зароблю,
За крайцара теперь тяжко, я другій не куплю,
Студеный морозъ потисне, голый ся облуплю.

38.

Изъ 1859 года, записана отъ Русскаго солдата Австрійскаго полка Парма, Коломыйскаго Округа.

(См. «Голосъ народный,» газета изд. въ Коломыѣ 1866 г., № 22.)

Та кувала зазулиця ой на моѐмъ току:
Чи чули вы, люде добры, девятого року?
Але жь бы то бай не чули, бо не були 'мъ дома,
Та коли ся починала изъ Французомъ война.
Чи вы чули, люде добры, та такѝ публѝки,
Що забрали въ Коломыѣ рекрутòвъ на вѣки?
Але жь в'ни ихъ та й забрали, не пустили къ хатѣ,
А взяли ихъ, хло, пòдъ варту, гоня на бараки.
А взяли ихъ, хло, пòдъ варту, та тамъ зецеруютъ,
Котрый носа утирає, на остро штрофуютъ.
Та кувала зазулиця на зеленòй рутѣ:
Та займили на Сѣмбѝрки сараки рекруты.
Та займили на Сѣмбѝрки черезъ одну стацью,
Пригнали ихъ у Германштатъ, дали на касарню:
А тамъ нòчку, хло, ночуютъ, днинку зецеруютъ,
Коломыйску зецирочку ничь не потребуютъ.
А теперь мы несчасливы хлопцѝ молодыи,
Пала карта вòдъ Цѣсаря съ тои Италіи;
Пала карта вòдъ Цѣсаря зъ самой Вероны;
А щобы мы, молоденькѝ, ступали до войны.
А чекайте, камратиска, горѣлки напьемся,

Бо вже, вѣдай, камратиска, вòдти ве вернемся!
Горѣлки ся якъ напили, ни чо не гадали,
Двѣ стаціи якъ зробили, то всѣ попадали.
Тамъ Обершты та Маіоры бефель выдавали,
Официры-Капйтаны намъ наказовали:
«Якъ будете такъ робити, будете каранй!»
Теперь мы ся, молоденьки, дочекали бѣды!
Три стаціи на день робимъ, не ѣмо обѣды.
А якъ пришли въ Италію до самои войны,
А теперь мы, камратиска, ни чого не годны.
Але Парма бо счаслива, Бога допросила,
Лише прійшла въ Италію, война ся скòнчила.
А теперь мы, камратиска, вернѣмся до Вѣдня,
Мы кляйники поскидали, якй стали бѣдны.
А у Вѣдня тяжка служба, а ще почта ходитъ,
Въ Италіи еще гòрьша, най Господь боронить!
А що то въ той Италіи тамъ воды солены,
Якй були регимента, то всѣ заморены.
Тому добре, брате, въ вòйску, що жѐнки не маѐ,
А вòнъ свою службу робитъ, та ничь не пытаѐ;
Але що тотъ, хло, женатый дуже штудеруѐ,
А якъ пòде до шпиталю, та й тамъ крепируѐ.

39.

Коничку мòй сивый!
Будь мѐнѣ счасливый!
Якъ пòду на войну,
Бы 'ня не забили.

* *
*

Бо кедь 'ня забіють,
Вержуть 'ня до решту,
Будуть до 'ня ходить
Хлопцй на перечку.

Бо кедь 'ня забіють.
Вержуть 'ня до ярку,
Будуть до 'ня ходить,
Дѣвки на фіялку.

* *
*

Я коничка поивъ,
Мила воду брала,
Я собѣ заспѣвавъ,
Мила заплакала

* *
*

Я собѣ заспѣвавъ
На сивôмъ коничку,
А в'на заплакала
Въ зеленôмъ гаичку.

(Изъ села Лучки Бережскаго Уѣзда.)

40.

Эй, пôду я въ полонину вôвцы зимовати,
Цы не будешь, моя рыбко, за мновъ бановати?
Эй пôшовъ я въ полонину сѣнечко косити,
Пришли мене добры люде въ катуны имити.
Єденъ каже: «Побратиме!» Другій каже: «Куме!»
Третій мѣнѣ по пôдъ плечи мотузище суне;
А я собѣ, бѣдный, гадавъ, ожь сѣно докошу,
Дали менѣ карабйнъ, най я тото ношу.
Карабйне, карабйне, ой на мою душу,
Цѣлый рôкъ емь полёвавъ, носити тя мушу!

(Запис. въ околицѣ Мистичева Бережскаго Уѣзда.)

41.

Кедъ ти мои власы
Въ Угелю стригали,
То на мою стару матку
Зимну воду льяли.

* *
*

Идземъ горе, долу,
Ажь ше дражка кури,
Пойдземъ до касарнй,
Ажь ся трясуть муры.

* *
*

Эй не веримъ себе,
А нй, мила, тебе,
А нй тей кошулѣ
Що ê мамъ на себе.

* *
*

«Не поздравляй ты мня,
Отъ вышнего конца,
Бо я поздравлена
Отъ єдного хлопца!»

(Изъ Земплинскаго Уѣзда.)

42.

Угелю, Угелю, несчесный Угелю!
Я до тебе идземъ не за своёвъ волёвъ.

Плакала стара маць, плакалй двы шестры,
Якъ на мнє вйдзелй тенъ мундйръ воемскй.

Тенъ мундйрь воемскй, шабличку при бочку,
Теразъ заволайце мою фраирочку!

Зъ Кошицкей касарнй кришталёвй очка,
Хто мою миленку тей ночи побочка?

Хто бы ю побочкавъ, побочка ше сама,
Бо на моемъ бочку шабля прйкапчана.

43.

Кедзъ сомъ ишолъ презъ Видиянске полё,
Заплакалй чарне очка моё.

Попатрелй на тоту долйну,
Кадй 'мь ишовъ въ Чйсарскомъ мундйру,

На Кошицкей банй вышйваютъ панй,
Ужь Янйчка ведутъ подъ карабйнамй.

Помалй го ведте брезъ Суковске полё,
Нягай ся напастря чарне очка моё!

Идземъ до Угеля, ажь ше дражка кури,
Придземъ до касарнй, ажь ся трясутъ муры.

Угельска касарня, бодай єсь сгорѣла!
Не єдна стара маць при тебе зомлѣла.

44.

Мамко моя стара,
Дай ме за гусара!
Будешь мати слеболу
Отъ пана Чисара!

* *
*

Я не пôду до лѣса,
Древо рубацъ не буду,
Древо бы мя забило,
Што бы дѣвче робило!

45.

Зъ Кошицкой касарнй
Хлапцы выпатраютъ,
Ажь ся по подъ горы
Бучки розвиваютъ.

* *
*

Лемъ ся не розвила
Та една липочка,
Што подъ нёвъ сидѣла
Моя фраирочка.

* *
*

Презъ татарку, презъ овесь,
Отъ фраира ти моресь,
Отъ фраира моего,
Няй мать кажда своего!

46.

Иду за дражечковъ,
Ажь ся дражка кури,
Вôйду до касарни,
Ажь ся трясуть муры.

* *
*

Не за то ся трясуть,
Же я до нихъ пришолъ,
Лемъ ся за то трясуть,
Же фраирка у нихъ.

* *
*

Докля жію та си пію,
Та и себе сваволюю,
А якъ зумремъ, буду лежацъ,
Може пре мне яркомъ бежацъ.

* *
*

Коли жіемъ та и піемъ,
Та и себе сваволюємъ,
А якъ зумремъ, будземъ лежацъ,
Може пре мне яркомъ бежацъ.

(Всѣ 3 изъ села Чабы Лаборскаго Округа Замленскаго Уѣзда.).

47.

(Зап. Русск. Геогр. Общ Спб. 1867, I, 674.)

На Дунаѣ шматья прала,
На милого погледала,
Видала го на коню,
Коли ишовъ на войну.

«Чекай, милый, догоню тя,
Мамъ я тысячь, умѣню тя!».
Ай бо мене не дадутъ,
Бо 'ня у Самборѣ чекавутъ.

* *
*

«Ки бы бывъ емь простый воякъ,
Щê бы было тото даякъ,
Ай бо я емь Копитанъ,
Въ регементѣ старшій панъ.»—

* *
*

«Дали мѣнѣ кошульку працъ,
Не казали розкручовацъ,
А я взяла, розкрутила,
Бы му была ручка бѣла.

* *
*

На тôй ручцѣ златый перстень,
На перстенѣ мурно-камѣнь,
На камени сивый кôнь,
Сидитъ на нѣмъ милый мôй.»—

* *
*

«На тôмъ конѣ зброи многи,
А въ тыхъ зброяхъ мила моя:
Зостань здрава, кому хцешь,
Бо вже моя не будешь!»

48.

Щê 'мь ся не звербовалъ,
Уже 'мь катоначокъ,
Пришовъ ми сивый кôнь
Та ставъ пудъ облачокъ,

Коничку мôй сивый,
Будь же ми счасливый,
Якъ пôду на войну,
Бы 'ня не забили!

* *
*

Кедь мене забіютъ
Верзьте 'ня до ярку,
Будутъ до 'ня ходить
Дѣвки на фіялку;

* *
*

Дѣвки на фіялку,
Хлопцй на перечко.
Зôставай здорова,
Моя фраиречко!

49.

Не самъ иду у катуны,
Ведутъ мене люде,
Прійде така годиниця,
Бирôвскый сынъ пôде.

* *
*

Прійде така годиниця,
Прійде така днина,
Што поплаче Бирôвочка:
«Де моя дѣтина?»

* *
*

Якъ я пôду у катуны,
Катуникомъ буду,
А за тебе, файна рыбко,
Нигда ни забуду.

Ой Дунаю, Дунаечку,
Та покольшися!
Прійди, прійди, моя мила,
Та наголосися!

Записаны въ Мукачевскомъ уѣздѣ.)

50.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 679.)

Мила моя, мила,
Ни чорна, ни бѣла,
Менѣ черезъ тебе
Вечеря не мила!

* *
*

Я вечерю лишу,
Та до тебе бѣжу,
Тебе общѣлую,
А самъ машпрую.

* *
*

«Машпруй, машпруй,
Молодый воячку;
Справлю ти лавочку
На каждомъ ярочку.»

* *
*

Бо я машпрую
Каждои годины,
Бо я вторваный
Вотъ своей родины

* *
*

«Пошовъ милый, пошовъ,
Онь дорожка курить,
А я за нимъ смотрю,
Головка миня болить.»

51.

(Зап. Русск. Геогр Общ. 1867, I, 682.)

Ищê 'мь такъ молодый,
Уже 'мь катуначокъ;
Ходитъ мôй сивый кôнь
По пôдъ той облачокъ;

* *
*

«Коничку мôй сивый!
Ци я несчасливый?
Ци тота дѣвчина
Съ чорныма очима?

* *
*

Ци тота дѣвчина
Съ чорныма очима,
Ци тота година,
Што ся въ ней зродила?

* *
*

Спѣваночки мои,
Де я васъ подѣю?
Пôду до лѣсика
Тамъ я васъ посѣю.

* *
*

Тамъ буде миленька
На траву ходити,
Мои спѣваночки
Буде находити.

* *
*

Кедь намъ ся молодымъ
Не дали побрати,

Пôдеме до гаю
Наробиме жалю!

* *
*

Наробиме жалю
И своéй родинѣ,
Мы ся побереме
Й̃ въ далекôй краинѣ.

52.

Ищê разъ, ищê разъ,
Прійду, дѣвча, до васъ,
Кеды ми тя не дадутъ,
Звербуюся до разъ.

* *
*

Вербуютъ, вербуютъ,
По подъ зеленый гай,
А а ся звербую,
Тобѣ, мила, на жаль!

53.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I, 683.)

Солодка ма бѣла рыбко,
Солодкій мôй меде,
Якъ же намъ ся сего рочку
Любити не веде!

* *
*

Єдно намъ ся не повело,
Бо люде зознали,

Другой намъ ся не повело,
Тебе въ войну взяли.

* *
*

Будутъ тебе, мой миленькій,
Пакъ до войны звати,
Мене будутъ молоденьку
На смерть розраджати.

* *
*

Будешь ити колись зъ войны,
Издыхни до Бога:
«Охъ, де лежитъ, почиває,
Ма люба розмова!»

* *
*

Якъ ми прійдешь на гробочокъ,
Не кивай землею,
Бо не знаешь, якъ ми тяжко
Лежати подъ нею.

54.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. 1867, I. 690.)

Ой пуйду я у катуны,
Катуникомъ буду,
Ищѣ за тя, файна рыбко,
Нигда не забуду.

* *
*

Ой забуду, та забуду,
За отца, за матку,
А за тебе не забуду
Нигда до остатку.

55.

Отъ Унгвара сыпана дражечка,
Стоитъ на ней моя фанречка;
Стоитъ, стоитъ, ручкй обламує,
Же ей фанръ зъ Кошицъ машерує.

* *
*

«Не плачь, мила, моє поцешенье,
Шіютъ шаты на мя въ Дебрецинѣ.
Шіютъ, шіютъ, але не мѣряютъ,
Яй, Боже мой, Боже, цы ся на 'ня здаютъ!

* *
*

Кедъ они ся на 'ня не придаютъ,
Дамъ ихъ прешицъ на инакшу страну.
Бѣле платно, чарне выложенье,
Остань здраве, моё поцешенье!»

* *
*

«Якъ я не мамъ прегоречнє плакацъ,
Кедъ ты мушишь по тѣмъ блаце шлямпацъ,
Кедъ це видзимъ въ месце Оломуце,
Де ся екзецируютъ вши тоты регруцы!»

56.

Эй, Боже мой, яка 'мь нещеслива!
Заяли ми Французы моєго фанра!

Кебы ми го назадъ наврацили,
Добру бы мнє волю уробили.

57.

Пониже Тернавы поточокъ кѝрвавый,
Моя мацъ думала, же то зъ моей главы.

Не зъ моей то главы, лемъ зъ мого конѝчка,
Цо го порубала на войнѣ шаблѝчка.

58.

Кедъ сомъ ишолъ одъ Унгвара до Тальи,
Зъ мого коня подковечки спадалѝ.

Эй лемъ ты 'ня, мой конѝчку, добре несъ,
Дамъ ци пребѝцъ подковечки ѐшѐ днесъ.

Дамъ ци пребицъ подковечки съ клѝнкамѝ,
Будзешь ходзицъ по Сукове кованый.

Дамъ я тебе подковечки подковацъ,
Дамъ я тебе сѣделечко змалёвацъ.

59.

Мои жолты власы зъ мене зостригали,
Зъ Кошицкого моста до воды зруцали.

Мамко моя стара, не старайся о мне!
Бо ты не выховашь добре дзецко зо мне.

Гварила моя мацъ, же мне будзе женѝцъ,
Она мнѣ не могла зъ касарнѝ выменѝцъ.

Хоцъ бысъ, мамко, дала качку и когута,
Вера не выменѝшь зъ касарнѝ регрута!

60.

(Изъ Угорской Руси. См. Грамматику Лучкая 166.)

Братья! Что нового?
Не бойтесь ничого.
Война настала,
Отъ Кесаря пана
Уже выволана.
Абы держала
Армада Кесарска
Противъ Турка велькаго,
Слѣпого погана,
Свѣтского тирана,
Же поведе войну,
Не опуститъ ему
А ни жадному.

61.

(См. Грамм. Лучкая 167.)

Въ Мукачевскомъ замку
Мавъ емь Маріанку,
Я ю добрѣ знавъ;
Кедь ю зъ рукъ выпущу,
Геть отыти мушу.
Потѣшь тя Богъ зъ неба,
Ожь прочь ити треба,
До поля на Турка;
Отъ Турка на Брандебурка
Буду воевати,
И кровь проливати
За васъ, дѣвчата.

62.

(Паули II, 157.)

Рано, рано, ранѝчко,
Уже уставъ панѝчко,
Преходится по рынку,
Приноситъ намъ новинку;
А новинку такую,
Што въ уланы вербуютъ:
Звербовали Янѝчка,
Та дали му конѝчка,
И конѝчка и шаты,
Штобы далѣй рушати.

63.

Якъ будемо машеровать,
Скажемо си буты ковать
Золотыми пôдкôвками;
Машеруйте, дѣвки, зъ нами!

64.

Плакала мамочка,
Плакала сестричка;
Ожь ми ся удала
До боку сабличка.
Сабличка не моя,
Пана Чѣсарова,
Кедь ся зъ невъ вурубамъ,
То серенча моя!

65.

(Зап. Русск. Геогр. Общ. Спб. 1867, I, 674.)

«Чесарю, Чѣсарю!
На што насъ вербуешь?
Малу машь крайну,
Чимъ насъ выгодуешь?»

* *
*

Не бôйтеся, хлопцй,
Чѣсарского гладу,
Сѣвутъ вамъ пшеницю
Коло Бѣлограду.»

* *
*

Бѣлоградъ, Бѣлоградъ!
Война на немъ стоитъ,
Не єдного хлопця
Головка заболитъ.

* *
*

Єдного заболитъ,
А десять упаде,
Не єдной матери
Тамо й сынъ пропаде!

66.

Вояцы, вояцы,
Вшиткы сте єднацы,
Якъ бы васъ родила
Єдна стара мати!

* *
*

Вербувутъ гусари
По подъ зеленый гай,

И я ся звербуву
Своéй милóй на жаль.

67.

О Кошутѣ.

Сидитъ Кошутъ, сидитъ,
На высокóй драбинѣ,
Пише листы, пише,
По Угорскóй Краинѣ.

* *
*

Ци на жалость, на жалость,
Ци на вельки зармутокъ;
Шкода, Боже, шкода,
Сесь Кошутóвъ вербунокъ!

* *
*

Кошуте, Кошуте!
На што насъ вербуєшь?
Мало машь пѣнязи,
Чѣмъ насъ выгодуєшь?

* *
*

Шкода, Боже, шкода,
И Кошута самого,
Што вóнъ утéкъ, што утéкъ,
Изъ орсагу своёго!

ОГЛАВЛЕНІЕ

Посвященіе.
Предисловіе . . . . . I—II

ПѢСНИ.

Дѣтскія.

Стр.
1. Баюшки баю! 1
2. Баюшки баю, живетъ баринъ на краю . . . . . —
3. Баюшки баю, спи по ночамъ 2
4. Сонъ и дрема 3
5. Баю, баю зазыбаю . . . . . —
6. Бай, качи! 4
7. Гурката, гурката . . . . . —
8. Гулюшки, гуди 5
9. Богъ тебѣ далъ 6
10. Котинька, котокъ 7
11. Котикъ сѣренькій . . . . . —
12. Ай, ты котинька, котокъ 8
13. А тари, тари, тари! 9
14. Бай, бай да люли . . . . . —
15. Ни шумъ шумитъ, ни громъ гремитъ 10
16. Молодой Турчанъ тещу въ полонъ взялъ 11
17. Потягунушки 12
18. Потягунушки, порастунушки . . . . . —
19. Дыбочки, дыбокъ 13
20. Скокъ, поскокъ . . . . . —
21. Вода текучая . . . . . —
22. Донъ, донъ, донъ 14
23. Донъ, донъ, донъ . . . . . —
24. Тень, тень, потетень 15
25. Тень, тень, потетень . . . . . —
26. Тень, тень, потетень 16
27. Потетень, потетень . . . . . —
28. Токъ точкомъ 17
29. Три-та, та, три-та, та . . . . . —
30. Костромушка, Кострома . . . . . —
31. Ворона, ворона 18

Стр.
32. Ворона, ворона 19
33. Сорока, сорока . . . . . —
34. Галки, вороны 20
35. Горбъ, горбокъ 21
36. Ладушки, ладушки . . . . . —
37. Лапки, вы, лапки 22
38. Матышки, матышки . . . . . —
39. Тпру, тпру, тпру! . . . . . —
40. Туру, туру, пастушокъ 23
41. Туру ногу пишетъ 24
42. Туру, туру, пастушокъ 25
43. Каледа, каледа 26
44. Туру, туру пѣтушокъ 27
45. Буденъ, ты буденъ 28
46. Буденъ, ты буденъ 29
47. Кукареку, кочетокъ 30
48. Кукареку, пѣтушокъ . . . . . —
49. Ты Маланья, Маланья душа 31
50. Волкъ на болотѣ 32
51. Зайчикъ, ты зайчикъ 33
52. Куколка, куколка 34
53. Куколка, куколка 35
54. Ты куколка . . . . . —
55. Лучина, лучина 36
56. Чики, чики, чикалочки 37
57. Чики, чики, барабанчики . . . . . —
58. Чики, чики, барабанчики . . . . . —
59. Чили, чили воробей 38
60. Татарки, Татарки . . . . . —
61. Сяду на лавку . . . . . —
62. Купили корову 39
63. Трухачиха съ трухачемъ . . . . . —
64. Тринка, бринка . . . . . —
65. Поди, утушка, домой 40
66. Ай дуду, дуду, дуду . . . . . —
67. А дуду, дуду, дуду 41
68. А чучу, чучу, чучу 42

Стр.
69. Солетались къ совинкѣ 43
70. Сова ль моя, совушка 44
71. Тараканъ дровосѣкъ 45
72. Затопила избушку 46
73. Какъ у бабушки козелъ . . . . . —
74. У бабушки козелъ 47
75. Былъ у бабушки козелъ 50
76. Какъ у насъ то козелъ . . . . . —
77. Скачетъ галка 51
78. Гришка воръ . . . . . —
79. Не въ чемъ галкѣ 52
80. Дождикъ, дождикъ, перестань 53
81. Дождикъ, дождикъ, перестань . . . . . —
82. Дождикъ, дождикъ, припусти 54
83. Дождикъ, дождикъ, припусти . . . . . —
84. Дождикъ, дождикъ, пуще . . . . . —
85. Дождикъ, дождикъ 55
86. Солнышко, солнышко . . . . . —
87. Солнышко, ведрышко . . . . . —
88. Ерема, Ерема 56
89. Афонюшка, братецъ . . . . . —
90. Ванюшка бѣдный 57
91. Дзинь, дзинь . . . . . —
92. Теньти 58
93. Перя, еря 59
94. Зайчикъ бѣленькій . . . . . —
95. Висѣлъ колоколъ на яблонкѣ . . . . . —
96. Прибѣжали два быка 60
97. Лѣзу я, лѣзу . . . . . —
98. Сырая кишка 61
99. Первый банъ . . . . . —
100. Перводанъ, другоданъ 62
101. Перводанъ, другоданъ . . . . . —
102. Перводанъ, другоданъ 63
103. На коломи, на соломи . . . . . —
104. За черемя, за беремя . . . . . —
105. А Ваня—Капитаня . . . . . —

Стр.
106. За черемя, за беремя. 64
107. Перводанъ, другоданъ . . . . . —
108. Первенчики . . . . . —
109. Показъ, помазъ. 65
110. Корень . . . . . —
111. Ваня, баня . . . . . —
112. Кутейники рыгачи. 66
113. Обманули дурака . . . . . —
114. Михайла Кортома. . . . . —
115. Кривъ—кривца 67
116. Косой бѣсъ . . . . . —
117. Какъ по рѣчкѣ, по рѣкѣ. 68
118. Иванъ болванъ . . . . . —
119. Хохолъ, мохолъ . . . . . —
120. Дядя Тарасъ. 69
121. Акулина съ высока. . . . . —
122. Никита волокита . . . . . —

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Къ № 12:
У котика, у кота. 70
Къ №№ 15 и 16:
На горѣ, на горѣ, да крутой. 70
Къ тѣмъ же №№ 15 и 16:
Спи, усни, мое дитятко. 72
Къ тѣмъ же №№ 15 и 16:
Какъ за той, за той. 73
Къ №№ 24—27:
Тень, потетень. 74
Къ № 33:
Сорока, сорока. 75
Къ №№ 41, 42, 43, 44 и другимъ подобнымъ:
Дѣвушки выбираютъ и т. д. 76

Стр.

Къ №№ 52 и 54:

Въ предисловіи къ «Русскимъ пѣснямъ» 77

Къ №№ 53 и 55:

Захарка, игра дѣтская 79

Къ №№ 104 и 106:

Всматриваясь въ игру и т. д. 78

Къ № 108:

Первенчики 79

Хороводныя.

Замѣтки I, II . . . . . I—IV

Наборныя.

1. Мимо саду, винограду 83
2. Ѣхали бояре изъ Новагорода . . . . . —
3. Не пора ли намъ, ребятушки, домой! 84
4. Какъ пошла я, молоденька . . . . . —
5. Мальчюшичка молодой . . . . . —
6. Мимо рощицы дорожка пролегала 85
7. Дунай рѣчка широка 86
8. Киселевскіе ребята . . . . . —
9. Ужь мы думали воробушки летятъ . . . . . —
10. Около города Казани 87
11. Свѣтитъ мѣсяцъ передъ горницею . . . . . —
12. Свѣтитъ мѣсяцъ 88
13. Я полю, полю капустку . . . . . —
14. Вейся, ты, вейся, капуста 89
15. Взошелъ миленькій въ покой . . . . . —
16. Воробеюшка гуляетъ въ садочкѣ 90
17. Заинька по сѣничкамъ . . . . . —
18. Какъ за нашимъ за садомъ 91
19. Ваня въ зеркало глядѣлся . . . . . —
20. Какъ на тоненькой ледокъ 92
21. Я не думала, младенька . . . . . —
22. Изъ за рѣчки, изъ за рѣчки 93

Стр.

23. Молодые крестьяне ... —
24. Башмачки мои козловенькіе ... 94
25. Дамки, дамки, дамочки ... —
26. Милъ садился на коня ... 95
27. Не шелкова травушка ... —
28. Не шелкова травушка ... 96
29. Ребята подъ рядъ ... —
30. Не стучи подъ окномъ ... —
31. Я ходила, я гуляла ... 97
32. У Маіора на дворѣ ... —
33. Вы не думайте, дѣвочки ... 98
34. Руби, руби, молодецъ ... —
35. Какъ Масловскихъ ребятъ ... 99
36. Акулина Ивановна ... —
37. Барыня, барыня ... —
38. Какъ на рѣчкѣ, на Валдайкѣ ... 100
39. Ужь ты, Ванюшка, пьянъ ... —
40. По дорожкѣ по большой ... 101
41. Печка, ты печка! ... —
42. Я хожу, хожу по пашенькѣ ... —
43. Дунай рѣчка широка ... 102
44. Я по бережку ходила ... —
45. Какъ у Дуни много думы ... —
46. Молода молодушка ... 103
47. Ты вставай, вставай, дѣвица! ... —
48. Ужь, ты Катя, Катерина ... —
49. У той-то у дѣвушки ... —
50. Какъ Кушальскіе дѣвочки ... 105
51. Какъ Кушальскія ребята ... —
52. Киселевскіе ребята ... 106
53. Ужь ты, яблокъ наливной ... —
54. На огородѣ-то гряда ... 107
55. Ужь ты рябъ, рябоватъ ... —
56. На рѣчкѣ на островкѣ ... 108
57. Ужь вы, дѣвушки красотки ... —
58. По лужкамъ травка ... 109
59. Васинька, Васильюшка ... —

Стр.
60. Солнышко, солнышко 110
61. На улицѣ было . . . . . —
62. Ахъ ты дѣвица, красавица моя! 111
63. Полюбилъ парень дѣвочку . . . . . —
64. Вы, Жаровскія дѣвушки 112

Игровыя.

65. Повѣдайте, дѣвушки 113
66. Какъ у Кати, Кати, да у Катеринки . . . . . —
67 Катенька, Катюшенька 114
68. Мы вечеръ въ торгу торговали 115
69. Мы вечеръ въ торгу торговали 116
70. Какъ въ городѣ во Китаѣ 118
71. Не въ трубу ли я трубила 119
72. Все бы я по горенькѣ ходила . . . . . —
73. По за городу 120
74. Какъ во полѣ яровый 121
75. Я ѣду, поѣду, ой люли, люли! . . . . . —
76. Ужь какъ полно намъ ребята 122
77. Какъ Ефимовъ сынъ Трофимъ 123
78. Какъ на дворѣ дождикъ 125
79. На улицѣ дождь 126
80. По горенькѣ ходитъ 127
81. Свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ 128
82. Охъ, горе! 129
83. Хмель мой, хмелюшка 130
84. Хмель, ты мой хмелюшка 131
85. Какъ въ полѣ ярый хмель 132
86. Хмелина, моя хмелина 133
87. Подъ лѣсомъ, лѣсочкомъ 134
88. Какъ подъ рощею подъ зеленою 135
89. Какъ у нашихъ у воротъ 136
90. Ты вдовушка, вдова 138
91. Подъ рощею, ай люли! 139
92. У воротъ, у воротъ . . . . . —
93. Заинька, походи 141

Стр.
94. Я по полю ходила ... 144
95. Ужь мы сѣяли, сѣяли, ленокъ ... 145
96. Посѣю я, млада, ленку ... 146
97. Подъ калиною, подъ малиною ... 148
98. Ай, ранымъ было, ранешенько ... 149
99. Я по горенкѣ похаживала ... 150
100. Ѣдетъ миленькій, гремитъ ... —
101. Я малешенекъ у матушки родился ... 151
102. Ржица, матушка, колосилася ... 152
103. Какъ и по лугу, лугу, по зеленому лугу ... 153
104. Какъ за рѣчкой, за рѣкой ... —
105. Захотѣлось мѣщанину ... 154
106. Вѣрный мой колодезь ... 155
107. Вѣрный мой колодезь ... 156
108. Пошелъ молодецъ, пошелъ удалецъ ... 157
109. По травушкѣ по муравушкѣ ... 158
110. Хорошъ Егорекъ ... 159
111. Хожу я, гуляю, да по хороводу ... 160
112. Какъ ходитъ зайка ... 161
113. Покажи-ка ты, зятюшка ... 162
114. Гдѣ ты былъ, заинька ... —
115. Заинька, бѣленькій ... 163
116. Заинька, и гдѣ былъ побывалъ ... 165
117. Ты доцы, моя доцы! ... 166
118. Лебединъ, мой лебединъ ... 167
119. Кину колечко подъ облако ... 168
120. Что не селезень по рѣченькѣ сплавливаетъ ... 169
121. И я селезня любила ... 170
122. Варили мы пиво ... 172
123. Не ходи, бѣлъ, кудрявый ... 173
124. Ужь ты зимушка, зима ... 175
125. Ужь ты зимушка, зима ... 177
126. Изъ холопскихъ воротъ ... 178
127. Какъ всѣмъ Царямъ ... 180
128. Какъ во полюшкѣ дубъ шитается ... 183
129. Не бѣлая заря займалася ... 184
130. Вечоръ звали молодца ... —

Стр.

131. Ужь какъ звали молодца 186
132. Пошелъ молодецъ 187
133. Пошелъ молодецъ 188
134. Дѣвки пиво варили сычиное 189
135. Какъ у насъ по лугу, лугу 190
136. Разыгрался ребята 191
137. Изъ за лѣсику темнаго 192
138. Стой ты, моя роща! 193
139. У насъ по травкѣ 194
140 * За нашей деревней 196
143 Вдоль было по травушкѣ 198
144. Что любимый сынъ Иванъ 199
145. Варинька, Варинька 200
146. Я заулкомъ шелъ . . . . . —
147. Мы просу сѣяли 201
148. За чимъ ходишь, Халимонъ . . . . . —
149. Ходилъ, гулялъ, Княжій сынъ, Княжій сынъ 202
150. Я по садицку прошелъ 203
151. По порошѣ, по порошѣ, молодецъ гуляетъ 204
152. Не отдавай меня, матушка, въ ту сторону . . . . . —
153. Изъ лѣсика, лѣсу темнаго 205
154. Люди, люди мои добрые 206
155 Ты, Царевна, пусти меня въ короводъ 207
156. И я улкомъ шла 208
157. Не бѣленькій снѣжокъ 208
158. Что не бѣлый снѣгъ напалъ 210
159. Катя, Катя, Катерина 211
160. Катя, Катя, Катерина 212
161. Во полюшкѣ еленька . . . . . —
162. Всее ночку не спала 213
163. Спонаслалися указы 215
164. Слѣды ль мои, слѣды 216
165. Ой горе, ой горе 217

---

* Слѣдующіе два №№ по недосмотру пропущены.

Стр.
166. Шла утушка по бережку 219
167. Родимая матушка..... —
168. Ходилъ я, гулялъ я..... 221

Пѣсни разводныя или разыгрываннныя.

169. Между горочекъ ишла..... 222
170. Сѣяли дѣвушки ленъ..... —
171. Много розы нащипала 223
172. По саду, садочку..... —
173. Мнѣ нужно сходить..... 224
174. Бѣжу, бѣжу, по пожинкѣ..... —
175. На полатѣ при лопатѣ 225
176. Я по бережку похаживала..... —
177. Роща, ты роща 226
178. Рука за руку взялись ..... —
179. У мово ли у милова..... —
180. Слала, слала, дѣвушка..... 227
181. Иванушка травушку косить..... 228
182. Я на горкѣ стою..... —
183. Во селѣ-то въ Кушалинѣ..... —
184. Несчастная наша доля 229
185. У мово ли у милова 230
186. Ужь мы думали воробушки летятъ..... —
187. Во лѣсикѣ во темномъ ..... —
188. Изъ за лѣсу, изъ за лѣсика темнаго..... 231
189. Не безчестно молодцу..... 231
190. Во городѣ во Казани..... —
191. Леталъ голубь, леталъ сизый..... 233
192* Полюби, полюби..... 234
194. Молодцу красна дѣвица..... 235
195. Невѣстка, невѣстка..... 236
196. По улицѣ, улицѣ, ходилъ, гулялъ, добрый молодецъ..... 237
197. Какъ по травкѣ (6 разъ)..... —

---

* Слѣдующій № по недосмотру пропущенъ.

Стр.
198. Я по жердочкѣ шла 237
199. Ужь на что жь это за мѣсяцъ ..... —
200. Я по садику ходила, дѣвица 239
201. Въ саду ягодка калина ..... —
202. Ужь ты вѣнчикъ, мой вѣночикъ 240
203. На горѣ комарики ..... —
204. А кто у насъ не женатъ 241
205. Царскій сынъ, Королекъ 242
206. Золотыя мои кудри 243
207. Какъ заѣхалъ, какъ пріѣхалъ ..... —
208. Черпай, черпай, не качай! ..... —
209. Въ огородѣ гряда 244

Плясовыя.

1. Широка борода 245
2. Ѣхали Казаки 246
3. Поѣхалъ зять къ тещѣ 247
4. Сколько бражки мнѣ ни пити ..... —
5. Ужь и батька старъ 248
6. Сударь ты мой батюшка 249
7. Виндадоры, виндадоры 250
8. Вдоль по сахару рѣченька течетъ 251
9. Надъ рѣкой дѣвка стоитъ 252
10. Я поѣду ль во лѣсокъ ..... —
11. Родимая матушка 253
12. Погляди-ка матушка 254
13. Сговорила меня мать 256
14. Сговорила меня мать 256
15. Какъ хотѣла меня мать 257
16. Захотѣла меня мать ..... —
17. Ахъ во саду, саду 258
18. Сговорила меня мать 160*
19. Вдоль улицы (3), мимо кузницы 162
20. Ай столбы, доски, 2 ..... —

---

* Цифирь отсюда въ означеніи страницъ по недосмотру повторена.

Стр.
21. Грушица, ты, грушица моя. 163
22. Вы слѣды мои, слѣды. 164
23. Какъ во полюшкѣ рябинушка стоитъ . . . . . —
24. На тихинькимъ Дунаи. 165
25. Во лузяхъ, лузяхъ. 166
26. Ѣдетъ миленькой. 167
27. Какъ по первой по порошѣ. 169
28. Какъ по этой по мятели 170
29. Ночка ль, поченька. 172
30. На базарѣ Маша ходила. 174
31. По улицѣ молодчикъ идетъ 175
32. Молодка молоденькая. . . . . —
33. Никогда меня хмѣлина не разымывала. 176
34. Пошли дѣвки 178
35. Во лужкахъ дѣвки гуляли 179
36. Я по садику. 180
37. Сбирался комарикъ 181
38. Я съ комарикомъ плясала 182
39. Старики наши старые. 183
40. Тараканъ дрова рубилъ. 184
41. Воробей пиво варилъ. 185
42. Воробей пиво рубилъ. 186
43. Свѣтитъ, свѣтитъ, мѣсяцъ. 187
44. Свѣти, свѣтелъ мѣсяцъ. 188
45. Нынче охъ, завтра охъ 189
46. Я вечеръ въ гости ходила. 190
47. У Ивана, Миколая. 191
48. Подъ яблонкой подъ такой. 192
49. Кума къ кумѣ приходила 194
50. Груня моя, Груня. 195
51. Ты голытьба, ты голытьба, мужичокъ. 197
52. Посѣяли дѣвки ленъ, уродились конопли. 198
53. Нынче куры поютъ пѣтухами . . . . . —
54. Растворила я квашоночку на столбикѣ. 199
55. За что Ванька жену бьетъ 200
56. Течетъ рѣчка по песку 201
57. Гуляли дувушки за быстрой за рѣчкой. 202

Стр.
58. Ходили дѣвушки по Волгѣ по рѣчкѣ ... 203
59. Я по бережку похаживала ... 204
60. Я по бережку похаживала ... 206
61. Я по бережку похаживала ... 207
62. Я по бережку похаживала ... 207
63. На горѣ калина ... 208
64. Ой самодерга, ой самодерга! ... 209
65. Охъ, чей это садокъ ... 210
66. У батюшки у воротъ ... 211
67. Обѣщался однодворецъ ... 212
68. Выгоняйте вы скотину ... 213
69. Разкудряшъ, кудряшъ ... 213
70. Я люблю Уланика ... 215
71. Какъ по нашему по саду ... 216
72. Я посѣю лебеду на берегу ... 218
73. Уточка полевая ... —
74. Въ полѣ рябина стояла ... 219
75. Разсыпься, горохъ ... 220
76. Не ель, сосна ... 222
77. Я подумаю, погадаю ... 223
78. Вдоль вулицы, вдоль вулицы ... —
79. Девятое лѣто ... 225
80. Посѣяла дѣвка ленъ ... 226
81. Василья мать родила ... —
82. Я по жердочки шла ... 227
83. Голова ль моя, ты ль головушка ... 228
84. Я молода одинокая была ... —
85. На рѣкѣ, на рѣчкѣ ... 231
86. Дѣвка платье мыла ... 232
87. Какъ по мосту, по мосточку ... 233
88. Загадать ли тебѣ, дѣвица, пять загадокъ ... —
89. Летѣлъ голубь ... 234

Бесѣдныя.

1. Пошла наша Дуня ... 237
2. Собрались дѣвки на супретку ... 239
3. На зорѣ, на зорюшкѣ ... 240

Стр.
4. Охъ, мужъ у меня ... 240
5. Заставилъ меня мужъ господинъ ... 241
6. Пряльюшки, попрядальюшки! ... 242
7. Въ воскресный день по рыночку ходила ... 243
8. Какъ звали недвигу въ пиръ пировать ... 244
9. Сижу я молода ... 246
10. На печкѣ сижу, заплатки плачу ... 247
11. Ходила калина ... 248
12. Что пошелъ холопъ за охотою ... 250
13. Какъ пошли наши Бояре за охотою ... 252
14. Нажила себѣ чечотка ... —
15. Отдае братъ сестру ... 254
16. Безъ меня меня женили ... —
17. Ужь какъ вздумалъ грибъ ... 255
18. Какъ вздумалъ грибъ ... 256
19. Грибъ, грибъ боровикъ ... 258
20. Жилъ свѣтъ Васильюшка Путятинскій ... 259
21. Дома ль, кума, воробей ... 260
22. Ерема да Ѳома ... 261
23. Утка Маврушка ... 264
24. Сяду, посяду ... —
25. Кума къ кумѣ приходила ... 266
26. На улицѣ ромада, мада, мада ... —
27. Жилъ я у пана ... 267
28. Жилъ я у пана ... 270
29. Жилъ я у пана ... 271
30. Жилъ я у пана ... 272
31. Жилъ я у пана ... 274
32. Поѣдемъ мы, женушка ... 375
33. Станемъ мы, женушка ... 277
34. Побѣжалъ нашъ дурында ... 279

Приложенія.

1. Служилъ я у пана ... 283
2. Służyłem u pana na pierwsze lato ... 286
3. Породила чечотка ... 287

Голосовыя или протяжныя.

		Стр.
1.	У сосѣда была развеселая бесѣда	289
2.	Кручинушка ты моя, кручинушка великая!	290
3.	Сказали про молодца	—
4.	Шелъ Ванюшка долиною	291
5.	Ты трава ль моя	292
6.	Заводы мои, вы заводушки	—
7.	Ужь охъ вы, мухи, комары	293
8.	Ты злодѣй то, лиходѣй, удалъ добрый молодецъ	294
9.	Что ты, Саша, пріуныла	—
10.	Веселитеся, подружки	295
11.	Засидѣлась Доня моя поздно вечеромъ	296
12.	Полно, солнышко, по залѣсью ходить	297
13.	Какъ и во полѣ калинушка стоитъ	—
14.	Что то не павушка по двору гуляла	299
15.	Все то мнѣ мило, все то мнѣ хорошо	—
16.	Какъ за рѣчушкой садикъ выросталъ	300
17.	На горѣ часовня стояла	301
18.	Во сыромъ бору подъ сосенкой, подъ сушинкой	—
19.	Хорошо тому на свѣтѣ жить	302
20.	Не соколъ летитъ по поднебесью	—
21.	Дунюшка ты моя ли, Дуняшенька!	303
22.	На гулянье хожу на радости	304
23.	Не сиди, дѣвушка, поздно вечеромъ	305
24.	Я вечоръ-то, вечоръ, добрый молодецъ	306
25.	Проходили усѣ наши веселые деньки	307
26.	Если бы мнѣ, молодцу	—
27.	Сердце мое, сердце	308
28.	Ахъ вы мысли, мои мысли	309
29.	Долина ль ты моя, долинушка	310
30.	Ты пройди, пройди, мой милый	—
31.	Разглупая ты, Саша	311
32.	Ты заря ль моя, зорюшка вечерняя	312
33.	Распростроился городъ Москва	313
34.	У нашего Ванюшки заболѣла голова	—
35.	Приходитъ пора, времячко	314
36.	Ты развей-ко, раздуй-ко, рябинушка раскудрявая	—

Стр
37. Ахъ размолоденьки, ахъ вы, дружки мои ... 315
38. Разумильныя мои подруженьки ... —
39. Жила была дѣвушка семнадцати лѣтъ ... 316
40. Всѣ я ноченьки просиживала ... 317
41. Ай да при дольнушки стоялъ кустъ да малинушки ... —
42. Охъ вы ночи, мои ночи, ночи темныя ... 318
43. Размолоденькая дѣвчонка ... —
44. Ужь вы да ночи, ночи темныя ... 319
45. Вы комарики мои, разудаленьки мои! ... 320
46. Во поленькѣ еленька ... —
47. Полынь ты моя, полыньюшка, горькая трава ... 321
48. Куда мнѣ, красной дѣвицѣ, отъ горя бѣжать? ... 322
49. Что ты, голубчикъ, не веселъ сидишь! ... —
50. Голубь ты мой, голубь сизенькій! ... 323
51. Изъ подъ камышка, изъ подъ бѣлова ... 324
52. Погуляй-ко, Дунюшка, ... —
53. Изъ за лѣсика, лѣсу темнаго ... 325
54. Хорошо тому на свѣтѣ жить ... 326
55. Охъ, матушка, тошно мнѣ! ... 327
56. Дрянь дѣвочка по лужечку гуляла ... —
57. Разнегодная дѣвчонка ... 328
58. Какъ по саду вдоль зеленаго ... 329
59. По лугу, зеленому лугу ... 330
60. Не ясень соколъ по воздуху летаетъ ... 331
61. Отдаютъ меня младеньку ... —
62. Отдавали молоду ... 332
63. Я не знала, молода ... 333
64. Отдалъ меня батюшка ... 334
65. Я у матушки одиночка была ... 336
66. Спиться мнѣ младенькой, дремлется ... —
67. Понизешеньку солнце ходитъ ... 337
68. Рано калинушка, рано въ полѣ разцвѣтала ... 338
69. Изъ куста изъ смородинки ... 339
70. Всѣ луга, болота, вода поняла ... 340
71. Высоко, высоко, кленовый листъ ... 341
72. Во лѣсахъ было во дремучіихъ ... —
73. Кахъ во лѣсикѣ во дремучіимъ ... 342

Стр.
74. Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго ... 342
75. Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго ... 343
76. Таня милая ... 344
77. Какъ у Ванюшки заболѣла голова ... 345
78. Подымали буйны вѣтры съ горы ... —
79. Ахъ ты дѣвка, ахъ ты красная моя! ... 346
80. Вы раздайтесь, разступитесь, добрые люди ... 347
81. Не ржавлина у насъ въ болотѣ травку всю съѣдаетъ ... 348
82. И да посылаетъ Иванушку мати ... —
83. Какъ за рѣчкой-то, рѣкой ... 349
84. Молодость моя молодецкая! ... 350
85. Молодость ты моя молодецкая! ... 351
86. Охъ, да ты молодость моя, молодость! ... —
87. Ахъ, ты вѣрная, манерная, сударушка моя ... 353
88. Панъ мой, панъ, пане, пропоецъ! ... —
89. Ужь нѣтъ того хуже женатаго любить ... 354
90. Объ чѣмъ, мальчикъ, сумнѣвался? ... 355
91. На молодца тоска нападала ... 356
92. По горенкѣ похожу ... 357
93. Спасибо, спасибо, синему кувшину ... 358
94. Спасибо-то, спасибо-то, синему кувшину ... 359
95. Прялочка взяла ... —
96. Зимушка, зима ... 361
97. Старъ, да ты старъ ... 362
98. Ты зима ль моя холодная ... 363
99. Какъ по лугу, лугу, лужочку ... —

Обрядныя.

I.

Колядныя.

1. Приходила коледа ... 365
2. Ходили, гуляли, коледовщики ... 367
3. Мы ходили, 2 ... 368
4. Таусинъ, Таусинъ! ... 369
5. У Иванова двора ... 371

II.
Подблюдныя.

Стр.

1. Я золото хороню, хороню! 2. 372
2. И золото хороню, 2. 373
3. Исусъ Христосъ 374
4. Зерно, зерно бурмицкое . . . . . —
5. Маленькій точекъ. 375
6. Разсыплю я монисто по закрому. . . . . —
7. Расколю колоду. . . . . —
8. Заинка, повиляинка. . . . . —
9. Рылась курочка на завалинкѣ. . . . . —
10. Мышь пищитъ. 376
11. Курочка ряба. . . . . —
12. На печи звѣзда. . . . . —
13. Сидитъ воробей. . . . . —
14. За дежей сижу. 377
15. Еще посижу. . . . . —
16. Ужь вы, саночки мои. . . . . —
17. Я за закромъ мету . . . . . —
18. Еще посушу . . . . . —
19. Растворю квашонушку 378
20. Бѣгала мышка по закромцамъ . . . . . —
21. Сидѣлъ пѣтухъ на повѣтѣ . . . . . —
22. Катилось колечко. . . . . —
23. Бѣле кубокъ. 379
24. Валялась шубенка . . . . . —
25. Катилось, валилось . . . . . —
26. За дежой сижу . . . . . —
27. Курочка ряба 380
28. За корытомъ сижу. . . . . —
29. За рѣкой мужики живутъ богатые . . . . . —
30. Ѣдутъ Бояре изъ города. . . . . —
31. Сидѣла ворона на столбикѣ. . . . . —

III.
Святочныя игрища.

1. Какъ и нонче у насъ святые вечера пришли. 381
2. Охъ, хо, хо! . . . . . —

Стр.
3. Ужь вы, кумушки мои голубки 382
4. Мимо нашего села 383
5. Какъ во стараго мужа молодая жена 384
6. Деревня. Да пусти въ карагодъ 385
7. Сиди, сиди, ящеръ 386
8. Ходилъ Борисъ, гулялъ Борисъ 387
9. Кругъ города ходитъ 388

IV.

Пѣсни волочебниковъ.

1. Стояло дерево тонко, высоко 389
2. Стояла рыня тонка, высока 390
3. Не гуси летятъ, не лебеди 391
4. Ой рано, рано, солнце играло 392

V.

Весеннія.

1. Кукушка ряба 395
2. Кабы знала я, да вѣдала . . . . . —

VI.

Семицкія.

1. Калинушка, малинушка, лазоревый цвѣтъ 396
2. Калинушка съ малинушкой розовый цвѣтъ . . . . . —
3. Торна бойка дороженька, гдѣ миленькій шелъ 397
4. Что сильна, сильна пчела 898
5. Во лѣсу ли, во лѣсочку . . . . . —

VII.

Живныя.

1. На ленъ роса пала 399
2. Жали мы, жали 400
3. По зарѣ, матушка . . . . . —
4. Я дорогою шла, я широкою 401
5. Надъ рѣкою, надъ рѣкою . . . . . —

VIII.

Толочныя.

Стр.
1. Дуброва моя, дубровушка. 402
2. Черезъ Дона досочка тонка, гибка, лежала. 403
3. На той горы на крутой . . . . . —
4. На той горы на крутой 2 404

IX.

Когда рубятъ капусту.

1. Я колышки тешу. 404

X.

Масляничныя.

1. За рѣкою, матушка. 406
2. Мы масляницу сострѣчали 2 407
3. На горы Казаки. 408
4. Горе мое, гореванье 2 409
5. Съ горы на гору снѣги сыплютъ . . . . . —
6. Наша масляница годовая. 410
7. На долинушки сыръ дубъ стоитъ. . . . . —

Свадебныя.

I.

Свадебный обрядъ въ деревнѣ Подъяковлево, Тульской Губерніи Новосильскаго Уѣзда.

Разсказъ очевидца. 411
1. Пыль, пыль по дорожкѣ 412
2. Не во трубушку трубить. . . . . —
3. Тихая Волга на Дунай течеть. 413
4. Соловьюшка, соловей. 414
5. Рано въ Воскресенье 415
6. Андреянъ ѣхалъ мимо тестева двора . . . . . —
7. А кто жь у насъ большой, набольшой 419

Стр.
8. Ой во садику, садику 420
9. Ой на горкѣ, на горочкѣ . . . . . —
10. У насъ въ городѣ конопля росла 421
11. Стелется, вьется 422
12. А и кто жь у насъ на коню проѣзжалъ . . . . . —
13. Александръ Петровичъ, свѣтъ 428
14. У воротъ орѣшина . . . . . —
15. Подъ калинкою 424
16. Спасибо, Александру Петровичу 425
17. Ой поецъ пропоецъ 426
18. Благослови, Господи 427
19. Дружки, подружки 429
20. Меня младу у клѣтку ведуть 429
21. Куры на насѣсточку хочуть . . . . . —
22. Матушка! Да что въ полѣ пыльно? 430
23. Ты стой, верба, стой, развѣйся! 431

II.

Свадебный обрядъ Тульской Губерніи Епифанскаго Уѣзда.

(Со словъ крестьянки деревни Ѳедосовки.)

1. Какъ при вечерѣ было, вечерѣ 434
2. Какъ у насъ по саду рѣка текла . . . . . —
3. На маковкѣ соловей 435
4. Кустикъ, кустикъ, кустовый . . . . . —
5. Подари, Алексѣй сударь, подари 436
6. У насъ на горѣ стоитъ елочка . . . . . —
7. Какъ во горенкѣ пластовой 437
8. Стелется, вьется 438
9. Какъ у рюмочки у серебряной . . . . . —
10. Какъ у Авдотьи во горенкѣ 439
11. Какъ на дубчикѣ два голубчика сидятъ 440
12. Кто жь у насъ лебединъ? 441
13. Соловейка моя молодая . . . . . —
14. На комъ, на комъ, кудры русы 443
15. Какъ по лугу, лугу, по зеленому лугу 444
16. Не красенъ день безъ краснаго солнышка 445

Стр.
17. Благослови меня, родимый батюшка 446
18. Во полѣ лебедушка кричала..... —
19. Не тѣсенъ ли теремъ, не тѣсенъ..... —
20. Зоря ли моя, зорюшка..... 447
21. Зеленая сосенка, желтый цвѣтъ 448
22. Не разливайся, мой милый Дунай ..... —
23. На морѣ утушка купалася 449
24. Катилися игрушки съ верхушки..... —
25. Какъ у насъ въ бору на клену 450
26. Городомъ я шла зарею..... —
27. Охъ ты елка, ты елка..... 451
28. Во горенкѣ во новой ..... —
29. Красота ль моя, красота..... 452
30. Не въ трубушку мы трубимъ рано на зарѣ ..... —
31. Расплеталась руса коса 453
32. У воротъ банюшка стояла..... —
33. Долго, долго, соколъ не летитъ..... 454
34. Какъ передъ нашими широкими воротами..... —
35. Какъ шелковая ниточка къ стѣночкѣ льнетъ..... 455
36. Дунули вѣтры по чисту полю..... —
37. Дѣвушки, подружки мои..... 456
38. Въ чужихъ людяхъ живучи ..... —

III.

Свадебныя пѣсни Калужской Губерніи, Малоярославецкаго Уѣзда, въ селѣ Костинѣ.

1. Ужь ты ель моя, елушка..... 457
2. Что летѣлъ соколъ изъ Новагорода ..... —
3. Ай на морѣ утушка умывалася 458
4. Ты рѣка ли моя, рѣчинька..... —
5. Гдѣ селезень былъ?..... 459
6. Какъ Ѳедотъ Акимычъ матушкѣ..... —
7. Какъ по рѣчушкѣ утенушка плаваетъ 460
8. Какъ по сѣнямъ, по сѣнюшкамъ..... —

IV.

Свадебныя пѣсни Рязанской Губерніи, въ деревнѣ Красной Слободкѣ и Урусовѣ.

Стр.

1. Не было вѣтру, вдругъ навѣяло 461
2. Подплывали гуси, лебеди ..... —
3. Растопись, баинька 462
4. Что въ вечеру, при вечерѣ 463
5. Какъ Марья у матушки дорогая гостила ..... —
6. Вѣнули вѣтры по чисту полю 464
7. Не бушуй, холоденъ вѣтеръ ..... —
8. Ужь вы сборы, мои сборы 465
9. Ай, рано, рано ..... —
10. Кукувала кукушечка 466
11. Въ отхожей новой горенкѣ ..... —
12. Много, много, у сырого дуба 467
13. Какъ Марьюшка въ добрый часъ породилась ..... —
14. Звонили звоны въ Данковѣ городѣ 468
15. Я не знала млада ..... —
16. Кого это величаемъ 469
17. Иванъ ходи по двору ..... —
18. Угрюмъ, угрюмъ, ходитъ ..... —
19. Веселъ, веселъ, ходитъ 470
20. Летѣли голуби черезъ теремъ ..... —
21. Вечеръ, сы вечеру 471
22. Марьи пѣсенку небезчестно слышати ..... —
23. Какъ сказали Иванъ съ Москвы ѣдетъ ..... —
24. Соколъ соколовичъ 472
25. Соколы, соколы, куда же летали? 473
26. Какъ за нашими широкими воротами ..... —
27. Надъ рѣкою сосенька зелена стоитъ 474
28. Какъ по погребу боченочекъ катается ..... —

V.

Свадебный обрядъ Тверской Губерніи, Новоторжскаго Уѣзда, въ селѣ Селиховѣ и деревнѣ Карцовѣ.

1. Разшаталась грушица 476
2. Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго 477

Стр.
3. Подите, мои родные 478
4. Какъ чесалъ Тимоѳѣй кудерушки ..... —
5. Ну, погоди-ко 479
6. Не всѣ то у насъ гости ..... —
7. Ты рѣка ль моя, рѣценька ..... —
8. Какъ леталъ-то, леталъ, соколъ 480
9. Свѣтъ ты, коса дѣвитья 482
10. Подите вы, подружки ..... —
11. Недолго вѣночку на столбикѣ висѣть 483
12. Что были за гости, за пріятели ..... —
13. Соколъ, соколенка 484
14. Ѣхалъ зять мимо тестева двора ..... —
15. Растопися, баненька 485

VI.

Свадебный обрядъ Новгородской Губерніи, Валдайскаго Уѣзда, села Гоголева.

1. Ужь какъ Марѳушка измѣнщица 488
2. Сострицы, голубушки! ..... —
3. Ужь я сяду, молодешенька ..... —
4. Ужь мы не будемъ тебѣ сказывать 489
5. Дочь отъ матери уѣхала 490
6. Много, много у сырого у дуба ..... —
7. Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго 492
8. Охъ ты, волюшка вольная ..... —
9. По борамъ, по борамъ, по борочкамъ ..... —
10. Благослови-ко, родной батюшка 493
11. Погоди, моя милая сестра ..... —
12. Попрошу я, вамъ покланяюсь 494
13. Мнѣ не надоть, моя подруженька ..... —
14. Подымись, моя родна сестра 495
15. Благослови, кормилецъ батюшка ..... —
16. Растопися, парна баенька ..... —
17. Я иду, родимый батюшка 496
18. Тебѣ спасибо, родимый батюшка ..... —

Стр.
19. Вы покушайте, мои подруженьки! 497
20. Тебѣ спасибо, родимый батюшка! . . . . . —
21. Не печалься, Марѳа душа! . . . . . —
22. Всѣ кучера поразъѣдутся 498
23. Похожу я, молодешенька . . . . . —
24. Кто же у насъ умный? 499
25. Погодите, мои подруженьки! . . . . . —
26. Охъ, рожденна моя матушка! 500
27. Я встаю-то, молодешенька 501
28. Вереюшка пошатнулася . . . . . —
29. Попрошу я тебя, мой родимый братъ! 502
30. Да ужь кто жь тебѣ, Арсеній Князь? 505
31. Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ . . . . . —
32. Тебѣ спасибо, Князь молодой 506
33. Умѣли дитя воскормити 507
34. Не прошу, кормилецъ батюшка! . . . . . —
35. Не спи, не лежи! . . . . . —
36. Не шелкова ниточка къ стѣнкѣ льнетъ 509

VII.

Свадебный обрядъ города Пскова.

1. Свѣтъ ты мой, родной батюшка! 513
2. Поля ли мои, поля чистыя . . . . . —
3. Покорно благодаримъ 514
4. Позволь, свѣтъ! . . . . . —
5. Благодаримъ тебѣ . . . . . —
6. Вы завѣйте, вѣтры буйные! 515
7. Благослови ты меня . . . . . —
8. Боже, благослови! . . . . . —
9. Дородный молодецъ М. А. 516
10. Скажи мнѣ, пожайлуста 517
11. Наша Княгиня душа . . . . . —
12. Наша Княгиня душа 518
13. Не буйны вѣтры понавѣяли . . . . . —
14. Пахала Александра душа да трои сѣни 519

Стр.
15. На дворѣ матушки 518
16. Павою по морю плыла ..... —
17. Милые наши вы, колодези!..... 520
18. Не выпивай, сѣра утушка!..... —
19. Не пей ты, милая подружка!..... 521
20. Мы тебѣ, сестрица душа!..... —
21. Злодѣй измѣнщица наша милая подружка..... —
22. Не продавай, братецъ, дорогой сестры!..... 522
23. По сѣнямъ было, по сѣничкамъ..... —
24. Въ Окіянѣ городѣ трое новые ворота..... 523
25. Мила теща мила зятя у себя ночевать унимаетъ..... 524
26. Княгиня молодая..... —
27. Молодая бариня, А. Я..... 525
28. Ягода со ягодой сокатилася..... 526
29. Катился виноградъ да по загородью..... —
30. Сиди ты, мила подружка!..... —
31. Тихо вы, Бояре, снаряжаетесь..... 527
32. Выйду ль я, сирота, на крутой крылецъ..... —
33. Не сиди, матушка, у долгова пира!..... —
34. Вы развѣйте, вѣтры буйные!..... 528
35. Вдова молодая, жена богомольная..... —
36. Княгиня молодая! скажи намъ, пожайлуста..... 529
37. Рѣчки ль мои, рѣчушки!..... 530
38. На чемъ ты, друженька, поле изжалъ?..... —
39. Вечеръ ты, друженька, у насъ ночевалъ..... 531
40. Благодарствуй, друженька..... —
41. Разшаталася въ саду грушенька..... 532
42. На синемъ на морѣ двѣ утки плавали..... —
43. Государыня ты, родимая матушка!..... —
44. Жемчужное челушко за нею гоняется..... 533
45. Спасибо тебѣ, сестрица лебедушка!..... —
46. Вы раздайтесь, расшенитесь, люди добрые!..... —
47. Увели, увели, нашу милу подружку..... 534

VIII.

Деревенская свадьба Псковскаго Уѣзда 535

Свадебныя пѣсни Псковской Губерніи разныхъ Уѣздовъ.

		Стр.
1.	Боже благослови, Христосъ!	540
2.	Не ель въ бору зашаталась	—
3.	Родимый батюшка!	—
4.	Дородень молодецъ!	541
5.	Благословлялось солнышко	—
6.	Въ честномъ домѣ	—
6.[2]	Выскочила и выбѣгла	542
8	Почернѣлъ на головушкѣ	—
9.	Матушка! бьется соколъ	543
10.	Не гости къ намъ идутъ и не пріятели	—
11.	Не стой, друженька, долго въ терему!	544
12.	На бору сосенка не заломана	—
13.	Не выдали ль, дѣвушки?	—
14.	На горѣ лужокъ зеленешенекъ	—
15.	Былъ бы за навѣсой	545
16.	Дородный добрый молодецъ!	—
17.	Не пей ты, милая подружка, Княжева меду!	—
18.	Не въ золоту ли трубочку я трубила	546
19.	Не стой, друженька!	—
20.	На бору сосенка заломана	—
21.	Расшанитесь, расшанитесь!	547
22.	Потихоньку, Бояры!	—
23.	У нашего Князя	548
24.	Дружка идетъ	—
25.	Подит-ка, нѣженка!	549
26.	Зашла туча сахарная	—
27.	На дворѣ матушки что ни дождь, ни роса	550
28.	Нашъ Князь молоденькой!	—
29.	Ахъ, вы свѣтъ, мои сестрицы!	561
30.	Ты не плачь, не тужи!	—
31.	Здравствуй, братъ дорогой!	562
32.	Вейся, капуста!	—
33.	Стояли комони, пошибши головы	563
34.	По лугу, лужку, по крутому бережочку	—

Стр.
35. Ясный соколъ! 564
36. Гдѣ ты, хмелекъ, зимовалъ? ..... —

IX.

Свадебный обрядъ Псковской Губерніи, Великолуцкаго Уѣзда, села Ѳедорцова.

1. Благослови меня, Боженька! 545
2. Благослови, Боженька! 547
3. Далеко въ чистомъ полѣ ..... —
4. Игрицы, перицы 548
5. Бѣленькой, хорошенькой В. И.! 549
6. Помнишь ли ты, Дарьюшка? 550
7. У воротъ береза стояла ..... —
8. Ай военъ, военъ, Иванъ же Князь! 551
9. Какъ по сырому бору пролегала дороженька ..... —
10. Ходилъ Иванушка, расхаживалъ 552
11. Какъ нашей дѣвушки темной ночки не спалось ..... —
12. Да чьи жь это комони? 553
13. На морѣ вуточка купалась ..... —
14. У насъ на свадьбѣ хмель да дуда 554

X.

Свадебная пѣсня Архангельской Губерніи, Шенкурскаго Уѣзда.

1. Ты, красное мое солнышко! 555

XI.

Свадебныя пѣсни разныхъ мѣстъ.

1. Гости жь, мои гости дорогіе 558
2. И мы по міру не ходили ..... —
3. Бахромочки, бахромочки, дымъ, дымъ! 559
4. И да кому воля, ахъ, да кому нѣга? 559
5. Трожде, трожде, въ колоколъ ударили 560

XII.

Похоронныя.

		Стр.
1.	Родимая ты, моя матушка!	561
2.	Милая ты, моя матушка!	—
3.	Милый ты, мой братецъ!	562
4.	Припаду я, сиротинушка, ко сырой землѣ	—
5.	Ахъ ты удала, моя головушка!	563
6.	При старой я при старости	—
7.	Мои милыя дѣтушки!	564
8.	Родимый батюшка!	565
9.	Родимой ты, мой батюшка!	566
10.	Умильная моя, удалая головушка!	—
11.	Моя милая, удалая головушка!	568
12.	Моя удалая головушка, мой милый батюшка!	—

ОПЕЧАТКИ.

Пѣсни дѣтскія.

№	*Напечатано:*	Стр.	*Читайте:*
20.	Шу! вы полетѣли	13	Шувы! полетѣли....
24.	.... въ домѣ Ясная Поляна....	15	.... въ деревнѣ Ясная Поляна....
45.	.... въ домѣ Лукиной.	29	Въ деревнѣ Лукиной.
63.	.... въ домѣ	39	.... въ деревнѣ
70.	Два луня бѣлыхъ	44	Два луня бѣлыихъ,
	Два друга милыхъ		Два друга милыихъ.
75.	Записана Тумилипымъ	50	.... Шумилинымъ.
89.	Зап. отъ тѣснаго жителя.		отъ мѣстнаго жителя.

Хороводныя пѣсни.

1.	Или запѣваютъ новый хороводъ	III	.... затѣваютъ.
2.	.... и новыя ворота	IV	.... и образуютъ новыя ворота
62.	Любо замому	III	либо самому
147.	Строчки 3 и 4: въ насъ	202	Въ васъ.
	А въ насъ		А въ насъ.

Наборныя пѣсни.

1.	Мила дѣвушка	83	Мала дѣвушка
9.	Всѣ 9 запис.	84	Всѣ 7 запис.
21.	Всѣ 8 записаны	96	Всѣ 5 запис.
40.	Бѣжитъ маленькій штафетъ	101	Бѣжитъ миленькій штафетъ
41.	Экая хитрая	101	Экая хитрàя.
20	Время, время, холостые	122	.... свое намъ заводити.
77.	Со руками и съ ногами	123	Со руками, со ногами,
77.	и со рукою....	123	.... и со русою....
	и привѣтань-ка, мой лу-		Ты привстанька....
	некъ, ты привѣтань-ка, молодой	—	.... ты привстань-ка....
78.	Дубовыя двери всѣ ночь....	125	.... Всю....
79.	Отдалъ сестрицу замужъ	126	.... Отдамъ....
89.	Какъ и то молóдокъ	137	Какъ сто молодокъ
90.	Какъ сказали при мой ленъ		.... про мой ленъ.
106.	Питерская улица.	155	.... умница....
409.	Пришелъ по дѣвушкамъ	153	Пришелъ ко дѣвушкамъ.
116.	прихожи.	165	.... пригожи.
—	Всѣ сказанное исполняется	172	Все....

№	*Напечатано:*	Стр.	*Читайте:*
129.	Мой мужъ изъ ертвыхъ всталъ	184	.... изъ мертвыхъ всталъ.
131.	поглядеть.	186	поглядѣть.
139.	кличикъ.	194	.... кличигъ....
143.	Всѣ 3 запис	199	Записана....
—	Вмѣсто 183	235	193, а 194 пропущенъ.
209.	Обѣ записаны Тверск. Губ.	243	Записана....

Плясовыя пѣсни.

33.	Мнѣ Егоръ не задоръ	177	.... на задоръ.
36.	натяжи	180	на тяжи....
50	лицо бѣлое, румяное.	193	Лицо бѣлое румяно.
57.	Гуляли дувушки.	202	Гуляли дѣвушки.
—	съѣлъ	—	.... сѣлъ....
73.	да не моя воля	220	.... да воля не моя.
80.	Стративола	226	Съ стративова
—	Енъ	226	Еныа....
81.	съ краснымъ дѣвкомъ.	226	съ краснымъ дѣвкамъ.

Весѣдныя пѣсни.

1.	тикала.	244	пихала
8.	Стара	238	Стала....
11.	Съ крутытъ изголовьемъ.	249	Съ крутымъ изголовьемъ.
	въ д. Вуйцахъ.	279	въ д. Буйцахъ.
	коночку себѣ.	278	каночку себѣ....

Голосовыя пѣсни.

18.	ночесь	301	ночесь....
27.	таковъ	308	такой
33.	Онъ въ полуночи.	313	Онъ къ полуночи.
39.	немилый	316	Не милъ....
	ложиться....	317	ложитеся.
40.	каленно.	317	.... каменно.
42.	придумала	318	продумала.
66.	младенькой....	336	младешинькѣ.
75.	соловеюшки	343	соловеюшка
78.	.... съ горы....		со горы....
88.	пропацъ.	353	пропоецъ....
94.	На рублю-то, на рублю, лѣсу ровнаво.	359	Нарублю-то, нарублю, лѣсу ровнова.

Обрядныя пѣсни.

№	*Напечатано:*	Стр.	*Читайте:*
1.	Виноградье красно зеленье мое роги.	370	зеленое.... .... рога.
5.	Въ стихѣ: 4, 6 онъ....	385	.... енъ....

Волочебныя пѣсни.

Передъ № 1-мъ пропущено указаніе въ скоб..ахъ (поздравленіе холостому).

Свадебныя Тульской Губерніи Новосильскаго Уѣзда.

Въ примѣч.:	что матушка вся была открыта.	411	.... была открыта.

Свадебный обрядъ Тульской Губерніи Епифанскаго Уѣзда.

3.	Онъ по за рѣку гулялъ	435	онъ за рѣку гулялъ.
19.	Не тѣсенъ ли теремъ, не тѣсенъ.	446	Не тесанъ ли теремъ, не тесанъ.
26.	Съ молодцомъ содружникомъ	450	Съ молодцомъ со дружникомъ.
27.	Или сударыня, моя матушка.	451	(или сударыня, моя матушка.)
38.	Но на холоду и на голоду.	456	И на холоду, и на голоду.

Свадебныя Рязанской Губер. въ дер. Красной Слободкѣ и Урусовѣ.

5.	Съ тремя своимъ дочеремъ	463	съ тремя своимъ дочерямъ.
8.	Спеси, сгордости, убавлю	465	Спеси, гордости, убавлю.

Свадебный обрядъ Новгородской Губерніи Валдайскаго Уѣзда, села Гоголева.

17.	Я изъ парной только баенки	496	Изъ парной только баенки.
36.	Всѣ записаны К. М. Шишкинымъ	510	Всѣ записаны К. М. Шашинымъ.

Псковской Губерніи разныхъ Уѣздовъ.

25.	Къ * на страницѣ.....	559	пропущена самая выноска: «глаженая, ласкаемая.»
30.	Въ тѣ поры поплачешься	561	Въ тѣ поры наплачешься.

Свадебный обрядъ Псковской Губерніи Великолуцкаго Уѣзда села Ѳедорцова.

Послѣ № 8-го на страницѣ 551 стоитъ № 10, на 552 тоже 10, и потомъ 12, а слѣдуетъ: 9, 10, 11 и т. д.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

МАТЕРІЯЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ РОССІИ,

ИЗВЛЕЧЕННЫЕ

ИЗЪ РУКОПИСЕЙ БРИТАНСКАГО МУЗЕЯ ВЪ ЛОНДОНѢ

НИКОЛАЕМЪ СТОРОЖЕНКОМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Матеріялы сіи извлечены изъ рукописей Британскаго Музея въ Лондонѣ П. И. Стороженкомъ, во время пребыванія и занятій его въ ономъ въ 1868—1869 годы. Всѣ они до сихъ поръ нигдѣ не были напечатаны, хотя объ одномъ изъ нихъ, какъ увидимъ ниже, знали нѣкоторые и ссылались на него. Два изъ этихъ матеріяловъ относятся ко второй половинѣ XVI столѣтія, прочія ко второй же половинѣ прошлаго, а два даже къ началу текущаго вѣка. Мы печатаемъ ихъ въ подлинникѣ и Русскомъ переводѣ, который съ Французскаго сдѣланъ А. П. Гемеліановъ, а съ Англійскаго два первые А. И. Веселовскимъ, остальные же самимъ извлекшимъ оные изъ Британскаго Музея.

Грамота или письмо Королевы Елисаветы къ Царю Ивану Грозному извѣстна была уже Князю М. М. Щербатову, который, въ своей «Исторіи Россійской» (тома V часть IV, стр. 129—132) помѣстилъ, подъ № 20, даже современный переводъ ея, впрочемъ, съ пропусками непрочитанныхъ мѣстъ. Грамота эта хранится въ прежней Архивѣ Иностранной Коллегіи (Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ) въ Москвѣ. Карамзинъ тоже упоминаетъ о ней въ «Исторіи Государства Россійскаго» (т. IX, гл. 2, прим. 266), какъ о находящейся въ упомянутомъ мѣстѣ, и говоритъ, что она писана на пергаментѣ, коегдѣ уже стершемся; переводъ завѣренъ переводчикомъ Царскаго Посла, Англичаниномъ Даніиломъ Сильвестромъ. Карамзинъ приводитъ и нѣсколько строкъ изъ подлинника (въ изданіи Эйнерлинга напечатанныхъ довольно невѣрно). На Карамзина и Щербатова ссылается и Арцыбышевъ въ «Повѣствованіи о Россіи» (т. II, кн. 4, стр. 320, прим. 1914). Посла къ Королевѣ съ грамотой Царя, привезшаго отвѣтную на оную, Карамзинъ называетъ Дворяниномъ Андреемъ Савинымъ, а Арцыбышевъ—Дворяниномъ Андреемъ Григорьевичемъ Совинымъ Далѣе о грамотѣ этой говоритъ и Гамель въ «Tradescant der Aelteste» (S. 142). При помощи предлагаемой копіи, оставленной въ Англіи, можно бы возстановить и самый подлинникъ, и напечатать его и тогдашній переводъ для сличенія съ предлагаемымъ здѣсь Русскимъ переводомъ. Замѣчательно, что современный (Псковскій) лѣтописецъ (въ Архивъ) приписываетъ сно-

шеніе Царя наущенію «нѣкоего Нѣмчина, лютаго волхва, нарицаемаго Елисея, коего прислаша (Нѣмцы и Литовцы), и бысть ему любимъ въ приближеніи, на Русскихъ людей Царю возложилъ свирѣпство, а къ Нѣмцамъ на любовь его преложи, и много множество роду Боярскаго и Княжества взусти убити Цареви, послѣднее и самаго приведе наконецъ, еже бѣжати въ Англинскую землю, и тамо женитися, а свои Бояре оставшіе побити.» Елисей этотъ былъ Голландецъ родомъ, именно Медикъ Бомелій, который точно подучалъ Царя на убійства, составлялъ отравы, но, обвиненный въ сношеніи съ Польскимъ Королемъ, Баторіемъ, «преданъ былъ смерти (сожженъ) въ Москвѣ.» Но кажется, намѣреніе Грознаго бѣжать за море естественнѣе объясняется тогдашнимъ тревожнымъ состояніемъ его духа, хотя и упоеннаго убійствами, но еще не до конца, и по тому, среди самыхъ успѣховъ своей грозы, трепетавшаго, какъ всѣ подобные ему, за свои злодѣйства, боявшагося возстанія терзаемаго имъ народа и, стало быть, искавшаго на черный день завременно пріюта для себя, хотя бы то и на чужбинѣ Какъ ни ласкова была грамота Королевы, однако Царь не былъ ею доволенъ, такъ какъ она, по его мнѣнію, недостаточно оказывала живое участіе въ обстоятельствахъ, столько рѣшительныхъ для участи его, а болѣе заботилась о выгодахъ торговцовъ, которыя «какъ ни важны (замѣчалъ Царь), но собственныя дѣла Царей далеко важнѣе купеческихъ.» По этому онъ чуть было не изгналъ изъ своего Государства Англійскихъ торговцовъ, и едва умилостивился надъ ними представленіями Королевина Посла, Дженкинсона, который оправдывалъ свою Королеву (1572 г.) тѣмъ, что «переводъ сдѣланъ невѣрно, и по тому слова, дышащія любовію къ Царю, переданы не въ настоящемъ ихъ значеніи.» Царь, успѣвши уже искоренить воображаемыхъ имъ враговъ своихъ внутри Царства, пересталъ помышлять болѣе объ удаленіи въ чужіе края, и возвратилъ свое расположеніе Лондонскимъ купцамъ, сказавъ только Дженкинсону: «Буде нужно будетъ, откроюсь возлюбленной сестрѣ моей, Елисаветѣ, съ полнымъ довѣріемъ.» Новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что Грозный вполнѣ зналъ, къ кому обращался за убѣжищемъ, къ Елисаветѣ, которая не менѣе его была грозой для своихъ подданныхъ. «Les oiseaux du même plumage volent ensemble», говорятъ Французы, т. е., «Рыбакъ рыбака видитъ издалека.»

Другой матеріялъ: «Письмо Англичанина очевидца о сожженіи Москвы Татарами въ 1571 году,» показываетъ, что положеніе

Грознаго Царя ни мало не улучшилось противу положенія годъ тому назадъ. Онъ, хотя не думалъ уже о бѣгствѣ за море, тѣмъ не менѣе не смѣлъ даже воротиться въ свою столицу съ береговъ Оки, а пробрался съ Опричниной околицею въ свою Александровскую Слободу и далѣе въ Ростовъ. Причиной того было дѣйствительно сношеніе съ Крымскимъ Ханомъ нѣкоторыхъ изъ его ближнихъ Бояръ, желавшихъ освободиться отъ вѣчнаго страха за свою жизнь. Посланные ихъ провели Крымцевъ искусно черезъ Оку, а потомъ и къ самой Москвѣ, въ которой, какъ они увѣряли, «уже по два года стоитъ межевина (голодъ) великая и моръ, многіе люди вымерли, а иныхъ многихъ Государь, въ своей опалѣ, побилъ, а достальные всѣ въ Нѣмцѣхъ (въ Ливоніи), въ Земскихъ и въ Опричнинѣ Царь выбилъ; мы сами есмя изъ Опричнины.» Въ томъ же сознался послѣ Грозному и самъ Князь Михайло Ивановичъ Воротынскій, одинъ изъ его Воеводъ, въ послѣдствіи (1572 г.) разгромившій въ Молодяхъ, на берегу Лопасни (въ 50 верстахъ отъ Москвы), этого же самаго Хана. Москва тогда вся погибла отъ огня безпримѣрнаго, за исключеніемъ одного лишь Кремля, и все это въ 3—4 часа, съ страшнымъ множествомъ народа Московскаго и спасавшагося въ ней изъ окрестностей: «Москва сгорѣла вся, городъ, и въ городѣ Государевъ дворецъ (любимый, межъ Арбатскіе улицы и Никитскіе), и Москва рѣка мертвыхъ не пронесла,» въ которую бросали по неволѣ трупы, такъ какъ некуда было ихъ хоронить: «нарокомъ поставлени были спроваживати на низъ рѣкою мертвыя,» замѣчаетъ лѣтописецъ. Другое современное извѣстіе объ этомъ страшномъ сожженіи Москвы принадлежитъ также Англичанину, Ричарду Ускомби: это письмо его къ Генриху Лену, отъ 5 Августа, того же 1571 года. Оно напечатано въ I-мъ томѣ: «Hakluyts Collection of the early voyages, travels and discoverie of the English nation. London, 1809,» стр. 459. Вотъ оно:

Мистеръ Ленъ!

Мое почтеніе вамъ. 27 Іюля прибылъ я сюда съ Магдалиной, и въ тотъ же самый день и часъ пріѣхали сюда также Суалоу и Гарри. Прибывши сюда, нашелъ я тутъ мистера Проктора, отъ коего мы узнали весьма печальныя новости. Москва сожжена Крымцами 24-го дня прошлаго Мая до тла, съ безчисленнымъ множествомъ народа, а въ Англійскомъ домѣ задохлись Томасъ Соуѳамъ, Тофайлдъ, Уеверди, жена Грина съ дѣтьми, двое

дѣтей Рефа и болѣе 25 человѣкъ погибло въ нашемъ погребѣ, въ которомъ, къ удивленію, уцѣлѣли, однако, Рефъ, его жена, Джонъ Броунъ и Джонъ Кларкъ. Туда же пришли было еще мистеръ Глоуеръ и мистеръ Роули; но такъ какъ жаръ былъ слишкомъ великъ, то они поспѣшили изъ него вонъ съ большою опасностью, такъ что одинъ малый у ихъ пятъ былъ захваченъ огнемъ, и они съ закрытыми глазами убѣжали въ другой погребъ, гдѣ, благодаря Бога, и спаслись. Царь бѣжалъ съ поля, и многіе изъ его народа были уведены Крымскими Татарами: молодыхъ и старыхъ они не трогали и бросили ихъ однихъ; такимъ образомъ Крымцы возвратились во свояси съ чрезвычайной добычей и безчисленнымъ множествомъ плѣнныхъ. Съ одной стороны Крымцы, а съ другой неистовость Царя, погубили много людей, такъ что народа уцѣлѣло мало. Мое почтеніе вашей супругѣ, мистрисъ Ленъ, также мистеру Локу и всѣмъ нашимъ друзьямъ.

Располагайте вашимъ

Ричардомъ Ускомби.

---

* A letter of Richard Uscomby to M. Henrie Lane, touching the burning of the Citie of Mosco by the Crimme Tartar, written in Rose Island the 5 day of August 1571.

Master Lane! I haue me commended unto you. The 27 of Iuly I arriued here with the Magdalene, and the same day and houre did the Swalow and Harry arriue here also. At our comming I found master Proctor here, by whow wee understand very heauie newes. The Mosco is burnt euerie sticke by the Crimme the 24 day of May last, and an innumerable number of people: and in the English house was smothered Thomas Southam, Tofild. Wauerley, Greenes wife and children, two children of Rafe, et more tho the number of 25 persons were stifeled in our Beere seller: and yet in the same seller was Rafe, his wife, Iohn Browne, and Iohn Clarke preserued, which was wonderfull. And there went into that seller master Glouer and master Rowley also: but because the heate was so great, they came foorth againe with much perill, so that a boy their heeles was taken with the fire, yet they escaped blindfold into another seller, and there as God will was, they were preserued. The Emperour fled out of the field, and many of his people were caried away bay the Crimme Tartar: to wit, all the yong people, the old they would not meddle with, but let them alone, and so with exceeding much spoile and infinite prisoners, they returned home againe. What with the Crimme on the one side, and with his crueltie on the other, he hath but few people left. Commend me to mistresse Lane, your wife, and to M. Lock, and to all our friends.

Vours to command,

Richard Uscombe.

Есть еще и третье Англійское извѣстіе объ этомъ происшествіи. Оно принадлежитъ злополучному на родинѣ и у насъ, Джильсу Флетчеру (Giles Fletcher), Доктору Правъ или, какъ выразился о немъ нашъ Статейный Списокъ его посольства, «Мейстеру Богомольныхъ книгъ Аглицкой Королевы Елисаветы,» который былъ въ Московскомъ Государствѣ спустя 17 лѣтъ послѣ сожженія Москвы, именно съ Сентября 1588 по Августъ слѣдующаго года, и, по возвращеніи въ Англію, кромѣ отчета Министерству о своемъ посольствѣ, написалъ сочиненіе «О Государствѣ Русскомъ (Of the Russe Common wealth)», изданное въ Лондонѣ 1591 года. Такъ какъ въ немъ этотъ Посолъ, не стѣсняясь, высказалъ свои наблюденія и мысли о подмѣченномъ и слышанномъ имъ въ тогдашней Руси, то сами Англичане, опаясь, чтобы такіе отзывы не повредили ихъ сношеніямъ съ нами, тотъ же часъ запретили оное, такъ что отъ того оно не смѣло появляться въ полномъ видѣ долгое время, и по тому стало величайшею рѣдкостью. Только недавно было оно перепечатано за границей съ 1-го изданія, самаго вѣрнаго и полнаго; явились также и переводы его на Французскомъ и Русскомъ. Послѣдній, впрочемъ, есть только перепечатка появившагося было въ 1-й книгѣ (по числу 23-й) «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» (Отд. III), осенью 1848 года, перепечатка, сдѣланная безъ вѣдома Общества, которое, какъ всѣмъ уже извѣстно, принуждено было немедленно по выпускѣ изъять его изъ обращенія, навлекло на себя замѣчаніе, а Предсѣдатель и Секретарь Общества удалились изъ него, послѣдній даже, сверхъ того, и перемѣщенъ еще въ другой Университетъ, куда, однако, не поѣхалъ, а предпочелъ выйти совсѣмъ изъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, но къ концу года (1849) снова приглашенъ былъ Управляющимъ Министерствомъ (въ послѣдствіи Министромъ), Княземъ Пл. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ, на свою каѳедру въ Московскій Университетъ. Мы все еще боимся, и по истеченіи цѣлыхъ столѣтій, преклонить ухо свое къ невыгоднымъ отзывамъ о насъ иностранцевъ, все еще думаемъ, что они, говоря о Россіи за 300 лѣтъ, говорятъ о теперешней Россіи, о насъ и нашихъ порядкахъ. По этому Русскій переводъ сочиненія, заключающаго въ себѣ цѣлое сокровище самыхъ важныхъ замѣтокъ о тогдашнемъ Московскомъ Государствѣ во всѣхъ отношеніяхъ, и

помѣщаемаго всѣми знатоками Исторіи на ряду съ Записками (Commentarii), не менѣе образованнаго и многоопытнаго путешественника-посла въ Московію, Герберштейна, недоступнымъ сдѣлался именно тѣмъ, кому это безцѣнное произведеніе болѣе всего нужно. Или уже такъ и суждено намъ никогда не взглянуть прямо въ глаза ни какой правдѣ о насъ, высказанной нашими врагами безъ обиняковъ и покрововъ? Но кто не способенъ выслушать колкую правду, или кривду, о себѣ, тотъ и не достоинъ, чтобы говорили о немъ праведно, безъ утайки самой сути. А мы знаемъ и изъ Исторіи и ежедневнаго опыта, къ чему эта нѣжность чувствъ ведетъ въ послѣдствіи, какъ единицы, такъ и цѣлые народы и Царства: «За лщенія ихъ, говоритъ древній Вѣнценосецъ, положилъ еси имъ злая (Пс. 72, 18); правда—уготованіе (88, 15), исправленіе престола (96, 2); правдою вознесутся» (88, 17), а отъ человѣка неправедна и лстива избави мя» (42, 1), такъ какъ «на верхъ его неправда его снидетъ» (7, 17). Извѣстно, какъ Петръ I разсердился на одного переводчика за то, что онъ, въ порученной ему имъ для перевода книгѣ, выкинулъ всѣ неблагопріятные отзывы сочинителя о Русскихъ, и приказалъ непремѣнно помѣстить въ печати опущенное, «чтобы, прибавилъ онъ, знать, что думаютъ и говорятъ о насъ доброе и худое другіе, а зная держаться перваго и избѣгать послѣдняго.» Да и въ наши дни умнѣйшій изъ нашихъ Іерарховъ, прося Могилевскаго Преосвященнаго (въ послѣдствіи Рязанскаго Архіепископа Гавріила) прислать ему въ переводѣ сочиненіе одного Польскаго писателя о Восточной и Западной Церкви, писалъ: «При семъ прошу упоминаемыя брань и клеветы перевесть безъ уменьшенія и ослабленія. Надобно знать вещь, какъ есть, чтобы поступить, какъ должно.» «Подобаетъ бо, сказано, и ереси вѣдѣти.» При такомъ состояніи нашемъ, конечно, Флетчеру въ Русской одеждѣ суждено скорѣе, пожалуй, сгнить, чѣмъ когда либо увидѣть свѣтъ Божій. А между тѣмъ незабвенный Историіографъ нашъ, сколько обязанъ этому злополучному Англичанину, помѣстивъ его, въ разбитную, въ своемъ безцѣнномъ трудѣ чуть не цѣликомъ всего въ разныхъ мѣстахъ IX и X томовъ «Исторіи Россійскаго Государства!» Вотъ, однако, что пишетъ Флетчеръ, въ 19-й главѣ своего сочиненія о нашествіи Крымскаго Хана на Москву и сожженіи ея имъ въ 1571 году:

«Сосѣди, съ коими они (Русскіе) находятся въ болѣе близкихъ

сношеніяхъ, какъ въ мирное, такъ и военное, время, суть во первыхъ Татары, во вторыхъ Поляки, Русскими называемые Ляхами, въ третьихъ Шведы... Самые значительные и могущественные изъ нихъ (Татаръ) суть Татары Крымскіе (называемые нѣкоторыми Великимъ Ханомъ), которые живутъ на югѣ и юговостокѣ отъ Россіи и наиболѣе тревожатъ ее частыми набѣгами, обыкновенно однажды въ годъ, проникая иногда очень далеко во внутреннія ея области. Въ 1571 году они дошли до Москвы съ 200,000 войскомъ, безъ всякаго боя, или сопротивленія, отъ того, что тогдашній Русскій Царь (Иванъ Васильевичъ), выступившій противъ нихъ съ своимъ войскомъ, сбился съ дороги, но, какъ полагаютъ, съ намѣреніемъ, не смѣя вступить въ битву, по тому что сомнѣвался въ своемъ дворянствѣ и военачальникахъ, яко бы замышлявшихъ выдать его Татарамъ. Самый городъ непріятель не взялъ, но зажегъ его предмѣстія, которыя (состоя изъ деревяннаго строенія, безъ камня, кирпича, или глины, за исключеніемъ немногихъ наружныхъ покоевъ) сгорѣли съ такою быстротою, и огонь такъ далеко распространился, что въ четыре часа не стало большей части города, имѣющаго до 30 миль, или болѣе, въ окружности. Зрѣлище было ужасное: при сильномъ и страшномъ огнѣ, обнявшемъ весь городъ, люди горѣли и въ домахъ и на улицахъ; но еще болѣе погибло изъ тѣхъ, которые хотѣли пройти въ самыя дальнія отъ непріятеля ворота, гдѣ, собравшись отовсюду въ огромную толпу и перебивая другъ у друга дорогу, такъ стѣснились въ воротахъ и прилежащихъ къ нимъ улицахъ, что въ три ряда шли по головамъ одинъ другого, и верхніе давили тѣхъ, которые были подъ ними. Такимъ образомъ въ одно и то же время отъ огня и давки погибло, какъ сказываютъ, 800,000 человѣкъ, или болѣе. Запаливъ городъ и насладившись зрѣлищемъ яркаго пламени, Крымскій Ханъ возвратился домой съ своимъ войскомъ и прислалъ, какъ мнѣ говорили, Ивану Васильевичу ножъ, чтобы онъ зарѣзалъ себя послѣ такой потери и въ такомъ отчаяніи, не смѣя уже ни встрѣтить непріятеля въ полѣ, ни положиться на своихъ друзей и подданныхъ. Главный поводъ къ безпрерывной враждѣ Русскихъ съ Крымцами составляютъ нѣкоторыя пограничныя земли, на которыя имѣютъ притязаніе Татары, между тѣмъ какъ ими владѣютъ Русскіе. Татары утверждаютъ, что, кромѣ Астрахани и Казани (древняго владѣнія восточныхъ Татаръ), вся страна отъ ихъ границъ на сѣверъ и западъ до города

Москвы, не выключая и самой Москвы, принадлежитъ имъ... Русскіе защищаютъ свою страну и земли, ими пріобрѣтенныя, а Крымскіе Татары дѣлаютъ на нихъ набѣги одинъ или два раза въ годъ, иногда около Троицына дня, но чаще во время жатвы. Когда идетъ войною самъ Великій или Крымскій Ханъ, то ведетъ онъ съ собою огромную армію въ 100,000, или 200,000, человѣкъ. Въ противномъ случаѣ они дѣлаютъ кратковременные и внезапные набѣги съ меньшимъ числомъ войска, кружась около границы, подобно тому, какъ летаютъ дикіе гуси, захватывая по дорогѣ все и стремясь туда, гдѣ видятъ добычу» (стр. 58—59).

Разумѣется, Флетчеръ многое изъ сообщаемаго имъ могъ лично слышать отъ видѣвшихъ сожженіе Москвы своими глазами, или слышавшихъ о томъ отъ очевидцевъ На это онъ не разъ и ссылается словами: «какъ сказываютъ; какъ разсказываютъ; какъ мнѣ говорили; какъ они говорятъ,» и т. п. **

** Въ подлинникѣ такъ: «The neighbours, with whom they (Russe) haue greatest dealings et intercourse, both in peace et warre, are first the Tartar, secondly the Polonian, whom the Russe calleth Laches, the third are the Swedens. The Tartars are farther of from us (as being of Asia) and diuided into many tribes, different both in name, and gouernment one from another. The greatest and mightiest of them is the Chrim Tartar (whom some call the Great Cham), that lieth south and southeastward from Russia, and doth most annoy the countrie by often inuasions, commonly once euery yeare, sometimes entring very farre within the inland parts. In the yeare 1571 he came as farre as the citie of Mosko, with an armie 200,000 men, without any battaile, or resistance at all, for that the Russe Emperour (then Iuan Vasilowich) leading foorth his armie to encounter with him, marched a wrong way, but as it was thought of very purpose, as not daring to aduenture the fielde, by reason that hee doubted his nobilitie and chiefe captaines, of a meaning to betray him to the Tartar. The citie he tooke not, but fired the subburbs, which by reason of the buildinges (which is all of wood without any stone, brick, or lime, saue certein out roomes) kindled so quickly, and went on with such rage, as that it consumed the greatest part of the citie almost within the space of foure houres, being of 30 miles, or more of compasse. Then might you haue seene a lamentable spestacle: besides the huge et mighty flame of the citie all on light fire, the people burning in their houses and streates, but most of all of such as laboured to passe out of the gates farthest from the enemie, where meeting together in a mightie throng, and so pressing euery man to preuent another, wedged themselues so fast within the gate, and streates neare unto it, as that three ranks walked one upon the others head, the uppermost treading downe those that were lower: so that there pe-

Третій и четвертый матеріялы относятся уже къ событіямъ XVII-го столѣтія, именно къ тому обстоятельству, какъ Императрица Елисавета, желая видѣть несчастнаго Ивана Антоновича, приказала привезти его въ зимній дворецъ (по другимъ въ домъ И. И. Шувалова), вечеромъ, и, переодѣвшись въ мужское платье, смотрѣла на него за столомъ изъ особенныхъ покоевъ; но болѣе всего говорится въ сихъ матеріялахъ о поспѣшномъ возвращеніи въ Россію изъ Пруссіи Фельдмаршала Апраксина послѣ его блистательной побѣды надъ Прусаками при Гросъ-Егерсдорфѣ, въ то самое время, когда всѣ думали, что онъ поспѣшитъ занять цѣлое Королевство. Къ извѣстнымъ уже изъ другихъ источниковъ причинамъ этого, а также и паденія друга Апраксинова, Великаго Канцлера, А. П. Бестужева-Рюмина, прибавляются новыя: участіе въ козняхъ сильнѣйшаго изъ царедворцевъ Елисаветы, Графа П. И. Шувалова, стремившагося къ одной и той же цѣли, что и временщикъ предшествовавшаго царствованія, Бирономъ; также участіе Французскаго и Австрійскаго Пословъ (Маркиза Де л' Опиталя и Графа Естергази), и Вице-Канцлера, Графа М. Л. Воронцова (споспѣшествовавшаго возведенію на престолъ Елисаветы). Къ этому же обстоятельству относятся и матеріялы шестой и седьмой, т. е., письма, Великаго Князя Петра Ѳедоровича и его супруги, къ

---

rished at that time (is was sayd), by the fire et the presse, the number of 800,000 people, or more. The Chrim thus hauing fired the citie and fedde his eyes with the sight of it all on a light flame, returned whit his armie, and sent to the Russe Emperour a knife (as was sayd) to sticke himselfe withall: obbraiding this losse, et his desperate case, as not daring either to meet his enimy in the fielde, nor to thust his friends, er subiects at home. The principall cause of this continual quarell, betwixt the Russe and the Chrim, is for the right fo certeine border parts claimed by the Tartar, but possessed by the Russe. The Tartar alleageth that besides Astracan et Casan (that are the ancient possession of the East Tartar) the whole countrie from his bounds north and westward, so farre as the citie of Mosko, and Mosko it selfe, perteineth to his right... The Russe defending his countrie, and that which he hath wonne, the Chrim Tartar inuading him once or twise euery yeare, sometime about whitsontide, but oftener in haruest. What time if the Great Cham or Chrim come in his owne person, he bringeth with him a great armie of 100,000, or 200,000 men. Otherwise they make shorte, and sudden roads into the countrie with lesser numbers, running about the list of the border as wild geese flie, inuading and retiring where they see aduantage.»

Кавалеру Уильямсу. Справедливость донесеній Англійскихъ Пословъ подтверждаютъ и тѣ милости, которыя посыпались на Шуваловыхъ съ воцареніемъ Петра III-го и послѣ самой Екатерины, всегда благоволившей и благодѣтельствовавшей извѣстному И. И. Шувалову, благоразумнѣйшему изъ этого рода въ то коловратное время.

Пятый матеріялъ составляютъ «свѣдѣнія о пресловутой Княжнѣ Таракановой,» въ сущности схожія съ тѣми, которыя сообщаетъ извѣстный Кастера (въ 1 и 2 кн.: «Histoire de Catherine II, Impératrice de Russie. Paris, 1809»). Въ какой степени извѣстія эти относятся къ настоящей дочери Императрицы Елисаветы, и была ли ея дочь воспитана за границей, куда дѣвалась и т. п., по сю пору дѣло не вполнѣ рѣшенное. Но то не подлежитъ уже ни какому сомнѣнію, благодаря замѣчательной статьѣ: «О самозванкѣ, выдававшей себя за дочь Государыни Елисаветы,» помѣщенной въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» кн. 1-ой 1867 года (Отд. I),*** что дѣйствительно появилась было въ чужихъ краяхъ загадочная личность, рѣшившаяся разыграть тамъ роль притязательницы на престолъ Русскаго Царства въ то самое время, какъ внутри Государства разыгрывалъ роль притязателя на оный Донской Казакъ. Продѣлка была задумана недурно, конечно, не тѣми, кто являлся на первомъ планѣ дѣйствія; но, какъ и на всякаго хитреца бываетъ много простоты, то въ концѣ концовъ козни не удались, погубивъ отважныхъ игроковъ со множествомъ увлеченныхъ, по вѣдѣнію и невѣдѣнію, въ этотъ коловоротъ. Кто въ самомъ дѣдѣ былъ этотъ самозванецъ и эта самозванка, по сю пору Исторія еще доконно не доискалась. Открылось только въ самое послѣднее время, что Княжны Таракановой никогда на свѣтѣ не существовало; что это имя—плодъ самаго страннаго недоразумѣнія, построеннаго на досужей сплетни съ одной стороны, и исковерканіи, или

*** Статья же: «Княжна Тараканова и Принцесса Владимірская,» напечатанная въ 6—8 книжкахъ «Русскаго Вѣстника» 1867 года, потомъ и особо изданная Петербургскимъ книгопродавцемъ Кожанчиковымъ, съ раскрытіемъ таинственныхъ буквъ П. М., есть просто на просто беззастѣнчивая перифраза статьи, появившейся въ «Чтеніяхъ,» не дѣлающая чести ни П. И. Мельникову, ни его пособникамъ въ изобрѣтеніи и распространеніи этой новой вѣтви небывалаго доселѣ промысла на Святой Руси для насущнаго. См. «Объясненіе» о семъ въ 3-й кн. «Чтеній» упомянутаго года.

стремленіи осмыслить необычайное по значенію и звуку прозвище или фамилію ближнихъ родственниковъ Графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, т. е., Дарагановъ, воспитывавшихся у него, въ самомъ дворцѣ, а также имъ и за границей. Изъ Дарагановъ придворные сочинили Таракановъ, что и пошло гулять по бѣлу свѣту съ ихъ легкихъ рукъ. См. объ этомъ замѣчательное изслѣдованіе А. А. Васильчикова, напечатанное въ книгѣ 2-ой: «Осмнадцатаго вѣка» 1869 г., и озаглавленное: «Семейство Разумовскихъ» (стр.260—502), изслѣдованіе, составленное большею частью по новооткрытымъ архивнымъ бумагамъ и семейнымъ преданіямъ (стр. 445 и слѣд.).

Восьмой матеріялъ, при всей своей краткости, самъ за себя говоритъ, равно какъ и мѣтко очерчиваетъ виновника его.

Наконецъ девятый матеріялъ, именно: два письма извѣстной Княгини Дашковой, и формой и содержаніемъ своимъ вполнѣ напоминаетъ своеобразную Княгиню даже въ самой старости.

О. Бодянскій.

6-го Ноября, 1870 г.
Москва.

ОГЛАВЛЕНІЕ МАТЕРІЯЛОВЪ.

I. Списокъ съ секретной грамоты или письма Англійской Королевы, Елисаветы, къ Русскому Царю, Ивану Васильевичу, 1570 года.

II. Письмо современника Англичанина о сожженіи Москвы Крымскимъ Ханомъ, Девлетъ-Гиреемъ, въ 1571 году.

III. Тайныя сообщенія Суарта Лорду Гольдернесу, въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1757 года.

IV. Два тайнописныя сообщенія Кейта Лорду Гольдернесу и Англійскому Послу при Прускомъ Дворѣ, Митчелю, въ Мартѣ 1758 года.

V. Свѣдѣнія о Княжнѣ Таракановой, 1778 года.

VI. Собственноручное письмо Петра III къ Серу Чарльсу Ульямсу, въ Августѣ 1759 года.

VII. Два собственноручныя письма Великой Княгини Екатерины къ тому же и тогда же.

VIII. Собственноручное письмо Павла I къ Уитворту, въ Августѣ 1799 года.

IX. Два собственноручныя письма Княгини Дашковой къ Мисъ Ульмотъ, и отвѣтъ послѣдней, 1804 года.

Опечатка.

		Напечатано:	*Читайте:*
Стран.	Строк.		
8,	7	Сюарта	Суарта.

I.

Списокъ съ секретной Грамоты или письма Англійской Королевы, Елисаветы, къ Русскому Царю, Ивану Грозному, 1570 года.*

Elizabeth by the graec of God Queen of England, France and Ireland, Defender of Faith etc. To the most mighty and puissant Prince, our dear brother, Great Lord, Emperor of all Russia etc., greeting, health and peace in our Lord Jesus Christ. Where we have by others our letters delivered to Your Highness Ambassadour, the noble person Andrew Regowiwiska Sawena, made answer to the greatest part of such messages and letters, as the said Ambassadour declared and brought to You, we have thought good in some certain manners to send Your Highness for a manifest and certain tokenof our good will to Your Highness estate and surety, his our secret letter, whereunto none are privy, besides ourself, but our most secret counsell. We do so regard the surety of You, the Emperor and Great Duke, as we offer that, it at some time in some shape of Your Lordship, our Brother Emperor and Great Duke, be by any casual chance, either of secret conspiracy, or outward hostility driven to charge the countries and shall like to repair into our kingdom and dominions, with the noble Empress, your wife, and your dear children, the Princes, we shall with such honor and courtesy receive and entreat Your Highness therein, as shall become so Great a Prince, and I shall ernestly endeavour to make all things fall out according to Your Majesty's desire to the free and quiet breeding of You Highness life with all hove, wherein You shall bring with You. And therein may be lawful for You, the Emperor and Great Duke, to use Your Christian religion in such sort, as it shall like You, for neither mean we to attempt anything to offend either Your Majesty, or any of Your people, nor intermeddle any ways with Your Highness faith and religion, nor yet to sever Your Highness household from You, or to suffer any of Yours to be taken from You by violence. Besides we shall appo-

* Cott. Mss. Nero B. II, art. 100, fol. 341.

int You, the Emperor and Great Duke, a place in our kingdom fit upon Your own charges, as long as You shall like to remain with us. Andо if it shall seem good unto You, the Emperor and Great Duke, to deport from our countries, we shall suffer You with all quietly to depart either into Your Empire of Moscovia, or else, whether it shall best like You to pass through our dominions and countries, neither shall we any wise let, or stay You, but with all offices and courtesies let You, our dear Brother Emperor and Great Duke, pass into Your country, or else, where at Your pleasure. This we promise by virtue of these our letters and the word of a Christian Prince. In witness thereof and for the further testimony of this our letter, we, Queen Elizabeth, do subscribe this with our own hand, in the presense of these our nobles and counsellors, Nicholas Bacon, Knigt, Great Chancellour of our realm of England; William Lord Parr, Marquis of Northampton, Knight of our order of the garter; Henry Earl of Arundell, Knight of our said order of the garter; Francis Lord Russel, Earl of Bedford, Knight of our said order; Robert Dudley, Lord of Derby, Earl of Leicester, Master of our house and Knight of the same order, Edward Lord Aayton and Gay, Lord Admiral of England and Knight of our said order; William Lord Howard of Effingham, Lord Chamberlain and Knight of the same order; Francis Knolles, Knight, Overseer of our house; William Cecil, Knight, our principal Secretary, and have also thereto hanged our privy seale, promising You, that we against our common enemies shall with one accord fight with our common swords and do every and singular things, mentionned in this writing as long, as God shall leave us life. And theriby the word and faith of our promise. Given af our palace of Hampton Court the 27 day of the month of May, in the 12-th year of our reign, and in the year of our Lord one thousand five hundred threescore and ten.

Елисавета, Божіей милостью Королева Англіи, Франціи и Ирландіи, защитница. Вѣры и проч. Великому и Могущественному Государю, нашему дорогому Брату, Великому Государю всея Руси и проч., привѣтъ, здравіе и миръ во Господѣ Іисусѣ Христѣ. Какъ въ другихъ нашихъ письмахъ, переданныхъ Послу Вашего Величества, именитому человѣку, Андрею Григорьевичу Савину, мы отвѣтили на большую часть Вашихъ посланій, такъ теперь

мы заблагоразсудили послать Вашему Величеству въ знакъ нашего расположенія и участія, принимаемаго нами въ дѣлахъ и безопасности Вашего Величества, наше тайное письмо, о которомъ, кромѣ насъ, извѣстны лишь самые ближніе намъ совѣтники. Мы принимаемъ къ сердцу здоровье Вашего Величества, Царя и Великаго Князя, и если бъ когда ни будь Ваше Величество, нашъ Братъ и Великій Князь, былъ принужденъ какимъ ни есть случаемъ, въ слѣдствіе ли тайнаго заговора, или внѣшняго нашествія, оставить свою страну и переселиться въ наши Королевскія владѣнія, вмѣстѣ съ Государыней Царицей, супругой Вашего Величества, и Принцами, дорогими дѣтьми Вашими, мы обѣщаемъ принять Васъ съ такимъ почетомъ и чествованіемъ, какое подобаетъ столь Великому Государю, и я изо всѣхъ силъ постараюсь устроить все согласно желанію Вашего Величества, для свободнаго и спокойнаго пребыванія Вашего и тѣхъ, кто съ Вами прибудетъ. И будетъ свободно Вамъ, Царю и Великому Князю, держать свою Христіянскую Вѣру, какъ Вамъ заблагоразсудится, такъ какъ мы не намѣрены оскорблять въ чемъ бы то ни было Ваше Величество, или кого ни будь изъ Вашихъ, и не хотимъ вмѣшиваться въ Вашу религію, ни отдалять отъ Васъ Вашихъ придворныхъ людей; и не попустимъ, чтобы кто ни будь изъ Вашихъ былъ удаленъ отъ Васъ насильно. Кромѣ того, мы назначимъ Вамъ, Царю и Великому Князю, на сколько Вамъ заблагоразсудится остаться съ нами, мѣстопребываніе въ нашемъ Королевствѣ, которое устроите на Ваши собственныя средства; и если бъ вздумалось Вамъ, Царю и Великому Князю, удалиться изъ нашихъ владѣній въ Ваше Московское Царство, или другое мѣсто, мы дозволимъ Вамъ безпрепятственно проѣхать по нашимъ владѣніямъ, буде бы Вамъ такъ лучше показалось, и никоимъ образомъ не будемъ Васъ задерживать, а, напротивъ, со всякимъ почетомъ отпустимъ Васъ, нашъ дорогой Братъ, Царь и Великій Князь, въ Вашу страну, или другую, по Вашему желанію. Обѣщаемъ Вамъ это настоящимъ нашимъ письмомъ и словомъ Христіянскаго Государя. Въ подтвержденіе чего и для полнѣйшаго засвидѣтельствованія этого нашего письма, мы, Королева Елисавета, подписываемъ его нашею собственною рукою въ присутствіи нашихъ вельможъ и совѣтниковъ, Николая Бекона, Кавалера, Великаго Канцлера нашего Королевства Англіи;

Лорда Уильяма Парра, Маркиза Нортгемтона, Кавалера нашего ордена Подвязки, Графа Генри Аруиделя, Кавалера нашего ордена Подвязки; Лорда Френсиса, Росселя, Графа Бедфорда и Кавалера нашего означеннаго выше ордена; Роберта Додле, Лорда Дерби, Графа Лестера, Министра нашего двора и Кавалера того же ордена; Лорда Эдуарда Этона и Ге, Лорда Адмирала Англіи и Кавалера нашего выше сказаннаго ордена; Лорда Уильяма Гоуарда Эфингама, Лорда Камергера и Кавалера того же ордена; Френсиса Нольса, Кавалера, Смотрителя нашего дома; Уильяма Сесиля, Кавалера, нашего Главнаго Секретаря. Къ сему мы приложили нашу собственную печать, обѣщая Вамъ съ обоюднаго согласія и однимъ мечомъ сражаться противъ общихъ враговъ, и дѣлать все, помянутое въ этомъ письмѣ, на сколько Господь продолжитъ намъ жизнь. Въ этомъ мы даемъ Вамъ наше слово и поруку.

Дано въ нашемъ дворцѣ въ Гемптонкортѣ, 27 дня мѣсяца Мая, въ двѣнадцатое лѣто нашего царствованія, а отъ рождества Спасителя 1570.

II.

Письмо современника Англичанина о сожженіи Москвы Крымскимъ Ханомъ Девлетъ-Гиреемъ въ 1571. *

The 24 May, being Ascension day, the King of the Crimmes came to the city of Moscow with above 120,000 horsemen and men of war. The Emperors captains and men of war being in garrisons in the holdes abroad and the Moscovians being improvided, the said Tartars set a fire the city and suburbs and both castles; say all timber work therein was consumed to ashes. Assuredly I think Sodom and Gomorrah were not in so short time consumed. I believe it was a plague sent by God to the wickedness of the people. The morning was exceedingly clear, fair and calm, without any wind; but being a fire, there was nothing, but whirlwinds and such a noise, as thought the heavens should have falln, and in such

---

* Harl. Mss. N. 247, fol. 208.

terrible wise, that when men were after in the houses, or in streets, they were destroyed; there was a wonderful number destroyed in all the country within 20 miles compass came into the city and castles, so did the all the suburbs, so all the houses and streets were full (of) people. that men could scarce go in them, and all consumed in fire, except certain men of war, which were skirmishing with the Tartars and few others, which fled over the walls into the river, where some were drowned and some saved; and in few cellars and churches a great number of them were roasted to death, as out of one of the company cellars in the English house died 30 persons thereof, 3 of them cervants to Sir Thomas Bentham, Thomas Fielde, John Warasleye, artificers, Thomas Chaffsne, Thomas Carver, apothecary, with dyvers others died. And in the next cellar, God preserved, Master Rowley, John Sparkes and William Glover. This cruel and sudden destruction came upon the Moscovians in great and wonderful whirlwinds, and at the end it was very calm again and fayre weather, that men might walk and see the dead bodies of men and horses, no small number, besides those, that were burned to powder. I pray God, I never (may) see the sight again. And the some day the Tartar dog had done this mischief, the night following he with all his power fled over the river Oca, which. . distant from the Mosco 8 versts in 3 quarters of an English mile. The place, where the Emperor liveth, called Slobedale. The Crim, vassal to the Emperor, hath invaded the best parte of the dominions. Eight hours after my delivermend out of Mosco, wherein I note God's good providence, the gates of the town were shut up; no man suffered to pass out, and such a candle light within I miles of Mosco, in one of the Dukes houses, that it might be scene of all Mosco, being by estimation 20 miles in compass, which also not long after was consumed with fire and not one stick left. In one house perished Thomas Bentham, Thoma Field, John Warasleye Thomas Carver, apathecary, these with others strangers, all to the numbers of 25 persons died in our house. The number, that perished at the destruction of Moscow, was so great by report, that I will not name it. This will I say, that all the country for 60 miles round or more to Moscow, that 8 men in the town did not escape. Two monthes will scarce suffice to free the city (which now is nothing, but walls and here

and there a stone house much like a conduit head) from dead corpses of men and horses.

All this was plainly done, for at my coming from thence, all Mosco was troubled with the pleadings out of soldiers against the Crimme, who that was reported to be 300 miles of the place. The fire of the Crimme hath so stricken these peoples hearts, that as we came through Pereslavino, Bastoneswi, Iristaneskoe, the people were flying with theirs goods into caves and wilderness. So affraid were they left all with the fire, and from the Crimme would fly into sky. In my mind a thousand armed horsemen might have taken all before them Vologda, which is 300 miles from Mosco. The Crimme hath intrenched himself not far from Mosco. What will be the end of this war is uncertaine.

24-го Мая, въ день Вознесенія, Крымскій Ханъ пришелъ къ городу Москвѣ съ болѣе чѣмъ стодвадцатью тысячами конныхъ и вооруженныхъ людей. Такъ какъ Царскіе Воеводы и воины были въ другихъ городахъ какъ охрана, а Москвичи не приготовлены, то сказанные Татары зажгли городъ, пригороды и оба кремля. Всѣ деревянныя строенія, какія тамъ находились, были обращены въ пепелъ, и я убѣжденъ, что Содомъ и Гоморра не были истреблены въ столь короткое время. Я думаю, это было наказаніе, посланное людямъ за грѣхи народа. Утро было чрезвычайно хорошее, ясное и тихое, безъ вѣтра; но когда начался пожаръ, то поднялась буря съ такимъ шумомъ, какъ будто обрушилось небо, и съ такими страшными послѣдствіями, что люди гибли въ домахъ и на улицахъ. На разстояніи 20 миль въ окружности погибло множество народа, бѣжавшаго въ городъ, и кремли, и въ пригороды, гдѣ всѣ дома и улицы были такъ полны народа, что некуда было протѣсниться; и всѣ они погибли отъ огня, за исключеніемъ нѣкоторыхъ воиновъ, сражавшихся съ Татарами, и немногихъ другихъ, которые искали спасенія, черезъ стѣны, въ рѣкѣ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ потонули, а другіе были спасены. Большое число сгорѣло въ погребахъ и церквахъ, между прочимъ 30 человѣкъ въ погребахъ Англійской Компаніи: изъ нихъ 3-е служителей Сера Томаса Бентама; умерли также Томасъ Фильдъ, Джонъ Уересли, ремесленники, Томасъ Чефинъ, Томасъ Карверъ, аптекарь и нѣкоторые другіе.

Въ сосѣднемъ погребѣ спаслись, по милости Божіей, Роули, Джонъ Спаркъ и Уильямъ Гловеръ. Это великое и внезапное разрушеніе, постигшее Москвитянъ, сопровождалось сильной, невиданой, бурей, а подъ конецъ погода снова прояснилась и стала тихой, такъ что люди могли ходить и видѣть великое множество труповъ людей и лошадей, не говоря уже о тѣхъ, которые обращены были въ пепелъ. Молю Бога не видѣть впредь подобнаго зрѣлища. Въ ночь послѣ того, какъ собака Татаринъ учинилъ это злодѣйство, онъ бѣжалъ со всею ратью къ рѣкѣ Окѣ, отстоящей отъ Москвы ..... верстъ: 8 верстъ приходится на $^3/_4$ Англійской мили.

Мѣсто, гдѣ живетъ Царь, зовется Слободою. Крымскій Ханъ, данникъ Царя, напалъ на лучшую часть его владѣній. Восемь часовъ послѣ того, какъ я выбрался изъ Москвы, въ чемъ я вижу перстъ благаго Провидѣнія, городскія ворота были заперты, никому не дозволено выходить, и такое пламя поднялось въ 7 миляхъ отъ города въ одной изъ Царскихъ палатъ, что пожаръ можно было видѣть со всѣхъ концовъ Москвы, имѣющей около 20 миль въ окружности. Вскорѣ послѣ того строеніе было истреблено огнемъ, такъ что не осталось и бревна. Въ одномъ домѣ погибъ Томасъ Бентамъ, Томасъ Фильдъ, Джонъ Уересли, Томасъ Карверъ, аптекарь: всѣ они, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими иностранцами, всего 25 человѣкъ, погибли въ нашемъ домѣ. Число погибшихъ при разореніи Москвы показываютъ такое громадное, что я не рѣшаюсь передать его. Скажу только, что изъ окрестностей Москвы, на 60 миль и болѣе, я 3-мъ человѣкамъ не удалось спастись въ городѣ. Въ два мѣсяца едва будетъ возможно очистить отъ человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ городъ, въ которомъ остались теперь одни стѣны, да тамъ и сямъ каменный домъ, словно головки водосточной трубы.

Такъ обстояло дѣло; въ ту пору, когда я оставилъ Москву, она была занята вылазками воиновъ противъ Крымцевъ, стоявшихъ станомъ, какъ говорили, въ 300 (?) миляхъ отъ города. Крымскіе пожары исполнили сердца жителей такого ужаса, что когда мы проѣзжали Переяславлемъ, Ростовомъ (Bastonesswi) и Ярославлемъ (Irislaneskoe), они спѣшили скрыться съ своимъ имуществомъ въ погреба и пустынныя мѣста; такъ напугали ихъ всѣхъ пожары, что отъ Крымцевъ они готовы были убѣжать на небо.

Мнѣ кажется, что тысяча вооруженныхъ всадниковъ легко могли бы овладѣть всей страной до Вологды, которая отстоитъ отъ Москвы на 300 (?) миль. Крымцы окопались недалеко отъ Москвы. Какой будетъ исходъ этой войны — не извѣстно.

III.

Тайныя сообщенія Сюарта Лорду Гольдернесу. *

На оборотѣ надпись: Advices—most secret.

I-ier lettre.

Monsieur!

Je n'ai pu rien apprendre de la famille infortunée du Duc de Brounswick, sinon qu'au commencement de l'hyver passé; le czar Ivan ayant été mené à Heusebburg (Slusserbourg?), y fut gardé jusqu'à la fin de la dite saison; qu'alors il fut transporté ici et mis dans une honnête maison particulière, appartenant à la veuve d'un secrétaire de l'inqu isition secrète, hors de la ville, mais fort proche; qu'il y fut assez étroitement gardé avec son gouverneur, pendant quatre semaines ou environ, par un officier et quelques soldats des gardes; qu'il prit fantaisie à Sa Majesté Impériale de le faire mener un soir fort secrètement dans le vieux palais d'hiver, et qu'elle avait la curiosité de le voir à table, d'un appartement secret, étant habillée en homme et accompagnée seulement de son favori d'à présent Ivan Shouwaloff; que quelques jours après il fut reconduit au lieu de son exil précédent, et qu'on envoya avec lui quelques hardes nécessaires et du linge, et qu'au reste, toute la famille se porte bien et est bien traitée et entretenue sur le même pied que ci-devant. Comme le maréchal Apraxine, qui recevoit quelquefois quelques informations des officiers de son régiment aux gardes, employés dans cette affaire, est absent, il est impossible de savoir rien de particulier sur l'état de cette famille. Tout ce qui regarde cette affaire est entièrement confié à la seule direction du Conseiller privé Tscherkassoff, homme impénétrable et le plus brutal dans ses façons, qui se trouve dans

---

* Mitchell Papers. Add. Mss. N. 6815, f. 133—145.

tout l'Empire, d'ailleurs scrupuleux, mais cependant point violent dans l'observation de ses ordres. Le reste des effets de cette famille, qui ont resté si longtemps à Memél, et qui ont été transportés ici cet été, sans que le Grand Chancelier en ait rien su, jusqu'à ce que je lui en ai parlé, a été d'abord apporté à cette cour; après quoi L'Impératrice les a distribues aux gens avides, qui l'environnent sans cesse. Dieu seul sait ce, qui peut arriver au sujet de la succession, en cas que l'Impératrice meure, ce qui peut arriver au premier jour et ne parait pas même devoir être regardé comme fort éloigné, vu l'état de S. M. Imperiale, qui empire de jour en jour: personne ne peut rien espérer de bon à cet égard, ni rien attendre du Grand Duc.

Le Grand Chancelier commence aussi à douter aussi bien que moi depuis qu'il nous a découvert son idée, qu'il puisse venir à bout de faire parvenir La Grande Duchesse et le Grand Duc au gouvernement de ce pays, surtout depuis qu'Apraxin s'est raccommodé avec le Comte de Schouvaloff, qui est devenu publiquement le galant de sa fille, la Princesse de Kourakin, et qui pour cette raison s'est désisté de sa prétention au grade de Feld-Maréchal en faveur d'Apraxin, qu'il a par la attiré dans son parti. Chacun croit pour sûr, qu'il y a un testament, fait en faveur du jeune Grand Duc, à l'exclusion de son père, et que le Comte de Schouwaloff sera nommé Régent, ou pour le moins, chef d'un conseil de régénce, et que par ce moyen, et à la faveur de la confusion et du désordre, qui doivent provenir d'une telle disposition, il pourrait bien porter ses vues jusqu'à s'emparer lui même de la couronne.

Toutes ces mesures, toutes ces démarches, paraissent dirigées vers ce but. Les principaux domaines, les mines de fer et de cuivre de la couronne, lui appartiennent en propre; la monnaie est entièrement abandonnée à sa direction et à sa disposition; le bureau des sels, dont on paye les gardes et dont la cour et la cassette privée de S. M Impériale sont entretenues, est entre ses mains et il en dispose sans que personne d'autre y puisse rien voir. La capitation, dont toute l'armée entière est entretenue, est diminuée tous les ans par lui, de sorte que dans peu de temps tout l'argent pour l'entretien de l'armée doit naturellement entrer dans les bureaux de sel et par conséquent dans ses mains; la moitié y étant

déjà. Il commande le corps de l'artillerie; il a formé un corps d'observation de 30 mille hommes, composé de tout ce qu'il y a de plus déterminés officiers et grenadiers de toute l'armée, dont une légion doit à présent contre vent et marée venir faire garnison dans cette capitale, pendant que le reste formera un cordon le long de la Dvina, depuis Riga jusqu'au dessus de Smolensk. Cette armée et indépendante de tous autres ordres que les siens, aussi bien que le régiment de cuirassiers du corps, qui est ici et qui est entièrement à sa disposition. S'il a le courage, il ne peut manquer de réussir, mais il en a fort peu. Il a cependant à sa dévotion des gens, qui y excellent, tels que Gleboff et autres. Outre tout cela, il tient les principales branches du commerce. Par son commerce de bois il a ruiné les provinces et les villes d'Esthonie, de Narva, Pernau, Pleskau, Nowogorod et Smolensko. Il a le commerce de l'huile de baleine, la livrance des eaux de vie de Russie et de France à la couronne et des provisions à la cour; la plus grande part dans le commerce du Levant, de Perse et de la Chine; la ferme des droits de Kislar et d'Astrakan; en un mot, il gouverne à présent tout absolument, et jamais personne n'a eu une plus grande autorité que lui; il ne se fait rien sans sa volonté ou contre son gré, et il est le canal de toutes les grâces et de toutes les faveurs; il ne lui manque que de pouvoir gagner du crédit auprès des gardes; cela ne saurait lui manquer dans la suite, dès qu'il viendra à y vaquer seulement un poste de Lieutenant Colonel. Tout cela forme une perspective, qui fait dresser les cheveux, quand on y pense. En attendant, L'Impératrice n'ecoute qu'eux; ne voit, ni ne s'informe de rien et continue son même train de vie, et a livré, à la lettre, l'Empire au pillage à un chacun: de sorte, que chacun pille, vole, commet des injustices, se fait droit à soi même et emporte ce qu'il veut avec impunité et sans que personne s'en embarrasse. En un mot, jamais la Russie n'a été dans un état plus embrouillé, plus dangereux, ni plus pitoyable, qu'elle l'est à présent. Il s'en faut de beaucoup qu'on ne puisse prévoir, quelle sera la fin de tout cela, et cet Empire est devenu entièrement inutile à ses amis et méprisable pour les ennemis; il n'y reste plus la moindre ombre de bonne foi, d'honneur, de confiance, de pudeur ou d'équité, et l'on n'y voit plus qu'une vanité et un luxe inexprimables et qui menacent ruine. Cependant les

anciennes familles et le commun peuple sont opprimés de la manie la plus cruelle par tous ces hommes nouveaux, tirés du néant, et les enfants des plus puissants sont forcés d'épouser des gens du plus bas étage, qui sont en faveur. Leur unique espoir et celui des gardes est dans le rétablissement du Czar Ivan, mais je n'y vois que bien peu d'apparence, tant que la famille du Comte de Shouwaloff sera aussi fort au dessus de tout et que son pouvoir augmentera journellement.

Les intrigues et les amourettes de la Grande Princesse avec le Comte Poniatovsky sont connues à l'Impératrice, mais elle ne fait rien paraître ce, qui ne signifie rien de bon pour elle; elle doit même avoir dit, qu'elle lui ferait bien payer tout à la fois ci-après. Sa M. l'Impératrice a pour elle et pour le Grand Duc un souverain mépris et la nation déteste ce dernier de plus en plus tous les jours. Il ne reste presque plus rien des domaines de la couronne, qui vaille la peine d'en parler. On les a tous donnés aux Shouvalloff, où à leurs amis et même une portion considérable à leurs ennemis, pour leur fermer la bouche, parce qu'on ne veut pas entendre le moindre mal d'aucun de cette famille. Nous en avons eu un exemple depuis peu: le Chambellan de Woronzoff, frère du Vice-Chancelier raisonnait publiquement à table en présence du Grand chancelier, du Comte de Shouwalloff et de plusieurs autres, les fourberies, les mauvaises actions et les vices dangereux du Comte de Shouwalloff. Il en parla rondement, avec justice, de très bonnes raisons et beaucoup de fondement Ceci causa beaucoup de confusion et d'alarme. L'Impératrice a travaillé inutilement pendant long temps à les apaiser tous deux, et n'a pu y réussir qu'en donnant au Chambellan un de ses domaines de 30 mille roubles de revenu. De pareils exemples sont frèquents. Elle n'a pas la moindre autorité; on n'ose en faire usage, par crainte pour elle même. Il faut qu'il (qu'elle?) appaise tout à force de dons et de gratifications et qu'elle connive à tout. C'est par là seul et de cette façon que ce gouvernement subsiste par un espèce de miracle.

J'ai l'honneur d'être etc.

M. de Swart.

St. Pétersbourg.
Ie 16 Octobre, 1757.

Милостивый Государь!

Я ничего не могъ узнать о злополучномъ семействѣ Герцога Брауншвейгскаго, развѣ только, что въ началѣ прошлой зимы, Царя Ивана привезли въ Шлисельбургъ и продержали тамъ до конца зимы; тогда перевезли его сюда и помѣстили въ домѣ частнаго лица, именно въ домѣ, принадлежащемъ вдовѣ Секретаря Тайной Канцеляріи, внѣ города, но въ близкомъ отъ него разстояніи; за нимъ строго смотрѣли, также какъ и за его воспитателемъ, въ продолженіе четырехъ недѣль, или болѣе, Офицеръ и нѣсколько гвардейцевъ; потомъ Ея Величеству вздумалось велѣть привезти его весьма тайно вечеркомъ въ старый зимній дворецъ, гдѣ Ея Величество полюбопытствовала посмотрѣть на него за столомъ, изъ особенныхъ покоевъ, одѣвшись мущиною и въ сопровожденіи теперешняго своего любимца, Ивана Шувалова; нѣсколько дней спустя его снова привезли въ прежнее мѣсто его ссылки и прислали ему необходимую одежду и бѣлье; впрочемъ, все семейство въ вожделѣнномъ здравіи, съ нимъ обращаются и держатъ его на той же ногѣ, что и прежде. Такъ какъ Фельдмаршалъ Апраксинъ, который иногда получалъ извѣстія отъ Офицеровъ своего гвардейскаго полка, которому поручается это дѣло, теперь въ отсутствіи, то нѣтъ возможности ничего узнать особеннаго о положеніи этого семейства. Все, что относится до этого дѣла, вполнѣ поручено завѣдыванію Тайнаго Совѣтника Черкасова, человѣка непроницаемаго и самаго рѣзкаго въ обращеніи, кажется, во всей Имперіи, впрочемъ, совѣстливаго, но не жестокаго, исполнителя данныхъ ему приказаній. Остальныя вещи этого семейства, которыя такъ долго оставались въ Мемелѣ, и перевезены были сюда лѣтомъ, такъ что Канцлеръ ничего объ этомъ не зналъ, пока я ему не напомнилъ о нихъ, сперва привезены были ко Двору, и тогда Императрица ихъ раздала жаднымъ лицамъ, которыя ее безпрестанно окружаютъ. Одинъ Богъ вѣдаетъ, кто будетъ наслѣдникомъ въ случаѣ смерти Императрицы, что можетъ случиться внезапно, и даже не считается отдаленнымъ, судя по состоянію здоровья Ея Величества, которое становится хуже день ото дня; никто не можетъ надѣяться на что ни будь хорошее въ этомъ отношеніи; никто ничего не ожидаетъ отъ Великаго Князя.

Канцлеръ начинаетъ также сомнѣваться, по моему, съ тѣхъ поръ, какъ открылся мнѣ въ своихъ замыслахъ, именно: чтобы онъ могъ успѣть поставить во главѣ правленія этого Государства Великую Княгиню и Великаго Князя, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Апраксинъ снова сошелся съ Графомъ Шуваловымъ, который сталъ извѣстнымъ поклонникомъ его дочери, Княгини Куракиной; Графъ даже по этой причинѣ отказался отъ Фельдмаршальской степени, передавъ ее Апраксину, котораго тѣмъ и привлекъ къ своей сторонѣ. Каждый вѣритъ, что есть непремѣнно духовное завѣщаніе, сдѣланное въ пользу юнаго Великаго Князя, за исключеніемъ его отца; думаютъ, что Графъ Шуваловъ будетъ названъ Правителемъ, или, по крайней мѣрѣ, начальникомъ Правительственнаго Совѣта, и что такимъ путемъ, пользуясь суматохой и безпорядкомъ, неразлучными съ такимъ положеніемъ дѣлъ, онъ можетъ простирать свои виды даже до завладѣнія властію собственно для себя.

Всѣ его распоряженія, поступки, кажется, клонятся къ такой цѣли. Главнѣйшія Государственныя имущества, желѣзныя и мѣдныя руды казны, принадлежатъ ему; монетный дворъ совершенно предоставленъ его управленію и распоряженію; соляной дворъ, доходами котораго платятъ гвардіи, содержатъ Дворъ и пополняютъ собственную кассу Ея Величества, также находится въ его рукахъ, и онъ имъ распоряжается безъ всякаго учета. Подушныя подати, которыми содержится войско, ежегодно имъ уменьшаются, такъ что въ скоромъ времени всѣ деньги, нужныя для содержанія онаго, должны, слѣдовательно, войти въ конторы солянаго двора и перейдутъ въ его руки; онъ завладѣлъ уже цѣлой ихъ половиной. Онъ начальствуетъ артиллерійскимъ корпусомъ; онъ образовалъ наблюдательный корпусъ въ 30,000 человѣкъ, выбранныхъ изъ самыхъ рѣшительныхъ Офицеровъ и гренадеровъ, бывшихъ въ войскѣ; часть этого корпуса должна, не смотря на препятствія, явиться въ столицу для занятія всѣхъ стражныхъ мѣстъ, пока остальная часть составитъ цѣпь вдоль Двины, начиная отъ Риги и даже за Смоленскъ. Это войско подчиняется только однимъ его приказаніямъ, также какъ кирасирскій полкъ, который находится теперь здѣсь и вполнѣ отданъ въ его распоряженіе. Если у него хватитъ духа, онъ не можетъ потерпѣть неудачи; но духа-то у него очень мало. Но ему пре-

даны, однако, люди, которые и отличаются характеромъ: таковы Глѣбовъ и другіе. Кромѣ того, главныя отрасли торговли тоже находятся въ его рукахъ. Своею торговлею лѣсомъ онъ разорилъ области и города Эстоніи, Нарву, Перновъ, Псковъ, Новгородъ и Смоленскъ. У него же въ рукахъ торговля китовымъ жиромъ; онъ снабжаетъ казну водкой Русскою и Французскою и поставляетъ продовольствіе ко Двору; онъ имѣетъ главную часть торговли съ Востокомъ, съ Персіею, съ Китаемъ; у него же откупъ (рыбной ловли) въ Кизлярѣ и въ Астрахани; однимъ словомъ, онъ теперь рѣшительно всѣмъ управляетъ, и никогда никто не имѣлъ подобной власти; ничто не дѣлается мимо его воли, или противъ его желанія; черезъ него идутъ всѣ благоволенія и милости; ему стоитъ только привлечь къ себѣ гвардію, что непремѣнно будетъ въ послѣдствіи, едва только опростается тамъ мѣсто Подполковника. Все это такимъ представляется въ будущемъ, что какъ подумаешь только, то волосы становятся дыбомъ. Императрица слушаетъ только ихъ, ни о чемъ не освѣдомляется и, продолжая жить по прежнему, буквально отдала Государство на разграбленіе кому угодно, такъ что всякій грабитъ, воруетъ, дѣлаетъ несправедливости, самъ расправляется и беретъ, что хочетъ безнаказанно, и никто даже объ этомъ и не заботится. Однимъ словомъ, никогда Ротсія не была въ положеніи столь смутномъ, болѣе опасномъ и столь достойномъ сожалѣнія, какъ теперь. Не трудно предвидѣть, каковъ будетъ всему этому конецъ. Это Государство совершенно стало безполезно для своихъ друзей и презирается врагами; въ немъ уже нѣтъ и тѣни правоты, чести, довѣрія, стыда, или справедливости; только и видишь невообразимыя чванство и роскошь, которыя угрожаютъ полнымъ разореніемъ. Старинныя фамиліи и простой народъ подвергаются самымъ жестокимъ притѣсненіямъ отъ лица новыхъ людей, выведенныхъ изъ ничтожества, и дѣти самыхъ именитыхъ семействъ принуждены родниться съ людьми самаго низкаго происхожденія, но пользующихся милостію. Единственная надежда ихъ и гвардіи возвести вновь на престолъ Царя Ивана, но я не вижу ни какого къ тому исхода, пока фамилія Графа Шувалова будетъ надъ всѣмъ первенствовать и власть Графа будетъ ежедневно увеличиваться.

Интрига и любовныя похожденія Великой Княгини съ Гра-

фомъ Понятовскимъ сдѣлались извѣстны Императрицѣ, но она не подаетъ ни какого виду, что не предвѣщаетъ ничего хорошаго; она, кажется, даже сказала, что взыщетъ съ Княгини все разомъ попозже. Ея Величество презираетъ вполнѣ и Княгиню и Великаго Князя, котораго въ Государствѣ день ото дня болѣе и болѣе ненавидятъ. Такъ мало осталось отъ Государственныхъ имуществъ, что даже не стоитъ о нихъ говорить. Всѣ ихъ отдали Шуваловымъ, или ихъ друзьямъ; отдана даже важная довольно часть ихъ врагамъ, чтобы заставить ихъ молчать, по тому что рѣшительно не хотятъ слышать ничего дурного про кого бы то ни было изъ этого семейства. У насъ былъ примѣръ на дняхъ: Камергеръ Воронцовъ, братъ Вице-Канцлера, обсуживалъ открыто за столомъ, въ присутствіи Канцлера, Графа Шувалова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, плутовство, плохіе поступки и опасные пороки Графа Шувалова. Онъ высказался на прямки, справедливо, съ весьма хорошими доводами и съ большою основательностію. Этотъ разговоръ произвелъ много смутъ и опасеній. Императрица напрасно и долго старалась ихъ помирить, и успѣла въ этомъ только, подаривъ Камергеру одно изъ своихъ помѣстьевъ, дающее 30,000 рублей дохода. Такіе примѣры здѣсь сплошь да рядомъ. Она не имѣетъ ни малѣйшей власти, и боятся къ ней взывать изъ боязни за самую Государыню. Ей необходимо всѣхъ умиротворять дарами и наградами, она всѣмъ и всему потакаетъ. Такимъ только образомъ и только этимъ существуетъ еще это Правительство по какому-то чуду.

Имѣю честь быть.

М. Сюартъ.

С. Петербургъ.
16 Октября, 1757 года.

II-de lettre.

Quoique l'on proteste publiquement ici, que la retraite de l'armée Russienne hors de Prusse, si scandaleuse pour cette cour, n'a été exécuté que par faute de vivres et de fourrages, sur l'avis unanime d'un conseil de guerre; il y a cependant ici certains avis secrets, venant de bonne main, datés de Königsberg et de Welau, qui

marquent que selon toute apparence, elle a été entreprise en conséquence d'un ordre ou d'une insinuation reçue. Un Bourguemâistre de Welau, rendant témoignage, que lui, étant avec le Maréchal Apraxin, ce dernier avait reçu en sa présence, un courier avec des depêches d'ici, et qu'ayant lu une lettre, il avait levé les mains au ciel, comme transporté de joye, et qu'il avait d'abord après fait assembler le conseil de guerre sur quoi, la retraite avait d'abord été entreprise.

L'on croit pour sûr, que le Comte de Shouwaloff, qui depuis un an est parfaitement bien avec le Maréchal d'Apraxin, a obtenu un tel ordre de l'Impératrice en secret, ou que même il aura de son propre chef, envoyé une insinuation à cet effet au Feld-Maréchal; la dernière opinion parait fortement établie, et l'on assure, qu'il l'a fait, parceque Sa Majesté ayant eu régulièrement depuis deux où trois ans, tous les étés des attaques très fréquentes et très dangereuses, il avait prévu les mêmes attaques cette année, ce qui a été confirmé par l'événement, et qu'afin d'avoir en cas de sa mort M. d'Apraxin avec son armée à portée sur la frontière ou dans le pays, il lui avait insinué par précaution de prendre un prétexte pour se retirer et de revenir d'abord ici. Cependant on se déchaine contre ce Maréchal de la façon la plus violente, comme si par son retour il avait à attendre la plus haute disgrâce et une punition sevère pour sa conduite, mais je suis fort tranquille à cet égard.

Les mêmes avis portent aussi, que la capitulation pour la ville de Königsberg était préparée dans cette ville presque sans défense, et qu'elle aurait été présentée aux Russes, s'ils avaient seulement continué leur marche, et qu'ils auraient trouvé dans cette ville et dans ses environs des provisions en plus grande abondance, que celles, qu'ils débitent devoir aller chercher dans leurs magasins en Courlande et en Lithuanie, tout comme s'il n'aurait pas été plus commode de les faire transporter après eux, que de les aller chercher avec toute leur armée. Il n'y a rien de plus étonnant, que de voir, que cette armée n'ait point fait le moindre usage de la conquête de Memel et de toute la contrée maritime de Prusse, qu'ils occupaient depuis là jusqu'à Insterbourg, le long du golfe de la Courlande, pour transporter le restant de leurs subsistances par eau, en traversant ce golfe depuis Memel jusqu'à Insterbourg avec les galè-

res et autres bâtiments convenables d'autant plus qu'ils n'avaient à craindre aucun empêchement de la part de l'ennemi.

Le dessein du Maréchal était selon ce qu'il en a écrit ici lui même de dévaster et brûler tout dans sa retraite depuis Insterbourg jusqu' à Tilsit (mauvaise preuve de l'intention de reprendre les opérations cette année comme on a voulu le faire croire et qui donne fortement à penser, qu'on avait grand peur d'être poursuivi par l'ennemi). Mais on lui envoya d'abord défense de rien faire de semblable. Cependant il a écrit dans ce temps là au Sénat d'envoyer les ordres nécessaires en Courlande et en Livonie pour y préparer les quartiers pour l'armée qui est déjà depuis longtemps bien au delà de Tilsit. On assure, que l'on lui a envoyé ordre de disposer tellement son armée, qu'elle ait Memel au centre comme son principal magasin et de tâcher de conserver cette place. On lui a fait aussi de vifs reproches de ce qu'il n'a point envoyé, ni fait aucune mention dans ses rapports des lettres que le Feld-Marèchal Lehevald lui a écrit, touchant les dévastations que les troupes irrégulières ont commises en Prusse et touchant l'échange des prisonniers, avec ordre d'envoyer d'abord ici les originaux de ces lettres. Le Général Sibilsky a aussi fait de grandes plaintes ici de ce que pendant la bataille, le matin à 7 heures et demie il avait fait prier le Maréchal Apraxin de lui envoyer quelques dragons et troupes irrègulières pour occuper les défilés, que l'ennemi devait passer dans la retraite, assurant, qu'il lui rendrait bon compte de toute l'armée Prussienne, que quoiqu'il eut réitiré à tous moments cette prière, il n'en avait pu obtenir aucune réponse jusqu'à 4 heures du soir, qu'il lui envoya quelques Cosaques, lorsque l'ennemi avait déjà passé les défilés et qu'il étaittrop tard pour pouvoir rien exécuter. Pendant labataille toute la cavalerie russienne, soi disant réglée, fut culbutée en moins de rien; et ce qui ne fut pas tué fuit depuis Jegersdorf jusqu'à Insterbourg sans regarder derrière soi: la plus grande perte fut parmi elle; cependant on n'en a presque pas fait mention dans la liste, et l'on n'y a inséré que les noms des officiers, dont la perte pouvait s'apercevoir ici, les autres noms, peu où point connus, sont omis. La perte entière fut de près de 20 mille hommes, parmi lesquels il y eut huit cents officiers, et selon le dernier rapport du Mar. Apraxin, toute son infanterié ne consiste plus qu'en 45 mille hommes, ou environ, ce qui fait à peu près la moitié de ce, qu'il

avait, quand il s'est mis en marche. On a gagné la victoire, on ne sait, comment par le moyen de l'infanterie, qui a forcé ses officiers de faire ferme, ou d'avancer, comme à Wilmanstrand, pendant la dernière guerre contre la Suède.

Cette conduite, selon toute apparence, dérangera principalement l'entreprise des Suèdois en Poméranie.

En attendant le Ministre Saxe n'a point encore reçu de réponse aux représentations, qu'il a faites contre cette rétrogradation et le Comte Esterhazi n'avait point encore eu ordre de sa cour ces jours passés de faire de pareilles remontrances.

Le Chevalier Lambert, qui a été enlevé depuis quelque temps de la prison à Warsovie, est depuis quelques semaines dans cette capitale; pendant qu'on le transportait ici il a trouvé moyen de jeter secrétement du chariot sur le chemin entre Peterhoff et ici quelques billets, contenant ces mots: «Mes chers amis! Je vous prie au nom de Dieu faites savoir à ma pauvre femme à Dantzig, que son mari, le Chevalier Lambert existe.» Deux de ces billets ont été trouvés par deux marchands Allemands, nommés Groot et Lindenson, qui étaient allés par hasard se promener sur ce chemin. Il est renfermé ici avec les deux espions, Römer et Manstein, dont j'ai eu l'honneur de vous parler cy-devant et qui ont déjà subi le knout; si Lambert n'y a pas déjà passé, il ne l'échappera certainement pas.

Le 8 de ce mois l'Impératrice eut encore dans son appartement une nouvelle attaque d'apoplexie, mais pas si violente, que celle, qu'elle eut à Crasnoe Selo; elle fit le lendemain un effort pour paraître en public à la cour, mais au lieu de se tenir debout, ou de marcher, comme elle a coutume de faire, elle fut obligée de s'asseoir d'abord comme pour jouer, mais elle s'y trouva mal et se fit donner du castoreum seulement, croit on pour faire croire au public, que son mal n'est autre chose, que des passions hystériques; ensuite elle se retira. On a encore tenté à ce qu'on m'assure de faire revenir ici le Professeur Gaubius. Je n'ai pas encore pu rien apprendre de nouveau, touchant le traité secret, qui se négocie entre les cours de Vienne, de France, de Russie et (selon toute apparence) de Suède, et dont j'ai eu l'honneur de vous entretenir dans ma lettre du 23 Août. En attendant le Comte Esterhasi a été fort souvent depuis quelque temps avec le Baron de Poste, Ministre de Suède, en

conférence avec le Grand Chancelier. L'ambassade de France sur la magnificence de laquelle on s'était au commencement forgé les idées les plus brillantes, paraît de jour en jour tomber de plus en plus dans le déclin; tant à cause de leur économie peu commune et par ce que ceux, qui font ici profession de protéger les arts et les sciences, et qui ont pour cette raison beaucoup contribué à l'accommodement de cette cour avec la France, s'étaient attendus, qu'elle aurait amené à sa suite un grand nombre de beaux esprits de France (au lieu qu'il n'y a rien de plus médiocre, que ce que s'y trouve), que parceque M. L'Ambassadeur, homme d'ailleurs fort raisonnable, ne parle que touchant et contre des excès commis, il y a plusieurs années par les Haydamaques de Pologne, ajoutant toujours: «De la part de ma cour», et mille autres bagatelles et procédures de cette cour en Pologne, qui paraîssaient n'avoir pas plû à la France, laquelle veut à cause de cela, qu'on les redresse; et ce de quoi l'on ne veut pas entendre parler ici; c'est pourquoi l'on compte pour sûr, que cette nouvelle harmonie ne sera pas, ni peut être de longue durée.

Cet Ambassadeur, qui ne tire que 140 mille livres d'appointement, dont il ne peut pas subsister ici, a dejà demandé son rappel, à moins que sa cour ne veuille lui donner une augmentation de salaire. Les cinq cavaliers d'ambassade reçoivent de leur cour ensemble dix mille livres, dont ils doivent s'entretenir et se nourrir, sans que l'Ambassadeur leur donne rien, ni soit obligé de leur rien donner, de sorte qu'ils font une figure extrêmement mince; c'est pourquoi il les a rebaptisés au lieu de cavaliers d'ambassade, jeunes gens de famille, qui voyagent aux dépens du Roi. Le Grand Chancelier s'est laissé entrainer bon gré, mal gré, lui même dans le parti Français, emporté par le torrent et en partie par la crainte bien fondée de leurs efforts pour opérer sa chûte, quoiqu'il soit un peu tranquillisé sur ce dernier article par la cour de Saxe, qui a fait en sorte, par le moyen de la Dauphine, de faire charger des instructions, que l'on avait données à l'Ambassadeur sur ce point, mais il ne s'y fie pas plus que de raison. Son Excellence me l'a fait connaître ouvertement avec les plus fortes assurances (qu'il m'a réiterer plusieurs fois), que, malgré tout cela, son coeur est toujours porté pour l'Angleterre, et dès qu'on n'aura plus besoin ici de ména-

ger la France, il ne laissera passer aucune occasion de rétablir les affaires avec cette cour sur l'ancien pied.

Les ratifications du traité de subside entre la cour de Vienne et le Grand Duc ont été échangées le 10 du courant, et M. l'Envoyé de Danemarc paraît avoir perdu tout espoir de venir à bout d'échanger le Duché de Holstein contre les Comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst.

Il est certain, que la flotte Russienne ne s'est retirée dans les ports de Suède par aucune autre raison, que la crainte de voir une escadre Anglaise dans la mer Baltique; à peine est—il resté assez de monde sur cette flotte, pour la ramener dans ces ports, de sorte que même les officiers ont été forcés de faire la manoeuvre des matelots; la plupart des équipages étant morts en mer et le reste, qui en fait la moindre partie, ayant été transporté extrêmement malade dans les hopitaux. De toute la flotte on n'a pu depuis peu trouver passablement de monde que pour 7 vaisseaux, qui ont été employés sous les ordres du Vice-Amiral Polansky, pour transporter quelques-vivres et fourrages à Memel.

On paraît ici effectivement concevoir beaucoup d'ombrage de la venue du Colonel Anglais Campbell à Stockholm, et de ce que M.r le Chevalier Williams a présentement repris le dessein d'aller par ce chemin là, et cela justement dans le temps, qu'on a eu ici la nouvelle de l'arrivée du Colonel à Stockholm, et l'on semble craindre fort, qu'il y a une négociation sur le tapis contre cet empire entre les cours de la Grande Bretagne, de Suède, de Danemarc et de la Prusse; quel fondement il y a eu pour cela, c'est ce que j'ignore, mais le déplorable et misérable état de décadence, où l'on se trouve ici, et qui augmente journellement, sans qu'on voie le moins du monde, où cela finira, paraît avoir beaucoup de part à ces frayeurs.

Il vous sera peut-être connu, Monsieur, que cette cour, conjointement avec celle de France et de Suède, ont beaucoup pressé la cour de Danemark depuis quelque temps, de prendre de concert avec elles, des mesures efficaces pour s'opposer à la venue d'une escadre Anglaise dans la mer Baltique; le roi de Danemark a répondu «qu'il n'avait pas la moindre information d'aucun dessein, qu'eut la cour d'Angleterre d'envoyer une telle escadre dans la Baltique; qu'il ne le pouvait pas même croire, mais qu'au cas, que cela fut

fait cependant, sa Majesté avait résolu de se servir de la voie de la négociation, ou de faire contre cette démarche des représentations amicales, mais nullement de s'y opposer par la force, ce qui serait absolument contraire à la neutralité, que Sa Majesté avait embrassée.

J'ai l'honneur d'être etc.

Swart.

S.-Petersbourg.
19 Oct. 1757.

Хотя здѣсь завѣряютъ открыто, что отступленіе Русской арміи изъ Прусіи, столь позорное для этого Двора, случилось только въ слѣдствіе недостатка припасовъ и корму и по единогласному мнѣнію военнаго совѣта, но есть тутъ нѣкоторыя тайныя извѣщенія, исходящія изъ вѣрныхъ рукъ и помѣченныя въ Кенигсбергѣ и Велавѣ, которыя замѣчаютъ, что, по всему видимому, отступленіе свершилось по приказанію, или намеку, присланному отсюда. Въ Велавѣ Бургомистръ удостовѣряетъ, что когда онъ находился съ Фельдмаршаломъ Апраксинымъ, къ послѣднему, въ его присутствіи, явился курьеръ съ бумагами отсюда; Апраксинъ прочелъ письмо, поднялъ руки къ небу, какъ будто весьма обрадованный, и тотчасъ велѣлъ собраться военному совѣту, на которомъ предпринято было дѣло объ отступленіи.

Почти навѣрное думаютъ, что Графъ Шуваловъ, который уже съ голъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ Апраксинымъ, тайно выпросилъ у Государыни такое приказаніе, или даже лично самъ послалъ внушеніе въ такомъ смыслѣ Фельдмаршалу; послѣднее мнѣніе, кажется, преобладаетъ, и даже увѣряютъ, что Графъ такъ поступилъ на томъ основаніи, что Ея Величество уже два, или три, года, каждое лѣто подвергается частымъ и опаснымъ припадкамъ; Графъ предвидѣлъ повтореніе припадковъ нынѣ лѣтомъ, что и подтвердилось самымъ дѣломъ; по тому онъ, въ случаѣ смерти Государыни, пожелалъ имѣть по близости Апраксина и его войско, хотя бы на границѣ, или въ самой Россіи; онъ и внушилъ ему изъ предосторожности прибѣгнуть къ предлогу, чтобы отступить и вернуться сюда. Здѣсь чрезвычайно раздражены противъ Фельдмаршала, и точно, онъ, въ слѣдствіе своего возвращенія сюда, подвергнется величайшей

опалѣ и строгому наказанію за свой поступокъ; но я весьма покоенъ на этотъ счетъ.

Отгуда же увѣдомляютъ, что все было готово для сдачи Кенигсберга, города почти беззащитнаго, и его бы сдали Русскимъ, если бы они продолжали путь; они нашли бы въ этомъ городѣ и въ его окрестностяхъ припасы въ бо́льшемъ изобилiи, нежели въ тѣхъ магазинахъ, къ которымъ они должны будто были пойти въ Куронію и Ливонію; подумаешь, не удобнѣе ли было бы перевозить припасы съ собой, чѣмъ отправляться за ними съ цѣлою арміею. Странно, когда подумаешь, что эта армія ни сколько не воспользовалась завоеваніемъ Мемеля и всей береговой стороны Прусіи, которую она заняла до Инстербурга вдоль Куронскаго залива, армія, которая перевезла остатокъ своихъ припасовъ моремъ, пересѣкая заливъ отъ Мемеля до Инстербурга на галерахъ и другихъ сподручныхъ судахъ тогда, когда она не могла опасаться ни какой помѣхи со стороны непріятеля.

Фельдмаршалъ намѣревался, судя по его письмамъ, все опустошить и сжечь при отступленіи отъ Инстербурга до самаго Тильзита (плохое доказательство желанія возобновить военныя дѣйствія въ этомъ году, что старались именно этимъ доказать, и что невольно заставляетъ думать, не боялись ли весьма преслѣдованія непріятеля). Но Апраксину тотчасъ приказали ни чего не предпринимать подобнаго. Въ то время онъ написалъ Сенату просьбу сдѣлать нужныя распоряженія въ Куроніи и Ливоніи, чтобы тамъ приготовить квартиры для арміи, которая уже далеко за Тильзитомъ. Увѣряютъ также, что Апраксину послали приказъ такъ расположить свою армію, чтобы Мемель былъ въ срединѣ, какъ главный магазинъ, и всячески стараться удержать за собой этотъ городъ. Его упрекаютъ тоже въ томъ, что онъ не присылалъ, и даже не отозвался въ своихъ рапортахъ о письмахъ, посланыхъ ему Фельдмаршаломъ Легевальдомъ (Левальдомъ) относящихся къ опустошеніямъ, произведеннымъ въ Прусіи иррегулярными войсками, касающихся также обмѣна плѣнныхъ. Апраксину велѣли тотчасъ прислать сюда письма въ подлинникѣ. Генералъ Сибильскій (?) тоже сильно здѣсь жаловался на то, что во время сраженія, въ половинѣ осьмаго утромъ, онъ велѣлъ попросить у Фельдмаршала Апраксина нѣсколько драгуновъ и иррегулярныхъ войскъ, чтобы занять проходы, чрезъ которые непріятель долженъ былъ проходить

въ своемъ отступленіи, увѣряя, что легко тогда справиться со всею Прускою арміею; и хотя Генералъ безпрестанно повторялъ свою просьбу, но не могъ добиться ни какого отвѣта отъ Апраксина до четырехъ часовъ вечера, когда ему прислали наконецъ нѣсколько Казаковъ; но уже непріятель прошелъ ущелья, и слишкомъ было поздно, чтобы предпринять что ни будь. Во время сраженія вся Русская конница, собственно регулярная, была опрокинута въ одинъ мигъ, и кто не былъ убитъ, бѣжалъ отъ Егерсдорфа до Инстербурга безъ оглядки; самыя большія потери понесены ею; и, однако, объ этомъ даже не упоминается въ донесеніи; тамъ помѣщены имена только тѣхъ Офицеровъ, которыхъ смерть могла быть здѣсь замѣчена; совершенно не упомянули объ именахъ мало, или вовсе, неизвѣстныхъ. Общая потеря простиралась до 20,000 человѣкъ, между которыми 800 Офицеровъ, а судя по послѣднему рапорту Апраксина, вся его пѣхота состоитъ только изъ 35,000 человѣкъ, или около того, что составляетъ почти половину того войска, которое у него было, когда онъ пошелъ въ походъ. Сраженіе выиграно, не извѣстно, какимъ образомъ, пѣхотой, которая принудила своихъ Офицеровъ отстаивать позицію, или ити впередъ, точь въ точь какъ въ Вильманстрадѣ, во время послѣдней войны со Швеціею.

По всему такое положеніе дѣлъ разстроитъ въ особенности предпріятіе Шведовъ въ Поморьѣ (Помераніи).

Впрочемъ, Саксонскій Министръ не получилъ еще отвѣта на сдѣланныя имъ представленія по случаю отступленія, а Графъ Эстергази еще не имѣлъ на дняхъ ни какихъ повелѣній отъ своего Двора сдѣлать подобныя же представленія.

Кавалеръ Ламбертъ, котораго недавно похитили изъ Варшавской темницы, находится въ этой столицѣ уже нѣсколько недѣль; пока его везли сюда, онъ нашелъ средство тайно бросить изъ телѣги на дорогу, между здѣшнимъ мѣстомъ и Петергофомъ, нѣсколько записокъ слѣдующаго содержанія: «Любезные друзья! Прошу васъ, именемъ Бога, дать знать моей бѣдной женѣ въ Гданскѣ, что ея мужъ, Кавалеръ Ламбертъ, здѣсь. Двѣ записки найдены были двумя Нѣмецкими купцами, по имени Гротомъ и Линдеманомъ; они случайно пошли прогуляться по этой дорогѣ. Его заключили здѣсь съ двумя шпіонами, Рёмеромъ и Манштейномъ, о которыхъ я имѣлъ честь Вамъ докладывать, и которые уже нака-

заны были кнутомъ; если Ламбертъ не подвергся еще этому наказанію, то навѣрное его не избѣгнетъ.

Осьмаго числа этого мѣсяца Императрица подверглась въ своихъ покояхъ снова апоплексическому удару, но не столь сильному, какъ въ Царскомъ Селѣ; на другой день она усилилась показаться Двору, но чѣмъ бы держаться стоя, или ходить по своему обыкновенію, она принуждена была сѣсть, подъ видомъ игры въ карты; но съ ней сдѣлалось дурно, и она велѣла себѣ прописать только бобровой струи; повѣрите ли, для чего? чтобы заставить подумать всѣхъ, что она страдаетъ только истерикой, потомъ она удалилась. Здѣсь пытались также, какъ увѣряютъ, по крайней мѣрѣ, вернуть сюда Професора Гобіуса. Ничего немогъ я еще узнать новаго о тайномъ договорѣ, который заключается между дворами Вѣнскимъ, Французскимъ, Русскимъ и (по видимому) между Шведскимъ, о чемъ я уже имѣлъ честь Вамъ передавать въ письмѣ 23 Августа. Между прочимъ Графъ Эстергази съ нѣкоторыхъ поръ часто бывалъ на совѣщаніи съ Великимъ Канцлеромъ вмѣстѣ съ Барономъ de Passe, Шведскимъ Посланникомъ Французское Посольство, о великолѣпіи котораго сначала шли самые восторженные слухи, кажется, упадаетъ день отъ дня, сколько въ слѣдствіе своей необыкновенной економіи, столько и по тому, что тѣ, которые заявляютъ себя здѣсь покровителями искуствъ и наукъ, и по этой причинѣ много способствовали хорошимъ отношеніямъ Французскаго Двора съ здѣшнимъ, ожидали, что Посольство привезетъ съ собою изъ Франціи много остроумныхъ людей (вмѣсто того нѣтъ ничего посредственнѣе личностей, изъ которыхъ состоитъ Посольство), но и самъ Посолъ, человѣкъ, впрочемъ, весьма разсудительный, говоритъ только о безчиніи, которое позволили себѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Польскіе Гайдамаки, и все еще прибавляетъ: «Со стороны моего Двора;» онъ говоритъ также о многихъ другихъ пустякахъ, равно какъ о происках этого Двора въ Польшѣ, которые сильно не понравились Франціи; послѣдняя даже желаетъ по тому, чтобы ихъ загладили, а здѣсь объ этомъ и слышать не хотятъ; на такомъ основаніи разсчитываютъ навѣрно, что хорошія отношенія не будутъ, и не могутъ быть, долговременны.

Посолъ получаетъ не болѣе 140,000 ливровъ жалованья, которые недостаточны для жизни здѣсь; по тому онъ просился уже

въ отставку, и останется тогда, когда Дворъ увеличитъ его содержаніе. Пять Посольскихъ чиновниковъ, всѣ вмѣстѣ, получаютъ отъ Двора 10,000 ливровъ на содержаніе и прокормленіе, и Посолъ ничего не даетъ имъ и не долженъ давать; такимъ образомъ они играютъ весьма незначительную роль, и онъ перекрестилъ ихъ, назвавъ, вмѣсто чиновниковъ Посольства, молодыми людьми знатныхъ семействъ, которые путешествуютъ на иждивеніи Короля. Великій Канцлеръ, волей, неволей, вовлекся въ партію Французскую, отчасти въ слѣдствіе общаго къ ней стремленія, отчасти изъ основательнаго опасенія подвергнуться паденію изъ за ихъ усилій; онъ, однако, немного успокоился въ этомъ отношеніи дѣйствіями Саксонскаго Двора, который, посредствомъ супруги Дофина, заставилъ передать ему тѣ наказы, которые даны были Послу объ этомъ предметѣ; но онъ все таки этому не довѣряется. Его Превосх дительство ясно мнѣ въ этомъ открылся, и сильно старался увѣрить меня (онъ повторялъ увѣренія нѣсколько разъ), что, не смотря на все предылущее, онъ сердцемъ за Англію, и едва только минетъ необходимость щадить Францію, онъ не упуститъ случая возстановить дѣла съ Англіей на прежнемъ основаніи.

Утвержденіе договора о помощи между Дворомъ Вѣнскимъ и Великимъ Княземъ произошло десятаго числа текущаго мѣсяца, и Посланникъ Датскій, кажется, совершенно потерялъ надежду добиться обмѣна Герцогства Голштинскаго на Графства Ольденбургское и Делменгорстское.

Совершенно вѣрно, что Русскій флотъ удалился въ Шведскія пристани только по тому, что опасался появленія Англійской эскадры въ водахъ Бальтійскаго моря; едва осталось довольно народа на корабляхъ, чтобы привести ихъ въ эти пристани, такъ что даже Офицеры принуждены были замѣнять въ маневрахъ матросовъ; большая часть послѣднихъ умерла на морѣ, а остальные, составляющіе меньшую часть, были перевезены въ весьма болѣзненномъ состояніи въ больницы. Во всемъ флотѣ недавно только набрали достаточно народу для семи кораблей, которые, подъ начальствомъ Вице-Адмирала Полянскаго, употреблены были на перевозъ припасовъ и корму въ Мемель.

Здѣсь дѣйствительно сильно косятся по случаю прибытія Англійскаго Полковника Кампбеля въ Стокгольмъ, и на то, что

Кавалеръ Уильямсъ снова вознамѣрился вернуться этимъ путемъ, какъ разъ въ то время, когда здѣсь получили извѣстіе о прибытіи Полковника въ Стокгольмъ; сильно опасаются начинающихся переговоровъ противъ Россіи между Дворами Великобританіи, Швеціи, Даніи и Прусіи; какое имѣется на это основаніе, я не знаю, но думаю, что должно быть плачевное и жалкое положеніе упадка, въ которомъ находится Россія; положеніе, которое ухуджается ежедневно, никто не предвидитъ ему конца, и оно-то и усиливаетъ здѣсь страхъ.

Вамъ, вѣроятно, извѣстно, Милостивый Государь, что здѣшній Дворъ, въ связи въ Французскимъ и Шведскимъ, сильно настаивалъ съ нѣкоторыхъ поръ передъ Датскимъ Дворомъ о совокупныхъ дѣйствіяхъ съ означенными Дворами для принятія необходимыхъ мѣръ противъ вторженія Англійской эскадры въ Балтійское море; отвѣтъ Короля Датскаго былъ таковъ: «Онъ не имѣетъ ни какого извѣстія о предполагаемомъ намѣреніи Англійскаго Двора; т. е., о высылкѣ эскадры въ Балтійское море; онъ не можетъ даже этому повѣрить и, въ случаѣ подобной мѣры, Его Величество рѣшился употребить въ дѣло переговоры, или выступить противъ этой мѣры съ дружескими представленіями, но что онъ вовсе не намѣренъ прибѣгать къ силѣ, что совершенно противорѣчило бы невмѣшательству, принятому Его Величествомъ за правило.»

Я имѣю честь быть и проч.

Суартъ.

С.-Петербургъ.
19 Октября, 1757 года.

III lettre.

Monsieurl

Lorsque l'Impératrice de Russie s'est exprimée si peu gracieusement dimanche passé au sujet d'Apraxin et de ceux, qui voulaient tâcher de le justifier, nommément du Comte de Schouvaloff. Elle se servit de ces termes: «Ce sont des traîtres; ils ont reçu de l'argent pour cela.» C'est de là, que vient la feinte maladie du Comte de Schouwaloff, qui a tâche de s'insinuer de nouveau, en faisant

marcher et passer en revue une légion de son corps d'observation, mais celà ne parait pas avoir produit son effet. Il y a des gens, qui croyent, que cette leçon n'a été apprise à l'Impératrice, que pour faire accroire aux Ministres des puissances interessées, qu'elle est sensible à la conduite infâme d'Apraxin. Le Grand Chancelier, qui est un des plus animés contre lui, aurait mieux aimé, qu'on l'eut laissé à Riga et qu'on eut nommé une Commission pour l'examiner là plutôt que de le faire revenir ici. Il y a toujours eu beaucoup de liaison et de confidence entre ces deux là, comme vous le savez bien; mais à présent dit le Grand Chancelier il n'est pas à craindre, qu'il puisse rien dire à son préjudice. Je le souhaite et je ne crois pas, que l'affaire d'Apraxin soit poussée bien avant, vû l'impunité, qui règne ici à tous égards et que Sa Majesté est tellement obsédée et ensorcelée par la famille du Comte de Shouwaloff, qu'elle ne peut vivre, ni être en repos sans eux; elle a dit elle même publiquement, que cette campagne lui a couté neuf millions; je n'ai pas de peine à le croire, vû le nombre de gens niais, par lesquelles les affaires doivent passer, où plutôt le nombre de gens, qui doivent avoir part au gâteau. En attendant, l'armée n'a ni bas, ni souliers, manquant de tout et est actuellement dans un état plus pauvre et plus misérable après sa prétendue victoire complête, qu' elle ne fut après sa grande et extraordinaire défaite à la fameuse bataille de Narva On en entend parler tous les jours de plus en plus. Pendant que j'écris ceci, je reçois de la maison de l'Ambassadeur de la cour de Vienne le billet suivant: «M-r Kempel est de retour de l'armée; le portrait, qu'il nous a fait de l'état, où il l'a trouvée, est affreux et ne nous promet rien de bon. On y envoyerait un Turenne, ou un Condé, il ne serait pas en état de rien entreprendre, et pour remédier aux maux pressants, il pourrait commencer par y faire marcher une armée, l'autre étant réduite à rien, ou peu de chose. Cela entre nous.» Le Lieutenant Général Impérial S. André a demandé à sa cour son rappel de cette armée, disant, qu'il ne voulait plus longtemps partager la honte et l'infamie de cette nature.

J'ai l'honneur d'être etc.

Swart.

St.-Pétersbourg.
Le 28 Oct., 1757.

Милостивый Государь!

Русская Императрица выразилась не совсѣмъ ласково въ прошлое Воскресенье, говоря объ Апраксинѣ и о тѣхъ, которые старались его оправдать, именно, о Графѣ Шуваловѣ. Она выразилась такъ: «Это измѣнники. Ихъ, вѣроятно, подкупили.» Вотъ отъ чего и произошла мнимая болѣзнь Графа Шувалова, который старался, однако, снова попасть въ милость, назначивъ смотръ и парадъ своему наблюдательному корпусу; но это не произвело, кажется, должнаго впечатлѣнія. Есть даже лица, которыя думаютъ, что выше сказанное выраженіе навѣяно Государынѣ, чтобы заставить подумать Министровъ заинтересованныхъ Государствъ, что она дѣйствительно возмущена безчестнымъ поступкомъ Апраксина. Великій Канцлеръ очень противъ него ожесточенъ, но желалъ бы лучше, чтобы его оставили въ Ригѣ и назначили лучше Коммисію, чтобы разобрать дѣло тамъ, нежели вызывать Апраксина сюда. Эти два лица всегда были весьма близки и довѣрчивы другъ къ другу, какъ Вамъ это не безъизвѣстно; но теперь говоритъ Великій Канцлеръ, нечего опасаться, чтобы Апраксинъ сказалъ что ни будь ему во вредъ. Я тоже этого желаю и не думаю, чтобы дѣло Апраксина зашло далеко, благодаря царствующей здѣсь безнаказанности, и тому, что Ея Величество до того обойдена и осаждена членами Шуваловскаго рода, что она не можетъ ни жить, ни быть покойной безъ нихъ; она сама сказала при всѣхъ, что эта кампанія стоила ей до девяти мильоновъ; я вполнѣ этому вѣрю, судя по числу простаковъ, въ рукахъ которыхъ перебывали дѣла, или скорѣе по числу тѣхъ лицъ, которыя должны пользоваться отъ этихъ дѣлъ. Между тѣмъ у арміи нѣтъ ни чулокъ, ни башмаковъ; она нуждается во всемъ и находится теперь въ положеніи болѣе бѣдственномъ и стѣсненномъ послѣ своей пресловутой побѣды, нежели въ какомъ была послѣ великаго и удивительнаго пораженія, бывшаго при знаменитой Нарвской битвѣ. День ото дня болѣе и болѣе объ арміи говорятъ. Въ то время, какъ я пишу, получилъ изъ дома Посла Вѣнскаго Двора записку слѣдующаго содержанія: «Г-нъ Кемпель вернулся изъ арміи; онъ сдѣлалъ намъ такое описаніе ужаснаго положенія, въ которомъ она находится, что мы ничего хорошаго не ожидаемъ. Пошли туда хотя Тюреня, или Конде, и они не въ состояніи будутъ ничего предпринять, и что-

бы помочь стѣсненнымъ обстоятельствамъ, надобно сначала послать уда армію, такъ какъ другая почти доведена до ничтожности, или до незначительности. Все это останется между нами.» Имперскій Генералъ-Лейтенантъ Сентъ-Андре просилъ свой Дворъ вызвать его изъ этой арміи, говоря, что онъ не хочетъ долѣе раздѣлять подобный позоръ и подобное безчестіе.

Я имѣю честь быть и проч.

Суартъ.

С.-Петербургъ.
28 Октября, 1757 года.

IV lettre.

Monsieur!

La parade, que le Comte de Shouwalloff passa Mercredi dernier avec la légion de son corps d'observation n'a point eu auprès de Sa Majesté Impériale le succès, qu'il en attendait, savoir: de s'insinuer de nouveau par là auprès d'elle. C'est là dessus, qu'il lui fit remettre le lendemain par son frère l'avis des médecins, qu'il ne pouvait être gueri ici, mais qu'il doit aller aux bains, dans l'espoir, que la réponse serait un refus et que Sa Majesté ne pourrait se passer de lui; mais bienloin de là on lui fit dire, qu'il pouvait partir; ce n'est pas là son intention. Là dessus il fit encore tenir le jeudi une consulte avec toute la Faculté, qui a persisté, dans son premier avis. Après leur avoir donné à chacun 200 roubles, il les retint tous à manger, et pendant le repas il exalta jusqu'aux nues sa capacité universelle, son courage, ses bonnes inclinations, son zèle, sa fidélité et son affection cordiale pour le bien de Sa Majesté Imperiale et de l'Empire, pour lequel, disait-il, il serait près même d'escalader les cieux avec ses six légions, mais déplorant amèrement son état faible et dangereux, qui ne lui laissait pas assez de force pour prouver ses bonnes intentions de la façon qu'il le voudrait bien, pour cette raison et parce qu'on a fait partir ses légions de la ville immédiatement et contre son attente pour l'envoyer à l'armee, il a demandé hier par écrit d'être déchagé du commandement, et de la direction de ce corps, quoique ce ne soit point là du tout sa véritable intention. S'il n'était pas tout à fait aveugle, il se mettrait une bonne

fois en chemin, le plutôt le mieux, et pour toujours avec ses trésors immenses. Mais il serait alors vraisemblablement le premier des siens, qui aurait choisi le parti le plus prudent. Aussi longtemps cependant, que l'Impératrice vivra, il ne paraît pas qu'il ait beaucoup à craindre.

Il est certain, que le restant de l'armée, qui avant la campagne, passait les cent mille hommes, ne monte pas à présent à 40 mille hommes. Je ne vois point, comment on peut réparer cette perte; les régiments de garnison n'étant pas autre chose qu'un nom, et une nouvelle levée de recrues demanderait pour le moins deux ans, avant qu'on peut les rassembler en un corps. La Flotte est encore absolument sans monde. De ceux, qui ont été transportés de la mer malades dans le seul hôpital de Cronstadt, il est mort depuis 13 semaines au delà de 10 milles hommes.

J'ai l'honneur d'être etc.

Swart.

St.-Pétersbourg.
Le 1 Novembre, 1757.

Милостивый Государь!

Графъ Шуваловъ въ прошлую Середу сдѣлалъ смотръ своему наблюдательному корпусу, но смотръ этотъ не имѣлъ въ глазахъ Ея Величества того успѣха, котораго Графъ ожидалъ, именно возможности снова попасть въ милость. Тогда-то онъ рѣшился на другой день передать Ея Величеству, чрезъ посредство брата, мнѣніе врачей, которые находятъ, что онъ не можетъ излѣчиться здѣсь и долженъ ѣхать на воды, въ надеждѣ, что Государыня въ этомъ откажетъ, будучи не въ состояніи обойтись безъ него; но, вмѣсто того, ему велѣли передать, что онъ можетъ ѣхать; а это вовсе не его намѣреніе. Тогда Графъ снова затѣялъ въ Четверкъ совѣщаніе съ цѣлымъ Медицинскимъ Факультетомъ, который поддержалъ свое первоначальное мнѣніе. Графъ далъ каждому члену по двѣсти рублей и пригласилъ всѣхъ къ обѣду, а во время послѣдняго сталъ превозносить до небесъ свои всеобъемлющія способности, свое мужество, свои хорошія наклонности, свое рвеніе, свою вѣрность и свою сердечную привязанность къ пользамъ Ея Императорскаго Величества и самаго Государства, для

котораго, говорилъ онъ, готовъ бы даже взобраться на небеса со своими шестью легіонами, но, къ сожалѣнію, его слабое здоровье и опасное положеніе не оставляютъ ему достаточно силъ для доказательства его прекрасныхъ намѣреній тѣмъ способомъ, который ему желателенъ; а такъ какъ всему его корпусу велѣно было тотчасъ отправиться изъ столицы для соединенія съ арміей, и противъ его ожиданія, то Графъ подалъ вчера письменно просьбу объ отставкѣ отъ должности начальника и коменданта этого корпуса, хотя это вовсе не настоящее его намѣреніе. Если бы онъ не былъ такъ слѣпъ, то уже за одинъ разъ, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, пустился бы въ путь навсегда съ своими огромными богатствами. Но тогда онъ былъ бы первымъ между своихъ, кто рѣшился бы избрать такой благоразумный исходъ. Но кажется, пока жива будетъ Государыня, ему нечего многаго опасаться.

Совершенно извѣстно, что остатокъ арміи, которая до похода простиралась до 100,000 человѣкъ, не превышаетъ теперь 40,000. Я не вижу, чѣмъ можно вознаградить подобныя потери, тѣмъ болѣе, что гарнизонные полки существуютъ только по имени, а новый наборъ потребуетъ, по крайней мѣрѣ, года два времени, пока можно будетъ составить изъ рекрутовъ цѣлый корпусъ. Флотъ все еще крайне нуждается въ людяхъ. Изъ тѣхъ, которыхъ привезли съ моря больными въ единственную больницу въ Кронштатѣ, въ теченіе 13 недѣль умерло болѣе десяти тысячъ человѣкъ.

Я имѣю честь быть и проч.

Суартъ.

С.-Петербургъ.
1 Ноября, 1757 года.

IV.

Два тайнописныя сообщенія Кейта Лорду Гольдернесу и Англійскому Послу при Прускомъ Дворѣ Митчелю по поводу удаленія и взятія подъ стражу Канцлера Бестужева. *

1.

Отъ Кейта къ Гольдернесу.

Petersbourg, 14 March, 1758.

The Empress of Russia is in perfect good health. M. Bestucheff, the late Chancellor, is still under close confinement in his own house, and there are frequent meetings there of the persons employed to enquire into his affairs, but nobody can yet determine, what will be that unfortunate Ministers fate. though people in general think, from the known goodness of the Empress, that nothing violent will be done to his person.

His fall was certainly owing to the joint endeavours of the Imperial and French Ambassadors, but the thing had been long contriving by his enemies at court, and the immediate pretence fo it was his having entered into some entrigues with the Grand Dutchess and which it is supposed had been discovered in Mareshal Apraxin papers, that were seized at Narva and brought to Petersbourg about a month ago, and the affaer was pushed with more vivacity, as it is pretended, upon the French party's hearing of my coming nearer this place, and what confirms this opinion was Bestucheff being arrested on the very day, that the accounts arrived here of my being come to Riga.

But be that, as it will, I found at my arrival the French party in possession of the whole credit at court, and the two Ambassadors, Esterhazi and Marquis de l'Hopital, giving the law at both, court and town. They have likewise got the Great Duke absolutely in their hands, having in order there to alienated his affection from the Grand Dukhess, who used great influence over him, and it is supposed, that one Brocksdorff has been the instrument of this change, who ingratiated himself with his Imperial Highness, by encou-

---

* Addit. Mss. N. 6825. Mitchell Papers vol. XXII.

raging him in all sort of debauchery. The Grand Dutchess complained of him to the Empress sometimes befor, but unfortunately her complaints were not listined; to her enemies having taken care to give the Empress of Russia by false suggestions bad impressins of her Highness, so that at present she is far from being well at court, and two days ago M-r Stambke, the Grand Dukes Minister for the affairs of the Dutchy of Holstein and entirely devoted to the Great Dutechess, was put under arrest on pretence on his being in close connexion with the late Chancellor, and even of having carried on a secret correspondence with him since his imprisonment.

This being the situation of affairs. lour Lordship will easily imagine, that is not a time for me to enter into ang political business at this court, and I am resolved to see well about me, before I enter upon any thing of that kind.

Петербургъ. 14 Марта, 1758 г.

Здоровье императрицы находится въ очень хорошемъ состояніи. Бывшій Канцлеръ Бестужевъ до сихъ поръ содержится подъ строгимъ надзоромъ въ своемъ собственномъ домѣ. Тамъ же происходятъ частныя засѣданія Коммисіи изъ лицъ, которымъ поручено произвести надъ нимъ слѣдствіе. Никто еще не знаетъ, какая участь готовится несчастному Министру, хотя всѣ вообще склонны думать, зная доброту Императрицы, что надъ нимъ лично не будетъ произведено ни какого насилія. Паденіе его несомнѣнно слѣдуетъ приписать совокупнымъ усиліямъ Французскаго и Австрійскаго Пословъ, хотя все дѣло было еще задолго подготовляемо его врагами при Дворѣ; непосредственнымъ же поводомъ къ его паденію были переговоры его съ Великой Княгиней, слѣды которыхъ открыты, какъ предполагаютъ, въ бумагахъ Фельдмаршала Апраксина, захваченныхъ въ Нарвѣ и привезенныхъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, въ Петербургъ. Увѣряютъ, что все дѣло было подвинуто быстрѣе, какъ только Французская сторона узнала, что я уже на пути въ Петербургъ; это мнѣніе подтверждается тѣмъ, что Бестужевъ былъ взятъ подъ стражу въ тотъ самый день, какъ въ Петербургѣ было получено извѣстіе о моемъ прибытіи въ Ригу.

Какъ бы то ни было, но прибывъ сюда, я нашелъ, что Французская сторона пользуется исключительнымъ вліяніемъ при Дворѣ, и что два посла, Эстергази и Маркизъ де л'Опиталь, распоряжаются и Дворомъ и городомъ. Они прибрали за одно къ своимъ рукамъ и Великаго Князя, съ цѣлью отвратить его отъ Великой Княгини, имѣвшей на него большое вліяніе. Предполагаютъ, что виновникъ этой перемѣны нѣкто Броксдорфъ, который ловко втерся въ довѣренность Его Высочества, поощряя его во всякаго рода невоздержаніи. Великая Княгиня жаловалась на него Императрицѣ, но, къ несчастію, ея жалобы не были услышаны, такъ какъ враги Великой Княгини позаботились ложными доносами внушить Императрицѣ дурное мнѣніе о ней, отъ чего въ настоящее время положеніе ея при Дворѣ далеко незавидное, а дня два тому назадъ Стамбке, Министръ Великаго Князя по дѣламъ Голштиніи и вѣрно преданный Великой Княгинѣ, былъ взятъ подъ стражу подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ состоялъ въ тѣсной дружбѣ съ бывшимъ Канцлеромъ и даже будто бы велъ съ нимъ тайную переписку со времени его заключенія.

Таково положеніе дѣлъ въ Петербургѣ. Ваше Лордство сами изволите видѣть, что теперь не время вступать въ какія бы то ни было политическія соглашенія съ этимъ Дворомъ, и я твердо рѣшился хорошо осмотрѣться кругомъ, прежде чѣмъ приступить къ чему ни будь подобному.

2.

Отъ Кейта къ Митчелю.

St.-Petersbourg, March 30, 1758.

Dear Sir!

I have the satisfaction te assure Jou, that the Empress is in perfect good health. The following is, believe, a true account to of the manner, in wich the Great Chancellor's fall was brought about.

When the news came here of my being arrived at Warsau, the French Ambassador went to Vice-Chancellor, representing to him, that no time was to be lost, and therefore insisted, that he and his friends should make their best push against Count Bestoucheff, declaring at the same time, that if they did not agree to his proposal,

he would go directly to the Great Chancellor and discover to him all, that had passed, and join whith him to break his word on..... (далѣе нельзя разобрать), that the Vice-Chancellor intimidated by this menace, entered into the proposal, and he and his partisans at cou. set themselves at work immediately by private ways to blacken Bestoucheff conduct to the Empress and to give the finishing stroke. The French Ambassador took tho opportunity of a court day, to come up to the Empress of Russia and after having kissed her Majesty's hand, pretending to admire the stuff of her gown, whisperd in her ear, that there was a person at court very dangerous both with regard to her Majesty's governement and person, and that he thought himself obliged in duty to tell her, that the Great Chancellor Bestoucheff was the man.

This alarmed the Empress and she having communicated the matter to her con dents, who had their cue before it was agreed to put the Great Chancellor under arrest, which was done two days after.

By this the power of the French party at this court is established and the French Ambassador has the Vice-Chancellor himself under the rod; the Chancellor Bestoucheff bears his misfortune with spirit and defies the enemies to prove any thing of consequence against him. The three persons appointed to iquire into his conduct are Prince Trubetskoy, Mareshal Boutourlin and Count Alexander Shouwaloff.

С.-Петербургъ, 30 Марта, 1758.

Дорогой Серъ!

Я имѣю удовольствіе сообщить Вамъ, что состояніе здоровья Императрицы вполнѣ удовлетворительно. Ниже слѣдующій разсказъ, я полагаю, есть вѣрное изложеніе того, какимъ образомъ было устроено паденіе Государственнаго Канцлера.

Когда здѣсь было получено извѣстіе о моемъ прибытіи въ Варшаву, Французскій Посолъ отправился къ Вице-Канцлеру и объявилъ ему, что времени терять нечего, и, въ слѣдствіе этого, настоятельно требовалъ, чтобъ Вице-Канцлеръ и его друзья употребили всевозможныя средства для низверженія Графа Бестужева, угрожая, въ противномъ случаѣ, если они не согласятся съ его предложеніемъ, отправиться прямо къ Государственному

Канцлеру, открыть ему все и даже соединиться съ нимъ, чтобъ..... Устрашенный этой угрозой, Вице-Канцлеръ вошелъ съ нимъ въ соглашеніе, и съ тѣхъ поръ онъ и его сторонники при Дворѣ принялись за дѣло, и немедленно постарались разными окольными путями очернить Бестужева передъ Императрицей, и тѣмъ нанести ему послѣдній ударъ. На одномъ изъ придворныхъ выходовъ Французскій Посолъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, подошелъ къ рукѣ Императрицы, и подъ предлогомъ, что онъ восхищается матеріей на ея платьѣ, шепнулъ ей на ухо, что при Дворѣ есть лицо весьма опасное и для Правительства и для нея лично; что онъ счелъ своимъ долгомъ предупредить ее объ этомъ, и что это лицо есть не кто иной, какъ Канцлеръ Бестужевъ.

Это открытіе весьма встревожило Императрицу, и она не замедлила сообщить о немъ своимъ приближеннымъ, которые всѣ въ одинъ голосъ совѣтовали ей взять подъ стражу Бестужева, что и было исполнено два дня спустя.

Взятіе подъ стражу Бестужева твердо упрочило господство Французской стороны при Дворѣ, и самъ Вице-Канцлеръ пляшетъ теперь по дудкѣ Французскаго Посла. Канцлеръ Бестужевъ переноситъ свое несчастье съ большой твердостью и вызываетъ своихъ враговъ доказать хоть одно изъ взводимыхъ на него обвиненій. Слѣдствіе надъ нимъ поручено производить тремъ лицамъ: Князю Трубецкому, Фельдмаршалу Бутурлину и Графу Александру Шувалову.

V.

Account of Elisabeth's Daugther. *

Russia. 1778.

The Empress of Elisabeth had a daugther, who was for some time brought up in the house of a musician (his name, I believe, was Schwarz), belonging to the court and passed for his child. How long she remained at Petersbourg and when she was sent abroad, I can not telle. But I knew from undoubted authority, that she was

---

* Addit. Mss. N. 9284, f. 167—170.

seen in that musician house by several persons, who remembered her, when she was afterwards in Italy and who said, that she was in her person and features very like Elizabeth. She received somewhere a very good education and passed some years in Italy, principally at Rome. It is said, that Princ Radziwill met her in Italy and persuaded her (for she knew, who she was) to set herself up for a pretend to the throne of Russia. This report, whether true, or false, was enough to be her ruin, and accordingly Alexis Orloff received order, to try all possible means to get possession of her person. Accordingly upon his return from the Archipelago, at the conclusion of the peace in the year 1775, he made aequaintance with her at Leghorno, when she then was. He paid her care very assidiously, and she concluded he was in love with her. It is reported, that he proposed to marry her and to prevail upon the fleet to rewolt and declare itself in her favour, as the sovereign of Russia. By that it may be, he gained her confidence, that she accepted an invitation a board admiral Greig's ship, by which means her person was secured, and she was brought with the fleet to Petersbourg. I spoke with an English merchant of the factory, who (travelled) in company, with her in board Admiral Greig's vessel, before it entered the harbour of Cronstadt. He telg me, that the was about twenty eight years of age, that she had a very fair completion and in her person rather inclined to be large; she was remarkably accomplished and agreable (spoking) Russian, Polish, French, Italian and Latin; was very unequal in her spirits, being at time remarquably gay and at other time serious and pensive. She was at first reserved and had a great deal of dignity and even the appearance of pride in her behaviour. She was called Princess and treated as such, was attended by two Polish gentlemen and had several domestics. Upon her avrival at St.-Petersbourg, she was immediately sent into the fortress and emprisoned, where she died after a fow months. Dureng her emprisonment one of her Italien servants was allowed to attend her. Mister N. saw him after wards in the streets, selling barometers and thermometers, and asked him about his late mistress. She died of a cholic returned the fellow. But every one knows, what kind of cholic, it was, that killed her. I have been told, that Alexis Orloff was very much shocked upon being made the instrumeut of her imprisonment and death.

Свѣдѣнія о Княжнѣ Таракановой.

Россія, 1778.

У Императрицы Елисаветы была дочь, которая нѣкоторое время воспитывалась въ домѣ одного придворнаго музыканта (если не ошибаюсь, фамилія его была Шварцъ) и слыла за его собственную дочь. Какъ долго она оставалась въ Петербургѣ, и когда была отвезена за границу, я не могу сказать. Знаю только изъ вѣрнаго источника, что въ домѣ этого музыканта ее видѣли многія лица, встрѣчавшіяся съ ней потомъ въ Италіи и говорившія мнѣ, что она наружностью и чертами лица во многомъ напоминала Елисавету. Она получила прекрасное образованіе и провела нѣсколько лѣтъ въ Италіи, преимущественно въ Римѣ. Говорятъ, что Князь Радзивилъ, встрѣтясь съ ней въ Италіи, убѣдилъ ее (такъ какъ она знала свое происхожденіе) объявить свои притязанія на Русскій престолъ. Слуха этого, былъ ли онъ истиненъ, или ложенъ, было вполнѣ достаточно, чтобъ погубить ее; сообразно этому Алексѣй Орловъ получилъ приказаніе, во что бы то ни стало, захватить ее. На возвратномъ пути изъ Архипелага, по заключеніи мира 1775 г., Орловъ познакомился съ ней въ Ливорнѣ. Онъ сталъ до того прилежно ухаживать за ней, что она подумала, будто онъ въ самомъ дѣлѣ влюбленъ въ нее. Говорятъ даже, что онъ ей дѣлалъ предложеніе и обѣщалъ употребить свое вліяніе, чтобъ возмутить флотъ и провозгласить ее Императрицей Россіи. Весьма возможно, что онъ этимъ снискалъ ея довѣренность, и она, не колеблясь, приняла его приглашеніе посѣтить корабль Адмирала Грейга. Такимъ образомъ она была захвачена и, вмѣстѣ съ флотомъ, прибыла въ Петербургъ. Я распрашивалъ одного Англійскаго купца, плывшаго вмѣстѣ съ ней на кораблѣ Адмирала Грейга до самаго Кронштадта. Онъ говорилъ мнѣ, что ей было на видъ около двадцати восьми лѣтъ; она была прекрасная и свѣжая женщина, съ замѣтной наклонностью къ полнотѣ, очень образованная и любезная въ обществѣ и знавшая Русскій, Польскій, Французскій, Итальянскій и Латинскій языки. Характеръ ея былъ весьма неровенъ: по временамъ она была замѣчательно весела, по временамъ становилась важной и задумчивой. Съ перваго раза она казалась сдержанной, и въ ея пріемахъ было много чувства

собственнаго достоинства, даже гордости. Ее называли и съ ней обращались какъ съ Принцессой; въ свитѣ ея находилось два Польскихъ Дворянина и нѣсколько слугъ. По прибытіи въ Петербургъ, она тотчасъ же была заключена въ крѣпость, гдѣ и умерла спустя нѣсколько мѣсяцевъ. Одному изъ ея слугъ, Итальянцу, разрѣшено было находиться при ней во время ея заключенія. Купецъ, который разсказывалъ мнѣ все это, встрѣтилъ въ послѣдствіи этого слугу, продававшаго по улицамъ барометры и термометры, и, спросивъ его объ его бывшей госпожѣ, получилъ въ отвѣтъ, что она умерла отъ коликъ въ желудкѣ. Но всѣмъ извѣстно, какого рода были колики, которыя свели ее въ могилу. Я слышалъ также, что Алексѣй Орловъ тяготился тѣмъ, что онъ былъ виною ея заключенія и смерти.

VI.

Собственноручное письмо Петра III, въ бытность его Великимъ Княземъ, къ Серу Чарльсу Уильямсу. *

Je regrette infiniment de n'avoir pas eu le plaisir avant votre départ de vous dire de bouche, combien par votre mérite et votre conduite vous vous êtes attiré mon estime. Je vous remercie, et ne doute point de vostre attachement à mes intérêts. Ils sont liés à ceux du Roy d'Angleterre de plus d'un côté. J'espère, que l'ennemy commun des deux royaumes s'en ressentira un jour. Je suis bien aise de voir, que vous me rendiez justice sur ce point. Je vous prie de vous intéresser auprès du Roi, votre Maître, de ma part pour Swallow; c'est un digne et fidèle sujet; je vous en aurai une obligation très particulière, étant avec une considération très distinguée,

Monsieur,

De Vostre Excellence

Le très affectionné ami

Pierre.

Le 19 d'Août, 1759.

---

* Это и два слѣдующія письма Екатерины помѣщены въ Add. Mss. N. 6864.

Весьма сожалѣю, что не могъ передать вамъ словесно, до вашего отъѣзда, на сколько ваши личныя достоинства и поведеніе заслужили мое къ вамъ уваженіе. Я благодарю за ваши заботы о моихъ интересахъ, и не сомнѣваюсь, что вы имъ преданы. Они имѣютъ много общаго съ интересами Короля Англійскаго. Надѣюсь, что когда ни будь общій врагъ нашихъ Государствъ почувствуетъ это на себѣ. Весьма доволенъ, что въ этомъ отношеніи вы мнѣ отдаете должную справедливость. Прошу васъ походатайствовать отъ меня за Шувалова (Swallow) у Его Величества, вашего Государя. Это достойный и вѣрный слуга; я буду амъ особенно обязанъ за такое ходатайство. Съ глубокимъ уваженіемъ остаюсь,

Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства
найпривязанный другъ
Петръ.

19 Августа, 1759 г.

VII.

Два собственноручныя письма Великой Княгини Екатерины къ тому же.

1.

Monsieur!

J'ai pris la résolution de vous écrire, ne pouvant vous voir, pour vous faire mes adieux, les regrets les plus sincères accompagne (nt) celui, que je regarde comme un de mes meilleurs amis et dont la conduite s'est attirée toute mon estime et mon amitié. Je n'oublierai jamais les obligations, que je vous ai pour vous en récompenser d'une manière conforme à la noblesse de vos sentiments, voici ce que je ferai. Je saisirai toutes les occasions imaginables pour ramener la Russie à ce, que je reconnais pour son vrai intérêt, qui est d'être liée intimement à l'Angleterre, de donner à celle-ci par tous les secours humains l'ascendant, qu'elle doit avoir pour le bien de toute l'Europe, et plus en particulier pour celui de la Russie sur leur ennemi commun la France, dont la grandeur est la honte de la Russie. Je m'étudierai à mettre en usage ces sentiments, j'en bâtirai ma gloire et en prouverai

la solidité au Roy, votre Maître. Je suis bien aise, que le bien de la Russie m'oblige à pouvoir m'acquitter envers l'Angleterre des obligations personnelles, que j'ai à Sa Majesté, dont je conserverai le souvenir avec la plus vive reconnaissance. Je vous prie confidemment, Monsieur, d'arranger pour le mieux ce, dont vous êtes instruit. Soyez persuadé, qu'une des choses du monde, que je souhaite, le plus, c'est de vous ramener ici en triomphe. J'espère, qu'un jour le Roy, votre Maître, ne me refusera pas la grâce, que je lui demanderai de vous revoir. Il ne lui en reviendra, que du profit. Je suis avec une cousidération toute particulière,

Monsieur,

De Votre Excellence

La très devouée amie

Catherine.

Ce 19 d'Août, 1759.

Au Chevalier Haubury Williams.

Милостивый Государь!

Не имѣя возможности васъ видѣть, я рѣшилась вамъ писать чтобы съ вами проститься; самое искреннее сожалѣніе относится къ тому, на кого я смотрю, какъ на одного изъ лучшихъ моихъ друзей, чье поведеніе привлекло все мое уваженіе и дружбу. Я никогда не забуду, чѣмъ вамъ обязана; чтобы вознаградить Васъ согласно съ благородствомъ вашихъ чувствованій, вотъ что я сдѣлаю: я буду изыскивать всевозможные случаи направлять Россію на то, что я нахожу для нея выгоднымъ, именно, быть тѣсно связанной съ Англіею; всевозможными человѣческими усиліями дать послѣдней то вліяніе, которое Англія должна имѣть для блага Европы, и въ особенности для блага Россіи, въ виду общаго нашего врага, Франціи, которой величіе есть позоръ для Россіи. Я постараюсь проявлять на дѣлѣ такія чувствованія, сознаю на нихъ свою славу и докажу ихъ прочность Королю, вашему Повелителю. Весьма рада, что благо Россіи заставляетъ меня оказать Англіи признательность за личныя мнѣ одолженія со стороны Его Величества, о которомъ я буду вспоминать съ величайшею благодарностью. Прошу Васъ дружески, Милостивый

Государь, устроить къ лучшему то, что Вамъ поручено. Повѣрьте, что я болѣе всего желаю вернуть Васъ сюда съ торжествомъ. Я надѣюсь, что когда ни будь Король, вашъ Государь, не откажетъ мнѣ въ просьбѣ снова Васъ увидать. Вы ему принесете только пользу. Съ особеннымъ уваженіемъ остаюсь,

Милостивый Государь,

Вашего Превосходительства

найпреданный другъ

Екатерина.

19 Августа, 1739 г.

Кавалеру Haubury Ульямсу.

2.

Отъ той же и къ тому же. *

Mardi.

Je suis au désespoir d'être privée du plaisir, que j'aurais eu à vous voir, à vous parler en liberté. Votre amitié désinterressée pour moi et pour le G. Duc est sans exemple. Mon coeur est ulcéré par la dureté du traitement, que vous essuyez, mais aussi ma plus vive reconnaissance pour vous sera éternelle. Puissent des tems plus heureux me permettre de vous la prouver dans toute son étendue; Elle égale (et c'est tout dire) les obligations, que je vous ai, et l'estime infinie, qui est due à la beauté de votre caractère. Adieu, mon meilleur, mon cher Ami.

Вторникъ.

Я въ отчаяніи, что лишена удовольствія васъ видѣть, съ вами поговорить на свободѣ. Ваша безкорыстная дружба ко мнѣ и къ Великому Князю не имѣетъ себѣ примѣра. Сердце мое удручено жестокостью оказаннаго вамъ обращенія; за то я вѣчно буду вамъ признательна. Да позволитъ мнѣ болѣе счастливое время оказать вамъ мою признательность во всей ея глубинѣ.

---

* Безъ означенія числа мѣсяца и года.

Она равняется (и этимъ я многое хочу сказать) тѣмъ услугамъ, которыя Вы мнѣ оказали, и глубочайшему уваженію, должному возвышенности вашего характера. Прощайте, мой лучшій, мой дорогой, другъ!

VIII.

Собственноручное письмо Павла I къ Унтворту отъ 17 Августа, 1799 г. *

Je propose en cas, que l'expédition d'Hollande ne puisse pas avoir lieu, d'employer mes troupes à la défense de la Grande Bretagne et pour faire une expédition sur les côtes de la France, entre Brest et Plocuc.

Paul.

Pawlowsk.
Du 17 Août, 1799. **
Au Chevalier Whitworth, monsieur l'Envoyé de Sa Majesté Britannique auprès de moi.

Въ случаѣ невозможности сдѣлать экспедицію въ Голландію, я предлагаю свои войска для защиты Великобратаніи и для экспедиціи на берега Франціи, между Брестомъ и Плекомъ.

Павелъ.

Павловскъ.
17 Августа, 1799 года.

Кавалеру Унтворту, Господину Посланнику Его Величества, Короля Великобританіи, при мнѣ.

IX.

Два собственноручныя письма Княгини Дашковой къ Миссъ Уильмотъ и отвѣтъ послѣдней. ***

Défi.

Argument.

Raison pour le défi.

1. Miss Maria Wilmot aime Miss Wilmot de Moscou; je l'aime

---

* Addit. Mss. N. 12,096.
** Другой рукой, равно и на конвертѣ.
*** Addit. Mss. N. 9828, f. 193.

aussi de tout mon coeur. Ergo, nous sommes rivales; ergo, un défi est tout naturel.

2. Miss Maria Wilmot a tourmenté sa cousine par sa malice ingénieuse et charmante; je le fais aussi tant, que je le peux: reste à savoir, qui réussit le mieux, et ce n'est que par un défi, que la chose serait tirée au clair.

3. Parce qu'un Empereur avec moins de raison a fait un défi moins compréhensible encore, quoiqu il ait été imprimé dans toutes les gazettes. *

Вызовъ.

Доводы.

Причина вызова.

1. Мисъ Марія Уильмотъ любитъ Мисъ Уильмотъ изъ Москвы; я тоже люблю ее отъ всей души. Слѣдовательно, мы соперницы; и такъ вызовъ дѣло весьма естественное.

2. Мисъ Марія Уильмотъ мучила свою двоюродную сестру своею находчивостію и прелестною шаловливостію; я стараюсь, во сколько могу, поступать также: слѣдуетъ рѣшить, за кѣмъ успѣхъ, и только вызовомъ можно дѣло выяснить.

3. Такъ какъ нѣкій Императоръ сдѣлалъ непонятный вызовъ изъ за менѣе важной причины, хотя вызовъ и былъ напечатанъ во всѣхъ газетахъ.

Défi.

Vous aurez la bonté de me dire, comment Vous lui prouviez votre amitié? Comment vous la rendriez heureuse, afin que je vous imite, ou plutôt vous surpasse, car tout loyal chevalier, que je suis

---

* Кажется, намекъ на вызовъ, сдѣланный Павломъ I всѣмъ Государямъ Европы прибыть и сразиться между собою въ турнирѣ, для прекращенія войны, одиннадцать лѣтъ уже терзавшей тогда всѣхъ Европейцевъ. См.: «Достопамятный годъ жизни Августа Коцебу, и проч.; перев. съ Нѣмецкаго Василій Кряжевъ. Изд. 2-е, 2 части. М., въ Унив. тип. 1816 г., въ 8, часть 2, стр. 211—216. Книжка вовсе не рѣдкая, вопреки увѣренію «Русскаго Архива» (тетр. 11, 1870 г., стр. 1960), и по тому всѣмъ доступная, хотя въ Русскомъ переводѣ и нѣтъ самаго вызова. О. Б.

je n'ai jamais cédé en amitié à personne. Comment exerciez Vous sur elle votre malice? afin que je puisse savoir, qui de Vous, ou de moi, mérite la palme? et comme ce défi ne doit pas occasionner du sang répandu, je propose un mezzotermine, c'est de me communiquer les moyens ainsi que les sujets, qui mettra votre malice en jeu, et je Vous communiquerai ceux, qui servent à mon usage, et alors la paix sera le prix de notre ligue; Vous la tourmenterez par lettre sur les hints, que je Vous donnerai, et Vous me fournirez de quoi m'exercer de viva voce; réponse, s'il vous plait.

Princesse Dashkow, crée chevalier l'an 1762.

P. S. Do not wonder, it my head is a little crazy, it is at the age of 18, that I was mierged in chevalerie. *

Вы мнѣ должны сказать, чѣмъ Вы ей доказывали свою дружбу? Чѣмъ можете сдѣлать ее счастливой, чтобы я могла Вамъ подражать, или старалась бы Васъ превзойти, по тому что, не смотря на свои рыцарскія чувства, я никогда никому не уступала въ дружбѣ? Чѣмъ ее такъ мучили, чтобы я могла знать, кому изъ насъ двухъ отдадутъ первенство? И такъ какъ этотъ вызовъ не можетъ повести къ кровавому столкновенію, я Вамъ предлагаю золотую середину: сообщите мнѣ, какими средствами вызывается и чѣмъ потѣшается ваша проказливость, а я Вамъ тогда сообщу о своихъ зарядахъ, и миръ тогда будетъ цѣною нашего союза. Вы въ письмахъ будете ее мучить на счетъ намековъ, которыя я Вамъ дамъ, а Вы меня снабдите предметомъ для шутокъ на словахъ. Прошу отвѣта.

Княгиня Дашкова, пожалованная въ рыцари въ 1762 году.

Пп. Я не удивлюсь, ежели мое предложеніе найдете нѣсколько съумасбродным. Вѣдь, оно идетъ отъ 18 лѣтней, когда я пожалована была въ рыцари.

---

* Судя по отвѣту Миссъ Ульмотъ, письмо должно относиться къ концу 1803, или началу 1804 года.

Réponse au Défi.

Madame la Princesse!

Permettez moi de m'excuser d'accepter le Défi, que vous me présentez. Vous avez la bonté de faire disparaître la distance, qui sépare une grande dame d'un grand Empire, d'une simple Miss d'un coin de terre, qu'un petit cancre, arrivé de Corse et devenu plus long, plus large, plus enflé, que la plus énorme baleine, se propose d'avaler, comme une pillule. Cette grande indulgence de votre part pourrait me rassurer, mais ce qui m'effraye, c'est de Vous savoir armée chevalier. Depuis l'âge de dix huit ans, Vous êtes formée, au maniement des armes, et Vous pouvez compter le nombre de vos combats par celui de vos victoires; ce serait trop téméraire de vouloir entrer en lice, sans armes, sans expérience, sans adresse.

Lorsque j'avais près de moi ma cousine, j'osais me mesurer avec elle. Ses petits airs, ses tons, ses gestes, ses expressions irlandofrancisées, ses hints, me donnaient occasion de boxer avec elle. Le combat fini, nous nous en aimions davantage; maintenant, Madame la Princesse, Vous la possédez entière, et vos bontés pour elle ne me permettent pas de Vous la disputer. Non, Madame, il ne m'est plus permis d'être votre rivale.

Vous avez sur moi trop d'avantages. Je n'ai pour moi, que l'amitié, et Vous avez pour Vous l'amitié, que Vous voulez bien avoir pour la chère cousine, et de plus les bienfaits, dont Vous la comblez Mais ne pouvant pas être votre rivale, je veux être celle de ma cousine, en partageant avec elle sa reconnaissance et son amitié respectueuse pour sa bienfaitrice. J'oserais donc Vous demander la faveur de croire, que je suis autant, que mon amie, avec les sentimens les plus respectueux,

Madame la Princesse,

Votre très humble et très obéissante servante

Marie Marow Wilmot.

Ce jeudi 22 Febr., 1804.

Отвѣтъ на вызовъ.

Княгиня!

Позвольте мнѣ извиниться въ томъ, что я принимаю вашъ вызовъ. Вы такъ милостивы, что уничтожаете разстояніе, которое раздѣляетъ знатную особу великой Имперіи отъ незначительной Мисъ нѣкоего уголка земли, которую нѣкій морской ракъ, прибывшій изъ Корсики и раздувшійся шире, длиннѣе и болѣе самого огромнаго кита, желаетъ проглотить, какъ пилюлю. Столь великая снисходительность могла бы меня успокоить, но вотъ что меня страшитъ: я знаю, что Вы пожалованы рыцаремъ. Съ осьмнадцатилѣтняго возраста Вы привыкли обращаться съ оружіемъ, и вы ведете счетъ вашимъ побѣдамъ по числу вашихъ битвъ; было бы слишкомъ дерзко выступать на поле битвы безъ оружія безъ опыта, безъ ловкости.

Когда кузина была со мною, а осмѣливалась съ ней бороться. Ея ужимки, тонъ, ухватки, Ирландскія, но офранцуженныя, выраженія, ея намеки, давали мнѣ случай съ ней помѣряться на кулакахъ. По окончаніи битвы наша дружба только росла; теперь, Княгиня, Вы обладаете моей кузиной, и на столько къ ней милостивы, что я не могу оспаривать у Васъ кузину. Нѣтъ, Княгиня, мнѣ не возможно болѣе быть Вашей соперницей.

Въ сравненіи со мной у Васъ слишкомъ много преимуществъ. За меня говоритъ только дружба, а за Васъ дружба, которую Вы милостиво питаете къ милой моей кузинѣ и, кромѣ того, тѣ благодѣянія, которыми Вы ее осыпаете. Но если я не могу быть вашей соперницей, то хочу соперничать съ сестрой, раздѣляя съ ней чувства признательности и почтительной дружбы къ ея благодѣтельницѣ. Осмѣливаюсь у Васъ просить милости считать меня также, какъ и кузину, съ почтительнѣйшемъ чувствомъ,

Княгиня,

Вашею покорнѣйшею слугою

Марью Маро Ульмотъ.

2.

Отвѣтъ Дашковой, безъ подписи, но ея же рукой.

Votre prétendu antagoniste ou rival, mais en fait votre admirateur, le vieux chevalier, la Princesse de Daschkow, a reçu votre lettre enfin, qui, par un délai inconcevable, a vieilli de plusieurs mois. En attendant des maladies et des spasmes ont refroidi le courage chevaleresque, et c'est bien sincèrement, que je Vous dirai en bon Italien, qui vaut mieux que le francais: «Pace fata, pace sia,» et pour me donner un témoignage, que Vous êtes aussi dans une humeur pacifique, je Vous prie de Vous charger de faire de ma part à M-me, votre mère, de ne rien envoyer à notre angélique Wilmot, 1°, parce que, n'étant pas moi même à Pétersbourg, c'est très difficile de tirer des griffes des douanniers les jolies choses, qui viennent de votre pays; 2°, c'est qu'elle donne presque tout, ce que l'on lui envoye, et 3°, parce que l'on trouve tout ici. Voilà ce que fait l'âge, je me présente à Vous comme m'entendant aux raisons de la comédie, et pour Vous sauver du flux copieux des raisons, je vais Vous dire amen, en Vous priant d'écrire plus souvent à votre charmante cousine.

Вашъ мнимый противникъ или соперникъ, но на самомъ дѣлѣ вашъ почитатель, старый рыцарь, Княгиня Дашкова, наконецъ, получила ваше письмо; оно, по непонятному замедленію, постарѣло нѣсколькими мѣсяцами. Кромѣ того, болѣзни и судороги сильно охладили рыцарскій мой духъ, и я весьма искренно скажу Вамъ настоящимъ Итальянскимъ языкомъ, который лучше Французскаго: «Pace fata, pace sia.» А чтобы доказать мнѣ, что и Вы тоже въ мирномъ расположеніи духа, прошу Васъ взять на себя трудъ передать отъ меня вашей матушкѣ, ничего не посылать сюда нашей ангельской Уильмотъ: 1, такъ какъ меня нѣтъ теперь въ Петербургѣ, то очень трудно будетъ вытащить изъ когтей таможенныхъ чиновниковъ тѣ прелестныя вещицы, которыя привозятъ изъ вашего отечества; 2, по тому, что она почти раздаетъ все, что ей присылаютъ; 3, по тому, что все это можно достать здѣсь. Вотъ что значатъ года, я являюсь передъ Вами какъ будто знающая причины комедіи; а чтобы избавить Васъ отъ черезъ чуръ обильнаго изложенія причинъ, я скажу аминь, и попрошу Васъ писать почаще вашей прелестной кузинѣ.

V

СМѢСЬ

ПРАВОСЛАВНЫЙ МОНАСТЫРЬ

ЖИТОМЫСЛИЧЪ ВЪ ГЕРЦЕГОВИНѢ.

Монастырь Житомысличъ находится въ Мостарскомъ Уѣздѣ, въ четырехъ часахъ отъ Мостара, въ мѣстности, называемой Дубравы, въ селѣ Житомысличѣ, и немного въ сторонѣ отъ дороги, ведущей въ пограничный Австрійскій городъ Метковичъ, отъ коего отъ отстоитъ на разстояніи пяти часовъ.

Монастырь окруженъ почти со всѣхъ сторонъ горами и лежитъ какъ бы въ углубленіи, и только съ сѣверной стороны обители открывается небольшая долина, расширяющаяся довольно значительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ построенъ самый монастырь и снова съуживающаяся на южной сторонѣ. Среди всей этой долины протекаетъ рѣка Неретва, отъ которой до монастыря не больше пяти минутъ разстоянія, а между обителью и рѣкой разстилается обширное поле, принадлежащее монастырю и обработываемое его поселянами.

Монастырь построенъ Милисавомъ Милорадовичемъ, однимъ изъ членовъ властельской фамиліи Милорадовичей, которые вскорѣ послѣ завоеванія Турками Герцеговины, покинули свою родину и удалились въ Россію, не желая слѣдовать примѣру многочисленныхъ своихъ соотечественниковъ, отрекшихся своей Вѣры, для сохраненія своихъ прежнихъ правъ, и принявшихъ Исламъ.

Фамилія эта прозывалась въ прежнее время «Храбрени,» но позднѣе она совершенно уничтожила это прозвище, перемѣнивъ его на «Милорадовичи».

Въ самой Герцеговинѣ живы еще до сихъ поръ потомки этой фамиліи, именно: поселяне этого монастыря, принявшіе Мухамеданство и перемѣнившіе имя Милорадовичей на Лоличи и Кузмани, и въ Дубравахъ, то же близъ монастыря, Мусульмане Опіячи, которые происходятъ, по словамъ Христіянъ и Му-

сульманъ, отъ одного изъ Милорадовичей, принявшаго Мухамеданство и удержавшаго по тому свои помѣстья въ Дубравахъ, въ селѣ Церничи.

Въ народѣ сохранилось до сего времени преданіе, что было три брата Милорадовичей: Радое, Любисавъ и Милисавъ и что одинъ изъ нихъ построилъ церковь въ Требнѣ, близъ Житомыслича, другой въ селѣ Ошеничахъ, близъ Столца, а третій въ селѣ Житомысличѣ. О Милисавѣ Милорадовичѣ говорятъ одни, что онъ, устроивъ церковь и видя, что, въ слѣдствіе сильныхъ притѣсненій Турокъ, владѣвшихъ тогда уже большею частію Герцеговины, не возможно долѣе оставаться на родинѣ, отправился въ Константинополь, гдѣ, исходатайствовавъ Султанскіе фирманы, и обезпечивъ ими основанную имъ обитель и дарованныя ей земли, удалился въ Россію; другіе же утверждаютъ, что, вернувшись изъ Царьграда, онъ умеръ въ Герцеговинѣ и погребенъ въ Житомыслицкомъ монастырѣ, по правой сторонѣ паперти построенной имъ церкви. О томъ, что сталъ съ его братьями, не имѣется ни какихъ свѣдѣній въ народѣ, но должно предположить, что они покинули также Герцеговину, въ слѣдъ за своимъ братомъ Милисавомъ.

Положительный годъ построенія монастыря и церкви не извѣстенъ; ибо существуетъ два различныхъ указанія. Судя по печати монастырской, церковь построена въ 1585 году; но это указаніе, мнѣ кажется вполнѣ несправедливымъ, и на печати, вѣроятно, по ошибкѣ, вырѣзанъ этотъ годъ, по тому что, какъ видно изъ надписи, высѣченной на правомъ столбу, поддерживающемъ сводъ храма, церковь построена въ 1603 году. На одной сторонѣ этого столба находится надпись: «въ лѣта ҂ӡраї 7111—1603) поставишєсє сїи столпи,» а съ другой вырѣзанъ небольшой крестъ съ надписью: «манстора вукашина отъ манас... а раванице.»

Этотъ 1603 годъ и долженъ быть принятъ годомъ основанія храма, а конечно и всей обители; ибо нѣтъ ни какого сомнѣнія высѣченъ онъ на столбѣ въ то самое время, когда строилась и церковь, и при томъ съ этимъ годомъ вполнѣ согласуется извѣстіе объ украшеніи церкви живописью и объ окончанія ея, а такъ же и года, значущіеся на разныхъ рукописяхъ, писанныхъ въ самомъ монастырѣ.

Церковь очень простой работы и снаружи не отличается ни сколько отъ обыкновеннаго дома; только на двухъ оконечностяхъ крыши сдѣлано по небольшому каменному кресту. За алтаремъ, влѣво, на не большомъ возвышеніи, между могилами разныхъ монаховъ, погребенныхъ въ прежнее время, виситъ, на деревянныхъ подпоркахъ, колоколъ довольно большаго размѣра, присланный изъ Россіи, и другой меньшій, привезенный изъ Тріеста, по полученіи разрѣшенія Турецкаго Правительства поднять колокола въ церквахъ Герцеговины.

При входѣ въ церковь устроена паперть, отдѣляющаяся отъ самой церкви толстой каменной стѣною, съ небольшими дверьми. Паперть, а равно и церковь, были исписаны съ верху до низу разными священными изображеніями, до того уже испортившимися, что почти ни чего нельзя разобрать, особенно на потолкахъ, гдѣ оставались одни почернѣвшіе голые камни. Такъ какъ не возможно было возобновить живопись, а такъ же и оставлять церковь въ такомъ видѣ, то лѣтомъ прошлаго года то было все окрашено, иконостасъ вычищенъ и подновленъ, а въ стѣнахъ пробиты четыре большихъ окна, и два большихъ и одно малое въ алтарѣ.

На правой сторонѣ паперти находится, по народному сказанію, могила Милорадовича, соорудившаго монастырь и церковь, а надъ папертью устроено помѣщеніе для монастырской ризницы, по чему потолокъ на паперти несравненно ниже потолка самой церкви.

При передѣлываніи пола, прошедшимъ лѣтомъ, нашли, на паперти и въ церкви, четыре гроба съ остатками костей, очень большаго размѣра, особенно на томъ мѣстѣ, гдѣ, говорятъ, погребенъ Милорадовичъ; но, не смотря на всѣ розыски, не было открыто ни надписей, ни какихъ либо древностей.

Мною предлагается здѣсь описаніе церкви, до ея поправленія; впрочемъ, и въ настоящее время, кромѣ выкрашенія церкви и пробитія оконъ, все осталось по старому.

Надъ входной дверью въ церковь изъ паперти было на стѣнѣ изображеніе Благовѣщенія Богородицы, съ образомъ Господа Вседержителя, подписанной слѣдующею сохранившеюся и теперь надписью подъ нимъ: « † изволеніе. отц. и поспѣшеніе. сина. и совершеніе, стаго. духа. божествени. храмъ. благовѣще-

ние. поиисасе. и сакрьшисе:: месеца манѣ є̑ дань. ва лето ҂ӡрӡі (1117—1609). повелѣние. ермонаха. игумна. сава. потрѹди. сїе. писанїе. іермонах.маѯим. ї плати бь да га прости.» Эта подпись служитъ подтвержденіемъ сказаннаго мною, что церковь построена въ 1603 году; ибо видно, что въ 1609 году она была совершенно окончена. Съ правой стороны изображенія Благовѣщенія былъ написанъ, такъ же на стѣнѣ, образъ Спасителя въ ростъ, а съ лѣвой—образъ Богоматери.

При входѣ въ церковь съ лѣвой стороны былъ написанъ на стѣнѣ портретъ строителя монастыря, Милисава Милорадовича. Онъ изображенъ въ ростъ держащимъ въ правой рукѣ чертежъ построенной имъ церкви, а въ лѣвой трость. Одѣтъ онъ въ шубу, спускающуюся немного ниже колѣна, покрытую краснаго цвѣта матеріей, съ мѣховой опушкою по краямъ, около него скуфья, такъ же съ мѣховой опушкою вокругъ. Съ правой стороны головы надпись: «милисав» а съ лѣвой: «спахїа.» Съ этого портрета снятъ фотографическій снимокъ, а равно и сдѣлана копія масляными красками.

Съ лѣвой стороны входныхъ дверей былъ изображенъ Ангелъ съ мечемъ въ рукѣ, а по обѣимъ сторонамъ церкви до самаго алтаря были изображенія въ ростъ разныхъ Святыхъ. Изображенія эти совершенно уничтожились; судя же по ничтожнымъ остаткамъ живописи, видно, что на стѣнахъ были представлены разныя событія изъ Священной Исторіи.

Церковь сдѣлана на сводахъ, поддерживаемыхъ двумя столбами изъ тесанаго камня, и имѣетъ въ длину отъ алтаря до паперти 25 ступней, а въ ширину 33 ступни. На правомъ столбу находится выше приведенная надпись, а на верхнемъ карнизѣ лѣваго высѣчены уродливыя изображенія разныхъ звѣрей, птицъ и человѣка, стрѣляющаго въ льва изъ лука.*

Внутренность церкви была довольно хороша, по тому что сдѣлано было по два маленькихъ окна, по обѣимъ сторонамъ алтаря, и небольшія два пробиты въ стѣнѣ, въ алтарѣ же бы-

* Если не ошибаюсь, подобныя изображенія находятся и на одной стѣнѣ лѣствичнаго прохода Кіево-Софійскаго Собора, ведущаго во второй ярусъ его извнутри церкви, на хоры, гдѣ устроено нѣсколько престоловъ. О. Б.

ло темнѣе, чѣмъ въ церкви; ибо въ томъ не было ни одного окна, кромѣ маленькихъ пробоинъ.

Около праваго клироса было сдѣлано Архіерейское мѣсто, изъ простаго рѣзнаго дерева, около стѣны въ церкви нѣсколько деревянныхъ мѣстъ для стоянія, совершенно уже развалившихся и теперь вынесенныхъ.

Алтарь отдѣленъ отъ церкви каменной стѣною, подобно тому, какъ отдѣлена и паперть; только въ срединѣ стѣны оставлено довольно значительное пространство, въ которомъ помѣщается самый иконостасъ, а южныя и сѣверныя двери пробиты въ самой стѣнѣ, покрытой такъ же прежде живописью, совершенно уже уничтожившеюся.

Иконостасъ въ два яруса, деревянный, окрашенный мѣстами въ голубую, а мѣстами въ красную, краску, съ позолоченнымъ украшеніемъ въ видѣ листьевъ и цвѣтковъ. Для поддержанія верхнихъ ярусовъ, теперь сдѣлана каменная стѣна до самаго втораго яруса, и на этой стѣнѣ утвержденъ весь первый ярусъ съ Царскими дверьми.

Царскія двери очень низки, сдѣланы изъ рѣзнаго дерева, всѣ позолочены. Внизу на дверяхъ, изображеніе Благовѣщенія, а на верху правой половинки дверей поясное изображеніе Царя Давида, на лѣвой же такъ же Царя Соломона. Подъ образомъ Ангела благовѣстителя, на лѣвой половинкѣ дверей, сохранилась надпись: сие двери сагради проигумен серафионъ. въ ҂зриг҃. ѿ р. хва ҂ахо҃ѕ» (7183—1676).

Надъ Царскими дверьми небольшой образъ «Недреманное Око,» написаный масляными красками. Образъ этотъ такого содержанія: на первомъ планѣ представленъ Спаситель юношей, съ закрытыми глазами, въ полулежащемъ положеніи на возвышеніи, пригорюнившійся правою рукою и держащій въ лѣвой чашу; въ головахъ его стоитъ Богородица, съ знаменемъ въ лѣвой рукѣ, имѣющимъ видъ обыкновеннаго значка, а въ ногахъ стоитъ Ангелъ, съ знаменіями страданій: крестомъ, копьемъ и губою.

По правую сторону Царскихъ вратъ икона Вседержителя, большаго размѣра, Греческаго письма. Живопись сохранилась довольно хорошо, а подъ иконой существуетъ надпись замѣтными буквами въ двѣ строки, изъ коей я могъ прочесть только: «і сіе

иконє принєсошє смирєн. архимандрит.....,;» остальное все вылѣняло.

Спаситель изображенъ сѣдящимъ на престолѣ въ Архіерейскомъ облаченіи зеленаго цвѣта съ золотымъ украшеніемъ, въ лѣвой рукѣ держитъ скипетръ, и придерживаетъ имъ Евангеліе, лежащее на его колѣнахъ и раскрытое на словахъ: «прїидитє благословєни,» а правою рукою благословляетъ. По сторонамъ головы: ї҃с и х҃с. Съ правой стороны престола изображена стоящая Божія Матерь съ надписью: м҃. ѳ҃ѹ ., только съ одной стороны головы; а съ лѣвой стороны престола Іоаннъ Креститель; съ одной стороны головы его написано: с҃ты, а съ другой: ї҃ѡан. Какъ Божія Матерь, такъ и Іоаннъ, изображены молящимися.

Съ лѣвой стороны Царскихъ вратъ находится икона Богородицы, однаковой величины вмѣстѣ съ Спасителемъ и такъ же довольно хорошо сохранившаяся. Божія Матерь изображена на престолѣ, въ одеждѣ краснаго цвѣта съ золотыми украшеніями, держащая въ лѣвой рукѣ младенца Іисуса, который имѣетъ въ лѣвой рукѣ державу, а правою благословляетъ; Божія же Матерь держитъ въ правой рукѣ скипетръ, а на головѣ у ней вѣнецъ. Съ обѣихъ сторонъ престола изображено по одному стоящему Ангелу.

Съ наружной стороны иконы нѣтъ ни какой надписи, съ задней же, во всю длину образа, сдѣлана надпись чернилами: «сїє иконє сапнсашєсє настоѧнїємъ ꙁнатнѣишаго просиигела кѵрь петронїа вѵкапарань, сєи бывшѵ богь да простить єго. лєта ꙁ҃ѳ҃нї. м҃ца їюнїѧ ї҃є (7218 — 1710). помєнитє братїѧ грєшнаго михаила, писца образомь, господа ради.»

Кромѣ этѣхъ двухъ иконъ, въ нижнемъ ярусѣ не было прежде больше другихъ; теперь же помѣстили, на стѣнахъ между иконостаса и сѣверными и южными дверьми, двѣ большія иконы: изъ нихъ одна изображаетъ распятіе, а другая, привезенная изъ Россіи, Спасителя съ 12 Апостолами. По стѣнамъ же церкви размѣщены небольшія иконы, пожертвованныя изъ Россіи.

Во второмъ ярусѣ 17 иконъ въ рядъ малаго размѣра. Въ срединѣ икона Спасителя на престолѣ, по бокамъ ея икона Богородицы и Іоанна Крестителя, а далѣе, съ однѣхъ сторонъ 12

Апостоловъ, Сербскаго просвѣтителя Св. Саввы и Св. Симеона Сербскаго.

Въ самомъ же верху иконостаса большой рѣзной деревянный крестъ, украшенный позолотой, съ распятіемъ и съ предстоящими по бокамъ его. На крестѣ вверху, подъ распятіемъ, изображенъ орелъ, съ книгою подъ ногами и надписью, сверху м҃ѳ. а внизу распятія левъ, такъ же съ книгой и съ надписью іѡ҃. Очевидно, что надписи этѣ перемѣшаны, и должны замѣнить одна другую. Съ правой стороны распятія представленъ телецъ съ книгой и надписью л҃, а съ лѣвой Ангелъ съ книгой въ рукахъ и надписью надъ головой, мѳ҃. У подножія креста были прежде два очень грубо вырѣзанныхъ небольшихъ льва въ лежачемъ положеніи, поставленныхъ въ нѣкоторомъ одинъ отъ другого разстояніи, съ головами и частью туловища, выходившими наружу подъ иконостасомъ.

На клиросахъ стоятъ два деревянныхъ аналоя, имѣющіе форму семиугольныхъ колонъ. Одинъ изъ нихъ очень хорошо сдѣланъ, съ многочисленными инкрустаціями изъ перламутра, а на верху круглый мѣдный обручъ съ слѣдующею рѣзною на немъ вязью надписью: «сїа налона монастира житомислича храма благовещенїа пресвятыя богородицы на реце неретке соделасе при васеосвещенномь архїепископе пеѣскомь кѵ. калиникѵ. трѹдомь и подвигомь изнѹреннемь (одно слово стерлось) висарїона митрополита босанскогь вь лѣто ҂з҃с҃д (7204—1796) мц҃а априла дне а҃і ѹ сараевѹ рѹкоделание гаврила ермонаха ралинна.»

Другой аналой точно такой же формы и сдѣланъ на подобіе этого, только, вмѣсто инкрустацій, выкрашенъ разными красками, но весь уже развалившійся и негодный къ употребленію.

Алтарь весьма малый и можетъ равняться паперти. Онъ имѣетъ въ длину 10 ступней, а въ ширину 33 ступни. Алтарь тоже былъ расписанъ, но живопись уже совершенно уничтожилась.

Престолъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ въ Герцеговинѣ, каменный, и состоитъ изъ большой каменной плиты, поддерживаемой снизу каменнымъ столбикомъ. Надъ престоломъ была прежде, теперь снятая, деревянная сѣнь, совершенно изгнившая, съ полинялой позолотой по мѣстамъ.

Въ углубленіи горняго мѣста были три большія иконы,

очень плохо сохранившіяся, исключая одной иконы распятія, которое подновлено немного и помѣщено теперь на стѣнѣ, рядомъ съ иконостасомъ, около образа Спасителя, а остальныя двѣ иконы оставлены въ прежнемъ видѣ. Средина иконы изображаетъ распятіе, съ предстоящими по сторонамъ, а внизу подъ распятіемъ положеніе во гробъ. Другая икона Спасителя, изображеннаго на престолѣ съ Богородицей и Іоанномъ Предтечею по бокамъ. Съ обѣихъ сторонъ образа поясныя изображенія 12 Апостоловъ, по шести съ каждой стороны, а вверху два поясныхъ изображенія Ангеловъ. На третьей иконѣ Богородица представлена такъ же на престолѣ съ Спасителемъ на лѣвой рукѣ, а съ обѣихъ сторонъ образа, а такъ же и внизу, поясныя изображенія 16 Пророковъ, и въ томъ числѣ Царей Соломона и Давида, на верху же изображеніе въ ростъ двухъ Ангеловъ.

На престолѣ стоитъ небольшая серебряная дарохранительница, имѣющая форму церкви и принесенная, какъ говорятъ, съ Аѳонской Горы.

Въ алтарѣ хранится кадильница, употребляемая иногда при богослуженіи, пожертвованная однимъ изъ Милорадовичей. Кадильница серебряная, имѣющая форму церкви съ пятью небольшими главами и крестами на верхней крышкѣ и съ пятью плетеными цвѣточками изъ серебра, съ бубенчиками на нихъ. На нижней части кадильницы существуетъ вырѣзанная кругомъ надпись: «† сїа. кадїлнїца. раба. божїа. спиє. ѣоѵра. храбран.»

Въ алтарѣ хранится такъ же употребляемое при богослуженіи, блюдо для благословенія хлѣбовъ. Оно сдѣлано изъ серебра и имѣетъ вокругъ надпись: «сїа петихлѣбница монастира житомисличь сделовасе настоѧнїем хаджи їеремїи еромонаха тоєжде обители кои беша у сараєву путникь и бысть ценою. їа асїа лѣто отъ ро҃. хв҃а ҂хпд (1684) у месту сараєву.»

Ризница монастырская довольно скудна старинными предметами и обогатилась въ послѣднее время большими пожертвованіями изъ Россіи, какъ сосудовъ, такъ Евангелій, крестовъ и облаченій.

Изъ старинныхъ предметовъ въ ризницѣ хранятся только:

1. Евангеліе малиновое бархатное, обложенное съ обѣихъ сторонъ позолоченнымъ серебромъ, а передняя доска вся покрыто позолоченнымъ серебромъ съ разными украшеніями и не-

большими каменьями. Въ срединѣ изображено, на серебрѣ же, распятіе, а по угламъ четыре Евангелиста. Кругомъ всей верхней доски надпись изъ началъ всѣхъ Евангелій вязью, очень хорошо выполненною и хорошо сохранившеюся. На верху начало Евангелія отъ Іоанна: «въ начеле бѣ слово, и слово бѣ въ боꙁе, и бг҃ъ бѣ слово. се бѣ искони въ бꙁ҃ѣ.» Внизу Евангеліе Марка: «ꙁачело евг҃али ї҃с хр҃ сн҃а бж҃їа, ꙗко же есть писано въ пророцехъ. се аꙁь». Съ правой стороны Евангеліе Луки: «понеже оубо мноꙁи начеше чинити повесть иꙁвѣствованїхъ въ насъ вещехъ, ꙗко же преданїе намъ;» а съ лѣвой Евангеліе Матѳея: «книга родства ї҃с хр҃а сн҃а двд҃ва, сн҃а авраамлѧ. авраамь роди исаака, исаак же роди їꙗкова, їꙗков же.» На другой сторонѣ Евангелія, кругомъ, ниже доски, слѣдующая надпись, то же вязью: «иꙁвълїенїемь ѡц҃а и поспешенїемь сн҃а и совръшенїемь ст҃ого дх҃а сїе ст҃ое еѵг҃лїе монастира житомыслика храма бл҃говещенїа прест҃їе бц҃е ѡковасе во бог҃хранимомъ месте сараєвꙋ при васаѡсвещенномъ архїепископꙋ..... арсению србскомъ митрополитꙋ саватию ꙁахлмскомъ трꙋдѡм и потом и подвигомъ висариона ермонаха въ лѣт ҂ꙁр҃ч҃ѳ» (7199—1691).

Евангеліе это, расположенное по Евангелистамъ, начато печататься при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, благословеніемъ Святѣйшаго Іосифа, Патріарха Московскаго и всея Русіи, 28 Нобря, ҂ꙁрн҃ѳ (7159—1651), въ Москвѣ, и дѣло окончено въ томъ же году, 4 Іюня. На концѣ предпослѣдняго листа написано: «сїе ст҃ое бажаⷭ҇тавное еѵг҃лїе монаⷭ҇тира житомислиѣа. ꙁри и чати сїе писаное. въ лѣ҃ ҂ꙁр҃ч҃ꙁ (7197—1689) принесе сїе ст҃ое бажаⷭ҇тавное еѵг҃лїе висариѡ ѥмона ѿ меⷭ҇та сараєва. и положи его въ храⷨ бл҃говещенїа прест҃ые бц҃е на реце нерѣве во своеⷨ посриꙁе. и кои се братъ подвигне прочитатї сїю дш҃еполаꙁнꙋю книгоу. помени и мене грешного господа ради.» Потомъ ниже той же рукою: «паки въ лѣто ҂ꙁр҃ч҃ѳ (7199—1691) ѡкова его сребром и ꙁлатом потащателне полꙁи ради доушевнїе. и прочитающи простите ме грешна висарїона х҃а ради о сем троудившагося.» Еще же ниже, но другой рукою: «въ лето ҂ꙁр҃ѯ҃а (7161—1653) сїю книгоу еѵг҃лїе принесе анфонїе їеромонахъ отъ москве. купї ю цѣною сребра и положи во манастир милешеви въ своей ему келїи да служи. и кто се отъ братїе подвигнетъ прочитатї ю, инъ да споменетъ господа ради. и да ю никто не отниметъ отъ сего места, кроме благословенїа, да моу нїе просто.»

Изъ этой приписки видно, что Евангеліе принадлежало пре-

жде Милешевской обители, Лаврѣ Св. Саввы, гдѣ почивали и его мощи; но какъ оно попало позднѣе въ монастырь Житомысличъ, объ этомъ рѣшительно ни чего не извѣстно. На самомъ послѣднемъ листѣ, совершенно другой рукою и крупными буквами, написано: «да се ꙁна како приложи сїю божественную книгоу, глаголемую евангелїе, монастиру на рѣцѣ вувацу, еже е храмъ рожество пресвятиѧ богоматерь, рабь божїй милинько и подружїе его марїа и сынь его аѳонасїе и оуноукь его обрадь и снаха его сара, дащи его сара, ꙁа свою душу и ꙁа вѣчни помену да имь служи непремѣно и да се савршую святаѧ тайна сь нею и са хтиторь своею маꙁдою и подвигомь отца игумена їермонаха кирь герасима са братїами. сїе бысть вь лѣто ҂ꙁр҃оѳ мѣсѧца генуарїа к҃ день на великого евфимїа» (7179—1671).

Мною не сохранена здѣсь орѳографія подлинника. Какой это былъ монастырь на рѣкѣ Вувацѣ, и гдѣ эта рѣка, я ни чего не могъ узнать.

На бокахъ четырехъ угловъ, обложенныхъ серебромъ, написано, что сіе святое Евангеліе окова златарь Сава отъ мѣста Сараева, въ 1692 году. Евангеліе это можетъ служить однимъ изъ лучшихъ доказательствъ, что въ Сараевѣ производились прежде прекрасныя серебряныя работы, отъ которыхъ теперь осталось мало слѣдовъ, которыя пришли въ настоящее время почти что въ совершенный упадокъ.

2. Крестъ рѣзной кипарисный, обложенный позолоченнымъ серебромъ, на такой же подставкѣ, украшенной дорогими каменьми. Крестъ вышиною въ поларшина вмѣстѣ съ подставкой. Кругомъ рукоятки креста вырѣзана надпись: «сїи чⷭ҇тны. крⷭ҇тъ. оукрасише блг҃верни. хрⷭ҇тїане..... (стерлось) сему же. настоѧтель. бы҃. проїгоуменъ висарїѡнъ. въ лѣто ҂ꙁр҃лн» (7138—1630). Внизу самой подставки, съ внутренней стороны, написано: «сїи крⷭ҇тъ ста и҃ тисоу и с҃ апⷭ҇ри съ вьсеⷭ҇ ѡправданїемъ.»

Кромѣ того креста есть еще немного крестовъ, также рѣзныхъ изъ кипариса и обложенныхъ позолоченнымъ серебромъ съ каменьями и на подставкахъ, но только всѣ они меньше этого и безъ подписей.

3. Чаша круглая, въ четверть вышиной, выдолбленная изъ дерева, рѣзная и обложенная мѣстами золотомъ и позолоченнымъ серебромъ съ каменьями. Чаша эта утверждена на вызолоченнй

подставкѣ, кругомъ которой написано въ низу: «сїа чаша старца проигꙋмьна михаила.» На днѣ подставки же находится надпись: «вь лѣто ҂ζрпѳ (7179—1671), мцⷭа іаньварїє ζ.»

4. Чаша тоже круглая, не меньше первой. Выдолблена тоже изъ дерева и обложена позолоченнымъ серебромъ, на такой же подставкѣ. Кругомъ верхняго ободка надпись: «сиа чаша проигꙋмьна саве хоповца єрьмона (ха).»

5. Дискосъ серебряный, который не удалось мнѣ видѣть, но на которомъ, по словамъ Архимандрита Никифора Дучича, описавшаго монастырь въ 1861 году, находится слѣдующая надпись: «сей сосꙋдъ ꙋстроенъ во свꙗтꙋю церковь вознесенїа господна, что при кастелꙋновье на топлой, по обещанїꙋ ея императорскаго величества всерꙋсїйской тайнаго советника и кавалера иллирскаго графа сави владиславича во вечное поминовенїе по дꙋши его и его родителей и сродниковъ ҂аѱлн (1738 года), септемврїа. москва.» Среди дискоса сдѣланъ гербъ, раздѣленный на четыре отдѣла: въ верхней части съ лѣвой стороны изображена рука въ латахъ съ мечемъ, въ верхней части съ правой три звѣзды, въ нижней части съ лѣвой стороны двѣ колонны, а въ нижней части съ права голова въ коронѣ. Я постараюсь, когда буду въ монастырѣ, разсмотрѣть часть дискоса и составить его описаніе.

6. Нѣсколько поясовъ изъ парчи съ серебрянными вызолоченными застежками и съ махрами, поясъ изъ бархата съ позолоченными украшеніями и такими же застежками; на одной изъ нихъ написано: «сїкы поѧсъ манастыра житомисличѣа приложи хꙋ рабь...... и сиь мꙋ їѡаннь сарлєци.» Поясъ этотъ довольно тяжелъ.

Другихъ древнихъ предметовъ не имѣется въ монастырской ризницѣ, въ которой много прекрасныхъ утварей и облаченій, полученныхъ въ послѣднее время изъ Россіи.

Въ библіотекѣ монастыря сохранялось нѣсколько старинныхъ рукописей, изъ коихъ нѣкоторые листы въ самой обители, и на страницахъ коихъ встрѣчаются разныя замѣтки: *

1. Апостолъ, рукопись въ листъ, самая красивая изъ всѣхъ другихъ рукописей, и писана въ монастырѣ Житомысличѣ уставомъ съ разными при началѣ статей выньетками. На одномъ изъ первыхъ листовъ изображенъ красками, хорошо сохранившимися

* При передачѣ замѣтокъ мѣстами сохранено мною правописаніе подлинниковъ.

Св. Евангелистъ Лука сидящимъ на скалѣ со сверткомъ въ рукѣ и пишущимъ начало Апостольскихъ Дѣяній: «првоє оубо слово.» Надъ Евангелистомъ надпись: «с҃ты Лꙋка.» На первомъ листѣ за престоломъ написано: «сїа света и божеⷭ҇тавна глаголема апостолъ манастыра житомислиѣа храм благовѣщенїє прⷭ҇тыє влⷱ҇цє нашеє бц҃ѣ и присно дв҃и марие на реце перетве ҂зс҃мв (1733).» На послѣднемъ же листѣ надпись, изъ коей видно, что Апостолъ написанъ въ самомъ монастырѣ Житомысличѣ: «сїа книга божествены ап҃лъ саписасе при храму благовѣщенїа прⷭ҇тыє и пребл҃венїє вл҃дцє нашє бц҃є и прⷭ҇но дв҃ы марие въ манастырю зовому житомислиѣ и положе плату дїаконъ киръ петронїє и положе дїакъ киръ илїа Шокотичъ, даше цѣну сребра а҃в гроша и полъ. богъ и пресвѧтаѧ богородица мати да воздастъ имъ честь съ всѣми свѧтыми въ будущи вѣки. лѣто ҂зр҃кѕ» (7126—1618).

2. Минея за Сентябрь, прекрасная рукопись въ полъ листа, писанная полууставомъ, но неизвѣстнаго года. На послѣдней страницѣ надпись: «сы мѣсечникъ платно спахна кирь радивои сынь.... спахинь, зовомы храбрены, и приложи га храму благовѣщенїа пресветыѧ богородицы манастиру житомисличу на реце перетви при игумену кирь евфимию..... ҂зр҃мѕ» (7146—1638).

3. Минея за Мартъ, красивая рукопись, полууставъ въ листъ, не извѣстно, гдѣ написанная. Вмѣстѣ съ нею переплетено Правило Покрову Богородицы, потомъ Архидіакону Стефану, съ похвалой ему, написанной Іоанномъ Златоустомъ. Передъ началомъ Похвалы изображенъ Св. Іоаннъ Златоустъ, красками, въ ростъ, въ Архіерейскомъ облаченіи, держащимъ въ рукѣ свертокъ. На концѣ книги надпись: «сїю книжицу исписа азъ грѣшный и грѣхомъ братъ авакумъ одъ монастырѧ хопова и приложихъ ю светому манастырю житомисличу во храмъ пресветоє благовѣштенїє при частномъ отцу игумену и господину киръ константину їеромонаху, ва лѣто одъ бытїа ҂зр҃чи (7198), а отъ воплоштенїа сина божїа ҂ах҃ч (1690). у сараеву.»

4. Ефремъ Сиринъ, красивая рукопись, полууставъ, но не имѣется первыхъ и послѣднихъ листовъ, и не извѣстно, гдѣ писана. На первомъ листѣ, за переплетомъ, написано: «сїа свѧтаѧ и душеполезнаѧ книга, глаголемаѧ ефремъ, монастырѧ житомислича близь рѣци перетви, храмъ благовѣщенїа пресвѧтыѧ богородицы

и приснодѣвы марїи. въ лѣто бытїа ҂ζсмк (7242) отъ рождества христова ҂афм (1740) мѣсяца февраля кг.»

5. Апостолъ съ толкованіями, красивая рукопись, полууставъ, писанная на Аѳонской Горѣ, въ монастырѣ Хилендарѣ, какъ то видно изъ приписки въ концѣ книги: «сїа книга, глаголемаа апостолъ съ протлъкомъ писасе иже въ светои горѣ аѳона, въ келиџеи лаврѣ, глаголемои хиландаръ, при игумену киръ филимону, въ лѣто ҂ζрмѳ» (7149—1641).

6. Чудеса Богородицы. Совершенно теперь разорванная рукопись, писанная прекраснымъ мелкимъ полууставомъ, но только нѣтъ ни первыхъ, ни послѣднихъ, листовъ, а потому не возможно знать, гдѣ она написана.

7. Житіе Св. Іоанна Златоустаго, рукопись, полууставъ, безъ означенія мѣста и времени письма, но только на крайнемъ листѣ стоитъ: «лѣто ҂афнѕ (1756).» На томъ же листѣ написано: «октомврїа ке прїиде у мостаръ ћехаа (повѣренный) сопа салаиъ паше на џерну гору, и съ ньимъ краина сва, и даша конакъ мостарани на луџи (крайней части Мостара), и ту попеше чадоре (и раскинули тамъ шатры), а преда ниме данъ и другу ноћъ затворише баше мостарене шехеръ и не дадоше никоме одъ ћехайне ордїе у шехеръ улести (первые Мусульмане Мостара затворили городъ и не допускали никому изъ полка повѣреннаго войти въ городъ), ни џра купити, и ту ноћь udри вреМе (была гроза), мало не исгинуше и люди и кони, и кад би нѣнидїа (3 молитвы Мусульманскія въ теченіи дня, между полднемъ и заходомъ солнца) поћоше 4 алай бега (начальника полковъ) предъ чашїю (мечеть) шарнћа те запросише мостаране да отворе шехеръ, и тако имъ отворише, и отоленъ у ютру днижисе ордїа (отправились полки) у проклети благан (городъ), и ми дасмо конака 12000, пак у ютру поће у некесинску карошъ (городъ) Пазаръ.»

8. Откровеніе Св Іоанна, красивая рукопись, малый полууставъ, не извѣстно, гдѣ писано. Послѣ Откровенія слѣдуетъ Правило для монаховъ и о степеняхъ родства. По окончаніи Откровенія написано: «вь лѣто ҂ζркѳ (7129—1621) мца августа г днь съврьшихомь сеи книзе бытїе елико обретохомь вь нїеи пина къ дни нааелїа и власти сиреуь џрткїа султань ахмата. тогда ему подвигнвсе брань створити с лѣси и сь секерьнїею страною.»

9. Минея за Мартъ мѣсяцъ, рукопись, писанная полууста-

вомъ, красиваго письма, но безъ означенія мѣста писанія и имени писца. На одномъ изъ первыхъ листовъ написано: «откупи га їеромонахъ серафимь шолаа одь едного турчина, кадь е пороблѣнъ манастырь острогъ, омерь пашине године» (1853 г.)

Остальныя рукописи, число коихъ очень мало, почти всѣ разодраны, и я пока не могу ни чего сказать о нихъ, но въ послѣдствіи надѣюсь составить по возможности полное описаніе ихъ.

Архимандритъ Никифоръ Дучичъ, составившій описаніе монастыря въ 1861 году, насчитываетъ много рукописей, бывшихъ въ его время въ библіотекѣ обители, но, судя по незначительному числу ихъ въ настоящее время, трудно поручиться, что и теперь вполнѣ сохранились всѣ тѣ рукописи, о которыхъ упоминаетъ почтенный Архимандритъ; но одну изъ нихъ, «Цароставникъ,» писанный въ Сремѣ, въ монастырѣ Хоповѣ, ҂зрмв (7142—1634), не смотря на все мое стараніе и тщательное разысканіе, я ни какъ не могъ отыскать.

Такъ какъ съ рукописями обращались крайне небрежно и до сихъ поръ оставляли ихъ совершенно на волю мышей и сырости, то, можетъ быть, уже многія рукописи совершенно сгнили, или были изъѣдены, а другія, болѣе важныя, въ слѣдствіе недосмотра, сдѣлались украшеніемъ библіотеки людей, сколько ни будь понимавшихъ значеніе ихъ, и по тому ими и воспользовавшихся.

Старопечатныхъ книгъ, какъ Сербской, такъ и Русской, печати немного, и между ними слѣдующія замѣчательныя, какъ по своей старинѣ, такъ и особенно по замѣткамъ, на нихъ сдѣланнымъ:

1. Бесѣды Св. Іоанна Златоустаго на Дѣянія Апостольскія, печатанныя въ Кіевѣ ҂зрлв (1624 г.). На одномъ изъ листовъ этой книги находится собственноручная замѣтка Сербскаго Патріарха Арсенія IV: «вь лѣто господне ҂аѯли, мѣсеца марта ѳі. прїидохомь мы смиренїи долу именовани ва богомь соблюдаемїй манастирь житомислиѣь, при частномь игумене кирь арсенїѣ. тогда велика война бысть во италїи между цесаромь немецкимь карломь шестимь и между кралїемь францескимь. божїею милостїю архїепископь пекски и васемь србомь, словеномь, болгаромь и всего иллирика патрїархь смиренїй арсенїе четверти. марта кв. ҂аѯлд» (1734).

2. Октоихъ, напечатанный въ Москвѣ въ ҂зр҃ (7100—1592). На концѣ онаго надпись: «҂аѱ҃ое и то лѣто би на босни силистарь паша, и бїаше одъ нега врло зулумъ (притѣсненія) сиротини, и обеси на купресу з҃ луди све правие, и то лѣто обновише требински калуђери именомь їованичае и їосипь манастирь озрень храмь св. николаа, и му книгу приложи азь грѣшни хермонахъ симеонь предь своу душу да му е вѣчни спомень, богь да га прости. априла д҃ дань ҂аѱ҃оз.» На одномъ изъ другихъ листовъ той же книги собственноручная надпись Сербскаго Патріарха Арсенія IV: «да се зна, егда приходихь у манастирь гомионицу аз послѣдни приставникь стимие (?) патриархие србскїе пеки. арсенїе чтврти. въ лѣто господне ҂аѱ҃кз марта к҃е на благовѣштенїе пресветїе богородице. тогда случисе на лазареву суботу ҂зс҃лд (7234—1726). подписахъ своеручно арсенїе пекски.»

3. Камень вѣры, напечатанъ въ Кіевѣ въ 1730 году. На одномъ изъ крайнихъ листовъ написано: «҂ах҃пг (1683) оде султань мехмедь на бечь, избише га ҂ах҃пѕ. исте године узеше нѣмци будимь одь турака. ҂ах҃чз поробише нѣмци сараево. октомбра а҃г дан ҂аѱ҃аг разбисе турчинь на варадину и погибе везирь. исте године узеше нѣмци темишваръ. ҂аѱ҃аз узеше нѣмци одъ турака белиградъ. ҂аѱ҃ла августа г҃ узеше турци биноградь одь нѣмаца.» На другихъ же листахъ написано: «и҃ (8) фер. ҂аѡ҃кѳ (1829). побисе алиага стоуевиђъ, реуени ризванъ беговиђъ, и освои (завладѣлъ) расно, габелу и дубраве, упале у расну ѕ҃ (6) кућа (домовъ) и оћера животину (угналъ стада), и узе одь манастира житомислића гроша ҂гф҃пз (3587) бивши тада у манастиру игумань о. христофорь борковиђъ а клиса мелетие плавша и иларионь благайски парокъ. ово писа христофорь борковиђь.

4. Октоихъ перваго гласа, Сербской печати, напечатанный при Зетскомъ Воеводѣ, Георгіѣ Церноевичѣ, какъ то видно въ предисловіи книги: «повелѣнїем г҃на ми гюргѧ цьрноевикѧ азь х҃ѹ рабь с҃щенноинокь макарїе, рокуделисах сїе при всеѡс҃щенном митрополите зетском кѵръ вавѵле вь лѣто ҂за. крг с҃лнца а. лѹне ѳ҃.» Надъ предисловіемъ изображенъ двуглавый орелъ съ буквою б между головъ, съ г подъ правымъ крыломъ, и съ го надъ лѣвымъ крыломъ. Вѣроятно, этѣ быквы означаютъ: «благовѣрный господинъ георгїй.»

5. Тріодіонъ, напечатанъ «ѹ млетке» ҂афч (вѣроятно 1590), а далѣе: виценце де господинь божидара вѹковь ѡдь старца.»

6. Малый Требникъ, напечатанъ «вь блєцѣх» (Венеціи) съ обозначеніемъ года, но нѣтъ первыхъ и послѣднихъ листовъ.

Другія богослужебныя книги позднѣйшихъ временъ исключительно.

Монастырская библіотека богата какъ вещами богослужебными, привезенными Архимандритомъ Серафимомъ Перовичемъ изъ Россіи, такъ и многими Русскими книгами церковнаго и свѣтскаго содержанія, а равно и разными Сербскими книгами.

Монастырь окруженъ мѣстами низкой каменной стѣною, а мѣстами сами монастырскія строенія служатъ ему оградой. Келіи всѣ старинной постройки и съ крайне низкими дверьми и малыми окнами, и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ выстроенъ каменный трехъярусный домъ около монастырскихъ воротъ, въ которомъ и помѣщаются теперь монахи.

На восточной сторонѣ монастыря, за стѣною, находится кладбище, какъ для монаховъ, такъ и для простыхъ жителей, съ поросшимъ столѣтнимъ дубомъ по срединѣ, около котораго въ Троицынъ день устраивается на счетъ монастыря обѣдъ для всѣхъ приходящихъ къ тому дню многочисленныхъ богомольцевъ.

Монастырь имѣетъ собственныхъ поселянъ и большое пространство обработываемой земли, а также прекрасныя большія виноградники и много масляничныхъ деревьевъ, такъ что, по значительному для Герцеговинскихъ монастырей приходу, монастырь Житомысличъ считается самымъ богатымъ изъ всѣхъ здѣшнихъ монастырей.

Подобно другимъ обителямъ Герцеговины, монастырь Житомысличъ имѣетъ свои приходы, отъ чего въ монастырѣ рѣдко можно встрѣтить всѣхъ монаховъ, находящихся обыкновенно въ своихъ приходахъ, гдѣ исполняютъ обязанности приходскихъ Священниковъ и пріѣзжаютъ въ монастырь только временемъ. Въ послѣднее, впрочемъ, время монастырь отказался отдалече удаленныхъ приходовъ и удержалъ лишь тѣ, которые ближе къ обители.

Монастырь управляется Настоятелями, теперь Архимандритомъ, и состоитъ подъ надзоромъ нѣсколькихъ выборныхъ Христіанъ Мостара, которые получая ежегодно отъ Настоятеля отчеты о состояніи обители, должны представлять ихъ монастырской Православной общинѣ.

Митрополитъ, подобно тому какъ и въ другихъ монастыряхъ

Герцеговины, имѣя лишь власть надъ всѣмъ относящимся до части собственно церковной, не имѣетъ ни какого права вмѣшиваться во внутренности управленія монастырей и требовать отчета объ ихъ расходахъ и приходахъ.

При монастырѣ устроена школа, которую намѣрены были преобразовать въ Семинарію, для чего и былъ допущенъ сборъ въ Россіи; но такъ какъ для устройства Семинаріи въ полномъ смыслѣ слова собрано очень мало и не имѣется достаточныхъ средствъ, то при Житомыслицкой школѣ находится одинъ учитель, дающій самое первоначальное образованіе. Хотя вообще школа и не соотвѣтствуетъ вполнѣ своему назначенію, которое хотѣли придать ей, но все таки она можетъ считаться самымъ лучшимъ Православнымъ училищемъ Герцеговины.

Мостаръ.
20 Февраля, 1870 года.

Н. Иларіоновъ.

КРЕСТНЫЙ ХОДЪ НА ОСЛЯТИ,

который въ старину былъ отправляемъ въ Тобольскѣ въ Вербное Воскресенье.

Большой Московскій Соборъ, бывшій подъ предсѣдательствомъ трехъ Патріарховъ, Россійскаго Іоасафа II, Александрійскаго Паисія и Антіохійскаго Макарія, въ 1667 году, постановилъ возвести Тобольскую Епархію изъ Архіепископіи на степень Митрополіи, съ предоставленіемъ ей четвертаго мѣста въ ряду прочихъ 12 Россійскихъ Митрополій, послѣ Новгородской, Казанской и Астраханской. Согласно сему постановленію и по призыву Государя Царя Алексѣя Михайловича, чрезъ нарочно присланнаго въ Тобольскъ чиновника, Алексѣя Богданова, въ слѣдующемъ 1668 году шестой Тобольскій Архіерей, Архіепископъ Корнилій, отправился въ Москву, и тамъ 25 Мая, въ церкви Всемилостиваго Спаса, что на Царскихъ сѣняхъ, былъ посвященъ въ Митрополита [1] Патріархами Россійскимъ Іоасафомъ II и Александрійскимъ Паисіемъ. [2]

Съ возвышеніемъ Тобольской Епархіи на степень Митрополіи, были возвышены права и преимущества ея Архипастырей въ облаченіи. Такъ Преосвященный Корнилій, по однимъ свѣдѣніямъ, съ самаго посвященія въ Митрополита, [3] а по другимъ съ 1675 г. (въ слѣдствіе постановленій новаго Московскаго Собора объ облаченіяхъ лицъ высшей Іерархіи Россійской Церкви, [4] сталъ употреблять, внѣ богослуженія, вмѣсто чернаго клобука, бѣлый,

---

[1] Въ настоящее время производство Епископовъ и Архіепископовъ въ Митрополиты совершается единственно чрезъ возложеніе на производимаго бѣлаго клобука съ крестомъ на челѣ, но въ XVI—XVII столѣтіяхъ и началѣ XVIII, для того производства былъ особенный чинъ. См. Акт. Арх. Эксп. т. XIII, стр. 297—301. Ирк. Епарх. Вѣд. 1863 г. № 12, стр. 157.

[2] Ист. Іер. Рос. Ц. ч. 1, стр. 32. Ист. Рос. Ц. Митр. Платона ч. 2. стр. 214.

[3] Матеріалы для Ист. Хр. Пр. Сиб. Абрамова, стр. 18. Ист. Платона, ч. 2, стр. 214. Древн. Вивл. ч. 3, стр. 205. Ист. Росс. Церкви, Филарета 4, 152.

а при богослуженіи, вмѣсто митры безъ креста на верху, митру со крестомъ, и, вмѣсто многокрестной фелони, саккосъ со звонцами; [5] облачался на шестиступенномъ и при шести огненникахъ амвонѣ; въ путешествіи былъ предносимъ ему крестъ.

Но вотъ еще какую новость, съ возвышеніемъ Сибирской Епархіи на степень Митрополіи, увидѣли жители Тобольска: съ 1669 года, по Указу Царя Алексѣя Михайловича и по грамотѣ Патріарха Іоасафа II, Митрополитъ Корнилій, въ недѣлю Ваій, т.е., въ Вербное Воскресенье, въ память торжественнаго входа Господа Іисуса Христа на осляти въ Іерусалимъ, сталъ каждогодно отправлять крестный ходъ на осляти. Это дѣлалось обыкновенно такъ: утромъ въ Вербное Воскресенье, послѣ благовѣста, по сборѣ народа и прибытіи въ церковь главнаго Сибирскаго Воеводы и другихъ чиновъ, и по облаченіи Митрополита, сей послѣдній со всѣмъ духовенствомъ, пѣвчими, иконами и крестами, выходилъ изъ собора, а можетъ быть и изъ церкви Входа Господня въ Іерусалимъ, [6] и тамъ, на нарочно устроенномъ амвонѣ, освящалъ, по церковному чиноположенію, вербу, раздавалъ ее духовенству и почетнѣйшимъ изъ мірянъ, при громогласномъ чтеніи Протодіакономъ Евангелія (о торжественномъ входѣ Господа Іисуса Христа въ Іерусалимъ), и садился бокомъ на сторону на осля, т. е., на богато и особеннымъ образомъ убраннаго коня, и за тѣмъ отправлялся въ ходъ по улицамъ города.

---

[5] Россійскіе Архіепископы и Епископы стали служить въ саккосахъ только со времени уничтоженія Патріаршества въ Россіи и учрежденія Св. Синода. На перваго изъ Епископовъ, при посвященіи, саккосъ былъ возложенъ Ѳеофана Прокоповича. Словарь писателей духовнаго чина, ч. 2, стр. 298.

[6] Церковь Входа Господня въ Іерусалимъ была на горѣ и, кажется, не въ далекѣ отъ Архіерейскаго дома и Никольской церкви. Она сгорѣла въ 1701 году. См. мое Описаніе Тобольскаго Софійскаго собора, стр. 12.

[7] Въ Тобольскихъ лѣтописяхъ не упоминается, по которой части города совершался ходъ на осляти. Впрочемъ, вѣроятно, что только по одной нагорной. Старцу Митрополиту, во все не привыкшему къ верховой ѣздѣ, или уже давно отвыкшему отъ нея, спускаться и опять подниматься по такимъ крутымъ и малоудобнымъ взвозамъ, каковы, особенно въ прежнее время, были въ Тобольскѣ, при томъ весной, во время таянья, было не только неблаголѣпно и неудобно, но и опасно, не смотря на всѣ поддержки со стороны и предосторожности окружавшихъ его. Да и сколько бы для хода по подгорной части города потребовалось времени? Когда бы стали служить литургію?

Во все время хода коня подъ Митрополитомъ водилъ во всемъ парадномъ своемъ платьѣ, первый Тобольскій Воевода, [8] а самъ онъ осѣнялъ народъ крестомъ, держимымъ въ правой рукѣ, а лѣвою поддерживалъ Евангеліе, лежавшее у него на колѣнахъ; пѣвчіе, Діяконы и Поддіяконы и причетники при этомъ пѣли Евангельскіе стихи, при пѣніи которыхъ встрѣчали Іудеи Господа Іисуса, т. е.: «Осанна! Благословенъ грядый во имя Господне», и пр. Объѣхавши городъ, Митрополитъ, со всѣмъ ходомъ и народомъ, возвращался въ соборъ, или въ ту церковь, въ которой было предположено служить тамъ во время Часовъ, гдѣ онъ переоблачался и наконецъ совершалъ Литургію. Чтобы сколько можно лучше уяснить для читателей сказанное доселѣ о совершеніи въ Тобольскѣ крестнаго хода въ Вербное Воскресенье, и чтобы представить его для нихъ, такъ сказать, наглядным образомъ, сообщаю здѣсь описаніе того же крестнаго хода, какъ онъ совершенъ былъ Патріархомъ Іоакимомъ въ Москвѣ въ 1675 году. [9] Существенной разницы между отправленіемъ его (хода на осляти) въ Тобольскѣ и отправленіемъ въ Москвѣ не могло быть, кромѣ той, что въ Тобольскѣ, подобно какъ и во всякомъ другомъ Епархіальномъ городѣ, лицо Іисуса Христа, или что то же благодатное Царство Христово, представлялъ, вмѣсто Патріарха, Митрополитъ, ѣздившій на конѣ, Іудейскую превратность, [10] вмѣсто Царя, изображалъ Воевода, водивній подъ нимъ коня. Вѣдь, всѣ церковные обряды и всѣ священныя церемоніи обыкновенно отправлялись и отправляются во всей Россіи по однимъ и тѣмъ же книгамъ.

---

[8] Въ 1669 г. подъ Митрополитомъ Корнилiемъ водилъ коня Стольникъ Государевъ, Петръ Ивановичъ Годуновъ, въ 1670 г. водилъ коня Воевода Андрей Павловичъ Акинѳовъ, въ 1671 и 72 годахъ водилъ Бояринъ Князь Иванъ Борисовичъ Рѣпнинъ, въ 1673, 1674 и 1675 годахъ Бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, въ 1676 г. Стольникъ Иванъ Ѳедоровичъ Пушкинъ, а въ 1677 г. Бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ (Изъ рукоп. Записной книги о Сибири и о событіяхъ ея, хранившейся при Тобольскомъ Соборѣ).

[9] Это описаніе хода на осляти заимствуется изъ Москвитянина на 1853 годъ № 8; но въ Исторіи Россійскаго Государства Карамзина, есть другое, древнѣйшее того, описаніе и нѣсколько отъ него отличное.

[10] Такое объясненіе хода на осляти можно видѣть въ Церковной Исторіи Иннокентія т. 2, вѣкъ XVII, отд. IV, стр. 511, изд. 6.

«Въ 1675 году, въ недѣлю Ваій, къ Литургіи Патріахъ Іоакимъ и Царь Алексѣй Михайловичъ первоначально прибыли въ Соборъ; Патріахъ облачался въ Соборѣ въ малое облаченіе а т. е., только въ мантію, епитрахиль, поручи, омофоръ и митру. Изъ Собора съ иконами и съ пѣніемъ Патріархъ и Государь пошли къ празднику, т. е., въ церковь Входа Господня въ Іерусалимъ. Оттуда, по облаченіи Царя въ полный Царскій санъ, а Патріарха въ полное Святительское (жемчужное) облаченіе и большую митру, оба они вышли на Лобное мѣсто, гдѣ Патріархъ подалъ Государю, Архіереямъ, Боярамъ, Окольничимъ, Думнымъ Людямъ, Чернымъ Властямъ (Архимандритамъ, Игуменамъ и вообще монашествующимъ) и Протопопамъ, ваія и вербы, а за тѣмъ, по благословенію Патріарха, Митрополиты, сошедши съ Лобнаго мѣста, раздавали вербу Стольникамъ, Стряпчимъ, Дьякамъ, гостямъ (купцамъ) и народу. По раздачѣ вербы, Протодьяконъ началъ читать Евангеліе отъ Марка, зач. 49 (гл. XI, ст. 1): «Во время оно: приближися Іисусъ во Іерусалимъ, и пріиде въ Виѳсагію и Виѳанію, къ горѣ Елеонстѣй, посла два отъ ученикъ своихъ,» и проч. Рѣчь эту Протодьяконъ прочелъ трижды, во время чего Протопопъ и Ключарь пришли къ Патріарху; и лишь Протодьяконъ прочелъ: «и глагола имъ, какъ Патріархъ послалъ Протопопа и Ключаря по осля, сказавши имъ на изусть (а если не зналъ, то говорилъ по столбцу): «Идита въ весь, яже есть прямо вама; и абіе входяща въ ню, обращета жребя привязано, на неже ни кто же отъ человѣкъ всѣде: отрѣшша е, приведита. И аще кто вама речетъ: «Что творита сіе! рцыта, яко Господь требуеть е» (Марка XI, 2 и 3). Тѣ, принявъ благословеніе, пошли, а Протодьяконъ читалъ: «и абіе послеть е сѣмо. Идоста же и обрѣтоста жребя привязано при дверехъ внѣ на распутіи, и отрѣшиста е. И нѣцыи отъ стоящихъ ту глаголаху има: «Что дѣета, отрѣшающа жребя?» Она же рѣста имъ, яко же заповѣда има Іисусъ: и оставиша я. И приведоста жребя ко Іисусови» (Марка XI, 3—7). Эту рѣчь читалъ, т. е., повторялъ онъ, доколѣ не привели осля; когда же привели, то онъ продолжалъ: возложиша на ризы своя (читалъ это, доколѣ не убрали осля), при чемъ Патріаршіе Приказные покрывали осля сукнами и коврами по чину (по положенію). По упряжи осляти, Протодьяконъ сказалъ: «и всѣде на не» (ст. 7), а Патріархъ, принявъ крестъ и благосло-

вивъ Государя (на веденіе осляти), сѣлъ на осля (доколѣ садился, Протодьяконъ читалъ: «Мнози же ризы своя постилаша по пути, друзіи же ваіа рѣзаху отъ древія и постилаху (бросали) по пути. И предходящіи и въ слѣдъ грядущіи вопіяху, глаголюще» (ст. 8 и 9), и лишь выговорилъ: «вопіяху глаголюще,» иподіяконы, шедшіе впереди Патріарха, запѣли: «Осанна, благословенъ грядый во имя Господне»,' и пр. (ст. 9), и, пропѣвъ, оборотились и поклонились Патріарху въ поясъ, а онъ ихъ осѣнилъ крестомъ. За тѣмъ пѣвчіе, шедшіе позади Патріарха, пѣли на двѣ половины поперемѣнно Евангельскіе стихи и, пропѣвъ также поклонились. За пѣвчими шли Архіереи и прочее духовенство, всякъ на своемъ мѣстѣ. Во все время шествія Патріархъ осѣнялъ крестомъ, держимымъ въ правой рукѣ, а лѣвою на колѣнахъ держалъ Св. Евангеліе. На Спасскомъ мосту стояло шесть вербъ: при каждой было по два Патріаршихъ причетника, которые и пѣли Евангельскіе стихи, доколѣ не проѣхалъ Патріархъ. Подъѣхавъ къ дверямъ церковнымъ, Патріархъ слѣзъ съ осля, благословилъ Царя и осѣнилъ тѣмъ же крестомъ и руками Царицу и весь домъ Царскій, бывшій тогда въ Грановитой палатѣ, и весь народъ. По входѣ въ церковь, Протодьяконъ уже на амвонѣ дочитывалъ Евангеліе: «и вшедшу ему во Іерусалимъ, потрясеся весь градъ, глаголя: «Кто есть сей?» и пр. (Матѳ. зач. 83, гл. XXI, ст. 10—17) конецъ: «и водворися ту»). За тѣмъ начались Часы, и Патріархъ, перемѣнивъ облаченіе, служилъ Литургію. Такъ ходъ на осляти въ недѣлю Ваій или Цвѣтоносную совершался въ Москвѣ Патріархомъ и Царемъ; такъ, повторю, безъ сомнѣнія, онъ совершаемъ былъ и въ Тобольскѣ Митрополитомъ съ Воеводами.

Впрочемъ, эта духовная церемонія совершалась въ Тобольскѣ недолго, всего только 9 лѣтъ: въ первый разъ она совершена была въ 1669 году, а въ послѣдній въ 1677 году. [11] Почесть, какая оказываема была въ недѣлю Ваій Царемъ и Воеводами Іерархамъ Россійскимъ, собственно относилась къ божественному лицу Христа Спасителя, какъ справедливо говоритъ въ своей «Краткой Церковной Россійской Исторіи» (ч. 2, стр. 222), Митрополитъ Платонъ; такъ на нее смотрѣли, по благочестію тѣхъ временъ, самъ Царь и лучшіе

[11] Выше названная Записная книга о Сибири. Геогр. Словарь Щекатова, часть 6, стр. 261.

Воеводы; но нѣкоторые, какъ замѣчаетъ тотъ же писатель, собла знялись тою почестью, смотрѣли на нее, съ одной стороны, какъ на униженіе Царя и вельможъ, и вообще свѣтской власти предъ духовною, а съ другой, какъ на несправедливое возвышеніе, во мнѣніи народа, Архіереевъ и вообще власти духовной. По этому, для отвращенія соблазна, Соборъ, бывшій въ Мартѣ 1678 года, подъ предсѣдательствомъ Патріарха Іоакима, постановилъ ходъ на осляти въ недѣлю Ваій оставить безъ измѣненія только въ Москвѣ, [12] какъ издревле тамъ отправлявшійся, а во всѣхъ прочихъ (Епархіальныхъ) городахъ воспретить; если же гдѣ народъ привыкъ къ нему и будетъ требовать отправленія его, то дозволялось Епархіальнымъ Преосвященнымъ въ Вербное Воскресенье предъ Литургіею выходить съ духовенствомъ на устроенный на площади амвонъ, и тамъ, предъ иконою Входа Господня въ Іерусалимъ, освящать, по церковному чинополоэженію, вербу и раздавать ее духовенству и народу, ходить съ тою иконою, при пѣніи праздничныхъ стихиръ, по городу, а по обходѣ возвращаться во храмъ, и тамъ совершать Литургію. [13] Совершалась ли въ Тобольскѣ церковная процесія недѣли Ваій въ этомъ послѣднемъ видѣ, это не извѣстно. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что не совершалась: жителямъ Тобольска, по недолгому отправленію на глазахъ ихъ хода на осляти, пристраститься къ нему некогда было; да и Митрополитъ Корнилій, который одинъ только отправлялъ въ Тобольскѣ эту церемонію, въ концѣ Декабря, 1677 года, скончался, а преемникъ его, Митрополитъ Павелъ I, болѣе года не пріѣзжалъ, до 25 Марта, 1679 года. Къ тому же этотъ послѣдній Архипастырь самъ лично, въ санѣ Чудовскаго Архимандрита, засѣдалъ на Соборѣ, воспретившемъ ходъ на осляти по Епархіальнымъ городамъ; по тому невѣроятно, чтобы онъ захотѣлъ совершать, если не вовсе воспрещенную, то только полудозволенную, при томъ въ ослабленномъ, измѣненномъ, видѣ, церемонію.

Протоіерей Александръ Сулоцкій.

27 Ноября. 1869 года. Омскъ.

---

[12] Впрочемъ, и въ Москвѣ онъ оставленъ по смерти послѣдняго Патріарха (Адріана).

[13] Древн. Вивл. ч. 6, стр. 357. Акт. Арх. Экси. т. 4, стр. 309. Церк. Россійск. Ист., Платона, ч. 2, стр. 222. Церк. Ист., Иннокентія, ч. 2, стр. 511.

ДѢЛО

ГАДЯЦКАГО ПОЛКОВНИКА, МИХАЙЛА МИЛОРАДОВИЧА,

СЪ

ГЕНЕРАЛЬНЫМЪ СУДЬЕЮ ЧЕРНЫШОМЪ, 1716 ГОДА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Дѣло это писано на двухъ листахъ почеркомъ своего времени, уже чрезвычайно ветхихъ, отъ чего коегдѣ недостаетъ по нѣскольку словъ, особливо въ концѣ строки. Но почеркъ очень четокъ, хотя письмо вовсе не Церковно-Славянское, не смотря на то, что тамъ и сямъ встрѣчаются еще ѡ, ѿ и ѳ, а ударенія всюду выставлены надъ словами. Съ одной стороны писана жалоба, и то покрупнѣе, а съ другой, насупротивъ, помелче примѣчанія на нее, конечно, въ Канцеляріи Графа Головкина, коему была принесена. Дѣло это свидѣтельствуетъ, съ какими, однако, препятствіями должны были иногда бороться насылаемые Царскимъ Величествомъ люди на уряды Козацкіе. Извѣстно, что Михайло Ильичъ Милорадовичъ (въ Дѣлѣ, впрочемъ, всюду Милородо́вичь), приглашенъ былъ, черезъ Графа Головкина, въ 1711 году, въ службу, вѣроятно, при посредствѣ и по указанію, служившаго уже у насъ, извѣстнаго Серба изъ Герцеговины (родомъ изъ Попова), Саввы Владиславлевича, въ послѣдствіи Графа Рагузинскаго (по мѣсту выселенія отца его въ Рагузу или Дубровникъ) и, кромѣ прочихъ услугъ Петру I-му, бывшаго также съ нимъ въ походѣ Прутскомъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Владиславлевичъ и Милорадовичъ были оба земляка по происхожденію, именно изъ Герцеговины (а не изъ Босны), гдѣ предки послѣдняго построили славный монастырь въ селѣ Житомысличѣ (въ 4-хъ часахъ отъ главнаго города Герцеговины, Мостара, и въ 5-ти отъ Австрійской границы, въ мѣстности «Дубравы,» близъ

большой дороги), и гдѣ и теперь еще потомки ихъ проживаютъ, хотя уже подъ другимъ именемъ, именно: Лоличи, Кузмани и Опiячи (около самаго монастыря) и въ «Дубравахъ», въ селѣ Црнчи; но всѣ они давно Мусульмане, и по тому удержали за собою свои земли. Всѣ они, однако, производятъ себя отъ Храбреновичей, точно такъ, какъ и потомки, происшедшіе отъ Михайла Ильича и его братьевъ, утверждаютъ, что они ведутъ родъ свой отъ тѣхъ же Храбреновичей, которые, въ свою очередъ, произошли отъ Охмутевичей, игравшихъ въ свое время въ исторіи Герцеговинской весьма важную роль. Тамошніе потомки Милорадовичей утверждаютъ, что было три брата: Радое, Любисавъ (Любославъ) и Милисавъ (Милославъ), построившіе по церкви, первый въ селѣ Требинѣ, близъ Житомыслича, другой въ селѣ Ошеничахъ, близъ города Столца (за «Дубравами,» на р. Бреговѣ), и третій въ Житомысличѣ. Послѣдній (Милисавъ), исходатайствовавъ Султанскій фирманъ для своей церкви и паданныхъ ей угодій, удалился въ Россію, по словамъ же другой молвы народной, онъ умеръ, по возвращеніи изъ Царьграда, и погребенъ около своей обители, построенной въ началѣ XVI-го столѣтія (на правой сторонѣ паперти). Точно такъ извѣстно, что и Михайло Ильичъ Милорадовичъ, сначала прибылъ къ намъ одинъ, а потомъ за нимъ пріѣхали и два родные брата его, Гавріилъ и Александръ. Отъ нихъ-то наши Милорадовичи происходятъ. Въ родословной ихъ въ головѣ всѣхъ стоитъ Родіонъ: не Радое ли, нынѣшнихъ Герцеговинскихъ потомковъ Милорадовичей родоначальникъ? Въ послѣдствіи выѣхали къ намъ и другіе Милорадовичи, тоже изъ той же Герцеговины и отъ тѣхъ же Охмутовичей ведущіе родъ свой, и при томъ именно изъ мѣстности «Дубравы», между Мостаромъ и Столцомъ. Сперва они утвердились было въ Австрійскихъ владѣніяхъ, гдѣ одинъ изъ нихъ, Іеронимъ Милорадовичъ, получилъ отъ Императрицы Маріи Терезіи, въ 1757 г., грамоту на Дворянство. При Елисаветѣ Генералъ-Аншефъ Броунъ пригласилъ изъ Цесарской службы въ Русскую тоже одного изъ Милорадовичей. Отъ сихъ послѣднихъ есть у насъ также потомки Милорадовичи и въ нынѣшнее время. См. обо всемъ этомъ: «Біографическіе очерки замѣчательныхъ Милорадовичей, соч. Григорія Александровича Милорадовича. Черниговъ, 1857,» и статью: «Православный монастырь Житомысличъ въ Герцеговинѣ,» въ «Чтеніяхъ въ

Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.» 1870 г., кн. 3, отд. V, стр. 1).

Михайло Ильичъ Милорадовичъ, вмѣстѣ съ Капитаномъ Иваномъ Лукачевичемъ изъ Подгорицы (въ прежней Зетѣ, на рѣкѣ Морачѣ, пониже впаденія въ нее р. Зеты съ права и при самомъ впаденіи Рыбницы съ лѣва, въ нынѣшней верхней Албаніи), проникли въ Черногорію съ грамотой Царя Петра I-го къ Черногорцамъ, отъ 3-го Марта, 1711 года, изъ Москвы, въ коей, между прочимъ, объявлялось, что «противу непріятеля бусурмана съ воинствомъ и сильнымъ оружіемъ въ средину владѣтельства его входимъ, утѣсненныхъ Православныхъ Христіанъ, аще Богъ допуститъ, отъ поганскаго его ига освобождать..... самоперсонно выступаемъ... того для, въ нынѣшнее отъ Бога посланное время, пристойно есть вамъ, подражая своихъ предковъ, древния свои славы возобновити, союзився съ нашими силами и единокупно на непріятеля вооружився, воевать за Вѣру и отечество, за честь и славу, за свободу и вольность вашу и наслѣдниковъ вашихъ.... и тако, аще будемъ единокупно кійждо по своей возможности трудитися и за Вѣру воевати, то имя Христово вящше прославится, а поганина Магомета наслѣдницы будутъ прогнаны въ старое ихъ отечество, въ пески и степи Аравійския.» Въ народной пѣснѣ тоже сохранилась память у Черногорцевъ объ этомъ посольствѣ:

«Какъ Русія съ Турцимъ ратоваше,
Петаръ Првый, Императоръ Рускій,
Оправіо посланника свога,
Михаила Милорадовитя,
Одъ старине изъ Герцеговине,
Да понесе Црной Горы книге,
Петровитю Данилу Владици
И Главаромъ одъ Горице Црне.»

Далѣе поется, какъ надоумилъ на это его Савва Владиславлевичъ:

«Веть ми каже вѣрна слуга моя,
Вѣрный Саво Владиславѣвитю,
Одъ Попова изъ Ерцеговине,
Да вы, славны Црногорци, вольни,
Съ Турци мира нигда не имате,
И да мене помоти можете....
Вы сте съ Русма и еднога рода,

Єдне вѣре, єдиога єзика,
Вѣть сродніи бытъ не ймамо куда;
Кадъ ко Руси, єсте и юнаци.
Но скочите кано витезови,
Покликните како соколови,
Подигните окружна Христяне,
Све юнаке на старе назике (образцы),
Пакъ на Турску землю навалите,
Разорайте штогодеръ стигнете,
Осваяйте што выше можете,
У Стамбола да се састанемо,
У Стамбола, оли у Едрену (Адріанополѣ) ..»

Владыка Черногорскій тотчасъ разослалъ приглашеніе

« . . . . . на све (всѣ) стране,
У сву Босну и Ерцеговину,
У сва Берда (горы) и у Зету плодну...
А главари войску подигнули,
И на Турску землю ударили:
Опаліше села и вароше (города),
Око Бѣла Оногошти града,
Око Спужа, око Подгорице
И около града Жаблячкога;
Затворіше у градове Турке,
А Христяне себе присвоіше.»

Упоминаемыя сдѣсь крѣпости лежатъ по близости Черногоріи, именно: Оногоштъ градъ у Никшичей, со стороны Герцеговины, на сѣверъ отъ Черной Горы, а прочіе подъ нею, на югѣ, со стороны нынѣшней Албаніи, именно: Спужъ на Зетѣ, при самомъ выходѣ ея изъ Черногоріи, на лѣвомъ берегу, противъ племени Мартыничей, а прочіе два на Морачѣ, т. е., Жаблякъ, при впаденіи ея въ Скадарское озеро. Впрочемъ, это воеванье недолго продолжалась:

«Н'ако само (только) мѣсецъ и полъ дана,
Него (но) се є брзо обратило
На Сербальску жалость и несрету (несчастье),
Сербо (ибо) худи гласи допадоше,
Да се Петре съ Турцимъ умирі ,
Не по волй, него по неволй,
Што га бѣху Турци опколѣли
Бишу Прута, студене ріеке,
Теръ (и) му помоть доти не могаше,
Ни остало, што є войсци нужно.»

Такой оборотъ воинскаго счастья сильно поразилъ Черногорцевъ:

«Уплакасе мало и велико,
Свакъ (всякъ) жаляше Хриштянскога Цара;
Михайло поде у Русію,
А остави у ратъ Црногорце.»

Дѣйствительно, Султанъ черезъ годъ же послалъ на Черную Гору своего Сераскара съ сильнымъ войскомъ, но тотъ былъ на голову побитъ; это не остановило его: въ 1714 г. отправилъ онъ, съ 120 т., знаменитаго Везиря, Куприли-Пашу, который разорилъ и сжегъ все въ Черногоріи, изъ коей, черезъ Албанію, прошелъ въ Морію (Морею) и отнялъ ее у Венеціянъ. Это бѣдствіе побудило Черногорскаго Владыку, Даніила, лично пуститься въ Россію за вспоможеніемъ, которое и получилъ онъ въ половинѣ 1715 года, какъ свѣдѣтельствуютъ то двѣ грамоты: одна Черной Горѣ, а другая Цетинскому монастырю ея, отъ 9-го Іюля, въ Петербургѣ. Въ обѣихъ ихъ упоминается о возстаніи ихъ противъ Турокъ въ 1741 году по приглашенію черезъ Милорадовича и Лукачевича, и за вспоможеніе въ войнѣ жалуется 10 т. рублей, «на вспоможеніе разореннымъ людемъ 5 т. и на созиданіе церквей и монастырей 5 же т.,» обѣщая, «по о свобожденіи отъ претяжкихъ воинскихъ иждивеній, не оставити Царскою милостію, вяще наградати.» Въ грамотѣ же Цетинскому монастырю сказано еще, что «соизволяемъ изъ монастыря Цетинскаго въ предыдущія времена присыланнымъ пріѣзжать въ Государство наше, а имянно къ Москвѣ и ко двору нашему въ Санктпетербургъ, въ третей годъ по милостыню, и въ пріѣздѣ ихъ быть по два и по три монаха, да по два жъ, или по три, человѣка изъ бѣльцовъ, съ которыми посылать въ тотъ монастырь въ такой указной годъ по пяти сотъ рублевъ.» Эта Русская милостыня съ тѣхъ поръ, время отъ времени, увеличивалась, и въ послѣдніе годы дошла до весьма почтенной цифры, въ видѣ пособія или «призрѣнія и жалованія къ народу Монтенегрійскому;» за то и народъ этотъ никогда не отступалъ «отъ Русіи и Православнога Цара,» но всегда спѣшилъ наступать на Турчина во всѣхъ нашихъ съ нимъ войнахъ.

Милорадовичъ, отходя изъ Черногоріи, тоже оставилъ Черногорцамъ грамоту отъ своего имени, которая «писасе на збору Црьно-

горскому, на Цетинѣ, Априла 16, 1712,» и подъ коей подписался такъ: «Благочастиваго Цара Петра Велики Полковникъ и Кавалиаръ Михаилъ Милорадовичъ.» Въ ней онъ «допуштава имъ (Черногорцамъ) сваку слободу, да су своєвластни, да не маю надъ собомъ Господара, токмо Цара, а другу меншу Господу и Официре да имаю отъ своихъ племенахъ и отъ своего отечества, а отъ друге землѣ и отъ другога племена да не ма никада медю нима Войводе, ни Кнеза, ни Капитана, ни никаквога старієга, токмо Цара по Царскому закону и суда, а по духовному Митрополита, како смо ихъ тако и нашли,» и проч. Разумѣется, давая такія обѣщанія слободъ Черногорцамъ, Милорадовичъ хотѣлъ тѣмъ только, сколько то было въ его власти, утѣшить ихъ въ неожиданномъ оборотѣ вещей къ худшему, какъ сказано выше:

«Михайло поде у Русію,
А остави у рать Црногорце.»

Услуга Черногорцевъ въ Петровъ походъ была велика: они своимъ движеніемъ удержали на мѣстѣ Албанскія, Герцеговинскія и Боснійскія, войска, которыя по тому не могли явиться съ прочими у Прута, и тѣмъ еще въ худшее поставить положеніе Русскаго Государя; а этѣ войска считаются самыми лучшими между Турецкими полчищами. Это выставлено на видъ именно въ грамотѣ Петра Милорадовичу 1718 года: «Принявъ отъ Насъ, Великаго Государя, чинъ Полковничества, ѣздилъ къ Монтенегринскимъ и къ другимъ тамошнимъ народамъ нашея благочестивыя Вѣры, тако жь и Римскаго закона, возбуждалъ и поощрялъ тотъ народъ къ принятію оружія противъ Турокъ, и такимъ своимъ вѣрнымъ и ревностнымъ стараніемъ привелъ въ дѣйствительную съ ними Турки войну многое число тѣхъ народовъ, и, имѣя, подъ командою своею, знатные надъ Турки военные поиски учинилъ, и тѣмъ отъ большаго наступленія на наши, Царскаго Величества и Малой Россіи, Турокъ и Татаръ удержалъ.» По возвращеніи же въ Россію, Великій Полковникъ получилъ деньгами 500 червонныхъ, портретъ Государя на Андреевской лентѣ, помѣстья въ Малороссіи и пожалованъ въ Гадяцкіе Полковники въ 1815 году: награды большія, но не необычайныя, по тому что Савва Владиславлевичъ тоже, еще до участія своего въ Прутскомъ походѣ, получилъ, въ 1710 годѣ, три села (Топаль, Вишеньку

и Парахвіевку), принадлежавшія Ломиковскому, родственнику Мазепы. Въ упомянутой сейчасъ грамотѣ сказано, что Милорадовичъ, «не могши уже паки туда (въ отечество свое) возвратиться, билъ челомъ Намъ, Великому Государю, и всепокорственно просилъ, дабы ему опредѣлить чинъ по заслугамъ его, въ нашихъ Малороссійскихъ городахъ, по которому его прошенію, прошедшаго 1715 году, Іюля 10 дня, повелѣли Мы, Великій Государь, ему, Михайлу, за оные его Намъ, Великому Государю, вѣрные дѣйствительные оказанные службы, быть Нашего Царскаго Величества Войска Запорожскаго въ Гадяцкомъ полку Полковникомъ, на мѣсто бывшаго тамо Полковника, который нынѣ Генеральнымъ Судьею, Ивана Черныша, и о томъ тогда Наша, Царскаго Величества, грамота къ подданному нашему, Войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра Гетьману, Ивану Ильичу Скоропадскому, послана.»

Гадяцкій полкъ, какъ видно изъ исторіи Малороссіи, считался принадлежностью Гетманской булавы; въ немъ находилась Козачья артиллерія. Только двѣ сотни его состояли въ управленіи Полковника, и какъ до того времени, такъ и въ эту пору, ими распоряжались, а съ уполномоченія Гетьмана, и прочими, ближніе родственники его, Полковники: Михайло Боруховичъ и Иванъ Чернышъ. Первый былъ, по замѣчанію Ясаула Бутовича (см конецъ этого Дѣла), племянникъ, а другой зять Гетьманской, или родной своякъ (по словамъ Ѳедора Протасьева, о чемъ см. ниже), а по тому, по его словамъ, онъ, Милорадовичъ, не можетъ тѣхъ правъ имѣть, какъ прежніе Полковники имѣли.» Боруховичъ участвовалъ въ поискѣ 1692 г. противу Петрика, любимца Гетьмана и родственника Искры, вторгнувшагося было въ Малороссію съ Татарами, данными Крымскимъ Ханомъ, и провозглашавшаго себя Гетьманомъ, надѣясь достичь булавы при неудовольствіи народа на Мазепу за чрезмѣрныя строгости и притѣсненія. Въ 1695 г. онъ былъ отправленъ въ Москву, вмѣстѣ съ Мировичемъ (Полковникомъ Переяславскимъ) и Мокіевскимъ (Кіевскимъ) съ плѣнниками, взятыми Козачьимъ войскомъ, соединеннымъ съ Царскимъ, подъ начальствомъ Бориса Петровича Шереметева, дѣйствовавшими по Днѣпру, во время похода самаго Петра къ Азову, и возвратился съ богатыми подарками. Во время вступленія Карла XII-го въ Польшу, Боруховичъ былъ посланъ съ 7 тысячами на соеди-

неніе съ Княземъ Репнинымъ. За тѣмъ ходилъ съ Лизогубомъ (Полковникомъ Черниговскимъ) и Танскимъ въ Снижъ, гдѣ разсѣяли они отрядъ тамошняго Воеводы, приверженнаго къ Лещинскому, и самаго его Воеводу убили. Онъ же подписался и подъ статьями при избраніи Мазепы въ Гетьманы, Іюля 25, 1785 г.

Чернышъ же, столько непріязненный Милорадовичу, опирался, конечно, во враждѣ своей къ нему на свойство свое съ Гетьманомъ. Онъ писалъ въ прошеніяхъ, Государю поданныхъ 1718 года, Февраля 12, и Мая 14-го, о подтвержденіи Универсаловъ Гетьманскихъ на разныя имѣнія, что и сдѣлано грамотою, данною въ С.-Петербургѣ Іюля 2-го дня (впрочемъ, сомнительною, такъ какъ въ ней сказано, что она дана «государствованія нашего 13-го году,» вм. 36, * что «за службы дѣда и отца его во время Чигиринской баталіи, и его отъ малыхъ лѣтъ, что онъ былъ при взятіи Кизикирмена и Тавана, тако жъ, по Царскаго Величества Указу, посыланъ былъ къ Султану Турецкому въ Царьгородъ, и оттуда привезъ постановленные тогда мирные договоры, былъ подъ Нарвою и подъ Ригою при войскахъ Малороссійскихъ, также на Калишской, а особливо на Полтавской, баталіяхъ съ полкомъ Гадяцкимъ его команды,» получилъ въ награду разныя наданія. Изъ этой же грамоты видно, что онъ, 15 лѣтъ тому назадъ (отъ 1718), т. е., въ 1701 году былъ Канцеляристомъ Войсковымъ, а изъ Дѣла Кочубея и Искры съ Гетьманомъ Мазепой знаемъ, что Искра, въ первомъ же допросѣ, 19-го Апрѣля, 1708 г., показалъ, что Канцелярист Иванъ Чернышъ также знаетъ про невѣрность Гетьмана, и охотно поѣхалъ бы къ Государю, если бы былъ предваренъ объ отъѣздѣ Кочубея и Искры. А Петръ Яценко, своякъ Попа Святайла (духовника Кочубеева и Искрина), ѣздившій, по предложенію Святайла, отъ Ко-

---

* Она имѣется у меня въ спискѣ, въ которомъ на концѣ сказано: «1780 году, Октября 8 дня, въ Судъ Земскій Повѣта Зенковскаго, такова подлинная грамота, представленная отъ Господина Войсковаго Товарища Василя Чернина для надобности Господина Надворнаго Совѣтника Григорія Григоріевича Фридрикевича, съ его копіею свидѣтельствована въ ономъ Судѣ Земскомъ, и что копія съ оригинальною есть въ точности, о томъ, въ силу права Роздѣла 4-го артикула 12-го, справилъ при печатѣхъ Судьей, Предводителя Шляхетства полковъ Миргородского и Гадяцкого Судьи Земского Федора Войны и Подсудка Ивана Ставѣцкого, Писарь Земскій Михайло Лишинъ.»

чубея съ доносомъ въ Москву, писаннымъ имъ же, Яценкомъ, на допросѣ тоже показалъ, что Чернышъ присылалъ слугу его къ Полтавскому Протопону, Тимоѳею, съ запиской, въ которой стояло: «что присланный станетъ объявлять, тому онъ, Протопонъ, долженъ вѣрить и донесть, куда надлежитъ, и что Царскій Указъ крайне поруганъ и осмѣянъ Гетьманомъ.» Чернышъ и Миргородскій Полковникъ Апостолъ были за это приговорены Судьями къ выдачѣ Гетьману, чтобы онъ поступилъ съ ними, какъ самъ знаетъ, но тотъ перваго простилъ, а втораго еще оправдалъ передъ Государемъ (объ этомъ см. грамоты Петра къ Гетьману отъ 20-го и 23 Августа, 1708 г.). Въ упомянутой же выше грамотѣ сказано, что «въ 1709 году, Марта 2-го дня, за понесенныя во время разоренія Батуринскаго въ добрахъ его, около Бутурина обрѣтающихся, когда онъ былъ тогда Знатнымъ Войсковымъ Товарищемъ, получилъ онъ отъ Гетьмана село Митченки во владѣніе.» Конечно, Полковникомъ Гадяцкимъ сдѣланъ тотчасъ по избраніи Скоропадскаго. Въ этомъ-то послѣднемъ званіи, какъ бывшій Полковникъ Гадяцкій и родственныхъ Гетьманскій, а за тѣмъ и Судья Генеральный, онъ воспротивился назначенію Милорадовича, который, какъ опредѣленный самимъ Государемъ, принесъ на него жалобу въ письмѣ своемъ къ Канцлеру Головкину, при семъ печатаемую. Вѣроятно, жалоба эта составляетъ отпускную, предварительно заготовленную, по распоряженію Канцлера, со всѣми замѣчаніями противъ его показаній и выписками изъ дѣла, сюда относящимися.

Замѣчательно, что жалуясь на обиды, ему Чернышомъ наносимыя, Милородовичъ настаиваетъ только въ томъ, чтобъ, «когда уже онъ пожалованъ чиномъ Полковника, то бъ и содержанъ былъ какъ прежніе Полковники, а не такъ, какъ нынѣ чинится.» А это нынѣ состояло въ томъ, что изъ 12 сотенъ Гадяцкаго полка, «10 належали до булавы Гетьманской, де коихъ онъ и не интересуется, доволенъ двумя сотнями, Комышанскою и Рашевскою, коими Полковники владѣли; но Господичъ Гетьманъ Комышанскую силою хотѣлъ взяти и Господину Чернышу отдати,» такъ какъ въ Комышанской Чернышъ «многие себѣ поучинилъ грунты и немалые заводы своимъ иждивеніемъ здѣлалъ,» за что Гетьманъ готовъ былъ Милорадовича вознаградить отъ себя. Кромѣ того, Гетьманъ выдалъ Универсалъ, запрещавшій «Комышанским,

подъ страхомъ немилосерднаго наказанія, слушаться кого либо другого, кромѣ прежняго своего Полковника, Черныша.» Хуже же всего было то въ этомъ случаѣ, писалъ новый Полковникъ, что при объявленіи этого Универсала, «явно и публично предъ народомъ безчестилъ ево срамотне, называючи измѣнникомъ Запорожцемъ, плутомъ, Цыганомъ и шалберомъ» (бездѣльникомъ, надувайломъ). И кто же? Подписокъ (помощникъ Писаря Судебнаго, Подъячій, Приказный) Черныша, что подтвердили полковая старшина и Сотники. Въ особенности упирали Чернышовскіе на слово «измѣнникъ.» «Уже онъ, Милорадовичъ, измѣнилъ одному, и Государю измѣнитъ; можетъ, онъ за море запровадить, какъ кого и иного (намекъ на посольство Милорадовича къ Черногорцамъ), или за границу вывести и запропастить» (тоже намекъ на тѣхъ, кого съ собою привелъ онъ изъ Славянъ въ Россію). Такъ какъ, по требованію Милорадовича, Подписокъ не былъ допрошенъ какъ слѣдуетъ, съ чьего повелѣнія онъ такъ поносилъ его, а только 7 разъ его велѣно ударить по шубѣ, то Милорадовичъ, недовольный тѣмъ, не согласился на примиреніе, на которое было уже склонялся, по настоянію стороны Черныша, подъ угрозою «быть ему противниками, если примиренія не возметъ,» и по тому просилъ «впредь быть въ оборонѣ Царского Величества и въ патронствѣ Сіятельнаго Графа.» Видно, что и Гетьманъ Скоропадскій ходатайствовалъ (отъ 9-го Августа, 1715) за своего у Головкина, чтобы, «если уже иноземецъ опредѣленъ на Полковничество, то бы ему, по крайности, довольствоваться 2-мя только сотнями Гадяцкого полка;» спустя же двѣ недѣли (24-го Августа), Гетьманъ уже предлагалъ удовольствоваться новоопредѣляемому одною сотнею, а другую предоставить прежнему Полковнику. На это Канцлеръ отвѣтилъ (въ Октябрѣ, или Ноябрѣ), что «отмѣнить Царскаго Величества Указу не мочно,» и Милорадовичъ довольствоваться долженъ будетъ «всѣми, къ уряду принадлежащими, моетностями, чѣмъ прежніе Полковники владѣли, а въ маетности Гетманскіе, къ булавѣ принадлежащіе, не интересовался бы, и о томъ къ нему (Милорадовичу) писано.» Безъ сомнѣнія, Милорадовичъ получилъ свое, а Чернышъ, не смотря на свойство съ Гетьманомъ, долженъ былъ отказаться отъ притязанія располагать, по прежнему званію Полковника, еще хоть частью его, и по тому принужденъ вѣдать только свой урядъ Генеральнаго Судьи.

Дальнѣйшая судьба сихъ соперниковъ такова: съ 14 Ноября, 1721 года, Чернышъ сдѣланъ былъ, въ званіи Генеральнаго Судьи, Предсѣдателемъ Судебной Канцеляріи, а 17 Мая, 1722 г., членомъ новоучрежденной Малороссійской Коллегіи. Грубости Бригадира Вельяминова, предсѣдательствовавшаго въ этой Коллегіи, и самоуправство его, вызвали сопротивленіе со стороны членовъ ея изъ Малороссійскихъ Старшинъ, во главѣ коихъ стоялъ Наказный Гетманъ, Павелъ Леонтьевичъ Полуботокъ, правдолюбивый и преданный своей родинѣ. Извѣстно, что онъ поплатился за свое безстрашное заступленіе и правду жизнію: онъ умеръ, въ новопостроенной Петропавловской крѣпости, въ Петербургѣ, куда вызванъ былъ Петромъ съ 2-мя старшинами, Генеральнымъ Писаремъ Савичемъ и Генеральнымъ Судьею Чернышомъ, которые, явившись въ началѣ Августа (3-го дня), напрасно хлопотали о ходатайствѣ у всѣхъ сильныхъ въ ту пору, и подъ конецъ, послѣ смѣлой рѣчи Полуботка, брошены въ крѣпость, лишены всего, что ни было при нихъ, а имѣнія ихъ отобраны въ казну. Съ Полуботкомъ умеръ въ темницѣ и Савичъ, а Чернышъ и новопривезенные изъ Малороссіи, въ томъ числѣ и Милорадовичъ (который съ Апостоломъ, Полковникомъ Лубенскимъ, только что воротился, съ 12 т. Козаковъ, на родину изъ подъ Коломака, куда ходили они для охраненія границы), были допрашиваны, и томились въ заключеніи до самой смерти Петра, когда Екатерина, освободивъ ихъ и возвративъ имъ имѣнія ихъ, приказала, однако же, не выѣзжать всѣмъ имъ изъ Великороссіи, за исключеніемъ Апостола и Милорадовича, которымъ дозволено было возвратиться къ своимъ полкамъ. Милорадовичу не въ первый разъ приходилось быть въ Великороссіи: не говоря уже о поѣздкахъ его до посылки къ Черногорцамъ, онъ сопровождалъ, вмѣстѣ съ прочею Козацкою Старшиною, Гетьмана въ 1718 г. въ Москву, для принесенія поздравленія Государю, по случаю возвращенія его изъ за границы, и тутъ-то онъ, съ прочими Малороссіянами, присутствовалъ при судѣ надъ Царевичемъ, Алексѣемъ Петровичемъ. Извѣстно, что одна только Малороссійская старшина имѣла гражданское мужество отказать Царю въ одобреніи приговора надъ судимымъ, и смѣло отреклась отъ подписанія онаго. Въ это-то пребываніе свое въ Москвѣ Милорадовичъ «доносилъ Государю, что онъ (читаемъ въ грамотѣ, данной ему, по его прошенію), «по Нашему, Царскаго

Величества, Указу, за вѣрные его къ Намъ, Великому Государю, службы и знатные надъ Турками военные поиски, за что, въ знакъ къ ему Нашей, Царскаго Величества, милости, данъ ему и портретъ Нашъ, Царскаго Величества, опредѣленъ онъ быть въ Гадяцкомъ полку Полковникомъ, а Нашей, Царскаго Величества, жалованной грамоты на тотъ чинъ Гадяцкаго Полковничества не имѣетъ; того ради просилъ Насъ, Великого Государя, всеподданше, дабы Мы, Великій Государь, повелѣли, на подтвержденіе помянутаго его Полковническаго чина, дать ему Нашу, Царскаго Величества, милостивую грамоту, какъ и прочіе Малороссійскіе Наши, Царскаго Величества, Полковничьи чины имѣютъ. И Мы.... Наше Царское Величество, подтверждаемъ ему сею настоящею (грамотою) Нашего Царскаго Величества, подданному, Войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра Гетману, Ивану Ильичу Скоропадскому, Генеральной Старшинѣ и Полковникамъ, повелѣваемъ его, Гадяцкаго Полковника, Михаила Милорадовича, въ томъ чинѣ надлежащимъ образомъ имѣть, а Гадяцкаго полку Старшинѣ и рядовымъ Казакамъ онаго почитать, и всякое должное послушаніе отдавать, и всѣми, принадлежащими къ тому Полковническому уряду, и маетностьми, и доходы, которые прежніе Полковники имѣли, владѣть ему, Полковнику Михаилу Милорадовичу,» и пр. Эта жалованная грамота дана въ Москвѣ Марта 21-го дня, 1718 года, за подписью Государственнаго Канцлера, Графа Гаврила Головкина и Царскаго Величества печатью висячею. Черезъ 6 лѣтъ послѣ возвращенія изъ Петропавловской крѣпости (1728 г.), Михайло Милорадовичъ скончался, и женѣ его, Ульянѣ (дочери Генеральнаго Асаула Степана Бутовича, упомянутаго выше), Петръ II пожаловалъ, за службу ея мужа, полъ сотни дворовъ въ Малороссіи (въ придачу къ 52 дворамъ, полученнымъ въ приданое за нею въ слободкѣ Буговкѣ). Милорадовичъ подписывался: «Гадяцкимъ Полковникомъ и Македонскимъ Кавалеромъ,» а въ грамотѣ Черногорцамъ, даже «Великимъ Полковникомъ.» Преемникомъ ему въ Полковничествѣ по Гадяцкому полку былъ другой братъ его, Гаврилъ, вскорѣ за взятки отрѣшенный Новымъ Гетьманомъ, Даніломъ Апостоломъ, по возвращеніи изъ Москвы въ Малороссію, во время большаго производства, утвержденнаго юнымъ Государемъ въ 1729 г., Петромъ II-мъ. Третій братъ, Александръ, былъ Оберъ-Капитанъ въ Герцеговинѣ, и

также служилъ у насъ. Эти три брата — родоначальники Милорадовичей у насъ старшей вѣтви.

Соперникъ же его, Чернышъ, возвратился въ Малороссію лишь по паденіи Князя Меньшикова и Малороссійской Коллегіи; онъ участвовалъ въ посольствѣ за позволеніемъ избрать новаго Гетьмана, каковымъ и былъ избранъ Апостоль (1727 г.). Однако, не смотря на то, въ Статьяхъ новоизбраннаго Гетьмана, 17-го Іюля, 1728 г., въ Москвѣ не пощадили Черныша. Такъ, въ 1-мъ пунктѣ сихъ Статей, въ отвѣтъ на упрекъ въ накладахъ и взяткахъ Малороссійскихъ Судовъ, въ коихъ «хто больше дасть, того, хочай виновнаго, оправдаютъ, а хто убогій, а не имѣетъ чего дати, того, хочъ въ невинности, чинятъ виновнымъ,» сказано, что «тотъ на Судьи порокъ наведенъ при бывшемъ Гетьманѣ (Скоропадскомъ), котораго свойственникъ, Чернышъ, не по обыкновенію правъ Козацкихъ и не изъ вольныхъ голосовъ, но приватными фаворами учиненъ Судіею Генеральнымъ, и колико неправости въ судахъ и волокиты онъ, Чернышъ, дѣлалъ, также что взятки отъ многихъ бралъ, публиковано сіе всенародно печатнымъ блаженной памяти Императорскаго Величества манифестомъ, чего ради повелѣно было учредити Малороссійскую Коллегію, для чиненія въ судахъ справедливости; но оная Коллегія во всю бытность свою никому жалобливому не учинила по правнымъ артикуламъ управы, токмо беручи взятки, волокитами продолжала справы, покамѣсть обѣдвѣ спорные стороны, крайне убыточившись, мусять (принуждены) бывало чрезъ мировые письма погодиться.» А и въ Малороссійской Коллегіи засѣдалъ тотъ же Генеральный Судья, Чернышъ, по чему и не удивительно, что и въ ней все по старому же шло, хотя она и учреждена была именно, какъ сказано въ Указѣ Петра, «что въ судѣхъ Генеральныхъ чинятца многіе неправды.... и нынѣ изъ Малороссіянъ на Судью Генеральнаго, Черныша, есть многіе челобитчики.» Слѣдовательно, Коллегія эта съ ея Великороссійскими членами не объ искорененіи накладовъ и взятокъ хлопотала; напротивъ, стакнувшись скоро съ своими товарищами изъ Малороссіянъ, Великороссійскіе члены ея также взяточничали. Цѣль учрежденія ея была совсѣмъ другая, именно, какъ выразился Указъ Петра, «для лучшей вѣрности и управленія,» т. е., наблюденія за вѣрностью Гетьмана (послѣ Мазепы) и его управленіемъ, другими словами: для ограниченія, а послѣ и отмѣне-

нія совсѣмъ, его власти. И дѣйствительно, какъ скоро приставленъ былъ къ Гетьману Бригадиръ съ нѣсколькими (6-ью) Штабъ-Офицерами, Гетьмана уже не было больше въ Малороссіи. Это до того поразило Скоропадскаго, что онъ, при всей своей ограниченности и добродушіи, увидѣлъ, однако, что его за живо кладутъ въ гробъ, не перенесъ, сильно заболѣлъ и добровольно сошелъ въ него вскорѣ по возвращеніи изъ Москвы (ровно черезъ недѣлю, 3-го Іюля, 1722 г.). Послѣдующіе Гетьманы были только по имени Гетьманами. «Отъ Богдана до Ивана (Ильича) не было Гетьмана,» сказали тогда же Малороссіяне, и сказали правду. Послѣдній Гетьманъ, Иванъ Степановичъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, былъ все же не Иванъ Ильичъ, который, какъ всѣ знали, былъ слабаго до нельзя свойства, что именно и доставило ему булаву изъ рукъ Петра, которую, впрочемъ, не онъ, а подружіе его, Настя (урожденная Марковичъ), носило во все его Гетьманство, по замѣчанію того же народа, а онъ только ея плахту; отъ того всѣ безпорядки, при немъ происходившіе, были слѣдствіемъ слабости его душевной. Естественно, ближайшіе по чему либо къ нему, особливо родственники, спѣшили извлечь какъ можно побольше выгодъ для себя изъ такого Гетьмана. Чернышъ не былъ исключеніемъ, какъ показываетъ это его «Дѣло» съ Великимъ Полковникомъ и Македонскимъ Кавалеромъ, который послужилъ Царю первый предлогомъ къ непосредственному вмѣшательству во внутреннія дѣла Малороссійскаго войска и народа назначеніемъ его въ Полковники Гадяцкіе, вопреки обѣщанію хранить ихъ права и преимущества по старинѣ.

И не только Милорадовичъ былъ такъ опредѣленъ, но и сподвижникъ его, Капитанъ Иванъ Албанезъ, упоминаемый въ семъ же «Дѣлѣ,» по просьбѣ Милорадовича, былъ назначенъ въ тотъ же Гадяцкій полкъ Полковымъ Обознымъ, въ награду за то, что онъ, какъ пишетъ Милорадовичъ, «какъ въ нашей странѣ (въ Черногоріи и т. п.), служилъ со мною вѣрно Его Царскому Величеству, такъ и нынѣ служитъ и служити хощетъ.» Служба же его, по показанію самаго Албанеза, въ прошеніи его къ Графу Головкину, приложенномъ къ письму Столника Ѳедора Ивановича Протасьева (смѣнившаго Ближняго Стольника и Намѣстника Суздальскаго, Андрея Петровича Измайлова, въ должности при Гетьманѣ, 30 Іюля, 1709, по Сентябрь 1710 г., препровожденномъ отъ 15-го Генваря,

1716 г.), состояла въ томъ, что онъ въ 1711 г. относилъ грамоты Царскія въ Македонію, Черногорію и въ Мултянскую землю (Княжества Румынскія), и хотя, по прибытіи въ Петербургъ, получилъ въ награду 500 рублей, но самъ въ тѣхъ краяхъ задолжалъ 600; и по тому, «не имѣючи съ чимъ поѣхати, ни долгу платити, того ради остался при Господинѣ Полковнику, Михайлу Милорадовичу, и живу нынѣ (пишетъ онъ) при немъ безъ ни какое оѳиціи.» Протасьевъ же объ Албанезѣ отозвался: «і онъ, Албанисъ, человекъ изрядной.» Въ этомъ письмѣ Протасьевъ въ первый разъ доноситъ Головкину «о многократныхъ жалобахъ Милорадовича на Черныша,» извѣщая, что послѣдній «пространно уже до его, Господина Канцлера, писалъ чрезъ нарочнаго, отъ себя посланного,» а въ концѣ того же 1716 года (отъ 24-го Декабря), Протасьевъ уже цѣлое письмо свое къ Головкину наполнилъ однимъ только разсказомъ о жалкомъ, по его мнѣнію, положеніи Милорадовича, утѣсняемаго Чернышомъ (роднымъ свояком Гетьмана) и Господаремъ (управителемъ) Гадяцкаго замка до того, что «не повиненъ (не имѣетъ права) онъ, кроме Казаковъ, никаво за какую вину карать, іли куда послать, ни какова мастеравова человека х какому делу употребить; ежели, де, что ему потребно, все работаютъ на нево ізъ найму; также и отъ Сотниковъ онъ полку своево почитания не імѣетъ. Во истинна, Милостивый Государь, я многакратна ево виделъ, что, плачучи, праклинаетъ день рождения своего, что въ такое мѣсто онъ Полковникомъ опредѣленъ. Аднако жъ ізволишь а всемъ усмотреть іс писма ево, Господина Милорадовича.» И точно, выше Протасьевъ, въ началѣ своего письма, доноситъ: «какъ мы прибыли въ Гадичъ, тогда Полковника Гадицкова, Господина Милорадовича, братъ родной подалъ челобитную і просилъ меня, дабы я оную послалъ до Вашего Сиятельства, котораю при семъ і посылаю, а объ немъ, Милорадовичѣ, даношу, что онъ человекъ ізрядной, і сказываютъ многа время служилъ при армѣе Цесарского Величества, о чемъ Ваше Сиятельство ізволишь із челобитной ево усмотреть.» На эту-то челобитную, и на письмо, черезъ нарочнаго, отъ него посланнаго, еще въ Генварѣ (какъ видно то изъ прошенія Албанеза, писаннаго 14-го Генваря, и приложеннаго къ донесенію Протасьева отъ 15-го того же мѣсяца), конечно, и послѣдовали отвѣтныя статьи, кои теперь мною и предлагаются сдѣсь, вмѣстѣ съ самой

челобитной, и кои, разумѣется, составляли, такъ называемую, отпускную. Донесенія Протасьева находятся въ собраніи писемъ его, какъ Пристава при Гетманѣ Скоропадскомъ, тоже находящихся нынѣ въ моемъ распоряженіи: они будутъ, равно какъ и письма самаго Гетьмана Скоропадскаго, сообщены мною въ послѣдствіи. Гетьманъ о Протасьевѣ, въ челобитной своей Царю, поданной лично 22-го Мая, 1722 года, въ послѣднее свое пребываніе въ Москвѣ, отозвался, что онъ, «мѣшаючи порядки, многихъ винныхъ заступаетъ, для взятковъ и прихотей своихъ, якъ о томъ подленіи суть документа, и побуждаетъ ихъ упрямитися и Маестатъ Вашего Величества напрасно турбовати, иская подъ тѣмъ своея прибыли, а не Государственнаго интересу, да и невинныхъ многихъ взятками озлобилъ насильно.» Гетьманъ же этотъ, при всѣхъ слабыхъ сторонахъ своихъ, отличался, какъ извѣстно, правдивостью и честностью души.

О. Бодянскій.

6-го Августа, 1870 г.
Москва.

ДѢЛО

ГАДЯЦКАГО ПОЛКОВНИКА, МИХАЙЛА МИЛОРАДОВИЧА,

съ

ГЕНЕРАЛЬНЫМЪ СУДЬЕЮ ЧЕРНЫШОМЪ, 1716 ГОДА.

Въ письмѣ къ Государственному Канцлеру, Графу Гаврилу Ивановичю Головкину, Гадицкого Полковника Милородовича изъ Глухова 14-го Генваря 1716, написано:

Хотя прежде сего писалъ я къ Вашему Сиятельству, объявляючи о бѣдахъ моихъ и безчестіяхъ тугошнихъ, прилагаючи урядовые свидѣтельствованные инквизиціи подъ разсуждение Вашего Граѳского Сиятельства, однако жъ когда, прибывъ здѣсь въ Глуховъ, подалъ Его Вельможности, Господину Гетману, челобитную, которую тутъ же посылаю, и Его Вельможность велѣлъ Полковникамъ и Старшинѣ Генеральной жалобы моей выслушать, тогда всѣ сторонѣ Господина Черныша, будучи ѳаворизантами, убѣдили мене до примирения, выговариваючи, что мы тебѣ будемъ противъниками, естли примирения не возмешъ, и я, яко единъ странный, за толикия мои безчестия, къ миру было склонился, толко того требовалъ, дабы Подписокъ Черньшовъ былъ питанъ какъ надле-

Такова писма напредъ сего отъ него, Милородовича, не было.

А в копіи с челобитной Полковника Милородовича, поданой Гетману, написано:

Что какъ скоро приѣхалъ онъ в Гадичь, Господинъ Чернышъ без всякоії причины многие ему нанесъ безчестия.

Казаковъ Сарскихъ и Крутковскихъ, подъ командою Полковничьею издавна будучихъ, за то, что подали они челобитную, дабы при бытности ево, Милородовича, в волностяхъ Казацкихъ могли пребывати, и мужики на него, Черныша, не работать, наславъ ночью, велѣлъ ловити, бити, и кого изловятъ, заковати, грозя, чтобъ из подданства не отбывали.

Казаковъ Комишанскихъ знатныхъ, прежде бывшихъ на урядахъ, за то, что на приѣзде ево, Милородовича, приносили ему

житъ, естли онъ самъ отъ себѣ, или с повелѣния чьего, такъ срамотне обезчестилъ. Но Подписку тому полгочено, и не допрашиванъ какъ належало, кромѣ того, что 7 разъ по шубе ударенъ; с того я не контентъ. О семъ доношу Вашему Сиятельству, и тоже прошу, дабы я впредъ в обороне Царского Величества и в патронствѣ Вашего Сиятельства будучи, не терпѣлъ таковаго поругания, какое уже мнѣ здѣсь случилось. И благоволите, Ваше Сиятельство, разсмотрѣть мою нужду и уважити подробно всякое дѣло, что мнѣ здѣсь дѣется, естли и то пристойно, что на памяти моей, которую я ради квартиръ писалъ в Борки, въ маетность Черныша, онъ, Господинъ Чернышъ, имя своей маетности вытеръ, и написалъ в Розбышовку, маетность Господина Рагузинского. Для чего я опасаюся, что можетъ онъ искати главы моей, понеже когда случится мнѣ писати до Ясневелможного, или до другого лица высокого, то онъ вытретъ и подпишетъ писмо мое къ Хану Татарскому.

хлѣбъ по обычаю, при пушке чрезъ нѣсколко дней держалъ въ заключеніи.

Рыбалокъ из села Роменца, Полковнику належныхъ, нарочно разослалъ для своихъ дѣлъ, чтобъ выгоды ни какой ему, Милородовичю, не было.

Когда отъ него, Милородовича, на оболонную послано было нѣсколко подводъ привести сѣна, которого сто возовъ онъ, Гетманъ, на пріѣздъ далъ, тогда дворецкій Чернышевъ набѣжавъ, людей тѣхъ побилъ и коней позабиралъ.

Слуги его, Чернышевы, во время ярмонки, о святой Параскевіи в Гадяче бывшей, розбивая ночью, грабя ихъ, какъ на самомъ дѣле изловлены были, без розыску за караулъ Ратушской отданы, то... сверсники, отъ дворецкого посланные, сторожевскую розегнали и, тюрму отбивъ, самоволно ихъ выпустили, вино, посланное отъ него, Милородовича, велѣлъ запечатать и не велѣлъ продавать, а в мѣсто того, своего вина чрезъ три мѣсяца выдалъ кухъ 15, съ коихъ прибыли взялъ 150 рублевъ.

Приходъ съ ярмонки Дмитреевской 70 талярей онъ завладѣлъ.

О пашне яровой того лѣта, которого онъ, Милородовичь, туда прибылъ, приказъ Господина Гетмана былъ, чтобъ по поламъ ему с Чернышемъ роздѣлить, а онъ, Чернышъ, до 5 скирдъ, вымолотя, забралъ на свою потребу, и ни чего ему отъ того не далъ.

Онъ же, Чернышъ, многимъ полчанамъ Гадяцкимъ выдалъ....

Я же прошу за Капитана Албанеза, которой, какъ в нашей странѣ служилъ со мною вѣрно Его Царскому Величеству, такъ и нынѣ служитъ и служити хощетъ, дабы его, Капетана, учинить обознымъ Полковымъ Гадицкимъ, понеже Обозного в полку нѣтъ.

судейские свои Универсалы, увольняя ихъ отъ всякихъ податей и зимовыхъ квартиръ войску Царского Величества.

Палетъ тотъ, который по опознанию на Ратуше Гадяцкой положенно в маетности Борки для квартиръ салдацкихъ, за рукою и печатью ево, Милородовича, фортелне скасованъ; ибо сверху его напись Борковскій вытерши, написалъ Розбышовскій, и в Розбышовку отослалъ, приводя ево, Милородовича, в ссору з Господиномъ Рагузинскимъ.

Онъ, Чернышъ, писалъ к нему, Милородовичю, писмо укорительное, и отъ гордости имени своего не подписалъ, вмѣняючи его за найгрубшого простака.

На остатокъ, что есть паче всего жалостнѣйше, онъ же, Чернышъ, Подписка своего, а Господаръ замковый шафара своего, посылали въ.. и Комишную с Универсаломъ, чтобъ Казаки ни въ чемъ ево, Милородовича, не слушали, но его, Черныша, и тотъ Универсалъ на рынку въ Комишной прочитанъ былъ. Да тотъ же Подписокъ въ Саратъ собравъ множество Казаковъ и мужиковъ, явно и публично предъ народомъ безчестилъ ево, Милородовича, срамотне, называючи измѣнникомъ Запорожцомъ, плутомъ, цыганомъ и шалберомъ.

Въ прошломъ 1715 году, когда онъ, Албанезъ, здѣсь былъ, данъ ему апшитъ.

А на Москвѣ данъ ему патретъ въ 20 червонныхъ с короною алмазною въ 60 рублевъ, да денегъ 500 рублевъ.

При томъ присланы отъ него, Господина Милородовича, пункты:

1. Поздравляетъ Господина Канцлѣра рожденіемъ Государя Царевича Петра Петровича.

2. Поздравляетъ праздникомъ Рожества Христова.

3. Что получилъ его, Граѳское, писмо Октября отъ 17 числа прошлого 1715 году.

4. Что Указъ, въ томъ писмѣ изображенной, исполнять онъ будетъ.

5. Знатно, что не ради ево тамо бытности, понеже прежде пріѣзду его писано на него, будто онъ хочетъ Гетманскими сотнями завладѣть и его подданными, и уредъ обыкновенной въ полку Гадицкомъ чинить.

6. Что онъ никогда такова намѣренія не имѣлъ.

7. Что, когда уже онъ пожалованъ чиномъ Полковника, то бъ и содержанъ былъ, какъ прежніе Полковники, а не такъ, какъ нынѣ чинится.

Писалъ Господинъ Гетманъ Скоропадскій отъ 9-го дня Августа, что увѣдомился отъ Царскаго Величества, на Полковничество определенъ иноземецъ Господинъ Милородовичь, которой, не вѣдая войсковыхъ ихъ порядковъ, (а) въ томъ полку люди посполитые издавна на Гетманскую булаву налѣжатъ, не похотѣлъ (бы) интересоватся, но доволствовался (бъ) особливо в двухъ сотняхъ, Рашевской и Камишанской людми, также издавна на Полковника определенными.

Потомъ в писмѣ ево жъ, Гетмана, отъ 24 Августа, предложены прошеніе Гадицкого Полковника Черныша и Гетмана за него рекомендація, дабы когда Милородовичь будетъ на Полковничество Гадицкое определенъ, из тѣхъ двухъ (сотенъ), на Полковника належащихъ, одною толко правилъ, а другую Чернышу оставить, (да) онъ, Чернышъ, в тѣхъ полковыхъ маетностяхъ многие себѣ грунты и немалые заводы своимъ иждивеніемъ здѣлалъ, а онъ, Гетманъ, вмѣсто той Полковничьей маетности, Милородовичю дастъ отъ себя.

Противъ тѣхъ обоихъ писемъ ответствовано к Господину Гетману въ бря:

Что Милородовичь давно уже на Полковничество Гадицкое имян-

8. Въ полку Гадицкомъ 12 сотенъ, и ис тѣхъ 10 належатъ до булавы Гетманской, до коихъ онъ не интересуется, доволенъ двемя сотнями, а имянно: Комишанскою и Рашавскою, коими Полковники владѣли; но Господинъ Гетманъ Комишанскую силою хотѣлъ взяти и Господину Чернышу отдать; каковъ Универсалъ отъ него, Гетмана, былъ выданъ, с того списокъ для разсмотренія посылаетъ.

Такими словами: Писари и люди Чернышевы, по ево наученію, читали Универсалъ ево, Милородовича, предъ народомъ, бранили и измѣнникомъ называли,

нымъ Царского Величества Указомъ определенъ, туда отправленъ и велѣно ему всѣми, къ уряду приналѣжащими, маетностями, чѣмъ прежніе Полковники владѣли, владѣти; по тому отмѣнить того Царского Величества Указу не мочно; а чтобъ онъ, Милородовичь, въ маетности его, Гетманскіе, къ булаве приналѣжащіѣ, не интересовался, о томъ писано к нему, Милородовичю.

А в списке с Универсалу Гетманского, данного в Глуховѣ Ноября 3-го дня, 1715 года, написано:

Объявляетъ онъ, Гетманъ, Старшинѣ Камишанской, Сарянскоїі и Остаповской, со всѣми Казаками и посполитыми людьми, что увѣдомился онъ, Гетманъ, яко они нѣ съ чьего наущенья будучи ослушными, не хотятъ державцу своему, Ивану Чернышу, Судье Войсковому Генералному, отдавати послушенства. Того ради нарочно тѣмъ Универсаломъ накрѣпко упоминаетъ, дабы они, Камишанные, Сарянские и Остаповские жители, знаючи одного державца своего, Господина Судью, без жадной противности всякое ему, не смотря ни на кого, по прежнему отдавали послушаніе и повиновение. А хто будетъ противный, такового велено будетъ сыскивать в Глуховъ и карать немилостивно, какъ бунтовщиковъ.

А в копіі с свидѣтелства полковой Старшины и Сотниковъ, 17-ти человѣкъ, данного Ноемврия 9-го числа, 1715 года, написано:

Гдѣ когда объявлено будетъ

и протчими безчестными словами поносили, о томъ во свидѣтельство онъ прислалъ Старшины полку Гадицкого атестацію, противъ которой проситъ у Его Царского Величества суда, что ежели онъ той человѣкъ, какъ они по умыслу сперва предъ народомъ объявляли, то онъ достоинъ казни; а ежели напрасно ево такимъ называютъ, то да будетъ равною мѣрою, равно тѣмъ, которые службу уничтожаютъ и измѣнникомъ называютъ.

9. Онъ, Чернышъ, полкъ Гадицкой до конца разорилъ, в чемъ на него, Черныша, болше ста челобитенъ есть, которые, челобитные, не смѣлъ онъ, Милородовичь, закрыти, держитъ у себя, а к Господину Гетману посылалъ списки, однако же, или за его многими оккупациями, или свойствомъ, о чемъ ни пишетъ, не видитъ иного, кромѣ продолженія, а челобитчики кричатъ и грозятъ ему, ежели имъ суда не будетъ, то всѣ пойдутъ ко двору Его Царского Величества искати суда за свои обиды; и той ради причины, дабы ему, Милородовичю, предъ каждымъ судомъ и правомъ, то извѣстно сотворится, что Его Царскому Величеству за благороднаго Господина Михайла Милородовича, по милости Царского Величества Полковникомъ Гадицкимъ опредѣленного, какъ они, Старшина полковая, такъ и все полчане, Сотники, Атаманы городовыя, селская и куренная, старшее и меньшее полку Гадицкого товариство, также чинъ духовный и посполитой народъ, рабски покорно благодарствуютъ, и который, по природному добронравию своему, любезенъ, милостивъ и добротенъ есть ко всѣмъ, будучи в службе Царского Величества без найменшей обиды, ибо ни кого ничемъ не озлобляетъ, но паче ущедряетъ, желая во всемъ изобиловати. А что онъ на Господина Черныша, бывшого Полковника Гадицкого, жалуетъ, яко бы онъ отъ него с начала обиженъ и обесчещенъ, и в томъ протестуется, о томъ они свѣдомы.

А в розыску записки подлинной знатно... велецкого да полковой и городовой Старшины 9 человѣкъ Ноября 12-го, 1715 году, за печатью Ратушною написано: Что Господинъ Милородовичь извѣстився отъ Атамана Сарского с товариствомъ, какъ Иванъ Ставецкій бывшого Полковника Черныша съ Яковомъ Реченковымъ, шафаромъ замковымъ, приѣхавъ в село Сары Уѣзду Гадицкого, до всего товарищества тамошняго и посполитыхъ и Свещенника Крутиковского читалъ Гетманскіе Универсалъ, чтобъ нынешняго Полковника Казаки не слушали и належитое на дворъ

не отвѣтовать впредь, принужденъ онъ донести о всемъ, и что онъ же, Чернышъ, все доходы Полковничьи, надлѣжащие, прежде времяни нареченного выбралъ, а ему, Милородовичю, здѣшъние люди, Старшина и весь полкъ до сего числа зѣло ради, какъ видимо изъ приложенной ихъ атестаціи.

Чернышовъ отсылали, безчестилъ Господина Милородовича и называлъ ево Цыганомъ, шалберомъ и измѣнникомъ, требовалъ оныхъ Василія и протчихъ подлинно о томъ розыскать, и они чинятъ Полковника доволство на Ратуше Гадицкой... же реченного Атамана Сарского Юска подпрашивали, который объявилъ, что того Ноября въ 7-мъ числѣ Иванъ Ставецкій Чернышовъ и Яковъ Реченко, шафаръ замковой, пріѣхавъ в село ихъ, Сары, велѣли всѣмъ имъ Казакомъ и.... собратися в домъ Священника для слушанія Универсала Гетманского о томъ, чтобъ Казаки по прежнему Чернышу в работе послушаніе отдавали, а по томъ Универсалу Яковъ Реченко говорилъ: «Такъ знайте вы опять Судью Генералного, а не Полковника!» Потомъ и.... говорилъ такими словами: «Дурни Казаки! Для чего хочете сего Полковника плута, Цыгана, шалбера? Ибо сей такой же, какъ и Запорожцы. Може за море запровадитъ, или на границу вывѣвши, запропаститъ.» Иванъ Руда сказалъ, когда вычитанъ Универсалъ: «Тогды я за все товарство говорилъ, что доволно ево терпѣли. Хвала Богу, имѣютъ они нынѣ себѣ отъ великого свѣта Государя. Пусть будетъ.... слушати.» За что Яковъ Реченко... спохвалялся..... цки говорилъ: «Или вы не знаете сего Цыгана, плута, шалбера, измѣнника, что и васъ запровадитъ за море, какъ кого и иного?»

Еще 6 человѣкъ Казаковъ по имяномъ порознь сказали, что ре-

ченные два, что Подписокъ Ставецкій называлъ Милородовича плутомъ, шалберомъ и измѣнникомъ.

И изъ тѣхъ прибавилъ, что Ставецкій же прибавилъ: «Ибо уже онъ, Милорадовичь, измѣнилъ одному, и Государю измѣнитъ.»

Другой, что «Онъ, Милородовичь, зовется.....без обыде, и я такимъ зватися. Да что жь по тому?»

Казаковъ же, по имяномъ 9 человѣкъ, сказали, что въ своей челобитной написали, такъ какъ и при дѣлѣ, слово в слово, что такъ было, а не иначе, и съ Христианства подтвержаютъ.

10. Онъ же, Чернышъ, будучи Полковникомъ, изъ артилеріи Гадицкой пушки городовые в маетности свои вывозилъ, порохъ, палубы, шоры и протчее, запасъ военной, невѣдомо гдѣ подевалъ, особливо войсковыхъ болшихъ 3000 злотыхъ забралъ.

В прошеніи к Полковнику Милородовичю Гадицкому... и протчихъ артилерскихъ служителей написано, что издавна имѣли они доходъ з Березовой луки, и онъ собиралъ нашу заслужчину в Березовой луцѣ, а... на 100 аршинъ, 3 шубы, ценою по 5... сапоговъ, у мясниковъ камнемъ да масломъ, за 7 колъ по 5 копъ за коло, а в леси... онъ, Милородовичь, пріѣхалъ в Глуховъ да вои.... а 16 выездивъ, роздалъ в сотни из.... иные продали, а иные пропали. Онъ же... 15, хомутовъ 10, возовъ 6, топоровъ 2, казана 5, кожи, жита было жатого 40 копъ, проса 200 копъ, овса 220 копъ, ячменю.... А в росписи о расходе войсковыхъ денегъ, которые издержаны на расходъ войсковый по приказу Полковника Гадяцкого, Ивана Черныша, съ 17... по 1715-й, и въ томъ 1715-мъ годѣ жъ, Черкаского счету золотыхъ....

На покупку во дворъ его, Полковничей, вина, калачей, дровъ, дехтю, на дѣло шнуръ, започинку палубовъ и протчего..... 870

На дачю дворовымъ его, трубачамъ, Господарю, цылюрикамъ, Гетманскому дохтору, кухарю..... 274

Для посылокъ для его, Полковничьихъ, дѣлъ в Киевъ, в Стародубъ, в Глуховъ, в Харьковъ и в другие мѣста..... 276

На покупку скотины для посылки к Господину Генералу Фелтмаршалу Графу Шереметеву..... 143½

А на то збираны деньги особливо съ полку: на покупку хоронгве..... 600

А на тѣ хоронгви особливо с полку собрано денегъ немалое число.

Армашамъ и пушкарямъ сапоговъ и протчего..... 27

Ясаулу Мартину..... 200

Да Павлу Хвалишеву.. 50

И Старшинѣ Полковой на ралецъ предъ Рождествомъ..... 80

А збираны для того деньги особливо с полку.

Киевскому Пустынно-Никольскому Игумену и другимъ духовнымъ особамъ, присыланнымъ ис Киева в дѣле Лисовского, да Македонскому Игумену, ѣдучему для милостыни, и Свещенникомъ на молитву і за казане..... 184,8к.

11. Войско и городовую Старшину с вѣдома Господина Гетмана перемѣнять заказано. а ему, Чернышу, оставлять таковыхъ волно, который, увѣдомясь о Милородовичеве прибытіи до ихъ и протчихъ по волѣ... оставилъ.

12. Войско 1000 полковыхъ Казаковъ, которые по дѣде и по отце были... тѣхъ на Гетманскую, насилиемъ принуждаютъ в мужики, грабятъ у нихъ лошади и волы, а они не хотятъ быть мужиками, ищутъ у него, Милородовича, воли и свободы изъ мужиковъ. Отдавалъ ему Ясаулъ Енеральный Бутовичь сотню Ряжскую, а Камышанской не отдалъ. Тогда онъ, Милородовичь, говорилъ ему, Ясаулу: «Для чего не по прежнему опредѣляетъ?» И онъ, Ясаулъ, сказалъ, что «онъ, Милородовичь, не можетъ тѣхъ правъ имѣть, какъ прежние Полковники имѣли; ибо одинъ былъ племянникъ, а другой зять Гетманской.

Напослѣди объявляетъ онъ, Господинъ Милородовичь, что прежніе Генеральные Судьи жили при Гетманахъ, и тамо дѣло судѣйское управляли, а до полку не интересовались, а Господинъ Чернышъ живетъ в Гадичю и ко [illegible]нде Неволникамъ Грекамъ и на откупъ Сотнику Китайгородцкому и двумъ вдовамъ, которыхъ мужья в неволе Бусурманской обрѣтаются, да привезенымъ Татарамъ по Крыму 49 и пол. 14 коп.

Всего 2854 золотыхъ 12 копѣекъ, а рублями учинитъ 370 рублевъ 30 алтынъ 4 к.

Въ прошломъ 1715-мъ году, Генваря 22-го дня, в Грамоте Великого Государя к Гетману, Господину Скоропадскому, писано, что указалъ Его Царское Величество впредь Полковникомъ Регименту его, Гетманского, в полковую Старшину и в Сотники собою не выбирать и не учреждать, а когда в которомъ полку будетъ порожее мѣсто Полковои Старшины, или Сотника, тогда Полковнику учинить раду и совѣтъ с Полковою Старшиною и с Сотниками, и на томъ совѣте по приговору общему назначить к тому уряду из людей заслуженныхъ и не подозрительныхъ в вѣрности человѣкъ 2, или 3, и назнача, писать к нему, Гетману, и ихъ самихъ присылать, а ему, Гетману, изъ тѣхъ назначенныхъ людей, усматривая кто изъ них к тому уряду годенъ быти, и которые всегда были к нему, Великому Государю, во всякой вѣрности безпорочной, и из тѣхъ поволятъ единому быти и опредѣлятъ о томъ отъ себя на тотъ урядъ Универсаломъ, и в вѣрности къ Царскому Величеству приводить тѣхъ новоопределенныхъ в Полковую Старшину

На покупку во дворъ его, Полковничей, вина, калачей, дровъ, дехтю, на дѣло шнуръ, за починку палубовъ и протчего..... 870

На дачю дворовымъ его, трубачамъ, Господарю, цылюрикамъ, Гетманскому дохтору, кухарю..... 274

Для посылокъ для его, Полковничьихъ, дѣлъ в Киевъ, в Стародубъ, в Глуховъ, в Харьковъ и в другие мѣста..... 276

На покупку скотины для посылки к Господину Генералу Фелтмаршалу Графу Шереметеву..... 143½

А на то збираны деньги особливо съ полку: на покупку хорунгве..... 600

А на тѣ хорунгви особливо с полку собрано денегъ немалое число.

Армашамъ и пушкарямъ сапоговъ и протчего..... 27

Ясаулу Мартину..... 200

Да Павлу Хвалишеву.. 50

И Старшинѣ Полковой на ралецъ предъ Рождествомъ..... 80

А збираны для того деньги особливо с полку.

Киевскому Пустынно-Никольскому Игумену и другимъ духовнымъ особамъ, присыланнымъ ис Киева в дѣле Лисовского, да Македонскому Игумену, ѣдучему для милостыни, и Свещенникомъ на молитву і за казане..... 184,8к.

11. Войско и городовую Старшину с вѣдома Господина Гетмана перемѣнять заказано. а ему, Чернышу, оставлять таковыхъ волно, который, увѣдомясь о Милородовичеве прибытіи до ихъ и протчихъ по волѣ... оставилъ.

12. Войско 1000 полковыхъ Казаковъ, которые по дѣде и по отце были... тѣхъ на Гетманскую, насиліемъ принуждаютъ в мужики, грабятъ у нихъ лошади и волы, а они не хотятъ быть мужиками, ищутъ у него, Милородовича, воли и свободы изъ мужиковъ. Отдавалъ ему Ясаулъ Енеральный Бутовичь сотню Ряжскую, а Камышанской не отдалъ. Тогда онъ, Милородовичь, говорилъ ему, Ясаулу: «Для чего не по прежнему опредѣляетъ?» И онъ, Ясаулъ, сказалъ, что «онъ, Милородовичь, не можетъ тѣхъ правъ имѣть, какъ прежние Полковники имѣли; ибо одинъ былъ племянникъ, а другой зять Гетманской.

Напослѣди объявляетъ онъ, Господинъ Милородовичь, что прежніе Генеральные Судьи жили при Гетманахъ, и тамо дѣло судѣйское управляли, а до полку не интересовались, а Господинъ Чернышъ живетъ в Гадичю и ко [illegible]нде Невольникамъ Грекамъ и на откупъ Сотнику Китайгородцкому и двумъ вдовамъ, которыхъ мужья в неволе Бусурманской обрѣтаются, да привезенымъ Татарамъ по Крыму 49 и пол. 14 коп.

Всего 2854 золотыхъ 12 копѣекъ, а рублями учинитъ 370 рублевъ 30 алтынъ 4 к.

Въ прошломъ 1715-мъ году, Генваря 22-го дня, в Грамоте Великого Государя к Гетману, Господину Скоропадскому, писано, что указалъ Его Царское Величество впредь Полковникомъ Регименту его, Гетманского, в полковую Старшину и в Сотники собою не выбирать и не учреждать, а когда в которомъ полку будетъ порозжее мѣсто Полковой Старшины, или Сотника, тогда Полковнику учинить раду и совѣтъ с Полковою Старшиною и с Сотниками, и на томъ совѣте по приговору общему назначить к тому уряду из людей заслуженныхъ и не подозрительныхъ в вѣрности человѣкъ 2, или 3, и назнача, писать к нему, Гетману, и ихъ самихъ присылать, а ему, Гетману, изъ тѣхъ назначенныхъ людей, усматривая кто изъ нихъ к тому уряду годенъ быти, и которые всегда были к нему, Великому Государю, во всякой вѣрности безпорочной, и из тѣхъ поволятъ единому быти и опредѣлятъ о томъ отъ себя на тотъ урядъ Универсаломъ, и в вѣрности къ Царскому Величеству приводить тѣхъ новоопределенныхъ в Полковую Старшину

ево, Полковника Милородовича, чинитъ помѣшательства.

и в Сотники к вѣре, по обычаю, при Столнике Ѳедоре Протасьеве. А которые были въ явной измене и до сего Его Царского Величества Указу отъ Полковниковъ поставлены в Полковую Старшину и в Сотники, и о тѣхъ взявъ подлинное извѣстие, оныхъ переменить, и на ихъ мѣста выбрать и поставить другихъ, выше объявленнымъ же образомъ, вѣрныхъ и достойныхъ людей.

СТРАДАЛЬЧЕСКАЯ КОНЧИНА

М. М. ПУТИЛОВА

ВЪ 1773 ГОДУ.*

Для васъ, милыя дѣти, принялся я за перо; но старому солдату оно не такъ послушно; я жь, милые друзья, учился, по Русской пословицѣ, на мѣдныя деньги. И такъ, когда вы выростите, выучитесь, читая этѣ строки, не взыщите на грамматическихъ ошибкахъ, и не смѣйтесь надъ ними!

Не желаніе прослыть авторомъ заставило писать вашего отца; нѣтъ, желаніе передать памяти вашей геройскій подвигъ вашего прадѣда, его самоотверженіе, любовь къ Богу и преданность къ престолу. Пусть примѣръ его будетъ неизгладимо запечатлѣнъ въ сердцахъ вашихъ, и, полные чести въ страшныя минуты жизни, вы встрѣтите неустрашимо смерть. «Какъ умеръ прадѣдъ, скажите вы, такъ умремъ и мы, но не запятнаемъ постыдной трусостью родъ праведника, коего ни какія страданія не въ силахъ были поколебать въ вѣрности къ долгу.»

Во время страшнаго бунта злодѣя Пугачова, прадѣдъ вашъ жилъ въ Оренбургской Губерніи, въ своемъ родовомъ имѣніи. Онъ былъ богатырь и по сложенію и по характеру: къ 12 вершковому росту, неимовѣрной ширинѣ плечъ, явно выказывавшей чрезмѣрную силу, онъ присоединялъ необычайную ловкость, которую сохранилъ до старости; въ 60 лѣтъ онъ леталъ на конѣ соколомъ, какъ разсказывалъ покойный мой дядька, бывшій еще

---

* Подлинная рукопись этого разсказа, записаннаго внукомъ страдальца, хранится у Валерія Ивановича Чарыкова, который былъ женатъ на дочери одного изъ потомковъ страдальца, Дмитрія Азаровича Путилова (извѣстнаго по всему Заволжью, необыкновенною силою, остротою ума и сарказмами, которыя онъ сыпалъ на людей, съ коими имѣлъ какія либо столкновенія, и скончавшагося въ 1861 году). Копія съ рукописи доставлена намъ, съ согласія Г. Чарыкова, Княземъ В. И. Баюшевымъ.

мальчикомъ у него въ стремянныхъ, билъ изъ винтовки любаго гуся на пруду. Семейство любило его до обожанія; богатые сосѣди уважали и боялись: насмѣшка острая, рѣзкая, дѣлала ихъ осторожными въ обращеніи съ нимъ; бѣдные имѣли въ немъ, хотя строгаго судью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и всегдашняго покровителя; дворня и крестьяне видѣли въ немъ отца: всѣ нужды ихъ онъ зналъ самъ; никто не имѣлъ власти взыскать съ нихъ, кромѣ него. Мудрено ли, что они любили его.

За долговременную службу въ Лейбъ-Компанцахъ, онъ получилъ чинъ Вахмистра, въ немъ былъ извѣстенъ Императрицѣ Елисаветѣ, и въ этомъ же чинѣ оставилъ службу.

Вамъ удивительно, друзья мои, что такой ничтожный чинъ могъ выслужить прадѣдъ вашъ; но я уничтожу ваше недоразумѣніе. Чинъ Вахмистра Лейбъ-Компаніи равнялся Генералъ-Маіору, и многіе изъ знати добивались этого чина, какъ особенной милости Императрицы; рота Лейбъ-Компанцевъ, коей Капитаномъ была она сама, сформированная изъ огромнаго роста красавцевъ, заключала въ себѣ цвѣтъ Дворянства Русскаго. Будучи лично извѣстны Великой Екатеринѣ, многіе изъ нихъ занимали въ послѣдствіи высшія должности въ Государствѣ.

Когда дошелъ первый слухъ о приближеніи бунтовщика, старикъ рѣшился удалить жену и малолѣтнихъ дѣтей въ другую деревню; но ни слезы беременной жены, ни вопли уже взрослыхъ дочерей, не могли убѣдить его уѣхать съ ними: онъ остался съ старшимъ сыномъ, только что пріѣхавшимъ въ отпускъ по производствѣ въ Офицеры. На всѣ убѣжденія близкихъ онъ отвѣчалъ: «Мнѣ нельзя уѣхать; я Дворянинъ. Скажутъ, что я испугался, вструсилъ вора; нѣтъ, умру, а не уѣду: матушка Царица васъ не оставитъ.»—«Отпусти, по крайней мѣрѣ, со мной сына!» упрашивала его жена.—«Нѣтъ, возьми меньшихъ, а этотъ пусть умретъ: онъ будетъ драться съ ворами.»

Горькія слезы семейства не поколебали рѣшимости его; онъ отеръ навернувшуюся слезу, благословилъ ихъ, сѣлъ въ линѣйку, и поскакалъ къ сосѣдямъ убѣждать ихъ собраться съ дворовыми людьми, болѣе надежными, къ нему въ домъ. Домъ этотъ былъ каменный, съ подвалами, желѣзными дверьми и рѣшетками; въ нижнемъ жилѣ, въ подвалахъ, заготовлено было воды и провизіи недѣли на двѣ; по убѣжденію его, помѣстились въ немъ 12 че-

ловѣкъ Дворянъ, старый Священникъ и до 40 человѣкъ дворовыхъ съ оружіемъ и лучшимъ имуществомъ. Нѣсколько дней шайки не являлось въ окрестностяхъ. Наконецъ узнали, что человѣкъ до двухъ сотъ сволочи, подъ командою Казаковъ, грабятъ верстахъ въ 10 домъ помѣщика. «Смѣются что ли они, воры, надъ нами? Подъ носомъ озорничаютъ: я ихъ уйму. Лошадей!» закричалъ запальчиво старикъ. Охотники бросились исполнять приказаніе его подъ надзоромъ сына и нѣкоторыхъ Дворянъ.

—А что, Миша, спросилъ его Вака, шутъ, любимецъ: не лучше ли не дразнить шмелей?

—Развѣ ты струсилъ, подлецъ?

—Мнѣ чего трусить, Миша? Я не баринъ. За себя, ты знаешь, я постоять умѣю: кистень изъ рукъ не вывалится.—Вака былъ не дуракъ, а балагуръ, силачъ, лихой наѣздникъ и охотникъ; а по тому и любимецъ прадѣда вашего. Онъ часто употреблялъ его, чтобъ осмѣять какого либо скупца, или фанфарона сосѣда. Вака щегольски разыгрывалъ роль шута и былъ въ славѣ въ околоткѣ; люди боялись его языка а волки кистеня, которыхъ онъ на всемъ скаку билъ безъ промаха.

—Я съ тобой, Миша, сказалъ шутъ задумавшемуся барину, когда лошадей осѣдлали. Вака на нѣгомъ жеребцѣ, грива котораго почти волочилась по землѣ, балагурилъ съ охотниками, нѣсколько оробѣвшими. Вышелъ прадѣдъ вашъ съ сыномъ и большею частію Дворянъ; старецъ Священникъ благословилъ ихъ крестомъ. Прадѣдъ вашъ былъ въ юберрокѣ, поверхъ котораго была надѣта тяжелая Лейбъ-Компанская кираса; на толстой серебряной цѣпи висѣлъ огромный палашъ, голова была покрыта шишакомъ; цѣлой головой онъ былъ выше прочихъ. Сынъ его, Куприянъ Михайловичъ, былъ видный молодой драгунскій Офицеръ, въ формѣ своего полка. «Съ Богомъ!» сказалъ вашъ прадѣдъ своимъ спутникамъ. Осенній день вечерялъ; знакомые съ мѣстностью охотники, проѣхавъ рощею, спустились въ оврагъ, которымъ можно было подъѣхать незамѣтно къ саду дома, гдѣ были злодѣи. Сождавъ ночи, Вака съ 4 человѣками, по приказанію барина, прокрался къ дому; товарищи его залегли въ кустахъ; онъ сбросилъ армякъ, прикрывавшій его шутовской нарядъ, и безстрашно пошелъ къ пирующимъ.

—Богъ на помочь! сказалъ онъ, вошедши.

Вака, мое сердце вѣщунъ: надо бы кривую собаку посадить на вышку; а еще бы лучше повѣсить на первой осинѣ.

Ночью караульные разбудили прадѣда вашего. Багровое зарево видѣлось надъ деревней, въ которой истреблены бунтовщики; въ слѣдъ за нимъ вспыхнуло ближайшее село, и менѣе чѣмъ въ часъ всѣ окрестныя деревни пылали. На дворѣ въ осеннюю ночь было свѣтло, какъ днемъ. Спустя немного время, прибѣжалъ крестьянинъ и объявилъ, что Пугачовъ съ огромной партіей остановился верстахъ въ 5-ти, и утромъ, по убѣжденію Попа и доносу цѣловальника, для истребленія партіи бунтовщиковъ, явится въ Родники. Прадѣдъ вашъ собралъ людей, объявилъ имъ объ опасности, и дозволилъ тѣмъ, которые боятся умереть, выйти изъ дому.

—Вамъ не безчестно спасать свою жизнь, сказалъ онъ съ грустію: вы не Дворяне.

—Экой ты гордой, Миша, перервалъ его Вака, и умереть-то намъ по Дворянски не дозволяетъ. Ну нѣтъ, дружище: кто какъ хочетъ, а я умру по Дворянски; да и вамъ, ребята, совѣтую его не слушать. Спросите хоть батьку Алексѣя: кто умретъ по Дворянски, будетъ въ раю. Слова Ваки подѣйствовали на оробѣвшихъ дворовыхъ, всѣ бросились на колѣни. «Жили съ вами, отцы наши, и умремъ съ вами,» закричали они въ одинъ голосъ.

—Да благословитъ васъ къ страданіямъ Страдавшій на крестѣ! сказалъ старый Священникъ, осѣняя крестомъ.

Всѣ бросились цѣловать крестъ, произнося клятву быть вѣрными.

—Миша, сказалъ Вака, ребята-то знаютъ, гдѣ раки зимуютъ: всѣмъ въ рай хочется. Вотъ у дяди Евѳима шестеро по лавкамъ: небось, старый хрѣнъ впередъ всѣхъ по барски умирать собрался. Давай-ка, дядя, побратаемся: я справа, а ты слѣва, возлѣ Миши умирать станемъ. Рѣчь Ваки обращена была къ старику, огромнаго роста, бывшему сперва камердинеромъ, а потомъ управителемъ, прадѣда.

—Вѣкъ ты не вралъ, Вака, умнѣе, сказалъ старикъ, подавъ ему руку.

Почти съ разсвѣтомъ явился Казакъ и передалъ чрезъ мужика указъ Пугачова, называвшагося Петромъ III, чтобъ прадѣдъ вашъ съ Дворянами шелъ къ батюшкѣ Царю безъ опаски;

что онъ за прежнюю его службу пожалуетъ, и что онъ, не узнавъ его людей, разбилъ ихъ, въ вину ему не поставитъ; по тому что тѣ люди безъ вѣдома Царя озорничали. Желалъ ли симъ выманить дѣда хитрый Пугачовъ, или, узнавъ о храбрости и уваженіи къ нему всего околотка, хотѣлъ привлечь его на свою сторону обольщеніями, не извѣстно. Прадѣдъ вашъ прочиталъ письмо всѣмъ, но никто не согласился выкупить жизнь безчестьемъ. Онъ написалъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія: «Петра III-го я видѣлъ лично мертваго, былъ при его погребеніи, присягнулъ Императрицѣ Екатеринѣ; знаю, что называющій себя Царемъ Емелька Пугачовъ, воръ и разбойникъ, Донской Казакъ. Съ повинной не йду и смерти не боюсь: да будетъ надо мною воля Божія!» Письмо передано чрезъ мужика.

Не прошло часу, пыль по дорогѣ показала приближеніе бунтовщиковъ. Огромная шайка Казаковъ, мѣщанъ, дворовыхъ людей и крестьянъ, окружили домъ; нѣкоторые были вооружены, а большая часть съ пиками, топорами, косами и желѣзными вилами. Вдали виднѣлся кружокъ лучше вооруженныхъ и одѣтыхъ: это была дружина приближенныхъ Пугачова: въ ней былъ кривой цѣловальникъ и Попъ съ крестомъ въ рукахъ; нѣсколько человѣкъ Казаковъ, отдѣлясь отъ нихъ съ Попомъ, подъѣхали къ мужикамъ и что-то жарко разговаривали. Видно было, что послѣдніе сопротивляются; человѣкъ до 20 изъ окружающихъ Пугачова вновь подъѣхали къ толпѣ, подвезли бочку съ виномъ: чернь въ драку бросилась пить, кто чѣмъ попало, кто шляпой, кто рукавицами. Наконецъ вся толпа бросилась къ дверямъ, подъ предводительствомъ Казаковъ, нѣкоторые тащили бревно, вѣроятно, чтобы выбить рѣшетки нижняго этажа, или двери.

—Мѣть въ Казаковъ! сказалъ прадѣдъ вашъ.

Раздался выстрѣлъ винтовокъ и ружей, рѣдкая пуля миновала своей цѣли: человѣкъ 20 Казаковъ слетѣли съ лошадей, вся толпа бросилась назадъ.

—Что, не охотники воры, до нашихъ орѣховъ! сказалъ Вака.

Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній толпа, предводительствуемая Казаками, съ ужаснымъ ревомъ вновь бросилась отбивать двери. Опять посыпался градъ пуль, но не остановили онѣ разъяренную и опьянѣвшую чернь.

—Погляди, Вака: нѣтъ ли нашихъ? сказалъ прадѣдъ вашъ.

—Нѣтъ, Миша: это все пьяницы Ласковцы. «Куприянъ, стань къ тому окну, что съ боку дверей съ мушкетантомъ, цѣль по тѣмъ, которые ближе къ дверямъ! Раздался выстрѣлъ двухъ мушкетантовъ въ стѣсненную толпу; изъ другихъ оконъ также дали залпъ изъ 4 мушкетантовъ, за тѣмъ засвистали пули изъ винтовокъ. На дворѣ были только убитые и раненые: картечь мушкетантовъ въ тѣсной толпѣ сдѣлала ужасное пораженіе, и, по близости цѣли, рѣдкая рана не была смертельна.

Разбѣшенные неудачею злодѣи, боясь подходить близко, подвезли пушку; долго уставляли, наконецъ раздался выстрѣлъ, ядро задѣло карнизъ и часть крыши, не нанеся ни какого вреда; сдѣлали еще нѣсколько неудачныхъ выстрѣловъ. Ободренные охотники явно увидѣли, что имъ нечего бояться. «Видишь, дядя Евѳимъ, Іуда-то вертиться: твоя винтовка далеко бьетъ,» сказалъ Вака. Старикъ положилъ длинную винтовку свою на окно, долго цѣлился, раздался выстрѣлъ, и цѣловальникъ растянулся возлѣ пушки: ее отвезли дальше, выстрѣлы едва долетали до дому и ядра едва ударялись въ стѣну. Видя и въ этомъ неудачу, злодѣи прекратили стрѣльбу.

Одинъ изъ людей, глядѣвшихъ въ слуховое окно, прибѣжалъ къ прадѣду и доложилъ, что значительная толпа народу скопилась въ саду; старикъ послалъ сына и Ваку посмотрѣть, къ чему клонится умыселъ злодѣевъ. «Что они затѣваютъ, Вака?» спросилъ молодой баринъ. Навиваютъ солому и сѣно на воза, да и мужики, кажись, наши; за чѣмъ бы это?»

—Теперь вижу, что затѣваютъ воры, сказалъ Вака. Вотъ начали разбирать полѣницы и накладывать на воза.

—Они хотятъ зажигать домъ. Кто жь ихъ допуститъ? Станемъ стрѣлять.—А что имъ сдѣлаешь, баринъ, за возами? И много ли помѣстимъ въ двухъ окнахъ людей?—Что жь мы будемъ дѣлать, Вака?—Умирать, баринъ: видно такъ угодно Богу. Но надо передъ смертью посчитаться съ канальями.—Вака сбѣжалъ внизъ и разсказалъ старому барину свои догадки. Лучшіе стрѣлки съ винтовками и старый Евѳимъ явились къ слуховымъ окнамъ. Прадѣдъ не могъ взойти по крутой лѣстницѣ, и остался въ низу охранять наружную часть дома; деревья, росшія густо въ саду, мѣшали стрѣлять. Евѳимъ пустилъ нѣсколько пуль, и каждая свалила съ коня распоряжавшагося Казака; но работа не прекра-

щалась; видно было, что Казаки били нагайками крестьянъ, неохотно исполнявшихъ ихъ приказанія; наконецъ телѣгъ 50 съ соломой, сѣномъ и дровами, начали подъѣзжать къ дому; Казаки прятались за возами и деревьями, били крестьянъ, есьли тѣ останавливались. «Не подъѣзжай, убью! закричалъ Евѳимъ молодому, ѣхавшему въ передъ, крестьянину; тотъ остановился, выстрѣлъ изъ пистолета раздробилъ руку несчастнаго, и онъ упалъ замертво; вдали посыпались удары нагаекъ и, не смотря на стрѣльбу, обозъ подошелъ къ дому. Крестьяне выпрягли лошадей, Казаки, которые были спѣшены, поползли въ густой травѣ, какъ змѣи, прочь отъ дому, и менѣе осторожные поплатились жизнью съ Евѳимомъ, котораго винтовка не бросала пуль на вѣтеръ; но менѣе искусные и смѣтливые охотники не были такъ удачны: они боялись даже стрѣлять, чтобы не убить своихъ. Ободренные успѣхомъ, злодѣи вновь начали навивать воза, другой обозъ придвинулся съ меньшимъ уроиомъ; вспыхнулъ огонь на одномъ концѣ, потомъ на другомъ; вѣтеръ былъ прямо на домъ, дымъ и пламя мѣшали стрѣлявшимъ изъ слуховыхъ оконъ. Евѳимъ, снявъ съ окна винтовку и угрюмо взглянувъ на Ваку, сказалъ: «Худо братъ: не попадешь въ нихъ теперь.»—Да, плоховато, дядя Евѳимъ; пойдемъ лучше умирать возлѣ Миши.»—Пойдемъ, отвѣчалъ Евѳимъ: мнѣ и такъ недолго жить осталось.» Опасность была извѣстна вашему прадѣду, но ни малѣйшей робости не замѣтно было на лицѣ его; онъ не мутилъ, не ободрялъ товарищей своихъ, но увѣщевалъ ихъ умереть вѣрными своему долгу.

Всѣ стали на колѣни; не слышно было рыданій; лишь шопотомъ произносились молитвы къ Всевышнему, да дастъ силы перенести страданія; старецъ Священникъ тоже молился. Вдругъ какой-то восторгъ проявился на лицѣ его, онъ всталъ и, осѣня крестомъ молящихся, сказалъ: «Благословляю васъ, вѣрныи, крестомъ Спасителя, страдавшаго за насъ, на страданіе: тамъ, у престола Всевышняго, награда ваша; примите вѣнецъ мученическій, приступите и примите теперь тѣло и кровь Спасителя!» Всѣ подошли къ нему, и пріобщились запасными дарами, кои онъ имѣлъ съ собою. Показался дымъ отъ загорѣвшагося пола, нѣкоторые бросились тушить его и почти успѣли въ этомъ; огонь показался на потолкѣ; пробраться на подволоку былъ не возможно: вся кровля горѣла. Прадѣдъ вашъ подозвалъ охотниковъ: «Друзья мои!

Вы были вѣрны вашимъ господамъ, но вы не связаны клятвою: у васъ есть семейства, ступайте, спасайтесь!» Многіе начали прощаться съ господами своими, цѣловали ихъ руки, обнимали колѣни. Видно было, какъ горько имъ было разстаться съ ними. «Прости, Евѳимъ, сказалъ прадѣдъ вашъ.»—«Я не разстанусь съ тобою, отецъ мой: 60 лѣтъ я служилъ тебѣ вѣрно, и умру твоимъ слугою.»

—«А ты, Вака?»—«Погляди, какой я Вака: я баринъ (на Вакѣ, вмѣсто шутовскаго платья, былъ сертукъ одного изъ помѣщиковъ, который, чтобы избавиться отъ смерти, промѣнялся съ нимъ на его шутовскій нарядъ). «Подлецъ Вака убѣжалъ, умирать боится, продолжалъ Вака, я за него умру.» Потомъ подошелъ Куприянъ Михайловичъ, сталъ на колѣни предъ отцомъ, чтобъ принять его благословеніе. Всѣ рыдали, но прадѣдъ вашъ былъ твердъ: ни одна слеза не обличала его душевнаго волненія. Комнаты болѣе и болѣе наполнялись дымомъ, роковая минута настала, оттворили двери, охотники вышли, брося оружіе. Прадѣдъ вашъ съ обнаженнымъ палашомъ, возлѣ его, съ права, Вака съ кистенемъ, а Евѳимъ съ топоромъ, за ними Куприянъ Михайловичъ и 10 человѣкъ Дворянъ, вооруженныхъ саблями и пистолетами. «Бери бунтовщика! Не слушается батюшки Царя Петра!» заревѣла толпа: нѣсколько Казаковъ съ пиками бросились на прадѣда; какъ тростники перелетѣли древки отъ удара тяжелаго палаша, кистень Ваки раскололъ нѣсколько головъ Казачьихъ, желавшихъ съ боку нанести ударъ его барину. Евѳимъ крошилъ топоромъ съ другой стороны; атлетическая сила и отчаяніе трехъ человѣкъ долго боролись съ толпою нападавшихъ; кровь текла ручьями изъ Евѳима и Ваки, получившихъ нѣсколько ранъ пиками, но они защищали своего барина. Наконецъ рука Ваки начала слабѣть. Раздался выстрѣлъ, прадѣдъ вашъ закачался и упалъ на колѣни: пистолетная пуля раздробила ему ногу. «Прочь, злодѣй!» закричалъ Евѳимъ, разсѣкая черепъ Казаку, схватившему за руки прадѣда, и самъ грянулся на полъ, пораженный пулею въ грудь. Толпа кинулась было рубить прадѣда: «Не бить собаку» (кричалъ толстый Казакъ): «ведите его къ батюшкѣ Царю!» Ослабѣвшему старцу связали руки и потащили къ Пугачову, который сидѣлъ на лошади возлѣ пушки, окруженный Казаками и каторжными, на коихъ и знаки клеймъ не совсѣмъ были выведены. Почти къ самымъ ногамъ притащили

несчастнаго и лишеннаго чувствъ. «Развяжите его! сказалъ Пугачовъ. Развязали, онъ поднялся и сѣлъ, не имѣя силъ стоять.

— Что, спросилъ Пугачовъ, принесешь повинную? Узнаешь Царя?

—Ты Царь? спросилъ страдалецъ.

—Да! Началъ, видно, узнавать?

—Нѣтъ, ты не Царь, а злодѣй, бунтовщикъ, Емелька Пугачовъ. Въ рукахъ твоихъ, извергъ, только мое бренное тѣло, а душа въ волѣ Божіей. Знаю участь мою, но не страшусь мученій и не измѣню Богу и Царицѣ.

—Увидимъ: проревѣлъ Пугачовъ. Привязывай къ пушкѣ!

Злодѣи бросились исполнять приказаніе его. Одинъ изъ Полковниковъ, бывшій прежде палачомъ, распоряжался: сорвали кирасу, руки привязали къ пушкѣ, а ноги къ кольцамъ лафетнаго станка, платье изорвали.

—Власъ, не вдругъ! сказалъ Пугачовъ Полковнику.—Знаю, батюшка, не привыкать, отвѣчалъ извергъ.

Удары нагаекъ не вызвали стона: мученикъ читалъ молитвы, кровь обливала тѣло его, изверги продолжали бить.

—Стой! раздался голосъ Пугачова, и онъ подъѣхалъ къ страдальцу ближе.

Возлѣ Пугачова держали связаннаго Куприяна Михайловича. Лицо его было облито кровью отъ раны на головѣ.

—Узнаешь, что ли, старая собака, сына? спросилъ Пугачовъ. Признай меня Царемъ, и я прощу тебя и его; не прізнаешь, сейчасъ велю повѣсить предъ твоими глазами.

—Господи, подкрѣпи! произнесъ страдалецъ и, взглянувъ на сына, сказалъ: «Куприянъ, клянись мнѣ, что не признаешь злодѣя Царемъ!»

—На признаю, отецъ мой.

—Благословеніе Божіе и мое надъ тобою!

—На вороты, чтобъ видѣлъ старый чортъ!

Предъ самыми глазами мученика повѣсили сына. Онъ продолжалъ молиться. Крестьяне, стоявшіе вдали, упавъ на колѣни, завопили: «Помилуй, батюшка Государь, барина: онъ былъ отецъ нашъ.» Самые изверги, окружавшіе Пугачова, были тронуты твердостію страдальца и любовью къ нему крестьянъ, которую и самая опасность подвергнуться той же участи не могла потушить.

Пугачовъ, замѣтя это, сказалъ извергу, исправлявшему должность палача: «Скорѣй!» и тотъ усилилъ удары. Истерзанное тѣло висѣло кусками, но неясные звуки молитвы были еще слышны изъ устъ страдальца.

—Господи, пріими духъ мой! были послѣдними его словами. Вдругъ толпа раздалась: сквозь нея ринулся къ ногамъ его Вака, который, опомнясь отъ оглушившаго его удара, съ отчаяніемъ пробился къ своему господину. Ударъ въ голову уложилъ его мертвымъ тутъ же, и онъ судорожно сжалъ руками ноги своего господина.

—Собакамъ на кормъ! Кто мнѣ не слуга, проревѣлъ Пугачовъ, никто не смѣй хоронить! Три дня лежали трупы мучениковъ. Старый Священникъ предалъ землѣ тѣла ихъ: но руки Ваки окостенѣли вокругъ ноги барина, ихъ не могли разнять, и одна могила вмѣстила трупъ вашего достойнаго прадѣда и вѣрнаго его слуги.

Роль шута не спасла Дворянина отъ смерти. Пугачовъ, узнавъ, что Вака дѣйствовалъ болѣе всѣхъ при разбитіи его шайки, велѣлъ его повѣсить вмѣсто Ваки. Богъ наказалъ малодушнаго и въ здѣшнемъ мірѣ.

О

ВЗЯТКАХЪ, ВЗЯТОЧНИКАХЪ И ДОНОСЧИКАХЪ. [1]

Взятка, взяточникъ, суть слова, принадлежащія собственно Русскому языку, и не всегда имѣютъ то значеніе, которое у другихъ народовъ присвоивается этой черной сторонѣ человѣка. Обширное значеніе у насъ слова взятка часто неправильно выражаетъ естественныя слабыя стороны человѣчества: угодливость, самосохраненіе и т. п., а также иногда скрываетъ преступныя страсти людей: сребролюбіе, корыстолюбіе, вымогательство и т. п.

Слова: взятка, взяточникъ, какъ должно полагать, вошли у насъ въ употребленіе со времени владычества Татаръ въ одной части нашего отечества. [2] То, что у насъ подразумѣвается подъ словомъ взятка, у другихъ Европейскихъ народовъ (исключая Магометанъ), на ихъ языкахъ, буквально знаменуетъ: лихоимство, подкупъ, совращеніе, вымогательство, корыстолюбіе и т. п. [3] Но всѣ эти синонимы далеко не то, что на Рус-

---

[1] Записка эта была написана, по порученію, въ Маѣ 1856 года.

[2] Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи простонародіе называетъ взятку габсой: «Онъ сорвалъ габсу; онъ далъ габсу; онъ сгабсилъ» и т. п. Иногда, впрочемъ, очень рѣдко, извощики тяжестей и, конечно, тѣ, которые посѣщаютъ Нѣмецкія области, когда бываютъ вынуждены дать взятку, говорятъ: «Я забецалилъ. Да ты бы ему забецалилъ. Сколько съ тебя сорвали забецала?» и т. п. Слова эти видимо передѣланы съ Нѣмецкаго языка (bezahlen). Относительно же слова габса, то и оно едва ли не происходитъ изъ того же источника, что и забецалить, а именно отъ слова Die Gabe, изъ котораго Русскій человѣкъ и сдѣлалъ габсу.

[3] На Латинскомъ языкѣ repetundae, venalitas; на Греческомъ δῶρον, δωρεά, δωροκία, на Еврейскомъ шаухетъ; на Турецкомъ рушветъ, рушатъ, бозманъ, аздермакъ, бузульмакъ, азмакъ, чалмакъ, сателеръ и пр. Славяне Турецкой Имперіи употребляютъ Турецкое слово. На Французскомъ corruption, extortion; на Нѣмецкомъ Bestechung, Erpressung; на Англій-

комъ языкѣ взятка. На другихъ языкахъ это означаетъ вообще: преступленіе, постыдное дѣйствіе, а по тому тамъ постыдная страсть эта обозначается точнѣе, и человѣкъ, подверженный оной, пятнается общественнымъ мнѣніемъ правильно, по тому что это доказывается юридически, а не догадочнымъ, или голословнымъ, образомъ, тѣми людьми, которые имѣютъ въ рукахъ своихъ монополію права класть печать эту изъ личныхъ видовъ, по злобѣ ли, по мести, или для прикрытія собственно своихъ дѣйствій въ этомъ родѣ, или, наконецъ, чтобы высказывать свою дѣятельность. Словомъ, какъ будто бы эти люди не принадлежатъ общей семьѣ народа и не имѣютъ общихъ свойствъ человѣка, по тому только, что носятъ мундиръ, или только воротникъ другого цвѣта. Между тѣмъ, какъ у насъ взятка, въ среднемъ и нижнемъ чиновничьемъ кругѣ, не всегда есть слѣдствіе страсти къ лихоимству, такъ что берущій оную можетъ быть вовсе чуждъ помянутаго преступленія.

Но если у всѣхъ другихъ народовъ на ихъ языкахъ и нѣтъ словъ: взятка, взяточникъ, то изъ этого не должно, однако же, заключать, чтобы преступная страсть эта не была болѣе, или менѣе, развита и между всѣми другими народами, и едва ли она не родилась вмѣстѣ съ человѣкомъ.

Не говоря уже о слѣдахъ влеченія къ оной, находимыхъ нами въ миѳологіи и твореніяхъ Гомера, мы видимъ изъ книгъ Ветхаго Завѣта, что взятки и взяточники были въ сильномъ развитіи между Судьями и другими начальниками Израильскихъ колѣнъ. Въ книгѣ Царствъ (1 глав. 8 — 14 и пр.) мы встрѣчаемъ сыновей Самуила зараженными мздоимствомъ, корыстолюбіемъ и вообще они являются неправильными судіями и т. д. Въ древней исторіи Персіи Камбизъ приказалъ снять съ живаго Остенея кожу и обтянуть ею судилищное кресло, на которое посадилъ сына несчастнаго судьи, чтобъ заступилъ мѣсто отца. Древняя Греція и Римъ представляютъ намъ то же самое. Въ этомъ послѣднемъ были законы (Lex de repetundis) собственно противъ лихоимства. Рѣчь Цицерона, произнесенная имъ въ Римскомъ Се-

---

скомъ bribery, extorsion, exaction; на Польскомъ podkup, а иногда wziątka. Это послѣднее, конечно, происходитъ отъ Русскаго языка, тѣмъ болѣе, что слова взяточникъ нѣтъ на Польскомъ языкѣ.

натѣ противъ Римскаго намѣстника въ Сициліи, Верреса, обвиняемаго въ лихоимствѣ, есть важнѣйшее письменное доказательство о развитіи этой страсти между Римскими сановниками. Но не только Греки и Римляне, почитавшіеся въ ту пору народами просвѣщенными, вмѣщали въ себѣ этотъ порокъ, но и народы, извѣстные тогда подъ именемъ варваровъ, поглотившіе въ послѣдствіи и Римъ и Грецію, не отставали отъ нихъ въ этомъ отношеніи. Свида оставилъ намъ любопытный отрывокъ, доказывающій эту истину. Описывая паденіе могущественнаго Царства Аваровъ около половины IX столѣтія, онъ присовокупляетъ: «Когда Крумъ, грозный для Восточной Имперіи Царь Болгарскій, спросилъ у плѣнныхъ Аваровъ о причинахъ паденія ихъ Царства, они отвѣчали: «Паденіе это совершилось по тому, что взаимныя обвиненія сдѣлались часными, а это было причиною пагубы благоразумнѣйшихъ и мужественнѣйшихъ между нами. По тому, что судьи сдѣлались участниками воровъ и людей несправедливыхъ; по тому, что изобиліе вина произвело пьянство, которое, въ свою очередь, породило дерзость; по тому что развратъ вкрался посредствомъ взятокъ, или подарковъ; по тому, что мы всѣ сдѣлались торговцами; ни о чемъ другомъ не думали, какъ только о томъ, какимъ бы образомъ обмануть одинъ другого. Вотъ причины нашей гибели!» Крумъ, выслушавъ неопроверженную вѣками эту великую политическую истину, созвалъ всѣхъ поглаварей Болгарскихъ и, между прочимъ, постановилъ законъ: «Если кто будетъ обвинять другого, то выслушивать обвинителя не иначе, какъ заковавъ его въ желѣзо, и если найдутъ, что онъ клеветникъ, то предавать его смерти» и пр. Въ лѣтописи Франціи мы находимъ, что страсть эта обуревала должностныхъ лицъ еще до Св. Людовика, и постепенно усиливалась до переворота 1792 года. И послѣ, и недавно еще, не видимъ ли Министра Теста (1847), приговореннаго за взятки? Герцогъ Рошефуко, болѣе ста лѣтъ тому назадъ писавшій, справедливо замѣчаетъ, въ своихъ разсужденіяхъ, что «развращеніе нравовъ примѣшивается ко всему и пороки входятъ въ составъ добродѣтелей точно также, какъ яды входятъ въ составъ цѣлебныхъ средствъ.»

При такихъ условіяхъ и при существованіи въ нѣкоторыхъ Государствахъ законовъ и учрежденій, способствующихъ лихоим-

ству, стремленіе человѣка къ обогащенію себя не имѣетъ предѣловъ. На этихъ-то основаніяхъ Испанцы замѣчаютъ, что женская добродѣтель и честность опредѣляются цифрами. Въ первомъ случаѣ исторія сохранила намъ разговоръ одной Французской Королевы съ вельможей своего двора. Во второмъ, мы убѣждаемся очень часто, что тотъ, который не возметъ двадцати пяти рублей, не откажется отъ сотни; другой, отвергая сто рублей, будетъ благодаренъ за тысячу; третій откажется отъ этой суммы, а возметъ десять тысячъ; не принимающій десяти тысячъ не отречется ста тысячъ; отказывающійся отъ этого, возметъ милліонъ и т. д. И здѣсь Испанцы едва ли не справедливы. Люди всѣхъ странъ одинаковы; страсти ихъ общи, исключеній не много. Законы, въ какомъ бы то ни было Государствѣ, не одинаково дѣйствуютъ на всѣ сословія: бѣдный чиновникъ, взявшій за труды свои десять, или двадцать пять, рублей, для пропитанія своего сумейства, подвергается всей строгости законовъ, тогда какъ стоящій на цифрѣ ста тысячъ и болѣе остается не только что безъ преслѣдованія, но, богатѣя болѣе и болѣе, пріобрѣтаетъ и болѣе значенія. Это такъ не только что нынѣ, но едва ли и не съ самаго того времени, какъ начали постановляться законы, и этотъ упрекъ законамъ касается древнѣйшихъ временъ. Діогенъ Лаертскій уподобляетъ законы паутинѣ, которая останавливаетъ мухъ, но птицы прорываютъ ее. Великій баснописецъ нашъ выразилъ это еще сильнѣе:

«Что сходитъ съ рукъ ворамъ,
За то воришекъ бьютъ!»[1]

Несомнѣнно, что въ каждомъ Государствѣ есть взяточники. Большее, или меньшее, число оныхъ проявляется существующимъ порядкомъ вещей въ томъ, или другомъ, Правительствѣ. Тамъ, гдѣ чиновникъ обезпеченъ, хотя и скуднымъ, но достаточнымъ для пропитанія себя, содержаніемъ, а главное, когда онъ убѣжденъ, что, исполняя добросовѣстно свою обязанность, онъ охраняетъ отъ гибельнаго для всѣхъ Государствъ самоуправства, а если и подпадетъ подъ оное, то у него есть путь къ предъ-

[1] Я гдѣ-то читалъ:

«Бичуя маленькихъ воришекъ,
Для удовольствія большихъ!»

явленію своей правоты, тогда, въ такомъ Государствѣ, само собою разумѣется, число взяточниковъ не столь велико; ибо, на помянутыхъ основаніяхъ, каждый дорожитъ своимъ мѣстомъ, которое обезпечиваетъ, посредствомъ закона, его будущность, закона, котораго, безъ добросовѣстнаго изслѣдованія, ни кто не вправѣ нарушить. [5] Но, напротивъ, тамъ, гдѣ участь чиновника зависитъ отъ перемѣны Директора, Начальника Отдѣленія, Правителя Канцеляріи, а участь этихъ, въ свою очередь, отъ перемѣны Министровъ, большею частію имѣющихъ правило замѣнять прежнихъ чиновниковъ своими, какъ будто бы чиновники должны служить ихъ личности, а не Государю, [6] словомъ, въ тѣхъ Государствахъ, гдѣ ни одинъ изъ служащихъ, при всей своей чистотѣ дѣйствій и способностяхъ, не убѣжденъ въ прочности своего мѣста и ежечасно подверженъ прихоти Начальника, противъ котораго нѣтъ ему путей доказывать свою невинность, тутъ, по естественному стремленію каждаго человѣка къ самоохраненію, на случай невзгоды, онъ старается не упускать случая матеріяльно себя обезпечивать. Горе тому, у котораго собранная цифра незначительна: тогда съ потерею мѣста онъ остается и нищимъ. Но не то бываетъ съ тѣми, которымъ сопутствуетъ счастіе, случай, а иногда и самое покровительство Начальства. [7] Пользуясь симъ, они успѣваютъ, какъ говорится, въѣсться въ эту промышленность: тогда цифра ихъ состоянія обезпечиваетъ ихъ служебный и частный бытъ.

---

[5] Въ Германіи мнѣ случалось видѣть лица въ третьемъ поколѣніи занимающихъ одну и ту же должность, какъ, на примѣръ: Почтмейстера, Сборщика податей и т. под.

[6] Это мы видимъ ежедневно въ Европѣ, что поступающій вновь Министръ мѣняетъ многихъ должностныхъ лицъ, служившихъ при его предмѣстникѣ.

[7] Обыкновенная чиновничья взятка заключается въ цифрѣ отъ трехъ до пяти сотъ, смотря по лицамъ и дѣламъ. Эта послѣдняя случается рѣдко, еще рѣже въ тысячу и т. д. Но если она восходитъ до пяти тысячъ, то здѣсь уже есть покровительство. Цифры же: двадцать пять, пятьдесятъ и сто тысячъ (случается и болѣе), выходятъ изъ обыкновенныхъ чиновничьихъ взятокъ, и Директоръ и Правитель Канцеляріи вступаютъ тогда въ дѣлежъ со своими Начальниками. Это тѣмъ болѣе очевидно, что такіе Правители Канцеляріи остаются на мѣстѣ по нѣсколько лѣтъ, и, не смотря на всѣ указанія и противозаконныя дѣйствія, не теряютъ довѣренности своего прямаго Начальника, который, пользуясь своимъ положеніемъ, еще осыпаетъ его наградами. Такъ,

Такой порядокъ вещей неотмѣнно долженъ увеличивать число взяточниковъ, которымъ представляется самый вѣрный расчетъ, по тому что чѣмъ болѣе они наберутъ, тѣмъ болѣе будутъ пользоваться вниманіемъ, какъ люди достаточные; это служитъ образцомъ для другихъ и поощряетъ ихъ искать возможныхъ случаевъ, чтобъ обезпечивать и себя, [8] на тотъ конецъ, что если и не за взятки, а такъ, просто, по самоуправству, потеряютъ должность, или вовсе службу, въ такомъ случаѣ честность, это безсмысленное слово въ такомъ порядкѣ вещей, не спасаетъ ихъ, а по тому все равно, берутъ ли они, или нѣтъ; слѣдовательно, имъ должно прибѣгать къ первому средству, и уже руководствоваться поговоркой: «Брать, такъ брать: и съ живаго и съ мертваго, и даже съ имѣющихъ родиться!»

Въ тѣхъ Государствахъ, гдѣ каждый, занимающій мѣсто, огражденъ отъ своеволія начальниковъ, противу беззаконія которыхъ, не смотря ни на какое лицо, онъ находитъ справедливость, въ такихъ Государствахъ и число взяточниковъ не столь велико: ибо не будетъ ни какого расчета играть въ эту опасную игру, въ особенности же, когда каждый такого рода проступокъ будетъ обсужденъ не голословно, а иногда еще и тѣми, которые подобными средствами успѣли уже сколотить себѣ состояніе, или дѣйствующими изъ личныхъ побужденій разнообразныхъ выгодъ. Подозрѣваемый во взяткахъ долженъ быть юридически уличенъ, и тогда безщадно подвергается всей строгости существующихъ законовъ. Здѣсь скажутъ: «Трудно доказать взятку юридически;» но это мнѣніе не имѣетъ ни какого основанія. Чтобъ взять взятку; нужно: исказить въ дѣлѣ истину, выставить ложно обстоятельства, ввести не бывалыя данныя и т. п. Но можетъ ли все это укрыться отъ добросовѣстнаго и свѣдущаго наблюдателя? Взять же взятку и обмануть, значитъ потерять довѣрен-

---

между прочимъ, Министръ во Франціи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уличенъ былъ во взяткѣ въ сто тысячъ франковъ.

[8] Галетъ Кюльтюръ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ о Россіи, между прочимъ говоритъ: «En Russie le vol ne déshonore pas, s'il produit le bien-être. Le cynisme habile est l'objet de tous les respects. On le cite en exemple, on aspire à l'imiter»... Но если бы дѣйствительно это было и такъ у насъ, то приблизительно не то ли самое и у многихъ другихъ, пожалуй, не только что въ той же степени, но и повыше?

ность на всегда у, такъ называемыхъ, благодарителей. Посягать же голословно на честь другого, значитъ методически потрясать Государственное зданіе, по тому уже одному, что подобное дѣйствіе роняетъ въ глазахъ народа ближайшую къ нему исполнительную власть, которая (а не Министры и другіе сановники) содержитъ массы въ повиновеніи. Эта истина была признана всѣми законодателями.

Всѣ Государства, во всѣ времена, чувствовали необходимость исправленія нравственности, и на этихъ основаніяхъ принимали соотвѣтственныя обстоятельствамъ и времени мѣры. Такъ начали учреждаться и тайныя вѣдомства, именуемыя иногда тайною полиціею. Обязанность этихъ вѣдомствъ раздѣлялась на два главныхъ отдѣла: нравственный и политическій. Относительно перваго, нравственнаго, такія вѣдомства занимались безнаказанно, офиціяльно, этою безгласною клеветою, [9] рѣшающею участь лицъ изъ особенныхъ видовъ: злобы, зависти и т. п. Противъ клеветы подобныхъ учрежденій не было, и не будетъ, возможности даже о мысли прояснять истину, по тому что доносы оныхъ составляютъ клевету закулисную, собираемую лицами самаго низшаго слоя, а иногда и руководители подобныхъ вѣдомствъ сами создавали, и создаютъ, то, что можетъ согласоваться съ ихъ тайными замыслами противъ лицъ, въ которыхъ направляли свое жало. Они клеймили свою жертву въ глазахъ главы Правительства, такъ что ни что не могло уже сгладить этого клейма. Сами же, какъ видимъ изъ записокъ Сартами, Пейше и другихъ, участвовали во всѣхъ игорныхъ обществахъ, разумѣется, съ вѣрнымъ бенефисомъ, содержали по нѣскольку любовницъ, и все это оправдывали необходимостію дѣлать связи по политическимъ обязанностямъ, и заставляли Правительство даже награждать своихъ сводчиковъ.

Въ дѣлахъ политическихъ такой образъ дѣйствія, пожалуй,

---

[9] Нума, въ своихъ постановленіяхъ, жестоко наказывалъ клеветниковъ, а послѣдующіе законы Римлянъ были еще строже. Выше мы видѣли, что даже варвары Среднихъ Вѣковъ признавали это необходимымъ. Петръ Великій постановилъ, чтобы доносчика тотчасъ сажали подъ крѣпкій караулъ. Александръ I-й питалъ презрѣніе къ подобнымъ злодѣямъ. Указъ, данный имъ на имя Херсонскаго Губернатора, въ 1816 году, останется вѣчнымъ памятникомъ Христіянской мудрости этого монарха.

могъ бы еще имѣть мѣсто; но въ дѣлахъ гражданскихъ беззаконность должна быть гласною, и обвиняемаго не слѣдуетъ приносить въ жертву, не выслушавъ его оправданія.

Какой же былъ итогъ такихъ учрежденій во Франціи, Австріи и въ инквизиціонныхъ Италіи и Испаніи? Въ первой изъ нихъ Кардиналъ Ришелье дѣйствовалъ самоуправно и раздавалъ въ огромномъ количествѣ свои Lettres de cachet, по просьбѣ своихъ кузинъ и даже камердинеровъ. Словомъ, никто не былъ огражденъ отъ клеветы, которая не столько погубила лицъ, сколько возмутила противъ Правительства слабаго Короля. Вліяніе Министра распространялось и на членовъ Царственнаго дома. Кардиналъ этотъ подготовилъ и ускорилъ переворотъ, совершившійся въ 1789 году. Всѣ сословія начали тайно искать средствъ, чтобы сбросить съ себя этотъ образъ закулиснаго дѣйствія. Въ Австріи Метернихъ такимъ же образомъ, въ особенности противъ Мадьяръ и Ломбардо-Венеціянъ, возбудилъ еще большую ненависть народа противъ Правительства и вызвалъ переворотъ 1848 года. Кто могъ и у кого можно было искать защиты противъ Кардинала, Метерниха и инквизиторовъ, освящавшихъ свои дѣйствія, одни видомъ предусмотрительной внутренней политики, а другіе личиною Христолюбивой политики? Всѣ ихъ дѣйствія основывались на шаткихъ данныхъ, почерпаемыхъ отъ доносчиковъ. Такія учрежденія приближали только политическій переворотъ Государствъ. Эти вѣдомства были ужаснѣе инквизиціи, суда Божьяго, Вестминстерскихъ судовъ и слова и дѣла; ибо въ сихъ послѣднихъ предъявлялись причины призыва, выслушивались оправданія, давались очныя ставки, и тогда, или оправдывали, или пытали, или казнили. Но выше упомянутыя учрежденія не находили нужнымъ объявлять вину и выслушивать оправданія: они казнили закулисно, и тѣмъ распространяли казнь на все потомство. Я разумѣю здѣсь не дѣла политическія и гражданскія, которыхъ обнаруженіе не должно быть тайною. Но эти вѣдомства находили легче проникать въ кабинеты и будуары, запиравшіеся на ключъ, и составлять о происходящемъ въ оныхъ свои таинственныя донесенія, чѣмъ замѣчать о происходящемъ, такъ сказать, на улицахъ! Худо понимая, или не желая вовсе понимать, что главная цѣль учрежденія такихъ вѣдомствъ заключается: вѣрно представлять Главѣ

Правительства нужды народа, чтобы имѣть время предупреждать оныя, и тѣмъ представлять Государю носить имя отца народа.

Казнь закулиснымъ орудіемъ увеличиваетъ въ геометрической прогресіи число недовольныхъ. Десять справедливыхъ рѣшеній не сдѣлаютъ такого впечатлѣнія на массы, какъ одна несправедливость, сопряженная еще съ какими-то таинственными формами. Это было понято въ Наказѣ Великой Екатерины. Такія дѣйствія отнюдь не уменьшатъ числа взяточниковъ, а, напротивъ, по многимъ причинамъ, увеличатъ оное. [10] Между же тѣмъ, какъ всѣ Государства, болѣе, или менѣе, признавали клеветниковъ вредными для общественнаго блага, учреждались, однако, офиціяльно отдѣльныя вѣдомства онымъ. Подобныя привилегіи, даруемыя нѣсколькимъ лицамъ, возбуждали ропотъ и заставляли каждаго спрашивать самого себя: «Отъ чего же не собираютъ отъ насъ свѣдѣній о нравственной сторонѣ тѣхъ лицъ, которымъ мы всѣ отданы на произволъ?» И дѣйствительно, не уже ли цвѣтъ воротника на мундирѣ человѣка, поставленнаго внѣ всякой отвѣтственности за клевету, могъ перерождать его, и изъ общихъ свойствъ, врожденныхъ смертному, содѣлывать его, такъ сказать, существомъ не земнымъ? Относительно же втораго отдѣла, политическаго, то мы видимъ, что подобныя учрежденія тайныхъ наблюденій часто доказывали всю ничтожность своего основанія, на тѣхъ началахъ, на которыхъ они дѣйствовали. Примѣромъ тому могутъ служить Генералы Малетъ, Гвидаль и Лагори, едва не поколебавшіе могущество Наполеона. Тайная Полиція узнала объ этомъ тогда только, когда заговорщики арестовали не только что Префекта оной, но и самаго Министра Полиціи, надменнаго Савари. Одинъ случай, ни какъ не ожиданный, спасъ только Имперію. Въ Вѣнѣ, въ 1848 году, за два часа предъ разрушеніемъ Имперіи и внезапнымъ побѣгомъ Метерниха, обнаружился заговоръ уже своимъ дѣйствіемъ, и многія другія событія доказываютъ, что такія учрежденія не знали о существующихъ издавна заговорахъ, обращая свое вниманіе только

[10] Замѣчательно мнѣніе Кардинала Ришелье, считаемаго поднесь великимъ Министромъ. Онъ признавалъ взяточничество полезнымъ во многихъ Государственныхъ случаяхъ, о чемъ пространно разсуждаетъ въ своемъ «Testament politique.»

на составленіе бездоказательныхъ закулисныхъ обвиненій во взяткахъ, въ неправильныхъ, въ ихъ понятіи, взглядахъ на тотъ, или другой, предметъ, а главное на тѣхъ, которыхъ взгляды не согласуются съ ихъ воззрѣніями и т. под.[11]

У насъ говорятъ: «Онъ взяточникъ; онъ беретъ взятки; онъ пользуется; онъ извлекаетъ; онъ не совсѣмъ чистъ» и т. д., обозначая тѣмъ и нравственное и матеріяльное пользованіе своимъ положеніемъ, именемъ, званіемъ, или мѣстомъ: принятіе благодарностей и частное вознагражденіе за усиленные труды по занимаемой должности, вознагражденіе за совѣты; съ другой стороны корыстолюбіе, лихоимство, вымогательство, подкупъ, совращеніе, кража на должности и т. п., одинаково безъ разбирательства кладутъ печать общественнаго мнѣнія во взяточничествѣ и клеймятъ безъ разбора каждаго, не вникая въ многочисленныя подраздѣленія этой слабости человѣчества. Во всѣхъ почти Государствахъ тотъ, кто выше другого, а по тому ближе къ Правительству, ищетъ выказывать это въ другихъ вѣдомствахъ, тогда какъ, можетъ быть, безъ случайнаго вліянія его, онъ первый долженъ бы былъ попасться въ томъ, что ищетъ приписы-

---

[11] Горестно и невольно дѣлаешь себѣ вопросъ: «Не уже ли, при всемъ желаніи изгонять казнокрадовъ, притѣснителей народа и ихъ покровителей, поставленные, собственно на сей предметъ въ каждой Губерніи (независимо Губернаторовъ, Прокуроровъ), жандармскіе Губернскіе Штабъ-Офицеры, а въ настоящее время и Генералъ-Полиціймейстеры арміи, не имѣли ни какого свѣдѣнія, что въ округѣ. имъ подвѣдомственномъ, совершались дѣйствія, имѣвшія столь гибильное послѣдствіе для арміи, а по тому и для цѣлаго Государства? Не уже ли все это должно было открыться почти чрезъ годъ, когда война уже кончилась? Чѣмъ можно объяснить таковое равнодушное молчаніе, хранимое вопреки священной своей обязанности? Не уже ли, повторяю, кругъ ихъ дѣятельности долженъ былъ ограничиваться только тѣмъ, чтобъ доносить о Губернскихъ мельчайшихъ взяткахъ, да и то по слуху, или въ умѣ своемъ создаваемыхъ, или таинственно сообщать о любовныхъ связяхъ и сплетняхъ?.. Не уже ли, наконецъ, и эти лица раздѣляли общій расчетъ: «не доносить о непріятномъ, чтобъ не огорчить!» И отъ этой будуарной политики оставлять сотни тысячъ на жертву лихоимства, или отъявленныхъ неспособностей? Можетъ ли здравый разсудокъ допустить, чтобъ Прявительство только чрезъ годъ узнало о всѣхъ ужасахъ, происходившихъ въ продолженіи двухъ лѣтъ, тогда какъ все это не было ни для кого тайною? Можетъ быть безъ личной бытности Государя въ арміи и до сихъ поръ тайна эта оставалась бы покрытою мракомъ.

вать другимъ. Одно коренное преобразованіе взглядовъ, уничтоженіе взаимно враждебныхъ отношеній многочисленныхъ вѣдомствъ, которыя составляютъ болѣе, или менѣе, почти вездѣ, какъ бы отдѣльные Штаты, между собою соперничествующіе, можетъ положить первый камень въ основаніе ослабленія этой слабости человѣка. Отсѣкая вѣтви, нельзя подрѣзать корень; напротивъ, часто отрубивъ первыя, доставляютъ болѣе пищи вновь растущимъ. Корень этотъ уже такъ разросся и пустилъ такія вѣтви, болѣе, или менѣе, во всѣхъ Государствахъ, что, приступая къ его искорененію, должно многое обдумать, и обдумать съ людьми спеціальными. Здѣсь сила закона, опирающагося на строгость, не принесетъ плодовъ, если законъ этотъ будетъ основываться не на полномъ знаніи того, противъ чего онъ изрекаетъ; такіе законы роняютъ свое достоинство, а объ этомъ можно бы сказать многое.

Выше было замѣчено, что взятка, какъ это понимается у насъ, не всегда была слѣдствіемъ лихоимства, подкупа, корыстолюбія, совращенія, вымогательства и т. п., и что она въ нѣкоторыхъ Государствахъ часто бываетъ освящена обычаемъ, временемъ и терпима Правительствомъ, [12] хотя бы у насъ, на прим., какъ бы назвать огромную сумму, ежегодно раздаваемую Откупомъ, распредѣляющимъ ее систематически между лицами, начиная это очень высоко въ разныхъ вѣдомствахъ и постепенно нисходя до Окружнаго Начальника, Надзирателя, Становаго Пристава, а иногда и Городоваго и Десятскаго? За что же Откупъ жертвуетъ ежегодно такою суммою? За то, чтобъ тѣ, на которыхъ возложенъ надзоръ за соблюденіемъ откупщиками контракта, не обращали вниманія на ихъ злоупотребленія. Пусть же кто либо изъ лицъ, внесенныхъ откупщиками въ свой списокъ, отвергъ бы ему назначаемое, и вздумалъ, по долгу службы и по присягѣ, потребовать защищать букву контракта: но тогда такой ревностный, или, лучше сказать, опрометчивый чиновникъ простакъ, какъ бы онъ высоко ни стоялъ, не долго

[12] Были же люди, какъ, на прим., Кардиналъ Ришелье, почитавшійся за великаго Министра, который, въ своемъ политическомъ завѣщаніи, находилъ полезнымъ для Государства допущеніе нѣкоторыхъ взятокъ. Другіе раздѣляли это мнѣніе странными выводами.

останется на своемъ мѣстѣ. Примѣры такой честности, или правильнѣе, необдуманности, бывали, а по тому тотъ, который не принималъ отъ откупщика назначенной ему цифры, по внушенію ли правилъ чести, по достаточному ли состоянію своему, одинаково не дерзалъ преслѣдовать зла, оставаясь равнодушнымъ при видѣ развращенія, обмана, обмѣра, отравленія тѣхъ, которыхъ Государь предоставилъ его охраненію. И такъ, какъ назвать этѣ, принимаемыя отъ откупщиковъ, суммы: взятка это, или нѣтъ? [13]

Полицейскій Офицеръ, въ извѣстные дни праздниковъ, отъ домовладѣльцевъ и купцовъ своей Части, или Квартала, получаетъ нѣкоторую сумму, или провизію. Всѣ кричатъ, что это взятки, а между тѣмъ не разсуждаютъ, что, во первыхъ, это есть добровольное пожертвованіе домовладѣльца тому лицу, которое охраняетъ его и къ которому онъ обращается со многими своими нуждами. Во вторыхъ, подносить подарокъ въ извѣстные дни праздника между Русскимъ народомъ есть обычай, который, видимо, теперь ослабѣваетъ, по разнымъ причинамъ. Въ третьихъ, что безъ этихъ праздничныхъ приношеній, ни частный Приставъ, ни Квартальный Надзиратель (то же и Земская Полиція), не были бы въ возможности управлять своими частями, по крайней скудости отпускаемыхъ денегъ на содержаніе, какъ ихъ самихъ, такъ и Канцеляріи; для сего необходимо, по крайней мѣрѣ, въ шесть разъ болѣе. Это извѣстно всѣмъ властямъ, и предметъ этотъ не разъ обращалъ на себя вниманіе. Слѣдовательно, въ строгомъ смыслѣ, не Квартальный беретъ взятку; ибо, всѣмъ извѣстно, Квартальный долженъ прибѣгать къ косвеннымъ средствамъ, чтобъ удовлетворить служебнымъ требованіямъ, этимъ же самымъ Правительствомъ на него возложеннымъ. Наконецъ, въ четвертыхъ, весьма не многіе изъ служащихъ въ Полиціи оставляютъ оную съ кускомъ, такъ сказать, насущнаго хлѣба. Нѣкоторыя изъятія изъ сего отнюдь ни чего не доказываютъ въ общемъ; [14] напротивъ, вникнувъ со вниманіемъ во всѣ отношенія

---

[13] Въ статью, которая предположена къ изложенію, все, относящееся къ откупу и къ закулиснымъ онаго дѣйствіямъ, по собраніи еще нѣкоторыхъ офиціальныхъ цифръ, будетъ включено.

[14] Тутъ Правители Канцеляріи Оберъ-Полиційместера не включаются. Нѣкоторые изъ нихъ составляли баснословные капиталы. Молва говоритъ и о нѣкоторыхъ Директорахъ Департамента Полиціи.

обязанностей столичной Полиціи, и сообразивъ предоставленныя ей средства, безпристрастный человѣкъ найдетъ болѣе удовлетворительныхъ данныхъ въ пользу нравственнаго направленія къ тому, въ чемъ голословно ее обвиняютъ. Пусть обратятъ только вниманіе на огромныя суммы, переходящія въ Кварталахъ и Частяхъ безъ Казначеевъ и т. д. Были ли примѣры пропажи оныхъ? Сего нельзя сказать о Казначеяхъ разныхъ вѣдомствъ и т. п. Близко обращаясь съ С. Петербургскою Полиціею, съ 1841 по 1852 годъ, я смѣло могу это сказать, и доказать безчисленными данными.

Можно ли назвать лихоимствомъ, взяткою, когда чиновникъ, по просьбѣ къ нему, внѣ своихъ занятій, иногда просиживаетъ ночи, чтобы поскорѣй списать копію съ какого либо опредѣленія, съ какого либо дѣла, которое не воспрещается въ выдачѣ просителю, или поспѣшить изготовленіемъ окончательныхъ бумагъ, для чего онъ долженъ заниматься внѣ своей службы и т. п.? За это обязаны ему благодарностію, и это ни въ какомъ случаѣ не есть взятка, а еще менѣе лихоимство.

Всѣ помянутые синонимы общаго названія взятокъ могутъ быть вообще, во всѣхъ Государствахъ, распредѣлены слѣдующимъ образомъ: [15]

1. Лихоимство принадлежитъ во всѣхъ странахъ нѣкоторымъ лицамъ, имѣющимъ прямое, или косвенное, вліяніе на подряды, на заготовленія, словомъ, на расходованіе по этимъ многосложнымъ предметамъ казенныхъ, или частныхъ, суммъ. Здѣсь цифры бываютъ баснословныя, далеко превосходящія обыкновенные чиновничьи доходы, а главное: лихоимство всегда сопряжено не только что съ расхищеніемъ казны, но и имѣетъ могущественное вліяніе на народъ безчисленнымъ множествомъ впечатлѣній, которыхъ созрѣніе бываетъ неблагопріятно.

2. Вымогательство, въ безчисленныхъ видахъ, есть элементъ безсовѣстныхъ, или угодливыхъ, для нѣкоторой части публики, Слѣдователей. [16]

---

[15] Каждое раздѣленіе имѣетъ множество подраздѣленій, которыхъ исчисленіе увлекло бы за предѣлы сей Записки.

[16] Тутъ должно замѣтить главное то, что если Слѣдователь неумолимъ для подпавшихъ ему подъ разбирательство, и обладаетъ всѣми въ дѣлѣ этомъ не-

3. Подкупъ, можетъ случаться въ Присутственныхъ Мѣстахъ цѣлой Европы, чтобы изъ бѣлаго дѣлать черное, и на оборотъ. Здѣсь поприще самое пространное, и, не исчисляя безконечныхъ уловокъ, замѣчу, на прим., самое простое у насъ: Журналъ составленъ, чтобъ, по существу дѣла быть отправленнымъ, положимъ, въ Тамбовъ; но Писарь, яко бы по ошибкѣ, надписываетъ конвертъ въ Тобольскъ! Истецъ теряетъ время, теряетъ часто и срокъ и т. д. [17] Но чѣмъ же все это и множе-

---

обходимыми способностями и условіями, тогда весь разрядъ зерщиковъ и ихъ покровителей вооружается и обращаетъ всѣ средства, чтобъ уронить его въ общественномъ мнѣніи и въ глазахъ его Начальника, съ цѣлію отстранить такого чиновника отъ подобныхъ занятій. Это торжественно доказывается множествомъ дѣлъ, въ пропзводствѣ которыхъ Слѣдователь, отвергнувъ всѣ предложенія, матеріяльныя и будущаго покровительства, не хотѣлъ скрыть отъ Правительства то, что обнаруживалось. Какія же были послѣдствія для Слѣдователя, открывшаго, на примѣръ, болѣе полумилліона похищенной суммы, и когда первое слѣдствіе, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, по горячимъ слѣдамъ, ни чего не открыло и ставило въ необходимость казну заплатить похищенную сумму? Слѣдователь, отвергнувъ всѣ предложенія, достаточныя поколебать многихъ, не захотѣлъ скрыть ни чего отъ лица, возложившаго на него порученіе; но разъясненіе этого къ чему повело? Къ тому, что казна получила свои деньги, а Слѣдователь сдѣлался жертвою! Противъ такихъ Слѣдователей дѣйствуютъ безыменныя письма и все, что только можетъ изобрѣсть необходимость не быть обнаруженными. Напротивъ же того Слѣдователь, который легко склоняется снисходить къ преступникамъ, пользуется доброю молвою, по тому что скрываетъ отъ Правительства людей случайныхъ, заискиваетъ въ нихъ, чтобъ имѣть опору, и такъ, нарушая долгъ свой, отнимаетъ возможность у Правительства принимать необходимыя мѣры къ исправленію того, или другого, недостатка въ законодательствѣ. Каждый кошельникъ имѣетъ въ рукахъ своихъ средство къ отклоненію всей строгости законовъ. Такихъ Слѣдователей не будутъ называть взяточниками, по тому что они нужны. Часто, и очень часто, само Начальство остается довольнѣе этими послѣдними, чѣмъ тѣми, которые имѣютъ упрямство, или, положимъ, самолюбіе, прояснять то, что было бы необходимымъ для успокоенія благонамѣренныхъ массъ. Не желая входить въ сношенія съ другими вѣдомствами, очень рады бываютъ, что дѣло кончилось дружелюбно.

[17] Не говорю уже о томъ, что судебное мѣсто, разсматривая дѣло, рѣшаетъ оное по своему расчету, подводя статьи закона, вовсе не соотвѣтственныя дѣлу, и тѣмъ ставитъ въ необходимость переносить оное въ высшія Государственныя судебныя мѣста по апелляціи. Эти мѣста, усмотрѣвъ неправильность рѣшенія, дѣлаютъ свое; но судьи, подведшіе несоотвѣтственные законы, ни чему не

ство другого оканчивается на основаніи судопроизводства? Сдѣлать выговоръ, оставить въ подозрѣніи!!! Фраза, неизвѣстная въ другихъ законодательствахъ: человѣкъ долженъ быть или правъ, или виноватъ. Говорю это по опыту: многіе изъ отъявленныхъ кошельниковъ разныхъ сословій, такъ и въ обществѣ извѣстныхъ, и такъ даже именуемыхъ значительными лицами, въ управленіи, неоднократно (по семи и болѣе разъ) попадали подъ судъ, по одной и той же профессіи, и каждый разъ оставались въ подозрѣніи, не смотря на то, что, по нѣскольку лѣтъ, въ разное время, содержались въ темницѣ! Можно ли же послѣ этого ожидать успокоенія и довѣренности массъ? [18]

4. Сребролюбіе. Алчность эта, въ каждомъ изъ Государствъ, не принадлежитъ низшимъ слоямъ чиновничьей сферы. Стремленіе къ удовлетворенію ея проявляется сильнѣе въ высшихъ сословіяхъ, прикрывающихся общественнымъ значеніемъ въ служебной іерархіи. По чему, при обуреваніи оною, имъ предо-

---

подвергаются, хотя и этой продѣлкой, конечно, всегда почти умышленной, и проволокли дѣло на нѣсколько лѣтъ. Да то ли еще бываетъ!

[18] Тутъ нельзя не упомянуть о двухъ чрезвычайно замѣчательныхъ дѣлахъ, близко мнѣ извѣстныхъ. Первое изъ нихъ—дѣло о несостоятельномъ должникѣ Николаѣ Мясниковѣ, въ послѣдствіи получившемъ, по смерти брата своего, Никиты, извѣстнаго золотопромышленника, наслѣдство, вмѣстѣ съ другимъ братомъ, Иваномъ, столь же извѣстнымъ откупщикомъ. Возникшее дѣло о Николаѣ, по изумительнымъ продѣлкамъ, обратило на себя вниманіе шефа жандармовъ, Министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, а равно и С.-Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, которые соборнѣ составили Коммисію для разсмотрѣнія продѣлокъ. Какъ вдругъ останавливаютъ дѣйствіе Коммисіи, начавшей обнаруживать всю злостность продѣльщиковъ, закрываютъ оную, и дѣло отправляютъ въ Коммерческій Судъ, допустившій все это! Черезъ три, или четыре, года 4-й Департаментъ Правительствующаго Сената находитъ, что Коммисія эта должна была дѣйствовать. Между тѣмъ дано время, многихъ лѣтъ, скрыть зло во вредъ истинѣ и въ пользу, такъ сказать, злодѣевъ общества.

Другое дѣло, по поставкѣ въ Морское Министерство провіянта и овса, выходитъ изъ всѣхъ размѣровъ, которыхъ изложеніе здѣсь показалось бы баснословнымъ. Обличенные бравшіе съ казны деньги, ополчившіеся, такъ сказать, противъ власти насильственнымъ образомъ и по десятку подобныхъ дѣлъ, успѣли быть признанными невинными и т. д. Дѣло это, конечно, одно изъ вопіющихъ и заслуживаетъ вниманія, въ особенности, въ настоящее время, когда казнокрады такъ обозначились.

ставляется множество путей достигнуть своей цѣли, хотя бы только и одной кичливости; такъ, на примѣръ: помѣщеніе на значительныя должности тѣхъ лицъ, съ которыми имѣли, или еще имѣютъ, денежные расчеты, не принимая въ соображеніе даже и того, что прежняя служба этихъ покровительствуемыхъ не всегда была безукоризненною и оставалась не разсмотрѣнною офиціально, по тому только, что цифра, на которой успѣли они утвердиться, не допускала къ тому. Въ мнѣніи вельможъ-бюрократовъ это значило бы подвергать покровительствуемыхъ ими оскорбленію! Между же тѣмъ изъ сихъ послѣднихъ есть во многихъ Европейскихъ Государствахъ такіе чиновники, которые, за тридцать лѣтъ тому назадъ, были въ ничтожествѣ, часто простыми факторами, а нынѣ, обвѣшанные орденами, осыпанные благодѣяніями, почестями, владѣютъ огромными помѣстьями и значительными капиталами! Какія же способности нужно было имѣть чиновнику на службѣ, чтобъ составить такое состояніе? Разумѣется, каждый понимаетъ, что для того нужны были: случайность, умѣнье пользоваться своимъ значеніемъ при сановникѣ-покровителѣ, или милостями его семейства, или участіемъ его любимицы, или, наконецъ... особенными двигателями. Многіе изъ нихъ, умѣя, до поры до времени, владѣть собою, играютъ роль кащеевъ, отказывая себѣ даже въ необходимомъ, изъ опасенія огласки въ мелочной лавкѣ, посредствомъ своей кухарки, и чрезъ то слыть (конечно, не въ публикѣ) Діогенами и Аристидами. Такіе чиновники-бюрократы едва ли не во всѣхъ Государствахъ чтимы властями. Но горе тѣмъ чиновникамъ, которые подѣлятся чашкой чаю со своими товарищами: тогда всѣ закричатъ, что онъ живетъ не по своему состоянію и пр. [19]

Назначеніе на, такъ называемыя, теплыя мѣста чиновниковъ, не по достоинству, не по очереди, или по праву служебной іерархіи, но по безотчетному произволу, не обращая

[19] И это, однако же, имѣетъ свои условія: когда товарищи такого чиновника люди значительные, тогда все сходитъ съ его рукъ. Кто въ продолженіи многихъ лѣтъ, на примѣръ, хотя бы у насъ, не обѣдывалъ въ Петербургѣ у нашего Лукулла-Монтекристо? Но Монтекристо этотъ умѣлъ хорошо кормить, дѣлать въ свое время подарки, оказывать одолженія (а кто не нуждается въ этомъ?). Были же власти, на которыхъ наблюденіе за симъ лежитъ на прямой ихъ обязанности, и, однако же, это не было замѣчено, а двадцать пять р. сер., взятыхъ

ни какого вниманія на пользу, или вредъ, отъ такихъ назначеній произойти могущихъ. Къ какому разряду должно отнести этотъ родъ чистыхъ взятокъ? Во Франціи Министръ Тестъ, восемь лѣтъ тому назадъ, какъ замѣчено уже выше, былъ приговоренъ за это на десять лѣтъ къ заключенію. Въ Апрѣлѣ 1856 Наполеонъ III отставилъ отъ службы Генерала Рикара, за принятіе участія въ промышленномъ предпріятіи. Много ли можно изъять сановниковъ, не участвующихъ въ подобныхъ дѣлахъ, какъ, на примѣръ, въ золотопромышленности и въ другихъ обществахъ, въ компаніяхъ, въ устроеніи случайныхъ заводовъ, фабрикъ и т. п., можетъ быть и просто для благонамѣренной цѣли, чтобъ давать имъ ходъ своимъ вліяніемъ? Но у насъ, если и есть такія лица, то общее (разумѣется, народное) мнѣніе привыкло уже приписывать все это корыстолюбивымъ цѣлямъ, по тому что оно, не будучи еще совершенно проникнуто Западнымъ просвѣщеніемъ, не можетъ согласовать такое направленіе къ барышамъ съ возвышеннымъ значеніемъ сановниковъ, пользующихся милостями Царя. [20] Словомъ, подобное дѣйствіе, если бы и случилось у насъ, то, по общественной молвѣ, припишется лихоимству, пользованію своимъ положеніемъ, сребролюбію, т. е., алчности пріобрѣсть себѣ болѣе того, чѣмъ сановникъ облагодѣтельствованъ Государемъ, или тѣмъ, что получилъ отъ предковъ. И если лица эти не прямо матеріяльно пріобрѣтаютъ свои выгоды, то удовлетворяютъ своему самолюбію, съ цѣлью показать свою силу, и тѣмъ распространять въ молвѣ свое значеніе. [21]

несчастнымъ чиновникомъ, въ знакъ благодарности, часто выставляется торжественно. Вездѣ видны страсти и слабости человѣческой природы. Одни мудрыя безпристрастныя постановленія могутъ только ослабить то, что, такъ сказать, сроднилось съ условіями взаимныхъ отношеній.

[20] У насъ въ настоящее время, едва ли насчитается до осьми аристократовъ.

[21] Противъ этого, конечно, возразятъ, что духъ нынѣшняго времени есть духъ промышленности; что капиталы каждаго должны быть въ оборотѣ и т. п. Это такъ, но не у насъ, въ Россіи, столбовое Дворянство можетъ похвалиться такимъ развитіемъ. У насъ есть разрядъ импровизированныхъ Дворянъ, купечества и фабрикантовъ, которые могутъ этимъ заняться; а при томъ, много ли Дворянъ-капиталистовъ, которые, не будучи на службѣ, а къ тому еще и не на мѣстахъ значительныхъ, пускаются въ такіе обороты? Занявъ же мѣста, покровительствуютъ подобнымъ предпріятіямъ своимъ вліяніемъ. Такимъ образомъ пошло у насъ добываніе золота, страховыя компаніи, когда-то дилижансы

Отдача подъ залогъ (въ цѣлой Европѣ) въ откупа и подряды своихъ имѣній, за высшій процентъ противъ того, который платится тѣми же откупщиками всѣмъ другимъ лицамъ не случайнымъ, не высокостоящимъ въ служебной іерархіи и не имѣющимъ ни прямаго, ни косвеннаго, вліянія на откупа. Не представляется ли это чистымъ со стороны откупщиковъ подкупомъ, и не взятка ли это со стороны берущихъ возвышенный процентъ? Взятка эта прикрыта только какимъ-то мнимымъ приличіемъ, которымъ утѣшается одинъ, получающій оную, но публика видитъ это въ настоящемъ свѣтѣ. Подобная ассоціація сановниковъ разныхъ значеній съ поставщиками, подрядчиками и откупщиками, въ цѣломъ мірѣ почитаемыми за піявицъ народа, предоставляетъ своекорыстію нѣсколькихъ лицъ разореніе цѣлой страны. Въ Турціи система эта въ сильномъ развитіи, а послѣднія обстоятельства показываютъ, что и Англія не была чуждою этой страсти: прѣнія, происходящія въ Парламентѣ (въ 1856 г.) и въ Палатѣ Лордовъ обнаруживаютъ эту заразу человѣческаго рода и указываютъ, какъ и тамъ Министры и Лорды ищутъ прикрывать, заглушать и оставлять безъ вниманія, вопли Палаты, набрасывающей тѣнь на ихъ самихъ и на ихъ собратовъ администраторовъ. Во Франціи до сихъ поръ это въ меньшей гласности.

Вступленіе въ разныя промышленныя общества, такъ нынѣ расплодившіяся въ Европѣ, при образованіи которыхъ часто нѣсколько случайныхъ лицъ и капиталистовъ овладѣваютъ всѣми акціями, не смотря на всѣ публикаціи, по призыву коихъ являющіеся бѣдняки, предполагавшіе пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ акцій улучшить свой служебный бытъ, получаютъ въ отвѣтъ, при самомъ открытіи засѣданія, объявленнаго для раздачи акцій, что оныя всѣ уже разобраны, и т. д., преимущественно по разработкѣ

1-го заведенія и т. д. Такъ это было до Адріанопольскаго мира, а частію и по нынѣ въ Придунайскихъ Княжествахъ, гдѣ такого Бояра, который могъ болѣе другихъ предаваться противозаконію въ управляемомъ имъ Министерствѣ и оказывать разныя покровительства, чтобъ тѣмъ пріобрѣтать въ общемъ мнѣніи свое значеніе, народъ всѣхъ сословій считалъ и видѣлъ въ немъ истиннаго вельможу, отъ котораго, вопреки законовъ и власти Князя, каждый могъ имѣть надежду, за извѣстное пожертвованіе, къ разнаго рода проискамъ и къ обогащенію. Привилегія эта называлась кривинисала. Въ Турціи одинаково это существуетъ и понынѣ.

золотыхъ розсыпей въ Калифорніи, Австраліи и другихъ странахъ, принятіе во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ и вездѣ участія, часто безъ взноса капитала и пріобрѣтенія такимъ же образомъ паевъ, должно ли почитаться однимъ безкорыстнымъ снисхожденіемъ для развитія этой отрасли промышленности, подъ вліяніемъ своего имени и значенія? Или это есть вѣрный расчетъ? Не косвенная ли это взятка? По крайней мѣрѣ, такъ всѣми въ Европѣ это понимается. Но кто дерзнетъ указывать на нее? [22] Въ нѣкоторыхъ странахъ сановники въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ осторожнѣе. Они, подъ именами извѣстныхъ банкировъ, или другихъ лицъ, принимаютъ безгласно, для офиціальности, такое участіе. Въ другихъ же странахъ, безъ всякаго стѣсненія въ этомъ отношеніи, дѣйствуютъ прямо отъ своего лица. Молва для нихъ не опасна: они стоятъ высоко по имени, по званію, по богатству, по вліянію; они имѣютъ средства и силу заставлять ее молчать.

Въ новѣйшее время въ Европѣ является особаго рода промышленность, причиняющая большіе перевороты и служащая поводомъ къ недоумѣнію въ политическихъ отношеніяхъ Европейскихъ Государствъ, а именно: возбужденіе Министрами Иностранныхъ Дѣлъ и Финансовъ многихъ вопросовъ, можетъ возвышать, или понижать, разные фонды, чѣмъ помянутые сановники, прежде обнародованія обстоятельствъ, пользуются двумя, или тремя, часами, чтобъ составлять огромную наживу на счетъ другихъ. Большая часть Государственныхъ людей во Франціи, съ 1815

---

[22] Въ особенности тамъ, гдѣ противъ высшаго лица, что бы онъ ни дѣлалъ, нѣтъ ни какой возможности отыскивать справедливость: «Онъ, де, есть довѣренное лицо Правительства!» А по тому, кого бы онъ ни заблагоразсудилъ погубить изъ подвѣдомственныхъ ему лицъ, ни одно изъ нихъ не можетъ искать противъ него справедливости; все многолѣтнее прошлое уничтожается. Всякое по этому предмету на него прошеніе препровождается къ нему же самому на рѣшеніе. Спрашивается: можетъ ли онъ обвинить себя и сознаться въ содѣланной несправедливости, въ опрометчивости? Чистая логика указываетъ ему усилить еще болѣе голословное показаніе, за неимѣніемъ такихъ данныхъ, которыя бы могли преслѣдуемое лицо осудить по законамъ, чего бы онъ отнюдь не упустилъ, и что онъ скажетъ, то и будетъ. Къ одному ему имѣютъ только вѣру! Остальные все люди неблагонадежные, безпокойные, по тому что ищутъ оправдывать себя противъ старшаго! Высшіе Государственные люди не знаютъ, какое вліяніе производитъ это, и какъ это распространено.

года до сихъ поръ обязаны состояніемъ своимъ этой продѣлкѣ. Въ другихъ Государствахъ, по мѣрѣ возможности, не отставали отъ Французовъ. Недавно Главный Начальникъ Телеграфовъ въ Берлинѣ показалъ искуство пользоваться прибылью изъ получаемыхъ имъ свѣдѣній, сдѣлавъ своими участниками нѣсколько значительныхъ банкирскихъ домовъ. Не основано ли все это на значеніи своего мѣста, пользуясь которымъ, разоряютъ другихъ? По логикѣ такое дѣйствіе есть чистая взятка, и взятка самая вредная, хотя бы только поданіемъ примѣра подвѣдомственнымъ лицамъ. То же самое можетъ имѣть свое приложеніе, въ разнородныхъ видахъ, къ желѣзнымъ дорогамъ и ко всѣмъ другимъ подобнымъ учрежденіямъ, хотя бы только по агентурѣ и т. д.

Лица, достигшія степеней, въ которыхъ они могутъ имѣть вліяніе на другихъ, оказывая покровительство людямъ въ различныхъ, не всегда согласныхъ съ справедливостію, дѣлахъ (а по тому и съ законами, въ прямомъ ихъ толкованіи), не берутъ ли взятку, лишая права, или отклоняя оное на неопредѣленное время, вознагражденія за причиненные ему убытки и часто совершенное разореніе, хотя бы только удовлетвореніемъ своему самолюбію, доказывая тѣмъ значеніе въ административной сферѣ? Но это, по видимому, безкорыстное дѣйствіе имѣетъ цѣль, и цѣль вѣрную, можетъ случиться, и вовсе безсознательную, но тогда ясно доказывающую неспособность стоять на той ступени, на которую поставлены.

Трудно исчислить все то, что можетъ отнестись ко взяткамъ, подъ разными къ онымъ примѣненіями; замѣчу еще нѣсколько оттѣнковъ оныхъ.

Бюрократъ, окруживъ себя плутами, въ слѣдствіе вліяній, просьбъ любовницъ и т. п., раздаетъ мѣста своей и ея безнравственной родинѣ, распоряжая своимъ управленіемъ, какъ арендаторъ имѣнія. Здѣсь взяткамъ разнообразнаго рода нѣтъ конца. Ксавье де Монтепенъ, въ изданной имъ въ 1856 году книгѣ, [23] изобразилъ яркими красками въ этомъ отношеніи даже Министра Франціи, и вліяніе на него общими путями, по которымъ слѣдуютъ, конечно, не въ одной только Франціи. Впро-

[23] Les filles de plâtre. Bruxelles et Leipzig 1856, in 12, 4 v. Книга это была запрещена во Франціи и сочинитель объявленъ арестованнымъ.

чемъ, въ строгомъ смыслѣ, не должно ли причислять къ разряду взятокъ и то покровительство, которое оказывается высшими должностными лицами, имѣющими разнородное вліяніе на многихъ другихъ, по разнымъ дѣламъ, прелестному полу, выигрывающему часто несправедливыя тяжбы, иногда, конечно, платою только своими прелестями?

Открывается выгодный подрядъ. Знатный чиновникъ, если не самъ главный подрядчикъ (а бываетъ и это), то его пріятель, получаетъ этотъ подрядъ въ ущербъ казны, а онъ даетъ свои залоги и руководитъ имъ вездѣ и т. д.

Чиновникъ, въ угожденіе котораго покупаютъ изъ его имѣнія песокъ, камни и пр., по тому что покупатель ищетъ въ немъ покровительства по другимъ дѣламъ, въ которыхъ запутанъ и которыя находятся въ разбирательствѣ у чиновника, или подъ его вліяніемъ и пр. Все это болѣе, или менѣе, въ движеніи, въ цѣлой Европѣ, не суть ли прямыя, или косвенныя, взятки, прикрываемыя, не для общества, которое все это видитъ ясно, но для высшихъ лицъ, отъ которыхъ чиновникъ зависитъ? Здѣсь останавливаюсь; ибо, чтобъ исчислить всѣ пути къ такой поживѣ въ Европѣ, надо бы написать многое и многое.

Въ каждомъ изъ Государствъ, судя по развитію, болѣе, или менѣе, въ нихъ этой страсти, необходима была прозорливая усмотрительность, прежде чѣмъ начинали расшевеливать предметъ взятокъ. Это могло повести далеко, если бы захотѣли быть безпристрастными; казнить же однихъ голодныхъ чиновниковъ, а смотрѣть на сытыхъ сквозь пальцы, не могло принести ни какихъ плодовъ. Для сего надо вооружиться силою, чтобъ прилагать дѣйствіе закона одинаковово ко всѣмъ, а главное, чтобы голословные доносы не имѣли вліянія на того, кто подпадетъ подъ нихъ, и такъ, пользуясь обстоятельствами, образовывать молву. Одно юридическое и при томъ совершенное доказательство должно имѣть силу въ подобныхъ случаяхъ. Св. Ѳома, въ твореніяхъ своихъ, говоритъ: «Судья долженъ судить на основаніи уликъ и доказательствъ, а не на одномъ своемъ умозаключеніи.»

Не видимъ ли мы въ самой Англіи, какъ осторожно приступаютъ въ настоящее время (1856 г.) къ этому предмету? Во Франціи же дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ еще осторожнѣе. Турція при-

ступила было еще рѣшительнѣе, но должна была послѣдовать за примѣромъ своихъ союзниковъ, по тому что разъясненіе этого зла потрясло бы въ основаніи, при существующемъ родѣ правленія, все Государственное зданіе: оно требуетъ прежде преобразованія.

Какъ бы Государство ни казалось сильнымъ, оно никогда не успѣетъ побѣдить врожденныя страсти человѣка. Мудрое Правительство не предприметъ строгостію, и еще безъ безпристрастнаго суда, уничтожить то, что вкралось подъ сѣнію его самого и содѣлалось обычаемъ, освященнымъ временемъ и имъ самимъ терпимымъ. Думать вдругъ превратить людей въ ангеловъ есть напрасная попытка, которая можетъ усилить только зло. Здѣсь должно искать организаціи, которая начала бы очищать отъ гнили корень, а не обрѣзывать только его вѣтви, которыя разростутся еще съ большею силою отъ того же зараженнаго источника: это законъ природы. Настоящій Императоръ Французовъ, убѣжденный въ этой истинѣ, не обращаетъ мелочнаго вниманія на зло, которое онъ постигъ на корнѣ въ послѣдніе три года, и, какъ наблюдатель опытный, прошедшій, такъ сказать, чрезъ огонь и воду, по зрѣломъ обсужденіи, нашелъ, что зло, какъ и всякое истинное благо, происходитъ отъ высшихъ сановниковъ, а по тому (какъ мы видимъ въ газетахъ, въ первыхъ числахъ Мая 1856 года) сдѣлалъ уже распоряженіе «о воспрещеніи всѣмъ сановникамъ и высшимъ должностнымъ лицамъ вступать въ обширныя, даже коммерческія, предпріятія.[24] Онъ постигъ, что все зло происходитъ отсюда, а по тому принялъ, конечно, первоначальныя еще мѣры начать уничтожать, или, по крайней мѣрѣ, парализировать зло сверху, а не снизу; ибо иначе это значило бы, съ одной стороны, торжественное

---

[24] Мы видѣли, когда представитель Общества движимости, Перейра, желалъ принять участіе въ пріобрѣтеніи желѣзныхъ дорогъ въ Австріи, во время послѣдней войны, какъ могущественно и предусмотрительно въ этомъ дѣлѣ было вліяніе Наполеона III-го, дозволившаго частному обществу приступить къ улучшенію Австрійскаго денежнаго кризиса, тогда только, когда Австрія подчинитъ свой политическій взглядъ видамъ Французскаго Правительства, на что Австрія, какъ держава, не вполнѣ самостоятельная, и должна была согласиться, тѣмъ болѣе, что существованіе ея зависитъ отъ снисхожденія другихъ державъ. Не имѣя національности, она не имѣетъ будущности.

сознаніе въ своемъ безсиліи, а съ другой искать еще болѣе озлобленія всѣхъ сословій, стоящихъ ниже.

Стремленіе вовсе уничтожить злоупотребленія есть цѣль, нигдѣ не достигнутая. Должно было бы ограничиться только тѣмъ, чтобы мудрыми постановленіями, практически приложенными къ дѣятельности, пресѣчь, сколько возможно болѣе, пути къ злоупотребленіямъ. Тогда только каждое Правительство могло надѣяться парализировать общее у всѣхъ народовъ влеченіе къ онымъ.

Но какъ достигнуть этого? Здѣсь-то и былъ камень преткновенія. Едва ли не въ каждомъ Государствѣ кусочекъ сукна на воротникѣ: красный, зеленый, синій, черный и др., имѣетъ рѣшительное вліяніе на Государственныя дѣла. Сегодня въ Министерствѣ такого-то цвѣта я разсуждаю иначе, нежели буду разсуждать завтра, когда воротникъ мой будетъ другого цвѣта. Въ немногихъ странахъ есть общее направленіе къ Государственному благу. Каждое Министерство, или Главное Управленіе, есть какъ бы отдѣльное Государство: оно дѣйствуетъ только въ пользу своего вѣдомства, а несравненно еще чаще къ удовлетворенію своего самолюбія, кичливости и т. п., а если еще при этомъ представитель такого Министерства одаренъ словомъ и пользуется при Дворѣ значеніемъ, тогда онъ побѣждаетъ всѣхъ, вопреки общихъ Государственныхъ пользъ; такое положеніе дѣлъ есть исключительное во всемъ политическомъ, древнемъ и новомъ, мірѣ. Американскіе Штаты, Нѣмецкая Конфедерація и Швейцарская Республика, не представляютъ подобныхъ явленій. Тамъ Штаты, Государства и Кантоны, враждуютъ въ частныхъ случаяхъ, необходимо проистекающихъ отъ разнообразія климата, отъ мѣстныхъ условій и другихъ мелкихъ политическихъ, географическихъ, статистическихъ и т. п. разногласій. Но когда дѣло идетъ объ общемъ благосостояніи Государствъ и Республикъ, все соединяется къ рѣшенію вопроса, для общаго благоденствія. Тогда страсти, личность, утихаютъ; всѣ убѣждаются, что частное благо ихъ прочно тогда только, когда всѣ части Государственнаго союза находятся въ общемъ согласіи. Это же самое совершилось въ Англіи въ 1854 году. Предъ началомъ войны, когда предстояла опасность, всѣ Министерства, заглушивъ въ себѣ голосъ партій и честолюбіе, составились изъ лицъ, бывшихъ нѣкогда первыми

Министрами, а въ кризисѣ заняли второстепенныя, и даже низшія, мѣста.

Обузданіе, или усиленіе, страсти ко взяткамъ въ каждомъ Государствѣ, какъ замѣчено уже выше, зависитъ отъ организаціи административныхъ и судебныхъ вѣдомствъ (изъ коихъ истекаетъ и всякое зло и всякое добро). Тамъ, гдѣ чиновникъ отверженъ на мѣстѣ и не предается безотчетному самоуправству начальника, противъ котораго онъ могъ бы находить справедливость и безпристрастное воззрѣніе на то и другое, тамъ, конечно, число взяточниковъ ограниченнѣе, чѣмъ въ тѣхъ Государствахъ, гдѣ чиновникъ никогда и не выслушивается при попыткѣ искать справедливости. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, попавъ на мѣсто, чиновнику остается одно: стараться какъ можно скорѣе обезпечить себя матеріально, по тому что онъ не увѣренъ, останется ли завтра на мѣстѣ, и не будетъ ли изгнанъ безъ всякой основательной причины. Чиновникъ, служащій въ такомъ вѣдомствѣ, гдѣ расходуются, скопляются, или хранятся, знатныя суммы, лишенъ всякой нравственной возможности, въ случаѣ какихъ либо безпорядковъ, при неправильномъ расходованіи суммъ, даже при самомъ видимомъ похищеніи изъ оныхъ, доводить о томъ до свѣдѣнія Начальства. Такой чиновникъ, хотя бы его донесеніе было вполнѣ доказано, едва ли не вездѣ пятнается именемъ доносчика. За что же? За то, что онъ, или дѣйствительно, по совѣсти и по присягѣ, или изъ опасенія отвѣтственности, въ случаѣ открытія злоупотребленія, рѣшился донести о семъ Правительству и спасти казенныя деньги! [25] Такой чиновникъ, по существующему общему порядку вещей, въ томъ мѣстѣ служить уже не можетъ, и скоро вытѣсняется подъ разными, впрочемъ, благовидными, предлогами. Другія вѣдомства, въ которыя бы онъ искалъ перейти, естественно, чуждают-

---

[25] Не то ли же самое можетъ случаться и тамъ, гдѣ подчиненный, обязанный свидѣтельствовать качество и принимать для своей части то количество одежды, или обуви, которая опредѣляется ему закономъ, нашелъ бы свидѣтельствуемое не въ должной добротѣ, или не захотѣлъ бы росписаться въ полученіи полнаго числа, тогда, какъ ему дана только часть и т. п? Спрашиваю: не содѣлается ли онъ вѣрною жертвой безпредѣльной власти Начальника, на котораго жаловаться онъ не можетъ, будучи на другой день выгнанъ изъ службы?.. Ему остается одно—дѣлиться.

ся его, и онъ погибаетъ безовратнѣе самаго казнокрада, или записнаго, отъявленнаго и всѣмъ извѣстнаго, обыгрывателя и т. п.! Что же, при существующемъ такомъ порядкѣ вещей, остается дѣлать чиновнику на службѣ, если бы у него и проявлялось желаніе служить честно? Одно: или раздѣлять кражу со своимъ Начальникомъ (всегда почти покровительствуемымъ, если не самимъ Управляющимъ, то сильнѣйшей его эгидой—Директоромъ), или соглашаться со всѣми его незаконными дѣйствіями, прикидываясь не понимающимъ? Ибо если въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ подастъ хотя малѣйшій поводъ думать, что смекнулъ дѣломъ, то не долго останется въ должности. Боже сохрани, если Начальникъ замѣтитъ, что подвѣдомственный чиновникъ и не совершенный дуракъ, а, понимая дѣло, думаетъ быть полезнымъ (въ мнѣніи такого Начальника подчиненный не можетъ, не долженъ, не смѣетъ, знать даже столько, сколько онъ самъ знаетъ), тогда этотъ послѣдній погибаетъ уже неминуемо. Если нельзя подвести его законно подъ отвѣтственность по дѣламъ, тогда прибѣгаютъ къ извѣстнымъ путямъ, представляя его будуарную, частную, такъ сказать, постельную жизнь безнравственною, соблазнительною; словомъ, взводятъ на него такіе пороки, которые, по сущности своей, не могутъ быть доказаны; но это не мѣшаетъ, однако же, рѣшать его участь... Таковъ обыкновенный и почти повсемѣстный ходъ дѣлъ. Здѣсь не разсуждаютъ, что самый геній, воплотившійся въ Начальника, не въ силахъ будетъ сдѣлать что либо полезное для Государства, если онъ не имѣетъ при себѣ людей сподобныхъ, постигающихъ высокія его предначертанія; напротивъ, правитель, ограниченный въ способностяхъ, но проникнутый этой истиной, будетъ вѣрнымъ слугою Государю и своему отечеству. Исторія всѣхъ временъ и во всѣхъ Государствахъ торжественно доказываетъ это. Только люди ограниченные, себялюбы, опасаются имѣть при себѣ людей свѣдущихъ въ той, или другой, части и ищутъ окружать себя или лицами, вовсе неспособными, чтобы имѣть выпуклость предъ ними, или и способными, но льстивыми, желающими этими средствами всползти на высшія ступени.

Чтобы измѣнить этотъ ходъ дѣлъ нравственнаго и умственнаго направленій, нужны не строгость и сила, не всегда, впрочемъ, могущая проявиться, а опытность, спеціальное знаніе

того, противъ чего предпринимается борьба, точно также, какъ искусный врачъ прежде всего вникаетъ подробно въ причину недуга, къ излѣченію котораго призывается. Онъ хладнокровно разсматриваетъ спеціальныя явленія припадковъ и, угадавъ болѣзнь, ищетъ излѣчивать ее, смотря по ходу оной, обыкновенными, или героическими, средствами. Но и тутъ опытный врачъ обратитъ особенное свое вниманіе на сложеніе больнаго; ибо одна и та же болѣзнь въ одномъ темпераментѣ уступитъ дѣйствію врачебныхъ средствъ, а въ другомъ тѣ же самыя средства еще болѣе усилятъ припадки. Одинаково и врачеваніе нравственныхъ болѣзней, на примѣръ, маніи взятокъ, въ разныхъ вѣдомствахъ должно быть различно. Общія мѣры, общія средства, не могутъ быть съ успѣхомъ приложены. Каждое вѣдомство имѣетъ свои особенные пути: Духовное не знаетъ путей, которыми пользуется Финансовое, Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи, Военное, Путей Сообщенія, Морское, Государственныхъ Имуществъ и т. д. Слѣдовательно, только на совершенномъ познаніи всѣхъ этихъ путей и можно было бы воздвигнуть нѣкоторыя преграды переобразованіемъ дѣятельности каждаго вѣдомства въ особенности. Это, конечно, и есть причиною того, что многія Государства затруднялись въ окончательномъ преобразованіи различныхъ вѣдомствъ, чтобы отсѣчь, или, лучше сказать, затруднить пути, содѣйствующіе взиманію взятокъ.

Прежде чѣмъ приступить къ преобразованіямъ относительно уменьшенія взятокъ и взяточниковъ, необходимо имѣть точное понятіе о закулисномъ ходѣ существующей администраціи и судопроизводства во всѣхъ ихъ подробностяхъ. [26] Тогда только высшее Правительство получаетъ возможность издать соотвѣтствующія положенія, которыя будутъ удобоисполнимы, по тому что проистекутъ изъ практической дѣятельности, а не такъ, какъ часто бываетъ въ разныхъ Государствахъ, что созданной теоріи усиливаются подчинить практическое дѣйствіе. Такія постановленія никогда не могутъ утвердиться, а отъ этого

---

[26] Военные суды, къ которымъ безсознательно имѣютъ какое-то преимущественное предпочтеніе, окажутъ менѣе пользы въ подобныхъ дѣлахъ, чѣмъ гражданскіе, само собою разумѣется, составленные изъ лицъ, способныхъ и добросовѣстныхъ.

самаго теряется въ народѣ уваженіе не только къ распоряженіямъ властей, но и къ самымъ законамъ. [27]

Какимъ же образомъ, для полнаго итога въ этомъ предначертаніи, могло получить спеціальное изложеніе всѣхъ закулисныхъ двигателей различныхъ вѣдомствъ? Возвышенные сановники, при всемъ своемъ стремленіи къ благу, одни не были въ возможности проникнуть въ эти тайники и каждому нравственному недугу противопоставить соотвѣтственное противоядіе. Не многіе изъ нихъ прошли по чиновничьей лѣстницѣ въ различныхъ вѣдомствахъ, [28] а по тому имъ вовсе чужды пути, ведущіе

---

[27] Такъ, на прим., хотя бы у насъ, строгость закона о карточной игрѣ нигдѣ не соблюдается: играютъ вездѣ, и какъ играютъ! Но еще болѣе, ни одинъ законъ не опредѣляетъ, какія именно игры должно признавать запрещенными и какія дозволительными. Раздѣленіе же ихъ просто на азартныя и коммерческія не имѣетъ ни какого смысла. Обстоятельство это было изложено въ Отношеніи Генералъ-Фельдмаршала Князя Паскевича къ Графу Блудову, переданномъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, для сообщенія своихъ соображеній съ своимъ заключеніемъ. Мнѣ было поручено развить этотъ предметъ, и въ 1847 году я представилъ подробную Записку, съ изложеніемъ всѣхъ игръ, нынѣ употребляемыхъ, изъ чего естественно выводилось мнѣніе объ играхъ, долженствующихъ почитаться азартными; но все это до сихъ поръ остается по прежнему. Куреніе табаку воспрещено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загородныхъ гуляній, а между тѣмъ папиросы и сигары встрѣчаются на каждомъ шагу. Такса, установленная для извощиковъ, не соблюдается и т. д. Власти, дѣлающія такія распоряженія, не обдумываютъ прежде, будутъ ли онѣ въ силахъ заставить уважать свои постановленія. Въ этомъ случаѣ гораздо лучше не обращать вниманія на то, что можетъ быть въ народѣ упрочено по недостатку себѣ мощи и средствъ, и чрезъ то избѣгать сталкивать публику съ полицейскою властью, что чрезвычайно вредно; ибо пріучаетъ ее не уважать начальничьи распоряженія. Все это проистекаетъ единственно отъ того только, что составители такихъ постановленій не были спеціально знакомы съ предметомъ, который принимались устроивать. То же можно сказать и объ Обществѣ громоздкихъ движимостей. Къ чему писать величественныя положенія, и не наблюдать за святостію ихъ исполненія? Самовольство къ пріобрѣтенію этимъ Обществомъ и многими другими подобными учрежденіями барышей, не признаваемыхъ законами, распространяетъ вредное ощущеніе между тѣми, которые вынуждены бываютъ прибѣгать къ онымъ и простодушно полагаться на законъ. Здѣсь не было бы конца перечислить все то, что совершается вездѣ, гдѣ только встрѣчается малѣйшая лазейка для стѣсненія тѣхъ, которыхъ обстоятельства предаютъ въ руки другихъ. А что можно было бы сказать о возвышеніи цѣнъ на народныя продовольствія въ столицѣ?!!

[28] Точно такъ, какъ полководецъ, не раздѣлявшій трудовъ войскъ во всѣхъ степеняхъ, останется навсегда чуждымъ многосложныхъ потребностей, встрѣчаю-

къ многочисленнымъ родамъ злоупотребленій. Второстепенныя лица, знающія подробно всѣ продѣлки, обращаясь, по многочисленнымъ порученіямъ, среди всѣхъ вѣдомствъ, и отъ природы общежительные и любознательные, могли ли имъ добродушно содѣйствовать? Трудно рѣшить, по множеству весьма уважительныхъ причинъ.

Таковы представляющіяся преграды совершенію этого великаго предпріятія. Оно не неисполнимо; ибо несомнѣнно, что къ достиженію сего есть пути. И Св. Писаніе говоритъ: «Ищите, и обрящете.» Послѣдующіе за тѣмъ законы, ясно приложенные, обуздаютъ, по возможности, постыдную страсть, болѣе и болѣе развивающуюся. Но здѣсь главнымъ условіемъ должны быть исполнители. Ѳукидидъ сказалъ: «Худые законы, хорошо выполняемые, предпочтительнѣе хорошихъ, но не выполняемыхъ.» Эта истина была повторена, двадцать три вѣка спустя, знаменитымъ Фейербахомъ, бывшимъ Министромъ Юстиціи въ Баваріи, который, лѣтъ 30 тому назадъ, при составленіи уголовнаго свода въ Королевствѣ, предложилъ палатѣ вопросъ: «Лучше ли имѣть хорошіе законы, а худыхъ исполнителей, или на

щихся въ томъ, или другомъ, случаѣ относительно благосостоянія арміи, въ особенности же сохраненія здоровья солдата, какъ бы ни были высоки его умственныя способности, никогда онъ не постигнетъ тѣхъ мелкихъ подробностей практической школы, которыя только исключительно и могутъ составлять одно цѣлое несокрушимое. А по тому и всѣ распоряженія, проистекающія изъ точки не практической, не могутъ увѣнчиваться успѣхомъ. Одинаково и въ день битвы, высокое, кабинетное, стратегическое и тактическое, соображеніе содѣлывается ничтожнымъ, если движеніе частями арміи не сопровождается опытностію. Противное бываетъ тому, когда принимаемыя мѣры основываются на практическомъ знаніи всѣхъ подраздѣленій, всѣхъ нуждъ и потребностей различныхъ частей въ частности и въ общемъ; когда знаютъ степень силъ солдата, что онъ не можетъ перенести въ составѣ малыхъ частей, въ большихъ и наконецъ въ соединеніи въ массу. Преобразователь Россіи прозрѣлъ эту истину, и, чтобъ подать раждающемуся Государству примѣръ, самъ прошелъ всѣ степени, чтобъ содѣлаться Великимъ. Можно изучить изъ книги берейторскую науку, указывать на посадку, на правила какъ поднять лошадь въ галопъ съ той, или другой, ноги, какъ заставить ее ити траверсомъ и т. п.; но если самъ берейторъ незнакомъ съ лошадью, и не прошелъ всей этой школы, то, сѣвъ на нее, скоро свалится, не будучи въ состояніи приложить теоріи къ практикѣ. Опытность выше всѣхъ теорій: эта послѣдняя безъ первой—ничтожна. Здѣсь нужно было бы обратить вниманіе на VI-ю главу Цицерона: «О старости.»

оборотъ?» Онъ рѣшилъ, что «благо народа обезпечивается хорошими исполнителями; что буква закона безъ нихъ мертва.» [29]

Послѣ Фейербаха, тоже знаменитый Профессоръ Философіи и Уголовнаго Права въ Берлинѣ, Сталь, подтвердилъ мнѣніе Баварскаго Министра Юстиціи.

Наши же законы открываютъ преддверіе къ преобразованіямъ; ибо законодательство наше, подъ сѣнію природныхъ Русскихъ Государей, возникло самостоятельнымъ, независимымъ и основывающимся на народности. Это явленіе едва ли не единственное во всей Европѣ. Всѣ законодательства прочихъ ея Государствъ основаны на смѣси туземнаго съ Римскими законами, а въ нѣкоторыхъ послѣдніе совершенно преобладаютъ, какъ на прим., во Франціи, въ Молдавіи и Валахіи, отчасти въ Бельгіи, Австріи, Италіи, Прусіи и во многихъ другихъ Нѣмецкихъ Государствахъ. Въ самой Англіи законодательство представляетъ смѣсь законовъ Норманно-Саксонскихъ съ Римскими, которые, до половины прошедшаго столѣтія, а въ нѣкоторыхъ краяхъ и недавно еще, писались на, непонятномъ для народовъ, языкѣ Латинскомъ. Начиная съ самаго начала XI-го столѣтія, со времени изданія Ярославомъ I Русской Правды на народномъ языкѣ, мы видимъ у насъ водвореніе законнаго порядка, основаннаго на народности. Съ теченіемъ времени является рядъ новыхъ законовъ, послужившихъ къ упроченію внутренней тишины и благосостоянія народа, получившихъ свое начало въ нуждахъ его и потребностяхъ. Это правило сохраняется до настоящаго времени; ибо многіе законы, дѣйствовавшіе во времена Царя Алексѣя Михайловича, сохранили силу даже по настоящее время. Уложеніе же его составлено на началахъ Судебниковъ Іоанна III-го и Іоанна IV-го.

Слѣдовательно, у насъ нѣтъ тѣхъ препятствій, которыя бы могли возникнуть во всѣхъ другихъ Государствахъ къ преобразованію нѣкоторыхъ частей управленія. У насъ воля Монарха священна: онъ почитается источникомъ одного добра; все остальное относится къ исполнителямъ. Это глубоко врѣзано въ убѣжденіи Русскаго человѣка.

И. Липранди.

---

[29] Св. Апостолъ Іаковъ (6, 20) тоже самое говоритъ о Вѣрѣ: «Вѣра безъ дѣлъ мертва есть.»

ЗАПИСКА

ОБЫВАТЕЛЯ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

Обращаясь къ событію послѣдняго возмущенія въ Царствѣ Польскомъ; разсматривая дѣйствія лицъ, духъ возставшихъ противъ законной власти, и изыскивая причины тому, нельзя не убѣдиться въ истинѣ, что преходившая всякую мѣру увѣренность Правительства въ мнимой приверженности къ оному Поляковъ, и поверхностныя розысканія проступковъ въ отношеніи политическомъ, кои представляемы были, какъ заблужденія, шалости молодежи безъ цѣли, и не подвергали для того виновныхъ примѣрнымъ наказаніямъ, постепенно образовывали въ Краѣ возмущеніе, которое вспыхнуло наконецъ и увлекло въ ужасную пропасть свою самыхъ мирныхъ гражданъ, страшившихся всегда общаго мнѣнія гораздо болѣе, нежели законной власти.

Правительство, осыпавшее Край благодѣяніями, видящее оный процвѣтавшимъ, не могло не вѣрить благодарнымъ чувствованіямъ; не могло полагать, чтобы мечтательныя идеи самобытности треволненнаго Царства были сильнѣе здраваго разума и тѣхъ положительныхъ основаній, на которыхъ зиждется прямое благо общее.

Въ прошедшемъ заключаются наставительные примѣры для астоящаго.

Отъ избытка въ способахъ жизни, отъ бездѣйствія, въ которомъ находилось войско, отъ недостаточнаго надзора за духомъ Университета, отъ не наказаннаго вольнодумства наставниковъ въ оном, и отъ слабой, потворствующей публичному мнѣнію Полиціи, въ 1819 году начали оказываться, по самому духу времени, разныя возмутительныя общества въ войскѣ и въ Университетѣ. Оказались связи Студентовъ Варшавскихъ съ заграничными, и Правительство принуждено было приступить къ дальнѣйшимъ розысканіямъ по сему столь важному предмету.

Въ томъ же году открылся заговоръ Патріотическаго Общества, имѣвшаго цѣлію возстановленіе прежней цѣлости и независимости Польши. Общество сіе составилось въ войскѣ, и именно въ 4-мъ линѣйномъ полку, всегда квартировавшемъ въ Варшавѣ. Главою онаго былъ того же полка Маіоръ Лукасинскій. Въ составѣ Общества находилось много военныхъ, Академиковъ, принимаемыхъ въ оное бывшимъ Ассесоромъ Трибунала въ Калишѣ Кошутскимъ, и другихъ званій вольнодумцевъ. Въ числѣ главнѣйшихъ членовъ были правовѣдцы Венгржецкій и Шрёдеръ.

По поверхностномъ изслѣдованіи дѣла, всѣ дѣйствія Общества признаны ни чѣмъ болѣе, какъ только работами слишкомъ извѣстнаго Масонства; въ самомъ же дѣлѣ Общество имѣло цѣль народную,—политическую; за составленіе онаго Маіоръ Лукасинскій только былъ назначенъ состоять по арміи, а всѣ прочіе, въ томъ числѣ и Офицеры гвардіи, получили прощеніе, и только взяты были отъ нихъ подписки никогда не принадлежать къ какомубы то ни было тайному Обществу.

Плодами такого слисхожденія было то, что въ 1820 году тотъ же Маіоръ Лукасинскій составилъ вновь тайное Общество по плану гораздо обширнѣйшему; оно раздѣлялось уже на провинціональные комитеты, имѣло уставъ, форму присяги, и дѣйствовало въ духѣ прямо революціонномъ.

Для открытія и искорененія потомъ зла сего, учреждена была особая слѣдственная Коммисія изъ Статскихъ Совѣтниковъ: Ганкѣвича и Ильницкаго и изъ Прокураторовъ: Подоскаго и Филенскаго, и за тѣмъ, въ 1821 году наряженъ былъ судъ подъ предсѣдательствомъ, убитаго во время мятежа, Генерала Гауке. По приговору онаго суда подверглись взысканію только 4 лица изъ виновнѣйшихъ членовъ Общества; всѣмъ прочимъ опять даровано прощеніе, въ томъ числѣ Венгржецкому и Шрёдеру, который даже не потерялъ мѣста своего.

Въ спискѣ Общества было весьма много Студентовъ Варшавскаго Университета; открылись связи ихъ съ Студентами Берлинскими, Бреславскими и другихъ Университетовъ; отправленъ былъ по сему предмету въ Берлинъ Прокураторъ Фаленскій (нынѣ Судья высшей инстанціи), и въ слѣдствіе розысканій арестованы Эксъ-Академики: Скварскій (служащій и нынѣ Ассе-

сором въ Муниципалитетѣ), Гофманъ, Козловскій, Брониковскій, Мохнацкій, Келеръ и другіе. * Изъ Слѣдственной Коммисіи въ 1822 году составился Чрезвычайный Судъ, приговоромъ коего всѣ арестованные признаны не достойными занимать какіе либо уряды; но въ послѣдствіи времени тотъ же самый Судъ, по вліянію и ходатайству патріотовъ, и изъ боязни публичнаго мнѣнія, постановилъ: что, поелику въ дѣйствіяхъ Общества не открывается ни чего болѣе, какъ одни только заблужденія, безъ всякой важной цѣли, то принадлежавшіе къ оному и не заслуживаютъ строгаго наказанія; по сему 1823 года Скварскій, Гофманъ и Брониковскій не токмо допущены къ урядамъ, но даже получили высшія, а Козловскій, коего не возможно уже было оправдать, признанъ за сумасшедшаго.

Защитники виновныхъ предъ Судомъ: Меценасъ Козловскій и Адвокатъ Пѣнтковскій, за явное оскорбленіе при томъ Правительства, были отставлены отъ должностей; но и они вскорѣ, чрезъ протекцію патріотовъ, получили прежнія мѣста, а послѣдній возвышенъ потомъ въ Меценасы.

Такой оборотъ дѣла, до того осмѣлилъ жаждущихъ перемѣны Правительства, что они при всякомъ случаѣ начали оказывать сопротивленіе противу постановленій онаго, и даже дерзали на Сеймѣ изъяснять революціонныя теоріи, домагаясь учрежденія судовъ присяжныхъ и проч. А между тѣмъ Академики имѣли сходбища по публичнымъ мѣстамъ, учреждали торжества въ лѣсу на Бѣлянахъ, оказывали явное пренебреженіе къ тѣмъ изъ своихъ Профессоровъ и Кураторовъ, кои не были рабами возмутительнаго общаго мнѣнія, оскорбляли при малѣйшемъ случаѣ чиновниковъ Полиціи, не щадили наконецъ ни кого, кто не раздѣлялъ съ ними мятежническитъ идей и намѣреній: и за все сіе Ректоры, желавшіе выиграть мнѣніе публики, ограничивались одними напоминаніями, и то въ такомъ уже случаѣ, когда буйства и безчиніе Академиковъ доходило до нихъ отъ Высшаго Начальства.

Ежели котораго либо изъ Академиковъ, или подобнаго имъ вольнодумца, по важности проступка въ политическомъ отноше-

---

* Гофманъ, Брониковскій и Мохнацкій во время возмущенія были самими злѣйшими мятежниками.

ніи необходимость указывала взять подъ стражу, и даже представить лично къ Государю Цесаревичу, то Вице-Президентъ Любовидзкій, желая быть популярнымъ, желая такъ же угодить общему мнѣнію, при исполненіи сего по своей обязанности, старался подавать всевозможныя средства виновному къ оправданію, ласкалъ его, давалъ наставленія для отвѣтовъ, избѣгалъ дальнѣйшихъ розысканій, и даже оправдывался предъ арестованнымъ, что не онъ, Вице-Призидентъ, а высшая власть, признаетъ нужными столь строгія мѣры.

Въ 1826 году опять открыто было возмутительное Общество, руководимое, бывшихъ Польскихъ войскъ лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка Подполковникомъ Кржыжановскимъ, и по изслѣдованію оказалось:

а) Что Общество сіе было продолженіемъ таковаго же, составленнаго Лукасинскимъ.

б) Что вѣтви онаго распространились не только въ войскѣ, но и въ Сенатѣ; поелику принадлежалъ къ оному Каштелянъ Солтыкъ въ Правительственномъ Совѣтѣ; ибо членомъ его былъ Графъ Залускій, и наконецъ между духовенствомъ, изъ коего былъ такъ же членомъ Общества Ксёндзъ Дембекъ и т. д.

в) Что оно имѣло связи и сношенія съ провинціями Польскими и, замышлявшимъ бунтъ въ самой Россіи, государственнымъ преступникомъ, Пестелемъ и другими.

Посѣдѣлые патріоты высшаго класса восхищались въ тайнѣ такимъ направленіемъ умовъ, представляя между тѣмъ Правительству тщету замысловъ; публичное мнѣніе было за преступниками: оно руководило судящимъ ихъ; а общій голосъ, раздававшійся въ палатахъ вельможъ, въ Присутственныхъ Мѣстахъ и въ домахъ публичныхъ: «что не должно подозрительными розысканіями оскорблять народнаго характера; что ежели Общество имѣло цѣлію возстановленіе прежней независимости и правъ народа, то сіи священные патріотическіе порывы заключаютъ въ себѣ духъ времени, и что строгія наказанія за чувства сіи были бы противны Конституціи,» заглушалъ несогласныя съ симъ, но не рѣшительныя, двусмысленныя, мнѣнія.

Проникнутый подобными впечатлѣніями, разбиравшій дѣло до 1828 года, Чрезвычайный Сеймовый Судъ, не осудилъ членовъ Общества, яко государственныхъ преступниковъ, и одного только

Подполковника Кржыжановскаго, за сношеніе его съ бунтовщикомъ Пестелемъ, приговорилъ наказать домашнимъ арестомъ, устраняя самую силу закона, опредѣляющаго ясно кару подобнаго рода преступникамъ. Такую имѣла силу партія злонамѣренныхъ и публичное мнѣніе!

Правительство, видя, что, не взирая на очевидное стремленіе Общества къ мятежническому перевороту, не взирая на распространившіяся во всемъ Царствѣ вѣтви заговора, только семь членовъ онаго подверглись суду, и что опять не дойдено до источника злу сему и остаются покрытыми многія лица, принадлежавшія къ Обществу, предписало произвести вновь строжайшее розысканіе, открыть всѣхъ виновныхъ, и дабы главнѣйшіе изъ нихъ понесли справедливое наказаніе въ примѣръ прочимъ.

По сему пріостановлено было опубликованіе приговора, учиненнаго Чрезвычайнымъ Судомъ. Дѣло представлено на Высочайшее благоусмотрѣніе. Приговоръ остался въ своей силѣ; но Государь Императоръ изволилъ объявить неудовольствіе Суду за оный, Всемилостивѣйше даруя вины преступнымъ.

Видимая сила общаго мнѣнія и торжество патріотовъ, отвратившихъ и въ семъ случаѣ въ Судѣ дальнѣйшее изысканіе виновныхъ, еще болѣе раскрыли и осмѣлили идеи въ стремящихся къ ниспроверженію порядка и законной власти. Погребеніе 1829 года Презуса Сеймоваго Суда, Бѣлинскаго, возставшаго противу наказанія виновныхъ членовъ Общества и защищавшаго ихъ съ превозносимою ими самоотверженностію, доказало, какимъ духомъ пылаетъ молодежь въ Царствѣ Польскомъ, и какое благоговѣніе отъ нихъ заслуживаетъ тотъ, кто руководствуется слѣпо однимъ публичнымъ мнѣніемъ. Необузданная молодежь самую ничтожную вещицу, принадлежавшую покойному Бѣлинскому, почитала священною; напротивъ того сына Генералъ-Адьютанта Графа Красинскаго (Викентія) Академики, ободравши съ него мундиръ, изгнали изъ среды себя за то, что отецъ его дерзнулъ обвинять преступниковъ.

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Новосильцовъ и другіе, подобно ему предвидѣвшіе несчастныя слѣдствія отъ распространявшихся мятежническихъ замысловъ, представляли необходимость въ пріятіи чрезвычайныхъ средствъ къ отвращенію оныхъ; но важнѣйшая, многочисленнѣйшая и готовая на всякія жертвы об-

щему мнѣнію, партія, заглушала голосъ истины. Пламеннѣйшіе изъ патріотовъ: Воронічъ и Нѣмцевичъ, за ними Потоцкій и Закршевскій, и наконецъ, пользовавшійся особливою довѣренностію и уваженіемъ по уму, Министръ Мостовскій, всегда представляли Правительству, что «Поляки, будучи осыпаемы благодѣяніями, пользуясь всѣми правами счастливыхъ гражданъ, не могутъ даже помыслить о какомъ ни будь возмущеніи, ни по разуму, ни по интересамъ, ни по самому характеру народному, и что Польша не порождала вѣроломцевъ противу присяги и Монарховъ своихъ; а ежели и возникаютъ между нѣкоторыми идеи, можетъ быть и слишкомъ вольныя, сіе не должно приписывать цѣлому народу. Это есть не что иное, какъ мечты умовъ не созрѣлыхъ: еще, пустое подражаніе, шалость безъ цѣли, и лишь одинъ враги Поляковъ могутъ приписывать имъ неблагодарность и обдуманныя,—преступныя намѣренія.»

Правительство, внимая оправданіямъ симъ, не могло, съ одной стороны, не признавать ихъ имѣющими основанія; и хотя, съ другой стороны, представлялся вопросъ: какая революція руководима была здравымъ разумомъ, общимъ интересомъ, и гдѣ не увлекался въ оную народъ иступленниками, дѣйствующими слѣпо, по видамъ нѣсколькихъ хитрыхъ честолюбцевъ? за всѣмъ тѣмъ выше приведенныя теоретическія умствованія, повторяемыя одними по убѣжденію логики, другими изъ преступныхъ видовъ, затмѣвали историческіе факты и очевидное напряженіе умовъ безпокойныхъ.

Духъ мятежа соединялся съ общимъ мнѣніемъ, которое раздѣляли въ тайныхъ помышленіяхъ своихъ едва ли не всѣ люди и высшаго сословія; онымъ руководствовалась, какъ оказалось потомъ, и самая Слѣдственная Коммисія, коей старшій членъ, Ганкѣвичъ, арестованный въ революцію, оправдывался предъ народнымъ правленіемъ тѣмъ, что «онъ всегда старался представлять революціонные порывы частными выходками, устраняя всемѣрно дѣйствительную принадлежность къ тому многихъ, и ограничиваясь обвиненіемъ только тѣхъ, коихъ оправдать не было уже ни какой возможности; что онъ, равно какъ Слѣдственная Коммисія, никогда не изображали предъ Правительствомъ политическихъ Обществъ въ томъ видѣ, въ какомъ оныя были на самомъ дѣлѣ; и что, наконецъ, онъ, Ганкѣвичъ, старался подавать каж-

дому изъ обвиняемыхъ всѣ средства къ возможному оправданію, видя въ томъ участіе патріотовъ и тайную цѣль народную;» равномѣрно въ письмѣ своемъ изъ подъ ареста къ Бонавентурѣ Нѣмоевскому, бывшему въ то время Министру революціоннаго правленія, онъ приводилъ въ оправданіе свое то, что: «производя слѣдствіе надъ Академиками, Правовѣдцами и надъ Обществомъ Лукасинскаго, имъ сокрыто и защищено множество лицъ, участвующихъ нынѣ съ такою славою и пользою для отечества въ народномъ возстаніи, какъ, на примѣръ: Венгржецкаго, Кошутскаго и другихъ.»

Во вниманіи къ симъ доводамъ невинности Ганкѣвича и къ раскрываемымъ имъ тайнымъ направленіямъ въ дѣйствіяхъ своихъ по службѣ, безъ которой онъ, какъ объяснялъ, обойтиться не могъ, онъ былъ освобожденъ изъ подъ ареста, пользовался совершенною свободою, и въ послѣдствіи уже, 15-го Августа, 1831 года, былъ повѣшенъ волновавшимся народомъ, не слушавшимъ ни какихъ оправданій.

Подъ столь сильною защитою общаго мнѣнія возрастала смѣлость готовящихся произвести мятежъ; сіи послѣдніе, видя, какъ можетъ быть обманываемо Правительство, безъ опасенія стремились къ совершенію своихъ намѣреній, и всѣ власти въ Краю служили не Правительству, а публичному мнѣнію.

Среди волненія умовъ и тайныхъ замысловъ наступила коронація въ Варшавѣ благополучно царствующаго Государя Императора; и къ прибытію Его Величества составился заговоръ Смагловскаго, противу священной особы Монарха-благодѣтеля.

Послы и Сенаторы раздѣлились на клубы, имѣвшіе засѣданія свои у Владислава Островскаго и Звѣрковскаго; духъ мятежа и неповиновенія оказывался явно, когда дѣлались представленія у Трона о публичныхъ обрядахъ Сеймовыхъ и объ увольненіи изъ подъ надзора Нѣмоевскаго. Послы сносились съ Высоцкимъ и другими, готовящимися къ бунту; внимательный надзоръ на сей разъ предвидѣвшихъ бурю пріостановилъ порывы оной, но заговоръ Смагловскаго съ единомышленниками признанъ съумасшествіемъ и остался почти безъ изслѣдованія; по крайней мѣрѣ, не обнародованы были вины преступниковъ и заслуженная ими кара.

Общее торжество коронаціи, личина благодарныхъ чувство-

ваній къ Престолу, и повторенныя выше приведенныя фразы Вороничемъ: «о неучастіи облагодѣтельствованнаго народа въ безумныхъ злонамѣреніяхъ частныхъ,» казалось успокоили Правительство.

Между тѣмъ заговоръ, составившійся предъ коронаціею, началъ изъявляться въ поступкахъ Академиковъ и въ Школѣ Подпрапорщиковъ: открылись списки заговорщиковъ; предположено было уничтожить Университетъ, а Подпрапорщиковъ разослать по полкамъ, но и тутъ общее мнѣніе превозмогло; опять обратились къ одному только вопросу: «Могутъ ли дѣти ниспровергнуть власть и порядокъ въ Краѣ?» — «Нѣтъ, повторяли патріоты; затмѣвать такимъ образомъ просвѣщеніе значило бы слѣдовать за внушеніями враговъ народа.» И столь важное происшествіе кончилось тѣмъ, что арестовано было нѣсколько Академиковъ, а Школа Подпрапорщиковъ была поручена Бригадному Генералу Трембицкому. Вице-Президентъ Любовидзкій и при семъ случаѣ, желая въ одно время служить и мнѣнію публичному и Правительству, не имѣя твердости характера, страшась противу себя поставить патріотовъ, не занялся самъ допросами Академиковъ, а поручилъ сіе Ассесору Блещинскому, воспитывавшемуся въ одномъ мѣстѣ съ преступниками, который длилъ дѣло, не выкрывая, но затмѣвая, истину до самой революціи, вспыхнувшей 29 Нобяря, 1830. За сіе во время мятежа Блещинскій пользовался всею признательностію Академиковъ и особеннымъ вниманіемъ Народнаго Правленія. Любовидзкій же въ первыя минуты возмущенія нечаянно попался иступленникамъ, и въ пылу онаго былъ израненъ, а по тому и не извѣстно, какъ были бы приняты бунтовщиками двустороннія его угожденія.

Революція раскрыла силу мнѣнія публичнаго въ людяхъ, служившихъ Правительству, но во глубинѣ души питавшихъ первое; ибо хотя Народное Правленіе на другой день мятежа и разослало отзывы о успокоеніи, но довольно было голоса нѣсколькихъ, не имѣвшихъ ни какого значенія, людей, довольно было прибытія одного Академика въ какой ни будь городъ, чтобы мѣстное Начальство кинулось въ вихрь революціи, не слушая ни какихъ убѣжденій со стороны мнимыхъ правителей народа.

Сіе служитъ непреложнымъ доказательствомъ, что если бы лица, занимавшія должности Презусовъ въ Воеводскихъ Комми-

сіяхъ, Президентовъ, Бургомистровъ, Обводовыхъ Коммисаровъ и вообще Полицейскія, были вѣрными слугами Правительства, а не публичнаго мнѣнія, и основывали бы всѣ надежды свои на приверженности къ первому, то что могъ бы сдѣлать исступленный Академикъ? А отъ арестованія такого безумца могло зависѣть спокойствіе тысячи обывателей какого ни будь значительнаго города. Но такихъ чиновниковъ въ Краѣ не было, — и пламя возмущенія вдругъ разлилось по Царству, не встрѣчая нигдѣ себѣ препоны.

Нынѣ, когда событія удостовѣрили, что, не взирая на казавшуюся весьма бдительной Тайную Полицію, дерзкое предпріятіе молодежи, подъ предводительствомъ ничтожнаго Подпоручика, могло причинить столько несчастій въ Краѣ, всегда питающемъ неудовольствіе противъ Правительства, могло увлечь за собою всѣ классы народа, и когда, по благости Божіей, силою оружія уничтоженъ мятежъ и возвращено гражданамъ благодѣтельное спокойствіе, противъ самаго желанія безумныхъ, обуреваемыхъ тщетными надеждами. Правительство, конечно, обезпечитъ на грядущія времена спокойствіе подвластнаго оному, хотя и неблагодарнаго, народа, учредивъ преграды къ замысламъ посредствомъ лицъ мѣстной Полиціи.

Дабы упрочить благосостояніе Края, необходимо имѣть во всѣхъ отрасляхъ Правительства возможное число такихъ чиновниковъ, кои бы служили вѣрно Монарху, гордились бы своими званіями, не раздѣляли суетнаго общаго мнѣнія, не зависѣли отъ онаго, и приверженность къ Трону почитали самою священнѣйшею обязанностію. Съ сими качествами нельзя искать людей въ Краѣ, возмущенномъ идеями мнимой свободы; не возможно допустить, чтобы раздѣлявшіе общее мнѣніе, оправдывающее причины бунта, изысканные и возвышенные мятежническимъ Правленіемъ, не сохраняли въ тайнѣ вкоренившагося въ нихъ вреднаго образа мыслей противу Правительства монархическаго, и не дѣйствовали въ духѣ общаго мнѣнія.

Хотя и не возможно наполнить всѣ Присутственныя Мѣста въ Царствѣ чиновниками изъ Россіянъ, но вопіющая необходимость требуетъ, чтобы Полиція въ Краѣ была въ рукахъ Русскихъ, и чтобы мѣста оной были заняты Русскими чиновниками,

привязанцыми къ пользамъ Россіи и воспитанными въ монархическомъ Правленіи.

Могутъ ли быть блюстителями порядка и спокойствія, могутъ ли внушать народу благоговѣніе къ Трону и повиновеніе къ законнымъ властямъ тѣ, кои съ восхищеніемъ кинулись въ бурю революціи, кои гораздо усерднѣе служили мятежническому Правленію, получая половинное жалованье, нежели законному Правительству, получая полный окладъ? Могутъ ли быть полезными чиновниками тѣ, кои привыкли толковать въ худую сторону всѣ распоряженія Правительства? Нѣтъ! Такіе люди скорѣе научатъ народъ ненавидѣть законную власть, нежели водворятъ въ ономъ повиновеніе и спокойствіе.

Не возможно ожидать приверженности и усердія къ пользамъ Россіи отъ тѣхъ, которые возвышеніями своими обязаны общему мнѣнію, изысканному ими во время бунта, какъ, на примѣръ: нынѣшній Президентъ Варшавской Полиціи Лащинскій, который изъ Референта съ 8 тыс. злотыхъ въ годъ жалованья, возвышенъ мятежническимъ Правленіемъ въ настоящее званіе, коему присвоено въ годъ до 24 тыс. злотыхъ; какъ Вице-Президентъ сей же Полиціи Герличъ, который изъ ничтожнаго Обводоваго Коммисара возведенъ бунтовщиками за отличіе во время мятежа въ теперешнее званіе съ годовымъ окладомъ по 15 т. злот.

Могутъ ли съ пользою занимать мѣста въ разныхъ отрасляхъ Правленія тѣ, кои, еще до революціи, за заговоръ противъ Правительства, подвергались наказаніямъ, какъ, на примѣръ: Ассесоръ Скварскій, который служилъ въ революцію, и нынѣ служитъ въ Муниципальномъ Правленіи? Тѣ, кои въ періодичныхъ изданіяхъ, вмѣстѣ съ Лелевелемъ и Нѣмоевскимъ не щадили самое священное имя Монарха, разлували пламя бунта и волновали умы своими статьями, какъ на примѣръ: Адвокатъ Кантій Воловскій (говорившій рѣчь на безумномъ погребеніи казненнаго бунтовщика Пестеля) и Патронъ Маевскій, и кои и нынѣ остаются на своихъ мѣстахъ? Тѣ, которые, бывши въ составѣ мятежническаго Комитета, имѣвшаго порученіе разобрать бумаги прежняго Правленія въ Царствѣ, брали и пытали всѣхъ подозрѣваемыхъ въ приверженности, какъ, на примѣръ: Защитникъ Прокураторіи Консевичъ, Адвокатъ Рудницкій, Подпрокураторъ и Ассесоръ Славяновскіе, Патронъ Трибунала Шварцъ и Ас-

сесоръ онаго Остроменскій, кои не только остались при своихъ мѣстахъ, но послѣдній даже возвышенъ еще теперь въ Писаря Суда Аппеляціоннаго, поелику онъ былъ учителемъ дѣтей нынѣшняго Президента Коммисіи Юстиціи, Генерала Косецкаго? Тѣ, кои въ 1828 и 1829 годахъ, съ неописанною дерзостію защищали предъ судомъ заговорщиковъ противъ Правительства, а во время возмущенія были пламенными приверженцами онаго, какъ, на примѣръ: Меценасы Кржывошевскій и Тарчевскій, остающіеся и теперь на своихъ урядахъ? И наконецъ всѣ тѣ, которые, бросивши гражданскія должности свои, взялись за оружіе и проливали кровь непріятелей бунта?

Ежели Правительство терпитъ такихъ чиновниковъ, то люди сіи, конечно, мыслятъ, что оно и теперь боится раздражать публичное мнѣніе, и что оно для того не ниспровергаетъ прежней системы, что само еще не увѣрено въ непоколебимой твердости своего положенія въ Царствѣ Польскомъ.

Обязанные всѣмъ мятежу, чиновники сіи, вкушая плоды онаго и полагая всю надежду на силу общаго объ нихъ мнѣнія и на связи съ единомыслящими, не вѣрятъ, чтобы Правительство, пренебрегши мнѣніемъ симъ, рѣшилось лишить ихъ интересныхъ мѣстъ, коихъ они достигли, отличаясь патріотизмомъ.

Я наименовалъ для примѣра однихъ только вдругъ вспавшихъ на мысль мнѣ; впрочемъ, подобными людьми наполнены всѣ Присутственныя Мѣста въ Царствѣ, и вся Полиція въ рукахъ тѣхъ же Поляковъ. Такіе чиновники всегда готовы выставлять народу тягость податей и рекрутскаго набора, хотя во время мятежа вымогали отъ него послѣдній грошъ, отрывали отцовъ отъ дѣтей, разстроивали семейства и гнали бѣдныхъ поселянъ безъ оружія на вѣрную смерть за мнимую свободу разоряемаго отечества.

Недавно одному изъ приверженныхъ къ Правительству случилось быть въ Пултускѣ и Ломзѣ: онъ содрагался, какъ говоритъ, слышавши разговоры собравшихся чиновниковъ тамошнихъ Присутственныхъ Мѣстъ, которые въ публичномъ мѣстѣ, безъ малѣйшаго опасенія Полиціи, порицали Правительство, расказывали самые нелѣпые слухи о скоромъ прибытіи Французовъ, о близкомъ паденіи Россіи, и предрекали участь приверженныхъ къ Россіянамъ, для коихъ наготовлены уже веревки.

Подобныя разглашенія и насмѣшки при всякомъ случаѣ, то надъ начальствомъ, то надъ обычаями Русскихъ, содѣлавшіяся любимою забавою въ обществахъ, переходя къ простому народу, производятъ въ немъ самыя вредныя впечатлѣнія: но нынѣшняя мѣстная въ Краѣ Полиція останавливать сего, конечно, не будетъ.

Напрасно Правительство полагаетъ, что чиновники напитанные возмутительными идеями, обязанные всѣмъ публичному мнѣнію, могутъ быть употреблены къ выполненію распоряженій онаго. Вотъ еще примѣръ: Вице-Президенту Герличу поручено было розысканіе: дѣйствительно ли Начальникъ Отдѣленія въ Коммисіи Внутреннихъ Дѣлъ, Квятковскій, участвовалъ въ убійствѣ 15 Августа н. с. 1831 года Статскаго Совѣтника Ганкѣвича? Герличъ, призвавши къ себѣ свидѣтеля, и желая внутренно оправдать обвиняемаго мятежника, тотчасъ предупредилъ свидѣтеля, что, «невинность Квятковскаго уже открыта.» Послѣ сего что оставалось говорить свидѣтелю?

Нѣтъ, безъ перемѣны лицъ въ разныхъ отрасляхъ Правленія, оно перемѣниться не могло, и не можетъ. Оно осталось то же, какимъ было до возмущенія, и даже во время онаго. Правда, что отличавшимся во время революціи преграждены средства дѣйствовать прямо въ духѣ оной, но не преграждено желаніе къ тому; и Правительство, полагаясь на нихъ, не успѣло еще принять въ соображеніе примѣровъ прошедшаго для улучшенія настоящаго. Духъ возстанія не дремлетъ. Первый удобный случай къ оному удостовѣритъ въ истинѣ сего, и въ томъ, что питающіе надежды мечтательной самобытности Польши не были праздными.

Прежде говорили, какъ приведено выше: «Могутъ ли дѣти перемѣнить порядокъ въ Краѣ?» Теперь говорятъ: «Можно ли успѣть въ какомъ ни будь безумномъ предпріятіи къ перевороту безъ денегъ, безъ войска и безъ оружія?» Безуспѣшность не сомнительна; но одной попытки довольно, чтобы пали тысячи жертвъ неистовства. Нынѣ, когда Край наполненъ Русскими войсками, и тутъ волненіе умовъ не утихаетъ совершенно. Не всегда можно имѣть стотысячную армію на стражѣ, для спокойствія одной провинціи; слѣдовательно, нужно изыскивать мѣстныя средства къ оному, а средства сіи заключаются въ Полиціи и вѣрныхъ чиновникахъ.

Правительство Прусское, занявши въ 1815 году Княжество

Познанское, тотчасъ не только смѣнило чиновниковъ по Присутственнымъ Мѣстамъ и замѣстило ихъ своими, но тогда же начало вводить общія права въ Королевствѣ и господствующій языкъ въ ономъ; а по сему и могло уже твердо полагаться, если не на народъ, то на мѣстныя власти, установленныя имъ изъ людей приверженныхъ къ пользамъ Королевства и гордящихся своими званіями. Событія доказали пользу сего; ибо ни одинъ Ландратъ, ни одинъ Бургомистръ, не раздѣлялъ революціонныхъ идей и публичнаго въ Краѣ мнѣнія, и, конечно, не допустилъ бы ни какого Академика читать всенародно возмутительныя прокламаціи и распоряженія, какъ сіе было при вспыхнувшемъ мятежѣ въ Царствѣ Польскомъ; отъ того Княжество Познанское менѣе всѣхъ другихъ провинцій бывшей Польши и участвовало въ общемъ, какъ пишутъ нынѣ Поляки, возстаніи.

А. Стороженко.

1833 года, Февраля 20.

ЗАПИСКА

ПО ДѢЛУ О ЗЛОУМЫШЛЕННИКАХЪ,

ВЫСЛАННЫХЪ ИЗЪ ФРАНЦІИ ВЪ ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ,

ДЛЯ НАЧАТІЯ НОВАГО МЯТЕЖА.*

Всемилостивѣйше даровачная амнистія возставшимъ противу Монарха и законной власти, и возвращеніе правъ обывателямъ Царства Польскаго, ими самими попранныхъ, казалось, должны бы были поселить въ умахъ хотя временное спокойствіе; но благотворенія сіи, какъ оказалось нынѣ, не произвели тѣхъ впечатлѣній признательности и раскаянія, какихъ можно было ожидать и надѣяться. Люди, чуждые гражданскаго спокойствія по треволненному народному характеру, вскорѣ начали скучать порядкомъ и мирною жизнію и, нарекая на произведенный въ Краю мятежъ, не переставали между тѣмъ переписываться съ бѣжавшими въ разныя Государства мятежниками.

Многія перехваченныя письма открывали духъ негодованія противу Правительства; за всѣмъ тѣмъ принятыя мѣры кротости ограничивали сколь можно взысканія съ виновныхъ.

Бѣдственные опыты должны были уничтожить всякое довѣріе къ преданности, всегда оказываемой и при малѣйшемъ случаѣ нарушаемой Поляками: необходимая осторожность соблюдалась въ строгой точности, но ни кто не былъ отягощенъ оною; напротивъ того, желающіе спокойствія пользуются таковымъ въ полной мѣрѣ.

Завидуя мѣрамъ справедливости и порядку въ Краю, тяго-

---

* Дѣло произведилось въ Слѣдственной Коммисіи, учрежденной въ Варшавѣ подъ предсѣдательствомъ Исправляющаго должность Военнаго Генералъ-Полиціймейстера дѣйствующей Арміи, корпуса жандармовъ Полковника А. Я. Стороженка, въ послѣдствіи Варшавскаго Оберъ-Полиціймейстера, а потомъ Сенатора Варшавскихъ Департаментовъ, скончавшагося въ недавнее время въ своемъ помѣстьѣ Лубенскаго Уѣзда Полтавской Губерніи. О. Б.

тясь, заслуженнымъ, впрочемъ, жребіемъ своимъ и утѣшая себя разными вымыслами о не бывалыхъ здѣсь утѣсненіяхъ, бѣжавшіе за границу Поляки печатали многія возмутительныя сочиненія, кои, при всей бдительности Правительства, равно какъ журнальныя статьи и частныя письма, будучи провозимы тайно въ Край, ходятъ по рукамъ между мнимыми патріотами и увлекаютъ въ заблужденіе легковѣрныхъ.

При такомъ направленіи безпокойныхъ умовъ, въ Февралѣ мѣсяцѣ сего 1833 года, начали получаться свѣдѣнія изъ заграницы, и оказалось изъ частныхъ писемъ, что тайныя Французско-Польскія общества высылаютъ эмисаровъ Польскихъ въ Польшу и Литву, для произведенія въ Краяхъ сихъ новаго возмущенія. По сему сдѣланы были надлежащія распоряженія и приняты строгія мѣры къ предотвращенію зла, какое могло бы произойти отъ могущихъ проникнуть въ Край злоумышленниковъ.

Въ одномъ изъ такихъ писемъ, бѣжавшій во Францію мятежникъ Винницкій писалъ къ женѣ своей, что сынъ ихъ, бѣжавшій же съ нимъ, Офицеръ бывшаго Польскаго войска, Антоній Винницкій, «посвятивъ себя благу отечества, скоро имѣетъ прибыть въ Царство.»

По письму сему предписано было, въ началѣ Марта мѣсяца, искать Винницкаго, который схваченъ, и 1 Апрѣля учреждена Слѣдственная Коммисія, для раскрытія намѣреній и дѣйствій его.

Приступивъ къ дѣлу, Коммисія не имѣла въ виду ни чего такого, чтобы могло обвинять Винницкаго въ какомъ либо зломъ замыслѣ. Онъ твердо стоялъ въ томъ, что прибылъ въ Край единственно для того, дабы увидѣться съ женою и семействомъ своимъ и испросить себѣ прощеніе. Такъ показывалъ и всякой, пойманный въ послѣдствіи злоумышленникъ. Показаніе сіе было условное между ими. Подобнымъ образомъ оправдывались и помѣщики, братые за укрывательство эмисаровъ. Коммисія встрѣчала при всякомъ допросѣ несознаніе и упорство и, перепросивъ болѣе ста человѣкъ, взятыхъ по явному подозрѣнію, едва могла доходить до признаній, и то, по большей части, неполныхъ.

При арестованіи Винницкаго взята была переписка его съ женою, которая подтверждала такъ же выше прописанное общее оправданіе.

Наконецъ доводы Коммисіи, правдоподобность нѣкоторыхъ обстоятельствъ и арестованіе всѣхъ тѣхъ обывателей, къ коимъ Винницкій заѣзжалъ, слѣдуя къ женѣ своей, поставили его въ необходимость учинить нѣкоторое сознаніе: послѣ каковаго, дабы покрыть соучастниковъ злонамѣренія, онъ рѣшился отравить себя ядомъ, который носилъ въ челюсти между зубами, въ металическомъ цилиндрѣ. Скорая помощь возвратила его къ жизни, но самоубійство казалось уже неразлучнымъ съ важнымъ преступленіемъ, и дѣйствія Коммисіи воспріяли начало къ постепеннымъ и положительнымъ открытіямъ истины. Она узнала отъ Винницкаго, что вмѣстѣ съ нимъ вышло изъ Ліона семь человѣкъ эмисаровъ, съ намѣреніемъ проникнуть въ Царство Польское и возмутить народъ. Между тѣмъ, въ сіе же самое время вторгнулись въ Край съ вооруженными шайками чрезъ границу со стороны Австрійской Галиціи Польскихъ мятежническихъ войскъ Маіоръ Дзѣвицкій, Офицеръ Бѣлковскій и другіе, а со стороны Княжества Познанскаго, оныхъ же войскъ Офицеры: два брата Сулимирскіе, два брата Потоцкіе, Эгерсдорфъ, Полихновскій, Сперчинскій и Дуньскій, направленные укрывавшимся у помѣщиковъ Княжества Познанскаго эмисаромъ Залѣскимъ, пріѣзжавшимъ въ Царство Польское осматривать посты, занятые вооруженными бродягами въ лѣсахъ Калишскаго Воеводства.

Шайка Дзѣвицкаго на другой день послѣ вторженія была разсѣяна; нѣкоторые взяты съ оружіемъ въ рукахъ, * въ томъ числѣ и самъ Дзѣвицкій, который, принявъ ядъ, тогда же кончилъ позорную жизнь свою. Отдѣлившіеся отъ Дзѣвицкаго эмисары, Подпоручикъ Шпекъ и Секретарь бывшаго Виленскаго Университета, Титулярный Совѣтникъ Гецольдъ, такъ же взяты въ послѣдствіи съ вооруженными людьми, при нихъ бывшими; равномѣрно схвачены еще нѣкоторые злоумышленники, проникнувшіе въ Край изъ Галиціи же, судженные особою Коммисіею въ Люблинѣ и понесшіе заслуженное наказаніе; прочіе же скрылись, перейдя обратно въ Галицію.

До сего происшествія, казалось не возможно бы допустить, чтобы помѣщики, имѣющіе семейства и достоянія, дерзнули принять участіе въ безумномъ предпріятіи нѣсколькихъ изступленни-

* Трое изъ нихъ разстрѣляны въ Варшавѣ.

ковъ, высланныхъ изъ Франціи на явную погибель; но событія удостовѣрили, къ несчастію, въ противномъ. Эмисары Сулимирскіе и Потоцкіе, проникнувшіе (какъ выше сказано) изъ Княжества Познанскаго въ Калишское Воеводство съ вооруженными бродягами, почти вездѣ находили пристанища и укрывательство, даже и послѣ того, когда они 3 го Мая, дабы ознаменовать день сей, почитаемый какъ бы священнымъ въ народѣ (по конституціи 3 Мая), напавши въ м. Шадкѣ на безоружныхъ Казаковъ, гулявшихъ въ шинкѣ, трехъ изъ нихъ предали смерти. Руки, обагренныя кровію не могшихъ защищаться, получали помощь отъ помѣщиковъ, и когда шайки злоумышленниковъ сихъ были разсѣяны и нѣкоторые взяты съ оружіемъ въ рукахъ, то главнѣйшіе изъ нихъ, подъ тайнымъ покровительствомъ обывателей, скрылись обратно въ Княжество Познанское.

Болѣе 60 человѣкъ помѣщиковъ, въ томъ числѣ и такіе, кои вовсе не участвовали и въ самомъ возмущеніи въ Краю, оказались причастными къ дѣлу Сулимирскихъ, и одни явно, а другіе скрытно, давали и помощь и пристанище вооруженнымъ бродягамъ.

Въ дальнѣйшемъ слѣдствіи Коммисіею открыто изъ сознаній пойманныхъ преступниковъ, что изъ Франціи выслано было ихъ болѣе двухъ сотъ человѣкъ въ разныя мѣста Польши, Литвы и въ самую Россію, подъ разными подложными именами; что начальникомъ эмисаровъ есть извѣстный бунтовщичій Подполковникъ Заливскій; что еще въ Парижѣ онъ распредѣлилъ каждаго изъ высылаемыхъ эмисаровъ по Обводамъ, поручая ему начальство въ оном; что каждому изъ такихъ Обводовыхъ начальниковъ дана была инструкція набирать шайки вооруженныхъ людей (кои обязывались выполнять присягу безусловнаго повиновенія своему начальнику подъ смертною казнію), вести партизанскую войну, пресѣкать комуникаціи, жечь магазины, грабить казну, подговаривать Русскихъ солдатъ къ присоединенію къ нимъ, даже красть оружіе у сихъ послѣднихъ, и принуждать тѣмъ къ побѣгамъ.

Каждый такой эмисаръ, при отправленіи своемъ изъ Франціи запасался кинжаломъ и ядомъ для отравленія себя въ случаѣ поимки, и дабы травить, какъ нѣкоторые преступники показали, колодези, для уничтоженія тѣмъ Русской арміи.

Всѣ вообще злоумышленники сіи имѣли при себѣ, составленныя во Франціи къ народу и къ самимъ Русскимъ, прокламаціи, кои раздавались ими принимавшимъ ихъ помѣщикамъ и разсѣвались между жителями. Девизомъ ихъ была: «Месть (Zemsta ludu),» средствами: «Ядъ и кинжалъ.»

Дѣйствіе эмисара Обводоваго Начальника съ неограниченною властію, ограничивалось однимъ своимъ Обводомъ. Ему извѣстны были только сосѣднія Обводовые Начальники, и онъ чрезъ одного изъ нихъ обязывался дѣлать свои донесенія главному лицу преступнаго ихъ замысла, каковое предполагалось быть на рѣкѣ Днѣпрѣ.

Все сіе болѣе, или менѣе, было открываемо эмисарами тѣмъ помѣщикамъ, кои принимали ихъ къ себѣ и не отказывались принимать участіе въ ихъ предпріятіи.

Отравившій себя ядомъ, Дзѣвицкій, вторгнулся въ Край послѣ свиданія въ Галиціи съ начальникомъ предпріятія, Заливскимъ, а въ слѣдъ за нимъ, какъ видно изъ показаній Шпека и Гецольда, вошелъ и самъ Заливскій, для проникнутія въ возвращенныя отъ Польши Губерніи. Перешедши же границу съ Сулимирскими, эмисаръ Пищатовскій направленъ былъ съ другими въ Литву.

Не взирая на то, что Край наполненъ войскомъ, эмисары перевозимы были помѣщиками отъ одного къ другому, ни одинъ изъ послѣднихъ не донесъ Правительству о нарушителяхъ общаго спокойствія, а нѣкоторые духовные простерли дерзость свою до того, что въ самыхъ костёлахъ произносили возмутительныя проповѣди къ народу.

Когда шайка Дзѣвицкаго была уничтожена, Бѣлковскаго же, исключая 4 пойманныхъ и преданныхъ казни, * скрылась въ Галицію, а Сулимирскихъ и Потоцкихъ преслѣдовалась, въ Плоцкомъ и въ Мазовецкомъ Воеводствахъ оказались такія же шайки вооруженныхъ бродягъ, подъ начальствомъ Артюра Завиши и Каликста Боржевскаго. Злоумышленники сіи, перешедши границу отъ Торна изъ Прусіи 2-го Мая н. с. въ д. Радзикахъ Плоц-

* Карчевскаго и Пленкевича въ г. Люблинѣ, а Давидовича и Якубовскаго въ д. Боровѣ, на границѣ Галиціи.

каго Воеводства, Липновскаго Обвода, напали на пять спящихъ Казаковъ, изъ коихъ трехъ перекололи кинжалами.

У пойманнаго въ послѣдствіи времени Завиши между бумагами найдены сочиненные имъ стихи, въ коихъ выхвалялся сей гнусный поступокъ.

Шайки Завиши и Боржевскаго бродили по лѣсамъ и укрывались у помѣщиковъ съ 2-го Мая по 17 Іюня н. с.; наконецъ Завиша съ вооруженными бродягами схваченъ былъ командою гусаръ; при чемъ лишились жизни: Офицеръ, Унтеръ-Офицеръ жандармовъ и два гусара Эрцъ-Герцога Фердинанда полка; Боржевскій же до того еще скрылся въ Княжество Познанское.

Нельзя пройти молчаніемъ, что команда гусаръ, напавшая на вооруженныхъ бродягъ, равняясь въ числѣ симъ послѣднимъ, безъ выстрѣла перехватала пятерыхъ преступниковъ, въ томъ числѣ и начальника шайки, и что, напротивъ того злодѣи, долго готовящіеся на смерть, въ рѣшительную минуту, хотя и защищались, но не могли устоять противу истиннаго самоотверженія преданныхъ Трону и изучившихся почитать обязанности свои священными.

Во время пребыванія шаекъ Завиши и Боржевскаго въ Плоцкомъ Воеводствѣ, и особенно въ Липновскомъ Обводѣ, болѣе 150 обывателей, какъ по слѣдствію оказалось, и оказывается, не только укрывали злоумышленниковъ, но давали имъ всякую помощь и принимали участіе въ зловредныхъ замыслахъ ихъ, а нѣкоторые, будучи даже служащими чиновниками, обвиняются, что они, при дѣлаемыхъ ими поискахъ, предупреждали о томъ злодѣевъ. Женщины ни сколько не уступали въ дѣятельности мущинъ. Многія изъ нихъ снабжали оружіемъ, съѣстными припасами и бѣльемъ укрывавшихся по лѣсамъ злоумышленниковъ, и когда Завиша привезенъ уже былъ, окованный въ Варшаву, родственница его, жена облагодѣтельствованнаго Правительствомъ Радцы Стану Пивницкаго, не будучи вовсе не извѣстною о произведенныхъ Завишею злодѣяніяхъ, писала къ нему, чрезъ Слѣдственную Коммисію, письмо въ такихъ выраженіяхъ, какъ бы почитала его невиннымъ.

Поступокъ сей, въ которомъ Пивницкая, конечно, не находила ни чего дурного, и множество подобныхъ оному, изображаетъ духъ обывателей и убѣждаетъ въ горестной истинѣ, что

добро и благодѣянія со стороны Правительства скользятъ по чувствамъ неблагодарныхъ, и что женщины участвуютъ въ искаженномъ патріотизмѣ со всею дѣятельностію, не только по общему образу мыслей внушаемому имъ съ воспитаніемъ, но и изъ легкомыслія и вѣтренности.

Ежели при вторженіи въ Край эмисаровъ, они, находя вспомоществованіе у обывателей, не могли увеличивать шаекъ своихъ, сіе должно приписать страху отъ войска и тому, что простой народъ не раздѣляетъ вполнѣ изступленія высшаго отъ него класса готовыхъ къ возстанію. Многіе крестьяне напротивъ того и Евреи доносили Правительству, и представляли ловимыхъ ими преступниковъ.

Ненависть Шляхты къ Русскимъ и стремленіе къ несбыточному возстановленію всегда мятежной, впрочемъ, Польши, переходитъ отъ родителей къ дѣтямъ, и спокойствіе въ Краю удерживается одною военною властію.

Подъ личиною наружной преданности всякой здѣсь скрываетъ месть и готовность кинуться въ вихрь самыхъ сомнительныхъ, безумныхъ, предпріятій. Любимый разговоръ людей, какъ лучшихъ состояній, равно и такихъ, кои едва имѣютъ дневное пропитаніе, а особенно отставныхъ бывшаго Польскаго войска Офицеровъ, есть полагаемая ими навѣрно всеобщая въ Европѣ революція, проповѣдывая каковую высланные изъ Франціи эмисары весьма легко сыскали въ Краю единомышленниковъ.

Съ уничтоженіемъ шайки Зивиши Царство Польское очистилось отъ вооруженныхъ бродягъ. Слѣдственная Коммисія кончила категоріи: Винницкаго, по которой допрошено 72 человѣка мужчинъ и 4 женщины, подвергнуто аресту 12, освобождено 49, представлено для преданія военному суду 15, въ томъ числѣ не арестованными 4 женщины; Гецольда, по которой допрошено и предано военному суду 5 человѣкъ; Шпека и Ляховскаго, по которой допрошены 25 человѣкъ мужчинъ и 4 женщины, подвергнуто аресту 9, освобождены 7, представлено для преданія Военному Суду 13, въ томъ числѣ не арестованными 4 женщины; Бугайскаго и Рацѣнскаго, по которой допрошено 6 человѣкъ, освобождено 4, суждены и разстрѣляны на мѣстѣ преступленія два первые; Сулимирскихъ и Потоцкихъ, по которой допрошено 61 человѣкъ, подвергнуто аресту и представлено

для преданія Военному Суду 39, освобождено 22 человѣка. Оканчиваетъ категоріи: Серпутовскаго, по которой допрошено 10 человѣкъ, подвергнуты аресту 4; Завиши и Боржевскаго, по которой допрошено и допрашиваются 158, изъ коихъ подвергнуто аресту 43 человѣка.

Къ сей послѣдней категоріи принадлежитъ нѣсколько и женщинъ.

Кромѣ сего изслѣдованы Коммисіею поступки Ксёндза Богуньскаго, говорившаго въ костёлѣ возмутительную проповѣдь, и дѣло объ немъ представлено для преданія виновнаго Военному Суду. Равномѣрно изслѣдованы поступки другихъ десяти человѣкъ, не принадлежащихъ ни къ одной изъ выше означенныхъ категорій, открыты изъ допросовъ злоумышленниковъ, проникнувшіе въ Литву: Пищатовскій и Воловичъ, о коихъ сообщено Виленскому Военному Губернатору, и они тамъ пойманы, и допрашиваются еще четыре человѣка, на коихъ падаетъ подозрѣніе въ принадлежности къ вооруженнымъ бродягамъ.

Коммисія, принявъ за основаніе въ дѣйствіяхъ и соображеніяхъ своихъ то, что поверхностныя розысканія возникавшихъ въ Польшѣ до мятежа заговоровъ противъ Правительства, были одною изъ главныхъ причинъ бѣдствій, какія испыталъ Край, возмущенный заговорщиками, не наказываемыми примѣрно, старалась всѣми возможными средствами открыть зло въ самыхъ источникахъ онаго, и не минуть ни кого, кто только какимъ бы то ни было образомъ приличался въ связяхъ съ эмисарами, дабы ни кто и впредь изъ чувствующихъ себя виновнымъ не полагалъ возможнымъ, чрезъ протекціи, или другимъ какимъ либо образомъ, укрыть вину свою предъ бдительностію Правительства, и по сему число допрошенныхъ содѣлалось весьма значительнымъ.

Розысканіе сихъ политическихъ преступленій раскрываетъ начала и поводы дерзкаго предпріятія вторгнувшихся въ Край начальниковъ вооруженныхъ, ничтожныхъ, впрочемъ, шаекъ.

Изъ показаній, собранныхъ Коммисіею, и изъ книги, изданной въ 1832 году въ Фюржѣ мятежническимъ Генераломъ Ружицкимъ, подъ заглавіемъ: «Отчетъ народу о дѣйствіяхъ его въ 1831 году (Zdanie sprawy narodowi z czynności w roku 1831),» видно, что Поляки, рѣшившіеся, по прекращеніи бунта въ Краю, удалиться во Францію, по переходѣ части войскъ мятежническихъ

въ Австрійскую Галицію, почитая возстаніе свое все еще не оконченнымъ, дѣлали разные планы къ новому вторженію въ Царство Польское. Совѣщанія нѣкоторыхъ изъ нихъ по сему предмету были у бѣжавшаго же во Францію Графа Ворцеля; въ оныхъ находился и извѣстный бунтовщикъ Заливскій, который въ послѣдствіи времени, продолжая связи съ обывателями Галиціи, присылалъ туда изъ Франціи агента, чрезъ коего переслано къ нему, какъ показываютъ эмисары, до 200 тысячъ злотыхъ.

Съ мыслію формировать легіоны бѣглецы пришли во Францію. Французы, покровительствуя имъ, не только дали пристанище и способы къ жизни, но позволили носить всѣ знаки военные, раздѣлили ихъ по этапамъ, учредили начальниковъ, подавали всѣ виды возможности къ составленію замышляемыхъ легіоновъ.

Въ Парижѣ, съ прибытіемъ туда нѣкоторыхъ бѣжавшихъ изъ Края Поляковъ, учрежденъ былъ Польскій Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Бонавентуры Нѣмоевскаго. Комитетъ сей, однако жь, вскорѣ рушился: когда же начало прибывать въ Парижъ болѣе и болѣе Поляковъ, составилось изъ нихъ Общество Эмиграціонное, подъ распоряженіемъ Комитета, въ коемъ предсѣдательствовалъ Лелевель и коего высшими членами были: Звѣрковскій, Малаховскій, Ходзько, Ледуховскій, Водзинскій, Пѣткевичъ, Кремповецкій и Гуровскій.

Сіе Эмиграціонное Общество (конечно, не безъ позволенія Французскаго Правительства) тотчасъ выслало своихъ коммисаровъ на границы Франціи и въ Германію, для принятія ушедшихъ изъ Польши военныхъ, служившихъ въ рядахъ мятежниковъ.

Въ одно почти время съ Польскимъ Комитетомъ составился во Франціи другой, Французско-Польскій Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго революціониста, Генерала Лафаета, въ которомъ Ходзько занималъ мѣсто Секретаря.

Въ Эмиграціонномъ Обществѣ образовалось еще одно: Общество усовершенствованія, коего цѣлію было подавать способы Полякамъ заниматься науками и приготовлять ихъ къ разнымъ предназначеніямъ. Мѣсто Предсѣдателя сего послѣдняго Общезанималъ Чиньскій, управляя въ ономъ законодательнымъ отдѣленіемъ; членами назначены были: Кремповецкій по отдѣленію Политическому, Ксёндзъ Пулавскій по отдѣленію Просвѣщенія, Корженевскій по части Военной, и Глуснѣвичъ по

Медицинской части; но въ самомъ началѣ, когда издано образованіе онаго и объявлено было формально о начальникахъ отдѣленій, Поляки мнили видѣть въ немъ прежде временное присвоеніе властей и цѣль начальниковъ отдѣленій быть нѣкогда правителями мечтаемаго ими Государства Польскаго: возстали противу сего, оспаривали права въ несущественномъ идеалѣ, и составъ сего Общества такъ же вскорѣ рушился.

Въ слѣдъ за тѣмъ Поляки содѣлались равно недовольными и особымъ своимъ Комитетомъ подъ предсѣдательствомъ Лелевеля; поелику Комитетъ сей, по ихъ разсужденію, дѣйствовалъ весьма слабо къ достиженію главной цѣли, т. е., къ возстановленію Польши. Составлена была Коммисія: изъ Адвоката Плужанскаго, Ксёндза Пулавскаго, Чиньскаго и Броникowскаго, которой поручено представить по сему предмету особое свое мнѣніе.

Коммисія сія предложила Комитету:

1. Войти въ сношенія съ Правительствами Англійскимъ и Германскихъ народовъ, чрезъ высланныхъ отъ эмиграціи дипломатическихъ агентовъ.

2. Разослать такихъ же агентовъ ко всѣмъ либеральнымъ Обществамъ въ Европѣ.

3. Войти въ тѣснѣйшія связи во Франціи съ тѣми, кои быть Польшѣ почитаютъ нужнымъ для равновѣсія въ Европѣ, а особенно съ засѣдающими въ Палатѣ Депутатовъ революціонной партіи, и

4. Объявить публично основанія демократическія.

Польскій Комитетъ отвергъ послѣдній пунктъ; члены же Коммисіи, держась своего мнѣнія и соединясь съ Яновскимъ, Кремповецкимъ и Гуровскимъ, составили особое Общество Демократическое, котораго цѣлію было выполненіе всѣхъ выше писанныхъ четырехъ пунктовъ и, сверхъ того, поддержаніе и распространеніе вездѣ демократическихъ правилъ. Предсѣдатель сего Общества избирался на каждое засѣданіе изъ членовъ по очереди; но главнѣйшіе дѣйствователи были въ ономъ: Пулавскій, Плужанскій, Гуровскій, Кремповецкій и Ковскій.

Лелевель, будучи тайною пружиною всѣхъ дѣйствій, возставалъ противу демократовъ; предрекалъ, что они могутъ потерять симъ покровительство и пристанище во Франціи; увѣрялъ

что протестація ихъ противу проекта, внесеннаго въ палату Депутатовъ о подчиненіи однимъ правиламъ всѣхъ эмигрантовъ, не исключая и Поляковъ, равно какъ самый проектъ, происходитъ отъ Россійскаго Кабинета, и тщательно скрывалъ высшія свои преднамѣренія.

Всѣ сіи показанія, изображая тщету и суетность народа легкомысленнаго, хотя ни чего не открываютъ, кромѣ возникшихъ и уничтожавшихся Обществъ и Комитетовъ; но поелику въ каждомъ депо Поляковъ существуютъ отдѣленія тайнаго общества карбонаріевъ, основаннаго на соединенныхъ правилахъ тайныхъ клубовъ Шотландскихъ и Италіянскихъ, которое распространено нынѣ во всей Европѣ: по сему цѣль составленія Комитетовъ Польскихъ, извѣстная только весьма малому числу, соединяется съ общею цѣлію карбонаріевъ, стремящихся къ ниспроверженію властей и настоящаго порядка въ Государствахъ; и Общество Демократическое составлено было для одного только соединенія людей, кои бы, льстя себя каждый собственнымъ своимъ значеніемъ, дѣйствовали слѣпо по направленію, какое дано имъ будетъ свыше.

Высылка эмисаровъ въ Польшу и Литву изъ Демократическаго Общества есть дѣло карбонаріевъ: они, полагаясь на связи свои во всей Европѣ, чрезъ агентовъ своихъ при Польскихъ депо, утвердили эмисаровъ въ надеждѣ, что вездѣ имъ будутъ облегчены средства въ дѣйствіяхъ ихъ; что начало партизанской войны въ Польшѣ послужитъ знакомъ возмущенія во всей Германіи; и Поляки эмисары были однимъ ихъ орудіемъ.

Ниже слѣдующая присяга, установленная карбонаріями, въ коей помѣщено возстановленіе отечества, служитъ доноказательствомъ тому:

«Клянусь Всемогущимъ Богомъ, что, рѣшась, по доброй волѣ и безъ принужденія, возстановить мое отечество и права равенства, одинаково принадлежащія всѣмъ людямъ, безъ различія племенъ и религій, обрекаю себя на всѣ труды, опасности и самую смерть, дабы до послѣдней капли крови моей биться противу деспотовъ и тѣхъ, кто имъ служитъ. Клянусь при томъ слѣпо повиноваться моимъ новымъ начальникамъ. Да поможетъ мнѣ Богъ въ семъ мірѣ и бучущемъ!»

Всѣ схваченные и допрошенные Коммисіею эмисары показа-

ли: что каждый изъ нихъ былъ приглашенъ ити въ Польшу мятежникомъ Заливскимъ, начальникомъ злонамѣреннаго ихъ предпріятія; что Заливскій объявилъ, что отъ высшаго Общества онъ получилъ сіе назначеніе; но кто именно составляли означенное высшее Общество, сіе было для всѣхъ тайною.

Заливскій увѣрялъ ихъ такъ же, что четыре мѣсяца предъ ними высланы уже агенты въ Княжество Познанское и въ Галицію, для расположенія тамъ умовъ въ пользу ихъ, заготовленія оружія и аммуниціи, и для составленія капиталовъ на предпринимаемыя военныя дѣйствія; и наконецъ, что высшее Общество, или Комитетъ, имѣя пребываніе свое въ Парижѣ, будетъ руководствовать поступками его и эмисаровъ, и что, въ случаѣ смерти его, оно назначитъ другого начальника. О существованіи высшаго Комитета въ Парижѣ преступники согласно показываютъ.

Сего года 4-го числа Генваря было общее собраніе Поляковъ въ Ліонѣ, коимъ Горецкій представилъ все то, о чемъ они слышали отъ Заливскаго, увѣщевалъ ихъ принять участіе въ дѣлѣ отечества, снабжалъ ихъ деньгами и письмами къ разнымъ лицамъ въ Швейцаріи и Германіи; въ Княжествѣ же Познанскомъ адресовалъ ихъ къ нѣкоему Маіору Кронковскому, а въ Галиціи къ Пѣткевичу. Принявшіе предложеніе тогда же получили, чрезъ Горецкаго, отъ Ліонскаго Префекта пашпорты подъ ложными именами и званіями, и съ оными отправились, по данному каждому изъ нихъ направленію. Можно ли думать, чтобы Префектъ выдалъ такіе пашпорты безъ вѣдома Правительств и для такого числа людей? ибо эмисары показываютъ, что ихъ вышло болѣе 200 человѣкъ.

Слѣдуя чрезъ Швейцарію и Германію, эмисары вездѣ находили, какъ показываютъ, людей подобно имъ мыслящихъ; прибывши же одни въ Галицію, другіе въ Княжество Познанское, нашли, а особенно въ первой, у многихъ помѣщиковъ дѣйствительно заготовленное для нихъ оружіе и всѣ необходимыя потребности.

О тѣхъ помѣщикахъ въ Галиціи, кои давали помощь и отправляли вооруженныя шайки въ Царство Польское, а въ Княжествѣ Познанскомъ о тѣхъ, кои, помогая же, передерживали эмисаровъ, съ формальными протоколами, составленными Слѣдственною Коммсіею изъ показаній преступниковъ, сообщены

всѣ нужныя свѣдѣнія, какъ Австрійскому, такъ и Прусскому Правительствамъ.

Обыватели сіи суть, въ Галиціи: Графы Тышкевичи, Хородыскіе, Славинскіе, Лабовскій и помѣщица Тетмаеръ; агентъ Пѣткевичъ; въ Княжествѣ Познанскомъ: Бобровскій, Былина, Кренскій, Парчевскій, Вильчевскій, Павловскій, Сулержицкій, Вибицкій, Дзяловскіе, Вилькржицкій, Кальк-штейнъ, Косовскій, Лисковскій, Высоцкій и Богумилъ Сулимирскій съ женою; агентъ Кронковскій.

Изъ выше изложеннаго явствуетъ, какимъ духомъ проникнуты безпокойные умы во Франціи, Швейцаріи и Германіи, и какъ необходимы самыя сильныя средства, для отвращенія зла общаго, готовящагося въ Европѣ.

Не возможно, кажется бы, допустить, что бы ничтожное число эмисаровъ Польскихъ могло надѣяться на успѣхъ въ явно гибельномъ своемъ предпріятіи; но, прочитавши въ изданномъ въ Парижѣ 1832 года сочиненіи на Польскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Книги Народу Польскаго» (Księgi Narodu Polskiego),» въ коемъ сочинитель, подражая Священному Писанію слогомъ и выраженіями, говоритъ, на страницахъ 32 и 33:

«Не тѣ между вами мудрые, которые разбогатѣли продажею науки своей, и накупили домовъ и имѣній, и снискали золото и ласки отъ Коронованныхъ.

«Но тѣ, кои проповѣдывали вамъ слово вольности, и терпѣли заключенія и истязанія. Тѣ, кои найболѣе потерпѣли, почтенны суть; а кои смертію запечатлѣютъ науку свою, святыми будутъ.

«Во истину говорю вамъ, что вся Европа должна учиться отъ васъ, кого называть мудрымъ; ибо нынѣ степени (людей) въ Европѣ есть посрамленіе, а наука Европы есть глупость.

«А ежели кто скажетъ изъ васъ: «Мы суть блуждающіе, безоружные, какъ же можемъ измѣнять порядокъ въ Государствахъ великихъ и сильныхъ?»

«Кто говоритъ такъ, пусть разсудитъ, что Имперія Римская была великая какъ свѣтъ, Императоръ Римскій такъ силенъ, какъ всѣ Государи вмѣстѣ.

«Христосъ же послалъ противу него только 12 простыхъ

людей; но люди сіи имѣли духъ святый, духъ посвященія себя, и по тому побѣдили Императора.

«А ежели кто речетъ изъ васъ: «Мы суть солдаты, люди не ученые, какъ можемъ убѣдить мудрецовъ въ краяхъ, которые края найпросвѣщеннѣйшіе и найобразованнѣйшіе?»

«Кто речетъ такъ, пусть разсудитъ, что мудрецы Аѳинскіе, были называемы найпросвѣщеннѣйшими и найобразованнѣйшими, а были убѣждены словами Апостоловъ; ибо, когда Апостолы начали научать во имя Бога и вольности, тогда народъ оставилъ мудрецовъ, а шелъ за Апостолами.»

Прочитавши сіе зловредное сочиненіе, нельзя отвергать, чтобы иступленники, принявшіе въ искаженномъ смыслѣ за Вѣру мнимую, гибельную, вольность, и почитая себя Апостолами оной, не дерзнули на самыя ужасныя неистовства.

А. Стороженко.

Варшава.
26 Августа, 1838 года.

ПРИКАЗЪ

ПО УРАЛЬСКОМУ ВОЙСКУ.

Г. Оренбургъ. Іюля 4 дня, 1837 года.

Съ той поры, какъ Государю Императору благоугодно было ввѣрить управленію моему край Оренбургскій, въ теченіе четырехъ лѣтъ не упускалъ я ни одного случая ходатайствовать на добро и пользу Уральскаго Казачьяго войска: я уважалъ молодечество и расторопность Казаковъ, съ удовольствіемъ видѣлъ благое стремленіе молодыхъ войсковыхъ чиновниковъ къ образованію и просвѣщенію, и не разъ просилъ у Высшаго Правительства снисхожденія къ закоренѣлымъ предразсудкамъ, упорству и строптивости стариковъ, въ увѣренности на признательность ихъ, на здравомысліе и благоразуміе, которое привыкъ предполагать въ каждой головѣ почтенной наружности.

Когда Государь Наслѣдникъ и Атаманъ всѣхъ Казачьихъ войскъ приблизился на путешествіи своемъ къ войсковымъ предѣламъ, я осмѣлился просить Его Величество оказать Уральскому войску посѣщеніемъ своимъ особое, милостивое благоволеніе, дабы ознакомиться съ промыслами и бытомъ Казаковъ и порадоваться благосостоянію уголка Имперіи, гдѣ впервые, со времени самаго существованія войска этого, явился нынѣ благодатный посѣтитель Царской крови.

Но войско Уральское, среди этого всерадостнаго для каждаго вѣрноподданнаго событія, доказало на дѣлѣ, что оно не умѣетъ вполнѣ цѣнить своего благоденствія, ни высокаго вниманія и милости Царственнаго Посѣтителя, ни ходатайства моего. Государь Наслѣдникъ, оставляя, можетъ быть, навсегда край Оренбургскій, едва успѣлъ вымолвить милостивое, привѣтливое прощальное слово, едва успѣлъ высказать снисходительное спасибо, какъ буйная шайка Казаковъ осмѣлилась, шумливою толпою, остановить среди города вожделѣннаго Посѣтителя, подать

ни кѣмъ не подписанные ябедническіе извѣты на мѣстное Начальство свое и умолять притворными слезами, сама не зная о чемъ! Такъ, въ постыдномъ, безъименномъ, подметномъ письмѣ этомъ не заключается ни одного благовиднаго и малѣйше вѣроподобнаго предлога къ подачѣ просьбы; за нелѣпымъ извѣтомъ на Наказнаго Атамана и лично на меня въ лихоимствѣ, въ пользованіи войсковыми рыбными ловлями, слѣдуютъ однѣ только безтолковыя и сбивчивыя, вздорныя жалобы, въ общихъ выраженіяхъ, явно внушенныя частною личностію и происками извѣстныхъ партій, и наконецъ даже жалобы на Высочайшія Государя Императора постановленія и учрежденія.

Дерзкій и злоумышленный поступокъ этотъ свидѣтельствуетъ въ высшей степени неблагодарность и безчестіе просителей. Войско Уральское пользуется такимъ всеобщимъ благосостояніемъ, какого нѣтъ ни въ одномъ изъ другихъ Казачьихъ войскъ; частный достатокъ и войсковые доходы обезпечиваются изобиліемъ промысловъ; Правительство, особенно въ послѣдніе годы, предпочтительно обращало отеческое вниманіе свое на Уральцовъ, а Наказный Атаманъ, посвятивъ себя совершенно на общее благо войска, въ продолженіи шестилѣтняго управленія своего, постоянно и неутомимо боролся съ трудностями на каждомъ шагу, перенося съ терпѣніемъ козни неблагонамѣренныхъ, вразумляя блуждающихъ и легкомысленныхъ и стремясь съ примѣрнымъ усердіемъ къ оправданію довѣренности Государя Императора.

Хотя подача просьбы этой принадлежитъ собственно закоснѣлому въ изувѣрствѣ и безсмысленно строптивомъ духѣ скопищу, но навлекаетъ поруганіе на все войско: благомыслящему большинству цѣлаго сословія предстояла обязанность удержать неблагоразумныхъ просителей, а, въ случаѣ упорства, выдать ихъ головою; но, къ общему стыду и поношенію, старики, пользующіеся въ войскѣ незаслуженнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, были первою причиною безпорядка, къ которому не призадумались присоединиться старые Казаки, едва только милостію Государя возвращенные изъ многолѣтней ссылки за подобное, слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ совершенное, преступленіе.

Я въ то же время донесъ Г. Военному Министру, для доведенія до Высочайшаго свѣдѣнія о происшествіи этомъ, присово-

купивъ, что немедля отправляюсь лично въ Уральскъ, для примѣрнаго наказанія виновныхъ.

Вина просителей состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Шайка буйной вольницы остановила дорожную коляску Его Высочества при выѣздѣ изъ города и, называя себя повѣренными людьми отъ войска, подала Государю Наслѣднику просьбу, въ которой говоритъ: «по данной намъ довѣренности отъ общества,» тогда какъ довѣренности этой ни отъ кого не получала.

2. Просьба содержитъ жалобы на Высочайшія учрежденія и постановленія въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ и, между прочимъ, домогательство о смѣнѣ Наказнаго Атамана, Высочайше утвержденнаго въ званіи этомъ, какъ осмѣлились выразиться просители, «вопреки старинныхъ войсковыхъ правъ и преимуществъ.»

3. Содержитъ ложные извѣты и ябедническіе, нелѣпые, доносы на Военнаго Губернатора, Наказнаго Атамана и Войсковое Начальство.

4. Просьба ни кѣмъ не подписана, а, слѣдовательно, есть не что иное, какъ подметное письмо, нетерпимое законами.

5. Буйные и шумные возгласы толпы, въ присутствіи и послѣ отбытія Государя Цесаревича, сами по себѣ составляютъ уже преступленіе.

Корень и побудительная причина этого поступка заключаются явно въ происках стариковъ, которые всемѣрно противятся полезнымъ и необходимымъ нововведеніямъ, и въ пронырливости нѣкоторыхъ отставныхъ и устраненныхъ чиновниковъ; они, то собственно стараются распространять въ народѣ ложные толки, ропотъ и неудовольствіе, изъ личной ненависти къ новымъ и лучшимъ учрежденіямъ.

Но безпорядки подобнаго роду не могутъ быть терпимы; я, приглашаю всѣхъ благомыслящихъ Казаковъ, и въ особенности чиновниковъ, способствовать мнѣ всемѣрно при нынѣшнемъ розыскѣ моемъ и обличеніи преступниковъ: всякое упорство и взаимное укрывательство можетъ только увеличить число виновныхъ, но не спасетъ ихъ отъ заслуженнаго наказанія. Государю дорогъ воинъ, преданный и вѣрный; но что пользы въ безсмысленной толпѣ, которая дерзко кичится мнимыми правами и преимуществами, и при первомъ удобномъ случаѣ готова соблазниться безумными возгласами неблагонамѣреннаго глашателя? Буй-

ною, строптивою шайкой должно жертвовать для общаго блага и спокойствія, а правые и благомыслящіе обязаны отдѣлиться словами и поступками отъ виновныхъ и преступныхъ. Права и преимущества даются каждому сословію, и измѣняются по волѣ Государя Императора, и всякое Высочайшее постановленіе имѣетъ цѣлію одно только благоденствіе подданныхъ.

И такъ, если бы въ дѣлѣ этомъ открылся духъ общности и единомыслія, то большое число виновныхъ могло бы только увеличить важность преступленія: полкъ, который дозволилъ бы себѣ забыться въ общемъ составѣ и оказать ослушаніе, былъ бы, волею Государя Императора, немедленно уничтоженъ, упраздненъ и разосланъ во всѣ концы; и здѣсь одного слова Его Императорскаго Величества будетъ достаточно для совершеннаго уничтоженія и самаго даже имени Уральскаго Войска и выселенія въ другія мѣста всѣхъ Казаковъ, если бы они оказались недостойными милости и снисхожденія. Найдутся другіе, болѣ преданные, которые займутъ богатыя рыбными промыслами низовья Урала и будутъ благодарными, честными и полезными подданными Царя своего. Еще разъ приглашаю всѣхъ благомыслящихъ устраниться отъ неблагонамѣренныхъ, отказаться рѣшительно отъ всякаго съ ними соучастія, и тѣмъ самымъ дать мнѣ средство отличить праваго отъ виновнаго.

Подлинный подписалъ:

Генералъ-Адъютантъ Перовскій.

Сообщ. Князь В. И. Баюшевъ.

ЗАМѢТКА

О

КАМЕННЫХЪ БАБАХЪ БЛИЗЪ МОСКВЫ.

Кеппенъ указалъ Обоянскій Уѣздъ, какъ границу распространенія на сѣверъ древнихъ человѣкоподобныхъ каменныхъ изображеній, называемыхъ въ нашихъ южныхъ степяхъ «бабами.» Между тѣмъ извѣстно, что подъ Москвою, именно въ Кунцовѣ, въ имѣніи, принадлежавшемъ прежде Гг. Нарышкинымъ, а нынѣ Гг. Солдатенкову и Солодовникову, находится такое же точно каменное изображеніе. Появленіе его на столь отдаленномъ сѣверѣ объяснялось прихотью барства прошедшаго вѣка, хотя, при отсутствіи всякихъ положительныхъ данныхъ, первоначальное мѣсто нахожденія этой «каменной бабы» въ большомъ отдаленіи отъ усадьбы и парка (болѣе чѣмъ на версту), въ глуши лѣса, на высокомъ холмѣ, или мысѣ, образуемомъ рѣкою Москвою, на, такъ называемомъ, «Проклятомъ Мѣстѣ», гдѣ видны слѣды какого-то древняго кладбища, [1] могло бы нѣсколько ослабить силу этого убѣжденія. Нѣсколько десятковъ лѣтъ эта «каменная баба» Кунцова обращала уже на себя вниманіе просвѣщенныхъ Русскихъ людей и археологовъ; но все это вниманіе ограничивалось лишь созерцаніемъ древняго идола и упорнымъ сохраненіемъ убѣжденія, что онъ перевезенъ сюда съ юга Россіи въ недавнее время. На томъ всѣ и успокоивались, какъ успокоивались на многомъ, какъ успокоивались, на примѣръ, и на мысли, что случайно найденные подъ Москвою и раскопанные Чертковымъ и Нечаевымъ курганы суть случайныя могилы, какіе-то «Татарскіе» курганы, покамѣстъ мнѣ, новому въ Москвѣ человѣку, не пришлось указать, что вся почва Московской Губерніи покрыта густо этими

---

[1] Къ сожалѣнію, это, признаваемое по догадкѣ учеными Татарскимъ, кладбище доселѣ, какъ и многое въ окрестностяхъ Москвы, остается не изслѣдованнымъ.

курганами, и что они не случайные, не Татарскіе, а курганы предшественниковъ Славянъ въ здѣшней мѣстности. Такъ точно и въ этомъ случаѣ: никто, сколько мнѣ извѣстно, не полюбопытствовалъ доселѣ дознаться: не сохранилось ли у бывшихъ владѣльцевъ Кунцева какого ни будь письменнаго свѣдѣнія, доказывающаго, что дѣйствительно, по волѣ одного изъ ихъ предковъ, или по какому либо особенному случаю, издалека притащили сюда эту несчастную «бабу», и нѣтъ ли около Москвы другихъ подобныхъ «бабъ»? Спѣшу исправить дѣло, обращаясь нынѣ отъ имени науки къ бывшимъ владѣльцамъ Кунцева съ слѣдующею покорнѣйшею просьбою: не благоволятъ ли они разыскать въ своемъ семейномъ архивѣ какого ни будь письменнаго приказанія ихъ предка времени Екатерины II касательно перевозки съ юга Россіи «каменной бабы», счета, или какого ни будь извѣщенія объ ея доставкѣ въ Кунцево? Однимъ такимъ свѣдѣніемъ они избавили бы нашу науку отъ напрасной потери времени, силъ и издержекъ.

Не сомнѣваясь, что просвѣщенные Русскіе Бояре не оставятъ безъ вниманія этой небольшой просьбы нашей науки, я считаю не лишнимъ замѣтить, что въ окрестностяхъ Москвы найдена еще одна «каменная баба». Именно, въ сельцѣ Зенинѣ (въ сторонѣ, слѣдовательно, прямо противоположной Кунцеву), въ 21 верстѣ на востокъ отъ Москвы, принадлежавшемъ, кажется, Графу Сергѣю Петровичу Румянцеву, потомъ... Дивовой, и нынѣ принадлежащемъ Госпожѣ Шалапутиной, близъ пруда, и гдѣ находится памятникъ Графу Сергѣю Петровичу Румянцову, на небольшомъ холмикѣ одиноко стоитъ себѣ каменная баба нашихъ южныхъ степей. Пріѣзжающіе гулять въ Кусково и Зенино, гдѣ недавно еще помѣщался, замѣчательный по породистому скоту, скотный дворъ, имѣютъ обыкновеніе осматривать, между прочими достопримѣчательностями сельца Зенина, и каменную бабу, но ни кто доселѣ не считалъ нужнымъ заявить наукѣ объ ея существованіи. Меня извѣстилъ о ней знатокъ Московскихъ окрестностей, Лекторъ Французскаго языка и Литературы при Московскомъ Университетѣ, А. П. Гемиліанъ, доставившій и предлагаемое при семъ изображеніе ея, снятое имъ карандашомъ съ натуры въ 1860 г. Размѣры ея на этомъ рисункѣ не вполнѣ точны, но общее впечатлѣніе вѣрно.

Такимъ образомъ мы знаемъ теперь о существованіи подъ Москвою двухъ «каменныхъ бабъ», и при подобныхъ открытіяхъ не можемъ быть увѣрены, чтобы не нашлось здѣсь этѣхъ «бабъ» еще двѣ, три, кромѣ двухъ находящихся уже въ Москвѣ, въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ и въ Румянцевскомъ Музеѣ, привезенныхъ сюда въ 1839 г. изъ Харьковской Губерніи Вадимомъ Пассекомъ, по порученію и при содѣйствіи упомянутаго Общества. Новое данное, предлагаемое нами въ настоящей Замѣткѣ, служитъ, по видимому, къ подтвержденію мнѣнія о перевозкѣ каменной бабы въ Кунцево въ концѣ XVIII, или въ началѣ XIX столѣтія. Братъ Канцлера, Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ, какъ любитель древностей и всякихъ курьезовъ, могъ перевезти «каменную бабу» въ Зенино. Подражая ему, и Нарышкинъ могъ перевезти другую «бабу» къ себѣ въ Кунцево. Но въ такомъ случаѣ старики-крестьяне здѣшнихъ мѣстъ помнили бы появленіе около нихъ чудно́й «бабы»; между тѣмъ, сколько я съ 1857 г. ни распрашивалъ ихъ, сколько ни возбуждалъ въ нихъ воспоминаній касательно диковинной «бабы», не могъ, однако, вызвать что либо путное. «Давно, говорятъ, было,

до нашей памяти.» Но спросите ихъ о курганахъ, они прямо вамъ скажутъ: «Это было, когда Литва находила.» Слѣдовательно, помнятъ, быть можетъ, набѣги Литвы 1612 года, быть можетъ, XV и XIV вѣка; помнятъ времена Екатерины II, по скольку они отразились на окрестныхъ мѣстахъ; до мелочей помнятъ 1812 г. и послѣдующія событія, касавшіяся здѣшнихъ мѣстъ. Какъ бы, кажется, не помнить имъ появленія чудной «бабы» на «Проклятомъ Мѣстѣ?» Когда они были мальчишками, часто должны были заглядываться на это новое явленіе. А между тѣмъ, они не помнятъ появленія здѣсь этой «бабы»... Впрочемъ, быть можетъ, мои распросы были недостаточно тщательны, или неудачны.

Позволю себѣ, въ заключеніе, прибавить еще одну замѣтку, замѣтку касательно «каменныхъ бабъ» вообще.

За весьма малымъ исключеніемъ, почти всѣ онѣ изображаютъ людей типа «прогнатическаго» (съ значительно развитою, выдающеюся нижнею частію лица), отличающагося отъ прочихъ типовъ «прогнатизма» развитіемъ широты лица на счетъ верхней части черепа. Зная, что, не смотря на грубость искуства у младенческихъ народовъ, изображенія ими людей и животныхъ отличаются вообще вѣрною передачею общихъ чертъ типа, мы не можемъ не признать, что въ нашихъ «каменныхъ бабахъ» вѣрно изображены общія черты типа того народа, который ихъ произвелъ. [2] Кто же былъ этотъ народъ? Къ какому времени отнести происхожденіе этѣхъ «бабъ»?

Понимаю, что этотъ, не новый въ наукѣ, вопросъ требуетъ, для рѣшенія его, не легкой замѣтки, а цѣлаго изслѣдованія. Но какъ я не собираюсь окончательно рѣшать вопросъ, и не желаю утомлять моего ученаго читателя повтореніемъ извѣстныхъ ему свѣдѣній и данныхъ, для того только (какъ это за частую дѣлается), чтобы высказать одно, другое, болѣе, или менѣе, своеобразное соображеніе, то и ограничиваюсь сиромною за-

---

[2] Профессоръ Богдановъ, въ своей диссертаціи: «Антропологическіе матеріялы для курганнаго племени Московской Губерніи» 1867 г., развивая замѣтку Академика Бера «объ одномъ черепѣ Московскихъ кургановъ, доходитъ до крайности въ своемъ стремленіи развить у первожителей Московской Губерніи «прогнатизмъ» и «долихоцефализмъ» (см. мою статью въ Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1869 г., кн. 4.). Почтенному Професору стоило бы найти въ Московской Губерніи побольше «каменныхъ бабъ», и онъ вѣрнѣе достигъ бы своей цѣли.

мѣткой. Иное дѣло, если бы соображеніе это заняло науку и послѣдняя потребовала бы представленія не однихъ выводовъ изъ личныхъ изслѣдованій, но наглядиаго сочетанія всѣхъ извѣстныхъ и не извѣстныхъ ей данныхъ, тогда можно будетъ представить и 5 изслѣдованій, начиная каждое, если не отъ Адама, и даже не отъ Авраама съ его отцомъ, то, по крайней мѣрѣ, со свѣдѣтельствъ Византійскихъ писателей и до Записокъ Россійской Академіи Наукъ включительно.

Византійцы, какъ извѣстно, ни чего не говорятъ о «каменныхъ бабахъ» нашихъ степей. Молчатъ о нихъ и Арабскіе писатели. Молчатъ и Русскія свѣдѣтельства древности. Только свѣжій глазъ Европейскаго посла въ Орду въ XIII вѣкѣ замѣчаетъ ихъ здѣсь, какъ давнишнихъ идоловъ, и, хотя не совсѣмъ ясно, но приписываетъ ихъ мѣстнымъ кочевникамъ, Половцамъ. Но не ошибся ли этотъ правдивый вообще путешественникъ? Къ XIII вѣку слѣдуетъ отнести употребленіе въ Придонскихъ и Приволжскихъ степяхъ этихъ идоловъ, или къ болѣе отдаленному времени и, слѣдовательно, признать ихъ не Половецкими? Не простое ли это соображеніе заѣзжаго Европейца, которому Татаре, или даже Половцы, только разсказывали объ этихъ степныхъ идолахъ? Лѣтъ 30 тому назадъ путешественники наши видывали въ степяхъ Цыганъ, «творящихъ игрища поганьскыя» вокругъ «каменныхъ бабъ.» Цыгане видѣли въ этихъ каменныхъ изображеніяхъ не только просто людей, по чему-то окаменѣвшихъ, но существъ близкихъ ихъ духу, предковъ своихъ, родственныя ихъ божества. Вотъ какъ мало младенцы-народы знакомы съ Антропологіею! Имъ достаточно встрѣтить родную ихъ духу обстановку, родную имъ степень скульптурнаго искуства, чтобы принять изваянную обезьяну за своего окаменѣвшаго предка Здѣсь дѣйствуетъ тотъ же законъ, какъ у нашего простолюдина и старообрядца, смотрящаго съ подобающимъ почтеніемъ только на тѣ иконы, гдѣ лики Святыхъ изображены по извѣстному стилю и, главное, не похожи на обыкновенныхъ людей. Развѣ Половцы, блуждая по нашимъ степямъ, не могли также, какъ Цыгане, признать эти каменныя изображенія за своихъ идоловъ?

Половцы прибыли къ намъ изъ за Волги, во время господства уже въ Россіи и Средней Азіи, такъ называемаго, желѣзнаго вѣка. Между тѣмъ, всматриваясь въ украшенія, изображаемыя

на «каменныхъ бабахъ», мы не рѣдко встрѣчаемъ украшенія стиля чисто мѣднаго (бронзоваго) вѣка, могущія объяснять употребленіе той, или другой, вещи. Такъ, на пр., груди нѣкоторыхъ «бабъ» прикрыты двойнымъ плоскимъ завиткомъ, совершенно подобнымъ тѣмъ, какія находятъ въ Западной Европѣ въ могилахъ бронзоваго вѣка и употребленіе которыхъ можно было объяснять различно. На одной изъ «бабъ», помѣщающихся во дворѣ Харьковскаго Университета, я замѣтилъ тоже такое украшеніе, и полагаю не возможнымъ считать это за попытку грубаго ваятеля изобразить возвышенія груди, тѣмъ болѣе, что изображена здѣсь и линія проволоки, соединяющая оба завитка. То же замѣчаемъ мы въ изображеніяхъ браслетовъ и проч. Далѣе, въ одномъ изъ изслѣдованныхъ мною по верховьямъ Донца кургановъ, въ большомъ курганѣ, совершенно подобномъ тѣмъ, на которыхъ стоятъ «бабы», я нашелъ, при горшкахъ съ удлиненнымъ горлышкомъ, признаки чисто бронзоваго вѣка. Наконецъ, въ Харьковской, Полтавской, Екатеринославской и Херсонской Губерніяхъ, а равно и вверхъ по Днѣпру, мы находимъ, въ огромномъ количествѣ и разнообразной формы, мѣдныя стрѣлы—свѣдѣтелей мѣднаго вѣка тамошнихъ мѣстъ. [3]

Сколь ни скудны эти данныя, но все таки они даютъ право относить происхожденіе «каменныхъ бабъ» къ тому времени, когда у народа, производившаго ихъ, господствовалъ (по крайней мѣрѣ, относительно украшеній) вкусъ бронзоваго вѣка; а у Половцевъ онъ едва ли уже могъ сохраниться; въ Россіи, слѣдовательно, они, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая часть ихъ, не могутъ быть признаваемы за Половецкія: это произведенія болѣе отдаленнаго времени, чѣмъ время появленія Половцевъ въ нашихъ степяхъ. Впрочемъ, нужно принять и то въ соображеніе, что однажды созданный художественный типъ младенческіе народы повторяютъ со всѣми подробностями, совсѣми принадлежностями, въ теченіе

---

[3] Г. Мурзакевичъ, на Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ 1868 г., высказалъ мнѣніе, что большую часть этѣхъ стрѣлъ должно признать за стрѣлы Греческаго происхожденія. Но такой же точно работы стрѣлы мы встрѣчаемъ не только въ Литвѣ и подъ Москвою, но даже въ Пермской Губерніи и на Алтаѣ, куда произведенія Греческаго искуства не могли заноситься въ большомъ количествѣ.

многихъ сотенъ лѣтъ такъ же рабски, какъ наши древніе иконописцы слѣдовали «Подлинникамъ.»

Доселѣ, сколько мнѣ извѣстно, не изслѣдованъ тщательно камень, изъ котораго сѣчены этѣ «бабы»: принадлежитъ ли онъ къ породамъ, встрѣчающимся на поверхности нашихъ степей, или привозный? Всѣ этѣ «бабы», сколько могу судить, сѣчены изъ камня одной породы.

А. Гатцукъ.

1870 г., Іюля 24.
Москва.

МОЛЕЛЬНАЯ

ПРИ ЦЕРКВИ МАРІИНСКАГО ДВОРЦА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Молелень, этѣхъ маленькихъ національныхъ галерей, мы имѣемъ у себя сравнительно немного. Честь собранія того, что мы имѣемъ, за немногими исключеніями, принадлежитъ нашему купечеству и достаточному крестьянству; наше передовое сословіе составляло себѣ галерею исключительно изъ произведеній иностранныхъ художниковъ. Такова въ высшей степени замѣчательная молельня при домовой церкви Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны. Эта молельня помѣщается около домовой церкви, построенной въ Византійскомъ стилѣ и вмѣщающей въ себѣ два креста, относящіеся къ роду тѣхъ, о которыхъ Мартиньи говоритъ: «Нѣкоторые кресты высочайшей древности украшены на ихъ оконечностяхъ четырьмя Евангельскими животными.» [1]

Если же въ этой молельнѣ, выражаясь языкомъ древней Руси, нѣтъ ничего мрачнаго и зачадѣлаго, нѣтъ иконъ съ Греческими или подробными подписями, въ которыхъ нуждалась несовершенная живопись Греческихъ и Этрурскихъ вазъ, Римскихъ катакомбъ, Древне-Христіанскихъ мозаикъ, какъ и наша Новогородская иконопись, то, съ другой стороны, въ ней найдется много прекрасныхъ образцовъ того лучшаго, до чего въ своемъ искуствѣ дошла наша древняя иконопись. Она можетъ познакомить съ однимъ изъ прекрасныхъ образцовъ того Византійскаго вліянія, которое до позднѣйшаго времени сохранялось даже иногда и въ дурно намалеванномъ типѣ Ангела. Икона эта, около 4-хъ вершковъ вышиною и 3-хъ шириною, въ серебряномъ окладѣ, представляетъ Троицу подъ видомъ Ангеловъ. Ангельскія фигуры отличаются очень тщательной отдѣлкой, сохраняя изящные типы стараго Греческаго письма и напоминая собой извѣстную Гре-

---

[1] Dictionnaire des antiquités chrétiennes, par Martigny. 1865 г., стр. 251.

ческую икону Троицкой Лавры. Классическія головки Ангеловъ убраны красными торокамп. Одежа ихъ писана въ два цвѣта, темный и красный. На правой сторонѣ иконы представлены узорчатыя палаты, а на лѣвой гора съ бѣлыми уступами и чернаго цвѣта растеніями. Тщательная отдѣлка всей иконы и живописности красокъ заставляетъ любоваться собою любителя и возбуждаетъ сожалѣніе о томъ, что иконѣ даны такіе малые, а не величественные, размѣры. На оборотной сторонѣ иконы сдѣлана надпись: «Отъ Ея Величества, 10 Сентября, 1851 года.»

Если эта молельня не имѣетъ цѣлаго иконостаса, этой Христіанско-Русской иконописной пазмы, за то въ ней есть одна изъ важнѣйшихъ частей этой пазмы—царскія двери. Подобно барельефамъ Древне-Христіанскаго саркофага, представляющимъ иногда цѣлую Христіанскую поэму, подобно входнымъ дверямъ храма, иногда изображающимъ какую ни будь часть поэмы Библейской, наши внутреннія царскія двери, съ своими иконописными предметами, должны представлять что ни будь цѣлое. Какъ что-то составляющее цѣлое, онѣ обыкновенно вывѣшиваются на стѣнахъ сельской церкви, когда ихъ замѣняютъ въ иконостасѣ новыми. Однѣ двери молельни $2^1/_2$ аршина вышиною (съ сѣнью или кивотомъ) и аршина 5 вершковъ шириною, скругленныя сверху и утвержденныя на тоненькихъ столбикахъ. На этихъ же столбахъ утверждена сѣнь, въ срединѣ которой изображена Троица несимволически: Богъ Отецъ, на колѣнахъ у него Христосъ, который держитъ Св. Духа. По ту и другую сторону Троицы изображено пріобщеніе подъ двумя видами. Подобное же изображеніе пріобщенія встрѣчается въ той же молельнѣ на подобной же сѣни отъ неизвѣстныхъ вратъ, написанное грубѣе и на полотнѣ, а не на деревѣ. На самыхъ дверяхъ вверху изображено Благовѣщеніе передъ зданіемъ съ прилкой. Архангелъ, благословляя Богородицу, стоитъ съ жезломъ, на верху котораго цвѣтокъ, а внизу трезубецъ. На тѣхъ же дверяхъ ниже изображены 4 Евангелиста съ Евангельскими знаками на верху. На узенькихъ столбикахъ, одинъ надъ другимъ, представлены Вселенскіе учители, какъ главные установители богослуженія: Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и Николай Чудотворецъ. На тѣхъ же столбахъ, на сторонахъ, обращенныхъ къ вратамъ, изображены, какъ помощники при совершеніи богослуженія, Діаконы: Фи-

липпъ, Лаврентій, Стефанъ и Аммонъ. Сличая всѣ иконописные предметы нашихъ царскихъ вратъ съ мозаиками Кіево-Софійской церкви, мы пришли къ тому заключенію, что первые прямо были заимствованы изъ послѣднихъ, на которыхъ мы встрѣчаемъ уже и Благовѣщеніе, раздѣленное на два отдѣльные рисунка, и пріобщеніе подъ двумя видами, и Евангелистовъ и Вселенскихъ Учителей и Діаконовъ (Записки Импер. Аркеол. Общ. т. VIII: Кіевскіе мозаики). Нужно замѣтить, что на описываемыхъ нами вратахъ нѣтъ той мѣстной особенности, которая уже выработалась Москвой, въ храмахъ которой, какъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, внесены въ общую картину царскихъ вратъ и Московскіе первосвятители. Предоставляя спеціально занимающимся изслѣдованіемъ объ иконостасахъ возсоздать цѣлую и стройную поэму нэшихъ царскихъ вратъ, мы скажемъ нѣсколько словъ о технической сторонѣ описываемыхъ нами. Иконопись на нихъ отличается правильнымъ рисункомъ, но фигуры Святителей и Діаконовъ слишкомъ длинны и узки, какъ и самые столбы, на которыхъ они написаны. Господствующими цвѣтами являются: желтый, красный и темнозеленый, но на ризахъ Святителей крестами и кружками черный съ бѣлымъ цвѣтомъ. Какъ изображеніе Благовѣщенія, такъ и Евангелистовъ, обставлено вычурными палатами и горами. Діаконы представлены въ плащахъ по Древне-Христіанскому обычаю. [2] Если описанныя нами двери прежде находились въ какомъ ни будь общественномъ храмѣ, за то другія, вѣроятно, были въ какой ни будь домовой маленькой церкви, судя по ихъ размѣрамъ. Какъ извѣстно, и въ общественныхъ храмахъ древней Руси размѣры царскихъ дверей были до того малы, что священнодѣйствующіе должны были наклонять голову, чтобы проходить въ нихъ: таковы и до сихъ поръ существующія двери въ придѣлѣ собора Богородицы при Благовѣщенскомъ соборѣ. Царскія двери въ древней Руси были также малы, какъ и внутреннія двери въ домахъ Боярскихъ. Въ послѣднихъ онѣ напоминаютъ проходы въ норы, гнѣзда и логовища. Да и откуда могла выработаться величественность, когда основнымъ типомъ нашего Древне-Русскаго храма была обыденка? Описываемыя нами царскія двери своею величиною меньше тѣхъ, которыя находятся въ упо-

[2] Dictionnaire des ant. chrét., стр. 207.

мянутомъ предѣлѣ Благовѣщенскаго собора: онѣ 1½ арш. и 1½ верш. вышиною и ¾ арш. шириною. Верхъ ихъ также вырѣзанъ дугою; сходствуя въ своихъ изображеніяхъ съ описанными выше, онѣ не имѣютъ при себѣ ни столбовъ, ни кивота, но за то отличаются живописностью, яркими красками. Господствующая краска въ нихъ малиновая. Евангельскіе знаки писаны на нихъ темномалиновымъ цвѣтомъ. Писанныя на тонкомъ полотнѣ, онѣ покрыты басмянною прозрачною ризой, изъ подъ которой просвѣчивается малиновая фольга. Въ заключеніе описанія царскихъ дверей не можемъ не сказать того, что хотя изображеніе Благовѣщенія на двухъ отдѣльныхъ доскахъ и составляетъ исключительную особенность въ нашей иконописи, но нельзя сказать того, чтобы то же не встрѣчалось въ Западной живописи.

Теперь перейдемъ къ описанію деревяннаго триптиха, котораго каждая часть въ 4½ вершка вышиною и 4 шириною. На средней доскѣ, въ верху, въ кругломъ ореолѣ, покрытомъ Херувимами и окруженномъ Евангельскими знаками, изображена Троица: сидящій съ распростертыми руками Богъ Отецъ имѣетъ у себя на колѣняхъ Сына, а надъ ними обоими Духъ Святой. Ниже идутъ ряды Апостоловъ и Равноапостольныхъ, въ числѣ которыхъ Св. Владиміръ и Ольга. На правой доскѣ складня идутъ иноки, рядъ которыхъ начинается Антоніемъ и Ѳеодосіемъ Печерскими. Третій рядъ той же доски начинается Княземъ Всеволодомъ съ церковью въ рукахъ, такъ какъ онъ былъ строителемъ Троицкаго собора въ Псковѣ, какъ на древнихъ мозаикахъ какой ни будь Папа, строитель церкви, подобно тому, какъ въ одной Франкфуртской церкви (Liebfrauen Kirche), основатель ея въ барельефѣ изображенъ съ церковью въ рукахъ. За Всеволодомъ слѣдуютъ: Михаилъ и Константинъ, Глѣбъ и Борисъ и Царевичъ Димитрій. Послѣ нихъ уже слѣдуютъ: Леонтій Ростовскій, Митрополитъ Филиппъ и Іона, Епископъ Никита. На лѣвой доскѣ складня изображены пустынножители, между которыми: Зосима и Савватій, Александръ Свирскій, Сергій Родонежскій, Варлаамъ Хутынскій, Евфросимъ Псковскій, Кириллъ Бѣлозерскій. Изъ этого описанія ясно, что этотъ древній складень отличается сильнымъ преобладаніемъ національныхъ Святыхъ. Мало того, въ самой постановкѣ Русскихъ Святыхъ впереди, какъ Святаго Владиміра, Антонія Печерскаго, Зосимы Соловецкаго, Всеволода Псковскаго замѣтно

нѣкоторое патріотическое увлеченіе. Что же касается до постановки Князя Всеволода раньше Бориса и Глѣба, предшествующихъ ему по порядку времени, раньше Михаила и Константина, которые могутъ стоять выше его по значенію, то не указываетъ ли это на первоначальный Псковскій переводъ этого складня? Но сколько ни представляетъ національнаго интереса означенный складень, къ сожалѣнію, въ цѣломъ онъ не имѣетъ ни какого драматическаго движенія. Ряды фигуръ, основной типъ которыхъ составляютъ наши иконописные святцы, стоятъ, правда, благоговѣйно, ни слишкомъ молчаливо, смиренно, ни слишкомъ покойно. Не придано ни какого общаго драматическаго движенія цѣлой иконѣ. Нашъ иконостасъ, взявшій себѣ за основу мозаики древняго абсида или тріумфальной арки, не отбросивъ лирическое молитвенное положеніе, съ которымъ являются на древнихъ мозаикахъ Папы, и не выработавъ драматическаго движенія для общей картины, какъ на мозаикѣ абсида церкви Св Пуденціаны въ Римѣ, онъ удержалъ только эпическое представленіе съ обращеніемъ къ серединѣ иконостаса, какъ, напр., на мозаикѣ тріумфальной арки Богородицы (in Domnica) въ Римѣ, заимствовавъ самые предметы иконостаса съ Кіево-Софійскихъ мозаикъ, тщательнымъ сличеніемъ съ которыми и долженъ заняться желающій основательно изучить наши иконостасы. Письмо нашего складня отличается поразительною мелкотою, такъ что безъ увеличительнаго стекла довольно трудно разсмотрѣть лица фигуръ, а тѣмъ болѣе подписи, которыя находятся при каждой фигурѣ. Разсматривая эту и подобныя ей иконы, вы какъ будто читаете иллюстрированную книжку, по которой можно обучаться незнающему и неграмотному. Главный фонъ складня золотой. Господствующими цвѣтами красокъ являются темнозеленый и малиновый. Лица фигуръ сдѣланы съ отбѣлами. Вокругъ всего складня бордюромъ по зеленому полю идутъ золотые листья.

Какъ новый примѣръ того, какъ національный элементъ проявлялся и высказывался въ Русской иконописи, мы опишемъ изъ той же молельни икону Владимірской Богородицы, представляющую нѣкоторую особенность перевода. Эта икона въ $^3/_4$ арш. вышиною и шириною, съ надписью вязью на верху: «Образъ Пресвятыя Богородицы Владимирскія.» Богородица изображена по обычаю этого перевода, стоящею со свиткомъ въ рукѣ, на

которомъ слѣдующая подпись: «Владыко Вседержителю, Сыне и Боже мой, приклони ухо твое святое, вонми вопіющу къ сильному ти благоутробію припадающу, помилуй Владыко, градъ сей Смоленскъ и святую обитель сію и Князя и вся Православные Хрестіане, нарицающе твое имя.» Такимъ образомъ этотъ новый переводъ иконы, покровительницы города Владиміра, былъ вызванъ однимъ изъ бѣдствій, постигшихъ городъ Смоленскъ. Фигура Богородицы возвышается передъ толпою молящихъ, которые состоятъ уже не изъ двухъ, трехъ, лицъ, не изъ семейной группы, до изображенія чего дошла и Новогородская иконопись, а какъ бы изъ представителей всего общества, довольно удачно сгруппированныхъ въ 3 ряда. Евѳимій, покровитель Суздальской области, Варлаамъ, покровитель Новогородской, прежде враждовавшей и не соединявшейся съ первою; тутъ и Царь въ коронѣ, и Бояринъ, и Царица съ отроками, и старики, и молодые, монахи и монахини, женщины и дѣти, въ одеждахъ Боярскихъ и простой чади. Но эта общественная просьба какъ бы усиливается представителями всей Руси, размѣщенными на поляхъ иконы: Антоніемъ и Ѳеодосіемъ Печерскими, Сергіемъ Радонежскимъ, Никитой Переяславскимъ, Леонтіемъ Ростовскимъ, Никитой и Ефремомъ Новогородскими, Евфросимомъ Псковскимъ. Что касается до технической стороны, то икона отличается и правильностью рисунка, и группировкою, и живостью красокъ, хотя нѣтъ пропорцій въ отношеніи фигуры Богородицы къ прочимъ, изображеннымъ на иконѣ. Фонъ иконы желтый, нѣсколько переливающій въ золото. Отроки написаны въ бѣлой одеждѣ, женщины въ свѣтлыхъ одеждахъ, одна въ красной, одна представлена въ темной. Ноги Богородицы написаны обутыми въ красные башмаки.

Съ типомъ Іоанна Крестителя, получившимъ по нѣкоторымъ принадлежностямъ особенность въ Восточно-Русской иконописи, молельня знакомитъ въ двухъ экземплярахъ. Одинъ образъ Іоанна Крестителя 7 верш. вышиною и 6 шириною, въ серебряномъ окладѣ. Іоаннъ Креститель изображенъ съ крыльями. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ чашу съ головою и свитокъ, а правою благословляетъ. Иконопись Западная представляетъ вмѣсто этого дискъ съ ягненкомъ, какъ на мозаикѣ Флорентійскаго баптистерія, или книгу, на которой ягненокъ, какъ у Gondolfino изъ школы Вергел-

ли. [3] Внизу иконы, съ лѣвой стороны, изображено дерево, подъ которымъ лежитъ сѣкира. Лице Крестителя писано съ отбѣлами. Отбѣлами сдѣланы и складки на его одеждѣ. Самая же одежда писана темнокоричневою краскою. Крылья Крестителя сдѣланы красною краскою съ золотыми линіями. Другой образъ Крестителя $3^1/_2$ верш. вышиною, въ $2^1/_2$ шириною, писанъ на холстѣ, наклеенномъ на доску. Главный фонъ образа золотой. Хотя позой своей фигура Крестителя нѣсколько напоминаетъ положеніе своего туловища во время усѣкновенія его главы на нашихъ иконописныхъ изображеніяхъ, но фигура его отличается очень тонкою и тщательною отдѣлкой. Лице Крестителя темнокоричневаго цвѣта. На лицѣ есть тѣни, борода очень тщательно завита. Верхнее платье темнозеленое, а исподнее красное. Въ положеніи одежды есть драпировка и видна забота о складкахъ.

Молельня имѣетъ одну икону, какъ образецъ рельефной. Она 8 верш. вышиною и 6 шириною, въ серебряномъ окладѣ и изображаетъ Благовѣщеніе. Но она не принадлежитъ къ роду Сибирскихъ рельефныхъ иконъ, въ которыхъ выпуклость производится самыми красками. Та небольшая выпуклость, которая, на пр., встрѣчается на одной иконѣ отдѣленія Христіанскихъ Древностей при Румянцевскимъ Музеѣ, а также на другой, находящейся въ Романовскихъ палатахъ, имѣетъ сходство съ тѣми рельефами, которые встрѣчаются въ живописи старой Итальянской школы, какъ у Ваварини, на пр., въ его картинѣ: «Поклоненіе волхвовъ,» гдѣ рельефомъ сдѣланы сбруя, ошейникъ, вѣнцы и крылья, [4] и какъ во многихъ произведеніяхъ школы Вергелли. Описываемая нами рельефная икона ближе подходитъ къ тѣмъ рѣзнымъ иконамъ, которыя, черезъ Псковъ, съ 1540 года, начали распространяться по Россіи въ видѣ деревянныхъ рѣзныхъ статуетокъ, представлявшихъ Николая Чудотворца, Св. Георгія, Параскеву Пятницу, Св. Ольгу, Св. Гавріила, рѣзную плащаницу, что уже теперь собрано въ Петербургѣ, или какъ Христа въ темницѣ съ воинами передъ шкафомъ и моленіемъ о чашѣ на верху, [5] или какъ рѣзное снятіе со креста [6] и т. д. Но въ этомъ родѣ рѣзныхъ иконъ

---

[3] Въ Туринской Пинакотекѣ № 41.

[4] Въ Берлинскомъ Музеѣ.

[5] Въ церкви села Чернева Каширскаго Уѣзда.

[6] Въ церкви Спаса въ Журавляхъ Каширской Уѣзда Тульской Губерніи.

есть складни, въ которыхъ фигуры рѣзныя не отдѣляются отъ доски, какъ это видимъ въ одномъ складнѣ Распятія и въ другомъ изображеніи Св. Николая. [7] Описываемая нами икона подходитъ къ ряду именно этихъ складней. На ней Богородица изображена сидящею и покрыта зеленою краскою, а Архангелъ изображенъ въ красномъ одѣяніи. Икона эта, какъ и большая часть рѣзныхъ этого рода, довольно грубой работы.

Но между иконами этой молельни встрѣчается одна такая, которая, по своему предмету, представляетъ очень рѣдкое явленіе въ нашей иконописи, сообщая иконописному предмету много нѣжности, низводя высокія Божескія силы до нѣкотораго чувства человѣческой слабой природы и дѣтской боязни. Такова икона 7 верш. вышиною и 6 шириною, изображающая Архангела съ крестомъ въ рукахъ. Онъ стоитъ передъ Богородицей, у которой на правой рукѣ Христосъ младенецъ. Послѣдній какъ бы съ испугомъ смотритъ на крестъ, отвертываясь отъ него плечомъ (отпрянулъ) и держа въ правой рукѣ свитокъ. Идея этой иконы, безъ сомнѣнія, та, что Христосъ прозрѣваетъ, глядя на крестъ, свои будущія страданія. Но въ этой иконѣ онъ является не недреманнымъ окомъ, покойно прозрѣвающимъ свои будущія страданія, а человѣчески, боязливо предчуствующимъ ихъ. Это движеніе, приданное младенцу, по оттѣнку своей мысли, скорѣе идетъ къ Западному искуству, въ которомъ мы встрѣчаемъ иногда передъ Христомъ десятки Херувимовъ, которые держатъ орудія страданій. На землѣ между Богородицей и Ангеломъ стоитъ зеленый съ золотомъ цвѣтокъ, обыкновенный при Благовѣщеніи въ Западной живописи. Не это ли подало поводъ кому-то сдѣлать подпись на задней сторонѣ этой иконы: «Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы.» Но тутъ же встрѣчается и другая подпись: «Пострадати и распяту быти и въ третій день воскреснути.» Цвѣтъ лицъ у фигуръ темнокоричневый. Архангелъ изображенъ въ одеждѣ краснаго цвѣта съ темнозеленымъ исподомъ, съ золотыми крыльями и отбѣлами на лицѣ. Богородица изображена въ красномъ верхнемъ платьѣ съ темнымъ исподомъ.

Какъ образецъ такихъ произведеній нашей древней иконописи, которымъ не молились, а которыя только служили назида-

[7] Въ той же церкви села Чернева.

ніемъ, молельня имѣетъ одну доску $^3/_4$ аршина вышиною и $1^1/_2$ шириною, раздѣленную линіями на три части, въ которыхъ помѣщаются и отдѣльные предметы. На правой сторонѣ доски изображено сотвореніе міра и грѣхопаденіе, въ срединѣ изображено видѣніе Іоанна списателя лѣствицы. Какъ тотъ, такъ и другой, предметъ равно встрѣчаются и въ Западной живописи. Образецъ послѣдняго предмета можно видѣть въ Болонской пинакотекѣ. На лѣвой сторонѣ доски вверху представлена подъ сѣнію трапеза, за которою сидятъ мужчина и женщина, которымъ прислуживаетъ юноша въ красной одеждѣ и въ шапкѣ. Въ противоположность этой сценѣ внизу представлено, какъ Христосъ благословляетъ монаха въ кельѣ и монашескую трапезу. Иконопись сдѣлана на полотнѣ. Господствующимъ цвѣтомъ является темнокоричневый. Хотя письмо далеко не живописное, за то рисунокъ довольно правиленъ и отчетливъ.

Нельзя не упомянуть также о нѣкоторыхъ иконахъ этой молельни, которыя или своимъ предметомъ, или именами самыхъ иконописцевъ, представляютъ новыя данныя для исторіи Русской иконописи. Такова икона: «Единородный сыне слово Божіе,» 7 верш. длиною и 6 шириною, по рисунку сходная съ сдѣланнымъ въ «Сборникѣ Общества Древне-Русскаго Искуства на 1866 годъ,» но по подписямъ ближе подходящая къ рисунку, изданному Даженкуромъ, т. е., съ главною подписью: «Единородный сыне и слово Божіе,» и т. д., и: «Воззоветъ (вм. взыде) Господь отъ Сіона и глагола отъ Іерусалима.» [8] На двухъ иконахъ этой молельни я встрѣтилъ подписи. Одна изъ нихъ $6^1/_2$ верш. вышиною и 5 шириною, изображающая Василія Великаго и Василія Блаженнаго, съ темнокоричневымъ цвѣтомъ тѣла и съ подписью на оборотной сторонѣ доски: «Сія икона изуграфа Филона Антонова его чести Попова,» котораго имя не встрѣчается въ «Словарѣ иконописцевъ,» Г. Ровинскаго. Другая икона $8^1/_2$ верш. вышиною и $7^1/_2$ шириною въ окладѣ и съ вѣнцами, представляющая: Князя Петра, Февронію, Александра Свирскаго, Преподобнаго Авраамія, Князя Александра, случайно соединенныхъ, вѣроятно, по желанію заказчика, и написанныхъ съ отбѣлами на лицахъ, бородахъ и одеждѣ, имѣетъ на лицевой сторонѣ своей подпись:

---

[8] Въ статьѣ Ѳ. И. Буслаева: «Общія понятія о Русской иконописи,» стр. 12.

«Лѣта 7195 (1685) писалъ изографъ Мак. (Максимъ) Фед. (Федоровъ).» Перечисляя Царскихъ иконописцевъ, Д. А. Ровинскій приводитъ имя иконописца Максимова, и указываетъ его работы образъ Алексѣя Митрополита съ видомъ Кремля и съ подписью самого иконописца, помѣтившаго свое произведеніе 1686 годомъ. Быть можетъ и тотъ и другой образъ писаны однимъ и тѣмъ же иконописцемъ, но, благодаря описываемой нами молельнѣ, получается новый экземпляръ произведенія того же иконописца, да при томъ самъ иконописецъ пріобрѣтаетъ другую фамилію, вмѣсто Максимова — Максимъ Ѳедоровъ.

Изъ сдѣланнаго нами, хотя и краткаго, описанія становится яснымъ, что по описываемой нами молельнѣ можно познакомиться почти со всѣми тѣми итогами, которыхъ достигла наша древняя иконопись.

Въ заключеніе намъ остается только пожалѣть о томъ, что мы не воспользовались описаніемъ остальныхъ иконъ, находящихся въ этой молельнѣ, и которыя, можетъ быть, привели бы насъ еще къ нѣкоторымъ соображеніямъ и доставили нѣкоторыя новыя данныя для исторіи Русскаго искуства.

Иванъ Некрасовъ.

Москва.
1867 года, Апрѣля 1.

---

[9] Исторія Русскихъ школъ иконописанія, стр. 161.

МОСКОВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ

ФИЛАРЕТЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ СВОИХЪ КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ.

Здѣсь видны разнородныя и всегда искреннія отношенія миролюбиваго Филарета къ лицамъ, болѣе или менѣе, близкимъ ему; здѣсь, сверхъ Христіанскихъ совѣтовъ и богословскихъ указаній, сверхъ одобрительныхъ отзывовъ и замѣчаній, не всегда мягкихъ, особенно же по служебнымъ дѣламъ, встрѣчаются и отвѣты на вопросы, не только въ его время возникшіе, и послѣ него вновь возбужденные, но (какъ бы по предчувствію) и вообще на современные, по сей часъ поднимаемые, вопросы. Здѣсь частію обрисовывается высокая личность великаго мужа. То строгій, непреклонно взыскательный Архіерей, то снисходительный къ немощи человѣческой пастырь, онъ внушалъ и страхъ и любовь. То глубоко ученый проповѣдникъ и богословъ, то вполнѣ просвѣщенный классикъ, онъ былъ блюстителемъ и охранителемъ религіи, науки, словесности, чистоты Русскаго языка. То съ высоты первосвятительскаго сана поражаетъ величіемъ духа и прозорливостію, то, углубясь въ себя и въ непокидавшую его мысль о суетѣ суетствій, удивляетъ глубиной своего смиренія, самоумаленія, самоуничиженія. То, утомясь трудомъ самообладанія, какъ бы невольно предается сродному его мирной душѣ веселонравію и сыплетъ бисеръ остроумія, не безъ жалостной и укорительной порою улыбки къ пробудившимъ его многознаменательную веселость своими странными словами, или неразумными письмами. Онъ снисходилъ къ маловѣдѣнію и ограниченности понятій, и терпѣливо выслушивалъ мелкіе, дѣтскіе даже, вопросы; но гордая самонадѣянность, тщеславіе, самовозвышеніе, вызывали его тонкую иронію. Не любилъ онъ и ревности не по разуму, что особенно видно изъ совѣтовъ его Игуменіямъ и не Игуменіямъ,

т. е., свѣтскимъ послушницамъ. Онъ постоянно удерживалъ въ дѣлѣ Вѣры каждаго отъ увлеченій, пытливости, рвенія не по силамъ и чаянія чудесъ тамъ, гдѣ желаемое и молимое можетъ совершиться естественно, на пр., исцѣленіе. Не менѣе того онъ и остерегалъ, разумѣется, отъ невѣрія въ силу Божію, т. е., отрицанія чудесъ: «Есть ли худо провозглашать вымышленное чудо (сказано имъ въ одномъ изъ писемъ его), худо также не признавать и дѣйствительнаго исцѣленія.»

Любя ближняго, своихъ кровныхъ, свою родину, свое отечество, онъ особенно любилъ Москву и свое духовное сословіе. «Я (написалъ онъ, между прочимъ, В. М. Нарышкиной) люблю въ Господѣ Московскихъ моихъ отцевъ, братій и сестеръ, полною мѣрою любви, какая вмѣстительна моему недостоинству, и желаю имъ благословенія Божія обильнѣйшаго, нежели какое я испросить могу, но такого, какое Господь, по преизбыточествующей благости своей, даровать можетъ, и какое они вѣрующею душею принять могутъ. Не именую никого, а желаю, чтобы имена ихъ, кои память моя часто теряетъ, а сердце опять находитъ, были неизгладимы въ книгахъ животныхъ.» И послѣ такихъ трогательныхъ, задушевныхъ словъ голосятъ иные, что онъ сухъ и холоденъ!.. Какъ горячи и любовны должны быть таковые глашатаи!..

Чтобы не пестрить этѣхъ выписокъ ссылками на повременныя и отдѣльныя изданія, которыми я главнѣйше пользовался, укажу на: «Чтенія въ Московскомъ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія (ихъ вышло доселѣ 10 книгъ), на «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ,» на «Душеполезное Чтеніе,» на «Письма къ Рязанскому Архіепископу Гавріилу, въ тѣхъ же «Чтеніяхъ» и отдѣльно, на «Письма къ А. Н. М.»

1. Къ В. М. Нарышкиной.

На что бранить? Но кто дѣлаетъ и говоритъ: «Не брани!» тотъ могъ бы не дѣлать, и тогда не было бы нужно уговаривать, чтобъ не бранили.

Рясы цвѣтной мнѣ не хочется. Не цвѣтущее время. Вамъ да подастъ ризу свѣтлу и нетлѣнну Одѣяйся свѣтомъ, яко ризою.

Надлежало бы болѣе трудности находить въ томъ, чтобы судить людей, нежели въ томъ, чтобы смотрѣть на нихъ просто, какъ смотрятъ на колеблемыя вѣтромъ дерева, или на текущую рѣку; но видно и въ томъ есть трудность, чтобы не судить. Что же дѣлать? Надобно учиться постепенно, сперва осуждать себя за осужденіе ближнихъ, потомъ удерживаться отъ осужденія словомъ, когда мысль на то подвигнется, далѣе удерживать самую мысль. Кто довольно знаетъ и судитъ себя, тому недосужно судить другихъ. Все же благое пріобрѣтается подвигомъ, признаніемъ своей немощи и помощію Божіею, которая да будетъ съ Вами!

Напишите Екатеринѣ Владиміровнѣ, [1] что я принимаю ея порученіе, чтобы облегчить ее отъ заботы о Новоспаскомъ, [2] и дать ей свободу заботиться о томъ, что болѣе на потребу. А естьли Богъ такъ устроитъ, что ей послѣ меня, а не мнѣ послѣ ея, можно будетъ исполнять порученіе, то я прошу ее просить мнѣ сколько нибудь мирнаго мѣста тамъ, куда здѣшній Градоначальникъ ни запретить, ни открыть пути не можетъ.

Подлинно часто блещетъ около Васъ серпъ жатвы. Что жь? Пусть идутъ добрыя зерна въ житницу Господню. Смотря на сіе, мы не должны сохнуть безъ пользы, а лучше расти и зрѣть, сколько можно, пока долготерпѣливый серпъ насъ обходитъ... Да откроетъ Вамъ Господь въ сердцѣ книгу молитвы, къ которой внѣшнія книги суть приготовленіе и руководство и которая одна родила всѣ внѣшнія и молитвенныя книги чрезъ уста Святыхъ, а открывается она именемъ Господа Іисуса. Прилагайте къ сердцу сей ключъ, которымъ отверзается царствіе Божіе, сущее внутрь; прилагайте часто и просто: толкущему отверзется.

А что слово утѣшенія не всегда есть, когда ожидается, сіе, конечно, есть скудость того, отъ кого ожидается утѣшеній; впрочемъ, иногда не приходитъ слово, когда слухъ не довольно отверстъ. Что скорбь и сѣтованіе сильно вооружаются противъ мира вашего, не упадайте отъ того духомъ. Быть въ борьбѣ не бѣда, и часто сіе не отъ насъ: надобно, при помощи Божіей, подвизаться, чтобы добровольно не предаваться борющимъ намъ силамъ, и беречь

---

[1] Новосильцевой.

[2] Она желала приготовить себѣ мѣсто на Новоспаскомъ кладбищѣ, рядомъ съ своимъ сыномъ.

остальныя капли слезъ и малую искру ограждать отъ бури; зная же свои немощи, меньше будемъ судить другихъ; меньше суля ихъ, меньше на нихъ сѣтовать.

Да будетъ постъ не перемѣна брашенъ, но отъятіе пищи у страстей и земныхъ хотѣній, и питаніе духа памятію о Богѣ и желаніемъ божественнымъ. Недостатокъ же поста въ томъ, что входитъ въ уста, дополнимъ постомъ въ томъ, что изъ устъ исходитъ и отъ сердца.

Естьли не Вы въ церкви, нельзя ли, чтобы церковь была въ Васъ, или съ Вами? Давыдъ съ Вами въ псалтири, отцы и пастыри съ Вами въ молитвенникѣ. Вникайте имъ и себѣ, воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви. Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ. Изволихъ приметатися въ дому Бога моего. Сіе правда, но правда и слѣдующее: Хощу, да молитву творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ, воздѣюще преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія... Не лишимъ себя храма, когда можемъ, но и съ собою носить его поучимся. Молитесь и Вы, и надѣйтесь на Бога. Впрочемъ, скорби посылаются не для одной надежды, но и для терпѣнія. Надѣйтесь помощи, и будьте расположены терпѣть скорби въ послушаніи. Пока болѣзнь по малу подаетъ мысль о смерти, рано, или поздно, неизбѣжной, пріучайтесь по малу и къ мысли о смерти, чтобы, когда и сія наконецъ явится, не явилась слишкомъ нечаянно. Или я огорчаю Васъ сими мыслями, когда надлежало бы утѣшать? Не желалъ бы, но мнѣ кажется, должно слѣдовать, сколько можно, указаніямъ Провидѣнія Божія. Ищите утѣшенія не всегда въ томъ одномъ, чтобы имѣть желаемое, но и въ томъ, чтобы послушно переносить неизвѣстность будущаго и мирить настоящее съ будущимъ.

2. Къ К. С. М. Голицыну.

Скорбная нѣкогда при крестѣ Матерь Господа обладаетъ нынѣ неистощимымъ сокровищемъ утѣшенія для всякой скорбной матери, прибѣгающей съ вѣрою къ ней, а чрезъ нее къ Ея Сыну и Богу, посылающему Духа утѣшителя отъ Отца.

3. Къ К. Е. Р. Вяземской.

Орлы получилъ, и сегодня стоялъ на нихъ, поручая трудъ вашъ Тому, для котораго Вы ихъ выработали иглою и который

намъ повелѣваетъ, чтобы, смотря на нихъ, вырабатывали орла духомъ. Вы не думали, можетъ быть, что вышивали мнѣ наставленіе, а я охотно такъ принимаю вашу работу.

Сказать ли вкратцѣ, что значатъ всѣ причины вашего унынія и самое уныніе? Все—тайныя призыванія Божіи, чтобы Вы паче и паче къ Богу прибѣгали. Ибо хотя и теперь прибѣгаете, но, безъ сомнѣнія, не почитаете себя достигшими; а Онъ, по благости своей, все употребляетъ для привлеченія Васъ къ Себѣ, для приближенія, и наконецъ для глубокаго внутренняго соединенія съ Нимъ въ вѣрѣ и любви. Въ семъ заключается отгадка многаго загадочнаго въ жизни, но отгадка сія такъ велика, что, пока живемъ, часто загадка остается не отгаданною. Положимся на Премудраго, Который составилъ загадку жизни, и отъ Него же съ терпѣніемъ и надеждою подождемъ разрѣшенія. Да разрѣшитъ Онъ ваши заботы въ спокойствіе, скорби въ утѣшеніе, молитвы въ исполненіе.

Вы варите розы: а мы все изъ словъ хотимъ готовить пищу и лѣкарство. Посылаю для дѣтей вашихъ книжку Библейскихъ чтеній, извлеченныхъ мною для дѣтей.

Говорите о скорбяхъ и смущеніяхъ: не зная ихъ, не знаю, что сказать о нихъ, а, можетъ быть, и зная, не умѣлъ бы сказать полезнаго. Знаю только, что не по цвѣтамъ ходятъ къ небу, а всего чаще по тернію. Видали ли Вы, какъ варятъ пищу? Какое смущеніе въ кипящемъ сосудѣ! но за то пища будетъ вкусна и здорова, а безъ того была бы и не вкусна и не здорова. Естьли сосудъ вашъ у огня: какъ быть, что въ немъ неспокойно! Потерпите! Можетъ быть со временемъ понятно будетъ написанное: Пройдохомъ сквозь огонь и воду, и ввелъ ны еси въ покой. Благословенъ Господь, обличающій болѣзни душевныя тѣлесными, но непоражающій до конца. О если бы мы не препятствовали Ему врачевать насъ! Да уповаемъ на Него, да любимъ Его; любя Его, возненавидимъ злая: и Онъ сквозь самое злое явитъ намъ благая.

У меня на умѣ не столько многая лѣта, сколько вѣчная память многихъ братій нашихъ въ Петербургѣ. Сильное поученіе для оставшихся! О если бы сей урокъ и поняли и приняли!

4. Къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, отъ 25 Февраля, 1855.

Да утѣшаетъ Тебя воспоминаніе, какъ знаменательно Господь благословилъ Его жизнь въ Его послѣднихъ дняхъ и часахъ, въ

которыхъ свѣтлыя черты Царя и отца семейства, Христіанина, не смотря на изнеможеніе внѣшняго человѣка, сіяли такъ сильно, такъ назидательно и благотворно! Твоя молитва соединилась съ Его послѣднею молитвою. Надъ симъ союзомъ не имѣетъ власти смерть. Онъ простирается отъ времени въ вѣчность. Молитва приближаетъ къ Богу, и близъ сего средоточія существъ и міровъ не разлучено то, что является разлученіемъ въ мірѣ перемѣнъ. Молитвою вѣры и упованія возверзи на Господа печаль Твою.

5. Къ Ректору М. Д. Академіи Филарету.[3]

Кто воспользовался лучшими рукописями покойнаго О. Поликарпа,[4] я не знаю; что я получилъ, то къ Вамъ и препроводилъ.

Журналомъ причислить сумму къ Академическимъ не служитъ доказательствомъ дѣйствительнаго причисленія, когда она въ приходъ не записана. Но какъ теперь дойти до того, что сдѣлано съ суммою, которая получена и потеряна изъ вида въ 1818 году? Я могу сказать все то же, что говорилъ уже, что надобно первому члену Академическаго Правленія пристально смотрѣть за полученіемъ суммъ и за поступленіемъ ихъ въ свои мѣста.

Не худо спросить по сему дѣлу бывшаго Економа, Іеромонаха Меѳодія, не припомнитъ ли онъ чего. И о суммѣ 1821 года за Нѣмецкую Грамматику поискать бы кого современнаго и спросить. Вѣроятно, или теперь, или по требованію Контроля, понадобится произвесть о каждой изъ сихъ суммъ особое маленькое дѣло, которое кончится манифестомъ.

«Царскій путь креста» читалъ я давно въ Русскомъ изданіи. Помню, что встрѣчалъ хорошее, а частію длинноту и принужденность. Начиная пересматривать, теперь встрѣчаю не мало такого, что меня останавливаетъ. Слишкомъ дико, что І. Хр. говоритъ

---

[3] Гумилевскому, въ послѣдствіи Архіепископу Черниговскому.

[4] Гайтанникова, который родомъ изъ Тверской Губерніи, воспитывался въ С.-Петербургской Духовной Академіи, откуда вышелъ Магистромъ въ 1814 г. и сдѣланъ тогда же Инспекторомъ тамошней Семинаріи, въ Декабрѣ принялъ монашество; 1817 Архимандритъ, 1819 Ректоръ Семинаріи, 1822 Докторъ Богословія, 1824, въ началѣ Ноября, Ректоръ Московской Академіи, съ управленіемъ Новоспаскаго монастыря, въ половинѣ Декабря 1835 уволенъ отъ Ректорства и жилъ въ своемъ монастырѣ, гдѣ и скончался 19 Генваря, 1837 г. Преемникомъ ему въ Ректорствѣ былъ Филаретъ Гумилевскій, изъ Инспекторовъ Академіи. О. Б.

словами Виргилія. Надобно подумать, что дѣлать съ сею книгою, особенно въ такое время, къ которое и лучшая сторона ея нападеніямъ подвержена.

6. Къ К. Д. В. Голицыну.

Нѣтъ поздравленія столь справедливаго и многозначущаго, какъ поздравленіе съ воскресеніемъ Христовымъ, торжественнымъ началомъ Христіанства. Отъ воскресенія Христова и мы наслѣдуемъ наше воскресеніе: умственное отъ невѣдѣнія къ Боговѣдѣнію, воскресеніе нравственное отъ грѣха къ добродѣтели, воскресеніе духовное отъ смерти къ жизни вѣчной, не исключая и тѣла, нынѣ смертнаго; наконецъ даже возрожденіе того, что есть лучшаго въ быту человѣческомъ: ибо между народами Христіанскими и не Христіанскими разность подобна разности между мертвыми и живыми.

7. Къ М. М. Тучковой.

По чему Вы думаете, что далеко радость? Она близко: позади скорби, какъ, въ Пѣсни пѣсней, женихъ за стѣною близъ невѣсты. Вечеръ водворится плачь, а заутра радость. Далеко ли?

Одиночесто дѣло не худое, когда умѣютъ имъ пользоваться. Не хорошо ли, когда никто и ничто въ мірѣ не останавливаетъ человѣка? Тогда, естьли онъ знаетъ и помнитъ Бога, прямо идетъ къ Нему. Одиночество на земли ведетъ въ общество небесное.

Господь и радость Его съ Вами особенно нынѣ. Вода изъ Іерусалимскихъ розъ что-то необыкновенное. Не для меня бы она; но къ олтарю да принесется отъ Васъ, какъ чистыя благодатныя слезы. Ахъ! Что-то теперь въ Іерусалимѣ: вода ли чистая, какъ слезы, или слезы многія, какъ вода? Говорятъ, онъ ограбленъ.

8. Къ ней же, уже Игуменьи Спасо-Бородинскаго монастыря Маріи.

Невидимые, но подлинные, грѣхи видѣть иногда препятствуютъ человѣку видимыя, но мнимыя, добродѣтели. Иной, на примѣръ, безъ истинной надобности, по собственной волѣ и выдумкѣ, обременитъ тѣло свое веригами и вздумаетъ, что онъ уже вступилъ въ истинный чинъ Христовыхъ крестоносцевъ и по духу, а не

примѣчаетъ что на внутренней сторонѣ веригъ написано: «Въ самовольнѣй службѣ и непощадѣніи тѣла» (Колосс. II, 23) Сіе, впрочемъ, говорю не противъ веригъ, для которыхъ есть люди, и времена, и причины.

Еще говорятъ Отцы: «Если нѣтъ сокрушенія и умиленія, должно подозрѣвать, нѣтъ ли тщеславія.»

Не бѣгайте упорно людей: между ними есть люди Божіи. Надобно стараться и добрыя дѣла вести съ осторожностію, чтобы впереди ихъ не шло наше мудрованіе и наша воля.

Хорошо, если радуемся Богу, помощнику нашему. Но когда къ радости о Богѣ присоединяется радость о дарахъ Его намъ: не всегда примѣтишь, какъ примѣшается сюда радость о себѣ, и сіе примѣшеніе лишитъ радость Божественную чистоты, ей свойственной. По тому очень надобная осторожность присоединять къ пріятному пряное, къ радости трепеть, къ радости о Богѣ трепетъ о своемъ недостоинствѣ, которое можетъ и чистый источникъ возмутить излишнимъ движеніемъ, и свѣтъ затмить, или превратить въ поверхностный блескъ и призракъ.

Вы спрашиваете, какъ врагъ свѣтъ коснуться служителя олтаря? Такъ же, какъ дождь сквозь худую кровлю проходитъ въ олтарь и въ комнату, какъ вѣтеръ сквозь скважину задуваетъ свѣчу въ олтарѣ и въ комнатѣ. Олтарь и служеніе остается святымъ: а небрегущій о цѣлости своей храмины обличается послѣдствіями сего небреженія, малаго, или великаго, и побуждается поправить кровлю, заградить скважину, чтобы предупредить большій вредъ.

Минута искушенія показываетъ, столько ли мы успѣли въ духовности, какъ казалось въ минуты восторга, или въ часы мира. А что Вы говорите о крестахъ монашества, хорошо со смиреніемъ и послушаніемъ принимать ихъ отъ руки Божіей, но не надобно вырабатывать ихъ самому для себя.

Если Васъ любятъ: благодарите Бога за имѣющихъ любовь, и за то, что Онъ даетъ Вамъ утѣшеніе видѣть сіе; бойтесь только думать, что Вы заслужили сіе. Въ чадахъ Божіихъ любитъ любовь Божія: а она любитъ и недостойныхъ, по снисхожденію и человѣколюбію. По сему не можетъ человѣкъ сказать: «Видно, я достоинъ, когда меня любятъ.» Нѣтъ, милость Божія то, что тебя любятъ добрыя души; питайся ихъ добротою и любовію, и взаимно служи имъ любовію. Въ добрыя минуты по тихоньку вынимайте изъ сердца

ея (одной больной) углубившіеся помыслы страсти, тогда и въ нервы ея приходить будетъ тихій свѣтъ, и нападающая тьма не обыметъ ихъ.

Что страхъ смерти есть, это еще не бѣда. Видѣли его и въ многоподвизавшихся Отцахъ. Кольми паче естественно, что къ намъ онъ приходитъ. Но скажите страху: «Ты правъ, если судьба наша должна рѣшиться правосудіемъ Божіимъ только; но теперь уже дѣло въ особенномъ положеніи; Христосъ «умре и воскресе», чтобъ уничтожить страхъ смерти, чтобы кровію Своею смыть рукописаніе грѣховъ нашихъ; чтобы простить насъ, вѣрующихъ въ Него, и судить насъ судомъ милосердія, которое сжалится надъ нами, между прочимъ, и по тому, что мы боимся своего недостоинства. И такъ, страхъ, я тебя не боюсь; оставайся, если такъ угодно Богу, при мнѣ, и будь моимъ стражемъ отъ забвенія и развлеченія, но не мѣшай мнѣ вѣровать, любить и уповать!»

Савва Освященный, или Ѳеодоръ Освященный, считали у себя въ пустыняхъ живущихъ сотнями и тысячами; но не читаемъ, чтобы они кого приняли по тому, что даетъ деньги, или землю, и тѣмъ поддержали общежитіе. Богъ, трудъ и добродѣтель поддержатъ общежитіе: такъ думали встарину.

Суровой пищи, жесткаго ложа и подобнаго сему Господь не требуетъ отъ вашей немощи, но тихой молитвы, любви, попеченія о сестрахъ и сохраненія вашего здоровья, для исполненія вашихъ обязанностей. Снисхожденіе къ строптивымъ дѣло иное: вотъ это хорошо вмѣсто жесткаго ложа.

Правила церковныя обязываютъ насъ избирать достойныхъ, а не входить въ торговыя сдѣлки.

Бывало, искали достоинства въ томъ, чтобы говорить мягко, а теперь ищутъ въ томъ, чтобы говорить рѣзко, и по тому говорятъ иногда хуже, нежели думаютъ.

Возвращаю вашу книжку. Это, подъ именемъ Исторіи Іерусалима, Священная исторія, какъ я, помнится, уже сказалъ Вамъ по догадкѣ, не видавъ книги. Сочинитель не безъ вѣры, но мѣшаетъ съ нею модный теперь романтизмъ. Хорошо ли—книги: Исходъ, Левитъ, Числъ и Второзаконіе, назвать Одиссеею Еврейскою? Хорошо ли сказать о народѣ Еврейскомъ: «Отъ великолѣпной и гигантской эпопеи Іеговы онъ перешелъ къ скудной комедіи таинственныхъ лжецовъ, заключенныхъ въ темныхъ пещерахъ?»—Это

буквальный переводъ изъ вашей книги. Мнѣ кажется, для монастыря можно найти чтеніе лучше сего. Одну книжку посылаю, можетъ быть, уже извѣстную Вамъ, другую постараюсь прислать вскорѣ, такую, которая совершенно замѣнитъ вашу, безъ поэтическаго празднословія.

Радость земная проницается печалію, по тому что душа сокровенно чувствуетъ неудовлетворительность земнаго и потребности лучшаго. Печаль о Господѣ проницается радостію, по тому что душа предчувствуетъ то, что сказано Апостоломъ: «Печаль, яже по Бозѣ, спасеніе содѣловаетъ.» Да взыщемъ радости, въ которой бы не скрывалось жало печали. Да не страшимся и печали, которая въ радость будетъ.

И это нерѣдко, что слышу о вашихъ странствующихъ по Москвѣ. Не надобно ли Вамъ обратить на сіе вниманіе? Не надобно ли употребить Вамъ болѣе твердости, хотя не всѣмъ пріятной, вмѣсто снисхожденія, которое подвергаетъ ввѣренныхъ Вамъ опасности преткновенія, а Васъ отвѣтственности за неохраненіе? Не надобно ли вспомнить Отеческое слово, что монахи внѣ келіи, а особенно внѣ монастыря, какъ рыбы внѣ воды, скоро умираютъ.

Отъ немощнаго тѣла не требуйте много, чтобы оно не изнемогло больше, но оказывайте ему снисхожденіе, для сохраненія его силы, дабы, какъ говоритъ Св. Максимъ, имѣть въ немъ соработника въ служеніи лучшему.

Для чего вострепетали Вы 23 Февраля отъ мысли умереть 14 Іюня, когда безъ всякаго предваренія знали, что могли умереть въ тотъ же день, 23 Февраля? «Аще живемъ, Господеви живемъ; аще же умираемъ, Господеви умираемъ,» скоро, или не скоро, предвидѣнно, или непредвидѣнно. Впрочемъ, если мысль о 14 Іюня напоминаетъ Вамъ о приготовленіи къ великому пути, пользуйтесь симъ напоминаніемъ, уготовляя себя очищеніемъ, вѣрою, молитвою, любовію. Сонъ еще не пророкъ; о пророкѣ учитъ пророкъ Іеремія: «Пришедшу слову, познаютъ пророка,» то есть, когда придетъ срокъ предсказанія, и оно исполнится, тогда только, а не прежде, можно знать, что это подлинно пророкъ и предсказаніе. И такъ пользуйтесь напоминаніемъ къ полезному, которое хорошо, какъ бы ни пришло, но не связуйте и не смущайте себя мыслію о днѣ и часѣ невѣдомомъ и послѣ напоминанія о немъ.

Легкаго вѣтра легкомысленныхъ словъ человѣческихъ не пре-

вращайте въ бурю... Иная клевета изгоняетъ, приводитъ въ нищету, повергаетъ въ темницу: это тяжко. А то не легче ли, когда клевета проходитъ мимо ушей, какъ вѣтеръ? Вниди въ клѣть твою, и не слушай шума вѣтра.

Не будемъ торопливы. Торопливая поспѣшность можетъ причинить болѣе медленности въ послѣдствіи, нежели дѣйствованіе не спѣшное, съ осмотрительностію.

9. Къ Гавріилу, Архіепископу Рязанскому.

Послушники, изъ разныхъ состояній съ увольненіями, естьли не опредѣлены въ монастырь Указомъ, не принадлежатъ къ духовному вѣдомству, и по тому не йдутъ подъ Указъ о разборѣ. Изъ нихъ неодобряемаго въ поведеніи надобно просто выслать за монастырскія ворота. Опредѣленные Указомъ, и неодобряемые въ поведеніи, или прямѣе, безнадежные, должны быть отданы въ военную службу. А одобряемые въ поведеніи, хотя и сверхштатные, должны быть оставлены. Таковъ, по моему мнѣнію, смыслъ Указа.

Ученики, исключенные по окончаніи Философскаго курса, не слѣдуютъ къ разбору: слѣдственно, также исключенные изъ Богословіи, поелику и они окончили курсъ Философскій. Изъ приведеннаго выраженія Указа слѣдуетъ, что исключенные изъ Философіи прежде окончанія курса слѣдуютъ въ военную службу. Такъ разрѣшилъ я своей Консисторіи. Ученики, исключенные за худое поведеніе, изъ какого бы класса ни были, должны быть отданы въ военную службу, по общему разуму Указа, хотя о семъ нѣтъ въ немъ особой статьи.

Приватно обучающіеся, по моему мнѣнію, принадлежатъ къ разряду исключенныхъ, доколѣ не приняты въ училище формально, и по тому слѣдуютъ въ военную службу. Но мои Консистористы думаютъ иначе, придираясь къ слову обучающіеся, поставленному въ докладѣ. Я думаю представить о семъ на разрѣшеніе Св. Синода.

Впрочемъ, слушаясь Васъ, я пишу толкованія на такой актъ, въ составленіи котораго я не участвовалъ, и который и для меня во многихъ случаяхъ не сказываетъ, что хотѣли сказать сочинители. На примѣръ, они говорятъ: «Единственнаго сына пятидесятилѣтняго Священника, дѣйствительно служащаго, имѣющаго мѣсто и содержаніе, такого Священника сына оставить ему въ подпору.» А

единственнаго сына сорокадевятилѣтней вдовы, безмѣстной, бездоходной, имѣющей, можетъ быть, еще дочерей на рукахъ: не во сто ли разъ нужнѣе оставить ей въ подпору? Но они не говорятъ о семъ. Подумываю и о семъ представить; но еще нѣтъ въ виду просьбы сего рода, и непріятно доводить и у насъ до того, что не рѣдко у свѣтскихъ, чтобы на одинъ законъ было много дополнительныхъ постановленій; и когда поворотиться въ четыре мѣсяца?

Правительство обращаетъ вниманіе на то, какъ помѣщики Католики вредятъ Православію, и не дѣлаютъ должнаго для церквей Православныхъ. Можно надѣяться, что побудятъ.

Выдавать ли окладъ мѣщанамъ, правящимъ должность за Дьячковъ? Не умѣю отвѣчать: по тому что законъ не знаетъ сего, а требуетъ Дьячковъ.

Въ отношеніи къ людямъ разныхъ Исповѣданій надобно со всею свободою и силою открывать убѣжденіе въ достоинствѣ Православнаго Исповѣданія; но въ обличеніи заблужденій и заблуждающихъ терпимость, спокойствіе, кротость, снисхожденіе, осторожность, также нужны, какъ и ревность.

Просить ли перенесенія мощей Преподобныя Евфросиніи, надобно много подумать, прежде нежели рѣшиться. Естьли при семъ Богу угодно будетъ явить руку свою, какъ теперь въ Воронежѣ: польза очевидна. Но кто разумѣ умъ Господень? Кто предскажетъ, что сотворить угодно Ему будетъ? Естьли же дѣло будетъ состоять въ одной церемоніи: то враги найдутъ, что сказать противъ сего.

Мы слушали въ Комиссіи Д. У. два представленія объ одномъ предметѣ въ противномъ смыслѣ: Ваше и Преосвященнаго Подольскаго. [4] Чтобы лучше понять дѣло, я рѣшился предложить Вамъ обоимъ вопросы. Его спросилъ я: По чему онъ хочетъ закрыть классъ Польскаго языка, когда Вы открываете? А Васъ спрашиваю: По чему Вы открываете классъ Польскаго языка, когда Преосвященный Подольскій хочетъ закрыть оный?

Отзывъ вашъ о Польскомъ языкѣ я предлагаю Ком. Дух. Учил. Онъ имѣетъ свои основанія, хотя противоположное сему мнѣніе Преосвященнаго Подольскаго признано доказаннымъ и у-

---

[4] Кирилла, бывшаго Архіепископомъ Каменецъ Подольскимъ, съ 1832 по 1841 годъ; скончался въ Петербургѣ погребенъ въ Лаврѣ. О. Б.

тверждено. Желательно видѣть переводъ, или извлеченіе лучшаго изъ книгъ, писанныхъ на Польскомъ языкѣ въ защиту нашей Церкви.

Латины умѣютъ доказать Правительству, что надобно быть Епископу и тамъ, гдѣ онъ не нуженъ. Будемъ умѣть доказывать истину такъ, какъ они умѣютъ доказать, что хотятъ.

Естьли я забылъ отвѣчать Вамъ на вопросъ о крещеніи дѣтей родителей разновѣрныхъ въ Православной Вѣрѣ: то отвѣчаю. Поелику въ законѣ не означено ни будущаго срока, ни изключенія: то онъ со времени изданія дѣйствуетъ на все, и на браки, и на крещеніе рожденныхъ отъ браковъ, связанныхъ прежде закона, тѣмъ паче, что трактатъ, служившій основаніемъ прежнему порядку, давно умеръ съ Рѣчью Посполитою. Но, безъ сомнѣнія, не безъ споровъ будемъ.

А выпискою изъ Польской книги: «Согласіе и разность Вост. и Запад. Ц.» (естьли нельзя имѣть полнаго перевода) особенно меня обяжите. При семъ прошу упоминаемыя брань и клеветы перевесть безъ уменьшенія и ослабленія. Надобно знать вещь, какъ есть, чтобы поступить, какъ должно.

За переводъ изъ Польской книги много благодарю. Мнѣ хочется сдѣлать къ «Разговорамъ о Православіи» прибавленія, которыя бы служили противуядіемъ, не касаясь впрочемъ, бранныхъ словъ, которыя остаются въ распоряженіи того, кто ихъ произноситъ. Но не знаю, какъ позволятъ недосуги. Довольно некстати между тѣмъ вышло новое Русское изданіе «Разговоровъ» и я прежде помышлялъ, въ случаѣ новаго изданія, пересмотрѣть книжку, а думать о новомъ изданіи не почиталъ принадлежащимъ до меня.

О новокрещенномъ Сергіи давно хочу писать къ Вамъ: къ немощи и дѣла должностныя всегда дѣлаютъ меня медленнымъ и неисправнымъ въ письмахъ. Онъ сначала испугалъ меня раввинскою ученостію, которая казалась ему очень важною, но въ которой я не видалъ убѣдительности. Я сказалъ ему рѣшительно, что ни его учености, ни его книгѣ, ничего не обѣщаю: а естьли онъ желаетъ Христа и спасенія, то посмотримъ. Богъ далъ ему смириться предъ симъ, и я утѣшенъ былъ, что, по крещеніи его въ утренніе часы праздника Преподобнаго Сергія, въ сей праздникъ на торжественной литургіи могъ пріобщить его Трапезѣ Господней и имѣть съ собою за нашею соборною трапезою, поставляемою,

по обычаю нашей Лавры, въ церковной трапезѣ. Теперь, когда смиреніе и ближайшее познаніе Христіанства научило его лучше употреблять, что онъ знаетъ, надобно отдать ему справедливость, что Еврейскія его познанія несравненно выше познаній вашего Темкина, которому (мимоходомъ сказать) ни какъ не надлежало попускать печатать Еврейскими буквами: «Родица Дѣва:» слишкомъ грубо, прегрѣшительно, естьли не небла гонамѣренно.

Теперь забота какъ бы употребить Сергія, съ миромъ для него и съ пользою общею. Не дадите ли Вы мнѣ мысли? А при томъ отъ него и отъ меня есть къ Вамъ просьба. У него остался въ вашемъ краю сынъ, котораго ему хочется пріобрѣсть въ Христіанство. Естьли писать къ нему о семъ прямо: то возбудится противоборство, и ему помѣшаютъ. Отцу думается, что естьли бы сынъ какимъ нибудь случаемъ попалъ къ намъ, и могъ слушать отца, не бывъ смущаемъ другими: то, вѣроятно, покорился бы истинѣ. Не придумаете ли Вы средства открыть сему путь безъ преткновеній? Сдѣлайте, что можете, или скажите, что могли бы мы сдѣлать.

Разговоръ его о Уніи, признаюсь, не прельстилъ меня. Самыя имена Іосафата и Семена представляютъ неприличный намекъ на лица, стоящія рядомъ подъ сими именами. Прилично ли рисовать такія картины, какъ: Уніатскій Священникъ, взявши у мужика послѣднюю овцу, и съ нею, въ картузѣ, съ крестомъ, сидящій на телѣгѣ? Что, естьли Неправославные вздумаютъ рисовать подобнымъ образомъ Православныхъ Священниковъ? Прилично ли говорить, что Латинскіе Попы дѣйствуютъ для того же, для чего дьяволъ? Послужитъ ли сіе къ утвержденію Православія? И что, естьли Неправославные вздумаютъ отвѣчать Православнымъ подобными нѣжностями?

Не больше усладилъ меня поддѣльный разговоръ панагіота съ азимитомъ, гдѣ сочинитель не умѣлъ даже притвориться знающимъ Славянскую Грамматику. Не уже ли прекрасно сказано, что Папа безъ брады—истая обезьяна? Не уже ли позволительно бритвенную язву на брадѣ называть печатью Антихриста? Подумалъ ли сочинитель, кто въ Россіи употребляетъ брадобритіе, и на кого хочетъ онъ положить Антихристову печать? Не стыдно ли мнимому панагіоту грезить съ Стоглавнымъ Соборомъ и съ раскольникамп, будто есть правило, запрещающее и молиться за брадобритыхъ? Стыдно переговаривать болѣе нелѣпости сихъ разговоровъ. Совѣ-

тую Вамъ сжечь сіи грамотки, которыя, естьли дойдутъ до Правительства, не принесутъ ни чести, ни удовольствія, ни сочинителямъ, ни распространителямъ.

Вредъ отъ Уніатскихъ духовныхъ, остающихся безъ мѣстъ по обращеніи приходовъ, долженъ быть принимаемъ въ разсчетъ при предварительномъ соображеніи предосторожностей при обращеніи. Ибо людей сихъ нельзя уничтожить, или перетворить. Надобно, чтобы обращеніе созрѣвало подъ дѣйствіемъ слова силы и духа: тогда оно надежно, а не тогда, когда болѣе рукою плоти совершается.

Сына новопросвѣщеннаго Сергія, видно, трудно просвѣтить, когда онъ отъ тьмы душевной дошелъ до тьмы темницы. Въ такомъ случаѣ, естьли и освободится, едва ли полезно будетъ посылать его къ отцу. Изъ сего можетъ только произойти затрудненіе отцу и намъ. Развѣ не клеветою ли доведенъ онъ до настоящаго своего положенія?

Правила о крестномъ родствѣ неясны. Въ Указѣ 1810 года хотѣли слишкомъ облегчить ихъ, но и опасались пререканія: отъ того выразились темно и вошли въ противорѣчіе съ Соборными Правилами. Соборное Правило запрещаетъ двѣ степени въ семъ родствѣ; сего, по моему мнѣнію, и должно держаться, и при томъ имѣть въ виду, что и по Кормчей книгѣ крестное родство не дѣйствуетъ на боковыя степени.

Еще не излишнимъ считаю обратить вниманіе ваше на слышанное нынѣ мною отъ Симоновскаго Архимандрита, будто отчетъ о построеніи Симоновской колокольни предполагается препроводить въ Государственный Контроль. Чѣмъ болѣе онъ искусенъ получать вѣсти, тѣмъ менѣе я полагаюсь на сіе искуство. Но на случай скажу, что какъ въ семъ дѣлѣ деньги не казенныя, а данныя вкладчикомъ въ монастырь, и, слѣдственно, монастырскія, или церковныя, то подведеніе сего дѣла подъ ревизію Государственнаго Контроля не отворило бы сему Контролю дверей къ суммамъ, отъ которыхъ съ трудомъ ихъ затворили, при попечительномъ содѣйствіи Графа Николая Александровича. [5]

Споспѣшествуйте охраненію ученія отъ уклоненій, благонамѣ-

---

[5] Пратасова.

ренныхъ по цѣли охранить преданіе, но не безопасныхъ по мыслямъ, унижающимъ достоинство Священнаго Писанія. [6]

Естьли «Маякъ» хочетъ провозглашать догматъ о преданіяхъ: какая бѣда? Пусть хотя одинъ журналъ свѣтскій проповѣдуетъ догматы, когда многіе празднословятъ противъ догматовъ и заповѣдей!

Непохвально, по моему мнѣнію, похвалами человѣку недостойному освобождать отъ него одно мѣсто, чтобъ обременить имъ другое. Впрочемъ, можетъ быть тогда, когда мнѣ похвалили Лаврентія, еще не прозябло въ немъ то, что теперь процвѣтаетъ неблагоухающими цвѣтами. Богъ да поможетъ Вамъ привести его въ разумъ истины.

Надъ Штатами трудимся и мы, и еще не знаю, какъ выйдемъ изъ сего труда, многими обстоятельствами затрудняемаго. Уже нѣсколько сотъ безмѣстныхъ учениковъ бѣдныхъ имѣемъ. Что будетъ, естьли еще многія цѣлыя семейства, по сокращеніи Штатовъ, останутся безъ пропитанія? Священникъ съ однимъ причетникомъ какъ будетъ исправлять службу алтарную и клиросную, чтеніе и пѣніе? Что будетъ съ церковнымъ правиломъ о невхожденіи мірскихъ въ олтарь, которое и теперь уже не точно соблюдается? При забвеніи его не уменьшится ли, не потеряется ли, благоговѣніе къ олтарю, такъ прекрасно отличающее Православную Церковь?

Странная у насъ судьба книгъ! Въ иныхъ и вредное не преслѣдуется, а въ иныхъ строго преслѣдуется то, что хотя и не совсѣмъ правильно и непріятно, но невредно.

А что я думалъ о семъ и ранѣе, то покажетъ Вамъ приготовленный и препровожденный къ Вамъ (надѣюсь, и полученный Вами) списокъ съ записки о текстѣ седмидесяти толковниковъ и о Славенскомъ текстѣ Библіи. [7] Она составлена по нѣкоторому весьма немаловажному требованію, и по сему самому была подвергнута сужденію нѣкоторыхъ изъ братій нашихъ, старѣйшихъ и опытнѣйшихъ, и предложенное въ ней удостоено ихъ согласія. Сообщаю Вамъ оную, по братской довѣренности, для того, что въ ней можете найти причины, по которымъ и я полагалъ бы, согласно съ Вами, пріостановиться благословеніемъ на предположеніе Архимандрита Поликарпа

---

[6] Замѣчанія М. Филарета на «Руководство къ Герменевтикѣ,» въ «Чт. въ О. Л. Д. Пр. кн. V, стр. 151—167.

[7] Она напечатана въ «Прибавленіяхъ» къ 3-й книжкѣ «Твореній Св. Отцовъ въ Русскомъ переводѣ», за 1858 годъ, и отдѣльно.

сдѣлать новый переводъ текста Седмидесяти Толковниковъ... Не рѣдкая въ наше время черта, что нѣкоторые люди мнятъ знать дѣло, ревновать о пользѣ, службу приносити Богу, а въ самомъ дѣлѣ угадываютъ (и то не всегда удачно) мысль, которая теперь въ модѣ и покровительствуется сильными, и служатъ ей, въ надеждѣ, что и она имъ послужитъ. Не такъ созидается истинное благо Святыя Церкви. Простите меня.

Что въ моихъ «Словахъ» и «Рѣчахъ» находятъ несовершенства, противъ того не имѣю ни малѣйшаго спора. И естьли въ нихъ внутренній недостатокъ окруженъ типографской каймою, то внутренній недостатокъ приналежитъ мнѣ, но койма отнюдь не мнѣ, а издателямъ, которымъ, послѣ настоятельной просьбы, отдалъ я рукопись безъ всякихъ условій, и хоть потомъ, увидѣвъ образецъ изданія, говорилъ, что роскошное изданіе не обогатитъ содержанія книги, но они поставили на своемъ.

Да поможетъ Вамъ Богъ устроить дѣло Штатовъ сельскаго духовенства. Намѣреніе благодѣтельное: но исполненіе не легко, при возрастающемъ избыткѣ. Говорятъ, въ Епархіяхъ, гдѣ дѣло въ полномъ ходу, и то оказывается, что оклады не удовлетворяютъ, а прихожане взыскательно много требуютъ отъ Священника, какъ отъ работника, которому уже заплачено. Со мною опять особенное. Всѣмъ окрестнымъ Епархіямъ по сему предмету предписано, а мнѣ еще нѣтъ. Видно, Провидѣніе сей трудъ предоставляетъ не такъ немощному, какъ я, моему преемнику. Между тѣмъ умноженіе опытовъ поможетъ благонадежности распоряженій. Московскую Епархію при сокращеніи Штатовъ труднѣе успокоить, нежели другую. Она привыкла къ полному и благолѣпному чину священнослуженій. Въ маленькомъ селѣ находятъ неблаголѣпною службу, естьли нѣтъ Діакона, и докучаютъ просьбою, чтобы дали Діакона. Что причетнику одному при церкви неудобно быть, по разнымъ причинамъ, о томъ я представлялъ мое мнѣніе Св. Синоду, и въ проектѣ Штата при церквахъ Московской Епархіи вездѣ положено по два причетника. До сихъ поръ предписанія по сему не имѣю, и желаю мудрости моему преемнику для сего труднаго дѣла. Судъ Божій за наши грѣхи въ томъ, что тогда, какъ людей дѣвать нѣкуда, еще уменьшаютъ мѣста. При семъ приходитъ на мысль на всякій случай просить вашего вразумляющаго слова, что бы можно было придумать, чтобы

избыточествующему числу дѣтей духовенства дать законное постоянное въ обществѣ существованіе, дѣло и хлѣбъ?

Второбрачныхъ причетниковъ допускать до жертвенника было бы не совсѣмъ противно правиламъ, естьли бы жертвенникъ устроялся и нынѣ, какъ въ древнихъ церквахъ, отдѣльно отъ олтаря. Но нынѣ во многихъ церквахъ нельзя иначе подойти къ жертвеннику, какъ подходя близко къ престолу. По сему, думаю, лучше перемѣщать второбрачнаго причетника къ такой церкви, гдѣ олтарную должность можно поручить другому. Немощны мы нынѣ для строгаго исполненія правилъ: но, съ другой стороны, ослабленіе правилъ въ клирѣ, въ однихъ рождаетъ неуваженіе къ клиру, въ другихъ увеличиваетъ небреженіе о себѣ самихъ. Естьли церковники не исполняютъ древнихъ правилъ: по чему мірянину не жить какъ захочетъ? Мнѣ кажется, жестоко не допускать причетническихъ дѣтей до высшихъ классовъ ученія, и не полезно, по тому что Провидѣніе не обязано лучшія способности давать священнослужительскимъ дѣтямъ, а церковнослужительскимъ въ семъ отказывать.

Знаю, что Директоръ Придворной Капеллы жалуется на здѣшній Комитетъ и на меня. Но что дѣлать? Онъ желаетъ, чтобы мы сказали о его предложеніяхъ, что это всѣ прекрасно. А мы, не умѣя, можетъ быть, судить о прекрасномъ, говоримъ только: «Это сходно съ древнимъ напѣвомъ, а это не довольно сходно и не удовлетворяетъ слуха, привыкшаго къ древнему.» Справедливо ли послѣднее, или нѣтъ, желалъ бы я слышать ваше мнѣніе.

Нынѣшнее время говоритъ строго, какъ Іоаннъ Креститель. А мы, кажется, мало приносимъ плодовъ покаянія, чтобы отдалить сѣкиру отъ корене древа. Молитесь о Православной Церкви и о Православномъ Отечествѣ. Помолитесь и о моемъ недостоинствѣ.

10. Къ управлявшему Московскою Митрополіею, Августину.

Недавно претворенные изъ учениковъ наставники вскорѣ предстанутъ лицу Вашего Преосвященства.... Дабы пріобрѣсти имъ начало вашего вниманія, позвольте, Преосвященнѣйшій Владыко, напомнить, что они, какъ ученики ученика вашего, суть, хотя еще не возрастшіе, потомки вашего духа вѣдѣнія. [8]

---

[8] Митрополитъ, тогда еще Ректоръ Духовной С.-Петербургской Академіи, лю-

По прочтеніи предъидущей половины листа, да не въ трудъ будетъ Вашему Высокопреосвященству отдѣлить сію, на случай прихода Матѳея Яковлевича: [9] пусть она скажетъ ему, что его порученіе къ Осипу Кирилловичу [10] исполнено; что за присланныя мнѣ, на дорогу, похвальное слово и ананасъ, оба со вкусомъ, я покорнѣйше благодарю; что первое изъ нихъ съ великимъ удовольствіемъ читаю въ дорогѣ, а послѣдній съ великимъ тщеславіемъ предложенъ на Юрьевской трапезѣ Новгородцамъ.

Есть и даръ, принесенный на землю воплощеніемъ, есть миръ, Воплотившійся Начальникъ мира, посланники Его служители примиренія, вѣрующіе въ Него сыны мира, причастники блаженства Его миротворцы: то Ваше Высокопреосвященство имѣете особенный въ Христіанствѣ жребій благовѣствовать и миръ собственно Божіей Церкви, коея свѣтильникъ подвигнулся было гнѣвомъ Божіимъ, и миръ собственно на земли сынамъ несчастія и жертвамъ страшной брани. [11]

По самой скорости, съ какою одно изданіе слѣдуетъ за другимъ [12] Ваше Высокопреосвященство примѣтите, что это не плоды трудовъ, но цвѣтъ весенній, или, можетъ быть, вмѣстѣ и осенній листъ, разносимый вѣтромъ. Такъ и бываетъ, что сперва цвѣтутъ пустоцвѣтомъ, а потомъ уже научаются приносить плодъ. Пусть сей пустоцвѣтъ предваряетъ плоды, возбуждая ревность произвести вмѣсто слабаго совершенное.

II. Къ Игуменіи Зачатейскаго въ Москвѣ монастыря Аполлинаріи (Шуваловой).

Игуменія М., видно, поговариваетъ совѣсть, что ея сестры частенько приходятъ въ Москву. Въ такомъ случаѣ, лучше не ко мнѣ, а къ совѣсти, представлять оправдательныя причины, чтобы имѣть миръ, если онѣ удовлетворительны.

билъ и уважалъ Августина, какъ «своего прежняго наставника», какъ ученикъ учителя, «съ сыновнею признательностью.»

[9] Мудрова, Професора Медицины въ Московскомъ Университетѣ.

[10] Лейбъ Медику Каменецкому.

[11] Августину суждено было возстановить поруганную въ Москвѣ святыню послѣ святотатственнаго пребыванія въ ней Наполеона. (Очерки жизни Московскаго Архіепископа Августина. Соч. И. М. Снегирева).

[12] «Начертаніе Церковной Библейской Исторіи,» и «Записки на Книгу Бытія.»

Пчелы улетаютъ изъ улья и возвращаются, принося медъ: монахи выходятъ изъ монастыря, и часто возвращаются потерявъ не мало меда, и принося что нибудь не такъ хорошее, какъ медъ.

Увѣренности о мирѣ души ея не должно препятствовать слышанное Вами сужденіе о ея болѣзни. Душа, постоянно ищущая Господа и молящаяся, принадлежитъ Ему, не смотря на то, что нижняя чувственная область ея, иногда, противъ ея воли, волнуется прираженіемъ и дѣйствіемъ несродныхъ ей силъ.

Не излишне имѣть осторожность отъ многоглаголанія письменнаго, такъ же какъ и словеснаго.

О юношѣ, ищущемъ добраго пути, надобно имѣть добрую надежду и молиться за него: а восхищаться имъ еще рано.

Относительно вашей холодности къ тѣмъ, которые Вамъ оказываютъ холодность, не осуждаю Васъ, и не требую отъ Васъ ничего особеннаго: только внимайте себѣ, чтобы видъ холодности, показываемый нѣкоторымъ, для назиданія другимъ, не перешелъ въ чувство холодности, и не повредилъ любви. Обхожденіе простое, мирное, спокойное, какъ безъ изысканной ласки, такъ и безъ ухищряемой холодности, полезно въ отношеніи къ немирнымъ и не повредитъ мирнымъ.

Естьли бы мы были монахи: то взирали бы въ чертогъ Небеснаго Жениха, и не домогались видѣть чертогъ Царя земнаго. Но какъ мы еще дѣти: то надобно позволить заглянуть на Царское великолѣпіе, съ молитвою за Царя.

На что позволять всякому вѣтру слова человѣческаго колебать себя? Трава колеблется отъ вѣтра, и успокоивается, когда онъ пройдетъ: слово прошло мимо Васъ, а Вы не перестаете колебаться. Надобно человѣку, и особенно человѣку вѣрующему, быть тверже травы.

12. Къ Гавріилу, Архіепископу Тверскому.

Владыка (С.-Петербургскій Михаилъ) совершилъ свою проскомидію, и принесъ себя Богу на вѣки. Смерть его честна. Обыкновенная кротость его въ послѣднее время наипаче въ немъ просіяла. Нѣсколько послѣднихъ дней ежедневно пріобщался Св. Таинъ. Послѣднія сутки были тяжки тѣлесно: впрочемъ, и сіе страданіе было тихо. 24 дня прошедшаго мѣсяца, послѣ вечерни, когда въ домовой церкви его пропѣли: «Нынѣ отпущаеши раба твоего», онъ предалъ

духъ. Я видѣлъ его въ самые легкіе и самые трудные часы его болѣзни; въ сіи послѣдніе особенно можно было чувствовать себя у предѣла вѣчности. Оплаканъ онъ усердно, погребенъ благолѣпно. Мнѣ приходитъ на мысль смерть Іоддая и Іосіи. Молитесь, любезный братъ! Не Епархія, но Іерархія сиротствуетъ. За нѣсколько дней до кончины Владыки одному видѣлся сонъ: огромный столпъ, съ вѣнцомъ на верху, съ громомъ разрушился. Господи, Господи! Зданіе и такъ ветхо, бури съ часу на часъ усиливаются; и въ сіе время столпъ, на которомъ лежалъ самый сводъ, разрушается! Чего намъ ждать?

Катихизисъ толковать на Греческомъ я бы не умѣлъ. И замѣчалъ не въ малолѣтнихъ даже, что чужой языкъ задерживаетъ ходъ понятій. Мнѣ кажется, ученіе Вѣры должно превращать училище въ церковь; а смѣшеніе съ симъ обученія языку превращаетъ Церковь въ дѣтское училище.

Посѣтилъ меня на сихъ дняхъ вручитель письма Вашего, не такъ краткій, какъ ваше письмо.

Косые взгляды, несправедливо бросаемые, сносите, не отвѣчая косыми взглядами, а просто. Не бойтесь: это не стрѣлы. Для избѣжанія косыхъ взглядовъ не должно же впадать въ человѣкоугодіе и поощрять честолюбцевъ.

Естьли совѣтъ мой не опоздаетъ, поступайте просто, не слишкомъ заботясь и не торопясь, а спокойно исполняя должное, полагаясь на волю Божію и на сердце Царево. Въ рѣчи не хвалите Государя, а говорите что нибудь полезное и правдивое, и то не много. Можетъ быть, я худо сіе исполнилъ, но какъ умѣлъ, и по совѣсти; и потому рѣчь мою Вамъ посылаю.

13. Къ Николаю, Епископу Дмитровскому. [13]

Архіепископъ Ириней Указъ о своемъ отрѣшеніи объявилъ подложнымъ, потому что письменный, и просилъ себѣ защиты солдатъ на главной гауптвахтѣ. Смѣю сказать, что я въ въ предъидущіе годы указывалъ сѣмена того, что теперь созрѣло: но меня не поняли, или не хотѣли понимать.

---

[13] Въ послѣдствіи Калужскому.

О Иркутскѣ здѣсь дурные слухи. Или испорчено въ разсказѣ приключеніе Архіепископа, или онъ успѣлъ, вмѣстѣ съ собою, свести съ ума многихъ, что и нѣкоторыя письма показываютъ. Новое повѣтріе нынѣшняго времени есть сумасбродство.

Прочитайте мою длинную резолюцію по дѣлу о Діаконѣ, упорствовавшемъ въ писаніи метрическихъ книгъ, и въ дѣлѣ о семъ упорствѣ, и скажите, какъ Вамъ кажется. Естьли Вы согласитесь, что я нашелъ въ дѣлѣ болѣе правды, нежели Консисторія: то выведете заключеніе, что въ дѣлахъ запутанныхъ не надобно останавливаться на опредѣленіи, а разбирать самое дѣло. Стараніе сіе тѣмъ болѣе нужно, когда есть опасеніе, чтобы не пострадалъ человѣкъ, хотя безтолковый, но незлобивый. Иное дѣло, когда бы виноватый потерпѣлъ менѣе должнаго; сіе скорѣе пропустить можно.

Сказалъ нѣкто, что Богъ не потребовалъ бы Авраамовой жертвы отъ матери. Остроуміе тупое въ познаніи таинъ вѣрующаго сердца! Вѣрный Авраамъ страдалъ ли столько при жертвѣ своего сына, сколько Преблагословенная Марія при крестной жертвѣ Своего Сладчайшаго Сына?

Глазъ моихъ и съ очками часто не достаетъ для сего бумажнаго вѣка. Синодальной Конторѣ, которая хочетъ посвятить двоеженца, отвѣтъ простъ: развѣ она можетъ сжечь Кормчую книгу, гдѣ сіе запрещено? И естьли, по несчастію, извѣтъ (о двоеженцахъ) докажется, будетъ зло многимъ, а добра не будетъ никому. Такъ я думаю, потому что такъ думать велитъ законъ. А господинъ законъ, по моему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія не менѣе, какъ господинъ Прокуроръ, хранитель закона, который, видно, расположенъ не сохранять, а схоронить, законъ о двоеженцахъ.

Странный вѣкъ! По старымъ законамъ—злоупотребленія, по новымъ то и дѣло—недоразумѣнія.

Въ заглавіи шутовскаго представленія поставить идею преставленія свѣта: правда, что нелѣпо. Но вѣкъ сей такъ страстенъ къ безпорядку и вздору, и такъ забылъ первыя начала здраваго смысла и приличія, что между ревностію строгою, которой онъ не помышляетъ и не выноситъ, и между недостаткомъ ревности, преступнымъ противъ истины, трудно пробираться тропинкою ревности терпѣливой.

Сегодня у насъ еще выборъ въ Тамбовъ, а можетъ быть и на мѣсто Экзарха. Между тѣмъ Астраханскій приказалъ выбирать на

свое мѣсто. Какъ былiе падаютъ Архiереи: а не такъ скоро выростить Архiерея, какъ былiе. То правда, что Архiереевъ перетаскаваютъ слишкомъ часто. Но что будешь дѣлать? Въ Синодѣ соглашаются съ симъ замѣчаніемъ; а когда дойдетъ до выбора, поступаютъ по прежнимъ примѣрамъ. Недавнія перемѣщенія всѣ опредѣлены были особенными причинами. Сокращенія могли быть только по предвидѣнію заранѣе. Но и сіе не всегда возможно. Можетъ быть, найдется случай представить Государю Императору мысли противъ частыхъ перемѣщеній, которыхъ и онъ не изволитъ любить безъ нужды.

Сказаніе о монахинѣ въ трактирѣ, къ сожалѣнію должно быть справедливо. Это должна быть та же, которая явилась въ Серпуховѣ, имѣя у себя свѣчи, ладонъ, портретъ Юрьевскаго Архимандрита и Г. А. А., [14] билетъ во 100,000 руб. и пр. Владыка сказалъ въ Синодѣ, что О. Фотій боленъ: тутъ неудобно было говорить о подробностяхъ. Другіе говорятъ, что онъ все роздалъ, и наложилъ на себя молчаніе: Богъ да устроитъ все во благо и спасеніе душъ!

Церкви малоприходныя и близкія къ другимъ, если нѣтъ особенныхъ обстоятельствъ, Вы назначайте къ приписке: а я, сколько можно, буду откладывать сіе, или иногда просить имъ помощи.

Послушайте, и скажите мнѣ, что будутъ говорить о томъ, что Алексѣевскій монастырь снимется съ мѣста. Что жъ дѣлать? Храмъ надобенъ среди Москвы; а среди ея не найдешь пустаго поля. Значеніе Алексѣевскаго монастыря не очень велико. Память Святителя Алексія остается сохраненною въ важнѣйшихъ памятникахъ. Монастырь не уничтожится, а переведется. Я защищаю сію мысль безпристрастно: ибо я не подавалъ оной. А не худо показывать правую сторону сего дѣла людямъ, которые охотнѣе заглядываютъ на лѣвую. Спасоборскій монастырь переведенъ же за городъ, и названъ Новоспаскимъ: почему жь и женскій Алексѣевскій не перенесть съ люднаго мѣста на другое, болѣе тихое, и не назвать Новоалексѣевскимъ?

Консисторія все гнѣвается, что ее побуждаютъ: а дѣла все являются въ такой оплошности, что мнѣ стыдно видѣть, какъ до сихъ поръ не умѣлъ я побудить къ исправности... Вамъ все одно

---

[14] Графини А. А. Орловой-Чесменской.

и тоже: дремлютъ, сердятся, когда будятъ, и опять дремлютъ. Да не дремлите, такъ не будутъ будить, и вы не будите сердиться.

По моему мнѣнію, женскій полъ надобно учить больше рукодѣлію и хозяйству, нежели наукамъ. Но и то хорошо, чтобы мать могла давать дѣтямъ начальныя познанія. Въ какомъ не долѣланномъ видѣ представляетъ свои дѣла Попечительство! Иное даже смѣшно. Напримѣръ: «Обязанность Смотрительницы есть ставить дѣтей виноватыхъ въ уголъ.» Экая обязанность! А естьли Смотрительница поставитъ дитя къ двери: это будетъ преступленіе противъ обязанности? Удивительное законодательство!

Скучаю я, что у меня часто не достаетъ памяти и напоминателей. Есть счастливые начальники, за которыхъ сотрудники и подчиненные и мыслятъ и дѣйствуютъ. Я желалъ бы хотя не цѣлаго сего счастія, но половины онаго.

Я вовсе не одобряю правила: лгать, чтобы не безпокоить. Какъ бы ни была истина горька, она все слаще лжи. Естьли Богъ посылаетъ на меня уничиженіе въ какомъ либо скорбномъ приключеніи, кто смѣетъ поправлять путь Провидѣнія? И зачѣмъ хотятъ меня лишить наставленія, которое мнѣ Богъ посылаетъ? Естьли человѣкъ обманулъ меня однажды, подъ предлогомъ, чтобы не безпокоить: не должно ли мнѣ каждую минуту опасаться, что онъ и теперь меня въ чемъ нибудь обманываетъ? Такъ для того, чтобы не безпокоить однажды, лишаютъ спокойствія навсегда и разрушаютъ довѣренность.

Кажется, Вы не писывали ко мнѣ репортовъ; что вздумалось теперь? Я думалъ, что я одинъ на свѣтѣ Архіерей къ Архіерею писалъ рапортъ: но мнѣ приказали, а я отъ Васъ не требовалъ сей формы. Она выражаетъ только подчиненность: а старшимъ Архіереямъ надобно помнить, что младшіе имъ братья Репорта вашего не будетъ въ дѣлахъ.... Съ чего Вы взяли, что рапортъ вашъ ввелъ меня въ сомнѣніе непріятное для Васъ? Совсѣмъ нѣтъ. А я взялъ подозрѣніе на себя, не разсказывалъ ли я когда нибудь Вамъ, какъ мнѣ, въ бытность Викаріемъ, велѣно было подать рапортъ, даже безъ надобности, и я подалъ; а изъ моего разсказа не взяли ль Вы мысли, будто и мнѣ тоже необходимо?

Скажите Благочинному монастырей, чтобы посѣтилъ подворье, посмотрѣлъ, доставляются ли больнымъ удовлетворительныя пособія врачебныя и прочія, и далъ Анастасію нужные совѣты. Хотя часть

жителей подворья теперь въ Петербургѣ: но, можетъ быть, тамъ и теперь еще тѣсно. Въ такомъ случаѣ часть комнатъ верхняго этажа употребить можно, чтобы размѣстить людей просторнѣе.

Бывшій Тарасій и еще существующій Антоній суть лопаты, (очень грязныя сами), которыя, однако, служатъ къ очищенію грязныхъ монастырей. Но не надобно слишкомъ раскидывать грязь, чтобы не загрязнить и чистаго.

А когда будете возлагать палицу на Протоіерея Никитскаго: то скажите, что я, прибавляя ему сію статью въ послужной списокъ, прошу его исключить изъ своего списка статью о пожалованной табакеркѣ. Естьли бы раскольникамъ попался сей списокъ: то они вырвали бы его, и стали бы показывать своимъ въ упрекъ намъ.

Призовите Кадашевскаго Священника и скажите ему, что плохо велъ онъ дѣло объ иконостасѣ, и мнѣ далъ скучную работу, плавать по широкому морю мелко и слѣпо писаннаго дѣла, и собирать обломки правды, которую ябеда отвѣтчика и неловкость истца-Священника разбили. Пусть прочитаетъ, что я писалъ, не нужно ли ему сіе знать, и лучше ходить по дѣлу въ Сенатѣ, нежели ходилъ въ нижнихъ мѣстахъ.

Естьли Андроніевскій и Секретарь оправдываются: то, стало быть, виноватъ я. Въ такомъ случаѣ пусть пришлютъ оправданіе и дѣло: я готовъ повиниться предъ ними. Но что пишите Вы: въ томъ оправданія еще не вижу. Естьли въ дѣлѣ двѣ разныя рекомендаціи: то и въ опредѣленіи надлежало указать на двѣ; или, естьли рѣшились указать на новѣйшую: то надлежало объяснить, откуда она взята. А я стою въ томъ, что я не обязанъ обыскивать всѣ углы дѣла, а все нужное должно быть въ протоколѣ. Естьли хочу повѣрить въ чемъ либо протоколъ: ищу въ дѣлѣ по предмету рекомендаціи въ справкѣ, иногда не нахожу, кричу, что не такъ. Надобно еще замѣтить, что Благочинный вздумалъ лучше рекомендовать Священника, когда рѣчь идетъ о деньгахъ: въ семъ случаѣ особенно надобно было не пропустить, а уважить, прежнюю рекомендацію, данную не для доставленія Священнику денегъ, а просто по правдѣ. Извольте сказать сіе отцу Архимандриту и господину Секретарю; я съ ними не ссорюсь, если они и не оправданы, но надобно, чтобы правда была права, а вина виновата, ихъ ли, моя ли.

Чудовскимъ о хоругви замѣчаніе сдѣлано. Естьли случится, и Вы скажите Намѣстнику, что я сто разъ толковалъ ему, что не чело-

вѣкоугодіе мнѣ надобно, а простая правда, которой притомъ совѣтую ему держаться, даже не разбирая, правды ли хочетъ начальникъ, или человѣкоугодія. Мнѣ кажется, сей совѣтъ годится и дома, и на дорогу.

Пословица не хвалитъ того, кто идетъ за семь верстъ кисель ѣсть. Не знаю, похвалила ли бы она и того, кто идетъ за семь сотъ верстъ конфекты кушать. Но какъ нѣкоторые думаютъ, что они разсуждаютъ лучше пословицы: то увольте, Преосвященнѣйшій, Елоховскаго Протоіерея въ Петербургъ на свадьбу, естьли онъ сего просить будетъ.

Апокалипсисъ дошелъ и до меня. Первоначальный видецъ Новочеркаскій имѣетъ признаки неподдѣльнаго благочестія; и на описаніе видѣній его, по моему мнѣнію, должно смотрѣть съ уваженіемъ. Но изреченіе: «Скоро конецъ,» многознаменательно. Сочинитель толкованія на Апокалипсисъ понялъ сіе изреченіе строго, и изъ того вышло его толкованіе дѣло разума, а не духа, естьли позволить себѣ судить о семъ. Держась за оное изреченіе, о достовѣрности коего онъ былъ увѣренъ и въ неправильномъ разумѣніи коего себя не подозрѣвалъ, онъ усилился всѣ образы Апокалипсиса откинуть на прошедшее, чтобы не опоздалъ скорый конецъ и впалъ, какъ я думаю, не разъ, вмѣсто истины въ односторонность. Это судьба многихъ толкователей, которые хотятъ разумомъ разломать печати Апокалипсиса, прежде нежели сниметъ ихъ духъ и опытъ. Такъ я думаю; а не сомнѣваюсь ни въ здравомысліи, ни въ благонамѣренности г. Золотарева. Скажете: «Чтоже думать о скоромъ концѣ?» Отвѣчаю: гораздо лучше и нужнѣе подумать о увѣщаніяхъ, кои дѣлаетъ видѣцъ и намъ, Священникамъ.

Простите меня ко времени покаянія во всякомъ дѣлѣ неумѣнія и во всякомъ словѣ нетерпѣнія. Мой же духъ съ Вами въ мирѣ и въ любви призываетъ Вамъ миръ Божій.

Дѣла Божія надобно открывать, но вѣрующимъ, или имѣющимъ нужду въ подкрѣпленіи вѣры, а не безъ разбора; а выставленіе оныхъ на показъ, съ побужденіями своекорыстными, наводитъ опасеніе, да не горше что будетъ избавленному. Получившая здѣсь изцѣленіе дѣвица Боде, о которой упоминается въ сказаніи о Святителѣ Митрофанѣ, была въ хорошемъ состояніи, когда мы со Владыкою ее видѣли; ей и матери говорили тогда, что надобно беречь даръ Божій, и она сама проспла тогда благословенія на исполненіе

нѣкоторыхъ предпріятій духовныхъ: но когда она сдѣлалась предметомъ любопытства, и ее не охранили отъ сего, даже разсѣявали, возили въ театръ: то теперь, говорятъ, она впала въ нѣкоторое странное состояніе, похоже на умоповрежденіе.

Но надобно знать, что всѣ Консисторіи на свѣтѣ также дѣятельны для пустой формы дѣлъ, какъ недѣятельны для ихъ сущности.

Я измѣрилъ Московско-Петербургскій путь въ двадцать первый разъ въ моей странической жизни благополучно. И какъ уже много «пришельствова душа моя»: то я очень желаю пройти путемъ симъ не болѣе одного еще раза, для возвращенія въ Москву.[15]

Ваше Преосвященство не отвѣчали мнѣ, согласились ли Консистористы отложить гнѣвъ за резолюцію, посланную въ Серпуховъ. Вотъ другое средство къ примиренію. Естьли я оскорбилъ ихъ, открывъ ихъ недѣятельность Серпуховскому Духовному Правленію. то, надѣюсь, достаточно отмстили они мнѣ доносомъ на меня Св. Синоду въ вѣдомости о нерѣшенныхъ дѣлахъ, будто одно дѣло не рѣшено за моею медленностію. Какъ вѣдомость заключаетъ въ себѣ болѣе 1500 дѣлъ: то легко могло статься, что я, не примѣтивъ сего доноса, подписалъ бы репортъ просто, слѣдственно, призналъ бы отмѣтку правою, а себя виноватымъ и далъ бы Св. Синоду право, безъ требованія объясненія, сдѣлать мнѣ замѣчаніе. Не угодно ли имъ по сему признать гнѣвъ свой удовлетвореннымъ и остаться уже безъ гнѣва?

Наконецъ надобно возвратиться къ Московской заставѣ. У Васильевской церкви Священникъ вышелъ ко мнѣ съ крестомъ изъ лавки. О сихъ случаяхъ я думаю такъ: естьли бы смотрѣть на нихъ, какъ на личную почесть, то лучше всего было бы прекратить ихъ. Но я смотрю на нихъ, и думаю, что должно смотрѣть, какъ на благословеніе Церкви, а кстати, и какъ на испытаніе духовенства въ его чинѣ и устроеніи. Въ такомъ разумѣ я желаю получить благословеніе изъ церкви, а не изъ лавки, и видѣть Священника, дѣлающаго свое дѣло съ толкомъ, а не безъ толка. Онъ скажетъ: «Изъ церкви не видно,» отвѣтствую: «У тебя есть колокольня и звонъ, который скажетъ, когда выйти изъ церкви.»

---

[15] Это желаніе изъявлено было еще въ 1833.

14. Къ А. Н. М. [16]

Здѣсь нужно сказать нѣсколько словъ читателю. У насъ смотрятъ на критику почти всегда не съ лицевой стороны, указывающей достоинства и недостатки разбираемаго произведенія, а съ изнанки, пытаясь раскрыть поводъ и основаніе критики въ пріязни, или непріязни разбирающаго къ сочинителю, переводчику, издателю. Бродя, вотъ уже 60 лѣтъ, по литературному полю, одиночно, средней тропинкой между пишущей братіи всевозможныхъ стремленій и направленій, я съ молоду и до старости открыто высказывалъ свои убѣжденія, правильны ли они, или ошибочны. Не только въ письменныхъ и служебныхъ трудахъ, но и въ жизни, семейной и общественной, я не лукавилъ съ своею совѣстью: что на умѣ, то и на языкѣ. Призванный, не призванный, но чистосердечный цѣнитель всего и всѣхъ—за и противъ—друзей и недруговъ, я не затушевываю, не закрашиваю, не утаиваю въ половину моихъ мнѣній: правда мнѣ всего дороже. Отсюда понятно, что я, какъ издатель многихъ свѣдѣній о жизни и времени Филарета Московскаго Митрополита, вмѣнилъ въ священную себѣ обязанность возстановить истину въ ошибочныхъ о немъ толкахъ, слухахъ и писаніяхъ; обнаруживать опрометчивость, или неблагонамѣренность заключеній объ его душѣ и сердцѣ, о характерѣ и дѣлахъ; обличать событіями и исторической критикой всякую о немъ ложь и клевету на него. Такъ въ 1-мъ изданіи моихъ «Записокъ,» и въ разныхъ статьяхъ и указаніяхъ, прежде и послѣ выхода моей книги, я, не стѣсняясь ни значеніемъ, ни силой, ни высотой тѣхъ, или другихъ, особъ, ни моими къ нимъ личными отношеніями, неопровержимо, думается мнѣ, опровергнулъ все ошибочно, ложно, нечестно и злонамѣренно сказанное и распространенное о немъ печатно, письменно и на словахъ кѣмъ бы то ни было (Домашняя Бесѣда, Странникъ, Москвичъ, Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Рос. и т. д.). Не смотря на близкое знакомство и даже пріязнь съ

---

[16] Не понимаю, для чего издатель этихъ многоцѣнныхъ писемъ скрылся подъ тремя, на заглавномъ листѣ, буквами, тогда какъ изъ книги видно, что онъ—сынъ Николая Николаевича Муравьева, братъ Графа Михаила Николаевича и Карскаго Николая Николаевича, дядя Графу Леониду Михайловичу? Чуть не вся родословная тутъ.

одними, на чувства уваженія и любви къ другимъ, на заслуженную извѣстность и добрую славу иныхъ, я прямо говорилъ: о патріотѣ Шишковѣ, объ ученомъ Екзархѣ Ѳеофилактѣ, о просвѣщенномъ Стурдзѣ, о благородномъ Графѣ Пратасовѣ, о даровитомъ Павскомъ, о честномъ и незлобивомъ Графѣ Комаровскомъ, о почтенномъ Архіереѣ Веніаминѣ, и т. д., я безстрашно указывалъ и на страшныхъ не рѣдко, при гнѣвѣ, редакторовъ повременныхъ изданій, намекалъ на нѣкоторыхъ для собственнаго ихъ вѣдома, пристыжалъ вообще поднявшихъ пяту на Іерарха.

Такъ и теперь я обличаю — обмолвки и недомолвки, запамятованія, заблужденія и т. п. въ разсказахъ и поясненіяхъ А. Н. М., не смотря на давнее, правда, не тѣсное, но всегда мирное, знакомство мое съ нимъ, на многократно заявленное мной сочувствіе и уваженіе къ его литературной дѣятельности и даровитости (Зап. о жизни и времени М. М. Филарета; М. У. Благор. Пансіонъ и проч., Раутъ, истор. и литер. Сборникъ 1854), не смотря на радушныя посѣщенія моей семьи его отцомъ и братьями, Николаемъ и Александромъ Николаевичами, на мою связь съ Графомъ Михайломъ Николаевичемъ, родственную, по моей женѣ, дружественную по сердцу; не смотря, наконецъ, и на встрѣчи наши у Святителя, назидавшаго: его, съ 1832 года, большею частью письменно; меня, съ 1828, большею частью устно, особенно же въ послѣдніе 25 лѣтъ постояннаго пребыванія моего въ Москвѣ, съ 1842 по 13 Ноября, 1867: это было прощальное мое съ нимъ, за пять дней до его кончины, свиданіе. И такъ къ дѣлу.

«Были крещенные, которые переводомъ и толкованіемъ хотѣли сдѣлать Библію безъ Христа.

«Теперь у нихъ перенялъ обрѣзанный то же самое, и хочетъ сдѣлать Библію безъ Мессіи.

«Вотъ Вамъ образчикъ толкованія. О Енохѣ сказано: «не обрѣташеся, зане преложи его Богъ» Толкованіе новаго переводчика: «умеръ отъ паралича, либо отъ чумы.»

Издатель писемъ не замѣтилъ, какъ замѣчательна въ нѣсколькихъ строкахъ оцѣнка перевода Библіи на Французскій языкъ Когеномъ! Митрополитъ торопился «очистить отъ нея (Библіи) столъ и руки.»

«Вмѣсто епитеміи я заставилъ себя читать до повечерія пере-

водъ Мессіады. Посмотрите карандашъ, и судите, годнымъ ли образомъ прохожу я епитимію.»

Нельзя не отнести къ тяжелымъ трудамъ и подвигамъ долготерпѣливаго учителя его многолѣтнюю переписку съ А. Н. М., непрестанно и неустанно доставлявшимъ ему на просмотръ, дополненіе, исправленіе и т. д., свои произведенія, съ 1832 г. чуть не до послѣдняго вздоха Святителя. Г. Муравьевъ не усомнился озаботить его даже своимъ переводомъ Клопштоковой Мессіады. Мало того: онъ, послѣ двухъ, трехъ, недѣль допрашивалъ уже пастыря: прочтена ли поэма? Въ отвѣтъ ему сказано: «Литераторы бываютъ слишкомъ нетерпѣливы.» Что жь тутъ обиднаго?... Однако литераторъ обидѣлся, и «Владыка, сейчасъ же, извинился въ опрометчивости своего слова!», и А. Н. М. повѣрилъ, что Владыка опрометчивъ, и хвалитъ его (стр. 4) за Христіанское смиреніе, т. е., за то, что извинился передъ нимъ. Не ему бы, думается мнѣ, свидѣтельствовать передъ потомствомъ объ опрометчивости, въ которой никто никогда не осмѣлился упрекнуть Іерарха. Преувеличенное самоумаленіе знаменитаго мужа передъ малоизвѣстнымъ еще лицомъ не иронія ли, въ урокъ обидчивости и гордости молодаго человѣка? На частныхъ вечеринкахъ Екатерины, въ наказаніе за всякое нарушеніе установленныхъ ею правилъ для собесѣдниковъ, читали стихи изъ Телемахиды Третьяковскаго: не то же ли значитъ читать, вмѣсто епитеміи, переводъ Мессіады?

Стр. 11. «Естьли подлинно хотятъ дать Прокуроровъ Консисторіямъ: пусть дадутъ безъ меня, дабы, при разсужденіи о семъ, не поставили меня защитникомъ Архіерейскаго самовластія, тогда какъ я защищалъ бы права Іерархическія по ходу дѣлъ и для пользы подчиненнаго Консисторіямъ духовенства... Сія глаголя, не досаждаю ли Вамъ, какъ сущему отъ Оберъ-Прокурорства? Простите, свѣтъ истинный да показуетъ Вамъ лучшее.»

Стр. 13. «Естьли испросятъ позволенія посвящать во Священники не ученыхъ прежде 30 лѣтъ возраста: то сдѣлаютъ дѣло, сколь противное церковнымъ правиламъ, столь же вредное для управленія. Эти люди теперь обыкновенно исключенные ученики, т. е., выброшенные, какъ негодные. Ихъ долго надобно испытывать, чтобы годились во Священники: а раннее производство во Священники изъ таковыхъ даетъ самыхъ худыхъ Священниковъ. Я это знаю

по опыту, во время моего управленія Ярославскою Епархіею, гдѣ мой предшественникъ надѣлалъ такихъ Священниковъ. Вы не согрѣшите, если то, что теперь пишу, перескажите, кому вѣдать надлежитъ.

Стр. 14. Ни до «Патерика,» ни до «Бесѣды къ Старообрядцу» не могу дотянуться рукою чрезъ кучу приказныхъ бумагъ, даже и въ святки. Потерпите, а долго ли, не знаю.

Стр. 556, 557, 593. Теперь прислали въ Указѣ новое изобрѣтеніе Преосвященнаго Н..., чтобы брать деньги за наперсный крестъ, за камилавку, за скуфью, за набедренникъ, за метрическую и брачную запись, за жалобу, даже за мертвыхъ на кладбищѣ; за Архіерейскую грамоту 25 р., за введеніе Архимандрита въ монастырь 10 р. Слава Богу, что еще не утвердили сего, а требуютъ мнѣнія. Я составилъ Комитетъ, чтобы облегчить неудобства сихъ предложеній. Поговорите Владыкѣ, Кіевскому, чтобы не споспѣшествовалъ превращенію церковнаго управленія въ рынокъ.

Тѣмъ, которые жалуются, что мало ученыхъ монаховъ, не безполезно было бы посовѣтовать, чтобы тщательнѣе образовали въ монашескомъ духѣ и въ способности къ службѣ тѣхъ немногихъ, которые выходятъ изъ ихъ рукъ.»

Здѣсь не нужно поясненій. Таковы были его убѣжденія относительно дѣлъ церковныхъ. Что же касается всѣмъ извѣстнаго сочиненія «Бесѣды къ глаголемому Старобрядцу,» нѣтъ сомнѣнія, что этѣ бесѣды, дополненія къ нимъ и отвѣты на вопросы Старообрядцевъ, написаны, не по случайно сказанному слову при немъ, или ему, Православнымъ міряниномъ, а по обязанности, призванію и желанію пастыря образумить заблуждающихъ; что къ подобному труду нельзя приступить внезапно, экспромптомъ (какъ придѣлываютъ стишки къ заданнымъ риѳмамъ); что къ нему долго нужно готовиться предварительной работой надъ источниками, книгами, рукописями раскольниковъ всевозможныхъ названій; что заботы нашего богослова-проповѣдника о вразумленіи отщепенцевъ видны во многихъ изъ его Словъ и рѣчей,» сказанныхъ имъ и прежде и послѣ изданія «Бесѣдъ.» Но Г. Муравьевъ объявляетъ, что первая «Бесѣда» написана по тому, что онъ усомнился: «Челобитная Соловецкая не заключаетъ ли въ себѣ истину?» Въ подтвержденіе этой смиренной мысли приведено сказанное ему на другой день: «Я побоялся, чтобы Вы не сдѣла-

лись раскольникомъ, и написалъ возраженіе.» Очевидно, что это сказано въ шутку. Тридцать печатныхъ страницъ (изд 3) занимаетъ первая бесѣда; не коротенькая же рукопись написалась въ одинъ присѣстъ и, видно, въ очень длинную ночь. Трудно, однако, вообразить, чтобы она поспѣла на другой день. Да не такъ и было: письмо отъ 30 Декабря, 1834, а первая «Бесѣда, напечатана еще 25 Марта. Прочія въ Апрѣлѣ и Маѣ 1834, въ Февралѣ (двѣ), въ Сентябрѣ и Ноябрѣ 1835, въ Апрѣлѣ (три), и послѣдняя 30 Сентября, 1836. И такъ этотъ трудъ созрѣвалъ и совершался (то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ), по крайней мѣрѣ, три года, съ тою приготовительною работою, какая здѣсь требовалась. Планъ былъ обширный: предполагалось коснуться всѣхъ догматическихъ, обрядныхъ, историческихъ, вопросовъ (стр. моихъ «Записокъ» 84 — 85). Жалѣя, что не успѣлъ довершить это произведеніе, какъ бы желалъ, Митрополитъ не сказалъ мнѣ, что онъ обязанъ имъ Г. Муравьеву, тогда какъ всякое стороннее, откуда бы ни было, побужденіе, или, какъ говорится, починъ (внушеніе, вліяніе, настояніе) онъ всегда объяснялъ, указывая на лица и поводы, которыми былъ вызванъ на то, или другое, дѣло, сочиненіе, предположеніе. Такъ указано на Князя А. Н. Голицына, по желанію котораго написаны «Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ» и проч., и, по его же порученію: «Изложеніе о разности между Восточною и Западною Церковію въ ученіи Вѣры» (напечатанное въ 1-й кн. «Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древн Россійскихъ» 1870 г.); на А. Н. Оленина, по задачѣ котораго составлено: «Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ настоящей (съ Наполеономъ) войнѣ;» наконецъ на какого-то раскольника, своими толками о статьѣ Филарета, Епископа Рижскаго: «Богослуженіе Русской Церкви до Монгольскаго времени» (тамъ же, 1847 г., кн. VII), подвигнувшаго Московскаго пастыря написать: «Нѣчто о древнемъ образѣ крестнаго знаменія» (стр. моихъ «Записокъ» 82, 86, 87, 88).

Сверхъ этого, вотъ еще и два письма Владыки къ своему Викарію о доставленіи нѣкоторыхъ свѣдѣній для этой работы, отъ 1-го и 2-го Апрѣля, 1834 г., т. е., за нѣсколько мѣсяцевъ до мнимаго почина Андрея Николаевича:

1-ое. «Прошу, Ваше Преосвященство, сказать и приказать Архангельскому Протоіерею слѣдующее:

Въ Архангельскомъ Соборѣ есть старописьменное Евангеліе. Изволилъ бы онъ осмотрѣть оное получше, и поосновательнѣе сказать, яже о его времени. Да посмотрѣлъ бы, какъ писано въ немъ имя Іисусъ; и если окажется ІИ, либо ИІ: то выписать мѣста съ указаніемъ листовъ и прислать ко мнѣ. Хорошо не медлить.

Еще велите Чудовскому Намѣстнику осмотрѣть Евангеліе Святителя Алексія, съ такимъ же наблюденіемъ о имени Іисуса. Помнится, къ сему Евангелію приписаны еще постороннія статьи: записать и сказать, что такое.

Теперь ѣду въ Императорскую Библіотеку за такими же справками.

2-ое. Велите, кому можно и надежно, пойти въ Синодальную Библіотеку, найти первоначальную рукопись Стоглаваго Собора, и въ ней главу 9 ю, а въ сей главѣ о разнорѣчіяхъ Символа Вѣры, начиная отъ слова: «*такожде и вѣрую во единаго Бога суще лаголется*,» и пр., и выписать статью сію съ точностію, и пришлите сію выписку ко мнѣ.»

Стр. 38. «Я думалъ, въ концѣ Іюля имѣть возможность съ Вами безъ труда бесѣдовать живою грамотою, или, какъ Гомеръ приказалъ говорить Гнѣдичу, *крылатыми словами*. Но полученное вчера вечеромъ письмо Ваше заставляетъ меня тащить сегодня по сей бумагѣ мертвыя слова, и дать имъ, вмѣсто крыльевъ, колеса почтовой телѣги....»

Митрополитъ не любилъ высокопарности, не рѣдко встрѣчающейся въ переводѣ Гнѣдича, хотя въ цѣломъ цѣнилъ его прекрасный и полезный подвигъ ознакомить не знающихъ Греческаго языка съ Иліадой. Позже Жуковскій пытался обрусить Гомера въ своемъ подстрочномъ переложеніи съ Нѣмецкаго Одиссеи. Но Гнѣдичъ заботился о сохраненіи возможной, такъ сказать, подлинности своего подлинника.

Стр. 38. «Видѣлъ нѣкую (въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ) особу въ одеждѣ послушницы, которую Игуменья назвала *вкладчицею*.»

«Митрополитъ (стр. 41) намекаетъ въ Переяславльскомъ женскомъ монастырѣ на загадочную личность Фотиніи, крестницы Архимандрита Фотія, ради которой обитель сія была осыпана шедротами Графини Орловой. Но эта Фотинія, послѣ смерти своихъ благодѣтелей, бросила монашеское платье и вышла замужъ.»

Это поясненіе Муравьева очень любопытно. Не та ли же это

монахиня, о которой упомянуто въ письмахъ Митрополита къ Епископу Дмитровскому, Николаю, которая побывала въ трактирѣ, появилась въ Серпуховѣ съ портретомъ Фотія, и проч.? Это путеводительная нить для біографіи Фотія и его Фотиніи.

Стр. 42. «Грамота о Морозовѣ, сначала Христіанская и Патріаршеская, а далѣе нищенская. Скучно слушать, какъ Патріархъ у Царя проситъ отчинки, будто нищій копѣйки, принужденно усиливаясь продолжать и разнообразить милостынный напѣвъ, между тѣмъ какъ изъ дѣяній Собора 1667 года видимъ, какъ многимъ онъ владѣлъ.

Грамота, въ которой Никонъ смиренно проситъ у Царя прощенія, есть, по моему мнѣнію, одинъ изъ лучшихъ оправдательныхъ актовъ для его памяти.

Грамота, въ которой увѣщеваетъ Царя прекратить гнѣвъ, защищается отъ обвиненія въ титлѣ Государя, обличаетъ въ нарушеніи тайны Патріаршаго архива и проч., кромѣ немногихъ примѣровъ, жестоко приведенныхъ, достойна Патріарха, соединяя дерзновеніе правды съ должнымъ уваженіемъ Царю и скромнымъ выраженіемъ о себѣ.

Грамота противъ совершавшаго обрядъ недѣли Ваій не содержитъ ни чего основательнаго, а пахнетъ остатками самовластія.» [17]

Вотъ также руководство для историка знаменитаго и невполнѣ еще разгаданнаго Никона. Оцѣнка приведенныхъ грамотъ установляетъ отчасти точку зрѣнія и на Патріарха, и на время его дѣятельности, на духъ времени и попрошайства, которое искони водилось на Руси, и не въ Духовномъ только сословіи, но и въ Боярскомъ. И начальствующіе, и служилые люди, всѣ, отъ мала до велика, добивались «кормленія:» кто выпроситъ на кормленіе мѣстечко, или должность, особенно же гдѣ ни будь подальше отъ Царскихъ очей, въ глуши, на рубежѣ родимой земли; кто вымолитъ отчину на кормленіе; кто (въ позднѣйшее время) имѣнійце въ аренду—тоже кормленіе.

Стр. 55. «Сжальтесь надъ Симоновскою колокольнею, хотя во

---

[17] Ученое поясненіе издателя (стр. 43): «Все это относится къ судному дѣлу Патріарха, котораго первый столбецъ или свитокъ переписаннымъ доставилъ я Владыкѣ.»

вниманіе къ ея высокому росту, который не долженъ быть Вамъ непріятенъ.»

Когда Архимандритъ Мелхиседекъ старался поставить въ Симоновской обители колокольню выше Ивана Великаго, вспомнилось Митрополиту, что А. Н. М. не не величался своимъ высокимъ ростомъ.

Стр. 70. «Позвольте доложить, что мы съ Святославскимъ худы нѣсколько менѣе, нежели Вы думаете. И я не столько плохъ, чтобы ему позволить распечатывать что ни будь поступающее ко мнѣ, и онъ не столько дерзокъ и безчестенъ, чтобы распечатывать чужія письма, и перечищать числа. Вотъ въ чемъ дѣло: мы, по старому вѣку, не привыкли на челѣ письма, надъ почтительными, или дружелюбными, воззваніями ставить число, какъ будто клеймо на лбу преступника, а всегда ищемъ числа тамъ, гдѣ въ старину писывали и гдѣ можно написать на вѣрное: «дано, или писано,» т. е., на концѣ письма. Тутъ не нашелъ я числа, и сказалъ Вашему родителю, что его нѣтъ; а потомъ, когда еще разъ сталъ читать письмо, чтобы отвѣчать, тогда уже увидѣлъ, что число на письмѣ есть.»

Здѣсь своеобразное разсужденіе о томъ, гдѣ вѣрнѣе ставить число, на верху, или на концѣ, письма,—само по себѣ; а главное дѣло въ томъ, что ему наскучили нападки на своего Секретаря, Святославскаго.

Стр. 93. «Прочитайте мою тетрадь, какъ я Ваши.»

«Не помню (говоритъ Г. Муравьевъ), о какой тетради идетъ рѣчь, но это показываетъ снисходительную довѣрчивость Владыки, и смиренное его сужденіе о своихъ произведеніяхъ.»

Митрополитъ называлъ печатныя брошюры тетрадями. Онъ раздавалъ ихъ желающимъ прочитать и яснѣе уразумѣть недавно слышанное въ церкви (слово, рѣчь, бесѣду); такъ дарилъ онъ нѣкоторымъ и свои отдѣльныя статьи, появлявшіяся въ современныхъ духовныхъ изданіяхъ. Явно, что память на этотъ разъ обманула Г. Муравьева. Не зная, часто ли учитель обращался за совѣтами и поправками своихъ незрѣлыхъ твореній къ ученику, я искалъ благодарственнаго письма за исправленіе посланной тетради, но не нашелъ его въ изданіи. И что это, въ правду, за память человѣческая! Сколько разъ, и читаючи, и пишучи, доводилось мнѣ досадовать на эту безпечную, упрямую, своеволь-

ную, сумасбродную, память человѣческую! Ты просишь отъ нея повѣсти о чемъ ни будь важномъ, поучительномъ, а она суесловитъ о мелочахъ. Какъ не грѣхъ ей выкинуть изъ головы и сердца такой примѣръ смиренія Іерарха, не предъ Патріархомъ, а предъ А. Н. М.! Даже названіе и содержаніе брошюры позабыто.

Стр. 101. «Приходитъ на мысль забота, въ какое сосѣдство поставится Ваше описаніе Архангельскаго Собора въ книгѣ, назначенной для искупленія Смирдина. Легко случиться можетъ, что поставятъ Архангельскій Соборъ подлѣ смрадной корчемницы, или безстыднаго позорища, или вертепа разбойниковъ и подобныхъ украшеній романтическаго міра. За услуги Смирдина Словесности, не лучше ли ранѣе поблагодарила бы его Словесность добрымъ совѣтомъ, менѣе подкупать Словесность? Тогда, вѣроятно, и писатели въ своихъ книгахъ, да и Г. Смирдинъ въ своихъ счетныхъ книгахъ, меньше листовъ исписали бы мечтами. Но да простятъ меня книги! Желаю имъ истины, правды и пользы.»

Тутъ рѣчь идетъ о Сборникѣ: «Сто Русскихъ литераторовъ.» Строгій и тонкій критикъ не любилъ продажи и покупки литературныхъ произведеній. Какъ классикъ, не любилъ онъ сочиненій по заказу; призваніе и вдохновеніе — не ремесло; наука, художества, искуства, созрѣваютъ и процвѣтаютъ на свободѣ; закащикъ стѣсняетъ своими требованіями и условіями поставщика стиховъ, или прозы; благородный трудъ даровитаго дѣятеля на полѣ письменности — не товаръ; оцѣнка денежная убиваетъ въ немъ нравственное чувство писателя и художника; ихъ двигатель и цѣль — желаніе завѣщать свои труды и свое труженическое имя потомству; а ихъ вознаграждаютъ, не столько по достоинству, сколько по толщинѣ рукописи, или по числу печатныхъ листовъ. Какой же это судъ созданій ума и сердца, свѣтлыхъ убѣжденій и чистыхъ стремленій? Художническая совѣсть засыпаетъ и... много ли теперь на всѣхъ языкахъ безспорно добросовѣстныхъ твореній?

Стр. 201. «Простите меня Вы, и да проститъ Михаилъ Петровичъ, [18] что я не согласился, чтобы напечатано было свѣдѣніе о Геѳсиманіи. Она не имѣетъ официально объявленнаго существова-

[18] Погодинъ.

нія: потому говорить о ней значитъ говорить о не существующемъ, или дѣлать доносъ и давать вину ищущимъ вины. При томъ она и сдѣлана не для извѣстности. Въ молчаніи все родится и растетъ. Дѣла, о которыхъ рано провозглашаютъ, часто кончаются звукомъ словъ. Помириться съ Михайломъ Петровичемъ я постараюсь.»

«Митрополитъ (говоритъ издатель его писемъ) особенно боялся огласки для своего новаго Геѳсиманскаго скита, который учредился самъ собою, безъ разрѣшенія Св. Синода, и довольно странно, что первое утвержденіе сему скиту привезъ я отъ Патріарха Іерусалимскаго, въ 1850 году, который благословилъ его основаніе своей грамотой, назвавъ «Новою Геѳсиманіею.»

Опять коварная память вынесла изъ своихъ историческихъ запасовъ невѣрную выписку! Основатель скита не боялся Синода и не таился отъ него. Онъ дѣлалъ то, что имѣлъ право дѣлать. Скрытность, хитрость и обманъ не въ его благородной природѣ. Какъ Платонъ устроилъ себѣ уединенную обитель — Виѳанію, такъ Филаретъ устроилъ пустынножительство—Геѳсиманію. Она не вновь учрежденный монастырь, а выселокъ подвижниковъ изъ Троицкой Сергіевой Лавры въ дремучій лѣсъ и въ подземныя въ немъ пещеры. Не любилъ онъ, приступая къ какому либо дѣлу, провозглашать о начинаніяхъ своихъ, какъ кукушка кричитъ на весь птичій міръ, что снесла яйцо, которое тотчасъ же и складываетъ въ чужое гнѣздо. Онъ всегда терпѣливо ожидалъ окончанія начатаго дѣла. Такъ и здѣсь, расчистивъ лѣсъ, приготовя пристанище переселенцамъ, возведя храмы, онъ гласно учредилъ Новую Геѳсиманію, говорилъ, при освященіи каждой въ ней церкви, назидательныя предъ народомъ проповѣди, и, стало быть, не опасаясь Синода, не дожидаясь отъ Патріарха Іерусалимскаго грамоты, который, конечно, могъ благословить нововозникшій скитъ, могъ, пожалуй, и угадать, какъ его назоветъ учредитель, но не имѣлъ права выдать чрезъ А. Н. М.: «первое утвержденіе сему скиту,» какъ не зависящему отъ его Святѣйшества. Желательно было бы видѣть это первое, а также и второе, утвержденіе скиту, т. е., согласіе предержащей власти на его существованіе. Но вотъ бѣда: не было вовсе объ этомъ ходатайства, стало быть, не было и втораго ни откуда утвержденія. А было въ послѣдствіи, не о скитѣ, или выселкѣ, подвижниковъ изъ Лавры, а о дозволеніи устроить при немъ лавки, что и дозволено, и онѣ устроены снаружи, у воротъ,

а не во внутреннемъ пространствѣ выселка. Какъ жаль, что издатель не оглашаетъ такихъ важныхъ бумагъ, какова грамота Патріарха, и не менѣе любопытныя грамоты отъ всѣхъ Патріарховъ на его званіе Епитропа (Повѣреннаго и даже Намѣстника Патріаршихъ Церквей, какъ самъ себя называлъ (стр. 410)! При этомъ кстати бы огласить и Высочайшее дозволеніе принять ему на себя епитропство или епитропію.

Стр. 355. «Вы не хотѣли признать, что я получилъ отъ Васъ выговоръ, и что Вы имѣете право сдѣлать его мнѣ. Ни какъ не обижаюсь, естьли Вы мнѣ сдѣлали выговоръ, и не отнимаю отъ Васъ права сдѣлать его впредь. Вѣдь, это не Французскій réprimande, который хочетъ réprimer, придавить человѣка, который сдѣлалъ Вамъ непріятное; Русскій выговоръ показываетъ, что выговаривающій готовъ бы былъ и молчать, но, по откровенности, или по желанію предупредить непріятное впредь, выговариваетъ, прерываетъ молчаніе, сказываетъ, что, по его его мнѣнію, не такъ, но не укоряетъ и не оскорбляетъ. Извольте въ семъ усмотрѣть скромность Русскаго языка, и помиритесь съ выговоромъ.»

Прочитавъ этѣ строки, я подумалъ: Какой тонкій урокъ безъ укора, какъ бы шутя, не превозноситься, не давать выговоровъ (которые бываютъ отъ старшихъ младшимъ, а не отъ чиновника Митрополиту)! Авось, думалъ я, вспомнитъ дающій ему выговоры Апостольское ученіе: «Не мнози учители бывайте, братіе моя, вѣдяще, яко большее осужденіе пріимемъ: много бо согрѣшаемъ вси.» Іак. III. 1. Мнѣ такъ вспомнилось и слово, сказанное на эти слова (Слова и Рѣчи, ч. I, стр. 228). Мнѣ всегда какъ-то становится страшно отъ этой проповѣди! Какъ бы не попасть въ бѣду — не сдѣлаться Діотрефомъ... а это легко можетъ случиться со всякимъ, при необузданіи прирожденнаго намъ тщеславія. «А въ комъ нѣтъ тщеславія?»—сказалъ мнѣ однажды почившій проповѣдникъ; а какъ быстро вторгаются въ душу за тщеславіемъ гордая самооцѣнка, самоугодіе, упорство, нетерпѣливость, злоба, зависть, лицемѣріе, мстительность, коварство... лишь бы поставить на своемъ, устоять на своемъ, не сознаться въ ошибкѣ и заблужденіяхъ, послѣднему сказать послѣднее слово... хоть бы надъ могилой возражателя, да лишь бы не уронить свою житейскую спесь!.. Смиреніе, глубокое смиреніе, только убиваетъ въ насъ тщеславіе

и рождаетъ смиренномудріе. А первенстволюбецъ Діотрефъ, пишетъ Евангелистъ Іоаннъ (3 Іоан. 1, 9,10), «не пріемлетъ насъ... хотящимъ возбраняетъ и отъ церкве изгонитъ!..»

Возвращаюсь къ строкамъ, при первомъ чтеніи показавшимся мнѣ ясными, а при объясненіи А. Н. М. кажущимся загадочными. «Владыка (объявлено имъ) съ большимъ смиреніемъ продолжаетъ оправдываться предо мною» (стр. 356). «Продолжаетъ!» Ужь не случилось ли что ни будь очень важное между ними? Ужь не обидѣлъ ли, волею, неволею, пастырь единую отъ овецъ своихъ? Не ужь ли онъ, всегда мирный, снисходительный, потерялъ терпѣніе? Какое же это было состязаніе, недоразумѣніе? Дай поищу въ предыдущихъ письмахъ и объясненіяхъ, не разрѣшится ли загадка?.. Пересмотрѣлъ—ни чего нѣтъ, ни малѣйшаго намека на ту, огромную, должно быть, вину, въ которой Митрополитъ «продолжаетъ оправдываться» передъ А. Н. М., и я остаюсь при первомъ мнѣніи, что его строки урокъ, а не повинная.

Стр. 589. «Правда, что о Св. Тихонѣ лучше было бы читать Синодальную Грамоту, нежели Указъ. И хорошо бы было, чтобы грамота прочитана была повсюду въ день открытія. Но что послѣ Указа, прежде открытія, пѣты молебны: въ чемъ Вы можете обвинять меня, въ томъ вины я не вижу. Мало ли Святыхъ, которыхъ мощи совсѣмъ не открыты, и которымъ поютъ молебны?»

Стр. 591. «Вы не согласились со мною, что можно было совершать молебны Святителю Тихону прежде открытія мощей его. Не соглашаюсь и я съ Вами, будто его состояніе до открытія мощей то же, что состояніе нареченнаго во Епископа до рукоположенія.

Епископа посвящаетъ рукоположеніе: отрытіе мощей не посвящаетъ Святаго; онъ уже посвященъ благодатію Божіею прежде, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, когда отъ него начали являться знаменія, а это началось прежде открытія мощей и прежде изслѣдованія. Изслѣдованіе доказало, что есть Святый; объявленіе отъ Св. Синода сдѣлало сіе извѣстнымъ Церкви, для того, чтобы вѣрующіе безъ сомнѣнія прибѣгали къ молитвамъ Святаго: слѣдственно, и пѣли ему молебны, открыты ли между тѣмъ его мощи, или нѣтъ.» [19]

Сказанное на стр. 589 не осталось безъ опроверженія, какъ

---

[19] Въ этомъ письмѣ упоминается и о нашихъ путешественницахъ, Русскихъ Парижанкахъ:

это обнаруживаетъ сказанное на стр. 591. Но далѣе не видно изъ ученыхъ коментаріевъ возраженія. Здѣсь невыразимо нова мысль, что мощи—не мощи до открытія ихъ, т. е., до прочтенія о признаніи Святаго святымъ Указа, или Грамоты, и до совершенія обычныхъ обрядовъ и духовныхъ дѣйствій, подобно какъ нареченный Епископъ — не Епископъ до рукоположенія!..

Стр. 597. «Благодарю за увѣдомленіе, что издатель «Православнаго Обозрѣнія» находится въ родственномъ ко мнѣ отношеніи: по тому что, давно будучи монахомъ, многаго подобнаго или не знаю, или не помню. Не скажете ли, что по родству отецъ его переведенъ на Московское кладбище?—Совсѣмъ нѣтъ, а по тому, что онъ имѣлъ заслугу по училищной службѣ, и еще болѣе по тому, что онъ глухъ и при церкви приходской неудобно ему служить, особенно въ отношеніи къ Таинству Покаянія.»

Уже прежде были «имѣющимъ уши слышати» намеки не стучаться въ запертую дверь съ совѣтами (стр. 267), не преслѣдовать на чужомъ полѣ по чему либо не правящихся имъ лицъ подозрѣніями и нареканіями (на пр., Секретаря Святославскаго), не давать выговоровъ (предыдущая выписка), не покровительствовать: «опредѣленія на службу по покровительству вредятъ достоинству и растроиваютъ службу, и особенно ученую» (стр. 452).

Наконецъ, когда одинъ помѣщикъ, избравъ Священника въ свое село, не обратился прямо къ Владыкѣ, прямо имъ сказано: «Не уже ли онъ думаетъ, что я могу дѣлать только то, что потребуетъ Андрей Николаевичъ? Просимъ не прогнѣваться!» (стр. 453).

Но это письмо показываетъ, что есть предѣлъ и смиренію; что старецъ скучалъ непрерывными жалобами и нападками то на того, то на другого, и при томъ на близкихъ ему людей, испытанныхъ, оцѣненныхъ имъ; что онъ, не любившій бездоказательныхъ обвиненій и старавшійся сокращать переписку, а не расположать дѣлопроизводства, особенно же слѣдственнаго и уголов-

---

«Въ Парижѣ освященіе храма произошло, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, лучше, нежели Вы ожидали. Когда Архіерей шелъ около храма со Святыми мощами на главѣ, горожане, не только открыли головы, но иные и преклонили колѣна. У нашего Архіерея брали благословеніе по нашему обычаю; хуже всѣхъ, говорятъ, велъ себя Русскій женскій полъ: не безгласно стоялъ въ церкви. И такъ не гнѣвайтесь на несходное съ вашими мыслями распоряженіе, которое имѣло причины не поверхностныя.»

наго, тяготился заботами, справками и развѣдываніями, которыя требовались къ уличенію ли, къ оправданію ли, заподозрѣнныхъ предъ нимъ лицъ. Какими словами поставлено ему въ упрекъ его родство съ Протоіереемъ Сергіевскимъ, покуда не извѣстно; но будетъ же напечатана переписка Митрополита, хранящаяся въ Лаврѣ: тогда откроется и укорительное посланіе; говорю «укорительное», по тому что оно вызвало не къ услажденію укорителя пять строкъ, какъ бы въ оправданіе Епархіальнаго Начальника, и объ отцѣ издателя «Православнаго Обозрѣнія.» Сказанное подтверждается отвѣтомъ мнѣ Митрополита на мой вопросъ: «За чѣмъ Сергіевскій прекратилъ печатаніе апокрифическихъ Евангелій, хотя бы только въ извлеченіяхъ?»—«Андрею Никочаевичу (сказано съ легкой улыбкой) не угодно.»—«Да онъ что за цензоръ?»—

«По усердію онъ поднялъ тревогу, а я не люблю шума; лучше, при началѣ превратныхъ толковъ, прекратить всякій къ нимъ поводъ.»

«Такъ В. В. Преосвященство запретили?»—

«Посовѣтовалъ издателю пріостановить печатаніе апокрифовъ. Я (та же тонкая улыбка) покаялся и повинился.»

И такъ настоящее письмо имѣетъ связь съ письмомъ объ апокрифахъ, изъ котораго видно, что помѣщеніе ихъ въ «Православномъ Обозрѣніи» не осуждалось; что это допущено Синодомъ, одобрившимъ программу журнала, и что апокрифы ожидали: допуститъ ли онъ сію часть изданія? Св. Синодъ допустилъ (стр. 569 — 570).

Повторю: есть предѣлъ и смиренію, какъ-то показываютъ приведенныя мною строки, уже безъ малѣйшаго смягченія и оговорокъ, по обычной снисходительности Митрополита къ обидчивости и щекотливости наставителя, репримандора и вразумителя, который жаловался на придирчивость (стр. 424). «Грустно, что всякое благонамѣренное замѣчаніе пріемлется съ неудовольствіемъ.» Не льстивыя, хотя и бѣглыя, замѣчанія въ его письмѣ сдѣланы на приступъ Г. Муравьева къ исторіи Патріарха Никона:

«Двѣ статьи прочиталъ я съ занимательностью. Но третья, о воцареніи и вѣнчаніи на царство Алексѣя Михайловича, выходитъ изъ предѣловъ исторіи Никона, и хотя любопытна, но вмѣстѣ и непріятна нестройнымъ дѣломъ и словомъ, и утомительна многословными и торжественными рѣчами.

«Никонъ самое колосальное лицо.» Это обидно для многихъ, на примѣръ, для Святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа.

«Былъ выраженіемъ церковной жизни своего времени.» Или нѣтъ, или я сего не понимаю.

«Блистательный Архимандритъ.» Мнѣ кажется, эти слова удивляются, какъ имъ случилось стоять рядомъ.

«Вѣчевыхъ Владыкъ.» Думаю, не признаетъ ни Церковь, ни исторія.

Грамота начиналась, кажется, «не Псалтирью,» а Часословомъ.

«Спать на колодѣ благовѣстнаго колокола.» Что-то мудрено. Не знаю ни какой колоды при колоколѣ, кромѣ бруса, на которомъ онъ сидитъ. Это была бы слишкомъ узкая кровать.

Для чего родственники Никона, по смерти отца его, уговаривали «не предавать дома родительскаго запустѣнію?» Въ немъ была мачиха съ своими дѣтьми.

«На морѣ-океанѣ.» Для чего въ исторіи сказочное выраженіе?

«Пучина» есть ли близъ Соловецкаго монастыря?..

«Празднуя честь иконѣ.» Празднуютъ Спасителю, или Божіей Матери, или Святымъ.

Прошу прощенія въ прекословіи!» (стр. 598—599).

Кончая мои выписки этимъ письмомъ, въ надеждѣ, не укажетъ ли оно: какъ должно понимать и многія другія, не по буквѣ, а по духу, въ ихъ истинномъ смыслѣ, въ заключеніе приведу нѣкоторыя свѣдѣнія и соображенія по перепискѣ Іерарха съ А. Н. М. касательно вопроса: О« времени преложенія Св. Даровъ.»

Не догадываясь, что тревога на изданіе «Творенія Св. Отцовъ» была поднята Муравьевымъ, я глядѣлъ на всѣ выходки, упорство, раздражительность, нетерпимость, какъ на «ревность не по разуму» какого ни будь новообращеннаго, заносчиваго юноши неофита, и по тому снисходительно отозвался о совопросникѣ въ моей книгѣ. Но теперь передо мною мужъ зрѣлый, преисполненный чувствомъ собственнаго достоинства, увѣренный въ своей непогрѣшимости, признающій себя не ученикомъ, а учителемъ Владыки, вопреки слову Божію: «Нѣсть ученикъ надъ учителя,» и равносильнымъ ему богословомъ, и по тому такъ смѣло, гордо, настоятельно, вызывавшій на бой снисходительнаго, терпѣливаго, щадившаго до крайней возможности самолюбіе, самонадѣяніе, самомнѣніе бойца, искавшаго, однако, себѣ и союзниковъ, ополь-

чаясь на смиренномудраго соперника! Говорю соперника со словъ самаго ратоборца, не скромно заявившаго, что «между имъ и Митрополитомъ возникла странная и не совсѣмъ пріятная (правильнѣе: вовсе непріятная) полемика, т. е., состязаніе, чтобъ не сказать перебранка, равнаго съ равнымъ... Эта полемика помѣщена въ Приложеніяхъ къ моимъ «Запискамъ.» Муравьевъ нашелъ ее неудовлетворительною, и перепечаталъ въ своемъ изданіи по своему, съ убавленіями и добавленіями, съ пропусками и измѣненіями. Какъ назвать такія видоизмѣненія, да еще не въ собственныхъ только, а въ чужихъ, писаніяхъ? Это ужь не просто разнословіе, или разнорѣчіе, или ипочтеніе, не поправки даже, а новыя стрѣлы ратующаго, новое препирательство высокомудрствующаго съ смиренномудрствовавшимъ; это война живаго съ мертвымъ—правда не опасная: тутъ нечего бояться возраженій и обличеній... изъ гроба. Въ примѣчаніи О. М. Б. (редактора «Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ») къ моей статьѣ: «О запискахъ Юрьевскаго Архимадрита Фотія», [20] между прочимъ, замѣчено на слова А. Н. М., будтобы «списки полемики появились въ печати не въ удовлетворительномъ видѣ,» что «это еще вопросъ, который будетъ разъясненъ повѣркой напечатаннаго, какъ въ «Запискахъ» Сушкова, такъ и въ изданной книгѣ А. Н. М., съ тѣми дополненіями и списками, которые переданы самимъ Филаретомъ въ Московскую Духовную Академію.»

Чтобъ убѣдиться въ буквальной точности списка, съ котораго напечатано въ моей книгѣ «словопрѣніе,» какъ называетъ Муравьевъ возникшую переписку о времени пресуществленія Св. Даровъ, я отправился въ Троицкую Сергіеву Лавру, сличить мой списокъ со списками другихъ, и послушать тамъ преданія о впечатлѣніи, произведенномъ на издателей «Твореній Св. Отцовъ,» на Ректора, Намѣстника и вообще ученыхъ и благочестивыхъ подвижниковъ въ Лаврѣ и Виѳаніи, бурей, принесшейся съ Кавказа. Поиски мои открыли, что первое нападеніе на Лаврское изданіе смутило Ректора, Цензора, Редактора и всѣхъ сотрудниковъ; что первое письмо называли въ Лаврѣ не письмомъ, или донесеніемъ по обязанности, или по требованію, а донесеніемъ по призванію и доброй

[20] Чтенія 1869 г., кн. III.

волѣ; что потомъ чудились нападкамъ и нападчику, радовались защитѣ и дивились долготерпѣнію защитника; что желали напечатать переписку, въ намѣреніи самимъ вооружиться на гонителя, стать съ нимъ лицомъ къ лицу и обличить «живущаго въ немъ духа препирательства, настойчивости» (это говорю не я, а преданіе); что прозорливый Архимандритъ Лаврскій угадалъ такое намѣреніе, и не согласился на оглашеніе переписки: что списки съ нея не ходили по рукамъ, хотя и носился слухъ, что въ Виѳаніи Студенты успѣли добыть и списать ее тайкомъ, торопливо, въ одну ночь, въ нѣсколько рукъ, но что они не смѣли распространять переписку, которая хранилась въ тайнѣ; что только одинъ Ректоръ имѣлъ въ ту пору возможность снять вѣрный съ нея списокъ для себя; что позже даже и не слышно было, чтобы кто ею воспользовался, кромѣ, развѣ, опять также одного лишь новаго Ректора; что въ моей книгѣ она приведена вѣрно, а въ изданіи А. Н. М. не вполнѣ согласно съ тѣмъ, что, келейно, впрочемъ, читалось, слушалось, обсуживалось въ свою пору, и остается еще въ памяти старожиловъ. И такъ, преданіе, одинъ изъ источниковъ бытописанія, не утверждаетъ сказаннаго Муравьевымъ, будто списки полемики «ходили по рукамъ.» Сличеніе же двухъ и, вѣроятно, единственныхъ списковъ съ подлинныхъ бумагъ, Митрополитомъ переданныхъ къ особому храненію, удостовѣрило въ вѣрности ихъ, такъ какъ они вполнѣ согласны, и только не важными описками, или немногими словами, разнствуютъ, на примѣръ: «писаніе» въ одномъ, «письмо» въ другомъ; «не произносилъ,» и «не приводилъ» текста, безъ «всякой силы,» и «безъ великой силы;» «преданіе» (о Папѣ) и «признаніе Папы;» «если» вмѣсто «естьли» въ Латинскомъ Служебникѣ молитва: это явная ошибка, а далѣе «совершатися»—явный пропускъ въ одномъ изъ двухъ списковъ. Вотъ и всѣ описки.

Теперь сличимъ напечатанное въ изданіи А. Н. М. съ рукописью.

Стран.	Строк.	
216,	26	Ссылка на Матѳ. XXVI, 26, 28; въ рукописи же выписанъ самый текстъ: «Пріимите, ядите,» и т. д. Далѣе, въ рукописи, подъ строкой ссылка: De proditione Jud. Hom. 1, 6, tom. II, pag. 364, а въ письмахъ ея нѣтъ.

Стран.	Строк.	
216,	33	«и сіе слово измѣняетъ предложенное,» и проч. но въ рукописи: «Сіе слово измѣняетъ (μεταῤῥυθμίζει) [21] предложенное...
217,	и 10 строкъ 218-ой:	приступъ къ 150 письму, котораго въ рукописи вовсе нѣтъ.
218,	12—13	«и затруднить меня въ приготовленіи къ слѣдующему дню,» добавлено.
—	15—16	«и какъ явную ошибку нельзя исправлять тайно, рѣшился дать предложеніе Академической Конференціи,» добавлено.
—	17—19	«Беру книгу; смотрю въ вашемъ письмѣ число страницы; не разбираю, не нахожу обличаемаго мѣста. Наконецъ нахожу и читаю,» измѣнено; въ рукописи же: «Беру книгу; нахожу обличаемое мѣсто и читаю.»
—	20—23	«тогда какъ надъ приготовленными дарами, то есть, надъ хлѣбомъ и виномъ, возглашаются слова Іисуса Христа: «Пріимите,» и пр., добавлено.
—	24—25	«и завтра, по Литургіи, возвратиться къ сему дѣлу,» добавлено.
219,	11	«Посмотримъ, сколько здѣсь вины вмѣсто: «Посмотримъ, сколько здѣсь вины въ самомъ дѣлѣ.»
220,	2	«сію жалобу, вмѣсто: «сію ошибку.»
—	27	«да прорастить» вмѣсто: «да произрастить.»
221,	1	«земледѣліе» вмѣсто: «земледѣланіе.»
—	4	«простѣе» вмѣсто: «проще.»
—	6	«утвердить вѣрованіе» вмѣсто: «утвердить вѣру.»
—	9	«часто,» добавлено.
—	10	«о такихъ частяхъ» вмѣсто: «въ такихъ частяхъ.»
—	13	«выраженій» вмѣсто: «возраженій.»
—	16	«къ извиненію мѣста прибавленія» вмѣсто: «къ извиненію того мѣста въ прибавленіяхъ.»
—	17	«подвергшагося» вмѣсто: «которое подверглось.»
—	24	«и отдали справедливость составителю, что»... вмѣсто: «и признали, что»....

[21] Не измѣняетъ, а преобразуетъ, прелагаетъ, претворяетъ.

Стран.	Строк.	
—	31	«человѣческими словами» вмѣсто: «человѣческими только словами.»
222,	3	«Можно» вмѣсто: «Можете.»
—	4	«Я уже не расположенъ подвергать издателей суду Конференціи» вмѣсто: «Я уже не столько, какъ прежде «расположенъ гнѣваться на издателей.»
—	5	«Естьли Преосвященный Екзархъ одобрилъ,» вмѣсто: «Естьли кто одобрилъ»..
—	6	«ему» вмѣсто: «тому».
—	7—8	«который онъ произнесетъ не безъ выслушанія предстателя обвиняемыхъ» вмѣсто: «который произнесенъ будетъ не безъ выслушанія оправданія.»
—	9	«Охотно за Кавказъ» вмѣсто: «Охотно и въ дальній край.»
—	26	«теперь» вмѣсто: «зъ наше время.»
223,	22—23	«ибо, что простительно мірянину, то не простительно духовному лицу» вмѣсто: «ибо то простительно мірянину, что не простительно духовному лицу.»
—	33	«въ своей Богословіи» вмѣсто: «въ своемъ Богословіи»..
224,	7	«освятить» вмѣсто: «совершить.»
—	8	«освящаются» вмѣсто: «совершаются.»
—	9	«преложи Духомъ» вмѣсто: «преложи ихъ Духомъ.»
—	12	«присвоять» вмѣсто: «прояснить.»
—	—	«въ изданномъ,» вмѣсто: «въ выданномъ.»
226,	32	«совершеніе Тайны,» вмѣсто: «совершеніе сея Тайны.»
227,	15	«не знаютъ» вмѣсто: «не знаетъ.»

Передъ слѣдующимъ письмомъ 152 вставлено письмо 151 (стр. 227—229), не идущее къ дѣлу, какъ касающееся другихъ предметовъ. Въ немъ только мелькомъ проглядываетъ иронія: «Я (написалъ Митро-

Стран. Строк.

228, 2— 9 политъ) предъ вашею ревностію по Православію предстательствую за Академическій журналъ» Эти слова и слѣдующія строки, конечно, должно было огласить, но безъ примѣси стороннихъ обстоятельствъ:

«Академія такъ довольна моимъ защищеніемъ, что проситъ въ журналъ выписки и изъ вашего и моего писемъ, съ исключеніемъ личныхъ выраженій. Но я сомнѣваюсь, надобно ли вводить публику въ такія догматическія подробности о Таинствѣ, которыя ничего не прибавляютъ къ силѣ и чувству Вѣры.»

229. 2— 30 «Проводя недѣлю въ Лаврѣ, между прочимъ, для обновленія храма Преподобнаго Сергія, возвратился я въ Москву въ большомъ изнеможеніи, по увеличивающейся ветхости моей, и нашелъ Ваше письмо, не изъ числа тѣхъ, которыя могутъ облегчить больнаго.» Этого приступа въ рукописи нѣтъ.

230, 4— 5 «Вотъ чего не доставало мнѣ: чтобы Преосвященный Исидоръ и Андрей Николаевичъ представили»... въ рукописи же: «Вотъ чего недоставало мнѣ: чтобы... и... представили.

— 8 «Ближніи мои отдалече мене сташа,» добавлено.

— 18 послѣ слова: «понялъ» выпущено «ее.»

— 19 «и» вмѣсто: «а.»

— 22 «съ непризнающими» вмѣсто: «съ непризнающимъ.»

231, 16 «Естьли желаемъ» вмѣсто: «Естьли желали.»

— 25 «тотъ» вмѣсто: «то.»

232, 23 «молитвы» вмѣсто: «молитвъ.»

233, 25 «опредѣленіе вины Латинянъ» вмѣсто: «обвиненія Латинянъ.»

— 27 «дѣйствіе однимъ словамъ Христовымъ»... «однимъ,» добавлено.»

— 31 «знаменій» выпущено «надъ предлежащими Дарами.»

234, 6—7 «и конечно не для иной цѣли, какъ для предложенія оныхъ,» добавлено.

— 26 «а» вмѣсто: «и.»

Стран.	Строк.	
234	27	«Но судить» вмѣсто «Но чтобы судить.»
—	28	«малымъ» вмѣсто: «съ малымъ.»
—	29	«облегчительныхъ» вмѣсто «обличительныхъ.»
—	31	«Іисуса Христа,» добавлено.
235,	4	«призывается Духъ Святый» вмѣсто: «когда призывается Духъ Святый.»
—	18	«воздвигаетъ войну» вмѣсто «поднимаетъ войну.»
		За этимъ письмомъ слѣдуетъ очень важное Дополненіе; но оно выпущено, или забыто, издателемъ переписки (Прилож. въ моей книгѣ). Приступъ же въ письмѣ 153 вовсе не тотъ, какой въ рукописи (см. тамъ же).
237,	19	«представлялась» вмѣсто: «представилась.»
238,	5	«сею силою» вмѣсто: «ею.»
—	20	«сражаться съ ними» вмѣсто: «сразиться съ нами.»
239,	6	«Флорентинскаго,» вмѣсто: «Флорентійскаго.»
—	11	«Господними, и едиными» вмѣсто: «Господними словами, и едиными.»
—	25	«Іоанна Наѳанаила» вмѣсто «Іоанея Наѳанаила.»[22]

[22] Здѣсь представляется мудреная загадка: Митрополитъ указалъ на Скрижаль, но ни въ Новой (трудъ Архіепископа Нижегородскаго и Арзамасскаго, Веніамина Краснопѣвкова), ни въ Никоновской, я не нашелъ двойнаго имени «Іоанея Наѳанаила.» Муравьевъ поставилъ имя: «Іоаннъ Наѳанаилъ:» но этого нѣтъ ни въ Святцахъ, ни въ Мѣсяцословахъ. Справлялся я и въ иностранныхъ историческихъ и библіографическихъ словаряхъ, но и въ нихъ встрѣтилъ только близкія къ имени Іоанея имена Joanes, Joanet и Joanez, не прилагаемыя къ лицу, о которомъ идетъ рѣчь, и безъ придаточнаго прозванія «Наѳанаилъ.»

«Новая Скрижаль (Веніаминова) изданъ въ 1803. Преосвященный черезъ три года, въ 1806, напечаталъ ее вторымъ изданіемъ, съ нѣкоторыми, по пересмотрѣ своей книги, измѣненіями. Вѣроятно, и въ третьемъ, при жизни его, въ 1810 были также перемѣны. «Новая Скрижаль» по смерти Веніамина, пережила еще шесть изданій. Въ послѣдствіи она печаталась уже въ переложеніи на современный языкъ; у меня третье изд. (Кораблева и Сѣрякова) на Русскомъ 1859, С. П. Б. Тип. Эдуарда Веймара. Не первоначальное ли 1803 изданіе Скрижали Веніаминовой случилось подъ руками Митрополита? Не на нее ли онъ ссылается? Наконецъ, не существуетъ ли какой иной, старинной, Греческой рукописной Скрижали, списанной, или составленной, «Пресвитеромъ Критскимъ Іоанеемъ (или Іоанномъ) Наѳанаиломъ?» Предлагаю эту задачу Елинистамъ, библіографамъ, археологамъ.

Стран.	Строк.	
240,	17	«сіе» вмѣсто «сі есть.»
—	19	«пресуществуется» вмѣсто: «пресуществляется,» и опять: «сіе существо хлѣба,» и проч. вмѣсто: «сі есть существо хлѣба» и проч.
—	24	«совершенное» вмѣсто: «совершенно.»
—	28	«смотрите» вмѣсто: «посмотрите.»
241,	14	«Нельзя же думать безпечно» вмѣсто: «Нельзя дремать безпечно.»

Это послѣднее письмо кончено такъ:

«Узнавъ, что бесѣды о Таинствахъ думаютъ напечатать вновь, я сказалъ слова предостереженія, и скажу.»

Рукопись заключена слѣдующими словами: (это, конечно.» P. S., т. е., добавка послѣ подписи) «а надѣюсь, что мы съ обѣихъ сторонъ положимъ оружіе и возвратимъ прежній совершенный миръ, которому врагъ мира позавидовалъ.»

Которая изъ двухъ редакцій: «Записокъ ли о жизни и времени Филарета Московскаго,» или же: «Писемъ его къ А. Н. М.» удовлетворительнѣе? Пусть разрѣшатъ этотъ вопросъ библіографія и историческая критика. И та и другая требуютъ буквальной точности въ передачѣ письменъ печати. Ни та, ни другая, не допускаетъ перемѣнъ въ подлинныхъ рукописяхъ, ниже малѣйшихъ поправокъ, убавленій, прибавленій, а тѣмъ пуще пропусковъ. Выше указано на мягкоколкое дополненіе письма отъ 15 Марта, 1847, обличающее Езуитскую уловку состязателя; оно выпущено.

Какъ и чѣмъ объяснить тщетныя усилія ученика сразить учителя послѣ смерти его?... Не явно ли тутъ тщеславное мечтаніе стать выше его?.. Иное дѣло распоряженія Митрополита: онъ не выжидалъ смерти Муравьева, чтобы вновь возражать прилипѣвшимъ устамъ къ гортани; онъ передалъ Ректору его письма подлинникомъ, безъ всякихъ въ нихъ измѣненій, а свои, частью черневыя, частью въ спискахъ, и частію въ выпискахъ, изъ которыхъ, разумѣется, исключено все стороннее и не относящееся прямо и непосредственно къ предмету словопрѣнія, даже имя почтеннаго сочинителя записки: «Разсужденіе о времени преложенія Св. Даровъ,» которое, мимоходомъ молвить, силь-

нѣе и самостоятельнѣе всѣхъ разглагольствій А. Н. М Объясненія по поводу разсужденія уже не споръ съ мірянином. Здѣсь уже представляются читателю не пререкающіяся ученика учителю, а мирная бесѣда двухъ Святителей, Митрополита и Екзарха, о затруднительномъ вопросѣ.

И такъ въ ожиданіи, что скажутъ библіографы, историческая критика и богословы, я оставляю помѣщенныя въ моей книгѣ письма къ А. Н. М., разсужденіе Екзарха (нынѣ Новгородскаго и С.-Петербургскаго Митрополита) и отвѣты Филарета Московскаго безъ малѣйшей перемѣны, отъ точки до точки, ни на іоту.

Николай Сушковъ.

15 Августа, 1870 г

ОБЪЯСНЕНІЯ.

I.

Въ Іюньской книжкѣ Петербургскаго Журнала «Заря,» въ отдѣлѣ Библіографіи, стр. 166, Г. Орестъ Миллеръ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее о «Русскихъ народныхъ пѣсняхъ, собранныхъ П. В. Шейномъ и печатаемыхъ въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ:» «Пѣсни частью записаны самимъ собирателемъ въ различныхъ мѣстностяхъ Великой Руси, частію доставлены ему другими. Остается пожалѣть о множествѣ опечатокъ, за которыя, по всей вѣроятности, надо винить не самаго почтеннаго собирателя, такъ какъ сборникъ печатался въ Москвѣ; мѣсто же его настоящаго жительства — Витебскъ. Но еще большаго сожалѣнія заслуживаетъ то, что часть сборника, посланная изъ Витебска въ Москву по почтѣ, безслѣдно пропала, хотя въ книгѣ Московскаго Почтамта имѣется росписка въ полученіи обоихъ посланныхъ Г. Шейномъ тюковъ съ пѣснями.... Дѣло собиранія пѣсень и безъ того неблагодарно, при подобнаго же рода обращеніи съ ними оно становится окончательно не заманчивымъ.... А между тѣмъ Общество Исторіи и Древностей, куда адресованы были тюки Г. Шейна, состоитъ при Московскомъ Университетѣ.... И изъ того, что спаслось отъ погибели, напечатано еще не все.»

О множествѣ опечатокъ можно судить теперь по напечатаннымъ опечаткамъ за «Оглавленіемъ» 1-й части пѣсеннаго сборника Г. Шейна въ этой книжкѣ. Оказывается, ихъ на 45 листовъ не такое множество, какъ заявляетъ Г. Орестъ Миллеръ. При томъ большая часть ихъ приходится на первые отдѣлы пѣсенъ, съ подлинника коихъ и слѣдующихъ, по его неточности, оказалось не возможнымъ продолжать наборъ, и по тому большая половина его была отослана назадъ къ собирателю, съ просьбою просмотрѣть его тщательно и, исправивъ, возвратить. Къ сожалѣнію, вторично присланныя тетради не дошли въ Общество Исторіи

и Древностей Россійскихъ: онѣ, какъ открылось при розыскѣ, хотя и получены были въ Правленіи Московскаго Университета, куда отправлены Г. Шейномъ, но Чиновникъ, расписавшійся въ полученіи ихъ въ книгѣ Почтамтской, не могъ объяснить, куда онѣ дѣвались послѣ того, или кому онъ ихъ сдалъ? Разумѣется, онъ за то поплатился лишеніемъ мѣста, но отъ этого не легче было ни для собирателя, ни для Общества. Пришлось въ третій разъ списывать и доставить въ Общество. Отъ того печатаніе, естественно, позатянулось: напечатано же все, что спаслось отъ погибели, выражаясь словами Г. Ореста Миллера, т. е., что послѣ нея поступило въ Общество, именно: 1-я часть сборника; слѣдующая же часть и не доставлялась въ Общество никогда.

II.

Недавно появились «Записки, мнѣнія и переписка Адмирала А. С. Шишкова, изданіе Н. Киселева и Ю. Самарина, 2 тома въ Берлинѣ (B. Behr's Buchhandlung, 27. Unter den Linden), типографія І. С. Скрейшовскаго въ Прагѣ. 1870 г.» Во 2-мъ томѣ этого изданія помѣщены также и «Записки его съ 1824 по 1826 годъ» (стр. 161 — 290). Въ примѣчаніи 1-мъ къ симъ «Запискамъ» замѣчено, что «эта часть -Записокъ» уже два раза появлялась въ печати. Въ первый разъ эти «Записки» были изданы въ 1863 г. Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, по списку, полученному Протоіереемъ М. Я. Морошкинымъ отъ служившаго нѣкогда въ Синодѣ чиновника, Алексѣя Андреевича Павлова. Издатели, вѣроятно, съ цѣлію, не наносить полнаго ущерба законнымъ наслѣдникамъ автора, отпечатали весьма ограниченное число экземпляровъ и не пустили ихъ въ продажу. Во второй разъ они появились въ 1868 г., въ 3-й книгѣ «Чтеній въ Обществѣ и Исторіи и Древностей Россійскихъ» (Отд. II, стр. 1 — 142). Печатались они по тремъ спискамъ. Въ краткомъ предисловіи, Г. О. Бодянскій, упоминая о первомъ изданіи, высказываетъ мнѣніе, что эти Записки, не заключающія въ себѣ ничего запретнаго, должны сдѣлаться достояніемъ всѣхъ, а не однихъ избранныхъ. Мы конечно вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе Г. Бодянскаго; но, не признавая за нимъ права

дѣлиться не принадлежащимъ ему достояніемъ, убѣждены, что почтенное ученое Общество допустило это нарушеніе правъ собственности именно только по тому, что «Чтенія,» по своему характеру, имѣютъ ограниченный кругъ избранныхъ читателей. Для неизбранныхъ же, т. е., для всѣхъ, мы, по праву владѣльцевъ собственноручныхъ записокъ адмирала Шишкова, назначаемъ настоящее изданіе.»

Изъ сего примѣчанія открывается: а) что это сказано обоими издателями, а не однимъ изъ нихъ, Г. Киселевымъ, хотя тоже въ примѣчаніи къ обоимъ томамъ, на отдѣльныхъ страницахъ напечатанномъ, и читаемъ: «Подстрочныя примѣчанія, обозначенныя цифрами и напечатанныя мелкимъ шрифтомъ, составлены однимъ изъ издателей, Н. Киселевымъ;» ибо въ примѣчаніи, о коемъ у меня теперь рѣчь, употреблены выраженія: «Мы конечно вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе Г. Бодянскаго;» «мы, по праву владѣльцевъ собственноручныхъ Записокъ адмирала Шишкова,» и проч.

б) Если издатели раздѣляютъ мнѣніе Г. Бодянскаго, какъ выразились, «вполнѣ,» касательно того, что «Записки этѣ, не заключающія въ себѣ ни чего запретнаго, должны сдѣлаться достояніемъ всѣхъ, а не однихъ избранныхъ;» если при томъ они «убѣждены, что почтенное ученое Общество допустило это нарушеніе правъ собственности именно только по тому, что «Чтенія,» по своему характеру, имѣютъ ограниченный кругъ избранныхъ читателей,» т. е., говоря другими словами, по тому же самому, по чему не притязаютъ и къ Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія, котораго, по ихъ словамъ, «издатели, вѣроятно, съ цѣлью не наносить полнаго ущерба законнымъ наслѣдникамъ автора, отпечатали весьма ограниченное число экземпляровъ (а какое именно? Не больше ли еще противъ «Чтеній?) и не пустили ихъ въ продажу (но, конечно, раздавали и разсылали по своему усмотрѣнію, отъ чего ущерба едва ли меньше законнымъ наслѣдникамъ, по тому что и Министерскій Журналъ и Журналъ Общества имѣютъ одинъ и тотъ же кругъ читателей, т. е., ограниченный, по замѣчанію самихъ издателей); если все это такъ, за чѣмъ же законные наслѣдники Адмирала Шишкова привлекаютъ къ отвѣтственности лишь Г. Бодянскаго, говоря, что «мы не признаемъ за нимъ права дѣлиться не принадлежащимъ ему достояніемъ?» А издатели Журнала Министерства На-

роднаго Просвѣщенія, стало быть, имѣли это право? Вѣдь, и сіи послѣдніе, и Г. Бодянскій, находятся въ одинаковомъ отношеніи къ своимъ предержащимъ? Оба они только исполнители порученій послѣднихъ. Не изъ за словца ли «всѣхъ» такое возстаніе тутъ на Г. Бодянскаго? Но выраженіе: «должны (Записки) сдѣлаться достояніемъ всѣхъ» употреблено имъ въ его предисловіи къ нимъ въ противоположность только того таинственнаго появленія сихъ «Записокъ», по коему онъ узналъ о напечатаніи ихъ, какъ замѣтилъ о томъ и въ предисловіи своемъ, только по ссылкамъ на нихъ въ разныхъ журналахъ, какъ на напечатанныя, но безъ означенія, гдѣ именно, и единственно теперь, изъ примѣчанія издателей, узнаетъ о послѣднемъ въ первый разъ. Слѣдовательно: «достояніемъ всѣхъ» значило собственно: «достояніемъ не однихъ избранныхъ,» что и стоитъ у него тотчасъ за словомъ «всѣхъ.» Каково же это «всѣхъ,» сами издатели поясняютъ, говоря: «ограниченный кругъ избранныхъ читателей;» конечно, кругъ этотъ не большій такого же круга Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, хотя послѣдній и не пустилъ напечатаннаго въ продажу, а Общество того не сдѣлало, по тому что оно не издаетъ ни чего ни для какихъ избранниковъ міра сего. А такъ какъ изданія его имѣютъ «ограниченный кругъ читателей,» по замѣчанію самихъ же издателей «Записокъ,» то, повторяю, выраженіе: «достояніемъ всѣхъ» равносильно этому послѣднему. Въ самомъ дѣлѣ, изданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ печатаются всего на всего въ числѣ 600, изъ коихъ всегда половина остается въ складѣ, такъ что, за исключеніемъ 3 годовъ, самыя «Чтенія» его можно имѣть и теперь еще за всѣ прочіе годы. Нѣкоторыхъ статей, правда, отпечатывается еще для сочинителей, или сообщителей, оныхъ извѣстное число, не свыше, однако, 300, въ видѣ вознагражденія, такъ какъ Общество, по своимъ вещественнымъ средствамъ, не въ состояніи вознаграждать своихъ сотрудниковъ инымъ образомъ. Это же дѣлаетъ Общество и для себя самаго, если помѣщаемое на страницахъ его изданія принадлежитъ собственно ему одному. Такъ изъ особыхъ оттисковъ «Записокъ Адмирала Шишкова,» въ теченіи 2-хъ лѣтъ не разошлось и 5-ти экземпляровъ. Такъ вотъ какой подрывъ нанесенъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ «праву законныхъ владѣльцевъ собственноручныхъ Записокъ Адмирала Шишкова!»

Но, какой бы «ущербъ» ни усматривали «законные владѣльцы Адмирала» въ напечатаніи Обществомъ части его «Записокъ,» во всякомъ случаѣ Г. Бодянскій тутъ ни при чемъ. Онъ не дѣлился, какъ видно изъ всего сказаннаго доселѣ, не принадлежащимъ ему достояніемъ: онъ такой же, повторяемъ еще разъ, тутъ исполнитель распоряженій Общества, какъ и издатели сихъ же «Записокъ» въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Какъ послѣдніе, такъ и онъ, предали тисненію оныя не для себя, и отъ расхода ихъ для нихъ столько же прибыли, сколько отъ козла, либо отъ быка, молока. Но за чѣмъ же, спрашивается, послѣ сего упрекъ въ присвоеніи чужого достоянія? За чѣмъ, по мнѣнію «издателей-владѣльцевъ собственноручныхъ Записокъ Адмирала Шишкова,» заподозривается въ этомъ О. Бодянскій, а издатели ихъ въ Журналѣ М. Н. Просвѣщенія неприкосновенны тому, по сужденію ихъ? Что за логика? Бодянскій врывается въ права не принадлежащаго ему достоянія, когда онъ, въ 18 лѣтъ своего Секретарства и Редакторства въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, трудился и трудится, безъ всякихъ видовъ на какое либо, откуда бы то ни было, возмездіе, а лишь, какъ выразился пѣвецъ Игоря Святославича объ его Русичахъ, «ищучи себѣ чти, а Князю славы!» А кто ищетъ чти, не безчестія же ищетъ. Досадно въ высшей степени, когда вынуждаешься пускаться въ подобныя объясненія, между тѣмъ какъ думалось, что то скажутъ о насъ когда ни будь другіе. Но честь, авось замѣчаетъ нашъ народъ, наживается головою, а защищается животомъ и душею.

Кромѣ того, по чему, въ глазахъ «законныхъ владѣльцевъ собственности и правъ Адмирала Шишкова,» печатавшіе прочія его произведенія въ другихъ повременныхъ изданіяхъ нашихъ не присвоители «не принадлежащаго имъ достоянія,» хотя и они тоже печатали оныя «безъ участія наслѣдниковъ, не съ подлинниковъ, а со списковъ, распространенныхъ,» безъ сомнѣнія, «самимъ авторомъ?» Да и сами издатели «Записокъ» своего родственника что сдѣлали, помѣстивъ въ своемъ изданіи (томѣ 2-мъ, стр. 156): «Мнѣніе о проектѣ и уставѣ Общества соревнователей просвѣщенія и благотворенія,» съ замѣткой: «Изъ «Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ?»

Наконецъ, по чему Господа «законные наслѣдники собствен-

поручныхъ Записокъ Адмирала Шишкова,» увидавъ напечатаніе ихъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, не прибѣгли къ тому самому средству, къ которому обратились, встрѣтившись съ напечатаніемъ оныхъ въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» т. е., къ объявленію въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о преслѣдованіи судебнымъ порядкомъ тѣхъ лицъ, которыя стали бы продолжать дальнѣйшее печатаніе «Записокъ Адмирала» помимо воли наслѣдниковъ? До появленія въ печати этого объявленія родъ Шишкова считался, по общему мнѣнію, угасшимъ съ нимъ, и Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, печатая сію часть его «Записокъ,» хотѣло тѣмъ почтить память замѣчательнѣйшаго нашего Государственнаго дѣятеля и пламеннаго патріота, а вовсе не имѣло въ виду какія-то мелочныя корыстныя цѣли, въ которыхъ теперь, въ лицѣ Г. О. Бодянскаго, своего Секретаря и Редактора изданій своихъ, оно обвиняется «законными наслѣдниками и владѣльцами себственноручной собственники Адмирала Шишкова.» Будь это сдѣлано своевременно Господами наслѣдниками, конечно, помѣщеніе «Записокъ» въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійькихъ» было бы не мыслимо, и, такимъ образомъ, печальное недоразумѣніе между нимъ и наслѣдниками не могло бы произойти. Но какъ бы то ни было, безъ этого столкновенія не скоро, думается, «Записки и прочія мнѣнія и переписка Адмирала Шишкова» сдѣлались бы достояніемъ «всѣхъ,» чѣмъ онѣ становятся теперь, будучи напечатаны въ Прагѣ и выпущены въ свѣтъ въ Берлинѣ. Какъ разъ именно для «всѣхъ!»

Но, полно-те, не для однихъ ли опять тѣхъ же «избранныхъ?»

Въ заключеніе и я повторю слова незабвеннаго Адмирала, сказанныя имъ въ сихъ же самыхъ «Запискахъ,» и поставленныя владѣльцами его собственности на челѣ 2-го тома ихъ изданія его сочиненій: «Правда не боится суда... Предстанемъ предъ судію справедливаго,—предъ ученый свѣтъ. Убѣгать отъ суда его есть внутреннее признаніе неправоты своей.»

О. Бодянскій.

19 Октября, 1870 г.

ОПЕЧАТКА

въ кн. II-й, Отд. V-мъ.

Напечатано:			Читайте:
Стр.	Строк.		
207.	5 снизу:	чистыхъ	частыхъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Стран.

Княжеская и докняжеская Русь. Василія Пассека. 1 — 158

II.

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Журналъ пребыванія Его Величества, Короля Польскаго, Станислава Августа, въ Гроднѣ, въ 1795—1796 годахъ, веденный Приставомъ при немъ, Генералъ-Поручикомъ Графомъ Ильей Андреевичемъ Безбородкомъ. Извлеченъ изъ Архива Виленскаго Генералъ-Губернатора М. Ѳ. Де Пуле.... 1 — 158

III.

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ѳ. Головацкимъ и изданныя О. М. Бодянскимъ. Часть Третья: разночтенія и дополненія ..... 1 — 132

Оглавленіе къ Русскимъ народнымъ пѣснямъ, собраннымъ П. В. Шейномъ..... I — XXXII

IV.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Матеріялы для Исторіи Россіи, извлеченные изъ рукописей Британскаго Музея въ Лондонѣ Н. И. Стороженкомъ. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго..... 1 — 48

V.

СМѢСЬ.

	Стран.
Православный монастырь Житомысличъ въ Герцеговинѣ. Н. Иларіонова	1 — 17
Крестный ходъ на осляти, который въ старину былъ отправляемъ въ Тобольскѣ въ Вербное Воскресенье. Протоіерея Александра Сулоцкаго.	18 — 23
Дѣло Гадяцкаго Полковника, Михайла Милорадовича, съ Генеральнымъ Судьею, Иваномъ Чорнышомъ, 1716 года. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго.	24 — 50
Страдальческая кончина М. М. Путилова въ 1773 году.	51 — 62
О взяткахъ, взяточникахъ и доносчикахъ. И. П. Липранди	63 — 91
Записка обывателя Царства Польскаго 1833 года, Февраля 20 дня. А. Я. Стороженка. Сообщ. В. А. Стороженко	92 —104
Его же. Записка по дѣлу о злоумышленникахъ, высланныхъ изъ Франціи въ Царство Польское, для начатія новаго мятежа. 1838 г., Августа 26. Сообщ. В. А. Стороженко	105 — 118
Приказъ по Уральскому войску, 4-го Іюля, 1837 года, Графа В. А. Перовскаго. Сообщ. Князь В. И. Баюшевъ	119 — 122
Замѣтка о каменныхъ бабахъ близъ Москвы. А. А. Гатцука. Съ изображеніемъ	123 — 129
Молельная при церкви Маріинскаго дворца въ Петербургѣ. И. С. Некрасова	130 — 139
Московскій Митрополитъ Филаретъ въ письмахъ своихъ къ разнымъ лицамъ. Н. В. Сушкова	140 — 189
Объясненія. О. М. Бодянскаго	190 — 195